

WARHAMMER
AGE OF SIGNS

DAN ABNETT

EISENHORN

XENOS • MALLEUS • HERETICUS

Дэн Абнетт

Инквизитор Эйзенхорн

Отнибус

Размышления порождают
ересь.

Ересь порождает
возмездие.

Предисловие

На вопрос, откуда он черпает свои

загадки, Дэвид Матем однажды
ответил: «Я

о них думаю». Схожим образом моя дочь

Лили на вопрос, где она берет столько
энергии, отвечает: «В Вулвортсе».

Барабанная дробь!

Будучи не таким находчивым, как они, я
вечно оказываюсь в затруднительном
положении, когда меня спрашивают о

моих

идеях и их происхождении, и обычно

выкручиваюсь за счет старой чепухи
вроде:

«Уногда, когда еду в поезде, они внезапно

приходят ко мне...» или «Никогда не
знаешь, в какой момент тебя настигнет
идея...»

Но правде, так не бывает. Обладая

памятью надежной и верной, как игра в

«Кер-Планк!», я привык делать записи в

блокноте. Я кратко отмечаю там любые
мысли, когда те приходят ко мне, - да,
это

бывает в поезде, в самолете, на диване, на
колесе обозрения или в очереди в «Теско» -
и

таким образом не теряю их. Я использую
для

заметок записные книжки, старые

конверты, сатоклеящиеся листки,
оборотную сторону

списка покупок и лбы проходящих мимо
детей - все, что подвернется под руку. У
если

мне понадобилась идея, в
профессиональном

смысле этого слова, я перекапываю всю
эту

мусорную кучу и в конечном итоге нахожу

что-нибудь, что заставит меня сказать:

«Да, это подойдет». Конечно, за
исключением тех

случаев, когда я натываюсь на что-нибудь,

что заставит меня сказать: «Это еще
что

такое? Буква Б? Что это за слово?
Неужели

это я написал?»

Итак, я с радостью могу рассказать вам,
что в случае с «Инквизитором

Эйзенхорном»

(так мы озаглавили цикл романов и прилегающих к ним коротких рассказов, собранных в этом красивом томе) мне с точностью известно, откуда пришла задумка.

Не от меня - вот откуда.

Есть одна замечательная картина, которую, уверен, многие из вас знают. Она называется «Инквизитор Танненберг», и создал ее Джон Бланиш. Ее воспроизводили во

всевозможных местах, включая «Инквизитор Экстерминатус». Вспомнили? Парень с бритой головой, утыканной кабелями, в черном, отороченном мехом плаще, с двуглавым орлом на плече и позолоченным болтерным пистолетом в руке? Согласитесь, что картина хороша.

Я работал на «Black Library» уже несколько

лет, создав несколько произведений, в частности прославившиеся романы о «Призраках Гонта». Поэтому мрачный кошмар далекого будущего, где война никогда не кончается, Галактика объята огнем и все страдают от мигрени, уже стал

для меня родным. Редакторы постоянно поднимали меня новейшей документацией и свежайшими приложениями, просто чтобы держать в курсе событий. И однажды они прислали мне

эти фотокопии: эскизы, наклейки, записки.

Как мне сказали, началась разработка новой

изгры, которую называли «Инквизитор», и в
офисе пришли в такой восторг, что
решили

прислать мне все эти материалы,
помеченные грифом «совершенно
секретно», в надежде на то, что благодаря
этому меня, создателя Гонта, посетит
вдохновение.

Открыв посылку и принявшись
перебирать листы, я понял, что они
имели в

виду. Это была богатая жила, полная
причудливого материала. Среди этих
страниц, вместе с другими
замечательными

изображениями, оказалась копия рисунка
Джона Бланша. Вот тогда-то все и
случилось.

Я позвонил в «Black Library» и сказал:
«Пожалуйста, разрешите мне написать

про

это». Впрочем, честно должен
признаться, тогда я еще очень слабо
представлял, чем же

«это» было на самом деле.

Мне ответили согласием (думаю, они
почувствовали энтузиазм в моем голосе).

Идея заключалась в том, что, если я
смогу

написать роман достаточно быстро, он

сможет выйти **В ТО ЖЕ САМОЕ**
ВРЕМЯ, что и

игра, благодаря чему все станет
выглядеть

великолепно продуманным, словно так и

было запланировано с самого начала.

Я наведася на студию, получив уйму

советов и помощи от разработчиков игры,
в

особенности же от Гэва Торна. И сразу

приступил к работе.

Думаю, в картине Джона меня более всего вдохновила аристократичность вещей: мягкий черный бархат рукавов, золотая гравировка элегантного оружия. Это не имело отношения к аренам войны, к грязи и

отравленному воздуху фронтовых линий, к чудовищным машинам. Это был взгляд между строк сложного внутреннего устройства Империи. И он давал шанс рассмотреть то, что можно было бы назвать

«семейными» отношениями во вселенной

Warhammer 40000: повседневную, не

связанную с войной жизнь - работу, религию, отдых, суды, существование в трущобах.

Шанс посетить миры, не затронутые войной, и увидеть, как живут миллиарды

впечатлен

Универсума.

А также вывести на чистую воду то зло, что преследует их даже в тени родных городов-ульев.

Роман обернулся трилогией, рассказывающей о карьере одного человека. Другие рассказы (и два из них приведены здесь) связаны с этой трилогией и для тех, кому это интересно, дают дополнительную

информацию о персонажах, часть которых перешла впоследствии и в «Рейвенора».

Рисунки Джона Бланиша всегда играли огромную роль в формировании уникального

духа вселенной Warhammer 40000, поэтому я

с радостью признаюсь, что именно его

картина стала источником вдохновения в случае «Эйзенхорна». Куда бы вы ни посмотрели, его резкие, готичные, витиеватые образы оживляют изреч, и мне кажется, что вы сами сможете почувствовать, как их отголосок проник и в этот сборник.

Посему, сохраняя индивидуальные посвящения книг, я с благодарностью посвящаю весь этот том мистеру Джону Бланшу.

Но конечно же, если смогу разобраться, кому принадлежала идея написать эти истории от первого лица, я навещу его дом с

бейсбольной битой. Сюжетные проблемы, которые это вызвало...

Ой, постойте. Это же был я сам.

Дэн Абнетт

Мейгстон, 9 августа 2004

КСЕНОС

Пролог

по приказу ЕГО
НА СВЯТЕЙШЕСТВА

БОГА И ИМПЕРАТОРА ТЕРРЫ
ЗАКРЫТОЕ ДОСЬЕ ИНКВИЗИЦИИ
ДОСТУП ТОЛЬКО
ДЛЯ АВТОРИЗОВАННЫХ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

ДЕЛО: 112:67 В:АА6Хad

» Пожалуйста, введите авторизационный
код

»...

» Идентификация...

» Благодарю вас, инквизитор. Можете
продолжать.

УСТНАЯ
ДОКУМЕНТА

РАСШИФРОВКА

ВИДЕОЗАПИСИ

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: МАГИНОР

ДАТА: 239. М41

ПОЛУЧЕНО С ПОМОЩЬЮ
СЛУЖЕБНОГО

ЗАПИСЫВАЮЩЕГО МОДУЛЯ

РАСШИФРОВАНО ЭЛЕДИКСОН,

НАУЧНЫМ СОТРУДНИКОМ ОРДО
ЕРЕТИКУС

В ЛИБРАРИУМЕ СВЯЩЕННОЙ

ИНКВИЗИЦИИ, РАСПОЛОЖЕННОМ НА

ФУБО СЕКУНДУС. ГОД: 240. М41

[Белый шум видеодокумента пропадает].

Темнота. Вдалеке стонет от боли
человек.

Вспышка света [возможно, лазерный залп].

Топот бегущих ног.

Записывающий модуль движется, ищет,
грожит. Какие-то каменные стены, в

сильном увеличении. Еще одна вспышка, более яркая, ближе. Крик боли [источник неизвестен]. Чрезвычайно яркая вспышка [потеря картинки].

[Изображение неотчетливо в течение 2 минут 38 секунд; сохраняется некоторый фоновый шум.]

Человек [(1)] в глинной мантии что-то кричит, подбегая к модулю видеозаписи [речь невосстановима]. Окружение: темные каменные стены [туннель? гробница?].

Идентифицировать (1) не удастся [видна только часть лица]. Записывающий модуль

движется вплотную за (1), показывая, как (1) вытягивает энергетический молот из петли

на бедре под мантией. Когда (1) сжимает рукоять, дается увеличение на его руки.

Кольцо инквизитора крупным планом. (1)
поворачивается [лицо накрывает тень]. (1)
начинает говорить.

ГОЛОС (1): Внутрь! Внутрь, во имя всего
святого! Входите и [слова перекрывает
шум]... ублюдочное чудовище к смерти!

Еще вспышки света, теперь их можно с
точностью опознать как близкие
лазерные

залпы. Фильтры служебного модуля не в
состоянии справиться с ярким светом
[изображение засвечено].

[Картинка остается белой в течение 0
минут 14 секунд; потом медленно
возвращается].

Движение через высокий каменный вход в
какое-то внушительное по размерам
помещение. Вокруг грубо обработанный
серый камень. Модуль видеозаписи

показывает панораму. Заваленный
трупами

дверной проем и крутые ступени, ведущие
вниз. Тела серьезно повреждены и
искорежены. Камни покрыты кровью.

ГОЛОС [(1)-?]: Где ты? Где ты? Покажись!

Модуль видеозаписи движется внутрь.

Слева его обходят два размытых
человеческих силуэта. Остановка

видеозаписи позволяет определить, что
один

из них [субъект (2)] - крупный мужчина,
приблизительно 40 лет, облаченный в

доспехи Имперской Гвардии
[отличительных

и опознавательных знаков нет], на лице
его

видны многочисленные шрамы [старые]. Он

вооружен тяжелым стаббером с
ленточной

подачей патронов. Другой силұэт [сұбъект
(3)] принадлежит стройной женщине
приблизительно 25 лет, тело которой
выкрашено в синий цвет и покрыто
татуировками, одета она в облегающую
броню, характерную для прошедших
инициацию в Культ Смерти Моритұри, и
вооружена силовым кинжалом [глина
клинка
примерно 45 см].

Размытые очертания (2) и (3) сдвигаются
за пределы видимости. Модұль
видеозаписи

поворачивается, давая вид сбоку на (2) и
(3), вступивших в стремительную схватку
с

противниками, находящимися
несколькими

ступенями ниже. Ум противостоят
шесть

человек с кибербионическими

имплантатами, два мутанта, три
боевых

сервитора [детальное описание
конструкции

есть в прилагающемся файл-отчете]. (2)
стреляет из тяжелого стаббера [помехи
на

звуковой дорожке].

Два противника человеческого

происхождения изрешечены [остаточный

дым затеняет изображение]. (3) отсекает

мутанту голову, отпрыгивает назад
[далее

следует транскрипционное
предположение, поскольку модуль
видеозаписи слишком

медлителен, чтобы успеть проследить за
ней]

и пронзает противника человеческого

происхождения. Источник изображения
спускается ниже [картинка трясется].

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: Маниша! Левее!
Ле...

Модуль видеозаписи успевает частично
захватить то, как субъект (3) поражают
многочисленные энергетические залпы. (3)
бьется в конвульсиях и взрывается. Линзы
модуля забрызганы кровью, картинка
затуманена [объектив вытирают]. (2)
всплывает, выдвигаясь вперед и стреляя из
тяжелого

стаббера.	Внезапный	эффект	
перекрестного			
лазерного	огня	[лазерная	вспышка
ослепляет			
оптику модуля].			

[Различные источники шума, нечеткие
голоса, крики].

[Изображение возвращается].

(1) прямо перед модулем видеозаписи устремляется в просторное ровное помещение, освещаемое зелеными химическими лампами [лицо оказывается на

свету на 0, 3 секунды]. Субъект (1) достоверно идентифицирован как инквизитор Гетрис Люгенбро.

ЛЮГЕНБРО: Квиксос! Квиксос! Все здесь я предаю мечу и очищающему пламени!

Выходи, тварь! Выходи, ублюдок!

ГОЛОС [неопознанный]: Я здесь,

Люгенбро. Хамагар ждет.

Люгенбро (1) выходит из кадра. Источник изображения разворачивается, давая панораму. Картинка трясется. По полам помещения разбросаны части тел

[совмещение позволяет определить один из

девяти трюнов как (2)]. Мощные взрывы
поблизости. Изображение колеблется,
модуль заваливается набок.

[Пробел в течение 1 минуты 7 секунд.

Значительный фоновый шум].

[Картинка возвращается].

Слева частично виден сражающийся

Люгенбро (1). Остаточное свечение от
ударов

энергетического молота задерживается в
кадре несколько секунд.

[Картинка нечеткая].

Модуль видеозаписи поворачивается,
сосредоточиваясь на Люгенбро.
Циквизитор

сражается с неизвестным противником.

Движения слишком стремительны, чтобы

модуль мог сохранить четкость
изображения.

Изображение размыто. С правой стороны кадра приближаются фигуры людей [неизвестные, возможно солдаты противника]. Головы людей взрываются. Тела падают.

[Засвеченные кадры. Модуль отключается. Продолжительность паузы неизвестна].
[Картинка возвращается с дефектами].
Земля и стены сотрясаются.

Перефокусировка, все размыто. Модуль видеозаписи снова находит Люгенбро и его противника [клубы дыма застилают обзор].

Бой, как и прежде, слишком стремителен для четкой картинки. Сильный фоновый шум. Пылающий росчерк [предположительно клинковое оружие] пронзает Люгенбро.

[Изображение колеблется, частично
теряется

картинка.] Люгенбро сгорает [изображение
засвечено].

[Пауза. Продолжительность неизвестна].

[Изображение возвращается].

Крупным планом лицо, глядящее в
камеру. Определение невозможно. Субъект
(4) - привлекательный мужчина с
безупречными чертами. Он улыбается, его
глаза пусты.

ГОЛОС (4): Привет, малышка. Я Черубаэль.
Вспышка света.

Крик [предположительно исходит от
оператора модуля].

[Изображение исчезает. Конец записи].

Глава первая

ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ

СМЕРТЬ В ХРАНИЛИЩАХ СНА НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУРИТАНСТВЕ

Я прибыл на Снесь в сезон Бездействия в
240. М41, как утверждал Имперский
сидерический календарь, в поисках
рецидивиста Мургина Эйклона.
Бездействие
длится одиннадцать из двадцати девяти
месяцев лунного года Снеси, и
единственные, кто подают признаки
жизни в
это время, - это облаченные в теплые
одеяния хранители со своими
светящимися
посохами, патрулирующие окрестности
гробниц губернии.

Внутри этих холодных мавзолеев,
выстроенных из темного базальта и

кератита, снят вельможи Снеси и видят
сны

об Отменели - сезоне между
Бездействием и

Живительностью.

Сам воздух был ледяным.

Ункругтированные изморозью гробницы и
покрытая толстой коркой льда, лишенная
каких-либо примет земля. Над головой, в
бесконечной ночи, мерцали звезды. Одна из
них являла собой солнце Снеси, столь
далекое в это время. Только с приходом
Отменели планета вернется в теплые
объятия

своей звезды, и тогда ее солнце станет
пылающим шаром. А пока это только
светящаяся пылинка.

Когда мой боевой катер опустился на
посадочную площадку в Долине Гробниц, я

натянул облегающий комбинезон с внутренним подогревом и закутался в накидку, защищающую от этой отвратительной погоды. Но тем не менее смертельный холод все равно впился в меня.

Глаза заслезились, и слезы тут же стали превращаться в ледяные бусины на ресницах и щеках. Я вспомнил краткий доклад о местных условиях, подготовленный моим архивистом, и быстро опустил забрало шлема. Озноб почему-то стал сильнее, когда

теплый воздух начал циркулировать под пластиковой маской.

Хранители, извещенные о моем прибытии через астронатов, ожидали меня у посадочной площадки. Они почтительно

склонили свои светящиеся посохи, и в этой
морозной ночи было видно, как от их
плащей поднимается пар. Я кивнул им,
показывая главному знак, подтверждающий
мои полномочия. Нас ожидал айсбилль -
окрашенная в цвет ржавчины
двадцатиметровая стрела, покоящаяся на
полозьях и шипованных гусеницах.
Машина потчала меня от посадочной
площадки, позади остались мигающие
сигнальные огни и мой боевой катер,
похожий очертаниями на кинжал.
Зубчатые гусеницы поднимали за нами
бураники мерзлого снега. Фары освещали
небольшое белое пятно, окруженное
непроницаемой стеной черноты. Вместе с
Лорес Виббен и тремя хранителями я
ехал в
кабине, озаряемой только янтарным

свечением приборов на панели управления.

Обогреватели, встроенные в кожаные сиденья, выдыхали теплый затхлый воздух.

Хранитель передал Виббен информационный планшет. Она мельком взглянула на него и отдала мне. Я сообразил, что забрало моего шлема все еще опущено. Я

поднял его и принялся шарить по карманам

в поисках очков.

Виббен с улыбкой вытащила их из кармана

своего облегающего плотного комбинезона.

Я благодарно кивнул, водрузил их на нос и приступил к чтению.

Когда айстобиль остановился, я как раз вызвал на экран последние страницы текста.

- Молитвенник Два-Двенадцать, - объявил
один из хранителей.

Мы вышли из машины, снова опустив
забрала.

Морозные хлопья кружились в
обступающей нас темноте и искрились в
свете фар айстобиля, сверкая подобно
драгоценным камням. Я знал, что меня
ждет

куда более жестокий холод. И, во имя
милосердия Императора, не хотелось мне
снова испытать его. Мороз кусался,
обжигал, горчил на языке. Каждый сустав
моего тела

протестующе скрипел.

Тело и сознание словно медленно
цепенели.

И это было нехорошо.

Молитвенник Два-Двенадцать являл

собой

тавзoley губернии в западном конце
огромной Имперской Аvenues. В нем
размещалось двенадцать тысяч сто сорок
два

члена правящей элиты Спеси.

Мы приблизились к огромному склепу и
стали подниматься по черным,
замеченным
снегом ступеням.

Я остановился:

- А где хранители гробницы?

- Совершают обход, - был ответ.

Я взглядел на Виббен и покачал головой.

Ее рука скользнула под мантию, подбитую
 мехом.

- Они знали о нашем прибытии? - спросил

я, снова обращаясь к хранителю. - Знали,
что

мы ожидаем встречи?

- Я проверю, - сказал хранитель, который передавал планшет.

Он продолжил подъем по ступеням, и фосфорное свечение его посоха грозило.

Другим, похоже, стало не по себе. Я кивком позовал Виббен, чтобы она держалась поблизости, и пошел за проводником.

Мы догнали его на нижней террасе и обнаружили взвешивающих на лежащие тела четырех хранителей, чьи светящиеся посохи

с шипением угасали поблизости.

- Как-как? - Он задохнулся.

- Отойди, - произнесла Виббен, вытаскивая оружие.

Крошечная янтарная рана, означающая

«Взвод», засияла в темноте.

Я обнажил свой меч и включил его.
Клинок

хищно загудел.

Южный вход в гробницу был открыт
нараспашку. Оттуда вырывались
сверкающие

копья света. Все мои опасения наперебой
торопились оправдаться.

Когда мы вошли, Виббен поводила из
стороны в сторону дулом пистолета. Зал
оказался узким, с высоким потолком,
освещенным сферическими лампами.

Врывающийся снаружи ветер забивал
снежные буранчики на отполированном
базальтовом полу.

В нескольких метрах от входа в
затерзшей

луже крови лежал еще один мертвый

хранитель. Мы перешагнули через него.
От

главного коридора в разные стороны
расходились проходы, ведущие вдоль
гладких базальтовых чертогов, где
располагались ряды крионических камер.

Мы шли словно по самому огромному
торгу во всей Империи.

Виббен беззвучно устремилась направо, а
я пошел влево.

Признаюсь, что к этому моменту я был
сильно взбуждён, - мне не терпелось
покончить с делом, которое так долго не
давало мне покоя. Эйклон ухитрялся
убегать

от меня в течение целых шести лет! И
каждый день из этих шести лет я изучал
его

почерк. И каждую ночь видел сны о нём.

А теперь я мог почувствовать даже его запах.

Я поднял забрало.

С потолка капала вода. Вода Отменели.

Внутри становилось теплее. Кое-где ступенные

силуэты уже зашевелились в своих ледяных

камерах.

Рано! Слишком рано!

Первый человек Эйклона вышел на меня из западного коридора. Я развернулся и отсек ему голову, прежде чем он успел опустить свой ледоруб.

Второй напал на меня с юга, третий - с востока. А затем атакующих стало еще больше. Толпа.

Во время сражения я услышал звуки

яростной перестрелки из хранилищ
справа. У

Виббен неприятности.

Я слышал ее голос по воксу:

- Эйзенхорн! Эйзенхорн!

Я развернулся и снова ударил. Все мои
противники были тепло одеты и сжимали
ледорубы, в умелых руках представлявшие
собой серьезное оружие. Их темные глаза
казались остекленевшими, но двигались
эти

люди быстро. Хотя что-то в манере их
движения заставляло считать, что они
действуют бездумно, по чьему-то приказу.

В моей руке пел энергетический меч,
древнее, благородное и изящное оружие,
благословленное самим Ректором Ункса.
В

пять резких взмахов он переправил моих

Врагов из мира живых в ад. От луж крови
в

воздух поднимался пар.

- Эйзенхорн!

Я развернулся и побежал, громко шлепая
по залитому талой водой коридору.
Впереди

опять раздались выстрелы. А затем крик
на

вдохе...

Виббен лежала лицом вниз поперек трубы
морозильника, быстро застывающая кровь
приклеила ее к протерзшему пластику.

Восемь приспешников Эйклона лежали
вокруг. Ее оружие валялось чуть поодаль
от

ее вытянутой руки, а рядом -
израсходованная обойма.

...

Мне сорок два стандартных года, по имперским меркам я нахожусь в полном расцвете сил, и я молод по меркам Инквизиции. Всю свою жизнь я обладал репутацией холодного, черствого человека.

Некоторые называли меня безжалостным, бессердечным, даже жестоким. Это не так. Я

никогда не находился за границами эмоциональности или сострадания. Но я обладаю (и мое начальство считает это основным моим достоинством) исключительной силой воли. Она хорошо служила мне в моей карьере, позволяя спокойно и неустрашимо справиться с любыми злом, какое могло возникнуть в этой

несчастной галактике. Я просто не мог

позволить себе роскошь чувствовать боль,
страх или печаль.

Лорес Виббен служила со мной в течение
пяти с половиной лет. За это время она
дважды спасала мне жизнь. Она считала
себя

моим помощником и телохранителем,
хотя, по правде говоря, в большей степени
была

моим компаньоном и другом по оружию.

Когда я завербовал ее в клановых
трущобах

Торниша, то сделал это из-за ее боевых
навыков и звериной силы. Но не менее

ценны для меня были ее острый ум,
находчивость и холодная
рассудительность.

Я посмотрел на тело и, кажется, даже
прошентал ее имя.

Затем я погасил энергетический меч и,

загвинув его в ножны, вернулся в тень

коридора. Кроме учащенного звона капли, ничего не было слышно. Вытащив пистолет

из кожаной кобуры под левой подмышкой, я проверил обойму и включил вокс. Эйклон, несомненно, контролировал все входящие и исходящие передачи в Молитвеннике

Два-Двенадцать, так что я воспользовался

гlossией - неофициальным устным шифром, известным только мне и моим ближайшим

сотрудникам. Многие (если не большинство) инквизиторы развивают свои личные языки

для конфиденциального общения, один сложнее другого. Глоссия, основы которой я разработал десятью годами ранее, была удивительно сложной и органически

развивалась по мере надобности.

- Шип запрашивает эгиду, восторженные звери под ним.
- Эгиды поднимается, костячатого цвета.
- Бетанкор ответил немедленно и точно.
- Розы шипы обильны, во имя пламенного света полумесяца.

Пауза.

- Во имя пламенного света полумесяца?

Прошу подтвердить.

- Подтверждаю.
- Путь фаянсовой бритвы! Изображение цвета слоновой кости!
- Изображение отклонено. Изображение сурового испытания.
- Эгиды поднимается. Конец связи. Он уже в пути.

Бетанкор принял известие о смерти

Виббен настолько тяжело, насколько я и
предполагал. Но это не должно
отразиться на
его работе. Мугас Бетанкор вспыльчивый
и
порывистый человек, за что я его,
отчасти, и
люблю. И использую.

Я снова вышел из тени. Моя облаченная в
перчатку рука чувствовала
успокаивающую

тяжесть пистолета модели «Сципио»,
стоящего на вооружении в Военном флоте.

Тусклый хромированный корпус с
инкрустированными щечками из слоновой
кости на рукоятке, в пружинной обойме -
десять пуль, каждая из которых
представляла

собой надежный пресекатель человеческой
жизни. Еще четыре полные обоймы

лежали в

моем набедренном кармане.

Не вполне точно, где именно я приобрел

«Сципио». Он прослужил мне уже несколько

лет. Однажды ночью, года за три до

сегоднешней, Виббен выиграла потертые

керамитовые щечки рукоятки с
фабричной

штатповкой и гевилом

Военно-костического флота, заменив их

собственноручно гравированными
щечками

из слоновой кости. «Обычная практика на

Торнише», - сообщила она мне, возвращая

оружие на следующий день. На новых

щечках было довольно примитивное

изображение человеческого черепа с

прорастающей сквозь глазницу розой, с

шипов которой капала кровь. В эти
капельки

Лорес инкрустировала пунцовые
драгоценные камни, дабы пресечь сомнения
в том, что это именно кровь. Под черепом
корявыми буквами она выцарапала мое
имя.

Я растеялся тогда. Порой я
просто-напросто стеснялся вытаскивать
это
по-бандитски разукрашенное оружие.

Теперь же, когда Виббен мертва, я
понимаю, какой чести и какой
преданности
был удостоен.

Я поклялся себе, что убью Эйклона из
этого оружия.

...

Являясь преданным слугой Священной

Инквизиции Его Величества

Бога-Императора, я вывожу свою философию

от аталатиан. Со стороны члены всех наших

орденов кажутся весьма похожими:

инквизитор - он всегда инквизитор.

Многие

удивляются, узнав, что внутри мы расколоты

резко различающейся идеологией.

Это озадачивало Виббен. Как-то мне даже

пришлось потратить целый день, пытаясь

втолковать ей разницу. В этом предприятии

я потерпел фиаско.

Если говорить простыми словами, то

некоторые инквизиторы являются

пуританами, а некоторые - радикалами.

Нүритане с верой проводят в жизнь
традиционные положения Инквизиции,
очищая наше галактическое сообщество
от

всяких преступных или враждебных
элементов триумвирата зла - иных рас,
мутантов и демонов. Все, что не является
чистокровным человечеством, не
поддается

проповедям Министору и
противоречит

положениям Имперского
законодательства, оказывается в поле
внимания

инквизитора-нүританина.

Бескомпромиссность, верность догме,
безжалостность - вот нүть нүритан.

Радикалы полагают, что допустимы
любые

методы, если они позволяют выполнить

поставленную Инквизицией задачу. А

некоторые, как я понимаю, принимают и используют запрещенные ресурсы - даже сам

варн - в качестве оружия против врагов человечества.

Мне достаточно часто приходилось слышать их аргументы. И они пугают меня.

Вера радикалов еретична.

Я пуританин по призванию и амалатианин

по выбору. Крайне строгие пути монодоминантной философии также частенько соблазняют меня, но в их методах

слишком мало драгоценной утонченности, так что это не мой путь.

Амалатиане ведут свое название от горы Амалат. Мы стараемся поддерживать

статус-кво Империята, занимается
поиском

и истреблением любых существ или
сообществ, способных дестабилизировать
положение в Империи, вне зависимости
от

того, находятся ли они в ее пределах или
вовне. Мы верим в силу единения.
Перемены

- наш самый большой враг. Мы полагаем,
что

у Бога-Императора есть некий священный
план, и поддерживаем стабильность в

Империи до тех пор, пока этот план не
будет озвучен. Нам жаль, что в рядах

Имквизиции произошел раскол и идет

внутренняя борьба. Да и в самом деле,
иногда кажется какой-то глупой шуткой
то, что наши верования определяют нас
просто

как одну из фракций политической
пиратиды Инквизиции.

Мы - надежный хребет Империи, его
иммунная система, мы сражаемся с
болезнями, безумием, разрухой и
диверсиями. И мне кажется, что нет
лучшей
службы и нет ничего лучше, чем быть
инквизитором.

Итак, теперь вы имеете обо мне
представление. Грегор Эйзенхорн,
инквизитор, пританин, аталатианин
сорока

двух стандартных лет, состоящий в
должности инквизитора в течение
последних

восемнадцати лет. Я высок и широк в
плечах, силен, решителен. О силе своей
воли уже

говорил, и о моих бойцовских навыках вы тоже имеете представление.

Что еще? Чисто ли я выбрит? Да! У меня темные глаза, а волосы еще темнее и весьма густы. Впрочем, это практически не имеет значения.

Так что позвольте мне продолжить и рассказать, как я убил Эйклона.

Глава вторая

ПРОБУЖДЕНИЕ МЕРТВЫХ ХАРАКТЕР БЕТАЙКОРА РАЗЪЯСНЕНИЯ ЭТОСА

Я держался тени, пробираясь по огромной гробнице настолько тихо, насколько хватало

мастерства. Но оттаивающим хранилищам

Молитвенника

Два-Двенадцать

разносились

кошмарные звуки: стук ладоней и кулаков, бьющих по крышкам гробов, стоны,

приглушенные вопли. Бұльканье.

Души спящих возвращались в свои

заточенные в гробах тела, страдающие от

последствий гибернации. Но их не встречал

почетный караул, состоящий из обученных

криоинженеров, чтобы отпереть их, отыть

их органы специальными биосоставами, ввести стимуляторы и разогнать

застоявшуюся кровь.

Благодаря усилиям Эйклона двенадцать

тысяч сто сорок два члена правящей элиты

планеты пробудились раньше положенного

срока, во время сурового сезона
Бездействия, пробудились без
необходимого

медицинского сопровождения.

У меня не было никаких сомнений, что все
они задохнутся в считанные минуты. Я

вспоминал детали доклада,
подготовленного

моим помощником. В этом месте

существовала центральная
диспетчерская, откуда можно было
открыть затки

морозильных камер и, по крайней мере,
всех

освободить. Но ради чего? Без

реанимационных бригад они все равно
погибнут.

И пойдя я в диспетчерскую, у Эйклона
появилось бы время сбежать.

Кодом глоссии я объяснил это

затруднительное положение Бетанкору, приказав ему передать мои слова хранителям. Он сообщил мне после некоторой паузы, что аварийные и медицинские бригады уже в пути. Но зачем? Этот вопрос по-прежнему оставался в силе. Зачем Эйклон совершил это?

Массовое убийство не было чем-то необычным для последователей Хаоса, но должен же существовать какой-то повод помимо удовлетворения своих садистских наклонностей?

Я раздумывал над этим, пока пересекал прилегающую галерею, значительно углубившись в западное крыло

Молитвенника Два-Двенадцать. Из всех камер вокруг раздавался ужасный стук, а

из

дренажных трубок стекала и заливала
полы

смесь талой воды и биосоставов.

Прозвучал выстрел. Лазерный залп. Он
прошел от меня на расстоянии не больше
чем ширина лагоны и пробил переднюю
панель морозильной камеры у меня за
спиной. Неистовый стук, исходивший
оттуда, немедленно прекратился, а
стекавшая через

трубки жидкость окрасилась в розовый
цвет.

Я выстрелил из «Сципио», поразившись
произведенному им шуму.

В мою сторону метнулись еще два
лазерных луча.

Укрывшись за каменной переборкой, я
опустошил всю обойму в направлении

галереи. Пустые гильзы, выброшенные
эжектором, дымилась в воздухе и со
звоном

падали на пол. Меня обдало горячими
парами кордита.

Я перебрался чуть глубже в укрытие,
чтобы сменить обойму.

Мимо меня пронеслось еще несколько
лазерных росчерков, а затем раздался
голос:

- Эйзенхорн? Грегор, это ты?

Эйклон. Я сразу узнал его высокий голос. И
не ответил.

- Знаешь, Грегор, ты ведь уже трүн. Такой
же трүн, как и все они. Трүн, трүн, трүн.
Выходи, давай закончим это по-быстрому.

Признаюсь, он был силен. Мои ноги чуть
не вывели меня из-за переборки на
открытое

пространство. В дюжине населенных систем

Эйклон приобрел дурную славу благодаря своим суггестивным способностям. Иначе как бы ему удалось заставить темноглазых

недоумков исполнять его приказы?

Но и у меня имелись подобные способности. И я хорошо их развил.

Бывает время, когда надо воспользоваться мыслью или голосом, чтобы изящно выманить свою тишень. А бывает время использовать их, подобно стабберу, на близком расстоянии.

Сейчас время для последнего.

Я напрям глотку, уравновесил свое сознание и завопил:

- Для начала покажитесь сами!

Эйклон не подался. Впрочем, много я и не ожидал. Подобно мне, он годами тренировал

сопротивляемость. Но двое его подручных оказались легкой добычей.

Первый шагнул прямо в центр прохода, с грохотом роняя свой лагган. «Сципио» проделал дыру посреди его лба, разметав мозги по стенам. Второй, осознав свою ошибку, упал на колени и открыл огонь.

Один из его лазерных залпов опалил рукав моей куртки. Я нажал на курок, «Сципио» дернулся и рывкнул в моей лапони.

Заряд пробил голову бандита чуть ниже носа, раздробил зубы и разнес череп.

Противник зашатался и упал, но его мертвые

пальцы судорожно задержались, снова и

снова нажимая на спуск лазгана, выжигая
дикие узоры на стенах помещения
гибернации. Вокруг разлетались вонючая
вода, биостеси и кусочки пластика. Крики
стали громче, но не заглушили
торопливые
шаги.

Эйклон бежал.

Побежал и я, пересекая галерею за
галереей.

Крики, стук... И да поможет Император,
ведь мне никогда не забыть этого! Тысячи
обезумевших душ, проснувшихся для того,
чтобы встретиться с мучительной
смертью.

Мерзавец Эйклон! Будь он проклят и
горит

в адском пламени!

Пересекая третью галерею, я увидел, как

он бежит параллельно мне. Он тоже
увидел

меня, развернулся и выстрелил.

Я отшатнулся, и залпы из его лазерного
пистолета прошипели мимо.

Я увидел его только мельком: жилистый
человек, невысокого роста, с аккуратно
подстриженной козлиной бородкой и
зловными глазками, облаченный в теплый
коричневый костюм.

Я выстрелил в ответ, но он уже снова
побежал.

У следующего перекрестка я опять засек
его и выстрелил.

А еще через проход его уже не было видно.

Я подождал, отстегивая верхнюю накидку.
В

Молитвеннике
становилось

Два-Двенадцать

жарко и сыро. Когда прошла еще одна минута, а Эйклона по-прежнему не было, я, подняв оружие, вернулся по галерее к тому месту, где видел его в последний раз. Через

десять шагов он выскочил из укрытия и пальнул в меня.

Тут бы мне и конец, не разыграй свою карту случай и развеселые боги судьбы.

В тот миг, когда Эйклон выстрелил, несколько криокатер наконец распахнулись и воющие, обнаженные, покрытые

волдырями и ледяной коростой люди

вывалились в коридор. Они были слепы, обморожены и обварены, их рвало.

Выстрелы

Эйклона разорвали на части троих мужчин и

тяжело ранили женщину. Если бы не эти несчастные, лазер прикончил бы меня.

Раздался торопливый топот. Он снова побежал.

Я поспешил по галерее, переступая через изувеченные тела «спящих», которые, сами

того не ведая, спасли мне жизнь. В мою ногу

в поисках спасения вцепилась голая раненая

женщина средних лет, лежащая в талой воде.

Лазер Эйклона практически распотрошил ее.

Я заколебался. Ей мог поточь только милосердный выстрел в голову. Но я не мог.

Знать Спеси, пробудившись, не оценит убийства из милосердия. Я застряну здесь на

годы, пытаюсь отстоять свою правоту во

всех

судах местных законодательных органов.

Избавившись от ее отчаянной хватки, я пошел дальше.

Что, считаете меня мерзавцем?

Ненавидите меня за то, что ставлю свой инквизиторский статус выше нужд страдающего создания?

Если так, то мне есть что ответить вам. Я

до сих пор вспоминаю об этой женщине, и мне мерзко оттого, что пришлось обречь ее

на медленную смерть. Но если вы презираете

меня, то сразу могу сказать - вы не инквизитор. Нет в вас нужной моральной твердости.

Я мог прикончить ее и облегчить свою

душу. Но это стало бы концом моей
карьеры.

И я постоянно думаю о тысячах, может
быть

даже миллионах, которые могли бы
потереть

куда более страшной смертью, если бы не
мои действия.

Высокомерие?

Возможно... И может быть, именно
потому

высокомерие можно считать
достоинством

Инквизиции. Я проигнорирую страдания
одной души, если смогу спасти больше на
сотню, тысяч...

Человечество должно страдать, чтобы
выжить. Это просто. Спросите Эмоса, он
знает.

Но мне по-прежнему снятся ее страдания.

Хотя бы за это посочувствуйте мне.

Я потчался мимо капер гробницы, но

скоро мое продвижение затеделилось.

Сотни

«спящих», вывалившихся из капер, ползали

и корчились по коридорам в своей

отчаянной, слепой боли. Я обогнул тех,

кого

мог, уворачиваясь от тянущихся рук,

перепрыгивая через тех, кто, беспомощно

согрозаясь, лежал на полу. Хор истошных

воплей и стонов был невыносим. В воздухе

висела липкая омерзительная вонь

разложения

и

отходов

жизнедеятельности.

Несколько раз мне приходилось

вырываться

из схвативших меня рук.

Как ни странно, но в этом кошмаре
выслеживать Эйклона стало проще.
Каждые
несколько шагов попадался мертвый или
утирающий «спящий», хладнокровно
расстрелянный убегающими убийцами.
Служебная дверь в торце очередного
коридора оказалась взломана и
распахнута
настежь, и я вышел на лестницу,
пронзавшую
все здание. Путь освещали сферы,
закрепленные в настенных кронштейнах.
Откуда-то сверху прогревели выстрелы, и
я
стал подниматься, держа пистолет так,
чтобы
была возможность простреливать каждый
лестничный пролет, - как меня учила

Виббен.

Поднявшись до этажа, обозначенного как
восьмой, я услышал мерный гул какого-то
тяжелого оборудования. Еще одна
слопанная

служебная дверь вела в галерею,
ограничивавшую

по кругу зал, который трафаретные руны
на

стенах определяли как помещение
главного

криогенератора. Из выбитого смотрового
окна клубами вырывался дым.

Зал криогенератора оказался просторным,
его потолок достигал пирамидальной
крыши

Молитвенника Два-Двенадцать.

Размещавшееся в нем грохочущее
оборудование было огромным и древним.

Информационный планшет, выданный мне

айстобиле, сообщал, что
криогенераторы, ныне управляющими
тавзолеями

гибернации Снеси, первоначально были
оборудованы транспортные суда,
доставившие в этот мир колонистов. По
прибытии эти машины сняли с
гигантских

барж и перенесли, возведя вокруг каменные
гробницы. Братство техномагов,
пошедшее

от инженеров транспортного флота,
поддерживало криогенераторы в рабочем
состоянии тысячи лет.

Этот криогенератор, выкрашенный в
лаково-красный цвет, достигал
шестидесяти

метров в высоту и был сработан из чугуна
и

теди. От него отбвлялось множество
трубопроводов и теплообменников,
оплетающих вентиляторы в крыше.
Горячий
воздух помещения вибрировал в унисон с
работающей машиной и был наполнен
дымом и паром. В тот же миг, когда я
вошел
в зал, по моему лицу и спине заструился
пот.
Я быстро осмотрел генератор и увидел,
что
несколько люков и защитных крышек
выломано. Там, где применялся лом,
краска
была содрана и металл покорежен. Сотни
лет
техномаги наносили священную стазку,
бережно ухаживали за печатями
лексмеханики, и вот - все труды пошли

прахом.

Я заглянул в эти отверстия и увидел там

ряды медных катушек, вибрирующие стойки, влажные от черной слезки, законченные

переплетения заизолированной

электропроводки и сочащиеся конденсатом

железные трубы, обмотанные

теплоизоляцией. На некоторых катушках

были закреплены зубчатые металлические

зажимы, от которых отходили провода, ведущие к небольшой и, очевидно, новой

керамической конструкции, установленной в

проеме люка. Цифровой рунический дисплей

конструкции янтарно светился.

Отсюда люди Эйклона запустили процесс разморозки. А это значило, что он либо нашел и завербовал местного техномага, либо привез с собой экспертов из другого мира. В любом случае для такого требовались значительные ресурсы.

Я взобрался по лесенке на решетчатую металлическую платформу. Там обнаружился прямоугольный ларец глиной около полутора метров, опиравшийся на четыре ножки и снабженный ручками для транспортировки. Крышка оказалась открытой, и из-под нее выходило множество кабелей и проводов, подключавших устройство к электротеханическим внутренностям криогенератора.

Я посмотрел в ларец, но не узнал
практически ничего из увиденного там:
электрические платы и сложные
механические элементы, опутанные
пучками
проводов. Но посреди этой мешанины явно
оставалось место для чего-то размером с
кулак. Свободные разъемы были
подготовлены к подключению, но самый
важный компонент этого таинственного
устройства явно отсутствовал.

В моем ухе ожил вокс. Это оказался
Бетанкор. За шумом криогенератора я
едва
смог расслышать его быстрый доклад на
глоссии:

- Эгидея в небеса поднята, трижды по семь,
звездный венец. Бесславный ангел без
титұла бюджет возле Шина к восьми.

Изображение?

Я прикинул и решил, что сейчас я не в том

настроении, чтобы надеяться на случай.

- Шип, рисунок ястреба.

- Рисунок ястреба принят, - с готовностью ответил он.

Я увидел движение краем глаза через полсекунды после того, как оборвал связь с Бетанкором: в главный люк вбежал еще один

из людей Эйклона, вооруженный старомодным лазерным пистолетом.

Первый его выстрел, мерцающий шарик розового света, со звоном разорвался, врезавшись в металлические перила платформы, на которой я стоял. Я присел, и

еще два разряда прошипели над головой и с

электрическим треском расплескались по
чугунному боку криогенератора.

Не разгибаясь, я выстрелил в ответ, но
угол оказался неудачным. Еще два
лазерных

залпа в мою сторону, один из них разорвал
перила и прожег дыру в решетке. Бангит
уже

подбежал к лестнице.

Затем в зал вошел еще один стрелок,
выкрикивая что-то первому. Он сжимал
мощный ручной пулемет. Он увидел меня
и

начал поднимать оружие, но я уже успел
прицелиться и опрокинул противника
двумя

попаданиями в грудь.

Первый теперь находился прямо подо

мной. Он выстрелил и пробил решетку
рядом

с моим правым ботинком.

Я не колеблясь перевалился через поручень и обрушился на него. Мы оба упали

на пол, и «Сципио» выпал из моей руки, невзирая на все мои старания удержать оружие. Человек пробормотал какую-то безумную ерунду мне в лицо и ухватился за

отворот моей куртки. Я вцепился ему в горло

и запыстье его вооруженной руки, выбивая лазерный пистолет. Он дважды выстрелил

вверх.

- Довольно! - скотандовал я, вкладывая в голос Волю и внедряя ее в сознание эйклоновской тарионетки. - Брось это! Что он и сделал покорно и словно

удивленно. Псайкерские трюки часто сбивают с толку тех, на кого направлены. Пока он недоумевал, я сильно ударил его кулаком, оставив бандита валяться на полу без сознания.

Когда я нагнулся, чтобы поговорить «Сципио», меня снова вызвал Бетанкор: - Эгид, изображение ястреба, Бесславный Ангел низвергнут.

- Шип принял. Возвращается к изображению сурового испытания, ответил я и поспешил за своей жертвой.

Эйклон пробирался через верхние этажи к посадочной площадке, встроенной в наклонную крышу Молитвенника

Два-Двенадцать. Наверху дул сильный ветер.

Вместе с Эйклоном находилось еще
восемь

членов его банды, ожидавших
орбитального

челнока, который должен был унести их в
безопасное место.

Им не дано было знать, что благодаря

Бетанкору все их надежды на спасение
горят

синим пламенем посреди ледяной пустыни
в

восьми километрах к северу. Точное
попадание.

А корабль, опускавшийся на посадочную
площадку под покровом ночной снежной

бурь, рыча маневровыми двигателями,
являлся моим боевым катером. Четыреста
пятьдесят тонн брони - восемьдесят
метров

от острого носа до скошенной кормы -

опускались на столбах голубого огня, все еще

прижатая шасси к корпусу, словно паучьи лапки. Нос походит на клюв носом включились ряды прожекторов, озарив площадку и бангитов ярким белым светом.

Некоторые из еретиков в панике открыли огонь по катеру.

Это было именно то, чего сейчас больше всего желал Бетанкор. Он был разъярен, и все его мысли были о погибшей Виббен.

Орудийные турели на коротких крыльях развернулись и окатили площадку огнем, истребляющим все живое. Камень разлетался

осколками. От преступников же осталось только мокрое место.

Эйклон оказался умнее своих людей и, как только в поле его зрения появился катер, побежал от площадки к люку.

Там-то он и столкнулся со мной.

Он удивленно открыл рот, а я заткнул его пистолетом Виббен. Уверен, ему хотелось

сказать нечто важное. Но мне не хотелось слушать.

Я вбил пистолет в его глотку так сильно, что сломал дужкой курка нижние зубы еретика. Эйклон попытался дотянуться до

чего-то на поясе.

Я выстрелил.

Опустошив его черепную коробку, заряд пролетел над посадочной площадкой и лизнул бронированный нос зависшего в воздухе боевого катера чуть ниже окна

рубки.

- Прошу прощения, - сказал я.

- Не стоит беспокойства, - протрещал
ответ Бетанкора по воксу.

...

- Очень странно, - произнес Эмос.

Это его любимое выражение. Он
ссутулился над ларцом в зале
криогенератора. Мой ученый осторожно
ковырялся в потрохах загадочного

устройства, склоняясь, чтобы
рассмотреть

его поближе. При этом его тяжелые,
плотно

облегающие аугметические очки издавали
мягкие щелчки при автофокусировке.

Я ждал, стоя у него за плечом и

разглядывая его старый лысый череп,
обтянутый пергаментной кожей со

старческими пятнами и обретенный узким

венчиком седых волос.

Убер Эмос, мой архивист и научный

сотрудник, дольше всех был моим

помощником и компаньоном. Он достался

мне в первый же месяц моей службы в

Инквизиции, перейдя по наследству от

инквизитора Ханшанта, утиравшего тогда от

мозговых червей. Эмосу тогда было двести

семьдесят восемь стандартных лет, и он уже

отслужил в качестве архивиста тридцать

инквизитором до меня. Жил он только

благодаря кибербионическим

трансплантатам, заменившим ему

пищеварительный тракт, печень, мочевой

пузырь, таз и левую ногу.

На службе у Ханшанта он был ранен залпом из стаббера. Обследуя его, врачи обнаружили запущенный и ранее остававшийся незамеченным рак брюшной полости. Если бы не ранение, жил бы он еще

максимум несколько недель. Но благодаря произведенному стаббером «вскрытию» болезнь диагностировали и изгнали, а тело

восстановили с помощью протезов.

Эмос называет все случившееся с ним счастливым несчастьем и до сих пор таскает

на цепочке вокруг своей жилистой шеи перекрученную пύлю стаббера, чуть не отнявшую, но в итоге спасшую эту жизнь.

- Эмос?

Он с трудом поднялся, скрипя бионикой, и

повернулся ко мне, отряхивая доходящие до

земли зеленые полы своей расшитой
мантии.

Ученый посмотрел на меня через свои
аугметические очки, покрывавшие
большую

часть лица. Благодаря им Эмос
напоминал

какое-то необычное насекомое с

фасетчатыми глазами и узкими, плотно
сжатыми жвалами.

- Кодифицирован как уникальный прибор.

Процессор серийный, вроде тех блоков
обработки мозговых импульсов, которые
используют Агентус Механикус, чтобы
осуществлять связь между человеческим
мозгом и Богом-Машиной.

- Ты встречался с подобными штуками? -

немного озадаченно спросил я.

- Один раз во время своих путешествий.

Просто проходил мимо. Не стал бы утверждать, что обладаю более чем поверхностными знаниями. Однако я уверен, Agentus Mechanicus

заинтересовались бы этим устройством.

Может, это запрещенная технология или что-то украденное у них. Так или иначе, но

они захотят заполучить это.

- Так или иначе, но они про это даже не узнают. Это следственная улика.

- Пусть будет так, - согласился он.

Нас отвлек шум, донесшийся откуда-то

снизу. Хранители гробницы и техномагизм

криогенераторного братства заволокли зал, пытаясь организовать масштабную и,

по

моему мнению, совершенно бессмысленную
операцию по спасению «спящих» из
Молитвенника Два-Двенадцать. Жуткие
крики все еще не утихли, и по всему
мавзолею закипела работа.

Я видел, что Эмос наблюдает за
действиями спасателей с острым
интересом, делая для себя заметки на
информационном

планшете, привязанном к его запястью. В
возрасте сорока двух лет он подцепил
метовирус, который навсегда изменил
работу его мозга, заставляя собирать
информацию (любую информацию) всякий
раз, когда предоставляется возможность.

Эмос патологически нуждается в
получении

новых знаний, он информационный

наркоман. Как напарник, он стал нигура
не

годен, поскольку легко отвлекался, но, как

было установлено уже четырьмя

инквизиторами, в роли научного
помощника

оказался великолен.

- Стальные цилиндры холодной сварки, -

бормотал он, глядя на теплообменники. -

Чтобы обеспечить стрессоустойчивость
при

перемене температуры или просто исходя
из

целесообразности производства? И еще,
каково предельное изменение
температуры

при...

- Эмос, пожалуйста.

- Хм-м? - Он оглянулся на меня, вспомнив
о моем присутствии.

- Ларец.

- И в самом деле. Прошу прощения.

Серийный процессор... Про это я уже говорил?

- Да. Что он обрабатывает? Какие данные?

- С самого начала я думаю об этом и предполагаю, что обрабатывает он какой-то

ментальный процесс или процесс передачи ментальных волн. Но не уверен в этом.

- А чего не хватает? - спросил я.

- О, и ты это заметил? Это очень странно.

То есть странно не то, что ты заметил, а...

Ладно. Конечно, я не могу сказать со всей определенностью, но это нечто заостренное, нестандартное по форме и с собственным

источником энергии.

- Почему ты так думаешь?

- Нет энергетических входов, только

выходы. Да и разъемы любопытные.

Нестандартные. Здесь ничто не

соответствует стандартам.

- Ксенотехнология?

- Нет. Вполне человеческая, просто

нестандартная. Вероятно, спецзаказ.

- Ага, вот только зачем? - спросил

Бетанкор, поднимаясь к нам по лестнице.

Его непослушные черные кудри

обратляли слуглое худое лицо, которое

обычно было приветливым и озорным, а

сейчас - трачным.

- Вначале, Мидас, мне потребуются

провести некоторые дополнительные

исследования, - сказал Эмос, вновь

склоняясь над ларцом.

Бетанкор посмотрел на меня. Мы с ним были одного роста, но он - более стройным.

Его ботинки, бриджи и куртка были сшиты

из мягкой черной кожи с красной

окантовкой (память о старой униформе

пилота-охотника Главиу), а поверх он, по

обыкновению, надел короткую

светло-вишневую шелковую безрукавку с

переливающимися вышитыми вставками.

Его руки, затянутые в перчатки из тонкой

кожи бллена, зловеще покоились на

изогнутых рукоятках излометов в кобурях на

бедрах.

- Долго же ты добирался, - начал я.

- Они заставили меня отвести катер

обратно к посадочной площадке в Долине
Гробниц. Сказали, что эта платформа
и

нужна для срочных вылетов. Пришлось
слетать обратно. А потом я сходил к
Лорес.

- Она умерла достойно, Бетанкор.

- Может быть, - сказал он и добавил: - А
такое возможно?

Я не ответил, понимая, в насколько

плохом настроении он пребывает. Я знал,
что он любил Лорес Виббен, или, по
крайней

мере, считал, что любит ее. Я понимал,
что с

Бетанкором трудно будет иметь дело,
пока

он не свыкнется с утратой.

- Где этот иномирязин?! Где этот

Эйзенхорн?! Требовательный голос

раздавался в зале под нами.

Я посмотрел вниз. В зал криогенератора вошел человек в сопровождении четырех хранителей в теплых одеяниях, несущих световые посохи. Он был высоким, с бледной кожей и седеющими волосами. Его нагменная осанка говорила о самообладании и высокомерии. Он носил теплую и богато разукрашенную церемониальную мантию насыщенного желтого цвета. Я не знал, кто он такой, но почувствовал, что пахнет неприятностями.

Эмос и Бетанкор также наблюдали за ним.

- Есть какие-нибудь предположения относительно того, кто это такой? -

обернулся я к Эмосу.

- Ну... видишь ли, это желтое одеяние, так же как и светящиеся жезлы, которые держат

хранители, должны символизировать возвращение солнца, а с ним тепла и света. А

это значит, что перед нами высокопоставленное должностное лицо Комитета Хранителей Бездействия.

- Это я уже понял, - пробормотал я.

- Ну ладно... зовут его Ниссемай Карпел, он Верховный Хранитель. Тебе стоит именно

так к нему обращаться. Родился он здесь, в

сезоне Живительности двести тридцать пятого года, то есть пятьдесят стандартных

лет назад. Приходится сыном...

- Достаточно! Я так и знал, что этим
кончится. - Я облокотился на поручень,
глядя

вниз. - Я Эйзенхорн.

Когда он увидел меня, вздувшиеся вены на
его шее должны были символизировать
гва

сдерживаемый гнев.

- Арестовать его, - приказал он своим
людям.

Глава третья

НУССЕМАЙ КАРНЕЛ

СВЕТ В БЕСКОНЕЧНОЙ ТЬМЕ

ПОНТИУС

Я бросил один выразительный взгляд на

Бетанкора, чтобы тот убрал руки с
оружия, а

затем спокойно прошел мимо него,

спустился по лестнице и приблизился к

Карпелу. Хранители окружили меня, но держались на расстоянии.

- Приветствую вас, Верховный Хранитель,

- кивнул я.

Он оглядел меня твердым,

настороженным взглядом и облизал тонкие

губы:

- Вы задерживаетесь до...

- Нет, - ответил я. - Я инквизитор Орго

Ксенос на службе Бога-Императора

Человечества. Целиком и полностью готов

сотрудничать в любом начатом вами

расследовании, но вы не имеете права и не

сможете арестовать меня. Понимаете?

- Инквизитор?

- Вы поняли? - повторил я, все еще не

пользуясь своей Волей. Но если бы
пришлось, воспользовался бы.

Я надеялся, что у него хватит ума
вначале

выслушать меня. Он в состоянии был
доставить мне множество неудобств, но
я-то

мог сделать его жизнь вообще
невыносимой.

Казалось, он чуть успокоился. Как я и
предполагал, гнев его был вызван шоком, -
погибло так много планетарной знати,
находившейся на его попечении. Ему,
безусловно, хотелось найти козла

отпущения, на которого можно было бы
переложить вину. А теперь бедняге
предстояло свыкнуться с мыслью, что его
угораздило нарваться на сотрудника
наиболее пугающего института Империи.

- Погибли тысячи, - начал он потрясенно. -

Такое святотатство... Высокорожденные
Снеси убиты руками... руками...

- ... убийцы, последователя тьмы,

человека, чей труп, благодаря моему

вмешательству, лежит сейчас в
пластиковом

мешке на верхней посадочной платформе.

Верховный Хранитель, я оплакиваю

огромную утрату, которую этим вечером

понесла Снесь, и мне жаль, что не в моих

силах оказалось предотвратить
случившееся.

Но не окажись я здесь, не подними я

тревогу... В общем, представьте себе

размеры трагедии, с которой вам тогда
пришлось бы иметь дело.

Я дал ему некоторое время на осмысление

моих слов.

- Не только этот Молитвенник, но и все
мавзолеи губернии... Кто знает, какие
еще

разрушения мог вызвать Эйклон. Кто
знает, что еще было в его планах.

- Эйклон... рецидивист?

- Это его рук дело, Верховный Хранитель.

- Я хочу, чтобы вы предоставили мне
краткий отчет по происшедшему.

- Позвольте мне оформить рапорт и уже в
таком виде отчитаться. К тому же и у
вас

могут найтись нужные мне ответы. Я
дам

вам знать через несколько часов, когда
буду

готов к встрече. Думаю, что сейчас у вас
и без

того много дел.

Мы удалились. Бетанкор выдал младшим хранителям официальный перечень того, что

будет изъято в качестве улики для моего расследования. Список включал в себя ларец

и тела Эйклона и его людей. Ни к чему из перечисленного нельзя было прикасаться до

тех пор, пока я не разрешу. Бандита, которого я вырубил в зале криогенератора, единственного оставшегося в живых, я

распорядился заключить в тюрьму - позже

будет время допросить его. Бетанкор оформил все мои требования предельно доходчиво.

Мы забрали с собой тело Виббен. Эмос

оказался слишком хилым, так что тело, лежавшее в пластиковом мешке на носилках, потащили мы с Бетанкором.

Мы вышли из Молитвенника

Два-Двенадцать через главные двери в

жгучий холод непрерывной ночи и понесли

Лорес к ожидавшему нас айстобилю,
проходя мимо рядов мертвых тел,
которые

вытаскивали и укладывали на
заснеженную

землю Хранители.

...

Мы с моей командой занялись делами в
том же миз, как приземлились, ввиду их
неотлагательности.

Похоже, нам
предстояло

провести на планете как минимум
неделю, а

может быть, и дольше, если возникнут

проблемы с Карпелом. Пока мы

возвращались на айстобиле к посадочной

площадке, я попросил Эмоса распорядиться насчет нашего пребывания.

Во время Бездействия девяносто девять процентов населения Снеси находится в состоянии гибернации и только в одном месте теплится жизнь. Хранители и техномаги пережидают долгую, тяжелую зиму в месте, называемом Купол Солнца. В пятидесяти километрах от обширных пространств Долины Гробниц, подобно темному, серому пузырю, поднимался Купол Солнца. Он служил глотком пятидесяти девяти тысячам человек, но казался просто селом рядом с гигантскими пустыми городами, дремавшими на горизонте в ожидании Оттепели, когда вернется их население. Я разглядывал Купол Солнца, пока боевой

катер нес нас к нему сквозь ледяные ветры.

Маленькие красные сигнальные огни мигали

на поверхности купола и выступающих антеннах.

Бетанкор управлял катером безмолвно, сосредоточенно насунившись. Он снял свои облегающие перчатки, и паутина главианского «серебра» - кибернетических биосхем, инкрустированных в ладони и кончики пальцев, - соединила его с системой управления судном.

Этос сидел в дальнем конце кабины, детально изучая рукописи и данные, записанные на информационные планшеты.

Два автономных многозадачных служебных

сервитора ожидали распоряжений в отсеке экипажа. Всего на борту их было пятеро.

Еще

два представляли собой безногие боевые модули, вмонтированные прямо в оружейные блоки. А последнего, главного служебного сервитора высокоспециализированной модели, никогда не оставлявшего своего поста в моторном отсеке, мы называли Уклидом. Ловинк, мой астронавт, дремал в своем отсеке, подключенный к голосовым и видеосистемам, в ожидании вызова. Закутанная в покрывало Виббен лежала на кровати в своей каюте. Бетанкор бросил катер к куполу. После обмена телеметрическими данными в стене купола открылся широкий люк воздушного

шлюза. Вырвавшийся оттуда свет
оказался

невыносимо ярким. Бетанкор включил
светофильтры в рубке и пошел на посадку.

Внутренняя поверхность просторного
купола оказалась зеркальной. Похожий на
солнце плазменный шар пылал под крышей
купола, благодаря чему город,
раскинувшийся под ним, купался в лучах
яркого белого света. К тому же поселение
под

нами, казалось, было выстроено из стекла.

Мы приземлились на широкой
металлической платформе площадью
двадцать гектаров, глядевшей на город с
высоты. Поверхность платформы под
отраженным ярким светом сияла
белизной.

Подкатились тяжелые монозадачные

служебные роботы, отбуксировавшие нас в
посадочный ангар главной полосы, где к
нам

приблизилась сервиторы-механики, чтобы
подключить к заправочным шлангам и
приступить к более основательному
обслуживанию. Но Бетанкор не хотел
никого

и ничего подпускать к боевому катеру и
приказал Мого и Нилквиту, нашим
автономным сервиторам, взять на себя
все

обслуживание корабля и прогнать
местных. Я

услышал, как они передвигаются по судну,
гудя сервоприводами, шипя гидравликой,
обмениваясь информацией в машинном
коде между собой и Уклидом в моторном
отсеке.

Этос предложил найти для нас помещение

в самом городе, но я решил, что, кроме ангара, нам ничего не потребуется. На боевом катере хватало места и необходимых

удобств, чтобы обеспечить нам достойное пребывание. Мы часто проводили на борту корабля недели и даже месяцы.

Я спустился к маленькой каюте Ловинка под кубриком и разбудил его. Этот астронавт

недавно присоединился ко мне: предыдущий погиб шесть недель назад, пытаясь расшифровать варп-сообщение.

Ловинк был молодым человеком, с рыхлой, болезненной плотью, облепленной тонкими костями. Его тело уже страдало от тех

требований, которые накладывает жизнь псайкера. Засаленные контактные

разъемы

испещряли его бритый череп и руки. Когда он двинулся к двери, за ним потащились несколько проводов, каждый из которых был

снабжен подписанными ярлыками и вел к главному коммуникационному распределителю над лежанкой. Целые вязанки кабелей лежали рядом или висали

со стен крошечной каюты, но Ловинк инстинктивно понимал предназначение каждого и управлялся с ними практически не

глядя. В комнате сильно пахло потом и ладаном.

- Здравствуйте, господин, - сказал он.

Его рот казался влажным розовым разрезом, а единственный зрячий глаз опух

и был наполовину прикрыт, что придавало астронавту высокомерный вид, несмотря на

всю его робость.

- Ловинк, пожалуйста, пошли сообщение на борт «Царственной Аквитании».

«Царственная Аквитания» являлся капером, который мы наняли для доставки

боевого катера до Спеси. Теперь корабль ожидал на орбите, готовый обеспечить нам

при необходимости еще один варп-прыжок.

- Передай мастеру Голквину мою благодарность и скажи ему, что мы пока остаемся. Он может отправляться по своим

делам, нет смысла заставлять его дожидаться

нас. Мы можем провести здесь неделю или даже больше. Передай ему это в обычной вежливой форме. Скажи, что я благодарю его

за службу и надеюсь на возможность дальнейшего сотрудничества.

- Сейчас же передам, - кивнул Ловинк.

- Мне бы хотелось, чтобы потом ты выполнил еще кое-какие поручения.

Свяжись с главным Астронавтическим

Анклавом Спеси и запроси полную

расшифровку перемещений в другие миры за

последние шесть недель. А также разузнай

все, что можно, по нелегитимным

перемещениям и кораблям, на борту

которых были собственные астронавты.

Все, что они смогут предоставить. И невредно

бүдөт үнөлөнүп о том, что эту
информацию

запрашивает инквизитор. Ум не
захочется

оказаться вовлеченными в серьезное

инквизиционное расследование за
сокрытие

информации.

Он снова кивнул:

- Вам потребуется аутоспиритический
сеанс?

- Не сейчас. Я дам тебе время
подготовиться.

- Это все, господин?

- Да, Ловинк. - Я развернулся, собираясь
уйти.

- Господин... - он сделал паузу, - буду ли я

прав, предположив, что эта женщина,
Виббен, мертва?

- Да, Ловинк.

- Эх... А я-то думал, почему стало так тихо.

- И он закрыл дверь.

Комментарий не был таким черствым, как

может показаться. Я прекрасно понял его

чувства, хотя мои псайкерские навыки -

детский лепет по сравнению с его

способностями. Лорес Виббен являлась

латентным псайкером, и, когда она

пребывала с нами, на заднем плане сознания

всегда держался едва заметный шум, подсознательно передаваемый ее молодым, активным мозгом.

Я нашел Бетанкора в тени одного из

коротких крыльев боевого катера.

Уставившись в землю, он курил папиросу из

листа лхо. Я не одобрял наркотики, но и не

препятствовал. Впрочем, он немного почистился за последние несколько лет.

Когда я впервые с ним встретился, он страдал зависимостью от обскуры.

- Чертовски светлое местечко, - пробормотал он, передергиваясь, словно от отвращения.

- Типичная сверхреакция. В их году одиннадцать месяцев абсолютной тьмы, поэтому они чрезмерно освещают свое жилье.

- А на время сна они свет выключают?

- Сомневаюсь.

- Неудивительно, что они все тут сдвинутые. Огуряюще яркий свет,

огуряющая темнота - и соответствующий

склад ума. Их естественные биоритмы должны были пойти вразнос.

Я кивнул. Вначале меня совершенно обескуражило то, что ночь, казалось, не собирается кончаться. Теперь те же самые

чувства вызывал этот постоянный полдень. В

своем докладе Эмос указывал, что мир называли Снесью по той причине, что после семидесяти стандартных лет полета к этой

планете на транспортных судах первопоселенцы обнаружили, что их расчеты

не оправдались. Но вместо того чтобы поискать планету с нормальной орбитой, они

осели в этом мире, где им пришлось терпеть

эту невероятную стену тьмы и света.

Они

остались, сделав криогенные технологии частью своей культуры. На мой взгляд, это

было ошибкой, но я здесь находился не для того, чтобы критиковать культуру.

- Заметил что-нибудь? - спросил я

Бетанкора.

Он неопределенным жестом обвел посадочную площадку:

- В этом сезоне у них не много

посетителей. Торговля почти затерла весь

мир сейчас на холостом ходу.

- Поэтому Эйклон и решил, что планета уязвима.

- Да. Большинство кораблей здесь

местные, трансатмосферники. Часть для

нужд хранителей, остальные просто
оставлены на время Бездействия. Кроме
нас

тут еще трое пришло. Два торговых
баркаса

и частный катер.

- Разузнай, что сможешь. Попробайся

выяснить, кому они принадлежат и по
каким

делам прибыли.

- Без проблем.

- А что насчет челнока Эйклона, который
ты подстрелил, - он здешний?

Мугас затянулся сигареткой с
наркотиком

и покачал головой:

- Или с орбиты, или с какой-то частной

площадки. Ловинк перехватил его
передачу

Эйклону.

- Надо будет спросить его об этом. Но он мог прилететь с орбиты? У Эйклона может

там оказаться межзвездный корабль?

- Если он там и был, то уже улетел, не подавая никаких сигналов.

- Хотел бы я знать, как этот выродок сюда

добрался и как собирался снова улететь.

- Я выясню это, - сказал Бетанкор, раздавливая каблуком окурок. Его намерения

были твердыми.

- Что насчет Виббен? - спросил он.

- Ты знаешь, какими были ее пожелания?

Мне она никогда ничего не говорила. Хотела

ли она, чтобы для похорон ее отправили

обратно на Торниш?

- И ты сделаешь это?

- Если это было ее желанием. Так что?

- Не знаю, Эйзенхорн. Мне она тоже ничего не говорила.

- Осмотри ее вещи, может быть, она оставила какое-нибудь завещание или инструкции. Можешь сделать это?

- Сделаю.

К этому времени я уже начал уставать. Еще

час я провел вместе с Эмосом в его тесной, заполненной информационными планшетами комнате, подготавливая рапорт

для Карпела. Я излагал основные детали, отбрасывая все, чего, на мой взгляд, ему не следовало знать. Приводил объяснения своим действиям. Потом заставил Эмоса

проверить их легитимность исходя из
норм

местного законодательства и
подготовить

линию защиты, если Карпелу взбредет в
голову начать судебное преследование. Я
не

слишком-то волновался об этом и, по
правде

говоря, для местного законодательства
был

абсолютно пуленепробиваем, но мне все

равно хотелось проверить. Каждый

аталатианин гордится сотрудничеством
со

структурами Улнерского общества, не
ставя

себя выше или вне их. И никогда не

действует напролом, как, например,
сторонники монодоминантной идеологии.

Мне хотелось, чтобы Карпел и высшие должностные лица Спеси добровольно встали на мою сторону и помогли моему расследованию.

Когда рапорт был готов, я угадился в свою каюту. Но перед дверью. Виббен остановился, вошел внутрь и аккуратно подложил «Сципио» под ее лапони, скрещенные на груди, а потом снова накрыл ее саваном. «Сципио» свою работу уже выполнил. Он заслужил покой вместе с ней.

Впервые за шесть лет мне не снился

Эйклон. Мне снилась ослепительная тьма, а

потом свет, который отказывался уходить. И

в этом свете было что-то от темноты.

Ерүнда, конечно, я это понимаю, но именно такое

было ощущение. Словно откровение, содержащее в себе некую более трачную, более глубокую правду. На грани горизонта

моего сна возникали вспышки, похожие на молнии. Я увидал красивого мужчину с пустыми глазами, но не такими пустыми, как

у недоумков Эйклона, а свободными, словно беззвездная область космоса. Он улыбался мне.

Тогда я понятия не имел, кто он такой.

...

Я отправился на встречу с Карпелом в полдень следующего дня. Над Куполом Солнца всегда стоял полдень, но этот был настоящим, если верить корабельному хронометру. Ловинк, Эмос и Бетанкор

занимались поисками новой информации.

Я побрился, надел черный льняной костюм, высокие ботинки и форменный китель из чешуйчатой коричневой кожи. На

шею нацепил инквизиторскую инсигнию.

Мне необходимо было показать Карпелу всю

серьезность своих намерений.

Мы с Эмосом спустились с посадочной платформы в клетке подъемника и обнаружили, что нас уже дожидаются хранители, одетые в желтые мантии.

Несмотря на белое сияние, окружавшее нас, они держали зажженные световые жезлы. По

пути к открытому лифту мы отбрасывали

короткие резкие тени на сухом рокрите.

Машина оказалась огромной зверюгой с хромированными решетками и флажками. Снеси на капоте. Позади расположенной по центру кабины водителя размещалось четыре ряда мягких кожаных сидений. Мы зашелестели по улицам на восьми широких колесах. Проспекты города были просторными и, само собой разумеется, ярко освещенными. Облицованные стеклом здания устремлялись к пылающему в высоте плазменному шару, словно цветы, тянущиеся к свету. Через каждые тридцать метров улицы возвышались фонари на богато украшенных постаментах, добавлявшие свой свет к окружающему блеску.

Движение было редким, на улицах
находилось, самое большее, несколько
тысяч

пешеходов. Я заметил, что на многих
прохожих надеты желтые шелковые пояса
и

желтые же гирлянды украшают
постамент

каждой лампы.

- Цветы? - спросил я.

- С гидропонных ферм в восточном куполе
номер семь, - ответил мне один из
хранителей.

- Означают?

- Траур.

- Так же, как и пояса, - прошептал мне на
ухо Эмос. - Случившееся вчера - серьезная
трагедия для этого мира. Желтый
является

их священным цветом. Полагаю, что
местные поклоняются солнцу.

- Солнце как Император?

- Достаточно распространено. И особенно
подходит, по очевидным причинам, этому
месту.

Зал Хранителей оказался стеклянным
шпилем, расположенным практически в
центре города. Его вершину украшал
двуглавый имперский орел. Поблизости
располагалась местная часовня

Экклезиархии и несколько зданий,

переданных

Имперскому

Администратуру.

Меня позабавило то, что все они были
построены из черного камня и
практически

не имели окон. Размещавшиеся в них

имперские служащие, по всей видимости, сгруппировались с постоянным светом не более моего.

Когда мы вошли под стеклянный портик, нас провели в главный зал. Он был набит битком. Большинство присутствующих были

хранителями в желтых мантиях, несколько

местных должностных лиц, техномаги, немого клерков и сервиторов. Зал был

возведен из желтоватого стекла на каркасе из

черного чугуна. Воздух окрашивался

золотым светом, бьющим через стекло. Полы

устилал широкий черный ковер с вытканым

по центру солнечным диском.

- Инквизитор Эйзенхорн! - объявил один

из моих сопровождающих через

громкоговоритель.

Все обернулись в нашу сторону.

Верховный Хранитель Карпел восседал на
нарящем в воздухе позолоченном троне.
Над

спинкой летучего сиденья горел
светильник.

Трон заскользил по направлению ко мне,
заставляя толпу расступаться.

- Верховный Хранитель, - произнес я с
почтительным поклоном.

- Они все мертвы, - сообщил он. - Все
двенадцать тысяч сто сорок два человека.

Молитвенник Два-Двенадцать вытер.

Полученных травм не пережил никто.

- Приношу Спеси свои искренние
соболезнования, Верховный Хранитель.

Зал взорвался визгами, криками и

требовательными воплями.

- Твои соболезнования?! Твои проклятые
соболезнования?! - на пределе
возможностей

голосовых связок заорал Карпел. - Большая
часть нашей правящей элиты погибла за
одну ночь, а все, что мы получаем, так
это

твои соболезнования?

- Больше мне предложить нечего,
Верховный Хранитель. - Я чувствовал,
что

Этос грозит рядом со мной, делая
бесцельные примечания в привязанном, по
обыкновению, на запястье планшете. Об

одежде, местной фразеологии - о чем
угодно, только бы закрыться от
негативных

выплесков.

- Этого едва ли достаточно! - сплюнул стоявший поблизости человек.

Он явно происходил из местной знати, был толод и выглядел достаточно

внушительно, но его кожа была страшно бледной, и он едва передвигался, опираясь на хранителей.

- Кто вы? - спросил я.

- Вернал Мейнелл, наследный лорд округа Далловин!

Если он ожидал, что я паду на колени, возопив «Осанна!», то его ждало разочарование.

- Ввиду серьезности происшествия мы разбудили часть нашей знати раньше срока, -

сказал Карпел. - В Молитвеннике

Два-Двенадцать умерли брат сеньора Мейнелла и две его жены.

Значит, бледность являлась следствием недавнего пробуждения. Я заметил, что около пятидесяти человек, присутствовавших на собрании, выглядят столь же утомленно и болезненно.

Я повернулся к Мейнеллу:

- Сеньор, повторяю, я приношу свои соболезнования.

- Твое высокомерие изумляет меня, индигерантин! - гневно взорвался Мейнелл. -

Ты приводишь этого монстра в наш мир, сражаешься с ним в самых сакральных святилищах, во время этой вашей личной драки гибнут лучшие из наших людей, а ты...

- Постой! - Я воспользовался Волей. И не стал сдерживать силы. Мейнелл остановился, словно его ударили по голове. Столк и весь

огромный зал. - Я прибыл сюда, чтобы
защитить вас и разрушить планы
Эйклона. И

если бы не наши старания, он мог
разрушить

куда больше, чем один из ваших мавзолеев.

Я не нарушил ни одного из ваших законов.

Старался соблюдать ваши правила,
выполняя

свою работу. Почему вы считаете, что
это я

привел сюда это чудовище?

- Мы сделали несколько запросов, -

ответила пожилая аристократка. Как и

Мейнелл, она еще не пришла в себя после

пробуждения и сутулилась в паланкине,
поддерживаемом сервиторами.

- Какие запросы, госпожа?

- Касательно вашей длительной вражды с

убийцей Эйклоном. Уже пять лет, не так ли?

- Шесть, сеньора.

- Значит, шесть. Ты загнал его сюда.

Направил. Привел, как и сказал сеньор Мейнелл.

- И каким же образом?

- За прошедшие двадцать дней мы не

зарегистрировали ни одного инопланетного

судна, за исключением твоего, Эйзенхорн, -

произнес Карпел, глядя в цифровой планшет.

- «Царственная Аквитания». Этот корабль

должен был доставить вас обоих, чтобы вы

могли закончить здесь свою войну, наплевав

на то, что будет с нами. Вы ведь выбрали

Снесь, потому что это тихая планета на отшибе, подходящая для того, чтобы вы могли спокойно завершить свою вражду?

И вот тогда я рассердился:

- Эмос? - Я изо всех сил старался сдерживать гнев.

Мой научный сотрудник стоял возле меня и бормотал:

- ... и какую силикатную краску они используют при изготовлении стекла?

Бронировано ли здание? Опоры выполнены в

раннеготическом стиле Империи, но...

- Эмос! Рапорт.

Он вздрогнул и, вытащив другой информационный планшет из кожаного чеходанчика, протянул его мне.

- Прочитай это, Карпел. Внимательно

прочитай. - Я протянул планшет
Верховному

Хранителю, но, как только он попытался
его

взять, отдернул. - Или, может быть, мне
самому стоит прочитать вслух для всех
собравшихся? Может быть, надо
объяснить, как я прибыл сюда в последнюю
минуту, узнав, что Эйклон направляется
на Спесь?

То, что я узнал это только благодаря
взлому

перехваченной астропатической
шифровки, посланной Эйклоном два месяца
назад?

Может быть, я должен рассказать о
шифровке, убившей моего астропата,
переводившего ее?

- Унквизитор, я... - забормотал Карнел.

Я поднял информационный планшет так,
чтобы всем был виден экран, и нажат на

түмблер прокрутки текста:

- А как насчет вот этого доказательства?

Эйклон планировал действия против вашего

мира уже почти год. Или вот это сообщение, полученное прошлой ночью...

Незарегистрированный межзвездный корабль подходил три дня назад, чтобы высажить Эйклона, оставшись незамеченным

для вашей планетарной охраны и стражи хранителей. Или вот этот обработанный нами сеанс астропатической связи, которую

ваш местный анклав засек, но не потрудился

ни перевести, ни проверить происхождение.

Я бросил планшет на колени Карпела. В

изумленной тишине на меня уставились
сотни глаз.

- В вашей защите широкая брешь. Он
обошел вас. Не наго обвинять меня в
чем-либо, кроме того, что я появился здесь
слишком поздно и не успел остановить
его.

Как я уже и говорил, приношу свои
искренние соболезнования... И в следующий
раз, когда вам захочется поспорить с
имперским инквизитором, - добавил я, -
советую проявить больше уважения. Я

многого готов простить, поскольку
понимаю, какую болезненную утрату вам
пришлось

пережить. Но мое терпение
небезгранично. В

отличие от моей власти. - Я повернулся к
Карпелу. - А теперь, Верховный

Хранитель, можем ли мы поговорить? У
как я просил

ранее, наедине.

Мы пошли вслеп за летучим тронот

Карнела в боковую пристройку, оставляя
позади зал, полный потрясенных голосов.

Только один из людей Карнела
сопровождал

нас - высокий белокурый мужчина в

темно-коричневой униформе, которую мне

не удалось распознать. Телохранитель,
подумал я. Карнел опустил трон на ковер
и

поднял пульт дистанционного управления,
затенив окна комнаты.

Наконец установилось освещение

приятной интенсивности. Одного этого

было достаточно, чтобы понять: Карнел
воспринял меня серьезно.

Он жестом предложил мне занять место напротив. Эмос держался в тени позади меня. Мужчина в коричневой униформе встал рядом с окнами, наблюдая за улицей.

- Что будем делать дальше? - спросил Карпел.

- Я рассчитываю на ваше сотрудничество в моем расследовании.

- Но ведь дело уже закрыто, - произнес человек в коричневой одежде.

Я не сводил взгляда с Карпела.

- Прошу вашего разрешения продолжить работу и надеюсь на содействие. Эйклон может быть и мертв, но он всего лишь кончик лезвия глинного и все еще опасного клинка.

- О чем вы говорите? - снова перебил

человек в коричневой одежде.

Я не удостоил его взглядом. В упор глядя на Карпела, я встал и произнес:

- Если он снова заговорит, не

представившись, придется выбросить его из

окна. И открывать окно мне будет лень.

- Это арбитр Фишиг, сотрудник Агентств Арбитрес. Я настоял на его присутствии.

Тогда я посмотрел на человека в

коричневом. Крепко сбитый силач с

блестящей полоской розового шрама под

молочно-белым глазом. У него была чистая

кожа и светлые волосы, благодаря чему я принял его за юношу, но, приглядевшись

внимательнее, понял, что он как минимум

одного со мной возраста.

- Арбитр, - кивнул я.

- Инквизитор, - ответил он, - мои вопросы остаются в силе.

- Мургин Эйклон был всего лишь наемником. - Я опустился обратно на стул. -

Потрясающе изворотливый тип, один из наиболее опасных людей среди тех, на кого мне когда-либо приходилось охотиться.

Чногда выследить свою цель означает прекратить причиняемое ею зло. Уверен, что

вам это знакомо.

- Вы называли его наемником.

- В этом-то и опасность. Он предлагал свои весьма значительные навыки любым нуждающимся в них сектам и культам.

Истинной преданности у него не было. Он
служил чужим великим планам. И на
Снеси

тоже должен был способствовать успеху и
развитию чьих-то замыслов. Теперь он
мертв и эта часть заговора сорвана.
Можно

радоваться. Но моя задача еще не
завершена.

Мне надо оттолкнуться от Эйклона, его
людей, любой оставленной им зацепки и
прокопаться внутрь некой большей,
тайной

тьмы, нанявшей его.

- И для этого тебе нужна помощь людей
Снеси? - спросил Карнел.

- Граждан, представителей власти, вас
сатих... и всех остальных. Это работа на
Императора, вы же не собираетесь

уклоняться от нее?

- Нет, сэр, ни в коем случае! - всполошился Карпел.

- Превосходно.

Верховный Хранитель протянул мне тяжелый золотой значок с изображением солярного диска, закрепленный на черной кожаной подкладке:

- Это даст вам необходимые полномочия.

Мои полномочия. Чтобы вы могли полностью и быстро выполнить свою работу.

А взятен я попрошу только о двух вещах.

- Каких?

- Вы будете сообщать мне обо всех достигнутых результатах. И позволите этому арбитру сопровождать вас.

- Я работаю сам по себе...

- Фишиг поможет открыть под Куполом

Солнца такие звери и рты, какие не
сможет

даже значок. Считайте его местным
зигот.

«У твоих ушей и глаз», - подумал я.

Но поскольку понимал, какое невероятное
давление оказывает на Хранителя
жаждущая

самисфакции аристократия, ответил:

- Буду признателен ему за помощь.

- Откуда начнем? - спросил Фишиг, сразу
переходя к делу. Взгляд у него был
голодный.

«Они жаждут крови, - понял я. - Им нужен
кто-то, кого можно привлечь к ответу за
эти

смерти. Кто-то, про кого они смогут
сказать, что поймали его или, по крайней

мере, помогли пойтать. Ум необходимо
разделить

со мной любой успех, чтобы сохранить
хорошую мину, когда через несколько
месяцев проснутся все остальные и
узнают о

разыгравшейся трагедии».

У я не мог винить их.

- Сначала, - сказал я, - в торг.

Эйклон выглядел безмятежно спящим. Его
голову охватывал колючий пластиковый
чепчик, не давая ей рассыпаться. Лицо
было

спокойным, с незначительными
кровопоптеками вокруг губ.

Он лежал на катенном ложе в холодной
проекторской под зданием судебного
торга

№ 1. Его подельники лежали на

пронумерованных столах неподалеку.

Столы

достались только тем, кто сохранился в
более

или менее цельном виде. Вдоль стены
стояли

подписанные ведра с жидким содержимым

останки тех, кого Бетанкор заточил из
корабельных пушек.

Прозекторская освещалась холодным
синим светом, и корка льда покрывала
циркуляторы, нагнетавшие воздух прямо с
ледяной пустыни, окружавшей Купол
Солнца. Фишиг обеспечил всех нас теплой
одеждой для этого визита.

Меня поразило увиденное: и

ответственная осторожность, и
внимание, с

которые изолировались и хранились
тела, и тот факт, что никто не
прикасался к ним - в

полном согласии с теми инструкциями.

Казалось бы, приказ очень простой, но я
уже

сбил с счёта, сколько раз нетерпеливые
жрецы или апотекарии начинали
вскрытие

до моего появления.

Заведовала торгом усталая женщина примерно шестидесяти лет от роду по имени

Тутрон. Когда она встретила нас, на ней был

красный пластиковый передник поверх поношенного теплого платья. Один глаз

Тутрон заменял бионический имплантат, а в

правую руку были встроены манипуляторы со скальпелями и пила для костей из сверкающей хирургической стали.

- Мы поступили в соответствии с вашими

приказаниями, - сказала она, ведя нас в

холодное хранилище по винтовой лестнице.

- Но это необычно. По установленным

правилам я должна приступить к
экспертизе

или хотя бы начать подготовку к ней в
самое

ближайшее время.

- Благодарю вас за усердие. Я постараюсь
закончить как можно быстрее. И тогда вы
сможете действовать в соответствии с
протоколом.

Натянув хирургические перчатки, я пошел
вдоль ряда мертвецов (их было около
двадцати), диктуя свои наблюдения
Эмосу.

Существенной информации с их тел
собрать

удалось не много. Некоторые из
остотренных мной трупов, судя по
телосложению, цвету кожи и волос,
прибыли

с другой планеты. Но при себе у них не было

ни документов, ни имплантированных идентификаторов - вообще ничего. Даже одежда оказалась вычищена - эмблемы и ярлыки производителя были спорты. Я мог, конечно, заказать соответствующую экспертизу, но это потребовало бы огромных затрат.

На двух телах я обнаружил свежие шрамы, допускавшие предположение, что у них хирургическим путем удалили идентификационные датчики. Подобная маркировка не входила в местную практику, так что можно было говорить об

инопланетном происхождении людей. Но откуда? Подобные устройства использовались на сотнях планет

Ципериута, а расположение и применение датчиков всегда довольно стандартны. В детстве я и сам несколько лет носил такое же

устройство, пока на меня не пал выбор вербовщиков Циквизиции, после чего устройство удалили.

У одного из покойников обнаружили интересные шрамы на руках. Они были неглубокими, но глиняными. Следы выжигания эпидермиса.

- Похоже, был применен сварочный аппарат, чтобы вывести бандитские татуировки, - сказал Эмос.

Он был прав. Но информации о личностях преступников это не прибавило.

Я посмотрел на Эйклона, на которого, собственно, и делал ставку. С помощью

Тутрон я срезал с него одежду,
оказавшуюся

столь же безликой, как и наряды его
спутников. Мы принялись вертеть его
обнаженный труп, пытаясь найти ну хоть
что-нибудь.

- Вот! - воскликнул Фишиг, склоняясь над
телом и тыча пальцем в клеймо на
левой
ягодицей трупа.

- Серафим Лаоакуса. Старая отметка
Хаоса. Эйклон поставил ее двадцать лет
назад, чтобы оказать дань уважения своим
тогдашним хозяевам. Старый культ,
старый
наиматель. Никакого проку...

- Тебе известны о нем столь интимные
подробности? - с любопытством
посмотрел

на меня фишиг.

- У меня есть источники, - ответил я, не испытывая никакого желания посвящать его

в эту историю.

Уманга, одна из моих первых напарниц.

Умная, красивая и смелая. Ей удалось узнать

эту деталь для меня. Последние пять лет она

провела в клинике для умалишенных. И

последнее, что я о ней слышал, было то, что

Уманга отгрызла себе пальцы.

- То есть он сам себя клеймил? - уточнил

фишиг. - И, вступая в новый культ, всякий

раз ставил новую отметку, чтобы

продемонстрировать свою верность?

Арбитр говорил дело. Мы еще раз

тщательно осмотрели тело и
обнаружили как

минимум шесть шрамов от лазерных
ожогов, которые скорее всего когда-то были
клеятами различных культов, сведенными
после того, как Эйклон оставил эти
организации.

В кожу за левым ухом оказалась вживлена
металлическая пластинка в форме
Бубона
Хаоса.

- А это? - спросила Түтрон, сбривая волосы
на голове трупя лезвиями своей правой
руки, чтобы обнажить пластинку.

- Старье.

Я отошел от трупа и задумался. Перед
своей смертью он пытался дотянуться до
чего-то на поясе - или мне показалось?

- Где его вещи?

Вещи были сложены в стоящий рядом
металлический погнос. Лазерный
пистолет, миниатюрный вокс,
инкрустированный

желчугом портсигар с шестью
сигаретами с

обскурой, зажигалка, кредитная карточка,
запасные обоиы, пластмассовый ключ. И

пояс с четырьмя застегнутыми
кармашками.

Я открыл их один за другим: немного
местной мелочи; миниатюрный лазерный
нож; три пластинки высококалорийного
сухого пайка; стальная зубочистка; еще
обскура, но на сей раз в ампуле с
инжектором; маленький информационный
планшет.

К чему из этих вещей он тянулся перед
смертью? К ножу? Не самый удачный
выбор

для противостояния человеку,
засунувшему в

ваш рот пистолет. По той же причине не
стал

бы он тянуться и к лазерному пистолету
в

кобуре. Впрочем, Эйклон был доведен до
отчаяния.

Может, ему понадобился

информационный планшет? Я включил

устройство, и оно затребовало пароль

доступа. Барн знает, какие тайны могли

скрываться внутри, но вряд ли Эйклон

собирался пополнять знания или освежать

память в преддверии верной смерти.

- Следы инъекций на предплечье, -

заявила Тутрон, продолжавшая осмотр
тела.

Это было неудивительно, учитывая

изъятые нами наркотики.

- А кольца? Браслеты? Серьги? Пирсинг?

- Нет.

Я вытащил пластиковый мешочек из

распределителя, стоящего на
хирургической

тележке, и положил все вещи в него.

- Надеюсь, вы распишетесь в их изъятии? -

подняв взгляд, спросила Түтрон.

- Конечно.

- Ты ведь ненавидел его? - внезапно

произнес Фишиг.

- Что?

Он присел на край каменного стола и

скрестил руки на груди:

- Ты уже поймал его и, зная, сколько тайн

в его голове, тем не менее вышиб ему
мозги.

Ты сделал это в гневе?

- Я инквизитор. Я не действую в гневе.

- Тогда зачем?

- Ты не представляешь, насколько опасен был этот человек. - Я устал от его ехидного

тона. - Мне не хотелось рисковать.

- А по мне, он кажется довольно

безобидным, - ухмыльнулся Фишиг, опуская взгляд на тело.

- Вот кое-что еще! - позвала Тютрон. Мы приблизились.

Она споро трудилась над его левой рукой.

Ее пальцы, переходящие в скальпели и щупы, порхали, подобно пальцам вышивальщицы над тканью.

- Указательный на левой руке. Необычно омертвевший и раздутый. - Она провела

наг

ним таленьким сканером. - Ноготь из
керамита. Искусственный. Имплантат.

- Что внутри?

- Неизвестно. Считывание нечеткое.

Может быть, есть... ага, вот она...
защелка

под ногтем. Нужно что-нибудь тонкое,
чтобы

нажать на нее.

Из ее мизинца выдвинулся металлический
щуп, тонкий, словно... Зубочистка.

- Стой! Остановись немедленно! - заорал
я.

Но было уже слишком поздно. Тутрон
сняла защелку. Фальшивый ноготь

откинулся, как крышка шкатулки, и что-то

вылетело из выемки в кончике пальца. В

воздухе сверкнул серебряный червячок, похожий на ювелирную цепочку.

- Куда он делся?

- Не знаю, - сказал я, отодвигая Түтрон и Эмоса за спину.

- Ты видишь его? - спросил я Фишига.

- Вон там, - ответил он, вытаскивая вороненый короткоствольный гробовик из-под одежды.

Я потянулся к своему пистолету, но вспомнил, что вернул его Виббен.

Пришлось взять с прожекторской тележки нож для разделения костей.

Червь снова скользнул в свет. Теперь он достигал почти метра в длину и нескольких

сантиметров в ширину. Мне даже не хотелось думать, какое отвратительное

колдовство послужило причиной его
увеличения. Он состоял из металлических
сегментов, голова твари являла собой
безглазый конус, который рассекала
шипящая пасть, полная бритвенно-острых
зубов.

Тутрон вскрикнула, когда червь бросился к
нам. Я толкнул ее на пол, и тварь,
хлестнуv

по нам, вонзилась в трvн на ближайшем
столе. Раздался отвратительный
хлюпающий

звvк, и червь исчез в теле мертвеца,
оставив

за собой рванvю ранv.

Трvн затрясся и начал разваливаться,
наполняя воздух вонючим паром. Из

образовавшегося облака со свистом
вырвался

червь и скрылся где-то в полу. К тому времени, как Фишиг наконец открыл огонь, разрывая в клочья остатки трупа, червь

давно уже ушел.

- Механизм активируется при нажатии, - бормотал себе под нос Эмос. - Очень необычный, вероятно, изготовлен иной расой. Защитное оружие с какой-то системой

увеличения объема при контакте с воздухом

и (или) освобождении. Ориентировается на звук...

- Ну так заткнись! - прошипел я, прижимая его и Тутрон к дальней стене. Я пошел параллельно Фишигу мимо столов, держа оружие на изготовку.

Червь появился снова. И к тому времени,

как я его увидел, он уже был возле меня. В
эту секунду мне стало ясно, какую смерть
готовил для меня Эйклон. Именно им он
намеревался воспользоваться на
посадочной
платформе Молитвенника Два-
двенадцать.

Моя ненависть спасла меня.

Я успел выставить нож, и глиняный клинок
воткнулся прямо в разинутую пасть и
углубился в пищевод червя. Не
удержавшись
на ногах, я опрокинулся навзничь. На ноже,
словно кнут, извивалась двухметровая,
тяжелая тварь.

Просвистели пули. Фишиг пытался
подстрелить червя.

- Угуот, ты чуть в меня не попал!
- Держи его ровно!

Вот кретин! Тварь с металлическим
лязгом

переживала клинок, неотвратно
приближаясь к моему запястью.

Подошла Тутрон, и вместе нам удалось
прижать извивающуюся тварь к
каменному

столу. Прозектор включила костную пилу
на

своей аугментической руке, и вращающиеся
лезвия с пронзительным визгом отрезали
червь голову.

Но тело продолжало извиваться. Тогда
женщина схватила его и бросила в ванну с
кислотой, которую обычно использовали
для

биоотходов. Следом отправилась шипящая
голова, все еще переживающая нож.

Мы заморожено наблюдали за тем, как

растворяются извивающиеся останки.

Наконец я перевел взгляд на Түтрон и Фишига.

- Уж и не знаю, кого бы предпочел иметь рядом во время боя, - пробормотал я.

Түтрон расстелась. А вот Фишиг стелиться не стал.

- Что это было? - спросил меня Эмос, когда мы потчались по улицам на «Лэнгспидере» Фишига, направляясь к штаб-квартире Agentus Арбитрес.

- Тебе дано догадываться о большем, чем мне - узнавать, - ответил я. - Несомненно, это подарок его хозяев.

- И что за хозяева могут создать подобную тварь?

- Мощественные, Эмос. И самые мерзкие из всех возможных.

Наша встреча в мрачных чертогах
Агенту

Арбитрес была краткой. По моему запросу

Фишиг вызвал Магоса Паластемеса,
главу

техномагов, занимающихся

криогенераторами.

Тот бросил один взгляд на ларец,

стоявший в хранилище улик, и произнес:

- Понятия не имею, что это такое.

- Благодарю. На этом все, - ответил я,
поворачиваясь к Фишигу. - Немедленно

переправьте этот предмет на мой
корабль.

- Это же улика... - начал он.

- Фишиг, ты на кого работаешь?

- На Императора.

- Тогда представь, что я - это он.

Ошибешься незначительно. Делай, как я

сказал.

...

Хагатам Бонц ждал нас в комнате вопроса.

Его раздели донага, но Фишиг заверил
меня в

том, что никакого импорта в его одежде
найдено не было.

Бонц был тем бандитом, которого я

отключил в зале криогенератора, и

единственным пережившим ночь
человеком

Эйклона. Его губы распухли от моего
удара.

И он не признавал ничего, кроме
собственного имени.

Вместе с Фишигом и Эмосом я вошел в

унылую каменную коробку комнаты. Бонц

был пристегнут наручниками к

металлическому стулу и выглядел

испуганным.

«И это правильно», - подумал я.

- Расскажи мне о Мургине Эйклоне, -
сказал я.

- О ком? - Из его глаз исчезло тупое
выражение зомби, заклятие Эйклона было
сброшено. Хагат был удивлен и явно
стущен.

- Хорошо, расскажи мне последнее, что ты
помнишь.

- Я был на Трациан Примарис. Там мой
дом. Я работал грузчиком в доках. Помню,
что вместе с другом пошел в бар. И все.

- Другом?

- Вин Эгдон, начальник дока. Думаю, что
мы вместе напились.

- Эгдон упоминал Эйклона?

- Нет. Послушайте, а где я? Эти ублюдки

не

хотят говорить. Что я натворил?

- Ну, начнем с того, что ты пытался
убить

меня, - улыбнулся я.

- А кто вы?

- Имперский инквизитор.

После этих слов ужас заставил его

потерять самообладание. Он начал
утолять, просить, признаваясь нам в куче
разных

проступков, ни один из которых не был
нам

интересен.

С первого же мгновения я понимал, что он
окажется бесполезен. Просто

заиннотизированный раб, выбранный

только благодаря своей мускулатуре. Он

ничего не знал. Но мы все равно провели с

ним два часа. Фишиг медленно
поворачивал

градуированный диск на стене,
контролировавший поступление ледяного
воздуха извне Купола Солнца. Мы были
одеты в теплую одежду и задавали ему
вопросы снова и снова.

Когда плоть Бонца начала прилипать к
металлическому стулу, мы поняли, что
больше он ничего не знает.

- Согреть и хорошо накормить, - приказал
Фишиг своим людям, когда мы вышли из
камеры. - Мы казним его на рассвете.

Я не стал спрашивать, какой рассвет
имеется в виду - некий умозрительный
период произвольного цикла или реальный
рассвет, который случится только спустя
шесть месяцев, в начале Оттепели.

Мне было все равно.

...

На некоторое время Фишиг предоставил нас самим себе, и мы с Эмосом позавтракали

в общественном бистро, расположенном почти под самым куполом. Еда была приготовлена из замороженных продуктов, но, по крайней мере, оказалась горячей.

Ряды фонтанов создавали стены воды вокруг

бистро так, чтобы свет, исходящий от шара

плазменного солнца, подсвечивал их радугами, изогнувшись над столами и проходами. В этот мрачный, траурный день

кроме нас посетителей не было.

Эмос пребывал в хорошем настроении. Он

болтал без утолкы и проводил
взаимосвязи, которые мне никак не
удавалось увидеть.

При всех своих недостатках он обладал
превосходным интеллектом. С каждым
проведенным с ним часом я узнавал все
больше интересного.

Он ковырял вилкой рыбу с рисом и
переставлял записи в информационном
планшете.

- Давай посмотрим на задержки перед
посланиями, обнаруженные Ловинком в
сообщениях Эйклона, переданных и
полученных во время пребывания на
планете.

- Все они зашифрованы. Ловинку пока что
не удалось их взломать.

- Да, да... Но обрати внимание на

задержки. Например, вот здесь... Восемь секунд... Пришло с орбиты... И временные рамки соответствуют периоду, который, как

мы знаем, загадочное звездное судно Эйклона провело здесь. Но вот это сообщение передано во время столкновения с тобой прошлой ночью. Задержка в двенадцать с половиной минут. Передано оно из другой системы.

Я прекратил попытки идентифицировать

субстанцию, означенную в меню как «мясо», и посмотрел на Эмоса. Никогда прежде не

уделял такого внимания размытому побочному шуту, обратлявшему все астронавтические послания.

- Двенадцать с половиной? - переспросил

я. - Уверен?

- Ловинк все проверил.

- Из этого следует...

Он улыбнулся, довольный тем, что доволен я.

- В картинку попадают три мира. Все при

передатке сообщения сюда дают задержку от

одинадцати до пятнадцати минут. Это

Трациан Приларис, Кобальт JJ и Гудрун.

Трациан Приларис не стал

неожиданностью. Там мы последний раз

заходили в порт и отслеживали Эйклона.

И, как мы узнали от несчастного Бонца, именно

там он завербовал часть или всех своих помощников.

- На Кобальте ничего нет. Я проверял.

Только имперская наблюдательная станция.

А вот Гүдрүн...

- Мир, занимающийся по большей части торговлей. Старая культура, старые семьи...

- Старые яды, - со стешком закончил он пословицу.

- А можно выяснить точнее? - Я протокнул губы салфеткой.

- Ловинк уже разбирается с этим по моей просьбе. Как только удастся взломать шифр -

я имею в виду не шифр, использованный в самом сообщении, а закодированные заголовки перед основным текстом, - ты узнает.

- Гүдрүн... - задумался я.

В ухе ожил вокс. Это был Бетанкор:

- Слышал о чем-нибудь под названием

Понтиус?

- Нет. А что?

- Я тоже, но Ловинку удалось взломать некоторые из старых шифровок. За несколько недель до прибытия Эйклона кто-то посылал по проверенным каналам сообщения в локацию под Куполом Солнца. Они беседовали о доставке какого-то Понтиуса. Разговор кажется косвенным и несущественным.

- Выяснили, что за локация?

- Ну а иначе зачем бы тебе нас нанимать?

Адрес: Окна Отменели,

двенадцать-ноль-одиннадцать. Это на западной стороне Купола, в квартале, где земля стоит дорого. Логово местной аристократии.

- Какие-нибудь имена?

- Нет. В этом вопросе они были весьма скромны и щепетильны.

- Выезжает.

Мы с Эмосом встали из-за стола. А когда обернулись, увидели дожигающегося

фишига. Он был при полном параде: черный

панцирный госпех Agentys Арбитрес, шлем с

забралом, все знаки отличия. Должен

признаться, что впечатление он производил

потрясающее.

- Собрались куда-то без меня,

инквизитор?

- Вообще-то собирались найти тебя.

Доставь нас к Окнам Отменели.

Глава четвертая

ПРОГУЛКА ПОД КУПОЛОМ

СОЛНЦА

ОКНА ОТТЕПЕЛИ, 12011

ВОПРОС САЙМОНА КРОТСА

Богатые обитатели Спеси содержали

зимние дворцы на западной окраине

Купола

Солнца. По словам арбитра Фишига, они

«наслаждались и светом, и тьмой».

Оттуда

можно было смотреть внутрь освещенного

купола, а можно поднять специальные

ставни, чтобы рассмотреть темный

пейзаж

зимней пустыни. На мой взгляд, и то и

другое - удовольствие средней паршивости,

но Эмос предположил, что это как-то

связано

с духовными ценностями нации.

Фишиг прекратил свой рассказ про
местные достопримечательности, когда
мы

полчались на его тяжелом «Лэндспидере»
с

антигравом, поднявшись над уличным
трафиком и зданиями. Он стремительно
влетал в повороты между стеклянными
башнями и мчался на запад.

Мне кажется, что он выпендривался.

Этот с тихим стоном закрыл глаза и
вцепился в заднее сиденье. Я ехал впереди,
рядом с закованным в панцирь Фишигом, и
видел хищную ухмылку на его физиономии
под щитком судейского шлема.

Матово-коричневый «спидер»

стандартной имперской модели был
украшен

солярным символом и гербом Agentys

Арбитрес. Уз-за брони машина стала не
слишком маневренной, и антиграв с
напрягом удерживал нас на высоте. Прямо
напротив моего сиденья была встроена
турель с тяжелым болтером. Я огляделся
и
увидел за задним сиденьем запертую
стойку
с дробовиками.

- Дай мне один из них! - Я старался
перекричать свист встречных потоков
воздуха и неровный гул турбин.

- Что?

- Оружие дай, говорю!

Фишиг кивнул и набрал код на
клавиатуре, встроенной в широкий
штурвал. Решетка на

оружейной стойке открылась со щелчком.

- Держи!

Этос передал мне гробовик, и я принялся
заряжать его.

Перед нами возвышались Окна Отменели -
террасированный комплекс зданий из
роскошного хрустала и феррокрита,
встроенных прямо в изогнутую стену
купола.

Мы спустились наг висячими сагами,
заставив загрожать кустарники и
пальмы.

Затем Фишиг выключил турбины, и мы
опустились возле широкой веранды
восьмизэтажного здания.

Арбитр выпрыгнул, вскидывая гробовик.
Я последовал его примеру.

- Оставайся здесь, - приказал я Этосу.

Впрочем, этого можно было бы и не
делать.

- Куда? - спросил Фишиг.

- Двенадцать-ноль-одиннадцать.

Мы побежали вдоль широкой террасы, перебираясь через разделительные заграждения и оплетенные цветами трельяжи.

Номер 12011 оказался зданием, отделанным стеклом, с зеркальными раздвижными дверями.

Фишиг предупреждающе поднял руку и вынул из кармана монету. А затем кинул на

веранду, где ее разнесло на атомы девятью

отдельными лазерными лучами.

Он включил вокс:

- Исполнитель Фишиг вызывает управление Агентус Арбитрес, прием.

- Слушаю вас, исполнитель.

- Отключите автоматическую защиту со

здания, расположенного по адресу: Окна
Оттепели, двенадцать-ноль-одиннадцать.
Немедленно.

Пауза.

- Отключение произведено.

Фишиг шагнул вперед, но я придержал его
и тоже бросил монету.

Она дважды подпрыгнула на базальтовой
веранде и покатилаь.

- Люблю быть уверенным, - сказал я.

Мы подошли с разных сторон к
остекленному входу. Фишиг попытался
раздвинуть двери, но те оказались
заперты.

Исполнитель отошел, явно собираясь
выстрелить в окно.

- Это артаплекс, - сказал я, постучав
костьяшками по поверхности. - Не глупи.

Я вытащил пакет с вещами Эйклона из куртки и искал небольшой лазерный нож.

Но вначале наткнулся на пластиковый ключ.

Попытка не пытка, как любил говорить инквизитор Хапшант.

Я вставил ключ в замок, и раздвижная дверь скользнула в сторону.

Мы подождали. На нас повеяло ароматизированным воздухом, и донеслись звуки легкой оркестровой музыки.

- Агентус Арбитрес! Всем выйти! -

прогремел голос Фишига, многократно усиленный встроенным в шлем громкоговорителем.

Не знаю, все они вышли или нет, но плотный огонь из крупнокалиберных

винтовок снес балюстраду веранды,
разограл

кустарники в горшках и карликовые
деревья, подрезал цветники и срубил
мачту антенны.

- Да будет так! - проревел Фишиг,
вкатываясь внутрь и передергивая затвор
гробовика. Раздались оглушительные
залпы.

Я вскарабкался по восточной трубе на
балкон второго этажа, перекинув
позаимствованный в «спидере» гробовик
через плечо. Внизу завязалась яростная
перестрелка.

Занавешенная полупрозрачной тканью
балконная дверь вела в главную спальню.

В комнате, загражденной красным
бархатом, звучала мягкая музыка,
льющаяся

из скрытых колонок. Постель была в

беспорядке. В одном из углов спальни на позолоченном столике лежал портативный котлинок. Я проверил журнал автоответчика.

Фишиг, судя по оглушительному грохоту, доносящемуся с первого этажа, устроил там

настоящий погром. Но меня оглушил не он, а

женский визг. Из боковой двери, за которой, как нетрудно было догадаться, находилась

ванная комната, вышла обнаженная девушка. Когда на нее уставился ствол моего

дробовика, она попыталась прикрыться простыней.

- Кто вы? - всхлинула она и потрясла головой.

- Циквизиция, - прошипел я. - А ты кто?

Она зарыдала и снова затрясла головой.

- На пол, - приказал я и добавил: - Если
стожешь, заберись под кровать.

В ванной комнате кто-то насвистывал.

Затем мужской голос произнес какое-то
имя.

- Не отвечай, - сказал я плачущей девушке
и медленно, беззвучно обошел кровать,
подбираясь к двери в ванную. Там снял
свет, витал пар и стоял запах банных
масел.

Должен признаться, он оказался
настороже. Не стал ничего выяснять, а
просто открыл стрельбу.

Как только я толкнул дверь стволом
своего

дробовика, пять зарядов пробили в ней
дыры.

Я упал на пол и трижды выстрелил в
дверной проем:

- Инквизиция! Бросить оружие!

Еще два залпа прошли дверь.

Я отполз в сторону и поднялся, не опуская
ружье.

- Выходи! - приказал я, используя Волю.

Из ванной комнаты вывалился огромный,
голый и покрытый татуировками
мужчина, одна щека которого была
выбрита, а вторая

все еще оставалась в пене. В руке он
сжимал

автоматический пистолет модели

«Тронзвассе Хай-Пауэр».

- Брось оружие, - приказал я.

На этот раз он и ухом не повел, словно
тот

Воля больше не имела силы. «Его сознание

подготовлено к этому, - решил я, - можно больше не пытаться».

Его автоматический пистолет еще только

разворачивался в мою сторону, когда
дубовик снес небритую половину лица
незнакомца, отбросив того обратно за
дверь

ванной.

Обнаженная девушка все еще пряталась за
кроватью и дрожала. Меня удивило, что и
она не выскочила из укрытия по моей
команде.

Я повернулся к ней лицом:

- Как вас зовут?

- Лиза Би.

- Полное имя! - рявкнул я.

Мне совершенно не было дела до ее

имени, но в ней самой было нечто особенное. В голосе. В окружающем ее воздухе.

- Елизавета Биквин! Девочка по вызову! Работаю под Куполом Солнца последние четыре сезона Бездействия! О боги... - Она затихла и рухнула на кровать.

- Одевайся. И оставайся здесь. Позже мне надо будет с тобой поговорить.

Я подошел к выходу из комнаты и выглянул в неосвещенный холл. Снизу, со стороны лестницы, все еще доносились стрельба и крики.

Увидев мою тень в открытом проеме, ко мне подбежал мужчина:

- Вилк! Вилк, они нашли нас! Они...

За мгновение до того, как он понял, что я не Вилк, приклад моего гробовика

врезался

ему в челюсть. Человек грузно упал.

Дверной косяк расщепили два мощных выстрела.

Я вкатился обратно, переворачивая гробовик прикладом к себе.

Выстрелы прошили и стену над изголовьем кровати. Биквин закричала и скатилась на пол.

Я выстрелил в ответ, пробивая в двери еще

две огромные дыры. В комнату ввалились двое мужчин. Оба были одеты в легкую домашнюю одежду. Один вооружился лазерным пистолетом, второй — карабином.

Стрелка с пистолетом я снял единственным точным выстрелом,

отшвырнувшим его тело в стену. Человек

с

карабином открыл огонь, переломив один
из

столбиков кровати.

Я кувырком ушел с линии огня,

превращавшего в лохмотья ковры и

бархатные драпировки, крушившего
зеркала

и мебель. Мне оставалось только

перекатываться в отчаянных попытках
найти

укрытие.

Но мой потенциальный убийца вдруг упал

на кровать лицом вниз. Девушка вынула
из

его шеи глиняный раскладной нож.

- Я спасла тебе жизнь, - сказала она. - Это

ведь облегчит мою участь, верно?

Я приказал ей оставаться в спальне, и ее ответный поклон позволял думать, что так

она и поступит. Затем я вышел в темный холл. Внизу было тихо.

- Фишиг? - включил я вокс.

- Спускайся, - проотрещал в ухо его ответ.

Винтовая лестница вела вниз, в огромный атриум, наполненный клубами густого дыма, медленно вытекавшего наружу через разбитые окна и двери. А оттуда внутрь врывался яркий свет Купола Солнца, и ступени лестницы словно плыли в светящейся тучане. В противоположной стене помещения имелись широкие ставни.

Если их открыть, нашим глазам предстанет

вид на снежную пустыню за пределами

Купола.

В результате перестрелки оказалось уничтожено много дорогой мебели и прочих

предметов убранства. В разных концах помещения лежали пять тел. Фишиг поднял

лицевой щиток своего шлема и усаживал шестого человека на стул с высокой спинкой.

Раненный в правое плечо, мужчина кричал и

плакал. Фишиг пристегнул его к стулу наручниками.

- Что наверху? - не оглядываясь, спросил Фишиг.

- Чисто, - сообщил я, обходя помещение, оглядывая трюны и осматривая разбросанные вещи.

- Некоторые из них мне знакомы, -

добавил исполнитель, не дожидаясь вопроса.

- Вон те, у окна. Местные чернорабочие. За

обоими глинный список мелких нарушений.

- Просто громили по найму.

- Так же как и тот, которого взял ты.

Остальные - иномиряне.

- Нашел документы?

- Нет. Просто догадываюсь. Ни у одного из них нет ни идентификаторов, ни отметок. И

мне не удалось найти тайников.

- А с этим что? - Я подошел к фишигу и прикованному к стулу пленнику.

Человек кашлял и скулил, закатывая глаза.

Он явно не был громилой, если, конечно, не

обладал искусственно увеличенной силой
благодаря каким-нибудь препаратам или
скрытой аугментике. Мужчина оказался
старше остальных, тонкокостен и
щеголял

ухоженной бородкой цвета перца с солью.

- Ты ведь специально оставил его, да? -
спросил я Фишига.

На лице исполнителя появилась легкая
улыбка удовлетворения.

- Я... У меня есть права! - внезапно
выкрикнул человек.

- Ты под арестом Имперской Инквизиции,
- откровенно ответил я. - Нет у тебя
больше

никаких прав.

Он утолк.

- Унотирянин, - произнес Фишиг и

объяснил, когда я приподнял бровь: -

Акцент.

Мне бы ни за что не удалось самому заметить такую особенность. Именно по этой причине я и стараюсь пользоваться помощью местных жителей всякий раз, когда представляется возможность. Даже таких отморозенных, как этот исполнитель.

Работа вынуждает путешествовать от мира к

миру, от культуры к культуре.

Незначительные различия в произношении или несоответствия в сленге остаются для

меня незаметными. А Фишиг заметил сразу.

Человек на стуле являлся скорее лидером, чем грохилой, вероятно, был одним из избранных помощников Эйклона.

- Как тебя зовут? - спросил я.

- Я отказываюсь отвечать.

- Тогда я пока отказываюсь перевязывать эту рану.

Он покачал головой. Рана была опасной и явно причиняла серьезную боль, но он сопротивлялся. Я еще более уверился, что это

один из главарей. Он больше не трясся и не скулил. Ровно и сосредоточенно дышал - похоже, применял какую-то ментальную методику улучшения самочувствия, которой

его, без всяких сомнений, научил Эйклон.

- Ментальные трюки тебе не помогут, - сказал я. - В этом вопросе я разбираюсь значительно лучше тебя.

- Пошел бы ты...

Я бросил на Фишига взгляд, не

допускающий пререканий:

- Держи себя в руках. Он отстранился.

- Скажи мне свое имя, - произнес я, применяя Волю.

Человек скорчился на стуле.

- Саймон Кроте, - прохрипел он.

- Годвин Фишиг! - невольно рявкнул

исполнитель. А потом покраснел и отвалил, занявшись обыском.

- Очень хорошо, Саймон Кроте, а откуда ты родом? - Больше Волю применять не имело смысла.

Исходя из моего опыта, обычно хватает и одного удара, чтобы ослабить ментальную защиту.

- Трациан Примарис.

- Какую работу ты там выполнял?

- Служил торговым послом Объединенной
Торговой Гильдии Синезиас.

Это название оказалось знакомым.

Гильдия Синезиас была одной из
крупнейших коммерческих компаний в
секторе. У них имелись связи с имперской
знатью и недвижимостью более чем на ста
планетах. Им же, как еще утром
информировал меня Бетанкор,
принадлежал
торговый баркас, стоявший в доках Купола
Солнца.

- И какие дела привели тебя на Спесь?

- Работа... прибыл как торговый посол.

- В Бездействие?

- Торговля ведется всегда. Есть кое-какие
долгосрочные контракты с властью
имущими

этого мира, требующие личных встреч.

- А если связаться с гильдией, там это подтвердят?

- Конечно.

Я обошел его вокруг и встал за спиной:

- Что привело тебя в это место? В эти частные апартаменты?

- Я был приглашен в гости.

- К кому?

- К Намберу Вилку, местному торговцу.
Он

пригласил меня на банкет по случаю середины Бездействия.

- Жилье зарегистрировано на Намбера

Вилка, - вставил Фишиг. - Торговец, как он и

говорит. Не привлекался. Я с ним незнаком.

- Что насчет Эйклона? - спросил я Кротса,

наклоняясь, чтобы заглянуть в его глаза. В

них появилась рябь страха.

- А кто это?

- Твой настоящий наниматель. Мургин

Эйклон. Не заставляй меня спрашивать
снова.

- Не знаю я никакого Эйклона!

Кажется, он говорил вполне искренне. Но

он просто мог не знать Эйклона под его

настоящим именем. Я подтянул себе стул
и

сел напротив:

- В твоей истории не сходится целая куча

разных вещей. Тебя застали в компании

рецидивистов, связанных с планетарным

заговором. На них висит множество

всевозможных преступлений... Ты как

желаешь продолжить разговор - более

близко

и всесторонне или проясним некоторые детали прямо сейчас?

- Я... не знаю, что вам рассказать...

- Все, что знаешь. Может быть, начнешь с

Понтиуса?

Но лицу Саймона стало ясно, что он счел игру окончательно проигранной. Его губы зашевелились, пытаясь что-то произнести.

Затем вдруг он выпучил глаза и угрожал.

Раздался влажный хлопок, и его голова безжизненно свесилась на грудь.

- Свет Императора... - потрясенно пробормотал Фишиг.

- Проклятие! - прорычал я, наклоняясь, чтобы приподнять безвольно повисшую голову Кротса. Он был мертв. Эйклон

предусмотрел защиту от слабиков,
срабатывавшую при определенных
обстоятельствах. И Понтиус явно входил
в

список наиболее секретных элементов
заговора.

Инсульт.

Запрограммированный.

- Итак, мы опять ничего не узнали.

- Ты уши давно чистил? Мы узнали очень
важную вещь: Понтиус - их самая
драгоценная тайна.

- Может, расскажешь подробнее?

Я собрался это сделать - не подробно,
конечно, так, в общих чертах, - но в этот
момент ставень, закрывающий вид на
снежные просторы Спеси, вылетел
наружу...

То есть совсем наружу, за компанию с
изрядным куском поверхности Купола.

Причиной тому послужил мощный взрыв.
Нас с фишигом сбило с ног ударной волной.
Куски стекла и обшивки полетели в
легкую
мглу.

Миллисекундой позже на нас посыпались
осколки хрустала, несомые ураганными
ветрами Бездействия... Буря из
миллиардов
бритвенно-острых осколков...

Глава пятая

СКРЫТЫЕ СЛЕДЫ СЕТЬИ

ГЛО С ГУДРУН

НЕПРИЯТНЫЕ СПУТНИКИ

Хоть и оглушенный взрывом, я сохранил
достаточно сообразительности, чтобы
вцепиться в фишига и выкатиться
вместе с
ним за дверь, прежде чем ее перекрыла

упавшая с потолка аварийная перегородка.

Полуослепшие и задыхающиеся, мы лежали

на веранде, а резкий свет и тепло Купола

Солнца отогревали наши промерзшие тела.

Вдоль Окон Отменели завыли сирены и

гудки. Машины арбитров были уже в пути.

Мы поднялись. Одежда и везение

защитили нас от серьезных ран в

хрустальном шторме, хотя мне здорово

рассекло щеку (потом пришлось зашивать), а

Фишигу в бедро, между сочленениями

пластин доспеха, воткнулся глиняный

осколок стекла. Но можно сказать, мы

отделались царапинами.

- Бомба сработала не вовремя? - спросил

он, хотя и понимал, что это не так.

- Демонация включилась по тому же сигналу, что убил Кромса.

Фишиг опустил взгляд и подтянул
стяжку

на рукавице, давая себе время подумать.
От

шока его лицо стало пепельно-серым.

Похоже, он только сейчас начал
понимать, какими ресурсами и
возможностями

обладали люди, с которыми нам
предстояло

бороться. Отвратительное преступление
в

Молитвеннике Два-Двенадцать

продемонстрировало размах их
натерений, но этого Годвин не видел
собственными

глазами. А теперь он любовался на

фанатичных слугителей тьмы, людей, готовых без содрогания принять смерть. Увидел, как жестоко они замечают следы.

Кроме того, ментальные капканы свидетельствовали о значительных ресурсах

и пугающей изощренности преступников в наиболее закрытых и охраняемых технологиях Империи.

Пока местные медики обрабатывали наши раны, в дом вошли отряды арбитров и занялись осмотром здания. Через некоторое

время они вытащили продрогшую Биквин.

Она была закутана в одеяла, а лицо ее посинело от холода. По моему приказу и за моей подписью ее поместили под арест.

Девушка слишком затерзала, чтобы возмущаться.

Мы с Фишигом переоделись в теплую
одежду и снова вошли в дом. На то, чтобы
залатать прореху, ремонтной бригаде
нужно

было еще два-три часа. Мы покинули ярко
освещенную веранду, миновали три
временных изоляционных занавеса и вошли
в темные синеватые сутерки
апартаментов.

Противоположная стена исчезла, и перед
нами раскинулась пустынная,
безжизненная

ночь. Снеси, глянцевый серый пейзаж,
состоящий из непроницаемых теней и
отблесков света, исходящих от Купола
Солнца. Когда я опять оказался в
пронизывающем холоде. Бездействия,
кровь, текущая в моих венах, показалась
обжигающе горячей.

Посреди гостиной, в которой мы допрашивали Кромса, образовалась воронка, покрытая сажей и усеянная стеклом.

Морозная корка покрывала мебель и перекошенные лица мертвецов. Капли крови, пролившейся под секущими ударами стеклянного шторма, казались рубинами в окружавшей темноте.

Мы шарили вокруг слепыми белыми лучами фонарей. Я сомневался, что после случившегося удастся хоть что-нибудь найти. Все ценные документы должны были

сгореть или самоуничтожиться по тому же

самому сигналу, который убил Кромса и взорвал ставень. К тому же существовала вероятность того, что всю важную

информацию эти люди держали в головах
благодаря энграммам памяти или
ментальной кодировке - особым техникам,
которые были на вооружении только в
высших эшелонах дипломатических
кругов, Администрации и элитных
торговых
делегациях.

Что возвращало меня обратно к
наимателю Кромса - Гильдии Синезиас.

...

- Это имя довольно распространено в
данном субсекторе, - сказал мне Эмос,
занимавшийся сбором информации о
Понтиусе, когда мы вернулись обратно в
уютную полутьму боевого катера. - Я
получил сведения о более чем
полумиллионе
граждан с таким именем. Еще для двух
сотен

тысяч это второе имя. Ну и еще сорок или
пятьдесят тысяч носят не много
измененные

формы того же имени.

Он помахал передо мной цифровым
планшетом. Я отстранил его и взял
зеркальце, чтобы рассмотреть рядок
металлических стержней на своей щеке.

- Что насчет организаций?

- Более девяти тысяч, - вздохнул он и
начал зачитывать их со своего планшета.

Академия юношества Понтиуса Свеллина,
Бюро переводов Понтиуса Праксителза,
Инвестиционный фонд Понтиуса Гиванта
Ронуса, Госпиталь микрохирургии имени
Шнигеля Понти...

- Достаточно. - Я уселся за клавиатуру,
вводя группы имен.

По экрану побежали и запызгали
мерцающие руны. Потом в центр выплыли
извлечения из текста. Я безло прогладел
их, держа палец на кнопке прокрутки.

- Понтиус Гло, - сказал я.

Эмос моргнул и посмотрел на меня. На его
узком лице появилась полуулыбка
ученического восхищения.

- В моих списках не значится.

- По причине смерти?

- По причине смерти.

Эмос склонился над моим плечом, глядя в
экран:

- В этом есть какой-то смысл...

Так оно и было. Несколько нелогичным
путем зерно истины было извлечено на
свет.

Подобный нюх приходит к инквизитору с

опытом.

В жилах семьи Гло текла древняя кровь благородной династии, остававшейся главным игроком в этом субсекторе почти

всю последнюю тысячу лет. Основные владения и имущество семьи размещались на планете Гудрун, в мире, уже понадавшем в

зону нашего внимания. Дом Гло также являлся главным акционером и инвестором в

Объединенной Торговой Гильдии Синезиас, судя по только что полученным мною данным.

- Понтиус Гло... - пробормотал я.

Понтиус Гло умер более двухсот лет назад.

Седьмой сын Оберона Гло, одного из

величайших патриархов этого рода,
принял

судьбу всех младших братьев. Поскольку
он

наследовал за старшими, ему досталось
не

много. Его самый старший брат, еще один

Оберон, стал главой Дома; второму по

старшинству подарили управление

активати; третий получил звание
капитана

милиции Дома; четвертый и пятый

заключили политические браки и вошли в

состав Администратута на высоком
уровне...

С этого все и началось.

Как я помнил из биографии Понтиуса Гло,
входящей в список обязательного чтения
для

стажеров Инквизиции, он стал пустым

человеком, бесстыденно

растрачивающим

свою жизнь, несмотря на прекрасное

образование, обаяние и отвагу. Он
проиграл

в азартные игры большую часть

доставшегося состояния, а потом вернул
его

за счет доходов от торговли рабами и

подпольных гладиаторских боев. В его
досье

прописалась звериная жестокость.

А когда к сорока годам злоупотребление

роскошью окончательно подорвало его

здоровье, он встал на более темную
дорожку.

Принято считать, что поводом послужил

несчастный случай: может быть, в его
руки

попал некий артефакт или документ;

возможно, подействовали странные
верования кого-то из его работ-
глаголющих.

Инстинкты подсказывали мне, что он
всегда

имел дурные наклонности и требовался
лишь

случай, чтобы позволить им расцвести.
Судя

по документам, Понтиус
коллекционировал

редкие и зачастую запрещенные книги. У
кто

скажет, когда его страсть к распутству и
эзотерической порнографии обернулась
ересью и богохульством?

Понтиус Гло стал поборником Хаоса,
приверженцем самых омерзительных и
непристойных сил, преследовавших эту
галактику. Он сплотил вокруг себя секту

и в

течение пятнадцати лет творил
невыразимое

и все более кощунственное зло.

В конечном счете его убили на
Ламсаротте

вместе с остальными сектантами во
время

инквизиционной зачистки, которой

руководил великий Авессалом Анжевин.

Дом

Гло участвовал в этой ликвидации, в

отчаянном стремлении

дистанцироваться от

преступлений Понтиуса. И скорее всего

только поэтому вместе с ним не осудили
всю

сеть.

Чудовище, печально известное чудовище.

И мертвое уже более двух столетий.

Но связь его имени с сегодняшними событиями казалась столь ощутимой, что

игнорировать ее было нельзя.

Я поднялся в рубку управления и сел рядом с Бетанкором:

- Нам потребуется межзвездный переход к Гугрун.

- Сделаю. Но может потребоваться день или два.

- Постарайся сделать все как можно быстрее.

Я отправил сообщение Верховному Хранителю Карпелу, посвятив его в некоторые, хотя и не все, результаты расследования, а также уведомив его о том, что вскоре мне придется покинуть планету, чтобы продолжить поиски на Гугрун. Затем я

с головой погрузился в чтение
конфиденциальных записей инквизитора
Анжевина, пока два арбитра, следуя моему
распоряжению, не доставили на катер
Елизавету Биквин.

Она хмуро взирала на обстановку
кают-компании и наручники у себя на
запястьях. Одежда она была в довольно
вульгарное платье и легкую накидку.

Безусловно, она была красива, и красоту ее
не портили ни дешевая одежда, ни
трачная

гримаса на лице. Хорошие кости, здоровые
зубы, яркие глаза и глянцевые темные
волосы.

Но в первые же секунды нашей встречи в
гоме Вилка я заметил в ней одну
странность.

При всей физической привлекательности

Биквин было что-то отталкивающее.

Любопытное ощущение, и я уже начал догадываться, в чем причина.

Девушка оглянулась, когда я вошел в кают-компанию. На ее лице смешались страх и негодование.

- Я помогла тебе! - выкрикнула она.

- Это верно. Хотя я не просил и не нуждался в твоей помощи.

Она нагнулась, и у меня сразу же усилилось желание вышвырнуть ее с катера пинками.

- Арбитрес заявили, что намерены предъявить мне обвинение в убийстве и преступном сговоре.

- Им отчаянно хочется свалить на

кого-нибудь все преступления. А ты, к
несчастью, оказалась причастна, хотя и
не
думаю, что преднамеренно.

- Чертовски верно! - фыркнула она. - Моя
жизнь снова пошла прахом! Только удалось
хоть немного привести дела в порядок...
- Твоя жизнь так тяжела?

Ее губы скривились в устешке, а в глазах
отчетливо читалось сомнение в моих
утверждениях.

- Я девочка для удовольствий, последняя
из последних, можно сказать вещь. Реши
сам, тяжела ли моя жизнь.

Я шагнул вперед и растегнул наручники,
надетые арбитрами. Биквин растерла
запятая и удивленно посмотрела на меня.
- Садись, - сказал я, используя Волю.

Она снова посмотрела на меня, словно
задумавшись, что это за забавные
интонации

в моем голосе, а потом спокойно присела
на

мягкий кожаный диван у стены
кают-компании.

- Думаю, что смогу снять все обвинения, -
сказал я. - У меня есть такие полномочия.
И

только благодаря моему авторитету
тебе до

сих пор ничего не предъявили.

- И за что мне такая милость?

- Вроде бы ты считала, что я задолжал
тебе?

- Не имеет значения, что я считаю. - Она
угрюмо окинула меня взглядом.

Я понял, что заинтригован. Перего мной

сидела девушка, чья привлекательная
внешность и несломленный дух делали ее,
бесспорно, желанной. И все-таки... Мне
хотелось наорать на нее и прогнать с глаз
голой. Меня охватывала беспочвенная,
инстинктивная ненависть.

- Даже если будут сняты все обвинения, я
больше не смогу оставаться здесь. Меня
затравят. Решат, что от меня одни
неприятности. Это конец моей работы.

Снова надо переезжать. - Девушка
установилась в пол и пробормотала
проклятие.

- А мне только-только удалось поправить
дела!

- Снова переезжать? Ты не со Снеси?

- Этой вонючей дыры?!

- Тогда откуда?

- Прилетела с Трациан Примарис четыре

года назад.

- Ты родилась на Трациане?

- На Бонавентуре, - покачала головой

Биквин.

Этот мир располагался практически на полсектора дальше.

- Как ты добралась с Бонавентуры до Трациана?

- Занималась то тем, то другим. То там, то

сям. Много путешествовала. Никогда не оставалась слишком долго на одном месте.

- Потому, что жизнь становилась трудной?

Еще одна устешка.

- Верно. Здесь я проторчала дольше, чем где-либо еще. Но теперь все покатилося к чертям.

- Встать! - неожиданно равкнул я, используя Волю. Она утолкла и

непонимающе пожала плечами. - Встань, пожалуйста. (Биквин поднялась на ноги.)

Хочу спросить, кто привел тебя в Окна

Отменели, двенадцать-ноль-одиннадцать.

- Я догадывалась, что ты это сделаешь.

- Если потожешь, я, возможно, предложу тебе сделку.

- Какую еще сделку?

- Могу доставить тебя на Гудрун. Дам тебе

шанс начать все заново. А еще могу

предложить работу, если тебе это интересно.

Девушка лукаво устехнулась. С ее лица

наконец ушло настороженное выражение.

От

этого она стала еще более красивой, но не стала нравиться больше.

- Работу? Ты хочешь нанять меня?

Инквизитор собирается нанять меня?

- Верно. Думаю, ты сможешь оказывать мне кое-какие услуги.

В два плавных шага Елизавета приблизилась и положила ладошки мне на грудь.

- Понятно, - сказала она. - Даже у больших, сильных инквизиторов есть маленькие слабости, да? Прекрасно.

- Ты поняла неправильно, - ответил я, отстраняя ее так вежливо, как только мог.

Физический контакт усилил чувство неестественного отвращения. - Услуги, о которых я говорю, будут для тебя новыми. Это

не та работа, к которой ты привыкла. Все еще

интересуешься?

Биквин склонила голову набок и окинула меня оценивающим взглядом:

- А ты странный... Скажи, а другие инквизиторы похожи на тебя?

- Нет.

Я приказал Мого, нашему сервитору, приступить за ней и оставил девушку в кают-компании.

В тень дверного проема стоял Бетанкор и

оценивающе оглядывал Биквин.

- А она милашка, - пробормотал он, словно я и сам не заметил.

- Ты так быстро забыл Виббен?

Он обернулся ко мне точно ужаленный:

- Это низко, Эйзенхорн. Я просто прокомментировал.

- Она перестанет тебе нравиться, когда познакомишься с ней поближе. Она неприкасаемая.

- Серьезно?

- Серьезно. Аура ментальной пустоты.

Естественного происхождения, и я еще не выяснил ее пределы. Мне трудно даже оставаться с ней в одной комнате.

- И такая красотка, - вздохнул Бетанкор, снова глядя на Биквин.

- Нам это пригодится. Я собираюсь нанять

ее, если подойдет по некоторым параметрам.

Он кивнул. Неприкасаемые встречаются редко, и их почти невозможно создать искусственно. Они обладают

отрицательным

присутствием в варпе, что делает их

невосприимчивыми к ментальным
воздействиям, а это, в свою очередь,
превращает их в потенциальное
антиинсигническое оружие. Побочным
эффектом ментальной пустоты является
неприятное поле отторжения вокруг
таких
людей, вызывающее страх и отвращение у
тех, с кем они встречаются.

Неудивительно, что ее жизнь оказалась
тяжелой и одинокой.

- Новости? - спросил я Бетанкора.

- Удалось связаться с торговым судном

«Уссин». Его владелец некий Тобиус

Максилла. Занимается торговлей

предметами роскоши в небольших

количествах. Он будет здесь через два дня
с

партией тарочного вина с Тесперуса, а

потом

отправится к Гүдрүн. За плату он предоставит нашему катеру место в трюме.

- Хорошая работа. Так когда ты окажешься на Гүдрүн?

- Через две недели.

Весь следующий час, или около того, я провел, допрашивая Биквин, но, как я и подозревал, она практически ничего не знала. Мы разместили ее в небольшой комнатке рядом с обиталищем Бетанкора.

Комната по размерам была едва ли больше

коробки, и Нилквиту пришлось вначале выкинуть оттуда горы всевозможного снаряжения, но девушка не возражала. Когда

я спросил, надо ли ей забрать какие-нибудь личные вещи из Купола Солнца, она только покачала головой.

Мы с Эмосом рылись в залежах информации, когда появился фишиг. На нем

была коричневая шерстяная униформа, а через плечо перекинuty две большие сумки, которые он бросил на пол, оказавшись на

бортy. Сумки громко лязгнули.

- Чем обязан, исполнитель? - спросил я.

Он показал мне планшет с официальной печатью Карпела.

- Верховный Хранитель разрешает вам покинуть планету для продолжения расследования. И в связи с этим... (Я взглянул на планшет и вздохнул.) Я

отправляюсь с вами, - закончил он.

Глава шестая

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

СТЫКОВКА С «ИССИНИТ»

Я направил официальную жалобу в офис
Верховного Хранителя, но сделал это
только

для проформы. Карнел мог закатить
истерик, попробуй ты улететь без его
агента. Хотя, конечно же, я мог так
поступить. Я вообще могу поступать как
вздумается. Но в этом случае Карнел мог
отказать мне в поддержке, а я не в силах
предугадать, какая помощь может
потребоваться в дальнейшем от
старейшин и

администрации Снеси. Кроме того,
Карнел

знал, что я отправляюсь на Гудрун, и все

равно послал бы туда представителя
Агенту

Арбитрес (читай - Фишига) с судейскими
полномочиями. Так что я предпочел
держать
исполнителя на виду.

За день до назначенного вылета я
приказал Ловинку приготовиться к
аутосеансу. Откровенно говоря, я
сомневался, что удастся что-нибудь
выяснить, но хотел проверить все, что
только

можно. Как обычно, мы воспользовались
моей каютой, заперли дверь, строго
проинструктировав Бетанкора на случай,
если кому-то вздумается нас побеспокоить.

Я сел в кресло с высокой спинкой и около
четверти часа посвятил погружению
своего

сознания в состояние транса. Это старая техника и одна из первых, которыми меня научили наставники Инквизиции, обнаружив

мои способности. Ловинк выложил ключевые

улики на застеленный скатертью стол: личные вещи Эйклана, кое-что изъятые из дома № 12011 и предметы из Молитвенника

Два-Двенадцать. Также рядом с нами стоял

ларец, найденный в зале криогенератора.

Как только Ловинк наконец решил, что я достаточно подготовился, он открыл свой разум варну, фильтруя его неистовое воздействие через свое сознание, прошедшее

сильнейшие тренировки. Меня затрясло - момент перехода всегда вызывал шок. В

комнате резко понизилась температура,
и

стеклянная чаша, стоявшая на соседнем
столике, неожиданно треснула. Ловинк
забормотал, его глаза закатились, он
тупо

дрожал и подергивался.

Я закрыл глаза, но по-прежнему видел
комнату. Увиденное было
астропатической

визуализацией, выстроенной Ловинком.
Все

вокруг засияло бледным синим светом,
исходящим из предметов, неожиданно
ставших прозрачными. Стены комнаты
немного подрагивали, вытягиваясь и
выгибаясь, и никак не могли прийти в
соизмерение друг с другом.

Я поочередно брал предметы со стола.

Созданная Ловинком проекция усиливала их

психометрические свойства, давая мне возможность рассмотреть, какие следы и резонансы отложились на них в варне.

На большей части предметов остались тусклые, невзрачные отпечатки, без следов

резонанса. От некоторых поднимались тонкие усики аур, оставшихся от соприкосновения с руками и сознаниями

людей. Голосовое устройство Эйклона гудело

отдаленными, неразборчивыми,

призрачными отголосками, от которых не было никакой пользы.

Пистолет Эйклона при прикосновении ужалил мою руку, словно скорпион, - и я, и Ловинк судорожно вздохнули. Я

почувствовал четкое послевкусие стерти.

Ц

решил больше не прикасаться к этому оружию.

Цифровой планшет преступника, который

Этому по-прежнему не удавалось вскрыть, сочился липкой, студенистой аурой.

Толщина псислая указывала на то, что планшет и содержащиеся в нем данные были

вовлечены в комплексные мыслительные процессы. Впрочем, это нам ничего не

давало, и я начал расстраиваться. Но
Ловинк

усилил мои способности к наблюдению, и наконец я уловил подобное шепоту слово, возможно имя...

Дайзунор.

Ларец мы осматривали в последнюю

очередь. Резонанс был силен, и предмет оплетали мерцающие полосы следов соприкосновения с варпом. Контакт с этой уликой должен был быть кратким ввиду изнуряющей силы ореола.

Начав обследование, мы обнаружили три уровня психометрической активности.

Первый казался острым и твердым, с металлическим привкусом. Ловинк утверждал, что это был отпечаток сознания

тех, кто стастирил ларец. Присутствие бесспорно выдающегося, но злобного разума.

Под этим уровнем проявлялся меньший, но более плотный и холодный, похожий на темную, погибшую звезду, тяжелый, пульсирующий след которой, казалось, заперт в самом сердце механизма ларца.

Вокруг них, кружа, словно птицы,

трепетали обрывки ментальной агонии
погибших в Молитвеннике Два-
двенадцать.

Их жалобные стоны пронзали наши
сознания

и вытягивали из нас эмоциональные силы.

Мертвые души Молитвенника оставили
псионические «отпечатки пальцев» на
устройстве, поспособствовавшем их
гибели.

Мы собирались отступить и закончить
сеанс, когда на поверхность устремился
четвертый, холодный, глубокий и
плотный

след. Вначале это просто заинтересовало
меня, но затем ошеломило то, как
страстно

он набирает силу и скорость. Мой разум
наполнило ощущение невыносимого голода.

Голод, жажда, нужда, страстное
томление...

Все это с воплями и тоской поднималось
из глубин ларца. Сквозь все остальные
энергетические следы прорывалось
темное

нечто. Я ощущал его злобу и стремление
удовлетворить свои потребности.

Ловинк оборвал связь и, задыхаясь,
свалился в свое кресло. Его кожа покрылась
пунктирами кровавых стигматов -
последствие одного из астропатических
сеансов предсказания, проведенного
давным-давно.

Я чувствовал себя не лучше. Мой разум
словно замерз... стал холоднее даже, чем
объятия Бездействия. Потребовалось
немало

времени, чтобы мысли потекли свободнее,

медленно оттаивая, словно вода в

протерзшем водостоке.

Я поднялся и налил себе бокал атасека. И как-то слишком машинально налил еще один и для Ловинка. Наши ощущения после аутосеанса никогда не были радужными, но

на этот раз все оказалось еще хуже, чем обычно.

- Там было что-то опасное, - прохрипел наконец Ловинк. - Ужасная опасность.

Внутри ларца.

- Я почувствовал.

- Впрочем, господин, весь сеанс шел не так, как надо. Словно его ослаблял или искажал... какой-то фактор...

Я ждал, когда он это скажет.

- Могу объяснить, - вздохнул я. - Девушка,

которую ты приняли на борт, из
неприкасаемых.

- Держите ее от меня подальше, -
загрожал Ловинк.

Я передал слово «дайзүтнор» Эмосу на
том

случай, если это поможет ему в работе
на

информационным планшетом, и

намеревался отдохнуть в своей каюте.

Ловинк забился в свое крохотное
обиталище

под рубкой управления. И было

сомнительно, что от астронаута будет
много

проку в ближайшее время.

Я снова сложил все улики в коробку и

запер ее в несгораемый шкаф. Все, кроме

ларца, который оказался слишком

большим

для такой процедуры. Мы хранили его под
брезентом в запирающемся кормовом
отсеке. Подняв ларец, чтобы отнести
обратно, я почувствовал отголосок ауры,
словно мы пробудили что-то в ларце,
какой-то инстинкт...

Впрочем, я решил, что это могло быть
всего-навсего игрой переутомленного
воображения. Но перчатки все-таки надел.

На обратном пути ко мне присоединился
Бетанкор. Он осмотрел вещи Виббен, но
не

нашел ни завещания, ни инструкций. Нам
потребовалось воспользоваться ее каютой,
чтобы разместить Фришига, поэтому мы
упаковали ее имущество и одежду в ящики
под диваном в кают-компании и вместе
перенесли спеленатое тело на кушетку в

медицинский отсек. Я запер за нами дверь.

- Что ты собираешься делать с ней? -

спросил Бетанкор. - У нас сейчас нет

времени на похороны.

- Когда-то Лорес сказала мне, что хочет

посмотреть, что представляют собой звезды.

Там она и упокоится.

Затем я лег спать, лихорадочно ворочаясь

в постели, несмотря на усталость. А когда

сон наконец пришел, он был холоден и

неприветлив. Электрические всполохи

сотрясали тчащиеся по незнакомым небесам

губительно черные облака, подсвеченные

неким скрытым или источником света.

Темные деревья и еще более темные,

высокие стены окружали границы моего сна.

Я чувствовал голод и жажду, исходящие от

ларца, скрытого в каком-то месте, которое

никак не удавалось найти моим глазам.

Стаи омерзительных птиц кружили в высоте, словно вытягивая из мира все краски, окрашивая весь сон в серые тона.

Весь, если не считать красного пятна, сверкавшего впереди на выцветшей почве.

Пятно удалялось с каждым моим шагом. Я побежал. Но оно продолжало действовать в

рамках логики сна и стало отодвигаться быстрее.

Наконец, задыхаясь, я прекратил бег.

Красное пятно исчезло. Снова возникло

ощущение голода, но в этот раз оно было
внутри меня, грызло мой живот,
наполняло

мою глотку жаждой. Катящиеся в небесах
облака внезапно прекратили свой бег и
неподвижно затерли. Даже вспышки
толний

застыли, оставшись просто изломанными,
фосфоресцирующими линиями.

Кто-то обратился ко мне по имени. Я
решил, что это Виббен, но, повернувшись,
не

увидел ничего, кроме легкого облачка
уплывающего дыма.

И проснулся. Судя по хронометру, я
проспал несколько часов. Горло горело, а
рот

пересох. Я осушил два стакана воды и
вернулся обратно в постель.

Голова раскалывалась, но избавиться от лишних мыслей никак не удавалось. Сон больше не вернулся.

Вокс загудел приблизительно четыре часа

спустя. Меня вызывал Бетанкор.

- «Уссин» только что вышел на орбиту, - сказал он. - Может отправляться, как только пожелаешь.

«Уссин» косо навис над перевернутой чашей Спеси, вырисовываясь на фоне звезд. Мы оставили Купол Солнца посреди снежной бури. Корпус катера нервно дрожал, пока Бетанкор вырывал нас из когтей

свирепых ледяных ветров, поднимая над бушующим океаном морозного тумана.

А затем океан устремился вниз, и мы уже

могли видеть в нем течения и завихрения

огромные центрифуги титанической
мощи.

- Там, - сказал Бетанкор, кивая в сторону
передних люков. Даже за девяносто
километров, еще не выйдя за пределы
аэропаузы, он сумел установить
визуальный
контакт.

Я смог увидеть «Уссин» только спустя
некоторое время. Желчужную крошку
планеты слегка искажал кусочек
темноты.

Через минуту его очертания уже
приобрели объем. А еще минутой позже
стало возможным различить бегущие
огоньки, освещавшие поверхность судна.
Еще минута - и «Уссин» полностью

заслонил обзор. Очертания корабля напминали какую-то огромную башню, которую вырвали из земли и бросили спокойно дрейфовать в пустоте.

- Красота, - пробормотал Бетанкор, знающий толк в кораблях.

Ункрустированные кибернетикой руки моего пилота зателькали над панелью управления, и мы взяли курс на сближение.

Боевой катер и массивное торговое судно принялись автоматически обмениваться трескотней телеметрии. По экранам панели

управления полетом побежали колонки данных.

- Грузовой клипер, классическая модель «Узольда», произведен на верфях

Ур-Хейвена или Танкреда. Величественный...

- Бортоматание Эмоса стало совсем неразборчивым, и он принялся заносить праздные наблюдения в подвешенный на запыстье планшет.

По моим оценкам, «Уссин» имел три километра в длину и все семьсот метров в

самой широкой своей части. Нос корабля являл собой глиняный гладкий конус, похожий на шпиль собора, украшенный переплетающимися готическими завитками

и утыканный бронзовыми шипами. За острым носом следовал скованный ребрами из темной стали угловатый корпус в окружении контрфорсов. Ряды зубчатых башен выпирали в верхней части корабля. Слово клыки, вперед были выставлены растущие из корпуса стометровые

антенны, а

более короткие антенны выступали с боков и

гнища, помигивая сигнальными огнями.

Кормовая часть огромного грузового судна расширялась в четыре сопла, почерневших от жара, каждое из которых было достаточно

большим, чтобы поглотить за один раз дюжину боевых катеров.

Бетанкор развернул нас и повел вдоль кормовой направляющей. Когда катер начал

заходить на посадку, от «Уссина» отделилась

и приблизилась к нам светящаяся точка, сверкая очень яркими красными и зелеными

лампками: беспилотный посадочный модуль заводил нас внутрь.

Бетанкор осторожно пристроился за ним
и

заложил крен на левый борт, как
инструктировали огоньки на посадочном
модуле. Мы аккуратно скользнули между
двумя из многочисленных мачт,
пролетели

под опоясанным ребрами брюхом и наконец
затерли под квадратным зевом шлюза,
обведенным по краю желтыми и черными
полосами. Этот шлюз являл собой лишь
одну

из шести, расположенных в днище корабля,
но только он был открыт. Нас омыло
ярким

оранжевым светом, исходявшим из него.

Обменявшись несколькими короткими

фразами с Уклидом в моторном отсеке,
Бетанкор ввел боевой катер в раскрытый
люк. А я смотрел, как в опасной близости

проходят обогранные в некоторых местах
до

голого металла края люка, толщина
которых

была не менее двух метров.

Затем катер несколько раз вздрогнул,
снаружи донеслась серия механических

ударов по его корпусу. Рубка управления

купалась в лучах оранжевого света. Я

всматривался в это свечение, но находил

только темные силуэты стоек и
погрузочных

кранов.

Катер снова вздрогнул. Бетанкор рывком

опустил рядок переключателей, после
чего

источники электропитания и
корабельные

системы с воет утолкли. Он отстранился
от

панели управления и начал натягивать перчатки.

- И нечего так волноваться, - с ехидной устешкой произнес он.

...

По правде говоря, меня сильно беспокоят события, которыми я не способен управлять.

Несмотря на имеющиеся навыки управления

техникой для перемещения в атмосфере, я не

пилот и уж точно не иду ни в какое сравнение с главианским виртуозом

Мигасом Бетанкором. Именно поэтому я и

нанял его, и именно поэтому он старается сделать так, чтобы все выглядело просто. Но

иногда мое лицо выдает тревогу,
испытываемую в ситуации, на которую я
не
имею рычагов влияния.

Кроме того, я был порядком измотан. И
при этом понимал, что сон все равно не
придет, как бы я ни старался. Впрочем,
еще
оставались дела, которыми необходимо
было
заняться.

Эмос, Биквин и Ловинк остались до поры в
катере. Как только шлюзовая камера
«Уссина» закрылась и помещение
заполнилось воздухом, я открыл люк
камера
и вышел вместе с Фишигом и
Бетанкором.

Трюм, в котором мы сели, был сводчатым

и казался необъятным. Я напугал себе,
что

это только один из шести, расположенных
в

днище судна. Поверхность стен и настила
имела масляно-черный цвет. По потолку

бежали множество натриевых
светильников, заполнявших помещение
оранжевым

сиянием. Пространство над нами
занимали

кран-балки и монозадачные подъемники, но
все они были выключены и безжизненны.

Пол покрывали остатки упаковочных
материалов. Боевой катер оказался

подвешен над закрытым иллюзовым люком
в

грязной сети стыковочных поршней и
гидравлических зажимов.

Мы пошли по трюму, чеканя шаг по

металлическому покрытию палубы. Здесь было холодно, ведь помещение совсем недавно было заполнено холодом открытого костоса.

Бетанкор, как обычно, надел костюм главианского пилота и чрезмерно пеструю безрукавку. Он пребывал в приподнятом настроении и немелодично насвистывал.

Фишиг сохранял безразличное спокойствие и

весь лучился властностью в своей коричневой судейской униформе. На куртку

он прицепил должностной значок с изображением солнечного диска.

Я оделся в скромный костюм из темно-серой шерсти, черные ботинки, перчатки и глиняный темно-голубой

кожаный плащ с высоким воротником. У
еще

вложил в кобурѹ под левой подмышкой
стабберный пистолет, прихваченный
мною

из оружейного шкафчика. Инсигния
лежала

во внутреннем кармане. В отличие от
Фишига, я не испытывал потребности
выставлять напоказ знаки своих
полномочий.

Люк на сервоприводах откатился перед
нами, и нам навстречу вышла высокая
фигура.

- Добро пожаловать на борт «Уссина»,
инквизитор, - сказал Тобиус Максилла.

Глава седьмая

ПРОЩАНИЕ

РАССЛЕДОВАНИЕ

Максилла был свободным торговцем, водившим «Уссин» маршрутом от Трациан Примарис до Великого Прегела в течение пятидесяти лет. Он рассказал мне, что в начале карьеры занимался крупными поставками продуктов потребления, но, когда крупные объединенные гильдии начали доминировать на оптовом рынке, начал специализироваться на предметах роскоши и всяческой экзотике.

- «Уссин» - скоростное торговое судно. Я получаю больше денег, если загружаю предметы роскоши, даже если не набираю полный трюм.

- Ты постоянно ходишь этим маршрутом?

- Несколько последних десятилетий. Но

все зависит от сезона. Летаю к Саметеру, Гесперусу, Трациан Примарис, Снеси, Гудрун, иногда еще и к Мессине. Когда на

Спеси кончится Бездействие, будет много
работы.

Мы сидели в роскошных апартаментах
для

проведения переговоров, потягивая
великолепный атасек из больших
хрустальных бокалов. Максилла не
переставая хвастался, но это было
нормально. Он имел право гордиться и
кораблем, и репутацией.

- Значит, ты хорошо знаешь этот
маршрут? - вставил Фишиг.

Максилла улыбнулся. Он был жилистым
мужчиной неопределенного возраста,
одетым в длиннополый плащ из красного
бархата, с широкими манжетами,
застегивающимися на кнопки. На шее -
экстравагантный платок из черного
кружева.

В улыбке он обнажал зубы,

инкрустированные перламутром.

Показная

роскошь обычна среди владельцев кораблей

и составляет часть их хвастовства.

«Забудь

про родословную и благородную кровь, -

однажды сказал мне один из них, - только

в

облагании звездными судами рождается

новая знать Империи». Свободные

торговцы

являли собой настоящую имперскую

аристократию.

Но крайней мере, так думал и Максилла.

Он посылал лицо белой пудрой и носил

сапфировую мушку на щеке. Его

потрясающий двурогий парик был соткан

из

серебряных нитей. А по стенкам пүзатого бокала звякали тяжелые драгоценные перстни-печатки, үнизавшие пальцы сүговладельца.

- Да, исполнитель, я хорошо с ним знаком.
- Фишиг, не дүтаю, что ү нас үже появился повод допрашивать мастера Максиллу, - заметил я.

Бетанкор фыркнүл, а Максилла үстехнүлсә. Фишиг с негодованием үставился в свой атасек.

В котнатү вкатился сервитор, напоминающий носовүю фигуру на древних торских кораблях. Полногрудая девица с позолоченными зтеями в волосах прожүжжала по дорогомү селгионскомү ковру и предложила нам поднос с деликатесными закусками. Я взял одну

штук из вежливости. Это оказалась
полоска

великолепно приготовленного кетелфиша,
который был слегка обжарен и завернут в
практически прозрачный листик теста.

Бетанкор сгреб в ладонь целую
пригоршню.

- Ты с Главиу? - спросил его Максилла.

И они мгновенно перешли к обсуждению
знаменитых главианских глинноносых
яхт. Я

потерял интерес к разговору и оглядел
помещение. Среди прочих ценностей
обнаружился ряд бесценных портретов
саметерской школы, императорные бюсты
правителей планет, световые скульптуры

Джокаэро, старинное оружие и

установленные на платформы

церемониальные доспехи с зеркалами с

Витрии. «Этос оценил бы это», - подумал я.

Поездка должна была занять не менее недели. Мне захотелось предоставить моему

научному помощнику такую возможность.

- Ты знаком с Гудрун? - спросил меня

Максилла.

- Это будет моим первым визитом, -

покачал я головой. - В этом субсекторе я всего около года.

- Прекрасное место, хотя, возможно, покажется тебе немного шумным. Сейчас

там проходит фестиваль, посвященный основанию нового полка гвардии, и

продлится он месяц. Если у вас будет время, рекомендую посетить Имперскую Академию

изящных искусств и музеи гильдий в Дорсае.

- Я могу оказаться слишком занят.

- Я всегда нахожу время для

познавательных экскурсий, инквизитор, -

пожал он плечами. - Но понимаю, что твоя

работа скорее всего куда более напряженная, чем моя.

Я пытался выяснить его мотивы, но пока ничего не добился. Он согласился помочь

нам с перелетом за весьма скромную плату, хотя мог потребовать значительно больше. Я

уже заплатил ему имперскими облигациями.

Большинство судовладельцев предпочитают

не отклонять запрос, исходящий от инквизитора, даже если очень спешат.

Максилла не хотел ссориться с

Инквизицией? Или просто был

благородным

человеком?

Или ему было что скрывать?

Я заинтересовался. Хотя, если по правде,
меня это не слишком беспокоило.
Возможно, он полагал, что в будущем
сможет

рассчитывать на какое-нибудь
покровительство.

И если так, то он ошибался.

«Уссин» покинул Снесь тем же днем, легко
перешел в Умлатериум и полным ходом
двинулся к Гудрун. Максилла выделил нам
комнаты на борту своего судна, но мы
проводили большую часть времени на
катере, погрузившись в работу. Бетанкор
и

сервиторы взялись за ремонт. Ловинк
спал. Я

вместе с Фишигом и Эмосом проделал
кучу

бутажной работы, касавшейся
расследования, и обкатывал так и этак
различные версии. Я все еще не
рассказывал

Фишигу то немногое, что знал о
Понтиусе, но

вряд ли пройдет слишком много времени,
прежде чем он сам проведет все
взаимосвязи.

Биквин держалась обособленно. Она
позаимствовала комплект рабочей
одежды

из хозяйственного шкафчика, и я
несколько

раз видел ее читающей книги, взятые из
моей личной библиотеки. Главным
образом

лирика и кое-какие работы по истории и

философии. Я не возражал. Лишь бы не
пугалась у меня под ногами.

На третий день пути я снова встретился
с

Максиллой, и мы вместе отправились на
верхнюю прогулочную палубу. Емү,
казалось, нравилось рассказывать о
происхождении

выставленных там картин в
позолоченных

ратах и связанные с ними истории.

Чногда по пути попался занятый
чем-нибудь сервитор, но ни единого живого
члена экипажа мне не встретилось.

- Твой друг... Фишиг... не слишком учтив, -
протянул Максилла.

- Он мне не друг. И действительно не
учтив. Пытался допрашивать?

- Мы с ним вчера недолго... побеседовали

на главной палубе. Он спросил меня, не
знавал ли я человека по имени Эйклон. И
даже показал мне фотографию.

- И что ты ответил?

- Ну и кто теперь допрашивает? -
сверкнул

он перламутровыми зубами.

- Прости мою опрометчивость.

- О, ничего страшного! -махнул он

кружевным рукавом. - Спрашивай на

здоровье! Спокойно озвучь все свои вопросы,
чтобы между нами не было недопонимания!

- Ну что же... Так что ты ему ответил?

- То, что не знаю этого человека.

- Спасибо за искренность, - кивнул я.

- Но я солгал.

Я резко развернулся и в упор уставился на
Максиллу. Тот по-прежнему улыбался.

Внезапно у меня возникло ужасное
ощущение, что все мы попались в западню,
и

я проклял себя за то, что оставил в
катере
личное оружие.

- Не волнуйся. Я солгал ему потому, что
он

высокомерный невежа. Но тебе открою
правду. У меня никогда не возникало
желания вставать на пути Имперской
Инквизиции.

- Мудрая философия.

Максилла шлепнулся на обтянутую
атласом кушетку и расправил полы
плаща.

- Последний раз я был на Трациан

Притарис два месяца назад. Вел
переговоры

о постанках, проводил кое-какие встречи.

Все как обычно. И вот тогда-то и появился

Эйклон. Конечно, он представился иначе. Но

будь я проклят, никак не могу припомнить, как именно. Но это был он. С ним заявили

и другие... мрачный, бандитского вида сброд. Один назвался Кротсом, торговым послом. Пытался убедить меня, что тот человек, которого вы ищете, уполномоченный Гильдии Синезиас. Но это явная чушь, хоть у Кротса даже имелись подтверждающие документы.

- Чего он хотел?

- Нанять меня на пробег порожняком до Гудрун. Там надо было взять груз и доставить его на Снесь.

- Что за груз?

- Так далеко дело не зашло. Я отказался.

Предложенные условия оказались нецелесообразными. Он предлагал приличную плату, но доходы от моей обычной деятельности меня вполне устраивают.

- Уля контактного лица на Гудрун тебе тоже неизвестно?

- Мой дорогой инквизитор, я ведь простой торговец, а не детектив.

- А может быть, ты знаешь, кто в результате принял фрахт?

- Я знаю, кто не принял. - Он подался

вперед. - Иногда случается поболтать с

хозяевами других кораблей. Похоже, довольно многие отклонили эту работу, и

большинство поступило так по одной

простой причине.

- И какой же?

- Нахло неприятностями.

На пятый день мои сны начали приходить
в норму. И даже слишком, поскольку
Эйклом

снова пробрался в мои грезы. Он являлся
мне, настигаясь и угрожая. Из его слов не
запомнилось практически ничего, а по
пробуждению оставалась только оскомина
от

его ухмыляющейся физиономии.

И хотя во снах это точно был Эйклом,
думаю, что не его улыбку я запоминал.

«Уссин» вошел в реальное пространство,
подходя к системе Гудрун утром восьмого
дня, опережая сроки. Максилла говорил,
что

его судно при нормальных условиях очень

быстрое, и это оказалось не пустым
бахвальством.

Я попросил его совершить выход из
Цилиндриума за пределы системы, в
разумном удалении от шумных торговых
маршрутов, которые использовали
большинство прибывающих на Гудрун
кораблей. Тобиус согласился без вопросов.
Это была короткая задержка.

- Кем она была? - спросила меня Биквин,
когда мы стояли в обзорной рубке и
смотрели, как закутанное в саван тело
Виббен уплывает от «Иссина», вращаясь
вокруг своей оси.

- Другом. Товарищем, - ответил я.

- Она хотела уйти подобным образом? -
спросила девушка.

- Не думаю, что она вообще хотела

уходить, - произнес я.

Эмос и Бетанкор напряженно
взглядывались в широкий иллюминатор.
Выражение на лице Эмоса прочесть было
невозможно. А мрачное лицо Бетанкора
мучительно скривилось.

Ни Ловинк, ни Фишиг к нам не
присоединились. Но, обернувшись, я увидел
Максиллу, почтительно застывшего в
дальней части обзорной рубки. На нем
были

нагеты глинный траурный плащ из
черного

и короткий парик с черными лентами.

Увидев, что я смотрю на него, он
приблизился.

- Надеюсь, что не вторгаюсь не в свои
дела. Мое почтение вашему погибшему

товарищу.

Я благодарно кивнул. Он не обязан был утруждать себя, но, казалось, это правильно, что хозяин корабля присутствует на костических похоронах.

- Я не знаю точно, как правильно проводить подобные церемонии, Максилла, -

сказал я, - но думаю, что именно этого она бы попросила. Я прочитал «Имперское кредо» и «Обращение к мертвым».

- Тогда ты справил по ней отличную службу. Если позволите... - Он махнул рукой, приказывая выйти вперед одному из своих

золоченых фигурных сервиторов, который держал поднос с бокалами и графином.

- По традиции за отбывшего необходимо

поднять тост.

Все взяли бокалы.

- За Лорес Виббен, - произнес я.

Потом последовала минута молчания, и

мы медленно разошлись. Я сказал

Максилле, что мы можем приближаться к

Гүдгүн, и он

ответил, что на вход в систему

потребуется

около двух часов.

На пути к катеру я обнаружил, что иду

вместе с Биквин. Хотя на ней и был

надет

позаимствованный старый рабочий

комбинезон, но он непонятным образом

только подчеркивал ее красоту.

- Мы почти на месте, - сказала она.

- Верно.

- Что входит в мои обязанности?

Следовало бы раньше объяснить ей, кто она есть и почему я завербовал ее. В пути хватало свободного времени, но, думаю, я просто откладывал этот разговор до последнего. Я нашел время показать Эмосу коллекции Максиллы и даже поиграть в регидис с Бетанкором. К сожалению, мне никак не удавалось избавиться от отвращения к ней.

Я велел ей идти за мной на прогулочную палубу и по пути начал объяснять.

Не знаю, какой реакции я от нее ожидал.

Когда же до нее дошло и девушка разрыдалась, мне с трудом удавалось сдерживать раздражение. Я понимал, что раздражение вызвано только ее природой, и пытался выразить ей заслуженное

сочувствие.

Она плакала, сидя на стуле с пестрой шелковой обивкой под одной из огромных картин со сценой охоты, где знать преследовала добычу верхом на породистых

урсагонах. Время от времени девушка выплевывала проклятие, но большую часть

времени просто скулила от жалости к себе.

Ее расстроила не предложенная мною работа. Просто она обрела фундаментальное

знание, что она... неправильная. Горькая жизнь без друзей и любви и тяжелые удары судьбы внезапно получили объяснение, и это

объяснение заключалось в ее собственной

природе. Полагаю, что прежде в своих бедах

она обвиняла всю галактику, а теперь я выбил у нее из-под ног эту опору.

Я выругал себя за то, что заранее не подумал о последствиях. Я отнял у нее чувство собственного достоинства и ту крошку надежды, которую ей удавалось сохранять. Показал ей, что все ее усилия найти комфорт, любовь и уважение в жизни

пусты, тщетны и самоубийственны. Я попытался заговорить о работе, которую она

могла бы сделать для меня. Но она не слишком заинтересовалась. В конце концов я

подтянул еще один стул и сел рядом с Биквин, пока она пыталась усвоить

болезненную правду.

И все еще сидел там, когда поступил
вызов

по воксу. Это был Максилла.

- Инквизитор, не мог бы ты

присоединиться ко мне на мостике? Мне
может потребоваться помощь.

Мостик «Уссина» являл собой широкое
куполообразное помещение, полы и колонны

в котором были выполнены из

черно-красного трамора. Возле

закрепленных в полу стоек с консолями

стояли сервиторы, сложные и безупречные,
словно статуи, их ловкие руки
оперировали

системами управления, встроенными в
полированные панели из красного дерева.

Воздух в помещении оказался прохладным
и

спокойным, и тишину нарушали только тихий гул и потрескивание работающих машин.

Максилла, все еще в траурном облачении, восседал на огромном кожаном троне, оглядывая комнату с императорского возвышения. Из спинки трона вырастали глиняные сочленения, удерживающие мониторы и консоли. Но все внимание Тобиуса было приковано к широкому обзорному иллюминатору, занимавшему большую часть передней переборки мостика.

У каждого сервитора лицо представляло собой золотую человеческую маску античного совершенства.

- Инквизитор, - сказал Максилла, поднимаясь.

- Весь твой экипаж состоит из

сервиторов,

- ответил я.

- Да, - несколько встревожено ответил он.

- Они надежнее, чем чистая плоть.

Я не стал комментировать. Отношения

Максиллы с «Уссином» казались мне

похожими на отношения Agentys
Механикус

с машинами. Постоянное взаимодействие
с

такими древними инструментами
убедило

их в естественности подчиненного
положения людей.

Я проследил за его взглядом и посмотрел
в

главный иллюминатор. Перед нами
лежала

сверкающая сфера Гудрун: сливочные

водовороты облаков, занятные
лимонно-зелеными тенями обширных
лесов.

Приятное местечко с умеренным,
регулируемым климатом. Пространство
между нами и планетой густо усеивали
россыпи черных теней. Стоящие на рейде
суда, понял я. Огромные гредноуты,
вставшие на высокий якорь, караваны
торговых судов, конвои грузовых барж,
тянувшихся за нити на прицеле. Редко
можно

увидеть столь оживленную деятельность на

орбите.

- Какие-то проблемы? - спросил я.

Максилла смотрел в окно мимо меня, и в его глазах светилось некоторое беспокойство.

- Я произвел положенные маневры и лег

на курс, по которому должны приближаться

торговые корабли. Контроль Гудрун

направил меня на высокий якорь. Все

необходимые документы у меня в порядке, и

все пошлины уплачены. Но меня только что

проинформировали, что мы должны пустить

на борт инспекцию.

- Это необычно?

- За последние десять лет это будет впервые.

- Объяснение?

- Говорят, что по соображениям

безопасности. Я уже рассказывал тебе, что

там полным ходом идет фестиваль, посвященный основанию нового полка.

Сейчас на орбите размещена значительная

часть подразделений Военного флота

Скаруса. Думаю, что военные сейчас

стараются быть максимально осторожными.

- Ты упоминал про мою помощь.

- Инспекция уже вылетела. Мне кажется, что некоторые вопросы можно уладить быстрее, если кроме хозяина корабля они

убьют имперского инквизитора.

- Максилла, я не могу влиять на их работу.

Он невесело растеялся и посмотрел мне в глаза:

- Конечно можешь! Но я не об этом прошу.

В присутствии инквизитора они будут относиться к «Уссину» с большим уважением. Мне не хотелось бы, чтобы они

бездумно перевернули здесь все вверх дном.

Я на мгновение задумался. В его просьбе содержался намек на то покровительство, которого, как я ожидал, он может попросить.

И еще дело пованивало правонарушением.

- Я соглашусь присутствовать только ради

порядка, если можешь уверить меня, что

тебе нечего скрывать.

- Инквизитор Эйзенхорн, я...

- Оставь этот негодующий тон, Максилла.

Я прошу только, чтобы ты гарантировал мне

это. Если в моем присутствии будет вскрыт

какой-нибудь грязный секрет или обнаружен

запрещенный груз, у тебя возникнет куда больше проблем, чем просто с Имперским костическим флотом.

На его лице проступило сильное разочарование. Или он был превосходным актером, или я действительно задел его чувства.

- Мне нечего скрывать, - прошипел он. -

Мне казалось, что мы стали... ну, если и

не

друзьями, то добрыми знакомыми хотя бы
на этот рейс. Я оказал вам
гостеприимство и

предоставил конфиденциальную
информацию. Мне больно, что ты
по-прежнему в чем-то меня подозреваешь.
- Подозрения - это моя работа, Максилла.
Если я чем-то обидел тебя, приношу свои
извинения.

- Мне нечего скрывать, - пробормотал себе
под нос Максилла и пошел к дверям шлюза
встречать инспекторов.

Вдоль огромного «Уссина» пролетел
матово-серый патрульный катер Военного
флота и пристыковался к воздушному
шлюзу. Встречать его вышли мы с
Максиллой, Фишиг и два основных

корабельных сервитора - какие-то
мифологические создания из золота и
серебра.

Я вызвал Фишига, решив, что если уж
давить авторитетом, то судебный
исполнитель тоже не помешает. А
Бетанкору
и всем остальным велел не показывать
носа
из катера.

Завращались запирающие колеса, и
створки шлюза раскрылись, выдыхая
струи

пара. Из тумана вышла дюжина рослых
фигур. Все были одеты в серо-черные
доспехи службы безопасности

Военно-космического флота с символикой
Сектора Скаруса на груди и золотыми
шнурками эполет. Их лица скрывали

опущенные щитки рифленых
кератитовых

шлемов и дыхательные маски. Вооружены
они были компактными,
короткоствольными
автоматами.

Их лидер вышел вперед, и все остальные
сгруппировались у него за спиной.

Выглядели они не слишком опрятными,
даже

грязными. Этим солдатам явно
недоставало

дисциплины даже для печально известной
службы безопасности. То, что люди
устали, сквозило в их движениях. Им тоже
хотелось

побыстрее покончить с формальностями.

- Тобиус Максилла? - пролаял лидер

искаженным и приглушенным маской
голосом.

- Я Максилла, - ответил хозяин судна, делая шаг вперед.

- Вы должны были получить уведомление о необходимости проведения инспекции на борту вашего судна. Предоставьте мне списки экипажа и накладные на груз. Мы ожидаем вашего полного содействия.

По кивку Максиллы один из сервиторов бесшумно покатился вперед, передавая главе

инспекции информационный планшет с запрошенной документацией.

Командир отряда даже не посмотрел в него:

- Есть ли вам в чем признаться до того, как

начнется проверка? Если вы сами признаетесь в том, что перевозите контрабанду, это облегчит вашу участь.

До сих пор я просто наблюдал за
происходящим. Двенадцати человек едва
ли

достаточно, чтобы произвести обыск
такого

огромного судна, как «Уссин». Где же их
сервиторы, сканеры, фотки, мультключи
и

тепловые детекторы?

По моему облику невозможно было
установить, кто я такой, но почему они
не

отреагировали на присутствие
исполнителя

Агентус Арбитрес?

Вокс был настроен на волну катера. Я не
стал говорить, но три раза щелкнул по
нему.

Невербальная часть глоссии. Бетанкор
должен был понять.

- Вы не представились, - произнес я.

Командир отряда безопасности обернулся ко мне.

В его опущенном на лицо щитке я видел только свое отражение.

- Что?

- Вы не представились и не предъявили инспекционного ордера. Чего в обязательном порядке требует протокол такого рода мероприятий.

- Мы сотрудники сил безопасности

Военно-морского флота... - сержант

начал он, делая шаг в мою сторону. Его плечи

перетинались с ноги на ногу.

- Вы можете быть кем угодно. - Я извлек

свою insignию. - Я Грегор Эйзенхорн, имперский инквизитор. Либо все будет

проводиться по правилам, либо не будет проводиться вовсе.

- Ты Эйзенхорн? - произнес он.

В его голосе напрочь отсутствовало удивление. А мне больше не требовалось доказательств.

Вся моя команда была поднята по тревоге, едва их оружие начало подниматься.

Глава восьмая

ДЮЖИНА УБИЙЦ

ПРОКУРАТОР

ТОРГОВЦЫ ЗЕРНОМ С

ГЕСНЕРУСА

Максилла изумленно вскрикнул.

Командир отряда и двое его людей открыли

огонь. Их компактное автоматическое оружие было предназначено для ведения

боевых действий на борту костических
кораблей и в условиях невесомости
слабоинерционное оружие с талым ходом
затвора, стрелявшее тупоносными
снарядами, не способными пробить обшивку
корабля.

Но ударной мощи было более чем
достаточно, чтобы изрешетить человека.
Я

бросился в сторону прежде, чем первые
выстрелы стали рикошетить от палубы
и

оставлять уродливые рубцы на стенах. В
считанные секунды воцарился сущий хаос.

«Инспектора» начали вести по нам огонь
на

поражение. Они стреляли очередями, и
воздух наполнился дымом, а шлюзовой
отсек

задрожал от вспышек и треска стрельбы.

Один из сервиторов Максиллы попытался двинуться на нападавших, но оказался обезглавлен, а после и вовсе был расчленен на запчасти. Другой попытался закрыть собой Максиллу, но снаряды перебили ему гусеницы и пробили корпус.

Два выстрела продырявили полы моего плаща, но сам я успел скрыться за дверью.

Тде и выхватил из кобуры стаббер.

Фишиг тоже извлек свое оружие и,

отстреливаясь, пятался к двери.

Плотным

огнем ему удалось сбить одного из солдат, который отлетел в сторону в брызгах крови.

Но потом самого Фишига срубило прямое попадание в живот. Сложившись пополам, он свалился в угол и затих.

Максилла взревел и поднял правую руку. С

одного из декоративных колец сорвался
луч

ослепительного света и, поразив
ближайшего

противника в грудь, разограл тому доспех
и

спалил человека до костей. Когда
дымящиеся

останки рухнули на пол, другой
«инспектор»

выпустил в суговладельца очередь,
швырнув

его в стеклянные двери помещения со
спасательными костюмами.

Остальные устремились в мою сторону. Я
прицелился и выстрелил, пробив щиток
шлема первого из приближающихся
солдат.

Он опрокинулся навзничь.

Мой стабберный пистолет был

разработан

для скрытого ношения и рассчитан
только на

четыре патрона. Еще одна запасная
обойма

лежала в кармане плаща. У меня
оставалось

семь выстрелов и девять противников.

Стаббер обладал хорошей

останавливающей мощностью. В обойме

помещалось только четыре заряда по той

причине, что каждый патрон имел весьма

крупный калибр и был размером с мой

большой палец. Короткий широкий ствол

моего стаббера выплюнул еще один снаряд,

и

еще один солдат отлетел в сторону.

Я отступил в коридор, прижимаясь к

стене. Путь, ведущий к воздушному шлюзу,

представлял собой широкий, опутанный
проводами проход, освещаемый только
через иллюминаторы в палубе. Мимо
меня

просвистело несколько срикошетивших
осколков. Я снова выстрелил, но в этот
раз

промахнулся. Ответная очередь разнесла
распределительный щит, и стену осыпало
фонтаном искр. Откатившись в тень, я
нащупал замок люка у себя за спиной,
распахнул его и бросился внутрь, когда по
стенам застучал град из снарядов и
осколков.

За люком обнаружился узкий инженерный
туннель, ведущий к главным стыковочным
механизмам воздушного шлюза. Полот в
нем служила металлическая решетка, а
близко расположенные стены покрывало

переплетение кабелей и гидравлических
шлангов. В конце коридора по стотровой
шахте и вверх и вниз уходила
приimitiveная

металлическая лестница.

Впрочем, на то, чтобы карабкаться по
ней, времени не оставалось. Первый солдат
уже

просунулся в люк и поднял оружие. После
того как выпущенный мною залп поразил
его

в грудь, я спрыгнул с решетки прямо в
шахту.

Пролетев пять метров, я рухнул на пол.

Помещение освещал только

вспомогательный красный свет. А визоры
шлемов противников были оснащены
дополнительной оптикой.

Оказавшись в чреве стыковочного

механизма, я пополз между огромными,
хорошо смазанными поршнями и

гидравлическими молотами размером со
взрослые голубые ели. Среди ценой и
тросов

клубился пар и разлетались брызги масла.

Вибрация, исходящая от мощных
компрессоров и регуляторов атмосферы,
заставляла дрожать воздух.

На рукояти стаббера горели все четыре
предупредительных огонька. Найдя
укрытие, я извлек израсходованную обойму
и вошел

на место новую. Вместо красных
загорелись

четыре зеленых огонька.

Со стороны лестницы донесся шум. Вниз
спускались двое «инспекторов», четко
вырисовывавшихся в свете ламп.

Как оказалось, их визоры были

оборудованы и тепловыми детекторами.

Это

стало очевидно, когда они открыли огонь
в

моем направлении. Я укрылся за поршнем,
но одна пуля отприкошетила от металла и

ранила меня в плечо, швырнув на пол. При

ударе лицом о решетку на моей щеке
снова

открылась рана, когда слетели скобки,
стягивавшие ее края.

Вокруг меня опять застучали пули.

Очередной рикошет пробил носок моего
ботинка, а еще один угодил в руку.

В результате последнего ранения я

выронил стаббер. Он зазвенел по полу,
потизгивая зелеными огоньками.

В мою сторону теперь продвигались по
меньшей мере трое противников,

пробиравшихся по узким проходам мимо

машин. Я на карачках уползал за
горизонтально расположенный зажатый
поршень, а вокруг меня свистела смерть.

Я подумал о том, чтобы применить
Волю, но никак не удавалось найти
подходящее

место, чтобы попытаться задействовать
хоть

какой-нибудь соответствующий случаю
трюк.

С другой стороны зажатого поршня
обнаружились выходы стыковочных
колодок

и огромные амортизаторы, смягчавшие
столкновение при стыковке. От панели
управления, вмонтированной в стену
между

амортизаторами, исходило зеленоватое
свечение. Панель окружал пластиковый

козырек, похожий на те, что бывают у
уличных пунктов связи. Я попытался
постучать по нескольким иконкам
управления, но высветилось небольшое
овальное окошко, сообщающее, что
терминал отключен. Это производилось
автоматически, исходя из соображений
безопасности, когда другой корабль - в
данном случае катер службы безопасности
Военно-морского флота -
пристыковывался к воздушному шлюзу
на любой высоте.

За стоявшим вокруг шумом я услышал,
как

первый из противников уже пробирается
через зажимной поршень и движется по
тому следу к амортизаторам.

Я извлек инквизиторскую инсигнию. Это

знак моих полномочий, но не только.

Нажатие большим пальцем произвело на свет небольшой мультиключ, который я вставил в разъем терминала. Экран затормозил, когда ключ заработал. Моя инсигния

гарантировала имперский допуск пурпурного уровня. Я молился только об одном - чтобы Максилла не перекодировал весь корабль под себя.

Экран вспыхнул снова. Я отправил приказ открыть шлюзовую камеру.

«Док находится в рабочем состоянии», - высветились яркие зеленые буквы.

Я еще раз подтвердил приказ.

Стыковочный зажим с грохотом отделился. Взревели амортизаторы, из всех

щелей начал вырываться пар. Завыла

сирена.

И раздался тучительный крик, когда преследовавшего меня солдата протащило и

сокрушило десятью тоннами

растягивающегося рукава поршня.

Откуда-то сверху донеслись удары и

скрежет рвущегося металла, едва слышимые

на фоне шума в отсеке стыковочного механизма.

Когда шипение и свист массивных

поршней стихли, а выбросы пара почти

прекратились, я отошел от терминала. Двоих

солдат сокрушило тяжестью поршней, а

третий сварился в собственном гонимом

струей горячего пара.

Я поднял оброненный им автомат и
вернулся по собственным следам. По моим
расчетам, оставалось еще четыре
противника. Я прошел обратно по
инженерному туннелю и выбрался в
проход, ведущий к воздушному шлюзу.

В коридоре по-прежнему был слышен
приглушенный рев тревоги, а вдоль стен
горели аварийные огоньки. Внезапно слева
от меня выросла фигура. Я прокрутился
вокруг своей оси. Это оказался Бетанкор.
Он

посмотрел прямо на меня и поднял один из
своих элегантных излометов. А затем
дважды выстрелил.

По моим барабанным перепонкам ударил
низкий гул, и в другом конце коридора из
укрытия выпал солдат службы
безопасности.

Еще один выстрел, и противник замер без движения.

- Прибыл, как только получил сигнал, - сказал Бетанкор.

- Сколько у тебя на счету?

- Пока что четверо.

- Тогда мы скорее всего закончили. Но оставайся начеку.

Я сам устехнулся своим словам. Говорить Мугасу Бетанкору оставаться начеку практически то же самое, что уговаривать собаку оставаться волосатой.

- Ты ранен, - сообщил он. - А какого черта здесь происходит?

По моему лицу стекала кровь из вновь открывшегося пореза, я едва мог шевелить простреленной рукой и с ног до головы

перемазался машинным маслом.

- Никакая это не инспекция. Они искали меня.

- Служба безопасности

Военно-морского флота?

- Не думаю. Слишком сильно мазали и даже не знали процедуры осмотра.

- Но, кровь Императора, у них же были униформа, оружие... и даже военный катер...

- Вот это-то меня и беспокоит.

Мы вернулись к воздушному шлюзу. Когда я произвел импровизированную отстыковку

катера, опустилась аварийная заслонка.

Через иллюминаторы я видел серый корпус, все еще связанный с «Уссином»

покоренными сочленениями.

Внутренний

люк катера вырвало, и пассажирский
отсек

открывался в вакуум. Если команда и
выжила, то люди должны были
спрятаться в

передней части и стали практически
беспомощны.

Я проверил Фишига. Он оказался жив.

Униформа арбитра была хорошо
артирована, но попадания с близкого
расстояния, судя по всему, послужили
причиной серьезных внутренних
повреждений: исполнитель потерял
сознание и из его рта текла кровь.

Бетанкор обнаружил Максиллу за
разбитыми стеклянными дверьми,
ведущими в хранилище спасательных
костюмов. Судовладелец отполз вглубь и

теперь сидел, прислонившись к стеллажу

оборудованием. Ни же груди его дорогие одеяния были изорваны, и у капитана не хватало ног.

Впрочем, ни же груди его тело не являлось человеческим.

- Итак, наконец ты увидел... мои интимные подробности, инквизитор... - произнес он, пытаясь улыбнуться.

По моим представлениям, он должен был испытывать сильную боль. Для управления

сложным бионическим телом требовалось произвести подключение огромного количества запутанных нервных соединений.

- Тобиус, чем я могу помочь тебе?

- Я уже вызвал сервиторов, - покачал он головой. - И скоро буду снова на ногах.

Мне хотелось задать множество вопросов.

Была ли эта переделка тела результатом

травмы, болезни или возраста? Или он ее произвел из прихоти? Но я оставил вопросы

при себе. Они не имели отношения к моему

расследованию.

- Нужен доступ к твоей астронавтической связи. Необходимо связаться с

командованием Военного флота и побыстрее

покончить с этим делом. Эти люди не были

отрядом службы безопасности.

- Тебе будет предоставлен необходимый

доступ. А заявку о проведении проверки
можешь извлечь из бортового журнала.
Это было хорошей новостью. Я
сомневался, что командование Военного
флота Скаруса воспримет информацию
спокойно.

Я оказался прав, но только наполовину.
Уже через полчаса я стоял в окружении
услужливых сервиторов на мостике
«Уссина»
и докладывал о происшествии
командованию Военного флота по
конфиденциальному каналу
астронавтической связи. Вскоре мне
предоставили и голосовую связь со штабом
лорда адмирала Лорнала Спатиана,
который
потребовал оставить «Уссин» на высоком

якоре и ждать прибытия отряда службы безопасности и прокуратора Военного флота.

Надо сказать, идея сидеть на месте и ждать, пока заявится еще больше солдат, выглядела не слишком привлекательно.

...

- Дежурные, сэр, - сказал мне два часа спустя прокуратор Ольм Магортин.

Он оказался тощим мужчиной со старым аугментическим внедрением в шее, под левым ухом, и коротко подстриженными седеющими волосами. На нем была униформа дисциплинарной роты Военного флота: куртка с высокими накрахмаленными

белым воротничком, красные перчатки, выглаженные брюки и высокие сапоги из лакированной кожи. Магортин повел себя

учтиво с первой секунды своего пребывания на борту - он поприветствовал меня и взял под козырек своей фуражки с белой кокардой и золотой тесьмой.

Сопровождавшие его солдаты были одеты точно так же, как и те, что пытались убить

нас, но демонстрировали большую дисциплинированность и выдержку.

- Дезертиры?

Мадортин чувствовал себя неловко. Ему явно не хотелось вступать в конфликт с инквизитором.

- Из рекрутов Гвардии. Вы уже знаете о том, что на Гудрун формируется новый полк.

По приказу лорда главнокомандующего были

набраны семьсот пятьдесят тысяч

человек, чтобы составить Пятидесятый
Гудрунский

стрелковый полк. Подобные размеры
фортификация и то, что это уже
пятидесятый

полк, набранный на этой прославленной
планете, послужили причиной

всепланетного празднования и связанных с
ним военных учений.

- И эти люди дезертировали?

Мадортин бережно взял меня под локоток
и отвел в сторону, когда его солдаты
принялись вытаскивать тела
математиков и

упаковывать их в мешки. Я приказал

Бетанкору приглядывать за ними.

- У нас возникли проблемы, -

доверительным шепотом произнес он. -

Первоначально планировалось набрать

полмиллиона, но лорд главнокомандующий
на прошлой неделе увеличил квоту ввиду
подготовки к крестовому походу в

Офигианский субсектор... Ну и
естественно, у многих просто не было
выбора. И, между

нами говоря, большие празднества
представляют собой попытку частично
отвлечь внимание от проблемы. В
казармах

случались беспорядки и дезертирство. У
нас

много работы.

- Могу себе представить. Вы уверены, что
эти люди дезертировали из Гвардии?

Он кивнул и вручил мне информационный
планшет. На нем был представлен список
из
двенадцати имен и файлы, содержащие

биографии и размытые голографические портреты.

- Они сбежали вчера из казармы

фортирования номер семьдесят четыре, расположенной за пределами Дорсая, выкрали униформу и оружие из хранилищ костюпорта, а потом угнали сторожевой катер. Никому не пришло в голову оказать сопротивление отряду войск безопасности Военно-космического флота.

- И никто не обеспокоился отсутствием удостоверений и кодов вылета?

- Как ни прискорбно, но в системы катера уже был заложен курс и необходимые коды для выхода на орбиту. Иначе их обнаружили

бы. Они явно поджигали гражданский космический корабль, вроде вашего.

- Они обычные призывники?

Новобранцы?

- Да.

- Кто из них мог управлять военным катером?

- Главарь, - ответил прокуратор, взглянув на планшет, - некто Джонно Лингаарт. Он

был квалифицированным орбитальным пилотом. Работал в паролной службе. Как я

уже сказал - прискорбное стечение обстоятельств.

Мне это надоело. Магортин не лгал, в этом

я уверен. Но предоставленная им информация изобиловала пробелами и несоответствиями.

- Что насчет запроса о проведении проверки?

- Поступило с самого катера. Они заметили ваш корабль и решили илпровизировать. Запрос о проведении проверки хранился в журнале голосовой связи катера.

- Нет! - огрызнулся я.

Он отступил назад, встревоженный негодованием, прозвучавшим в моем голосе.

- Сэр?

- Я проверил бортовой журнал «Иссина». В нем не отражено происхождение сигнала, но

показано, что предупреждение о проверке поступило по астронатической связи, а не голосовой. На катере не было астроната.

- Этого...

- И по той же астронатической связи

«Уссин» вывели на высокий якорь. Что уже доказывает подлинность сигнала. И эти люди искали именно меня. Меня, прокуратор. Чтобы убить. Они знали, как меня зовут. Он поблел и не нашелся что ответить. - Не знаю, кто эти люди, - я отвернулся, - возможно, и в самом деле призывники Гвардии. Но кто-то отправил их на мои поиски, кто-то прикрывал их побег, снабжал вещами и транспортом и подтвердил право на стыковку с нашим кораблем. И этот «кто-то» либо служит в Военном флоте, либо обладает возмутительным уровнем доступа к делам флота. Никакого иного объяснения

быть не может.

- Вы говорите о... заговоре.

- Я не новичок в закулисных интригах.

Магортин. Впрочем, я не слишком
удивлен

посягательством на свою жизнь. Врагов у

меня хватает. Я готов к таким

происшествиям. И случившееся
доказывает

только то, что враги оказались

могущественнее, чем ожидалось.

- Господин, я...

- Скажите, прокуратор, каков уровень

ваших полномочий?

- Наивысший... пурпурный допуск. По

флотскому табелю о рангах мои
полномочия

соответствуют званию капитана первого

ранга. Отчитываюсь напрямую лорду

прокуратору Гумбольту.

Все ил сказанное можно было также
прочестъ по его позонат и шевронам, но
мне

хотелось, чтобы он сам доложил мне.

- Конечно. Ваше начальство не доверило
бы столь деликатное дело младшему
офицеру. И не захотело бы проявлять ко
мне

непочтительность. Полагаю,
происшедшему

присвоен высочайший уровень
секретности?

- Так точно, сэр! Лорд прокуратор
понимает всю его... деликатность. Кроме
того, по приказу лорда
главнокомандующего

все слухи о нарушениях порядка в армии
жестко пресекаются, чтобы не побуждать
к

дальнейшему сопротивлению. Детали инцидента известны только мне, моему отряду, лорду прокуратору и его высокопоставленным советникам.

- Мне хотелось бы, чтобы так пока и оставалось. Пусть мои враги считают, что

попытка убийства удалась. Можно ли рассчитывать на ваше содействие, прокуратор?

- Конечно, инквизитор.

- Вы доставите от меня зашифрованное послание лорду прокуратору. В нем разъясняется обстановка и мои требования.

К тому же я снабжу вас тайным каналом связи, по которому меня можно будет вызвать, в случае если появится новая

информация. Любая свежая информация, Магортин, даже если вам покажется, что она

бесполезна для меня.

Он еще раз резко кивнул. Я не стал добавлять, что в случае нарушения секретности обрушусь на него, высокопоставленных советников и самого лорда прокуратора, словно гнев Розала Дорна. Это он понимал и сам.

После того как отряд Магортина оставил

«Уссин», я повернулся к Бетанкору.

- Что дальше? - спросил он.

- Как тебе нравится быть покойником, Мугас?

...

Наш боевой катер покинул «Уссин» в полночь. Пришедший в сознание Фишиг

остался на борту корабля Максиллы,
управляться от ран в превосходно
оснащенной автоматической клинике
судна.

Максилла согласился на время оставить
«Уссин» на орбите. Я предложил ему
покрыть все убытки от простоя, чувствуя,
что

может возникнуть неожиданная
потребность

в костическом корабле. К тому же
внезапный отлет «Уссина» мог подорвать
легенду прикрытия и посеять сомнения в
том, что все мы погибли.

Мы обсуждали это с Максиллой на
мостики. Он сидел на своем большом
троне, потягивая атасек, пока сервиторы
кропотливо реставрировали его нижние
конечности.

- Мне жаль, что пришлось втянуть тебя в это, Тобиус.

- А мне нет, - сказал он. - Это самый интересный рейс за долгое время.

- Ты готов остаться здесь и ждать?

- Ты хорошо платишь, инквизитор! -

растаялся он. - Но правде говоря, я рад послужить Императору. Да и этому грубияну

Фишигу нужен куда лучший уход, чем может

предоставить душевный медицинский отсек твоего катера. Могу тебя заверить, что он не

сбежит, пока... не понравится.

...

Очарованный благородством Максиллы, я покинул мостик. Много разных причин могло заставить его столь охотно

помогать

тне, самая распространенная - страх
перед

Инквизицией. Но если говорить искренне,
то

я уверен, что он просто заново открыл
роскошь общения с другими людьми. Он

явно радовался возможности поговорить,
показать драгоценную коллекцию
предметов

искусства, поточь, услужить...

Максилла слишком долго оставался в
окружении машин.

Когда мы покинули трюм «Иссина»,

Бетанкор изменил коды в бортовом
ответчике катера. У нас имелись

альтернативные транспортные позывные
в

памяти кодификатора. Последние
несколько

месяцев, и в том числе во время
остановки

на Спеси, мы летали как официальный
транспорт Инквизиции, не пытались
скрывать
своего происхождения.

Теперь же мы превратились в торговую
делегацию с Саметера,
специализирующуюся

в геномодифицированных зерновых
культурах и надеющуюся заинтересовать
аристократию Гудрун урожайными,
стойкими к болезням и вредителям
злаковыми, поскольку основание нового
полка значительно уменьшило
численность
рабочей силы.

Отойдя на достаточное расстояние от
«Уссина», Бетанкор вызвал костюпорт

Гүдгүн, произвел идентификацию и
запросил разрешение и курс для посадки в
Дорсае, северной столице. Допуск выдали
без
проволочек. В город на фестиваль
пожаловал
очередной жадный торговец.
Мы понеслись вниз мимо повисших на
высокой орбите кораблей Военного флота
Скаруса: рядов гротескно пухлых
десантных
барж; массивных эстинцев с
выступающими
носовыми таранами; серых боевых
линкоров, покрытых вздутиями оружейных
башен; глиняных, узких и злобных, словно
лесные осы, остроносых фрегатов и еще
массы разнovidностей боевой техники.
Ближнее пространство заполняли

транспортные корабли, быстроходные
баржи, доставляющие припасы, торговые
катера, огромные служебные подьемники
и

каркасы погрузочных платформ. По
правому

борту проплывали косяки торговых судов,
вместительных грузовиков, невероятно

огромных кораблей гильдий,
разномастных

каперских судов. Где-то там был и
«Уссин».

Ночь наполнилась гругими созвездиями,
состоящими из мигающих огней бев,
направляющих корабли к разным докам и
якорным стоянкам.

Бетанкор провел нас сквозь эту толпу,
спускаясь в кристально чистую ионосферу,
к

переливам высоких облаков. Мы
пролетели

границу перехода между ночью и днем,
направляясь в Дорсай, где начинался
очередной рассвет фестиваля Основания.

Глава девятая

ПРИБЫТИЕ В ДОРСАЙ

ЗАКОНЫ РЫНКА

В ПРЕСЛЕДОВАНИИ

ТАНОКБРЕЯ

Дорсай не просыпался, поскольку и не
засыпал, - город бодрствовал всю ночь. Из
передатчиков, установленных вдоль
старых

улиц, проспектов и каналов, неслись

военные марши. Везде, где только
возможно, трепетали знамена и вымпелы.

Я попросил Эмоса быстро зачитать

наиболее общую информацию по планете:
Гудрун, столица субсектора Геликан,
входящего в Сектор Скарус, Сегментум

Обскүрүс. Славится сүществованием
феодальной человеческой күльтүрү в
течение трех с половиной тысяч лет,
управляемой могүщественными
аристократическими гомати, чьи
владения
и власть распространяются на три
дюжины
других миров субсектора Теликан.
Огромный
Трациан Примарис - центр
промышленности
и торговли - являл собой самый населенный
и производительный мир в регионе, но
Түдүрүн оставался күльтүрным и
административным сердцем. А
богатство
местных аристократических родов
соперничало с доходами трацианских
городов-үльев.

Лежащий под нами Дорсай засверкал в
рассветных лучах. Город располагался на
побережье, обнимая морскую лагуну и
перекидываясь через могучую реку
Друннер.

Заходя на посадку, мы видели через
иллюминаторы светлые пятнышки
парусников в заливе. За границей широко
раскинувшегося белого города возвышались
огромные укрепления и оборудованные
огневые позиции, служившие временными
казармами для сформированного недавно
полка.

Бетанкор совершил посадку в Джуова
Филд - муниципальном порту,
обслуживающем Дорсай. Он был выстроен
на
глинном узком острове посреди
окруженной

городом лагуны, и садившиеся на него
маленькие корабли, вроде нашего, из
эконотии теста опускались с помощью
мощных монозадачных лифтов и
направлялись в одну из сот, пробитых в
пористой лавовой породе, составлявшей
сердце острова.

Ловинк остался на катере. Мугас, Эмос,
Биквин и я сам готовились отправиться в
Дорсай. Мы переоделись в простую,
неприметную одежду: Эмос - в темно-синие
одеяния; я и Бетанкор - в простые черные
костюмы, сшитые из хорошей ткани, и
глинные кожаные плащи. Елизавета
Биквин
надела глинное платье из тонкого синего
крепа и шарфик сливочно-кофейного
цвета.

Бетанкор не слишком охотно, но все-таки

достал вещи Виббен, чтобы подобрать
одежду, подходящую для Биквин.

Ее, казалось, нисколько не смущало, что
предыдущая владелица вещей мертва.

У берега острова под красными тентами
на причале толпились люди,
дожидавшиеся

транспорта на материк. Мы
присоединились

к очереди, состоявшей из торговцев,
сановников и военнослужащих
Космического

флота в увольнении. Публику
старательно

разводили на деньги разнаряженные
музыканты и корабейники.

Через некоторое время нам удалось
приобрести места на гравискифе. Это
была

глинная, похожая на копье летучая лодка с

глянцевым фиолетовым корпусом. Под открытым небом размещались шесть посадочных мест, а рулевой восседал в кормовой надстройке над вытирающими антигравитационными генераторами.

Скиф

понес нас через лагуну, держась в двух метрах над водами, покрытыми рябью и радужными разводами.

Перед нами вставал Дорсай. Наконец оказавшись на уровне земли, мы смогли по достоинству оценить, насколько величествен

и монументален был город. Сложенные из отесанных и покрытых штукатуркой каменных блоков циклопического размера здания вырастали перед нами на высоких базальтовых сваях и колоннах. Их крыши покрывала позеленевшая медная черепица.

Горгульи венчали водосточные трубы и зевали с желобов под крышами. На верхних этажах часто имелись балконы с темным потускневшим ограждением и навесами.

Соседние здания соединяли арочные каменные мосты и перекидные металлические лестницы, иногда пересекавшие улицы-каналы. Для пешеходов

по берегам каналов были проложены каменные дорожки, располагавшиеся практически на уровне воды.

А пешеходов было много. Вообще все вокруг изобиловало движением, красками и

звуктами. Как только мы оказались на территории города, наше продвижение затеглили другие гравискифы, речные

трамваи, частные ялики и моторные лодки.

Над нами, в более высоких потоках движения, сновали туда и сюда

«Лэндспидеры» и воздушные экспрессы.

Куда ни кинь взгляд, повсюду он натывался на плакаты, чествующие

Военно-костический флот Скаруса и

гвардейские полки Гудрун, а в особенности

Пятидесятый стрелковый.

Этос, как обычно, бормотал себе под нос, записывая какие-то заметки о Дорсае в

информационный планшет, утоляя голод к накоплению безграничных знаний.

Некоторое время я понаблюдал за ним, за его

возбужденными жестами и ребяческим

восторгом при виде новых подробностей.

Клавиатура потрепанного старого

планишета

истерлась до гладкости.

Мугас Бетанкор, как всегда, оставался

внимателен и насторожен. Он сидел
впереди

гравискифа, собирая информацию так же,
как и Эмос. Но от замеченного им было
куда

больше проку, чем от наблюдений моего
престарелого архивиста.

Биквин просто спокойно сидела позади и

улыбалась, а порывы бриза развевали ее

шарфик. Вряд ли ей удалось бы побывать

здесь когда-нибудь самостоятельно. Гудрун

представляла собой центр культуры

подсектора, огромный яркий мир, о
котором

Елизавета всегда мечтала и частью
которого

очень хотела стать.

Я позволил ей наслаждаться мгновением.

Позже ей предстоит тяжелая работа.

Мы сняли апартаменты в самом

фешенебельном отеле Дорсая,

расположенном на берегу Гранд-Канала.

Мне

показалось целесообразным иметь базу для

проведения наших операций на материке.

Бетанкор просверлил дверные косяки с

помощью ручной дрели и установил

задвижки с устройствами определения

личности и встроенными световыми

зарядками. Так же мы поступили и с

внутренними дверями. Домашние

сервиторы

получили строгие указания не входить,

пока

мы отсутствуем.

Я вышел на просторный балкон под
фиолетовым навесом, и в уши мне
ударил
бравурная музыка, несущаяся из уличных
динамиков. Канал внизу был заполнен
логками. Я увидел скиф, переполненный
пьяными гвардейцами, одетыми в
новенькое
красно-золотое обмундирование. Бойцы
Пятидесятého Гудрунского стрелкового
полка
наслаждались последними часами в
родном
мире, дебоширя и рискуя утонуть. Уже
через
несколько дней их запакуют в десантные
баржи, направляющиеся к неведомому
ужасу
в другом субсекторе.

Когда они попытались причалить к

берегу, один солдат свалился в канал.
Друзья

вытащили его из воды и перекрестили
бутылкой.

Ко мне подошел Эмос и показал карту на
экране информационного планшета.

- Королевская Объединенная Торговая
Гильдия Синезиас, - сказал он. - Ее
центральный офис расположен в пяти
кварталах отсюда.

Гильдия Синезиас владела значительным
количеством внушительных зданий в
коммерческом районе Дорсая.

Ответвление

Гранд-Канала втекало под портик из
цветного стекла в главном здании, для
того

чтобы прибывающие торговцы могли
завести свои скифы внутрь и разгрузиться

под крышей облицованного плиткой и
устланного коврами приетного дока.

Наш гравискиф залетел туда, и мы
оказались посреди толпы, состоявшей из
высоких, худощавых, облаченных в тоги
торговцев с Мессины; обитателей
Саметера в

нелепых, тяжелых шляпах и плащах,
тучных

банкиров из городов-ульев Трациана.

Я сошел на берег и обернулся, чтобы

подать Биквин руку. Она вежливо
кивнула, выбираясь из скифа. Мне некогда
было ее

подробно инструктировать. Изобразить

аристократические манеры и
утонченность

она додумалась сама. И, несмотря на
никуда

не девищуюся неприязнь, я с каждым мигот

ценил ее все больше. Она безупречно
изграла

свою роль.

- Кто вы и какие дела вас привели, сир.
тагат? - спросил подошедший камергер

Тильдии Синезиас, упомянувший в

великолепных, расшитых золотом
одеяниях.

Такая же одежда была и на всех
остальных

сотрудниках. На месте ушей камергера

вспучивалась аугметика, в руках он
сжимал

планшет и стило.

- Меня зовут Фархавал, я торговец с

Тесперуса. А это леди Фархавал. Мы

прилетели, чтобы заключить с
правляющими

дотами этого мира контракты на
поставку

зерна. И, как нам сказали, Гильдия
Синезиас

может обеспечить необходимое
посредничество.

- Вы уже общались с представителем
гильдии, сир?

- Конечно. Со мной работал Саймон Кромел.

- Кромел? - Камергер задумался.

- Ох, Грегор, мне ужасно скучно, -

внезапно заявила Биквин. - Все это так...
так

медленно и уныло. Хочу обратно в круиз
по

каналам. Почему бы нам не вернуться и не

заключить сделку с этими шустрými
ребятами из Гильдии Мензера?

- Чуть позже, моя драгоценная, - ответил
я, восхищенный и ошарашенный ее
импровизацией.

- Вы уже посещали гругую гильдию? -

быстро спросил камергер.

- Они такие милые. Угостили меня

солианским чаем, - протурлыкала Биквин.

- Позвольте Мне заняться вашими
гелами,

- немедленно отреагировал камергер. -

Саймон Кроте, конечно же, один из наших

ценнейших агентов. Я немедленно устрою

переговоры. А пока что, пожалуйста,

отдохните в этих покоях. Я сейчас же

пришлю солианского чая.

- И нафар-бисквиты? - проворковала

Биквин.

- Естественно, мадам.

Он выскользнул из роскошной комнаты

ожидания и закрыл за собой двойные двери.

Биквин посмотрела на меня и захихикала.

Признаюсь, что сам я растекся довольно
громко:

- Что это на тебя нашло?

- Ты же сказал, что мы богатырькие
купцы, ожидающие наилучшего обращения.
Просто

отрабатываю свою зарплату.

- Продолжай в том же духе, - сказал я.

Мы остотрелись в комнате.

Загранированные газовой тканью

десятиметровые окна выходили на

Гранд-Канал, но были звукоизолированы.

Богатые гобелены украшали стены между

картинами саметерской школы, который
позавидовал бы и Максилла.

Вскоре отполированный до блеска

сервитор принес завтрак. Робот опустил

поднос на тракторный журнальный столик
и

выкатился.

- Солианский чай! - пропущала Биквин, снимая крышку с фарфорового горшочка. -
Ц

нафар-бисквиты! - чуть позже добавила она, страхивая крошки с губ.

Она налила для меня чашку, и я встал у камина, потягивая напиток и приняв максимально нагменную позу.

Мгновение спустя в дверях возник представитель гильдии. Он оказался невысоким человеком с зализанными волосами, в свободной тоге, украшенной слишком большим количеством драгоценностей. На его лбу гордо светился торговый знак Гильдии Синезиас. Он сам являлся собственностью, отмеченной торговым знаком. Его звали Махелес.

- Сир Фархавал! Мадам! Знал бы я, что вы собираетесь нанести нам визит, отменил бы

заранее все встречи. Простите мое опоздание!

- Прощаю, - произнес я. - Но боюсь, что леги Фархавал стремительно теряет терпение.

Биквин зевнула в подтверждение.

- Ох, это нехорошо! Очень нехорошо! -

Махелес хлопнул в ладоши, и в комнату вкатились сервиторы. - Обеспечить леги всем, что она попросит! - приказал им Махелес.

- Ум-м... листья вордгера? - произнесла она.

- Конечно! - расцвел Махелес.

- И тарелочку бирри-трюфелей?

Маринованных в вине?

Я вздрогнул.

- Конечно! Конечно! - провизжал Махелес, вытаскивая сервиторов из комнаты.

Я шагнул вперед, поставив чашку на каминную полку:

- Давайте говорить напрямую, сэр. Я представляю здесь торговцев зерном с Гесперуса. Это весьма крупный картель.

Я вручил ему голографический идентификатор. Фальшивый, конечно же.

Его сработали Бетанкор и Эмос, применив на

деле глубокие познания Эмоса обо всем на свете и о Гесперусе в частности.

Махелеса вполне убедили мои документы.

- Насколько крупный картель, сир?

- Весь западный континент.

- И вы предлагаете?

Я извлек из кармана пробирку с образцами:

- Генотифицированные сорта злаков, которые вашим землевладельцам легко будет выращивать, особенно теперь, когда количество рабочей силы столь значительно сократилось. Мне кажется, что это просто находка для вас.

Вновь появились сервиторы, доставившие запрошенные Биквин деликатесы.

- Другие гильдии уже заинтересовались этим продуктом, - сказала она, взрызаясь в

нежную плоть бирри. - Полагаю, что Гильдия

Синезиас не станет упускать эту

возможность.

Махелес встряхнул трубочку с образцами
и

взглянул на нее.

- Это, - сказал он, понижая голос, -
ксенотультура?

- Неужели это проблема? - спросил я.

- Нет, сир! Не совсем. Инквизиция, конечно,
очень строга в этом вопросе. Но

наши переговоры всегда были строго

конфиденциальны: все здания гильдии

защищены от «жучков», лучей перехвата и

средств отслеживания сигнала.

- Рад слышать это. Так, значит, сорта

злаков чуждого происхождения не вызовут
проблем на рынке?

- Естественно, нет. Существуют целые
объединения предприятий, стремящихся

получить гарантированный урожай. Если он

гарантирован технологией чужаков - так тому и быть.

- Отлично, - солгал я. - Но мне хотелось бы собрать максимальную выручку. Саймон говорил, что в первую очередь стоит обратить внимание на Дом Гло.

- Саймон?

- Саймон Кроте. Посланник Гильдии Синезиас, с которым я вел дела на Тесперусе.

- О да! Так вы желаете, чтобы я организовал деловую встречу с Домом Гло?

- Кажется, именно это я и говорил.

Мы покинули гостеприимный причал

Гильдии Синезиас двадцать минут спустя.

Биквин еще слизывала со своих губ
остатки

бирри.

Как только наш скиф отчалил от здания,
Вокс в моем ухе задержался.

- Эйзенхорн, - произнес Ловинк, - я только
что получил сообщение от Тобиуса

Максиллы. Хочешь, чтобы я повторил
его?

- Только самое главное, Ловинк.

- Он говорит, что корабль, взявший фрахт
на рейс Гудрун - Спесь, стоит здесь на
якоре.

Это каперское судно «Скавелюр». Его
хозяин

Эффрис Танокбрей сейчас находится на
поверхности планеты.

- Свяжись с Максиллой и поблагодари его
за проделанную работу, Ловинк, - сказал я.

Теперь мне стал известен загадочный
корабль Эйклона.

...

Мы обедали в богатой таверне с видом на
мост Карнодонов, когда Махелес прислал
«сирү Фархавалү» частное текстовое
сообщение с помощью связного дрона.

Дрон, размерами и внешностью
стахивающий на плод лайма, с гудением
влетел на террасу и понесся над головами
от

столика к столику, выискивая меня.
Затем он

повис в воздухе, прозвенел и с помощью
голографического луча отобразил
сообщение

на стенке моего хрустального бокала: герб

Гильдии Синезиас и витиеватый текст,
сообщающий, что семья Гло будет

бесконечно рада видеть сира Фархавала с
супругой и свитой в поместье семьи Гло
на

следующий день. Мы должны были
встретиться с Махелесом у здания
гильдии в

четыре часа, где нас будет ожидать
транспорт.

Дрон продолжал проецировать
сообщение, пока я не прервал луч взмахом
руки и не произнес краткое сообщение,
которое тут же было записано. Робот
улетел

обратно, чтобы доставить ответ.

- А как он нас нашел? - спросила Биквин.

- По феромонному следу, - ответил Эмос. -

Системы контроля в здании гильдии
сняли с

вас образец во время визита. У, сверяясь с

этим образцом, дрон может вас
выследить.

Использование связанных дронов

распространено на подобных этому

Имперских мирах, обладающих высоким

уровнем технологий. И это навело меня на

важную мысль.

- Так ты говоришь, что Гильдия Синезиас
с

легкостью заключает сделки на торговлю

ксеноматериалами? - произнес Ветанкор,
подняв бокал к губам.

Я кивнул:

- Пока сосредоточится на Доме Гло. Он

представляет для нас первостепенный

интерес. Но я не собираюсь забывать про

Синезиас. Когда закончим с заданием, на

них и их дела обрушится вся мощь

Инквизиции.

Биквин разглядывала прекрасный ажурный мост, перекинувшийся через Друннер.

- Что это за существа? - спросила она.

Мост украшали каменные изваяния величественных четвероногих хищников.

Звери были огромными и мощными, похожими в чем-то на волков, в чем-то - на

тигров, с щетинистыми хвостами и глиняными мордами.

- Карнодоны, - ответил Эмос, довольный тем, что снова представляется возможность

блеснуть своими колоссальными познаниями. - Геральдическое животное

Гудрун. Включается во многие гербы и эмблемы местных родов, отображая в

символической форме власти
аристократии в

этом мире. Теперь эти звери стали
редки.

Охотники их почти истребили. Думаю,
что в

природе их можно найти только в
северной

тундре.

- В нашем распоряжении сутки, - сказал я,
прерывая праздную болтовню. - Так
давайте

постарается провести их с пользой.

Займемся поисками этого Танокбрея.

Бетанкор приподнял брови и принялся
рассказывать мне, насколько сложно это
будет проделать, но я объяснил свою идею.

Мы воспользовались услугами

справочного бюро, расположенного на

водной улице, отходящей от Канала

Ускин, заплатив за доставку сообщения
связным

гроном. Письмо представляло собой
простой

и краткий запрос владельцу торгового
судна

«Скавелюр» насчет возможности
предоставления нам межпланетного
перехода. Обслуживавший меня клерк без
вопросов взял текст и загрузил его в один
из

трех дюжин посыльных гронов, недвижно
лежавших на стойке за его креслом.
Затем

покопался в картотеке данных, извлек и
загрузил в робота снимок феромонного
следа

Танокбрея, сданный судовладельцем в
администрацию города при иммиграции.
Выбранный грон поднялся, загудел и

выплыл из офиса.

Бетанкор, дождавшийся на улице, завел двигатель арендованного воздушного мотоцикла и отправился в погоню.

Дрон должен был вывести нас к цели. И даже если Бетанкор допустит ошибку, оставалась надежда, что Танокбрей сам придет к нам. В конце концов, он был торговцем, а не в их правилах отказываться от шанса заработать.

Вместе с Эмосом и Биквин я отправился следом на гравискифе, поддерживая связь с Бетанкором по воксу. Движение на канале оказалось плотнее, чем обычно, и местным

Агентус Арбитрес, как и нарядам безопасности Военно-космического флота, приходилось выбиваться из сил. Позднее

здесь должна была пройти торжественная процессия, и дорогу уже подготавливали. На

мостах и набережных собирались толпы зрителей. Все вокруг украшали флаги и гирлянды с благоими пожеланиями.

Ветанкор дожидался нас на дорожке в районе Терсеголд, той части Дорсая, которая

славилась своими значными местами. Я оставил Эмоса и Биквин в скифе.

- Внутри, - сказал Мугас, кивая на старое приземистое здание. - Я захожу туда. Дрон

доставил сообщение к пятому столу слева.

Танокбрей - это высокий мужчина в розово-красной куртке. С ним еще двое.

- Бүдь наготове, - велел я.

В переполненной таверне царил полумрак.

Музыка и освещение текли с низкого потолка, как испарина, воздух провонял потом, дымом, алкогольными парами и явно ощутимым запахом обскуры.

Связной дрон как раз вылетал в дверь, когда я вошел. Он остановился, передал сообщение и уплыл. В кратком ответе говорилось, что «Скавелюр» не сдается внаем.

Пробравшись мимо толпы завсегдатаев, я нашел Танокбрея. Его розово-красная куртка была сшита из лучшего шелка, а вьющиеся черные волосы зачесаны назад и перехвачены шнурком. Лицо капитана было торщенистым и неприветливым.

Собутыльники оказались парой заурядных корабельных рабочих, одетых в клепаные кожанки.

- Мастер Танокбрей?

Он медленно оглянулся на меня и ничего не ответил. Его приятели тоже одарили меня

трачными взглядами.

- Может быть, поговорим конфиденциально? - предложил я.

- А может быть, ты просто свалишь отсюда?

Я все равно сел. Его людей, похоже, удивил мой поступок, и они напряглись. Как я понимал, Танокбрею оставалось только кивнуть...

- Позволь мне начать с простого вопроса, - приступил я к разговору.

- Начни с того, чтобы отвалить,
ответил

он, остановив на мне ядовитый взгляд.

Я смотрел ему прямо в глаза, но все равно заметил, что одна его рука потянулась за пазуху.

- Похоже, ты обеспокоен. С чего бы это?

Ответа не прозвучало. Но его люди явно занервничали.

- Есть что скрывать?

- Мне есть что спокойно выпить. И я не хочу, чтобы меня отрывали. А теперь убирайся.

- Это так недружелюбно. Что ж, раз

господа не собираются оставить нас наедине, придется продолжать в их присутствии.

Надеюсь, это тебя не смутит.

- Да кто ты, черт возьми, такой?

Теперь наступила моя очередь не спешить с ответом. Я не спускал с него глаз.

- Твои платежи за стоянку на орбите просрочены, - наконец сказал я.

- Это ложь!

И не последняя за сегодня. Но это не важно. Цель заключалась в том, чтобы подкопаться под Танокбрея.

- И грузовые декларации вызывают подозрения. Администрация Гудрун может

наложить арест на твое судно до тех пор, пока не будут улажены все недоразумения.

- Лживый выродок...

- Все очень просто. Ты совершил незарегистрированный рейс к Спеси и не заполнил накладные на груз. И как прикажешь им рассчитывать теперь налоги

на импорт?

Его стул со скрипом отодвинулся назад на пару сантиметров.

- С какой целью ты летал к Спеси?

- Меня там не было! Кто тебе это сказал?

- Мож бы и сам догадаться. Саймон Кромб. Намбер Вилк.

- Не знаю таких. Ты пристал не к тому, ничтожный ублюдок. А теперь убирайся!

- Еще Мургин Эйклон. Разве не он нанимал тебя? Наконец он не выдержал.

Едва заметное движение головы.

Сидевший передо мной матрос вскочил со своего места, и из его рукава в ладонь скользнул цеп, оснащенный шокером.

- Брось. - Я применил Волю.

Цеп сверкнул, упав на стол.

А секунду спустя оружие вырубил своего
бывшего владельца и раскровенило левое
ухо

второго матроса. Оба зрители
растянулись в

полный рост на полу возле столика.

Я сел на место, повернувшись к Танокбрею
и продолжая сжимать цеп в руке. Его лицо
посерело, а в глазах металась паника.

- Эйклон. Расскажи мне о нем.

Он глубже просунул руку за пазуху, и я
опустил на его плечо цеп. Но, к несчастью,
обнаружил, что под шелком скрывалась
броня.

Танокбрей покачнулся от удара, но все
равно сумел выхватить
короткоствольный
лазерный пистолет.

Я пинком отправил столик в противника,

и выстрел ушел в сторону, угодив в спину ближайшего выживохи. Жертва упала, роняя еще один стол.

Драка и стрельба привлекли внимание всех остальных, находившихся в таверне. Поднялся всеобщий крик и смятение. Я не придал этому никакого значения. Танокбрей выстрелил еще раз через опрокинутый стол, и мне пришлось метнуться в сторону, сталкиваясь с разбегающимися людьми.

Торговец вскочил на ноги и стал проталкиваться сквозь толпу к выходу. В дверях появился Бетанкор, но масса тел помешала ему перехватить Танокбрея. - С дороги! - завопил я, и толпа раздвинулась, подобно ставням.

Танокбрей был уже снаружи и бежал к причалу. Он обернулся и выстрелил. Все

стороны с криком шарахнулись прохожие.

Кого-то толкнули в канал.

Танокбрей прыгнул в гравискиф,

пристрелил запротестовавшего водителя, спихнул труп с рулевой настройки и пустил

лодку полным ходом над каналом.

Слева от входа в таверну стоял воздушный

мотоцикл Бетанкора. Я завел его и рванул в

погоню.

- Подожди! Подожди! - услышал я вопли Мугаса.

Но мне было уже не до него.

Побег Танокбрея вызвал сущий погром в

канале. Он влетел на своем скифе на оживленную улицу, заставляя всех убираться с его пути. Декоративную золотую филигрань на черном корпусе скифа уже покрывали вмятины и царапины от дюжины касательных столкновений. Люди на набережных кричали и проклинали его. На пересечении с другим каналом Танокбрей попытался прорваться, увеличив скорость. Двигавшаяся в том потоке быстроходная рассыльная лодка свернула в последний изгиб, с силой ударившись о пристань. Лодка перевернулась, от ее корпуса полетели щепки, а водителя вышвырнуло на катни причала.

Я спокойно знал воздушный мотоцикл по следам Танокбрея прямо прекративших

движение лодок. Хотелось подняться
повыше, на тот уровень, где можно
увеличить скорость без риска
столкновения.

Но в антиграв этого транспортного
средства

была встроена система ограничения, не
позволявшая подниматься выше трех
метров. Времени выяснять, где размещен
ограничитель, не было. Я вел мотоцикл
мимо

увертливых скифов, медлительных
речных

трамваев и прочих транспортных
средств

Впереди послышалась музыка военного
марша.

Танокбрей вылетел в Гранд-Канал, прямо
на парад. Во всю ширь водной дороги
текла

медленная река скифов, военных барж и сопровождавших их «Лэндспидеров». Лодки были заполнены ликующими Имперскими гвардейцами и офицерами, грохочущими полковыми оркестрами и чиновниками Военно-костического флота. В воздухе развевались транспаранты и знамена, командные штандарты, сияли золотом имперские орлы и гугрунские карнодоны. Одна из переполненных барж везла огромную золотую статую карнодона, облепленную гвардейцами. Они размахивали лозганами и скандировали лозунги. Набережные и мосты Гранд-Канала заполнили веселые граждане. Скиф Танокбрея чуть не врезался в борт баржи с солдатами, и беглец попытался вывернуть под крики и насмешки.

Стоявшая

на берегу толпа начала кидать в него всем, что попадалось под руку.

Обмениваясь крепкими словами со взбешенными солдатами, он обогнул корму баржи, пытаясь пробиться через канал.

Я приближался к нему, стараясь не вызывать недовольствия толпы и легко ориентируясь на слух, - продвижение

Танокбрея сопровождалось сиренами, гудками и гролкой руганью. С одной из барж

на скиф прыгнул солдат, но Танокбрей спихнул его в воду прежде, чем тот сумел обрести равновесие. Этот поступок

окончательно вывел толпу из себя. Ее ярость

на глазах приобретала угрожающие размеры.

Торжественное шествие было нарушено, и множество разгневанных и, что немаловажно, вооруженных людей начали принимать меры по попытке возмутителя спокойствия.

Чтобы скрыться от них, Танокбрей пришпорил скиф и врезался в плот с военным оркестром. От удара музыканты попадали и несколько человек свалились в воду, а гордый Имперский Гимн превратился в какофонию.

Танокбрея нагнал меньший по размерам скиф, из которого к нему на борт попытались

перелезть разъяренные солдаты. Беглец потянулся к своему пистолету.

Это была его последняя ошибка. Я сбросил

скорость и приземлился на берегу канала.

В

преследовании больше не было смысла.

Танокбрей дважды выстрелил в толпу. А

затем двадцать или даже больше

новехоньких лазганов с соседней баржи

открыли огонь, разнося в клочья и

преступника, и украденную им лодку.

Двигатель взорвался, и куски корпуса

полетели во вспененную воду. В небо

поднялся столб черного дыма.

Молодые призывники Пятидесятого

Гудрунского стрелкового полка совершили

первое убийство в своей военной карьере.

Глава десятая

КОНФЛИКТ ПОЛНОМОЧИЙ

ДОМ ПО

РАСКРЫВАЯ ТАЙНЫ

До своей спальни в отеле я добрался уже
глубоко за полночь. Биквин и Эмос
угадили в свои комнаты несколько часов
назад. Я ворочался в постели, а свет,
отраженный от поверхности Гранд-
Канала, бросал серебристую рябь на
потолок темной
комнаты.

- Эгиди, шип розы! - внезапно раздался в
моем ухе шепот Бетаннора.

- Шип розы ищет.

- Агрессивные призраки, завиток
виноградной лозы.

Я был уже на ногах, одетый в бриджи и
сапоги, и натягивал кожаный плащ на
голое

тело. В гостиную я выскочил с
энергетическим мечом в руках.

Свет был выключен, но и здесь на стенах

изграла отраженная вода канала, создавая
трепещущий сумрак.

Бетанкор стоял у дальней стены, сжимая
в

каждой руке по изломету. Он кивнул на
главную дверь.

Они действовали профессионально и
очень тихо, но мы оба видели, как что-то
осторожно двигается за дверью,
подсвеченной со стороны холла.

Легкое подрагивание дверной ручки
подсказало мне, что кто-то вскрывает
заток.

Мы с Бетанкором присели, прижавшись к
стене, по обе стороны двери. А затем
прикрыли глаза и зажали уши руками.
Взлом

затков должен был активировать
отпугивающие гранаты.

Дверь слегка приоткрылась. Но ни
вспышек, ни грохота. Визитеры
обнаружили

и нейтрализовали охранные системы.

Взломщики оказались даже

профессиональнее, чем мне показалось
вначале.

В щель просунулся телескопический щуп.

Оптический датчик на его конце принялся
медленно осматривать комнату. Кивнув

Бетанкору, я двинулся вперед, схватил
щуп и

с силой дернул на себя. И одновременно с
этим зажег свой энергетический меч.

Что-то тело врезалось в дверь,
притянутое

моим мощным рывком за шпионское
приспособление, влетело внутрь и

покатилось по полу. Я прыгнул на него,

пытаясь произвести захват, но он с удивительной быстротой откатился в сторону и нанес удар. По моим ощущениям, это был высокий, плотно сложенный человек

в облегающей кожаной одежде.

Сцепившись, мы покатились по полу, перевернули кушетку и опрокинули светильник. Противник крепко сжал запястье

моей вооруженной мечом руки.

Так что мне пришлось пробить ему кадык левой рукой.

Он согнулся в приступе рвоты на полу. А я поднялся, чтобы услышать:

- Бросить оружие! Немедленно!

В открытом дверном проеме стояла невысокая сутулая фигура. Бетанкор нацелил

на нее оба изломата, но уже опускал их.

Фигура в дверях применила Волю. Я оттолкнул

ее укол в сторону, но Мидас не мог

сопротивляться. Игольные пистолеты упали

на ковер.

- А теперь ты, - произнесла фигура, поворачиваясь ко мне. - Выключи клинок.

Мне нередко доводилось и применять, и испытывать психическое воздействие.

Техника отличалась от используемой мной, и

сила противника оказалась довольно

серьезной. Я приготовился к жуткому

напряжению прямого теленатического боя.

- Сопротивляешься? - удивилась фигура.

В мой череп вонзился клинок ментальной

энергии, отбрасывая меня назад. Я понял, что не иду ни в какое сравнение с противником. Его сознание оказалось старым, могущественным и опытным в таких вещах.

Второй удар незамедлительно последовал за первым. Человек, которого я оставил задыхаться на полу, уже поднялся на колени.

Еще один псайкер. И более сильный, чем первый, но менее знакомый с техникой и хуже контролирующий свои способности. Его

нападение прожгло мой череп и заставило вскрикнуть от боли, но мне удалось заблокировать эту атаку, когда я нанес ему

отчаянный, неприцельный удар своей Волей.

В бурлении экстрасенсорных волн
задребезжали окна и затряслась мебель.
На
столе полонались стаканы, а Бетанкор
рухнул
со стоном. Вперед снова выступила
сугубая
фигура, бросив меня на колени
возобновленной ментальной атакой. Я
почувствовал, как из носа потекла кровь.
В
глазах поплыло. Но меч из рук я
по-прежнему не выпускал.
Внезапно все прекратилось. В комнату
выбежали Эмос и Биквин, которых
разбудил
шум. Биквин закричала, и окружавшая ее
ментальная пустота, резко вторгшаяся в
телепатический вихрь, внезапно втянула
в

себя все воздействия, так же как вакуум
втянул бы в себя окружающее пламя.

Сутулая фигура вскрикнула и замерла от
удивления. Я метнулся вперед, схватил
противника и швырнул его через комнату.

Он оказался хилым, но удивительно
тяжелым для своих размеров.

Бетанкор подобрал оружие и включил
свет.

Человек, которого я втащил в дверь,
оказался просто юнцом, хотя и крепкого
телосложения. У него было глинное,
гладко

выбритое лицо с щелью узкого рта. Он
съежился у окна, едва сохраняя сознание.
На

нем был облегающий костюм из черной
кожи. Биквин быстренько освободила его
от

кобуры с пистолетом.

Второй, сутулый, медленно, с трудом поднялся, и его древние суставы захрустели и застонали. На нем была глинная темная мантия; тонкие руки затянуты в черные атласные перчатки. Человек откинул свой капюшон.

Он был очень стар, его обветренное морщинистое лицо выглядело словно иссохший, окаменевший плод. Следы на его жилистом горле выдавали аутизм, переполнявшую старческое тело.

Глубоко посаженные глаза сверкали холодной яростью.

- Ты совершил ошибку, - хрипло сказал он,
- и, вне всякого сомнения, фатальную.

Он извлек небольшой амулет и поднял его.

Символ на нем был знаком мне, как
собственная лагерь.

- Инквизитор Колмогус Вок.

- Приятно познакомиться, брат, -
улыбнулся я.

Колмогус Вок пялился на мою инсигнию
несколько секунд, а затем отвел глаза. Я
почувствовал ментальное отражение его
гнева.

- У нас случился... конфликт юрисдикции,
- выдвинул он, расправляя мантию. Его
помощник поднялся на ноги, встал в углу
помещения и угрюмо взирал на меня.
- Ну так давай разбираться, - предложил я.
- Объясни мне, почему ты вторгаешься в
мою
квартиру посреди ночи.

- Работа привела меня на Гудрун восемь

месяцев назад. Длительное расследование
комплексной проблемы. В поле моего
зрения

попал вольный торговец, некто Эффрис
Танокбрей. Я начал было стягивать на
нем

свою сеть, но он чего-то испугался,
попытался удрать и погиб. Простая
проверка

выявила, что инцидент каким-то образом
спровоцировал торговец зерном по имени
Фархавал.

- Фархавал - мое прикрытие на Гудрун.

- Ты находишь достойным лгать

комедию и скрывать свою истинную

сущность? - презрительно произнес он.

- У каждого из нас свои методы,

инквизитор, - ответил я.

Мне никогда не доводилось прежде

встречаться с великим Колмогоровом
Вокон, но его слава бежала вперед. По
своим

этическим воззрениям он твердо
придерживался протестантской этики,
практически полностью склоняясь к
жесткой

линии моногуманизма, за исключением
разве что своих замечательных
ментальных

способностей. Думаю, что его верования
должна отражать Торвальдская доктрина.
Три

сотни лет назад он служил послушником у
легендарного Абессалона Ангвина и с тех
пор играл ключевую роль в ряде самых
глобальных и безжалостных чисток в
истории сектора. Его методы были
открытыми и прямыми. Скрытность и

хитрость казались ему неприятными.

Он

использовал свой статус и внушаемый им страх в полную силу, открывая ногой любые

двери и требуя чего угодно от кого угодно ради достижения цели.

Из своего опыта я знал, что грубость и устрашение закрывают столько же дверей, сколько и открывают. Честно говоря, меня не

удивляет, что Бок проторчал на планете целых восемь месяцев.

Сейчас он смотрел на меня так, словно я был кучей отходов жизнедеятельности, на которую он едва не наступил.

- Мне жаль видеть инквизитора,

придерживающегося легких, хитрых путей

радикалов. На этих путях лежит ересь,
Эйзенхорн.

От этих слов меня передернуло. Как уже
говорилось, я считаю себя сторонником
пуританских взглядов. Служу верно и
бескомпромиссно, но применяя достаточно
гибкости, чтобы эффективно справляться
с

работой. И вдруг Бок обвиняет меня в
радикализме! С таким же успехом меня
можно записать в хорусианцы или
обозвать

изворотливым, коварным
реконгрегатором.

Я попытался отбросить эти мысли:

- Нам необходимо обмениваться

информацией, инквизитор. Позвольте

высказать догадку, что в ваше
расследование

как-то вовлечена семья Гло.

Вок ничего не ответил и не выказал никаких признаков того, что моя догадка верна, но я почувствовал, как напрягается ментальное поле его помощника у меня за спиной.

- Мы действительно пересекается в нашей работе, - продолжил я. - Мне также интересен Дом Гло.

В кратких, простых словах я рассказал про

действия Эйклона на Снеси и провел параллели к Гло и Гүдрүн, а заодно и к загадочному Понтиусу.

Наконец мне удалось привлечь его интерес.

- Понтиус - это только имя, Эйзенхорн.

Понтиус Гло давно уже мертв. Я помогал

достойному Анжевину в зачистке,
приведшей

к уничтожению еретика. Я видел тело.

- И тем не менее ты здесь и занимаешься
расследованием дел Гло.

Он медленно выдохнул, словно
успокаиваясь:

- После уничтожения Понтиуса Гло его
семья приложила значительные усилия,
чтобы дистанцироваться от его ереси. Но
Анжевин, мир его бессмертной души, всегда
подозревал, что зараза проникла глубже и
что Дом Гло не избавился от порока. Это
древний и могущественный Дом. В его
тайны

трудно проникнуть. Но за прошедшие
десятилетия

лет я время от времени обращал на них

внимание. Пятнадцать месяцев назад,

преследуя секту на Сагере VJJ, я
обнаружил

улики, позволяющие предположить, что и
та

секта, и несколько менее значительных

групп управлялись неким скрытым

исходным культом... Старым, тайным

культом, обладающим большими

возможностями и могуществом,

простершимся на многие миры.

Некоторые

следы вели к Гудрун. У мне показалось

слишком серьезным для простого

совпадения, что на этой планете
находятся

наследные владения семьи Гло.

- Ну хоть к чему-то пришли, - произнес я,

устраиваясь на стуле с высокой спинкой и

натягивая рубашку, которую Биквин

принесла из моей комнаты.

Эмос налил шесть бокалов атасена из графина, стоявшего на комодке. Бок взял один

и сел напротив меня, пригубив напиток.

Его помощник сначала отказался от предложенного Эмосом бокала и остался стоять.

- Садись, Хелган! - сказал Бок. - Нам есть что узнать здесь.

Помощник взял бокал и присел в углу.

- Нам удалось отследить нити заговора, который пытался реализовать один печально

известный наемник, - продолжил я, - нити, которые вели к обратительному преступлению. Следы тянутся к Гудрун и Гло.

Ты пришел к тому же выводу, проработав

грудую ячейку еретиков...

- На самом деле, три другие, - поправил он.

- Три... И увидел очертания организации куда большего масштаба. Таким образом, мы

приближались к одному и тому же злу с разных сторон.

Он облизал губы крошечным бледным языком и кивнул:

- Со времени прибытия на Гудрун я выкорчевал и сжег две еретические ячейки.

Уверен, что на планете действуют еще девять, причем в одном только Дорсае - три.

Я позволил им погнать еще какое-то время, наблюдая. В течение всех этих месяцев они

явно готовились к какому-то событию. И внезапно несколько недель назад их поведение изменилось. Это примерно совпадает по времени с вашим сражением на

Снеси.

Действия Эйклона также предвараются серьезной подготовкой. И тем не менее неожиданно что-то пошло не так или же планы внезапно изменились. Несмотря на то

что мне удалось победить и уничтожить Эйклона, его планы сорвал не я, а тот факт, что Понтиус не прибыл. Так что дали твои

расследования по Дому Гло?

- За три месяца я дважды наносил им визиты. И оба раза они старательно отвечали

на мои вопросы, разрешали обыскать поместье и проверить их записи. Мне ничего не удалось обнаружить.

- Боюсь, что это может быть из-за того, что они знали, что имеют дело с инквизитором. Завтра «сэру Фархавалу» назначена деловая встреча в поместье Гло.

Он обдумал мои слова.

- Инквизиция обязана твердо держаться вместе против извечных врагов человечества. Из уважения и духа сотрудничества я подожду результатов, которые принесут твои сомнительные методы. Впрочем, как подозреваю, результатов будет не много.

- Из духа сотрудничества, Вок, я поделюсь с тобой всей полученной информацией.

- Ты можешь сделать кое-что получше.
Гло

знают меня, но не всех моих учеников.

Хелдан отправится с вами.

- Не гутаю.

- А я настаиваю. Мне бы не хотелось,
чтобы годы работы пошли настарку, когда
другой следователь, вроде тебя,
пробежится

по ней подкованными сапогами. Требую,
чтобы в деле участвовал мой
наблюдатель, иначе про сотрудничество
можешь забыть.

Он держал меня в кулаке и понимал это.

Если бы я просто отказался, это только
подтвердило бы его мнение обо мне как о
неостотрительном радикале. А мне не

хотелось ссориться с другим
инквизитором, особенно таким
могущественным и

влиятельным, как Коммодус Вок.

- Тогда ему придется беспрекословно исполнять мои приказы, - ответил я.

...

Мы покинули Дорсай и отправились к поместью Гло в четыре часа следующего дня.

Я и Биквин снова разогелись как торговцы, которые богаты, но не слишком выставляют

это напоказ. Нас сопровождали Эмос, Бетанкор и человек Вока. Хелдан, к моей радости, надел простую, гражданскую одежду. Они с Бетанкором вполне могли сойти за наших телохранителей, а Эмос должен был изображать биогенетика.

Махелес вместе с еще четырьмя посланниками Королевской Объединенной Торговой Гильдии Синезиас, облаченными

дорогие одеяния, ожидал нас у главного
офиса гильдии. Трансатмосферный
челнок, украшенный гербом гильдии, уже
разводил
пары.

Мы покинули посадочную площадку,
расположенную на крыше здания, и взмыли
в пастурное небо. Как сообщил Махелес,
нам

предстоял двухчасовой полет. Посланник
гильдии прошел по богато украшенному
салону с подносками, полными закусок.

Махелес озвучил план мероприятия:
вечером формальный обед с

представителями Дома Гло, ночлег, тур
по

имениям на следующее утро. И только
после

этого переговоры, если обе стороны все

еще

будут заинтересованы друг в друге.

Мы летели на запад, в глубину материка, оставляя прибрежное ненастье и

направляясь к освещенному солнцем

простору холмистых настищ и ухоженных

лесов. Под нами серебряно мерцала змейка

Друннер. Время от времени попадались

небольшие поселения, фермы, встретился

даже небольшой торговый городок с

возвышающимся над ним высоким шпилем

Экклезиархии. Через некоторое время в небе

стало появляться больше воздушных

транспортов.

Длинная цепь темных холмов выростала

на западном горизонте. Вечерняя тгла

начала обесцвечивать облака. Холмы

стенились предгорьями, густо поросшими лесом на склонах и в ущельях, - еще более величественный и дикий пейзаж.

Как хвастливо заметил Махелес, ты уже пролетали над собственностью Гло.

Само поместье возникло среди темных отрогов несколько минут спустя:

трехэтажный главный дом, построенный в неоготическом стиле, поднимался над обрывом и смотрел на долину сотнями окон.

Отполированные ветрами белокатенные стены здания переливались в последних лучах света. К основному зданию примыкали

дополнительные флигели, судя по всему построенные в разное время. Одно крыло вело к конюшням и надворным постройкам

на краю леса, - по моему предположению, там должна была размещаться прислуга.

Второе крыло огибало край обрыва и венчалось куполом, сияющим золотом в свете опускающегося солнца. Комплекс зданий был огромен и, вне всяких сомнений, похож на лабиринт. В нем с легкостью можно

было разместить население небольшого городка.

Челнок опустился на широком каменистом поле позади дома. Три шлюпки, подобные нашей, располагались на краю

поля в хорошо обустроенных ангарах, которые выглядели словно каретные сараи.

Мы выгрузились во двор. Воздух снаружи оказался холодным, а вечерний ветерок принес с собой легкий дождь. В кронах деревьев у дома вздыхал ветер. Тяжелые

валы облаков катились по вечернему небу над высокими отрогами.

К нам поспешила прислуга в темно-зеленых ливреях, принимая багаж и поднимая над нами широкие зонтики на глиняных ручках, чтобы оградить от дождя.

Поле окружало множество охранников в униформе Дома Гло. Держались они нагменно и самоуверенно в своих изумрудных непротокаемых плащах и серебряных шлемах с плюмажем. На мой взгляд, они были опытными бойцами.

Прислуга провела и нас, и посланников гильдии в атриум, где пол был вытощен черно-белой плиткой, а из-под высокого сводчатого потолка свисало множество широких хрустальных люстр. В дверных

проемах обнаружилось еще больше охранников. Милиция семьи Гло оказалась весьма многочисленной.

- Добро пожаловать в поместье Гло, - произнес женский голос.

К нам вышла высокая гата - не столько привлекательная, сколько породистая. Ее напугренное лицо застыло в маске горделивого безразличия, свойственного высокородной знати. На ней было великолепное черное платье до полу, с широкой юбкой и серебряной вышивкой, и заостренный головной убор, состоявший из черной металлической сетки и жемчуга и подвязанный под подбородком широкой черной лентой.

Представители Гильдии Синезиас согнулись в церемонном поклоне, а мы

ограничились более консервативными кивками.

- Леди Фабрина Гло, - объявил Махелес.

Она подошла к нам в сопровождении череды слуг, одетых в зеленые ливреи.

- Леди, - произнес я.

- Сэр Фархавал. Я очень рада нашей встрече.

Она провела для нас небольшую экскурсию по основному дому. Мне редко доводилось встречать такую расточительную

роскошь где-либо кроме зданий Имперской администрации... или кают Тобиуса

Максиллы. В прогулке нас сопровождали поджарые охотничьи собаки. Леди Фабрина

показала множество старых картин, главным

образом портреты маслом, но попалось и
несколько изящных гололитических
работ, и

ярких психических миниатюр. На
картинах

было представлено все ее прославленное
семе́йство: дяди, дедушки, кузены,
матриархи, военачальники...

Здесь был Вернал Гло, в униформе
милиции Дома. Был и Орхез Гло,
представляющий Королевский дом

Саметера. Неподдалеку - братья Латин и
Гувье

Гло на охоте. Рядом - сам великий Оберон,
в

мантии имперского военачальника,

возложивший главь на старинный глобус

Гудрун.

Торговые посланники издавали

подобающие восхищенные вздохи. Сама же Фабрина, похоже, старалась покончить с этим делом как можно быстрее. Она исполняла обязанности хозяйки. А мы, в конце концов, были только торговцами зерном.

Я увидел, что Эмос тайком делает какие-то

заметки. Я также вел осторожные наблюдения, особенно в том, что касалось планировки дома.

В одном глинном коридоре на каменном полу распластались три огромные потрепанные шкуры - стеклянные глаза и пожелтевшие ощеренные клыки карнодонов

должны были изображать ярость. Но даже в

столь печальном состоянии размеры и

мощь

этих созданий говорили сами за себя.

- Когда-то мы охотились на них, и их

осталось не много, - мельком бросила

Фабрина Гло, заметив мою

заинтересованность. - Старые времена
давно

прошли. Тогда жизнь была куда более

феодална. Но сегодня Дом Гло смотрит

только в будущее.

...

Во время обеда в просторном банкетном

зале к нам присоединился Уризель Гло,
командующий милицией Дома, и его самый

старший брат Оберон, нынешний глава
Дома

Гло. Но обед давался не только в нашу
честь.

Из другого мира прилетел кузен семьи

Гло, в

сопровождении свиты, и кроме нашей было
еще несколько торговых делегаций и
богатый кораблевладелец по имени Торзон
Лок.

Визит торговцев зерном, даже в
сопровождении престижной Гильдии

Синезиас, едва ли заслуживал
формального

банкета. Мы могли рассчитывать только
на

право быть включенными в более
значимое

событие. Без сомнения предполагалось,
что

мы будем впечатлены.

Я отправился на банкет в сопровождении

Биквин и Эмоса. На подобных
мероприятиях

нет места слугам и телохранителям,
так что

Бетанкор и Хелдан остались в наших
комнатах, куда им доставили еду. Это
идеально соответствовало моим планам.

Пять глиняных столов, размещенных в
зале, были уставлены подносами с
жареным

мясом, фруктами и бесчисленными
деликатесами. Повсюду сновали

предупредительные слуги, предлагая
закуски

и наполняя бокалы. В каждом углу и возле
дверей стояли строгие сотрудники
милиции

Дома, облаченные в униформу из зеленой
парчи и полированные серебряные шлемы.

Нам отвели место за третьим столом,
рядом с торговцами домашним скотом из

Галлината, города на южном континенте

Гүдгүн. Наш статус даровал нам
компанию

леги Фабрины, капитана Терронса из
стражи

Дома и болтливого человека по имени
Ковиц, являвшегося официальным
представителем Гло по вопросам закупки.

Лорд Оберон со своим братом Уризелем
восседали за главным столом в компании
прилетевшего кузена, кораблевладельца

Лока и пожилого епископа по имени
Даззо. Ковиц с радостью рассказал мне,
что

епископ Даззо представляет
спонсируемый Домом Гло миссионерский
орден на Дамаске, пограничном мире
субсектора.

На деле Ковица оказалось сложно

заткнуть. Пока дворянские наполняли его
кубок, он трещал без умолку, рассказывая
про остальных гостей. У Дома Гло
мелись

интересы по всему субсектору, и
регулярное

проведение подобных банкетов позволяло
держатъ колеса смазанными и руку на
пульсе.

В конечном счете мне удалось спихнуть
Ковица Эмосу, единственному человеку из
известных мне, кто был способен
переболтать его. Они тут же перешли к
комплексной дискуссии о торговом балансе
в
данном субсекторе.

Я приглядывал за главным столом.

Уризель Гло, толстый мужчина в
инкрустированном боевом доспехе, уделял

много внимания Горзону Локу. Я

внимательно рассмотрел Уризеля. Что-то в

нем странно напоминало портреты его

печально известного предка Понтиуса, и

дело тут было не только в широком
опухшем

лице и лоснящихся, закрепленных лаком

волосах. Он много пил и смеялся влажным,
свободным смехом над шутками

кораблевладельца. Его жирные, мощные

пальцы постоянно оттягивали расшитый

галуном воротник униформенной куртки,
чтобы освободить шею.

Лорд Оберон был более высоким, более

худым человеком, с выдающимися, словно

утесы, скулами над раздвоенной козлиной

бородкой. В его лице отчетливо

прослеживались фатильные черты рода

Гло, но он выглядел куда более
величественно и
утонченно, не выказывая развратности
своего родного младшего брата. Лорг Гло
проводил ночь, счастливо болтая со своим
кузеном из другого мира, самоуверенным
молодым идиотом с резким слухом и
изысканными манерами. Но судя по всему,
по-настоящему Оберона интересовал
только

тихий экклезиарх Даззо.

Я обратил внимание и на
кораблевладельца. Горгон Лок являл собой
сухопарого гиганта с отечным лицом и
запавшими глазами. У него были глинные
рыжие волосы, собранные в хвост и
украшенные бисером, а выступающий
подбородок припорошила седая щетина. Я
задумался о том, что за судно ему

принадлежало и какие дела он вел, и решил

связаться с Максиллой, чтобы сделать запрос.

Банкет продолжался до поздней ночи. Как только позволили приличия, мы уехали к себе.

Гло предоставили нам покои в западном крыле. Поднявшийся снаружи ветер был в старых каменных трубах и открытых решетках. По окнам стучал дождь, а сверху и

ставни скрипели и хлопали на сквозняке.

Когда мы вернулись, в гостиной наших апартаментов оказался только Хелдан. Перед

ним на столе лежало несколько информационных планшетов.

- Ну так что? - спросил я.

Пока мы ужинали, он и Бетанкор
остатривали свое крыло. Хелдан показал
мне результаты. В большинстве комнат
были

установлены перехватчики голосовой
связи, а кое-где и видеосенсоры. Также в
помещениях была размещена сложная
система сигнализации. Хелдан установил
небольшое устройство подавления, чтобы
ослепить шпионские устройства в наших
комнатах.

- Сравните, - сказал он, показывая мне две
карты, выведенные на экран
информационного планшета. - Зеленые
области указывают те помещения, к
которым

мой наставник получал доступ во время
своих визитов.

Вок оказался столь любезен, что снабдил меня информацией о своих осмотрах.

- А теперь выведет красным результаты осмотра, который ты произвели вместе с твоим человеком этим вечером.

Несоответствия оказались колоссальными.

Вок, может, и открыл каждую дверь, какую

смог найти, но в этих данных обнаружились

потайные помещения, к которым он не получил доступа только по той причине, что

не знал об их существовании.

- Это подвалы? - спросил я.

- Без сомнения, какие-то подземные помещения, - произнес Хелдан своим мягким, болезненным голосом, непонятно

как просачивающимся через разрез его рта. -

Стежные с винным погребом.

Портьеры взметнулись, когда
распахнулось внешнее окно и внутрь влез

Бетанкор, затянутый в черный
комбинезон.

Он стянул с себя наладонники и сапоги,
снабженные зацепами, и отстегнул ремни

с оборудованием.

- Что удалось найти?

Протокий и затерзанный, он принял
поданный Биквин бокал с атасеком и
показал мне экран ручного сканера.

- Вся крыша завешивлена датчиками
сигнализации. Я не рискнул лезть
слишком

далеко, несмотря даже на свои глушители
и

сенсоры. Под восточным крылом

обнаружились комнаты, про которые Вокү
не

было известно. Кажется, сеть туннелей
связывает их с западным крылом под

внутренним двором.

Я провел еще несколько минут, запоминая подробности, а затем ушел в свою комнату, чтобы переодеться.

Я надел утепленный черный комбинезон с плотно облегающим капюшоном и мягкими

перчатками. Потом натянул сумку из прочней

для всевозможных инструментов:

компактного телескопа, набора

мультиметров, складного ножа, двух

катетов моноволокна, горелки, двух

глушителей электроники и переносного

сканера. Сунул в ухо бусинку воска.

Автоматический пистолет убрал в сумку под

мышкой. Взял к нему две запасные обоймы, а в набедренный карман положил свою

инквизиторскую инсигнию.

Эта вылазка грозила провалом нашей легенды, так что инсигния служила своеобразным джокером, который можно будет разыграть при необходимости.

Я возвратился в гостиную и натянул наладонники и зацепы, которые до того надевал Бетанкор.

- Если не вернусь через час, можете начинать беспокоиться, - сказал я.

Снаружи меня обступили тьма, дождь и бьющий ветер.

Внешняя стена огромного дома была

сырой и обветшалой... лестница отслаивалась

штукатурка. Приходилось выверять каждый

шаг, убеждаясь, что зацепы на моих руках и

ногах надежно закрепились.

Я двигался вдоль стены дома до тех пор,
пока не смог взобраться на водосток.
Чтобы

лучше ориентироваться, я приоткрыл
планшет

Ветанкора к своему запястью. На
крошечный

подсвеченный экран выводилась
трехмерная

модель здания, а встроенный локатор
сдвигал карту, отражая мое текущее
положение в центре экрана.

Сквозь шум ливня мне слышались звуки
шагов, шаркающих по гравию гудят
этажами

ниже. Я вцепился в кирпичи и развернул
планшет так, чтобы свет его экрана не
выдал
меня.

Подогнали прошли двое стражников из
милиции Дома Гло, завернувшись в
непромокаемые накидки. Они укрылись в
дверном проеме, и вскоре я увидел огонек
зажигалки или спички. Вскоре моих
ноздрей

достиг густой аромат обскуры.

Они стояли непосредственно под моим
«наседом», и я не стал пошевеливаться. Я
ждал. Мои суставы окоченели от холода и
неудобного положения. Приходилось
прилагать массу усилий, чтобы просто
удерживаться на водостоке.

Дождь усиливался, и ветер свистел в
кронах невидимого во тьме высокого леса
позади дома. Я слышал, как стражники
внизу
разговаривают и изредка пошеиваются.

Так больше продолжаться не могло. Я терял время и чувствительность ног.

Я сосредоточился, сделал глубокий вдох и потянулся к людям Волей.

Я нашел два теплых следа их сознания в простиравшемся под лной холоде. Следы были мягкими и размытыми, реакцию стражников, без сомнения, замедляло наркотическое воздействие обскуры. В такое

сознание трудно внедрить серьезные размышления, зато оно уязвимо для паранойи.

Я вторгся в них своей Волей, осторожно играя с их страхами.

Уже через несколько секунд они

выскочили из укрытия в дверном проеме, оживленно перешептываясь, и поспешно

удалились куда-то на другую сторону двора.

Избавившись от них, я спустился по водосточной трубе.

Оказавшись на земле, я вжался в тень западного крыла здания и пошел вдоль двора. Разведка Бетанкора выявила наличие

лазерных ловушек, окружающих сторожку и

просекающих пространство от забора до фонтана во дворе. Хотя я и не мог увидеть

их, но они были с точностью нанесены на карту, и мне оставалось только перешагивать

через них. Под последний луч, расположенный на уровне талии, пришлось пролезать.

Моей целью были ангары с челноками в дальнем конце внутреннего двора. Осмотр выявил, что там расположена точка доступа

в подвальные помещения. Бетанкор определил местонахождение и нескольких других, но все они оказались либо в чьих-нибудь личных апартаментах, либо в таких служебных помещениях, как чулан, морозильник и кладовые для хранения мясопродуктов.

Двери ангаров были закрыты, а свет внутри выключен. Я поднялся по каменной стене на пологую черепичную крышу. На крыше любого подобного ангара имелись выходы вентиляционных шахт, предназначенных для вывода наружу выхлопных газов. Складным ножом я

взломал металлическую решетку,
прикрывавшую вентиляционное
отверстие, и

скользнул в трубу вперед ногами.

Вылез я прямо над припаркованным
костическим челноком. Спрыгнув вниз, я
сдвинулся по темному ангару к корме
машины.

Небольшая дверь в задней стене вела в
мастерскую, откуда можно было попасть
на

склад запчастей. Железобетонный пол был
заляпан машинным маслом, и мне

приходилось очень осторожно пробираться
в

темноте, чтобы не врезаться в станки,
стойки

с инструментами и свисающие цепи
подъемников.

Я сверился с планшетом. Вход размещался

в дальнем конце хранилища запчастей.

Эта дверь оказалась более основательной.

Устойчивый к внешним воздействиям замок, переключатель тревоги и клавиатура для

введения кода доступа.

Я вздохнул, хотя и не ожидал, что это

будет просто. Необходимо было прикрепить

устройство подавления сигнала к замку, затем подключить сканер, который начнет

перебирать и проверять коды. Дел на десять

минут, если повезет. И на часы, если нет.

Я стянул наладонники с зацепами, чтобы проще было работать с инструментами, и

задумался. Хорошие идеи чаще посещают
меня именно в минуты раздумий. В этот
раз

было так же. Меня посетила идея.

Могущественный Ханшант, мой
наставник, испытывал недостаток в
собственных ментальных навыках. Носил
шкуру моноготинанта, храни его
Император. Но он искренне верил в
предчувствие. И однажды сказал мне, что
для слугителя Императора не самое
худшее

дело доверять инстинктивным озарениям.

Ханшант считал, что сам Император
помещает в нас такие чувства.

Я набил на клавиатуре слово «гайзүтнор».
Заток провернулся, и дверь открылась.

В лабиринт подвалов вела чистая,
теплая, хорошо проветриваемая лестница,

которая

выглядела куда более новой, чем
большинство строений поместья. Через
каждые три метра на стене были
установлены прикрытые решеткой лампы.

Если верить карте и собственным
ощущениям, я находился на глубине
приблизительно десять метров и
продолжал

спускаться под восточное крыло дома.
Чтобы

лучше слышать, я откинул капюшон.

«Дайзүтнор» открыл еще один люк, и
передо мной оказался глинный зал с
рядами

дверей, идущих вдоль одной стены. Одна из
них была открыта, и изнутри доносились
голоса и пахло дымом.

Я подошел к проему и осторожно заглянул.

- ... получить через две недели, - произнес
чей-то голос.

- Ты говорил это месяц назад! - фыркнул
другой. - В чем дело, ты пытаешься
набить
себе цену?

Помещение оказалось чем-то средним
между комнатой отдыха и рабочим
кабинетом. На деревянных стеллажах
вдоль
стен с архивной педантичностью были
расставлены книги и информационные
планшеты.

Мягкий свет исходил от подвесных ламп
и
от множества стоящих на полках
запечатанных шкатулок со стеклянными
крышками. Последние напоминали
специальные установки из имперских

либраниутов, где поддерживается среда, позволяющая сохранить особо древние и ценные тексты.

Всю комнату устилали ковры. Мне удалось

увидеть четырех мужчин, сидящих за низкими

столиком в троноподобных креслах с

высокими спинками. Один из них сидел ко мне спиной, но по сборкам его одеяний стало

ясно, что это Уризель Гло. Напротив него, развалиясь в кресле, сидел Горгон Лок.

Остальных я не знал, но был уверен, что они

присутствовали на банкете. Перед каждым из

сидящих за столом стоял бокал с выпивкой.

Один из незнакомых мне людей курил

обскүрү через кальян. На столе лежало множество предметов, одни из которых были

завернуты в бархат, другие же, наоборот, выставлены для обзора. Выглядели эти каменные таблички как некие древние реликвии.

- Я просто пытаюсь объяснить причину задержки, Гло, - сказал Лок. - Их культура слишком сложна, чтобы можно было быстро

договориться даже при наилучшем стечении обстоятельств.

- Вот поэтому мы и платим тебе, - с ехидным смешком ответил Гло, наклоняясь

вперед и прикасаясь к одной из табличек. - Но мы не потерпим дальнейшей задержки.
В

это дело вложен слишком крупный капитал.

Время, финансы, ресурсы. Нам пришлось отзывать и прерывать многие другие проекты, включая даже те, что имеют для нас очень большое значение.

- Вы не будете разочарованы, лорд, - произнес человек с кальяном.

Он был одет в черное, имел хилое телосложение, лысую голову и водянистые голубые глаза.

- Археоксеническое происхождение этих предметов говорит само за себя. Сарүти серьезно относятся к своему предложению.

Когда Уризель поднялся на ноги и начал отвечать, я спрятался и пошел по залу.

Кодовое слово, полученное от Эйклона, открыло стальной люк в конце помещения.

и

я оказался в просторном, круглом зале. По обе стороны имелись еще два люка стандартного образца, а прямо передо мной

- высокий сводчатый проход, защищенный силовым экраном.

Я спрятался возле этого прохода, заметив, что кто-то отключает силовое поле с грузой

стороны. Фигура вышла из прохода и повернулась, чтобы снова включить экран. Это был Ковиц.

Я набросился на него со спины, одной рукой пережав ему горло, чтобы противник

не смог закричать, а второй рукой вцепился в

его правую руку. Он захрипел и попытался

высвободиться. Я раскрыл его и
приложил

головой о косяк.

Ковиц обтяк. Я затащил его внутрь
прохода и с пульты на другой стороне
снова

включил силовой экран.

Проход оказался недлинным и выводил в
помещение, напоминавшее часовню, с
нефами по краям и алтарем в центре. Во
всем остальном зал был лишен какой-либо
обстановки - ни кресел, ни скамеек. Воздух
здесь был сухим. Освещение исходило от
скрытых источников света под потолком.

Оставив Ковица валяться на полу, я
шагнул к

алтарю, решив разглядеть его поближе.

Черный каменный блок, вырезанный из
цельного куска обсидиана, в высоту был

ног

два метра. Гладкий камень, казалось,
пылал

внутренним светом. На его вершине
стояла

инкрустированная драгоценными камнями
шкатулка, занимавшая площадь примерно

тридцать квадратных сантиметров. Я

аккуратно приподнял ее крышку с
помощью

ножа. Внутри, на бархатном ложе,
покоилась

сфера с затисловатой поверхностью. Она

напоминала ребристый кусок кварца

размером с кулак, инкрустированный

золотистой проволокой и опутанный

проводами. Необработанный драгоценный

камень в причудливом декоративном
обращении.

Я отпрянул в сторону и оглянулся, когда услышал характерный звук у себя за спиной.

Ковиц направил на меня лазерный пистолет. С его разбитого лба стекала кровь.

Бледное лицо было искажено злобой.

- Отойди от Понтиуса, мразь, - произнес он.

Глава одинадцатая

РАЗОВЛАЧЕНИЕ

БЛАГОРОДНЫЙ СПОРТ

«УТИРОТВОРЕНИЕ 505»

Это было не самое удачное время, чтобы попадать в ловушку. Я собрался с силами и без всякого физического движения нанес Ковицу удар прямо между глаз.

Такой ментальный выпад, особенно

нанесенный с близкого расстояния и в
прямой видимости, должен был
подействовать на него словно силовой
молот. Но Ковиц даже не моргнул.

- Не заставляй меня повторять, - сказал
он, наводя пистолет на мою голову.

Комната, похоже, была защищена от
ментальных воздействий. Или же что-то
в

самом воздухе высасывало психическую
энергию.

- Вы, должно быть, неправильно меня
поняли, - заявил я. - Я просто вышел
прогуляться и скорее всего ошибся
поворотом.

Наглости мне всегда было не занимать, но
сейчас я просто тянул время, стараясь
запутать ему мозги разговором, отвлечь

сознание.

- Что-то сомневаюсь, - прошипел он, шаря рукой позади себя в поисках пульт управления, на котором размещалась кнопка поддачи тревоги.

Я ждал. В любой миг он мог оглянуться, чтобы посмотреть, где же находится его цель.

Когда это произошло, я рванулся вперед, выхватывая автоматический пистолет.

Он с криком обернулся обратно и выстрелил, но взял слишком высоко, и выстрел окрасил вспышкой дальнюю стену.

Пригнувшись, я всадил две пули в левую ключицу Ковица, которого швырнуло на распределительный щит, затрещавший

при

столкновении.

Ковиц рүхнүл на пол лицом вниз, и вокруг

него стала образовываться лужа крови.

Я подбежал к пульту управления дверью.

На нем светилась янтарная рүна. Ублюдок

успел на что-то нажать. Я щелкнул

выключателем поля.

Ничего не произошло.

Набил «гайзүмнор» на клавиатуре.

Ничего.

Я понял, что влип в крупные

неприятности.

За мерцающим силовым полем возник

Уризель Гло в сопровождении нескольких

бойцов милиции Дома. Я попытлся
обратно

от входа и подобрал лазерный пистолет

Ковица, чтобы, когда прохог будет
открыт, воспользоваться сразу гвүтя
стволати.

Но внезапно какая-то чүжая, темная,
чүдовищная мощь обрушилась на мое
сознание, и оно решило покинуть меня.

Придя в себя, я үвидел, как на меня сверху
смотрит чье-то лицо. Красивое лицо с
пүстыми глазами. Гүбы начали что-то
произносить, но потом лицо вспыхнуло
огнем и расплавилось, и я понял, что это
только сон. После чего проснүлся
по-настоящему, вернүвшись в мир, в
котором не было ничего, кроме боли.

...

- Хватит, не үбей его, - произнес чей-то
голос.

Другой растеялся в ответ, и спазмы
острой боли скрүтили мой мозг, легкие и

живот.

- Достаточно, я сказал! Лок!

Послышалась разочарованная ругань.

Агония отступила, и остались только онемение и пульсирующая на заднем плане боль.

Я понял, что распластан на огромном деревянном кресте, пристегнут к нему наручниками на запястьях и лодыжках.

Кроме легинсов, сапог и запекшейся крови, на мне больше ничего не было. И свежая кровь продолжала сочиться из моего носа.

Я открыл глаза. Мясистые пальцы держали

перед моим лицом мою же инквизиторскую инсигнию.

- Узнаешь это, Эйзенхорн? Я сплюнул кровь.

- Думаю, что пошныряешь тут, а потом покажешь значок и все обделаются от страха? - Уризель Гло убрал инсигнию и уставился мне в лицо. - Это не сработает с

Домом Гло. Мы не боимся таких, как ты.

- Тогда вы... и в самом деле глупцы, - прохрипел я. Он ударил меня по лбу открытой ладонью, вжимая мою голову в крест.

- Думаешь, грузы помогут тебе? Мы скрутили всех. Они все вон там, в тюремном блоке.

- Я говорю серьезно. Другие тоже знают, где ты. И вам действительно не стоит портить отношения со служителем Инквизиции, и не важно, насколько, на ваш взгляд, он милосерден.

Гло склонился надо мной, сложив руки
домиком:

- Не беспокойся. Я не недооцениваю

Инквизицию. Просто не боюсь ее. А теперь
мне бы хотелось получить ответы на
некоторые мои вопросы.

Он распрянулся и отошел в сторону. Я
увидел грязные камни стен камеры и
двойной люк, выходящий на каменные
ступени. У проема стояли и пристально
смотрели на меня лорд Оберон Гло и
курильщик обскуры, которого я видел в
библиотеке. Кораблевладелец Горзон Лок
оседлал грязную деревянную скамью,
стоявшую поблизости. На его правой руке
поблескивало странное приспособление -
что-то вроде перчатки из
металлических

полос, заканчивающихся излоя на каждом пальце.

- Заблуждаешься, Гло. Ответы давать придется вам.

Уризель кивнул Локү, и тот поднялся и подошел ко мне, шевеля пальцами, увенчанными излами.

- Это струзианский нейронный бич. Наш друг, господин Лок, весьма сведущ в его применении. Он предложил поточь в проведении этого вопроса.

Лок схватил меня за горло голой лапнью, задрал мне голову, и его облаченная в перчатку рука исчезла из поля моего зрения.

Секундой позже в мои легкие и сердце вонзились ледяные копы боли, а дыхательное горло скрутил спазм. Я начал

задыхаться.

- Образованный человек вроде тебя знает
все о выходах нервных окончаний, -

произнес Лок. - Это же знают и стружики.
Они

предпочитают не просто колоть их... им
нравится выжигать их. Я обучался у
одного

из их священных палачей примерно год.
Вот, например, этот захват удушья
тебя. А

заодно останавливает сердце.

Я едва мог слышать его. В ушах грохотал
тревожный набат, а зрение затуманили
цветные пятна и слепящий свет.

Он отвел перчатку. Боль и удушье
прекратились.

- Вот так запросто я могу остановить
твое

сердце. Спалить мозг. Ослепить. Ну и так
далее.

Собравшись со всеми оставшимися
силами, я улыбнулся и сказал ему, что его
сестричка сочла меня более умелым
любовником, чем его самого.

Узлы впились в мое лицо. На какое-то
время я снова отключился.

- ... не убил его! - услышал я шипение

Пока, когда сознание вернулось. По лицу
расползлась тупая боль.

- Посмотрите-ка! Посмотрите на него! У
где же теперь твоя самоуверенная
улыбочка, ничтожный выродок?

Я не ответил.

Лок наклонился так, что мы уперлись
лбами и я мог видеть только его глаза.

- Узлы ее убрали, - прорычал он, и мне в

нос ударило обратительное дыхание,
провонявшее обскурой. - Я только что
выжег

несколько точек на твоем лице. Ты
никогда

уже больше не сможешь улыбаться.

Я хотел было сказать ему, что и без того
не

часто улыбаюсь, но передумал. Вместо
этого

подался вперед и укусил его за губу.

Он завопил, пытаясь вырваться. Кровь

была струей. По моей голове и груди

отчаянно затолотили его кулаки.

Длинные

рыжие волосы хлестнули меня по глазам.

Наконец ему с ревом удалось вырваться. Я

выплюнул на пол кровь и основательный

кусок его нижней губы.

Лок отшатнулся назад, обхватив

свободной рукой порванную часть. А затем
снова набросился на меня с кулаками.
Удары

в живот, в пах, в челюсть... Последний был
такой силы, что чуть не свернул мне шею.

Потом я почувствовал, как излы
вонзаются

под ребра с левой стороны, и меня окутала
агония.

Лок выкрикивал какие-то ругательства.
Я

снова потерял сознание.

И пришел в себя, задыхаясь и испытывая
мучительную боль, когда Уриэль оторвал
от

меня Лока, отшвырнув того к стене
камеры.

- Он нужен мне живым! - закричал
Уриэль.

- Посмотри, что он сделал! - невнятно
произнося слова, пожаловался Лок.

- Надо быть осторожнее, - сказал Оберон
Гло, подходя ближе.

Он склонился, чтобы остотреть меня, и я
взглянул в его нагменное львиное лицо,
бородатое, мощное, властное.

- Он уже одной ногой в могиле, -
раздраженно произнес Оберон. - Говорил же
вам, дуракам, что мне нужны ответы!

- Так спрашивай меня сам, - прохрипел я.
Лорд Оберон поднял брови и уставился на
меня:

- Что привело тебя в мой дом,
инквизитор?

- Понтиус, - ответил я.

Игра была рискованной, и шансы не
обнадеживали, но имелась некоторая

вероятность того, что это слово

автоматически убьет их, как убил Саймона

Кромса. Но, как я и подозревал, этого не случилось.

- Прилетел со Спеси?

- Там я уничтожил Эйклона.

- Все равно мы отказались от этой затеи.

Лорд Оберон отстранился от меня.

- Что такое Понтиус? - спросил я, попытавшись и не сумев направить Волю.

Боль заглушала все остальное.

- Вряд ли я тот человек, который развеет твое неведение, инквизитор, - ответил

Оберон Гло, оглядываясь на Уризеля, Лока и

курильщика. - Не думаю, что ему известно об

истинной причине. Но хочу убедиться.
Тебе

можно доверить тонкую работу, Лок?

Лок кивнул, снова приближаясь ко мне и
втыкая мне в голову иглу позади уха.

Затылок онемел. Сосредоточиться стало
практически невозможно.

- Игла на указательном пальце вошла
прямо в теменную борозду мозга, - напевал
Лок мне на ухо, - что оказывает
непосредственное воздействие на центр
правды. Теперь ты не можешь солгать,
независимо ни на что. Так что тебе
известно об

истинной причине?

- Ничего... - заикаясь, произнес я.

Он качнул иглой, и в моей голове
вспыхнула боль.

- Как тебя зовут?

- Грегор Эйзенхорн.

- Место рождения?

- Мир Де Кере.

- Первое сексуальное завоевание?

- Мне было шестнадцать, служанка в школе...

- Твой самый большой страх?

- Человек с пустыми глазами!

Все ответы были правдивы, все

вырывались непреднамеренно, но последний удивил даже меня самого.

На этом Лок не закончил. Он еще раз

пошевелил вставленной иглой и проник в

заднюю часть моей шеи остальными, так что

все мое тело парализовало и по венам потек

лег.

- Что тебе известно об истинной причине?

- Ничего!

Сам того не желая, я заплакал от боли.

Горгон Лок продолжал допрашивать меня в течение четырех часов... по меньшей мере

четырёх часов. А что было потом, не помню.

...

Вновь придя в себя, я обнаружил, что лежу на холодном рокристовом полу. Каждый нерв

моего существа заполняла тянущая боль, каждый мускул - слабость. Я едва мог

шевелиться. Никогда прежде мне не

приходилось испытывать такой жуткой боли

и отчаяния. Никогда я не чувствовал себя так

близко к смерти.

- Лежи спокойно, Грегор... ты с друзьями...
- проговорил знакомый голос.

Эмос.

Я открыл глаза. Убер Эмос, мой верный архивист, смотрел на меня с состраданием, которое не могли скрыть даже аугментические очки. На его скуле расплывался синяк, а красивые одеяния были порваны.

- Лежи спокойно, старый друг, - убеждал он.

- Ты ведь меня знаешь, Эмос, - сказал я, медленно садясь.

Это оказалось непростой задачей.

Некоторые группы мышц наотрез отказывались работать, и меня чуть не вырвало.

Я посмотрел вокруг затуманенным

взором.

Сидел я на полу цилиндрической
покрытой камеры. С одной стороны
этого

цилиндра имелся люк, а с другой -
подъемная решетка. Эмос присел на
корточки возле меня, а за его спиной,
глядя

на меня с полным беспокойством,
застыла Елизавета Биквин в разорванном
платье. Опершись спиной о стену и сложив
руки на груди, стоял Хелдан, а возле люка
жились Махелес и четверо других
сопровождавших нас посланников Гильдии
Синезиас. Все они были бледными, с
опухшими глазами, словно только что
плакали. Бетанкора в камере я не
обнаружил.

- Хрупкая эгид, пред потомом, - произнес

Этос на превосходной глоссии, заметив
той
взгляд.

Эти слова подразумевали, что Бетанкору
каким-то образом удалось избежать
заточения, которое постигло остальных
моих
спутников.

Я поднялся главным образом благодаря
своему упрямству и поддержке Этоса и
Биквин. На мне по-прежнему не было
ничего, кроме легинсов, сапог,
кровоподтеков и многочисленных темных
точек в тех местах, где наго мной
поработал

Горгон Лок.

Он должен был заплатить за это.

- Что вам известно? - спросил я, после
того

как восстановил дыхание.

- Нас уже можно считать покойниками, -

искренне произнес Хелган.

Неудивительно, что мой наставник оставил эту часть работы

вам, самоубийственные радикалы. Жаль только, что я согласился присоединиться.

- Благодарю, Хелган. Может, кто-нибудь желает сказать что-нибудь менее нравоучительное?

Эмос улыбнулся:

- Мы находимся в тюремной камере под западным крылом, в гальней его части, практически под лесом. Они ворвались в наши комнаты спустя три часа после твоего

ухода и взяли всех под прицел. Я

внимательно запоминал маршрут, которым

нас вели, после чего сравнил его с картой
Мугаса и теперь абсолютно уверен в
нашем
местоположении.

- Что, черт возьми, они с тобой сделали? -
спросила Биквин, протирая раны на
моей
грудь куском материи, оторванным от
собственного платья.

Морщась от боли, я наконец понял, почему
ее одежда так изодрана. Она
ухаживала за моими ранами, пока я лежал
без сознания. Доказательством ее
преданности служила валяющаяся на полу
куча пропитанных кровью обрывков
материи.

- Потом они пришли еще раз, час спустя, и
притащили тебя. Но ничего не говорили, -
добавил Хелган.

- Сэр Фархавал, вы и в самом деле инквизитор? - спросил Махелес, выступая вперед.

- Да, это так. Меня зовут Эйзенхорн Махелес и все его спутники зарыдали: - Мы покойники. Ты всех нас привел на смерть!

Я почувствовал к ним что-то вроде жалости. Гильдия Синезиас прогнала нас сквозь, и всех этих людей уже затронуло разложение, но в столь затруднительном положении они оказались по моей вине.

- Заткнитесь! - ответил им Хелдан.

Потом он оглянулся на меня и протянул мне что-то вытащенное из отворота на его

комбинезоне. Маленькую красную капсулу.

- Что это?

- Адмиллагокс, десять граммов. Похоже, тебе это нужно.

- Я не пользуюсь наркотиками, - сказал я.

Он с силой вложил капсулу в мою руку:

- Адмиллагокс утоляет боль и очищает сознание. Мне плевать, применяешь ты наркотики или нет. Я только хочу, чтобы эта

штука оказалась в тебе до того, как откроются эти ворота.

- Почему? - посмотрел я на решетку.

- А тебе никогда не доводилось сражаться на арене?

Гло получили от меня все, что могли.

Теперь они хотели моей смерти, а заодно и

смерти всех тех, кто был со мной. Однако банальное убийство было ниже их достоинства.

Но ведь из убийства можно сделать спорт.

Примерно на рассвете решетка со скрипом поползла вверх. В нашу тускло освещенную

камеру ворвался жесткий и яркий искусственный свет.

Вместе с ним в нашу камеру ворвались облаченные в броню бойцы милиции Дома Гло и выгнали нас наружу с помощью энергощитов и пси-кнотов.

Пока мы пытались проторгаться и привыкнуть к освещению, решетка за нами опустилась.

Я огляделся. Просторный круглый амфитеатр, увенчанный куполом - без сомнений, тем самым, внешнюю поверхность которого мы видели, подлетая к

полестью. Земляной пол арены порос
мхом, а по стенам десятиметровых
каменных стен

ползли лишайники. Над стенами
размещались зрительские ряды,
заполненные сейчас членами Дома Гло, их
слугами и гостями. В ложе я увидел
Уризеля

Гло, лорда Оберона, Горгона Лока, леги
Фабрину, эkkлезиарха Даззо, курильщика
кальяна. Капитан Терронс, во время
банкета

сидевший за нашим столом, руководил
стражей из сорока человек. Все охранники
были облачены в зеленую броню,
серебряные

шлемы с плюмажем и держали в руках
автоматическое оружие. Более чем две
сотни

членов клана Гло, их домашняя прислуга,

милиция и чернорабочие заняли места в алфитеатре и восторженно были, напоминая кровожадных гиен.

Игнорируя оскорбительные выкрики, я оглядел арену. Кое-где торчали покореженные деревья и валуны, что придавало арене некоторое подобие природного ландшафта.

Возле зарешеченного входа в катеру располагалась стойка с ржавым оружием. Махелес со своими собратьями уже подбежали к ней и схватили тупые короткие мечи и беззубые пики.

Я выбрал кинжал с эфесом, прикрытым чашкой, и странную, крючковатую косу с зазубренной внутренней стороной лезвия.

Я привыкал к весу оружия в своих руках.

Хелдан взял кинжал и топор на глиняной рукояти, Биквин - плетеный щит и нож с острым кончиком. Эмос только пожал плечами и ничего не взял.

Нас осматривали и осмистывали, но потом все стихло, и только тихие вздохи доносились со зрительских рядов.

Карногон был шести метров в длину, от носа до кончика яростно хлещущего хвоста.

Девятьсот килограммов мышц, ногтей и острых клыков.

Зверь вышел из-за группы мертвых деревьев, волоча за собой тяжелую цепь, свисавшую с его шипастого ошейника. В мгновение ока зверь достиг Махелеса и сбил его с ног.

Посланник Гильдии Синезиас заорал и продолжал вопить напного дольше, чем представлялось возможным для человека, от

которого карногон отрывает куски. Может

быть, это всего лишь игра моего испуганного

воображения, но мне кажется, что крик

прекратился, только когда в пасту чудовища

исчезла голова несчастного представителя

гильдии. Другие посланники закричали и побежали. Кроме одного, который упал без сознания.

- Мы покойники, - не претинул

напннить Хелдан, поднимая оружье.

Я проглотил капсулу, которую он мне дал.

Лучше стало ненамного.

Звены цепью, карногон знался за
остальными посланниками, из его пасти
стекали слюна и кровь.

Биквин завопила, когда из засады
выпрыгнул второй карногон. По моим
оценкам, он был даже чуть больше
первого.

Зверь прыгнул прямо на меня.

Я кубыркнулся вправо, и гигантский зверь
промахнулся, погрузив свои когти в мох.

Тянувшаяся за ним цепь просвистела над
моей головой. Оба чужовища одновременно
исторгли низкий, гортанный рык.

Второй зверь развернулся и снова
бросился на меня, но я уже успел подняться
и

отпрыгнул назад. Пока внимание
животного

было сосредоточено на мне, Хелдан
погбежал к карнодону сбоку и ударил его
топором.

Тварь сдавленно зашипела и
стремительно, с разворота ударила
когтистой лапой помощника Вока,
располозовав одежду на его груди и
отбросив
на несколько метров. Я отскочил в
сторону и
спрятался за деревья.

Первый карнодон сбил еще одного
посланника. Шок заставил человека
утолкнуть, и он не издал ни единого звука,
пока зверь терзал его безвольное тело.

Твари были голодны, что лишний раз
доказывали их просвечивающие сквозь
шкуру ребра. Этот фактор можно было
использовать в нашу пользу: когда

карнодоны заваливали добычу, то в первую очередь интересовались ее поглощением.

Длинные цепи, приковывавшие животных к

столбам возле их нор, позволяли зверям перемещаться где угодно в пределах арены.

И конечно же, глина цепей была тщательно

рассчитана так, чтобы звери не могли выпрыгнуть с арены в толпу.

Самый крупный из хищников кружил по краю арены и лупил хвостом, высматривая

своими темными, глубоко посаженными глазами людей в зоне досягаемости. Биквин

укрылась за корягой вместе с Эмосом под своим хлипким щитом. Но безжалостная

толпа забрасывала их чем ни попадя,
вынуждая покинуть убежище. Толпа
жаждала
крови.

Карнодон обошел арену по кругу и
побежал к Эмосу и Биквин, капая слюной.
Из

его пасти вырывался пар. Я был уверен,
что

одного только веса животного хватит,
чтобы

убить обоих. Я бросился ему наперерез, и
толпа закричала и зааплодировала.

Карнодон осадил, увидев мое
приближение сбоку, и начал было
поворачиваться, но я уже ударил его

Старое лезвие рассекло свалившийся мех,
оставив глинную красную полосу от
лопатки

до ребер. Зверь с воем развернулся.

Взметнулась лапа. Я отскочил назад и снова

взмахнул косою, надеясь отвести этот удар.

Но хищник бросился вперед.

Я сам опрокинулся на спину, лишая карнодона возможности сбить меня, переломав мне кости. У оказался подмят чудовищной тушей. В отчаянии я вслепую ткнул зверя снизу вверх, надеясь поразить его в более уязвимое брюхо.

Тяжесть резко исчезла. С жутким стоном карнодон отпрыгнул от меня. В моей руке больше не было кинжала - его рукоять торчала из подбородка зверя. Клинок пронзил и захлопнул его пасть. словно лошадь, потревоженная тухой, карнодон толтал головой и бил по морде лапой, пытаясь освободиться от кинжала.

Я поднялся. Из свежих ран на груди
стекала кровь. Внезапно в поле моего
зрения

появился бегущий Хелган. Его топор
опустился

на спину огромного хищника, с громким
хрустом перебивая хребет. Карнодон
рухнул

на землю и забился в судорогах, взрывая
когтями мох. Хелган снова и снова
опускал

топор на череп зверя.

Арена содрогнулась от воя зрителей. На
нас обрушился град всевозможных
предметов. Помощник Вока обернулся и
посмотрел на меня со злобещей,
триумфальной устешкой.

Затем ему на плечи обрушился второй
карнодон, и Хелган рухнул ничком на

пропитанную кровью землю арены.

Этот зверь уже покончил с посланниками

Гильдии Синезиас - со всеми, кроме того, который упал в обморок и все еще лежал там, где повалился. Хищник вцепился в беспомощного Хелдана, срывая с него скальп, раздирая ему спину.

Из моего горла вырвался вопль ярости и отчаяния, я подбежал к зверю, ударил его косой под ухо и дернул. Изогнутое лезвие вонзилось в плоть, и мне удалось на секунду

оттянуть голову карнодона в сторону. Но потом мне в затылок угодила метко брошенная бутылка. Я упал и выронил косу.

Зверь развернулся ко мне, бросив изувеченного Хелдана валяться на пропитавшейся кровью земле. Я

стремительно вскочил, швырнув в глаза
твари ошметки земли и тха.

- Эйзенхорн! - завопила Биквин, поспешая
с другой стороны.

Она перебросила свой нож через спину
животного, и я ловко подхватил оружие.

Привлеченный ее криком, зверь
развернулся, раздирая плетеный щит и
сбивая девушку с
ног.

Я вскочил на него верхом и несколько раз
полоснул кинжалом по шее. Но клинок едва
поцарапал толстую шкуру.

Карнодон задержался, пытаясь сбросить
меня. Я увидел заседавшую в густой шерсти
загрибка косу, подтянул ее и просунул
лезвие
под шипастый ошейник.

Тварь всеми способностями пыталась сбросить

меня. Еще немного - и у нее это получится. Я

вознал кинжал под сочленение звеньев, уперев его в клинок косы как рычаг, и со всей

силой, на какую был способен, налег на рукоять.

Звенья разошлись. Цепь распалась.

Карнодон не сразу сообразил, что свободен.

Затем он с легкостью перетахнул через ограждение ямы и приземлился прямо посреди остолбеневшей толпы зрителей. Я

все еще удерживался на нем, отчаянно сжимая рукоять косы. Когда мы

приземлились, я сорвался и вылетел в ряды.

Зверь неистовствовал. Он ворвался в толпу, пуская в ход зубы, когти,

неукротимую силу

и чудовищную тяжесть своего тела. Погуполом началось столпотворение.

Я поднялся, расталкивая споткнувшихся иупавших на меня зрителей. Ватфитеатре

началась палба. С гальних рядов ккарнодону спускалась милиция Дома,пытаясь пробиться через обезумевшуютолпу, бегущую к выходу. В конце концовбойцы начали прокладывать себе дорогу спомощью гробовиков, лазганов и шокеров.

Я перепрыгнул через спинки несколькихкресел, разметаю слуг, попытавшихсяменя

схватить. Всего на один ряд вышеоказались

двое охранников, на бегу поднимавшиеоружие, чтобы выстрелить по зверю.

Мне удалось срубить одного из них
ментальным копьём, чью силу
поднимывали
ярость и всплеск адреналина, и
выхватить из
его рук оружие. Прежде чем второй успел
развернуться, в него вошла автоматная
очередь, швырнув охранника через
ограждение на арену.

Я поднял взгляд к ложе, где располагались
аристократы семьи Гло и их гости. Лорд
Гло, Лок и курильщик уже исчезли, а леди
Фабрину и экклезиарха уводили
охранники.

Но Уризель Гло по-прежнему оставался
там, выкрикивая команды своим бойцам.
Он
увидел меня.

- Циквизиция не окажет тебе милосердия,
- закричал я, хотя и сомневался, что он

сложет услышать меня в этом бардаке.

Уризель несколько мгновений смотрел на меня, а потом проорал еще несколько команд, перемежаемых ругательstwами, снова обратив свое внимание на карнодона.

Тот укрылся за зрительскими скамьями и рвал на части кого-то из бойцов милиции Дома. На его полосатой шкуре виднелись многочисленные огнестрельные раны.

Уризель схватил охотничью винтовку, принесенную одним из солдат, тщательно прицелился и выстрелил.

Залп - и могучий зверь рухнул с разорванной грудью, напоследок задавив еще одного охранника.

Люди продолжали метаться и вопить, но их стало значительно меньше, и я смог слышать звон. Сработала сигнализация.

Уризель опустил винтовку и жестами отправил группу своих людей выяснить причину тревоги.

К звону сигнализации добавились еще какие-то странные звуки. Но мне было не до

них. Уризель прицеливался снова - и на сей раз в меня.

Я кубырком ушел из-под прицела, и скатая нагой мной разлетелась в щепки.

Уризель начал перезаряжать винтовку, а

Терронс в сопровождении еще нескольких солдат побежал ко мне, ведя беспорядочную

стрельбу. Я прицелился и ответным залпом

разнес на части его серебряный шлем вместе

с головой.

Уризель снова изготовился к стрельбе. Он поднял приклад винтовки к плечу и начал прицеливаться.

Внезапно к какофонии звуков, наполнивших амфитеатр, добавился еще один, весьма характерный и хорошо мне знакомый. Трое бойцов Дома Гло, стоявшие

на краю ямы, задержались и рухнули на арену. Уризеля Гло отбросило назад, а его винтовка выплюнула заряд куда-то вверх.

Стрелки милиции стали выцеливать что-то у

меня за спиной.

Я обернулся и сразу увидел его. Над противоположным краем арены засел Mugac

Бетанкор. Его излометы, по одному в каждой

руке, снова свистнули, перча врагов
смертоносными зарядами. Сразу несколько
человек - охранники и прислуга - остались
лежать без движения. Огн из
стражников
перевернулся через перила и упал в яму.
Ограждение арены не выдержало напора
охваченной паникой толпы, и полдюжины
человек рухнули на арену.
Несколько стражников пытались
подстрелить Мидаса из укрытия, но
Бетанкор, уверенно пробежав по
терракотовому выступу ограждения,
сунул
излометы в кобур и совершил
великолепный прыжок с переворотом,
который доставил его под навес
опустевшей
ложи.

Охранники Гло вели беспорядочную стрельбу, попадая преимущественно по визжавшей толпе. Я подбежал к перилам. - Прячьтесь! Прячьтесь! - закричал я стоявшим внизу Биквин и Эмосу.

Они пытались оттащить окровавленное тело Хелдана поближе к стене арены, где было сравнительно безопасно. Я подбежал к трупу охранника и прихватил из его патронташа еще несколько запасных обойм.

Меня пытались подстрелить, но большую часть врагов отвлек на себя Мугас. Я укрылся

за скамьей, заваленной жертвами карнодона, и начал стрелять короткими очередями по противникам, стоявшим несколькими

рядом выше. Огонь в мою сторону стал ожесточеннее, и от моего скудного укрытия

во все стороны полетели куски. Мигас выбежал из ложи, открываясь, и его излометы яростно засвистели.

Но-прежнему трезвонила сигнализация, но помимо ее воя, пальбы, человеческих криков и стонов стал слышен и глухой рокот взрывов.

К этому моменту амфитеатр практически

опустел, если не считать последней горстки

охранников, перестреливающихся с

Мигасом. Выстрелы и взрывы, доносящиеся

снаружи, становились все громче.

Я добрался до ложи. Охотничья винтовка

Уризеля валялась на полу возле окровавленного сиденья.

Излы Мидаса обязаны были хотя бы зацепить ее владельца.

Вставив в автомат свежую обойму, я пробрался мимо рядов скамей и направился к лестнице. Возле нее лежали тела двух слуг, затоптанных в давке.

Уризель Гло истекал кровью от ранения в плечо и ушел недалеко. Он услышал мои шаги, обернулся и выстрелил в темный туннель из крошечного стабберного пистолета. И исчез из виду.

Я продвигался вперед со взведенным автоматом и осматривал сырой каменный

туннель перед собой. С левой стороны обнаружился проход на лестницу, ведущую к

камерат внизу, а справа была дверь, выводящая к основному зданию.

Я распахнул ее стволом автомата.

Уриэль с воём выбежал со стороны лестницы и врезался мне в спину.

Я ударился головой о косяк, и автомат выскользнул из моей руки, выпустив очередь.

Не пытаясь даже разворачиваться, я согнулся пополам, ухватил противника за одежду и с разворота приложил Уриэля Гло

о стену. Он вскрикнул.

Левой рукой я нанес ему удар в живот, от которого еретик согнулся, а затем кулаком

правой руки раздробил ему зубы. Он сгавил меня в медвежьих объятиях, заставив отступить на несколько шагов, прежде

чем

мне удалось остановиться, провести подсечку и нанести ему прямой удар кулаком в солнечное сплетение.

Бой для него был закончен. Я припечатал еретика затылком о стену, придувив согнутым локтем.

- Нет для тебя искупления, грешник! -

бросил я в его окровавленное лицо. - Ни для тебя, ни для твоего проклятого Дома!
Мудро

используй свой последний вздох и раскрой мне ваши тайны. Иначе Инквизиция покажет

тебе боль, которую не способен вообразить даже Горгон Лок!

- Ты... - пробульткал он сквозь кровь и осколки зубов, - ты не можешь даже

представить, какие страдания для
Империи

несет Дом Гло. Наша власть велика. Мы
вышвырнем убожественного Императора с его
Золотого Трона... Пред Обероном и
Понтиусом мир Империи будут сгорать
и

лопаться, как мыльные пузыри. Да
прославится Великая Тьма Слаанеша...

Меня мало волновали его еретические
заблуждения, но упоминание имени
терзавшего из демонов вывело меня из
себя.

Богохульство выворачивало мое нутро и
леденило сердце. Я вырубил Уризеля и
огляделся в поисках чего-нибудь, чем
можно

было бы связать ему руки.

Поместье Гло содрогалось так, словно

очутилось в эпицентре боевых действий.

Мугас Бетанкор появился у входа в

туннель и увидел, как я привязываю
Уризеля

Гло шнурами от навеса к трубе
отопления.

Он убрал свои излометы в кобуры и
погошел

ко мне. Я услышал, как он активизирует
вокс

и сообщает свою диспозицию. Протрещал
краткий ответ.

- Что происходит? - спросил я.

- Военно-костический флот Скаруса
проводит операцию, - с довольным видом
сообщил мне главианец.

...

Бетанкора не было в комнатах, когда
появились люди Гло, захватившие Эмоса,

Биквин и Хелдана. Я к тому времени
опаздывал уже на два часа, и Мугас решил
поискать меня. Он искал меня, а милиция
Гло искала его, перерыв в ходе этих
поисков

все поместье. Но Мугас не тот человек,
которого можно было бы найти, пока он
сам

того не захочет. Он не только успешно
скрылся от поисковых групп, но сумел
проникнуть в помещение связи и послать
краткое, но доходчивое сообщение
Коммодусу Вокс в Дорсай.

Ответ Вокса оказался незамедлительным
и

жестким. Семья Гло насильственно
задержала служащего Священной

Инквизиции и его помощников. Уного
повода Вокс и не требовалось.

Он изложил свои требования, не терпящие возражений, не адмиралу флота или его чиновникам, а непосредственно лорду Верховному главнокомандующему.

Главнокомандующий уже через полчаса мобилизовал подразделение солдат службы

безопасности Военно-морского флота, передав их в распоряжение Вока.

Я знаю, что, как инквизитор, и сам имею право и власть потребовать подобной поддержки. И хоть и очень редко, но мне доводилось этим правом пользоваться. Но все равно меня впечатлило, какое уважение и

страх вызывал престарелый инквизитор в людях столь высокого ранга.

Подобные действия, по моему, лучше всего характеризовали решительные и

жесткие методы монодоминанта Вока.
Чтобы

обрушиться на Дом Гло в стиле
приснопамятного Махариуса, ему хватало
ничтожнейшего повода. И я его
предоставил.

Какая-то часть меня была уверена, что
эта

демонстрация силы и влияния являлась
для

Вока поводом показать себя человеком
класса «альфа», если говорить языком
Инквизиции.

Впрочем, это не имело значения. И по
правде говоря, меня вполне устраивало.

Может быть, устроенная нами мясорубка
и

помогла бы нам выбраться с арены, но без
штурма извне нам ни за что бы не
вырваться

из поместья.

Операция получила кодовое название
«Утиропворение-505», где «505» являлось
топографическим обозначением поместья
Гло. Еще до рассвета сюда, прижимаясь к
холмам, чтобы избежать обнаружения
более

чем серьезной местной системой локации,
вылетели четыре десантных корабля.

Корабли скрывались в близлежащих
холмах до тех пор, пока не взошло солнце,
чтобы дать время разведывательному
отряду

добратся пешком до поместья и
взломать

электронную защиту периметра
огромного

дома. Потом они вышли на связь с

Бетанкором, передавшим им всю
информацию о строениях и размещении

охраны.

Примерно в тот момент, когда первый карногон выскочил из засады, десантные корабли вылетели со стороны роуи и устремились к зданию. Легкий имперский фрегат вторжения «Оборона Сталинваста», ведомый по приказу лорда главнокомандующего непосредственно сатим адмиралом Спатианом, занял геосинхронную орбиту над целью «505» и уничтожил ангары с космическими челноками с помощью бортовой артиллерии.

Два десантных корабля выпустили дымовые завесы и сбросили противопехотные заряды, опускаясь на основное здание и вышибая там все окна. Сорок солдат в черной броне

военно-костической службы безопасности
высадились и начали штурм
центрального
здания. Более чем семь десятков
изувеченных
охранников попытались и
противостоять.

Еще два корабля облетели дом и высадили
десант на посадочную площадку,
освещаемую пылающими руинами ангаров.
Уже через три минуты залы и коридоры
поместья Гло превратились в арену
сражения. Вот тогда-то и взвыла
тревога.

На службе Дома Гло состояло более
четырех сотен солдат, если не считать
слуг
численностью еще в девять сотен,
половина
которых также взялась за оружие.

Милиция

Гло была уконтплектована опытными бойцами, к тому же очень недурственно вооруженными. По сути, он представлял собой небольшую армию. А я знаком более чем с одним командующим Имперской Гвардии, которому доводилось брать города

и даже целые планеты меньшим числом. А

эти бойцы имели то преимущество, что находились на родной земле и знали все закоулки, все слабые и сильные стороны древнего поместья.

Силы войск безопасности старались их разделить. Элита Военно-космического флота Скаруса, вооруженная черными хеллганатами и обладающая стальной

дисциплиной, захватывала и зачищала
комнату за комнатой.

В некоторых очагах сопротивления им
приходилось нелегко. Войска потеряли
троих

в открытой перестрелке на кухне.

Самостоятельное нападение двух
защитников Гло, вооруженных

взрывпакетами, унесло жизни еще
четверых

и обрушило метров двадцать западного
крыла.

Менее чем за полчаса после начала
штурма милиция потеряла почти три
сотни
человек.

Видя такое дело, прислуга стала
разбегаться по лесам и долинам,
окружавшим дом. Но лишь немногим

удалось скрыться. Большинство из них
перехватили и около трех десятков убили
при попытке прорвать оцепление,
выставленное вокруг поместья Имперской
Гвардией. В этом оцеплении стоял
недавно

сформированный Гудрунский стрелковый
полк - новобранцев подняли по тревоге,
чтобы они могли попробовать на вкус
настоящее сражение еще до того, как
покинут родную планету.

Основной целью упорного сопротивления
милиции Гло было дать возможность
спастись аристократам. Гудрунским
стрелкам удалось зажать в угол
инопланетного кузена Гло и его свиту.
Ребята

честно попытались арестовать их, но те
оказали сопротивление, и их пришлось

истребить. Остальные присутствовавшие
на

банжете торговцы и гости сдались
имперским войскам.

Из ангара, скрытого в лесу, взлетело
несколько орбитальных шлюпок. Одну из
них сбил солдат, вооруженный ракетной
установкой. Две другие успели пролететь
пять километров, прежде чем их
испепелила

внимательная «Оборона Сталинваста».

Еще одно судно ушло от удара и
устретилося на запад. «Оборона

Сталинваста» выпустила три
истребителя, которым после долгого
преследования

все-таки удалось поразить цель. Но недели
уйдут на выяснение личностей тех, кто
находился на пытавшихся удрать

кораблях.

Но необходимо признать: лорд Оберон

Гло, леги фабрина, Горгон Лок,
экклезиарх

Даззо и безымянный курильщик оказались
серьезными противниками. Никого из них
не

оказалось среди того сброса, который
удалось захватить Гвардии и службе
безопасности.

Спустя девяносто минут после начала
операция «Утиротворение-505» получила
гриф «Завершена» от майора Джоама
Ўокеллса, сотрудника военно-костических
сил безопасности.

И лишь тогда из Дорсая стартовал
баркас, несущий Колмогуса Вока.

Глава двенадцатая

НА РУИНАХ ВЕЯННОГО ДОМА

РОНОТ

ВОССТАНИЕ

Был уже полдень, но начавшийся еще

ночью ливень продолжал поливать
горящее

поместье Дома Гло, и казалось, он стывал
с

неба все краски. На вершине холма

возвышались ужасные, почерневшие руины
с

выбитыми окнами и разорванной крышей,
которая еще недавно была украшена

мозаичной плиткой. От руин поднимались
клубы серого и белого дыма.

Я сидел во дворе, свесив голову и

прислонившись спиной к брызговику

бронетранспортера Имперской Гвардии,
время от времени делая глоток атасека из

хрустального графина. Я нуждался в

обезболивающих, успокоительных и
нейротропных средствах и
квалифицированной медицинской помощи,
желательно нейрохирурга. Еще мне не
помешали бы ванна и чистая одежда.
Но более всего мне нужна была кровать.
Мимо прошли солдаты, поскрипывая
сапогами по влажному камню. Со всех
сторон неслись отрывистые слова котанг.
Время от времени над головой
проносились
истребители, и от рева их форсажей у
меня
содрогалась диафрагма.
Голова кружилась. Фрагменты
происшедшего собирались и соединялись в
моем усталом сознании, приобретая порой
фантастическо-исторические формы. Каждый раз
я

встрахивался, пытаясь прийти в себя. Где-то

там, в глубине моего разума, возникал человек с пустыми глазами. Ему не находилось места в происшедшем, и мне не

хотелось думать о нем, но образ не пропадал.

Один раз мне даже потерещилось, что он стоит на другом конце поля, возле кладовых.

Я спорзнул.

Меня по-прежнему покрывали запекшаяся кровь, пот и грязь. Слобно саван, окутывали

боль и усталость. Капрал

военно-костических сил безопасности нашел отобранные у нас вещи в комнате Уризеля Гло, и я надел рубашку и

застегивающийся на кнопки глиняный
плащ.

Солдат вернул мою инквизиторскую
инсигнию, и теперь я сжимал ее, словно
котел.

Напряженные солдаты из Пятидесятого
Гудрунского стрелкового полка
конвоировали через двор персонал Дома
Гло.

Заключенные держали руки сложенными
на
затылке, многие плакали.

Тень скользнула по холодным каменным
плитам, и человек сел рядом со мной,
прислонившись спиной к грязным
гусеницам
транспортера.

- Долгая выдалась ночь, - произнес Мидас.

Я протянул ему графин, и он
основательно

к нему приложился.

- Где Эмос? И девушка?

- В последний раз, когда я видел ученого, тот шнырял повсюду и делал записи. А

Елизавету не видел с тех пор, как мы вытащили их из ямы.

Я кивнул.

- Ты почти мертв, Грегор. Давай я вызову челнок и мы доставим тебя в Дорсай.

- Мы еще не закончили здесь свои дела, - ответил я.

Нам отсалютовал подошедший прокуратор

Магортин. Больше на нем не было накрахмаленной белоснежной униформы.

Теперь он был одет в угольно-черную броню

войск безопасности, в которой выглядел несколько крупнее и внушительнее.

- Мы остотрели тела, - произнес он.

- Оберон Гло?

- Ни следа.

- Горзон Лок? Священник Даззо?

Он покачал головой.

Со вздохом я протянул ему графин. К

моему удивлению, прокуратор взял его, сел
рядом с нами и сделал хороший глоток.

- Возможно, они сгорели на шлюпках,
пытавшихся ускользнуть, - сказал он. - Но

вот что я вам скажу. Еще до того как
спалить

два челнока, вылетевших в сторону
долины, на «Обороне Сталинваста» были
уверены, что

на них нет признаков жизни.

- Приманки, - сказал Бетанкор.

- Готов поставить все свои деньги, что
главианец прав, - произнес Магортин и

пожал плечами. - Хотя, конечно, хороший
маскировочный доспех может поглощать
сигнал. Нам никогда не узнать.

- Мы узнаем, Мадортин, - пообещал я.

Он еще раз глотнул из графина, вернул
его

мне и поднялся, отряхивая свой доспех.

- Я рад, что военно-костическая служба

безопасности смогла послужить вам,
инквизитор Эйзенхорн. Надеюсь, что нам

удалось восстановить вашу веру в
Военный

флот.

Я поднял на него взгляд и вяло кивнул:

- Я удивлен, что вы лично прибыли

следить за ходом действий, прокуратор.

- Шутите? Да после происшествия на

«Уссине» мне бы адмирал голову снял, если

бы с вами что случилось!

Магортин ушел. Мне он нравился.

Честный человек, старающийся
наилучшим

образом исполнять свои обязанности в
зрелом

противоречивых политических интересов.

А

В более поздние годы мне было суждено

оценить честность и остроумительность

Ольга Магортина гораздо выше.

Согбенная фигура пересекла поле и

нависла надо мной.

- Так чьи методы оказались мудрее? - с

улыбкой спросил Коммодус Вок.

- Ты мне скажи, - ответил я, поднимаясь.

Вок привел с собой свиту численностью

почти в пятьдесят человек, поголовно

облаченных в черные одеяния. У многих

имелись аугментические имплантаты.

Они

просканировали все поместье и собрали
мельчайшие клочки, могущие стать
уликami.

Потребовался целый караван
транспортов, чтобы вывезти все ящики,
полные

документов, книг, планшетов и прочего.

Я не стал вмешиваться. Мое желание
действовать размывали боль и усталость.

Я

был даже рад, что Вокү с его
многочисленной

свитой досталось удовольствие
выполнить

тщательно кропотливую работу по
обработке полученной информации.

- Большая часть улик стерта, разбита
или

сожжена, - отпартовал Вокү

суроволицый

архивист по имени Клизис. - Из

сохранившегося многое зашифровано.

Мы спустились в подвалы, и я провел Вока

в помещение, доступ к которому
перекрывал

силовой экран. На полу все еще оставалась

кровь Ковица, но предмет, лежавший
тогда

на алтарной плите, исчез.

- Он говорил о нем как о Понтиусе, -

сказал я.

В помещении больше не ощущалось

ментального присутствия, и логика

подсказала мне, что псионическое влияние

оказывал сам Понтиус. И срубившая меня

ментальная атака также исходила от
него.

Я прислонился к стене помещения и

принялся терпеливо излагать Вокруг
ключевые

пункты того, что удалось узнать.

- Миссия Эйклона на Спеси, куда был

вовлечен и Понтиус, явно была важна для

них, но Оберон Гло доверительно рассказал

мне, что операцию отменили, потому
что в

игру вошло нечто куда более важное. Они

называли это «истинной причиной».

- Это могло бы объяснить, почему они

решили бросить Эйклона, - размышлял он

вслух. - После всех своих приготовлений
Гло

оказались не в состоянии доставить

Понтиуса, как обещали.

- Похоже на то. Даззо и кораблевладелец

Лок, судя по всему, были глубоко вовлечены

в суть этой «истинной причины». Нам

наго

узнать про них побольше. Уверен, что их работа касалась некоторого археоксенического материала. Они упомянули «сарүти».

- Разновидность ксеносов, населяющих соседний субсектор, - произнес архивист Вока. - Про них мало что известно, и контакт

с ними запрещен. Инквизиция начинала расследование по ним, но, поскольку космос в их регионе мало изучен, а сами они не стремятся к контакту, расследование было отложено.

- Но какер вроде Лока мог установить с ними связь?

Клизис и Вок дружно кивнули.

- Необходимо возобновить расследование,

- сказал Вок. - Ордо Ксенос начнет изучать

сарүти. Но пока что дело можно считать закрытым.

- Это с какой стати? - спросил я ошарашено.

Вок уставился на меня своими глазами-бусинками:

- Дом Гло разрушен, его члены и сотрудничавшие с ними заговорщики убиты.

Что бы они ни планировали, мы это пресекли.

Я даже не стал пытаться спорить со стариком. Вок был уверен в полученных данных. И в этом, на мой взгляд, крылась его основная ошибка.

Конечно же, он оказался не прав. Первый
нарек на это появился десять дней спустя.
Я

со своими людьми возвратился в Дорсай,
где

провел некоторое время на попечении

Цинперского Госпиталя, расположенного на

Гранд-Канале, где медики занялись mostly

многочисленными ранениями и
травмами.

Большинство порезов и ран оказались

поверхностными и должны были со

временем зажить. Но Лок оставил мне на

память куда более глубокие шрамы.

Множественные повреждения искалечили

moю нервную систему, и некоторые из них

оказались необратимы. Аугментисты из

Официо Медикалис, работавшие на

Военно-костический флот, провели

микрoхирургические операции на порванных нервных волокнах позвоночника, грудной клетки, мозговом стволе и гортани. Они внедрили более шестидесяти секций искусственных нервных волокон и узлов. Я частично потерял способность различать цвета и вкус. Снизилась скорость реакции левой половины тела. А с моим лицом врачам ничего не удалось сделать. Лок сдержал свое обещание - я никогда больше не смог улыбнуться. Как, впрочем, и выразить любую другую эмоцию. Мое безразличное лицо стало просто маской. Эмос навещал меня каждый день в палате Госпиталя и приносил горы информационных планшетов и старых книг.

Он наладил рабочие отношения с

архивистами Вока (Клизис был всего лишь

одним из семнадцати) и изучал

передаваемые ими данные. Мы пытались

собрать информацию о приспешниках Гло, но обнаружили крайне мало, несмотря на

вовлечение в работу армии Вока. Лок

оставался темной, чуть ли не мифической

личностью, чьи имя и репутация были

известны по всему Геликанскому сектору, но происхождение, карьера, торговые

партнеры и даже имя корабля оставались

неизвестны. Практически так же обстояли

дела и с определением личности Даззо.

В Экклезиархии не оказалось ни единой

записи о священнослужителе с таким

именем. Но я вспомнил, как Ковиц во

время

банкета рассказывал, что Даззо был связан с

миссионерским орденом, спонсируемым Гло, на пограничном мире под названием Дамаск. К счастью, Дамаск оказался вполне

реальным миром на самом краю

Геликанского субсектора - одно из самых редко посещаемых, захолустных мест. У астрогеографически он размещался всего лишь в нескольких месяцах пути от не нанесенных на карты областей таинственных сарүти.

Как только я достаточно окреп, в одно из посещений вместе с Эмосом пришел Ловинк.

Он вытащил из моего сознания портрет

«курильщика», который тут же был
психометрически перенесен на
графическую

пластину. Изображение получилось
немного

размытым, но все-таки достаточно
внятным, чтобы его можно было разослать
по всем

структурам, связанным с расследованием
происшествия на Гудрун. Но никто не смог
опознать этого человека.

Ловинк извлек и образ Понтиуса. Картина
поставила в тупик всех, кто смотрел на
нее. И

только Эмос мгновенно подтвердил, что
странный предмет по форме и габаритам
идеально соответствует нише в ларце

Эйклона, обнаруженном в Молитвеннике

Два-Двенадцать. И как мы догадывались,
именно его ждал Эйклон, ради него он

затеивал массовую бойню в ледяной
гробнице
на Спеси.

- Уризель Гло говорил про Понтиуса так,
как если бы тот все еще был жив, -
обратился

я к Эмосу. - И нечто, без сомнения
обладающее огромной психической мощью,
вырубил меня в том помещении, где
хранился Понтиус. Можно ли его вернуть
к

жизни, если некая часть его, возможно
какая-то ментальная эссенция, заключена
в

это устройство?

Эмос кивнул:

- Сохранение разума после перенесения
тяжелых физических повреждений или
даже

смерти не выходит за пределы высоких

технологий Империи. Но подобные технологии недоступны даже для столь могущественной семьи, как Гло.

- Ты говорил, что это напоминает какие-то

мистерии *Agentus Mechanicus*.

- Именно так, - ответил он. - И это очень странно. Могло ли омерзительное преступление на Спеси ставить своей целью

выкачивание жизненных сил жертв в этот

артефакт? Дать Понтиусу огромную мощь?

На третье утро моего пребывания в

Госпитале ко мне зашел Фишиг. Его раны уже

исцелились, и похоже, он был раздосадован тем, что пропустил случившееся в поместье

Гло. Он принес с собой бесценный
старинный планшет, содержащий
собрание
вдохновенных стихов, составленное
Юрием

Сатаскином, викарием-исповедником
одного из генералов Махариуса. Это был
подарок от Максиллы, из его частной
коллекции.

Формирование полка, которое задержал
инцидент с Гло, возобновилось. Новые
гвардейцы Империи отправились на
транспортные суда флотилии, повисшей
на

орбите. Наконец завершились последние
церемонии. Лорд главнокомандующий
стремился как можно скорее начать свой
поход к беспокойному Офигианскому
субсектору, решив, что и так слишком

многого

времени и сил потрачено на дело местного значения.

Но на десятый день происшедшее перестало казаться таким уж местным. Но

астронавтической связи начали поступать сообщения об инцидентах по всему субсектору: череда взрывов на Трациан Приларис; захват и уничтожение пассажирского судна, направлявшегося к Тесперусу; город-улей, выкошенный вирусным заражением, на Мессине.

Тем же вечером в небе над Дорсаем ненадолго вспыхнула новая яркая звезда.

Взорвалось четырестатысячетонное

бронированное судно «Ультима Виктрикс».

Взрывом были повреждены еще четыре корабля, располагавшиеся поблизости.

Час спустя стало ясно, что происшествие на этом не закончилось. Даже командованию

Военного флота было непонятно, почему несколькими кораблями взрыв был идентифицирован как нападение противника. Звено фрегатов, которым командовал капитан Эстрүт, вылетело на

перехват, и несколько истребителей передовой группы приняли их за врага и открыли огонь. В течение двадцати семи минут Военный флот Скарүса вел войну против самого себя. Шесть кораблей уничтожено. Звено Эстрүта вместе с мобильной группой из пятнадцати судов

прыгнули в варп, чтобы выследить «врага».

Адмирал Спатиан пустился в погоню с флотилией из восьми тяжелых крейсеров.

Оставшееся войско пыталось восстановить

порядок и справиться с полученными повреждениями.

Как я узнал, лорд главнокомандующий был так взбешен случившимся, что лично

врачу пришлось давать ему успокоительное.

- Это не просто досадное недоразумение, - произнес Бетанкор. Мы сидели в моей отдельной палате, с выходящими на Гранд-Канал высокими окнами. Ночь освещали призрачные отблески взрывов и выбросов энергии, похожие на падающие

звезды. - Имперские боевые флотилии
числятся среди наиболее организованных и
дисциплинированных костических
организаций. Подобный бардак просто не
может произойти случайно.

- Думаю, ты хочешь также сказать, что и
дезертиры не могут так просто
захватить
сторожевой катер и вынаты иля
владельца
судна, которое берут на абордаж? Наш
незримый противник демонстрирует свое
могущество. Вок говорил о некоем
родительском культе, надзирающем за
многочисленными мелкими ячейками и
тайными организациями. Он считал, что
именно Гло и были на вершине заговора.
Но
я в этом «е уверен. Есть кто-то более

значительный.

Уризея Гло содержали в Имперской
Базилике. С момента поимки его
допрашивали и пытали по нескольку часов
ежедневно. Но так ничего и не добились.
Той ночью я сам отправился к нему. Вок и
его следователи все еще работали над
еретиком, теперь уже понимая всю
срочность дела.

Они держали его на глубине девяносто
метров под серой каменной крепостью, в
помещении, которое иначе как темницей
не
назовешь. В соседних камерах содержались
все остальные заключенные, захваченные
во
время штурма поместья Гло. Чтобы
удержать
и допросить их всех, Вокү потребовалась

помощь местных Agentys Арбитрес,
солдат

планетарной армии Гудрун и
должностных

лиц Министориута.

Добравшись до Базилики на гравискифе, я
был встречен высоким седым человеком в
глинном красно-коричневом плаще и с
эскортом из двух боевых сервиторов. Я
узнал

его сразу. С инквизитором Тимусом
Эндором

мы были притерно одного возраста и оба
учились у Ханшанта.

- Ты поправился, Грегор? - спросил он,
пожимая мою руку.

- Достаточно, чтобы продолжать работу.

Не ожидал увидеть тебя здесь, Тимус.

- Отчет Вока по делу Гло дошел до

представителя нашего Ордена в данном
субсекторе. Верховный Инквизитор
Роркен

потребовал скорейшего расследования и
раскрытия дела. Неспособность Вока
выжать

что-либо из Уризеля Гло раздражает его.

Меня послали на помощь. И не только
меня.

Шонгард уже здесь, а Молитор находится
в
пути.

Я вздохнул. С Эндором,
собратор-аталатианином, я мог
работать.

Шонгард представлял собой фанатичного
моногоминанта и, на мой взгляд, лишнюю
обузу. А Конрад Молитор был из того
сорта

радикалов, которым, по моему мнению, и

вовсе нет места в Оргене.

- Это необычно, - сказал я.

- У всех свои причины, - заметил Эндор. -

То, что выявила ваша с Воком деятельность

здесь, представляет собой кусок огромной головоломки, связанной с множеством

различных дел и расследований. Две недели

назад я сжег еретика на Мариам и в его

вещах обнаружил документы, связывавшие

его с семьей Гло. Шонгард занимается

выслеживанием источника богохульных

текстов, которые, как он уверен,

первоначально попали в субсектор Ватриумах

торговцев из Гильдии Синезиас. Молитор...

Кто его знает, над чем он работает, но

это

тоже как-то связано,

- Иногда, - сказал я, - мне кажется, что мы
работаем друг против друга. Сейчас
много

вышло наружу. И ты только взгляни! У
всех

нас есть частички одной и той же тайны.

Ведь вполне возможно, что мы могли

захватить этого противника и
разрушить

созданную им структуру еще месяц или
даже

два назад, стоило нам только обмениваться
информацией.

Эндор растеялся:

- Грегор, ты подвергаешь сомнению
методы работы Священной Инквизиции?

Методы, сложившиеся столетия назад?

Сы

сомневаешься в побуждениях наших
собратьев по Оргену?

Я знал, что он шутит, но ответил
серьезно:

- Я порицаю систему, которая приводит к
тому, что мы не доверяем даже друг
другу.

Мы спустились в глубины тюремного
блока.

- Что с Гло?

- Ничего не говорит, - сказал Эндор. - Под
пытками, которые к нему применяют,
попало большинство еретиков. Во
всяком

случае, они почти всех заставляли
утолять о

пощаде или пытаться наложить на себя
руки.

А этот сопротивляется и, можно даже

сказать, сохраняет хорошее настроение.

Но-прежнему высокомерен, словно надеется победить.

- И он прав. Мы ни за что не подпишем приказ о его уничтожении до тех пор, пока не узнаем его тайн.

Люди Вока трудились над Гло в вонючей камере, стены которой были выкрашены в красный цвет. От Уризеля остались только

искалеченные останки, жизнь в которых поддерживалась исключительно мастерством палачей.

Извлечь признание из еретика - это величайший долг инквизитора, и, на мой взгляд, допустимы любые методы, но этот

вариант просто бесполезен. На их месте я

бы

прекратил пытку еще несколько дней
назад.

Одного взгляда хватало, чтобы понять,
что

Уриэль Гло не намерен говорить.

Я оставил бы его в покое на несколько

долгих недель. Несмотря на все муки,
постоянное внимание придавало ему сил,
так как демонстрировало, в сколь
отчаянном

положении мы находимся. Тишина и

изоляция слотили бы его быстрее.

Инквизитор Шонгард отстранился от

стола, к которому был привязан Гло, и

стацил хирургические перчатки. Он был

широкоплечим человеком с жидкими

каштановыми волосами и черной

металлической маской, хирургически

вращенной в его лицо. Никто не знал, скрывает ли она следы какой-то серьезной травмы, или же это сделано из любви к эффектам. Сквозь прорези маски на нас с Эндором уставились нездоровые и налитые кровью глаза.

- Братья... - прошептал он. Поэтому, он никогда не говорил даже вполголоса, только вкрадчивым, пугающим шепотом. - Его упорство сильнее, чем когда-либо мною виденное. Мы с инквизитором Воком пришли к выводу, что сознание еретика прошло очень серьезную тренировку, что позволяет ему игнорировать наши манипуляции. Были применены ментальные зонды, но и они ничего не дали.

- Возможно, стоит попросить

Астронавтический Анклав обеспечить нас
помощью одного из первоклассных
специалистов, - сказал Вок, выходя из-за
моей спины.

- Не думаю, что на его сознание поставлен
какой-либо блок, - сказал я. - Вы бы нашли
следы такой обработки. Да и он тогда
молил

бы нас остановиться, потому что знал бы,
что

не может дать нам ответ.

- Ерунда, - прошептал Шонгард. - Ни один
нормальный человек не выдержал бы
такого.

- Иногда у меня возникают сомнения,
знают ли мои собратья хоть что-нибудь о
человеческой природе, - мягко ответил я. -
Этот человек - фанатик. И к тому же

благородного происхождения. Он видел
тьму, которой ты так боишься, и знает ее
мощь. И ее лживых обещаний достаточно,
чтобы держать рот на замке. - Я подошел
к

столу и посмотрел в лишенные век глаза
Гло.

Когда он улыбнулся мне, на его ободренных
губах заплыла кровь. - Ему обещано
падение миров, уничтожение миллиардов.

Он кичится этим. То, за чем
встретились

Гло, столь велико, что ничто иное не
имеет

для него значения. Я прав, Уризель?

Он забулькал.

- Это для него лишь временные
трудности,

- произнес я, презрительно отворачиваясь
от

еретика. - Он продолжает упорствовать, потому как считает то, что ждет его впереди, достойным любых мучений.

Вок фыркнул:

- И что это может быть?

- Мне слова Эйзенхорна кажутся

убедительными, - сказал Эндор. - Глобальный бюджет

защищать свою тайну, что бы мы ни сделали, поскольку эта тайна обещает ему возместить

все потери тысячекратно.

Лицо Шонгарда под маской явно скривилось в сомнении.

- Поддержу брата Вока. Какая награда может стоить длительного общения с лучшими мясниками Инквизиции?

Я не стал отвечать. Ответ мне был неизвестен, хотя у меня сложилось

представление о масштабах заговора.

И мысли об этом легли на мою кровь.

...

Если у меня и оставались какие-то сомнения в том, что верхушка Гло уцелела, то их полностью рассеяла следующая неделя.

По тирам субсектора прокатилась волна диверсий с использованием взрывчатки, токсинов и пси-оружия. Мрачные ячейки зла, скрывавшиеся в Имперском сообществе

вылезали на свет, подвергая себя риску обнаружения. Ули словно дирижировала какая-то сила. Кто-то вроде лорда Гло и его

сообщников, избежавших уничтожения. А может (и я все больше и больше склонялся к

этой версии), они являлись только частью

незримой правящей элиты, которая
теперь

мобилизовывала силы своих тайных
дочерних культов на двух дюжинах миров,
готовя революцию.

- Есть и другое объяснение, - сказал мне
Титус Эндор во время мессы в Имперском
Соборе Дорсая. - Несмотря на могущество
и

влияние Дома Гло, не они стояли на
вершине

пирамиды заговора. Есть кто-то и выше.

Такое, конечно, тоже возможно, но я знал,
насколько заносчивы и честолюбивы Гло.

Они не из тех, кто подчинился бы другому
хозяину. Но крайней мере, человеческому
хозяину.

Тем временем беспорядки добрались и до
Гудрун. Один из городов на юге подвергся

серии взрывов, а фермерское поселение на западе вытерло от отравления нервным токсином, сброшенным в его водозаборы. Военный флот Скаруса по-прежнему прилагал усилия, чтобы оправиться от повреждений, причиненных самому себе, а адмирал Спатиан вернулся из своего похода за кораблями Эструта с пустыми руками. Эти суда просто исчезли. Я обменялся посланиями с Мадортином, который сообщил мне, что в командовании Военно-морского флота теперь мало кто сомневался в том, что гибель «Ультима Виктрикс» и последовавший за ней погром стали результатом саботажа. Влияние нашего

влага простиралось даже на Военный флот.

А затем в двух огромных городах-ульях Трациан Примарис поднялось открытое восстание. На улицы вышли тысячи рабочих, пораженных порочным влиянием Хаоса. Они

занимались поджогами, грабежами и убийствами. И открыто демонстрировали непотребные знаки Хаоса.

Планы лорда главнокомандующего насчет крестового похода в Офигианский субсектор

откладывались на неопределенный срок.

Военно-костический флот Скаруса снялся с

якоря и устремился подавлять восстание на

Трациане.

Но это оказалось только началом. В

предместьях столицы Саметера вспыхнул
откровенный мятеж, а годом позже
разразилась гражданская война на
Тесперусе.

Оба случая носили признаки влияния
Хаоса.

Этот печальный период упомянут в
Имперских хрониках как Геликанский
Раскол. Он длился восемь месяцев, и в
открытой войне на этих трех мирах
погибли

миллионы, если не вспоминать о сотнях
менее крупных инцидентов на других
планетах, включая Гудрун. Лорд
главнокомандующий получил-таки свой
священный крестовый поход, хотя вряд ли
он представлял, что его придется вести
против населения собственного
субсектора.

Все власть имущие, и даже мейстеры
достоинные

собратья-инквизиторы, были настолько
ошеломлены этим бунтом, что это
практически парализовало всю работу.

Заклятый враг человечества нередко
действовал открыто и жестоко, но в
этот раз

его поведение казалось лишенным логики.

Почему после столетий осторожного,
тайного становления скрытые культы

внезапно поднялись как один, подставляясь
под гнев Имперских войск?

Я решил, что ответ заключается в

«истинной причине». И то, что Уриэль
Гло

сопротивлялся пыткам едва ли не с

ликованием, лишь укрепило мое
убеждение: архивраг готовится к чему-то
столь

грандиозному, что готов принести в жертву

все свои тайные войска по всему субсектору, только бы отвлечь Империю.

И мне подумалось, что лучше позволить планетам сгореть, чем дать свершиться «истинной причине».

Вот поэтому я и отправился на Дамаск.

Глава тринадцатая

ДАМАСК

СЕВЕРНЫЙ КВАЛТ

СВЯТИЛИЩЕ

Под свинцовым, мрачным небом кочевали

за ветром воздушные леса. Они напояли

тучные стада каких-то раздутых животных, пасущихся на склонах каменистых

холмов, сталкиваясь с грохотом, похожим на

стук копыт.

Но это были только деревья: пузырчатые целлюлозные шары, заполненные газом, который был легче воздуха и возникал в результате гнилостного распада в их чреве.

Они дрейфовали по ветру, медленно волооча

за собой корневые системы. Иногда при столкновении двух деревьев шары со стеснением исторгали газ через сфинктеры.

Вонючие струйки поднимались над древесным стадом.

Я взобрался на вершину невысокого плато, где желтоватый лишайник покрывал синеватый кремень и гравий. Над плоской вершиной проносились одиночные шаровидные деревья.

По центру плато размещался рокритовый
obelisk, отмечавший место высадки
первых
колонистов, прибывших на Дамаск.
Стихия
практически полностью стерла
памятную
надпись. Стоя рядом с обелиском, я
неторопливо осматривал пейзаж. Черные
кременевые холмы с запада, густые леса
воздушных деревьев над широкой речной
долиной к северу, лиги колючего
кустарника
к востоку и рокошующие, извергающие
пламя
и серный коричневатый дым вулканы - на
юге. Стаи мелких летучих тварей
кружили
над лесами в поисках места для ночлега.
Над

нами поднималась неприветливая, рябая
луна, чей лик размывался в густой
янтарной

атмосфере Дамаска.

- Эйзенхорн, - позвал меня по воксу
Мугас.

Я спустился обратно, застегивая свой
кожаный плащ, чтобы защититься от
вечернего ветра. Мугас и Фишиг ждали
возле

«Лэндспидера», на извлечение которого из
трюма и сборку они потратили два часа.
Это

была старая модель, не снабженная
оружием.

Машиной не пользовались уже около трех
лет. Мугас захлопнул капот над
простужено
кашляющим двигателем.

- Все-таки вы заставили его работать, -
сказал я.

Мугас пожал плечами:

- Это просто кусок дерьма. Пришлось
выдерживать Уклига, чтобы заменить
несколько реле. Вся проводка оказалась
дохлой.

На физиономии Фишига отражалось
крайнее разочарование в транспортном
средстве.

Мне редко приходилось пользоваться
подобным. На большинстве миров у нас
имелся доступ к местному транспорту. Я
не

ожидал, что Датаск окажется столь...
безлюден.

Записи гласили, что на планете
наличествует как минимум пять

поселений, но с орбиты нам не удалось
найти ни одного, мы не дождались ответа
ни на голосовые, ни

на астропатические сообщения. Неужели
человеческое население Дамаска вытерло
за

пять лет с того момента, как были
сделаны

последние записи?

Эмос, Биквин и Ловинк остались на
катере, причаленном на берегу широкой
реки и тщательно замаскированном
камуфляжной сеткой. Мидас выбрал для
посадки место, откуда легко было
добраться

на «спидере» до одной из колоний, и вместе
с

тем достаточно далеко, чтобы ее
обитатели

нас не заметили. Тобиус Максилла

остался

ждать распоряжений на борту «Уссина», повисшего на орбите.

Мугас сел за штурвал «спидера», и мы отправились от замаскированного катера к

тому месту, где, по нашим сведениям, находилось ближайшее человеческое поселение.

Навстречу нам рванулся ветер, и мы затряслись по бугристой поверхности планеты, стараясь объезжать воздушные корни шаровидных деревьев, вставших на якорь или дрейфующих по ветру. Растения, казалось, пытались выбрать тежду почвой и

притяжением неба. В лесах летали их обитатели - небольшие млекопитающие, похожие на летучих мышей. В восходящих потоках воздуха безмолвно парили более

крупные создания с перепончатыми
крыльями и колючими хвостами.
Ландшафт

был неровным, изломанным, и повсюду глаза
натыкался на синеватый отблеск кремня.
Воздух оказался тяжелым и угрюмым, и
нам время от времени приходилось
пользоваться дыхательными масками.

Около двадцати километров мы
держались пенистых солоноватых вод
реки, а

затем оставили ее широкие тонкие
берега и

затряслись тито скальных обрывов и
рельефных пустынь, сформированных
разрушенными стихией обнажениями
кремня, зарослями пыльного папоротника
и

пятнами лишайника, грожащего, подобно

водной ряби, в порывистом ветре.

Уродливая

луна поднималась все выше, но до заката было еще далеко.

Мудас вынужден был остановить

«спидер», когда у нас на пути оказалось много

крупных животных, впавших в ступор при виде нашей колымаги. Это были

сизовато-серые гиганты с крутыми, горбатыми спинами и глинными,

стройными ногами, заканчивающимися широкими стопами. Ноги казались слишком

тонкими для столь больших тел, но, как я подозревал, так же как и в случае с местными

растениями, туши этих животных

поддерживали пузыри газа. Морды зверей

заканчивались неким подобием хоботов.

Животные наконец пришли в себя,

возмущенно зафыркали и с шумом

угадились в заросли папоротника. Но
теперь

в ступор впал наш «спидер». Мугас вышел
и

принялся уговаривать движок. Пока он

занимался этим делом, мы с Фишигом

решили размять ноги. Арбитр взобрался
на

высокий валун, любуясь синими всполохами

метеоритного дождя, окрашивающего небо

над западным горизонтом.

Я взглядывался в заросли папоротника. В

спокойной листве шуршали темные
летучие

твари. Ветер переменился, и стадо

шаровидных деревьев понеслось по краю

напоротниковой рощи, стена, скрип и
пуская ветры.

Двигатель наконец чихнул и заработал.

Мы преодолели еще десять километров,
спустившись в овражистую долину, где
земля

влажно поблескивала жирной чернотой.

Растительность здесь оказалась более
богатой и сочной: саблевидные листья

змеелоконо, яркие болотные лилии,
паличный мох, «лошадиные хвосты»,
взъерошенные девовласы, высокие заросли

саговника, испещренные грибом

бромелиады и клубки гнетофитов. Над

влажными полянами и сочащимися

ручейками роились тучки крошечных

насекомых, а охотящиеся на них крупные,
шершенеподобные создания гудели

сверкающими крыльями и летали,
словно

инкрустированные драгоценностями
кинжалы.

- Вон там, - сказал Фишиг,
прищурившись.

Мы остановились и вышли из машины.

Грязное пространство, окружавшее нас,
некогда было обрабатываемым полем. В
пованивающей жиже ржавели
полузатонувшие корпуса двух пахотных
машин.

Чуть дальше мы прошли мимо каменного
маркера, вырубленного из кремня.

«Поместье Жиллана» - гласила надпись на
раннеготическом.

Мы миновали поселение раньше, чем
осознали это, и вернулись обратно. От
него

остались только обломки нескольких
стен, затянутые тонкими нитями

ползучих

растений и буйными гнетофитами. Всего
лишь пять лет назад на этом месте
находилась община численностью
восемьсот

человек. Сканирование выявило
металлические обломки и части
техники, захороненные под землей.

На северном крае «города» Фишиг нашел
маркер, скрытый липким саговником.

Указатель был вырезан из какого-то
местного волокнистого дерева и нес на
себе

знак, который не мог быть ничем, кроме
как

одним из омерзительных и пугающих
символов Хаоса.

- Утверждение власти? Предупреждение? -
громко поинтересовался Фишиг.

- Сжечь немедленно, - распорядился я.

Затрещала голосовая связь. Максилла
вызывал нас с орбиты.

- Инквизитор, я просканировал ландшафт,
как ты и просил, - сообщил он. -
Атмосфера

этому не благоприятствует, но у меня
получилось. Я только что осмотрел
регион к

югу от вас. Трудно сказать точно, потому
что

сохраняется вулканическая активность,
но

мне показалось, что там есть здания и
действующая техника.

Он передал информацию в

навигационную систему «спидера». Место
находилось в семидесяти километрах от
нас, примерно там, где, по нашим картам,
должно было располагаться еще одно

поселение.

- Ехать довольно далеко, а день

заканчивается, - сказал Мугас.

Предлагаю

вернуться на катер. Продолжим на
рассвете.

Ночью, пока мы спали, к

затаскированному катеру что-то

приблизилось, заставив сработать
сигнализацию, настроенную на движение.
Мы вооружились и вышли, чтобы
поискать
незваных гостей, но никого не нашли. И ни
единого дрейфующего дерева поблизости.

...

На рассвете мы отправились на юг.
Ущелья между тлеющими вулканами
густо
поросли папоротником и терновником.
Над
вулканическими разломами курился
вонючий дым, и было очень жарко. Уже
через полчаса, проведенных в этом серном
лесу, мы ужасно взмокли и стали
практически постоянно пользоваться
дыхательными масками.
Когда мы ехали вдоль обглоданных

ветрaти и лaвoй cклoнoв, pyдимeнтapныe cкaнepы «Лэндспидера» oбнapyжили пpизнaки aктивнocти пoд oдним из нaибoлee

кpупных пикoв. Мы вышли из мaшины и вcкaрaбкaлись нa гpяду, чтoбы пoлучшe oсмoтpеть мecтнocть c пoмoщью oптики.

Пpямo y пoднoжия oднoгo из вyлкaнoв pacпoлaгaлocь кpупнoe пocелeниe. Cocтoялo oнo кaк из cтapых кaмeнных и дepeвянных здaний, гoтoвых oбpyшитьcя в лyбoй мoмeнт, тaк и из нoвых жилищ, coбpaнных

из кepaмитoвых блoкoв. Были тaм и мaшины, и гeнepaтopы, и дpyгие тяжелые мeхaнизмy, cкpытые пoд бpeзeнтoвыми нaвecaми.

Тeppитopию oгpаждaли выcoкиe нaклoнные

щиты из aртиpoвaннoй пpeccoвки, в зaдaчy

которых, по-видимому, входило защищать поселок от лавы и непла. Возле центрального

здания стояли три «спидера» и два тяжелых

транспортных вездехода. По территории передвигались несколько человеческих фигур, но трудно было рассмотреть их подробнее на таком расстоянии.

- В последнем отчете нет ни слова о

вулканической активности в этом регионе, -

напомнил Мугас.

- Посмотри туда, - указал я на группу

развалюх выше по склону. - Эти дома частично похоронены под затвердевшим неплот. Первоначальное поселение было построено до того, как проснулся вулкан.

Мугас вытащил планшет с картой и

проверил указатели.

- Северный Квалт, - сказал он. - Одно из мест обитания первопоселенцев, шахтерский городок.

Мы наблюдали за поселением в течение пятнадцати или двадцати минут, после чего

земля затряслась. Один из вулканов выплюнул раскаленную гобела жижу. В лагере под нами заревела тревога, но ее быстро выключили. На городок пролился дождь горячего пепла и пылающих угольков, черным снегом оседающих на защитных экранах.

- Почему они продолжают работать на этом участке, если настолько велика опасность извержения? - спросил Фишиг.

- Предлагаю взглянуть поближе, -

произнес я.

Затааскировав «спидер», мы спустились в лесистую долину. Землю между перистыми

напоротниками и сухими шишастыми стволами местного терновника усеивали грибы с яркими маслянистыми шляпками.

Как ни старались мы ступать осторожно, тучи грибных и лишайниковых спор поднимались из-под наших ног. Я был одет в

застегивающийся на кнопки черный плащ.

Фишиг облачился в судейскую броню, шлем

закрепил на поясе. Мугас оделся как обычно, хотя и стенил светло-вишневый жакет на

короткую темнo-синюю рабочую куртку. Мы

скрывались в тени леса.

Я все еще не был уверен в причине, по которой к нам присоединился фишиг. После

Гугрун тиссия, порученная ему Верховным Хранителем Карпелом, завершилась. Но он

отказался возвращаться на Спесь. Похоже, он

доверился моему инстинкту, который твердил, что дело далеко от завершения.

Мы пересекли неглубокую протоку, заполненную горячей вонючей жидкостью, текущей из кратера. Теперь уже можно было

почувствовать вибрацию от работающих генераторов и отбойных молотков. Вдоль земляной насыпи, протянувшейся по границе леса, ходили охранники в шинастых

вороненых доспехах, надетых поверх
рабочих комбинезонов цвета хаки. Люди
вели на цепях огромных бульдозеров -
мускулистых слюнявых зверюг со
свешивающимися чуть ли не до земли
языками. Охранники, державшие их на
цепи, были вооружены новехонькими
короткоствольными лазгангами,
перекинутыми через плечо. Их лица
скрывали тяжелые дыхательные маски.
Рабочие бригады с помощью брандспойтов
и
ведер стывали с защитных экранов
тлеющий
пепел. Многие люди из-за жары разделись
до
пояса.
Мигас заметил, что поселение окружено
датчиками движения и минными полями.

Правда, и то и другое было
дезактивировано.

Постоянные сотрясения делали такую
защиту бесполезной. Но когда мы начали
приближаться, я совершенно отчетливо
почувствовал характерную ауру
Северный

Квалм накрывала ментальная завеса.

Я извлек подзорную трубу и стал
осматривать поселение. Внутри
оказалось во

много раз больше стражи и множество
грязных рабочих, лениво передвигающихся
между входом и огромным блочным
ангаром. Среди рабочих сновали
надсмотрщики, которые перебрасывались
короткими фразами и делали какие-то
записи в планшетах. Из-под навеса
появились восемь человек, несущих

длинные

носилки с высокими бортами и
пластиковым

верхом. Я подкрутил фокусировку, чтобы
разглядеть лица наблюдателей. Ни одного
из

них опознать не удалось. Все они были
суроволицыми людьми в серых
непромокаемых комбинезонах.

В поле зрения неожиданно возникло нечто
огромное. Но к тому времени, как я
отреагировал и навел фокусировку, объект
скрылся из виду под каким-то навесом.

Остался только невнятный образ ярко,
безвкусно раскрашенной стальной брони,
окутанной зыбким мерцанием.

- Что, черт возьми, это было? - прошипел
я.

Мигас смотрел на меня, опустив свою

труп. Его лицо было искажено ужасом.

Фишиг также выглядел ошарашенным.

- Гигант, рогатый гигант в силовом
госпехе, украшенном драгоценностями, -

сказал Мугас. - Он вышел из блочного
здания слева и вошел под навес. Клянусь

Богом-Императором, он был огромен!

Фишиг кивнул.

- Монстр, - сказал он.

Вулкан снова икнул, и на поселение
обрушился пепел. Мы опять скрылись в
колючих зарослях.

- Шип розы, - пропущал вокс.

- Не го того, - прошипел я.

Это был Максилла. Он отослал только
одно

слово:

- Санктум, - и отключился.

«Санктум» являлся ключевым словом
гlossии, которое я дал Максилле, прежде
чем

мы оставили «Уссин». Мне хотелось,
чтобы

он держался на близкой орбите,
обеспечивая

нас возможностью быстрой эвакуации и
спутниковым наблюдением. Но я понимал,
что ему придется исчезнуть, если вдруг в
систему войдет другое судно. «Санктум»
означало, что он обнаружил корабль или
флотилию, входящие в реальное
пространство, и увел «Уссин», скрыв его на
орбите позади звезды.

А значит, с этого момента на планете
мы

были предоставлены сами себе.

Мудас поймал меня за рукав и показал на

поселение. Гигант появился снова и встал в

непосредственной близости на выходе из-под навеса. Ростом он был значительно

выше двух метров и кутался в плащ, сотканный, казалось, из дыма и шелка. Его рогатый шлем и силовой доспех с золотой окантовкой были расписаны узорами

несусветных цветов: ядовито-желтого, мясокрасного, пурпурного и алого, как

свежая артериальная кровь. Монстр, замерший в своей древней броне, выглядел так, словно простоял здесь тысячу лет. Его

внешний вид вызывал ужас и отвращение, а

с трудом смог подавить невольный трепет.

Костический Десантник из

развращенного и проклятого легиона

Астартес.

Десантник Хаоса.

Глава четырнадцатая

ПОВЕСТЬ ОБ УГНЕТЕНИИ

ПРЕДАТЕЛЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОГНЕННЫМ

ХОЛМАМ

Мы тут тоже не отдыхали, - с ухмылкой
сказала Биквин, когда мы возвратились к
боевому катеру. Был полдень, и к руслу
реки

стекались табуны шаровидных деревьев,
гонимых ветром с кремневых полей. Они
плыли на гальке и полоскали корни в
воде.

Биквин переоделась в рабочий

комбинезон, обзавелась дыхательной
маской

и вооружилась автоматическим

пистолетом.

Пока Мугас и Фишиг закрывали «спидер» сеткой, она провела меня в кают-компанию

и указала стволот на хушого грязного мужчину, пристегнутого наручниками к скобе на переборке. Его волосы были спутаны, а залатанная рванина, служившая

ему одеждой, заскорузла от грязи. Он напряженно смотрел на меня из-под косматых и мокрых волос.

- Мы заметили троих, хотя возможно, их было больше, - сказала Биквин. - Они следили за нами, используя в качестве прикрытия летучие деревья. Остальные сбежали, но этого мне удалось завалить.

- Как? - спросил я.

Ее ответный взгляд был полон укоризных
тол, не надо меня недооценивать.

- Это те же, кто проникал сюда ночью? -
громко поинтересовался я.

Биквин пожала плечами. Я подошел к
пленнику:

- Как тебя зовут?

- Он не слишком разговорчив, - сообщила
Биквин.

Я попросил ее отойти.

- Утя? - снова спросил я.

Безрезультатно. Я сконцентрировался и
принялся осторожно прощупывать темные
уголки его сознания.

- Т-тимас Ризор, - заикаясь произнес он.

Отлично. Еще один нежный тычок в его

медленно поддающееся сознание.

Отчетливо

ощущались страх и настороженность.

- Э самого Жиллана угоды, земли Божией.

Я перешел к обычной речи, без

псионического принуждения:

- Ты говоришь про поместье Жиллана?

- Зримо вы Жиллана поместье?

- Поместье Жиллана? Он кивнул:

- Во-от оттуда.

- Протоготический диалект, немного

искаженный, - сказал, подходя, Эмос. -

Дамаск колонизировали более пятисот
лет

назад, и он очень долго оставался в

изоляции. Население, похоже, не

процветало, развитие шло не быстро,

поэтому в речи увековечились остатки

древних языковых форм.

- Так, значит, этот человек абориген,
поселенец?

Этос кивнул. Я увидел, что пленник переводит взгляд с меня на Этоса, стараясь

проследить за нашей беседой.

- Ты был рожден здесь? На Дамаске?

Он нахмурился.

- Здесь родился?

- Мия з самого Жиллана угоды. То быть Божия земля, накомү работать.

Я оглянулся на Этоса. Вопрос грозил затянуться.

- Я переведу, - сказал Этос. - Спрашивай.

- Спроси его, что случилось с поместьем Жиллана.

- Молви, как утрачено было самого Жиллана угоды?

История была крайне проста и рассказана невежественным человеком, чьи предки

веками обрабатывали бедную почву
одинокого, окраинного мира. Рода, как
Тимас называл их, скорее всего имели в виду
клановые группы, образовавшиеся из
первопоселенцев, обрабатывали эту землю
столько, сколько хватало его памяти и
памяти старейшин. Существовало пять
крестьянских общин и два карьера или
шахты, производившие строительные
материалы и ископаемое топливо в обмен
на

зерно. Поселенцы были набожными
людьми, посвятившими себя обработке
«земли

Божией», - можно было не сомневаться,
что

под «Богом» они подразумевали

Бога-Императора. И всего лишь четыре
года

назад, уже после написания последних отчетов, в общинах Дамаска проживало свыше девяти тысяч человек.

А затем прибыли миссионеры. По оценке Ризора, это случилось три года назад.

Костический корабль с Мессины доставил небольшую миссию еkkлезиархов. Они намеревались основать приют и поднять духовную образованность позабытых поселенцев. Всего прибыло тридцать священников. Тимас узнал имя Даззо.

«Архисвят Даззо», как называл его абориген.

Прибыли и другие иномирные, но не такие, как Даззо с братьями, а просто работающие с ними. Судя по описанию, это

были геодезисты и горные инженеры.

Чужаки обратили внимание на карьеры в

Северном Квалме. И примерно через 200
активность возросла. Прибывало все
больше
кораблей. Поселенцев, по большей части
сильных мужчин, вербовали на шахты.
Часто
это делалось насильственно. У
экклезиархи, похоже, не возражали.
Крестьянские
общины, испытывавшие нехватку рабочей
силы, стали хиреть и вымирать. Помощи
им
никто не оказывал. Многих выкосила
болезнь, завезенная скорее всего из другого
мира. Затем ни с того ни с сего
проснулись
вулканы. Всех остававшихся на фермах
согнали на шахты и заставили работать
так, как если бы дело было совершенно
безотлагательным. Ризор трудился там

вместе со многими другими
невольниками, пока не удалось убежать,
чтобы жить в

терновом лесу словно дикий зверь.

Итак, Даззо прибыл на Дамаск со своей
миссией, чтобы поработить население, и
теперь одержимо пытался добраться до
чего-то под Северным Кваллом. Вполне
возможно, что и вулканы проснулись из-за
активизации раскопок.

Я снова коснулся сознания Тимаса. Он
загрожал от страха, почувствовав
ментальный контакт. Я показал ему
образ

Даззо. Тимас стремительно подтвердил
его.

Потом пришла очередь Лока. Это лицо
также

оказалось знакомым аборигену и вызвало у

него нескрываетую ненависть. Лок был главным среди поработителей, его жестокость оставила глубокий след. Я показал лица Уризеля и Оберона Гло, но ни один из них не оказался знаком поселенцу. Наконец, я визуализировал образ курильщика.

- Малахит, - сразу узнал его Ризор, признав в наркомане с водянисто-синими глазами Джиролато Малахита, руководителя геодезистов и инженеров.

Присоединившийся к нам по ходу беседы Фишиг спросил о деревянном указателе, который мы нашли в поместье Жиллана.

Ризор печально скривил лицо. Знак отмечал

массовое захоронение селян, которые попытались сопротивляться.

Мидас вызвал меня в кабину. Я приказал
Эмосу накормить Ризора и продолжить
вопрос.

Бетанкор сидел в кожаном пилотском
кресле. Его колени скрывал глиняный
шлейф
рулонной распечатки.

- Неудивительно, что Максилла скрылся, -
сказал он. - Взгляни.

На распечатку был выведен обмен
астронавтическими и голосовыми
сообщениями между вышеуказанными на
орбиту
кораблями, который Мидасу удалось
перехватить. Он провел пальцем
затянутой в
перчатку руки по неровным колонкам
текста
и чисел:

- Мне удалось выделить двенадцать различных судов, хотя их может быть и больше. Трудно сказать точно. Вот смотри, это могут оказаться два разных корабля, а может быть - и один, дублирующий послание.

- Кодировка?

- Тут еще интереснее. Стандартный имперский костический код, известный как «текстицент».

- Это довольно распространенный код.

Мидас кивнул:

- А еще посмотри сюда, формы запросов и ответов характерны для крупного боевого корабля-флагмана, проверяющего, вся ли флотилия вышла в реальное пространство.

Типичная имперская структура.

Вооруженные силы...

- Это кто-то из наших?

- Вполне возможно, уже не наших.

Посмотри, вот идентификаторы группировки

- расшифровывается как «Эстрел».

- Пропавший капитан с Гудрун.

- Не такой уж и пропавший, как видишь.

Не исключено, что он обыкновенный предатель. Все происшедшее на орбите

Гудрун, ошибки в распознавании, паника -

все это могло быть только прикрытием для

бегства подчиненных ему кораблей.

- Но он все еще продолжает вещать в стандартной имперской кодировке.

- Если на его сторону перешли только

офицеры, он может шифроваться от
своих же
экипажей.

Час спустя от флотилии отделилась
большая шлюпка и в сопровождении
истребителей устремилась к поверхности
Дамаска. Транспорт приземлился в
Северном

Квалме, а истребители облетели
окрестности, прежде чем вернуться к
кораблю-носителю. Сидя в своей катере,
мы

слышали рев их ракетных двигателей,
утраченный горным эхом. Мидас быстро
переключил все бортовые системы катера
на

минимальный режим, чтобы они не
смогли

случайно засечь нас.

Этот разговоривал с Ризором почти весь

день. Получив еду, абориген несколько успокоился и проявил больше желания к сотрудничеству. Когда начало стеркаться, архивист нашел меня.

- Если собираешься попытаться проникнуть к ним с черного хода, то этот человек может оказаться полезен.

- Продолжай.

- Он знает все шахты и карьеры. Он работал там весьма долгое время. Я обсудил с

ним некоторые подробности, и похоже, он уверен, что сможет показать тебе сеть пещер, выходящих к старым шахтерским домам.

С наступлением темноты мы вывели наш «спидер» из укрытия. Фишиг вел машину, пользуясь показаниями ландшафтного сканера, а не фар. Так мы продвигались

медленнее, зато незаметно. Я сидел
рядом с

ним, а Биквин с Ризором ехали на заднем
сиденье. Мне пришлось пресечь спор на
тему

«кому ехать?», поскольку окончательное
решение всегда за мной. В «спидере»

помещалось только четверо, и, хотя
Mugac

был лучшим бойцом моей группы и куда
более способным, чем исполнитель, я

приказал ему оставаться в катере -
сидеть

наготове за штурвалом. Биквин я выбрал
за

способности, которые могли оказаться
жизненно необходимыми в нашем
предприятии.

Возвращение к Северному Квалму

потребовало много времени, и мы
добрались

туда только во второй половине ночи.
Небо

затягивали облака, скрывавшие луны и
звезды, и единственным источником
света

служило зловещее свечение вулканов,
лижущих низкие облака глиняными
черными

языками. В воздухе воняло серой.

Мы спрятали «спидер» в ложбине,

обозначили его местоположение маркером
и

отправились на запад, огибая погребы,
которые Ризор называл огненными
холмами.

В темноте поблизости шептались

какие-то мелкие ночные животные. А

вдалеке было что-то более крупное.

Пробравшись сквозь терновые заросли, мы увидели поселение, купающееся в ярком искусственном свете. Рокотали вулканы.

Ризору не понадобилось много времени, чтобы обнаружить предмет наших поисков -

ряд небольших, мелких водоемов, нагретых

геотермальными процессами. Воздух здесь

звенел от туч насекомых, привлеченных теплом, а вода бурлила и пузырилась.

Ризор

осторожно спустился к самому большому из

водоемов и повел нас по берегу к

массивному валуну, покрытому оранжевыми лишайниками. За валуном оказался узкий

проход, затаскированный ветвями терновых

деревьев и сазовником. Это, как сказал

Ризор, и был тот путь, которым он убежал от

рабовладельцев.

Мы проверили оружие и оборудование, готовясь проникнуть внутрь. Еще на катере я

перерыл оружейный шкаф и постарался

придать своему отряду максимальную

боевую мощь. Я взял с собой энергетический

меч, спрятал автоматический пистолет в

кобуре под курткой и прихватил лазган с

прибором ночного видения. Еще кое-какое

оборудование лежало в рюкзаке. Биквин

также вооружилась автоматическим

пистолетом, а еще взяла нож с узким

лезвием и фонарь. Я выдал фишигу старый, но добротный тяжелый стаббер,

который его

чрезвычайно порадовал. При нем также
были его судейский гробовик и ранец,
полный запасных дисков для стаббера.

Ризор

отказался от оружия. Я был уверен, что
он

оставит нас, как только мы окажемся на
нужном пути.

В расщелину можно было пролезть
только

поодиночке. Я пошел первым, Ризор за
мной, следом Биквин, а Фишиг прикрывал
тыл. В узком каменном проходе стояла
ужасная жара, а серная вонь заставила нас
надеть дыхательные маски. Ризор шел
без

маски, обмотав лицо куском ткани. Так
поступали рабы, трудившиеся в шахтах.

Проход петлял то туда, то сюда, поднимаясь и уходя в глубь холма. В некоторых местах нам приходилось карабкаться вверх по осыпающемуся проходу. Дважды мы были вынуждены снимать рюкзаки и переправлять их отдельно, чтобы пролезть в особо узких местах.

Через час я почувствовал гнетущую пульсацию ментального покрытия, заслоняющего Северный Квалм. Когда мы прошли сквозь него, я прислушался, нет ли тревоги или какого-нибудь еще признака активности. Но все было тихо. Биквин, сама

того не зная, уже выполняла свою работу, создавая вокруг нас мертвую зону и позволяя

нам незаметно проникнуть внутрь. Я

следил

за тем, чтобы никто не отходил от нее слишком далеко.

В лавовых пустах обитали существа, приспособленные к жизни в условиях высокой температуры и насыщенности химическими соединениями: слепые, похожие на жаб хищники, полупрозрачные жуки, моллюски-альбиносы и пауки, словно изваянные из белого золота. По обожженной

поверхности скалы пробежала по своим делам жирная бледная многоножка толщиной с мою руку.

Каждые несколько минут земля принималась дрожать. С потолка сыпались

кашечки и пыль, а облака теплых, густо пахнущих испарений кочевали по

каменному туннелю.

Проход расширился, и появились признаки человеческой деятельности.

Потолок поддерживали столбы, вырубленные из тернового дерева, и к каждой шестой опоре была прибита табличка

с нанесенной телом цифрой. Ризор попытался объяснить, где мы находились.

Благодаря его усердию мне удалось понять, что в этой шахте когда-то вели работы, а

потом забросили. Он говорил что-то еще, но

я понял только общий смысл.

Тимас провел нас к одной из выработок в штольне с низкими, подпертыми балками потолка. Я посветил в проход, выкопанный в мягкой сланцевой глине и

песке. Биквин опустилась на колени и
рукой

расчистила песок на полу. Обнажились
старые изразцы, выполненные из тусклого
металла, который мне не удалось
идентифицировать. Изразцы оказались
идеально подогнаны друг к другу, несмотря
на тот факт, что представляли собой
неправильные восьмиугольники. Они
выглядели странно несимметричными,
некоторые грани были очень сильно
вытянуты. И все-таки они были подогнаны
безупречно. Как такое получалось,
осталось
для нас загадкой. Узор, в который они
складывались, вызывал крайне неприятное
чувство.

В дальней части выработки виднелась
древняя каменная кладка. Я не эксперт, но

твердый бледный камень, поблескивавший
вкраплениями слюды, не выглядел
местным.

На кладке обнаружились отчетливые
следы: совсем недавно от стены
откалывали куски с
помощью отбойных молотков и лучевых
резаков.

- Кладка древняя, - сказал Фишиг, проводя
рукой по сколам на камне, - но повреждения
свежие.

- Кладбища колес, - внезапно произнесла
Елизавета Биквин.

Я вопросительно посмотрел на нее.

- На Бонавентуре, - пояснила она, - есть
древние руины, оставленные расами,
жившими до человека. Они расположены
посреди расходящихся кругов, похожих на
колеса. Я часто ходила туда в детстве.

Как я

понимаю, когда-то руины были украшены, но облицовку срезали. Разграбили более поздние обитатели. Это место мне напомнило о них.

Бонавентура был ее родным миром.

- Многие занимаются археологическими изысканиями, - сказал Фишиг. - Но если дело

касается ксеноартефактов, то наказание очень сурово.

Я вспомнил, что Гло и его союзники упоминали археоксенические материалы. И

если это место было каким-то образом связано с таинственными сарүти, то появлялось объяснение упорной работе здесь, несмотря на опасность извержения.

Но что они вывозили отсюда? Какое

значение имеет это место для них? У
какое -

для сарүти?

Мы прошли мимо еще трех заброшенных
выработок. В каждой находились следы
древней каменной кладки, и каждая была
разграблена так же, как и первая.

В конце шахты наверх, к люку в десяти
метрах выше, ввела металлическая
лестница.

Мы поднялись по ней и сразу же услышали
грохот отбойников. Воздух здесь оказался
чище, и мы смогли снять дыхательные
маски. Как я понял, в туннель нагнетался
воздух с поверхности. С чрезвычайной
осторожностью мы пошли вперед, минуя
насть гигантского котлована, который
скорее

всего когда-то представлял собой резервуар

лазмы. Его стены были выглажены и опалены неимоверным жаром. Присев на корточки, мы заглянули внутрь и увидели рабочие бригады, состоявшие из мужчин и женщин, наполнявших катнями огромные корзины. Эти люди, несомненно, приходились сородичами Ризору. За ними приставляла дюжина стражников в черных шипастых доспехах. Один из охранников прохаживался среди рабочих и подстегивал их энтузиазм с помощью электрического кнута.

Я взгляделся более пристально, пытаясь понять, в чем заключается основной смысл их работы. Два раба с Дамаска орудовали отбойниками, сбивая со стены лавовую

коркү

и обнажая широкую полосу древней

каменной облицовки. Другие, в

большинстве

своем женщины, обрабатывали

обнажавшуюся поверхность аккуратнее, с

помощью таленких кирок, шил и щеток,

выявляя запутанные узоры.

Стражники по эстафете прокричали что-

то

друзь друзь, и мы спрятались в тени

туннеля.

По проходу, ведущему с поверхности, в

пещеру спустилась группа людей,

покачивая

фонарями. Три стражника и два

закутанных

в серое надзирателя с информационными

планшетами. С ними были Горгон Лок и

курильщик Джиролато Малахит.

Как я и подозревал, члены тайного
сообщества Дома Гло смогли уйти
живыми. И

без сомнений, в этом им помогла
флотилия
предателя Эструта.

Лок был одет в глиняный кожаный плащ с
пластинками брони. На его лице все еще
красовался след от моего укуса. Лок
пребывал в угрюмом настроении.

Малахит, по обыкновению, вырядился в
черное. Он постоял, изучая

информационные планшеты,

переговариваясь с надзирателями и

стражниками, прежде чем осмотреть

найденные археоксенические предметы.

Рабочие торопливо убирались с его пути.

Он обменялся несколькими словами с

окружающими его людьми, и командир
стражи поспешно удалился, возвратясь с
большой пилой. За инструментом
тащились
кабель и шланг, подключавшие пилу к
системе электроснабжения и водопроводу.
Пила с визгом ожила, и по ее лезвию
заструилась вода, охлаждающая и
очищающая лезвие. Командир стражи
осторожно направил пилу на скалу и
сделал
надрез. В несколько секунд он вырезал
кусок
узора рельефа. Затем еще один. Срезав
несколько пластин, командир стражи с
почтением передал их Малахиту.
Курильщик
изучил их и передал дальше, чтобы
предметы завернули в пластик и уложили

на

деревянные носилки. Пластинки очень
походили на каменные таблички,
увиденные

мной в частном кабинете поместья Гло.

Внезапно раздался громкий треск.

Командир стражи срезал еще одну
табличку, но она вдруг раскололась на
части. Он бросил

пилу и начал собирать осколки, в то
время

как остальные принялись орать и
ругаться.

Лок подошел и с силой пнул человека,
прокинув его навзничь, а затем принялся

избивать ногами, пока тот закрывал лицо
и

утолял о пощаге. Малахит собрал
осколки.

- Тебе говорили быть осторожнее,

безрукий ублюдок! - рычал Лок.

- Это можно восстановить, - сказал Малахит. - Я смогу сплавить их вместе. Но Лок не слушал. Он еще раз пнул командира стражи, а затем вздернул его за шиворот и отбросил к стене.

Кораблевладелец ругался, а человек хныкал и молил о прощении.

Лок отвернулся от избитого.

А потом подхватил пилу, включил и с разворота полоснул несчастного стражника по руке. Человек завопил.

Это было чудовищно. Рабы кричали и рыдали, и даже стражники в отвращении отвели глаза. Лок расчленял человека с выражением злобного ликования на лице,

залитом чужой кровью.

Наконец он выключил пилу и повернулся к другому стражнику. Вручая тому окровавленный инструмент, он прорычал:

- Постарайся выполнять работу получше!

С окаменевшим от ужаса лицом стражник

подобрал пилу и принялся за дело.

Лок, Малахит и вся их группа удалились минут десять спустя, сопровождаемые рабочими, несущими деревянные ящики с загадочными табличками. Мы подождали еще несколько минут, а затем последовали за ними.

Впереди виднелся тусклый и слабый дневной свет. Туннель выходил под большой

навес, который я видел во время разведки.

Носильщики расположились на отдых, а охранники и надзиратели сновали туда-сюда. Оборудование и инструменты для

раскопок были свалены в кучу под навесом.

Позади ящиков с оборудованием Фишиг обнаружил дверь и взломал замок. У нас появилась возможность незаметными выскользнуть из-под навеса в поселение.

Мы оказались в заброшенном переулке Северного Квалма, оставив вулканы у себя за

спиной. Нас окружали разрушающиеся, заброшенные дома, а с неба падали пепел и зола. Скрываясь среди развалин, мы стали пробираться к «новостройкам» Северного Квалма.

За очередным нагромождением руин обнаружилась расчищенная площадка,

защищенная экранами от золы. На
выжженной земле стояло два
транспортника: крупная имперская
военная шлюпка и
меньший по размерам и более старый
челнок. Корпус челнока покрывал толстый
слой пепла.

У сходней обеих кораблей двигались
фигуры. Стражники и рабочие заносили
ящики в трюм военной шлюпки. Лок и
Малахит стояли в окружении нескольких
наблюдателей и трех офицеров
Военно-космического флота, одетых в
униформу Военного флота Скаруса.

Худощавый тип со скошенным
подбородком
и глазами навыкате имел капитанские
знаки
отличия. Предатель Эструт. Вскоре из

ближайшего здания вышел экклезиарх
Даззо, который направился к ним,
приподняв подол

своего дорогого платья, чтобы не
запачкать

его перлот.

Из дома, из которого только что вышел

экклезиарх, послышалась ругань.

Сердитый

человеческий голос сопровождался диким

звукот, от которого волосы у меня на

затылке встали дыбом.

Лорд Оберон Гло, облаченный в броню и

плащ, вышел, хлопнув дверь, и зашагал по

двору. Секундой позже дверь распахнулась

от удара.

Костический Десантник Хаоса

неистовствовал.

Гло развернулся к чудовищу лицом,

продолжая спор на пределе своих голосовых
связок. При всех своих габаритах Гло
казался

карликом рядом с бронированным
богохульством. Десантник снял шлем.
Лицом

ему служила белая, безжизненная маска
ненависти, обсыпанная золотой пудрой и
фиолетовыми разводами вокруг

свалившихся глаз. Оскаленный беззубый
рот

был полон инкрустированных
перламутром

зубов. Это лицо, лишь ступно

напоминающее человеческое, было
пришито

к золотому черепу.

Мы находились с подветренной стороны,
но я все равно чувствовал тошнотворный
запах резких духов и гниющей органики. Я

не мог представить себе, какая отвага
или

безумие - требовалась, чтобы осаживать
Костицкого Десантника Хаоса в столь
яростном споре.

Даззо и Малахит быстро встали рядом с
Гло, а большая часть стражников и
рабочих, присутствовавших при этом,
попытались.

Ветер немного переменился, и стало
возможно разобрать слова.

- ... жешь от меня отделиться,
человечья

грязь! - внезапно донесся жуткий голос
Десантника Хаоса.

- Ты обязан обращаться ко мне

уважительно, Мандрагор! Уважаительно! -
завопил Гло в ответ.

Его голос был мощным, но не шел ни в

какое сравнение с ревом чужовища.

Десантник проревел что-то еще,
заканчивающееся словами:

- ... убить вас всех и закончить эту работу
самостоятельно! Мои повелители ждут,
и

рассчитывают они на идеальное
выполнение

этого поручения! Они не могут терять
свое

время впустую, пока вы, паразиты,
бездельничаете и простаиваете!

- Ты обязан соблюдать договор!

Придерживайся нашего соглашения!

Я понял, что почти загниотизирован.

Мой взгляд слишком задержался на
монструозной фигуре, на непотребных
рунических узорах и безумной символике
его

госпеха. Прихотливо извивающиеся
золотые

цепи, драгоценные камни и тонкая

филигрань, покрывающая весь госпех,
прозрачный шелк его плаща и вытканые
на

нем слова... отвратительные слова...

извращенные и сочащиеся тайнами,
которые

старше, чем само время... тайнами,

обещаниями, ложью...

Я силой заставил себя отвести взгляд.

Знаки Хаоса могут утянуть душу в
пучину

безутия, если смотреть на них слишком
долго.

Мандрагор снова взревел и замахнулся на

Гло огромным кулаком, закованным в
латную рукавицу, усеянную ржавыми

клинками.

Но удар не был нанесен. Я вздрогнул, когда над людьми прокатился поток ментальной энергии. Даззо шагнул к исчадию варпа, а Мандрагор отступил на шаг.

Экклезиарх был меньше, чем Гло, и рядом с монстром казался совсем букашкой, но Десантник Хаоса отступил перед ним. Даззо не разжимал губ, но я слышал его голос в своем сознании. Это присутствие было столь омерзительно, что я с трудом сдерживал позывы рвоты.

- Мандрагор Гнилостный, сын Фүлгрима, достойный слуга Слаанеша, воитель Детей

Императора, убийца живущих, осквернитель

мертвых! Твое присутствие - большая

честь

для нас, и ты счастливы договору с твоим
Легионом... Но тебе не стоит пытаться
вредить нам. Никогда не поднимай своей
руки на кого-либо из нас. Никогда!

Даззо оказался наимогущественнейшим
псайкером, с которым мне когда-либо
доводилось встречаться. Силой сознания
он

устририл одно из самых мерзких созданий,
Космического Десантника, присягнувшего
Хаосу.

Мандрагор развернулся и пошел прочь. Я
увидел, как лорд Гло сник, утратив всю
свою

бравату. Рабочие, попрятавшиеся по
углам, плакали, а двоих стражников рвало.

Встряхнувшись, я оглянулся на своих
спутников. Бледный фишиг сидел с

закрытымі гэтамі, яго біла грожа.

Ризор

свернуўся калачыком в пепле, прыжавшысь
спыной к стене.

Биквин исчезла.

Глава пятнадцатая

ОБНАРУЖЕНИЕ

БОЙ С ПРЕВОСХОДЯЩИМИ

СИЛАМИ ПРОТИВНИКА

ПОЛЕТ

У меня ушла секунда на то, чтобы понять
без ауры неприкасаемой Биквин мы

оказались как в крапиве голышом. Я

услышал, как старый экклезиарх
сдавленно

закричал, и его крик тут же оказался
подхвачен воет сирен.

Стражники, стоявшие на посадочной
площадке, рванули к нам. Даззо указывал

пальцем на руины, скрывающие нас. Лок
вытащил из-под плаща лазерный
пистолет.

До нас донеслись отрывистые команды и
хриплый лай бульцигнгов.

- фишиг! - закричал я. - фишиг! Шевелись,
или ты погибнешь!

Он моргнул и уставился на меня
непонимающим взглядом, словно не узнал
собственное имя. Я отвесил ему тяжелую
оплеуху.

- Шевелись, исполнитель! - завопил я.

Первые стражники добрались до нашей
развалюхи, и один из них уже начал
выламывать хлипкую дощатую дверь. В
пробоине показалось дуло лазгана.

Я успел раньше, и мой лазган разрезал
противника вместе с дверью. Во все
стороны

полетели осколки катня и горящие щепки.

Следующий луч превратил в груду щебенки стену дома напротив.

Неожиданно ожил тяжелый стаббер фишига. Яркий трассирующий след снарядов

вел к руинам слева от нас, откуда попытались подкрасться еще двое стражников.

Но нам открыли огонь охранники, подбегавшие справа. Я переключил лазер на

автоматический режим, и тот изрыгнул с

десяток толний, прежде чем я решил, что для троих нападающих этого достаточно.

Удерживая обеими руками дергающийся стаббер, фишиг нырнул в глубину руин.

- Пошли! - прорычал он.

Я отступал следом. Наше оружие, извергая

шторм разрывных снарядов и

всепроникающей энергии, заставляло

грожать стены, обрушивало развалины, поднимало тучи пепла и разрывало тела.

Ризор, чье сознание полностью поглотил

ужас, по-прежнему валялся на земле. Я

схватил его за воротник тряпья и потянул за

собой. Он отчаянно пытался упереться.

В оконный проем, через который мы

наблюдали за происходящим на посадочной площадке, прыгнула огромная фигура.

Горгон Лок. Он перекувырнулся, и его

пистолет принялся выплевывать лазерные залпы.

Один луч резанул меня по левому плечу.

Три других угодили в спину Ризора, и
тот

повалился на меня, сбивая с ног.

Фишиг увидел Лока и развернулся, не

убирая пальца с курка стаббера. Диск

тяжелого оружия издавал громкий

металлический лязг, а эжектор
лихорадочно

выплевывал гильзы.

К Локу стремительно приближались

фонтанчики непла, взрывающиеся снарядами

стаббера, и кораблевладелец с криком

бросился к остаткам стены. На бегу он

выстрелил, и Фишиг простонал от боли,
когда лазерный луч ударил его в бок.

- Ублюгодок Эйзенхорн! - проревел Лок.

Я выбрался из-под трупа Ризора. Жаль,
что этот несчастный раб заплатил столько

высокую цену за помощь Инквизиции. На

совесть Горгона Лока легло еще одно преступление.

Проклиная кораблевладельца, я выхватил из раздатчика осколочную гранату и бросил

ее в сторону Лока. И мы с Фишигом побежали из заполненных дымом руин так быстро, как только могли.

Взрыв гранаты снес остатки строения. Я помолился Императору, чтобы Лока разметало на части.

Кашляя и отплевываясь, мы с Фишигом скатились в ров, который протянулся позади

разрушенных домов Северного Квалта и более новых блочных зданий. Над нами

нависали экраны, защищавшие поселение от

лавы.

Лазерные лучи лупили по этим экранам над нашими головами, а в двух десятках метров от нас в канаву попрыгали несколько

стражников с бешено воющими бульцигидрами на цепях.

Опустошив второй стабберный диск, Фишиг превратил канаву в могилу, заполненную изрежеченными трупами людей и зверей. Мы поспешили в противоположную сторону, и исполнитель на ходу заправлял свежий диск.

Ров выходил на маленький двор, где были припаркованы восьмиколесные грузовики.

Мы обменялись выстрелами с тремя стражниками, выбежавшими из-за угла, убили их и натеревались уже

воспользоваться одним из транспортных, но

тут появился четвертый и спустил с
поводков

трех цигнигов. Зверюги с воем помчались
к

нам. Одного мне удалось подстрелить из
лазгана, но грузовик закрыл остальных.

Огромная машина закачалась, когда зверь

запрыгнул на нее. А мгновением позже

цигник прыгнул на меня сверху. Я успел

всадить в его череп лазерную очередь, и

огромная туша пролетела мимо, едва не

задев меня. Еще один зверь, перепачканный

в стазке, вылез из-под грузовика и бросился

на фишига. Зверь подтял исполнителя,

соткнув челюсти на наплечнике господина.

"Я

выхватил меч и обрушил его

потрескивающий клинок на тварь.

Борт грузовика прошла серия выстрелов.

- Вставай! - сказал я Фишигу, сковырнув с него мертвую тушу.

К нам подбирались основные силы противника. Мы пропустили к блочному ангару и вломились в его двери.

Это оказался склад оборудования. Здесь хранились стальные жала для отбойников, лотки кабеля, лампы и всевозможные приспособления, необходимые для работы в шахте. Мы присели за штабелем ящиков, прислушиваясь к крикам и топоту снаружи.

Стенив энергетическую ячейку в своем лазгане, я включил вокс:

- Шип запрашивает эгиду, восторженные звери под ним.

- Эгиде поднимается, костического цвета,

- пришел немедленный ответ.

- Путь фаянсовой бритвы, -

пронструктировал я. - Изображение
цвета

слоновой кости!

- Изображение подтверждено. В шесть.

Эгиде поднимается.

В ангар ворвались стражники, но
стабберная очередь выбросила их обратно.

Я огляделся и обнаружил в углу ангара
широкий поддон, груженный черными
металлическими коробками. Бумажные
ярлыки на них гавно выцвели, но я
отограл

прикладом крышку с одной из коробок и
удостоверился в ее содержимом.

- Приготовься очень быстро бежать, -
сказал я, снаряжая гранату.

- Вот дерьмо! - произнес Фишиг, когда до
него дошло, что я намерен делать.

Когда я положил гранату на крышку одной из коробок, он был уже в дверях.

Мы выбежали, ведя непрерывный огонь, и нас встретила дюжина, или даже больше, охранников. Но большей части они были одеты в черные, уродливые доспехи, которое

носили униформу войск костической безопасности. Люди предателя Эструма.

Мы отстреливались на бегу. Запас гранаты

был выставлен на десять секунд. Тот факт, что мы побежали прямо на них, ошеломил

охранников. Никому из них не удалось сделать четкого выстрела.

Мы с Фишигом нырнули за обломки стены, которая когда-то окружала артарочную площадь Северного Квалта.

Моя фаната взорвалась. А вместе с ней и все остальные, хранившиеся в ангаре. Ударная волна не оставила ни одной целой стены в радиусе тридцати метров. Но

сначала взметнулся огненный столп, поднявший весь ангар на высоту двадцать метров и разбросавший его обломки по окрестностям.

На нас с Фишигом посыпались куски металла, пепел и осколки керамики.

Наступила ошеломленная тишина. В воздухе

повисла зола. Мы натянули дыхательные маски и углубились в этот сумрак.

Я почувствовал, как в мой мозг

боль. Глубокая, коварная, жгучая. Даззо шарил по окрестностям своим ужасным и

могучим сознанием, пытаюсь обнаружить нас.

Мы поковыляли через дыт по проходу между блочными ангарами, окна которых повышибало взрывом.

Боль становилась все интенсивнее.

Эйзенхорн. Тебе не скрыться. Покажись.

Я начал задыхаться, когда боль проникла глубже.

И внезапно почувствовал облегчение.

- фишиг! Сюда!

Я втолкнул его в старую каменную постройку. Думаю, что когда-то, в более счастливое для Северного Квалта время, тут размещалась прачечная.

Грязная и заплаканная Биквин жалась в угол. Биг Мандрагора, Десантника из

предательского Ордена Демей
Императора, привел ее в паническое
состояние. Так же

как и я, она совершила ошибку, слишком
долго глядя на узоры чудовищного доспеха.
Однако, в отличие от меня, ей не хватило
здравого смысла отвести взгляд.

Она не могла говорить и вряд ли
осознавала наше присутствие. Но мы снова
оказались под защитой ее ауры и
вырвались

на какое-то время из когтей Даззо.

- Что дальше? - спросил Фишиг. - Они
довольно быстро перегруппируются.

- Мидас уже летит. Нам надо прорваться
обратно к посадочной площадке. Это
единственное достаточно просторное
место

в лагере, где он сможет приземлиться.

Фишиг посмотрел на меня как на
сумасшедшего:

- Он собирается влететь сюда? Его же
убьют! Даже если ему удастся поговорить
нас, они запустят перехватчики с
орбитального

флота. Они запустят их, как только он
включит двигатели!

- Будет непросто, - признал я.

Мы потащили Биквин из дровней
прачечной. Снаружи еще не осел пепел,
поднятый взрывом. Свою ленту внесли и
разгоравшиеся тут и там пожары. Кто-
то

выкрикивал команды, лаяли цизниды. Где-
то

в близости раздался нечеловеческий,
яростный рев. У меня не было оснований
сомневаться в том, что это ревет
Десантник

Хаоса.

- Шун ведет эгиду, область главного двора,

- передал я по воксу.

- Эгида, у главного двора в три, небеса рушатся.

Итак, они уже занялись им. Флот врага выпустил перехватчики.

Мы с Фишигом побежали. Дым медленно рассеивался.

Отряд стражников появился из-за рун, и нам пришлось вернуться немного назад. Еще

больше охранников перекрывало следующую дорогу.

- Надо уходить огородами! - сказал Фишиг.

Мы прятались позади огромного блочного

здания, одного из тех, что понастроила
нечестивая тиссия Даззо. Дверей с нашей
стороны не было, но мы взобрались на
низкую крышу, втащив за собой Биквин, и
влезли через световой люк.

Комната, в которую мы прыгнули, была
застелена коврами и хорошо обставлена.
Скорее всего - офис или личные комнаты
кого-то из старших надзирателей. Вдоль
стен

стояли стеллажи с книгами и
информационными планшетами,
картами и
табличками. В одном углу лежали
несколько

больших дорожных чемоданов, поверх
которых кто-то бросил плащ и два
пальто.

Эти вещи оставил и еще не успел

распаковать кто-то из прибывших на военной шлюпке.

- Пошли! - прошипел Фишиг, проверяя дверь, ведущую из офиса в глубины здания.

- Подожди! - сказал я, энергетическим мечом срезая с челоганов затки и

распахивая их. В первом оказались одежда, планшеты, лазерный пистолет в

инкрустированной коробочке с инициалами

«ОГ». Оберон Гло.

- Пошли! - яростно повторил Фишиг.

- Эгидя, главный двор в два, - протрещал вокс.

- Эйзенхорн, во что ты решил поиграть? - требовательно спросил Фишиг.

- Это вещи Гло! - сказал я, продолжая обыск.

- Ну и что из этого?

- Не знаю. - Я вскрыл второй чемодан.

Фишиг схватил меня за плечо:

- При всем моем уважении, инквизитор, сейчас не самое удачное время для удовлетворения твоего любопытства!

- Нам надо выбираться... надо выбираться отсюда ко всем чертям, - бормотала Биквин, затравленно возражая при каждом звуке снаружи.

- Здесь должно быть что-то. Ключ, подсказка... Что-нибудь, что мы сможем использовать, когда убежим отсюда.

- Нам повезет, если мы сможем прихватить с собой наши шкуры!

- Да! - Я посмотрел на него. - Да, это так.
Ц

если нам удастся выбраться, разве нам не

наго бюджет продолжать борьбу с Гло?

Фишиг в отчаянии воздел руки.

- Пожалуйста... пожалуйста... - бормотала Биквин.

- Эгига, главный двор в один, - протрещал вокс.

Третий чемодан. Набор хирургических инструментов из высококачественной стали, предназначение которых мне совершенно не

хотелось представлять. Узровой комплект

костей и фишек в деревянной коробке. И опять шмотки, горы проклятых шмоток!

И что-то твердое, завернутое в бархатную

рубашку. Я развернул сверток.

- Удовлетворен? - спросил Фишиг.

Я улыбнулся бы, оставь мне Лок такую

способность.

- Пошли! - сказал я.

Из комнаты мы попали во внешнюю пристройку. На решетчатом полу стояло еще

несколько чемоданов и запаянных в пластик

деревянных коробок.

- Даже не думай об этом! - бросил Фишиг, увидев, как я смотрю на чемоданы.

- Эгида, на месте! - Голосовой сигнал частично потонул в реве мощного корабля, стремительно пронесшегося над нами на

низкой высоте.

Раздался треск огнестрельного оружия и шипение лазганов.

Я побежал к выходу из пристройки, к люку, который выходил на посадочную

площадку. Вокруг метались люди. Но
большей части это были нагсмотрички и
солдаты, они смотрели в небо и стреляли
по

размытому силуэту опускавшегося сверху
боевого катера. Малахит, стоявший на
другом конце двора у трапа военной
шлюпки, увидел нас и закричал. Солдаты
развернулись и открыли огонь по нам.

Но это было полбеды. Вторая половина
неслась к нам с ревом, от которого
болезненно сжимались внутренности.

Мандрагор.

- Назад! Внутрь! - завопил я, и мы
вломились обратно в дверь.

Но ни дверь, ни даже стена здания не
могли остановить зверя Хаоса. Кулаки,
закованные в сталь и кератин, с
легкостью

разрывали металл на куски, сгибали
адамантиновые ребра арматуры и
пробивали

пластиковые панели, словно бумагу.

Биквин завизжала.

Омерзительное Дитя Императора
прорвало стенку пристройки, и, когда его
могучее горло исторгло очередной рык,
ног

белыми губами обнажились
перламутровые

зубы. В руке чудовище сжимало огромный
болтер.

- Ни шагу ближе! - прокричал я.

В одной руке я сжимал снаряженную
гранату так, чтобы он мог ее видеть.

Он растеялся глубоким презрительным
стехом.

- Это не шутка, - добавил я и пнул ящик,

стоявший у моих ног.

Ящик заполняли обернутые в пластик таблички из шахты.

- Предохранитель поставлен на одну секунду. Сделай шаг, и все это погибнет.

Он заколебался. В проломе показались лорд Гло и несколько стражников.

- Пожалуйста, сделай так, как он говорит!

пролаял Гло.

Мандрагор с рычанием опустил болтер.

- Отойди, Гло! Отойди сейчас же и захвати

всех с собой!

- Инквизитор, у тебя нет шансов сбежать,

сказал Гло.

- Отойди!

Гло махнул своим людям и вышел.

Мандрагор отступал медленно, теперь из
его

горла исходило шипение.

- Хватай ящик! - сказал я Фишигу.

Он повесил стаббер на плечо и сделал как
велено.

Мы бок о бок, осторожно вышли на
дневной свет, скрадываемый дымом.

Я держал гранату над ящиком, который
он

нес. За нашими спинами пряталась
Биквин.

Во дворе Гло приказал своим людям
раступиться. Вокруг стояло более сорока
бойцов: стражники, солдаты

военно-костических войск, надзиратели.

Среди них я увидел Даззо, Малахита и
беглого капитана Эструта. Мандрагор не
стал отходить так далеко, как

остальные. Он

держался справа от нас. Над его древним силовым доспехом по ветру развевался мерцающий плащ. Из горла монстра по-прежнему исходило шипение.

- Мудас, - передал я по воксу, - садись и открывай люк.

- Понял, - ответил он. - Только позволь заметить, что на подлете три перехватчика.

Прибытие в три.

Боевой катер пролетел над двором, отбрасывая широкую тень и поднимая турбинами облака сажи. Затем сел, качнувшись на своих мощных гидравлических опорах, грузовой трап со скрежетом распахнулся и опустился.

Мы медленно двигались по кругу, пока трап катера не оказался за нашими

спинати.

Все это время враги пристально следили за

нами и глазами, и стволатаи.

- Ничья, инквизитор, - произнес Гло.

- Прикажи своим людям опустить оружие.

В том числе тем, кого я не могу видеть. И

даже не пытайся убить меня. Мигас, наведи

пушки, те, что на крыльях, на меня и исполнителя. Если с нами что-нибудь случится, открывай огонь.

- Принято.

Мощные орудия, расположенные на крыльях, развернулись в нашу сторону.

- Только постей выстрелить по нам, и ящик испарится.

- Опустить оружие! - прокричал Гло, и

солдаты подчинились.

- А теперь отзови перехватчики. Прикажи им вернуться на базу.

- Я...

- Сейчас же!

Гло оглянулся на Эструта, и тот что-то принялся говорить в вокс.

- Перехватчики изменили курс, - сказал мне Мигас. - Они возвращаются.

- Замечательно, - сказал я Гло.

- И что теперь? - спросил он.

И в самом деле, что? На какое-то

мгновение мы оказались в выигрыше: они не

стали стрелять, а Биквин блокировала Даззо

и любых других псайкеров, которые могли оказаться в их распоряжении.

- Может быть, ответ на парочку вопросов?

- предложил я.

- Эйзенхорн! - прошипел Фишиг.

- Ответ? - растеялся Гло.

Растеялись и его люди, даже Мандрагор завкнул пару раз. Но, как я заметил, это не

развеселило Даззо и Малахита.

- Этот материал археоксенического

происхождения, из древних земель сарүти...

- произнес я, вынимая свободной рукой одну

из древних асимметричных табличек.

Для

вас эти предметы ценны потому, что они

имеют какую-то ценность для сарүти. На что

вы собираетесь их обменять?

- Я не собираюсь тебе ничего

рассказывать, - произнес Гло. - И даже
гипотезы твои подтверждать не стану.

- Попробовать стоило, - пожал я плечами.

- Но мой вопрос остается в силе, - сказал

Гло. - Что дальше?

- Мы улетаем, - сказал я. - Целыми и
невредимыми.

- Так улетай, - сказал он, сопровождая
свои слова патрицианским жестом. -
Опусти

ящик и улетай.

- Только ящик удерживает тебя от того,
чтобы уничтожить нас. Мы возьмем его с
собой в качестве страховки.

- Нет! - закричал Даззо, выскакивая

вперед. - Неприемлемо! Так мы потеряем
его

навсегда! - Он посмотрел на Гло. - Этот

человек - наш кровный враг. Нам никогда
не

вернуть артефакты. Даже если ты
согласится предоставить ему свободный
проход, он ни за что не выполнит свою
часть

сделки и не вернет нам ящик.

- Конечно нет, - сказал я. - Да и вы не
станете заключать со мной честной
сделки.

Между Инквизицией и преступниками не
может быть честного договора. Вот
почему

ящик полетит со мной. Другой гарантии
у
нас нет.

- Никто здесь и не собирался предлагать
тебе гарантии, - громко произнес
Мандрагор.

- Только смерть. Или, если тебе не

повезет, сначала боль, а потом смерть.

- Не советую брать его на переговоры, -
сказал я Гло, потнуv головой в сторону
Мандрагора. - Мы улетаем вместе с
ящиком, потому что иначе вы
уничтожите нас.

- Нет. - Гло шагнул вперед, вытаскивая
лазерный пистолет из-под плаща. - Ты
допустил ошибку в своих глазных
рассуждениях, инквизитор. Если нам
суждено навсегда утратить эти
предметы, то

я предпочту, чтобы это случилось здесь.
Так

мы получим хотя бы ваши трупы в
качестве

компенсации. Если ты попытаешься
улететь

вместе с ящиком, мы расстреляем вас и
покончим с этой дурацкой ситуацией.

Опусти его, и я дам вам десять секунд,
чтобы

исчезнуть.

Я с уверенностью мог сказать, что он не
блефует. До этого момента они просто
защищали свое имущество. И они не были
дураками. Все члены этой клики
прекрасно

понимали, что я никогда не верну эти
вещи.

Десять секунд. Если мы опустим
таблички, но нам немедленно откроют
огонь, но, может быть, не слишком
активно, потому

что побоятся задеть ящик. И пушки
катера

все еще оставались аргументом в нашу
пользу.

- Отступаем к трану, - прошептал я
Биквин

и фишигү. - Бросишь ящик вниз, когда я прикажү.

- Уверен?

- Делай как я говорю. Мигас?

- Двигатели готовы, орудия готовы.

- Давай!

Ящик рүхнүл в пыль. Двигатели катера взревели на полную мощь. Враги не стали ждaть десяти секунд. Но мы были на трапе, который быстро поднимался, а катер үже

взлетал. Но корпусу затолотили снаряды и

осколки. Рывкнүли орудия катера.

Катер сильно качнүлся, и нас с Биквин

швырнүло внутрь на накренившүюся палүбү.

Фишиг чүть не сорвался с поднимающегося

трапа и повис на нем, цепляясь за
рифленую

поверхность. Его задницу вот-вот должно
было отрезать поднимающимся трапом
или

отстрелить шальным лазером. Я
схватил

исполнителя за шкурку и втянул внутрь
прежде, чем это случилось.

Мы уходили. Судя по наклону палубы и
вибрации корпуса судна, Мидас разгонял
корабль на пределе возможностей и
держался низко, чтобы ландшафт укрыл
нас

от огня с земли. Вспыхнули аварийные
огни, указывавшие на множественные
повреждения.

- Пристегнись! - заорал я на Эмоса,
пытающегося поточь нам. - Фишиг,
пристегивай Биквин! И сам тоже!

Исполнитель потащил испуганную девушку к сиденью. Я полез по лестнице в кабину.

Мидас вытягивал штурвал, поднимая нас выше. Под нами проносились пятнистые пейзажи Дамаска. Я опустился в кресло возле пилота:

- Как близко?

- Устремители развернулись и идут прямым курсом на перехват. Их высота играет им на руку.

- Насколько они близко?!

- Шесть минут до перехвата. Проклятие!

- Что?

Он указал на основной тактический экран.

Следом за таленькими точками по трехмерной карте магнитосферы

планеты

двигались более крупные тени.

- Перемещается весь флот. Это крупные боевые корабли. А вот это еще два звена истребителей. Они не хотят, чтобы мы убрались отсюда? - спросил он.

- С тем, что нам стало известно?

- Они не собираются выпустить нас живыми из этой системы?

- Ну да, кажется, я уже ответил на этот вопрос!

Он устехнулся, обнажив белые зубы, резко контрастирующие с его темной кожей в полутьме каюты.

- Ну тогда можно повеселиться, - решил он.

Его руки метались над пультом управления, сверкая серебром главианских

биосхем и устанавливая курс.

- Целу? - спросил я.

- Может быть, даже несколько. Дай мне
немного потусолить данные.

- Что?

- Поверь мне, Грегор, если у нас есть хоть
малейшая надежда выбраться живыми из
системы Дамаска, то ее дают нам
только мои

мастерство и хитрость. Заткнись и дай
мне

высчитать их скорости и векторы
перехвата.

- У нас повреждения, - упорствовал я.

Меня снова охватило противное чувство
неспособности влиять на ситуацию.

- Незначительные, совсем

незначительные, - рассеянно произнес он. -

Сервиторы уже все исправили.

Он сменил курс. Насколько я мог видеть, он развернулся прямо на одно из звеньев преследующей нас флотилии, серьезно сокращая время до перехвата и выхода на огневой рубеж.

- Что ты делаешь?

- Играю с процентами. И играю осторожно.

Яркий глобус Дамаска уплывал из-под нас, мы выходили на высокую орбиту на полной тяге.

- Видишь? - спросил Мугас.

На тактическом экране появился еще один

огонек, разворачивающийся в нашу сторону.

- Стандартное рассредоточение

Имперского военного флота. Они всегда выставляют одно судно в качестве

загрождения наг непросматриваемой
стороней планеты. Если бы мы
продолжили

лететь по прямой, то оказались бы
непосредственно в его зоне поражения.

В космосе за иллюминаторами кабины
появились вспышки. Корабль загрождения,
средних размеров фрегат, все равно
открыл

огонь, устремляясь в погоню.

- Он выпустил истребители, - нараспев
произнес Бетанкор. - Расстояние в два. У
преследователей - в четыре.

Сухие факты.

Я посмотрел на показатели энергии.

Стрелки индикаторов перевалили за
красную
черту.

- Мугас...

- Сядь на место. Вот оно.

- Что?

Передние иллюминаторы неожиданно стала закрывать тучка небольшого спутника

Дамаска. Хотя сейчас он совсем не казался

маленьким. Похоже, Мидас собирался размазать нас о его поверхность.

Я выругался.

- Расслабься ты, черт возьми! - одернул он меня и добавил: - Расстояние в один.

Мы встретились к уродливой, щербатой зеленоватой глыбе, стремительно выраставшей перед нами. За нами последовали шесть истребителей с пилотами, прошедшими элитную летную подготовку для Военно-космического флота

Скаруса.

Глава шестнадцатая

ПОЕДИНОК В БЕЗДНЕ

ПОСЛЕДНЕЕ СТОЯНИЕ

ВЕШКОРА

СЛЕДЫ

Эта луна называлась Обол и была самым
маленьким и самым близким из
спутников

Дамаска. Щербатый ком неправильной
формы, шестьсот километров в
поперечнике

в самом широком месте. Лишенная
атмосферы, изрытая впадинами и
ущельями, луна зеленовато поблескивала в
лучах
солнца.

Я устирил свой разум и замедлил пульс,
применив старые навыки, которые
преподавал

мне Ханшант.

Данные по Обоу выводились на экраны никель, цинк, селен... наименьший из

четырнадцати... Я совершенно не нуждался в

этой информации, но использовал ее в качестве психологического барьера, чтобы

затумсорить сознание мелкими деталями и

отвлечь его от опасности.

Я поднял глаза от бегущих строк. На нас разинул пасть кратер с зубчатыми краями.

Он был достаточно велик, чтобы поглотить

весь Дорсай вместе с его лагуной.

- Держитесь, - сказал нам Мугас.

Всего лишь в километре от поверхности спутника он совершил свой маневр. Мы уже

оказались захвачены гравитацией Обола и
неслись к нему на всех парах. О посадке
или
хотя бы обычном развороте не могло быть
и
речи.

Но Мидас водил сюда с юности и
тренировался в главианской летной
академии. С помощью биосхем, внедренных
в организм, он куда лучше меня и лучше
самых опытных пилотов Империи мог
почувствовать все нюансы полета,
мощности
и маневра. К тому же, испытывая наш
катер, он чуть не угробил его и теперь
точно знал, на что способно это судно, а на
что - нет.

Не могу сказать, что это знание добавило
мне спокойствия.

Он отключил двигатели, врубил все

посадочные турбины и опустил нос катера так, что тот сорвался в штопор. В глазах все

закружилось, когда меня вжало в ремни безопасности.

Вращение казалось неконтролируемым.

Но на самом деле было идеальным и четко

выверенным. Реактивные турбины

отбросили нас от поверхности, и мы

закружились, словно лист, используя

вращение, чтобы избавиться от ускорения,

направленного вниз. Мы проскользнули в

девяносто метрах от пыльной поверхности

кратера, на полную мощь задействовав

раскалившиеся добела турбины, и ушли по

дуге за спутник, когда Мидас снова врубил

основные двигатели.

Земля шарахнулась от нас, когда мы

совершили дикий скачок через губы кратера.

На тактическом экране было видно, что истребители отстали от нас на шесть минут.

Никому из них не хотелось повторять этот

маневр. Они облетали спутник по более безопасным траекториям.

Мигас обогнул луну, идя на низкой высоте по скрытым от солнца лощинам среди ущелин

и крутобоких холмов, на которые никогда не

ступала нога человека. Мы полетели меж

двух огромных пиков.

- Они разделяются, - сказал Мигас, выворачивая влево.

Так и есть. Четыре истребителя упорно

висели у нас на хвосте, двигаясь на низкой высоте. Еще двое отделились и решили облететь Обол с другой стороны.

- Контакт?

- Встретимся с ними нос к носу через восемь минут, - произнес Мидас.

Он улыбнулся и резко заложил на правый борт, уходя в едва видимую на экране топографа ложину с крутыми склонами.

Потом он настолько снизил скорость, что все стало казаться тучительно медленным, и

обогнул крутой холм, сверкавший зеленым и

желтым в жестком свете солнца.

- Что ты делаешь?

- Подожди... подожди...

Тактический экран показал, что четыре

преследователя пронесли мимо ложины.

- Мы слишком близко к поверхности, и

они не сразу поймут, что мы уже не
впереди.

- И что дальше?

Он включил двигатели на полную мощность,
взлетая над горной грядой, и пристроился
в

хвост нашим недавним преследователям.

- Мышь станет котом! - объявил
Бетанкор.

Через несколько секунд яркий экран
оружейной панели покрыли красные
перекрестия.

Среди огромных глыб и скал впереди я
различал огни дюз.

- Причешем-ка одного, - сказал Мигас,
выпуская залп.

Мерцание турбин впереди стало ярче, а

потом обернулось растущим шаром
горящего газа, проплывшим мимо нас
среди
зубчатых пиков.

Я вжался в кресло, когда катер резко
нырнул еще в одну лощину. В километре
перед нами появились огоньки дюз, и
солнце
отразилось от металла.

- А вот и второй, - произнес Мугас.

Датчики автономов боеприпасов
засверкали красным, указывая расход.

Вспышка распустилась, как цветок, а
затем

развернулась и расплескалась о стенку
скальной гряды.

Что-то ослепляюще яркое возникло

справа от нас. Катер тряхнуло и
затрясло, загудела тревога.

- Какой умный мальчик. Почти попал, -
проворчал Мугас, вытягивая штурвал,
чтобы
уйти от столкновения с приближающимся
утесом.

Один из истребителей разгадал наш
маневр и облетел нас с тыла.

- Где же еще один? Где? - бормотал
Бетанкор.

На нашей стороне была боевая мощь.

Боевая мощь и Мугас. Истребители
принадлежали к классу «Молния», это
были

маленькие, быстрые и верткие корабли, в
четыре раза меньше нашего судна. По всем
своим параметрам и предназначению наш
катер представлял собой только
транспорт, но его двигатели, улучшенный
комплект

оружия и способность к вертикальному взлету превращали его в грозное боевое судно, когда дело доходило до сражения на небольшом расстоянии от поверхности, особенно такой неровной, как поверхность Обола.

Наш катер еще раз вздрогнул и сорвался в головокружительное пике.

Мидас выругался и стал выводить судно из

штопора. В поле зрения размытой серебряной полосой скользнул имперский истребитель.

Мидас стабилизировал ход и встретился за ним. Перехватчик крутанулся и ушел в глубокое ущелье, в холодной тени которого

приходилось лететь, ориентируясь только на

показания приборов.

Датчики показали, что наши орудия
близки к перегреву. Мугас лупил по
истребителю.

Безрезультатно.

Перехватчик начал выполнять петлю,
чтобы развернуться к нам. Мугас
выстрелил
снова.

Еще один промах.

Истребитель летел прямо на нас. Я
увидел

сверкающие, словно драгоценные камни,
следы трассирующих снарядов,

вгрызающихся в обшивку нашего корабля.

Лицом к лицу. В глубоком ущелье с
отвесными стенами.

Не было места для маневра. Не было
места

для ошибки.

- Прощай, - сказал Мугас, вдавливая
гашетку.

Глубокое ущелье осветил взрыв. Мы
пролетели прямо сквозь стену пламени.

- Ну как, достаточно? - спросил меня
Мугас.

Я не ответил. Я был слишком занят тем,
чтобы покрепче цепляться за
подлокотники
кресла.

- Лично мне хватит, - сказал он. - Пора
начинать второй акт. Где-то поблизости
ошивается еще один перехватчик. Те, что
обходили нас с обратной стороны
планеты, будут здесь через девяносто
секунд. Пришло

время для театра. Уклюд?

Главный сервитор выдал ответную трель.

Мы вошли в крутое пике. На дисплее
вывелось, что за нами остается
топливный
след.

- Повреждения? - спросил я.

- Прописано в сценарии, - ответил

Бетанкор.

Нам навстречу тчалось дно темного
каньона.

- Сбрасывай, Уклид, - скотанговал Мидас.

Раздались грохот и скрежет. Камер
затрясло. Позади него что-то вспыхнуло.

- Что это было?

- Две тонны запчастей, мусора и
расходных материалов. Ну и вдобавок все
гранаты из твоего оружейного склада.

Он резко развернул судно и направил его в
темноту широкой глубокой пещеры на дне

каньона. Мне казалось, что потолок и стены

проносятся слишком близко.

Углубившись в пещеру на шесть сотен метров, Мугас развернул катер влево и

отключил турбины. Прожекторы разогнали

трак, и стали видны неровные края еще одного углубления.

Пролетев еще сотню метров, мы

опустились на посадочные распорки. Мугас

выключил двигатели и освещение, выключил

все, кроме жизненно важных систем.

- Всем ни звука, - велел он.

Ожидание, продлившееся шестьдесят

шесть часов, не было ни уютным, ни

приятным. Мы влезли в теплую одежду и

сидели во траке, пока флотилия еретиков обыскивала Обол и его окрестности. За первые десять часов наши пассивные локации несколько раз регистрировали приближение кораблей, прочесывающих место нашего «крушения». Обман явно угадся.

Но мы ждали. Нельзя было с уверенностью сказать, насколько они окажутся настойчивы

и терпеливы. Мугас предположил, что враги

могут разыграть ту же карту — затаиться и

ждать, пока мы решим, что опасность миновала.

Через сорок часов Ловинк заявил, что подслушал астронавтический обмен сообщениями, где речь шла об отбытии

флота. Вскоре последовало возмущение в
ткани Умлатериума. Но мы продолжали
ждать. Ждать единственного события,
которое я счел бы убедительным.

Это случилось, только когда миновал
шестьдесят шестой час. Пришел
астронавтический сигнал на глоссии:
- Ныне отпускаеши...

Мы восстали из тьмы Обола, омытые
светом звезд. Все на судне и, честно
признаюсь, даже я неожиданно начали
разговаривать слишком громко и слишком
много, бродить по катеру, наслаждаясь
ярким светом и включенной наконец
обогревательной системой. Безмолвное
ожидание на холоде походило на
эпителию.

Навстречу нашему катеру медленно и

величественно выплыл «Уссин». Как только

флот еретиков покинул систему, Максилла

вышел из своего укрытия за звездой и подал

сигнал.

Как только мы состыковались, я отправился прямо на мостик, где меня, как

брата, приветствовал Максилла.

- Все наши живы? - спросил он.

- Целы и невредимы. Хотя нам пришлось туго.

- Прости, что пришлось покинуть вас, но ты сам видел размеры этой военной группировки.

Я кивнул:

- Надеюсь, ты можешь сказать мне, куда

они отправились?

- Конечно, - ответил он.

Его астронавигаторы не теряли времени даром. Их главный появился из помещения, пристроенного к куполообразному мостику, и загудел над черно-красным трамбором пола, направляясь к нам. Как и весь остальной экипаж, он практически полностью состоял из механических частей.

Его органическая, человеческая часть - куда, по моему предположению, входил разве что

мозг и какие-нибудь основные органы - заключалась внутри отполированной серебристой машины, изваянной в виде грифона. Драконья шея выгнулась назад, и крючконосая морда обратилась к нам. В воздухе сервитор поддерживался

пластинами антиграва, встроенными в орлиные крылья.

Он остановился перед нами, раскрыл клюв и спроектировал голографическую карту звездного неба. Карта была сложной и непостижимой для необученного глаза, но некоторые детали мне удалось разобрать.

- Навигаторы проанализировали

возмущение варна, когда уходил флот, и сделали кое-какие алгоритмические

вычисления. Еретики уходят из Геликанского

субсектора и Имперского пространства к запретным территориям расы, известной как

сарүти.

- Об этом я и сам догадался. Но это

слишком обширная территория. Там больше

гюжины систем. Нам нужны точные данные.

- Вот, - сказал Максилла, отмечая пальцем

точку на мерцающей трехмерной карте. -

Значится как КСХ-1288. При оптимальных

условиях туда можно дойти за тридцать недель.

- Насколько велика погрешность вычислений?

- Не более чем шесть сотых. Возмущения в

варне, оставленные флотом, оказались

весьма значительными. Естественно, они могут прервать свой путь и сменить курс, но

мы будем следить за изменениями следа.

Конечно, - добавил он, - они предполагают, что их могут преследовать. Даже если

они

сочли тебя погибшим, все равно они знают, что тебе необходим был межзвездный

корабль, чтобы попасть сюда. Корабль, который им не удалось обнаружить.

Эта мысль посещала и меня. Гло и его сообщники должны были ожидать преследования. Теперь они могли рассчитывать только на собственную осторожность, немалую боевую мощь и полученную фору.

Я уже заставил Ловинка заняться подготовкой срочного коммюнике, которое следовало отослать командованию Гудрун и

Инквизиции.

- Что тебе известно о сарүти и их территориях?

- Ничего, - сказал Максилла. - Никогда не летал туда.

Этот ответ показался мне слишком лаконичным для столь разговорчивого человека.

- Итак, - продолжил он, - кроме того, что мы знаем, куда они направляются, есть ли у нас еще какие-нибудь преимущества?

- Есть.

Я извлек из кармана плаща предмет, который покоился там с тех пор, как я вытащил его из дорожного чемодана Гло в Северном Квалме. Максилла посмотрел на предмет с явным недоумением.

- Это, - произнес я, - Понтиус.

Мы воспользовались одним из огромных пустых трюмов «Иссина». Сервиторы

Максиллы подвели проводку и организовали

освещение. Мои сервиторы - Мого и Нилквит

- принесли ларец на когтистых лапах и опустили его на холодный стальной пол.

Я наблюдал за процессом, спрятав лагони в рукава плаща, чтобы защитить их от стоящего в помещении холода. Эмос ссутулился над ларцом и с помощью

Нилквита начал подключать кабели. Я взглянул на Биквин. Она стояла рядом с фишигом, укутавшись в тяжелую красную накидку и серый платок. На ее лице застыло

отвращение. Сначала ей все казалось игрой и

продолжало казаться даже во время событий

в Доме Гло. Но на Дамаске все
переменилось.

Чудовищный Мангразор. Увидев его,
Елизавета поняла, что игры кончились.
Она

увидела то, чего многие - практически все

граждане Империи никогда не видят.

Большинство проводит жизнь на
безопасных

тирах, далеких от ужаса войны. Для них
вся

та мерзость, что бороздит самые
темные

уголки Вселенной, - миф, слух, страшная
сказка.

Но теперь Елизавета знала наверняка. И
могла не пожелать оставаться с ними.
Могла

пожалеть о том, что так поспешно

согласилась на мое предложение.

Я не стал спрашивать ее. Она сама должна сказать мне об этом. Нас теперь многое связывает.

- Эйзенхорн? - Эмос протянул руки, и я вложил в них холодную, твердую сферу Понтиуса.

С трогательной заботой и жреческой торжественностью архивист установил его в нишу.

Я приказал всем выйти из трюма, даже сервиторам. Всем, кроме Биквин и Эмоса. Фишиг закрыл за собой двери.

Эмос посмотрел на меня, и я кивнул. Он произвел последнее подключение и затем отпрянул от ларца настолько быстро, насколько позволяли его старые,

напичканные аугметикой конечности.

Поначалу ничего не происходило. Потом по краю ларца замигали крошечные сигнальные огоньки, затерцали оплетающие кристалл микросхемы.

И вот тогда я почувствовал, как меняется давление воздуха. Биквин бросила на меня резкий взгляд, тоже заметив это.

Металлические стены трюма начали потеть. Бусинки конденсата собирались на

обшивке стен и скатывались вниз.

Раздалось слабое потрескивание, похожее на то, которое издает бумага в огне. Звук нарастал и ширился. Изморозь покрыла ларец и пол вокруг него, расползлась по палубе и взобралась по стенам. Алмазно

сверкающая морозная корка покрыла все помещение трюма менее чем за десять секунд. Наше дыхание превращалось в облака пара. Мы стахивали ледяное крошево с лиц и одежды.

- Понтиус Гло, - произнес я.

Ответа не было, но через несколько мгновений из динамиков, встроенных в ларец, раздалось звериное рычание и кашель.

- Гло, - повторил я.

- Зачет... - прозвучал искусственный голос. Биквин насторожилась. - Зачет вы разбудили меня?

- Назови последнее событие, которое ты помнишь, Гло.

- Обещания... обещания... - произнес

голос, словно то отплывая от нас, то

возвращаясь обратно. - Где Уризель?

- Какие обещания давали тебе, Гло?

- Жизнь... - пробормотал он, и в голосе

звучали гнев и нетерпение. - Где Уризель?

Где он?

Я начал было задавать следующий вопрос, но тут электронные синапсы, опутывающие

поверхность кристаллической сферы, озарила вспышка неожиданной активности.

Понтиус хлестнул по нам своим сознанием, своими могучими ментальными силами.

Если бы рядом не было Биквин, нас с Эмосом

можно было бы уже выносить вперед ногами.

- Горячий температурент... - сказал я.

подходя к ларцу. - Меня зовут Эйзенхорн, я
имперский инквизитор. А ты мой пленник
и

наслаждаешься возможностью
воспринимать

окружающий мир только потому, что я
позволяю это. Ты должен отвечать на
мои

вопросы.

- Я... не... стану. Я пожал плечами:

- Эмос, отключай эту дрянь и подготовь к
уничтожению.

- Стой! Стой! - В голосе слышались
утоляющие нотки, несмотря на всю его
искусственность.

Я присел на корточки перед ларцом:

- Как я понимаю, твоя жизнь и разум
сохранены в этом устройстве, Понтиус
Гло. Я

знаю, что ты два столетия отчаянно
жаждал

воскрешения, пребывая в своем
бестелесном

заточении. Не это ли обещала твоя
семья?

- Уризель обещал... говорил, что может...
что все уже готово...

- Он собирался принести в жертву
аристократию Спеси, чтобы перекачать
их

жизненные силы в тебя с помощью этого
ларца. И ты смог бы сам воссоздать для
себя

тело.

- Он обещал это! - Мучительное ударение
упало на второе слово.

- И Уризель, и все остальные оставили
тебя, Понтиус. Они отменили свои планы
на

Снеси в последнюю минуту, ради кое-чего
еще. Теперь все они в руках Инквизиции.

- Не-е-ет... - Слово свелось к
затирающему шипению. - Они не могли...

- Я уверен, что они и не стали бы... если
бы
не случилось нечто столь жизненно
важное, столь необходимое, что у них
просто не
оставалось выбора. Ты ведь и сам знаешь,
что произошло?

Тишина.

- Понтиус, что было для них важнее тебя,
а? Тишина.

- Понтиус?

- Вы их не поймали.

- Что? Кого не поймали?

- Моих родичей. Мою семью... Будь они в
ваших руках, ты не стал бы задавать эти

вопросы. Все они на свободе, и ты доведен
этим фактом до отчаяния.

- Ты ошибаешься. Сам знаешь, как это
бывает: много лжи, много
противоречивых

историй. Твои родственники
закладывают

друг друга наперебой, лишь бы сохранить
жизнь и свободу. Я пришел к тебе за
правдой.

- Нет. Похоже на правду, но нет.

- Ты знаешь, что это правда, Понтиус.

- Нет.

- Ты знаешь, что это так. Они будили
тебя

время от времени, чтобы снабжать
информацией. Вытаскивали тебя из
забытья.

Например, это происходило в той часовне,
которую они построили специально для

этой

цели. Я видел тебя там. Ты оглушил
меня.

- Я могу сделать это снова, - сказал он.

На золотой оправе и встроенных в
кварцевую глыбу схемах снова замерцали
огни.

- Ты знаешь, что произошло. Они
говорили тебе.

- Нет.

Я протянул руку, схватив пучок проводов.

- Лжешь, - сказал я и дернул.

Из колонок раскатился угасающий стон.

Огоньки на ларце угасли. Температура
воздуха и давление снова стали приходить
в

норму. Изморозь начала таять.

- Негусто, - заметила Биквин.

- Это только начало, - ответил я.

Впереди

тридцать недель.

Глава семнадцатая

БЕСЕДЫ

РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ

АСИММЕТРИИ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вместе с Биквин и Эмосом мы спускались

в трюм и повторяли процедуру каждый день.

Несколько дней Понтиус отказывался

отвечать. Но прошествии недели он начал

что-то требовать, обрушивая на нас угрозы и

ругательства. Каждые несколько дней он

пытался атаковать нас ментально, но всякий

раз его попыткам препятствовало
присутствие Биквин.

Все это время «Уссин» двигался в
Улматериуте, направляясь к далекому
звездному скоплению.

На четвертую неделю я сменил тактику
и

стал обсуждать все, что только
приходило на

ум. Я не задавал Гло ни единого вопроса,
касающегося «истинной причины». Первые
несколько дней он отказывался отвечать,
но

я оставался любезен и всякий раз
терпеливо

приветствовал его. Наконец разговор
состоялся: мы беседовали о звездной
навигации, прекрасной музыке

экклезиархов, архитектуре, демографии,
старинном оружии, дорогах винах...

Понтиус ничего не мог с собой пожелать.

Изоляция, сопровождавшая его существование, заставляла его жаждать соприкосновения с реальным, ярким миром.

Он хотел снова обонять, осязать, видеть и жить. Две недели подряд его не приходилось

подталкивать к диалогу. Я не был ему другом, и он оставался осторожен и являлся при каждом удобном случае, но явно радовался нашему общению. Когда

преднамеренно я пропустил один день, Понтиус принялся угрюмо сетовать, словно

был серьезно обижен.

В то же время я понимал, насколько опасен Гло. Его разум был великолепен, очарователен, остроумен, хитер и весьма

эрүдирован. Я испытывал удовольствие от общения с ним, от получения новых знаний.

Это послужило полезным напоминанием о том, что даже такой блестящий ум Хаос может похитить. Даже величайший, умнейший, изысканнейший и образованнейший из нас может стать его жертвой.

В один из дней десятой недели я, как обычно, вошел в трюм Понтиуса вместе с Биквин и Этосом, и мы разбудили его. И что-то мне показалось необычным.

- Что такое? - сказал я.

Ларец как будто стоял не совсем на том месте, где раньше.

- Ты приходил сюда, Этос? - спросил я. -

Хотя бы ради обычной проверки?

- Нет, - заверил меня он.

После каждого посещения мы обязательно запирали трюм.

- Наверное, просто воображение разыгралось, - решил я.

Наши беседы длились, к обоюдному удовольствию, около часа каждое утро. Мы

часто обсуждали политику и этику Империи, область, в которой Понтиус оказался

удивительно сведущ. Он ни разу не позволил

себе высказывать концепции или верования, которые можно было бы считать критикой в

адрес Империи, словно понимая, что подобное поведение грозит прекращением нашего с ним общения. Время от времени я

допускал высказывания, представлявшие
ему возможность покриковать или
осудить

методы Бога-Императора и
правления

Терры. Понтиус не поддавался на
провокации, хотя я ощущал, сколь
отчаянно

хочется ему рассказать о собственных,
обратных верованиях. Но слишком велика
была его потребность в активности и
общении. Понтиус не хотел портить
сложившиеся отношения.

Гло с легкостью цитировал главы и
стихи

из Имперского Писания, философских
работ

и поэзии экклезиархов. В своей
образованности он мог поспорить с
Эмосом.

Однако, воздерживаясь в высказывании еретических воззрений, он также воздерживался и от демонстрации лояльности к Золотому Трону. Он не пытался

прятаться и изображать из себя законопослушного гражданина. Я расценил это как знак уважения ко мне. Он не стал оскорблять меня ложью.

Но чаще, чем о политике и этике, мы разговаривали об истории. И в этой области

его познания оказались неимоверными, однако в беседах на эту тему ему тяжело было скрыть свою глубокую

заинтересованность и голод. Он никогда не

спрашивал прямо, но было ясно, что ему очень хочется узнать, какие события

происходили в течение этих двухсот
двенадцати лет, прошедших с его смерти.
Родственники, похоже, рассказывали ему
недостаточно. Он пускался на разные
ухищрения, чтобы вытянуть из меня
ответы.

Чногда я доставлял ему удовольствие,
рассказывая об основных событиях,
политических переменах и достижениях
Империи. Я заранее решил не упоминать о
поражениях или потерях Империи,
избегать

всего, что могло позволить ему
злорадствовать. Картина, которую я
нарисовал для Понтиуса Гло,
демонстрировала, что Империя стала
еще
сильнее и здоровее, чем ранее.

Но даже это восхищало его. Он слишком

долго был лишен драгоценного света галактики.

Остальную часть времени долгого

перелета мы проводили готовясь и обучаясь, включив в режим ежедневные тренировки с

оружием и без. Бетанкор каждый день давал

уроки рукопашного боя, оттачивая

природную ловкость и стремительность

Биквин. Я занимался с гириами в

импровизированном тренажерном зале и

день за днем пробегал десятки километров

по пустым залам и коридорам «Уссина», возвращая себе превосходную форму.

Я работал и над своим сознанием,

подвергая себя строгой практике

психических упражнений, некоторые из

которых проводились с помощью Ловинка. Мы с Эмосом старались подготовиться всесторонне. Мы перекопали всю архивную информацию, какую удалось собрать, касавшуюся сарүти. Это мало что добавило к

тому, что уже было известно. Мы знали область их расселения, и это все. За последние две тысячи лет официально зарегистрированные контакты можно было

пересчитать на пальцах одной руки. Мне стало интересно, что могут знать про них

владельцы каперских судов, люди вроде

Горгона Лока, путешествующие за пределы

Каперских территорий.

Все, что мы могли сказать о сарүти, так это

то, что они являлись древней

ксенотульей - необщительной, скрытной, лежащей за границами Каперии. Они

были технически развиты, но мы ничего не

знали об их культуре, верованиях, языке, не

представляли себе даже их внешнего облика.

- По крайней мере, мы можем со

значительной долей уверенности предполагать, что у них наличествуют какие-то религиозные верования и ценности, - сказал Эмос. - Или, как минимум, они ценят некие реликвии прошлого, оказывая им почтение как предметам духовного культа. Наши враги занимались добычей этих предметов на Дамаске только потому, что представляли себе, какую ценность они имеют для сарүти.

- Священные реликвии? Иконы?

Эмос пожал плечами:

- Или знания предков... или просто желание найти и вернуть на родину культурные ценности своего прошлого.

- И мы знаем, что когда-то их территория

была больше. Она доходила до Дамаска
как

минут, даже если там проходили
только

сторожевые рубежи, - сказал Ловинк.

Мы сидели за инкрустированным
столиком в одной из кают Максиллы.

Полированная поверхность стола была

завалена раскрытыми книгами,
свитками, информационными
планшетами и
таблицами.

- У до Бонавентуры, - сказал я. - Кладбища
колес. Биквин говорила, что раскопки в
Северном Квалме напомнили то, что она
видела на родном мире.

- Возможно, - сказал Эмос. - Но я не

эксперт в археоксенологии. Кладбища
колес, найденные на Бонавентуре во всех
текстах, которые мне удалось найти,

классифицируются как принадлежащие
«неизвестной ксенокультуре». Они
представляют собой всего лишь - древние
руины, которые могли принадлежать
давно

сгинувшей или пришедшей в упадок
цивилизации сарути, а могут быть
останками

множества различных видов, населявших
этот регион задолго до того, как человек
обратил на него свое внимание.

Я опустил информационный планшет и
взял обернутый в войлок предмет,
лежавший

в центре стола. Это была единственная
табличка, отправившаяся с нами с
Дамаска. Я

вынул ее из ящика, когда ситуация зашла
в

тупик, и она так и осталась у меня в руке, когда мы запрыгнули в боевой катер. Она была выполнена из твердого бледного материала, блестящего включениями слюды. Материал, как все мы согласились, не

был характерен для Дамаска. Табличка имела

форму неправильного восьмиугольника с двумя вытянутыми гранями. Лицевая сторона представляла собой барельефное изображение пятиконечной звезды. Звезда тоже имела неправильную форму: лучи ее были разной длины и расходились под различными углами. С обратной стороны табличка была обожжена резакон.

- Очень странно, - сказал Эмос,

рассматривая ее. - Симметрия - по крайней

тере, базовая симметрия - является
константой галактики. Все формы
жизни, и

даже самые омерзительные ксеносы вроде
тиранидов, обладают ею в какой-то мере.

- Тут что-то не то с углами, - согласился
Ловинк, нахмурив свои редкие, покрытые
родинками брови.

Я понял, что он имеет в виду. Казалось,
что углы звезды в сумме составляют
больше, чем триста шестьдесят градусов,
хотя, конечно же, это невероятно.

- Кто здесь был? - спросил я в начале
следующей беседы с Понтиусом.

Я оглядел покрытую изморозью комнату.
Биквин пожала плечами, согревая руки
дыханием. Эмос также выглядел
озадаченным.

- Ларец снова перемещали. Хотя и

незначительно. Кто был здесь?

- Никого, - откликнулся Понтиус

бесцветным искусственным голосом.

- Я не тебя спрашиваю, Понтиус. Потому как сомневаюсь, что скажешь мне правду.

- Ты обижаешь меня, Грегор, - мягко ответил он.

- Уверен, что это не игра твоего

воображения? - спросил Эмос. - Ты сам уже говорил...

- Возможно, - нахмурился я. - Но

чувствую, что что-то... изменилось.

Во время долгого рейса я обычно ужинал с

Максиллой, иногда вместе с остальными, иногда наедине. И однажды вечером, на

двадцать пятой неделе, только я и Максилла

сидели за столом, а золоченые сервиторы

расставляли блюда.

- Тобиус, - произнес я через некоторое время, - расскажи мне о сарүти.

Он только что подцепил вилкой кусочек кушанья и разочарованно положил ее обратно на тарелку.

- Что ты хочешь, чтобы я рассказал?

- Почему ты утверждал, что ничего не знаешь о них, когда я сообщил тебе, что ты

направляется в их регион?

- Потому, что полеты в такие места запрещены. Потому, что ты инквизитор, и не

стоит лишний раз признаваться в преступлениях одному из вас.

Я провел пальцем по краю полупустого бокала.

- До сих пор, Тобиус, ты помогал мне
рьяно и великодушно. Поначалу я
сомневался в твоих мотивах, но за эту
оплошность уже извинился. Сейчас стало
очевидно, что ты такой же верный слуга
Бога-Императора, как и я. Меня
беспокоит, что сейчас ты скрываешь от
меня какую-то
информацию.

Он обнажил в улыбке свои
инкрустированные перламутром зубы и
протокнул зубы уголком салфетки:

- Меня это беспокоит куда больше, Грегор.
Меня терзают муки совести.

- Значит, пришло время поговорить. - Я
снова наполнил наши бокалы из графина с
тарочным вином. - Сведения о сарүти
скүдны и, как ты уже сказал, запретны. Я

прекрасно знаю, что канерам известно
гораздо больше о внешних системах и
населяющих их формах жизни, чем даже
Унквизиции. Ты не канер, но входил в
состав торговой элиты. Не думаю, что
ты
никогда не натыкался на какую-либо
информацию, имеющую отношение к этой
породе ксеносов.

Он вздохнул:

- Еще молодым человеком, более
девяноста лет назад, я путешествовал в
регион сарүти. Я был тогда юнгой на
борту

канерского судна под названием
«Прометеев

огонь». Его хозяином был Ваген Авл, ныне
давно покойный, как я полагаю. Он и в
самом деле был канером. Он верил, что

сложет либо наладить торговлю с этими
неизвестными ксеносами, либо разграбит
подчистую их сокровища.

- Получилось?

- Нет. Только вспомни, я ведь тогда юнгой
ходил. Никогда не покидал корабельные
недра и не сходил на поверхность ни
одного

тура. Я знал одно: рейс длился слишком
долго. Старшие члены экипажа словно
язык

проглотили. Как я догадываюсь, только
чтобы найти сарүти, им потребовалось
очень

много времени и сил, и это их не слишком
обнадеживало. Третий помощник
капитана, человек, которого я довольно
хорошо знал, поведал мне, что сарүти
разыгрывали всякие

шутки с торговыми посланцами Авла,

прятались от них, издевались.

- Каким образом издевались?

- Офицер рассказывал, что их тиры оказались жуткими, непонятными и неуютными... и еще что-то насчет углов.

- Углов?

Максилла невесело растеялся и пожал плечами:

- Словно само их пространство поражено какой-то болезнью, искажено, изуродовано.

Через год мы возвратились с пустыми руками. По возвращении многие решили выйти из команды и оставить «Прометеев

огонь». Особенно когда Авл, совершенно к тому времени свихнувшийся, заявил, что намерен вернуться и попытаться еще раз.

Тогда ушел и я, потому что не хотел

провести

еще один год на нижней палубе.

- И что же Авл?

- Он отправился обратно, насколько мне

известно. Спустя несколько лет я
услышал, что его судно было захвачено
темными

эльдарати в районе Прегела Бореалис.
Таков

итог. Думаю, ты понимаешь теперь,
почему я

сразу не хотел рассказывать... мне просто
ничего рассказать полезного. Разве что
признаться в том, что уходил в
недозволенные пределы.

Я кивнул:

- На будущее - не скрывай от меня
информацию.

- Не буду.

- И если вспомнишь что-нибудь еще...

- Тут же расскажу тебе.

- Тобиус... - Я выдержал паузу. - Ты говоришь, что рейс «Прометеева огня»

оказался глиняным и бесплодным, а экипаж

измучили существа, с которыми вы в

конечном счете столкнулись. Разве у тебя не

вызывает гурных предчувствий возвращение

туда?

- Конечно. - На его лице появилась тонкая

улыбка. - Но я обязан служить тебе, поскольку ты имперский инквизитор. И

сделаю это без лишних вопросов. К тому же

мне отчасти любопытно.

- Любопытно?

- Хочу увидеть этих сарүти

собственными

глазами.

...

Необходимо упомянуть про сны.

Они не слишком беспокоили меня во

время рейса, но тем не менее приходили

примерно раз в несколько дней. Мне редко

снился красивый человек с пустыми
глазами

сам по себе, но его незримое и безмолвное

присутствие ощущалось постоянно.

А вспышки молний становились все ближе

с каждым сном.

На рассвете по корабельному времени

третьего дня двадцать девятой недели я
тихо

встал и, выйдя из своей каюты, направился
к

трюму, где мы держали Понтиуса. Пошел

туда за добрых четыре часа до обычного
времени нашей ежедневной беседы.

Я влез в притыкавшую к трюму трубу,
предназначенную для обслуживания

коммуникаций, и пополз по ней, пока не
достиг вентиляционной решетки,
выходившей внутрь самого трюма.

Решетку покрывала изморозь.

Над ларцом склонялась закутанная в
мантию фигура, освещаемая только
переносной лампой. Верхний свет был
выключен.

Понтиус богрствовал. Об этом
свидетельствовала изморозь, и к тому же
я

видел крошечные огоньки синапсов Гло и
слышал его тихий искусственный голос.

- Расскажи мне о Пограничных Войнах.

Говоришь, Империя понесла большие
потери?

- Я много тебе рассказываю, но ты мало
даешь мне в ответ, - ответила фигура.
Мы

так не договаривались. Повторяю, я стану
тайно помогать тебе, если ты поможешь
мне.

Могущество, Понтиус, и информация.
Если

хочешь видеть меня в качестве своего
эmissара, ты должен доверять мне. Как я
могу донести твою волю до твоих
союзников, если мне до сих пор неизвестно
об

«истинной причине»?

- Что это такое? - спросила фигура. - Что
поставлено на карту, какая невероятная
ценность?

Опять пауза.

- Тебе надо уйти прежде, чем тебя обнаружат. Эйзенхорн становится подозрительным.

- Скажи мне, Понтиус. Мы уже почти на месте, всего в нескольких днях пути. Мне нужно знать, чтобы поточь тебе.

- Я... скажу тебе. Это Некротек. Вот за чем

мы гонимся, Елизавета.

Глава восемнадцатая

КСХ- 1288 В СВЕТЕ

ПРОНЗЕННОЙ ЗВЕЗДЫ

ПУТЬ В РАНУ

НЕПРАВИЛЬНОСТЬ

В первый день тридцать первой недели, выбившись только на одни сутки из графика

Максиллы, «Иссин» вырвался в реальное

пространство глубоко внутри системы, обозначенной как КСХ-1288. И практически тут же мы оказались в опасности. Местная звезда оказалась огромным пульсирующим огненным сгустком, докашливающим свои последние несколько миллионов лет жизни. Раздутый и утративший сферическую форму, этот сгусток пылал злобещим розовым светом, вырывавшимся из-под черной корки остывающих областей. Меж тропных пятен остывающей поверхности кружили и вспучивались протуберанцы, срывающиеся брызгами звездной материи и отлетающие к внешним границам системы. Из чудовищной звезды выходила огромная колонна

исторгаемого ею раскаленного газа.

Длиной

она была практически в световой год.

Казалось, что в мягкий сгусток светила

кто-то воткнул огромную сверкающую иглу.

Как только мы вышли в заданной точке, на

мостики завизжали сирены. Уровень

излучения за бортом зашкаливал, а наш

корабль дрожал и покачивался в волнах

раскаленного звездного мусора. Вся система

кишела дрейфующими радиоактивными

осколками, магнитными аномалиями и

пылевыми облаками, исторгающими из себя

огонь и обломки материи. Вакуумные щиты

были включены, но они не могли уберечь

от

всего этого бардака.

Максилла ничего не говорил, но напряженно торщил лоб, проводя содрогающийся «Уссин» по ненадежному

фарватеру, уворачиваясь от гравитационных

ловушек и радиоактивных стержей.

- Здесь все разваливается на части, -

произнес перепуганный Эмос, взглядывая в главный проекционный экран и

стремительно проносящиеся по нему

цепочки информации. - Вся эта проклятая

система на грани краха.

- Есть какие-нибудь следы? - прокричал я

Максилле.

- Мы должны сидеть прямо на их хвосте.

Они прошли тут только полдня назад, не больше. Проклятые помехи. Подожди...

- Что?

Мне не удалось расслышать его ответ - снова завывала сирена...

- Повтори!

Максилла выключил аварийное

оповещение. Тряска и грохот продолжались, и теперь мы могли слышать, как стонет и

скрипит корпус «Иссина». Капитан указал на

экран, отражавший сенсорные операции судна.

- Я собираю вместе следы их двигателей и гравитационное смещение, но в этих условиях действительно сложно их считывать с точностью. Там... - он постучал

по экрану пальцем затянутой в перчатку
руки, - это, без сомнения, след двигателей,
но как бы ты объяснил это?

Я покачал головой:

- Я не настолько разбираюсь в навигации.

- Они разделились, - сказал Мугас,
заглядывая мне через плечо. - Большая
часть

отошла назад, возможно удалилась от
системы на безопасное расстояние, а
меньшая, главная группа продолжила свой
путь. Пять кораблей... самое большее -
шесть.

- Мне тоже так показалось, - согласился

Максилла. - Разделение флота. Думаю,
что

они просто не хотели рисковать своими
тяжелыми кораблями.

- Даже догадываюсь почему, -

пробормотала Биквин, встатриваясь в бурлящее неистовство на главном дисплее.

- Забудь о тех, что отошли. Следуй за ведущей группой, - сказал я.

- Я бы советовал... - начал Максилла.

- Сделай это!

При помощи навигационных сервиторов он выверил курс «Уссина» и отправился по следу двигателей меньшей группы, углубляясь внутрь системы.

- Там! Там, смотри! - внезапно закричал Тобиус, подрегулировав глубирующий дисплей, чтобы увеличить и улучшить изображение.

Несмотря на расстояние, нам удалось рассмотреть пробитый корпус имперского крейсера, дрейфующего в ореоле медленно

рассеивающейся энергии.

- Определенно, это один из кораблей

Эстрема. Пробило метеоритным дождем.

Они оказались в беде в тот же миг, как вошли

в систему.

«Уссин» снова согрознулся.

- А что насчет нас? - спросил я.

Максилла посоветовался с Бетанкором.

Судно еще раз сильно тряхнуло, и основное освещение на мгновение погасло.

- Нам необходимо убежище, - искренне произнес Максилла.

Судя по показаниям сбитых, работающих в чрезмерно тяжелых условиях датчиков

«Уссина», система включала в себя

пятнадцать планет и миллионы обломков

того, что некогда было планетами. След

двигателей нашей «гичи» вел к третьей по

величине планете. Это был паршивый, изрытый, полуразрушенный шар с жалкими остатками окружающей его синеватой атмосферы. Северное полушарие покрывали

чужовищные воронки - следствие падения метеоритов. Некоторые удары оказались столь сильными, что прорвали даже мантию

и обнажили бледно-красное ядро, из-за чего планета стала напоминать проломленный

череп. Прямо на наших глазах над выжженными континентами растекались пятна рассеянного света, когда по поверхности били новые метеориты.

Мы продирались сквозь содрогающуюся

ткань пространства, тило кровавых лун
и

кудрявых пылевых облаков. Нас задело
широким потоком пылающей звездной
материи, сбивая корабль с курса и кидая в
его щиты серебристые глыбы из камня и
льда.

- Это безумие! - закричал Фишиг. - Они не
могли лететь сюда! Это верная смерть!

Максилла посмотрел на меня, как будто
надеясь, что я соглашусь с исполнителем
и

прерву полет ради спасения «Уссина».

- Уверен относительно их следов?

Максилла, вцепившись в подлокотники,
сглотнул и кивнул.

- Спускайся вниз и ищи на теле планеты
любое укрытие, какое она может нам
предоставить. Прежде чем убираться

отсюда, мы должны хотя бы убедиться, что они мертвы.

Спуск занял двадцать минут, ни одна из которых не гарантировала наступления следующей. Я собирался воспользоваться этим временем, чтобы заставить Ловинку

или астронатов Максиллы проверить, приближается ли оперативная группа с Гудрун, отправившаяся по моему запросу, чтобы встретиться с нами здесь.

Но это оказалось невозможно.

Пространственные помехи заглушали астронавтические сигналы.

Я выругался.

Мы круто спустились к темной стороне израненной планеты. Под нами, на изнеженной кратерами земле,

распускались

огненные цветы, а в океанах бұшевали

атлантичные бұри. Полет оставался
трудным и

неприятным, несмотря на то что теперь
между нами и бьющимся в конвульсиях
солнцем оказалась планета. Через секунду
после начала спуска мы увидели останки
еще

одного расколотого и уничтоженного
корабля из флота Эструма. Мир смерти.
Система смерти.

- Наши враги, должно быть, совершили
ошибку, - сказал Эмос, держась за край
пультa, чтобы сохранять равновесие. - Не
может здесь быть сарүти. Если они
когда-либо и населяли эту систему, то
должны были давно покинуть ее.

- И тем не менее, - возразил я, - передовая группа флота еретиков продолжает свой путь

с великим упорством и целеустремленностью.

«Уссин» продолжал спуск, подходя к телу планеты ближе, чем когда-либо. От атмосферы оставались только жалкие остатки, и Максилла смог подойти почти

вплотную к неровной поверхности, сдвигаясь

едва ли не в десяти километрах над голыми

каменьями. Мимо нас протчался табун метеоритов.

- А это еще что? - спросил я.

Максилла подрегулировал сенсоры и разрешение дисплея. Перед нами в коре

планеты открывался зев огромной раны, в тысячу километров шириной. Глубокий разлом обрамлялся скалистым отвалом.

- Датчики не могут определить. Подобное могло образоваться от столкновения с метеором?

- Возможно, если метеор шел по касательной, - сказал Эмос.

- Они прошли мимо или внутрь? - спросил я.

- Внутрь? - недоверчиво переспросил Максилла.

- Внутрь! Они отправились внутрь?

Эмос заглянул через сервитора на показания сенсоров:

- След двигателей здесь угасает и пропадает. Либо они просто испарились в этом месте, либо действительно

отправились

внутри.

Я посмотрел на Максиллу. «Уссин» еще раз

дернулся, угодив в гравитационную яму, и на

мостики опять на секунду погас свет.

- Это судно предназначено для полетов в

межзвездном пространстве, - мягко ответил

кораблевладелец, - но никак не для посадки на планету.

- Знаю, - ответил я. - Но то же самое

можно сказать и про их корабли. Им

известно больше нашего, и они отправились

внутри.

Покачивая головой, Максилла направил

«Уссин» в огромную рану на теле планеты.

Разлом внутри был темным и
безграничным, если верить сенсорам,
хотя, на мой взгляд, сенсоры стали просто
бесполезны. Далеко внизу под нами тьму
разгоняло тусклое красное свечение. Дикая
тряска прекратилась, но корпус все равно
продолжал громко жаловаться на
перегрузки.

Нам показалось, что мимо нас пронеслась
какая-то конструкция, а за ней вторая и
третья. Четвертая успела отразиться на
дисплее прежде, чем мы проскочили под
ней: угловатые ворота и арка,
восемьдесят
километров в поперечнике. За ней на
нашем
пути выросло все больше и больше
таких
же, словно мы летели внутри чьей-то

огромной грудной клетки.

- Восьмиугольники, - произнес Эмос.

- И к тому же неправильные, - добавил я.

Среди арок-ребер не было ни одной идентичной пары, но все они демонстрировали схожую форму и отсутствие симметрии, что немедленно заставило подумать о сарүти.

- Они не могут быть естественного происхождения, - сказал Максилла.

Мы проходили сквозь циклопические ворота. Их было там многие дюжины.

- Источник света прямо по курсу, - объявил сервитор.

В череде восьмиугольных арок далеко

впереди появилось тускло-зеленое, туманное свечение.

- Продолжает? - спросил Максилла. Я кивнул:

- Отправь на поверхность сигнальный дрон.

Через мгновение на дисплее заднего вида появился маленький дрон-сервитор, пробивающийся по широкому туннелю обратно к поверхности и помигающий сигнальными огоньками.

Мы прошли мимо последней арки.

Корабль снова затрясло.

А потом мы влетели прямо в свет, мягкий, бледный, зеленый свет.

Казалось, что вокруг нет ничего. Только туманный зеленый свет и ковер тонких облаков под нами.

Тряска прекратилась. Корабль остановился.

Атмосфера в этом месте - логика не хотела

вспоминать, что мы находимся под корою планеты, - была разреженной и недвижной и

скорее всего представляла собой атлантичный

газ. Никому из нас не удавалось понять, откуда исходит люминесценция и почему

«Уссин» тязко встал на гравитационный якорь в этой безмятежной тишине. Как и

говорил уже Максилла, наше судно не предназначалось для трансатмосферных полетов, и его невозможно было

стабилизировать в такой близости от поверхности без риска получить серьезные повреждения.

Но, судя по показаниям систем, «Уссин» чувствовал себя вполне счастливым, после

того как выдержал суровый звездный шторм

КСХ-1288 и добрался до этой безопасной гавани.

Ущерб следовало признать

незначительным, из строя вышли всего две

бортовые системы. Многие сенсоры словно ослепли и передавали только странное, мертвое эхо. На судне остановились все хронометры, кроме двух, пошедших в обратную сторону.

Бетанкор и Максилла изучили искаженные

показания приборов и пришли к выводу, что

за облачным покровом лежит некая твердь.

По приблизительным оценкам, она

находилась в шести километрах под

нати, хотя в этом странном, туманном месте

оказалось трудно сказать что-нибудь с определенностью.

Если еретики Гло и отправились сюда, то не оставили никаких следов. Но если учесть, в каком ужасном состоянии находились

наши сенсоры, их корабли могли поджидать

прямо за облачной грядой.

Вскоре наш боевой катер отделился от «Уссина» и спустился в облака. Все мы оделись в вакуумные костюмы,

позаимствованные из запасников Максиллы.

Ловинк, Фишиг, Эмос и я неуклюже шаркали

по кают-компании, привыкая к ним.

Биквин сидела рядом с Бетанкором в

кабине, наблюдая, как он заходит на посадку.

Они тоже влезли в заимствованные скафандры, а Елизавета заколола волосы, чтобы они не мешали обзору.

- Доброй охоты, инквизитор, - протрещал вокс голосом Максиллы.

- Он ведь тоже будет там, внизу? -

спросила Биквин, и я понял, что она имеет в

виду Мандрагора.

- Скорее всего. И он... и всякое прочее.

- Ну ты же слышал, что сказал Понтиус, - ответила она.

Еще бы я не слышал. Некротек. Такие слова не забываются.

У Елизаветы ушли недели, чтобы

втереться в доверие к нашему бестелесному

пленнику и разыграть роль

разочаровавшегося в нас предателя. Я не
был

уверен, что у нее получится, но она

выполнила эту работу с блеском,
прекрасно

разыграв свою роль. Мы рисковали,
позволяя

ей в одиночку встречаться с Понтиусом.
Но

Биквин уверила меня, что может
сделать это, и не ошиблась.

Некротек... Если Понтиус Гло говорил
правду, то наше дело приобретало еще
большую безотлагательность. Мне
хотелось

знать, какая великая ценность так

активизировала деятельность наших
врагов, заставила их идти на серьезный
риск и

многочисленные жертвы. Теперь у меня
был

ответ. Легенды гласили, что последняя
копия

этой жуткой книги была уничтожена
несколько тысячелетий назад. Но похоже,
каким-то образом в стародавние времена
одна из копий попала в руки сарути. И
теперь ее собирались выкупить еретики
Гло.

Мы прошли сквозь облака и увидели внизу
землю. Обширное, холмистое и покрытое
пылью пространство огибало то, что
казалось морем. Наполнявшая его
жидкость

пенилась и обрывалась у изогнутого берега
в

сотню километров глиной. Все вокруг
имело

бледно-зеленый оттенок, купаась в сиянии,

проходящем сквозь дымку облаков. Все
выглядело слегка размытым, словно в
тумане, и не имело резких очертаний.
Это

место казалось бесконечным,
одноцветным, затеженным. Возникало
утирожденное, воздушное чувство,
которое одновременно и
успокаивало, и нервировало. Казалось, что
даже волны моря катятся как-то вяло.

Мне
вспомнилось побережье в Тралито, на
Кэйлун-Н, где я провел лето, оправляясь от
травм, полученных в прежние годы.

Бесконечные лиги слюдяных дюн,
спокойного моря и ароматного туманного
воздуха.

- Каковы размеры? - обратился я к Мидасу.
- Чего именно? - спросил он в ответ.

- Этого... места.

Он указал на приборы:

- Не могу сказать. Сотня километров, может две-три... тысяча.

- Ну должны же у тебя быть хотя бы приблизительные данные!

Он оглянулся на меня с немого нервной улыбкой:

- Системы говорят, что окружающее нас пространство бесконечно. И никаких предметов поблизости. Что, конечно, невозможно. Так что я думаю, приборы вышли из строя. Впрочем, я ил все равно не доверяю.

- Как же ты тогда летаешь?

- Полагаясь на собственное зрение... ну и на показания той части тела, на которой сижу. Решай сам, чему верить больше.

Мы следовали вдоль плавного изгиба
бесконечного залива около десяти минут.
Наконец однообразный и безликий пейзаж
освежили новые детали.

В нескольких сотнях метров от линии
прибоя вырастал из песка и бежал
параллельно воде ряд восьмиугольных
арок.

Каждая была шириной приблизительно
пятьдесят метров, но в остальном они
являлись близнецами тех арок, сквозь
которые Максилла вел «Иссин». Арки
уходили в зеленый туман, насколько
хватало
глаз.

- Сажай здесь.

Когда боевой катер опустился на мягкий
темный песок в полукилометре от берега,
мы

загерметизировали шлемы и высадились.

Свет оказался ярче, чем я ожидал, -

иллюминаторы катера были
затонированы, -

и нам пришлось надвинуть на лицевые
щитки еще и световые фильтры из
коричневого стекла.

Ненавижу вакуумные костюмы. Это

постоянное чувство глухоты и
скованности, это затрудненные движения,
это звук

собственного дыхания в ушах, это
спорадическое пощелкивание вокса.

Скафандр заглушал все наружные звуки,
кроме хруста моих шагов по тонкому
сыхому
песку.

Рассредоточившись, мы пошаркали к воде.

Все, кроме Эмоса, были вооружены.

Перед нами возникло нечто, что
напоминало море. Зеленая вода с белыми
барашками на волнах.

- Жидкий аттиак, - сказал Эмос.

Его голос сопровождало тихое
потрескивание вокса.

Было что-то странное в этом месте.

- Ты видишь это? - спросил он.

- Что именно?

- Волны отходят от берега.

Я посмотрел снова. Это было настолько
же

невозможно, насколько и очевидно.

Жидкость не накатывалась и разбивалась
о

берег, она вытягивалась из него и убегала
в

море.

Это пугало. Так просто. Так неправильно.

Моя самоуверенность трещала по швам.
Захотелось скинуть с себя вызывающий
клаустрофобию скафандр и закричать.
Что я

обязательно и сделал бы, если бы не
ярко-красный огонек атмосферного
анализатора на левом рукаве.

Что там рассказывал Максилла? Сарүти
изводили экипаж «Прометеева огня»? На
какое-то мгновение я заподозрил, что
такое

ненормальное поведение моря было
результатом работы этих ксеносов,
хотя как

такое может быть? Но я понял, насколько
тревожное состояние должны были
испытывать здесь люди.

Фишиг и Бетанкор приблизились к первой
из арок. На фоне несимметричного

строения

они казались карликами. Следующая арка
в

ряду находилась от первой на расстоянии
около трехсот метров, и на первый взгляд
расстояние между всеми ими везде было
одинаковым. Насколько я мог судить,
каждая

из арок была асимметричной как-то
по-своему, хотя размеры и пропорции
оставались идентичными.

Биквин опустилась на колени рядом с
берегом, осторожно раскапывая песок
рукавицей. И нашла там деталь, весьма
обеспокоившую нас в тот момент.

Под несколькими сантиметрами песка
землю покрывали плитки. Мозаика из
неправильных восьмиугольников, точно

таких же, как и те, что мы видели в шахте

Северного Квалма. И опять, несмотря на свою асимметричность, они каким-то непостижимым образом были идеально подогнаны друг к другу.

И чем больше песка отбрасывала Биквин, тем больше плиток представало нашим глазам.

- Остановись, - сказал я. - Не думаю, что для нашего рассудка полезно выяснять, покрывают ли они все побережье.

- Неужели все это... искусственное? - спросила она.

- Этого не может быть, - сказал Эмос. -

Возможно, что плитки и арки просто часть

некоего давно оставленного строения, которое потом подмыло и занесло пылью...

из-за... из-за...

Звучало не слишком убедительно.

Подойдя к Фишигу и Бетанкору, я встал
рядом с ними, разглядывая первую арку.
Она

была изготовлена из того же странного,
неведомого металла, который мы
встречали
на Дамаске.

- Так что же мы знаем об их
предназначении? - спросил Фишиг.

- Ну, мне крайне неприятно объяснять
очевидное, - откликнулся Эмос с берега, -
но

последний виденный нами ряд указывал на
хорошо выверенную дорогу, которая
привела

сюда «Уссин». Может быть, стоит
предположить, что и у этих арок то же

предназначение?

Я шагнул под сень гигантской арки и
скомандовал:

- Пошли.

По моей оценке, мы шли приблизительно
двадцать минут. Определить точнее
было

невозможно - наши хронометры вышли из
строя. Вскоре мы стали слышать галеккий
повторяющийся шум - низкие, почти
инфразвуковые раскаты, похожие на удары
грома. Доносились они издалека, из-за
гор.

Во всяком случае, нам так казалось. Гул
раздавался каждые полминуты, или около
того. Наступали долгие промежутки
тишины, и, когда нам уже начинало
казаться, что звук

уже не повторится, он раздавался вновь.

Сак

же как и хруст собственных шагов, ты слышали его сквозь скафандры даже при выключенных переговорниках.

Я связался по воксу с Максиллой:

- Ты это слышишь?

Ответ пришел не сразу. И весьма удивил меня. Сквозь потрескивания помех вдруг отчетливо прорвался голос Максиллы:

- ... как скажешь, Грегор, но это будет нелегко. Повтори, что ты говорил с Фишиге?

- Максилла! Повторя... - начал я, но его голос продолжал звучать поверх моего.

Это не был ответ. Я просто перехватил разговор. Я почувствовал, как по моей спине

побежали мурашки.

Шум статик.

- Передай Елизавете, что я с ней солидарен! Ха! Все стихло.

Я оглянулся на остальных. Плохо различимые лица, смотревшие сквозь тонированные коричневые панели шлемов, делали их похожими на призраков.

- Что за дьявольщина? - пробормотал я.

- Эхо? - прошептал Эмос. - Какая-то

аномалия в эфире, вызванная атмосферными

помехами или...

- Этого разговора никогда не было.

Над мягко освещенным берегом разнесся очередной раскат грома.

Еще примерно через двадцать минут мы прошли под аркой, неожиданно оказавшейся последней. Остановились. Земля перед нами

поднималась теперь более круто, образуя холмы и невысокие горы. Ландшафт стал более мрачным и неприветливым.

Вездесущее сияние притупилось, и небо окрасилось в темно-зеленый цвет, переходящий в черноту над холмами.

- Ух... было больше! - воскликнул Фишиг. - Больше арок!

Он был прав. Большая часть восьмиугольной анфилады исчезла, как только мы прошли через последнюю арку. Я

шагнул назад, надеясь, что недостающие арки появятся снова, когда я окажусь с другой стороны. Этого не произошло.

Раскаты грома стали слышны отчетливее.

Мы двинулись к холмам. В наших воксах

время от времени свистели статические
разряды.

- Передачи, - произнес Ловинк, поиграв с
частотами. - Настроить не получается,
но

кто-то переговаривается. Армия. Общение
двустороннее.

Возможно, это были наши беглецы.

- Смотрите! - воскликнул Бетанкор.

Между берегом и ребрами

восьмиугольных арок под облаками
зависли

зловещие, темные очертания трех
кораблей.

Два имперских фрегата и старое,

нестандартное торговое судно покоились
на

антигравитационном якорю.

- Почему мы не увидели их, когда

проходили мимо?

- Не знаю, Мигас. Я больше ни в чем не уверен.

Я обернулся к остальной группе и увидел, что мой архивист отстегивает шлем.

- Эмос!

- Не беспокойся, - ответил он, снимая шлем.

Широкий металлический ворот скафангра

делал Эмоса похожим на черепаху, высунувшую шишковатую голову из панциря. Он поднял левую руку, демонстрируя атмосферный анализатор. Огонек стал зеленым.

- Атмосфера идеально подходит для человека, - сказал архивист. - Немного прохладно и слишком стерильно, но

совершенно безопасно.

Все сняли шлемы. Лицо пощипывал холодный воздух, но освободиться от этой кастрюли на голове оказалось приятно. В воздухе не было запахов. Вообще не было. Ни

соли, ни аммиака, ни даже пыли.

Мы помогли друг другу приторочить шлемы к рюкзакам. Раскаты грома, которые

теперь не резонировали в шлеме, стали более

глухими и отдаленными. Мы могли слышать

шаги и дыхание друг друга, плеск океана.

Неожиданно я почувствовал запах духов

Биквин. Это привело меня в себя.

Мы зашагали дальше, медленно

поднимаясь по склону. Освободившись от

шлела, я понял, что причиной столь
небыстрого продвижения являлись не
только

скафандры. Почему-то трудно было
оценивать расстояние и размеры
предметов.

Почти постоянно кто-нибудь спотыкался.
Все

вокруг было в корне неправильным.

Мы наткнулись на них внезапно.

Единственным предупреждением стал
резко

оживший вокс. Динамики, встроенные в
наши вакуумные костюмы, заработали
одновременно.

- Бегом! Пошевеливайтесь! Второй
сектор!

- Где вы? Где вы?

- Укрыться слева! Это приказ! Укрыться

слева!

- Они сели мне на хвост! Они сзади, и я с...

Резкое шипение статики.

Впереди с темных холмов и склонов

бежали солдаты. Имперские гвардейцы, облаченные в красную с золотом броню.

Гудрунские стрелки.

- В укрытие! - приказал я, и мы спрятались

среди высоких дюн, вытаскивая оружие.

Их было человек шестьдесят или даже

больше, они торопливо спускались с верхних

склонов, рассредоточившись. Если быть

точным, в их передвижениях не было

никакого порядка. Они спасались бегством.

Офицер, бегущий примерно посредине

группы, что-то выкрикивал и размахивал

руками, но люди игнорировали его.

Многие

были без шлемов и безоружны.

Еще через секунду на вершине холма появились и их преследователи, и сразу же повели огонь по беглецам. Три черных бронированных «спидера» с эмблематикой военно-костической службы безопасности и следующая за ними цепочка из тридцати солдат, одетых в черные госпехи и дисциплинированно двигающихся в строгом порядке широкой цепью. Они стреляли из хеллганов в спину убегающим новобранцам.

«Лэндспидеры» шли на малой высоте, заливая склон огнем тяжелых орудий. В местах попаданий вырастали столбы пыли и, падали искалеченные тела людей. Еще

секунда, и все три «Лэнгспидера»
пролетели

мимо нас на высоте человеческого роста,
проскочив до моря, а потом развернулись,
чтобы совершить еще один заход.

Некоторые гудруниты пытались
отстреливаться, и я увидел, как один из
солдат преследователей споткнулся и
упал.

Но в действиях бегущих не было
согласованности, не было контроля.

- Какого черта! Мы что, так и будем
прятаться? - прошипела Биквин.

- Они скоро обнаружат нас, - заявил

Фишиг, передергивая затвор своего
тяжелого

стаббера.

Шансы наши были, мягко говоря,

невысоки, а я после инцидента на «Уссине»

испытывал болезненное отвлечение при
виде черных солдат.

Но тем не менее...

Я извлек тяжелый автоматический
пистолет и бросил его Эмосу, отстегивая
от

рюкзака лазерный карабин. Биквин

вытащила свою пару лазерных
пистолетов.

Ловинк и Мугас уже сжимали в руках
оружие

- лазган и главианский угольный карабин
соответственно.

- На вас пехота, - сказал я Фишигу,
Ловинку и Биквин. - Эмос... Ну, что
стожешь, то и сделай. Мугас, ты с тобой
займется

летунати.

Мы переползли через дюну

по-пластунски, а затем встали и открыли

огонь. Огромная и дуроломная пушка
фишига вспорола ближайший холм и
подняла тучу пыли, прежде чем ему
удалось

ее уравновесить. Следующей очередью он
стел трех солдат преследователей.

Рывкнул лазган Ловинка, а следом
раздались нерешительные одиночные
выстрелы - Эмос применил такой
пистолет по
назначению.

Биквин же была бесподобна.

По-видимому, она с большой пользой
провела эти тридцать недель перелета,
и

Мидас, судя по всему, ответственно
подождал

к ее тренировкам. Сжимая по лазерному
пистолету в каждой руке, она проорала

какой-то боевой клич и меткими
выстрелами

уложила двоих противников.

Солдаты еретиков поняли, что ситуация
переменилась, и их безжалостное
наступление приостановилось. Бегство
гугрунитов тоже затеделось, и
некоторые

из них, включая офицера, развернулись и
вступили в бой с предателями. Я

рассчитывал на это. В одиночку нам было
бы

не справиться. Я очень надеялся, что наше
неожиданное вмешательство воодушевит
верноподданных гвардейцев.

Однако многие продолжили бежать.

На каменистой гряде началась яростная
перестрелка между чернопанцирными
предателями и остелевшими

новобранцами-гугрунитати. Ловинк,
Фишиг, Эмос и Биквин двинулись к ним на
помощь.

«Лэндспидеры» заскользили обратно,
молотя по окрестностям оружийным
огнем.

Бетанкор опустился на одно колено,
поднял свое экзотическое оружие и
выстрелил. Длинный ствол карабина
вздрогнул и издал приглушенный визг. В.
ближайший, пронесившийся мимо нас
«спидер» вонзились разрывные иглы, и
машина разлетелась на части.

На песок посыпались пылающие обломки.
Я взял второго летуна в прицел лазгана.
«Лэндспидер» разворачивался, намереваясь
атаковать нас, и был вынужден сбросить
скорость. Я выпустил очередь лазерных
росчерков. Некоторые прошли мимо,

некоторые попали в цель, но серьезного
вреда броне не причинили. Враг ответил
очередями из тяжелых орудий. В мою
сторону устремились фонтанчики песка.
Но

когда «Лэндспидер» почти полностью
развернулся, мне удалось застрелить
пилота
через лобовое стекло.

Все еще продолжая стрелять, «спидер»
клюнул носом и ударился о берег в
пятидесяти метрах за моей спиной.
Потом он

подпрыгнул, разваливаясь на куски,
ударился снова и врезался в волны.

Третий «спидер» развернулся и сумел
совершить еще один налет, убив
шестерых

бегущих гудрунитов, которые на песке

представляли собой легкие лишения.

Mugas

снова навел свой карабин и выстрелил,
когда

«спидер» проносился рядом. Но

протахнулся. Он выстрелил снова, и задняя
часть машины загорелась.

«Спидер» продолжал идти прежним

курсом - к морю. Я понятия не имею, что

Mugasу удалось поразить - людей,
систему

управления, - но только машина
продолжала

лететь вперед и вперед, пока не скрылась
из

виду.

Мы поднялись на склон, к тому времени

уже захваченный гудрунитам. Люди были
грязны и усталы, и среди них не оказалось

никого старше двадцати пяти. Они
взбодрились, увидев нас и тот урон,
который

мы причинили, решив, вероятно, что мы
только часть большого спасательного
отряда.

Вершину гряды продолжали удерживать
последние солдаты противника. На них
наступал Фишиг в сопровождении дюжины
гудрунитов, стрелившихся прикончить
своих недавних преследователей.

Сражение на гряде продолжалось пару
минут. Фишиг потерял своих
отправившихся

с ним гудрунитов, но сделал все
возможное, чтобы никто из
чернопанцирников не

выжил. Мне подумалось, что в тот день,
когда Фишиг вступил в
правоохранительные

органы, армия лишилась превосходного солдата.

Я искал глазами офицера гудрунских стрелков, пока его люди опускались на землю, утомленные преследованием и неожиданно пришедшим спасением.

Некоторые плакали. Все выглядели испуганными. Дым сражения медленно скатывался со склона в безветренном воздухе.

Офицер, сержант, оказался не старше, чем

его люди. Похоже, он пытался отрастить бороду, но его мальчишеская физиономия совершенно не была к этому готова. Он отсалютовал мне раньше, чем я показал инсигнию. А когда я сделал это, он упал на колени.

- Встать!

Он подчинился.

- Я инквизитор Эйзенхорн. А ты?

- Сержант Энил Джерүсс, второй батальон

Пятидесятого Гүдрүнского стрелкового полка. Сэр, флот здесь? Они нашли нас?

Я поднял руку, пресекая вопросы:

- Докладывай. Быстро и кратко.

- Мы не хотели становиться частью происходящего. Нас приписали к фрегату «Страстный», и на его борту мы ожидали отправления. Когда наши корабли бежали с

орбиты Гүдрүн, капитан сказал, что планета

пала и нам надо передислоцироваться.

- Капитан?

- Капитан Эстрүм, сэр.

- А потом?

- Тридцать недель полета до этого места.

Уже в момент прибытия мы поняли, тут что-то не так. Мы стали возмущаться и потребовали объяснений. Офицеры назвали это нарушением присяги, и несколько дюжин людей отправились в руки расстрельных бригад. Нам было предложено подчиняться приказам или умереть.

- Небогатый выбор. Он покачал головой:

- Это правда, сэр. Именно поэтому я и решил вывести своих людей. Мы постарались

незаметно отойти, пока они были заняты, и

побежали, как только оказались там. Но они

бросились в погоню.

- А «там» - это где?

Он махнул в сторону каменной гряды:

- В темноте.

- Расскажи мне, что ты видел, - сказал я.

Глава девятнадцатая

ДОКЛАД ДЖЕРУССА

НА ПЛАТО

ИСТИННАЯ ПРИЧИНА

Я даже не знаю, на какой планете мы

находимся, - сказал сержант Джерусс.

Нам

этого не говорили. Впрочем, нам вообще

мало что объясняли.

- Насколько я знаю, у нее вообще нет

названия. Продолжай.

- Они высадили нас из кораблей на

побережье в качестве сопровождения

основной группы.

- Сколько человек?

- Более сотни солдат военно-костических сил безопасности и примерно три сотни гвардейцев.

- Техника?

- «Спидеры» вроде тех, что вы уже видели, и пара более тяжелых транспортных, предназначенных для перевозки груза и основной группы.

- Что тебе известно о них? Джерусс пожал плечами:

- О грузе ничего. В основной группе были капитан Эструт и лорд Гло Гудрунский.

Последний является известным

аристократом с моего родного мира.

- Я знаком с ним. Кто еще?

- Еще несколько человек: торговец, экклезиарх и огромный, ужасный воин.

которого они старались держать
подальше от

нас, простых солдат.

Это, без сомнения, был Мандрагор. А еще

Даззо и Лок. Центральное звено клики

Оберона Гло.

- И что потом?

Джерусс указал на склоны темного,
кажущегося неприступным нагорья:

- Мы отправились туда. Мне показалось,
что они знали, куда идут. Пока мы шли
туда, все вокруг начало меняться. Стало
темнее и

теплее. Трудно было прокладывать путь,
словно...

- Словно что?

- Никкак не получалось определить
расстояние. Иногда мы словно пробирались
через расплавленный воск, иногда с трудом
затедряли шаг. Некоторые запаниковали.

Потом мы нашли такие же многоугольники, как и те, что здесь, на пляже.

Он ител в виду арки, похожие на ворота.

- Таких рядов в горах было множество.

Они выглядели настолько неправильными, что стущали сознание. И казалось, что они

меняют очертания.

- Что ты итеешь в виду под «неправильностью»?

- Я не оканчивал офицерской школы, но итею образование. И знаком с основати геометрии. Углы этих многоугольников не

должны позволять сходиться сторонам, но они сходятся.

Похолодев, я вспомнил, как Максилла употинал о «плохих» углах, а также

вспомнил о маркировке на табличке из Дамаска.

- Мы следовали по этим рядам, проходя сквозь многоугольники. Экклезиарх и торговец вели нас. С нами был и еще один человек, напоминающий техножреца.

- Худощавый? С голубыми глазами?

- Да.

- Его зовут Малахит. Он принимал участие

в выборе дороги?

- Да, они подчинились ему несколько раз.

Наконец мы вышли на плато. Очень высокое, просторное место, окруженное неровными

каменными глыбами. Это плато явно искусственное. Оно выложено гладкими камнями, которые...

Он попытался передать их форму с

помощью указательных и больших
пальцев, но потом пожал плечами и
оставил это

занятие.

- Другими невозможными

многоугольниками? Он нервно растеялся:

- Да. Плато было огромным. Мы ждали
там. Солдаты сгруппировались по краю, а
главная группа и техника в центре.

- А потом?

- Мы прождали несколько часов. Точнее
сказать не смогу, потому что все наши
хронометры остановились. Затем между
нами завязалась какая-то ссора. Лорд Гло
спорил с остальными. Мне показалось,
что

появился шанс. Я приказал своим людям
готовиться. Нас было почти девяносто
человек, все собрались и ждали

возможности

убежать. Все следили за переругивающимися

руководителями. А когда тот огромный воин

- да спасет меня Бог-Император! - начал орать, мы решили не медлить. Его рев нас окончательно достал. Мы ускользали с плато

парами и тройками и убежали тем путем, которым пришли туда.

- Они быстро обнаружили ваш побег?

- Довольно быстро. И отправили за нами погоню. Остальное вам уже известно.

Я немного подождал, пока он приведет себя в порядок и соберет остатки своего

отряда. В живых осталось около тридцати

стрелков, все они были ранены, а четверо

еще и ранены. Это оказывал и
мощную
помощь.

Я обратился к солдатам:

- Отказавшись подчиняться приказам
предателей, вы хорошо послужили

Императору. Люди, которые привели вас
сюда, - еретики, и вся их затея преступна.
Я

здесь, чтобы остановить их. Мне
необходимо

незамедлительно продолжить свою
миссию.

Не стану обещать безопасность никому,
кто

пойдет за мной, но если вы так
поступите, то

окажете должное почтение Императору.
Ему

нужна наша служба здесь и сейчас. Если вы

верны присяге, которую приносили
Империи, вступая в ряды Гвардии, то не
станете колебаться. Не найти более
важной

битвы, в которой вы можете отдать свои
жизни.

В ответ я получил десятки гиковатых,
испуганных взглядов и несколько

одобрительных шепотков. Но они ведь
были

всего лишь новобранцами, а некоторые и
вовсе просто мальчишками, которых
первый

же поход забросил в самое настоящее
безумие.

- Соберитесь с духом и помните, что в
этом деле на вашей стороне сам
Император.

Не будет преувеличением сказать, что

будущее Умперуэма находится в наших
руках.

Одобрительный ропот усилился. Эти
люди

не были трусами. Они просто нуждались в
цели и понимании того, что сражаются
за

благое дело.

Я кратко прошептал кое-что Фишигу, и
тот

немедленно поднялся на холм и запел

«Умперское кредо», песню преданности,
гимн, известный каждому ребенку в

Умперуэме. Гудруниты с радостью
подхватили слова. Это спланивало и
воодушевляло их.

Однако гул разрывов продолжал
прокатываться над побережьем.

С помощью Бетанкора я снимал с павших

оружие и оборудование. Вокруг валялось достаточно стволов, чтобы снабдить всех оставшихся лазганати и хеллганати. А заодно нам удалось добыть три неповрежденных комплекта униформы военно-костических сил безопасности. Я вылез из своего тяжелого скафандра и начал натягивать полированную черную броню. Мидас попытался последовать моему примеру, но оказался слишком худощав для тяжелого обмундирования. В броню мы засунули фишига, а чтобы не пропадал третий комплект, переодели крепкого гудрунита из группы Джерусса - капрала по имени Тван.

- По какому каналу передаются команды у гудрунитов? - спросил я Джерусса,

настраивая вокс в своем шлеме.

- Бета-фи-бета.

- Если учесть тех, кто остался на плато, сколько еще может встать на нашу сторону?

- Могу поручиться за всех гудрунских стрелков. Без сомнения, подразделение сержанта Креддона.

- Тогда твоя задача - сплотить их вокруг нас, когда мы проникнем внутрь. Я дал сигнал.

Он кивнул.

Мы оставили раненых на берегу, постаравшись устроить их как можно удобнее, и стали подниматься в горы.

Как и рассказывал Джерусс, вокруг быстро становилось теплее и темнее. В гладкий черный дождех была встроена система

охлаждения, но и она не помогла. К тому же

на нас давила «неправильность»

окружающего. Трудно было сделать и шаг, не

споткнувшись.

Мы добрались до первой арки, и Джерусс

повел нас под ней. Правильность выбранного

пути подтверждали следы ног и колес, оставленные транспортерами в мягкой пыли.

Мы поднимались на темные и

неприветливые холмы, вздымавшиеся под

трачными небесами. Впереди виднелись

несколько анфилад, иногда они

пересекались. Мы были сбиты с толку.

Иногда казалось, что мы входим под одну

арку, а выходим из-под другой в соседнем

ряды. Следы никогда не петляли и не прерывались, но казалось, что мы перепрыгиваем из одного ряда проходов в другой. Углы арок, как и рассказывал Джерусс, оказались геометрически невозможными.

- Думаю, - спокойно сообщил Эмос, пока мы продвигались по следу, - асимметричность наблюдается во всех деталях и измерениях.

- В смысле?

- В трех измерениях, которые можно увидеть, и в четвертом - времени. Измерения

растянуты и искривлены. Возможно, случайно. Возможно, чтобы поиздеваться над нами. Возможно, с какой-то другой целью. Но полагаю, именно поэтому все

вокруг и кажется перекрученным и неправильным.

Наконец мы добрались до места, которое Джерусс называл «плато». Это оказалась насыпь с плоской вершиной, примерно километр в поперечнике, выложенная все той же ненормальной восьмиугольной плиткой. Склоны насыпи уходили в пыль, а площадку окружали неровные коричневые пики и утесы. Небо над ней было темным и звездным.

С нашей стороны плато у самого края в ожидании сидели несколько сотен человек. Я

мог чувствовать их напряжение. Больше половины составляли гугрунские стрелки, все остальные были из сил безопасности.

Группки солдат потеньше стояли

упорядоченными рядами в центре плато,
охраняя два транспортера

военно-костических сил, в которых
находились пассажиры, и пару пустых
«Лэндспидеров». Ящики сгрузили с
транспортеров и поставили горой на
мозаичной поверхности.

В дальней стороне плато в окружавшие
его

скалы уходила анфилада арок.

Мы залезли в укрытии, ожидая и
наблюдая.

После бесконечного ожидания в дальней
части плато наметилось какое-то
шевеление, и из анфилады
восьмиугольников

отделились шесть человеческих силуэтов.

Даже с такого расстояния я мог сказать,
что

это Даззо и Малахит, с четырьмя солдатами

военно-костических сил безопасности в качестве сопровождения. Они шли быстро, подавая какие-то сигналы основной группе, стоявшей у машин. Все солдаты, располагавшиеся у края, поднялись на ноги.

Из-под арок вышли и другие существа. Поначалу их не удавалось рассмотреть — просто серые пятна, не обладающие человеческим обликом и совершающие непонятные движения.

Я вынул подзорную трубу и направил на них, осторожно подгоняя увеличение.

Так я и увидел сарүти впервые.

Насчитать удалось девятиерых. Они напоминали то ли пауков, то ли ракообразных, — впрочем, любое сравнение было весьма условным. От их плоских

серых

тел исходило по пять опорных конечностей, чьи центральные суставы поднимались выше

горизонтально расположенного туловища.

Ни в расположении, ни в движении конечностей не наблюдалось какой-либо симметрии. Их торопливые шаги выглядели

странно, не позволяя обнаружить какую-либо последовательность или закономерность. От одного их вида становилось тревожно. Каждая конечность

завершалась посохом из полированного серебристого металла. Жезл, сжатый в пальцах каждой лапы, поднимал тварей еще

примерно на метр. Металлические шины

жезлов так звонко клацали по твердой плитке, что я мог слышать этот звук, несмотря на приличное расстояние.

Сплющенные головы сарүти покоились на толстых гибких колоннах, выпирающих из тел. На вытянутых черепах не было ни глаз, ни ртов, хотя что-то вроде ноздрей можно

было разглядеть. Ноздри тоже располагались несимметрично.

Короче, это были омерзительные твари, слишком продолжительное созерцание которых вызывало приступ морской болезни.

Каждое из этих созданий, покрытых блестящей серой шкурой, оказалось в два раза крупнее человека.

Со стороны дожидаящихся людей слышались встревоженные крики. У

некоторых солдат сдали нервы, и они побежали с плато прочь, оскальзываясь и воя.

Девять сарүти зацокали, выходя из-под арок на открытое пространство и располагаясь полукругом перед Даззо и Малахитом. Я увидел, как Оберон Гло, Горгон

Лок, Эстрүт и чүдовищный Мандрагор вылезают из машин и присоединяются к своим товарищам.

Должен признаться, что к тому времени и

у меня нервы были на пределе и страх колючим котком ворочался у меня в груди.

Мне не раз приходилось сталкиваться с настоящим ужасом, и сам по себе он меня не

пугает. Да и не было, если разобратся, в

этих существах ничего по-настоящему
страшного. Только необычность, едва ли
большая, чем испуганный
инквизитор-пуританин. Если оставаться
объективным, то они были
потрясающими, удивительными
созданиями, спокойными и
почти величественными.

Мой страх произрастал из какого-то
более

глубокого внутреннего инстинкта. Так же
как

и в окружающем нас мире, в каждой
детали

их внешнего облика, в каждом движении
сквозила «неправильность». Каждая

цокающая конечность, каждая
колеблющаяся

голова выдавала их нечестивую природу.

Мне только сейчас стало понятно,

насколько

необходима нам симметрия и насколько пугает ее отсутствие. Твари выглядели деформированными с точки зрения любой эстетической концепции. Их тела и конечности казались такими же невозможными, как и плитка, и арки, углы которых не должны были позволять сходиться сторонам.

Меня трясло от страха. Я посмотрел на своих спутников и увидел страх и на их лицах. Ужас, отвращение, неверие.

Мою жизнь и рассудок спас Эмос. Он, и только он один в изумлении смотрел на сарүти, и на его старческом лице светилась

озадаченная улыбка интеллектуального восторга.

- Очень странно, - услышал я его

бормотание.

Эта простая реплика заставила меня
растекаться.

Смех никак не мог отразиться на моем
лице, но вытеснил собою колющий ком в
грудь. Ко мне вернулись уверенность в
своих

силах и решимость. Жестом я велел
фишигу

и капралу Твану подойти ко мне и
проверил, что Биквин, Мугас и Джерусс в
должной

мере контролируют себя, чтобы
оставить под

их командованием остальных. Джерусса и
Твана пришлось довольно резко одернуть.

Биквин уже пришла в себя и держала в
руках

оружие. Биг Мангразора подстегнул ее

волю.

- Жди моего сигнала, - сказал я Мидасу, а потом повернулся к Фишигу и добавил: -

Пристатривай за нашим приятелем.

Я имел в виду Твана.

Мы втроем выползли из укрытия и

подобрались к краю плато. Солдаты были на

ногах, возбужденно переговариваясь и глядя

на группу в центре платформы. Офицеры

войск безопасности рывкали на гудрунитов и

пытались сдерживать их в узде, но я видел, что и им самим приходится нелегко.

Мы поднялись по склону и влились в

толпу, скрытые непроницаемыми щитками

шлемов и с хеллганати наперевес.

Гүдрүниты просто үбирались с нашей дороги.

Мы беспрепятственно прошли в передние ряды толпы.

- На это я не подписывался! - пробурчал оказавшийся возле меня солдат сил безопасности, глядя на сарүти в двухстах метрах от нас.

- Сплотить ряды! - бросил я, и он окинул меня взглядом, не обещающим ничего хорошего.

- Все здесь не так! - пробормотал он.

- Ничего, мы еще стоим постоять за себя, не так ли? - сказал я, поглаживая хеллган. -

Если Эстрүт и прочие просто завели нас в западню, они узнают, что солдаты флота Скарүса могут постоять за себя!

Он кивнул и взял на изготовку свое

оружие.

Мы с Тваном и Фишигом пошли дальше.

Никто не обращал на нас ни малейшего

внимания. Я не сводил глаз с группы

зачинщиков всего этого безобразия. Оберон

Гло поднял руки и обратился к сарүти со

словами, которые мне не удалось

расслышать. Речь оказалась довольно

длительной.

Наконец он встал вполоборота и махнул в

сторону ящиков. Теперь его голос долетел

и

до меня:

- И в доказательство наших честных
намерений мы отдаем это вам, как и
обещано.

Лок отделился от группы в центре.

- Идите за мной! - приказал он, подойдя к

первой шеренге.

Мы с Фишигом тут же шагнули вперед.

Через секунду мы уже оказались частью
команды из более чем дюжины солдат,
поташивших первые ящики. Я оказался в
паре с Локот, и мои руки, скрытые
черными

латными перчатками, сжимали
перекладину

ящика рядом с его мускулистыми
кулаками.

Мы опустили свой груз перед сарути, и я
отступил на несколько шагов. Лок
остался на

месте и снял крышку, когда один из
сарути

процокал вперед.

Теперь я мог рассмотреть их вблизи.

Лучше не стало. Их серую кожу покрывали
извилистые поры, а ноздри на мордах то

расширялись, то съеживались. Каждая из конечностей завершалась серой лапкой, похожей на человеческую, и сжимала рукоять серебряного жезла.

Тот сарүти, который вышел навстречу, положил два передних жезла на мощную поверхность и потянулся к открытому ящику

своими извивающимися пальцами. Какое-то

мгновение он шарил внутри, а затем выбрал

руки, ничего не взяв. Его безглазый череп

слегка покачивался на шее. Потом существо

подняло свободные руки и крепко сжало их

вместе - так человек может поднять руки над

головой в жесте победы.

Длинные, гибкие пальцы этих рук (не могу

сказать наверняка, сколько их ителось на каждой лагони и было ли их количество одинаковым) переплетались, образуя некую форму. Облик. Человеческое лицо. Глаза, нос, широкий рот. Великолепно выполненное и жутко пугающее.

Это лицо, казалось, изучало нас. А потом его губы начали шевелиться.

- Вы достойно выполнили свои обещания, человеческие существа.

В толпе за мной раздался тревожный шепот. Голос твари был лишен окраски, мелодичности и эмоциональности, но «пальцегубы» воспроизводили человеческую речь с безупречной точностью.

- Значит, ты заключили сделку? - с расстановкой произнес Гло.

Пальцы расплелись, и лицо исчезло.

Существо подняло свои посохи и отошло.
Его

сородичи тоже разошлись, освобождая
проход к арке.

Оттуда вышла еще одна группа существ.

Несколько сарүти, идентичных тем, что
уже

находились здесь, сопровождали других
тварей. Мне кажется, что последних было
четверо. Их тела походили на тела
сарүти, но

выглядели раздутыми и покалеченными.

Морщинистая, нездорово бледная плоть
была покрыта пятнами, похожими на
лишай

или проказу. У них не было жезлов, их
конечности заканчивались «копытами» из
твердого металла, скрепленными между
собой какой-то проволокой и

действующими

подобно кандалам. Эти бледные, несчастные

существа - у меня не возникло сомнений в

том, что это рабы сарүти, - стонали на

каждом шагу, наполняя воздух болезненным

поскуливанием. Сарүти тыкали в них остриями своих жезлов.

Рабы несли трапецевидный ящик из

черного металла, покрытый бородавчатыми

выпуклостями. Наконец они остановились и

опустились на животы.

Даззо и Малахит вышли вперед и

приблизились к носильщикам. Тот сарүти, что разговаривал с Гло, торопливо обошел их

с другой стороны, вытянул свою лапу с

жезлом и нажал им на одну из выпуклостей.

Крышка ларца распахнулась на невидимых петлях, подобно лепесткам какого-то уродливого цветка. Кажется, в этот

момент я ожидал, что из ларца засияет свет

или свершится еще какое-нибудь доказательство могущества.

Но ничего подобного не произошло.

Малахит прошел между лежащими рабами и

протянул руку, но Даззо с ругательством отпихнул его в сторону, добавив для вящей убедительности еще и ментальный удар, заставивший курильщика растянуться на полу.

Волна от этого удара прокатилась по

сарүти, заставив их затоптаться на месте.

Теперь к ларцу потянулся Даззо. Он вынул продолговатый крошечный предмет, по размерам не больше обоймы для болтера, и

сжал его в трясущихся руках.

Книга. Древняя рукопись, заключенная в оклад из черного металла, закрывающийся на защелки.

- Что там, экклезиарх? - прорычал Гло. -

Нам нужно подтверждение.

Даззо растянул оклад и перевернул первую древнюю страницу.

- Истинная причина у нас, - проговорил он. И упал на колени.

Некротек. Они получили Некротек.

«Сейчас или никогда», - подумал я.

Глава двадцатая

СОЮЗНИКИ И

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

ГНЕВ МАНДРАГОРА

ПРОТИВ ОБЕРОНА

Они атакуют! - взревел я и с силой

врезался в стоящих рядом со мной солдат.

Когда мы повалились неуклюжей,

дергающейся кучей, я выпустил наугад

основательную очередь из хеллгана.

Люди, собравшиеся на плато, все как один

были готовы к нервному срыву. Я почти

уверен, что сарүти преднамеренно

использовали какие-то свои устройства и

окружающую среду, чтобы держать их в

напряжении. Возможно, просто для того,

чтобы запугать людей, с которыми вели

дела, и обезопасить себя. Если так, то они

оказали

себе плохую услугу. Как гудрунские стрелки, так и солдаты сил безопасности находились

на грани утомительности, их души и уты

пребывали в смятении от увиденного.

Тревожного крика и нескольких выстрелов хватило, чтобы перенапряжение вылилось в действия.

Теперь повсюду вокруг орали люди и рывало оружие. Решив, что на их высокородных лидеров совершено

нападение, солдаты, сохранившие верность

Гло и Эструту, устремились вперед, стреляя

из штурмовых хеллганов. Остальные чуть колебались и набросились на первых.

Гудруниты, стоявшие на краю плато, либо

направили оружие на своих угнетателей,
либо стреляли по машинам.

Мугас и Биквин вели от края плато наш
арьергард, сверкающий оружием.

На плато царило всеобщее стяжение.

По воксу я услышал, как Джерусс
сплачивает своих товарищей, призывает
их

повернуть оружие против
чернопанцирников. Канал связи сил
безопасности кишел противоречащими
друг

другу приказами и отменами приказов,
воплями боли и яростной руганью.

Отчетливее всего мне были слышны
крики

Оберона Гло, пытающегося навести
порядок, и забывания Мандрагора.

- Фишиз! Тван! Сейте беспорядок!

Затаскированные, как и я, они начали

действовать. Бойня была настолько всеобщей и бешеной, что у сражающихся не оставалось времени на размышления.

Гвардейцы бились с солдатами сил безопасности и даже друг с другом.

Беспорядочная пальба наполнила воздух оглушительным грохотом.

Я застрелил пробежавшего мимо черного солдата, а потом еще одного. Внезапно я увидел высокого худощавого капитана.

Предатель Эструм недоверчиво смотрел на

меня, и его глаза лезли из орбит.

- Солдат, что, черт возьми, ты творишь?

успел он пролаять, неистово дергая кадыком.

- Исполняю поручение Священной

Инквизиции, - ответил я и выстрелил ему

голову.

Сарүти пришли в жуткое волнение. Не

могү знать, какие эмоции они
испытывали, да и испытывали ли их
вообще. Но они

отреагировали так, как будто были
напуганы

поворотом событий, поставлены или в
затруднительное положение и стүщены.

Двоих из них поразила огонь из хеллганов,
который открыли солдаты, решившие,
что

угроза исходит со стороны чужаков.
Одного

изрешетило, и он рүхнүл в растекающуюся
под ним лүжү крови и слизи. Второму
оторвало лапү, и он захромал к аркам,
стүча
оставшимися жезлами.

Вой сарүти перекрыл канонаду и
человеческие крики. Был ли этот вопль
угрозой, предупреждением, выражением
отчаяния или приказом к отступлению, я
не

могу сказать. Но твари предприняли
стремительное бегство, сотрясая воздух
своими диссонансными воплями.

Но двое из них неожиданно встретились
на солдат. Вокруг покачивающихся голов
сарүти зашипели голубоватые
электрические
разряды, а затем твари с шипением
плюнули

в людей лучами, сверкающими, точно лед.
Двое солдат испарились в ослепительных
вспышках света, разлетелись радужными
брызгами.

Я заметил Мандрагора. Гигант уже убил

одного из солдат сил безопасности,
пытаясь

остановить бессмысленную пальбу, но
теперь сарүти тоже предприняли атаку,
и

солдаты, получив подтверждение
враждебных намерений ксеносов, удвоили
свои старания. Выплюнутый тварью луч
пропорол руку Мандрагора, и тот
взбесился.

Он напал на сарүти, размахивая огромным
цепным топором.

Я надеялся, что его убьют.

Протолкавшись сквозь окружающее меня
безумие к припаркованным машинам, я
увидел Даззо, по-прежнему стоящего на
коленях перед ужасным ларцом. Похоже, он
находился в трансе, не выпуская из рук
свою

нечестивую добычу.

Я побежал к нему.

Рядом со мной появился фишиг,
потерявший шлем. Его черную броню
заливала кровь.

- Тван! - прокричал он через плечо, и

затаскированный гугрунит побежал
следом

за нами, стреляя от бедра.

В сражающейся толпе стали взрываться
фанаты. В воздух полетели расчлененные
тела и осколки восьмиугольной плитки.

Пламя охватило один из транспортеров.

Мы втроем оказались ближе всех
остальных к «истинной причине». Один из
сарүти пробивался к ней же и уже
распихивал сгрудившихся вокруг ларца
рабов, пытаясь добраться шипастым

жезлом

до Даззо.

Судорожным ударом тварь опрокинула коленопреклоненного человека и выбила из его рук Некротек.

Малахит, до этого прятавшийся за «Лэнгспидером», неожиданно вскочил и метнулся за книгой. Сарүти нервно развернулся, пытаясь перехватить его, но Фишиг и Тван разнесли тварь на куски залпами из хеллганов. По мозаичной плитке

расплескалась клейкая серая жидкость.

Второй сарүти обрушился на убийц своего сородича, потрескивая электрическими разрядами. Тван затрясся и разлетелся дождем разноцветных брызг. Стоявшего рядом Фишига отбросило ослепительным

взрывом.

Времени, чтобы поточь ему, не оставалось. Малахит вцепился в книгу и убежал по плато, подальше от ожесточенных

боевых действий. Выстрелом из хеллгана я

оторвал ему ногу в колене, и он рухнул ничком. Когда я добежал до него, он полз вперед, оставляя за собой кровавую полосу и

пытаясь дотянуться до книги.

- Не трогай ее! - бросил я, стягивая с головы шлем и наводя хеллган свободной рукой.

Он увидел мое лицо и выругался. Я

опустился на колени и подобрал маленький

толик. Даже сквозь латные перчатки я

ощущал источаемый им жар. И некоторое время, словно загипнотизированный, я не мог думать ни о чем, кроме него. Стало понятно, почему Даззо застыл коленопреклоненным, после того как взял книгу. Содержащиеся в ней древние знания каким-то образом обрели собственную жизнь. Они волновались, шелестели, взывали ко мне.

Они звали меня по имени.

Эта книга знала меня. Она обращалась ко мне, просила открыть ее и познать содержащиеся в ней чудеса. Я и не думал сопротивляться. То, что она показывала мне, оказалось настолько невиданным, настолько

возвышенным, настолько красивым... Там открывалась природа звезд... А за звездами

удивительные механизмы, приводящие в действие сложную и восхитительную силу, которую мы слепо и ошибочно называем

Хаосом...

Я растегнул металлические зажимы, не позволявшие открыть книгу...

Неожиданно в мое сознание вторглась чужая, грубая ментальная энергия, разрушившая действие чар. Я начал поворачиваться и отвел глаза от раскрывшейся книги. Этого полуборотамне

хватило, чтобы избежать смерти.

Могучий удар опрокинул меня. В падении книга вывалилась из моих рук. На плитки хлынула кровь. Моя кровь.

Я откатился, чтобы уйти от следующего удара. Визжащие зубы цепного топора

разминулись со мной буквально на
толщину

волоса и раскрошили окровавленную
плитку.

Мандрагор, ублюбочное Дитя
Императора.

В слепой панике я отползал назад.

Источающий зловоние воитель Хаоса
стоял

прямо надо мной. Его древний силовой
доспех был залит человеческой кровью и

ихором ксеносов. Следующий его удар

практически полностью оторвал мне
левый

наплечник. Рана под ним выглядела

серьезной. Кровь стала образовывать лужу,
стекая по моей левой руке. Когда я

судорожно попытался отползти подальше,
то

понял, что поскользываюсь в собственной

крови.

Я хлестнул по Мандрагору своей Волей.

Это не было серьезным ударом, если
учесть

его пугающую ментальную мощь, но хотя
бы

заставило его пошатнуться.

Ценной топор с визгом рассек воздух над
моей головой.

Хеллган оказался вне зоны досягаемости...

Впрочем, я сомневался, что подобное
оружие

сможет оставить на броне монстра хотя
бы

вмятину. Я не мог отвести глаз от маски
на

его лице, сшитой из кусков кожи и
обтягивающей зияющую дыру рта.

Моя левая рука потеряла
чувствительность

и повисла. Но мне удалось встать на ноги и

вытянуть из ножен меч.

Это было прекрасное оружие, еще старого образца. Он не обладал материальным клинком, как другие, более грубые модели.

Меч состоял из инкрустированной рукояти

двадцати сантиметров глиной, прошитой серебряной нитью и завершающейся

энергетическим элементом. Сам Ректор

Ункас благословил этот меч для меня, призвав его «защищать всегда брата нашего, Эйзенхорна, от порождений зла».

Теперь мне оставалось только надеяться, что он не впустую тратил свое красноречие.

Я включил меч и отразил им следующий удар топора. При столкновении клинков во все стороны полетели искры и

металлические осколки. Неимоверная, звериная сила удара чуть не вырвала меч из

моих рук. Я отскочил на шаг или два, уходя

от следующего выпада. В голове у меня

плыло. Было это результатом кровопотери

или следствие чар Некротека, я не мог сказать.

Мандрагор дошел в своей ярости до белого каления. Меня все-таки было чертовски трудно убить. Однако я не мог избавиться от

пугающего чувства, что долго так продолжаться не может.

Он снова бросился вперед, возвышаясь надо мной, словно башня, и мне опять удалось отклонить удар ценного топора. Но

он немедленно возвратным движением
ударил меня рукоятью топора в грудь.
Меня

даже оторвало от земли и отбросило на
несколько метров.

Я неудачно приземлился на раненое
плечо. Вспышка боли на секунду лишила
меня чувств. Большого Десантника Хаоса
и
не требовалось.

Он приблизился ко мне в два шага по
залитой кровью мозаике и с рычанием
занес
топор. Извернувшись, я пинком отправил в
него Некротек. Книга стукнулась о тыс
огромного сапога.

- Не забывай, зачет пришел, выродок! -
прохрипел я.

Мандрагор Гнилостный - сын Фүлгрита,

достойный слуга Слаанеша, воитель
Детей

Императора, убийца живущих,
осквернитель

мертвых и хранитель тайн - остановился.

Разразившись хриплым смехом, он
склонился над книгой, не отводя от меня
своих жестоких глаз.

- Ты, инквизитор, даешь неплохие советы
гля...

Его закованные в сталь пальцы коснулись
Некротека. Книга полностью утонула в
исполинской лагони. Голос монстра замер.
С

его отвратительного лица ушло

триумфальное выражение, выветрился
гнев, угасла жажда крови. Безжизненная
маска его

лица словно повисла на удерживающих ее

швах. В глазах Десантника Хаоса
потускнел
кровавый блеск.

В каждой клетке, в каждой частичке его
развращенного существа пел Некротек,
похищая у монстра возможность
адекватно

воспринимать окружающий мир.

Пошатываясь, я поднялся на ноги, сжал
рукоять энергетического меча и отсек
противнику голову.

Не успев еще даже удариться о землю,
голова раскололась и запылала белым
пламенем, капая жидким огнем на
восьмиугольные плитки. Пылающий шар
ударился оземь, подпрыгнул и разлетелся
яростным, нечистым огнем, от которого
вскоре остались только почерневшие
осколки кости и дымящееся, выжженное

нятно на металле.

Түловище, запаянное в силовой доспех, оставалось стоять, выгорая изнутри. Из дыры, где раньше была шея, взметались языки отвратительного зеленоватого огня. В

воздух поднимался столб мерзкого черного дыма. Огонь быстро перекинулся на мерцающий плащ, и яркое пламя окружило безголовый металлический остов.

В последний момент я отсек мечом кулак Мандрагора, и зажатый в нем Некротек выпал. И я снова услышал зов. Книга утोलала

меня поднять ее, погрузиться в заключенные

в ней чудеса.

О, какие это были чудеса! Меня просто разрывало между этим дьявольским зовом

и

долгом. Этот предмет необходимо было уничтожить, но ведь он обещал такое великое знание! Разве не могла Инквизиция, да и весь Империя в целом, использовать

это знание с благой целью? Умел ли я право

уничтожать нечто столь бесценное?

Отчасти, как пуританин, я не сомневался в

этом. Но другой части меня было ненавистно

такое отношение. Ведь знания - это только

знания? Зло прорастает в делах, а не в знаниях. А тут такой кладёзь...

Может быть, стоило прочитать хотя бы одну или две странички, чтобы принять правильное решение...

Я потряс головой, чтобы избавиться от
торока. На меня тут же снова обрушился
шум сражения. Я посмотрел на плато,
посреди которого гытилось тело

Мандрагора и лежал, истекая кровью,
Малахит. Сражение распалось на
несколько

локальных стычек, и всю мозаичную
площадку сплошь устилали трупы и
түсор.

Оба транспортера пылали. Сарүти үшли,
забрав с собой тела сородичей. Түдүрүнские
стрелки, на мой взгляд, явно превосходили
числом чернопанцирников. На ногах
оставалось не так үж много людей, и мне
никак не удавалось үвидеть кого-нибудь из
своей команды.

Зато ко мне направлялся Оберон Гло,
сжатая в правой руке лазерный пистолет.

Его великолепный плащ был изодран, а на

лице запыкала кровь.

- Брось оружие, Гло. Все кончено.

- Для тебя - да. - Он поднял пистолет.

На одном из полыхающих транспортеров
детонировали боеприпасы и

ошеломительным взрывом разметали

бронеташину в клочья. Осколки брони и

сегменты траков загудели в воздухе,
словно

ракеты. Кусок оси вонзился в затылок
лорда

Гло. Он упал без звука.

Я подобрал обломок черного панциря и

подцепил им Некротек. Мне больше не

хотелось слушать его увещевания. С

помощью этого самодельного совка я
скинул

книгу прямо в топку пылающего господина

Мандрагора.

Языки пламени стали красными, а потом потемнели. Огонь стал сильнее. Раздался чей-то безмолвный крик.

Я похромал прочь от этого погребального костра. Малахит еще был жив и уже пришел в себя.

- Лок, помоги! Пожалуйста! - кричал он хриплым голосом.

Один из армейских «спикеров», стоявших на плато, взмыл в воздух. За рулем сидел Горгон Лок, а рядом с ним вжимался в кресло

Даззо. Через мгновение разогнавшийся «спидер» скрылся за острыми пиками, направляясь сквозь анфиладу арок к бесконечному пляжу.

И Мигас, и Биквин, и Эмос, и Ловинк выжили в этой жуткой битве, хотя все

получили легкие ранения. В живых также
остались две дюжины гудрунитов,
включая

Джерусса.

Эмос собрался осмотреть мою рану, но я
потребовал просто перевязать ее, чтобы
остановить кровотечение. Мне не
хотелось
терять время.

- Думаю, благоразумнее будет вначале
выбраться отсюда, - сказал я.

Фишига положили на кустарные носилки.

Оружие сарути, уничтожившее Твана,
лишило его руки и половины лица. К

счастью, он потерял сознание. Его несли
два

гудрунских стрелка.

- Очень неприятно об этом говорить, но
нам надо взять и его, - сказал я Мугасу и

Джерүссү, указывая на корчащегося

Малахита.

- Уверен? - спросил Бетанкор.

- Инквизицию может заинтересовать то, что хранится в его голове.

Наше изрядно побитое и обогранное войнство покинуло темное нагорье и вернулось той же дорогой к туманному пляжу. Грохотность и частота грозовых разрядов увеличились, а небо начинало темнеть.

- Такое ощущение, - зловеще проговорил Эмос, - как будто этому месту приходит конец.

- И не хотел бы я находиться здесь, когда это случится.

Оказавшись на берегу, мы увидели, как отчаливают два имперских фрегата и

торговое судно. Поднявшийся ветер нес с собой аттиачную вонь. Мугас и Ловинк, чьи

вакуумные костюмы остались в относительной целости, отправились за нашим боевым катером.

В моем воксе раздался треск. А потом неожиданно прорезался голос Максиллы:

- Эйзенхорн? Во имя всего святого, ты там? Ты там? Только что улетели три корабля, они прошли прямо мимо меня!

Условия становятся хуже. Я не стогу долго

здесь удерживаться. Отвечай! Пожалуйста, отвечай!

- Максилла! Это Эйзенхорн! Ты меня слышишь? Необходимо, чтобы ты подошел ближе и подобрал нас. У нас раненые... Фишиг и еще несколько. Тут все вокруг

разрывается. Повторяю, необходимо,
чтобы

ты погвел к нам «Уссин» и подобрал нас!

Несколько мгновений я слышал только
шипение статики. А потом он ответил:

- Как скажешь, Грегор, но это будет
нелегко. Повтори, что ты говорил о
фишиге?

- Он ранен, Максилла! Быстрее сюда и
погбери нас!

- Поспеши! - закричала через мое плечо

Биквин. - Мы не хотим здесь больше
оставаться!

Опять шум статики.

- Передай Елизавете, что я с ней

солигарен! Ха! Эхо больше не обгоняло
звук, аномалии нормализовывались. Но от
этого

наши дела лучше не становились.

Глава двадцать первая

СОБРАНИЕ ЗНАТИ

РАЗЫШЛЕНИЯ ЛОРДА

РОРКЕНА

ТАЙНЫ МАЛАХИТА

Спустя два дня, уже на борту «Иссина»,
ставшего на якорь вне опасных пределов

системы КСХ-1288, мы встретились с

Имперской оперативной группой,
высланной

нам в помощь с Гудрун.

На то, чтобы сбежать с готовой

расколоться планеты, нам потребовалось

менее двух часов. Как Эмос и

предсказывал, окружавшее нас

пространство растворялось, словно

бесконечное царство моря, пляжа и

нагорья было только гениальной иллюзией,

спроектированной сарүти специально для

проведения встречи с человеческими

«гостями». Пока мы летели на боевом
катере

к дожидавшемуся нас «Уссину»,
зеленоватый

туман стал таять, а атмосферное
давление

падать. Нас окружила буря, и снова

вернулось воздействие естественной

гравитации. И планета стала
разваливаться.

К тому времени, как Максилла со всей

возможной скоростью выводил «Уссин» по

анфиладе арок, от тех глубин, где мы

встретились с представителями чуждой

расы, остался только темный водоворот

атмиака. Наши хронометры вновь шли
как

положено.

Мы покинули гибнущую планету, сражаясь

со звездным огнем и гравитационными штормами, вырываясь за пределы системы.

Спустя сорок минут после нашего отлета сенсоры, установленные на корме корабля, уже не находили и следа разлома, сквозь который мы вошли в то странное место, словно рана сожмнулась или вообще никогда не существовала.

Как сарүти добрались до этого места и каким образом ушли, я не имел ни малейшего понятия, и даже Эмос не в силах

был предложить ни одной вразумительной гипотезы. Мы не обнаружили никаких признаков других кораблей или других точек

выхода в коре планеты.

- Они живут внутри планеты? - спросил я

архивиста, когда мы стояли на смотровой площадке и разглядывали удаляющуюся звезду в иллюминаторы, защищенные светофильтры.

- Вряд ли. Их технологии находятся за пределами моих знаний, но чувствую, что они могли прийти на плато через те сводчатые проходы из другого мира. Это было место, которое они построили специально для встреч.

Эта мысль находилась за пределами моего

воображения. Эмос говорил о межзвездной телепортации.

За пределами системы КСХ-1288

обнаружился короткий след кораблей еретиков. Насколько Максилла мог определить по следам двигателей и

возмущению в Варне, три судна, которые,
без

сомнения, несли Даззо и Лока,
объединились

со стоявшей там флотилией и
практически

тут же ушли в Умлатериум.

Другие варн-индикаторы доложили, что
оперативная группа приблизится не более
чем через два дня. Мы выпустили
гравитационный якорь и стали ждать,
занившись зализыванием ран.

...

Тридцатью неделями ранее, еще когда мы
только отбывали с Дамаска, я отправил
на

Гудрун с помощью Ловинка
астронавтический

запрос о помощи. Я постарался расписать
события настолько подробно, насколько

мог, и надеялся, что лорд
главнокомандующий

пришлет подмогу в виде военной
экспедиции. Я не стал требовать, как
обычно

поступали люди вроде Коммодуса Вока.
Мне

казалось, что безотлагательность и
важность

информации, содержащейся в моем
сообщении, должны говорить сами за себя.

Из Улматериума в боевом порядке вышли
одиннадцать кораблей: в авангарде
шли

шесть имперских фрегатов, выпустивших
перед собой звенья истребителей. За этой
передовой группой шли линейные корабли

«Вульпекүла» и «Святой Скифус» —
могучие, ужасные гиганты, каждый из
которых в три

раза превышал размерами фрегат. В
арьергарде следовало злобещее трио
крейсеров - черные суда Священной
Инквизиции. Это был не военный отряд.
Это
была ударная группа Инквизиции.

Мы обменялись приветствиями и
опознавательными кодами и отправились
в
тыл флота под почетным караулом
«Грозовых Ястребов». Шаттлы
переправили
раненых, включая все еще не пришедшего в
сознание фишига и плененного
Малахита, в
медицинский отсек на борту «Святого
Скифуса». Час спустя по требованию
адмирала Спатиана я также был
переправлен
челноком на линкор. Там ждали моего
доклада.

Надев черную униформу и кожаный плащ,
я закрепил под горлом инквизиторскую
инсигнию. Моя левая рука была туго
притянута к телу хирургическим лубком.

Меня сопровождал Эмос, облачившийся в скромные зеленые одеяния.

В гүлком стыковочном отсеке «Святого Скифүса» нас встречал прокуратор Ольм Магортин, сопровождаемый отрядом имперских штүрмовиков. На Магортине была та же белая үниформа, что и при первой нашей встрече. Синие панцири его солдат үкрашали золоченые эмблемы и знаки отличия.

Магортин отсалютовал мне, и мы вместе

зашагали к лифтам, которые должны были

поднять нас на командную палүбү.

- Как идет подавление мятежа? - спросил я.

- Довольно успешно, инквизитор. Лорд

главнокомандующий объявил Геликанский
Раскол подавленным, но на Трациане все
еще неспокойно.

- Потери?

- Изрядные. Но большей части среди
населения зараженных ересью планет. Но
есть жертвы и среди флота, и среди
гвардейских полков. Предательство лорда
Гло дорого обошлось Империи.

- Измена лорда Гло стоила ему самому
жизни. Тело его гниет на безымянной
планете в покинутой нами системе.

- Ваш повелитель будет доволен.

- Повелитель?

Верховный Инквизитор Филебас

Алессандро Поркен восседал на траторном
троне в дальнем конце аудитории,
похожей

на часовню и расположенной двѣ
палубати ниже мостика «Святого
Скифуса».

Я дважды встречался с ним прежде, но не
чувствовал себя от этого более уверенно.
Он

носил простую темно-красную мантию,
накинутую поверх черной униформы, и
перчатки. На нем не было никаких
украшений, если не считать
должностного

золотого кольца с печаткой. Строгая
простота одеяний, казалось, только
подчеркивала его властность. Он брил
голову

наголо и носил небольшую раздвоенную
бородку. Глубоко посаженные глаза
Роркена

светились интеллектом и мудростью.

Его окружала свита. За троном

расположились десять

инквизиторов-послушников в чине

дознавателей и ниже, они держали знамена, священные огнеметы, шкатулки со свитками

и планшетами, сверкающие инструменты

для пыток на красных атласных подушках и

открытые псалтыри. По бокам стояли четыре

телохранителя в красных плащах, удерживая

вертикально двуручные мечи. Забрала их

шлемов, выполненные в виде масок, придавали им сходство с четырьмя святыми

апостолами: Олиосом, Джериго, Манеззером

и Кагмоном. Маски были невыразительными

и наивными, почти как на

иллюстрированных манускриптах
древности. Неподдалеку ожидала толпа
архивистов, облаченных в темные
одеяния, над которыми, визжа и
перестеиваясь, кружила на
антигравитационных золотых
крылышках дюжина херувимов-сервиторов,
с телами трехлетних детей и лицами
злых горгулий.

- Подойди, Эйзенхорн, - произнес лорд
Роркен тихим голосом, который тем не
менее легко можно было расслышать в
любом конце зала. - Все подойдите.

При этих словах из боковых нефов вышли
и другие люди, занявшие свои места по обе
стороны трона. Среди них был адмирал
Спатиан, древний тощий гигант в белой
униформе, сопровождаемый несколькими
старшими офицерами. Практически все

остальные были инквизиторами. Титус
Эндор, в своем красно-коричневом плаще,
шел без сопровождения, если не считать
женщины-архивиста. Он ободряюще кивнул
мне, когда я проходил мимо. Шаркающему
сухарю Котмогусу Вок помогал занять
свое
место высокий мужчина, одетый в черное.
Голова человека была лысой, если не
считать
нескольких хилых прядей. Его затылок,
шею
и лицо покрывали мертвенно-бледные
коллоидные рубцы - последствия ран и
хирургической операции. Это был Хелдан.
Встреча с карнодоном не пошла на пользу
его внешности. Так же как и Эндор, Вок
кивнул мне, хотя и не слишком
дружелюбно.

Рядом с ним шел коренастый и полный инквизитор Шонгард, чья черная металлическая маска оставляла видимыми

только воспаленные глаза. Когда он занял свое место, по бокам от него встали две стройные, гибкие женщины. Судя по их внешнему виду, они являлись членами какого-то из культов Смерти. Женщины были практически обнажены, если не считать за одежду обильные татуировки, шипастые шлемы и ремни, на которых крепились мечи.

Напротив Шонгарда сел Конрад Молитор, ультрарадикальный член нашего Оргоса, и к

этому человеку я не испытывал ни любви, ни

уважения. Молитор был плотно сложенным, атлетичным мужчиной,

одежды в

бронекостюм, расписанный черными и
желтыми клетками. А поверх он надел
отполированную серебряную кирасу.
Волосы

радикала были коротко подстрижены,
монзюра выбрита. Он производил
впечатление монашествующего воина
эпохи

Первого Крестового Похода. Позади
Молитора стояли три закутанных в
мантии

помощника, один из которых нес богато
украшенный энергетический меч
инквизитора, другой - серебряную чашу и
металлический поднос, а третий -
реликварий и курящееся кадило.

Ультрарадикал не сводил с меня своих
ярко-желтых глаз.

Последним вошел и занял свое место по правую руку от лорда Роркена гигант в черном силовом доспехе, Космический Десантник из ордена Караула Смерти, верный воин Орда Ксенос. Караул Смерти является одним из Орденос Космического Десанта, созданных специально для нужд Инквизиции. Они были скрытны и таинственны даже по стандартам благословенных Агенти Астармес. При моем приближении воин снял шлем и водрузил его на свое бронированное колено, открывая бледное лицо с могучей челюстью и седыми, коротко подстриженными волосами. Его тонкие губы хмуро скривились. Слуги принесли для меня кресло, и я занял

свое место напротив Верховного

Инквизитора. Рядом встал Эмос.

- Мы читали твой предварительный
рапорт, брат Эйзенхорн. Интересная
история. И весьма важная. - Лорд Роркен
поставил последнее слово. - Вы
преследовали флот еретиков Гло до этого
забытого Богом-Императором внешнего
мира в уверенности, что они
запланировали

некую торговую сделку с расой ксеносов. И,
как ты заявил, целью этой сделки было
обретение некоего предмета, чья природа
угрожает безопасности и праведности
нашего общества..

- Я сообщил истинную правду, Верховный
брат.

- Брат, мы всегда знали тебя как

серьезного и честного человека. Поэтому
и

не сомневается в твоих словах. В конце
концов, разве не прибыли мы сюда

несколько... необычно большими силами? -

Он обвел рукой зал, и в ответ зазвучал
стех, но большей части принужденный и
исходящий в основном от Молитора и
Вокса. -

Так что же это был за предмет?

- Чужие обладали одной из копий

богохульной и запрещенной работы,
известной нам под названием «Некротек».

Реакция не заставила себя ждать.

Послышались удивленные, тревожные и
недоверчивые возгласы. Вокс, Молитор и

Шонгард выкрикивали какие-то

настешливые вопросы. Собравшиеся в зале

слуги, послушники и ассистенты начали

активно переешентываться.

Херувимы заверещали и скрылись позади трона лорда Роркена. Сам Верховный Инквизитор с сомнением поглядел на меня.

И даже угрюмый Костический Десантник скептически поднял бровь.

Лорд Роркен совершил легкое мановение, и гвалт стих.

- Это подтвердилось, брат Эйзенхорн?

- Да, лорд. Я видел книгу собственными глазами и чувствовал исходящее от нее зло.

Это был Некротек. Как мне удалось выяснить, ксеносы - известные как сарүти

наткнулись на утерянную копию тысячи лет

назад, а недавно установили связь с кликой

Гло, согласившись обменять книгу на
определенные артефакты,
принадлежащие
их культуре.

- Неленость! - плюнул Колмогус Вок. -

Некротек всего лишь глупый миф! Эти

свихнувшиеся грязные чужаки
сфабриковали

какую-то чушь в качестве приманки для
легковерных еретиков!

Я посмотрел на Вока и повторил:

- Я видел его собственными глазами и
чувствовал его зло. Это был Некротек.

Адмирал Спатиан посмотрел на лорда
Роркена:

- А эта вещь... эта книга действительно
настолько ценна, что еретики бросили бы
ради нее весь субсектор в открытое

восстание?

- Она бесценна! - крикнул Молитор на весь зал. - Ей нет цены! Если легенды, рассказывающие о ней, хоть капельку верны, то в книге содержатся знания, превосходящие наши самые смелые фантазии! Ради получения ее еретики не стали бы долго раздумывать над уничтожением целых миров, над принесением в жертву всего, чем обладают...

Столь велико могущество, которое может дать книга.

- С самого начала было понятно, - тихо произнес Эндор, - что ставки в этом деле невероятно высоки. Хотя я и потрясен новостями брата Грегора, но не удивлен. Только такая реликвия, как Некротек,

могла

лежать в основании всей этой бойни.

- Но Некротек... это ведь такая вещь! -

зашипел Шонгард.

- Удалось ли еретикам совершить сделку,
инквизитор Эйзенхорн? - внезапно спросил

Костический Десантник, глядя мне прямо
в

глаза.

- Нет, брат-капитан, не удалось. Нам

пришлось действовать отчаянно и
довольно

рискованно, но мы смогли сорвать встречу
с

ксеносами сарүти. Чужие сбежали, а
большая

часть авангарда еретиков, включая лорда
Гло

и потогавшее ему нечестивое Дуня

Императора, была убита.

- Я читал о Мандрагоре в вашем рапорте,

сказал Десантник. - Упоминание о нем стало

ключевым пунктом, оправдывавшим присоединение моего отряда к этим войскам.

- Дети Императора, да будут их души прокляты Террой, очевидно, сами хотели

заполучить книгу. Они послали Мандрагора, чтобы помочь Гло в заключении сделки. То, что подобные существа отнеслись к

происходящему серьезно, подтверждает правдивость моих слов.

Благородный Десантник кивнул:

- И говоришь, Мандрагор мертв?

- Я лично прикончил его.

Воитель Караула Смерти слегка откинулся

назад, удивленно приподняв брови.

- Кому-нибудь из еретиков удалось пережить проведенную вати зачистку? - спросил Шонгард.

- Двум ключевым членам этого преступного сговора, брат. Торговцу Горзону

Локу, который, как я понимаю, заключал первоначальное соглашение между сарүти и

шайкой Гло. И вместе с ним сбежал

экклезиарх по имени Даззо, обеспечивавший

духовную поддержку всего их предприятия.

Они сумели сбежать в ходе сражения, воссоединиться с остатками дожидающегося

их флота и покинуть систему.

- Место назначения? - спросил Спатиан.

- Все еще вычисляем, адмирал.

- Сколько у них кораблей? Проклятый предатель Эструт сбежал с пятнадцатью судами.

- Он потерял по меньшей мере два фрегата в системе КСХ-1288. Но к ним присоединилось нестандартное торговое судно, принадлежащее Локү.

- Так они просто взяли ноги в руки и сбежали побежденными или же у них намечены еще какие-либо дела? -

поинтересовался лорд Роркен.

- Прежде чем ответить на этот вопрос, мой

лорд, мне необходимо провести еще кое-какие исследования.

Спатиан поднялся с кресла и посмотрел на

Верховного Инквизитора:

- Даже если они просто убегают, мы не можем позволить им скрыться. Их необходимо выследить и уничтожить.
Прошу

разрешения переформулировать задачу, поставленную перед военной группировкой, и подготовиться к преследованию.

- Разрешаю, адмирал. Тогда заговорил

Молитор:

- Никто не задал самого важного вопроса нашему героическому брату Эйзенхорну, - произнес он, придав слову «героический» весьма нелестный оттенок. - Что случилось с

Некротеком?

Я повернулся к нему лицом:

- Я сделал то, что должен был бы сделать любой из нас, брат Молитор, - сжег его.

В зале опять поднялся шум. Молистор вскочил на ноги, обвиняя меня не в чем ином, как в ереси. Шонгарг зашипел в поддержку этих обвинений, в то время как Эндор и Вок пытались их отклонить. Но всему залу спорили и орали люди, входящие в свиты. Молчали только мы с Эмосом и капитан Караула Смерти.

Лорд Роркен встал с трона:

- Хватит! - Он повернулся к негодующему Моли-тору. - Озвучь свои претензии, брат Молистор. Кратко и простыми словами. Молистор кивнул и облизнул губы, шаря желтыми глазами по залу:

- Эйзенхорн должен понести самое строгое осуждение за этот акт вандализма!

Некротек может быть сколь угодно
нечистой

и запретной работой, но мы же
Унквизиция, мой лорд! По какому праву он
вот так

запросто уничтожил книгу? Подобный
предмет необходимо было изолировать и
предоставить для изучения наиболее
сведущим из наших ученых! Уничтожить
ее

значило безвозвратно утратить знания,
мудрость и тайны, выходящие за пределы
нашего воображения! То, что содержалось
в

Некротеке, могло предоставить нам
новую

информацию о заклятом враге
человечества!

Неоценимую информацию! Только
представьте, как это могло укрепить нас
и

вооружить в этой бесконечной войне!

Эйзенхорн опозорил самое сердце нашей
Священной Инквизиции!

- Брат Шонгард?

- Мой лорд, я соглашусь с прозвучавшим
обвинением. Эйзенхорн совершил ужасный
и

необдуманный поступок. Тщательное
изучение Некротика могло предоставить
нам

массу полезных данных. Содержащиеся в
книге тайны послужили бы оружием
против

наших врагов. Я аплодирую его
решиительным действиям по
уничтожению

Гло и их клики, но уничтожение этих
окультурных знаний заслуживает только
осуждения.

- Брат Вок? Что с... - начал говорить лорд

Роркен, но тут я не выдержал и перебил его:

- Это суд, мой лорд? Меня судят?

- Нет, брат, тебя не судят. Но необходимо проанализировать и оценить значимость твоих действий. Брат Вок?

Вок поднялся:

- Эйзенхорн прав. Некротек был мерзостью. Ересью стало бы позволить ему существовать дальше!

- Брат Эндор?

Титус не стал вставать. Он повернулся в своем кресле и посмотрел на Конрада Молитора:

- Грегор Эйзенхорн может рассчитывать на полную поддержку с моей стороны.

Выслушав твои забывания, Молитор, мне стало интересно, кого же я вижу перед собой? Радикала? Несомненно.

Инквизитора? Сомневаюсь.

Молитор в ярости снова вскочил на ноги:

- Мальчишка! Ублюдочный сын блудницы!

Да как ты смеешь?

- Запросто, - хмыкнул Эндор, откидываясь назад и складывая руки на груди. - И ты, Шонгард, не лучше. Позор вам! Каким тайнам, на ваш взгляд, мы могли научиться, кроме тех, что помогут осквернить наши умы

и подорвать нашу праведность? Некротек некогда уже был запрещен нашей организацией. Нам нет необходимости знать

его содержание, чтобы принять этот запрет!

Все, что нам нужно, так это драгоценное знание, что грязную книгу необходимо уничтожить, не читая и не спуская с нее глаз.

Скажите мне, неужели вам и в самом деле

необходимо самим подценить сифилис

Узлурина, чтобы понять, что он смертелен?

Лорд Роркен улыбнулся при этих словах и посмотрел на Космического Десантника:

- Брат-капитан Куанвольф?

Капитан скромно пожал плечами:

- Лорд, я командую ликвидационными

бригадами, занимающимися истреблением

чужаков, мутантов и еретиков. Этику просвещения и книжные познания обычно оставляю ученым. Впрочем, какова бы ни

была ценность этой книги, я бы сжег ее
без

малейших размышлений.

Наступило долгое молчание. Иногда мне

приходится радоваться, что никто
больше не

увидит, как я улыбаюсь.

Лорд Роркен сел на место.

- Возражения моих братьев учтены. Сам я
поддерживаю Эйзенхорна. Учитывая
экстремальность условий, в которых ему
пришлось действовать, он выбрал
наилучшее
решение.

- Благодарю, мой лорд.

- Предлагаю разойтись и обдумать
сложившуюся ситуацию. Мне бы хотелось
услышать предложения по дальнейшим
действиям в течение четырех часов.

- И что дальше? - спросил Титус Эндор.
Когда мы сидели в его каюте на борту
«Святого Скифуса».

Сервитор в виде женщины принес нам
превосходного атасека, вызревавшего в
бочках из дерева нал.

- Надо произвести зачистку оставшихся в
живых, - сказал я. - Я говорю про Даззо.
Пока

и тех, кто прижнулся к ним. Возможно,
они

отказались от своей цели и бегут.
Возможно, они будут бегать от нас
годами. В их

распоряжении эскадра боевых кораблей, и
они захотят этим воспользоваться. Я
буду

настаивать на том, чтобы выследить их
и

покончить с этим печальным делом раз и

навсегда.

Эмос вошел в комнату, почтительно поклонился Эндору и вручил мне информационный планшет.

- Астронавигаторы адмирала закончили высчитывать курс флота еретиков. Их расчеты совпадают с теми данными, которые

только что передал мастер Максилла.

Я просмотрел данные.

- Титус, у тебя есть карта?

Он кивнул и включил вычислитель,

прикрытый стеклом. Поверхность устройства

засветилась, и Эндор ввел коды с планшета.

- Итак... они бегут за пределы Империи.

Что неудивительно. Но и не в беззаконные территории Мутных Звезд.

- Их күрс лежит сюда. 56-Цзар. Расстояние
в десять недель.
- Территория сарүти.
- Самое сердце территории сарүти.
Верховный Инквизитор Роркен серьезно
кивнул:

- Похоже, как ты и говоришь, брат, наши
дела оказались более далеки от
завершения, чем мы думали.

- Они не могут больше рассчитывать на
сарүти как на союзников или полагать,
что те

предоставят им безопасную гавань. Союз
между кликой Гло и ксеносами был
хрупким

и поверхностным. И мир, существовавший
между ними, уничтожен стычкой. У Даззо
должны быть какие-то другие причины
отправляться туда.

Лорд Роркен задулчиво мерил шагати
свои апартаменти, покручивая
перстень-печатку на безымянном пальце.

Сонм херувимов тревожно попискивал,
рассевшись по спинкам кресел и диванов.

Дергая своими уродливыми головами из
стороны в сторону, они внимательно
следили за мной, пока я дожигался
ответа.

- Мое воображение слишком сильно
разыгрывается, Эйзенхорн, - наконец
произнес он.

- Я настаиваю на том, чтобы лично
допросить археоксенолога Малахита.
Уверен, что он может предоставить нам
дополнительные сведения. И еще я уверен в
том, что он не будет столь стоек, как
спесивый аристократ Уризель.

Роркен остановился и решительно

хлопнул в ладони. Испуганные херувимы
вспорхнули в воздух и закружили под
потолком.

- Мы немедленно отправляется к 56-Цзар,

- сказал лорд Роркен, игнорируя их

верещание. - Все, что удастся выяснить,
ты

должен сообщать мне без промедления.

Служба военно-костической безопасности

поместила Джиролато Малахита под
охрану

в медицинском отсеке корабля.

Нанесенные

мною раны исцелили, но не стали
утраждать

себя созданием протеза для его ноги. Мне
не

терпелось вызнать его тайны.

Я прошел мимо освещенного холодным

светом лазарета и навестил Фишига.

Исполнитель еще не приходил в сознание, но

врач сказал мне, что его состояние

стабильно. Годвин лежал на кровати, закрытой пластиковым тентом. Он был

подключен к похрипывающим

искусственным легким и булькающим

рециркулятором крови. Его израненное тело

скрывалось под бинтами, синтеплотью и металлическими зажимами.

От лазарета я отправился по холодному коридору, показал инсигнию караульным и

вошел в тюремный отсек. Я уже проходил

второй пост охраны, расположенный прямо у

трачных камер, когда вдруг услышал крик.

Я отпихнул охранников и, с ними по

пятам, бросился к грязным дверям камеры.

- Открывайте! - проорал я, и один из охранников завозился со связкой ключей. - Быстрее, солдат!

Двери камеры с треском распахнулись и явили моим глазам находящееся за ними помещение. Конрад Молитор и три его закутанных в мантии помощника обернулись

на меня, возмущенные вмешательством.

Хирургические перчатки на их руках были

покрыты, покрыты розовой пеной.

За их спинами, на горизонтальной металлической решетке, подвешенной на цепях к потолку, лежал стонущий

Джиролато Малахит. Он был более чем обнажен - с него содрали практически

каждый сантиметр кожи.

- Вызови хирургов. И терапевтов. И

сообщи лорду Роркену. Сейчас же! -
приказал

я охраннику и обернулся к Молитору. -

Может быть, объяснишь, что ты здесь
делаешь?

Думаю, он предпочел бы не отвечать мне,
а его слуги явно приготовились броситься
на

меня и вышвырнуть из катеры.

Но дуло моего автоматического
пистолета

установилось прямо между потных бровей

Конрада Молитора, и никто из них не
пошевелился.

пошевелился.

- Я провожу вопрос заключенного... -

начал он.

- Малахит мой заключенный!

- Он находится в ведении Инквизиции, брат Эйзенхорн...

- Это мой заключенный, Молитор! Мое право допросить его первым подтверждено инквизиционными протоколами!

Молитор попытался отойти, но я твердо продолжал держать его череп в прицеле. Его

глаза отчетливо отражали ярость радикала, вызванную таким обращением, но он

старался сдерживаться, понимая, что меньше

всего ему сейчас нужно провоцировать меня.

- Я... я беспокоился за твое здоровье, брат.

- Молитор попытался успокоить меня. Ты

был ранен, устал, а Малахита необходимо

было спросить со всей поспешностью. И я решил, что смогу облегчить твою задачу, если приступлю к...

- Приступишь? Да ты уже почти убил его!

Я не верю твоим оправданиям, Молитор.

Если бы ты и в самом деле хотел мне помочь, то спросил бы разрешения. Тебе захотелось

единолично завладеть его секретами.

- Ничтожная ложь! - плюнул он.

Большим пальцем я снял пистолет с предохранителя. В узкой камере с металлическими стенами щелчок прозвучал

очень громко и угрожающе.

- Да неужели? Ну так расскажи мне, что вам удалось узнать.

Молитор колебался.

- Он упорствовал. Нам практически

ничего

не удалось добиться от него.

По тюремному коридору застучали сапоги.

Охранники вернулись с гвутья корабельными

хирургами, облаченными в зеленые халаты, и четверкой санитаров.

- Во имя Трона Терры! - воскликнул один из врачей, увидев изувеченного человека, лежащего на решетке.

- Доктор, сделайте все, что сможете.

Стабилизируйте его состояние.

Врачи поспешно приступили к работе, выкрикивая санитарам названия

инструментов, приборов и запрашивая

время от времени свежие перевязочные

материалы. Малахит снова застонал.

- Угрожать смертью имперскому

инквизитору - это очень серьезное
преступление, - произнес один из
закутанных помощников, делая шаг
вперед.

- Лорд Роркен будет недоволен, - сказал
второй.

- Уберите оружие, и наш господин будет
сотрудничать с вами, - добавил третий.

- Прикажи своим прихвостням
заткнуться,

- сказал я Молитору.

- Пожалуйста, инквизитор Эйзенхорн, -
снова донесся из-под темного капюшона
тихий голос третьего помощника. -

Произошла глупая ошибка. Мы
постараемся

загладить свою вину. Уберите оружие.

Голос казался странно уверенным и, говоря
за Молитора, проявлял удивительную

властность. Впрочем, окажись я на месте
радикала, так же могли бы действовать
Эмос
или Мугас.

- Забирай своих помощников и уходи,
Молитор. Мы продолжим этот разговор
сразу

же после того, как я встречу с лордом
Роркеном.

Все четверо быстро ушли, и я убрал
пистолет в кобур.

Хирург подошел ко мне, покачивая
головой:

- Этот человек скончался, сэр.

...

По запросу лорда Роркена старший
экклезиарх суда предоставил в наше
распоряжение огромную корабельную
часовню. На судовых клириков ярость

Верховного Инквизитора произвела очень сильное впечатление.

И хотя медики поместили изувеченное тело Малахита в стазис-поле, у нас оставалось мало времени, чтобы исправить

вред, нанесенный вмешательством Молитора.

Лорд Роркен хотел было сам провести допрос, но вспомнил, что долг обязывает его

вначале предложить это право мне.

Отвергать мою кандидатуру значило бы поощрять нанесенное Молитором оскорбление, хоть бы Роркен и был Верховным Инквизитором.

Я ответил, что с благодарностью возьмусь

за это поручение, и добавил, что знание

всех

аспектов дела превращает меня в
наилучшего кандидата.

Мы собрались в часовне. Она представляла
собой глинный зал с резными колоннами и
мозаичным полом. Вихрь Улматериута,
бьющий за бортом корабля, подсвечивал
витражи, изображавшие победы
Императора. В зале стоял гул от
вибрирующих двигателей «Святого
Скифуса».

Ряды скамей и поднятые над залом ложи
были заполнены до отказа.
Присутствовали

все мои братья, включая Молитора,
который

просто не мог оставаться в стороне.

Вместе с Ловинком я прошел мимо нефов
к приподнятому постаменту, на котором

лежал погруженный в стазис Малахит.

Вокруг помоста собралось почти тридцать

астронавтов, привлеченных из личного состава корабля и инквизиторских

делегаций. Они о чем-то перешептывались, пряча свои бледные, оплывающие лица под

капюшонами. Некоторые из них

перемещались с помощью механических

каркасов, снабженных колесами, некоторые

восседали на носилках, несомых

сервиторами. Ловинк отправился

инструктировать их. Казалось, что он

наслаждается возможностью покомандовать

астронавтами, которые в обычных условиях

были куда выше его по званию. Ловинк не

обладал должной силой, чтобы в одиночку проводить этот обряд; его возможностей хватало только для обычных психометрических остотров. Но его познания в области моих способностей и опыта делали его ключевой фигурой в процессе объединения усилий многих астронавтов.

Я посмотрел на жалкие, обогранные останки Малахита в мерцающем стазисном

поле. Каким-то гротескным образом он напомнил мне о самом Боге-Императоре, вечно покоящемся в мощном стазисном поле

Золотого Трона и укрытом до конца времен

от смерти, изготовленной ему Хорусом.

Ловинк кивнул мне. Астронавтический хор

был готов.

Я остотрелся и нашел в толпе лицо

Эндора. Он занял место возле Молитора, исполняя обещание внимательно следить

для меня за этим вырождком. Шонгард сидел

почти в самом конце, пытаясь

дистанцироваться от проступка своего собрата-радикала.

Брат- капитан Куанвольф вместе с парой

своих внушающих ужас Костогесантников

занял место позади алтарного экрана. Все

они были облачены в силовые доспехи и

вооружены штурм-болтерами. Они пришли

не покрасоваться. Их присутствие было гарантией безопасности.

- Приступай, брат, - произнес лорд Роркен из своей ложи.

Хор принялся раскачивать изгибы варна
своей молитвой. Но залу пополнил
ментальный

холод, и люди в толпе застонали - кто-то
от

страха, кто-то от непроизвольного
всплеска

эмоций.

Коммодус Вок поднялся со своего места с
помощью трачного Хелдана и прошаркал
ко

тле. В качестве уступки лорду Роркену
за

разрешение провести этот обряд я

согласился, чтобы монодоминант тоже

принял участие в аутосеансе. К тому же
риск

и в самом деле был значительным. А два
ута

всегда лучше, чем один. А если по правде,

то

было здорово, что ментальная мощь этой старой рептилии оказалась на моей стороне.

- Убрать стазис-поле, - сказал я.

Стенание астронавтов стало громче.
Когда

призрачное поле угасло, мы с Вокот сняли перчатки и прикоснулись к липкому, лишенному кожи лицу еретика.

... Завеса варна раздвинулась. Вокруг меня клубился призрачный белый дым, похожий на пух. В ушах звенели вопли

бесконечности... вопли миллиардов и миллиардов душ, брошенных там...

... Вспыхнул синий свет, подобный грозovým толниям. Обрушился звук, в

котором стесались грохот землетрясения и

григорианский хорал давно сгинувших
храмов. Донеслись запахи гревесного дыма,
ладана, морской воды, крови...

... Меня обступила вселенская пүстота,
столь полная и бесконечная, что мой разум
оцепенел. Впрочем, это наваждение
отступило практически
мгновенно-достаточно быстро, чтобы не
унести с собой мой рассүдок...

... Еще одно мгновение. Красные вспышки.
Столкновение галактик, колеблющееся
пламя. Души пронзали Умматериум
подобно
кометам. Из-за непрочной завесы
пространства неслись голоса богоподобных
чүдищ...

... Мгновение. Океаническая тгла. Снова
григорианский хорал...

... Мгновение. Зарождение галактик,

заполненных зародышами будущих солнц...

... Мгновение. Холодный свет, древние
эры... Мгновение...

- Грегор?

Я огляделся и увидел Котмогуса Вока. Я
не узнал сразу его голос. Он казался более
мягким, словно происшедшее устирило дух
престарелого инквизитора. Мы стояли на
зеленом сланцевом склоне, под двойным
солнцем, нагнетающим неимоверную
жару.

Хребты иссушенных гор вздымались на
горизонте.

Мы пошли по гүлкомү сланцү в том
направлении, откуда доносился шум

экскаватора. Древняя монозадачная
машина, с гүсто смазанными поршнями,
зарывалась в

склон скалы с помощью навесных лап,

заканчивающихся совкатами. Из ее котла
вырывался пар и дым, а извлеченный
зеленоватый камень скидывался на ленту
транспортера.

Мы прошли мимо этого и других
экскаваторов туда, где сервиторы
отряхивали и отчищали предметы,
вытащенные из разрытого слоя, и
осторожно
укладывали их на подносы рядом с
остальными находками.

За их работой приставлял Малахит.

Здесь он был моложе, почти мальчишка,
загорелый и крепкий от работы и
постоянного пребывания на солнце. Он
носил бандану, шорты и свободную рабочую
рубашку. И вытирал пот со лба, оставляя
грязные разводы.

- Я догадывался, что вы придете, - сказал он.

- Будешь сотрудничать? - спросил я.

- У меня мало времени на разговоры, -

ответил он, наклоняясь, чтобы рассмотреть

предметы, только что положенные

сервитором на поднос. - Надо работать.

Через неделю, или около того, пойдут дожди, а здесь еще многое предстоит открыть.

Он знал, кто мы такие, но тем не менее не

мог полностью дистанцироваться от

окружающей его реальности.

- На самом деле, у нас масса времени на разговоры.

Малахит распрятился:

- Полагаю, ты прав. Знаешь, где мы

находится?

- Нет.

Он помолчал.

- Это один из периферийных типов.

Похоже, что я и сам забыл его название.

Но

здесь я был счастливее, чем где-либо еще.

Здесь все и начинается. Первые мои крупные

находки. Эти раскопки сделали меня

известным и создали мне репутацию

археоксенолога.

- Это последнее, о чем нам хотелось бы

сейчас беседовать, - сказал Вок.

Малахит кивнул, снял бандану и еще раз

вытер пот с лица.

- Но здесь все и начинается. Меня

прославят эти находки, меня станут

чувствовать в самых высоких кругах.

Пригласят на ужин в прославленный, благородный Дом Гло, где сделают

предложение стать их старателем. Сам

Уриэль Гло примет меня на работу и предложит крупную стипендию.

- Ну и к чему это приведет? - спросил я. -

Расскажи нам о сарути.

Он разозлился и отвернулся:

- Зачем? Что вы можете предложить мне?

Ничего! Вы убили меня!

- Мы можем помочь, Малахит. Облегчить

твою участь. Дом Гло обрек тебя на жуткую

судьбу.

Заинтересовавшись, он встретился со мной взглядом:

- Вы можете спасти меня? Даже сейчас?

- Да.

Он задумался, а затем поднял один из подносов. Его неожиданно наполнили восьмиугольные таблички с Дамаска.

- Знаете, у них когда-то была империя, - сказал он, вороша плитки и показывая некоторые из них нам. - Обломки были бы бесполезны. Здесь пиктографически записана их история. Впрочем, нашим глазам она недоступна. У сарүти нет ни глаз, ни ушей. Их первичными чувствами стали

обоняние и вкус. Они чувствуют ароматы реальности, включая даже запахи измерений. Углов времени.

- Как?

Он пожал плечами:

- Некротек. Это он искажил их. Империя

была маленькой, не больше сорока миров, но

очень древней к тому моменту, как к ним попала эта книга. Ее принесли с собой люди, бежавшие от преследования на Терре, в

очень давние времена. Благодаря своему восприятию, основанному на осязании, сарүти удалось получить от Некротекса больше, чем мог прочесть обычный человеческий глаз. С первой же пробы вкуса и

запах глубинных тайн Некротекса стали распространяться в их культуре, подобно лесному пожару, словно вирус, изменяя и искажая сарүти, даря им невероятное могущество. Но распространение этих знаний привело к войне... гражданской

войне, уничтожившей их империю,
оставившей за собой сгоревшие и
заброшенные миры. Теперь их
территория, какой мы ее знаем, разогнана
на далеко

разбросанные фрагменты.

- Они извращены? Я имею в виду как вы?

- спросил Бок.

Малахит кивнул:

- О, для них нет спасения, инквизитор.
Это

тот тип грязных ксеносов, которых
такие, как вы, учат бояться и презирать.
За свою

карьеру я встречался с несколькими
иными

расами и понял, что в большинстве
случаев

они не заслуживают ненависти, которую

Инквизиция и Экклезиархия сеют по

отношению ко всему нечеловеческому. Вы
непробиваемые дураки. Вы готовы
уничтожить все, что не подходит на вас...
Но в

данном случае вы оказались правы. Зараза
Некротека овладела сарүти. Не стоит
считать

их только ксеносами, это порождение
Хаоса.

Он поежился, словно на холодном ветру,
хотя оба солнца палили неустанно.

- А что насчет их ресурсов, военных
возможностей?

- Понятия не имею, - сказал он, снова
загрохав. - Они отказались от
костических

технологий века назад. Им они больше не
нужны. Как я уже и сказал, Некротек
деформировал их чувства. Они обрели

способность изменять углы пространства
и

времени, двигаться сквозь измерения. От
одного мира до другого. Они научились
искусству строительства в четырех
измерениях, созданию пространств,
существующих только в определенных
временных точках.

- Как то, где должна была состояться
сделка?

- Да. КСХ-1288 когда-то входил в состав их
империи и был уничтожен во время
гражданской войны. Они выбрали этот
мир, потому что он отдален от основных
их

населенных центров. Внутри планеты
специально для нас был выстроен
тетраскейн.

- Тетраскейн?

- Прошу прощения. Я ввел этот термин.

Думал, что когда-нибудь смогу изложить
все

на бумаге. Означает он искусственно

спроектированное, четырехмерное

окружение. В этом конкретном случае
оно

было сконструировано с климатом,

пригодным для людей. Понимаете, мы
ведь

были их гостями.

- Как заключалась сделка?

- Это все капер Лок. Он служил Дому Гло в

течение многих лет. Наемник,
бороздящий

космос по воле Гло. Он рискнул
отправиться

в пределы сарүти и в конечном счете
вступил

с ними в контакт. Затем ему удалось

узнать

про существование Некротека и выяснить, чего будет стоить книга его хозяевам.

- И сарүти согласились на сделку? - Я начинал терять терпение.

Время, без сомнения, уходило. Малахит снова угрожал.

- Холодно, - сказал он. - Вам так не кажется? Становится холоднее.

- Они согласились торговать? Ну давай же, Малахит! Мы не стоим поточь тебе, если

ты будешь молчать.

- Да... да, они согласились. Согласились за возвращение им артефактов и ценностей из

тиров, которые они покинули и к которым больше не имели доступа.

- Разве Некротек не был драгоценен для

них?

- К тому времени он уже был в их душах, в их умах... Вплелся в их генетический код.

Сама книга уже не имела значения.

- И тебя наняли, чтобы ты добывал материалы, необходимые Гло для сделки?

- Конечно. Они пообещали мне такое могущество... да вы и сами знаете...

Его голос затих. За далекими горами небо начинало темнеть. Усиливающийся ветер разносил сухую глину под нашими ногами.

- Дожди? - произнес Малахит. - Они не должны начинаться так рано.

- Сосредоточься, Малахит, или тебя унесет! Некротек уничтожен, сделка сорвана, а Дом Гло рассеян и побежден! Так почему

Лок и Даззо ведут свой флот в глубины

территории сарүти?

- Что такое? - резко спросил он, поднимая руку в требовании тишины.

Действительно, становилось холоднее, солнца заслонили бегущие облака. Удалека

доносилось едва слышимое заунывное погребальное пение.

- Так зачем они это делают? - сплюнул Вок.

Малахит посмотрел на нас как на идиотов:

- Пытаются исправить ущерб, который вы причинили их работе! Над высокородными и

могущественными повелителями Гло стоят и

другие повелители! Владыки, чей гнев непредставим! И за потерю Некрофека

предстоит отчитываться!

Я оглянулся на Вока.

- Ты говоришь о Детях Императора? -

спросил я Малахита.

- О ком же еще! Гло не смогли бы

проделать все это в одиночку, при всем

своим могуществом и влиянии. Они

заключили с этими монстрами договор о

поддержке и защите, взавен пообещав

поделиться с ними Некромоком. Теперь,

когда книга потеряна, Дети Императора

будут весьма недовольны.

- Так каким же образом они надеются

избежать их недовольства и возместить

ущерб? - спросил Вок, которого, так же

как и

меня, начинали беспокоить цвет неба и

звук, доносимые ветром.

- Заполучив еще один Некротек, -
догадавшись, ответил я за Малахита.
Археоксенолог похлопал в ладоши и
улыбнулся:
- Наконец-то утлая мысль! А я уж было
утратил всякую надежду. Отлично!
- Есть еще одна копия?! - запинаясь
спросил Вок.
- Сарүти ничего не стоило програть
человеческую копию Некротекса по той
простой причине, что у них есть
собственная, - сказал я, проклиная себя за
то, что не понял столь очевидную вещь с
самого
начала.
- И снова в точку! Она действительно у
них имеется! - Малахит ликующе
улыбался, хотя теперь его не отпускал
озноб, ему

необходимо было срочно согреться. -

Конечно, она написана в транскрипции
ксеносов, составлена на их... можно было
бы

сказать «языке», но мне кажется, что
больше

подойдет слово «аромат». Однако
содержащиеся в ней тайные знания те же
самые. Даззо и его повелители заплучат
Некротек, несмотря на вызванную тобой
задержку.

Сверкнула молния, ветер стал поднимать
вокруг нас стены пыли и ураганчики
сланцевой крошки.

- Время вышло! - закричал мне Вок.

- Как точно сказано, - заметил Малахит.

А теперь выполняйте обещание. Я
ответил на

ваши вопросы. Или вы не люди слова?

- Мы не в силах спасти тебя от смерти,
Малахит, - ответил ему Вок. - Но
терзость, с

которой ты собирался связать свою жизнь,
приближается, чтобы пожрать твою душу.

Мы можем проявить милосердие и
изгнать

твой дух прежде, чем это случится.

Малахит устехнулся, сланцевые
частички

отскакивали от его обнажившихся зубов.

- Будь ты проклят, Котлогус Вок.
Будьте

вы оба прокляты.

- Шевелись, Вок! - закричал я.

Малахит просто тянул время,
рассказывая

свою историю. Он чертовски хорошо знал,
что мы не сможем предложить ему
ничего, кроме быстрого конца. Но не это

интересовало его. Ему хотелось
отомстить.

Такова была его цена за наш разговор. Он
хотел удостовериться, что мы все еще
будем

там, когда придет конец, и утром вместе
с
ним.

Песок пустыни позади него взорвался
стерчем из камня и пыли. И словно гейзер,
из-под земли ударила колонна крови,
достигавшая дюжины километров в
высоту и

метров пятисот в ширину. Она
вздымалась

над нами, точно гигантское дерево,
покрытое гнойной плотью, сухожилиями,
түскүлами, порванными органами и
миллионати уставившихся на нас глаз.

Из полужидкого, бурлящего чүдища
высүнулись похожие на ветви отростки из

костей и связок, разогравшие Малахита
на
части.

Это была самая тотальная, самая
гибельная судьба, которая на моих глазах
когда-либо наступала человека. Но когда
это
случилось, археоксенолог продолжал
триумфально улыбаться.

Глава двадцать вторая

В НАСТУ ВАРНА

МАНДАТ НА ЗАЧУСТКУ

56-УЗАР

Психометрически воссозданные

воспоминания об окраинном мире и

археологических раскопках на нем

раскололись, словно отражение в
разбитом

зеркале. Но возвышающаяся над нами

монструозная башня осталась, резко
вырисовываясь на фоне смертельной тьмы
и
готовясь обрушить нас в бездну
страданий.

Я почувствовал, как Вок хлестнул
ментальным выплеском по твари, но по
осмысленности его поступок был сродни
действиям человека, пытающегося сдуть
сперч.

- Назад! - завопил я, но мне самому мой
голос показался пропадающим и далеким.
Я увидел, как Вок проваливается в бездну,
пытаясь дотянуться до меня. Я прокричал
его

иля и поймал за руку. Он заорал что-то в
ответ, но мне не удалось его расслышать.
Вместо ответа я услышал вопли, крики и
грохот огнестрельного оружия.

Я был распластан на холодном мозаичном полу часовни, с ног до головы покрытый кровью, слизью и ошметками какой-то органики. Мое дыхание было сбито, и никак

не удавалось утирить бешено бьющееся сердце. Вокруг стоял отчетливый и оглушительный шум.

Я откатился в сторону.

Паника опустошала часовню. Священники и послушники, помощники и слуги с воплями разбежались, опрокидывая скамьи.

Лорд Роркен с побледневшим лицом вскочил

на ноги. Его верные телохранители, скрывающиеся под масками святых апостолов, описывали восьмерки обоюдоострыми мечами.

Я увидел Вока, лежащего неподалеку без

сознания. Так же как и меня, его покрывала

нечеловеческая кровь и вязкий сок
Умлатериута.

Мне никак не удавалось обрести
равновесие, рассудок притупился. Я
откашлялся кровью. Стало ясно, что я -
проклят. Проклят варпом, опустошен и
и
осквернен. Слишком близко и слишком
долго ты соприкасались с ним.

С жуткими воплями валились астронавты.
Многие из них были уже мертвы, а
остальные

либо бились в конвульсиях, либо истекали
кровью. Двое прямо на моих глазах
одновременно взорвались, лопнули, словно
переполненные кровью пузыри. Между
нити

сверкали дуги разрядов энергии варна,
выжигая мозги, плавя кости и кипятя
жидкие
ткани.

Трун Малахита исчез. На постаменте,
где

он лежал, теперь сидел извивающийся,
визжащий ужас, состоящий из дыма и
гниющих костей. Астронавты дождались,
пока

мы с Воком сбежим, и только тогда
разорвали связь. Но какая-то тварь сумела
вылезти вслед за нами.

Точных собственных очертаний у монстра
не было, но в то же время существовал
натек

на множество других. Так тень на стене
или

облако в небесах могут напоять
одновременно несколько разных предметов.

Под плащом, сотканным из дыма, засиял свет звезд и сверкнули зубы.

Первый из телохранителей Роркена уже оказался рядом с чудовищем и ударил его мечом. Бритвенно-острый клинок, с

выгравированными на нем
благословениями

и святыми символами, беспрпятственно прошел сквозь тонкий, эфирный дым.

В ответ существо взмахнуло оружием, состоящим из глинного, острого когтя, присоединенного, словно лезвие косы, к костяной рукояти, и рассекло пополам и человека, и святой меч.

Я принялся шарить в поисках оружия...
любого, черт возьми, но оружия.

Раздался грохот канонады.

Три Десантника Караула Смерти
наступали на исчадие варна, стреляя из

тяжелых болтеров. Их черные силовые доспехи покрывала псионическая изморозь.

Было слышно, как Куанвольф выкрикивает

проклятия порождению тьмы и тактические

команды своим боевым братьям.

Болтеры, украшенные гербом их Ордена, продолжали грохотать в унисон до тех пор, пока их неустанный огонь не опрокинул

тварь варна, превратив ее в размазанный, визжащий ком черноты и костлявых

отростков. Существо упало с постаментов на

не успевших прийти в себя астронавтов, раздирая на куски и живых, и мертвых.

Брат-капитан Куанвольф выбежал вперед, быстрее, чем, на мой взгляд, было возможно

для человека в столь тяжелой броне.

Отбросив в сторону опустевший болтер,

он

выхватил цепной меч и полоснул им по корчащейся массе, отбрасывая тварь к исповедальным кабинкам, распавшимся от удара, подобно карточным домикам.

Лорд Роркен прошел мимо меня, сжимая церемониальный серебряный огнемеч, который выхватил у одного из своих помощников. Следом за ним бежал служка,

с

трудом удерживая инкрустированный золотом бак с горючим и пытаясь шагать в

ногу со своим повелителем.

Над канонадой возвысился распевный голос Роркена:

- Дух пагубного Ултатериута, изгоняю тебя именем Императора Человечества, да

бүдүт обильны его благословения, да
хранил

он меня от страха перед тенью варна...

Священное пламя омыло порождение

варна. Лорд Роркен распевал ритуальные
слова изгнания на пределе своих голосовых
связок.

Эндор помог мне подняться на ноги, и мы
присоединили свои голоса к речитативу.

Часовню затрясло. Казалось, что
завибрировало все сүдно.

А потом от мерзостного создания не
осталось ничего, кроме горстки пепла и
тех

разрушений, которые оно причинило.

В качестве епитимий за проступок,
приведший к вторжению исчадия варна,
Конрад Молитор должен был взять на себя

все хлопоты по очищению и

переосвящению

оскверненной часовни. Эта работа, за которой приставляли первосвященники курии и техножрецы Бога-Машины, заняла

первые шесть недель нашего

десятинедельного путешествия к 56-Цзар.

Молитор отнесся к своим обязанностям

серьезно, переодевшись в покаянную рубашку, сшитую из грязной мешковины, и заставляя

своих слуг между ритуалами бичевать его

розгами и ментальными плетями.

Я решил, что он легко отделался.

...

Месяц я прожил в отведенных мне

апартаментах на линкоре, оправляясь от

физических травм, причиненных

аутосеансом. На лечение психологического
ущерба, полученного тогда, ушло еще
много

лет. Мне все еще снится тысячеглазый
гейзер

вздымающейся в небо крови. Такое не
забывается. Говорят, что воспоминания со
временем тускнеют, но вот это

воспоминание не потеряло ни на йоту. До
конца жизни мне придется утешать себя
тем, что потерять память об этом было
бы хуже.

Ведь в таком случае это стало бы
отрицанием, а отрицание открывает
двери
безутию.

Весь месяц я провел на широкой кровати,
обложенный подушками и валиками.

Доктора регулярно навещали меня, так
же

как и приближенные лорда Роркена. Они проверяли мое здоровье, мой рассудок и скорость, с которой я поправляюсь. Но я знаю, что они искали на самом деле.

Инфекцию варна. Я был абсолютно уверен в ее отсутствии, но они не могли положиться

на мое честное слово. И я, и Вок оказались слишком близко к бездне, слишком близко к

краю необратимого проклятия. Всего лишь

еще несколько мгновений - и...

Этот все время оставался рядом, приносил мне книги и планшеты, пытаясь отвлечь меня. Иногда он читал вслух истории, проповеди или легенды. Иногда проигрывал кассеты с музыкой, вручая вращая

рукоятку старенького целуафона. Мы
слушали легкие оркестровые прелюдии
Датиниаса Бартеламью, возвышенные
симфонии Ганза Сольвейга, религиозный
хор

Онгреса Клойстерхуга. Эмос погневал
опереттам Гунгласа, пока я не
взмолился о

пощаде, а потом, когда играл «Реквием»

Махариуса, исполнял пантомимой роль
проводника, танцуя по комнате на своих
аугметических ногах в столь нелепой и
бодрой манере, что заставил меня
растекаться вслух.

- Рад слышать это, Грегор, - сказал он,
сдвывая пыль с очередной кассеты, прежде
чем вставить ее в целуафон.

Я собрался было ответить, но меня
перебили резкие военные марши

Мордианского полкового хора.

Навещал меня и Мугас, коротая время за
игрой в регизиг или пощипывая свою
главианскую лиру. Последнее я воспринял
как своеобразный комплимент. Он таскал
эту

лиру за собой много лет, она была с ним и
в

нашу первую встречу, но он никогда не
играл

в моем присутствии, несмотря на
просьбы.

Он оказался мастером в этом деле. Его
инкрустированные биосхемати пальцы
читали и играли на кодированных
струнах

столь же виртуозно, как и управляли всем,
что способно летать.

В третье свое посещение, после
нескольких лихих главианских мелодий, он

опустил свой пугающий инструмент и сказал:

- Ловинк умер.

Я прикрыл глаза и кивнул. Я подозревал это.

- Эмос не хотел пока говорить, учитывая твоё состояние, но мне показалось, что бюджет

неправильно дальше скрывать это от тебя.

- Он умер быстро?

- Его тело пережило вторжение во время сеанса, но не мозг. Тело скончалось через неделю. Просто угасло.

- Спасибо, Мигас. Хорошо, что ты рассказал. Сыграй еще раз, чтобы я смог забыться в твоей музыке.

Это странно, но больше всего я наслаждался визитами Биквин. Она

суетилась, наводила вокруг меня порядок, возмущаясь состоянием кувшина с водой или

тем, как разбросаны подушки. Потом она читала вслух оставленные Эмосом книги и

планшеты, многие из которых он

задекларировал как обязательные для моего

просвещения. Но Елизавета читала их лучше, эмоциональнее и выразительнее. Голос, которым она наделила Себастиана Тора, заставил меня смеяться до боли в ребрах. А

когда она приступила к чтению «Повести о

боевых горнах» Керлова, ее олицетворение

Императора надо было бы посчитать еретическим.

Я обучал ее регицигу. Она проиграла несколько первых партий, замороженная

фигурали, запутанностью игрового поля и сложностью ходов и стратегий. Она заявила, что игра для нее слишком «абстрактная». Что

у нее, Елизаветы, не возникает «стимула». То

есть мы начали играть на деньги. Тогда она

обрела стимул и стала побеждать. Каждый

раз.

В следующий свой визит Мигас печально спросил:

- Это ты ее научил играть?

К концу третьей недели месяца,

проведенного тною на линкоре, в мою

комнату вошла Биквин и объявила:

- Я привела посетителя. Травмированную

сторону лица Годвина Фишига восстановили

с помощью аузметики и имплантатов и закрыли белой полумаской из синтешелла.

Потерянную руку также заменили, поставив

вместо нее мощный серебристый протез.

Исполнитель был одет в простую черную куртку и брэджи.

Он присел на край кровати и пожелал мне скорейшего выздоровления.

- Мы не забудем твою отвагу, Годвин, -

сказал я. - Когда все кончится, ты можешь вернуться к исполнению своих обязанностей

на Спеси, но, если захочешь, я с радостью возьму тебя в команду.

- Ниссетай Карпел, будь он не ладен, -

сказал Фишиг. - Верховный Хранитель может

вызвать меня, но я знаю, где сам хочу

находиться. Мне хотелось бы остаться с
вами. У такой жизни есть смысл.

Фишиг просидел рядом со мной долгие
часы и ушел только за полночь по

корабельному времени. Мы разговаривали,
перешучивались, а потом, под взглядом

Биквин, играли в режисс. Поначалу нам
гоставляли массу развлечений его
проблемы

с манипулированием фигурами с помощью
непривычной новой конечности. И только

побив меня в трех играх подряд, он

признался, что Биквин, в своей
бесконечной

тупости, тренировала его несколько
последних недель.

Был еще один посетитель, появившийся за
день или два до того, как я наконец смог
подняться на ноги и отправиться по своим

делам, не прерываясь на то, чтобы
отдышаться. Этого посетителя вкатил
на

инвалидном кресле Хелган.

Вок выглядел съезжившимся и совершенно
разбитым. Разговаривать он мог только
с

помощью имплантированного голосового
аппарата. Я был абсолютно уверен, что
жить

ему оставалось несколько месяцев.

- Ты спас меня, Эйзенхорн, - запинаясь,
прохрипел он сквозь аугметические связки.

- Астронавты дали нам шанс выжить, -
поправил его я.

Вок покачал шишковатой, бессильно
опущенной головой:

- Нет... Я потерялся в том проклятом
царстве, но ты удержал меня. Твой голос.

Я

услышал, как ты позвал меня по имени, и
этого оказалось достаточно. Без этого...
без

твоего голоса я бы отдался варну.

Я пожал плечами. Да и что тут можно
было
сказать?

- Мы не похожи, Грегор Эйзенхорн, -
продолжал он гребезжащим голосом. -
Наше

понимание долга инквизитора серьезно
различается. Но тем не менее я
преклоняюсь

перед твоей отвагой и самоотдачей. Ты
заслужил мое уважение. Различные
методы, различные средства - разве не это
истинная

суть нашей организации? Я утру спокойно

и думаю, что это случится скоро, - зная, что

такие люди, как ты, продолжат борьбу.

Мне была оказана очень высокая честь.

Что бы я ни думал о его методах, но цели наши совпадали.

Слабым жестом он велел Хелгану выйти вперед. Обглоданная карнодоном

физиономия его помощника не стала краше с

нашей последней встречи.

- Мне бы хотелось, чтобы ты доверял

Хелгану. Он лучший из моих стажеров. Я намереваюсь рекомендовать его к

повышению до чина старшего
дознавателя, а

оттуда лежит дорога к инквизиторскому сану. Если я умру, пожалуйста, пристмотри за

ним. Не сомневаюсь, что Инквизиция
только

выиграет от его присутствия.

Я пообещал Вокү, что так и сделаю, и

Хелдан явно обрадовался. Мне не слишком

нравился этот человек, но он сохранял

түжество и жизнерадостность перед
лицом

жүткой смерти и не оставил сомнений в

своих навыках и преданности.

Вок сжал мою руку в своих потных

клешнях и прохрипел:

- Спасибо, брат.

Котмогүс Вок прожил еще сто три года.

Этү старүю перечницү оказалось

практически невозможно үбить. И когда

Голеш Константин фенно Хелдан бы
наконец

үдостоен сана инквизитора, это

произошло

исключительно благодаря Вокү.

...

Отработка вторжения началась за три
недели до погрома к 56-Цар.
Первоначально

в планы адмирала Спатиана входило
банальное уничтожение цели с орбиты. Но
лорд Роркен и Орген Караула Смерти
настояли на необходимости наземной
операции. Обнаружение и ликвидация
Некротека ксеносов нуждались в
подтверждении. Лишь после выполнения
этой цели можно было дать разрешение
на

тотальное разрушение 56-Цар.

Бритном, почтенный библиарий и
стратег

Караула Смерти, вместе с армейскими

тактиками провел серию опросов, вытягивая

из моих помощников и выживших загнанных всю доступную информацию по

метраскейнам (забавно, мы стали использовать термин, введенный Малахитом).

Собранную информацию загрузили в корабельные вычислители, чтобы те создали

симуляцию подобных условий для акклиматизации войск. Но на мой взгляд, имитация совершенно не давала

представления о той «неправильности», с которой нам пришлось столкнуться на плато.

Сам Бритном разговаривал со мной в присутствии Ольга Мадортина.

Бритоголовый воин, казавшийся гигантом даже без силового доспеха, Бритном оставался при этом сердечен и чуток, обращаясь ко мне с уважением и выслушивая ответы с подлинным интересом. Я постарался придать пережитому и увиденному нами в КСХ-1288 словесную форму, а заодно выложил им и теории, рассказанные Малахитом во время рокового аутосеанса.

Сторонясь такой роскоши, как сервитор-секретарь или клерк, Бритном самостоятельно записывал примечания к услышанному. Меня завораживало то, как огромная лапища воина ловко управляет с крохотным стилем, бегающим по планшету.

Подобные беседы, которые иногда
длились по нескольку часов, мы вели в
тех
апартаментах. Биквин регулярно
поносила
нам поносы с горячим медом и
травяными
настоями. Бритном, поднимая кружку за
ручку, отставлял мизинчик. Мне
Библиарий
казался аллегорией войны в мирное время.
Он лакировал свою чудовищную мощь
утонченными манерами, не позволяя
пугающим силам вырваться на свободу. Он
поднимал кружку, отставлял мизинец,
сверялся со своими записями и задавал
очередной вопрос, прежде чем сделать еще
один глоток.
А то, что мизинец размерами и формой

напоминает бұлаву арбитра, его не
заботило.

- Что я пытаюсь установить, брат
инквизитор, так это то, будет ли
окружающая среда сарүти создавать
помехи

нашим войскам, лишать их оптимальной
боевой эффективности?

- В этом, брат библиарий, ты можешь
быть

абсолютно уверен. - Я налил себе еще
немного олисетского чая из серебряного
чайничка. - Мои люди оставались
дезориентированными в течение всей
миссии, и причиной потерь среди
гүдрүнских стрелков в первую очередь
стали

окружающие условия. Там существует
некая

«неправильность», сбивающая с толку все органы чувств. Были высказаны предположения, что сарүти специально подрывали наше восприятие трехмерного пространства, но, на мой взгляд, мнение Малахита отражает истинное положение.

«Неправильность» - это побочный эффект окружающей среды, предпочтительной для сарүти. Следует ожидать подобного от любой из их родных планет.

Бритнот кивнул и снова что-то записал.

- Я уверен, что опыт вашего Оргена и специализированные системы восприятия подготовлены для этого, - вставил Магортин.

- Я же беспокоюсь о гвардейцах. Они ведь играют ключевую роль в операции.

- Все они ознакомились с

предварительной тренировочной моделью,

пробормотал Бритнон.

- При всем моем уважении, но я тоже

ознакомился с симуляторами. Они едва ли

воссоздают в должной мере условия, в

которых мы окажемся, - посмотрел я через

стол на Бритнона.

Его скуластое лицо было словно

обесцвеченным - обычное дело для
человека, который проводит большую
часть своей

жизни запаиванным в силовой доспех. Его

немного воспаленные глаза с интересом

установились на меня. Я задумался над тем,

каких войн, каких побед стали
свидетелями

эти глаза. Каких поражений?

- И что ты предлагаешь? - спросил

Бритном.

- Внести в тренировку дополнительные пассивные элементы. - Я долго и усердно раздумывал над этой идеей. - Ольт знает, брат библиарий, что я не военный, но вот, как мне кажется, надо поступить: пусть солдаты тренируются в условиях перегрузки

и отсутствия равновесия. В одних

упражнениях завязывайте им глаза, сковывайте им руки, в других - изменяйте гравитацию в тренировочных отсеках.

Выдайте им тяжелые, неудобные рюкзаки со

смещенным центром тяжести. Без

предупреждения меняйте уровень

освещенности. Заставляйте скакать в

давление и температуру воздуха. Просто

делайте тренировки сложными. Учите их бегать, прятаться, стрелять и перезаряжать

оружие в противоречивых условиях.

Заставьте их вызубрить все основные боевые навыки так, чтобы они могли применить их где угодно, при любых обстоятельствах. Когда они окажутся на поверхности 56-Узар, их мысли должны занимать только сражение. Чтобы все остальное производилось на уровне инстинктов.

Мадортин уверенно улыбнулся:

- Пехотные войска, находящиеся в нашем распоряжении, по большей части состоят из

опытных солдат Военно-космического флота

и легкой элитной Имперской Гвардии

Миренҫа, сильно отличающихся от
бедных

гүдрүнских новобранцев, с которыми вам
приходилось нянчиться. Мы прогнали их
по

полному кругу, так чтобы они могли
отвесить ксеносам хорошего пинка. Они
проверены боями, и у них есть шарики в
штанах.

- Не стоит преуменьшать проблему, -
предупредил я Магортина. - Кстати,
насчет

этих, как ты выразился, новобранцев... Я
говорю о сержанте Джерүссе и его людях.

Мне бы хотелось, чтобы они сопровождали
меня во время высадки.

- Грегор! Мы можем предоставить тебе
первоклассный отряд Миренҫа, который...

- А я хочу выживших гүдрүнитов!

- Почему? - спросил Бритном.

- Потому что как бы ни были они неопытны, но они видели тетраскейн. И именно их мне хотелось бы видеть рядом.

Магортин и Бритном переглянулись, и прокуратор пожал плечами:

- Как пожелаешь.

- И насчет остальных, как я уже и сказал, не давайте им поблажек на тренировках.

- Не будет! - застегнулся он. - Инструкторы так обработают эти полки, что они еще начнут тосковать по настоящей битве.

- Я говорю серьезно, - сказал я. - Всякий человек, высаживающийся на 56-Узар, должен быть готов к тому, что потеряет контроль над всеми своими чувствами, способностью адекватно мыслить, утратит

силу духа и даже простейшие умственные

способности. Это касается и воителей из почтенного Ордена Караула Смерти, да благословит их Император. Сражение будет

не только тяжелым, но и неожиданным. Мне

плевать, позабывают ли они, как зовут их родных мам или их сатих, но они должны полнить, как держать строй, стрелять и перезаряжать, а еще обожать Императора и выполнять приказы.

- Очень образно, - произнес Бритном. - Но мне, конечно, придется немного умерить пыл твоих фраз, прежде чем передать их моим боевым братьям.

- Мне все равно, что ты будешь им рассказывать, - застесался я, - только не говори до их сведения, от кого исходят

эти

предложения.

- Можешь быть уверен в своей

анонимности, - улыбнулся он.

Это стало настоящим чудом. Мне кажется, что я один из немногих смертных, кому

удавалось выжать улыбку из библиария

Агентус Астартес.

Бритном отложил планшет и стило и с любопытством уставился на меня.

- Мандрагор, - произнес он.

- Это ублюдочное Дитя Императора? А что

с ним?

- Мне рассказывали, что ты самотлично

убил его. В поединке. Это настоящий подвиг

для такого, как ты... только не сочти это

за

оскорбление.

- Не сочту.

- Так как тебе это удалось? - с живым интересом спросил он.

Пришлось рассказать. Бритном старался не

выказывать эмоций, я пытался быть скромным, а Магортин пришел в сильное волнение.

- Брат-капитан Кианвольф будет восхищен, - по окончании моего рассказа произнес Бритном. - Я обещал ему, что развужнаю подробности. Он утирал от любопытства и хотел сам спросить тебя, но постеснялся.

Это и вовсе прозвучало забавно.

Мы готовились к предстоящему сражению.

Оно обещало быть тяжелым и, в отличие от

большинства кампаний, не имело четкого разделения на две стороны. Я наблюдал за тренировками, восхищаясь прилежанием и дисциплиной солдат. Также мне удалось получить истинное удовольствие от лицезрения того, как убойная бригада капитана Куанвольфа преследует учебную цель.

Мы были готовы. Готовы настолько, насколько это вообще возможно.

На девятой неделе пути Верховный Инквизитор Роркен и адмирал Спатиан составили совместную декларацию, официально одобренную печатью

Экклезиархии, - «Мангат На Зачистку
56-Цзар», в полном соответствии с
терминами и определениями, принятыми
в
законодательстве Империи. Этот
документ
ставил точку в принятии решения.
Обратного пути не было. Мы плыли
сквозь
Империи, чтобы вторгнуться в мир
сарути и, если возникнет такая
необходимость, уничтожить его.
Все это время мне практически не
снилось
снов. Но в последнюю ночь перед
прибытием
к 56-Цзар в пейзаж моих грез снова
пробрался красавец с пустыми глазами.
Он разговаривал со мной, но я не слышал

слов и не понимал его намерений. Он вел
меня холодными коридорами по
разрушенному дворцу, а затем тихо
отбыл
куда-то за пределы сна, оставив меня в
одиночестве, голого, посреди шатающихся
и
готовых обрушиться на меня руин.
Во сне были и сарути. Они легко
пробирались через каменные лабиринты
разваливающегося дворца, находя углы и
тропы, которых я не мог видеть.
Многочисленные ноздри на их
покачивающихся головах засверкали, когда
они уловили мой запах. По их черепам
побежали энергетические разряды...
Проснулся я насквозь вымокшим в поту и
практически вывалившимся из своей

широкой кровати. Валики,

выскользнувшие

из-под подушек, скатились на пол.

На тумбочке попискивал вокс.

- Циквизитор Эйзенхорн слушает.

- Извини, что разбудил, - произнес

Магортин. - Но мне показалось, что тебе

захочется это узнать. Флот вышел из

Цикматериума двадцать шесть минут
назад.

Мы выходим на орбиту вторжения в 56-
Цзар.

Глава двадцать третья

НАЧАЛО ВТОРЖЕНИЯ

ИСКАЖЕННЫЕ УГЛЫ

В САДАХ САРУТИ

Война уже разгулялась не на шутку.

Планета 56-Цзар казалась подвешенной в

костосе желчужиной, настолько

молочно-белой и блестящей она была.

Полупрозрачный облачный покров
подсвечивали яркие вспышки и взрывы.

Флот еретиков прибыл на два дня раньше
нас

и успел приступить к штурму.

Я продолжал воспринимать эти корабли
еретиков как флот Эструма, хотя
капитана-предателя уже не было в живых.

В

этом вопросе я мог быть уверен. Без
всяких

сомнений, теперь это был военный флот

Лока.

Тринадцать судов взяли 56-Узар в осаду,
расположившись нестандартно, но

эффективно. Последовательные волны их
истребителей, бомбардировщиков,
перехватчиков и десантных шлюпок

накатывали на планеты, в то время как
тяжелые корабли, оставшиеся на
орбите, обрушивали на поверхность мира
всю мощь

своих огневых батарей.

Они заметили нашу ударную группу в тот
же миг, как мы вышли из Варна. Их
дозорные

суда, тяжелые эсминцы «Навуходносор» и

«Фурнье», развернулись, чтобы прикрыть

тылы. Адмирал Спатиан отвел ударную

группу в сторону и вывел вперед фрегаты

«Оборона Сталинграда», «Молот

Императора» и «Стальная воля», чтобы
те

расчистили путь.

Следом за ними отправились крупные

эскадроны истребителей и линейный

корабль «Вульпенула», которому была

поставлена задача разобратся с
тяжелым

вражеским флагманским крейсером
«Леонкур».

«Молот Императора» и «Стальная воля»
зажали в тиски «Навуходносор» и после
краткой, но яростной перестрелки
подожгли

его. Взрыв осветил костос. «Оборона
Сталинваста» и «Фурнье» сцепились в
долгом, медленном танце боевых
кораблей.

Время от времени они сталкивались,
перебрасывая друг на друга абордажные
группы и отряды сил безопасности.

Сцепившиеся в смертельных объятиях
корабли отплывали в сторону.

«Вульпенула» встретилась вперед, но
неправильно оценила маневр «Леонкура».

получив от трех попаданий серьезные повреждения. Имперский линкор, от которого разлетались обломки, навел свои пушки и столь яростно ударил по «Леонкүрү», что тот развалился и взорвался утирающим солнцем.

«Вүльпекүла» медленно и трудно развернулась, уходя от вражеских кораблей, находящихся ближе к атмосфере планеты.

Тогда Спатиан отдал приказ всей остальной

группе выдвигаться вперед тремя звеньями, центральное и крупнейшее из которых

возглавил величественный «Святой Скифүс».

Дистанция сокращалась. Ближнее костическое пространство 56-Узар

заполняли огненные росчерки и тчащиеся
кометы снарядов. Началась фаза
яростного
сражения талых высокоскоростных
кораблей; звенья перехватчиков и легких
бомбардировщиков двух флотов
встретились, словно два роя шершней. В
пустоте и безтолвии плясали крошечные
огоньки, они носились так быстро и их
было
так много, что невооруженный глаз не мог
разобраться в этом мельтешении. Даже
тактические экраны стлущали чувства: на
мониторах мерцали тысячи
разнообразных
значков, вокруг которых вспыхивали,
кружились, исчезали и вновь появлялись
курсоры.

Еретики затинировали бұферное

пространство между своими рядами, и

«Молот Императора», вырвавшийся вперед, получил тяжелые повреждения и был

вынужден выйти из боя. Перехватчики

еретиков тут же набросились на раненое

судно, словно тропные мухи на утирающего

зверя.

«Стальная воля» прошла мимо «Молота

Императора» и приступила к расчистке пути

с помощью специального оборудования.

Дрейфующие мины взрывались тысячами, когда к ним прикасались силовые щупы.

В планы Спатиана входило разорвать ряды

противника клином, чтобы хотя бы часть

кораблей оказалась в пределах атмосферы.

По завершении этой «стыковки» адмирал

тут

же мог приступить к штурму поверхности

планеты, сбрасывать десантные шлюпки, обеспечив их огнем прикрытия.

Первым на позицию вышел «Святой Скифус». Его главное оружие беспощадно расстреляло крейсер еретиков «Скютут» и принудило броситься в отчаянное бегство «Славу Алгола».

Со «Святого Скифуса», а также с двух фрегатов и черного корабля Инквизиции, погоседших следом, градом посыпались сотни шаттлов.

Большую часть из них составляли серые десантные шлюпки Имперской Гвардии, которые обрушивались на планету, грея реактивными двигателями. Но среди них двигались и изящные черные скарабеи

Инквизиции, и спускаемые модули

Караула

Смерти.

Штурм начался.

За первый час сражения нам удалось

высадить на поверхность 56-Цзар более
двух

третей нашего стодвадцатитысячного
войска

легкой элитной пехоты Миренуа, почти

половину моторизованных тяжелых
бригад и

все шесть десятков Костодесантников из

Караула Смерти.

Сенсоры показывали, что под тяжелым

саваном атмосферы 56-Цзар раскидывался

ровный пейзаж, лишенный каких бы то ни

было достопримечательностей. Широкие,
низкие континенты, состоящие из

неорганической грязи, кое-где прокалывали
твердые нагорья и окружали океаны,
состоящие из инертных химических
соединений. Единственным признаком
разумной жизни (и жизни вообще) служила
цепочка строений, огромных, словно
города, протянувшаяся вдоль
экваториальной линии
крупнейшего континента. Составляющие
этих построек оказалось практически
невозможно сканировать с орбиты.

Еретики
сосредоточили все свои силы на трех
наибольших конструкциях. Адмирал
Спатиан решил штурмовать эти же
точки, логично рассудив, что еретики не
стали бы
тратить время и силы, атакуя
посторонние
цели.

Потери были высоки. Подходы
перекрывали вражеские истребители,
минные поля и огонь размещенных на
земле

систем противовоздушной обороны. Это
было сражение людей. На участие в нем
сарүти ничто даже не намекало.

Следом за основной группой высадились
отряды Цнквизиции, пять
специализированных штурмовых
подразделений, которым предстояло
двигаться за войсками по расчищенному
пути и выполнять основные цели операции

захват или устранение верхушки
еретиков и

уничтожение материалов, связанных с

Некротеком. Одну из таких групп получил
под командование я; остальные возглавили

Эндор, Шонгарг, Молитор и сам
Верховный

Инквизитор Роркен. Вок был слишком
плох, чтобы командовать отрядом, и его
этиссар

Хелдан прижнулся к группе Эндора.

Мое собственное войско, обозначенное
как «Зачистка-Два», состояло из
двадцати

гугрунских стрелков, Биквин, Мидаса и

Костодесантника из Караула Смерти по

имени Гвилар. К каждому инквизитору
было

приставлено по человеку из Агентус

Астартес. Фишиг также хотел
сопровождать

меня, но все еще не до конца оправился от

ран и последствий операции, и мне

пришлось скрепя сердце вычеркнуть его.

Он

остался на линкоре вместе с Эмосом, который не годился в бойцы ни по каким стандартам.

Наш транспорт, представлявший собой десантную шлюпку Имперской Гвардии, оставил «Святой Скифус» сразу же вслед за отрядом, обозначенным «Зачистка-Один», высаживавшимся в личном спускаемом модуле лорда Роркена. Когда наша шлюпка

отчалила и грозила в стремительном спуске, мы затряслись в десантном отсеке, сидя в креслах, защищающих от перегрузки.

Когда мы полетели вниз, люди Джерусса заперли. Их стандартную гудрунскую униформу дополняли теперь новехонькие бронежилеты, полученные с флотских складов. На рукавах рядом с эмблемой Пятидесятого Гудрунского стрелкового

полка

у них красовались знаки Инквизиции.

Люди

пребывали в хорошем настроении, были

уверены в своих силах и спокойны и, как мне

кажется, чувствовали себя польщенными

доверием, которое я проявил, выбрав

именно их. Мадортин поведал мне, что во

время подготовки они во всех испытаниях

показали результаты выше среднего уровня.

Они, словно ветераны, перешучивались, похвалялись и распевали имперские военные

гимны. Впрочем, и в самом деле после

основания полка в Дорсае они очень быстро

прошли свое боевое крещение.

Биквин также очень сильно изменил опыт, полученный ею за месяцы,

прошедшие с

момента нашей первой встречи на Спеси.

Чокнутую, эгоистичную девочку для

удовольствий из-под Купола Солнца

затенила серьезная, уверенная в своих
силах

женщина. Елизавета, похоже, все-таки
нашла

свое призвание и бросилась в эту новую

жизнь с энтузиазмом и энергией. Мне

происшедшие с ней перемены показались

великолепным достижением. На службу

нашему возлюбленному Императору

призывают много людей, и куда больше

мечтает об этом. Все испытания,
вытавшие

на ее долю, Елизавета Биквин выдержала.
И

если определить точный момент, когда в

ней

произошел окончательный перелом, то
это

будет сражение на плато. Зрелище
мертвого

Мандрагора истребило ее страх.

Она была одета в черный облегающий
доспех, глиняный, черный же бархатный
плащ и сидела рядом со мной, скрупулезно
проверяя свой лагерь. Исполнитель фижиг
здорово поднатаскал ее в плане обращения
с

оружием. Руки девушки совершали
быстрые, профессиональные пассы. Только
отделка из

черных перьев на воротнике ее плаща
напоминала накрашенную фифу в дешевой
бижутерии из прошлого.

Мигас сидел напротив меня с несчастным

видом. Из него получался паршивый пассажир, и я знал, что ему хотелось бы находиться в кабине шлюпки вместо военного пилота. Он надел свой светло-вишневый жакет, несмотря на возражения строгого Гвилара, считавшего столь пестрый цвет «неподходящим для боя». Свои излометы Бетанкор распахнул по кобурат, а главианский угольный карабин держал на коленях.

Перед штурмом я оделся в коричневую кожаную броню и плащ, застегивающийся на кнопки, попытавшись найти компромисс между защищенностью и подвижностью. Символ моих властных полномочий гордо красовался на моей груди, прямо над

орденской лентой. Библиарий Бритном в
качестве жеста уважения преподнес мне
для

личного пользования болт-пистолет. Это
была компактная модель ручной сборки, с
корпусом из матово-зеленой стали. Я
вознал

в рукоять прямоугольную обойму, а еще
восемь таких же разложил по подсумкам.

Через восемь минут неистовой тряски
шлюпка выровнялась. Гвилар, сидящий
рядом со шлюзовым люком, начертил в
воздухе знак аквилы и захлопнул шлем.

- Двадцать секунд! - объявил пилот по
воксу.

Мы вылетели из облаков над зоной боевых
действий, идущих у поверхности планеты,
и

на полной скорости встретились к одному

из

затеченных с орбиты строений. Участок
окружали колоссальные озера, или
резервуары, и заполняющая их жидкость
пылала. Высота бьющихся стен огня
достигала нескольких тысяч метров. Над
огнем поднимался черный дым,
закрывавший дневной свет. Ревущее пламя
и
залпы орудий окрашивали землю внизу в
янтарный цвет.

Шлюпка качнулась, когда включились
тормозные двигатели, и мы, словно
пьяные, вильнули в сторону, прежде чем
совершить
посадку. Гвилар ударил по рычагу на
стене, и
шлюз со скрежетом распахнул свою пасть.
В

отсек ворвались холодный воздух и дым.

Мы десантировались на широкую, блестящую гладь белой грязи, влажно хлюпавшую и пружинившую под нашими сапогами. Грязевая тропка лежала между глыб горящими озерами, и мы ощущали их

неистовый жар. Колеблющееся плато отражалось на поверхности влажной грязи, ослепляя нас.

На белую гладь рухнули горящие обломки посаженного модуля и тела нескольких солдат Миренуа. Лазерные залпы пронзили

воздух над нами. В километре впереди поднимались знакомые восьмиугольные очертания. Часть тетраврат, как их окрестили техножрецы флота, была разрушена. За ними вздымались

желчужно-белые стены огромного здания, являвшегося нашей целью. Стены были изогнутыми, сегментированными, как у гигантской морской ракушки, и покрыты тысячами мелких обгорелых пятен и воронками от взрывов.

Гвилар шел в голове отряда. В воздухе пахло гарью и чем-то еще, похожим на лакрицу, но определить источник этого странного аромата не удавалось.

- «Зачистка-Два» высагилась в отметке семь, - сообщил я по воксу.

- Принято, «Зачистка-Два».

«Зачистка-Один» и «Зачистка-Четыре» доложили о благополучной посадке и размещении.

Итак, группы Поркена и Молитора высагились. Об Эндоре и Шонгарде ни

слова.

Когда мы прошли мимо обломков первой из арок, Гвилар остановился и потряс головой. Я уже ощущал «неправильность» - коварную перекрученность окружающей среды сарүти. Вполне возможно, что эффект

усиливался из-за разрушения тетраврат. Эти

безмолвные устройства проектировали и поддерживали тетраскейны сарүти, но теперь они были сломаны и неполны.

Гүдрүниты тоже заметили это, но не казались слишком обеспокоенными.

- Возглавь группу! - приказал я Джерүссу, и Гвилар резко посмотрел на меня. - Тебе потребуется время, чтобы привыкнуть, брат

Гвилар. Не спорь.

Джерусс и три гудрунских стрелка
выдвинулись в авангард. Но и они неловко
передвигали ноги, словно пьяные. Углы
пространства и времени в этом месте
действительно были искаженными и
вывихнутыми.

За нашими спинами взревели турбины, и
наша десантная шлюпка взлетела с
терцающей грязи, захлопывая скат и
складывая под брюхом посадочные опоры.
Она успела пролететь всего около
шестидесяти метров, прежде чем ракета
ударила ее прямо по центру и разнесла на
куски. Полыхающая секция кабины
отлетела
в сторону и упала в озеро огня.
Металлические обломки усеяли грязь под
местом взрыва.

Боже- Император милостивый... мы же
все

могли быть в этот момент на борту...

Передвигаясь шаткой рысью, мы
добрались до здания сарути. Эта
сверкающая

громада, с фундаментом, уходящим под

белую грязь, размерами походила на

имперский город-улей. Я попытался

получить целостное представление от

постройки, но быстро оставил это

занятие, чтобы не лишиться остатков

ориентационных навыков. Своими

отполированными гранями и
совершенными

кривыми здание напоминало алмаз, но

моему взору никак не удавалось уловить
его

настоящие очертания. Плоскости и грани
не

встречались там, где этого следовало бы ожидать, и при попытке проследить за ними

от одной точки до другой возникало ощущение оптической иллюзии.

Мы достигли подножия постройки. Ни окон, ни дверей... Те, кто до нас пытался пробить себе дорогу с помощью взрывов, обнаружили, что все здание представляет собой сплошной камень.

Я отвел людей от здания и вернулся по собственным следам к цепочке метраврат.

Самая ближняя к постройке арка оказалась невредимой.

Как я и ожидал, пройдя под ней, мы неожиданно очутились внутри здания, словно прошли насквозь желчужные стены.

Внутреннее пространство освещалось
неким слабым источником, размещенным
в
стенах. Там было тепло, а запах лакицы
стал
резче и интенсивнее. Желчужный,
просвечивающий пол изгибался и плавно
переходил в кривые стены.

Мы пошли дальше, взяв оружие на
изготовку. Коридор (если его так можно
назвать) изгибался, словно описывая
внутренние очертания некой гигантской
раковины или же каналы человеческого
уха.

Но мы не чувствовали, как коридор
поворачивает... только как он
повышается.

Расширяясь словно горн, спираль
выходила в огромное, почти сферическое

помещение. Его истинные размеры
оценить

было практически невозможно, как и
определить подлинные очертания.
Казалось, что в нем размещен то ли
декоративный сад, то ли ферма.
Серебристые дорожки, поддерживаемые в
воздухе антигравитацией

или иной незримой силой, бежали между
изогнутыми резервуарами с жидкостью,
служившими кадками для высоких

разноцветных саговников и каких-то еще,
странно раздутых растений. Вокруг нас
вздыхалась мясистая поросль, сочащаяся
влагой и опутанная вьюнами и ползучими
суккулентами. С невидимых креплений
наг

рядками свешивались лозы и бороны
разноцветной листвы. Были здесь и
насекомые, мелькавшие среди зарослей.

Одно такое существо село мне на рукав, и
я
прихлопнул его, с отворачиванием от него, и
что
у твари было пять лап, три крыла и
полностью отсутствовала симметрия.
Мы пошли по серебристой дорожке. Она
вела через тетраврата, которые тут же
перенесли нас в другой сад, точно так же
заполненный лоснящейся, обильной
растительностью, процветающей в своих
фигурных резервуарах. Самые высокие
представители флоры в этом помещении,
гигантские желтоватые «конские хвосты»,
покрытые оранжевыми прожилками,
поднимались на восемьдесят или даже
девяносто метров над парящей в воздухе
тропинкой.
Гвилар тревожно вскрикнул, и его

штүрл-болтер начал плеватъся
очередяи

огня. Снаряды рвали на части растения,
похожие на тыквы, разбрасывая во все
стороны их волокнистую мякоть, и
подстригали «конские хвосты».

Но нам открыли ответный огонь.
Вспышки

лазеров и треск ручных пулеметов.
Солдаты

еретиков наступали на нас, пробираясь
через

эти домашние джунгли.

Глава двадцать четвертая

ЗАЧУСТКА ДВА ВСТУПАЕТ В
БОЙ

БЕЗМОЛВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ТРИУМФ ДАЗЗО

Но серебристым горожкам сквозь заросли

продирались люди, одетые в грязную
униформу Пятидесятого Гудрунского
стрелкового полка и в черные доспехи
войск

военно-костической безопасности. Два
гудрунита из моего отряда упали,
сорвавшись с дорожки, и их тела исчезли в
маслянистых водах резервуаров под нами.
Но большая часть выстрелов противника
прошла мимо.

Группа «Зачистка-Два» ответила
равканьем лазганов. Я выдвинулся в голову
отряда и открыл огонь из болт-
пистолета.

Для маневрирования на висячей тропинке
места практически нет, а уж про то,
чтобы

спрятаться, и говорить не приходится.

Первый мой выстрел ушел в сторону...

Настолько в сторону, что я уж было решил, что болт-пистолет не пристрелян. Но потом я

вспомнил про запутанную природу метраскейпов сарүти и сделал поправку в прицеливании. Два выстрела, два метких попадания. Биквин и Мугас также разгадали

этот трюк, а ребята Джерүсса быстро учились.

Гвилар производил много шума, решая сас из своего штүрт-болтера. На мой взгляд, он все еще не привык к подобному окружению.

Это было как озарение. Оказалось, что может ошибаться даже один из богоподобных воинов, к которым я привык относиться с большим пиететом, после того

как на моих глазах Белые Шрамы
штурмовали Альтанаге. При всей своей
мощи, отваге, сверхчеловеческих
способностях и сверхсовременном
вооружении он ничего не добился там, где
Целтан, самый младший из гудрунитов,
уже
убил троих.

Было ли это результатом его
высокомерия
и самонадеянности?

- Гвилар! Брат Гвилар! Подрегулируйте
линию стрельбы!

Я услышал, как Костогесантник
выругался

и прибавил что-то о дерзости. А потом он
пошел вперед по дорожке, снося
выстрелами
заросли.

- Почему этот оборот не слушает? -

вздохнул Мидас, наводя главианский карабин и распыляя на очень мелкие части

солдата еретиков, стоявшего в сотне метров.

- Сплотить ряды! - приказал я. - Джерүсс!

Давай гранатами!

Джерүсс и трое гүдрүнитов принялись осыпать заросли осколочными гранатами.

Прогрелевшие взрывы разметали в разные стороны жижу из резервуаров и ошметки флоры. В воздухе повис липкий туман, в котором плавали волокна растений.

В канонаде вражеской стрельбы появились неожиданные звуки. Над треском и шипением лазерного оружия разнесся рык болтера.

Я увидел, как болтерная очередь
откидывает Гвилара навзничь. С криком
гнева, но не боли он упал с дорожки в

бурлящий резервуар и исчез.

Его убийца шел нам навстречу,
раскидывая путавшихся у него под ногами
пехотинцев-еретиков, как котят.

- О нет! - закричала Биквин. - Во имя
Золотого Трона, нет!

Это был еще один из Детей Императора...

Брат, если не близнец отерзительного
Мандрагора. Мерцающий плащ развеивался
за

его плечами, а удары стальных копыт
сотрясали дорожку. Он ревел, словно
бешеный бизон. Его болтер рывкнул еще
раз, и стоявший возле меня гудрунит
превратился в кровавое облако.

Дети Императора, теневые спонсоры всей
операции еретиков, прибыли, чтобы
защитить свои вложения. Пришли ли они

непрощено после смерти Мандрагора?
Ули, может, Даззо или Лок позвал их?

Я навел на него болт-пистолет,
присоединясь к отчаянной пальбе, которую
вела «Зачистка-Два», чтобы хотя бы
замедить

продвижение противника. Страх заставил
солдат забыть практически все из своих
тренировок, и многие выстрелы уходили в
пустоту. А те, что все-таки попадали в
него

броню, Десантник Хаоса словно и не
чувствовал.

- «Зачистка-Два»! Вызывает

«Зачистка-Два»! Здесь Дети Императора!

заорал я по воксу.

Я знал, что через мгновение буду мертв.

Но командование флота должно узнать о

столь жутком развитии событий.

Внезапно из темной воды взметнулась черная тень, разбрасывая во все стороны пену и грязь. Брат Гвилар вцепился в

Десантника Хаоса, повалил его и упал вместе

с ним в стежный резервуар. Что-то -

вероятнее всего, болтер монстра - несколько

раз выстрелило под водой, и из пробоины в стене резервуара хлынула жидкость. Жиж

вытекала, уносясь по канавкам, созданным вокруг этих сагководческих изысков. Когда уровень жидкости в самом резервуаре понизился, мы увидели сражающихся колоссов, перемазанных тиной и

обменивающихся нечеловеческими ударами

посреди переплетения корней и труб на
грязном дне.

Чудовищные кулаки месили силовые
госпехи. При этом во все стороны со
свистом

разлетались осколки сталепластины.
Огромные

лапы Десантника Хаоса вцепились в
Гвилара, пытаясь отогреть тому
наплечники. Гвилар

оттолкнул его назад, вспенивая ногами
гелкую густую грязь. Оба бойца врезались
в

ствол саговника. Десантнику Хаоса
удалось

перехватиться полүчие и нанести удар,
разбивая подмышечную область священного

госпеха Караула Смерти ошипованной
латной рукавицей. Гвилар вздрогнул и
повалился навзничь, а мощный обратный

удар противника сорвал с него шлем.

Десантник Хаоса прыгнул на растянувшегося Гвилара, намереваясь обрушить на его лицо кулаки, похожие на валуны.

Раздался грохот выстрела, и что-то вспыхнуло. Выродок Хаоса повалился в грязь

с пробитым и пылающим изнутри черепом.

Гвилар, пошатываясь, поднялся, сжимая в руке штурм-болтер. Из ран на его лице и шее текла кровь.

Это была великопепная победа. Джерусс и его люди одобрительно закричали и возобновили наступление на еретиков. Противник дрогнул и скрылся в густых чащах.

Гвилар, с которого стекала тина,
взобрался

обратно на дорожку и посмотрел на меня
сверху вниз.

- Раг, что ты по-прежнему с нами, брат
Гвилар, - сказал я.

Мы продвигались по тропинкам, ведущим
через сады сарүти, не встречая никакого
сопротивления. Мы проходили мимо
мертвых тел противников, плавающих в
резервуарах или лежащих на тропинках.
На

их лицах были видны клейма. Отметины
Хаоса, оставленные на коже скорее злом,
нежели огнем. Адмирал Спатиан надеялся,
что часть войска еретиков, а особенно

Имперская Гвардия Гүдрүн, могла еще
быть

возвращена в лоно Империи. Так же как

Джерүсс и его парни, многие среди них
стали

невольными пешками в измене Эстрүта, и
командующие предполагали, что наша
победа на плато должна была лишить
лидеров заговора их авторитета.

Но теперь эти надежды рухнули. Мозги
некогда добропорядочных людей были
выжжены и отравлены Хаосом. Еретики
заставили свои ворованные войска стать
лояльными.

Мы перемещались с помощью тетраврат,
пройдя еще через шесть засаженных
сагами

сфер, а затем двинулись по широким,
выложенным плиткой дворам и залам с
асимметричными колоннами, чье
предназначение мы не могли даже
вообразить. Дважды еще мы вступали в

краткие перестрелки с солдатами
еретиков, заставляя их отступать в
кривые закоулки

здания. Куда чаще нам доводилось
слышать

звуки яростного, полномасштабного

сражения, которое, казалось, шло

практически рядом. Но ни разу не удалось

увидеть ни самого сражения, ни его

последствий.

Связь с командованием Флота была

отрывистой. Группа лорда Роркена,

«Зачистка-Один», где-то сражалась. От

«Зачистки-Четыре» Молитора сведений
не

поступало. Группа Шонгарда,

«Зачистка-Пять», затерялась внутри

тетраскейна. Через нерегулярные

протезутки от них поступали зачуживные

вопли о помощи и жалобный,
полусумасшедший лепет о «невозможных
пространствах» и «спиралях безумия».

От Тимуса Эндора ничего не было слышно.
На поверхности 56-Узар бушевала война.

Командиры Гвардии Миренуа
докладывали о

победах у огненных озер, окружающих
огромные монолитные здания, одно из
которых неожиданно взорвалось изнутри.

Первые сарүти обнаружились в зале с
бежевыми гладкими стенами, которые
были

настолько высокими, что ты не видела
потолка. Вся найденная нами дюжина
ксеносов была мертва, их грудные клетки
были рассечены, а серебряные жезлы

вырваны из лап. Спиральную комнату,
располагавшуюся за следующими

воротами, устилали тела еще сотнями.

Среди серых

мертвецов бродили бледные твари-рабы, вроде тех, что доставили Некротек на плато.

Их лапы были вымазаны в ихоре. Мне

показалось, что они только что вырвались на

свободу, поскольку многие все еще волочили

за собой оковы. Некоторые из них подобрали

серебряные жезлы и теперь вгоняли их в тела

своих серых хозяев.

Я не знаю, были ли жалкие бледные твари отдельной расой, поработенной сарүти, или

же принадлежали к выродившейся,

мүтировавшей за время рабства касте. Наше

вторжение, суга по всему, каким-то образом

освободило их, и они развернулись против собственных хозяев. Рано или поздно, но такая расплата настигает всех рабовладельцев.

Твари не пытались напасть на нас. Они словно и не замечали проходящих мимо них

людей. С толчаливым, методичным упорством они избивали тела сарүти.

В другом зале, с овальным мозаичным полом и подозрительно теплым воздухом, бесцельно сбивались в кучу живые сарүти.

Многие из них потеряли жезлы и хропали, другие лежали трясущимися грудями, запрокинув головы к спине. Запах лакрицы, от чего бы он ни исходил, в этом месте был

очень резким. На наших глазах через

другие

тетраврата в зал вползли бледные твари
и

принялись со спокойствием и

неутомимостью насекомых разрывать и

избивать своих прежних хозяев. Те не

оказывали никакого сопротивления.

Та же история повторялась и в других

залах и изгибающихся коридорах. Сарүти

либо лежали мертвыми, либо бесцельно

блуждали, а освобожденные рабы находили

их на ощупь и разрывали на части.

Для меня до сих пор остается загадкой

значение этих сцен. Может быть, сарүти

сдались, стирались с такой судьбой, или,

может, какое-то другое стечение

обстоятельств лишило их воли к жизни и

сопротивлению... Даже техножрецам и

ксенобиологам не удалось узнать ответ.

В

конце концов, мы ведь знали только то,
что

природа этих существ чужда нам;

абстрактна, загадочна и непостижима
для

человеческого сознания.

Когда мы обнаружили первосвященника

Даззо, он находился при смерти.

В том метраскейне, где он лежал,

произошло грандиозное сражение.

Мозаичный пол устилали тела тысяч

погибших: здесь были и пехотинцы

Муреня, и солдаты еретиков. Среди
навших мы

увидели также двоих Детей Императора
и

трех Десантников из Караула Смерти.

Этот

метраскейн значительно превышал
размерами любой из виденных нами ранее,
распространяясь за пределы доступных
человеку измерений. Усеянная телами
поверхность уходила в бесконечность.

Даззо лежал у подножия асимметричного
блока, монолитом поднимающегося из
плиток. Тело экклезиарха было буквально
изрешечено. Рядом с ним сидел Хелган,
прислонившись спиной к огромному камню
и держа первосвященника в прицеле
автоматического пистолета. Торс
Хелгана
покрывала кровь, а дыхание его было
затруднено.

Он увидел, как мы выходим из
метраврат, и слабо опустил оружие.

- Что здесь произошло, Хелган?

- Сражение, - прохрипел он. - Мы угодили

в эпицентр. Когда инквизитор Эндор
увидел

этого негодяя, то повел нас в бой, чтобы
добратся до него. Все последующее
несколько размыто.

- Где Эндор? - спросил я, оглядываясь
вокруг и надеясь не увидеть его среди
мертвых.

- Ушел... ушел за Локот.

- Куда?

Хелган слабо махнул на тетраврата,
находящиеся на другом берегу моря трупов.

- Лок заполучил Некротек? Я имею в виду
Некротек сарүти...

- Нет, - ответил Хелган. - Но у него уже
есть учебник для начинающих.

- Что?

- Даззо каким-то образом вытащил его из

этой штуковины, - сказал Хелдан, похлопывая по каменному блоку, на который

опирался. - Букварь их языка. Средство для перевода. Без него версия сарүти для нас нечитабельна.

- Как, во имя Императора, ему это удалось? - спросил Гвилар.

- Силой сознания, - сказал Хелдан. - Разве не чувствуете остаточных следов ментального воздействия?

Я почувствовал, хотя след уже практически угас. Вытирающий из пола блок

явно также был частью загадочных технологий сарүти и, возможно, являлся чем-то вроде имперского вычислителя. А может, был чем-то более разумным, почти

живым. Даззо, с чудовищными
ментальными

силами которого мне уже доводилось
сталкиваться, сумел разгадать суть и
взломать блок силой мысли, вынуждая
раскрыть свои секреты. Невероятные
способности сознания, триумф Воли.

- Многогранник, - добавил Хелган. -

Неправильной формы, маленький и на вид
словно сделанный из перламутра. Он
выпал

из блока прямо в его руки.

Материализовался. Я видел это, пока
пробивался к нему. Но перенапряжение
разрушило мозг Даззо. Эндор пристрелил
его. У еретика не оставалось сил на
сопротивление.

- А откуда ты знаешь, что это был...

букварь? - спросила Биквин.

- Прочитал в его угасающем сознании. Как я уже и говорил, сопротивления оказать он уже не мог. Да вы сами посмотрите.

Я подошел к Даззо и опустился рядом с ним на колени. С окровавленных губ энкелезиарха срывалось неровное дыхание. Я

влез своим сознанием в его разум, с легкостью разгвинув жалкие остатки защиты

и получив подтверждение словам Хелдана.

Своей нечеловеческой силой воли Даззо удалось вытащить букварь из устройства сарүти, а заодно и узнать местонахождение

Некротека ксеносов. Умирая, он передал все

это Локү, чтобы тот завершил задачу.

- Грегор! - прошипел Мугас.

Я обернулся. На гальном краю
метраскейна

появились солдаты еретиков,

пробирающиеся через трупы. Но нам
начали

стрелять.

Гвилар и гүдрүниты открыли ответный
огонь, пытаясь найти любое доступное
укрытие.

- Брат Гвилар, мне надо, чтобы вы
удерживали этих ублюдков.

- Что ты намерен делать, инквизитор? -
спросил он, вгоняя новую обойму в
штүрм-болтер.

- Я иду за Локот и Эндором. Попытаюсь
сделать, что смогу.

Глава двадцать пятая

КСЕНО-НЕКРОТЕК

ИГРА ЗАКОНЧЕНА

ЧЕЛОВЕК С ПУСТЫМИ

ГЛАЗАМИ

Мы оставили перестреливающихся

Гвилара и гугрунитов за спиной и нырнули
в

метраврата. Биквин, Мигас и я мчались
со

всей возможной скоростью по сбивающим с
толку спиральям и пересечениям
гибнущего

здания сарүти.

Я на бегу докладывал о ситуации

командованию флота, но не получил ни

ответа, ни другого знака, что меня

услышали. Я попытался вызвать Титуса

Эндора, но и с ним связи не было.

При движении с такой скоростью эти
места и вовсе превращались в
четырёхмерный лабиринт, но теперь в
моем

сознании держалась энграмма,
извлечённая

из памяти Даззо. Путь к Некроптеку
ксеносов.

По моим ощущениям - хотя и едва ли
можно было доверять, - мы приближались
к

сердцу здания. Возможно, не физическому
или топографическому центру, но, по
крайней мере, той части многомерной
постройки, которая располагалась
наиболее

глубоко в пластах деформированных и
совмещённых пространства и времени.

Нам встречалось всё больше сарути,
бесцельно и слепо блуждающих на своих

жезлах. Теплые, сверкающие туннели и выложенные мозаикой залы пропитались запахом лакрицы.

Откуда-то спереди донеслись приглушенные крики и выстрелы.

- Тимүс? Тимүс! Это Эйзенхорн! Ты меня слышишь?

Вокс с треском ожил:

- Грегор! Во имя любви Императора! Мне нужна... Связь снова оборвалась. Выстрелы стали ближе. Мы поспешили пройти через

тетраврата и почти сразу же вынуждены были нырнуть в укрытие, поскольку мимо нас пролетели лазерные вспышки. Зал, в котором мы очутились, нельзя было назвать

самым большим из увиденных нами в этом

месте, но он был самым темным и
мрачным, лишенным исходящего из полов и
стен

сияния, которое мы видели во всех
остальных помещениях. Блестящий
камень, покрывавший все здание, в этом
месте был

серым, потрескавшимся и словно
мертвым.

Из пепельно-серого пола поднимался еще
один блок, покрытый маслянистой
зеленоватой субстанцией, стекающей по
его

бокам и собирающейся у основания. Этот
блок очень напоминал тот, к которому
прислонялся Хелдан, но многократно
превышал его размеры. Примерно на
высоте роста среднего человека из блока
выступала асимметричная полка, на
которой

лежал синий, лучащийся внутренним
светом

октаэдр.

Некротек ксеносов. Это мгновенно

подтвердила энграмма Даззо.

Зал пропитался вонью Некротека,
запахом

лакрицы столь сильным и насыщенным,
что

нас начинало мутить. Из стен и
выгнутого

потолка вырастали искривленные

скульптуры из металла, костей и
различной

органики. С этой «поросли» свешивались

грязные цепи, заканчивающиеся жуткими

крючьями. Это было не творением
сарүти, но

прикосновением чистого Хаоса,

порожденного Некротеком и заразившего

материал, из которого состояло
святилище

ксеносов. Основной блок окружали меньшие
по размеру колонны неправильной, ни на
что не похожей формы. Среди них велась
перестрелка. Втроем мы отбежали от
освященного пространства тетраврат и
нашли себе убежище за ближайшим из
блоков. Лазерные залпы рикошетили и
отскакивали от каменных глыб.

- Тимус!

- Грегор! - Он прижился спиной к блоку,
расположенному от нас в двадцати
метрах, пройдя уже треть пути в глубину
зала и стреляя

из лазерного пистолета по фигурам,
находившимся ближе к Некротеку.

Мне удалось увидеть Лока и восемь или
девять солдат в черных панцирных
доспехах.

Я поочередно посмотрел на Биквин и Мугаса, сидевших по разные стороны от меня.

- Выбирайте себе цели, - сказал я.

Мы начали стрелять, помогая Эндорү, и уложили по крайней мере одного еретика.

Когда они укрылись за блоками, Титүс вскочил на ноги и побежал вперед. Но

вспышка лазера остановила его и швырнула на камень.

Тогда я сам побежал вперед, ведя огонь с обеих рук. Мои выстрелы откалывали куски

от блоков и сразили одного из вражеских стрелков. Я подбежал к Эндорү.

Он был ранен в грудь. Если мы быстро не вытащим его отсюда, ранение станет

смертельным. Я втоптал его в укрытие и дождался, пока Биквин доберется до нас.

- Надавливай сюда! - сказал я, кивая на свои руки, мокрые от крови старого друга.

Елизавета подчинилась.

Меня насторожил звук, похожий на раскат грома и исходящий откуда-то извне. Все вокруг затряслось. Следующий раскат заставил целую секцию изогнутого потолка неожиданно расколоться и рухнуть вниз каскадом обломков. В пролом проник холодный внешний свет. Секундой позднее в крыше появились еще три отверстия.

Снаружи долетал приглушенный грохот бомбардировки.

- Mugas!

Главианец уже пробирался ко мне слева, стенив карабин на излометы. В воздухе засвистели смертоносные главианские излы.

Земля снова затряслась. Рухнула еще одна секция потолка.

Оставив Эндора с Биквин, я перекатился от одного блока до другого, уходя из-под лавины вражеского огня. Мы с Мигасом перешли на использование примитивных телекоммуникаторов и стали переговариваться на глоссии:

- Шип сопровождает эгиду, злобещая буря.
- Эгиде присоединяется, буря в три.

Я отсчитал три удара сердца и встретился

вперед, в то время как Мигас швырнул осколочную гранату и открыл огонь из обоих

изольных пистолетов.

Вспышка и грохот взрыва на мгновение затмили даже наружную бомбардировку.

Один из еретиков взмахнул руками, воспарил над полотом, прежде чем рухнуть на землю, ударился о колонну.

«Буря», устроенная Мидасом для прикрытия, позволила мне поговорить к

Локу еще на десять метров. Однако больше я

его не видел. Продолжая сжимать

болт-пистолет, я левой рукой выхватил

энергетический меч и стал обходить

каменный блок.

Лок вместе с одним из своих людей

выбрал тот же момент, чтобы выскочить мне

навстречу. Мы выбежали из укрытий и

столкнулись лицом к лицу в узком проходе

между колоннами. Первый залп моего
пистолета прошел мимо метнувшегося в
сторону Лока и оторвал левую руку его
сообщнику. Прежде чем завывающий
солдат

рухнул на землю, выстрел лазерного
пистолета Лока рассек мне правое
предплечье. В другой его руке сверкнул
выпрыгнувший из рукава кинжал. Мы
сошлись в ближнем бою. Я попытался
провести выпад, но меч обо что-то задел,
и

Лок успел отстраниться. Рукоять его
кинжала

ударилась мне в лицо, опрокидывая меня на
спину. С устешкой, которую я никогда не
смогу изобразить, он поднял лазерный
пистолет, чтобы выстрелить мне в
голову.

И тут двухтонная каменная колонна, срубленная на высоте бедра моим мечом, обрушилась на Лока.

Я поднялся на ноги.

Горгон Лок был еще жив. Его живот и таз были раздавлены упавшей колонной, придавившей заодно и его руки. Он взирал на меня часто мигающими, удивленными глазами.

- Горгон Лок, властью Священной

Циквизиции ты трижды проклят за свои действия, связи и верования, - начал произносить я первые слова отлучения.

- Н-но... - прошептал он.

Прочитав над ним анафему, я вырезал кончиком меча над его бровью знак ереси.

К тому времени, как я закончил, он уже скончался от полученных ран.

Разрушающийся зал все еще содрогался.

Крючья покачивались на своих цепях. В
лучах холодного света через дыры в
потолке

текли пыль и обломки. Я нагнулся и
нащупал

в пропитавшемся кровью плаще Лока
желчужный многогранник. Букварь. Я
опустил его в карман и повернулся к
приближающемуся Мидасу.

- Последние из его крыс сбежали, - сказал
он, рассовывая излометы по кобурат. Он
опустил взгляд на мертвого
кораблевладельца. - Так сдохнут все
еретики, да?

Я поднял руку, чтобы взять с полки
Некротек ксеносов, и...

Понял, что не могу двигаться. Чья-то
неимоверная ментальная мощь заставила

меня затереть на месте.

- И в самом деле, так сдохнут все еретики,

- произнес чей-то голос. - Разверни его так, чтобы он мог меня видеть.

Сам того не желая, я развернулся, все еще держа руку вытянутой и поднятой. Я убедился, что Мудас тоже парализован, а его темное

лицо застыло в попытке подать сигнал тревоги.

Передо мной, улыбаясь, стоял мой собрат, инквизитор Конрад Молитор. Рядом с ним

стояли трое его слуг, скрытых под капюшонами.

- Какая доблесть, Грегор. Какая самоотверженность. Я так и думал, что именно ты найдешь этот приз.

Я попытался ответить, но губы

отказывались повиноваться. Слюна
выступила пеной между твоих тесно
сжатых
зубов.

Молитор глянул на своих помощников,
одетых в рясы.

- Позвольте ему говорить, - произнес он.

Психические нуты на речевом центре
ослабли. Но чтобы говорить, все равно
приходилось прилагать усилие.

- М-молитор, ч-что ты д-д-делаешь?

- Конечно же, возвращаю бесценный

Некротек. Мы же не можем позволить
тебе

уничтожить еще одну копию?

- М-мы?

- Многие считают, что человечество

извлечет больше пользы от изучения
этого

артефакта, чем от его уничтожения. И я
здесь

для того, чтобы защитить их интересы.

- Р-роркен н-никогда не н-позволит...

т-тебя с-сожгут за...

- Мой почтенный Верховный Брат Роркен

никогда об этом не узнает. Чувствуешь,
как

трясется все вокруг? Видишь, как

раскалывается потолок? Десять минут
назад

я доложил, что первичная цель
достигнута. И

передал код для ввода в действие Sanction
Extremis. Они считают, что Некромекс
найден

и благополучно уничтожен. Теперь наши

войска отходят со всей поспешностью. А

батареи флота принялись ровнять с
землей

строения ксеносов. Никто не узнает, что
священный Некротек был благополучно
вывезен. После бомбардировки не
останется

ни единого клочка, способного посеять
сомнения в том, что книга была
уничтожена.

Ни клочка от доказательств... как и от
тех, кто мог бы возразить. - Глаза с
желтыми

зрачками издевательски прищурились. - О,
какую отвагу проявил ты, отдав свою
жизнь

во время штурма 56-Цзар. Твое имя
напишут

золотыми буквами на Стене Чести.
Уверяю

тебя, я сам об этом позабочусь.

- Уб-блюдок... - Я из всех сил сражался за
свободу своего сознания, но ничего не

получалось.

Меня удерживал не Молистор, а огин из
его

слуг или сразу все трое в неизменно
мощном сочетании.

- Дай его мне, - сказал Молистор одному из
своих людей, взмахом клетчатого рукава
указывая на Некротек. - Нам следует
убраться отсюда как можно быстрее.

Грохот бомбардировки слился в
бесконечный рев. Огин из слуг Молистора
скользнул вперед и снял с полки синий
октаэдр, взяв его ухоженными пальцами с
глинными ногтями. На некоторое время
он

затер, изучая его, затем оглянулся на
Молистора.

- Бесполезно, - произнес он.

- Что?

- Нечитабельно. Содержимое защищено непроницаемым кодом языка ксеносов.

- Нет! Этого не может быть! - запинаясь произнес Молитор - Взломай код!

- Взломал бы, если бы мог. Но это за пределами даже моих способностей.

- Должен же быть способ перевести его!

Человек, державший Некротек, оглянулся на

меня:

- У него есть букварь. Единственный букварь. Он старается не думать о нем, но я

вижу это в его сознании. Поищи в карманах

его плаща.

На лицо Молитора вернулась улыбка. Он подошел и протянул руку к карману моего

плица.

- Сражаешься до последнего, Грегор.

Сучий потрох.

Выстрел из лазгана отсек ему руку в запястье.

Молитор закричал и отшатнулся назад, зажимая другой рукой дымящуюся культю.

Неподалеку возникла Биквин, с трачной решимостью прижимающая приклад лазгана

к плечу и целясь в сердце ультрапарадикала.

- Убейте их! Убейте! - кричал Молитор.

Я немедленно почувствовал, как

психическое давление усиливается, чтобы прикончить меня. Но потом неожиданно

отпустило. Ментальная пустота

неприкасаемой Биквин оградила меня, стоило девушке оказаться рядом. Слуга, державший Некротек, в удивлении

отступил

назад.

Молитор, доведенный до безумия болью и гневом, увидел, что его могучему псайкеру каким-то образом помешали, и закричал:
- Албаара! Т'харт!

Кодовые слова. Унициирующие слова.

Двое слуг, остававшихся рядом с ним, прыгнули вперед, срывая с себя одеяния.

Арко-флагелланты.

Перепрограммированные еретики, оснащенные аугметикой и бионикой и используемые в качестве рабов-убийц.

Унициирующие слова вывели их из состояния утиротворенного счастья и привели в маниакальную ярость.

Под одеяниями скрывались отерзительные, сугубые твари, покрытые

группы были хирургическими и трансплантатами
и

священными заклинаниями. Их руки
заканчивались пучками электрохлыстов,
а

отупевшие глаза выпучивались из-под края
тусклых шлемов стирения, прикрученных
болтами к их головам.

Когда они бросились на нас, мы с Мугасом
и Биквин дружно выстрелили. Твари
получили страшные раны, но продолжали
двигаться. Их тела были накачаны
стимуляторами, анаболиками и
наркотиками, приводящими их в
исступление. Они просто не
почувствовали
причиненного им вреда.

Один из них был не более чем на
расстоянии вытянутой руки, когда чуть

ли не

полностью выпущенная мною болтерная
обойма наконец остановила его. Последний
выстрел оторвал армированную матрицу
с

химическими препаратами на его плече,
распыляя жидкость в воздухе. Через секунду
тварь упала, забившись в сугорогах у моих
ног, поскольку мой выстрел лишил ее
источника наркотика и оставил только
страдание.

Второй монстр к тому времени был
нашпигован главианскими иглами
Мугаса, но никак не реагировал на
многочисленные

раны. Мы стремительно бросились в
разные

стороны с его пути. Рева и размахивая
своими кнутаподобными руками, тварь за

Мугасом, ўворачваўшымся ад ўдаров
между

колоннамі. Толькі ловкасць і скорасць
ўроженца Главіі спасала Бетанкора ад
ўпорных попыток схватіць яго.

Он разумел, што ў яго асталося ўсёго
нескалькі секунд. Мы з Биквин пачаліся
прыіці ёму на дапамоцу, но практычна
нічога не маглі пагелать.

Мугас сорвал с пояса сўтку с гранатамі,
выдернуў чеку адной из них, изворачваўся
и скрываўся за колоннамі, едва ўспев ўіти
от шокирующаго ўдара гибких плетей,
оставивших шрамы на камне.

Мугас сделал виг, што сабіраецца
кўвыркнуцца влево, и бросился прямо на
тварь, накинўв ремень сўтки ей на шею и
прыгнўв через голову монстра.

Гранаты взорвались с оглушающим

грохотом и распылили безумствующего
арко-флагелланта. Взрывная волна
подхватила Мугаса, швырнув его в
колонну, где он и упал без сознания.

- Эйзенхорн! Эйзенхорн! - вопил Молистор,
пытаясь вместе с оставшимся слугой
выследить меня.

В его голосе звенели боль и ярость.

- Держись рядом, - сказал я Биквин, пока
мы отбежали в глубину зала. - Этому
псайкеру не удастся ничего сделать со
мной

до тех пор, пока ты рядом.

Внезапно внутрь обрушилась половина
потолка и значительная часть стены.
Через

секунду в воздухе разлилось ревущее
оранжевое пламя.

Оглушенные и опаленные взрывом, мы с

Биквин все-таки сумели быстро вскочить на

ноги. Теперь зал оказался наполовину под открытым небом, затянутым черным дымом

и расчерченными огненными всполохами.

- Пошли!

Вместе мы вылезли сквозь разрушенную взрывом стену, прокладывая путь по дымящемуся склону из битого камня и непонятого происхождения материала, используемого сарүти. Этот материал плавился и пузырился, словно пластмасса или плоть. Мы вышли на свет.

Мы стояли на поверхности здания сарүти.

Было холодно, и над хребтами сегментированной белой крыши дул сильный ветер, несущий с собой запахи дыма

и протетия.

Высота оказалась головокружительной.

Желчужные стены гигантской постройки, твердые и гладкие как лед, дугой спускались

к далекой земле. Биквин поскользнулась, и мне пришлось подхватить ее, чтобы она не

съехала вниз.

Стоя на такой высоте под чуждым небом, мы могли наблюдать за происходящим на поверхности планеты. Мы видели звенья военных транспортов, пробивающих завесу дыма и улетающих к кораблям-носителям на

орбите. По белой грязи пробирались солдаты

Имперской Гвардии, торопясь к

дожидавшимся их десантным шаттлам. Они

так спешили обратиться, что теряли рюкзаки, шлемы и даже оружие. По влажной грязи с

пылением катились танки и

бронетранспортеры, направляясь к тяжелым

транспортникам, высунувшим языки

грузовых трапов. Над озерами и белой

грязью все еще гремели выстрелы, когда

остатки войск еретиков напали на

отступающих солдат Империи.

С небес били копыта ослепительно

сверкающей энергии, разрушая все на

поверхности. Адмирал Спатиан буквально

воспринял инструкции Молитора и теперь

утожил поверхность, превращая планету в

безжизненный обугленный шарик. Всел

инквизиторам, так же как и капитану
Куанвольфу с его Десантниками, были
переданы кодовые слова о вступлении
операции в последнюю стадию. Молитор
подписал всем нам смертный приговор.
После ввода в действие Sanction Extremis
не

может быть отменен, даже если бы мой
коммуникатор работал, а не передавал
электромагнитные разряды,
сопровождаящие каждый орбитальный
удар.

В соответствии с ранее оговоренным
планом

после подтверждения уничтожения

Некротека лорд адмирал Спатиан должен
уничтожить место высадки со всей
возможной скоростью. Времени на вывод
наземных войск было в обрез.

Рүхнүлө еще одно згание сарүти,
расположенное километрах в двадцати
от
нашего. Его очертания, напоминающие
переливающегося моллюска-наutilus,
раскололись под синими лучами тяжелых
лазерных пүшек. Усходящие с галек, невидимых с земли кораблей смертоносные
копья разрывали дымовую завесу и
вонзались в планету. Словно настало
время
Сүда, обещанного Заветом. Устремители
и
бомбардировщики налетали волнами и
сбрасывали свой груз, распускающийся
колеблющимся тором жүтких цветов.
Управляемые ракеты, обтекаемые, как
акүлы, проносились над головой, совершая
свой первый и последний полет от

костического корабля до наземной цели.

Здание взорвалось и осело. Как круг по воде, побежала взрывная волна, сглаживая на своем пути все неровности ландшафта. Из

центра воронки поднялась высокая колонна белого дыма и непла, развернувшаяся на пятнадцатикилометровой высоте грибовидным облаком.

Зрелище было потрясающим, ошеломительным. Мы с Биквин уставились

на него. Через несколько мгновений та же история повторилась позади нас, в сорока километрах, когда разрушилось еще одно здание сарүти.

И несомненно, то здание, на гладком изгибе крыши которого мы стояли, вскоре

достигнет та же судьба. Я понимал, что
его

координаты уже загружены в мозги
орудийных сервиторов флота.

Мы побежали вдоль изогнутого сегмента
крыши. В черном дыму появились красные
огни дюж десантных челноков,

направляющихся к пехотинцам Муре-пуа,
еще остававшимся на земле. Меня
изумляла

самоотверженная отвага экипажей
транспортников. Спатиан не собирался
останавливать бомбардировку, чтобы
дать

им время слетать туда и обратно. Они
рисковали всем, пытаясь долететь до
поверхности и забрать как можно больше
солдат.

- Грегор! - прокричала мне в ухо Биквин.

Я обернулся. Из дыры, проделанной взрывом, на крышу выбирался Молитор и его прихвостень. Пошатываясь, они стали подбираться к нам.

Мимо меня прогудел лазер. В том месте, где он поцеловал желчужную поверхность, остался обугленный шрам.

- Букварь, сучий помрох! Отдай мне букварь! - верещал Молитор.

Вместо этого я выпустил в него целую болтерную обойму.

Первый болт отколол кусок от крыши. Но последующие взорвались в левом бедре, животе и горле ультраградикала.

Конрад Молитор дергался, пока разрывные болты выполняли свою работу, а затем упал. Его изувеченные останки скатились с кривой крыши и исчезли.

оставив на перламутровой поверхности кровавую полосу.

Его прихвостень пошел вперед, не обращая внимания на мои выстрелы и скидывая с себя бесформенный плащ с капюшоном.

Под ним он оказался голым. Он был высоким, мускулистым, с гладкой кожей, покрытой золотистым загаром. Наг привлекательным лицом с безупречными чертами из густой шевелюры выглядывали крошечные, рудиментарные рожки.

Его глаза были пусты.

Пророческие сновидения воплотились в явь.

Ужас охватил меня и вывернул наизнанку мое сердце.

Глава двадцать шестая

ЧЕРУБАЭЛЬ

НА ГРАНИ

ЭКСТЕРМИНАТУС

Человек с пустыми глазами - хотя, сказать

по правде, не был человеком этот демон в человеческом обличье, - шел ко мне по сверкающей поверхности. В своей изящной лагони он держал сверкающий октаэдр нечестивой книги сарүти.

- Грегор, пожалуйста, отдай мне букварь.

- Ты еще что такое?

- Здесь не самое подходящее место для

знакомства. - Он обвел жестом

происходящее вокруг. В грязь неподалеку от

нас ударили копыта аннигиляции.

- Доставь мне удовольствие, - произнес я.

- Ну ладно. Меня зовут Черубаэль. А теперь давай букварь. Время уходит.

- Время всегда уходит, - сказал я. - Кто тебя сотворил?

- Сотворил меня? - лукаво улыбнулся человек с пустыми глазами.

- Ты... демонхост. Тварь, вызванная из мира духов. Скажи мне, кто сотворил тебя и

кто приказал вам с Молитором заполучить

этот предмет... И может быть, я отдам букварь.

Он растаял и облизал тонкие губы блестящим, раздвоенным языком.

- Грегор, будь с тобой откровенным. Тебе придется отдать букварь. Или ты немедленно

отдашь его мне, или я буду вынужден
забрать его самостоятельно. А заодно -
переломать все кости в твоем теле. И
воспользоваться этой девочкой рядом с
тобой. И ей тоже переломать все кости. А
потом я стащу ваши содрогаящиеся тела
в

зал под нами, где повешу на крючьях и
буду

развлекаться, пока бомбардировка не
оставит здесь камня на камне. - Он сделал
паузу. - Выбирай.

- Ты снился мне задолго до этого
момента.

Почему? - продолжал давить я.

- У тебя есть особый дар, Грегор. А время
не вектор, как люди любят полагать.
Одна

секунда в варпе доказала бы тебе это.

Впрочем, это должна была бы доказать и секунда пребывания в четырехмерном пространстве сарүти. Твои сны были всего лишь пророческими кошмарами.

- Кто тебя сотворил? - Мой голос был настойчив.

Прозвучавшего ответа я ожидал менее всего, и он ошеломил меня.

- Грегор, меня сотворила Священная Инквизиция. Твои собратья сотворили. А теперь, в последний раз прошу, отдай...

Демонхост резко обернулся, услышав раздавшиеся снизу голоса. Брат-капитан Кианвольф выбрался из пробойны в сопровождении Мидаса и еще одного Десантника Караула Смерти, несущего обмякшее тело Тимуса Эндора.

Кианвольф вскинул штурм-болтер и

выстрелил в человека с пустыми глазами.

Черубаэль вытянул руку и схватил
разрывные болты прямо на лету.

- Вали отсюда, ублюдок Астартес! -

закричал он Куанвольфу. - Тебя сюда не
приглашали!

Демонхост двинулся ко мне. Но его

светящейся коже метались
энергетические

разряды. Я почувствовал вонь разложения.

Мы стояли вплотную.

Он протянул руку ладонью кверху. Его

ногти были глиняными, отполированными
и

заостренными, словно ногти.

- Найти неприкасаемую, чтобы помешать

мне... Умно. - Он посмотрел на Биквин. -
Как

тебе это удалось?

- Сүдба, как и время, нелинейна,
Черүбаэль. Ты и сам, без сомнения, знаешь
это. Я нашел Биквин так же, как сны о
тебе

нашли меня.

Он кивнул:

- Ты мне нравишься, Грегор Эйзенхорн.

Столь многообещающий и хитрый

соперник... для человека. Мне бы
доставило

большое удовольствие побеседовать с
тобой

и преломить хлеб... Но этого не будет! -

внезапно обрубил он. - Отдай букварь!

Я вынул многогранник. Его улыбка стала
шире.

Я бросил артефакт на гладкую крышу и,
прежде чем тот успел соскользнуть,
раздавил

его каблукот сапога.

Демонхост отступил назад и пристально посмотрел на оставшиеся от букваря осколки.

Черубаэль снова поднял на меня глаза:

- Грегор, ты исключительно

самоотверженный человек. Я бы получил истинное наслаждение, убивая тебя, если бы

нашелся подходящий день и час. Но ты уже и

так мертв. Этому зданию осталось

существовать двести сорок секунд.

Можешь

пока насладиться вот этим. - И он бросил в

меня Некротек ксеносов, и я поймал его

одетой в перчатку рукой. - Ты выиграл.

Можешь взять его в качестве утешения в загробной жизни.

Он побежал к краю крыши, а затем
взметнулся в великоленном прыжке,
подняв

руки. На мгновение завис в воздухе,
сложился пополам и, совершив сальто,
скрылся в огненном озере внизу.

Я притянул к себе Биквин, дожидаясь,
пока приблизятся Куанвольф, Мугас и еще
один Десантник из Караула Смерти.
Эндор, безвольно повисший на руках воина,
казался

мертвым. Я подумал, что хорошо бы так
оно

и было, потому что уже через мгновение
все

вокруг исчезнет в огне.

- Шипу розы от эгиды, сверху и... в общем,
сверху, во имя Императора! Чертова
глоссия!

Пошевеливайтесь!

Мой боевой катер опустился к крыше

здания, распахнув зев ската. Я видел
фишига, сидящего в кабине и орущего в
вокс.

Рядом с ним стоял Эмос.

Я наблюдал за разрушением 56-Узар с
мостика «Святого Скифуса». Молочную
шкуру планеты лизали языки адского
пламени, каждый размером с континент.

Sanction Extremis.

Экстерминатус.

Вслед за реками огня шли вирусные
бомбы. Бурлящие штормы искусственно
созданной чумы. Ядерное безумие.

К тому времени, как мы покинули
планету, на ее поверхности осталась
только

зола. С расой сарути контактов больше не
происходило.

И грязный, жаркий свет Некротека угас
навсегда.

Эпилог

ПАМОФРЕЙ

Мы отдыхали в Памофрее.

Сорок недель полета через Умлатериум
притупили триумф победы. Флот
отправился

к Трациан Примарис, и в последний раз я
увидел сержанта Джерусса, когда тот
тахал

тне рукой в дытном, шумном баре.

Я арендовал виллу «Звук Памофрея».

Мидас спал большую часть дня, коротал
ночи

за игрой в регициг с Этосом и Фишигом.

Биквин загорала на солнце и плавала в
волнах.

Я же сидел на просоленной открытой

веранге и взирал на пляж как бог,
позабывший свои творения.

Нам еще предстояла масса работы.

Необходимо было писать рапорты,

объяснительные и присутствовать на

допросах. Лорд Роркен вызвал нас на

трибунал, и Высшие Лорды Терры
ожидали

подробного отчета по данному делу.

Впереди

таячили месяцы бумажной работы,

слушаний и ревизий. Силу, стоявшую за

Моли-тором и дедонхостом, так и не
удалось

установить. И хотя лорд Роркен не
меньше

моего стремится найти ответ, я
сомневаюсь, что это окажется просто.

Вопрос может

годами гнить в лабиринтах

порывистого ветра. Разбиваются волны.

Человек с пустыми глазами все так же
проникает в мои сны.

Эхо минувшего или рябь грядущего?

Поживем - увидим.

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ

Руку я потерял на Саметере. И вот
история

о том, как это произошло. На
тринадцатый

день сагиттара (по местному календарю),
за

трие суток до солнцестояния в

средневысотном округе города Урбитан,
бродячий проповедник Ласло Мотбрил был

обнаружен беспомощно плетущимся без

глаз, языка, носа и обеих рук по плоской

крыше заброшенного кожевенного завода.

Урбитан - это второй по величине город

Сатетера, пришедшей в упадок
агрохитической планеты Геликанского
субсектора, и нет ничего удивительного в
зверских преступлениях и озлобленности,
вызываемых разрухой и нищетой его
перенаселенных кварталов. Но данный
варварский случай выбивался из ряда вон
по
своим причинам. Во-первых, он не был
проявлением ненависти или насилия на
почве пьянства, но являл собой
хладнокровный акт членовредительства,
практически ритуального нанесения
увечий.

Во-вторых, это было уже четвертое
подобное преступление за месяц.

Я пребывал на Сатетере уже около трех
недель, занимаясь по поручению
Верховного

Инквизитора Роркена расследованием
связи

между местной торговой федерацией и
сепаратистским движением с Тесперуса.
На

поверку оказалось, что их ничто не
связывает, - упадок экономики Урбитана
вынуждал федерацию вести дела с
нечистыми на руку владельцами
кораблей, и

весь корень проблем таился на Тесперусе, -
но мне показалось, что Верховный

Инквизитор просто пытается помочь мне
таким образом вернуться к активной
работе

после продолжительного и сложного дела с
Некротеке.

По имперскому календарю был уже конец

241.М41. Для меня только-только

завершился

многомесячный период назначенных
самому

себе восстановительных процедур,

медитации и учебы на Трациане
Притарис.

Глаза демонхоста Черубаэля по-прежнему
иногда будили меня по ночам, а шрамы,
причиненные пытками садиста Горгона

Лока, остались навсегда. Его
струэианский

нейронный бич повредил мне нервную
систему и парализовал лицо.

Так что улыбаться я теперь не смогу до
конца жизни. Но боевые раны, полученные
на КСХ-1288 и 56-Цзар, исцелились, и мне
не

терпелось вернуться к работе.

Эта простая деятельность на Саметере

вполне устраивала меня, так что я взялся
за

дело и покончил с ним после
стремительного

и эффективного расследования. Но, когда я
уже собирался отбыть, представители
Муниториума неожиданно попросили меня
об аудиенции.

Вместе со своими помощниками я снимал
апартаменты в Урбитан Экцельсиор -
несколько обветшавшем, но все еще
приличном заведении в одном из высотных
районов города. Затемненные копотью,
бронированные круглые окна открывали
вид

на грязно-серые башни города, позволяя
разглядеть даже гадкие воды
отравленного
залива в двадцати километрах от нас.

Орнитоптеры и бипланы сновали между
массивными городскими строениями, а
бегущие огни грузовых лифтеров и
трансорибитальных кораблей мерцали в
столбе, уплывая по направлению к
костогрому. На перешейке, проступая
сквозь дымку желтоватого, застойного
воздуха, протетиутные вышки
отпрыгивали

коричневый дым в вечные сумерки.

- Они уже здесь, - произнесла Биквин, входя
в гостиную номера из внешнего
коридора.

Она была в строгом платье из голубого
дамаска и шелковой паштине, четко
придерживаясь моего распоряжения, что
мы

должны производить спокойное, но
могущественное впечатление.

тне решил нанести визит сам Эскин

Гансаарг, министр безопасности
Урбитана.

Это был массивный мужчина, облаченный

в двубортный коричневый китель, и его

громоздное тело странно
контрастировало с

чистым, почти мальчишечьим лицом.

Эскина сопровождало другое
телохранителей в

серой, с армированными вставками

униформе и низенькая, коренастая, но

привлекательная черноволосая женщина в
темно-синем комбинезоне.

Я постарался оказаться в кресле на тот

момент, когда Биквин приглашала их
войти, чтобы иметь возможность
неторопливо и

уважительно подняться гостям

навстречу.

Мне не хотелось, чтобы у них остались сомнения в том, кто здесь главный.

- Министр Гансаарг, - сказал я, пожмая его руку. - Я инквизитор Грегор Эйзенхорн, Орго Ксенос. А это мои помощники: Елизавета Биквин, судебный исполнитель Тодвин Фишиг и научный сотрудник Убер Эмос. Чем могу вам служить?

- У меня нет никакого желания впустую отнимать ваше время, инквизитор, - ответил министр, явно нервничая в моем присутствии. Отлично, именно на это я и рассчитывал. - До моего сведения довели одно дело, которое, как я понимаю, оказалось вне компетенции городских арбитров. Откровенно говоря, оно отдает влиянием варна и вызывает к вниманию

Инквизиции.

Он был прямолинеен. Это впечатлило меня. Кроме того, он очень старался все сделать правильно. Однако я все еще полагал, что его дело окажется такой же пустышкой, как и разбирательство с торговой федерацией, - обычное преступление локального масштаба, требующее только того, чтобы я кивнул и позволил закрыть дело. Если верить моему

опыту, то люди вроде Гансаарда часто проявляют чрезмерную осторожность.

- За последний месяц в городе произошло четыре убийства, которые, на наш взгляд, связаны друг с другом. Мне нужен ваш совет

на этот счет. Они объединены признаком ритуальности насильственных действий.

- Покажите мне, - сказал я.

- Капитан? - откликнулся министр.

Арбитр-капитан Харли Уорекс оказалась той самой привлекательной женщиной с коротко подстриженными черными волосами. Она шагнула вперед, почтительно

поклонилась и протянула мне информационный планшет, украшенный золотым гербом *Agentus Arbitres*.

- Я подготовила обзорный отчет по собранным фактам, - сказала она.

Я по диагонали просмотрел информационный планшет, заранее приготовившись одарить это дело учтивым

кивком, как и намеревался с самого начала.

Но затем остановился, заметил

прокрутку...

вернулся назад.

Меня переполнила удивительная смесь
восторга и разочарования. Даже безлого
взгляда хватило, чтобы понять - это дело
незамедлительно требует
вмешательства

Имперской Инквизиции. В первый раз за
несколько месяцев я почувствовал, как
приходят в готовность мои инстинкты,
как

обостряется жажда деятельности.
Попросив

об аудиенции, министр Гансаард вовсе не
проявил излишнюю осторожность. И в то
же

самое время понимание того, что мой
отъезд

из этого отвратительного города

откладывается, не улучшало настроения.

Все четыре жертвы были ослеплены,
после

чего им удалили носы, языки и руки.

Подчистую.

Проповедник Молбрил оказался

единственным, кого обнаружили живым.
Он

скончался от ран спустя восемь минут
после

того, как был доставлен в клинику

средневысотного сектора Урбитана. Мне

показалось вероятным, что он смог каким-то
то

образом вырваться из рук своих
мучителей

прежде, чем те успели закончить свою
работу.

В трех других случаях все происходило

иначе.

Поль Грейвен, кузнец; Лютар Хеуолл, изготовитель париков; Угулана Фаспл, акушерка.

Хеуолла неделей ранее обнаружили городские сервиторы-уборщики, совершавшие рутинную проверку отводных труб в средневысотном округе. Кто-то собирался сжечь его останки и смыть их в древнюю канализацию города, но человеческое тело - штука удивительно прочная. При проведении вскрытия не смогли гарантировать, что утраченные члены не поддались разложению и не были смыты, однако повреждения предплечных костей убедительно говорили об использовании пилы или цепного клинка. Когда тело Угуланы Фаспл извлекли с

чердака под крышей одного из
многоквартирных зданий средневысотного
округа, это пролило больше света на
кончину

Хеулла. Кроме того, что фасл была
искалечена сходным с проповедником
Момбрилом образом, ее мозг, мозговой
ствол и сердце были вырезаны. Раны были
кошмарными. Один из обнаруживших ее
рабочих впоследствии покончил жизнь
самоубийством. Ее обескровленное, почти
мумифицировавшееся тело, высушенное -
прокопченное, если вам угодно, - под
обогревательными трубами на чердаке,
было
завернуто в темно-зеленую ткань, сходную
с
материей, которую используют для
постельных скаток в Имперской Гвардии,

и

прибито гвоздями к нижней стороне балки
при помощи строительного
пневматического
молота.

Сходство этого случая с делом Хейолла
убедило арбитров, что мозговой ствол и
сердце изготовителя париков, скорее
всего, также подверглись удалению. До
этого

времени обнаруженную нехватку данных
органов списывали на высокий уровень
токсичности содержимого сточных труб.

Грейвен, на самом деле оказавшийся
первой из обнаруженных жертв, был
выловлен в водах залива спасательным
судном. До того времени, когда
скрупулезная

проверка Уорекс не извлекла на свет

многочисленные сходства, предполагали, что это был самоубийца, расчлененный винтами проходившего мимо корабля. Из-за

специфичности локаций, в которых были обнаружены трупы, установить точное время

смерти оказалось практически невозможно.

Но Уорекс была уверена в приблизительном

временном интервале. Трейвена в последний

раз видели тринадцатого аквариума, за три

дня до того, как было выловлено его тело.

Хеуолл доставил законченный парик

покупателю из высотного округа двадцать

четвертого числа и поужинал в тот же вечер с

грузьяти в сосисочной средневысотного

округа. Фаспл не отчиталась о
проделанной

работе пятого сагиттара, хотя в

предшествовавшую ночь, если верить ее

грузьям, она выглядела счастливой и была
готова к следующей стене.

- Поначалу я решила, что в

средневысотном округе объявился серийный

убийца, - сказала Уорекс. - Но характер

нанесения увечий облагает

исключительными чертами. Это не дело
рук

таньяка или психопата, просто

издевающихся над телами после смерти.
Это

особенный ритуал, имеющий определенную
цель.

- И что вас заставило прийти к такому

заклучению? - спросил Фишиг.

Гогвин был именитым арбитром со Спеси и обладал значительным опытом в расследовании убийств. Если быть точным, то именно четкое знание и процедуры

дознания и ставший привычкой *modus operandi* убедили меня принять Гогвина в свою команду. Именно это, а также яростная

мощь, проявляемая им в бою.

Уорекс бросила на него косой взгляд, словно задаваясь вопросом, не собирается ли тот усомниться в ее профессионализме.

- Характер расчленения. То, как

избавлялись от останков. - Она посмотрела

на меня. - Инквизитор, если судить по накопленному мной опыту, серийный убийца втайне желает, чтобы его нашли,

и уж

конечно хочет обрести известность. Он
бюджет

выставлять напоказ свои жертвы,
провозглашая свою власть над социумом.
Он

восторгается наводимым им ужасом. Но
кто-то очень старался спрятать эти
тела. Это

позволяет предположить, что убийца был
более заинтересован в самих стернях, чем
в

реакции общества.

- Хорошо подмечено, капитан, - сказал я. -

Мой опыт также подтверждает это.

Ритуальные убийства, как правило,
пытаются

скрыть, чтобы культ смог продолжать
свою

деятельность, не страшась разоблачения.

- Предполагаю, что существуют жертвы,
о

которых пока не известно... - неожиданно

произнесла Биквин, и теперь, спустя годы,

вспоминая об этом ее пророчестве, я

чувствую, как у меня все холодеет внутри.

- Ритуальные убийства? - сказал
министр.

- Я боялся этого, потому и довел до вашего

сведения, но вы и в самом деле думаете...

- На Альфексе варп-культ отрезал своим

жертвам языки и руки, поскольку они

представляют собой органы общения, -

заговорил Эмос. - На Бреттарии
извлекали

мозг, поскольку таким образом
культисты

пытались поглотить духовную
сущность

своей жертвы - можно сказать, аниму. В

ряде

других миров изымались глаза... Гунглас, Пентари, Гесперус, Мессина... видите ли, глаза - это окна души. Известно, что еретики

святого Скарифа лишали своих жертв рук, а

затем заставляли писать предсмертное покаяние перьями, воткнувшими в обрубки...

- Достаточно информации, Эмос, - сказал я.

Министр уже побледнел.

- Совершенно очевидно, что убийства культовые, - произнес я. - В вашем городе разгуливает на свободе вредоносная секта Хаоса. И я собираюсь вывести ее на чистую воду.

Я немедленно отправился в

средневысотный округ. Грейвен, Хейолл и Фаспл были жителями именно этой части

Урбитана, да и Момбрила, хоть он и был гостем в метрополии, обнаружили в этом же

округе. Эмос поехал к архивному шпилью Муниториума в высотном округе, чтобы проверить местные записи. Особенно меня интересовали история активности культов на

Саметере и текущая обстановка. Фишиг, Биквин и Уорекс отправились со мной.

Genius loci может многое рассказать о совершенных преступлениях. До сих пор дела на Саметере приводили меня только в

самые чистые и высокие районы высотного округа Урбитана, поднимающиеся над

завесой стога.

Средневысотный уровень представлял собой унылую территорию нищеты и упадка.

Все вокруг покрывала тягучая стола атмосферных загрязнений, беспрестанно лил

кислотный дождь. По плохо освещенным улицам из конца в конец тащились колонны

примитивных машин, и казалось, что самый

камень зданий поражен гниением. Дымная тгла средневысотного округа имела

огненный, красноватый оттенок, благодаря

зареву, полыхающему над гигантскими заводами газовой переработки. Это напониало мне картины, изображающие

адское некло.

Мы вышли из бронированного спидера
Уорекс на углу улиц Парикмахеров и
Пятидесятницы. Капитан надела шлем
арбитра и стеганый армейский плащ.
Мне

очень хотелось иметь при себе шляпу или
кислородную маску. Дождь вонял мочой.

Примерно раз в тридцать секунд мимо
нас

по подвесной железной дороге, сотрясая
землю, проносился экспресс.

- Сюда! - выкрикнула Уорекс и повела нас
через двери, ведущие в гулкий коридор
многоквартирного дома.

Все вокруг покрывал слой вековой грязи.

Отопление работало на всю катушку,
целью

чего, возможно, была борьба с постоянной

сыростью, но результатом стали влажная
духота и запах псины.

Здесь и нашла свое последнее пристанище
Цгилана Фаспл. Ее обнаружили под
крышей.

- Где она жила? - спросил Фишиг.

- Через две улицы отсюда. Она занимала
комнату в одном из старых жилых
массивов.

- А Хеуолл?

- Жил в доме примерно в километре
западнее. А останки его обнаружили в
пяти

кварталах к востоку.

Я заглянул в информационный планшет.

Завод, где нашли Момбрила, располагался
менее чем в тридцати минутах ходьбы, а
до

дома Грейвена можно было добраться,

Нетного проехавшись на трамвае. Из

географического фокуса выбивалось
только

тело Грейвена, выброшенное в залив.

- Я тоже заметила, что все они жили
неподалеку друг от друга, - улыбнулась
Уорекс.

- Не сомневаюсь. Тем не менее,

«неподалеку» - действительно подходящее
слово. Не просто в регионе или округе. На
рядом расположенных улицах... их можно
назвать соседями.

- Есть идеи? - спросила Биквин.

- Убийца или убийцы тоже должны быть
местными, - сказал Фишиг.

- Или же кто-то из другого района

настолько ненавидел местных
обитателей, что приходил сюда убивать, -
произнесла

Уорекс.

- Словно в охотничьи уголья? - подметил
Тодвин.

Я кивнул. Обе догадки могли оказаться
верными.

- Осмотрится вокруг, - сказал я Фишигу и
Биквин.

Я ожидал реакции Уорекс, офицеры
которой уже прочесали все здание. Но она
ничего не сказала. Наша экспертная
проверка могла дать что-нибудь новое.
В конце коридора я обнаружил небольшое
помещение. В нем, без сомнения,
располагался офис управляющего. К
фанерной стене были прищиплены
булажные свитки: арендные описи, списки
нарядов по обслуживанию оборудования,
записки с жалобами жителей. Здесь же

стояли ящик с утерянными вещами,
помещенный в контейнер с маслом
частично

разобранный мини-сервитор и пахло
дешевой вышивкой. Выцветшая лента и
бүтажная розетка из имперской часовни
были приколоты над гверью гвардейским
значком, отмечающим полковой ранг
облагателя.

- Что вы здесь делаете?

Я оглянулся. Управляющий оказался
мужчиной средних лет, одетым в грязный
рабочий комбинезон. Я искал
отличительные особенности. Они всегда
меня интересуют. Золотой перстень с
печаткой в виде птички-катенки. Ряд
постоянных металлических скобок,
стягивающих шрам на его голове, где

никогда снова не вырастут волосы.

Преждевременно иссохшая кожа.

Настороженный взгляд.

Когда я представился, он не был слишком

впечатлен. На мой вопрос о том, кто он

такой, мужчина ответил только одно:

«Управляющий. Что вы здесь делаете?»

Я осторожно применил Волю.

Псионический дар часто закрывает
столько

же дверей, сколько и открывает. Но в
этом

человеке было что-то особенное. Он

нуждался в этой встряске.

- Как вас зовут? - спросил я, запуская

ментальный щуп. Управляющий
отшатнулся, и его зрачки изумленно
расширились.

- Квартер Трэвес, - пробубнил он.

- Вы были знакомы с акушеркой Фаспл?

- Иногда встречал.

- Разговаривали?

Трэвес покачал головой. Он, не отрываясь, продолжал смотреть мне прямо в глаза.

- У нее были друзья?

Управляющий пожал плечами.

- А что насчет посторонних? Никто не болтался по дому?

Он прищурил глаза. Печальный, напуганный взгляд, говорящий о том, что

я, должно быть, не видел эти улицы.

- У кого есть доступ к чердачным помещениям, где было обнаружено тело?

- Туда никто не поднимался с тех пор, как было построено здание. А потом отопительная система полетела и

подрядчикам пришлось проламывать крышу, чтобы туда попасть. Тогда тело и нашли.

- А люка нет?

- Там шлюзовой ставень. Он заперт, и ни у кого нет ключей. Проще проломить гипсовую стену.

Мы спрятались от дождя под подвесной железной дорожкой.

- То же самое Трэвис рассказал и мне, - подтвердила Уорекс. - До тех пор пока подрядчики не поднялись на крышу, там годами никто не бывал.

- Кто-то побывал. Кто-то, у кого оказались ключи от ставня. Убийца.

Сточные трубы, где нашли Хейолла, располагались позади ряда коммерческих

строений, облепивших древнюю
поверхность

инструментального цеха. Здесь же
располагалось нечто вроде бара - здание
размером в два этажа, где неоновая
вывеска

терцала между аквиллой и геральдической
лилией. Фишиг и Уорекс продолжили
подниматься на следующий подвесной
уровень, чтобы полюбоваться там на
грязные

окна домов. Мы с Биквин зашли в бар.

Освещение внутри было тусклым. На
верхнем этаже на вращающихся стульях
сидели четверо или пятеро выпивох,
которые не обратили на нас никакого
внимания. В воздухе витал аромат
обскура.

За стойкой бара стояла женщина, которая

сердито повернулась к нам в тот же момент, как мы вошли. Она разменяла пятый десяток

и обладала мощным, почти мужским телосложением. Рукава ее рубашки были обрезаны по плечи, позволяя увидеть руки, которые были не менее мускулисты, чем у

Фишига. На бицепсе виднелась небольшая татуировка в виде черепа с перекрещенными костями. Кожа ее лица была иссохшей и грубой.

- Что вам надо? - спросила она, протирая стойку стеклотканью.

При этом я увидел, что ее правую руку, начиная от локтя, заменял протез.

- Информация, - сказал я.

Она резким движением бросила тряпку за ряд бутылок, стоявших на полке за ее

спиной.

- Это не ко мне.

- Вы знакомы с человеком по имени

Хеуолл?

- Нет.

- Этого человека нашли в

канализационных трубах за этими
зданиями.

- Ого. А я и не знала, что у него было имя.

Теперь, оказавшись к ней ближе, я смог
разглядеть, что татуировка на ее руке
изображает не череп и кости. Это была
каменка.

- У всех нас есть имена. Кстати, как
зовут

вас?

- Отин Люнд.

- Вы живете здесь?

- Живу - слишком сильное слово. - Она

отвернулась, чтобы вновь наполнить
стакан

одного из выпивох.

- Жуткая стерва, - произнесла Биквин,
когда мы вышли наружу. - Здесь все ведут
себя так, словно им есть что скрывать.

- Здесь у всякого найдется что скрывать,
хотя бы ненависть к этому городу.

Удача отвернулась от Урбитана, да и от
всего Саметера, уже много лет назад.

Промышленные ульи Трациана Примарис
задавили производство Саметера, и
прибыль

с экспорта резко сократилась. Стараясь
не

выбыть из конкурентной борьбы, местные
власти, чтобы увеличить производство,
сняли с химических заводов ограничения по
выбросу загрязнений в атмосферу. В

течение

нескольких сотен лет Урбитан имел проблемы со смогом и отравляющими
воздух

веществами. Но в последние несколько десятилетий эти проблемы уже никого не волновали. Загудел вокс. Меня вызывал Эмос.

- Что удалось найти?

- Это очень странно. Саметер оставался чист от скверны довольно приличное время.

Последний раз Инквизиция проводила здесь расследование тридцать один стандартный

год назад, да и то не в Урбитане, а в

Аквитании, столице. Искали

незарегистрированного псайкера. Конечно, преступность на планете широко

распространена, в особенности если
говорить о торговле наркотиками и
уличных

граках. Но ничего, что на самом деле
можно

было бы назвать ересью.

- Нет ничего, что напоминало бы
ритуальные убийства в нашем случае?

- Ничего, хотя я проверил архивы за два
столетия.

- Что насчет значений gam?

- Тринадцатое саггитара - это почти
канун

солнцестояния, но я не могу проследить
какую-либо связь. День зачистки ульев

Сарпетала, как правило, знаменует
усилением деятельности культов в

субсекторе, но до него еще шесть недель.

Единственное, что могу сказать, так это

то, что пятого сазгитары была двадцать
первая

годовщина битвы за Высоты Клодешу.

- Не припоминаю такой.

- Шестое из семи полномасштабных
сражений за время шестнадцатимесячной
имперской кампании на Сюреалис Шесть.

- Сюреалис... это же в целом субсекторе
отсюда! Эмос, какой день ни возьми, он
окажется годовщиной какой-нибудь
имперской операции. Какая связь?

- Девятый Саметерский полк сражался на
Сюреалисе.

Фишиг и Уорекс, наконец, перестали
шнырять по верхним уровням и
присоединились к нам. Капитан
разговаривала по воксу.

Она выключила его и посмотрела на меня.

Но ее щитку струились капли дождя.

- Нашли еще одного, инквизитор, - сказала она.

Это был не один, а трое, и их обнаружение серьезно расширило зону поисков.

Муниципальные рабочие должны были снести старое складское здание, серьезно поврежденное пожаром два месяца назад, чтобы использовать освободившееся пространство под строительство дешевого

блочного жилья. Тела обнаружили за изоляционным слоем разрушающейся секции, которую не затронул огонь.

Женщина и двое мужчин были изувечены так же, как и все остальные жертвы.

Но эти трупы пролежали значительно дольше. Чтобы понять это, мне хватило

одного взгляда.

Пригибаясь, я стал пробираться среди обломков склада. Сквозь дыры в крыше лил дождь, похожий на снег в холодном голубом свете прожекторов арбитров.

Повсюду стояли офицеры, но ни один из них не стал прикасаться к находке.

Мутифицировавшиеся и скорчившиеся в позе эмбриона сухие останки долгое время пролежали за стеной.

- Что это? - спросил я.

Фишиг наклонился вперед, чтобы рассмотреть.

- Клейкая лента. Их обмотали, чтобы не разваливались. Старая. Верхний слой уже прогнил.

- На ней есть какой-то узор. Из

серебряных частичек.

- Думаю, что это армейский вариант.

Знаешь, такой с серебристым покрытием?

Оно со временем осыпается.

- Эти тела были спрятаны в разное время,

- сказал я.

- Мне тоже так показалось, - ответил

Фишиг.

Отчета эксперта-медика пришлось

прождать шесть часов, но он подтвердил

наши догадки. Все три тела пролежали
за

стеной не менее восьми лет, хотя для

каждого этот срок был разным.

Особенности

разложения показывали, что один из
мужчин

пробыл там порядка двенадцати лет, а
второе

дрүгих попали түдә позднее.

Идентифицировать трупы пока не удавалось.

- В последний раз склад использовался шесть лет назад, - пояснила мне Уорекс.

- Мне нужен список людей, работавших здесь до того, как здание вышло из эксплуатации.

Кто-то в течение нескольких лет использовал одно и то же место и поток клейкой ленты, чтобы прятать тела.

Заброшенный кожевенный завод, где нашли беднягу Момбрила, стоял на пересечении улицы Ксеркса и ряда трупобных многоэтажных домов, известных

как Громада. Здесь все еще стояла постоянная вонь щелока и короскүтүмә, использующихся при дүблении. Никакие

кислотные дожди не могли вымыть этот запах.

Нормального выхода на крышу не было.

Мы с Фишигом и Биквин забрались туда по

металлической пожарной лестнице.

- Как долго может прожить человек с такими увечьями?

- Если отрубить огни только кисти, он, скорее всего, истечет кровью минут за

двадцать, - прикинул Фишиг. - Но если ему

пришлось спастись бегством, то его мог немого подстегивать адреналин.

- Значит, от места, где он был найден, до места преступления должно быть не более

двадцати минут ходу.

Мы остотрелись. На нас в ответ

посмотрел

грязный город, перенаселенный, со
жмущимися друг к другу домами.

Существовали сотни возможностей.
Чтобы

все обыскать, потребовались бы многие
дни.

Но мы могли сузить зону поисков.

- Как он попал на крышу? - спросил я.

- Мне тоже хотелось бы знать, - произнес
Фишиг.

- А лестница, по которой ты... - Биквин
осеклась, осознав свою оплошность.

- Без рук? - устехнулся Фишиг.

- И без глаз, - закончил я. - Возможно, что
он не сбежал. Вероятно, что сюда его
притащили мучители.

- Или же он свалился, - сказала Биквин,
показывая куда-то. С востока над крышей

кожевенного завода нависало здание склада.

В десяти метрах над нами виднелись разбитые окна.

- Если он был где-то там, то мог, удирая в своей слепоте, вывалиться оттуда и упасть на крышу...

- Хорошая мысль, Елизавета, - сказал я.

Арбитры проделали неплохую работу, но даже Уорекс не задумалась о несоответствиях.

Мы подошли к боковому входу склада.

Потятые металлические ставни оказались

заперты. На стене было прикреплено объявление, предостерегающее от влома собственности
Агрикультурных
Хранилищ

Гангласа.

Я извлек свой мультиключ и отпер
висячий замок. При этом я заметил, как
Фишиг вынимает пистолет.

- В чем дело?

- У меня такое чувство... что за нами
сейчас наблюдают.

Мы вошли внутрь. Воздух был
прохладным. Здесь все еще пахло
хитикатами. Ряды цистерн, наполненных
химическими удобрениями, выстроились
вдоль стен гүлкого помещения.

Пол второго этажа представлял собой
гощатый настил. Помещение не
использовалось уже несколько лет. Дверь,
за

которой начинался подъем наверх, была
забрана металлической решеткой, мокрой

от

стекающей дождевой воды. Фишиг дернул решетку. Та оказалась фальшивой и легко отошла в сторону.

Теперь и я вытащил свой автоматический пистолет.

На третьем этаже, откуда можно было выйти на крышу примыкающего здания, мы

обнаружили комнату десять на десять метров, на полу которой был расстелен лист

пластика, покрытый запекшейся кровью и прочими органическими отложениями. В помещении висел запах ужаса.

- Здесь с ним и сделали это, - уверенно произнес Фишиг.

- Никаких культовых знаков или

символики Хаоса, - заметил я.

- Не факт, - сказала Биквин, пересекая комнату и стараясь не наступить на измазанный лист.

Я был более чем уверен, что она куда больше заботилась о сохранности своей обуви, нежели о неприкосновенности сцены преступления.

- Что это? Здесь что-то было подвешено.

В стену было вбито два ржавых крюка, свежие царапины на которых давали понять: здесь недавно что-то вешали. На полу под

крюками желтым телом был нанесен причудливый символ.

- Он встречался мне и раньше, - сказал я.

В этот момент загудел мой вокс. Меня вызывала Уорекс.

- У меня есть запрошенный вами список

рабочих.

- Хорошо. Где вы сейчас?

- Собирается встретиться с вами на кожевенном заводе, если вы все еще там.

- Мы встретимся с вами на углу улицы Ксеркса. Передайте своим людям, что мы обнаружили место преступления на складе удобрений.

Мы вышли из комнаты, где произошло убийство, и направились к лестничному проему.

Фишиг застыл на месте и вскинул пистолет.

- Снова? - прошептал я.

Он кивнул и оттолкнул Биквин в укрытие за дверь.

Если не считать стука дождя и шуршания насекомых, стояла абсолютная тишина.

Сжимая оружие, Фишиг посмотрел на ветхую

крышу. Может быть, это только мое

воображение, но мне показалось, что я

увидел тень, двигающуюся по обнажившимся

стропилам.

Я двинулся вперед, направляя ствол на эту тень.

Что-то скрипнуло. Половица.

Фишиг указал на лестницу. Я кивнул, подтверждая, но последнее, чего мне

хотелось, так это открывать огонь по ложной

цели, поэтому я осторожно включил вокс и

прошептал:

- Уорекс, вы точно не входили на склад, чтобы встретиться с нами?

- Никак нет, инквизитор.

- Прием окончен.

Фишиг подошел к краю лестничной площадки и посмотрел вниз, нацеливая оружие.

Лазерный импульс пробил доски возле его ног, и Гогвин откатился в сторону.

Я выпустил три заряда в лестничный пролет, но неудачно выбрал угол.

В ответ раздалось два выстрела из винтовки, а затем снова полыхнул лазер, обжигая пол.

«Стреляют сверху», - запоздало сообразил я. Тот, кто стоял на лестнице, был вооружен

винтовкой, но лазерный огонь велся с крыши. Я услышал шаги этажом ниже.

Фишиг приподнялся, собираясь броситься в погоню, но очередной лазерный импульс заставил его снова залечь.

Я вскинул пистолет и открыл огонь по крыше, пробивая в черепице дыры, сквозь которые заструился бледный свет.

Наверху что-то зашуршало и заскрипело.

Фишиг тут же оказался на лестнице, преследуя второго противника.

Я же побежал по третьему этажу, следуя за

звуками, которые издавал человек, бегущий

по крыше.

В проломе я увидел силуэт и выстрелил

снова. Мне ответила яркая вспышка лазера, но затем раздался глухой удар и скрежет, как

при скольжении.

- Прекратить огонь! Сдавайтесь!

Инквизиция! - проревел я, воспользовавшись
Волей.

Последовал более весомый грохот, словно
обрушилась целая секция крыши. В
соседнем

помещении черепица лавиной сыпалась на
пол и разбивалась.

Я вломился в дверь, вскидывая пистолет и
готовясь выкрикнуть очередной приказ,
подкрепленный Волей. Но в комнате
никого

не оказалось. Кучи битой черепицы и

кирпичей устилали пол под зияющей
дырой

в крыше, и среди обломков лежала

деформированная лазерная винтовка. В

дальнем конце комнаты виднелись
разбитые

окна, те самые, которые Биквин
заметила с

крыши кожевенного завода.

Я подбежал к одному из них. По крыше
кожевенного завода бежала массивная
фигура в темной одежде. Убийца спасался
от

меня тем же путем, каким от него в
последний раз сбежала жертва, - через
окна, выходящие на крышу соседнего здания.

Расстояние было слишком большим,
чтобы использование Воли дало хоть
какой-нибудь эффект, зато угол зрения и
прицел оказались достаточно хороши. Я
решил стрелять в затылок и, за секунду
до

того, как убийца исчез бы в укрытии,
стал

плавно нажимать на курок...

...и тут позади меня взорвался весь мир.

В себя я пришел, лежа на руках
баюкающей меня Биквин.

- Не шевелись, Эйзенхорн. Медики скоро
прибьдут.

- Что случилось? - спросил я.

- Мина-ловушка. Помнишь лазган,
который бросил тот парень? Он взорвался
у

тебя за спиной. Перегрузка
энергетической
ячейки.

- Фишиг достал своего?

- Конечно.

На самом деле нет. Ему это не удалось.
Он

упорно гнался за своим противником по
лестнице через два этажа, а затем через
нижние помещения склада. У выхода

убийца

неожиданно развернулся и опустошил

обойму своего автоматического
пистолета в

Годвина, вынуждая того броситься в
укрытие.

В этот момент поспела капитан
Уорекс

и пристрелила человека, стоявшего в
дверях.

Мы собрались в тесном офисе Уорекс.

Отделение арбитров средневысотного
сектора гудело, как потревоженный улей.
К

нам присоединился Эмос, нагруженный

бумагами и информационными
планшетами

и притащивший с собой Мугаса
Бетанкора.

- Ты в порядке? - спросил Мугас.

В своей вышитой вишневой безрукавке он казался ярким цветным пятном на фоне строгого сүтрака средневозвышенного окрүга.

- Мелкие ссадины. Со мной все хорошо.

- Я-то дүтал, что ты собирается улетать, а

ты тут, оказывается, просто решил повеселиться без меня.

- Я тоже дүтал, что ты собирается улетать, пока не үвидел это дело. Посмотри

записи Биквин. Мне нужно, чтобы ты как можно быстрее вошел в күрс дела.

Древнее, напичканное аүгметикой тело

Эмоса дошаркало до стола Уорекс и

бесцеремонно свалило в күчү свои книги и планшеты.

- Я работал, - сказал Убер.

- И наработал какие-нибудь результаты? -
спросила Биквин. Он одарил ее кислым
взглядом.

- Нет, если честно. Но мне удалось
собрать
достойный похвалы объем информации.

Когда начнется обсуждение, я, возможно,
смогу заполнить некоторые пустые места.

- Нет результатов, Эмос? Это очень
странно, - устехнулся Мидас, и его белые
зубы сверкнули на темном лице.

Он передразнивал престарелого ученого,
используя излюбленную фразу Эмоса.

Передо мной лежал список рабочих
склада, где нашли три тела, и еще один
такой

же список для сельскохозяйственного
хранилища, где мы вступили в

перестрелку.

Быстрая сверка гала гва совпадающих
имени.

- Брел Согакис. Вил Веник. Оба работали
на складе, пока тот не закрылся. На
данный

момент оба наняты «Азрикүльтүрными
хранилищами Танглмаса».

- Прошое? Адреса? - спросил я у Уорекс.

- Я проверю, - сказала она.

- Итак... значит, у нас здесь культ, да? -

спросил Мидас. - У вас есть серия

ритуальных убийств, как минимум одно

место преступления, а теперь еще и
имена

двух возможных культистов.

- Возможно.

Я не был уверен. Все казалось

одновременно и большим, и меньшим, чем представлялось вначале. Чутье инквизитора.

Остатки лазерной винтовки, брошенной моим соперником, лежали на столе для улик.

Несмотря на повреждения, причиненные взорвавшейся от перегрузки энергетической ячейкой, не составило труда определить модель.

- Энергетическая ячейка могла взорваться из-за того, что оружие упало? Он ведь провалился сквозь крышу, верно? - спросила Биквин.

- Эти штуки очень прочные, - ответил Годвин.

- Принудительная перегрузка, - сказал я. -

Старый трюк Имперской Гвардии.

Солдаты

знают, как это сделать. Применяется в качестве последнего слова в критической ситуации. Когда их зажимают в угол. Когда

и все равно остается только утереть.

- Нестандартное изменение, - произнес

Фишиг, тыча в дужку курка искалеченного

лазгана. Знания Годвина об оружии казались

порой обширными до неприличия. - Bugime

эту модификацию? Дужку расточили, чтобы

сделать расстояние до курка больше.

- Зачем? - спросил я.

- Чтобы удобнее было держать, - пожал

плечами Фишиг. - Например, аугметической

рукой с увеличенными пальцами.

Мы прошли по коридору к помещению

торга, где на столе лежал человек, застреленный Уорекс. Это был средних лет

мужчина мощного телосложения, но

выглядевший явно старше своих лет. Его

кожа была обветренной и морщинистой.

- Личность установили?

- Мы работаем над этим.

Сотрудники торго раздели покойника

донага. Фишиг старательно изучил его,

перевернув труп с помощью Уорекс, чтобы

осмотреть спину. Одежда и личные вещи

мужчины лежали в пластиковых пакетах

на

подносе в ногах покойного. Я взял один

пакет и поднес его к свету.

- Татуировка, - отпарентовал Фишиг. -

Имперский орел на левом плече. Грубая, старая. Под ней буквы... заглавная С, точка, заглавная П, точка, заглавная Т, заглавная Х.

Я как раз нашел в пакете перстень с печаткой. Золотой, с изображением каменки.

- С. П. ТХ, - произнес Эмос, - Саметерский полк номер девять.

Девятый Саметерский полк был основан в Урбитане двадцать три года назад и нес службу, как уже сообщил Эмос, во время жестокой освободительной войны на Сюреалисе Шесть. Согласно городским архивам, пятьсот тринадцать ветеранов той

войны и того полка вернулись на родину после службы тринадцать лет тому назад, понав из мира воюющего в мир увядающий, полный болезненной нищеты и

лишенный

будущего. Их полковой эмблемой, что нормально для некогда аграрно-культурного мира, была птичка камбанка.

- Они вернулись тринадцать лет назад. У сакая давняя жертва также относится к этому времени, - произнес Фишиг.

- Кампания на Сюрреалисе Шесть была тяжелой, верно? - спросил я.

Эмос кивнул:

- Враг хорошо окопался. Сражение было яростным, ожесточенным. Ожесточающим.

Да к тому же еще и климат. В небе два солнца, белые карлики, нет никакого облачного покрова. Ожесточающие жара и свет, не говоря уже о потоках ультрафиолета.

- Травмирует кожу, - пробормотал я. - Она

становится обветренной и
преждевременно

старится.

Все посмотрели на морщинистое лицо
покойного, лежащего на столе.

- Я запрошу список ветеранов, - вызвалась
Уорекс.

- Он у меня уже есть, - произнес Эмос.

- Готов биться об заклад, что ты найдешь
в

нем имена Брела Согакиса и Вима
Веника, -

сказал я.

Эмос помолчал, просматривая перечень.

- Так и есть, - наконец согласился он.

- А что насчет Кватера Трэвеса?

- Да, он тоже здесь.

Мастер-комендор-сержант Кватер
Трэвес.

- А Отин Люнз?

- Кххл... да. Снайпер первого класса.

Оставила службу по инвалидности.

- Значит, Девятый Саметерский был смешанным полком? - спросила Биквин.

- Как и все наши войска Гвардии, - с гордостью произнесла Уорекс.

- Итак, все эти тужчины... и женщины... -

задумчиво заговорил Мугас. - Эти солдаты

прошли через ад. Они сражались с порчей, занесенной Хаосом... Ты думаешь, они

привезли ее с собой? Оказались затронуты

сати? Ты думаешь, что на Сюреалисе они

были инфицированы прикосновением варпа

и с тех пор совершают ритуальные убийства, поклоняясь ему?

- Нет, - сказал я. - Мне кажется, что они

все еще продолжают сражаться.

Печальной реальностью Империи до сих пор остается то, что еще ни один ветеран не смог вернуться с войны невредимым. Огни только сражения уже рвут нервы и калечат тела. Но ужасы варна и отвратительные расы ксеносов вроде тиранидов навсегда травмируют рассудок, заставляя ветеранов бояться теней и ночи, а иногда и собственных друзей и соседей до конца жизни.

Гвардейцы Девятого Саметерского пехотного полка возвратились тринадцать лет назад, поломанные свирепой войной против извечного врага человечества, и

вместе со своими шрапнелами и страхами привезли с собой эту войну.

Арбитры немедленно устроили рейды по адресам всех тех ветеранов из списка, чье местожительство удалось проследить, и

тех, которые еще были живы. Выяснилось, что со времени их возвращения на родину рак кожи унес две сотни ветеранов. Они присоединились к боевым потерям на Сюрреалисе.

Многих оставшихся удалось захватить.

Сбившиеся с пути праведного пьяницы, опустившиеся наркоманы и несколько почтенных граждан, старающихся вести честную жизнь. Перед этими последними мне в особенности хотелось извиниться. Но около семидесяти человек выследить не удалось. Многие из них могли пропасть

без вести, переехать или умереть без
того, чтобы информация об этом дошла
до

властей. Но некоторые, совершенно
очевидно, сбежали. Для начала хотя бы

Люнг, Трэвес, Согакис, Веник. Их
квартиры

были обнаружены пустыми, с

разбросанными вещами, как если бы

обитатели покидали свое жилье в спешке.
То

же самое было найдено еще по двадцати
адресам, соответствующим именам из
списка.

В дом одного из ветеранов, бывшего

капрала Жеффина Санкто, арбитры
прибыли

как раз вовремя, чтобы предотвратить
побег.

В Гвардии Санкто был огнеметчиком и,

как

многие его коллеги, ухитрился оставить
свое

оружие на память. Проревев боевой клич
Девятого Саметерского полка, он спалил
четырех арбитров на лестничной клетке,
прежде чем тактические группы органов
правосудия изрешетили его тело градом
ружейных выстрелов.

- Почему они убивают? - спросила Биквин.

- Все эти годы, проводя тайный ритуал?

- Не знаю.

- Знаешь, Эйзенхорн. Прекрасно знаешь!

- Ладно. Я догадываюсь. Представь...

анекдот про состояние Императора,
рассказанный парнем с соседнего кузнечного
пресса, заставляет твой хрупкий рассудок
поверить, что этот человек затронут
варпом.

Кто-то изготавливает парики, чьи завитки

напоминают тебе тайные знаки Хаоса.

Акушерка, как тебе кажется, подсовывает отпрысков вечного врага в дома матерей средневысотного округа. Бродячий проповедник кажется слишком пылким, чтобы быть чистым.

Она уставилась в пол лэндспидера.

- Они видят демонов повсюду.

- И во всем. Во всех. И, так уж выходит, они верят, что, убивая, служат Императору.

Они не доверяют никому, поэтому не

информируют власти. Они забирают глаза, руки и языки... все органы коммуникации, все, при помощи чего извечный враг мог

передавать свою гнусную ложь. Затем они уничтожают сердце и мозг - органы,

которые, согласно типичному солдатскому
мифу, влещают демонов.

- Так что мы будем делать теперь?

- Снова доверится интуиции.

Ратуша Аграрного Братства Саметера представляла собой массивное здание, возведенное из бутового камня на Печной улице. Ее фасад разрушался под воздействием стога и кислотных дождей. Строение стояло заброшенным уже два десятилетия.

В последний раз оно использовалось в качестве сборного пункта для завербованных

солдат Девятого Саметерского полка. В глиняных коридорах ратуши мужчины и женщины, поступавшие на службу, вносили свои имена в списки, получали новехонькую

униформу и приносили боевую присягу
Богу-Императору Человечества.

В определенные времена, при
определенных обстоятельствах, когда нет
возможности использовать настоящий
алтарь Императора, офицеры Гвардии

вынуждены импровизировать, чтобы
проводить свои церемонии. Имперский
орел, штандарт с аквилой, подвешивается
на

стене, а освященная точка отмечается
пог

нит на полу желтым мелом.

Ратуша не была освященным зданием. И
основание полка должно было стать
первым

случаем, когда молодые рекруты увидели,
как это происходит. Они приносили свои
клятвы гербу, нарисованному мелом, и
свисающей со стены аквиле.

Уорекс привела с собой три группы
огневой поддержки, но я решил, что
вначале

тихо войду я в сопровождении только

Мидаса и Фишига. Биквин и Эмос
остались в

машине.

Мидас был вооружен своими парными
игольными пистолетами, а Фишиг взял
автоматическое ружье. Я же вознал
плоскую

обойму, полную зарядов, в прекрасный
болтерный пистолет, который подарил
мне

Бритном, библиарий Агентус Астартес
Караула Смерти.

Мы распахнули дощатые двери
разрушающегося здания и пошли по сырому
коридору. С потолка капала вода,
собираясь в

лужицы на изъеденном кислотой тротуаре.

До нас донеслось пение. Нестройный хор
распевал Боевой гимн Золотого Трона.

Низко пригибаясь, я повел своих
спутников вперед. Через потрескавшиеся

окна внутренней двери мы заглянули в
главный зал. Двадцать три ветерана в
обносившейся одежде стояли рядами,
преклонив колена на грязном полу. Пока
они

тели, их головы склонялись перед
имперским орлом, свисающим со стены.
Пог

аквилой на полу виднелся нарисованный
желтым мелом герб. У каждого ветерана
был

заплечный мешок или рюкзак, а в ногах
лежало оружие.

У меня заныло сердце. Именно так все и
выглядело два десятилетия назад, когда
они

еще только поступали на службу,
молодые, полные сил и рвения. До того, как
началась

война. До того, как начался кошмар.

- Дайте мне попробовать... попытаться

предоставить им шанс, - произнес я.

- Грегор! - прошипел Мугас.

- Дайте мне попытаться, ради их спасения.

Прикройте меня.

Я скользнул в зал, опустив оружие вдоль тела, и присоединился к хору.

Один за другим голоса утолкали, а склоненные головы поворачивались ко мне.

В дальнем конце возле желтого алтарного

знака стояли, уставившись на меня, Лунд, Трэвес и еще один, незнакомый мне бородач.

Не обращая внимания на утолкшие голоса, я гонел гимн.

- Все завершилось, - сказал я. - Война окончена, и вы исполнили свой долг. Вы

сделали даже много больше того, что от вас

требовала присяга.

Молчание.

- Я инквизитор Грегор Эйзенхорн. И я здесь, чтобы освободить вас. Осторожная война против гнили Хаоса, которую вы втайне вели на Урбитане, завершена. Теперь

в дело вступает Инквизиция. Вы можете отдохнуть.

Двое или трое склонившихся ветеранов заплакали.

- Ты лжешь, - произнесла Люнд, выходя вперед.

- Не лгу. Сдайте ваше оружие, и я обещаю, что с вами обойдутся по справедливости и со

всем уважением.

- Мы... мы получим медали? - грожащим голосом спросил бородатый человек.

- С вати вечно пребудет благодарность Императора.

Все больше людей плакало. Из страха, отчаяния или явного облежчения.

- Не верьте ему! - сказал Трэвес. - Это очередной трюк!

- Я видела тебя в своем баре, - сказала Люнг, делая еще один шаг вперед. - Ты вынюхивал.

Ее голос был пустым, отстраненным.

- А я видел тебя на крыше кожевенного завода, Омин Люнг. Ты все еще метко стреляешь, несмотря на искусственную руку.

Она с некоторым стыдом посмотрела на свой протез.

- Мы получили медали? - с надеждой повторил бородач. Трэвес обернулся к нему:

- Снейк, ты кретин, конечно же нет! Он пришел, чтобы убить нас!

- Нет, я... - начал было я.

- Я хочу медаль! - неожиданно закричал

Снейк, плавно и стремительно срывая с

пояса лазерный пистолет, как может только

опытный солдат.

Выбора у меня не оставалось.

Его выстрел пропорол наплечник моего

плаща. А мой болт взорвался в голове

Снейка, окропив кровью ржавого

металлического орла на стене.

Началось сущее светопреставление.

Ветераны вскочили на ноги, открывая

бешеную пальбу и рассредоточиваясь.

Я бросился на пол, и пули изрешетили

гипсовую стену у меня за спиной. В какой-то

момент Мугас и Фишиг бросились
внутрь, стреляя навскидку. Трое или
четверо

ветеранов рухнули, скошенные
бесшумными

излами, и еще шестеро закувыркались,
когда

их разорвали на части выстрелы из
дробовика.

Трэвес побежал вдоль рядов скамеек,
стреляя в меня из своего старого
армейского

лазгана. Я откатился в сторону и
выстрелил в

ответ, но мой заряд ушел в сторону. Лицо

Кватера искажилось, когда его прошили
изгры, и бывший гвардеец сложился

пополал.

Внутрь ворвались Уорекс и ее отряды
огневой поддержки. Плата из опрокинутых
химических светильников взметнулось по
стене.

Я поднялся на ноги и был отброшен назад
лазерным импульсом, оторвавшим мне
левую руку.

Нагая, я увидел Люнг, с трудом
управляющуюся с нерасточенным куком
лазгана Трэвеса.

Мой болт ударил в Отин Люнг с такой
силой, что ее пронесло над скамьями и
ударило о стену. Ее тело сорвало со стены
имперскую аквилу.

Ни один ветеран не вышел из стен
ратуши

живым. Стрельба продолжалась в течение

двух часов. Пятеро арбитров Уорекса погибли, застреленные бывшими бойцами Девятого

Саметерского полка. Ветераны стояли до последней капли крови. Лучшего о гвардейцах и не скажешь.

Это дело ввергло меня в уныние и задумчивость. Я посвятил всю свою жизнь служению Империи, защите его от многочисленных врагов, как внешних, так и внутренних.

Но не против его же слугителей!

Гвардейцы оставались верны и честны по отношению к нему. Как бы они ни заблуждались, они все же шли по пути, посвященному именованному Императору.

Люнг стояла мне руки. Рука за руку. На Саметере мне изготовили протез. Я

никогда

не пользовался им. В течение двух лет я проходил с опаленным обрубок. Потом хирурги на Мессине, наконец, имплантировали мне полностью функционирующую конечность.

Но мне кажется, это было слишком малой ценой за случившееся.

Я никогда больше не возвращался на Саметер. И по сей день там находят спрятанные тела. Тела столь многих, погибших во имя Императора.

МАЛЛЕУС

Пролог

по приказу ЕГО
НА ИСВЯТЕЙШЕСТВА

БОГА-ИМПЕРАТОРА ТЕРРЫ

ЗАКРЫТОЕ ДОСЬЕ ИНКВИЗИЦИИ

ДОСТУП ТОЛЬКО

ДЛЯ АВТОРИЗОВАННЫХ

ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

ДЕЛО: 442: 41F: JL3: Kbu

· Пожалуйста, введите авторизационный
код

...

· Идентификация...

· Благодарю вас, инквизитор. Можете
продолжать.

КЛАССИФИКАЦИЯ: Сведения первого
уровня

ДОПУСК: Обсигуан

СИСТЕМА

КОДИРОВАНИЕ:

Криптокс, версия 2.6

DATA: 337.M41

СОСТАВИТЕЛЬ: Инквизитор Джеймс

Тайссер, Ордо Ксенос

ТЕМА: вопрос, требующий Вашего
незамедлительного рассмотрения

ПОЛУЧАТЕЛЬ: Верховный Инквизитор
Филебас Алессандро Поркен,
представительство Высшего Совета
Инквизиции, Сектор Скарүс, Скарүс
Мажор.

Приветствую Вас, господин!

Во имя Бога-Императора, да славится его
вечно неусыпное бдение, и Высших Лордов
Терры, пишу Вам, ваше
превосходительство, надеясь, что могу
говорить начистоту

касательно проблемы деликатного
свойства.

Для начала уведомляю Вас, что работа
тоя

на Вогель Пассионате ныне завершена и
священный мой долг перед Инквизицией

успешно выполнен. Полный,
документированный рапорт последует в
ближайшие несколько дней, как только
мои
научные помощники завершат работу наг
ним, и, полагаю, ваше превосходительство
найдёт это чтение удовлетворительным.
Дабы подвести итог этому краткому
официальному сообщению, с гордостью
объявляю, что города-улы Вогель
Пассионаты
избавлены от пагубного влияния так
называемых вещунов, а верхушка сих
непотребных ксенофилов навеки
уничтожена и
предана очищающему пламени. Их
самозванный
«мессия», Гаэтон Рихтер, погиб от моей
руки.

Однако попутно возникла новая проблема.

Я

обеспокоен случившимся и пребываю в

сомнениях касательно того, как
поступить в

сложившихся обстоятельствах
наилучшим

образом. По этой причине я, Ваше

превосходительство, пишу Вам в надежде
обрести указание.

Как Вы можете предположить, Рихтер

ушёл не без сопротивления. В
заключительных, кровопролитных
аккордах сражения, когда

руководимые мной объединённые войска

штурмовали укрепления под главным
ульем, еретик призвал против нас
существо, обладающее ужасной силой. Оно
истребило

девятнадцать имперских гвардейцев,
приписанных к моей группе зачистки.

Вместе с

ними пали инквизитор Блүчас,
дознаватели

Фарүлин и Ситтол, а также капитан
Эллен

Оссэл, исполнявшая обязанности моего
пилота. Создание убило бы и меня, если бы
не

странное стечение обстоятельств.

Существо, эта нечестивая тварь,
очертаниями походило на обычного
мужчину, однако мерцало неким
внутренним светом.

Голос его был лязок, а касания
огненными.

Полагаю, мы столкнулись с демонхостом
неимоверной мощи и невероятно склонным
к

изуверствам и жестокости. Все
мерзости, свершённые этим созданием над
Фарүлином и

Симолом, описаны в моем рапорте.

Здесь я

избавлю Вас от сих ужасающих подробностей.

Покончив с Блүчасом, сүщество загнало

меня в угол на верхней площадке укреплений, когда я старался пробиться через внутреннее

святилище «мессии» вещунов. Моё оружие не

причиняло вреда этому созданию, кое, ликуяще растеявшись, отбросило меня

обратно к лестнице одним лишь лёгким взмахом руки.

Ошеломлённый и неспособный укрыться, смотрел я, как оно спускается ко мне.

Кажется, я судорожно шарил вокруг в поисках

выпавшего оружия...

Этот жест заставил сүщество заговорить.

В точности передаю его слова. Оно произнесло: «Не бойся, Грегор. Твоя жизнь слишком ценна, чтобы впустую жертвовать ею. Прости меня, но ради правдоподобия мне необходимо оставить хотя бы небольшой шрам».

Когти существа ударили меня по груди и горлу, срывая дыхательную маску. Как мне потом сказали, несмотря на болезненность, раны исцелятся. Но тогда существо остановилось, впервые должным образом рассмотрев моё лицо, доколе скрытое маской.

Жуткий, мрачный гнев вспыхнул в глазах создания. Оно произнесло - простите меня, ваше превосходительство, но именно это, клянусь, оно и произнесло: «Ты не

Эйзенхорн!

Меня обманули!»

Полагаю, в этот самый миг оно и убило бы

меня, но тут в лобовую атаку пошёл Орген

Зари Агентус Астартес, ворвавшийся в зал.

Не знаю как, но в начавшемся
светопреставлении существо сбежало.

Какими бы невероятно могучими ни были
Астартес, но тварь оказалась в сотни раз
сильнее.

Позднее, стоя на коленях, с толп оружием,
приставленным к его голове, за секунду до

казни, Гаефон Рухтер утolaял
«Черубаэля»

вернуться. Еретик вопил, не в силах
понять, почему этот «Черубаэль» оставил
его.

Полагаю, он говорил о демонхосте.

Надеюсь, ваше превосходительство
поймёт

моё затруднение. Приняв меня за другого
собрата - и, могу добавить, к тому же за
безупречно достойного, - это существо
пощадил меня. Мне показалось, что
поступило оно так в силу какой-то старой
договорённости.

Инквизитор Грегор Эйзенхорн заслужил
высокие оценки, неоднократно прославился
и

справедливо считается воплощением всего
самого лучшего, что есть в нашем
братстве, и

утверждает его власть и догмы. Однако
ввиду

изложенных обстоятельств я начал
задаваться вопросом, бояться того, что...

Я не чувствую в себе сил озвучить свои страхи. Но мне сдается, что Вам необходимо

узнать о случившемся, и как можно скорее. На

мой взгляд, стоит проинформировать Ордо

Маллеус, хотя бы из соображений предосторожности.

Надеюсь и молюсь, чтобы все мои страхи оказались беспочвенными и произошедшее не

повлекло за собой последствий. Но, как Вы учили меня, сэр, во всем необходимо удостовериться лично.

В день 276-й года 337.M41 поставлена моей

рукой эта печать в подтверждение того, что

слова сии написаны мной.

Император, храни!

Ваш верный слуга,

ТАЙССЕР

[Конец послания].

Глава первая

ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО Я

ПОКОЙНИК

В ЛОГОВЕ САДУИ, ПОД

ТЁМНЫМ ПЛАМЕНЕМ

НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА С

ТАНТАЛУДОМ

Становясь старше, да хранит меня

Император, я обнаружил, что теряю свой

жизненный путь пройденными вехами,

мгновениями, которые никогда не

потеркнут в памяти: моё посвящение в

Ордос Инквизиции; первый день, когда

меня

приписали в качестве ученика к великому
Ханшантү; моё первое успешно
проведённое

расследование; еретик Лемет Сайр;
повышение в должности до полного

инквизиторского чина в возрасте
двадцати

четырёх стандартных лет; затянувшееся

расследование по Нассарү; дело о
Некротеке; заговор Понтиуса Гло.

Все это вехи на моем пути. Несмыслимо
запечатлены они в энграммах моей
памяти.

И особенно отчетливы среди них

воспоминания о Тёмной Ночи,
завершающей

месяц үлбрис [\[1, года 338.7741 по](#)

летосчислению Улперии. И все это

благодаря кровавой развязке в самом
начале

Тёмной Ночи. Великая вежа моей жизни. Я
оказался на Лете Огиннадцать по
заданию

Ордо Ксенос, погружившись в работу по
выслеживанию проклятой ксенофилки
Сагии

Колдуньи, которая была уже почти в моих
руках. У меня ушло десять недель на
поиски

и десять часов, чтобы захлопнуть
западню. Я

не спал уже три дня; не ел и не пил в
течение

двух суток. В затуманенном сознании
возникали галлюцинации, провоцируемые
затмением. Я утирал от
двухкомпонентного

яда. А тут ещё и внезапное появление
Танталида.

Чтобы вам было яснее, Лета Огиннадцать

представляет собой густонаселённый мир, расположенный в наиболее развитой области

Теликанского субсектора. Основу промышленности мира составляют обработка металлов и защитные технологии.

В конце каждого месяца утбрис наибольшая

из лун Леты по какому-то космическому совпадению затмевает местную звезду и мир

погружается во мглу на две недели, известные как Тёмная Ночь.

Эффект потрясающий. На четырнадцать дней небо обретает тёмно-красный оттенок

запёкшейся крови, и над миром царит луна

Кукс - непроницаемо-чёрный шар,

окружённый неровной короной янтарного
пламени. Это событие - что не вызовет
удивления у изучающих имперские
ритуалы

- служит причиной для важного сезонного
празднования у всех обитателей Леты. С
началом Тёмной Ночи зажигаются огни
всевозможных форм, размеров и видов, а
жители бдительно следят за тем, чтобы
ни

один из них не угас до конца затмения.

Производство останавливается.

Предоставляются гарантированные
отпуска.

В городах проходят буйные карнавалы и
факельные шествия. Процвечают блуд и
преступность.

И над всем этим мрачное марево ореола,
окружающего тёмную луну. На планете

даже

возникла традиция предсказания будущего по очертаниям солнечной короны.

Я надеялся поймать Колдунью прежде, чем начнётся Тёмная Ночь, но ведьма все время была на шаг впереди меня. Так уж получилось, что её мастер ядов Най, который

приобрёл свои навыки, попав в молодости в плен к тёмному эльдару-отступнику, сумел

добавить в мою питьевую воду токсин, остававшийся инертным до тех пор, пока я не проглочу второй компонент бинарного состава яда.

Я был уже покойником. Колдунья убила меня.

Этос, мой научный помощник, случайно обнаружил токсин в моем теле и успел

помешать мне продолжать принимать
пищу

и питьё. Но немилосердная смерть
непреклонно догоняла меня. Единственный
шанс на выживание заключался в том,
чтобы

захватить Колдунью вместе с её вассалом
Наем и вырвать у них ключи от моей
судьбы.

Мои помощники трудились на тёмных
улицах. Восемьдесят верных слуг
обыскивали

город. А я, томясь от жажды, усталости и
безделья, дожидался результатов в своём
номере у Унподрома.

Козырь удалось вытащить Рейвенору. И
кому же ещё, как не ему. С такими
талантами

ему не долго оставалось ждать получения

полного инквизиторского чина и ведения
собственных дел.

Он обнаружил логово Сагии Колдуньи в
катакомбах под заброшенным храмом

Святого Киодрусса. Я поспешил
откликнуться

на вызов своего помощника.

- Тебе надо остаться здесь, - сказала мне
Биквин, но я отмахнулся.

- Я должен пойти, Елизавета.

К тому времени Елизавете Биквин
исполнилось уже сто двадцать пять лет.

Благодаря разумному использованию
достижений аугментической хирургии и
курсам омолаживающих препаратов она
сохраняла все те же красоту и
энергичность, какими обладала в
тридцать. Из-под вуали, обрамляющей её
симпатичное личико, на

меня пристально смотрели тёмные глаза.

- Грегор, тебя это убьёт, - сказала она.

- Если так, значит, Грегору Эйзенхорну
пришло время умереть.

Биквин скользнула взглядом по
сутрачной, освещённой огнями свечами
комнате и посмотрела на Эмоса, но тот
только покачал своей старой, напичканной
аугметикой головой. Он знал, что иногда
спорить со мной бывает просто
бесполезно.

Я вышел на улицу. Костры, полыхающие в
бочках, освещали неверным сиянием
пляшущих и пьянствующих гуляк. Вся моя
одежда была чёрной, включая доходящий
до
земли тяжёлый кожаный плащ.

Несмотря на тёплое облачение и

многочисленные костры, мне было холодно.

Усталость и голод въедались в мои кости.

Я посмотрел на луну. Лучики тепла, окружающие ледяное, чёрное сердце. «Как и моё, - подумал я, - как и моё».

Подали карету. В величественный экипаж было запряжено шесть негих гуппин, фыркавших и потавших головами. Завидев

меня, несколько моих сотрудников, уже дождавшихся поблизости, поспешили приблизиться.

Я быстро окинул их взглядом. Все они были достойными людьми, иначе и не попали бы ко мне. Несколькими

безмолвными жестами я выбрал четверых сопровождающих, а остальным приказал возвращаться к своим делам.

Избранная четвёрка заняла места в карете.

Мешер Күс, бывший имперский гвардеец с Владислава, Арианрог Эсв Свейгер, мечница

с Картая, а также Берониса и Зү Зенг, gve

женщины из Дамочек Биквин.

В последнее мгновение Беронисе приказали покинуть экипаж, и её место заняла Елизавета Биквин. Лиза уже шестьдесят восемь стандартных лет как отошла от активной службы, чтобы собрать

под своим командованием Дамочек, но по временам все ещё предпочитала не доверять

сотрудницам и сама сопровождала меня.

Как я понимаю, тогда Биквин уже не

надеялась на то, что я выживу, и хотела до

конца оставаться со мной. Но правде говоря, я и сам не рассчитывал остаться в живых.

Щёлкнул кнут, и карета с грохотом покатила по улицам мимо ритуальных костров и факельных шествий.

Никто из нас не произнёс ни слова. Кус проверил и зарядил свой пульт, а после отрегулировал ремни бронежилета.

Арианрог обнажила саблю и проверила остроту клинка с помощью волосинки, выдернутой из головы. Эу Зенг, уроженка Витрии, сидела опустив голову, и её длинное

стеклянное одеяние позвякивало в такт движению кареты.

Биквин уставилась на меня.

- Что? - наконец спросил я.

Она покачала головой и отвела взгляд.

Храм Святого Киодзуса находился в районе птицеловов, почти на краю города, рядом с обширными, наводнёнными ящерицами солончаками. Тёмному вокруг заполнял гүл насекомых.

Экипаж остановился примерно в двухстах метрах от храма. Вдоль улицы чернели полуразвалившиеся каменные постройки.

Тёмное небо окрашивали янтарные всполохи. Оставшийся позади город светился

бесчисленными огнями. Нас же окружали только мёртвые развалины, медленно отступающие перед голодом соляных болот.

- Кого-то запрашивает Шун, восторженные

звери вокруг, - раздался в воксе голос

Рейвенора.

- Шип разрастается многообразно, лезвия
для изменения внешности, - ответил я
хриплым голосом. Горло пересохло.

- Коготь ждёт удобного случая.

Запрашиваю торовидный путь,
изображение
чёрного цвета.

- Изображение отклонено. Изображение

сурового испытания. Шипу розы
необходима
трещина.

- Подтверждаю.

Мы разговаривали, применяя глоссию,
неофициальный вербальный код, известный
только моим помощникам. Даже при
использовании открытого канала вокс-
связи

наши переговоры оставались тайной для врагов.

Я переключил канал передатчика:

- Шип запрашивает эгиду, приди ко мне, изображение сурового испытания.

- Эгиды поднимается, - донёсся издалека голос нашего пилота. - Изображение принято.

Мой боевой катер, известный своей легендарной огневой мощью, уже взлетал. Я

повернулся к помощникам, скрывавшимся в тени.

- Время пришло, - сказал я.

Мы двинулись вглубь мрачных, покрытых слизью и минеральными отложениями руин

храма. В воздухе висела одуряющая сырая вонь разложения. Жирные черви,

прогрызшие ходы в катнях, сбивались в
целые клубки и прятались, когда их
касались

яркие лучи наших фонарей.

Күс двигался впереди, поводя дулом
пулемёта из стороны в сторону. Он
выискивал цель с помощью лазерного
дальномера, красный луч которого
исходил

из уголка его левого, усиленного бионикой
глаза. Бывший имперский гвардеец был
коренаст, под кератиновыми доспехами
бугрились крепкие мускулы. Грубые черты
его лица были выкрашены в цвета 90-го
Владиславского полка, в котором когда-
то
служил Күс.

Мы с Арианрод двигались следом. Она
натёрла клинок своей сабли кирпичной

пылью, но оружие по-прежнему отражало свет. Рост Арианрог Эсв Свейгер основательно превышал два метра, и, пожалуй, она была самой высокой женщиной из тех, кого я встречал, хотя на далёком Кармае подобное телосложение не является чем-то необычным. Длиннокостное тело мечницы скрывали облегающие кожаные одеяния, украшенные бронзовыми заклёпками, а сверху был накинута глиняный плащ из кусочков шкур. Полы плаща завершались многочисленными кисточками. Седые волосы моя помощница украсила бусинками. Сабля в руках Арианрог именовалась Ожесточающей и в племени Эсв

Свейдер передавалась по женской линии в течение девятнадцати поколений. Длина оружия от оплётки рукояти до кончика изогнутого, искусно гравированного клинка составляла почти полтора метра. Длинная, стройная и изящная, как и её хозяйка. Я

ощущал вибрацию психической энергии, которую Арианрог вливала в оружие.

Женщина и сабля становились единым живым существом.

Арианрог служила мне в течение пяти лет, но я все ещё продолжал познавать её изощрённое военное мастерство. Обычно я не упускал возможности отмечать каждую

деталь в используемых ею приёмах боевого

транса, но в тот день меня слишком вымотали, слишком измучили голод и

жажда.

Биквин и Зү Зенг, шагающие плечом к плечу, замыкали нашу группу. Елизавета надела глинное чёрное платье с широким воротником из чёрных перьев, скрывающим плечи, а Зү Зенг облачилась в поглощающие свет одежды из витрианского стекла. Эти женщины держались позади на достаточном расстоянии, чтобы их аура ментальной пустоты не мешала нам с Арианрог применять свои способности, но в то же время не слишком далеко, чтобы в случае необходимости успеть прийти на помощь. Унквизиция - и многие другие учреждения, как священные, так и нет, -

давно уже искала применение

неприкасаемым, тем редким
человеческим

душам, которые вообще не излучают

псионических волн и к тому же
прерывают и

сводят на нет даже самые мощные

ментальные воздействия. С Елизаветой

Биквин мы познакомились на Спеси почти

столетие назад. Тогда я впервые

повстречался с неприкасаемым. Несмотря
на

то что её присутствие раздражало - даже

людям, не обладающим псионическими

способностями, трудно уживаться с

неприкасаемыми, - я нанял Елизавету, и её

помощь оказалась неоцененной. После

многих лет службы она отошла от дел,
чтобы

сформировать своих Дамочек,
подразделение из неприкасаемых,
собранных по всему Империи. Отряд
Дамочек был создан для моих личных
нужд, но иногда я одалживал их другим
представителям своего Ордоса. На
сегоднешний день в их подразделении
состоят сорок человек, Биквин командует
ими и обучает их. На мой взгляд, вместе
Дамочки являются самым мощным
антиинсигническим оружием во владениях
Императора.

Непроницаемые тени скрывали развалины
храма. Отвратительные жуки то и дело
сбивали по осыпающимся мозаичным
портретам давно усопших именитых
горожан. Под ногами копошились черви.
Над

соляными наростами, покрывающими
руины, стоял монотонный гул насекомых,
словно кто-то тряс трещоткой. Вскоре
мы

оказались во внутреннем дворе святилища
посреди заброшенного кладбища.

Надгробные плиты многих могил были
разбиты или отодвинуты. Из разорённых
захоронений торчали грязные кости. Кое-
где

изъеденные гнилью черепа были сложены в
шаткие пирамиды.

Печально видеть это священное место в
столь плачевном состоянии. Киогрус был
великим человеком, сражавшимся по
правую

руку от святой Буати Шаббат во время
её

победоносного крестового похода. Но эти

героические события произошли слишком
давно и очень далеко, поэтому культ
почитания Киогрусса зачах. Чтобы снова
пробудить интерес к забытому святому и
его

деяния, потребуются ещё один крестовый
поход в отдалённые миры Шаббат.

Крус призвал нас остановиться и кивнул на
ступени сводчатого прохода, уходящего
под

землю. Я махнул ему в ответ, указывая на
крошечный обрывок красной ленты,
спрятанный под камнем на верхней
ступени,

- отметку, оставленную Рейвенором и
означающую, что этот проход нам не
подходит. Вглядываясь во трак лестницы,
я

и сам увидел то же, что и мой помощник

датчики колебаний почвы, едва
присыпанные землёй, и нечто
напоминающее связки трубок взрывчатки.
Мы обнаружили ещё три подобных входа,
но все они были помечены Рейвенором.

Колдунья надёжно охраняла свою
твердыню.

- Как вы думаете, сэр, может, получится
пройти там? - прошептал Кус, указывая
на

галерею с обвалившейся крышей.

Я уже собирался согласиться с ним, но
тут

Арианрог прошипела:

- Ожесточающая жажда...

Я посмотрел на мечницу. Крадучись она
направлялась к арочному проходу в
основании главной колокольни. Арианрог
двигалась тихо, обеими руками удерживая

вертикально поднятую саблю, а
украшенный

кисточками плащ развевался позади
женщины подобно ангельским крыльям.

Жестом я подал сигнал Күсү и
остальным.

Мы двинулись следом. Я извлёк из кобуры
любимый болт-пистолет, подаренный мне
библиарием Британом из капитула
Караула

Смерти Агентүс Астартес накануне
Зачистки

56-Узар почти столетие назад. Это
оружие

ещё никогда не подводило меня.

Из тьмы появилось воинство Колдуньи -
восемь силуэтов, не более чем тени,
движущиеся на фоне окружающей черноты.

Күс открыл огонь, отбрасывая назад
кинувшуюся на него тень. Я тоже начал

стрелять, обрүшивая на призрачного
противника болтерные заряды.

Сагуя Колдүнья была ведьмой-еретичкой,
водившей дружба с ксеносами. Особенно её
привлекали верования и некромантия
тёмных эльдар. Целью своей жизни она
сделала изучение нечестивого наследия
чужаков - ради обретения могүщества и
силы. Колдүнья была одним из немногих
известных мне людей, сүтевших
заклучить

взаимовыгодный союз с презренными
кабалатами ксеносов. Если верить слүхам,
то

недавно она должна была приобщиться к
күльту Каэла Менса Каина в его
ипостаси

Бога-Убийцы, излюбленной
эльдаратами-отстүпниками.

Как и приличествует в таком случае, она набирала своих прислужников исключительно среди осуждённых убийц. Люди, атаковавшие нас посреди этого пришедшего в упадок храма, были обычными головорезами, скрытыми тенью полями, которые Колдунья купила, одолжила или украла у своих нечеловеческих союзников.

Один из нападавших затахнулся на меня алебардой с глиняным лезвием, но я снёс противнику голову. Не более того. Моё тело

было слишком измотано, и скорость реакции

невероятно затеблилась.

Я увидел размытый силуэт Арианрог, кружащийся в стремительном танце, украшенные бусами волосы струились над

наряцим в воздуже плащом.

Ожесточающая

порхала в руках мечницы.

Обратным взмахом она перерубила шею

одной из теней, затем крутанулась вокруг

своей оси и развалила следующего

противника надвое от шеи до таза. Сабля

леталась столь быстро, что я едва мог

разглядеть её. Арианрог резко

остановилась

и в тот же миг двинулась в совершенно

противоположном направлении, заставив

третью тень промахнуться и

растянуться на

земле. Голова противника отлетела в

сторону, а сабля, не прерывая своего

плавного хода, тут же пронзила

четвёртого

врага.

Арианрог

стремительно

развернулась, нанося горизонтальный удар
на уровне

плеча. Металлическое древко оружия
пнятой

тени распалось на две части, и
нападающий

отшатнулся назад. Ожесточающая
описала в

воздухе восьмёрку. Очередной призрачный
силуэт повалился, разрубленный на
несколько кусков.

Последний прислужник развернулся и
побежал. Его остановил выстрел
лазерного

пистолета Биквин.

В моих висках бешено колотился пульс, и
я

понял, что должен сесть, пока не потерял
сознание. Кус подхватил меня одной рукой
и

помог опуститься на обломок
обрушившейся

каменной стены.

- Грегор? - услышал я обеспокоенный
голос Биквин.

- Со мной все в порядке, Елизавета, только
дай минутку...

- Тебе не стоило выходить, старый болван!

Надо было оставить всю работу своим
ученикам!

- Утолки, Елизавета.

- Ни за что, Грегор. Пора бы тебе уже
начать понимать пределы своих
возможностей.

- Нет никакого предела, - сказал я,
подняв взгляд на Лизу.

Кус невольно растеялся.

- Я верю ему, госпожа Биквин, - произнёс

Рейвенор, появляясь из тени.

Прокляни Император его способность передвигаться столь бесшумно. Даже Арианрог не заметила, как он приблизился.

Ей пришлось постараться, чтобы вовремя остановить саблю и не прикончить его.

Ростом Гидеон Рейвенор не намного ниже меня, но при этом молодой инквизитор сильнее и лучше сложен. Тогда ему было только тридцать четыре года. Длинные чёрные волосы он собирал в хвост, не давая им падать на благородное, с высокими скулами, лицо. Рейвенор был облачён в облегающий серый костюм и длинный непромокаемый кожаный плащ.

Псайк-пушка, установленная на его левом плече, зажужжала и с щелчком

развернулась

в сторону Арианрог.

- Осторожней, мечница, - произнёс

Рейвенор. - Ты у меня на прицеле.

- И все ещё будешь держать меня в

прицеле, когда твоя голова покатится в
пыль,

- ответила Арианрог.

Оба растеялись. Я знал, что они были

любовниками уже более года, хотя на
людях

по-прежнему препирались и подшучивали
друг над другом.

Рейвенор щёлкнул пальцами, и из

укрытия, неуклюже волоча ноги, вышел его

компаньон - покрытый язвами мутант

Гонвакс. С его толстых, уродливых губ
капала

слюна. В руках он сжимал огнемёт,

питавшийся от топливных баков,

притянутых ремнями к его горбатой спине.

Я поднялся.

- Что вам удалось найти? - спросил я у Рейвенора.

- Колдунью и... путь к ней, - ответил он.

Логово Сагии Колдуньи располагалось среди этих руин, под главной часовней святилища. Рейвенор тщательно все обследовал и обнаружил в одном из разграбленных склепов вход, о существовании которого могла не подозревать даже сама ведьма.

Моё уважение к Гидеону возрастало с каждым днём. Никогда ещё у меня не было такого ученика. Он превосходил остальных

практически во всем, что должен уметь инквизитор. Я с нетерпением ждал того дня, когда смогу подать ходатайство на предоставление ему этого чина. Он заслужил его. Инквизиции необходимы люди, подобные Рейвенору.

Следом за молодым дознавателем мы вошли в склеп. Гидеон предупредительно обращал наше внимание на каждую ловушку или шатающийся камень. Запахи соли и старых костей в душном, горячем воздухе стали невыносимыми. Я все больше слабел.

Мы вышли к каменной галерее, располагающейся над обширным подземным залом. Почерневшие лампы чадили, вокруг

впитали ароматы сухих трав и менее
приятных смесей.

В зале молились какие-то создания.

Молились - единственное слово, какое я
могу

подобрать. Двадцать обнажённых,
измазанных кровью еретиков проводили
обряд тёмных эльдар, расположившись
вокруг пыточной ямы, в которой находился
скованный цепями изувеченный тужчина.

До меня долетел запах крови и вонь
экскрементов. Мне пришлось сдержаться,
чтобы не броситься вперёд. Я знал: надо
беречь силы, иначе я просто упаду в
обморок.

- Вон там, видите его? - прошептал мне
на

ухо Рейвенор, когда мы подползли к краю
галереи.

Вдалеке мне удалось разглядеть

бледнокожего упыря.

- Гомункул, присланный кабалом Пагшей

Ведьмы, чтобы наблюдать за
деятельностью

Колдуньи.

Я постарался рассмотреть упыря

подробнее, но фигуру почти полностью

скрывала непроницаемая тень. Мне
удалось

разглядеть лишь оскаленные в устешке
зубы

и некое снабжённое клинками устройство
на

правой руке.

- Где Най? - так же шёпотом спросила

Биквин. Рейвенор покачал головой. А
потом

схватил и сжал мою руку. Теперь нельзя
было

даже шептаться.

В зал вошла сама Колдунья.

Она передвигалась на восьми огромных, клацающих по камням аугментических

опорах. Искусственные конечности, напотинающие паучы лапы, заканчивались

острыми крючьями.

Свои настоящие ноги она потеряла ещё за сто пятьдесят лет до моего рождения.

Постарался инквизитор Амелат, да гарует

ему Император покой.

Всю фигуру Сагии скрывала чёрная вуаль, напотинающая паутину. Зло, исходящее от

неё, ощущалось почти физически, словно запах пота больного лихорадкой.

Колдунья остановилась у края пыточной ямы, приподняла вуаль иссохшими руками

и

плюнула в пленника ядом,

вырабатывающимся

железаты,

встроенными

в её рот позади аугметических клыков.

Вязкая жижа поразила жертву в лицо.

Мужчина мучительно застонал, когда
отрава

начала разъедать переднюю часть его
череп.

Сагия заговорила низким шипящим

голосом. Она произносила фразы на языке

тёмных эльдар, её обнажённые собратья
при

этом корчились и стонали.

- Мы увидели достаточно, - прошептал я. -

Теперь она моя. Рейвенор, сможешь взять
на

себя гомункула?

Гидеон кивнул.

По моему сигналу все бросились в атаку.

Мы прыгнули с галереи, сверкая оружием.

Плотный огонь пулемёта Куса разорвал
нескольких культистов на куски.

С боевым картайским кличем Арианрог
устрелилась к готункулу, опережая
Рейвенора.

Я понял, что прыгнул слишком далеко.

При падении у меня закружилась голова, и
я
споткнулся.

Выбивая своими металлическими лапами
искры из каменных плит, ко мне с воём
неслась Сагия Колдунья. Она откинула
вуаль, готовясь плюнуть ядом.

И вдруг еретичка подалась назад. Сагия
была явно ошеловлена обрушившейся на
неё

объединённой силой Биквин и Зү Зенг,
подождевших с обеих сторон.

Я собрался с силами и выстрелил в
ведьму, оторвав ей одну из паучьих лап.
Несмотря на

это, Сагия всё равно выплюнула яд, но
протахнулась. Отрава зашипела на
холодных

каменных плитах возле моих ног.

- Имперская Инквизиция! - проревел я. -

Членем Святого Бога-Императора и ты,
и

твои последователи обвиняетесь в
предательстве и ереси!

Я поднял оружие, но Колдунья не желала
сдаваться. Она бросилась на меня и сбила с
ног мощным ударом. Одна из паучьих лап
насквозь пронзила моё левое бедро. Прямо
перед моим лицом оскалились стальные

клыки, похожие на кривые изгибы. А затем
на

мгновение я увидел чёрные, бездонные и
безумные глаза Колдуньи.

Сагия выплюнула порцию яда.

Я резко потнул головой, уворачиваясь от
едкого плевок, и выстрелил из

болт-пистолета. Разорвавшийся заряд
отбросил назад всю

четырёхсоткилограммовую массу
иссохшей

ведьмы и её бионической повозки.

Я откатился в сторону.

Гомункул и Арианрод встретились лицом

к лицу. На правой руке твари зацепили

кинжальники, созданные ксеносами. Существо

было бледным, тощим как палка и
одетым в

блестящую чёрную кожу, на которой

поблѣскивали металлические украшения, сделанные из обломков оружия убитых ил воинов. Готункул устехнулся, и его бледная плоть натянулась вокруг черепа.

Я услышал, как Рейвенор выкрикивает имя Арианрог. Ожесточающая обрушилась на

эльдарское чудовище стремительный удар, но готункул, обладающий невероятной

скоростью реакции, уклонился от выпада.

Мечница исполнила два совершенных смертоносных выпада, но и они даже не задели противника. Арианрог проскочила мимо врага, и в воздухе повисла кровавая дымка. Впервые за все время нашего знакомства я услышал, как Эсв Свейгер кричит от боли.

Зал пересекла струя пламени.

Подволакивая ноги, вперёд заспешил
Гонвакс, безгранично преданный своему
хозяину и возлюбленной своего хозяина.

Мутант попытался накрыть гомункула
огнём, но тот внезапно оказался у него за
спиной.

Гонвакс завопил, когда клинки твари
выпотрошили его неуклюжее тело.

Арианрог с воплем бросилась на тёмного
эльгара. Я увидел, как она на мгновение
зависла в воздухе, увидел, как опускается
сабля. Затем тела противников
столкнулись

и тут же разлетелись в стороны.

Сабля отняла эльгару левую руку по плечо.

Но его клинки...

Я знал, что она погибла. Никто не смог бы
выжить после такого, даже благородная
течница с далёкого Картая.

- Грегор! Грегор! - Биквин помогла мне
подняться. Сагия Колдунья, прихрамывая
на

своих паучьих лапах, убежала к лестнице.

Что-то взорвалось позади меня. Я
услышал, как от гнева и боли закричал
Рейвенор.

И побежал за Колдуньей.

В часовне наверху было тихо и холодно.

Сквозь ряды витражей пробивались огни
празднества Тёмной Ночи.

- Тебе не убежать, Сагия! - пытался
закричать я, но голос мой охрип.

Я следил за ней взглядом, когда Колдунья
пронеслась между колоннами, заходя слева.

Лишь тень среди других теней.

- Сагия! Сагия, старая карга, ты сумела
убить меня! Но и сама умрёшь от моей

руки!

Справа возникла едва заметная тень. Я двинулся ей навстречу.

И вдруг почувствовал сильный удар сзади между лопаток. Нагая, я обернулся и увидел

безутное лицо Ная, мастера ягов, прихвостня Колдуньи. Он разразился кудахтающим стехом, подпрыгивая и сжимая в каждой руке по опустошённому шприцу.

- Мёртв! Мёртв, мёртв, мёртв, мёртв! - распевал он.

Най ввёл мне второй компонент яга. Мои мускулы уже сводило судорогой.

- Ну что, инквизитор, как ощущения? - захихикал Най, подскакивая ко мне.

- Император тебе судья, - с трудом

выдохнул я, выстрелил еретикү в лицо и потерял сознание.

Очнулся я оттого, что Сагуя Колдунья держала меня за горло и трясла аугметическими жвалами нижней челюсти.

- Приди в себя! - шипела она. Вуаль с её лица была откинута назад, а на сухих щеках

вздүлись мешочки с ядом. - Ты должен прийти в себя, чтобы почувствовать это! И тут её голова разлетелась кровавыми брызгами и осколками костей.

Паукообразная опора затряслась в конвульсиях, бросая меня через все помещение. Прежде чем рүхнүть, она ещё целую минутү металась по часовне.

Бьющийся в агонии труп еретички трясся на

аугметической конструкции.

Я упал на пол лицом вниз. Нужно было перевернуться, но яд лишил меня последних сил.

Перед глазами возникли могучие ноги, обутое в бронированные сапоги, усиленные керамитовыми пластинами.

Неимоверным усилием я поднял голову, чтобы посмотреть наверх.

Надоедливо стоял охотник на ведьм

Танталид. Он убирал в кобурку болт-пистолет, из которого только что застрелил Сагию

Колдунью. Мужчина был облачён в

инкрустированную золотом боевую броню, на его спине читались знаки Министорута.

- Эйзенхорн, ты обвиняешься в ереси. Я пришёл лишить тебя жизни.

«Только не Танталуг, - подумал я, снова
теряя сознание. - Не Танталуг. Не сейчас».

Глава вторая

НЕЧТО В СТУЛЕ «БЕТАНКОР»

МОИ НАВШИЕ

ПРИЗЫВ

Я не помню ничего с того момента, как
потерял сознание в ногах у Танталуга,
жестокого охотника на ведьм, и до того,
как

пришёл в себя на борту своего боевого
катера

спустя двадцать девять часов. Ничего не
помню и о семи попытках вернуть моё
тело к

жизни, о прямом массаже сердца, об

инъекциях противоядия, введённых

непосредственно в сердечную мышцу, и обо

всех усилиях, которые пришлось

приложить

для моего спасения. Обо всем этом мне

рассказали позднее, когда я стал
понемногу

поправляться. В течение долгого времени
я

был беспомощен, словно новорождённый
котёнок.

И, что важнее всего, я не помнил, как нам
удалось избавиться от Танталида. Об
этом

мне рассказала Биквин спустя пару дней
после того, как я впервые очнулся.

Произошедшее было абсолютно в стиле
Бетанкор.

Елизавета вбежала в часовню как раз в
тот

момент, когда появился Танталид. Она
сразу

узнала его. Дурная слава об этом охотнике на

ведьм ходила по всему субсектору.

Он собирался убить меня, лежащего без сознания у его ног в состоянии анафилактического шока, вызванного кипящим в моих венах ядом.

Елизавета закричала, выхватывая оружие.

И вот тут сквозь витражи заструился свет -

резкий, яркий свет. Раздался рёв. Разгоняя

ночь включёнными на полную мощность прожекторами, над разрушенной часовней завис мой боевой катер. Догадываясь, что за

этим следует, Биквин бросилась на пол.

Из громкоговорителей парящего в воздухе

боевого судна загрохотал голос Бетанкор:

- Имперская Инквизиция! Немедленно
отойдите от инквизитора!

Морщинистая, похожая на черепахью
голова Танталида повернулась в оправе
мощного панциря. Охотник бросил косой
взгляд в сторону яркого света.

- Офицер Министорума! - прокричал он в
ответ. Его голос был усилен устройством,
вмонтированным в броню. - Приказываю
вам уйти! Немедленно уходите! Этот
еретик
мой!

Биквин устехнулась, пересказывая мне
ответ Бетанкор:

- «Никогда не спорь с боевым катером,
засранец».

Сервиторы, встроенные в крылья катера,
открыли огонь, поливая часовню из

автоматических орудий. Все витражи
были

разбиты, статуи разваливались на куски,
крошились каменные плиты. Танталид,
которого задело, по крайней мере, один раз,
повалился на спину в пыль среди обломков.

Его тело не было найдено, поэтому я
предположил, что этот выродок выжил. И
оказался достаточно сообразителен,
чтобы
сбежать.

Моё покинутое сознанием тело не
пострадало, несмотря на то что всю
часовню
прошили пулемётные очереди.

Типичная бравада Бетанкор. Привычная
точность Бетанкор. Она была такой же,
как и
её чёртов папаша.

- Пришли её ко мне, - попросил я Биквин.

Я все ещё валялся в кровати. Я все ещё
пребывал на краю могилы и чувствовал
себя
отвратительно.

Медея Бетанкор заглянула ко мне
несколько минут спустя. Так же как и её
отец, Мугас, она носила главвианский
чёрный

лётный костюм с красной окантовкой,
поверх которого с гордостью надевала
старую светло-вишнёвую безрукавку с
вышивкой.

Её кожа, так же как и у Мугаса, как у
всех

главианцев, была тёмной. Бетанкор
устехнулась, глядя на меня.

- Я твой должник, - произнёс я. Медея
покачала головой:

- Ничего такого, чего не сделал бы мой

отец. - Она присела в изголовье кровати. -

Впрочем, он убил бы Танталида, подумав, добавила она.

- Стрелял он получше.

Снова та же устешка и блеск
желчужно-белых зубов.

- Да, он был таким.

- А ты ещё станешь. - Если бы мог, я бы
улыбнулся.

Она отсалютовала и вышла из комнаты.

Мигас Бетанкор был мёртв уже
двадцать

шесть лет, но я по-прежнему тосковал по
нему. Из тех, с кем мне приходилось
общаться, его с наибольшей точностью
можно было бы назвать другом. Биквин и
Эмос были моими союзниками, которыми я
с

лёгкостью мог доверить свою жизнь. Но

Мугас...

И да покарает Бог-Император Фэйга

Түринга за то, что тот забрал у меня
груга. И

да приведёт однажды меня Бог-
Император к

Фэйгу Түрингу, дабы мы с Медеей смогли
отомстить за Мугаса.

Медеея никогда не знала своего отца. Она
родилась спустя месяц после его смерти,
жила с матерью на Глави и лишь по
случайности попала ко мне на службу.

Сдержав обещание, данное когда-то
Мугасу, я стал её крёстным отцом.
Связанный этим

долгом, я прилетел на Главию, чтобы
присутствовать на церемонии
вступления

Медееи во взрослые права, где наблюдал,
как

она ведёт глинноносую главианскую яхту
через вихревые потоки среди Стоячих
Холмов во время Обряда
Совершеннолетия.

Мне хватило одного взгляда, чтобы
оценить
её мастерство.

Арианрог Эсв Свейдер погибла, а с ней
Гонвакс и Кус. Сражение в часовне было
ожесточённым. Рейвенору удалось убить
разбуживавшегося гомункула, но только
после того, как тот вспорол ему живот и
отхватил левое ухо Зу Зенг.

Теперь Гидеон Рейвенор лежал на
отделении интенсивной терапии в
главном
городском госпитале Лемы. Мы должны
были
забрать его, как только его жизнь

окажется

вне опасности.

Я задавался вопросом, как много времени это займёт. Думал над тем, что будет с Рейвенором. Он любил Арианрог и очень дорожил ею. Я молился, чтобы эта потеря не

отразилась на нём слишком сильно.

Я оплакивал Куса и мечницу. Мешер

служил мне в течение девятнадцати лет. Эта

Тёмная Ночь лишила меня слишком многого.

Кус был погребён со всеми почестями на мемориальном кладбище Имперской

Гвардии Леты Майор. Тело Арианрог сожгли

на голом холме к западу от соляных полей. Я

был ещё слишком слаб, чтобы присутствовать на каком-либо из этих ритуалов.

После кремации Эмос принёс мне Ожесточающую. Я завернул её в ветошь, а потом в отрез шелка. Моим долгом было как

можно скорее вернуть это оружие старейшинам племени Эсв Свейгер на Картай, что означало необходимость сделать

крюк, который занял бы как минимум год времени. У этого года у меня не было. Я убрал спелёнатую саблю в свой сейф.

Поместилась она с трудом.

Пробивая себе путь к здоровью, я вспоминал про охотника на ведьм. Арнаут Танталиг семьдесят лет назад был военным

исповедником Миссионарии Галаксия, а ныне стал одним из самых пугающих и безжалостных охотников на ведьм в Министоруме. Подобно многим из своих собратьев, он следовал доктрине Себастиана

Тора с непоколебимой готовностью, граничащей чуть ли не с болезненной одержимостью.

Для большинства простого люда

Императора между инквизитором Ордо

Ксенос, вроде меня самого, и убийцей ведьм, состоящим на службе Экклезиархии, таким

как Танталис, разница чертовски невелика.

Мы выслеживает проклятых созданий тьмы, преследующих человечество, одинаково

наводит на окружающих ужас и оба, как

может показаться, неподвластны
никаким
законам.

Хотя во многом мы и можем показаться
очень похожими, но на самом деле это
далеко не так. Лично я абсолютно уверен,
что

Агентус Министорум, огромная
имперская

организация, занимающаяся вопросами
веры и ритуалов почитания, должна бы
сосредоточить всё своё внимание на
прославлении истинной церкви

Бога-Императора, а преследование
еретиков

оставить Инквизиции. Иначе у нас
слишком

часто возникает конфликт юрисдикции.
Мне

точно известно, что только за прошедшее

столетие были начаты как минимум две войны, вызванные и подогреваемые подобным столкновением интересов.

Мы с Танталигом уже дважды «шибались

рогами». В мире Брейгелла пятью десятилетиями ранее мы схлестнулись на траторных полах синога, в суде добиваясь права на экстрадицию псионика Эльбона Парсавала. В тот раз Арнауту удалось одержать победу главным образом благодаря

тому, что старейшины Министорута мира

Брейгелла строго следовали торуанской доктрине.

Затем, всего лишь восемь лет тому назад, наши пути снова пересеклись уже на Кауте.

Фанатическая ненависть Танталида к псайкерат (а на деле, риску предположить, страх перед ними) за прошедшее время стала непреодолимой. Я не делаю тайны из того факта, что сам пользуюсь псионическими трюками в своей работе. И среди моих помощников есть псионики, и сам я в прошлые годы старался развить собственные ментальные способности. Это моё право как полномочного представителя Инквизиции. В моих глазах Арнаут был ограниченным фанатиком с ярко выраженным психозом. В его глазах я был ведьминым отродьем и еретиком. На Кауме не состоялось судебных тренировок.

Ех затенила война. Она продолжалась в течение суток на многоарусных улицах городка-оазиса в Унат Аките.

Во время проверки населения огромной столицы Кауты выявили двадцать восемь латентных псайкеров. Все они не достигли и

четырнадцати лет. Их изолировали до прибытия Чёрных Кораблей Инквизиции. Все

они являлись рекрутами, драгоценным ресурсом, чистыми и готовыми к тому, чтобы Агентус Астронамикус вырастил из

них достойных слугителей

Бога-Императора. Некоторые из них даже могли заслужить великую честь

присоединиться к хору Астрономикона. Дети

были напуганы и ступлены, но только на этом пути их ожидало спасение.

Лучше быть обнаруженным в раннем возрасте и приставленным к доброту делу, чем остаться ненайденным, подвергнуться

заражению, разложению и превратиться в угрозу для всего нашего общества.

Но, прежде чем за ними успели прилететь

Чёрные Корабли, детей выкрали работорговцы-отступники, действовавшие по сговору с коррумпированными чиновниками местного Администрации.

На

чёрном рынке за незарегистрированных, девственных рабов-псайкеров можно получить огромные деньги.

Я отправился по следам работорговцев, ведущим по песчаным барханам к Унат

Акимү, намереваясь освободить детей. А
Танталиг проделал тот же путь, чтобы
истребить их всех как ведьм и колдунов.
К концу сражения мне удалось выбить из
городка-оазиса и охотника на ведьм, и его
когорты, состоявшие главным образом из
пехотинцев местной милиции. В
перестрелке
погибли двое молодых псайкеров, но все
остальные были благополучно переданы в
руки Агентүс Астронамикүс.
Убегая из Каүмы зализывать раны,
Танталиг пытался объявить меня
еретиком, но все его обвинения были
немедленно
опровергнуты. Тогда Министорүм не
имел
никакого желания сүдиться со своими
союзниками из Унквизиции.

Я догадывался, а может, даже был уверен, что когда-нибудь Танталус снова попытается устроить мне неприятности.

Теперь это стало делом личного характера, а

фанатизм охотника преобразовал его в святое призвание.

Но, по последним данным, он руководил миссией Экклезиархии в Офигианском

субсекторе, занимающейся там поддержкой

столетней кампании по Зачистке.

Меня заинтересовало, что же могло

привести его на Лету Одинадцатый столетий

неподходящий момент.

Когда две недели спустя я снова смог

подняться на ноги, Тёмная Ночь закончилась

и я получил ответ на свой вопрос. Мне
стали

известны если не все подробности, то
хотя

бы общие черты этой истории.

Когда Эмос принёс новости, я, опираясь на
трусость, мерил шагами частный особняк,
который арендовал в Леме Майор.
Большая

Офидианская Кампания завершилась.

- Большой успех, - объявил Эмос. -

Последнее сражение состоялось на
Дольсене

четыре месяца тому назад, и лорд
главнокомандующий объявил субсектор
зачищенным. Славная победа, как тебе
кажется?

- Да. Надеюсь, что так. Они потратили
довольно много времени.

- Грегор, Грегор... Даже такими

огромными силами, как

Военно-космический флот Скаруса,

покорение субсектора - серьёзная задача! И
то, что у них ушла почти сотня лет, это
ещё

ничего! Успирение субсектора Экстемпус
заняло четыреста лет...

Эмос остановился:

- Да ты же играешься со мной!

Я кивнул. Его было очень легко завести.

Эмос покачал головой и опустил своё
древнее тело в одно из кожаных кресел.

- Я так понимаю, что военное положение
все ещё действует, как и временные
правительства, посаженные в ключевых
тирах. Но сам лорд главнокомандующий
триумфально возвращается с большей

частью флота, появляясь в этом
субсекторе

впервые за последние сто лет.

Я стоял перед распахнутыми окнами,
разглядывая серые крыши зданий Леты

Майор, казавшиеся чешуйчатой шкурой

какой-то доисторической рептилии,
которая

растянулась на холмах бухты Тимон.
Небеса

окрасила туманная розовая дымка, подул

лёгкий бриз. Теперь почти невозможно

описать это место без воспоминаний об

отерзительной, неизменной мгле Тёмной

Ночи.

Зато, возможно, я узнал, почему

возвратился Танталус. Офидианская

Кампания завершилась, а с ней и его

священная миссия.

- Ты помнишь, как они отправлялись? -
спросил я.

Глупый вопрос. Благодаря метовирусу
той научный помощник с сорока двух лет
страдал информационной зависимостью,
заставляющей его собирать и сохранять
всевозможные сведения. Он просто не мог
ничего забыть. Эмос почесал свой
крючковатый нос в том месте, где на нём
помещались аугметические очки.

- Разве может кто-нибудь из нас забыть
это? - ответил архивист. - Лето двести
сорокового. Охота за кланом Гло на
Гудрун, когда там проходило Основание.

И в самом деле, мы сыграли важную роль в
отсрочке начала Офигианской Кампании.

Магистр Войны, или лорд

главнокомандующий, как его называли

тогда, был уже почти готов к тому, чтобы

начать зачистку Офигианского субсектора, когда моё расследование дела семьи

еретиков Гло вызвало массовое восстание, позже известное как Геликанский Раскол.

К своему большому удивлению и неудовольствию, Магистр Войны был вынужден перебросить подготовленные войска на усмирение собственного субсектора. Магистр Войны Хонориус. Хонориус Магнус, как его называют. Я никогда не встречался с ним и не слишком того хотел. Как и многие подобные ему, он

был жестоким человеком. Необходим особый

склад ума, особая бесчеловечность, чтобы сокрушать планеты вместе с

населяющими

их людьми.

- На Трациане Примарис состоится
великое торжество, - произнёс Эмос. -

Священная Новена [\[2\], организованная](#)

Синодом Высшей Экклезиархии. Судя по

слухам, сам лорд главнокомандующий

Геликана появится там, чтобы даровать

Магистру Войны титул Заступника
феода.

- Уверен, он будет очень доволен.

Очередной увесистый медальон, которым
можно в гневе бросаться в своих офицеров.

- А ты не собираешься присутствовать?

Если бы я мог, то расстелся бы. Но

правде говоря, я подумывал над тем,
чтобы

вскоре вернуться в столицу Геликанского

субсектора. Трациан Примарис был наиболее

массивным, промышленно развитым и густонаселённым миром субсектора, поднявшимся из бесчестья и пожаров

Раскола и вырвавшим у древней Гудрун статус столичной планеты, достигнув наконец превосходства, которого, на той взгляд, заслуживали и его размер, и его могущество. Теперь Трациан Примарис являлся главным имперским миром региона.

Для того чтобы закончить кое-какую работу, составить и отправить ряд отчётов, лучше всего было бы вернуться в свои

владения на Трациане, расположенные неподалёку от Дворца Инквизиции. Но я недолюбливал Трациан Примарис. Это

отвратительное место, и штаб я разместил

там только из удобства. Мысли о полноте, церемониях и фестивалях приводили меня в тихий ужас.

Скорее всего я предпочёл бы отправиться к Мессине или к покою Гудрун, где мне принадлежало небольшое уютное поместье.

- Инквизиция собирает там серьёзные силы. Будет даже сам лорд Роркен.

Я махнул рукой в сторону Эмоса:

- И тебя это привлекает?

- Нет.

- Разве у нас не осталось более важных дел? Прояснение кое-каких вопросов, с

которыми куда проще разобраться в стороне

от всей этой раздутой суматохи?

- Скорее всего, - ответил Убер.

- Тогда, думаю, ты знаешь моё мнение.

- Думаю, что да, Грегор, - сказал он, поднимаясь и вынимая что-то из складок

своего зеленого одеяния. - И посетую

полностью готов выслушать твои проклятия

после того, как я вручу тебе вот это.

Этот протягивал маленький

информационный планшет с

зашифрованным сообщением, чье

содержимое было получено и записано

астронавтами.

На нем была поставлена печать

Инквизиции.

Глава третья

СТОЛИЧНЫЙ МИР

ОКЕАН-ХАУС

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ, ПРОШЛЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Трациан Примарис, столичный мир и
место размещения правительства,
расположен в Геликанском субсекторе
сектора Скарүс, Сегментүм Обскүрүс.
Такое

описание вы можете прочесть в любом из
сотни тысяч путеводителей,
справочников

по географии и истории Улпериүта, в
учебниках для начинающих паломников, в
промышленных и торговых каталогах, а
также в звёздных атласах. Звучит
внушительно, авторитарно, мощно.

Но не даёт ни малейшего представления
об описываемом монстре.

Я знавал препозанейшие места и планеты

смерти, казавшиеся из костоса
безмятежными и прекрасными: акварель
атмосферы, разноцветье лун и
метеоритных
поясов, опутывающих их подобно
браслетам
и ожерельям, и прочие природные чудеса,
скрывающие за собой опасность.

Но Трациан Примарис не такой
притворщик. Из костоса планета кажется
слезящимся, больным катарактой глазом,
сердито взирающим вокруг. Мир огромен,
огутловат и завернут в серую вуаль
повисшей в атмосфере сажи, сквозь
которую
пробивается свет миллиардов и
миллиардов
огней городов-ульев, напоминающий сияние
разлагающейся звезды. И этот глаз злобно
встатривается во все приближающиеся

суда.

И вот! Они всё равно подходят! Косяки судов, стаи бесчисленных кораблей, привлечённых к этой раздутой выгребной яме приманкой из обилия индустриальных благ и коммерческой энергии.

У планеты нет лун, точнее говоря, естественных лун. Над атмосферой выступают зубчатые башни и оружейные платформы пяти звёздных крепостей класса

«Ратилес», охраняющих подходы к столичному миру. Особая гильдия, состоящая из сорока тысяч квалифицированных пилотов, существует только для того, чтобы управлять трафиком на переполненной высокой орбите.

Планетарные силы обороны составляет

постоянная армия численностью восемь миллионов человек. Всего же Трациан Примарис населяет двадцать два миллиарда, а плюс к этому на его поверхности постоянно пребывает миллиард временных жителей и гостей. Семьдесят процентов поверхности планеты покрыты постройками городов-ульев, оккупировавших даже значительную часть природных океанов мира. Города разрослись настолько, что раскинулись над морями, чьи воды теперь катятся во тьме.

Я ненавижу эти места. Ненавижу лишённые естественного света улицы, шум и давку. Ненавижу вонь рециркулированного воздуха. Ненавижу атмосферу,

переполненную жирной грязью,
прилипающей к одежде и коже.

Но судьба и обязанности вновь и вновь
заставляют меня возвращаться сюда.

Зашифрованное официальное письмо от
представительства Инквизиции было
составлено предельно ясно: меня, как и
многих равных мне по положению,

вызывали на Трациан Примарис для
участия

в Священной Новене. Кроме того, я должен
был предстать перед Великим
Магистром

Инквизиции, лордом Убертино Орсини,
наиболее высокопоставленным

инквизитором во всем Геликанском

субсекторе. Такой статус ставил его в
одну

ряд с пфальцграфом-кардиналом.

Отказаться я не мог.

Путешествие от Леты Одинадцатый заняло

месяц. Я решил взять с собой всю свою свиту.

До места назначения мы добрались только за

четыре дня до начала празднеств. Пока крошечный пилотируемый челнок нёс нас к

стоянке мимо огромного скопления

кораблей, повисших на орбите, я увидел, что

к звёздным крепостям, словно гетёныши к талке, присосались тёмные очертания

кораблей Военно-космического флота

Скаруса. Они вернулись готовой героями. В

воздухе витал запах победы. Скоро должно

было состояться имперское празднование, которое Министорум собирался

использовать для подъёма морального духа

простого населения.

- Ваш график составлен, - сказал

служивший мне секретарём младший

докладчик Алан фон Бейг, когда мы

погрузились на борт боевого катера, доставившего нас на планету.

- Ох, и кем же?

Алан задумался. Фон Бейг был

застенчивым и посредственным молодым

человеком. Я сомневался, что он когда-либо

поднимется до чина инквизитора. Я принял

его в свой штат в надежде, что служба рядом

с Рейвенором сможет вдохновить Алана. Но

этого не произошло.

- Я полагал, что мой личный график должен составляться на основе моих личных пожеланий.

Фон Бейз что-то пробубнил в ответ. Я принял протянутый им информационный планшет. Тут же стало очевидно, что список

дел составлен не моим секретарём. Это был

официальный документ, написанный

нунциями Министров в сотрудничестве с

Представительством Инквизиции. Моё

расписание, составленное на все девять дней

Священной Новены, оказалось заполнено

аудиенциями, молебнами, банкетами, публичными церемониями, торжественными

открытиями и обрядами Министорута.

Все

девать суток, а к ним ещё и несколько дней

прежде и после Новены.

Я прилетел сюда, будь оно все проклято!

Отвечил на вызов. Но я не мог позволить

поглотить себя череде пиршеств. Я взял перо

и быстро пометил те события, которые

соглашался посетить: формальные обряды,

инквизиционная аудиенция, Великое

Награждение.

- Вот так, - сказал я, кидая планшет

обратно Алану. - Остальное я пропущу.

Фон Бейг выглядел ступённым.

- Сразу по прибытии вас ожидают в

Постапостольском Конклаве.

- Сразу по прибытии, - строго произнёс я,

- ты отправляется домой.

Домом мне служил Океан-хаус, частный особняк, который я арендовал в одном из наиболее дорогих кварталов Ульы Семьдесят.

Во многих тирах-ульях богачи и высокопоставленные лица проживают в районах, расположенных как можно выше над городом, стремясь убраться подальше от

грязи и толкотни, царящих на центральных и

нижних уровнях. Но как бы высоко вы ни забрались на Трациане Примарис, вы не найдёте ничего, кроме смога и загрязнений.

Здесь эксклюзивное жильё размещается у подножия ульы, престижные районы простираются вдоль берега и в глубине

таящихся под ним морей. Там хотя бы
тихо.

Медея Бетанкор вела боевой катер сквозь
перенасыщенную движением атмосферу,
прокладывая путь между уродливыми
куполами, тёмными башнями,
ржавеющими

антеннами и потрескавшимися шпильями.

Затем мы стесались с бурным потоком
воздушных судов, вливающимся в широкий
вспомогательный въездной туннель,
который вёл к переплетению
транспортных
артерий улья.

Мимо иллюминаторов проносились
прямоугольники сине-белых латн,
вмонтированных в стены просторного
туннеля. Мenee чем через час мы
добрались

до огромного транспортного узла,

скрытого

на трехкилометровой глубине пог
поверхностью города. Медя посадила
катер

на широкую платформу лифта, степенно
опустившую нас и дюжину других кораблей
к

нижним уровням Улья Сетьдесят. Затем
катер был припаркован на частном

аэродроме возле подъёмника. На

заключительном этапе нашего
путешествия

к припорскому обиталищу мы

воспользовались метро.

К тому времени, как мы добрались до

Океан-хауса, я уже успел устать от
Трациана

Приларис.

Океан-хаус, сконструированный из

сертифицированного

плазмой

грандиорита

на адатитовом каркасе, был одним из
тысячи особняков, встроенных в подводную
стену Улья Седьдесят. Он располагался в
девяти километрах под поверхностью
города

и на два километра ниже уровня моря. По
представлениям обычных граждан

Улперута, это был маленький дворец.
Его

как раз хватало для того, чтобы
вместить всю

ую свиту, библиотеку, склад оружия и
тренировочные залы, не говоря уже о
готовой часовне и зале для аудиенций.

Целое крыло здания было отдано для
размещения Даточек Биквин. В этом
особняке можно было надеяться на

безопасность, покой и тишину.

Моя домработница Джарат ожидала нас в

прихожей. Как и обычно, она была одета в

глинное светло-серое платье и чёрную

кружевную шапочку, заграпированную

белой вуалью. Как только огромные

металлические входные люки
откатились в

сторону и я вдохнул прохладного, чистого

домашнего воздуха, она хлопнула пухлыми

ладонями, и вперёд встретились
сервиторы, чтобы принять нашу верхнюю
одежду и

помочь с вещами.

Я постоял какое-то время на настиковом

коврике, оглядывая каменные стены и

высокий свод крыши. Никаких картин,
бюстов или скульптур, никаких

перекрёщённых мечей или вышитых
гобеленов, только герб Унквизиции на
дальней стене над лестницей. Я не
любитель

художеств и роскоши. Мне необходимы
уют

и исключительная функциональность.

Остальные спутники засуетились вокруг.

Биквин и Эмос отправились в библиотеку.

Рейвенор и фон Бейг давали сервиторам

чёткие инструкции, касающиеся
некоторых

предметов нашего багажа. Мегея
скрылась в

своей комнате. Остальная свита
рассеялась

по всему дому.

Джарат поприветствовала их всех, а
затем

подошла ко мне.

- Добро пожаловать, сэр, - произнесла она.
- Вы давно не были дома.
- Шестнадцать месяцев, Джарат.
- Дом проветрен и подготовлен. Мы занялись этим, как только вы сообщили о намерении приехать. Нас опечалили известия о потерях.
- Есть что-нибудь, что я должен знать?
- Перед вашим прибытием мы перепроверяли систему безопасности. Также поступило несколько сообщений.
- Я прочитаю их, как только смогу.
- Уверена, вы голодны.

Она была права, хотя я и сам не сразу понял, что ужасно проголодался.

- На кухне уже готовится обед. Я взяла на себя смелость самостоятельно составить

лению, которое, как мне кажется, вы
должны

одобрить.

- Как всегда, полностью полагаюсь на твой
выбор, Джарат. Я хочу отобедать на
террасе

террасе вместе с теми, кто пожелает
составить мне компанию.

- Я прослежу за этим, сэр. Добро
пожаловать домой.

Я принял ванну, облачился в серый
шерстяной костюм и провёл некоторое
время в личной комнате, потягивая
апассек и

просматривая сообщения и компьютерные
при

мягком свете лампы.

Посланий пришло много, главным
образом недавно поступившие письма от

старых знакомых - чиновников, собратьев
инквизиторов и солдат,
подготавливающие
меня к их прибытию на планету и
выражающие почтение. Лишь немногие из
них нуждались в больше чем формальном
ответе моего секретаря. Для некоторых я
сочинил учтивые личные послания,
выражая
надежду встретиться на одном из
многочисленных мероприятий Новены.
Три сообщения привлекали особое
внимание. Первым было личное,
закодированное официальное письмо от
Верховного Инквизитора Филебаса
Алессандро Поркена, являвшегося главой
Ордо Ксенос Геликанского субсектора и
моим непосредственным начальником. Он

входил в триумвират старших
инквизиторов

и отвечал непосредственно. перед
Беликим

Магистром Орсини. Поркен хотел видеть
меня сразу после моего возвращения на
Трациан. Я незамедлительно ответил
ему, что прибуду во Дворец Инквизиции
следующим утром.

Второе письмо поступило от моего
старого

друга и коллеги Тимуса Эндора. С
момент

нашей последней встречи прошло уже
довольно много времени. Его

незашифрованное сообщение гласило:

«Приветствую тебя, Грегор. Ты дома?»

Краткость обезоруживала. Я отправил

столь же краткий утвердительный
ответ.

Эндор явно не желал общаться в письменной

форме. Я ждал его ответа.

Третье сообщение, составленное на

глоссии, также оказалось

незакодированным, или же, по крайней

мере, к нему не были применены

электронные шифры. Послание гласило:

«Скальпель быстро режет нетерпеливо

высунутые языки. В час третий, на Кагуи.

Гончая запрашивает Шун. Шун должен быть

остёр».

Наличие морской террасы стало, вероятно, основной причиной, по которой я решил

арендовать Океан-хаус. Она представляла собой глинный, облицованный керамитом

зал, одна из стен которого представляла собой бронированное окно, выходящее в океан. Промышленность на Трациане Примарис убила большую часть жизненных

форм, населявших моря, но в этих глубинах, в изумрудном тусклом свете все ещё можно

было увидеть чудесным образом выживающих существ, вроде светящихся морских чертей или стай блестящих слизней.

Освещающую свечами комнату окутывали слегка колеблющиеся зеленые сүтерки.

Сервиторы Джарат накрыли глинный стол

на девять персон. Когда я появился, все уже заняли свои места и болтали за аперитивом.

Большинство моих сотрудников были

огеты

по-домашнему. Я тоже надел к обеду
простой чёрный костюм. С кухни принесли
клёцки из фюби, приготовленные на пару,
и

жареный кетелфиш, затем запечённые
бедрышки редкой гичи оркуну, грушевые и
ягодные пироги с корицей. Крепкий кларет
с

Гүдгүн и сладкое десертное вино с
виноградников Мессины идеально
дополняли пищу. Я уже и забыл все
прелести

пребывания дома, вдалеке от тягот
работы в

полевых условиях. Особое спасибо Джарат.

Компанию за столом мне решили
составить Эмос, Биквин, Рейвенор, фон
Бейз, мой архивариус и секретарь
Ольдетар

Нсаллүс, глава домашней службы безопасности Джабал Куршер, заслуживающий доверия полевой агент Гарлон Нейл и главная помощница Биквин Тула Сүрскова. Медея Бетанкор не захотела присоединиться к нам, но я знал, что её измотал сложный полет через воздушное пространство Трациана.

Я был рад, что Рейвенор присутствует на обеде. Его раны, по крайней мере физические, исцелялись. И хотя он был тих и казался несколько потерянным, я чувствовал, что он начинает приходить в себя после смерти Арианрог.

Сүрскова, невысокая городная женщина, разменявшая четвёртый десяток, тихо

обсуждала с Биквин прогресс в обучении
недавно набранных Дамочек. Эмос
рассказывал внимательно слушавшим его
Нсаллусу и Нейлу о событиях на Леме
Одиннадцать. Нсаллус, ослабевший и
преждевременно состарившийся в
результате изнурительной болезни,
никогда
не покидал Океан-хаус и посвятил свою
жизнь управлению моей обширной
библиотекой и обеспечению сохранности
её
содержимого. Если бы Эмос не поведал ему
историю о нашем последнем задании, это
должен был бы сделать я. Подобные
рассказы
оставались для Нсаллуса единственной
связью с активными действиями в нашем
деле, и ему нравилось их слушать. Нейл,

бывший охотник за головами с Локи, год
назад получивший серьёзное ранение, тоже
не смог участвовать в операции на Лете.
Он

также упивался рассказом Эмоса, времён
от

времени задавая вопросы. Я чувствовал,
что

ему не терпелось вернуться к работе.

Фон Бейг и Киршер вели праздный
разговор о приготовлениях к Новене,
охвативших улы Трაციана, и о проблемах
безопасности, которые те за собой влекли.

Киршер был человеком талантливым,
хотя и

лишённым воображения. Когда-то он
служил

арбитром, вполне заслуживавшим доверия.

Пока подавали десерт, к их дискуссии
присоединились все присутствовавшие.

- Поговаривают, что результатом

Беликого

Награждения станет возвышение

Магистра

Войны, - произнёс Нейл, поднося ко рту ложку.

- Я бы сказал, что он уже возвышен, - парировал я.

- Нейл прав, Грегор. Я тоже это слышал, -

сказал Рейвенор. - Заступник феодала.

Похоже, лорд главнокомандующий

Геликана решил, что Магистр Войны

является ему ровней.

- Синекүра.

- Ни в коей мере. Благодаря этому

Хонориус станет фаворитом в

соревновании

за место главного Магистра Войны в

[Акротериуне\[3\]](#). Особенно если учитывать,

что скончался Магистр Войны Хиджү, а

ведь

тот горос до Сенаторум Имперуалис и
тог

подняться даже до титула Высшего
Лорда

Терры.

- Хонориус может быть и Магнус[4], но он

не из тех, кто становится Высшим
Лордом, -

усомнился я.

- После всего, что произошло, может и
стать, - сказал Нейл. - Лорд

главнокомандующий Геликана, должно
быть, увидел в нём какой-то потенциал,
иначе не

оказывал бы ему такую поддержку.

От разговоров о политике меня бросает в
холод, и я редко сочувствую
политическим

амбициям. Этот предмет мне пришлось

изучить по той лишь причине, что моя
работа часто требовала детальной и
точной

информации. Лорд главнокомандующий
Теликана, который, к слову сказать,
являлся

Джеромо Форлицц IV из благородного
рода

Форлиццев, представлял высшую
светскую

власть Теликанского субсектора, по
причине

чего и добавлял название последнего к
своему титулу. На бумаге даже
кардиналы

Министорума, Великий Магистр

Инквизиции, лучшие светила

Администратума и командующие
войсками

должны были отчитываться перед ним.

Хотя, как и со всем остальным в имперском

обществе, на деле все было не так просто, поскольку Церковь, государство и войска, вынужденные жить как единое целое, постоянно враждовали. Уважив Магистра

Войны Награждением, лорд Геликана

поделился своей властью с армией, явственно подавая сигнал и другим

правительственным органам, и наверняка

должен был ожидать, что Магистр Войны

ответит ему покровительством, когда

поднимется до уровней власти куда больших, чем возможны в одном этом субсекторе. Это

рискованная игра, к тому же столь высокие

должностные лица редко играют открыто в

подобных случаях. Впрочем, в этот раз

оправданием могла служить боевая слава, окружавшая Хонориуса.

А это означало, что наступают опасные времена. Кто-то обязательно попытается восстановить баланс сил. Я делал ставку на

Экклезиархию, хотя справедливости ради надо сказать, что я пристрастен. Но все же

история показывает, что Церковь хронически не способна стириться с переходом части своей власти к армии или

светским властям. Это соображение я и высказал.

- Все этим не исчерпывается, - устехнулся

Эмос, принимая заново наполненный бокал с

десертным вином. - Дом Форлицев ослаб и

нуждается в поддержке Агентус Терра и
своём ухе в Сенаторум Импералис и при
Золотом Троне. Два могущественных
рога, Де Венси и Фүльваторе, стремятся
добиться

превосходства над Форлитцами и скорее
всего воспримут происходящее как
неприкрытый вызов. К тому же есть ещё
и

Дом Эйрсвальд, полагающий собственного
прославленного сына, лорда
главнокомандующего Стрефона,
единственной достойной заменой Хиджур.
И

давайте не забывать про династию
Августингов, утратившую свою власть,
когда

при исполнении служебных обязанностей
сорок лет назад скончался Жан Августин,
Высший Лорд Терры. Последние несколько

лет они лихорадочно борются за
возвращение, с почти непристойной
наглостью выдвигая своего кандидата,
лорда

главнокомандующего Козимо. Если Нейл
прав и Награждение сделает Хонориуса
явным преемником Хиджу, Магистр
Войны

станет прямым конкурентом Козимо в
борьбе за освободившееся место среди
Высших Лордов.

Мой взгляд привлекла откровенно
зевающая в конце стола Биквин.

- Козимо никогда не получит этого
поста,

- уверенно встрял Псаллус - Его Дом
слишком непопулярен среди Агентов

Механикус, а без их согласия, пусть даже
и

молчаливого, никто и никогда не получит
титұла Высшего Лорда. Кроме того, его
продвижение заблокирует и Министорұт,
где Жан Августин со своими реформами
грузей отнюдь не обрёл. Поговаривают,
что

старого Жана настиг не пристұп, а
Каллидус

из Официо Ассасинорұт, действовавший по
распоряжению Экклезиархии.

- Поосторожней со словами, старый друг,
иначе в следующий раз его могут послать
по

твою голову, - произнёс Рейвенор.

Псаллус вскинул свои костлявые рұки,
словно отмахиваясь от смеха,

прокатившегося над столом.

- И тем не менее все это очень странно, -

сказал Эмос. - Награждение может
привести

к войне между Домати. Кроме очевидных противников, на лорда Геликана и Магистра

Войны могут насесть имперские роды, сохранявшие до сего момента нейтралитет.

Многих вполне устраивает нынешнее состояние дел, и они могут ударить с удивительной жестокостью только для того, чтобы их не втянули в открытое кровавое столкновение.

На мгновение воцарилась тишина.

- Псаллус, - быстро вмешался Рейвенор, с ловкостью дипломата меняя предмет разговора, - у меня для тебя есть ряд трудов, которые я приобрёл на Леме. В них входит и

наименее «Аналектов Феномена»...

Псаллус нетерпеливо принялся

расспрашивать молодого дознавателя.
Эмос, фон Бейз и Нейл продолжили
обсуждение

имперских интриг. Биквин и Сурскова
пожелали всем спокойной ночи и
удалились.

Я же вместе со своим пузатым
хрустальным

графином атасека отправился к
стеклянной

стене, чтобы полюбоваться
океаническими

глубинами. Через мгновение ко мне
присоединился Киршер. Прежде чем
заговорить, он разгладил полы своей
лазурной безрукавки и надел чёрные
перчатки.

- В прошлом месяце нас навещали
незванные гости, - спокойно произнёс он.

Я оглянулся:

- Когда?

- На самом деле это происходило целых три раза, - сказал Джабал, - хотя я и не понимал этого до последнего случая. Во время ночного цикла, приблизительно шесть недель назад, я обнаружил продолжительный сбой в системе предупреждения, контролирующей воздушные клапаны морской стены. Других следов не было, и сервиторы просто затенили эту секцию системы. Потом снова, неделю спустя, на служебном входе хранилища проговольствия и на внешних дверях крыла Дамочек, в одну и ту же ночь. Я заподозрил, что повреждена вся система, и решил полностью перестроить структуру

сигнализации. А на следующей неделе я обнаружил, что код в системе защиты внешних замков главного входа обнулялся. Кто-то пролезал внутрь, а потом ушёл. Я обыскал здание и нашёл вокс-жучки, спрятанные в стенах шести комнат, включая

ваши личные покои, и, кроме того, фаркодеры, аккуратно встроенные в трех коммуникационных узлах и подключённые к

комплинку. Также кто-то предпринял неудачную попытку проникнуть в ваше вакуумное хранилище, но им не были известны запирающие коды.

- И не осталось никаких следов?

- Ни отпечатков, ни чешуек кожи, ни волос. Я даже просеял воздух через анализатор газа. Визеозаписывающие

устройства, размещённые в доме, ничего не

показали... за исключением тщательно

замаскированного временного скачка в

тридцать четыре секунды. Астронавты ничего

не почувствовали. В одном месте

нарушителю удалось пройти четыре метра

пола, усеянного чувствительными к

давлению датчиками, не потревожив их.

Проанализировав произошедшее, я понял, что и два предыдущих инцидента были

далеко не сбоями аппаратуры, а попытками

исследовать, изучить и оценить нашу

систему безопасности. Пробные забеги перед

настоящим вторжением. Для этого они

применили переборщик кодов на главных

сверях. Если бы ит и в самом деле удалось
взломать их, они смогли бы установить
кого

обратно и я никогда не узнал бы, что они
побывали внутри.

- Вы все перепроверили? Других жучков не
окажется?

Он покачал головой:

- Господин, я могу только извиниться за...

- В этом нет нужды, Киршер, - поднял я

руку. - Вы выполнили свою работу.

Покажите

мне, что они оставили.

В тишине внутренней библиотеки
Киршер

разворачивал на столе отрез красного
фетра.

Джабал нервничал, и на его лбу под самой
гривой белых волос сверкали бусинки пота.

Я не хотел никого тревожить, поэтому
попросил присоединиться к нам только
Рейвенора и Эмоса.

В комнате пахло тиковым деревом, из
которого были сделаны полки,
запахом

книг и озоном защитных полей,
накрывающих особо хрупкие манускрипты.

Наконец фетр был развернут. На нем
лежали девять крошечных устройств,
шесть

вокс-перехватчиков и три фаркодера.

Каждый был заключён в желчужине
прочного пластика.

- Чтобы быть уверенным, что они
обезврежены, я запечатал их в инертную
пасту сразу же после обнаружения. Ни в
одном из них не было мин-ловушек.

Гидеон Рейвенор подошёл к столу, взял один из запечатанных вокс-перехватчиков и поднял его к свету.

- Имперский, - произнёс он. - Маркировка отсутствует, но сделали его в Империи.

Очень высокое качество и передовые технологии.

- Мне тоже так показалось, - сказал Киршер.

- Военное производство? Гражданское? - спросил я.

Рейвенор пожал плечами:

- Мы могли бы проследить их происхождение до вероятного производителя, но тот скорее всего снабжает

все возможные силы, действующие в

Цпперпупте.

Аугметические очки Эмоса щёлкнули при автофокусировке, когда он посмотрел на предметы, выложенные на ткани.

- В фаркодерах, - начал он, - тоже применены передовые технологии. Чтобы успешно встроить такую вещьцу в узел связи, требуются исключительные навыки.

- Исключительные навыки нужны уже для того, чтобы влезть в дом так, как это сделали

они, - ответил я.

- На устройствах нет маркировки изготовителя, - продолжал Эмос, - но это явно усовершенствованные модели серии «Амплос». Они значительно улучшены по сравнению с теми, что используются в

войсках. Это, конечно, только догадка, но
риску предположить, что и Министорум
тут

ни при чем. Они печально известны во
всем, что касается технических новинок.

- Тогда кто? - спросил я.

- Агентус Механикус? - предположил он. Я
был неприятно удивлён.

- Или, по крайней мере, организация, - с
улыбкой пожал плечами архивист, -

обладающая достаточной силой и
влиянием, чтобы получить столь
высокотехнологичные

устройства от Агентус Механикус.

- Например?

- Официо Ассасинорум?

- Они влезают, чтобы убивать, а не
подслушивать.

- Точно. Тогда, может быть,

могущественный Имперский Дом,
обладающий влиянием в Сенаторум
Импералис.

- Возможно... - допустил я.

- Или...

- Или?

- Или одна из организаций Империи,
которая регулярно применяет такие
устройства и обладает авторитетом и
потребностью использовать только
наилучшее из доступного оборудования.

- И что же это?

Эмос посмотрел на меня как на дурака:

- Конечно же, это Инквизиция.

Спал я плохо, урывками. За три часа до
конца ночного цикла я проснулся в
холодном

поту и сел на кровати.

Обернувшись простыней, я вынул
матово-серый короткоствольный
пистолет

из кобуры, висящей у изголовья кровати. А
затем прокрался в холл.

Тусклый синий свет, пробивавшийся из
прихожей, размывал очертания
предметов. Я

медленно крался вперед.

Ошибки быть не могло. По нижней
гостиной кто-то ходил.

Взведя оружие, я начал спускаться по
лестнице. Глаза постепенно привыкали к
темноте.

Мне хотелось включить вокс и поднять
на

ноги Киршера и его людей. Однако я
понимал, что если незванный гость
достаточно умен, чтобы обойти

сигнализацию, то его легко можно спугнуть.

За несколько часов пребывания в

Океан-хаусе в мой мир успел просочиться противный привкус предательства.

Возможно, это была только паранойя, но я решил выяснить все до конца.

Из приоткрытой кухонной двери на пол гостиной упал луч белого света. Я вновь услышал шаги.

Подкравшись поближе, я убедился, что сигнализация отключена, и скользнул в дверь, держа оружие перед собой.

Внешняя кухня, царство разделочных столов с трапезным покрытием и начищенных алюминиевых плит, была пуста.

С потолочных креплений свисали многочисленные металлические сковороды и кастрюли. В неподвижном воздухе ещё витал запах чеснока и специй. Свет исходил из внутренней кладовой, где располагалась холодильная камера.

Два шага, три, четыре. Каменный пол

обжигал холодом мои босые ступни. Я добрался до кладовой. Там кто-то гвизгался.

Ударом ноги я распахнул дверь и прыгнул внутрь.

Медея Бетанкор, одетая лишь в глинную нижнюю сорочку, сшитую на армейский манер, вскрикнула от неожиданности.

Погнос с остатками кетелфиша с грохотом упал на пол.

- Великие боги, Эйзенхорн! - возмущённо завопила она, подпрыгивая на месте. - Не делай так больше!

Я был зол и не стал сразу опускать пистолет.

- Что ты тут делаешь?

- Ем! Или тебе ещё что-то

притерещилось? - Она издевалась надо мной. - Чувствую себя так, словно проспала целую неделю. Подыхаю от голода.

Я опустил оружие. Мою нервозность потеснило чувство неловкости.

- Прошу прощения. Извини. Возможно, тебе стоило одеться, прежде чем спускаться, чтобы совершить набег на кладовую.

Прозвучало это глупо. Но насколько глупо, я осознал лишь мгновение спустя. Моё внимание приковали её глинные тёмные ножки и сорочка, плотно облегающая изгибы её груди.

- Тебе тоже стоило бы последовать своему совету, Грегор, - сказала она, приподнятая бровь.

Я посмотрел вниз. Простыня слетела на пол, когда я ворвался в кладовую. Как

сказал

бы Мугас Бетанкор, я был «весьма нагит».

Если не считать, конечно, заряженного оружия.

- Проклятье. Мои извинения. - Я развернулся, чтобы вцепиться в упавшую простыню.

- Не стоит беспокоиться, - захихикала она.

Я наклонился к полу, да так и застыл на месте. Из темноты на меня смотрело дуло

парабеллума Тронзвассе.

Затем оно медленно опустилось. Гарлон

Нейл с явной тревогой оглядел меня сверху донизу, а затем предупредительно прижал палец к губам. Бывший охотник за головами

оказался полностью одет, будь он не ладен.

Я поднял простыню:

- Что?

- Тут кто-то есть. Я чувствую это, -

прошептал он. - Шум, который вы
устроили, заставил меня подумать, что
взломщик

здесь. Не знал, что ты так увлечён
Медеей.

- Заткнись.

Всвоём ты бросился обратно через

внешнюю кухню. Нейл натянул капюшон

своего чёрного облегающего комбинезона,
чтобы прикрыть бледный, выбритый
череп.

Он был крупным мужчиной, на голову выше

меня, но в своём наряде полностью

растворился в темноте. Я напряжённо
следил

за его сигналами.

Нейл жестом показал, что надо

продвигаться дальше по холлу. Я
полностью

доверился его решению. В течение трех
десятилетий он охотился на самых
изобретательных и одарённых мерзавцев в
Галактике. Если в доме и впрямь есть
незванные гости, он найдёт их.

Я вошёл в главный холл Океан-хауса и
увидел, что парадный вход открыт.
Коговый
дисплей на главном затке мизал
вереницей
нулей.

За моей спиной рывкнул пистолет. Я
развернулся и, услышав крик Нейла,
бросился обратно во внутреннюю
гостиную.

Сцепившись с неизвестным тужчиной,
Гарлон катался по полу.

- Встать! Встать! Я вооружён! - закричал

я.

В ответ неизвестный злоумышленник приложил голову Нейла об пол с такой силой, что вырубил его, а затем швырнул в меня

тяжёлым пистолетом Гарлона.

Я выстрелил, но лишь продырявил стену, потому что брошенный пистолет угодили мне

прямо в висок и сбил меня с ног.

До моего слуха донеслись звуки целого града затрещин и ударов, гортанный хрип, а

следом крик Медеи Бетанкор:

- Включить свет!

Я поднялся. Расставив ноги, Медея стояла

над взлотщиком. Одну руку девушка с силой

сжала в кулак, а другой стыдливо

оттягивала

вниз сорочку.

- Держу его, - сказала она, обернувшись.

Злоумышленник был одет в чёрное. Я
сгёрнул с его головы капюшон.

И увидел совершенно ошеломлённое лицо
Тутуса Эндора.

- Грегор, - прошепелявил он

окровавленными губами, - ты сказал, что
будешь гота.

Глава четвёртая

МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ

БЕСЕДА С ЛОРДОМ РОРКЕНОМ

[АНОТРОНИЧЕСКИЙ\[5\]](#)

КОНГРЕСС

Зерновой джоуликер с колотым льдом и
лоттиком лимона!

Мы сидели в твоей святая святых. Эндор

принял предложенный напиток и

устехнулся:

- Ты ещё помнишь.

- В старые добрые времена я стесивал твою излюбленную выпивку бесчисленное множество раз, Тимүс.

- Ха! Припоминаю. Ты говоришь о том заведении на улице Зансипля? Там ещё хозяин пропивал всю выручку?

- «Жаждущий Орёл», - ответил я.

Он все помнил. Но, казалось, Тимүс испытывает меня.

- Точно, «Жаждущий Орёл»! Как ты и сказал, мы провели там немало ночей. Он

поднял свой бокал с прозрачной охлаждённой выпивкой.

- Вскинь, опрокинь, и нальём ещё по

одной!

Я повторил старый тост и чокнулся
своим

хрустальным бокалом, наполненным
дорогим атасеком.

На мгновение мне показалось, что мы и
вправду вернулись в те прекрасные старые
времена. Тогда нам обоим было по
девятнадцать лет, в наши головы то и
дело

ударяли пача и протетиум, нас недавно
подняли до ранга дознавателей, и мы,
студенты старого инквизитора
Ханшанта, готовы были выйти на бой со
всей чёртовой

Галактикой. Только пять лет спустя,
почти

одновременно, нас повысили до полного
инквизиторского чина и наши карьеры
начались всерьёз.

В девятнадцать лет, пьяно покачиваясь,
ты кутили в грязном баре на улице
Зансипля, поспеиваясь над своим
прославленным наставником и сливаясь с
жизнью. Сливаясь с ней настолько
безудержно, как, наверное, возможно
только
в юности.

Другая жизнь. Далёкая и безвозвратно
ушедшая. Теперь я уже не тот Грегор
Эйзенхорн. А этот мужчина с глиняными,
подвязанными шнурком седыми волосами и
покрытым шрамами лицом, одетый в
термоблокирующий костюм, больше не
был
прежним Тимусом Эндором.

- Ты мог бы и предупредить, - начал я.

- Что я и сделал.

- А ещё тебе стоило присоединиться к

нам

за ужином, - пожал я плечами. - Джарат снова превзошла себя.

- Я понимаю. Но тогда... - Он сделал паузу и задумчиво погонял по кругу кубики льда в

бокале. - Но тогда стало бы известно, что инквизитор Эндор нанёс визит инквизитору

Эйзенхорну.

- Всем и так прекрасно известно, что они старые друзья. В чем проблема-то?

Эндор поставил бокал на стол, расстегнул застёжки на поясе и стянул через голову верхнюю часть своего маскировочного костюма.

- Слишком жарко, - заметил он.

Его нижняя рубашка потемнела от пота, а

на шею на чёрном шнуре все так же висел
кривой зуб зауратора. Да, этот зуб.
Много

лет тому назад я извлёк его из ноги
Сутуса, после того как ему удалось
прогнать зверя.

Это случилось на Бронтомафе дюжину
десятилетий тому назад, а то и больше.
Тогда

мы вдвоём помогли Ханшанту в
операции, проводимой в туманных тонах
этой планеты.

- Я прибыл сюда ради Новены, - сказал он.

- Меня вызвали, чтобы присоединиться к
свите Орсини. Смею предположить, то же
самое можно сказать и о тебе. Мне
хотелось

поговорить с тобой и сделать это как
можно

дальше от любопытных ушей.

- Поэтому ты и вломился в мой дом?

Он глубоко вздохнул, прикончил свою

выпивку и пошёл к бару в углу комнаты, чтобы налить ещё.

- У тебя неприятности, - произнёс он.

- В самом деле? С чего бы это?

Как ни в чём не бывало, Эндор продолжал срезать цедру с лимона.

- Не знаю точно. Но ходят слухи.

- Всегда ходят какие-нибудь слухи. Он резко повернулся ко мне:

- Отнесись к этому серьёзно. - Его глаза неожиданно приобрели очень жёсткое выражение.

- Договорились, я слушаю.

- Ты знаешь, как крутится мельница

слухов. У кого-то всегда имеется причина их

распускать. Стали ходить кое-какие
рассказы. И поначалу я не обращал на них
внимания.

- Рассказы?

Он вздохнул и уселся в кресло с новой
порцией выпивки.

- Поговаривают, что ты... нечестив.

- И что именно говорят?

- Будь ты проклят, Грегор! Я же не один
из

твоих подозреваемых, которых надо
допрашивать! Я пришёл как друг.

- Друг, который взломал мне дверь и одет
в маскировочный костюм...

- Ты не мог бы заткнуться хотя бы на
минутку?

- С удовольствием. Если ты перейдёшь
наконец к делу, - помедлив, ответил я.

- В первый раз я просто услышал, как кто-то наговаривает на тебя.

- Кто?

- Не имеет значения. Я вмешался и высказал им всё, что думаю. Но потом я снова услышал эту историю. Эйзенхорн - нечестивец, сбился с праведного пути.

- В самом деле?

- Потом я услышал другое. Теперь говорили уже не «Эйзенхорн - нечестивец», а

«Есть серьёзные люди, итеющие новог полагать, что Эйзенхорн стал нечестив». Так, словно эти подозрения приобрели официальный статус.

- До меня ничего подобного не доходило, - произнёс я, усаживаясь поудобнее.

- Конечно нет. Кто же мог сказать тебе

такое в лицо, кроме друга... или судебного
собрания Внутренних Расследований?

Я приподнял брови:

- Ты, похоже, и в самом деле обеспокоен,
верно?

- Чертовски верно. Кто-то держит тебя
на

прицеле. Кто-то, имеющий влияние в

высших эшелонах. Каждый твой поступок
да

и вся карьера находятся под наблюдением.

- Ты делаешь выводы на основе слухов? Да
ладно тебе, Тимус. Я знаю многих

инквизиторов, у которых найдутся
причины

поставить на мне крест. Монодоминанты
из

кабинета Орсини и идеалисты пуритане,
сплотившиеся вокруг него в

могущественный блок. Кроме того,

радикалы

со своими взглядами. Тебе это известно. Мы, амалатиане, среди них пользуемся дурной славой.

Я уже упоминал прежде, насколько мне ненавистна политика вообще. И нет ничего

столь же бесплодного и утомительного, как

попытки разобраться во внутренней политике самой Инквизиции. Мы собираемся

разбиться на фракции, разделённые верой и

интеллектуальным сектантством. Мы с Эндором относим себя к амалатианам, то есть придерживаемся оптимистичных

взглядов и трудимся на благо поддержания целостности Империи, верим, что он

функционирует в соответствии с планом
божественного Императора. Мы
сохраняем

статус-кво. Выслеживает преступников,
еретиков, ксеносов, псайкеров - основных
недрузгов человечества. И это, конечно же,
является нашей основной целью. Но мы
возьмётся за кого угодно, если
почувствует, что он может нарушить
стабильность в

Империи, и готовы идти до конца,
вплоть

до вмешательства в межпартийные войны
августейших институтов нашего
общества.

Мне всегда казалось несколько забавным,
что мы стали частью фракции,
борющейся
против фракционности.

Мы утверждаем, что относимся к
пуританам. Конечно, так оно и есть, если

сравнивать нас с ультрапарадигмальными
фракциями Инквизиции наподобие
иствааниан и реконгрегаторов.

Но нам столь же чуждо и крайне правое
крыло пуританских фракций -

монодоминанты и торчанцы, часть
которых

почитает за ересь даже использование
обученных псайкеров.

Если у меня и возникли неприятности, то

это был не первый случай, когда
инквизитор, придерживающийся
умеренных взглядов, схлестнулся с
экстремистами внутри

собственной организации.

- Это вышло за пределы простых

интрижек между фракциями, - спокойно

сказал Титус. - Проблема не в нападках

консерваторов. Тут причина только в

тебе. У

них что-то есть на тебя.

- Что?

- Какая-то конкретная информация.

- С чего ты это взял?

- С того, что двадцать дней назад на

Мессине я был задержан и допрошен

инквизитором Остой из Ордо Маллеус.

После этих слов я даже вскочил с кресла:

- Что он сделал? Титус отмахнулся:

- Я как раз покончил с некоторыми

пустыми формальностями и уже
готовился

упаковывать вещи, чтобы отправляться
на

Трациан, когда на связь со мной вышел

Оста. Он был вежлив, доброжелателен и

спрашивал, не могу ли я встретиться с
ним. Я

отправился на встречу. Все прошло очень цивилизованно. Он не собирался арестовывать меня, но не думаю, что мне удалось бы покинуть его прежде, чем он закончил. Его окружали охранники, и было очевидно, что, попытайся я уйти, его люди остановили бы меня.

- Возмутительно!

- Нет, просто это Оста. Полагаю, ты знаком с ним? Один из свиты Орсини. Правая рука Безье. По сути своей он торуанец. Всегда старается разузнать как можно больше о том, на чей хвост садится.

- И что ему удалось разузнать?

- От меня? - растеялся Эндор. - Ничего, кроме яркого описания твоего характера!

Через час он позволил мне отбыть с миром.

Этот ублюдок даже предложил мне иногда

встречаться и обедать вместе, общаться во

время Новены.

- Оста опытный манипулятор. Скользкий человек. Но ты ушли от основного вопроса. Чего он хотел?

- Он хотел узнать кое-что о тебе.

Интересовался нашей дружбой и тем, что нас

связывает. Расспрашивал меня так, словно

хотел, чтобы я выболтал что-нибудь

интимное или выдал какую-нибудь чёртову

оплошность. Сам Оста говорил мало, но

было ясно, что он накопал какую-то грязь.

Или было получено некое сообщение, прямо или косвенно компрометирующее тебя. К концу нашего разговора я понял, что те слухи, которые мне довелось слышать, были

только рябью на поверхности. А глубже - секретное расследование. Тогда мне стало ясно, что тебя необходимо предупредить... так, чтобы никто не знал о нашем разговоре.

- Все это ложь, - произнёс я.

- Что именно?

- Не знаю. Что бы они ни думали. Чего бы они ни боялись. Я не совершал ничего, что заслуживало бы внимания Ордо Маллеус.

- Я верю тебе, Грегор. - Эндор произнёс это таким тоном, что я понял: он не верит мне.

Мы налили себе ещё и вышли на морскую террасу. Он устоялся на калейдоскоп светящихся вихрей планктона и произнёс:

- Все это только начало.

Я кивнул и опустил взгляд, баюкая в ладонях бокал с атасеком.

- На Лете на меня напал Танталид. Тогда мне показалось, что он пытается свести старые счёты, но после всего, что ты мне сегодня рассказал, я начал в этом сомневаться.

- Будь осторожен, - пробормотал Титус. -

Слушай, Грегор, мне пора уходить. Хотелось бы мне, чтобы встреча старых друзей произошла при лучших обстоятельствах.

- Благодарю тебя за тот шанс, который ты

мне подарил. И за те усилия, которые тебе

пришлось для этого приложить.

- Ты сделал бы то же самое.

- Сделал бы. Один последний вопрос: как ты вошёл?

- Что? - резко обернулся Тимус.

- Как ты вошёл сюда? Сегодня ночью.

- Применил декодер на двери.

- Ты отключил сигнализацию.

- Я не новичок, Грегор. Мой декодер запрограммирован на обнуление системы.

- Хорошая штука. Могу я посмотреть?

Вытащив из заднего кармана маленькое чёрное устройство, он протянул его мне.

- Модель серии «Амплоткс», - отметил я. -

Высокотехнологичное устройство.

- Я пользуюсь только лучшим.

- Как и я. Мне уже доводилось применять подобные штуки. Кажется, хотя, конечно, это

только мой личный опыт, они дают наилучший результат после нескольких испытаний.

- Как это?

- Я имею в виду один или два пробных забега. Чтобы оценить систему, которую собираешься взламывать. Несколько проб, чтобы определить уровень безопасности и позволить декодеру привыкнуть и изучить то, против чего он будет применён.

- Да, я так бы и поступил, имея такую роскошь, как время. Эти прилипы учатся

быстро. Но, когда время на исходе, все приходится делать с первого раза.

- Как, например, этой ночью? - Я вернул

ему устройство.

- Да. А на что ты намекаешь?

- Ты сумел проникнуть с первого захода?

Без всяких пробных забегов?

- Конечно. Этот визит был спонтанным. У

пока эта твоя симпатичная сучка не
заехала

тне ногой по торге, я считал себя крайне
безучит, раз сумел зайти так далеко.

- Так, значит, раньше ты здесь не бывал?

Внутрь не проникал?

- Нет, - резко ответил он. Или я оскорбил
его, или...

- Что ж, если тебе надо, можешь уходить,

сказал я.

- Доброй ночи, Грегор.

- Доброй ночи, Титус. Я предложил бы

проводить тебя, но думаю, что ты и сам прекрасно знаешь, где выход.

Он устехнулся, поднял бокал и прикончил его содержимое одним большим глотком.

- Вскинь, опрокинь, и нальём ещё по одной!

- Очень на это надеюсь, - ответил я.

Дворец Инквизиции на Трациане

Притарис размещается на высоте облачного

покрова в Улье Сорок Четыре. Он занимает

площадь, на которой мог бы разместиться

небольшой город, и представляет собой

главный штаб Инквизиции в Геликанском субсекторе. Его обслуживает постоянный

штат из шестидесяти тысяч сотрудников.

Мне не по душе его чёрная стаэтитовая

облицовка, его затенённые окна и
защитные валы, усеянные железными
шпалами. Те, кто подвергают Инквизицию
критике, могут описать эту
архитектуру как
почти гротескную, обращённую
непосредственно к самым сильным
человеческим страхам, связанным с
Инквизицией и исходящей от неё
неотвратимой чёрной угрозой. Должен
признаться, что так и есть. Страх перед
учреждением настолько безжалостным,
что
без колебаний карает любого, заставляет
людей быть законопослушными.
В начале следующего гневного цикла я
отправился во дворец в сопровождении
Эмоса, фон Бейга и Тулы Сурсковой. Как
ни

странно, но я чувствовал себя почти беззащитным, когда со мной было только три компаньона. За несколько прошедших десятилетий я слишком привык к большой свите. Мне пришлось наполнить себе, что было вменя, когда вся моя свита состояла из

трех человек.

Дворец Инквизиции не место для случайных или неформальных встреч. Он представляет собой мрачный лабиринт из темных залов, пустотных завес и поглощающих свет полей. Энергетические поля маскируют перемещения всех сотрудников и посетителей. Их деятельность секретна. Когда мы вошли в глупый главный зал, нас снабдили кибернетическим

андриодом в виде черепа, парившим над
нашими головами и создававшим
изолирующий конус тишины. Кроме того,
чтобы обеспечить конфиденциальность,
нам

предложили услуги астроната, но я
отказался. Все, что мне было необходимо,
это Сурскова с её способностями
неприкасаемой.

Удерживая вертикально двуручные
энергетические мечи, стражи
Инквизиции

повели нас по коридорам, облицованным
чёрным мрамором. Их лица были скрыты
забралами в виде масок, а бургундскую
броню украшали золотые листья и
инсигнии

нашей организации. Вокруг нас вспыхнуло
коричневое мерцание
светопоглощающих

полей, образующих гудящий
энергетический

коридор, отделяющий нас от всего
остального.

Пока мы шли, Алан фон Бейг растерянно
теребил свой высокий воротник.

Дознаватель нервничал. Мрачная
атмосфера

дворца действовала даже на его
служащих.

Лорд Роркен дожидался нас в своих
личных апартаментах. Энергетическая
завеса спала, чтобы пропустить нас в
круглый дверной проем, и снова замерцала,
как только мы оказались в холле. Стражи
не

сопровождали нас. Я приказал своим
спутникам подождать меня в скромно
обставленном холле, где имелись лишь
две

чуждые скаты, выложенные белыми атласными подушками, и вошёл в личные покои Верховного Инквизитора.

Для этого визита я облачился в чёрный костюм, накинув поверх него плащ из тёмно-коричневой кожи, а инквизиторскую инсигнию закрепил под горлом. Все мои помощники тоже были одеты официально.

В чем попало к Магистру Орго Ксенос не приходят.

Стены ярко освещённого приёмного зала украшали зеркала в позолоченных рамах, пол был выложен кремового цвета мрамором. Повсюду - на стенах, в канделябрах и даже прямо на полу - горели свечи. Зеркала отражали и рассеивали их яркое сияние. Я словно оказался внутри

призмы, повисшей в золотом солнечного
света.

Мне даже пришлось заслонить ладонью
глаза. Вокруг меня сотня мужчин
проделала

то же самое. Мои отражения.
Размноженный

Грегор Эйзенхорн в окружении мерцающих
свечей. Я выглядел напряжённым.

И это мне не нравилось.

- Никому не избежать всепроникающего
света Инквизиции, - произнёс голос.

- Ведь тогда ему пришлось бы самому
излучать тьму вовне, - закончил я.

- Ты знаком с Катүлдинасом, - сказал

Роркен, подходя ко мне.

- Мне нравятся его апофегмы[6]. Но я
никогда особо не любил его поздние

аллегории.

- Слишком сухие?

- Слишком пафосные. Чрезмерно

вычурные. Мне более по душе Сатаскин.
Он

менее... претенциозен.

Роркен улыбнулся и пожал мою руку.

- Значит, ты оцениваешь красоту поэзии
по её содержанию?

- Красота заключается в правде, а правда
в

красоте.

Он приподнял бровь:

- Откуда это?

- Доилперский фрагмент, который я

когда-то читал. Анонимный. А что
касается

вашего первого вопроса, ради удовольствия
я

предпочту Катүлдинасу Сатаскина, но
буду

настаивать, чтобы мои неопиты
множократно перечитывали Катүлдинаса,
пока не смогут цитировать его так же,
как я.

Роркен кивнул. Он был не слишком
крупным мужчиной с гладко выбритой
головой и короткой раздвоенной бородкой.
Магистр носил темно-красную мантию
поверх чёрной униформы и перчатки.

Сложно было определить его возраст,
хотя

ему должно быть, по крайней мере,
триста

лет, поскольку он сохранял свой высокий
пост в течение полутора столетий.
Благодаря

аугментике и курсам омоложения он
выглядел

человеком, приближающимся к пятому десятку.

- Могу я предложить прохладительные напитки? - спросил он.

- Спасибо, сэр, но вынужден отказать.

Нунции составили для меня столь плотный

график на всю Новену, что мне хотелось бы

сразу перейти к делу.

- Нунции Министров для всех нас установили плотные графики. Лорд

главнокомандующий приказал им сделать так, чтобы празднование прошло с

максимально возможной полнотой. А Грегор

Эйзенхорн, которого я знаю, при любой

возможности сделает все, чтобы не

придерживаться их предписаний.

Это замечание моего ответа не требовало.

Я насторожился. У нас с Роркеном сложились хорошие рабочие отношения, и я чувствовал, что он полностью доверяет мне со времён дела о Некромете, закрытого девятью годами назад. С тех пор он с

удовольствием помогал мне, направлял меня

и лично приставлял за моими делами. Но

у Магистра Ордо Ксенос Геликана не может

быть друзей.

- Присаживайся. Думаю, ты можешь уделить мне немного времени.

Мы сели на стулья с высокими спинками

но разные стороны низкого столика, и он протянул мне прохладную воду, и импортированную с железистых источников

Тигмоса.

- Укрепляет и тонизирует. Как я понимаю, Колдунья устроила тебе серьёзное испытание на Лете Одиннадцатый.

Я извлёк информационный планшет из кармана своего плаща.

- Предварительные выдержки из моего полного рапорта, - сказал я, вручая его Роркену.

Магистр принял планшет и, не читая, положил его на стол.

- Ты знаешь, почему я хотел поговорить с тобой?

Я подумал и пошёл на рассчитанный риск.

- Из-за того, что поговаривают, будто я стал нечестивцем.

Он заинтересованно приподнял брови:

- Ты уже слышал?

- Да, эту информацию довели до моего сведения. Недавно.

- И какова твоя реакция?

- Честно сказать? Замешательство. Я не знаю источника этих слухов. Похоже, у кого-то есть причины испытывать ко мне неприязнь.

- К тебе?

- Ко мне лично.

Он сделал небольшой глоток воды.

- Прежде чем ты продолжишь, я должен спросить тебя... Есть ли какая-либо причина, чтобы поползли эти слухи?

- Как я уже сказал, неприязнь...

- Нет, - спокойно произнёс он. - Ты

знаешь, о чём я спрашиваю.

- Я ничего не сделал, - сказал я.

- Поверю тебе на слово. Но если потом я
обнаружу, что ты лжёшь или хотя бы
скрываешь от меня что-то, я буду...
недоволен.

- Я ничего не сделал, - повторил я.

Он сложил ладони домиком и окинул
взглядом море свечей.

- Вот что произошло. Инквизитор - кто,
не

имеет значения, - по секрету доложил мне
о

тревожном происшествии. Демонхост
сделал

тилоть и пощадил жизнь человека
только

потому, что принял его за тебя.

Это одновременно заинтриговало и
напугало меня.

- Не могу подтвердить эту информацию,
но демонхоста идентифицировали как
Черубаэля.

В моих жилах застыла кровь. Черубаэль.

- После 56-Узар у тебя не было контактов с
этим существом?

Я покачал головой:

- Нет, сэр. К тому же это было почти
столетие назад.

- Но с того времени ты занимался его
поисками?

- И не делал из этого тайны, сэр.
Черубаэль

- агент незримого врага, того, в чьи
тахионации оказался вовлечён даже член
нашей организации.

- Молитор.

- Да, Конрад Молитор. Я потратил много времени и сил, пытаясь разузнать правду о

Черубаэле и его хозяине-невидимке, но все бесполезно. Сто лет, а в итоге лишь неясные намёки.

- Вопрос о причастности Черубаэля к делу о Некромете, как тебе известно, передали в

ведение Ордо Маллеус. Но и им тоже не удалось взять его след.

- Где произошла эта встреча?

- Вогель Пассионата, - после некоторой паузы произнёс Роркен.

- И он думал, что пощадил меня?

- Есть предположение, что у демонхоста на тебя имелись какие-то планы.

Высказывалось серьёзное предложение... о тесной взаимосвязи между вами.

- Чувств!

- Надеюсь, что так...

- Это и в самом деле бред, сэр!

- Надеюсь, что так, Эйзенхорн. У
Беликого

Магистра Орсини нет времени возиться с радикалами Инквизиции. И даже если бы
он

не был настолько бескомпромиссен, такого не потерпел бы я. В Орго Ксенос Геликана нет места для тех, кто является с Хаосом.

- Я понимаю.

- Уж будь столь любезен. - Роркен

потрачнел, лицо его сделалось строгим. - Ты

все ещё пытаешься разыскать это

существо?

- Даже сейчас несколько моих агентов охотятся за ним.

- Есть хоть какие-нибудь намёки на успех?

Я вспомнил о сообщении на глоссии, полученном прошлой ночью.

- Нет. - Впервые и единственный раз за этот разговор мне пришлось соврать.

- Уже упомянутый инквизитор уговаривал меня передать расследование в руки Орго Маллеус. Но я не отдам одного из своих лучших сотрудников на милость собак Безье.

Я считаю это внутренним делом нашего органа.

- Тогда откуда взялись слухи?

- Это меня и тревожит. Утечка информации. Мне показалось, будет разумею

предупредить, что за тебя может взяться

Ордо Маллеус.

Второе предупреждение за двенадцать часов.

- Мне бы хотелось предложить тебе покинуть Трациан и продолжать работу в другом месте, пока все не уляжется, - сказал

Роркен. - Но есть необходимость в твоём присутствии на Анотропическом конгрессе.

Теперь все становилось на свои места.

Сказочный размах триумфальных празднований Новены вполне соответствовал событию, но количество призванных старших инквизиторов, мягко говоря, вызывало недоумение.

Герои-военачальники и светила

Экклезиархии вполне могли быть привлечены для раздвигания полнотности подобных торжеств, но инквизиторы - это совсем другая каста, более отстранённая, более... независимая. Мы не собираемся столь многочисленной компанией, и тем более по столь жёсткому приказу. Я думал, что Орсини просто демонстрирует своё

влияние, чтобы произвести впечатление на

главнокомандующего Геликана.

Но причина была не в этом. Должен был состояться Анотропический конгресс.

Уменно по этой причине нас и вызвали.

Анотропические штудии проводятся

Инквизицией регулярно, и обычно в них участвует один, много три инквизитора.

Более крупные мероприятия называют

совета́ми, которые требуют кворума по крайней мере из одиннадцати инквизиторов.

Ещё более многочисленные собрания имену́ются конгрессами. Такие события чрезвычайно редки. Я знал, что мой старый

наставник Хапшант присутствовал на последнем таком конгрессе, состоявшемся в

субсекторе. Случилось это двести семьдесят

девять лет тому назад.

Цель штудий, даже в их наименьшем составе, состоит в тщательной экспертизе и

оценке способностей необычайно значимых пленников. Оказавшись в руках Инквизиции, преступный псайкер, лидер еретиков, военачальник ксеносов... ну и так

далее...

подвергается иногда весьма

продолжительной формальной экспертизе, погчас даже не касающейся совершенных им

преступлений. Зачастую отступники уже осуждены и ожидают исполнения наказания.

На этом этапе Инквизиция решает расширить свой кругозор, полүчие разобраться в природе врагов человечества.

Предметы исследования разбирают на части, как правило, интеллектуально, иногда

ментально, а бывает, что и буквально, чтобы

выявить их силы, недостатки, верования и мотивы. Таким образом, Анотропические конгрессы обретают жизненно важную

истину - истину, которая защитит
служителей Империи в последующих
столкновениях с противниками. Чтобы
проиллюстрировать это, стоит
упомянуть, что славная победа Имперской
Гвардии над
метарасой Эззеля оказалась возможной
лишь
благодаря методам обнаружения их
присутствия, разработанным при анализе
скаутформы Эззеля Анотропическим
советом на Адигетусе Ультима в 883.М40.
Численный состав собрания зависит от
количества или значимости исследуемых.
- Во время заключительного, самого
крупного сражения Офигианского
Устирения Магистру Войны удалось
захватить на Дольсене тридцать три
псайкера-еретика уровня альфа и выше, -

сказал Роркен, показывая мне
информационный планшет. Гриф
секретности на планшете был настолько
высоким, что даже на меня это произвело
впечатление. - Они были обучены каким-
то

образом управлять и повелевать
призванными или грязными порождениями
варна и составляли основу обороны
высшего
командования врага.

- Как их удалось захватить? Живьём, я
имею в виду?

Это было удивительно. Нетренированные
псайкеры сами по себе уже достаточно
страшная сила. Их сознание всегда несёт
ужасающий потенциал, способный
открыть

ворота в Улматериум и позволить

демонам

хлынуть в нашу вселенную. Но эти... эти одержимые так или иначе научились (или были обучены) фокусировать свои дарованные Варпом таланты, удерживать в себе демонов и использовать их отерзительную силу. У меня закружилась голова при мысли, какую опасность они представляли, причём представляли до сих пор, даже пребывая в качестве наших пленников.

Роркен показал на планшет в моих руках:

- Ты найдёшь там краткое описание инцидента, оно присоединено к главному списку. Короче говоря, это было везение, везение и удивительная отвага Агентус Астартес, действовавших в союзе с

инквизиторам Хелданом, Лико и Вокот.

- Вок... Коммодус Вок?

- Я совсем забыл, вы же старые друзья, верно? Он был привлечён к делу Гло на Гудрун, прямо перед Расколом.

- «Старые друзья» не совсем верное выражение. Мы работали вместе. Добились

взаимного уважения. Я нечасто его видел с тех пор. Поражаюсь, что этот старый пёс все ещё жив.

- Жив, несмотря на прогнозы нескольких поколений медицинских экспертов. И все ещё полон сил. Совершить такое в столь преклонные годы...

Я кивнул. Даже безлый простотр отчёта об

инциденте позволял предположить акт

практически мифической доблести. Вок по-прежнему служил Императору, как и раньше прикладывая усилия вне всякого разумного ожидания.

- С Хелданом ты тоже знакомы. Он был учеником Вока. Так что, он наконец тоже добился инквизиторского чина?

- Уже шестьдесят лет как... Эйзенхорн, ты, похоже, ведёшь уединённую жизнь?

- Если подразумевается, что я не слежу за появлением, избранием и делами других инквизиторов, сэр, то да. Я сосредоточен на

своей работе и нуждах своих сотрудников.

Он улыбнулся так, словно отпускал мне грехи. Но правде говоря, моё поведение не было таким уж необычным. Как я уже говорил, все в Инквизиции держатся

особняком. Мы независимы и мало
интересуемся делами наших коллег. Я
заметил ещё одно различие между мной и
Роркеном. Как бы ни был высок мой ранг, я
все ещё оставался «полевым агентом»,
рабочим, преуспевающим учеником,
который мог отправиться к далёким
пределам Мутных Звёзд на многие
месяцы
или даже годы в любой момент. А
Роркена
чин Магистра привязывал к дворцу,
запутывал в интригах правящих кругов
Империи в целом и Инквизиции в
частности.

Коммодус Вок запомнился мне как старая
ядовитая гадина, но стойкий союзник. Во
время дела о Некромете, полагая, что
находится на смертном одре, он просил

меня

оказать поддержку его ученику Хелгану.
Я

пообещал ему это, но, поскольку Вок
остался

в живых, мне не пришлось исполнять
обещание. Колмогус был рядом, когда
Хелган получил свою инсигнию.

Хелган... Он мне никогда не нравился.

Лико, третьего члена великолепного
трио, я никогда не встречал, но знал о его
репутации инквизитора, чья звезда
восходит

довольно быстро. Их потрясающее
достижение на Дольсене должно было
значительно повлиять на их карьеру.

Я пролистал список инквизиторов,
вызванных, чтобы сформировать кворум,
список, который включал и моё имя. Всего

шестьдесят человек. Среди них Титус
Эндор.

Также в нём значились Оста и Безье.

Некоторые из имён, вроде Шонгарда,
Хенда

и Рейкера, принадлежали людям, с
которыми

у меня не возникало желания даже просто
находиться в одном помещении. Других
же, например Эндора, а также Шило,
Дефайя и

Кувье, мне было бы приятно увидеть снова.

Некоторые имена мне были лишь слухом
знакомы или неизвестны вовсе; другие
принадлежали именитым или

обесчестившим себя инквизиторам, о

которых я знал только понаслышке. На
этот

конгресс собирались сотрудники со всего
сектора.

- Но моё включение в этот список... -

начал я.

- Ничего удивительного. Ты заслуженный и уважаемый член нашей организации.

- Благодарю, сэр. Но мне интересно, Вок сам запросил меня?

- Он собирался это сделать, - сказал мне Роркен, - но тебя уже вписали.

- Кто?

- Инквизитор Оста, - ответил он.

Глава пятая

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ

У ВРАТ СПАТУАНА

РАЗОРВАННЫЙ СТРОЙ

При всем моем возмущении чрезмерным размахом Новены, должен признать, что

Великое Триумфальное Шествие первого дня

наполнило меня ощущением гордости и радостного возбуждения.

На рассвете над Ульем Притарис, наибольшим и самым могущественным из ульев Трациана, зазвучала какофония клаксонов и хор колоколов. Службы Министорута по каждому из коммлинк-каналов в прямом эфире вели передачу от Монумента Экклезиарха. Бесстрастный голос кардинала Палатина Ангерусия катился по улицам уровней огромного города-улья. Благодаря эху доплеровского искажения отголоски интонаций накладывались друг на друга, подобно громогласному хоралу.

Улицы Улья Притарис наводнили миллионы граждан и паломников. Дороги и

транспортные туннели оказались забытыми, а небеса затмили бесчисленные аэромобили.

Многих разворачивали и направляли в ближайшие ульи, где можно было наблюдать

за происходящим по широким гололитическим экранам, установленным на

стадионах и в амфитеатрах.

Арбитры из всех сил старались справиться с потоком людей и освобождали

путь для Триумфального Шествия.

Дневной цикл начался с солнечной погоды. Ночью армады дирижаблей Официо

Метеорологикүс осынали пеленү стога и верхние слои облачного покрова углеродной сажей и грузити осаждающими

реактивати.

На рассвете над территорией, составляющей

в гватемре тысячу шестьсот километров, прошли ливни. Дожди уничтожили облака и

окатили основные ульи, смыли грязь и

отходы. Впервые за несколько десятилетий

прояснилось небо. Оно не было синим, но

освободилось от жёлтых грязных туч.

Солнечный свет пронизал атмосферу и

озарил каскады построек и высокие башни

ульев. Из неофициальных источников до

меня доходила информация, что столь

радикальное изменение погоды окажет

крайне негативное влияние на уже

загубленную экологию планеты на многие

десятилетия вперёд. В южных регионах

менее чем через неделю ожидалась
порождённые этим вмешательством
ураганные штормы, а дренажная система
основных ульев, как поговаривали, была
забита до отказа во время мощного ливня.

Ещё говорили, что гибель торея
ускорится

благодаря огромной дозе загрязнений,
внезапно попавших в воду во время этой
чистки дождём.

Но главнокомандующий Геликана настоял
на том, что во время парада в честь его
победы должно сиять солнце.

Опасаясь застрять в плотном потоке
транспорта, тянущемся к улью, я прибыл
пораньше. С собой я взял Рейвенора. Мы
оба

облачились в лучшую одежду, гордо
выставив напоказ знаки отличия, и

нацепили

церемониальное оружие.

Медея Бетанкор высадила нас на
зарезервированном военном аэродроме к
югу от имперских оборонных складов. К
тому

времени, как мы оказались на земле,
воздушные пути были настолько

переполнены, что у неё не осталось иного
выбора, кроме как ждать нас на аэродроме
в

течение всего дня. Вылететь обратно
было

невозможно. Она пожелала нам хорошо
провести время и пробежалась по
клавиатуре, выходя в чат с наземной
службой.

Частный транспорт, предоставленный
Нунциатурой, отвёз нас с Рейвенором к

старым Полковым Полям на

Летпенор-авеню, где, как предполагалось, должны были собраться представители

Инквизиции, чтобы затем присоединиться к

Шествию. Через окно парящего скоростного

лифтузина я видел, как от пустых, омытых дождём улиц поднимался пар. Несмотря на

все свои старания, главнокомандующий

Теликана уже к полудню увидит облака.

Я наклонился вперёд и поправил

дознавательскую инсигнию Рейвенора. Он, похоже, нервничал, хотя такого с ним

практически не случалось. К тому же он уже

выглядел как опытный инквизитор. Я понял, что его возбуждение скорее всего лишь

свидетельство молодости. Гидеон словно
торопился успеть на пиршество своих друзей
в

«Жаждащем Орле» на улице Зансипля.

- Что случилось? - улыбаясь, спросил он.

Я покачал головой:

- Нам предстоит напряжённый денёк,
Гидеон. Ты точно готов к этому?

- Абсолютно, - ответил он.

Я заметил, что к знаком различия на
своей

униформе он добавил вымпел клана Эсв
Свейгер.

- Вполне логичное решение, - заметил я,
показывая на герб.

- Мне тоже так показалось, - сказал он.

Триумфальное Шествие началось в
десять

часов. В городе взорвался оглушительный

рѣв гудков и сирен, сопровождаемый столь дружными радостными криками, что у меня

даже перехватило дыхание. К тому времени

на улицах города собралось около двух миллиардов ликующих граждан.

Два миллиарда звучащих в унисон голосов. Это просто невообразимо.

Великое Триумфальное Шествие

сдвинулось от оборонных складов по залитым

солнцем улицам, прямо-таки вибрирующим

от оваций. Нам предстояло пройти путь в

восемнадцать километров по авеню Виктора

Беллута, итевшему километр в ширину, и

протаршировать прямо к сердцу улья и

Монументу Экклезиарха. Вдоль дороги
выстроились миллионы людей, ликующих,
рукоплещущих, размахивающих флагами и
знамёнами Империи.

Впереди шли восемьдесят танков. На
антенных мачтах развевались вымпелы
Пятого Трацианского. За танками
следовал

оркестр, затянувший величественный
Марш

Примархов. Музыканты были облачены в
цвета Пятидесятого Гудрунского
стрелкового

полка. За ними пять сотен человек несли
штангарты, множество полковых знамён
и

эмблем, представляющих подразделения и
полки, участвовавшие в Официанском

Устирении. Только их шествие заняло
целый

час.

За нити везли Великий Штандарт

Императора, огромную аквилу, нанесённую
на полотнище, способное послужить
парусом

для шхуны. Зная было столь огромным,
что

его пришлось установить на громогдый,
немыслимо древний Дредноут Белых

Консулов, который смог бы удержать его,
сдвигаясь против ветра. Дредноут

сопровождали пять супертяжелых танков
класса «Отравленные Клинки». Следом
везли

набших. Все тела имперцев, подобранные
на

заключительной стадии войны, с почётом

погрузили в тысячу пятьсот «Рино»,
выкрашенных ради этого случая в чёрный

цвет. Рядом с машинами маршировала

сотня

могучих Космических Десантников из
Ордена Зари. Они несли увитые чёрными
лентами плакаты, на которых имена
павших

были вписаны в венки из золотых листьев.

К полудню появились и остальные

Космодесантники Ордена Зари, все как
один

облачённые в полную, отполированную

имперскую броню. Радостные крики
толпы

все не утихали. За Космическим
Десантом

двинулось шестьдесят тысяч солдат с

Трациана, тридцать тысяч с Гудрун,
восемь

тысяч с Мессины, четыре тысячи с
Сатетера.

Их доспехи и оружие сверкали на солнце.

Следом стройными рядами шагали
офицеры

Военно-космического флота Скарус.
Потом

- блистательные и устрашающие Белые
Консулы.

За ними потянулись бесконечные толпы
служащих Министорума и
Администратума, сопровождаемые
шеренгами медлительных
астронавтов. Вокруг голов и колясок
последних слабо мерцали и потрескивали
ореолы ментальных разрядов,
оставлявших в

воздухе металлический привкус.

Следом шагали Титаны Агентус
Механикус. Четыре затмевających солнце
«Полководца», восемь лязгающих «Псов
Войны» и массивный Супертитан,

и теньющийся «Империя Вулканус».

Казалось, будто ожили и затаршировали гигантские части самого улья. Крики толпы

стихали, когда они проходили мимо.

Человекоподобные машины были

громадными, словно горы, а «Империя

Вулканус» оказался самым огромным. Их массивные ноги поднимались и опускались абсолютно синхронно. Дрожала земля.

Между их ногами невозмутимо шествовали

шесть сотен техножрецов и магов Agentus

Механикус.

За божественными машинами следовали

танковые бригады нартениан и скутериан.

Пять тысяч единиц бронетехники

катились

по улице в облаках выхлопных газов,
приветственно воздев стволы орудий.

Тягачи, по три в ряд, тащили за собой
пушки

«Сотрясатели», а за ними двигался
казавшийся бесконечным поток «Тигр»,
поводящих многочисленными стволами
слева направо.

Во главе Экклезиархии, перед двумя
тысячами иерархов, босиком шагала
кардинал

Рошфор. Кардинал Палатин Андерусий
ожидал нас всех для благословения возле
монумента.

Выступив от места сбора на старых
Полковых Полях, целых шесть сотен
представителей Инквизиции влились в
поток

позади духовенства.

Мы оказались единственными в

Триумфальном Шествии, кто не
маршировал

строгим строем. Мы просто шагали
позади

экклезиархов мрачным клином. У нас не

было единой униформы. В наших рядах,
состоящих из совершенно разных мужчин и
женщин, господствовало смещение

всевозможных стилей. Это было шествие
одинок, облачённых в тёмные балахоны
или кожаные плащи. Некоторых

инквизиторов сопровождала большая
свита, члены которой поддерживали
шлейфы

парадных мантий. Другие восседали на

парящих тронах, а третьи шли
обособленно и

горделиво, иногда даже скрываясь за

личными пустотными щитами. Мы с
Рейвенором попали в самую гавку, позади
экстравагантной группы инквизитора
Евдора.

Нас вёл Великий Магистр лорд Орсини,
его

глинную пурпурную мантию сзади
поддерживали тридцать сервиторов. Бок
о

бок с ним вышагивали лорд Поркен из
Орго

Ксенос, лорд Безье из Орго Маллеус и
лорд

Сакаров из Орго Еретикус - триумвират
Орсини.

Над ульет раздался звуковой удар, когда
над нами промчался почётный эскорт,
состоящий из «Громовых Ястребов».

Загрохотал и зашипел фейерверк,
окрашивая

небо стремительно распускающимися
яркими причудливыми цветами.

За нами пришла в движение

триумфальная процессия самого
Магистра

Войны. Хонориус ехал вместе с

главнокомандующим Геликана, стоя в

беседке, закреплённой на горбатой спине

самого огромного и наиболее древнего

боевого аурохота. Десять тысяч человек,

составлявшие их личные свиты, шагали

вместе: две сотни фыркающих, сонящих

чудищ из аурохотерной кавалерии,

восемьсот танков класса «Завоеватель».

Рядом с ними двигались воздушные байки.

Ошалевшая толпа усыпала их путь
тысячами

цветов.

Позади всех шли пленные.

Подобно благородным павшим, лежащим
в траурных «Рино», пленники служили
открытой демонстрацией как имперского
героизма в целом, так и героизма
Магистра

Войны в частности. Хонориус был
счастлив

показать восхищённым гражданам
источник

их страданий. Эти великие, могучие
создания выглядели подавленными и
покорными, что доказывало могущество
Магистра Войны.

Две неровные колонны из нескольких
сотен пехотинцев, скованных вместе по
рукам и ногам, с трудом ползли вперёд.

Ветераны Трацианской Гвардии
подгоняли

пленных силовыми жезлами и

нейрокнутами. Толпа была и свистела, закидывая порабощённых противников бутылками и камнями.

Шесть бронированных троянских тягачей, выкрашенных в цвета флага Магистра

Войны, тащили огромную платформу, предназначенную для транспортировки

сверхтяжёлых танков. На платформе, опутанные агалитовыми цепями и

заключённые в индивидуальные пузыри

пустотных щитов, стояли тридцать три

псайкера. Они были наиболее ценными

трофеями. Правда, в молочно-зелёных

коконах сдерживающих полей можно было

разглядеть лишь тусклые, искажённые

силуэты. Пленников конвоировали Белые

Консулы. Рядом с ними шли двести

астронатов. Своей Волей они поддерживали

силу пустотных пүзырей и помогал
сдерживать психическую ярость
псайкеров.

Над их головами парили ментальные
шаровые молнии. Металл платформы
покрывала изморозь.

Великое Триумфальное Шествие
затыкали

двадцать тысяч человек и пять сотен

бронемашин - Внутренняя Гвардия
Трациана

маршировала под двойным штандартом
Трациана и Магистра Войны.

Я был совершенно вымотан уже спустя

пятнадцать минут после начала
Шествия.

Один только шум, производимый толпой,
сотрясал все моё нүтро. Моя диафрагма
содрогалась всякий раз, когда «Грозовые

Ястребы» проносились на малой высоте
или

когда ревели могучие сирены Титанов.

Масштаб происходящего подавлял, все

органы чувств подвергались
нечеловеческим

нагрузкам. Мне нечасто приходилось

испытывать подобный трепет перед

могуществом своих сородичей.

И мне нечасто с такой настойчивостью

напоминали о том, что я только винтик
в

механизме Священного Империята

Человечества.

Двигаясь вдоль огромной авеню Виктора

Беллута, Триумфальное Шествие
вливалось

во Врата Спатиана, монолитную

конструкцию из глянцево-белого

этерцита.

Мемориальная арка была настолько громадной, что даже Титаны без труда проходили под ней.

Её возвели в память об адмирале Лорнале Спатиане, погибшем в первые годы Офигианского Успирения во время великолепного наступления флота, результатом которого стало взятие Уритүла

IV.

Внутренние стены арки украшали величественные фрески, посвящённые этому

событию и уходящие на такую высоту, что

под сводом собирались порождённые микроклиматом облака. Я был знаком со Спатианом и, так же как и некоторые

другие, остановился под гигантскими воротами, чтобы отдать дань памяти вечному огню.

Нет, все не так. Я, конечно, сталкивался со

Спатианом во времена Теликанского

Раскола, но не был с ним хорошо знаком. Я

почувствовал необходимость
остановиться

по причинам, которые сам себе не мог

объяснить. И уж точно не испытывал

великой нужды отдать этому человеку дань памяти.

- Сэр? - спросил Рейвенор, когда я отошёл в сторону.

- Ступай, я скоро догоню, - ответил я.

Рейвенор отправился дальше, в то время как

я зажёл потинальную свечу и установил её

среди тысяч других, окружающих могилу
Спятиана. За моей спиной медленно полз
широкий поток Триумфального Шествия.
От

процессии отделилось ещё несколько
фигур, вставших поблизости и безмолвно
поминавших адмирала.

- Эйзенхорн?

Я оглянулся, чтобы посмотреть, кто
нарушил мои размышления. Передо мной
стоял суровый пожилой, но все ещё крепкий
офицер костических сил. В своей белой
униформе он выглядел впечатляюще.

- Мадортин, - сказал я, сразу узнав его.

Мы обменялись рукопожатиями. Прошло
уже несколько лет с тех пор, как я в

последний раз встречал Ольтма
Мадортина -

или же Верховного Прокуратора

Магдортина, как к нему теперь было принято обращаться.

Впервые ты встретился с ним на Гудрун

ходе дела о Некромене, когда он ещё был

офицером среднего звена в дисциплинарном

отделе Военно-морского флота Скаруса, военным полицейским. Теперь он сам

командовал этим отделом. В течение долгих

лет он был полезным и надёжным союзником.

- Потрясающее событие, - произнёс он с дежурной улыбкой.

Снаружи снова взревели горы огромных Титанов, и крики толпы усилились.

- Я ощущаю себя подавленным, - сказал я.

- Магистру Войны это должно

понравиться.

Ольга кивнула:

- Духовный подъем хорошо скажется на общественной морали.

Я согласился, но, по правде говоря, все во мне противилось этому. И дело было не только в грохочущей какофонии или моему стойкому нежеланию вообще участвовать в происходящем. С того момента, как мы с Рейвенором заняли свои места в Триумфальном Шествии, меня постоянно терзало гурное предчувствие, нараставшее с

каждой минутой. Не потому ли я и остановился под этой гигантской аркой?

- Судя по всему, - сказал Мадортин, - тебе все это не слишком по душе?

- Думаю, что так оно и есть.

- Что случилось, старина? Я задумался.

Что-то...

Я вернулся к южному выходу из Врат

Спатиана и окинул взглядом огромную
реку

Триумфального Шествия. Магортин
пошёл

со мной. Свита Магистра Войны как раз
только вступала во Врата. Гремели
кильвалы

и ревели горны. Шум толпы стал
напотинать

грохот цунами, обрушивающегося на берег.

В воздухе летали лепестки. Я почти это
отчётливо. От цветов, которыми толпа
усыпала путь, поднимались вихри
оторванных лепестков.

С юга на малой высоте несло

подразделение из двенадцати «Молний».

Они летели над Триумфальным

Шествием

вдоль авеню Виктора Беллута.

Приближались к Вратам. Они шли в одну

линию, почти касаясь друг друга
кончиками

стреловидных крыльев. Лучшие пилоты

Военно-космического флота

демонстрировали великолепную

синхронность полёта. Кабины и наклонные

двойные лопасти хвостовых
стабилизаторов

сверкали отражённым светом.

Предчувствие, которое преследовало

меня, стало почти материальным.

Казалось, солнце затмили свинцовые тучи.

- Ольт, мне...

- Император милостивый! Гляди, у него

серьёзные неприятности! - закричал

Магортин.

Истребители неслись на крейсерской скорости и были уже в полукилometре от Врат. Одна из ведомых машин внезапно покачнулась, дёрнулась...

... и сменила курс.

Пилот попытался резко выправить воздушное судно, чтобы избежать столкновения, и правым крылом задел соседнюю «Молнию». В толпу посыпались обломки.

Один за другим, точно жемчужины в разорванном ожерелье, истребители вывали

из очертаний лётной фигуры. Когда-то ровная линия теперь рассыпалась на глазах.

Магортин толкнул меня на землю как раз

В тот миг, когда реактивные машины пронесли над нами, сотрясая мир рёвом турбин.

Те две, за чьим столкновением я наблюдал, завертелись в воздухе, кувыркаясь, словно отброшенные ребёнком игрушки, и оставляя за собой след из металлических обломков. Как мне показалось, в последовавшем хаосе столкнулось ещё несколько истребителей. Одна из «Молний» - десять с лишним тонн металла, движущегося с почти сверхзвуковой скоростью, - вошла в штопор и рухнула в толпу на западной стороне авеню. Истребитель подпрыгнул, разбрасывая вокруг куски человеческих тел. Когда он ударился о землю в последний раз, над

ним

вырос столетровый огненный гриб. Толпу захлестнули шок и безумная паника. Меня же

окаатило жаром и вонью горящего протетиума.

Земля затряслась. Мы увидели ещё одну ослепительную вспышку. Вторая «Молния», тоже не сумев выйти из штопора, разбилась

совсем рядом с Вратами. Почти одновременно прогремел третий, ещё более

мощный взрыв. Оказалось, что ещё один истребитель неожиданно накренился, потеряв управление, сломал крыло о верхний

выступ самих Врат Спатиана прямо над нами

и начал падать, переворачиваясь в воздухе.

Солдаты, участвовавшие в
Триумфальном
Шествии, бросились врассыпную. Когда
вниз
посыпалась лавина обломков разбившегося
истребителя, я втащил Магортину
обратно
под арку.

Катастрофа. Ужасная, ужасная
катастрофа.

И это было только начало.

Глава шестая

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ НА

ТРАЦЦАН

ХАОС ВЫРВАЛСЯ

ВЫСТРЕЛ В ГОЛОВУ

Даже тогда, охваченный ужасом и гневом,
я понимал, что возникшая где-то в глубине
моей души пустота не могла, не хотела

верить в то, что это просто несчастный случай.

Всюду полыхал огонь, грохотали

взрывы, слышались истошные крики, началась паника.

А потом возник новый звук. Чрезвычайно низкий гул, нарастающий, пульсирующий шелест, который, как я понял, был тем звуком, который издают два миллиарда паникующих, напуганных до смерти людей.

Толпа выплеснулась на авеню, несмотря на все попытки арбитров сдержать её. Люди

стремились убежать от мест жутких аварий и

пожаров. Кроме того, никто теперь не мог

гарантировать, что на головы граждан не

попадает ещё больше имперской военной техники.

Обезумевшая толпа зрителей бьющим
неуправляемым потоком сносила некогда
стройные ряды участников
Триумфального

Шествия. Все стесалось.

Больше не было слышно ни бодрых
маршей, ни восторженных криков, ни боя
барабанов, ни гула сирен. Остался только
безумный рёв и мир, перевернувшийся с ног
на голову.

Я видел, как сотнями гибнут люди,
затоптанные или задохнувшиеся в жуткой
давке. Трупы некоторых погибших,
сжатые

между телами других горожан, успевали
протолкнуть ещё несколько десятков
метров, прежде чем те сползли на землю.

Я видел, как солдаты и арбитры в ужасе
стреляли в толпу перед тем, как их ряды
стяли и опрокинули. Ограждения рухнули.
Штандарты закачались и повалились.

Мостики над дренажными каналами на
обочинах авеню не выдерживали веса
сотен

людей и многие попадали в рокрытые
траншеи.

В начавшемся столпотворении я потерял
Надортину из вида. Я попытался
выбраться

из-под арки, пробираясь сквозь плотную
толпу убегающих. Все подходы к Вратам
Спациана были завалены искореженными
пылающими обломками.

Несколько десятков гвардейцев,
сражённых падающими кусками металла
и

катнями, лежали на земле. Их униформа была засыпана этерцитовой крошкой либо опалена огнём.

Над вопящим от ужаса человеческим морем я видел нескольких огромных аурохотов. Животные взбесились и обратились в паническое бегство. Они ревели, сбрасывали сегоков и топтали людей. Их хвосты со свистом рассекали воздух, расшвыривая в стороны мёртвые тела.

Мне удалось пробраться к выходу из ворот и посмотреть на север, в сторону Монумента

Экклезиарха. Повсюду одно и то же.

Стройные ряды Триумфального Шествия сметали толпы перепуганных горожан.

Высокие языки пожаров вздымались и со

зрительских мест по обе стороны дороги,
и

даже с самой авеню Виктора Беллута,
приблизительно в семистах метрах от
Врат. Я

заметил огонь и в близлежащих районах
улья, за пределами трассы в квартале
ремесленников. По моей оценке, ещё по
крайней мере пять «Молний» рухнули на
толпу.

Воздух наполнился клубами дыма и
хлопьями сажи. Вдалеке, за коштарной
давкой, я видел очертания огромных
Титанов, словно в крайнем ступлении,
медленно проворачивающих корпуса на
своих мощных металлических ногах-
опорах.

Сомневаюсь, что я первым увидел другие
«Молнии». Но меня это зрелище привело в

оцененение. Я видел только их. Четыре
машины, возможно, те самые, что
участвовали в показательном полёте.
Теперь

они развернулись и неслись над авеню
разрозненным ломаным строем.

Но летели они значительно ниже. И
намного быстрее.

И я знал, что это означает, поскольку
видел подобное прежде. Боевой заход.

Храни меня Император, моё сердце чуть
не остановилось, когда я увидел, как
безумный план на глазах обретает свои
очертания.

Я что-то кричал, но все было бесполезно.

Один голос против двух миллиардов.

Тяжёлые орудия в носовой части
истребителей исторгли потоки

трассирующих нуль. Беззвучно вспыхнули лазерные пушки на крыльях.

Две «Молнии» пролетели прямо над зрительскими трибунами, убивая людей тысячами. Две другие прошли над авеню, обстреливая Великое Триумфальное Шествие.

Жертвам не было числа. Казалось, в море тел погрузился незримый, раскалённый добела плуг. Он прорезал глинные прямые огненные борозды в обезумевшей толпе.

Пунктирные линии взрывов разбрасывали в стороны человеческие останки и обломки машин. В воздухе повисла глыба испепелённых тел, превращающихся в жидкость. Я видел, как взрываются танки.

Сотни гвардейцев и Костодесантников

открыли по истребителям огонь. Небо озарилось яркими перекрещивающимися сполохами.

Огибая Врата Спатиана слева, одна из «Молний» пронеслась совсем близко от меня.

Рядом прогрохотало несколько взрывов. Сотни людей оказались разорванными на части. Меня и белый камень облицовки Врат

за моей спиной окатило их горячей кровью.

Сотни орудий теперь стреляли в небо,

«Гидры» тоже открыли огонь. Даже танки

ухали оглушительными залпами - как мне

кажется, скорее из гнева, поскольку у них не

было ни единого шанса поразить чертовски

проворные истребители.

И все же, должно быть, кому-то
улыбнулась удача. Вторая «Молния»,
обходившая Врата, согрознулась, и мелкие
взрывы разогрели её левое крыло и часть
хвоста. Устремитель спикировал прямо на
авеню и рухнул, как мне показалось, в
самую
середину сопровождающих Магистра
Войны.

Ударная волна прокатилась по дороге,
уничтожив не меньше людей, чем сам
взрыв.

Три оставшиеся «Молнии» снова
спикировали в конце авеню и начали
третий
заход. Меня удивило то, что при
развороте
они не придерживались единого боевого
порядка. Каждая машина выбирала свой
курс. Не были ли их пилоты охвачены

безумием? Я лихорадочно искал ответ.

Два

истребителя прошли настолько близко друг к

другу, что чуть не столкнулись. Один никак

на это не отреагировал и встретился по авеню, жаждая продолжения резни.

Второй

был вынужден резко отвернуть, но затем выправил машину и развернулся навстречу воющей толпой уже к западу от Врат.

Третий проскочил мимо и практически пропал из виду. Я увидел, как вдалеке, вырвавшись из речного тумана и сверкая крыльями на солнце, он делает петлю.

Потом

он снова развернулся. Как и остальные, он слепо тчался прямо в пасть огненного шторма, поднятого танками, «Гидрами»

и
нехотой.

В этом последнем заходе погибло ещё
несколько тысяч человек. Верноподданные
граждане, чей выходной обернулся
кошмаром; гордые гвардейцы, вернувшиеся
с войны и думавшие только о том, чтобы
насладиться часом славы; таинственные
Космические Десантники, которых
пригласили для того, чтобы выразить
своё
почтение, и, вполне возможно, видевшие в
этой смерти лишь альтернативу той,
что
была им уготована. Знать и сановники
Империи гибли сотнями. Несколько
благородных Домов так никогда и не
оправились от потерь во время

Триумфального Шествия на Трациане.

Три последние «Молнии» тоже погибли в этой, казалось, заключительной атаке.

Одна пересекла Врата Спатиана и была разнесена на части прицельным огнём

«Гидр», охотившихся за ней посреди разыгравшегося хаоса.

Вторая, даже не пытаясь изменить курс, угодила в вихрь зенитных залпов, а затем, словно поразмыслив, лениво перевернулась кверху брюхом. Оставляя за собой дымный след, она накренилась к земле, пролетела ещё несколько сотен метров и разбилась о Монумент Экклезиарха.

Третья, ни на миг не прекращая стрельбы, почти проскочила под аркой Врат Спатиана.

Но к тому времени сами Титаны ввязались в

сражение. Моё нутро содрогнулось от
инфразвукового рёва их орудий.

Я видел, как в трех километрах от меня
высоко над толпой поднимались и
сверкали
их пушки.

«Эксцельсис Гайг», один из

«Полководцев», поймал истребитель в

прицел и выстрелил. Однако объятая

пламенем «Молния» вошла в штопор,
ударилась в торс «Полководца» и,
взорвавшись, уничтожила колосса.

Я чувствовал себя потерянно. Я был

ошеломлён. Я потерял дар речи.

Мне хотелось упасть на колени посреди

всего этого кошмара и благодарить

Бога-Императора Человечества за
спасение.

Но какая-то часть моего сознания

понимала, что все ещё только
начинается.

Внезапно светло-синее пламя окатило
метавшихся позади Врат людей.
Казалось, вздыбилась волна
концентрированной

кислоты. Тела женщин и мужчин, солдат
и

гражданских затряслись, растекаясь и
обращаясь в скелеты. Останки
превратились

в пепел, который в мгновение ока развеяло
по ветру.

Я почувствовал пронзительную боль,
пульсирующую в позвоночнике. Я знал, что
это такое.

Ментальное зло. Чистый Хаос,
ворвавшийся в мир.

Пленники освободились.

Солдаты меня не волновали.

Предрешённое сражение уже бушевало на
авеню вокруг руин Врат Спатиана.
Гвардия

Трациана, Костический Десант Ордена
Зари

и арбитры соперничали в уничтожении
военнопленных, многие из которых
воспользовались шансом вырваться на
свободу. Некоторые уже захватили
оружие.

Разыгрывалась свирепая бойня.

Что волновало меня, так это псайкеры.

Захваченные еретики. Тридцать три.
Они

вырвались на свободу.

Выватив силовой меч и болт-пистолет,
я

ринулся в толпу. Под моими ногами
хрустели

превратившиеся в известь кости убитых

псионической волной.

Ксенос, пленённый слугитель Хаоса, прыгнул на меня, и я отсек ему голову одним

взмахом клинка. Затем я перебрался через

тело мёртвого Космогесантника. Кровь героя

сочилась на рокрит через пролоты в силовом

госпехе.

Прямо передо мной четверо гвардейцев

Трациана палили наугад прямо в толпу.

Солдаты использовали опалённую тушу издохшего аурахота в качестве укрытия.

Я был в нескольких шагах от них, когда труп гигантского животного внезапно

вернулся к жизни. Псионическая тармонетка

уничтожила всех четверых.

Моё оружие было здесь бесполезным. Я сфокусировал свою Волю и разнёс тварь на части мощной ментальной волной.

Метрах в десяти надго лной пролетело безногое тело Космогесантника Оргена Зари.

Я бросился вперёд, разя мечом понагавшихся на моем пути безлых пленников.

Дорогу усеяли мёртвые тела. Мимо бежали

объятые пламенем люди.

Все шесть тягачей с Трои охватил огонь, огромная платформа остановилась. Трое из

вражеских псайкеров были убиты на месте, а

четыре пустотных щита оставались нетронутыми. Их обитатели бесновались

Внутри.

Но остальные...

Порядка двадцати пяти вражеским
псайкерат класса альфа удалось бежать.

Первого из них я увидел возле
противоположного конца платформы.

Изнурённое существо, жалкое подобие
человека то и дело спотыкалось. Вокруг
его

головой мерцал ореол. Оно пыталось
сожрать

кричащего послушника-астронаута.

Мой болт-пистолет оборвал его
демонический трюг.

Я рухнул на колени, задыхаясь и крича,
когда меня выследил второй пленник.

Жилистая женщина, облачённая в белое
одеяние из тонкой ткани. Глаз у неё не
было, а ногти на руках больше походили на

звериные когти. Она пряталась за платформой, стена и обрушивая на меня свою нечестивую силу.

Я не отношусь к классу альфа. Мой мозг кипел и бурлил.

Вдруг откуда-то слева на неё выскочил трацианский гвардеец. Женщина инстинктивно переключила на него своё внимание. Голова солдата лопнула, словно пузырь с водой.

Я выстрелил ей в сердце. Еретичка опрокинулась на спину и ещё с минуту билась в агонии.

Из толпы в меня полетел электрический разряд. Люди, визжа и сгорая, разбежались от

тужчины псайкера. Тот, понуро опустив голову, шагал в сторону городских

построек.

Этот был карликом с недоразвитыми членами и увеличенным черепом. Между его

пухлых пальцев потрескивала шаровая молния.

Я коснулся его Волей только для того, чтобы привлечь внимание, а затем разнёс ему лицо прицельным выстрелом.

Спаси меня Император, он продолжал идти. Я снёс ему полголовы, а он все ещё двигался. Он ослеп, лицо его превратилось в

кровавую кашу. Он хромал ко мне, а его по-прежнему активное сознание пыталось внедриться в мой разум.

Я почти запаниковал и выстрелил снова.

Карлик лишился руки. Тем не менее он продолжал шагать. Мною куртку и волосы

охватил огонь, а мой мозг собирался взорваться.

Костический Десантник в броне, выкрашенной в цвета Оргена Зари, зашёл карлику со спины и выстрелом из болтера разнёс его на кусочки.

- Инквизитор? - спросил меня

Костодесантник искажённым голосом. - С вами все в порядке?

Он помог мне подняться.

- Что это за безумие? - проскрежетал он.

- Костодесантник, у вас есть вокс?

Предупредите лорда Орсини!

- Уже сделано, инквизитор, - протрещал

воин. Позади нас дружно взорвались тягачи.

Высоко в небо взлетели языки пламени и покорёженные обломки.

Молот с криком побежал обожжённый
паром ребёнок. Космогесантник
подхватил
его на руки.

- Уди сюда, уди, я помогу тебе...

- Нет, - медленно произнёс я. - Не надо...

не надо... Космогесантник в удивлении
повернулся ко мне. Ребёнок уже свернулся
калачиком на его могучих руках.

- Чего не надо? - спросил Астартес.

- Посмотри на клеймо! На отметину! -

завопил я, указывая на руну Маллеуса,
выжженную на лодыжке ребёнка. Молот
ведьм. Клеймо псайкера.

Дитя Хаоса посмотрело на меня и
устехнулось.

- Отметина? - спросил Космогесантник. -

О какой отметине вы говорите?

- Я... Я...

Поймите меня, я пытался бороться с этим.

Пытался устоять перед чудовищно могущественным сознанием ребёнка, прощупывавшим мой мозг. Но силы этой твари, этого «ребёнка», намного превышали мои способности.

- Убей его, - сказала тварь.

Моя рука загрожала, когда я вскинул болт-пистолет и выстрелил Десантнику в голову. Испепеляющая белая агония захлестнула моё сознание.

- А теперь убей себя, - с хохотом продолжала тварь.

Я приложил дытящийся ствол болт-пистолета к собственному виску.

Теперь я видел только хихикающее
личико

ребёнка, взгрозившегося на колени

поверженного, обезглавленного

Костогесантника.

- Вот так... продолжай...

Мой палец напрягся на спусковом крючке.

- Нет... н-нет...

- Да, тупой приговор... да...

Из моего носа заструилась кровь.

Хотелось

рухнуть на колени, но чудовище не

позволяло мне упасть. Оно желало, чтобы

я

сделал одну только вещь. Оно уговаривало

меня, преодолевая сопротивление моего

сознания.

Оно было настойчивым и убедительным.

Я нажал на спусковой крючок.

Глава седьмая

ВОК И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

ЭЗАРХАДОН

ЧЕРЕЗ ПУСТОТУ

Но я не утер. Болт-пистолет, подарок библиария Бритнота, ни разу не подводивший меня за сотню лет, не выстрелил.

Тварь в облике ребёнка завонила и прыгнула в дыт, огонь и мешанину из тел, окружавшие меня. Воздух закипел от псионических разрядов, и мимо меня вслеп за этой крошечной мерзостью пробежали три фигуры. Инквизиторы. Все трое были инквизиторами или, по крайней мере, дознавателями. Одним из них, я уверен, был инквизитор Лико.

Я опустил свою грожащую руку. И её, и

зажатое в ней оружие покрывала корка
псионического льда, сковавшего механизм
и
предотвратившего выстрел.

Я обернулся и увидел, что в нескольких
шагах позади меня стоит Коммодус Вок.
Его

старческое лицо исказилось от
напряжения, а на чёрном одеянии сверкали
псионические
льдинки.

- Отведи. Его. В сторону, - между резкими
вздохами произносил он. - Я. Не могу.

Держать. Его. Так. Долго.

Резко рванув болт-пистолет в сторону, я
направил его ствол в воздух. Вок
расслабился, зайдясь в лающем кашле.

Оружие дёрнулось и выстрелило.

Смертоносный заряд с воем исчез в небе, не

причинив мне вреда.

Вок ослаб, гироскопы аугметического экзоскелета, поддерживающего его хилое тело, из всех сил пытались удержать равновесие. Я подал ему руку.

- Спасибо, Коммодус.

- Не за что, - шёпотом произнёс он. Силы начали возвращаться к нему, и он поглядел

на меня своими по-птичьи яркими глазами. -

Только самые отважные или самые глупые пытаются тягаться с альфа-плюс псайкерами.

- Тогда я отношусь либо к обоим сразу, либо ни к одному из них. Я был ближе

прочих от места трагедии и не мог просто

стоять в стороне.

С Полковых Полей до нас донеслись звуки
ожесточённой битвы. Орудийный огонь,
взрывы гранат, крики и хлопки,
всепроникающий шум, создаваемый
сознаниями, разрушающими реальность,
сжимающими материю, раскаляющими
атмосферу. Я увидел, как человек в
мантии, инквизитор или астронавт,
медленно
поднимается в небо в столбе зеленого
пламени. А затем его тело сгорело и
распалось на части. Я увидел кровь,
бьющую
фонтанами. На нас обрушились шквал
града
и кислотный дождь, вызванный
неистовством псионической баталии,
разыгравшейся на авеню Виктора
Беллута.

В гущу сражения устремлялись все новые

фигуры. Многочисленные сотрудники

Оргенов со своими опытными

телохранителями и целые подразделения

Агентуc Астартес. Под ногами грожаала

земля, и я видел, как один из громадных

Титанов класса «Нёс Войны» прошагал мимо

Врат Спатиана, стреляя из своих

турболазеров по наземным целям. Среди

городских построек на восточной стороне

широкой - и теперь столь печально

известной - авеню прогремела серия

разрушительных взрывов, по большей части

порождённых псайкерати.

На низкой высоте пронеслиcь имперские

«Мародёры». Небо почернело от дыма.

Солнца теперь совсем не было видно.

Словно

серый снег, на наши головы оседали хлопья
непла.

- Это... ужасное злодеяние, - произнёс Вок.

- Чёрный день в истории Империи.

Я уже и забыл, что Вок любит все
преуменьшать.

Паника, беспорядки и грабежи охватили
большую часть Улья Примарис. Власти
объявили о введении военного положения.
В

течение пяти дней арбитры из всех сил
старались восстановить порядок на
улицах и

жилых уровнях израненного мегаполиса.

Это оказалось весьма трудной задачей,
ведь и без того слишком многочисленное
население Улья Примарис увеличилось за
счёт паломников и туристов, прибывших
на

Новену. Порождённые паникой восстания вспыхнули и в других ульях. В течение нескольких дней казалось, что вся планета захлебнётся в крови и пожарах.

Небольшие секции Улья Примарис сумели сами себя оградить: элитные уровни, дома благородных семей, выстроенные наподобие

крепостей, неприступные здания

Инквизиции, Имперской Гвардии,

Астронамикс, многочисленные бастионы

Министорума и огромный дворец

главнокомандующего. Вся остальная

территория мегаполиса походила на зону боевых действий.

Особенно серьёзно пострадала Церковь.

Когда Монумент Экклезиарха объяло пламя, рядовые обитатели решили, что этот кошмар

стал результатом божьего гнева, и в
своём

безутии обрушились на все церкви, храмы
и

монастыри, какие только смогли найти.
Мы

узнали, что при взрыве под обломками

Монумента погиб кардинал Палатин

Андерусий. И он был далеко не

единственным великим иерархом,
погибшим

в последовавшей кровавой оргии.

Первостепенной и самой

фундаментальной задачей, вставшей
перед

властями, явился захват или ликвидация

беглых псайкеров. Как было известно, во

время разыгравшегося на авеню Виктора

Беллута сражения десятир
преступникам

удалось бежать и раствориться в улье, сея
смерть и ужас на своём пути. На охоту за
ними были посланы войска Инквизиции и
вся мощь Империи, которую только
можно

было предоставить ей в помощь.

Имперские войска по пятам преследовали
двоих из них и нейтрализовали еретиков
недалеко от авеню ещё до наступления
сумерек этого ужасного первого дня. Ещё
один пытался спрятаться на фабрике по
производству овощных консервов,
расположенной в восточном секторе
внешней зоны, и попал в осаду.

Потребовалось три дня и жизни
восемисот

имперских гвардейцев, шестидесяти двух
астронавтов, двух Космических
Десантников

и шести инквизиторов, чтобы выкурить
его

из убежища и сжечь. От консервной
фабрики

и построек, что располагались на
площади

три квадратных километра вокруг неё, не
осталось камня на камне.

Наши войска были практически лишены
управления. Адмирал Оэтрон,
остававшийся

в качестве дежурного командующего
военным флотом на орбите планеты,
сумел

вывести четыре пикетных корабля на
геосинхронную орбиту над Ульем
Приларис

и некоторое время успешно поддерживал с
наземными силами вокс- и
астронавтическую

связь. Но на исходе первого дня над улицей
разразились сионические бури и всякая
связь была потеряна.

Это было тяжёлое, мрачное время.

Разделившись на небольшие отряды, мы
прочёсывали охваченные огнём улицы.

Вместе с Воком я стал частью группы,
основавшей свой штаб в здании районного

управления Агентус Арбитрес,
находящегося

в коммерческой зоне на Блаттерсайг-
стрит.

Толпы отчаявшихся граждан стекались к
нам, умоляя о помощи, милосердии и
защите. Многочисленные банды снова и
снова нападали на здание. Людей всё гнев

и страх перед машиной Императора. Их
ярость

усиливалась ещё и потому, что мы не
желали

пускать их внутрь.

Мы не могли этого сделать. Мы и без
того

были перегружены работой, а убитых и
раненных оказалось так много, что
медики

арбитров и дежурные морга просто не
успевали с ними справляться.

Заканчивалась

пища, медикаменты и боеприпасы. Нам
приходилось ввести ограничение на
потребление воды, поскольку сети
центрального водоснабжения оказались
разрушенными.

Энергию тоже отключили, но в
отделении

госпиталя имелся собственный генератор.

В течение всей ночи от экранированных окон отлетали бутылки, камни и самодельные променитивные бомбы, а по дверям молотили кулаки.

Ввиду старшинства командовал нами Бок.

В нашу команду входили инквизитор Робан, инквизитор Елена, инквизитор Эссигари, двадцать дознавателей и младших

служителей Инквизиции, шестьдесят солдат

из Трацианской Гвардии, несколько дюжин астронавтов и четыре Костических

Десантника из Ордена Белых Консулов. Ряды

самых арбитров насчитывали

приблизительно сто пятьдесят человек.

Кроме того, в здании нашли убежище

приблизительно три сотни

представителей

местной знати, экклезиархов и сановников, участвовавших в Великом Триумфальном

Шествии, а также и несколько сотен простых

граждан.

Полночь, как около полуночи я стоял в разграбленном офисе командира арбитров, глядя сквозь экранированные окна на горящие улицы и всполохи психического шторма, разрывавшие небо. С начала катастрофы я не получил ни единой весточки

от Рейвенора. Полночь, что мои руки все ещё

продолжали дрожать.

Честно говоря, мне кажется, что я был в шоке. Естественно, на меня повлияло все происходящее, но причиной тому было

ментальное нападение, жертвой которого
я

стал. Я привык гордиться острым умом,
но

тогда он утратил свою живость.

Меня не покидало ощущение, что все
произошедшее было кем-то подстроено.

- В этом нет никакого сомнения. - Тихо
подойдя сзади, Вок без разрешения
прочитал

мои поверхностные мысли. Подняв
металлический стул, он установил его на
шаткие искорёженные ножки и осторожно
присел на краешек.

- Несчастные случаи не редкость. И боевые
самолёты разбиваются! - выкрикнул
инквизитор. - Но они развернулись и
атаковали. Их нападение было
подготовлено.

Я кивнул. По крайней мере, одна из
«Молний» врезалась в свиту Магистра
Войны, а другая рухнула среди сотрудников
Инквизиции. Пока ещё никто точно не
знал, сколько наших коллег погибло, но Вон
увидел достаточно. Он считал, что были
уничтожены как минимум двести наших
товарищей инквизиторов. Я вспомнил
недавнюю беседу, развернувшуюся за
обеденным столом в Океан-хаусе. Мои
сотрудники высказывали предположения о
том, что некие могущественные силы
могут
выступить против возвышения Хонориуса.
- Это первый акт в войне Домов? - спросил
я. - Экклезиархия или, возможно, великие
династии пытаются сорвать попытку
главнокомандующего
Геликана
продвинуть

Магистра Войны? Его повышение до ранга

Заступника феода придётся не по душе
многим мощным фракциям.

- Нет, - сказал Вок. - Хотя я уверен, что
именно так многие и подумают. Точнее,
многих подтолкнут к этой мысли.

Он пристально посмотрел на меня:

- Целью атаки было освобождение
псайкеров. Уного объяснения нет. Наш
извечный враг ударил, рассчитывая
причинить нам максимальный ущерб и
позволить пленникам сбежать. А заодно
нанести урон тем силам, которые могли
бы

этому помешать.

- Принципиально возражать не стану. Но
было ли освобождение псайкеров их
главной

задачей или просто средством

достижения

какой-то иной цели?

- Что ты имеешь в виду?

- Было ли это всего лишь попыткой

освободить псайкеров... или только актом

чрезвычайной жестокости против

Императора, который должен был усилить

высвобожденных еретиков?

- Пока мы не узнаем, что за всем этим

стоит, нам не удастся ответить на твой

вопрос.

- Могли ли сами псайкеры совершить это,

воздействуя на сознание пилотов?

Вок пожал плечами:

- Этого нам тоже не дано знать. Пока не

дано. Возможно, доля вины лежит и на

Магистре Войны, ведь излишняя бравада

заставила его выставить своих пленников

напоказ. Но без сомнения, он сделал все, чтобы окружить их непроницаемой защитой.

Я вынужден подозревать наличие внешнего влияния.

Какое-то время мы молчали. Хонориус

Магнус чуть не погиб при взрыве

разбившегося истребителя и теперь

проходил курс экстренной хирургии на борту

медицинского фрегата, стоящего на военной

орбите. Никто не знал, жив ли

главнокомандующий Геликана. Если бы он

погиб или если Магистру Войны было

суждено умереть от ран, то Хаос добился бы

исторической победы.

- Мне тоже кажется, что вмешались

какие-то внешние силы, - сказал я. -

Возможно, другой псайкер или псайкеры, следовавшие по пятам за своими

товарищами, чтобы попытаться
вызволить
их.

Вок сжал свой беззубый рот:

- Самый великий триумф моей жизни,
Грегор. Я пленил этих чудищ во имя

Императора... и взгляди, чем все
обернулось.

- Ты не должен винить себя, Котмогус.

- Могу ли я не винить себя? - Он бросил на
меня косой взгляд. - Как бы ты чувствовал
себя на моем месте?

Я пожал плечами:

- Я бы постарался все исправить. Не
расслаблялся бы, пока все негодяи не будут
уничтожены, а порядок восстановлен. А

затем приложил бы все усилия, чтобы
выяснить, кто и что за всем этим стоит.
Коммодус вновь посмотрел на меня и не
отводил глаз в течение нескольких
минут.

- В чем дело? - спросил я, хотя уже
почувствовал, что сейчас начнётся.

- Ты... сказал мне, что находился
неподалёку от места событий под
защитой

Врат Спатиана. Ближе, чем многие.

- И?

- Ты знаешь, о чём я хочу спросить.

- Ты решил начать с меня? Я слишком

устал, Вок, а потому остановился
почти

могилу адмирала.

Вок приподнял одну бровь. Мне

показалось, он чувствовал, что на самом

деле

я и сам не верю в то, о чём говорю. Но по крайней мере, он оказал мне любезность и не

стал разрывать моё сознание, чтобы с помощью своих на много более мощных психических способностей обнаружить тающуюся там правду. За прошедшие годы мы достигли взаимопонимания и в итоге были обязаны друг другу жизнью.

Он знал меня достаточно хорошо, чтобы не давить.

По крайней мере сейчас.

В комнату ворвалась дознаватель.

- Господа, - сказала она, - инквизитор

Робан пожелал, чтобы вам сообщили: мы вступили в контакт с одним из еретиков.

Насколько было известно, этим вырожденком

оказался альфа-плюс псайкер по имени
Эзархаддон, один из лидеров тайного
сообщества. Сея на своём пути беспорядки
и

смерть, он скрылся в улье, преследуемый
группой, которую вели Лико и Хелган.

Последнему удалось войти в контакт с
одним

из астронавтов Вока и передать
отчаянный

зов о помощи.

Мы с Воком и Робаном отправились на
улицы улья с карательной командой,
состоящей из шестидесяти человек и

включающей четырех Белых Консулов. Их
отряд возглавлял огромный сержант по
имени Күрвел. Нашком мы пробирались

через развалины и дым. То и дело
горожане, сбившиеся в банды, со стехом
закидывали

нас катнями, но устрашающий вид
четырех

Костических Десантников удерживал их
от

нападения.

Коммодус предупредил меня, что

Эзархаддон был существом ужасающего

интеллекта и его нельзя было

недооценивать. Когда мы увидели, какую
чёртову норку нашёл себе монстр, я понял,
о
чём говорил Вок.

Благородное семейство Ланж играло
выдающую роль в аристократической среде
Трациана Примарис. Оно содержало
обширный летний дворец в восточном
секторе Улья Примарис неподалёку от
коммерческого квартала, где и
зарабатывало
своё состояние.

Окружённый личным силовым полем,
дворец горделиво возвышался над
окружающими его невысокими зданиями.
Это место было из тех, которые мы
считали безопасными. Благородные Дома,
с

их могуществом и силами самообороны,
должны были сами суметь постоять за
себя

во время беспорядков. Но они не устояли
против Эзархадгона. Он засел внутри
дворца.

У западного подъезда мы встретились с
Хелганом. С ним была команда примерно
из

двадцати человек. Улицу устилали тела
погибших, по большей части гражданских.

- Он управляет толпой, словно
марионетками, - без единого

приветственного слова бросил Хелган. -

Люди продолжают прибывать. Они не
дают

нам проникнуть за ворота сада и напасть
в

служебное крыло!

Как я, возможно, уже говорил, с инквизитором Хелганом мы не водили близкого знакомства. Это был очень высокий, мрачный мужчина. Со времён встречи с голодным карнодоном на Гудрун его лицо напоминало неприглядную застывшую маску, покрытую шрамами. Когда мы в первый раз встретились, он был учеником Вока; теперь же ему удалось подняться до ранга инквизитора. Он обладал псионическими способностями, превосходящими мощь его старого наставника. Увидев Хелгана, я вздрогнул. Но всей видимости, он перенёс многочисленные пластические операции, но отнюдь не для

того, чтобы замаскировать уродство, а, наоборот, ради его преувеличения. Череп инквизитора теперь казался вытянутым и

напоминал лошадиный. Вперёд выступали челюсти с тупыми зубами, из-под лба на меня смотрели тёмные, мрачные глаза.

Вместо волос над его головой вились многочисленные провода и трубки, в которых циркулировали жидкости. Хелган

был облачён в кроваво-красный пласталевый

бронезилет, а в руке держал энергетический клинок.

- Эйзенхорн, - кивнул он, заметив меня.

Ощущение было такое, что в мою сторону потнул головой боевой конь.

- Они снова наступают! - раздался крик
людей Хелдана.

По пылающей улице к нам, пошатываясь,
бредли люди.

- К оружию! По местам стоять! - приказал

Хелдан. Губы его при этом оставались
неподвижными. Псионическая команда

прозвучала внутри наших голов, и
некоторые

из пришедших с нами солдат, похоже,
испугались.

На нас обрушился град из камней и

бутылок. Бойцы Трацианской Гвардии

подняли зонтики защитных экранов. А
затем

послышались выстрелы. По нам стреляли
из

лёгкого оружия. Арбитр, стоявший рядом
со

мной, повалился на землю. Я заметил,

что

одно из его колен неестественно
вывернуто в

обратную сторону.

На нас напала сотня или даже больше
граждан улья. Их лица были лишены
выражения, двигались они словно
сотнамбулы. Как и докладывал Хелган,
какая-то грандиозная ментальная сила
превращала их в марионеток. В ночном
воздухе, наполненном гарью пожаров,
чувствовался характерный запах озона -
признак псионического воздействия.

Я не испытываю ни малейшего
удовольствия, когда вспоминаю, что
случилось потом. Этот зверь Эзархаддон
вынудил нас сражаться с невинными
гражданами. Действия наши были
продиктованы исключительно

необходимостью самозащиты.

Быть может, преступник полагал, что мы

не станем стрелять в горожан и оставим его в

покое.

Однако мы представляли Инквизицию.

Грохоча оружием по нагрудникам брони и

вызывающе завывая в динамики шлемов, вперёд двинулись Белые Консулы во главе с

Курвелом. Протетиумная бомба, вылетевшая

из толпы, разбилась о броню одного из них, но объятый пламенем Костодесантник

спокойно продолжал наступать.

Мы стреляли поверх голов нападших, стараясь отогнать их, но люди уже были

лишены собственной воли. Нам пришлось

стрелять на поражение. Через десять минут

мы с неохотой увеличили список погибших
в

этом безумии.

С боем пробившись к повороту улицы, мы
оказались перед высокой оградой сага, у
самого края переливающегося силового
щита, защищающего дворец.

В моей голове зазвучал тихий стех.

Эзархагдон.

- Где Лико? - Я услышал, как Вок
ментально

вопрошает Хелдана.

- Он со своей командой обходит здание
вокруг, чтобы попытаться обезвредить
силовой щит.

- Вы идиоты! - вслух сказал я, глядя на

Хелдана. - Этот монстр может
управлять

огромной толпой, а вы совсем рядом с ним

пользуетесь псионической связью?

- Этот монстр, - ответил Хелган, - может

прочитать в сознании каждого в городе и даже

за его пределами. Он знает, чем мы все заняты. Нет никакого смысла таиться.

Остается только приложить все усилия. Или

тебе это недоступно?

- Сколько у нас времени до следующего боя? - спросил Күрвел, перезаряжая оружие.

- С тех пор как мы прибыли сюда, столкновения происходят все реже, - ответил

Хелган. - Времени у нас столько, сколько

Эзархадгону потребуется на поиски других

сознаний. Он ментально обследует

окружающий район, чтобы подчинить
своей

воле новых людей и сделать из них
тарионеток. С каждым разом ему
приходится забрасывать свои сети все
дальше.

- Как же он проник туда? - спросил Робан.
Хелган только покачал головой и пожал
плечами.

Инквизитор Робан, крепкий мужчина
средних лет, облаченный в

коричнево-жёлтые одеяния, был
достойным

человеком, хотя я и не слишком хорошо
знал

его. Но он откровенно придерживался

доктрины ксантанитов, и
ультрануританин

Хелган не желал с ним возиться.

Вок, Хелдан и Күрвел занялись

обсуждением возможного плана штурма, в
то

время как солдаты заняли
оборонительные
позиции вокруг нас.

- Чертовски неблагоприятная задача, -

обратился ко мне Робан. - Даже не знаю,
зачем мы здесь!

- В качестве пущечного мяса, - напрямик
сказал его молодой дознаватель Уншабель,
и

мы оба застыли.

- Должно же быть что-то... - произнёс я,
вынимая свой карманный скан и пытаясь

определить параметры энергетического
поля

и его спектры. Затем я обратился к
одному из

арбитров, сидящему участковому

командиру, облачённому в защитные доспехи, используемые при подавлении беспорядков:

- Эй, ты!

- Да, инквизитор?

- Как тебя зовут?

- Луклас, сэр.

- Боже-Император милостивый! -

Вздохнул я, и Робан снова растаял. -

Ладно, Неудачник[7], [этот дворец находится](#)

на территории вашего патрульного участка, не так ли?

- Да, сэр.

- Значит, контроль за уличными

системами безопасности вокруг него также

осуществляете вы.

- И вновь да, сэр.

- Так, значит, просто для соблюдения протокола, в вашем отделении должно храниться досье, в котором указан тип данного энергетического щита и гармоник

всего двorca, на случай критической ситуации.

Исходя из своего опыта, я знал, что обязанность собирать подобную информацию о строениях, находящихся на территории участка, входила в обязанности арбитров.

- Такая информация существует, сэр.

- Конечно же, она существует, - снова

вздохнул я. - И не кажется ли вам, что теперь

самое время...

Он надел свой вокс. Лукласу

потребовалось приложить массу усилий, чтобы выйти на связь с управлением.

- Ты что-то придумал? - спросил меня

Робан.

- Возможно.

- Хитроумный инквизитор Эйзенхорн...

- Что?

- Не обижайся. Просто сплетни о твоей репутации летят впереди тебя.

- Неужели? Надеюсь, говорят хорошее?

Робан устехнулся и покачал головой, словно человек, который, может, и слышал кое-что, но решил оставить это при себе.

- Это конический пустотный щит старого образца, десятая модель, - через некоторое время положил командир арбитров Лүклас. -

Гармоническая волна: тангенс

восемь-семь-восемь. Когда отключения у нас

нет. Леди Ланж не согласилась
предоставить
его.

- Держу пари, теперь она в этом
раскаивается, - едко заметил дознаватель
Уншабель. Он начинал мне нравиться.

- Спасибо, Неудачник, - сказал я.

- Моё имя Луклас, сэр.

- Знаю.

Я постарался припомнить всё, что
рассказывал мне Эмос о защитных
экранах.

Хотелось бы мне обладать его памятью.
И

ещё больше хотелось, чтобы он был рядом.

- Мы можем разрушить его, - абсолютно
уверенно произнёс я.

- Разрушить пустотный экран? -
переспросил Робан.

- Он даёт всего лишь коническую...

суперповерхность. И к тому же устарел.
Эти

пустотники способны отразить все что
угодно, но не генерируют поля, если
вывести

из строя хотя бы один из проекторов. Вот
тот

контрфорс, должно быть, один из
проекторных блоков. Он уходит под
землю.

- Логика ясна. Но как осуществить ваш
план на практике? - явно заинтересовано
кивнул Робан.

Подойдя к брату-сержанту Күрвелу, я
бесцеремонно прервал его беседу с
Хелданом

и поделился своими соображениями.

Хелдан сразу же поднял меня на стех:

- Лико уже занят этим!

- Как?

- Он установил местонахождение внешней системы управления на главных воротах и пытается взломать код...

- Коды отменены, а система управления отключена Эзархадгоном. Лико впустую тратит время. Так мы не сможем выключить

генератор. Нам не отнять у Эзархадгона контроль над системой. Но мы можем подкупаться под саму систему.

Хелдан собирался сказать что-то ещё, но его одёрнул Вок:

- Думаю, Грегор может предложить что-нибудь дельное.

- Почему это?

- А потому, Хелдан, что, как ты уже

употинал, монстр может нас слышать, и
ему

явно пришёлся не по вкусу этот план.

Вок жестом показал в сторону

прилегающих улиц. К дворцу спешили не
меньше пяти сотен граждан.

У Курвела ушло приблизительно десять
минут на то, чтобы разобрать мостовую
и

выломать часть садовой стены, в то
время

как мы отбивались от нападения все

увеличивающейся толпы зомби. На нас
снова

обрушился град пуль, камней и бутылок.

- Канализационная труба! - объявил

Курвел.

Я обернулся к остальным:

- Комтогус... Вам придётся сдерживать

их

ещё какое-то время.

- Можешь на это рассчитывать, -
ответил

он.

- Робан, возьми несколько человек и
сдвигайся за мной.

Хелдан был недоволен. И больше не
пытался делать предупредительных
выстрелов. Думаю, что он просто
вытеснял

свой гнев на безвольных горожанам.

Я прыгнул в отверстие канализационной
трубы вместе с Курвелом, Робаном,
Уншабелем и тремя гвардейцами. Те, кто
остался наверху, едва согласились
отпустить
хотя бы их.

Грязная труба коллектора уходила прямо

под стену сага, а потом резко обрывалась.

Старая каменная кладка окружала основание

контрфорса. Камень был тёплым, его покрывали комья пенистой плесени.

Уншабель поправил фонарь. Күрвел, и без того хорошо видевший в темноте, вынул

последние крак-гранаты и закрепил их на камнях.

- Жаль, что их так мало. Могли бы сразу проломить стену.

- Могли бы, брат-сержант. Но возможно, так будет лучше.

- Почему?

- Если нам удастся просто обрушить этот

проектор, то, прежде чем энергия поля

исчезнет, произойдёт короткое

затмыкание.

И скорее всего внутри поля возникнет электромагнитный импульс. Думаю, это последнее, чего бы сейчас хотелось Эзархадгону.

Словно в подтверждение моих слов, нас обволокло пеленой мучительной боли.

Эзархадгон осознал свою уязвимость и теперь обрушивал на нас невероятную ментальную мощь. Марионеток он создавал

из спортивного интереса, но теперь пришло

время захватить или уничтожить сознания

тех, кто охотился за ним.

Псионический удар был ужасающим. Двое гвардейцев умерли сразу. Оставшийся в живых начал стрелять, дважды попав в

Күрвела и ранив Уншабеля. Робану
пришлось

прикончить солдата выстрелом из
лазерного

пистолета.

Поработить наши сознания оказалось
труднее. К тому же нас защищали толща
каменной кладки и близость к
энергетическому потоку силового экрана.

Но даже ты с Робаном, Уншабелем и
Күрвелом должны были погибнуть или
поддаться жажде убийства в ближайшие
секунды.

Как мне хотелось тогда, чтобы с нами
была

Елизавета или хотя бы кто-нибудь из
Дамочек.

- Взрываай! Взрываай! - захрипел я.

У меня в носу и в горле второй раз за

этом

день полонались кровеносные сосу́ды.

- Мы же прямо у...

- Сделайте это, брат-сержант! Во имя
Бога-Императора!

Взрыв вывел проектор из строя. По
туннелю коллектора стремительно
прокатилась взрывная волна. Казалось, мы
обречены, но брат-сержант Курвел закрыл
нас своим огромным, закованным в броню
телом.

Это стоило ему жизни.

Я пообещал себе добиться того, чтобы его
имя и память о нем были отмечены
примархом Белых Консулов.

Когда проектор был разрушен, пустотный
щит самоликвидировался, вырубив
охранные

системы дворца пронёсшимся по ним
электромагнитным неистовством, а
заодно
отключив и разрушительное сознание
Эзархаггона.

Исследование природы неприкасаемых
позволило мне сделать вывод, что
ментальные силы, вне зависимости от
того, насколько мощными они являются,
скорее

всего основываются на электрической
деятельности человеческого мозга и
зависят

от импульсов, проходящих между
синапсами. Неприкасаемые каким-то
образом заглушают эту деятельность,
порождая тревожную и обезоруживающую
пустоту, замедляя или блокируя
естественные и фундаментальные
процессы, происходящие в человеческом

мозге. То есть

именно по этой причине рядом с ними не действуют силы псайкеров и поэтому среди

них так много неудачников. И в конечном счёте по этой причине они так пугают и раздражают людей, особенно псайкеров.

Мне удалось заставить старый пустотный

щит породить краткую яркую вспышку «неприкасемости».

И теперь, прокляни его Император, еретик

псайкер Эзархаддон на время оглох, ослеп и

потерял дар речи. Теперь он был в моих руках.

Глава восьмая

ЛОГОВО ЭЗАРХАДДОНА

ЛИКО-ПОБЕДИТЕЛЬ

ОСТАНКИ

Мы проникли на территорию дворца Ланж, перебравшись через стену. После взрыва щита в воздухе повис резкий запах озона, тлели аккуратно подстриженные фруктовые деревья и саговые ограды из ларозбұра.

Вместе с Робаном и Уншабелем я побежал

по гравийной дорожке, связывающей служебное и восточное крылья дворца. В саду

за нашими спинами заметались лучи ручных

и подствольных фонарей. Значит, Хелган повёл своё войско в обход саговой террасы.

В доме было тихо и темно,

электроснабжение отключилось из-за

электромагнитного разряда. Ударной волной

от взорвавшегося пустотного щита
выбило

двери. Теперь они лежали на мозаичном
полу холла. На месте окон зияли дыры.

Фоторецепторы и установки
климат-контроля, встроенные в
полированные стенные панели из синего
дерева, почернели и оплавилась. В глубине
коридоров клубился дым, мерцали
огненные

всполохи: богато обставленные комнаты
второго этажа охватило пламя, когда от
взрыва с потолка сорвались декоративные
пропентиутные лампы.

Мы проверяли помещения,
расположенные по обеим сторонам
коридора, и повсюду находили тела

мёртвых

слуг и отключившихся сервиторов.

Робан двигался вперёд, поводя из стороны в сторону лазерным пистолетом.

- Сколько у нас времени? - спросил

Уншабель.

- До чего?

- До того, как он оправится от импульса?

Я и сам не знал, насколько тяжело мы ранили Эзархадгона и насколько сильным было его сознание. Но в любом случае нам стоило поторопиться.

По этерцитовым ступеням мы поднялись на третий этаж и вошли в огромный банкетный зал. Свод - черепаший панцирь из

высокопрочного стекла - обрушился.

Высоко

в небе потрескивали псионические грозы.

Каждый наш шаг отдавался хрустом битого

стекла и скрежетом обломков.

Здесь тоже лежали тела - трупы

аристократов и их слуг. Из соседнего зала доносились звуки шагов и сдвоенные рыдания.

У перепуганных людей перехватило

дыхание от ужаса, когда лучи наших фонарей

осветили их фигуры. Немногочисленные

обитатели дворца, чудом пережившие

случившееся, испуганно жались по углам.

На

телах многих виднелись следы псионических

ожогов и телекинетические шрамы.

- Имперская Инквизиция, - твёрдым

голосом произнёс я. - Успокойтесь. Где

Эзархаддон?

Некоторые вздрогнули и застонали при

упоминании этого имени. Пожилая

аристократка в изогранном
перламутровом

платье свернулась в углу калачиком и
заплакала.

- Быстрее, у нас мало времени! Где он?

Я хотел было применить Волю, чтобы

заставить их дать ответ, но их сознания
и без

того были достаточно измучены
событиями

этой ночи. Даже незначительное
ментальное

воздействие могло убить многих из них.

- Когда отключился свет, он побежал...

побежал к западному входу, - произнёс

окровавленный человек, одетый в нечто, что, по моему предположению, когда-то являлось

униформой телохранителя Дома Ланж.

- Вы можете показать нам дорогу?

- У меня сломана нога...

- Тогда кто-нибудь другой! Прошу вас!

- Фрюа, пойдёшь ты. Фрюа! -

Телохранитель обернулся к испуганному

мальчишке-нажю, сидящему на корточках за

колонной.

- Давай же, парень, покажи нам дорогу, -

ободряюще сказал Робан.

Мальчик поднялся на ноги. В его глазах метался страх. Я не знал, кого он боялся больше - Эзархадгона или нас, инквизиторов.

Коридор, по которому нас повёл наж, шёл

от банкетного зала на запад к взлётной
площадке. Плиточный пол сплошь
покрывали осколки стекла и пятна крови.
Мне показалось, что я кожей ощутил
дунувание ветра. Возможно, где-то
впереди
был выход наружу.

Тяжёлые, взрывоустойчивые двери в
трапный погрузочный док были выломаны.
Несколько погрузочных сервиторов
затерли
в неуклюжих позах. Через открытый
центральный люк пробивался тусклый
свет.

Взяв оружие на изготовку, я тахнул
Робану и Уншабелю, чтобы они заходили
справа. Мальчик-наж спрятался за
дверями.

Воздух вокруг нас начал меняться, словно

атмосфера стала густеть и сжиматься.

Как

будто нечто огромное готовилось
вздохнуть.

Я был уверен, что Эзархаддон начал
приходить в себя.

Неожиданно погрузочный док окутало
мертвенно-зеленое свечение,
психометрическая вспышка,
сопровождающаяся взрывом невероятной
псионической силы. Мы с Робаном
загрожали, когда наши лёгкие скрутил
спазм, а в головыгрузились щупальца
чужого сознания. Уншабель закричал.
Напав

сзади, его сбил с ног фрюа. Мальчик
моментаально превратился в безтозглую
куклу, его взгляд сделался пустым, на
губах

выступила пена. Уншабель пытался сопротивляться, но парнишка дрался свирепо, и инквизитор начал ослабевать. Моею голову пронзила резкая боль, однако я понимал, что Эзархагдон ещё не до конца

пришёл в себя. Окружив своё сознание ментальной защитой, на какую хватало сил, я пошёл вперёд.

Неожиданно совсем рядом загудели сервомоторы. К моей голове метнулась огромная стальная лапа, и я отпрыгнул в сторону.

Покрытый патиной погрузочный сервитор распрятился во весь свой трехметровый рост

и с грохотом зашагал ко мне на толстых гидравлических ногах. Он попытался достать

меня металлическими конечностями. Из
его

широких плечевых суставов вырвались
струи пара, а смотровые гнезда на
помятом лицевом щитке горели ярким
жёлтым огнём.

Несмотря на всю механику, погружённый
андроид, как и все сервиторы, был собран
на

основе человеческих органических
компонентов: мозга, спинномозгового
ствола и сети нервных окончаний.
Поэтому

Эзархаддон мог управлять им точно так
же, как и обычным человеком.

Андроид снова атаковал меня, но
промахнулся. Плоская конечность с
громким
свистом прорезала воздух.

Сервитор напоминал огромную обезьяну приземистый, с мощными ногами, бочкообразной грудной клеткой, широкими плечами и глиняными руками. Конструкция, идеально подходящая для погрузочных работ. И для того, чтобы превратить человеческое тело в кровавое месиво. Робан окликнул меня. И вовремя. Второй погрузочный сервитор, раза в два крупнее первого, с глиняным телом и четырьмя ногами, тоже пришёл в движение. Его корпус покрывали листы изъеденного ржавчиной, потемневшего металла, а вместо головы торчала вилка погрузчика, что придавало ему сходство с быком. Смазанные маслом чёрные вилки погрузчика нацелились на Робана. Тот открыл стрельбу. Шесть

или семь

зарядов со звоном отскочили от тела
механического монстра, лишь слегка
опалив

конечности машины.

Я увернулся от двух мощных, но
медленных ударов обезьяноподобного
сервитора. Мы теряли драгоценное время.
С

каждой секундой Эзархаддон становился
сильнее.

Я выстрелил из болт-пистолета в корпус
сервитора и отбросил машину назад.

Механизмы и гидравлические поршни
нижних конечностей андроида завизжали.

Тем временем я выхватил и включил
силовой меч, моё любимое оружие,

благословлённое для меня Ректором
Ункаса. Я

всегда хорошо владел клинком, но

Арианрог

успела просветить меня в картайском

Эүл

Вайла Скрай. Дословно это означало

«гений

остроты», картайский путь меча.

Я описал мечом восьмёрку, хан фасл,

затем последовал косой выпад слева, үйн

или

же обратная форма таги вайла.

Удар был хорош. Силовой клинок начисто

отхватил левую руку сервитора, и

огромный

манипулятор с грохотом упал на пол.

Словно разгневавшись, андроид бросился

вперёд, пытаясь дотянуться до меня

оставшейся рукой и размахивая

дымящимся, оплавленным обручком.

Я провёл горизонтальный блок на уровне

головы, итенүелый үве сар, а потом серию
выпадов слева и справа, үльсар и үйн
үльсар.

Каждый удар высекал из металлического
тела сервитора потоки искр. Күвырконт
үйдя

от очередного мощного затаха, я
развернулся на коленях и снова оказался
лицом к врагу как раз вовремя, чтобы
провести ура вайла бей, смертоносный
диагональный удар слева направо. Сверкнув
электрическим всполохом, лезвие вскрыло
обшивку корпуса взбесившегося погрузчика.

Я выиграл достаточно времени, чтобы
ментально установить местонахождение
мозгового центра сервитора.
Управляемый

псионической силой, а потому светящийся
и

полыхающий, он появился перед моим
мысленным взором. Я определил, что
располагался он в груди андроида, глубоко
под броней, там, где у человека находятся
кости ключицы.

Ещё один үве сар, а затем смертельный
эүл

цаер. Прямой вынаг, и, пронзив
металлическое тело, острое рассекло
органический мозг. Не вытаскивая
потрескивающий разрядати клинок, я
подождал, пока үгаснут жёлтые глаза, а
затем

выдернул меч и отступил в сторону.

Сервитор рүхнул на пол.

- Робан! - позвал я, перепрыгивая через
поверженного противника.

Но Робан был мёртв. Обмякшее тело

повисло на погрязочной вилке, вонзившейся
в живот. Андроид пытался страхнуть
трун.

Наконец Уншабель вскочил на ноги. Я
видел, что по его лицу катились слезы,
когда

он открыл по сервитору огонь
автоматического пистолета.

Чертыхаясь, я ринулся вперёд. Обеими
руками сжимая рукоять силового меча, я
обрушил клинок на спину андроида.

Сомневаюсь, что у обитателей Картая,
при

всей их мудрости, в священной Эул Вайла

Скрай ителось название для такого

яростного удара сверху. Тело сервитора
развалилось надвое.

Уншабель попытался вытащить из ног
обломков механизма трун своего

наставника.

- После! Для этого ещё будет время! -

сказал я, усиливая команду с помощью Воли.

Уншабель был близок к тому, чтобы
утратить

рассудок и отгаться гневу и тоске, а я
нуждался в его помощи.

Он подхватил своё оружие и побежал за
мной.

- Где мальчик? - спросил я.

- Пришлось врезать ему. Надеюсь, он
просто потерял сознание.

Мы выбрались на взлётную площадку
дворца в пронизанную грозами ночь.

Психическая молния расколола небо над
головой. Нас хлестало ветром. На самой
площадке никого не было, но на газоне под

ней шло сражение. Я увидал, как восемь
фигур, одни в мантиях, другие в броне
Трацианской Гвардии, окружают одинокое
человекоподобное существо, вокруг
которого

потрескивает призрачное сияние. Прямо
на

наших глазах от светящейся фигуры в
воздух

взметнулись неровные языки пламени,
поглотившие одного из гвардейцев.

Эзархадгон. Они загнали в угол

Эзархадгона!

Спрыгнув с трехметровой высоты на

влажную траву, мы с Уншабелом
поспешили

присоединиться к драке.

Теперь, несмотря на стену дождя, я мог

отчётливо разглядеть Эзархадгона. Это
был

высокий, тощий, жилистый, почти полностью обнажённый мужчина, с шевелюрой чёрных непослушных волос. Вокруг его подрагивающих конечностей скользили призрачные огни.

Мы были всего лишь в десяти метрах от места сражения, когда одна из облачённых в мантию фигур вскинула массивное оружие и выстрелила во вражеского псайкера.

Лазерная винтовка. Фиолетовый луч, невыносимо яркий для человеческих глаз, ударил в Эзархагдона. Преступник был слишком слаб, чтобы защищаться. Его тело с головы до ног охватило белое пламя, словно

он сам был зажигательным снарядом. Убрав оружие, мы с Уншабелет подошли

ближе. Только когда закутанные в
мантии

прислужники закончили бормотать
молитвы

с просьбами о милосердии и избавлении,
инквизитор Лико опустил лазерную
винтовку.

- Да пребудет с тобой благодарность
Императора, Лико, - произнёс я.

Он оглянулся.

- Эйзенхорн, - кивнул инквизитор.

Его узкое лицо было строгим и
напряжённым, из-под низко надетого
капюшона на меня смотрели голубые
глаза.

Ему было приблизительно пятьдесят
стандартных лет, и по меркам
Инквизиции

он был ещё просто юнцом. И достаточно

толог для того, чтобы его карьера не
рухнула

после этого зловещего дня, практически
обесценившего его подвиг на Дольсене.

- Я служу не ради благодарности

Императора. Я делаю это во имя славы
всего

Империята.

- Пусть будет так, - ответил я,
оглянувшись

на столб неровного белого света, в
который

превратилась наша добыча. Я ничуть не

жалел, что уступил Лико возможность

расправиться с еретиком. Меня это не

волновало. Побег псайкеров почти лишил
его

заслуженной в последнее время славы.

Исправить положение он мог, только

выследив и уничтожив преступников.

По всей планете прокатилась волна
некоторого подобия радости, когда было
объявлено, что главнокомандующий
Теликана остался невредим в этой бойне и
что Магистр Войны тоже будет жить.

Сообщение пришло только на шестой день,
когда имперские власти уже начали

восстанавливать порядок. Эта
информация

отчасти помогла успокоить измученных
граждан Трациана Примарис. Простой
народ, уже считавший себя забытым,
наконец

поверил, что власть возвращается в
добрые и

честные руки. Паника стихла. Отряды
арбитров проводили последние операции
по

поимке мародёров и самых отъявленных

рецидивистов в нижних кварталах столицы.

Меня это сообщение не слишком воодушевило. Я получил конфиденциальную информацию о том, что главнокомандующий

Теликана на самом деле погиб, воя и обгадившись в штаны, когда на него рухнула

«Молния». Экклезиархия и Теликан Сенаторум нашли двойника, который продолжал занимать его место, пока спустя

несколько лет он не «скончался своей смертью от старости». Затем в более спокойной обстановке был избран преемник.

Теперь я могу спокойно говорить об этом в частном докладе, но в то время

раскрытие

тайны повлекло бы наказание смертью даже

для самого высокопоставленного лорда

Империята. Я не собирался разглашать

секретную информацию. Я инквизитор и

понимаю, сколь важно поддерживать

общественный порядок.

В дополнение к усталости и болезненным

ранам моё настроение отрачили вести о

состоянии здоровья Гидеона Рейвенора.

Теперь, конечно, все мы понимает, какой

бесценный вклад он внёс в науку

Империята

и что ему никогда бы не удалось этого

сделать, если бы он не был вынужден

обратиться к развитию своего разума.

Но тогда в грязном госпитале во дворах

улицы Провидцев я увидел покрытого
ожогами и ранами, практически
парализованного молодого человека,
блестящего дознавателя, изувеченного
раньше, чем он сумел полностью
реализовать свой потенциал.

С некоторой точки зрения Рейвенору
повезло. Он не оказался за Вратами
Спятиана среди ста девяноста восьми
служителей Инквизиции, погибших под
обломками разбившегося истребителя во
время Великого Триумфального
Шествия.

Он вместе с пятьюдесятью другими был
искалечен взрывом и выжил.

Моего ученика едва можно было узнать.

Кровоточащая гряда опалённой плоти.

Ожоги покрывали почти сто процентов
тела.

Он был слеп, глух и нем. Его лицо так оплыло, что там, где должен был располагаться рот, в сплавившемся мясе пришлось делать разрез, чтобы он мог дышать.

Эта потеря тяжёлым камнем легла на мою

душу. А о том, какую утрату понесла

Инквизиция, я и не говорю. Гудеон Рейвенор

был самым многообещающим учеником из всех, кого я когда-либо обучал. Я стоял рядом

с его застеленной пластиком кроватью, слушая шипение вентилятора и бульканье отсоса, и вспоминал слова, сказанные

Коммодусу Вокс в районном управлении

Агентус Арбитрес на Блатмерсайг-стрит: «Я

бы постарался все исправить. Не
расслаблялся бы, пока все негодяи не будут
уничтожены, а порядок восстановлен. А
затем приложил бы все усилия, чтобы
выяснить, кто и что за всем этим
стоит».

И я поклялся сделать то же самое ради
Рейвенора.

Но тогда я и представить себе не мог,
что

это означает и к чему меня приведёт.

Наконец на девятый день, который
должен был стать последним в
праздновании

Священной Новены, я возвратился в
Океан-хаус. Меня никто не встретил. Дом
казался пустым и заброшенным.

Я прошёл в кабинет, налил изрядную
порцию выдержанного атасека и рүхнүл в

кресло. Казалось, прошла вечность с того времени, как я сидел здесь с Тимусом Эндором и обсуждал тревожные предположения, ставшие теперь столь незначительными и далёкими.

Дверь открылась. Но тому, как неожиданно похолодало, я понял, что это Биквин.

- Мы не знали, что ты вернулся, Грегор.

- Тем не менее это так, Елизавета.

- Ну, это я вижу. Ты в порядке?

Я пожал плечами:

- А где все?

- Когда... - Она остановилась, тщательно подбирая слова. - Когда произошла эта трагедия, начались масштабные волнения.

Джарат и Куршер ради безопасности увели

прислугу в укрепленные бункеры, а я
заперлась с Дамочками в западном крыле,
ожидая и надеясь, что ты позвонишь.

- Связи не было.

- Да. В течение восьми дней.

- Но теперь все в порядке?

- Да.

Я наклонился вперед и взглянул на
Биквин. Ее лицо было бледным, она
выглядела измотанной волнениями и
страхом.

- Где Эмос?

- В бункере, вместе с Бетанкор,
Киршером

и Нейлом. Фон Бейг тоже ошибается где-
то

поблизости. Это... это правда, что мы
слышали о Гидеоне?

- Елизавета... да...

Она присела на подлокотник кресла и
обвила мою шею руками. Псайкеру тяжело
обниматься с неприкасаемым, вне
зависимости, от того, сколь долгая и
близкая

история их связывает. Но её намерения
были

понятными и добрыми, и я терпел этот
контакт столько, сколько было нужно,
чтобы

не показаться невежливым. Потом, мягко
отстранив Биквин, я попросил:

- Пришли их. Позови их всех сюда.

- Грегор, здесь мы все не разместимся.

- Значит, на морскую террасу. В
последний

раз.

На озарённой бледным свечением

морской

террасе

собрались

многочисленные

участники моей верной банды. Они
смотрели на меня с надеждой. Джарат
суетилась, раздавая напитки и
засахаренные

фрукты до тех пор, пока я не вложил в её
натруженные руки бокал атасека и не
усадил

в кресло.

- Я закрываю Океан-хаус, - объявил я.

Люди зашептались.

- Я продолжу платить за аренду, но не
имею больше желания жить здесь. Если
честно, мне вообще не хочется больше
оставаться на Трациане после этой...

Священной Новены. Поэтому, как мне
кажется, нет больше смысла содержать
здесь
прислугу.

- Но, сэр, ваша библиотека? - донёсся из
задних рядов голос Псаллуса.

Я поднял указательный палец:

- Я заключу соглашение с одним из
местных бюро, чтобы они с помощью
сервиторов поддерживали дом в порядке.

Кто знает, может, когда-нибудь мне снова
понадобится это место.

Прежде чем продолжить, я наполнил свой
бокал.

- Но я решил переместить свой главный
штаб. Здесь небезопасно, если не сказать
больше.

При этих словах Джабал Киршер
стукнувшись уставился на свой бокал с соком.

- Я собираюсь переместить штаб в
имение

на Гудрун. Климат этой планеты

правится

мне больше, чем здешний... ах улья.

Джарат

и Киршер, вы организуете сборы и

мероприятия по переезду. Джарат, если
ты

не против, мне бы хотелось, чтобы ты

приняла обязанности управляющей
имением

на Гудрун. Я понимаю, ты никогда не

покидала Трациан...

Вскинув брови, она подалась вперед,
пытаясь осознать неожиданную перемену в
своей жизни.

- Я... польщена, сэр, - наконец произнесла
женщина.

- Я рад. Деревенский воздух пойдет тебе
на пользу. Поместьем сейчас управляет
опекунский совет, так что мне нужны

хорошая домоправительница и хороший
начальник службы безопасности. Джабал...
Я

хочу, чтобы вы подумали над этим
предложением.

- Благодарю вас, сэр, - отозвался Кишер.

- Псаллус, мы собираемся перенести

библиотеку на Гудрун. Эта задача
поручается

тебе, как моему бесстенному
библиотекарю.

Могу я рассчитывать на твою помощь?

- О да... Конечно, возникнут некоторые
проблемы с транспортировкой и защитой
некоторых экранированных текстов, и...

- Но я могу поручить это тебе?

Псаллус возбуждённо затахал своими
хилыми руками так, что все застежались.

- Я понимаю, переезд займёт месяцы.

Алан... Мне хотелось бы, чтобы и ты приставивал за всем этим.

фон Бейг внезапно почувствовал себя неловко.

- Конечно, инквизитор.

- Тебе поручается трудная задача, дознаватель. Ты готов к этому?

- Да, сэр.

- Хорошо. Я вернусь в имение на Гүдгүн не позднее чем через десять месяцев. Надеюсь увидеть именно такой дом, какой хочу.

Это обещание мне, к сожалению, не удалось сдержать.

- А что будет с Дамочками, сэр? - спросила

Сүрскова.

- Я собираюсь разделить вас, - сказал я. -

Шесть лучших сотрудниц отправятся на

Гүсрүн и бүдүт дожидаться моих распоряжений. Остальные переедут в снятую мной резиденцию на вершине одного из шпилей Мессины. Там и будет размещаться новое официальное обиталище Даточек. Сүрскова, ты будешь контролировать переезд и основание новой школы для неприкасаемых.

Женщина потрясённо кивнула. Биквин тоже выглядела озабоченной.

Я обвёл взглядом служащих, воинов и помощников, собравшихся на террасе.

Больше сотни человек.

- Это все. И да хранит вас Бог-Император до нашей следующей встречи.

Я попросил остаться Эмоса, Биквин, Медею и Нейла.

- Заботы о переезде вас не коснутся, -
произнёс я.

- Об этом мы уже догадались, -
ухмыльнулась Медея.

- Нам предстоят две миссии.

- Нам? - спросила Биквин.

- Да, Елизавета. Ты же не думаешь, что
мы

слишком стары для подобных
развлечений?

- Нет, я... я...

- Слишком долго я отдыхал от дел,
полагаясь на своих опытных помощников. Я
соскучился по работе в полевых условиях.

- Во время последней операции в полевых
условиях ты чуть не лишился жизни, -
проворчала Биквин.

- Думаю, это лишний раз доказывает, что
я

теряю свой профессионализм.

- Какой позор! - с улыбкой пробормотал Нейл.

- Поэтому всем нам предстоит приключение. Ты ещё помнишь, каково это, Эмос?

- Конечно, помню. Но знаешь, Грегор, я не слишком скучаю по приключениям.

- Елизавета?

- О, я с радостью отправлюсь посмотреть, как тебя прибудут... - сложив руки на груди, трачно произнесла Биквин.

- Значит, все согласны? - спросил я.

Ничего не могу пожелать, моё лицо всегда остаётся невозмутимым. Горзон Лок постарался. Но я произнёс последние слова достаточно выразительно. Нейл и Медея охрипли от смеха, а Эмос тихо захихикал.

Даже Елизавета Биквин невольно
устехнулась.

- Как я уже сказал, нам предстоят два
дела.

После того как прослушаете инструктаж,
я

разрешаю вам взять с собой нескольких
помощников из моего штата. Нейл, если
хочешь, выбери пару бойцов, на которых
можно положиться. Эмос, найди
астронаута, услугами которого можно
воспользоваться

без опаски. Елизавета, возьми пару
Дамочек.

Одно условие: группа будет состоять
максимум из десяти человек. Не больше,
слышите? Обсудите это между собой.
Выбор

на ваше усмотрение. Отправляется через
два

дня.

- Так что за задания? - Развалившись в
тягком кресле и свесив свои глинные ноги
через подлокотник, Медея сделала долгий
глоток зеленого вина и добавила: - Ты ведь
сказал, что их будет два, верно?

- Два.

Я нажал на кнопку пульта, и на столе
возникла дымка гололитического экрана.
Мерцающие буквы складывались в слова
сообщения, полученного мной в самом
начале шутихи на Трациане: «Скальпель
быстро режет нетерпеливо высунутые
языки.

В час третий, на Кагии. Гончая
запрашивает

Шун. Шун должен быть остёр».

- Вот черт! - вскричал Нейл.

- Это не подделка? - спросила Медея, посмотрев на меня.

- Нет.

- Боже-Император, он же в беде, мы нужны ему... - запричитала Биквин.

- Весьма вероятно. Медея, ты должна подготовить для нас переход на Кагию. Сначала мы отправится туда.

- А потом? - спросил Эмос.

- Потом?

- Вторая миссия...

Я окинул коллег взглядом:

- Всем нам известно, насколько серьёзная ситуация сложилась на Кагии. Но я кое-что

покаялся Гидеону. Мне надо выяснить, что стоит за случившимся на Трациане. Я должен

узнать, кто это сделал, выследить его и

покарать.

Знаете, даже забавно размышлять о том, как все сложилось в итоге.

Было уже поздно. Мы уселись за великолепный ужин, приготовленный Джарат. Нейл рассказывал Эмосу и Мегее чрезмерно пошлые анекдоты, а я объяснял Биквин суть перестановок в рядах Дамочек и задачи предстоящих миссий.

Кажется, она пришла в возбуждение. Так же, как и я, она слишком долго держалась в стороне.

На террасе появился Киршер.

- Сэр, к вам гость.

- В такое время? И кто же это?

- Говорит, что его зовут Уншабель, сэр.

Дознаватель Натан Уншабель.

Он дожидался меня в библиотеке.

- Дознаватель. Надеюсь, вам предложили прохладительные напитки?

- Не стоит беспокоиться, сэр.

- Что ж... Так чем я обязан вашему визиту?

Уншабель, которому было не более

двадцати пяти, откинул со лба прядь густых

светлых волос и в отчаянии поднял на меня

глаза.

- Я... остался без наставника. Ведь Робан погиб...

- Да дарует ему покой Бог-Император. Мы

будем почитать его.

- Сэр, вы когда-нибудь думали, что произойдёт, если вы умрёте?

Его слова сбили меня с толку. Честно говоря, я никогда об этом не задумывался.

- Нет, Уншабель.

- Это ужасно, сэр. Как старший помощник Робана, я обязан расплатиться с его прислугой, привести в порядок его имущество и документы. Я должен сделать большую уборку, систематизировать архив

Робана.

- В чем я уверен, дознаватель, так это в том, что вы справитесь с этой задачей.

Он вяло улыбнулся:

- Спасибо, сэр. Я... хотел просить вас взять меня к себе. Я очень хочу стать инквизитором. Мой наставник мёртв, и я знаю, что ваш... ваш дознаватель...

- Это так. Однако я сам решаю, кого
обратить

в свой штат. Я...

- Инквизитор Эйзенхорн, я пришёл сюда
не только для того, чтобы утолять вас
приятно

на службу студента. Как я уже говорил, на
меня легла обязанность закрыть поместье
Робана. Это подразумевает регистрацию
и

подтверждение патологоанатомического
свидетельства о его смерти. Инквизитор
Робан был убит погрузочным сервитором,
управляемым преступником-псайкером.

- И что с того?

- Чтобы до конца оформить бумаги, я
должен включить в отчёт и уведомление
о
смерти Эзархаггона.

- Стандартная процедура, - кивнул я.

- Это уведомление оказалось очень

кратким. Труп Эзархагдона обгорел от
огня

до головы и практически неопознаваем.
Как

и в случаях самовозгорания людей, после

воздействия лазерного оружия не остаётся

практически ничего, кроме плоти и
костей

палочек. Только останки.

- И?

- На его палочках не было клейма

Маллеуса.

- То есть как?..

- Я не знаю, кого инквизитор Лико сжёг на

палочке возле дома Ланж, но это был не

еретик Эзархагдон.

Глава девятая

УЧАН, ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ

СПУСТЯ

РАЗГОВОР С ФАНТОМ

КИНЖАЛЫ В НОЧИ

Одна из завшивленных голов

вышибалы-бицефала, охранявшего грязные

[двери бара для твистов\[8\]](#), огарила нас

пренебрежительным взглядом. В это
время

вторая затянулась обскурой из трубки и

остекленело уставилась куда-то вдаль.

- Здесь нечего делать таким, как вы.

Уходите. Крупные вязкие капли падали на

наши головы. От дождя не спасал даже

прогнивший тент. У меня не было
желания

долго стоять на улице. Кивнув, я взглянул
на

своего компаньона. Тот откинул капюшон

и

продемонстрировал вышибале множество деформированных, мигающих глаз, пятавших его щеку и шею. Я распахнул свой

дождевик и показал узел чохлых щупалец, торчавших из дополнительного рукава под моей правой подмышкой.

Вышибала поднялся со стула и вяло покачал одной головой. Он был плечистым, широкогрудым и высоким, словно озрин, его грязную кожу сплошь покрывали татуировки.

- Кхм... - бормотал он, обходя вокруг и оценивая нас. - Ну, раз так. Вы не пахли как твисты. Ладно...

Мы спустились по тёмной лестнице в ночной клуб. Помещение было затянуто

дымол обскүры. Стены содрогались от
незабываемо резкой, неблагозвүчной
мүзыки, называемой «нүнд». Красный свет
делал заведение похожим на адское
болото, словно сошедшее с чёртовых
картин

безүтного гения Омарметтии.

Здесь общались, пили, играли и
танцевали

үроды, калеки, полүкровки и выродки. На
сцене вертелась обнажённая большегрудая,
безглазая девүшка. На том месте, где ү

нормального человека должен
располагаться

пүнок, ү стриптизерши үхтылялся
широкий

рот.

Мы подошли к грязной деревянной
стойке, освещённой чередой ярких белых
ламп. Бармен оказался обрюзгшей тварью

налитыми кровью глазами и чёрным
змеиным языком, метавшимся во влажном
разрезе губ между гнилых зубов.

- Эй, твист. Чего будешь?

- Пару тех, - сказал я, указывая на стаканы
с прозрачной зерновой выпивкой, которые
проносила мимо официантка. Девушка
была

бы красива, если бы не жёлтые углы,
покрывающие её кожу.

Твисты. Все мы здесь были твистами.

«Мутант» - грязное слово, если ты сам
мутант. Они общаются друг с другом на
самом свободном и самом порочном сленге
Империума и носят своё прозвище как
знак

доблести. Подобная заносчивость
свойственна всем люмпенам. Лишённые

псионических способностей называют себя «затупленными». Высокие, стройные люди, обитающие в условиях низкой гравитации на

Сильване, зовут себя «палками». Прозвище перестает быть оскорбительным, если вы сами им себя наделяете.

Трудовое законодательство Уичана разрешает твистам работать в качестве наёмных чернорабочих на фермо-фабриках и заводах по дистилляции при условии, что

они соблюдают местные правила и не высовываются из выделенных им трющоб, скрытых в глубинах грязной окраины главного улья Уичана.

Бармен поставил на стойку два тяжёлых стакана и небрежно наполнил их до краёв зерновой вытивкой.

Я бросил ему несколько монет и потянулся

за своей порцией. На меня косо посмотрели налитые кровью глаза.

- Это ещё что? Монеты эл-перцев? Да ты

че, твист, не знаешь, что нам запрещено их

принимать?

Я посмотрел вдоль стойки. Остальные клиенты расплачивались купонами с заводскими печатями или самородками обычного железа. Теперь все они хмуро уставились на нас. Типичная ошибка, и притом в самом начале дела.

Мой спутник подался вперёд и отхлебнул из стакана:

- Неужто ты станешь наезжать на двух измученных жаждой твистов, которым

просто сvezло ұхватить немого чёрным
налом?

Бармен сгрёб монеты и улыбулся, дёрнуv
чёрным языком:

- Без проблем, твисты. Вы их срубили, я
возьму. Я просто базарю о том, что не
стоит

или сверкать.

Мы взяли свою выпивку и стали искать
столик. На то, чтобы добратъся до
Щичана, ушло шесть недель, и теперь мне
не

терпелось приступить к делу.

Ритм музыки изменился. Из встроенных в
пол динамиков загремела новая
пунд-композиция. Но мне - всего лишь
вариация, единственной целью которой
было оглушить публику.

Но толпа зааплодировала и одобрительно

зашутела. Голая девочка с устехающимся животом снова принялась вращать бёдрами, но уже в другом направлении.

- Похоже, мне стоило положиться на тебя,

- прошептал я своему спутнику.

- Ты прекрасно справляешься.

- «Неужто ты станешь наезжать». Во имя

Бога-Императора, где ты научился так разговаривать?

- Ты никогда не подвисал с твистами?

- Не так...

- Так что, я врѹбаюсь, ты не въезжаешь и в этот геноджек-пѹнг-бит?

- Прекрати, или я тебя пристрелю.

Гарлон Нейл ослабился и в притворной ярости заторгал всеми шестнадцатью глазами.

- Доглатывай, твист. Если это не фант

Мастик, я выколю себе глаза.

- О, позволь тост, - прошипел я и поднял
стакан. - Вскинь, опрокинь, и нальём ещё
по

одной!

Я скорчил гримасу, когда обжигающе
крепкое спиртное ошпарило мой пищевог,
а

затем взял с подноса проплывавшей мимо
нас девочки-динобраза ещё две порции.

Фант Мастик сигел со своими
приятелями

в боковой кабине. Потомок многих
поколений мутантов, проживших свой век
под радиоактивными осадками, он был
довольно тучной тварью с морщинистой
плотью и гипертрофированными
чертами

лица. Его шелушащиеся уши расходились

веером кожи, покрытой разбухшими
венами, а вместо носа отвисал хобот.
Пучок жидких

рыжих сальных волос прилип к выпуклым
надбровным дугам. Под нити чернели
глубоко посаженные глаза.

«Печальные глаза, - подумал я. -

Невероятно печальные».

Он пил из большой кружки, втягивая
алкоголь через обвисший нос. Его рот,
изуродованный бивнеподобными клыками,
для этого не годился. Рядом с Фантом
сидела

проститутка. У неё было столько рук,
что она

одновременно посасывала выпивку, курила
сигарету с обскурой, поправляла макияж и
под столом делала с Фантом что-то
такое, чем тот явно наслаждался.

Мы подошли к ним.

Телохранители Фанта тут же поднялись и

преградили нам путь. У первый, рогатый
громила, и второй, с единственным
гигантским глазом, прикрытым
сморщенным кожаным капюшоном, что-то
сжимали под одеждой.

- Как делишки, твисты? - проныхтел
рогатый гигант.

- Все путём. Да не рыпайся ты, нам
просто

надо побазарить с Фантом, - сказал Нейл.

- Не выйдет, - откликнулся большеглазый
приглушённым голосом. Бог-Император
знает, где у него находился рот.

- А мне сдаётся, его порадует тот
приработок, который ты предлагаем, - не
сдавался Нейл.

- Пропусти их, - через звуковой блок
произнёс Фант.

Вокс-имплант. Нечасто можно
встретить

твиста, у которого хватило денег на
такой

аппарат. Фант наверняка был азартным
игроком.

Телохранители отошли в сторону и
позволили нам пройти в кабинку. Мы
сели.

- Слушаю.

- Вот же я тебе скажу, твист, мы тут
ищем, где бы прикупить утника разряда
альфа.

Слыхали, у тебя есть один на поводке.

- Слыхали? Где?

- Вокруг да около, - ответил Нейл.

- Кхе-кхе. И кто ж вы такие?

- Просто два твиста, с которыми ты заключаешь сделку, - сказал я.

- Вот, значит, как?

Мы посидели некоторое время молча, пока Фант заказывал выпивку. Девочка теперь расчёсывала волосы и красила ресницы. Одна из её многочисленных рук легла под стол на моё колено.

Она подмигнула мне глазом, растущим на кончике её языка.

- Че у меня есть, так это не альфа. У меня альфа-плюс.

- Дык, потому ты к тебе и пришли, Фант! Именно! У цены нашей сделки нет верхнего предела!

- Чем платить будете?

Нейл бросил на стол один из слитков.

- Чистенькими, веселенькими и
желтенькими. У нас этого добра целые
ящики. Короче, хватит. Итак?.. Где?

- Мне надо переговорить с кой-какими
людьми.

- Лады.

- Где я смогу вас найти?

- «Сонный твист».

- Не засыпайте слишком крепко. Вдруг я
позвоню.

Ауденция закончилась. Мы отправились
за свой столик возле сцены и пропустили
ещё несколько рюмок, делая вид, что
наслаждается непристойным кривлянием
девушки со ртом на животе.

Притерно час спустя Фант со своей
свитой

вышел через боковую дверь.

- Пора уходить, - сказал я.

Мы прикончили оставшуюся в стаканах
выпивку и поднялись. Нейл дал
девочке-динобразу горстку монет и
шлёпнул

её по попке. Узлы на коже официантки
встали дыбом, но она улыбнулась.

Когда мы выходили, ни одна из голов
вышибалы не огарила нас даже
мимолётным
взглядом.

Завернув за угол унылого бара, я вручил
Нейлү один из двух тедных инжекторов, и
мы быстро ввели себе детоксиканты,
очищающие организм от алкоголя.

Несмотря на глубокую ночь, было не
слишком темно. Огромные дуги
метеоритных колец, опоясывающих
Уичан, сияли отражённым светом, словно

инкрустированные алмазами платиновые
браслеты.

Главная улица района трущоб

представляла собой изрытое колеями,
грязное болото. Между рядами тёмных,
покосившихся зданий лежали гниющие
гощатые мостки. Свет вывесок и
немногочисленных уличных фонарей
отражался в лужах.

К западу от трущоб на фоне звёзд

поднимались склоны главного улья,
напоминающего тёмную гору мусора,
причудливо расцвеченную миллионом

крошечных лампочек. На востоке
выднелись

скопления неопрятных фабричных зданий
и

опреснителей, выбрасывающих в
атмосферу

столбы коричневого пара и жёлтых

хитикатов, разносимых ветром.

На юге, среди зелёных полей и равнин, покрытых густой вязкой порослью, можно было различить огни уборочных машин.

Многотонные грузовики размером с небольшое межзвёздное судно пожирали зеленые массивы жатвенными приспособлениями, напоминающими жвала гигантских насекомых.

Растительность вываривалась в огромных

внутренних чанах. Жидкость подавалась в трубы, расположенные на крышах механизмов. Огромные растрёбы, похожие на выступы позвоночника, изрыгали влажное сырьё и пульверизированный сок высоко в атмосферу, где тот собирался в грязно-зеленые облака, а затем оседал

клейкими и густыми, словно сироп,
дождями. От выпадающих осадков все в
трещинах твистов становилось липким.
Из

водостоков скорее не текла, а сползала и,
растягиваясь, падала вязкая масса.
Поэтому

стояло зловоние гниющей
растительности и
разжижённой клетчатки.

- Думаешь, он клюнул на приманку? -
спросил я.

Нейл кивнул:

- Ты сам видел, что он заинтересовался
нашим предложением. Золото - редкость
на

Уичане. У него даже глаза загорелись,
когда

я показал ему слиток.

- Тем не менее он захочет проверить нас.

- Конечно. Ведь он бизнесмен.

Мы шагали по улице, закутавшись от липкого дождя в плащи и нагвинув капюшоны. По пути нам попадались и другие

мутанты, одетые в грязные лохмотья. Огни

волочились куда-то по непролазной грязи, другие собирались под медными навесами, третьи вместе курили обскурю через кальян, укрывшись от дождя в тёмных подворотнях.

Завыли сирены. Нейл втянул меня в узкий переулок, заканчивающийся тупиком. Мимо

прополз чёрный бронированный

«лэндспидер» с зарешеченными фарами. Я увидел на его борту герб арбитров главного

улья. Высунувшись из верхнего люка, облачённый в броню офицер направлял

прожектор.

Яркий луч скользнул по нам и пополз дальше. Снова прозвучала сирена, и мы слышали усиленный громкоговорителем требовательный голос:

- Эй, вы пятеро, приказываю выйти и предъявить документы. Немедленно! Постанывая и ворча, группа твистов вышла на освещённую прожектором улицу. Офицеры вылезли из машины, чтобы обыскать их и проверить по информационной базе их генные отпечатки.

Нам вовсе не хотелось нарываться на патруль арбитров. Особенно если мы собирались оставаться анонимными мутантами. Моё удостоверение избавило бы

нас от волокиты со стражами порядка, но это

могло спугнуть Лико.

Я настоял на полной секретности операции. Официально никто не знал, что мы прибыли сюда. Эмос провёл тайную проверку, но не смог найти и следа Лико. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Кроме того, мы не знали, скольких чиновников он попросил предупредить его о любом появлении инквизиторов.

Мы с Нейлом направились на запад по лабиринту переулков и крытых улочек, пробираясь к «Сонному твисту» окольными путями, обходя крупные улицы и патрули арбитров.

И, как оказалось, именно там нас ждали неприятности.

Нат презрадил пүть плосколобий

коротышка. Он раскинул свои руки так, словно собирался склониться в реверансе.

- Твисты, милые твисты, братаны, погадайте

пару империалов бедному вырожденцу, чья удача, словно солнце, закатилась за горизонт.

- Не сегодня, твист. Отвали в сторонку, - начал Нейл.

А я уже напрягся. Откуда этому паршивому выродку было знать, что у нас итеются монеты Империята, если он не видел нас в баре и не следовал за нами специально?

Выйдя из трака липкого дождя, его сообщники приближались к нам сзади.

Я всагил в сознание Нейла псионическое

сообщение «Ложись!» и упал сам.

В воздухе просвистело нечто, утыканное шипами.

Коротышка изверг череду самых похабных ругательств из всех, какие я когда-либо слышал, и бросился на меня, занеся для удара обоюдоострый кинжал.

Я перехватил его запястье, сломал руку в локте и пинком швырнул вопящего от боли

карлика в ближайший забор.

- Шеф! Пригнись!

Услышав крик Нейла, я резко отпрыгнул в грязь. Утыканное шипами тяжёлое оружие

снова пронеслось мимо и рухнуло в уличную жижу.

Это была толстая деревянная дубина,

усеянная звоздями и обломками лезвий.

Орудовало ею двухсоткилограммовое

чудище с огромными лапами и телом,
покрытым поблёскивающей рыбьей чешуёй

и костяными наростами. Из одежды на
нём

имелись только изогранные синие брюки
да

нелепые красные подтяжки.

Тварь вновь обрушила на меня шипастую

дубину, и мне пришлось кувырнуться
через

плечо, чтобы уйти от удара.

Нейл сцепился с двумя другими

бандитами. На него набросилась одетая в

чёрную кожу женщина. Её рот и

хоботоподобный нос соединялись в единый

жуткий слюнявый, хрипящий орган. Ей

помогал высокий худощавый мужчина со

странно деформированными костями и хрящами черепа.

Женщина в каждой руке сжимала по острому серпу, а высокий мужчина был вооружён булавой, сделанной из куска арматуры и лезвий двух пил.

Выватив короткий меч с зазубренным лезвием и дуэльный кинжал, Нейл ловко парировал выпады обоих противников.

Энергетический меч, болтер, лазерная винтовка - с их помощью мы быстро завершили бы столь ненужное нам столкновение. Но такое

высокотехнологичное оружие в тупцовых инстинктах слишком бросалось в глаза.

Лазерная винтовка, возможно, и помогла бы быстро покончить с этим делом, но потом

поползли бы слухи.

Чешуйчатый гигант снова бросился на меня, и, пытаясь уклониться от удара, я проломил прогнившую фанерную ограду и оказался на заднем дворе омерзительного коммунального барака. В верхнем окне зажёгся свет, в мою сторону полетели проклятья, камни и содержимое ночного горшка.

Гигант наступал, размахивая из стороны в

сторону своей палицей. Гвозди и лезвия покрывала корка застывшей крови.

Он загнал меня к дальней стене барака и затахнул.

- Нет! - скотандовал я, применив Волю.

Монстр замер как вкопанный.

Остановился также и поток брани с

верхнего

этажа.

Чтобы прийти в себя и снова собраться с силами, гиганту требовалось какое-то время.

Я шагнул вперёд и нанёс короткий удар туда, где должен был находиться его нос. Раздался

треск, хлынула кровь.

Кости сломанного носа врезались в его мозг, и гигант грузно повалился на спину.

Нейл, казалось, наслаждался неравным поединком. Он глумился над напавшими, отклоняя серпы мечом и блокируя кинжалом

настойчивые выпады металлической булавы.

Я увидел, как он отбросил тужчину, с разворота ударив его ногой в живот. Затем

Нейл полностью сосредоточился на атаках

жутко фыркающей женщины.

Но из темноты стали появляться новые фигуры.

Уродливое, отвергшее все человеческое отродье. Трое или четверо одетых в лохмотья твистов.

Я закричал Нейлу, чтобы тот был начеку, и

выхватил пороховой пистолет. Этот грозоздкий антиквариат я приобрёл на чёрном рынке. Но даже его пришлось низводить до уровня Уичана, заменив резные щёчки рукоятки на куски полированного дерева.

Впрочем, кремниевый затвор был в хорошем состоянии. Пистолет громко

равкнул. В воздухе зашипело и вспыхнуло. Моё запястье чуть не вывихнуло отдачи. Круглая пуля вошла точно в центр лба ближайшего твиста и разнесла заднюю стенку его черепа кровавым фонтаном. Но из этого оружия я мог сделать только один выстрел, на перезарядку времени не было.

Двое разбойников бросились на меня, а ещё один развернулся, заходя к Нейлу со спины.

Первому я выбил зубы закруглённой рукояткой пистолета и кувырком ушёл от

неумелого выпада второго, атаковавшего меня с рапирой в руках.

Пятясь, я выхватил свою рапиру. Она оказалась на добрый десяток сантиметров

короче, чем у противника, но была хорошо сбалансирована. Кроме того, моё запястье защищала гарда из сети металлических прутьев.

Мы скрестили клинки. Бангит действовал

умело и весьма уверенно. Вероятно, он приобрёл свои навыки в многочисленных драках на улицах трущоб. Но на моей стороне... на моей стороне был я.

Я дезориентировал его ульсаром и уйн

ульсаром, заставил отступить комбинацией

из четырех выпадов пел ихан и уйн пел

изнар, а затем выбил оружие из его пальцев

стремительным тагн азаф вайл.

Затем последовал эул цаер, и мой клинок пронзил грудь нападавшего. Он бросил на

меня последний удивлённый взгляд, и через секунду его мёртвое тело сползло с моей рапиры.

Бандит, которому я разбил лицо рукояткой пистолета, устремился ко мне, и, развернувшись, я разрубил его одним ударом

рапиры. Картайцы считают, что боковыми

ударами пользуются только лентяи, и сосредоточиваются на работе остриём.

Но какая, к черту, разница.

Нейл прикончил третьего бандита ударом

в корпус, затем спокойно отвёл оба серпа женщины кинжалом и проткнул её мечом.

Он отсалютовал окровавленным клинком.

Я ответил ему своей рапирой.

В конце переулка завыли сирены

арбитров.

- Пора уходить, - сказал я.

- Я уже решила, что вас убили, -

обрушилась на нас Биквин, когда мы
влетели

в номер «Сонного твиста».

- Мы немного повеселились по пути, -

ответил Нейл. - Не беспокойся, Лизи, я

доставил шефа в целости и сохранности.

Я улыбнулся и налил себе небольшую

порцию атасека. Биквин терпеть не
могла, когда её называли «Лизи». И только
у Нейла

хватало на это смелости.

Этос напряжённо смотрел в окно.

Почему-то тряпки, маскирующие его под

твиста, хорошо сидели на его фигуре.

- Очень странно, сюда едут арбитры.

- Что?

Нейл тоже подошёл к окну:

- Эмос прав. Подъехало три машины.

Офицеры заходят внутрь.

- Всем немедленно укрыться! - приказал я.

Эмос поспешил в смежный номер и

ничком бросился на кровать. Нейл скрылся в

ванной и с помощью кружки и громких стонов стал изображать, что его рвёт.

Елизавета в отчаянии посмотрела на меня.

- В кровать! Быстро! - приказал я.
Арбитры

распахнули дверь и стали водить фонарями

по комнате.

- Арбитры! Есть здесь кто?

- Что происходит? - спросил я, откидывая покрывало.

- На улице была перестрелка... Свидетели говорят, что преступники скрылись здесь.

произнёс сержант арбитров, направляясь к кровати.

- Но я... не выходил всю ночь. Я и мои грузья.

- Они могут подтвердить это, правда? - спросил сержант, поднимая оружие.

- Что творится? Слишком светло! - Биквин

высунулась из-под грязного покрывала.

Каким-то образом ей удалось стащить с себя

платье. Сверкая нижним бельём, она обняла

меня. - Какого черта? Мешаете девушке словить кайф! Постыдились бы!

Сержант скользнул лучом фонаря по её

полубожаённому телу.

- Извините, что помешали, мисс.

Арбитр выключил фонарь, и стражи
порядка удалились, закрыв за собой дверь.
Я

взглянул на Биквин:

- Хорошая импровизация.

Она прыгнула на пол и сгребла свою
одежду.

- Только без глупых мыслей, Грегор!

Если честно, глупые мысли о ней
преследовали меня в течение многих лет.

Она была прекрасна и невероятно
сексуальна. Но кроме того, она была
неприкасаемой. Находясь рядом с ней, я
испытывал боль - физическую боль.

Это меня просто бесит. Я испытываю к
Биквин серьёзные чувства, и мы уже давно

вместе, но теждү нати ничего не
происходит. И никогда не произойдет.

Это одна из самых великих печалей в
моей

жизни.

И, я надеюсь, в её жизни тоже. По крайней
мере, я так думаю во время приступов
самовозвеличивания.

Лёжа в кровати и глядя, как она снова
натягивает платье, я ощутил прилив
страсти.

Но мои мечты не дано было
осуществиться. Нигде и никогда.

Она была неприкасаемой, а я - псайкером.

На этом пути лежали только боль и
безумие.

Глава десятая

РАЗЫШЛЕНИЯ О ЛИКО

ВЫЖИТКИ

САМАЯ ВЫСОКАЯ СТАВКА

На рассвете над городком твистов
прогретела соковая гроза. Небо заволокло
клубами испарений, на черепицу и ставни
обрушился град тяжёлых капель липкого
ливня. Слышались раскаты грома. Затем
поселение окутала завеса тумана. В
неподвижном таревае что-то булькало и
капало, мошкара, питающаяся соком,
суетливо толкалась в густом воздухе,
жужжали
дождевые жуки.

Нейл и Эмос отправились за завтраком. У
ближайшей лавки уже образовалась
очередь
из фабричных рабочих, собиравшихся на
стену. К тому времени, как Нейл и Эмос
вернулись с бутажными пакетами в руках,

к

нам уже присоединились Уншабель и
Гүстаан, переночевавшие в общей комнате
в

конце коридора. Они проспали всю ночную
перебранку с арбитрами и ничего не
слышали.

Мне ещё только предстояло формально
известить Орген о том, что Уншабель
присоединился к моей команде, но он уже
стал важной её частью. Я решил, что он
имеет полное право включиться в эту
миссию - ради памяти Робана и ввиду
собственных заслуг. Он лично и
бескорыстно

предоставил мне сведения об Эзархагдоне.

Мало кто в моей команде относился к
нему

соответственно его чину - пройдёт

немало

времени, прежде чем кому-нибудь удастся
занять место дознавателя Рейвенора, - но
Уншабель быстро включился в дело,
покорив

всех своим ярким интеллектом и
здоровым

остроумием. Он уже успел принести мне
больше пользы, чем когда-либо удавалось
Алану фон Бейгу.

Нейл впервые встретился с Дужем
Густааном, когда тот был охотником за
шкурками в своём родном мире Виндховере.
Это случилось ещё до того, как Гарлон
присоединился к моему отряду. Я
завербовал

Густаана по его рекомендации за восемь
лет

до описываемых событий. Он оказался

находчивым, хоть и суровым воином с отличными навыками следопыта. Нейл лично выбрал Дужа из моей свиты, рассчитывая на его физические данные, и у меня не было повода возражать.

Гүстаан был стройным мужчиной среднего роста с тёмно-красной кожей, белыми, выгоревшими волосами и козлиной бородкой. Здесь, на Уичане, как и все мы, он сменил свою одежду на грязный рваный балахон твистов. Бывший охотник не обратил никакого внимания на связку одноразовых деревянных вилок, принесённых Эмосом из лавки, и принялся доставать из пакета горячую еду пальцами.

Я лениво ковырялся в своей порции,

раздумывая над тем, как близко ты

подобрались к Лико.

Лико оказался глупцом. Ему все могло бы сойти с рук, если бы он не зажёргался, когда

вскрылась кошмарная правда о том, что на

лужайке дворца Ланж сожгли не

Эзархадгона. Он мог заявить, что это только

ошибка и погибший был ещё одним из участников заговора еретиков-псайкеров.

Лико бежал. Не знаю, от страха или действуя по какому-то плану, но своим побегом он сам доказал свою вину.

Я отправился в его резиденцию,

арендованную им в Улье Десять, сразу же, как только Уншабель предупредил меня об обмане. Но Лико уже удрал, забрав с собой

своих людей. Его обиталище оказалось
пустым и выглядело заброшенным. В
комнатах осталось только несколько
кучек
мусора.

Я приказал своим людям выследить его.
Это мероприятие требовало доступа к
информационным базам планеты, что
было
нелёгкой задачей, учитывая недавние
беспорядки. Тогда я решил отправиться за-
ним лично, не уведомляя Инквизицию. Мой
поступок может показаться странным,
почти
опротечивым. В некотором смысле так
оно
и есть. Но инквизитор Лико обладал
хорошей
репутацией, не раз удостоивался высоких

наград, у него было много грузей. Скорее всего, сообщу я Оргосу о намерении начать охоту за Лико на том лишь основании, что он

укрывает известного вражеского псайкера, его бы либо предупредили, либо его грузья устроили бы мне неприятности.

А в список его грузей, без всяких сомнений, входили Хелган и Коммогус Вок -

доблестные инквизиторы, захватившие на Дольсене тридцать трех псайкеров. Теперь

слава об этом «героическом» деянии казалась

мне пустым звуком. А как я был потрясён, когда лорд Поркен показал мне отчёт.

«Захват» мог пройти довольно легко или даже оказаться заранее спланированным, если Лико заключил тайную сделку с

Эзархаддоном. Возможно, все это было
лишь

частью сложного заговора, нацеленного на
совершение ужасного злодеяния в Улье
Приларис.

Я терзался мрачными предположениями и
не мог найти ответа. Даже сейчас мне не
удалось бы доказать, что Лико поддался
ереси, хотя я и был в этом уверен. Он мог
оказаться невольным заложником
событий, произошедших на Дольсене или во
дворце

Ланж. Возможно, его внезапный отъезд с
Трациана - только совпадение, которое я
неправильно истолковал. Инквизиторам
часто приходится ездить тайно, не
уведомляя руководство.

Кроме того, обнаружив свою ошибку, он
мог попытаться её исправить,

незамедлительно бросившись в погоню по
какому-то следу. Или просто пытался
бежать

от позора... или...

Так много возможностей. Мне пришлось
выбирать наиболее безопасный вариант
действий. Я был уверен, что Лико виновен
в

большей или меньшей степени. За ним
стоило отправиться хотя бы потому, что
он

искал встречи с Эзархаддоном, а значит,
непреренно выведет меня на его след.

Я не мог доложить об этом Инквизиции
или поговорить с Воком и Хелданом. Я
ни в

чём не был уверен, даже в том, что оба

недавних «героя» не являются
участниками

заговора.

Ряд почти незаметных наводок позволил мне сесть ему на хвост. Я избавляю вас от основной массы подробностей, поскольку это был бы просто рассказ о кропотливой рутине, которая зачастую составляет большую часть работы инквизитора.

Достаточно упомянуть о том, что мы перелопатили журналы вокс-передач и архивы трансляции местных и планетарных

астронавтических гильдий. Мы отслеживали

сообщения с кораблей, исследовали

орбитальный трафик, списки отъезжающих, грузовые накладные. Я послал своих людей в

злачные места, чтобы они неофициально разузнали, где околачиваются торговцы. Мы

просили об услугах грузей наших грузей, знакомых наших знакомых и даже одного из

очень старых неприятелей. Я нанимал шпионов и ищеек, проследил каждый из запахов, какие только смог обнаружить в апартаментах Лико. Запрограммировав феромонные коды в поисковые дроны, я отправил их в костопорты и на орбитальные станции.

В моем штате состояло более сотни человек, многие были профессиональными охотниками, учёными или следователями, и, клянусь, от обилия поступающих сведений

наши мозги чуть не расплавились.

И все было бы тщетно, если бы не Эмос.

Мой старый учёный принял это как личный

вызов. Без усталости и отдыха он анализировал

всю новую информацию и каждый час проводил по тысяче проверок и сравнений, решая задачи, на которые у меня ушёл бы не

один день.

И казалось, черт поberi его старые кости, что он наслаждается этим.

Ниточки появлялись одна за другой. Груз, размещённый в долгосрочное хранение на складе Ульа Восель и оплаченный чеком на

уля одного из известных грузей Лико.

Двухсекундный феромонный след в зале

отправления торгового порта на побережье

удалённого Ульа Бэма. Нечёткое

изображение, зафиксированное

пикт-камерой на улице Ульа Примарис.

Обнаруженное в списках транспортных компаний имя пассажира, который, прежде чем покинуть планету, совершил чрезмерное

количество перелётов между космопортами, словно пытаясь сбить кого-то со следа.

Потом стали поступать более конкретные

данные: беглый таможенный осмотр грузовой баржи, обнаруживший на борту оборудование, подавляющее псионическое воздействие и предназначенное для отправки с планеты. Ряд неуклюже замаскированных и, возможно, розданных в спешке взяток, чтобы набрать грузчиков в космопортовом порту Примариса. Каперское судно «Принцесса Амальгата», простоявшее на высокой орбите на день больше, чем

было

указано в регистрационном разрешении, а затем внезапно изменившее запланированный маршрут.

Вместо долгого рейса к Рифу Урзориги он

полетел в прямо противоположную сторону

и, минуя мир Фронта, направился к фабрикам твистов на Уичан.

В дверь номера постучали. Я приказал всем, кроме Нейла, отправляться в соседнюю

комнату. Биквин и Уншабелюхватило здравомыслия унести с собой все пакеты с едой, кроме двух. Я подошёл к окну, а Нейл опустился на стул, небрежно свесив руку за

спинку так, чтобы со стороны двери не

был

виден автоматический пистолет,
зажатый в
его ладони.

Проверив нашу маскировку под твистов, я
произнёс:

- *Boйgите.*

Дверь открылась. В номер вошла
вчерашняя официантка из бара. Откинув
токрый от дождя капюшон, она
пристально
оглядела нас с Нейлом.

- Что-то вы не спешили, твисты, -
произнесла девушка-гикобраз.

- У тебя что-нибудь есть для нас,
сладкогенная, или просто пришла
проведать

отличного парня, которого упустила
вчера

вечером? - с похотливой улыбкой

осведомился Нейл.

Она нахмурилась, и на её голове

угрожающе вздыбился ряд изл.

- У меня для вас послание. Вы знаете, от
кого.

- Фант?

- Это не моё дело, мерзкогенный. Я только
передаю сообщение.

- Ну так передавай.

Она сунула руку под плащ и извлекла на

свет старый разбитый навигатор
слежения, какие использовались, наверное,
лет пятьсот

назад. Девушка включила прибор ровно на

столько, чтобы мы смогли увидеть на
экране

мигающую зеленую точку, а потом
нажала на

монетку и с грохотом бросила навигатор на обшарпанную стол.

- Там будет аукцион. Победит тот, кто назовет наибольшую сумму, так что он сказал тащить кучу желтого. Кучу.

- Где? Когда?

- Сегодня во вторую смену, на вышках.
Эта штука вам покажет.

- Это все? - спросил я.

- Все, что мне известно. Я только доставляю сообщения. - Она оглянулась на дверь. - Но я еще могу вам пригодиться.

Я достал монету Императора.

- Этим берешь?

При виде денег ее глаза загорелись.

- Я беру что угодно.

Я бросил ей монетку, и она поймала ее в воздухе.

- Благодарю.

Выходя, девушка обернулась и взглянула на нас так, словно моя щедрость изменила её

мнение о двух твистах.

- Не верьте ему, - посоветовала она и затворила за собой дверь.

Выжилками местные обитатели называли

полосы на фабричных полях, заваленные отходами, оставшимися после уборочных машин. Груды пережёванной растительности, которая начинала восстанавливаться уже несколько дней спустя, - уж такой была скорость роста и живучесть флоры Цичан. Главный улей постоянно окружало несколько тысяч квадратных километров выжиток.

По указанию навигатора мы направлялись на юг, продвигаясь все дальше по свежескошенным областям.

Полдень. Именно это она и подрагивала, когда говорила про вторую стену. Вторая рабочая стена в течение дня.

Чтобы добраться до места, мы вышли за два часа до назначенного времени.

Отрывочные сведения о Лико никак не хотели складываться в единую картину.

Нейлү не составило труда выяснить, что именно Фант Мастик является местным работником, специализирующимся на «мозговиках». Но почему Лико воспользовался его услугами? Зачем вообще ему продавать Эзархадгона?

Этос предположил, что продажа могла
быть заключительным этапом сделки,
после

того как Эзархаддон выполнил свою часть
договора. Это означало, что все
заправлял

Лико. Я в этом сомневался. И если он
просто

должен был отпустить еретика, после
того

как тот закончит свою работу, то зачем
решил продать его? И тем более зачем
проделывать такой путь? Уншабель
высказал

догадку, что Лико стремится избавиться
от

неуправляемого псайкера, потому что
боится

его.

У меня родилась собственная теория. Лико

доставил Эзархагдона на Уичан с какой-то

другой целью, и инсценировка продажи «мозговика» через Фанта была только приманкой, чтобы вывести на чистую воду

возможных преследователей.

Как оказалось, я был прав. Это меня не удивило. Именно так поступил бы я сам.

Выжимки представляли собой вонючую помойку. После вчерашнего ливня горизонт затянуло липким туманом, но, насколько хватало глаз, почва была изрыта, завалена

грудями срубленной поросли,

измочаленного растительного волокна, вывернутых корневищ и спрессованных пластов земли. Огромные гусеницы уборочных машин оставили широкие

траншеи метровой глубины, на дне
которых

растительный материал вперемешку с
почвой образовал застывшую массу,
напоминающую холодец.

Во влажном от сока воздухе копошились
мошкара и дождевые жуки. Они сновали
туда-сюда, то и дело пытаясь забраться
нам
под одежду.

Мы продолжали изображать твистов, но
все же облачились в броню и вооружились
по

полной программе, потому что не
собирались соваться в предполагаемую
западня с пороховым пистолетом и
острой

железкой. Я надел бронежилет и взял с
собой

энергетический меч и болт-пистолет.

Остальные тоже последовали моему
примеру. Если нас попытаются
атаковать, сохранность маскировки будет
волновать нас
меньше всего.

Пройдя десять километров на юг через
клубящийся густой туман, мы услышали
пахтение уборочных механизмов. Через
каждые несколько метров мы натывались
на
кровавые лужи или комки шерсти -
останки
грызунов, попавших под ножи фабричных
машин.

- Кто бы мог подумать, - произнёс
Уншабель, останавливаясь, чтобы
вытереть
липкий пот со своего лица, - что дикие
животные все ещё суются к

фермо-фабрикат. Могли бы уж научиться держаться в стороне.

- Некоторые твари не способны учиться, - пробормотал Гүстаан. - Некоторые твари всегда будут возвращаться к истокам.

- Он говорит о еде. Он всегда говорит о еде, - весело прошептал Нейл. - У Дүжа все к ней сводится.

- Согласно заводской статистике, - начал Эмос, - в каждом полукре площади ферм обитает четыре миллиарда полевых крыс.

Они толпами бегут перед уборочными машинами. Как мы видели, один крысиный трүн приходится на каждые двадцать два метра поля, из чего можно сделать вывод, что только две сотых процента животных

попадает под ножи. А это означает, что подавляющее их большинство уцелело. Они

куда умнее, чем вам кажется.

Этот замолчал. Все остановились и уставились на него.

- Что? - спросил он. - Что? Я только говорил...

- Этот старикан больше думает о математике и статистике, чем я о бабах, -

устехнулся Нейл, когда мы снова пошли вперёд.

- Уж и не знаю, кого из вас мне жаль больше, - отозвалась Биквин.

Густаан взглянул на экран навигатора и потряс устройство. Потом несколько раз с силой ударил по корпусу.

Мы програлись через измученную

зелень и подошли к охотнику.

- Проблемы? - спросил я.

- Проклятая штука... слишком старая.

- Позволь мне посмотреть.

Густаан протянул мне устройство. Что ж, это действительно был простой металлолом.

Его работу поддерживали только регулярные

удары и почти севшая батарейка.

Хороший

ход, подумал я, отмечая про себя

аккуратность Лико. Разваливающийся

навигатор смотрелся вполне правдоподобно.

Современная модель, снабжённая новыми

аккумуляторами, выглядела бы как

письменное приглашение: «Уважаемые

преследователи, пожалуйста, придите
сюда и
утрите...»

Я снова потряс устройство и наконец
добился чёткого изображения.
Изображения

маршрута, ведущего нас к гибели.

- Нам туда, - сказал я.

Приближался полдень. Солнце стояло
высоко, но туманы из сока ещё не
рассеялись. Мы купались в жёлтом
теплом

свете. Согласно показаниям прибора, мы
находились примерно в километре от
места

проведения аукциона.

- Они ждут меня и Нейла, поэтому с нами
пойдёт только Биквин. - Мне хотелось,
чтобы

со мной была неприкасаемая. - Унишабель,
вы

с Эмосом прикроете нас с востока.
Гүстаан, ты зайдёшь с запада. На глаза не
показывайтесь. Не приближайтесь, если не
услышите прямого приказа по воксу. Ясно?

Все трое кивнули.

- Если что-нибудь обнаружите,
воспользуйтесь глоссией и говорите
кратко.

Приступаем.

Натан Унишабель взвёл лазерный карабин
и вместе с Эмосом двинулся налево по дну
огромной колеи, оставляя глубокие следы в
скользком месиве. Длинная лазерная
винтовка Гүстаана, обёрнутая в кусок
ткани, давно была снаряжена. Он утчался
направо, быстро скрывшись в тумане.

- Пойдём и мы, - обернулся я к

помощникам.

- Только после вас, - устехнулся Нейл.

Я передал по воксу последнюю команду на глоссии, и мы потащились вперёд по зарослям выжиток.

За несколько сотен метров до назначенного места мы почувствовали запах

горелой травы. Люди Фанта с помощью огнемётов расчистили широкую площадку среди гниющего болота. Сквозь плотный туман я сумел различить несколько грузовиков-внедорожников, машин на воздушной подушке и «лэндспидеров», припаркованных на почерневшей поляне.

Вокруг суетились люди.

- Что видишь? - спросил я Нейла. Он повёл вокруг своими магнокулярами:

- Фант... и его приятели твисты. Там
околачиваются рогатый парень и тот,
большезлазый. Периметр прикрывает ещё
дюжина молодчиков, и некоторые, видя мо-
лодчаников, полагают, что спрятались. Ну и
предполагаемые покупатели. Я
насчитал...

трех... нет, четырех из разных ульев, с
телохранителями. Всего шестнадцать.
Я поправил капюшон.

- Двигается дальше.

- Площадку окружает сигнальная нить.

- Мы заденем её. В конце концов, для того
она и поставлена.

Сигнальная нить представляла собой низко натянутую между вывороченными корневищами стальную проволоку. С интервалом примерно в метр к ней были аккуратно прикручены высушенные гроздовые жёлуди, своеобразные маленькие густые колокольчики. Они забренчали, когда

мы преднамеренно дёрнули провод.

Через мгновение из-за горы скошенной поросли выскочили облачённые в лохмотья твиисты-боевики и направили на нас донотонные ружья и кинжалы.

- Мы на аукцион, - сказал я, поднимая повыше навигатор Фанта. - Приглашены.

- Улена? - прокаркала слюнявая

лягушкоголовая тварь, вооружённая древним

арбалетом.

- Большеглаз извне. У его твисты.

Лягушкоголовый тахнул в сторону

площадки.

Остальные уже собрались перед низким

полостом, на котором стоял Фант
Мастик.

- Большеглаз! Твист с другой планеты, и с

ним ещё двое, - объявил слюнявый

охранник.

Фант кивнул своей тяжёлой, клыкастой

головой, и охранники отошли в сторону.

- Рад, что вы добрались.

- Ты Фант. Ты видный твист. Но... Я

слышал только своё имя, но не знаю

остальных.

- Тогда давайте представится и начнёт

торги.

фант посмотрел на собравшихся. Емү
согласно кивнула обительница верхних
уровней главного улья, потрясая
красивая

женщина, одетая в дорогой костюм,
плотно

облегающий её великолепную фигуру.

- Фровис Вассик, - ответила она с

помощью грона-переводчика, парящего над
её плечом.

Она явно говорила на каком-то диалекте,
выработанном высшей кастой. Я быстро

оглядел её и двух телохранителей: глупые

богачи, потенциальные культисты,
хорошо

вооружённые и щеголявшие всевозможной

военной атрибуцией, какую только можно
приобрести за деньги.

- Мердок, - сказал следующий покупатель.

Хилый, одетый в белое, пожилой мужчина
опирался на трость и вытирал с бровей
пот

япаназаровым кружевным платком,
стоившим больше, чем мог заработать
фант.

С Мердоком было четверо
телохранительниц-схваток в
прорезиненных

гладиаторских костюмах. На шее каждой
висел электронный ошейник.

- Тансельман Файбс. - Мужчина с
красивым, почти женственным лицом,
стоявший слева от Мердока, шагнул
вперёд и

учтиво поклонился. Он был одет в
ярко-оранжевый охлаждающий костюм, с
чётко очерченными вентиляторными
выходами, вырастающими над плечами.
Его

дыхание вилось паром в завесе холодного воздуха, создаваемого костюмом.

Мужчина пришёл один. Это говорило о том, что он куда более опасен, чем все вместе отсталые обитатели ульев, притащившие с собой боевиков.

- Можете называть меня Эротик, -

произнесла последняя покупательница, старая карга со стервозным лицом, с трудом

втиснувшая своё ветхое тело в облегающий, утыканный шипами чёрный комбинезон.

Облачение выдавало её принадлежность к культуре смерти.

Ули попытку казаться агентом культа смерти, подумал я. С ней было пять

взмокших от липкой жары рабов в масках и

ремнях. Я сразу заметил, что они

чувствуют

себя не в своей тарелке. Они играли в культ

смерти на верхних уровнях главного улья, возможно даже, нанося себе увечья и вреда от времени балуясь кровью. Максимум, в чём

они приближались к настоящему культу смерти, был просмотр размытых, поддельных видеозаписей убийств.

- Всем привет. Я Большеглаз. Из другого мира и такой твист, что дальше некуда. Я поклонился. Файбс и Вассик ответили тем же. Мердок вытер брови, а Эротик настолько неуклюже изобразила знак Истинной Смерти, что Нейл чуть не растялся вслух.

- Мы не могли бы приступить к делу, грузище фант? - спросил Мердок,

вытирая

платком ручки пота. - Уже полдень, и становится чертовски жарко.

- А мне ещё предстоит несколько убийств и распятие крови! - прокричала Эротик.

Её пухлые телохранители заохали и заахали, поправляя свои многочисленные ремни.

- Милостивый Боже-Император... да же сыграть как следует не могут... - прошептала

Биквин.

- Редкостные идиоты... - так же шёпотом ответил я.

Люди фаната с помощью силовых глубинок и нейрокнотов выгнали объект продажи из кузова грузовика и провели его на помост.

Товаром оказался стройный человек в

стирительной рубашке и тугих нутах, с тяжёлым блокиратором ментальных волн, охватывающим его голову.

- Качество альфа-плюс. Единственный экземпляр. Ваши ставки?

- Десять кусков! - тут же завопила Эротик.

- Двадцать, - произнесла Вассик.

- Двадцать пять! - выкрикнул Мердок.

Файбс прокашлялся. При этом из его рта вылетело облачко пара.

- Я думаю, сказанное характеризует уровень собравшихся. Мне крайне неприятно, что приходится иметь дело с простыми работягами. Миллион.

У Эротик и её телохранителей перехватило дыхание.

Мердок поблел.

Вассик окинула Файбса быстрым

взглядом:

- Ага. Ну хоть кто-то видит настоящую цену товара. Отлично. Тогда можем начать

делать серьёзные ставки. - Вассик

прочистила горло, и дрон покорно

воспроизвёл её кашель. - Миллион гвести,

сказала она.

- Миллион триста! - отчаянно закричала Эротик.

- Полтора, - сказал Мердок. - Это моё последнее предложение. Я и понятия не имел, что здесь соберутся столь нуждающиеся в нём... или настолько богатые.

- Два, - произнёс дрон, парящий над

плечом Вассик.

- Три, - сказал Файбс.

Мердок покачал головой. Эротик пошла к краю площадки, громко жалуюсь суетящимся

вокруг неё пухлым сексуальным изгрудкам.

- Три с половиной, - не унималась Вассик.

- Четыре, - ответил Файбс.

- Чувствуешь что-нибудь? - прошептал я

Биквин.

- Ни малейшего толчка. Но ведь

блокиратор делает своё дело.

- Значит, это может быть Эзархаддон?

- Да. Я не вполне уверена. Но это может быть он.

- Нейл?

Гарлон посмотрел на меня:

- Ничего. Телохранители Фанта начали

нервничать, потому что старая ведьма и
её

жуткие прихвостни пытаются свалить
до

окончания аукциона. Пожалуй, все...

- Пять и пять, - прохрипел

грон-переводчик.

- Шесть, - сказал Файбс.

Мердок со своими людьми ретировался к

краю площадки и теперь успокаивался,
затягиваясь обскурой из дорожного кальяна,
который держала одна из

рабынь-гладиаторов. Эротик и её
толстые

любовники пререкались с рогатым и

несколькими другими твистами на

противоположной стороне выжженной
поляны.

- Восемь и пять! - объявила Вассик.

- Девять! - парировал Файбс.

- Пятьдесят! - спокойно сказал я, швыряя золотые слитки в грязь.

Последовала пауза. Долгая нервная пауза.

- Принято пятьдесят. Фант оглядел нас всех.

Мердок и Эротик вместе со своими людьми онемели от изумления. Устерично

взвизгнув, Вассик отвернулась, и телохранителям пришлось успокаивать хозяйку, когда её захлестнул припадок ярости.

Файбс не отрываясь смотрел на меня.

Облачка его дыхания стали заметно меньше

и реже вырывались изо рта.

- Пятьдесят? - переспросил он.

- Пятьдесят, можешь пересчитать. Слабо перебить?

- А что если нет, Большеглаз? И пожалуйста, завязывай с этим идиотским «твистским базаром». Мне это действует на нервы.

Подойдя ко мне, Файбс поднял руку и стянул с головы искусственную маску.

Отделившаяся от лица плоть тут же таяла, словно паутинка. Я узнал пронзительный взгляд этих пустых глаз.

- Ох, Грегор. Тебе очень нравится устраивать спектакль из своего появления, да? - спросил Черубаэль.

Глава одиннадцатая

лицом к лицу

ЛИШНИЕ СВИДЕТЕЛИ

СМЕРТЬ НА КОНВЕЙЕРЕ

Вот уж кого я не ожидал увидеть на
Уичане, хотя он и заполнял мои мысли и
ночные кошмары уже почти сотню лет.

- Давно не виделись, а, Грегор? - мягко,
почти сердечно произнёс демонхост. - Я
часто с нежностью вспоминаю нашу
встречу.

Ты переиграл меня на 56-Узар... Должен
признаться, какое-то время я был весьма
зол

на тебя. Но когда узнал, что ты сумел
выжить, то пришёл в восторг. Это
означало, что у нас есть шанс
встретиться снова.

Оранжевый охлаждающий костюм
загорелся и стал распадаться хлопьями
пепла. Наконец его хозяин остался совсем
голым. Узяцно, словно танцор. Черубаэль

развёл руки в стороны, взмыл в воздух и повис в нескольких метрах над выжженной землёй. Он был все так же высок и крепко сложен, но окружающая его аура теперь приобрела нездоровый зеленоватый оттенок, совсем не похожий на заполнившееся мне золотистое свечение.

На его теле болезненно пульсировали вздувшиеся вены, а маленькие рожки над бровями превратились в короткие витые крюки.

- Итак, ты встретилась снова. Разве ты не хочешь что-нибудь сказать?

Я почувствовал, как Биквин затряслась от страха, и прошептал:

- Спокойно, не двигайся.

Демонхост взглянул на Елизавету.

- Неприкасаемая! Замечательно! - Его улыбка стала ещё шире. - Почти как при нашей первой встрече. Как поживаете, дорогуша?

- Чего ты хочешь? - спросил я.

- Хочу?

- Тебе всегда что-нибудь нужно. На

56-Цар это был Некротек. Ах да, я совсем забыл. Ты ведь сам никогда ничего не хочешь? Ты только раб, исполняющий чужую волю.

Черубаэль слегка нахмурился:

- Не груби, Грегор. Тебе стоило бы гордиться тем, что я проявил к тебе личный

интерес. Большинство созданий, встававших

на моем пути, утирала очень быстро. Я
ведь

мог выследить тебя много лет назад. Но я
знал: существуют узы.

- Опять твои загадки. Опять ничего не
значащие слова. Расскажи мне лучше
что-нибудь интересное. Например, о
Возель

Пассионате.

Он растеялся жутким стехом:

- О, ты слышал, да?

- Доклад об этом происшествии сделал
меня подозреваемым в ереси.

- Я знаю. Да воздастся тебе за это,
поскольку подобное не входило в мои
намерения. Просто я допустил небольшую
ошибку. Мне жаль, что я причинил тебе
неудобства.

- У меня нет никакого желания прослыть

человеком, спутавшимся с демоном.

- Нравится тебе или нет, именно так и случилось. Это судьба, Грегор. Наши пути переплетены, но тебе этого пока не понять.

Иначе зачем бы тебе видеть сны обо мне?

- Затем, что главная цель моей жизни - выследить и уничтожить тебя.

- О, это всего лишь

узкопрофессиональный взгляд на вещи.

Подумай, почему ты на самом деле видишь

сны обо мне? Зачем так упорно

разыскиваешь меня, скрывая результаты

поисков даже от собственного руководства?

- Я... - Мои мысли судорожно затепались.

Эта тварь знала слишком много.

- И почему я спас тебя? Если бы ты

оказался на Вогель Пассионате, я
сохранил

бы тебе жизнь. Я спас тебя на Трациане.

- Что?

- Ты остановился, чтобы воздать должное
могиле Спатиана, и Врата защитили
тебя от

верной гибели. Почему ты остановился?
Не

знаешь, не можешь объяснить? А это был
я. Я

пристатривал за тобой. Проник в твоё
сознание. Заставил тебя остановиться без
видимой причины. Все это время мы
действовали вместе.

- Нет!

- Ты знаешь это, Грегор. Сам ещё не
веришь, но уже знаешь.

Черубазель отплыл по воздуху на

небольшое расстояние и огляделся.

Собравшиеся в оцепенении уставились на демонхоста. Никто не смел пошевелиться, никто ещё не осознал, с каким чрезвычайным злом они встретились.

- Чего же ты ждёшь? - произнёс знакомый голос.

Из-за горы скошенной зелени показались вооружённые люди. Лико и шесть жилистых телохранителей, судя по выправке бывшие военные.

- Ты только погляди, Лико. Как ты и предлагал, я устроил эту западню, чтобы выяснить, не сел ли кто-нибудь тебе на хвост. И посмотри, кого я встретил!

- Эйзенхорн... - На секунду лицо инквизитора исказил страх. - Я спросил,

чего

ты ждёшь? Убей их, и мы сможем уйти, -
обратился он к Черубаэлю.

До меня неожиданно дошло, что Лико не
являлся хозяином демонхоста. Так же как
и

Конрад Молитор, Лико был просто ещё
одной

мышкой, завербованным агентом кого-то...
чего-то... ещё.

- А надо ли? - спросила парящая фигура.

- Сделай это! Никаких свидетелей!

- Прошу вас! - закричал Мердок. - Мы же
только хотели...

Лико резко развернулся и испепелил
старика выстрелом из лазерной винтовки.

Это нарушило всеобщее оцепенение. Люди
фанта и покупатели запаниковали,

выхватили оружие. Началась

беспорядочная

пальба. Наёмники Лико, действовавшие

весьма профессионально, методично

расстреливали разбегавшихся твистов. Я

увидел, как сражённый очередью Фант

Мастик повалился в неровный овраг за

потостом.

Его рогатый телохранитель бросился на

Черубаэля, стреляя из старого лазерного

пистолета.

Черубаэль даже не пошевелился. Он

просто наблюдал за бойней, разыгравшейся

вокруг него. Лазерные лучи зашипели,

соприкоснувшись с его кожей, и он

посмотрел на твиста так, словно тот

прервал

его размышления.

Демонхост и пальцем не пошевелил. Едва

заметный кивок в сторону розатого боевика, и несчастный твист каким-то невероятным

образом оказался изрублен на куски.

Силовые волны содрали с него плоть и обнажили скелет, который, прежде чем упасть, ещё несколько секунд продолжал биться в агонии.

Когда в дело включился Черубаэль, я почувствовал, как вокруг поляны забурлил варн. Ярость демонхоста оказалась невероятной. Тела гладиаторов Мердока сплавились воедино и исчезли во внезапно появившемся вихре. Грязь под ногами Вассик забурлила, крича и барахтаясь, она утонула в разверзшейся клоаке вместе со своими телохранителями.

Я застыл на месте, не в силах

пошевелиться, хотя чувствовал, как
Биквин

тянет меня за рукав.

Мимо прошипели выстрелы. Наконец,
совладав с собой, я резко развернулся и

убедил, что двое наёмников Лико целятся
в

нас. В этот момент голову одного из них
разметал на куски снайперский выстрел
Густаана, прятавшегося в зарослях.

Нейл промчался мимо меня и уложил
второго из своего парабеллума Тронзвассе.
- Шевелись! Надо убираться отсюда! -

заорал Гарлон.

В воздухе повисло тарево из крови, грязи
и сока растений. Вокруг бұшевал

варп-шторм, настолько плотный и
тёмный, что мы с трудом могли что-либо
разглядеть и

едва выдерживали его порывы. Но я все ещё различал пылающие очертания Черубаэля. Выхватив силовой меч, я устремился к демонхосту.

- Грегор! Нет! - закричала Биквин.

У меня не было выбора. Я ждал почти сотню лет и не мог позволить ему сбежать снова.

Он плавно развернулся и с улыбкой посмотрел вниз:

- Убери это, Грегор. Не волнуйся. Вас я убивать не собираюсь. Лико не имеет власти надо мной. С его жалобами я разберусь потом и...

- Кто на самом деле повелевает тобой? Кто

твой хозяин? Скажи мне! Ведь это ты

устроил

бойню на Трациане! Зачем? По чьему приказу?

- Просто уходи, Грегор. Пока это не твоя забота. Уходи.

Думаю, он был искренне изумлён, когда я вонзил в него энергетический меч.

Честно говоря, я не знаю, верил ли я сам в то, что смогу причинить ему какой-то вред.

Благословлённый клинок практически выпотрошил его, прежде чем взрыв отбросил меня назад.

Демонхост обеспокоенно остотрел рану, истекающую на его теле. Из неё изливались ядовито-яркие потоки энергии варпа. Через секунду рана закрылась, словно её никогда

и

не было.

- Ничтожный болван, - произнёс

Черубаэль. Чудовищная сила отбросила
меня

на добрых тридцать метров. Я пролетел
через всю площадку и рухнул в заросли
молодой травы. Падая, я чуть не потерял
сознание. Во рту ощущался привкус крови,
кружилась голова.

Землю сотрясали яростные ментальные
взрывы. Визжащие, безумные ветры из
глубин варна змеились вокруг поляны,
убивая твистов и разбегающихся
покупателей.

Я пытался подняться, но тут сознание все
же покинуло меня.

Когда я пришёл в себя, выжитки были
охвачены пожаром. Черубаэля и след

простыл. Уншабель и Эмос помогли мне подняться.

- Биквин! Нейл! - прокашлял я.

- Я найду их, - кивнул Уншабель и, подхватив оружие, скрылся из виду.

- Где Лико? - спросил я Эмоса.

- Сбежал вместе со своими людьми на гвух «лэнгспидерах».

- А демонхост?

- Не знаю. Мне показалось, что он просто испарился. Возможно, у него с собой был генератор поля перемещения.

Преодолевая жгучую боль, я рванулся обратно к поляне, не обращая внимания на крики Эмоса.

Большая часть техники была взорвана или

опрокинута, но две машины остались

целыми.

Я выбрал небольшой чёрный «спидер» -

спортивную модель обтекаемой формы, популярную среди обитателей верхних

районов улья. Наверняка он принадлежал

Вассик. Я включил реактивные двигатели и

взмыл в воздух, даже не успев пристегнуться.

«Спидер» оказался мощной и

манёвренной машиной. Мне потребовалась

минута, чтобы привыкнуть к её плавному

ходу и разобраться в тонкостях управления.

Посмотрев вниз, я увидел окровавленного

Нейла. Помощник что-то кричал, жестами

показывая, чтобы я вернулся.

Поднявшись над столбом дыма на сотню

метров, я смог стабилизировать машину.
Вокруг, сколько хватало глаз,
простирался
зелёный ковёр, перетекающий полосами
выжиток. В отдалении вырисовывалась
грогада главного улья. Куда же они
погевались? Куда?

В трёх километрах к западу над
горизонтом темнели две крохотные
точки.

Вскоре мне удалось различить силуэты
тяжёлых «лэндспидеров», летящих к
массивному зданию ближайшей уборочной
фабрики.

Я встретился в погоню, стараясь
держаться на небольшой высоте, но они
всё-таки заметили меня и открыли огонь.
Пришлось вспомнить все, чему учил меня

Мидас. Я бросал машину то в огнѹ, то в
другую сторону, не давая им возможности
прицелиться. Стрелять в ответ я не мог

чтобы управлять юрким «спидером» на
такой

скорости, приходилось держать обе руки
на

штурвале.

Мимо меня с воем пронеслись ещё
несколько трассирующих снарядов.

Смертельная гонка над изумрудными
полями продолжалась.

Краям глаза я заметил, как огромная
тень

заслонила солнце.

- Припечатать их? - протрещал вокс.

В иллюминаторе всплыл обтекаемый
корпус боевого катера, идущего на

посадочных двигателях, чтобы
соответствовать скорости моей машины.
Но
сравнению со спортивным «спидером» он
казался огромным: сто пятьдесят тонн,
восемьдесят метров от клювообразного
носа

до хвостовых стабилизаторов. Опущенные
из-под брюха посадочные опоры
напоминали лапки насекомого. Медея
Бетанкор улыбнулась мне через
смотровое
стекло.

Я не рискнул оставить штурвал, чтобы
активизировать вокс. Вместо этого я
отправил сообщение напрямую в сознание
Медеи:

- Только если пригётся. Постарайся
заставить их приземлиться.

- Ой! - протрещал вокс - Предупреждать
наго.

Катер рванулся вперёд, сверкая соплами,
подобрал посадочные опоры и ушёл вправо.

«Спидер» сильно затрясло, когда он попал в
реактивный след. Я смотрел, как Медведь
на

низкой высоте разворачивает свою
машину

по широкой траектории. Казалось, какая-то

хищная птица заходит на круг над своей
жертвой.

Активизировав мощные реактивные
двигатели, катер за мгновение обогнал
тяжёлые «спидеры» и зашёл к ним спереди.

Я ощутил волну ментальной силы.

Сражаться с боевым катером враги могли
только с помощью своего разума.

Внезапно suddenly накренилось влево, клюнуло носом, а затем снова выровнялось.

Ум удалось вывести Медею из равновесия, но только на мгновение.

Теперь она была в ярости. Я понял это по тому, как изменился стиль её полёта. Взбыв

тормозными двигателями, катер застыл на

месте, в то время как «спидеры» промчались

мимо.

Протрещала носовая пушка. Пущенные точно в цель крупнокалиберные снаряды в пыль разнесли идущий вторым тяжёлый «спидер».

На максимальной скорости я проскочил под зависшим катером, продолжая преследование.

- Довольно! - передал я Медее. - Но

возможности, они нужны мне живыми!

Уцелевший «спидер» был уже близко. Я

знал, что Лико жив, чувствовал
присутствие

его сознания.

Впереди маячила громада передвижной
уборочно-перерабатывающей фабрики.

Корпус её составлял примерно шестьсот
метров в длину и девяносто в высоту. Над
крышей то и дело вздымались фонтаны
растительного сока и столбы выхлопного
газа, а скрежет жатвенных лезвий
заглушал

даже рёв двигателей моего «спидера».

Беглецы приземлились на крыше
огромной фабрики и встретились к
посадочному ангару, возвышающемуся над

корпусом в хвостовой её части. Завыли
предупредительные сирены -
встревоженный вызов уборочной машины.
Тяжёлый «спидер» резко затормозил и,
загрохав, остановился. Мне пришлось
развернуться, чтобы последовать за ним.
Я

видел, как Лико и его приспешники
выбрались из машины и скрылись в чреве
посадочного ангара. Все, кроме одного.
Последний опустился на колени и
прицелился в меня из скорострельного
миномёта. Мимо кабины просвистели
смертоносные заряды. Стрелок отбросил
миномёт и вскинул болтер. На этот раз
ему

удалось попасть в воздухозаборник моего
«спидера». Корпус машины затрясся, в
стороны полетели искры и куски обшивки.

На контрольной панели зажглись
предупреждающие огни.

Я направил «спидер» вниз.

И выпрыгнул.

Упав на крышу уборочной машины, я
слома левое запястье и четыре ребра.

Теперь, спустя много лет, я понимаю, как
мне тогда повезло. Мож бы разбиться
на смерть, ведь я прыгал с приличной
высоты. Но мне удалось ухватиться за
какой-то трос и удержаться.

Мой искалеченный «спидер» протащило
по металлической крыше, затем он
подпрыгнул, неуклюже подняв хвост, и
стал

разваливаться. Разбрасывая обломки, он
кувырком влетел в ангар, смял стрелка и
врезался в припаркованный «спидер» Лико.

Секунду спустя обе машины взорвались. В стороны полетели куски искореженного раскалённого металла.

Перебравшись через горящие обломки, я прохромал внутрь ангара. Завыли аварийные и пожарные сирены, с потолка полились струи инертной пены.

Рядом с клетями служебных и грузовых лифтов я обнаружил приоткрытый люк и металлическую лестницу. Внизу начинался глиняный коридор.

Когда я спустился по ступенькам, на меня изумлённо уставились рабочие, большую часть которых составляли твисты, одетые в пропитанные соком грязные комбинезоны. Я извлёк свою инсигнию.

- Имперская Инквизиция. Куда они

пошли?

- Кто?

- Куда они пошли? - прорычал я, усиливая сказанное Волей.

Я не сдерживал ярость, и эффект оказался

столь мощным, что ни один из рабочих не смог произнести ни слова, а некоторые даже

потеряли сознание. Оставшиеся на ногах дружно указали мне направление.

Ещё один люк и новая лестница. Я

спустился в цех переработки, бесконечный, разделённый переборками коридор, пересекавший всю уборочную фабрику.

Грохот работающих молотилок оглушил меня. В воздухе висел жёлтый туман.

По гигантскому конвейеру с огромной

скоростью двигалась растительная масса.

Твисты в масках и передниках разрезали крупные стебли и корни тяжёлыми пилами.

От инструментов к потолку тянулись толстые, оплётённые резиной электрические

кабели. Затем урожай проходил через массивные отжимные валики и грохочущие

прессы и сбрасывался в чаны, расположенные в самом конце фабрики.

Когда загудела тревога и замигали аварийные огни, конвейер остановился.

Рабочие растерянно оглядывались вокруг.
С

рукавиц, фартуков и инструментов стекали

жидкая целлюлоза и вязкий сок.

Я пробирался сквозь шеренгу твистов. С наблюдательных вышек кричали надзиратели. Впереди, на расстоянии примерно тридцати метров, я увидел Луко.

Его сопровождал последний оставшийся в живых стрелок. Инквизитор подталкивал связанного человека. Это мог быть только Эзархаддон.

Наёмник развернулся и выстрелил.

Посыпались фонтаны искр. Трое рабочих упали, сражённые зарядами, один из них свалился на ленту конвейера.

Увидев это, остальные твисты разбежались, укрываясь кто где может. Я опустился на одно колено и потянулся за болтером. Но в разорванной кобуре его не оказалось. Я не мог точно вспомнить,

когда

потерял оружие: во время схватки с

Черубаэлем или при падении на крышу

уборочной машины. Впрочем, теперь это
не

имело значения. У мой любимый

энергетический меч погиб в столкновении
с

демонхостом.

Ещё несколько зарядов оставили вмятины

в металлических панелях приводов

конвейера. Пришлось отползти за барабан

гидробака, предназначенного для
отмывания

инструментов.

Из кобуры, спрятанной в голенище сапога,
я достал запасное оружие - компактный

короткоствольный автоматический

пистолет. Рукоять его была глиняная

ствола и

вмещала стенную обойму на двадцать патронов малого калибра.

Установив режим одиночной стрельбы, я произвёл несколько громких выстрелов.

Точность оружия была никчёмной, да и мощность тоже. Этот пистолет мог послужить последним аргументом, но был хорош лишь на малой дистанции.

Стрелок, засевший в другом конце помещения, явно не растерялся и глиняными

очередями прочесал пространство за остановившейся лентой конвейера.

Послышались испуганные крики и стоны рабочих. Похоже, раненых прибавилось.

Пальба прекратилась. Я рискнул выглянуть

из укрытия. Раздался глухой удар, затем низкий гул, и конвейер вновь пришёл в движение.

Стрелок поспешил за своим господином.

Лико и его пленник уже почти исчезли из поля видимости.

«Но почему Эзархадгон - пленник?» Пока мне не удалось разобраться в отношениях между Лико, псайкером и Черубаэлем.

Я побежал вперёд. Троица скрылась за очередной дверью. Идти за ними было рискованно. На месте Лико я обязательно устроил бы засаду и, дождавшись преследователя, расправился бы с ним.

До сих пор интуиция не подводила меня.

Игнорируя крики рабочих, я запрыгнул на широкую ленту конвейера и стал пробираться вперёд, то и дело

поскальзываясь на перепутанной, липкой
гряде стеблей. На какое-то мгновение мне
показалось, что я вот-вот сорвусь и угожусь
под ближайший вал отжимного пресса.

Но я все же удержался на ногах,
перебрался на другую сторону конвейера,
разделившего уборочный цех надвое, и
спрыгнул на твёрдую палубу. С моего
плеча

капал растительный сок, а с сапог
стекало

зеленое месиво.

Здесь тоже была дверь.

Низко пригнувшись, я влетел в неё.

Как я и предполагал, стрелок засел позади
другой двери на противоположной стороне
бегущей ленты конвейера. Увидев меня, он
чертыхнулся и стал поднимать оружие. Я
выстрелил первым. Но даже при столь

незначительном расстоянии жалкая
огневая

мощь моего автоматического пистолета
была

очевидной. Ручной пулемёт готовился
прореветь песню моей гибели.

Переключив пистолет на
автоматическую

стрельбу, я бросился вперёд и не отпускал
спусковой крючок до тех пор, пока не стих
звонкий треск, оповещаая о том, что
опустела
обойма.

Мне удалось разогнать броню противника
и поразить его шесть или семь раз в
левую

руку и шею. Стрелок опрокинулся назад,
тяжёлое оружие вылетело из его рук и
упало

на движущуюся ленту.

Несмотря на кровотечение и многочисленные раны, он был далёк от смерти. Должно быть, он принял какой-то стимулятор, помогающий держаться на ногах.

Прорывав некропундское ругательство, наёмник выхватил лазерный пистолет армейского образца и вскочил на пандус для

рабочих, чтобы лучше прицелиться в меня. Я

бросил в него опустевший пистолет и схватил одну из электрических пил.

Он выстрелил, едва не угодив мне в плечо.

Я нанёс ему удар пилой, метя в живот. Но управляться одной рукой оказалось слишком

тяжело.

Поэтому я метнул глиняный инструмент

словно гарпун.

Гудящая цепь врезалась в плоть стрелка.

Он истошно закричал и попытался
вырвать

пилу из своей груди. Когда он повалился на
конвейер, прорезиненный кабель потянул
инструмент обратно к крюку на стене.
Лента

протащила мёртвое тело, насколько
позволяла длина кабеля, а затем труп
остановился, колыхаемый движущимся пог
ним конвейером. Вскоре возле мёртвого
стрелка собралась целая куча
растительной
лякоти.

- Эйзенхорн, - прозвучал в моем сознании
голос.

Я обернулся и увидел Лико. Стоя на
решётчатой площадке, нависающей над

конвейером, инквизитор целился в меня из той самой винтовки, из которой он спалил поддельного Эзархаддона. Я заметил и псайкера, привязанного к трубе у дальней стены. Его голову все ещё скрывал тяжёлый блокиратор.

- Ты должен был выйти из игры, Эйзенхорн.

Не стоило тебе гоняться за мной.

- Я выполняю свою работу, ублюдок. А что вытворяешь ты?

- То, что необходимо было совершить.

Он спустился с площадки и шагнул ко мне.

На его лице застыло испуганное, затравленное выражение.

- Так что необходимо было совершить?

Тишина.

- Почему, Лико? Трагедия на Трациане...
как

ты мог допустить такое? Стать частью
этого?

- Я... ничего не знал! Не знал, что они
собирались устроить.

- Кто?

Он вдавил в мою щеку дуло своего
мощного оружия.

- Ни слова больше, - произнёс он, впервые
воспользовавшись речью.

- Если собираешься убить меня, сделай
это. Я удивлён, что ты ещё этого не
совершил.

- Вначале мне необходимо кое-что
выяснить. Говори, кто ещё знает то, что
известно тебе?

- О тебе и твоём договоре с демоническим

отребьем? О краже альфа-плюс псайкера?
О

том, что ты стоишь за гибелью
миллионов

людей на Трациане? Ха!

- Все, - для усиления эффекта закончил я
мысленно. - Все. Я доложил обо всём
Роркену и

самому Орсини, прежде чем отправиться
по

твоему следу.

- Нет! Тогда бы за мной охотилось
множество людей, а не ты один...

- Так и есть.

- Ты лжёшь!

- Ты обречён.

В неистовом желании вырвать у меня
правду он попытался взять моё сознание
приступом. Думаю, он и сам понял, в

какую

проклятую бездну низверг свою Душу.

Я отразил его лихорадочный штурм и

ответил, яростно обрушивая на его грубый

мозг всю мощь ясновидца. Он был там. Я

чувствовал это. Его настоящий
повелитель.

Облик, имя...

Лико понял, что я делаю, понял, что я

сильнее его. Он попытался пристрелить

меня, но к тому времени я уже лишил его

способности двигаться. Я шарил по его

сознанию. Лико обтер и стал беспомощен,
лишённый всякой возможности

сопротивляться обыску в его голове,
несмотря на блоки и энграмматические

затки, созданные им. Или помещённые

кем-то другим.

Здесь. Здесь. Ответ.

Лико издал отчаянный, странно звучащий
воплъ.

И вдруг его отбросило от меня.

Высоко под крышей фабричного
коридора, излучая отерзительное сияние
варна, парил Черубаэль.

Задыхаясь, дёргаясь, неестественно
выворачивая конечности, Лико поднимался
к

нему. Из его рта и ноздрей выходил дым.

- Так, так, Грегор, - произнёс демонхост. -

Отличная работа, но некоторые тайны
должны остаться тайнами.

Кивком головы он отбросил Лико далеко в
сторону. Инквизитор-предатель пролетел
несколько сотен метров, с силой ударился
о

стену и упал на вращающиеся лезвия,
расположенные в пасти уборочной машины.

Его тело почти мгновенно было изрублено
на куски.

Черубаэль опустился чуть ниже и
схватил

недвижное тело Эзархагдона. Он
напоминал

ребёнка, забирающего свою куклу.

- Я не забуду того, что ты сделал, -

произнёс демонхост, напоследок

оглядываясь в мою сторону. - Тебе ещё

придётся заплатить за это.

Потом он исчез, и Эзархагдон пропал

вместе с ним.

Глава двенадцатая

ЧАС ТРЕТИЙ, КАДУЯ

ПИЛОНЫ

РАЗГОВОР С НЕВ

Порывистый осенний ветер с вересковых

пустошей срывал последние листья
акселей.

Охапки сухих, похожих на полосы чёрных
водорослей листьев собирались с
подветренной стороны могил и низких
каменных стен. По пасмурному небу над
моей головой пробежали коричневые тучи.

Под шёпот акселей я поднялся по старой,
заросшей тропинке на лесистый холм и
постоял некоторое время в одиночестве,
глядя вниз на обширное кладбище и
небольшую башенку молельни над ним. Ни
единого признака жизни, никакого
движения, только ветер шевелит листву.

Даже гравискиф, доставивший меня сюда
от

посадочных полей Каср Тирок, отбыл
назад.

Я уже почти заснул по ворчанию
водителя, который жаловался на то, что

пришлось

лететь так далеко от города.

Вдали, почти на горизонте, за хмурыми
вересковыми пустошами, я видел
угловатые

очертания ближайшего из знаменитых
таинственных пилонов. Даже с такого
расстояния я мог слышать странные
завывания ветра, разгудывающего по
сооружению, чью геометрию не в
состоянии

были объяснить даже тысячелетние
исследования.

Я впервые оказался на поверхности мира,
который называют Сторожевой Башней

Империи. И пока он не внушал мне
симпатии.

- Итак, Шин... Ты всё-таки оказался не
слишком остёр?

Я медленно развернулся. Он прошёл по
моим следам, двигаясь столь же тихо, как
сама пустота.

- Ну, - спросил он, - что скажешь?

- Похоже, меня выследили, и вполне
профессионально, - ответил я.

Какое-то время его лицо оставалось
неподвижным, но потом шрам под слепым
глазом дёрнулся, и мой собеседник
улыбнулся.

- Добро пожаловать на Кагию, Эйзенхорн,
- произнёс Фишиг.

Годвин Фишиг после Эмоса был самым
давним моим сотрудником, хотя они с

Биквин часто спорили, кому
принадлежит

это звание. Я встретился с ними обоими
на

Снеси, во время охоты за приспешником Хаоса Эйклоном, что, в свою очередь, привело меня к жуткому делу о Некромете. На самом деле вначале состоялось наше знакомство с Фишигом. Тогда он ещё служил исполнителем в подразделении местных Agentus Arbitres, и ему приказали держать меня под наблюдением. Благодаря обстоятельствам он стал моим союзником.

Если мне не изменяет память, Биквин встретила на моем пути спустя приблизительно сутки после моего знакомства с Годвином, и я почти тут же принял её к себе на службу. В то время как Фишиг, технически, ещё какое-то время

продолжал оставаться офицером
арбитров и

только потом ушёл в отставку, чтобы
присоединиться ко мне.

Именно поэтому Биквин утверждала, что
первенство в этом вопросе принадлежит
ей, и именно об этом они иногда спорили,
когда

становилось тепло и была откупорена
бутылка атасека.

Годвин был крупным мужчиной примерно
моего возраста, его коротко
подстриженные
светлые волосы уже начинали
окрашиваться

серебром. Но он, как и в былые времена,
светился здоровьем. Физик кутался в

длинный чёрный, подбитый мехом плащ,
под которым виднелись кольчуга и сапоги с
окованными сталью тылами.

Фишиг пожал мне руку:

- Я уже начал опасаться, что ты не сможешь прилететь.

- Мне тоже так начинало казаться.

Он немного наклонил голову и

внимательно взглянул на меня:

- Неприятности?

- Такие, что и не поверишь. Пойдём, я все тебе расскажу.

Мы начали спускаться по заросшей

тропинке. Годвин уже кое-что знал о

трагедии на Трациане, с момента которой

прошло почти семь месяцев, но понятия не

имел, какое отношение я имею к этому делу.

Слушая мой подробный рассказ, Фишиг

все больше трагичел, а когда я сообщил ему

0
Рейвеноре, и вообще спал с лица.

Он восхищался Гидеоном, и, честно говоря, и трудно было не восхищаться. У него иногда мне казалось, что Годвину хотелось

бы стать таким же, как Рейвенор.

Но Фишиг реально оценивал собственные возможности. Его сильными сторонами были

верность, физическая мощь, прекрасные боевые навыки, наблюдательность и нюх на

едва заметные, но важные детали. Он не обладал слишком быстрым умом, и отвлечение к книжным знаниям лишало его

возможности дослужиться даже до уровня дознавателя. Хотя ему и хотелось

подняться

по должностной лестнице Инквизиции, Фишиг никогда не пытался этого сделать, удовлетворившись тем, что стал одним из

таких самых незаменимых сотрудников.

Попытка возвыситься, как он понимал, скорее всего привела бы к проигрышу. А

Тодвин Фишиг не любил проигрывать.

Мы спустились по узкой тропке и вошли

на кладбище через старые трапные ворота. Я

поведал Фишигу о Лико и Эзархаддоне.

Рассказал о предупреждениях Эндора и

лорда Роркена, о кровавой и безрезультатной

бойне на Уичане, о Черубаэле.

- Я собирался отправиться, как только

получил твоё сообщение. Но Роркен

помешал мне. А потом, как ты уже

слышал, все вышло из-под контроля.

Тодвин кивнул:

- Не беспокойся. Я терпеливый человек.

Мы постояли немного посреди

просторного кладбищенского поля.

Несколько продрогших священников в

изогнутых чёрных балахонах блуждали

между рядов разрушающихся могил.

- Что они делают?

- Читают имена, - ответил Фишиг.

- Зачем?

- Чтобы проверить, можно ли ещё их

прочитать.

- Ладно, но ради чего?

- Воюющим миром, вроде этого, всегда
нужны новые места для своих покойников.

Давным-давно местным планетарным

правительством был издан указ, по

которому

захоронения могут проводиться только на
строго определённых территориях.
Поэтому

мест на кладбище всегда не хватает. И
следовательно, возник Закон о
Возможности

Прочтения.

- И что это за закон?

- Согласно ему, как только пог

разрушительным воздействием времени и
стихий последние из имён на надгробиях
станут нечитаемыми, анонимных
покойников положено эксгумировать и
закопать их кости в какой-нибудь яме,
после

чего место можно будет использовать
заново.

- Значит, они годаты слоняются по

кладбищу и ждут, пока сотрутся имена
погибших?

Фишиз пожал плечами:

- Это их путь. Когда исчезают имена,
уходит и память, а значит, нет больше
смысла в почестях. Сюда уже приходит
новое

время. Мне говорили, что ещё год или
два...

Это место приводило меня в состояние
крайней меланхолии. Кагуя была миром
войны, стоявшим на страже
единственного

судоходного трафика, проложенного мимо
варп-штормов Ока Ужаса. Регион,
известный

как Кагуанские Врата, служил основным
маршрутом для вторжений Хаоса, а
Кагуя

была передовым рубежом обороны

Циперипута. С самого начала колонизации она возвращает элитных воинов, и миллиарды её сыновей и дочерей пали, отважно защищая нашу цивилизацию.

Героически погибли, чтобы медленно исчезать в безлюдных могильниках своей родной планеты.

Это было печально, но полностью соответствовало стоическому воинскому духу всей культуры кагуанцев.

Фишиг распахнул тяжёлую аксельную дверь в башенку молельни, и ты наконец укрылись от ветра.

Внутреннее помещение башни состояло всего из одной комнаты - каменного барабана с токрыми прорезями незастекленных окон под крышей. Грубые деревянные скамьи стояли вокруг

центрального алтаря. Цепи, перекинутые
через потолочные балки, удерживали над
алтарём огромный металлический
канделябр

в форме имперского орла.

В этот хмурый осенний день молельня
освещалась только огнём свечей,

установленных между металлическими
перьям

распростёртых крыл аквилы. Свет был

скудным, слабым и золотистым,
создающим

спокойную атмосферу и таинственную
благодать.

А ещё внутри воняло гниющей листвой
акселей.

Мы сели на скамью и кратко почтили
алтарь знаком аквилы, сложив руки над
сердцем.

- Странно, - вздохнул Фишиг после долгой паузы. - Более года назад ты отправил меня

на поиски этого порождения демонов, Черубаэля. И теперь, когда я вышел на его след, ты снова столкнулся с ним на другом конце этого треклятого сектора.

- «Странно» несколько не то слово...

- Совпадение. Это ведь совпадение?

- Не знаю. Очень похоже на то. Но это создание, Черубаэль, действует на меня столь обезоруживающе...

- Это естественно, мой друг.

Я покачал головой:

- Не из-за его могущества. Не в том дело.

- Тогда в чём же?

- В том, как он разговаривает со мной. Он говорит, что использует меня!

- Коварство демона!

- Возможно. Но он знает слишком много.

Он знает... ах, будь все проклято! Он говорил

мне, что наши судьбы необратимо

переплетены. Слово он важен для меня, а

для него.

- Он действительно важен для тебя.

- Знаю, знаю. Как цель. Как добыча. Как

немецкая. Но он говорит так, словно этим

все не исчерпывается. Как будто он может

предвидеть будущее, или читать его, или даже

бывать в нём. Он говорит со мной так, словно знает, что я собираюсь сделать.

Финиш нахмурился:

- И что это может быть, как ты думаешь? Я

поднялся и подошёл к алтарю.

- Понятия не имею! Не могу же я сделать что-нибудь такое, что порадует или поможет

демону! Я не могу даже вообразить себя творящим подобное безумие!

- Поверь мне, Эйзенхорн, если бы я решил, что ты собираешься так поступить, то сам

пристрелил бы тебя.

- Очень на это надеюсь.

Я толк и поднял взгляд на мерцающий огонь свечей, увидел, какое множество

теней, пересекаясь, накладываются друг на

друга на каменном полу. Подобно

бесчисленным вариациям грядущего. Я

старался не смотреть на самые плотные, чёрные тени.

- Этот мерзкий отпрыск варна просто
играет с тобой, - произнёс Фишиг. - У
ничего

больше. Все это только игры, нацеленные
на

то, чтобы сбить со следа и запугать тебя.

- Если так, то зачем он сохранил мне
жизнь?

Мы снова вышли к ветрам вересковой
пустоши. Стенание пилона казалось мне
теперь куда громче.

- Кто ещё прибыл с тобой? - спросил
Фишиг.

- Эмос, Биквин, Нейл, Медея, Гүстаан и
парень, которого ты не знаешь, Уншабель.

Мы отправились сюда прямо с Уичана.

- Долго добирались?

- Почти шесть месяцев. До Моргии мы

добрались на борту торгового судна под
названием «Лучший из Орлов», а
остальной

путь провели в качестве гостей Агентус
Механикус. Летели ни больше ни меньше
на

сверхтяжёлой барже «Монс Олимпус»,
несущей девственных Титанов к
гарнизонам

у Кадианских Врат.

- Вам оказали великую честь.

- Инсигния инквизитора даёт свои

преимущества. Но вот что я тебе скажу,
техножрецы Марса чертовски угрюмая
компания для двухмесячного путешествия.
Я

сошёл бы с ума, если бы не турниры в
регицид с Биквин.

- Нейл стал играть лучше?

- Нет. Кажется, на текущий момент он

задолжал мне... что же? Хм-м. Своего
первенца и душу.

Фишиг растаялся.

- Ладно, на самом деле все было не так уж
плохо. Был там один человек, ветеран из
Легиона Титанов. Старый, ему уже
несколько

веков. Можно сказать, пенсионного
возраста, если, конечно, эти люди когда-
нибудь

выходят на пенсию. Он заведовал
переправкой новых военных машин. Звали
его Гекат. Мы иногда выпивали с ним по
вечерам. Напомни мне пересказать тебе
некоторые из его военных баек.

- Обязательно. Пойдём...

Его «лэндспидер» был припаркован в
конце аллеи под грожащими акселями.
Мы

страхнули с капюшонов опавшие

ленты-листья и залезли внутрь.

- Позволь мне показать тебе, что я нашёл.

Потом мы все стоим собравшись в

каком-нибудь безопасном месте и

поприветствовать друг друга.

- Насколько безопасном?

- В наибезопаснейшем.

Мы полетели над вересковыми

пустошами, борясь с резкими порывами

ветра. Небо тускло. Над нами
проносились

места, которые снискали Кагии трагичную

славу. Немилосердные, продуваемые всеми

ветрами дикие равнины, вскормившие не

одно поколение самых выносливых
воинских

народов Империи. Это были и
рассеянные

островки Моря Кагүкагес, где во время
обрядов инициации оставляли юношей - без
одежды, еды и какого бы то ни было
оружия -

и где они должны были пережить
ритуальный Месяц Творения. Это были
крепости на холмах, где зимовали,
тренировались и вели учебные бои с
соседними фортами Кагуанские

Молодёжные армии. Здесь были скалы,
ледяные озера и аксельные леса, где они
познавали искусство маскировки, и
широкие
поля, где проходила их стрелковая
подготовка.

Существует высказывание: «Если патроны
холостые, тренируются не кагуанцы». С
того

времени, как им вручают личное лазерное

оружие, что практически совпадает с
получением или первого букваря, молодые
представители воинской касты
пользуются

боевыми зарядами. Большинство учится
стрелять, убивать и умеет выполнять
основную часть пехотной муштры прежде,
чем достигает возраста десяти
стандартных
лет.

Неудивительно, что ударные войска Кадиу
числятся среди лучших в Империи.

Но мы прибыли не для того, чтобы
таращить глаза на труднопроходимый,
суровый пейзаж, породивший доблестных
кадианцев.

Мы отправились осматривать пилон.

- Черубаэль бывал здесь, - произнёс
Фишиг, поигрывая со штурвалом и

внимательно следя за показателем скорости

ветра. - Насколько я знаю, девять раз за последние сорок лет.

- Уверен?

- Это то, за что ты мне платишь.

Демонхост - на кого бы он ни работал - очарован Кагией.

- Почему же Инквизиция до сих пор не получила даже намёка на это?

- Брось, Грегор. Галактика огромна. Эмос как-то сказал мне, что если попытаться обработать полный объём информации, производимой Империей, одним потоком, то он за мгновение спалит все метрикуляры и кодификаторы на Терре. Это

проблема связи. Просеивания данных.

Инквизиция - и ты сам - перекопали все в

поисках Черубаэля. Но некоторые вещи
просто не слишком бросаются в глаза.
Мне
повезло.

- Как?

- Просто выполнял свою работу. Все дело в
моем старом друге, Аїзаке Акте, с
которым

мы знакомы ещё со времён службы в

Арбитрес. Он был моим начальником.
Аїзак

поднялся, продвинулся по службе, получил
генерала Agentyc Арбитрес, был ранен на
Тиграфуре и переведён сюда в качестве
главного инспектора Кагуанской

Внутренней Гвардии. Ещё несколько лет
назад я установил с ним контакт и в

результате недавно получил сообщение,
которое необходимо было проверить.

- Ты заинтриговал меня.

Мы пронеслись на малой высоте над
мысом, и по поверхности сверкающего
льдом озера под нами заскользила
небольшая, чёткая тень нашего «спидера».

- Акт сказал, что силы Внутренней
Обороны примерно десять лет назад
прикрыли здесь, на Кагии, еретическую
секту. Они называли себя «Сыны Баэля».

Но
большому счёту, просто ничего не
стоящий

сброд. Безвредный. Но на вопросах
сектанты

сознавались в том, что поклонялись
демону, которого они называли Баал, или
же Баэль.

Местный лорд инквизитор немого
повозился с ними да и сжёг.

- Как его зовут?

- Горфал. Но он мёртв, вот уже три года.

Сейчас его пост занимает женщина. Легиониквизитор Нев. Так или иначе, но с тех пор

эта секта возрождалась уже несколько раз.

Впрочем, ничего такого, с чем бы не могла

справиться группа, обученная подавлению ереси. Как я уже говорил, Сыны Баэля действительно довольно безобидны.

Интересовались они только огнём.

- Чем именно?

- Измерением структур пилонов.

Пилон уже некоторое время маячил за лобовым стеклом «спидера», и, подлетев поближе, фишиг облетел вокруг него, практически касаясь чёрного камня.

Протяжная песнь ветра, пронизывающего строение, звучала теперь так громко, что я мог слышать её даже за рёвом турбин «спидера».

Пилон был огромен: полкилометра в высоту, с площадью основания примерно в четверть квадратного километра. В искусно

обработанном чёрном камне, которым сооружение было облицовано сверху, имелось множество аккуратно пробурённых

воронок и округлых отверстий размером с человеческую голову. Проходя именно через

эти узкие, двухсотпятидесятиметровые трубы, завывал и стонал ветер.

И трубы эти не были прямыми. Они

пронизывали пилон подобно ходам червей.

Техножрецы пытались запустать туда крошечные зонды-сервиторы, чтобы составить карты их переплетений, но дроны обычно не возвращались.

Когда мы поднялись выше, чтобы совершить ещё один заход, я увидел вдалеке

очертания соседнего пилона,

расположенного на расстоянии в шестьдесят

километров за вересковыми пустошами. На

поверхности Кагии находятся пять тысяч восемьсот десять известных пилонов, если не считать двух тысяч тех, от которых остались только жалкие руины.

Двух одинаковых среди них не найти.

Каждый поднимается до высоты в половину

километра и ещё на четверть уходит под землю. Они были возведены ещё до колонизации этой системы людьми, и способ

их возведения так и остался загадкой.

Пилонь полностью инертны, если судить по

результатам любых исследований, доступных нашей расе. Однако многие полагают, что именно их присутствие объясняет затишье среди яростных потоков

варна, делающего Кагуанские Врата единственным спокойным, судоходным путём мимо Ока Ужаса.

- Так они пытаются измерить эту штуквину?

- Угү. - Фишигү пришлось перекрикивать
гүл «спидера», когда машина совершала
ещё

один резкий разворот. - И эту, и ещё
несколько. С собой у них были ауспекс,
геолокаторы и магнитные отвесы.

Определить все измерения в точности - я
действительно имею в виду «в точности»
- и

являлось основной задачей Сынов Баэля.

- Они связаны с Черубаэлем? Я имею в
виду что-либо, кроме слова «Баэль».

- В тех журналах вопросов, которые я
читал, значится, что они поклонялись
Баалу

через божество, чьё полное имя звучит
как

Херувим Баала. Или Черуб Баэля. Оно
пребывало среди них, требуя, чтобы они

измерили пилы в обмен на великие
познания и могущество.

- А тот лорд инквизитор... Горфал? Он
уничтожил их?

- Не совсем. Мне кажется, он был довольно
небрежен.

- Мне бы хотелось поговорить с леги
инквизитором. Кажется, ты говорил, что
её
зовут Нев.

- Да. Думаю, что это вполне возможно.

Решив успеть до темноты, мы поспешили
на запад к Каср Дерт, крупнейшей из
крепостей этого региона, столице
провинциального правительства Кадуккаг.

Когда мы пересекали кольцо внешнего рва,
фишиг передал гневные коды доступа
сторожевым орудийным башням.
Несмотря

на это, батареи «Мантитор» и «Тигр»

развернулись и взяли нас в прицел.

Приборы на панели тревожно запищали, сигнализируя о том, что на нас наведено множество орудий.

- Не волнуйся, - сказал Фишиг, заметив

мой взгляд. - Мы в безопасности. Похоже, кагуанцы не упускают ни одной

возможности, чтобы потренироваться.

Мы обогнали медленно движущийся

конвой из серых двенадцатиколесных

бронетранспортёров и пошатывающихся

самоходных «Стражей» и полетели над шоссе

к крепостным валам. За нити из сучерек

выступали угрюмые серые

фортификационные укрепления Каспр-Дерт.

По небу шарили дзорные прожекторы,

установленные на башнях земляных валов.

Из укреплений торчало ещё больше
орудийных башен и готов. Приборы снова
защищали.

Фишиг сбросил скорость, снизился и
заскользил к восточному барбакану -

маленькой, отдельно стоящей крепости,
ощетинившейся стволами
«Сотрясателей».

Верхнюю часть здания из тёсаного камня
украшал барельеф в виде имперского орла.

Мы влетели в ворота барбакана,
протчавшись над гидравлическим
подъёмным мостом и внутренним рвом, и
оказались на узких, петляющих улочках
города-крепости.

Самые ранние касры Кагии строились в
высоком стиле Терры, с просторными

улицами, в плане образующими чёткий геометрический рисунок. В начале М.32 три

из них были без труда захвачены во время вторжения Хаоса. Широкие, прямые авеню оказалось невозможно защищать или удерживать.

С тех пор касры возводят по законам военного строительства, а их улицы изгибаются то туда, то сюда, словно выступы

на борозде ключа. С воздуха Каср Дерм напоминает запутанный лабиринт. Учитывая

стойкость кадианцев и их навыки ведения городских боев, такой каср можно было удерживать год за годом, метр за метром в

течение многих месяцев, если не лет.

Мы ползли по переполненным,
запутанным улицам Каср Дерт. Совсем
стемнело, зажглись зарешеченные фонари,
начали закрываться на ночь магазины и
конторы. Я собирался сказать фишигу,
что

мы явно попали в военный лагерь, но
потом

понял, что даже одежда гражданских лиц
Кабули представляет собой камуфляж.
Вскоре

стало легко отличить местных
обитателей от

гостей. Ярко-белые и серые анораки или
же

зеленые и бежевые тона обмундирования
для вересковых пустошей выдавали
новоприбывших и отдыхающих солдат.

Население Каср Дерт носило

серо-коричневый, крапчатый городской

катуфляж.

Мы миновали поднятые на сваях

[хорреуты\[9\]](#) Имперского Кагуанского

Зернохранилища и плотно прижавшиеся

друг к другу особняки богатых и

преуспевающих горожан. Даже крыши

мансард богачей защищали орудия.

Слева располагался ярко-освещённый

алеаторий[10], куда уже стекались ночные

гуляки, чтобы просадить очередную

[зарплату. Справа - сенакул\[11\]](#) касра, со

сверкающей, облицованной керамитом

пиратидой. Впереди - кафедральный собор

Инквизиции. Приборы снова защищали,

когда на нас нацелились многочисленные

орудия.

Фишиг припарковал «спидер» во

внутреннем дворе собора. На вытощенной

плиткой взлётной площадке потизивал
светящийся крест из указательных огней.
Стражи Инквизиции в украшенных
золотом бурзундских доспехах окружили
нас, когда мы откинули купол «спидера» и
выбрались наружу.

Я показал инсигнию ближайшему из
стражей. Он щёлкнул каблукати и
отсальтовал.

- Здравствуйте, господин.

- Я желаю увидеть леги инквизитора.

- Я доложу о вашем визите, - покорно

ответил солдат и поспешно удалился,
подтягивая перевязь и придерживая
энергетический меч.

- Тебе она не понравится, - сказал фишиг,
обходя «спидер».

- Почему?

- Уж поверь мне. Просто не понравится.

- Уже поздно. На сегодня приём окончен, - произнесла леди инквизитор Нев, бросая галоперо обратно в бронзовый энергетический держатель на столе.

- Мои извинения, мадам.

- Не беспокойтесь. Я не стану захлопывать двери перед легендарным инквизитором Эйзенхорном.

Мы живём вдали от Геликанского субсектора, но ваша слава бежит впереди вас.

- Надеюсь, добрая слава.

Леди инквизитор встала из-за письменного стола и поправила зеленое фланелевое одеяние. Это была невысокая, жилистая женщина, лет ста от роду, с фиолетовыми глазами кагуанки на бледном лице и волосами цвета соли с перцем.

собранными в тугой хвост.

- Не важно, - бросила она.

Мы находились в её санктуме, чертогах, оформленных в октастиле. Черно-белый мозаичный пол украшал рисунок в стиле работ Костати[\[12\]](#), этерцитовые стены были

расписаны растительным орнаментом.

Помещение освещали тусклые огоньки свечей, их мерцание подчёркивало красоту нарисованных лотосов.

Опираясь на резную серебряную трость, леги инквизитор, прихратывая, направилась к нам.

- Полагаю, вы желаете ознакомиться с записями о Баэле?

- Как вы догадались? - удивился я.

- Я знаю его. - Она указала тростью на

Фишига. - Он бывал здесь прежде. Как я понимаю, он один из ваших людей.

- Один из лучших.

Нев вскинула свои узкие, выщипанные брови.

- Да? Это многое о вас говорит. Пойдёмте.

В архив.

В архив вела тёмная винтовая лестница.

Нев было трудно спускаться по крутым ступеням, но она резко отстранила мою руку, когда я предложил ей помощь.

- Я не хотел вас оскорбить, леди инквизитор, - извинился я.

- Такие, как вы, никогда никого не хотят оскорбить, - отрезала она.

Я почувствовал, что это не тот момент, чтобы спрашивать, какие же это «такие».

Архив представлял собой вытянутое,

общитое панелями помещение. Освещали его лампы, установленные на письменных столах, протянувшихся в два ряда от

стенки

до стенки.

- Световой буй! - прорычала Нев.

Летающий дрон-сервитор в форме черепа вынырнул из-под кессонного потолка, завис над её плечом и зажёл галогенные лампы в своих глазницах.

- Базель, сыновья. Найти, - приказала ему леги инквизитор, и череп полетел вдоль стеллажей, то опускаясь, то взмывая вверх, освещая двойным лучом секции каталога.

Отлетев на восемь секций, он затер возле полки, прогибающейся под горой информационных планшетов, файл-трубками и пыльными бумажными

книгами.

Нев захромала к грону. Мы с Фишигом
сдвинулись следом.

- Сыны... сыны... Тевта сыны, Махариуса
сыны, сүкины сыны... - Она оглянулась на
меня. - Добавлено в качестве шутки,
Эйзенхорн.

- Не сомневаюсь, мадам.

Её пальцы пробежали по истёртым
корешкам папок и ярлыкам на конвертах
информационных планшетов, следуя за
лучами грона.

- Варавы сыны... Сыны Балкара... Есть!
Вот

оно. Сыны Баэля.

Она сняла с полки папку, сдула с неё пыль
прямо мне в лицо и вручила записи.

- Когда закончите, положите её на место,

сказала она и собралась уходить.

- Простите, но мне бы хотелось, чтобы вы задержались, - сказал я.

Два решительных удара трости, и она снова развернулась ко мне.

- Что?

- Ваш предшественник... м-м...

- Горфал, - прошептал Фишиг.

- Горфал. Он сжёг членов этого культа без проведения экспертизы. Вы никогда не пытались пересмотреть это дело?

Нев улыбнулась. Это вовсе меня не ободрило.

- Знаете, Эйзенхорн, я всегда считала, что

инквизиторы вроде вас ведут полную

приключений, интересную жизнь. Полную

веселья, почестей, героизма и славы.

Только

подумать, что я мечтала стать одной из вас!

Вы что, совсем ничего не понимаете?

- При всем уважении, инквизитор, что именно я должен понимать?

Она показала на папку в моих руках:

- Хлам. Бесмыслица. Антиквариат. Сыны

Баэля? Какого рожна я должна

пересматривать это дело? Они мертвы, обратились в прах. Горстка болванов, собиравшихся у вестмурского пилона

посреди ночи для того, чтобы поиграть с геолокаторами. Уүүүүү! Как страшно!

Только

подумайте, они нас изморяют! Вы хоть понимаете, чем мне приходится здесь заниматься?

- Леди инквизитор, я...

- Понимаете? Это Кагуя, безмозглый
кретин! Кагуя! Мы у самых дверей Хаоса!

Прямо в сердце всего этого! Посевы зла
настолько велики, что мне приходится
каждый месяц давить по сотне культов!

Сотне! Эта планета порождает
рецидивистов, как море порождает пену. Я
сплю по три или

четыре часа в сутки, если повезёт. Мой
вокс

зудит, и я вскакиваю, чтобы отправиться
по

вызову к очередному ядовитому гнезду,
обнаруженному силами Внутренней
Гвардии.

Уличные перестрелки, Эйзенхорн! Битвы
с

заклятым врагом! Я едва успеваю
справляться с потоком ежедневных

отлучений, не то что вспоминать о
делах, которые вёл мой предшественник.
Да, у него

было дерьмо вместо мозгов. Это Кагуя!
Это

Ворота Ока! Это то место, где делается
чёртова работёнка Инквизиции! Не
отвлекайте меня историями о клубе
спятивших инженеров.

- Прошу прощения.

- Принято. Увидимся на выходе. - И она
захромала к лестнице.

- Не в?

Она обернулась. Я бросил папку на стол.

- Возможно, они и были идиотами, -

сказал я, - но они - единственная прочная

ниточка, ведущая к дегенерации,
способному

уничтожить всех нас.

- Демонхост? - переспросила Нев.

- Верно. И зверь, управляющий им. И зверь этот, если я не ошибаюсь, один из наших.

Прихрамывая, она снова спустилась в архив.

- Убедите меня, - произнесла леги инквизитор.

Глава тринадцатая

ВОССОЕДИНЕНИЕ

ВОЕННЫЕ КОЛОКОЛА

НАЧАЛО ДАЛЬНЕГО И

ДОЛГОГО ПУТИ

Не знаю, удалось ли мне на самом деле убедить леги инквизитора. Не уверен, что это вообще было возможно. Но она дослушала меня до конца и оставалась с нами в течение двух часов, помогая

находить

дела, связанные с этим случаем, и другие материалы. Около девяти её вызвали по поводу беспорядков в островной общине Кадукага. Прежде чем уехать, она предоставила мне и моей свите место в соборе, от чего я вежливо отказался. Кроме

того, Нев сказала до моего сведения, что даст

разрешение продолжать расследование в Каср Дерм, если я буду держать её в курсе дела.

- Я слышала истории о ваших...

приключениях, Эйзенхорн Мне бы не хотелось, чтобы нечто подобное

происходило на моей территории. Мы

друга понимаем?

- Вполне.

- Тогда доброй ночи. И удачной охоты.

- Ты был неправ, - сказал я, когда мы с Фишигом остались в архиве одни.

- В смысле?

- Она мне понравилась.

- Ха! Эта тверголовбая стерва?

- Именно потому, что она тверголовбая стерва.

Я всегда получаю удовольствие от

общения с коллегой инквизитором, честно и

целиком отдающим себя работе, даже если

его методы отличаются от моих. Нев

являлась чистокровной пуританкой и

страдала недостатком терпимости. Она была

почти по-хатски резка. Переутомлена. Но

она называла вещи своими именами, презирая уворотки, и воспринимала абсолютно серьёзно угрозы и нашему обществу, и нашему образу жизни.

На мой взгляд, другим инквизитор быть и не должен.

Мы проработали до полуночи, изучая и сопоставляя содержание сотен папок и документов.

К тому времени в ответ на мой вызов из костюпорта в Каср Тирок прилетел боевой катер. Фишиг разыскал одного из сотрудников Нев, поручил ему изготовить на

информационных планшетах копии наиболее важных данных и попросил, чтобы

все было готово к нашему возвращению поутру. Потом мы вернулись в «спидер» и

полетели по петляющим улочкам
города-крепости к посадочному полю.
Звёзд видно не было, на землю опустилась
прохлада. В свете прожекторов
дожигаящегося катера порхали
мотыльки-вечерницы.

Над восточным горизонтом в ночном небе
низко висело розовато-лиловое размытое
пятно. Восходящая туманность Ока
Ужаса.

Даже на таком огромном расстоянии одно
созерцание его очертаний заставляло
меня
холодеть.

Если имперский орёл символизирует все
доброе и благородное, что есть в
Империи

Человечества, то отерзительное пятно
отражает всё, что есть

отвратительного в

извечном недруге людей.

Наконец мы поднялись на борт. Фишига приветствовали стехом и тёплыми словами.

Эмос долго тряс его руку, а Биквин чмокнула

в щеку, заставив Гогвина покраснеть. С

Нейлом и Медеей он тут же затеял шутливую

перебранку и спросил Густаана, не хочется ли

тот есть.

- А что? - спросил охотник-следопыт, с надеждой распахнув глаза.

- Пришло время ужина, - ответил Фишиг.

Бетанкор, поднимай это корыто в воздух.

Мы направлялись в безопасное место, о

котором он рассказывал.

Я не был на борту «Уссина» уже почти пять

лет. Классическая модель грузового клипера

класса «Узольда» походила на летящий в костосе собор глиной в три километра.

Величественный корабль стоял на низкой орбите Кагуи и выглядел так же, как почти

сотню лет назад, когда я впервые увидел его

на холодной орбите Снеси.

Медея повела нас к швартовочному отсеку гигантского судна.

- Капер? - насторожённо спросил

Уншабель, разглядывая корабль поверх моего плеча.

- Старый друг, - заверил его я.

Владелец судна Тобиус Максилла являлся, как я понимаю, самым невероятным из моих

союзников. Он зарабатывал на жизнь торговлей предметами роскоши, как легальными, так и не очень, лотаясь по всему Геликанскому субсектору. Максилла был торговцем и оставался таковым во всех отношениях.

Но в нём жила пиратская тяга к приключениям, тоска по весёлым денькам начала покорения космоса. Занимаясь поисками Некротека, я нанял его судно только ради транспортировки своей команды. Но он влился в нашу работу с небыватым энтузиазмом и восторгом и с тех

пор оставался вовлечённым практически

во

все наши дела. За последнее столетие
каждые несколько лет я либо сам нанимал
его, либо он выходил на связь и
интересовался, не требуются ли его
услуги. И

все потому, что ему становилось скучно.
Мотивировал он своё появление обычно
тем, что «просто оказался неподалёку».

Максилла был образованным, начитанным
человеком, с тонким чувством юмора и
страстью к наилучшим вещам в этой
жизни.

Кроме того, он был и гостеприимным
хозяином, и отличным компаньоном,
которым я очень дорожил. Официально он
не мог входить в мой штат, но, как мне
кажется, во время наших общих
приключений являлся жизненно важной его

составляющей.

Когда было решено, что Фишиг начнёт это

долгое расследование, приведшее его на

Кагию, я попросил Максиллу обеспечивать

его транспортировку, когда и сколько

потребуется. Тобиус сразу согласился, и

вовсе не из-за щедрой платы, которую я

предлагал. Он жаждал настоящего

приключения. Кроме того, это давало шанс

на достойный «Уссина» забег, вне

привычного маршрута среди звёзд Геликана.

Настоящий вояж. Одиссея. Именно тогда ради чего жил Тобиус Максилла.

Вытяжные вентиляторы ещё не закончили

отводить газы, выброшенные гюэтами

катера, а Максилла уже ждал нас в
трюме, чтобы
приветствовать. Тобиус оделся в своей
манере, но соответственно случаю: синий
бархатный балмакан^[13] с широкими
рукавами, жабо, зеленоватый камзол из
шелка япанагара, прочные кожаные
сабоны^[14] с золотыми пряжками и
громадная шляпа с перьями, надетая
поверх
напугренного парика. Лицо он натёр
белилами и украсил щеку изумрудной
тушкой. Запах одеколона перебивал даже
испарения гюз.

- Мой дорогой Грегор! - закричал он, шагая
вперёд и сжимая мою протянутую
ладонь обеими руками. - Ты не
представляешь, как я рад снова
приветствовать тебя на борту моей

скромной

посудины.

- Тобиус. Рад, как всегда.

- И милая Елизавета! Выглядишь ещё
моложе и свежее, чем прежде! - Сжав её
за плечо, он поцеловал её в щеку.

- Полегче, размажешь свой макияж.

- Мудрый Эмос! Добро пожаловать,
учёный! Эмос только устехнулся, когда
затрясли его руку.

Кажется, он так и не сумел понять, как
надо вести себя с Максиллой.

- Мистер Нейл!

- Максилла.

- И Медея! Соблазнительна! Как
соблазнительна!

- Все для вас, - изрично ответила Медея,
позволяя поцеловать одну из своих

инкрүстированных электроникой рук.

- Максилла, ты же знал, что мы появится.

Мог бы и принарядиться, - поддел хозяина

Фишиг.

Растеявшись, они обменялись

рукопожатиями. Я понял, что их
отношения

изменились. В течение года они вместе

трудились над этим заданием. Фишиг и

Максилла никогда особо не сходились: их

прошлое и настоящее было слишком
разным.

Но год, проведённый вместе, сделал их

настоящими друзьями.

Этот факт меня даже порадовал.

Команда

инквизитора работает куда лучше, если

среди сотрудников складываются хорошие

отношения.

Максилла обернулся к Гүстаану и

Уншабелю: - Вас двоих я не знаю. Но мы обязательно познакомимся, ведь для этого и

существуют трапезы. Добро пожаловать на

«Уссин».

Золотые сервиторы Максиллы, каждый - своеобразное произведение искусства, накрыли для нас поздний ужин в огромном

обеденном зале. Нежнейший паштет из крабов, только утром выловленных в

Кагүкадском море, цветы онтол под соусом

poivrade[\[15\]](#), приготовленные в собственной

шелухе, филе кагуанского кабана,

сопровождаемые сладкими ватрушками с

фруктами, сливками и индийским сиропом.

Позолоченный сомелье подавал искристое
саматанское розовое, крепкий кагуанский
кларет, сладкое и тягучее токайское с
виноградников Гидрафүра и обжигаящий
торгуанский шанс.

Мы пребывали в хорошем настроении, и
великолепный ужин позволил нам
расслабиться. Никто не вспоминал о гелах
или о том, что они могут от нас
потребовать.

Чтобы дать сознанию отдохнуть, иногда
надо
забывать обо всём.

А мне был необходим ясный ум.

Мы возвратились в Каср Дерм
следующим

утром. Стальное утреннее небо над
островной грядой Кагүнагского моря
прорезало пылающее красное солнце. Когда

наш боевой катер проносился над скалистым

материком, вересковые холмы уже окрасило

розовым жаром.

Несмотря на то что мы передавали верные

пропускные коды, нас шесть раз брали в

прицел. Однажды навстречу вытелела пара

кагуанских «Мародёров», зажимая катер в тиски и проверяя нас.

Военная безопасность стала для кагуанцев

образом жизни. Всякий гражданский

транспорт, челнок или костический корабль

проверялся строжайшим образом. Особенно тщательно следили за судами, которые вели

себя подозрительно или отклонялись от
установленного маршрута. Эмос поведал
мне, что шесть месяцев назад шлюпка,
нёсшая на своём борту дьякона из Арнуша,
прибывшего на Кагию ради

пропагандистского семинара, была сбита
наг

Морел Канска только потому, что не
смогла

передать верные коды. Это заставило
меня

задуматься наг тем, как же наши
неведомый

враг умудрялся высаживать и забирать
своих

слуг с Кагии.

Если, конечно, как и ты, он не обладал
чином и правом легко обходить рутинные
проверки службы безопасности.

Нам пришлось сделать крюк в шестьдесят

километров к западу от Каср Дерт,
чтобы

обойти эпицентр боевых действий.

Утреннюю дымку пронизывали вспышки и
огненные следы массированных ракетных
ударов.

Восемь полков кагуанских ударных войск,
которым оставалось всего несколько дней
до

отправки на один из внутренних

тиров-крепостей Кагуанских Врат,

проходили огневую подготовку в реальных
условиях.

Час спустя мы наконец опустились на

посадочной площадке собора. Военные

колокола в каждой башенке и динамики в

бункерах извещали, что рёв сражения,
доносящийся с близлежащих полей и

вересковых пустошей, всего лишь

тренировка.

Мы разделились. Фишиг и Эмос спустились в архив, чтобы заняться изучением заказанных нами отчётов и продолжить исследования. Биквин в сопровождении Густаана отправилась обследовать полки апостолеума Экклезиархии. Уншабель и Нейл наведались

в каталог отчётов Администратума.

Я и Медея двинулись к Министерству Внутренней Обороны.

На Кагии не существует арбитров. В мире

царит постоянное военное положение, и в результате за всем, что касается гражданского порядка, наблюдает Внутренняя Гвардия, подразделение

Кадианской Имперской Гвардии. В самом сердце Каср Дерт, административной столице региона, располагается их штаб - Министерство Внутренней Обороны, серая

каменная башня, прилегающая к крепости военного губернатора.

Ряды Внутренней Гвардии пополняются «случайным» образом. Один из десяти солдат, завербованных в вооружённые силы Кадии, после прохождения базовой подготовки и инструктажа направляется на

службу во внутренние войска, вне зависимости от своих достижений и задатков. В результате многие солдаты отбывают службу прямо в родном мире, и Кадия может похвастаться одними из

наиболее эффективных и
квалифицированных планетарных сил
обороны среди любых миров Империи.

Нас принял полковник Уббет, сильный,
поджарый мужчина примерно сорока лет,
выглядевший так, словно был готов вести
набег прямо в Око Ужаса. Он оказался
учтив, но недоверчив.

- У нас нет никаких данных о незаконной
или подозрительной иммиграции.

- Почему, полковник?

- Потому что такого не бывает. Система
не
допускает.

- Но конечно же, случаются досадные
исключения?

Уббет, затянутый в серо-белую униформу,
накрахмаленную и отутюженную так, что
о

её складки можно было порезаться, только

сложил пальцы дотиком.

- Ладно, - сказал я, меняя подход. - А что если кто-нибудь захотел бы проникнуть на

планету анонимно? Как это могло бы произойти?

- Никак, - ответил полковник, явно не собираясь сдаваться. - Все идентификации и

цели визита регистрируются и

каталогизируются. Любые нарушения будут

мгновенно обнаружены.

- Тогда мне хотелось бы начать с документов, где отмечены подобные нарушения.

Уббет покорно повёл нас в зал кодиферов и поручил военному клерку поточь нам найти отчёты. Мы сортировали и

проверяли

их без малого три часа, постепенно
начиная

уставать от бесконечных списков

орбитальных abordажей, аэрокосмических
перехватов и наземных рейдов. Полный
обзор только этих отчётов должен был
занять недели.

Именно так нам и пришлось поступить.

Мы потратили десять с половиной недель
на

изыскания в архивах и каталогах Каспр
Дерт, работая поспешно и обитая в
каютах на борту

боевого катера. Раз в несколько дней мы
возвращались на «Уссин», чтобы немного
отдохнуть и подумать.

К тому времени, как мы завершили

бүтажные дела, установилась настоящая

зума.

Глава четырнадцатая

ЗУМА ДАЁТ ШАНС

ПРОКЛЯТЫЙ ОБРЕТАЕТ ИМЯ

НИЛОН В КАСР ТЕШ

Зимнее время на Кагии. Сверкающие

льдины, плавающие в иссиня-стальных

водах Касукадского моря по утрам, и
слегка

припорошенные снегом вересковые

пустоши. В это время года
отвратительная

корона Ока Ужаса видна даже
мимолётным

днём. Безобразное розовато-лиловое
ночное

сияние в холодном дневном небе

превращается в фиолетовую кляксу,
напоминающую пятно от пролитых
чернил.

Казалось, что за нами постоянно
наблюдают. На нас сверху глядело
налитое
кровью, гневное Око.

Но больше всего неприятностей нам
доставляли ветра, рождающиеся в
арктических широтах, холодные и
пронизывающие, точно штыки кагуанцев.
Высокогорные озера замёрзли, и
смертельные туманы-погоныны^[16]. часто
навещали суровые пустоши и нагорья. А
жители касра, похоже, испытывали
судеверный ужас перед обогревателями и
утеплением окон.

Морозные сквозняки носились по
коридорам собора и здания

Административума. Вода замерзала в
трубах.

Несмотря на это, каждые несколько дней начинали звенеть военные колокола, и по вересковым полям с грохотом прокатывались зимние учения. Мне стало казаться, что кагуанцы стреляют друг в друга, просто чтобы согреться.

Спустя десять с половиной долгих, все более и более холодных недель после того, как мы начали наши систематические поиски в записях касра, я совершал уже привычную утреннюю прогулку из собора Инквизиции к штабу Внутренней Гвардии.

От холода меня защищало толстое меховое

пальто, а шипованные подошвы сапог помогали справляться с гололёдом. Я чувствовал себя несчастным. Из-за долгих бесплодных поисков, из-за многих часов,

проведённых в плохо освещённых

помещениях, мы все становились
бледными

и раздражительными.

А ведь сколько было многообещающих
наводок! Связи и следы Сынов Баэля,
неразрешённое перемещение костических
кораблей, зарегистрированные
подозрительные документы.

Но все эти намёки ни к чему не привели.

Насколько нам удалось выяснить, в живых
не

оставалось ни одного из Сынов Баэля, ни

одного человека, связанного с ними
делами, или их родственника. Не
возникало никакой

культистской активности, связанной с

пилонами, не велось даже

зарегистрированных ксеноархеологических

работ. Я опросил специалистов -
профессоров университета, а также ряд
техножрецов из Агентус Механикус,
которые, судя по записям, являлись
экспертами по пилонам.

Ничего.

Вместе с Уншабелем, Нейлом или
Фишигом я путешествовал по региону,
добираясь даже до Каср Тирок и Каср
Белланы. Рабочий из оружейного
магазина в

Каср Беллане, которого
идентифицировали
как бывшего члена культа Ваала,
оказался

всего лишь тёмной сектанта и не имел
никакого отношения к делу. Впустую
потраченные десять часов поездки на
«спидере».

Этос собрал кодифер, с помощью которого мы накладывали аномалии в отчётах на прошлую деятельность культа.

Казалось, что нет вообще никаких связей. Я поднялся по ступеням Министерства Внутренней Обороны. У вахты возле служебного входа мне предстояло подвергнуться проверке на право доступа к секретным документам. Это уже должно было стать пустой формальностью. Я приходил в одно и то же время почти каждый день и даже знал некоторых гвардейцев в лицо.

Но тем не менее солдаты вели себя так, словно я пришёл сюда впервые. Документы не просто заверили печатью, а вначале тщательно прочитали и проверили в

успехе на подлинность. Мою инсигнию
тщательно осмотрели и пометили
биркой.

Дежурный офицер положил по воксу обо
мне

в главное здание, чтобы получить
разрешение.

- Вам это никогда не надоедает? - спросил
я у одного из офицеров, убирая документы
обратно в кожаную сумку.

- А что мне должно надоесть? - спросил
он.

Уббета я больше не встречал. Меня
передавали по кругу от одного
наблюдателя

к другому. Мне объяснили, что это
происходит из-за смены графика вахт, но
я

знал истинную причину: никому из

офицеров не хотелось иметь дела с инквизитором. Тем более ежедневно.

Тем утром меня сопровождал майор Ревл.

Это был угрюмый молодой человек, ещё мне

не знакомый.

- Чем могу помочь, сэр? - кратко поинтересовался он.

Я вздохнул.

Открытые регистрационные журналы и информационные планшеты лежали на автоматизированном рабочем столе, где я и

оставил их прошлой ночью. Ревл начал отдавать распоряжения, чтобы клерк убрал

их и освободил для меня место, прежде чем я

успел объяснить, что сам этот беспорядок

и
оставил.

Он насторожённо посмотрел на меня:

- Так вы бывали здесь прежде?

Я снова тяжело вздохнул.

У меня оставалось всего два часа. В

одиннадцать я должен был встретиться с

Уншабелем и Биквин. Вместе мы
собирались

отправиться к одному из Кагукасских

островов и проверить информацию о

находящемся там человеке, по слухам,
связанном с контрабандистами. Наверняка

очередная пустая трата времени, решил
я.

Я работал с журналом воздушных

сообщений, вчитываясь в ежедневные

списки орбитальных транспортировок

двухгодичной давности. Наконец я

наткнулся на сообщение о челноке,
стартовавшем со стоявшего на орбите
корабля и направившегося к посадочному
полю возле Каср Геш. Этот город-
крепость

располагался неподалёку от одного из
пилонов, к которому часто навевывались

Сыны Баэля. Более того, проверка
показала, что эта посадка состоялась за
три дня до

очередного всплеска активности культы в
этом районе.

Я включил систему поиска и запросил
дальнейшую информацию, касающуюся
данной записи. Мне тут же было
отказано. Я

воспользовался более высоким уровнем
доступа и получил отчёт, в котором
содержалось название и принадлежность

судна. Заинтересовавшись, я просмотрел сообщение до конца. Цель визита была засекречена.

Тогда я набрал на панели код предельно доступного мне уровня доступа. Терминал загрожал и загребезжал, производя сортировку данных и авторизации.

На планшете появилось имя. Мои восторги

достигли своего пика и тут же угасли. Неб.

Таинственная запись сообщала всего лишь о

секретном вылете леги инквизитора на задание. Я снова вернулся к тому, с чего начал.

Остров был неприветлив и гол. Маленькие

рыбацкие общины жались вдоль побережья

западного залива. Унишатель опустил

«спидер» к катенистой речушке.

Натянутые

сети покрывала корка льда.

- Долго ещё, Грегор? - спросила Биквин, наматывая на горло шарф.

- До чего?

- До того времени, как мы бросим все и уберёмся отсюда. Меня уже тошнит от этого

обделённого судьбой мира.

Я пожал плечами:

- Ещё неделя. До Сретения. Если мы ничего не найдём к тому времени, обещаю, что мы попрощаемся с Кагией.

Втроём мы спустились по обледевшей дорожке к трачной таверне. У стены на высоких шестах валились якорные рыбы, каждая размером с человека.

Владелец выйти к нам не пожелал, зато
его

помощник не только принёс напитки, но и
признался, что именно он послал нам
сообщение о контрабандисте, который
назначил здесь встречу.

Мы прошли в заднюю комнату. Возле
ревущего катина сидел мужчина. Он грел
у

огня униженные перстнями пальцы. Я
почувствовал запах одеколона.

- Доброе утро, Грегор, - произнёс Тобиус
Максилла.

Несмотря на возгласы, доносящиеся из
задней комнаты, помощник хозяина
таверны
принёс отлет с пряностями, чашки
зарфиньего бульона и бутылку креплёного
вина.

- Может, объяснишься? - спросил
Уншабель.

- Конечно, мой дорогой Натан, конечно, -
ответил Максилла, неторопливо
разливая

вино по стаканам. - Минуточку терпения.

- Немедленно, Тобиус! - рявкнул я.

- Ого! - Перехватив мой взгляд, он сел. -

Признаться, последние несколько недель я
чувствовал себя подавленно. Вы были

слишком заняты, а я только и делал, что ждал вас на «Уссине»... Что ж, так или иначе, ты неоднократно повторял, что результат

ваших поисков зависит от решения одной важной проблемы. То есть от того, можно ли

пробраться мимо до одержимости надёжной

системы защиты этой жуткой планеты.

Анонимно. Вот я и сказал себе: «Тобиус, вот

что ты должен сделать, и плевать, что

подумает об этом Грегор. Контрабанда, Тобиус, твоя сильная сторона». Поэтому я

решил проверить, смогу ли я провезти сюда

контрабандой самого себя. И угадайте, каков

результат?

Он откинулся назад, потягивая свою
выпивку с омерзительно довольным видом.
- Ты нелегально проник на планету и тем
самым доказал, что это возможно? -
медленно произнесла Биквин.

Он кивнул:

- Мой челнок спрятан в роще за деревней.
Вы и представить себе не можете,
сколько
ртов и глаз в этих краях может
заткнута
толстый кошелек.

- Даже не знаю, что сказать, - ответил я.

Он развёл руками:

- Несколько недель назад ты рассказал
мне, что Внутренняя Гвардия не
зафиксировала ни одного случая
незаконной
или сомнительной иммиграции. Отлично,

вот он я, целиком и полностью

опровергающий это утверждение. Должен
признать, Кагуя оказалась крепким
орешком. Одним из самых крепких за всю
мою долгую и порочную карьеру. Но, как
вы видите, нет ничего невозможного.

Я влил в себя вино одним большим
глотком.

- Тобиус, после этого мне придётся
прекратить с тобой любые отношения.
Ты же
знаешь.

- Ой, фу-у, Грегор! Только из-за того, что я
выставил Кагуанскую Внутреннюю
Гвардию
кучкой дураков?

- Из-за того, что ты нарушил закон!

- Ах-ах-ах! Но я его не нарушал. Обошёл,
возможно, но не нарушал. Я нахожусь здесь

абсолютно легально, как по правилам Кагии, так и по законам Империи.

- Что?

- Да ладно тебе, старина! Как ты думаешь, почему мой челнок не был сбит сегодня

нетерпеливыми кагианскими стрелками?

Ладно, это риторический вопрос. Ответ прост: когда перехватчики поднялись мне навстречу, я передал им пропускные коды, вполне их удовлетворившие.

- Но дневные коды засекречены!

Проводятся тройные перепроверки!

Выдаются они только тем, кто может предоставить достаточно веские рекомендации. Чьим же авторитетом ты можешь

воспользоваться?

- Понимаешь, Грегор... конечно же, твоим.

Истина лежала прямо перед твоим носом, но потребовался Максилла с его охотой до пышных представлений в

наищеславнейшем воплощении, чтобы я наконец узрел правду. Причина того, что

Внутренняя Гвардия не обладала никакими

сведениями о нелегальной иммиграции, состояла в том, что таких случаев не бывало.

Те, кто пытался проскочить мимо крепкой

длани кадуанской службы безопасности и был замечен, погибали. А те, кому удалось её

обойти, и не могли быть обнаружены.

И все потому, что они пользовались

достаточно солидными пропусками,

маскируясь под каких-либо официальных

визитёров, которых не будут

останавливать.

Под людей вроде меня. Или вроде Нев.

- Я не совершала этого вылета, -

произнесла Нев, напряжённо всматриваясь в

информационный планшет, который я ей показывал. - Так же, как и этого.

- Конечно нет. Но кто-то воспользовался

вашим авторизационным кодом.

Применил

его, чтобы получить разрешение на

трансорбитальные перемещения. Вот так они

и спускались. Посмотрите, ваш код

используется вновь и вновь. А раньше так же

использовали код вашего предшественника

Горфала. Это продолжается уже сорок лет.

Всякому всплеску активности Сынов
Баэля -

и других культов тоже - предшествует
транспортировка из костоса на
поверхность, оформленная как вылет
Циквизиции.

- Император храни! - Нев подняла глаза к
небу, положила информационный планшет
и
хрипло приказала сервитору дать больше
света.

- Но мои авторизационные коды
защищены. Как же их могли украсть?

Эйзенхорн, вашим ведь тоже
воспользовались. Как его выкрали?

Я помедлил с ответом.

- Если быть точным, то его не крали.
Один

из моих партнёров позаимствовал его,
чтобы

обосновать свои подозрения.

- Почему меня это не удивляет? Впрочем, не важно! Эйзенхорн, между нами есть

существенное отличие. В вашей банде могут

состоять преступные элементы, способные самовольно действовать за вашей спиной, нарушая все нормы и правила. Но это не той

случай.

- Я понимаю вашу точку зрения, но тем не менее это произошло. Кто может получить

доступ к вашему коду?

- Никто! Никто под моим началом!

- А из вышестоящих инквизиторов?

- Что?

- Я уже говорил, что предателем может оказаться кто-то из наших. Старший

инквизитор, да хотя бы и сам Верховный Инквизитор. Но обязательно хитроумный ветеран, обладающий достаточным влиянием, чтобы дёргать за нужные ниточки.

- Но это потребовало бы прямой директивы с самого высокого уровня.
- Точно. Давайте проверим.

Наконец мой противник потерпел крах.

Вся кровь, ярость и сражения, через которые

нам пришлось пройти, ничего не значили после обретения простой подсказки. Чтобы

похитить авторизационные коды Нев и её предшественника, мой враг должен был запросить данные, воспользовавшись собственным влиянием.

Отчёт об этом событии, конечно же, был зашифрован. Мы с Нев сели за кодифер в одном из крыльев святилища и быстро нашли нужную запись. Её даже и не пытались прятать. Наш недруг даже не думал, что кто-нибудь догадается её просмотреть.

Но, так или иначе, она была закодирована. Ни мне, ни Нев этот шифр оказался не по зубам. Но, объединив усилия, мы имели право через астронатов запросить у Инквизиции разрешение на использование самых сложных ключей.

На улаживание всех формальностей ушло пять часов.

Только после полуночи посыльный из

Официо Астронамикус доставил нам планшет

с сообщением.

Зимний ветер грохотал ставнями

санктума. Мы с Нев остались наедине, решив, что свидетели нам ни к чему.

Проблема была очень щекотливой. Мы немого поболтали о том и о сём, только чтобы занять время, хотя оба нервничали и

были раздражены. Нев налила нам по

большому бокалу кагуанской глайвы, немого снявшей напряжение.

Наконец её помощник объявил о

прибытии посыльного. Тот вошёл и низко

поклонился. Под его мантией гудели

аугметические конечности. Посланник

протянул Нев информационный планшет, сжатый в мехагендрите, затенявшем ему

руку. Леди инквизитор приняла сообщение и

отпустила посыльного.

Я поднялся и отставил свой бокал, из которого едва пригубил. Нев подошла ко мне, опираясь на серебряную трость, и протянула планшет.

- Приступаем? - спросила она.

Мы перешли в дальнее крыло санктута и вставили информационный планшет в древний кодифер. По зеленому экрану лихорадочно побежали руны. Нев открыла файл, которым мы занимались, и задействовала ключ.

На это ушла ещё пара минут.

Затем на маленьком зеленом экране высветилось досье на заслуженного инквизитора, воспользовавшегося кодом Нев. Наконец проклятый предатель обрёл имя.

Увиденное потрясло даже меня.

- Император всемилостивый, - выдохнула
леги инквизитор. - Квиксос.

Эмос спорил с главным научным
помощником Нев - Катчем.

- Квиксос мёртв, и к тому же уже давно! -
утверждал Катч. - Мы явно столкнулись с
тем, что кто-то воспользовался его
авторизационным...

- В анналах Инквизиции Квиксос все ещё
числится среди живых.

- Пустая перестраховка! Его тело не было
обнаружено. Нет доказательств факта
смерти...

- Точно так...

- Но тем не менее! О Квиксоне уже сто
лет

не поступало ни одного известия.

- Ни одного, которое бы ты увидели, -

парировал я.

- Эйзенхорн прав, - произнесла Нев. -

Инквизитор Утлен считался погибшим
более

чем семьдесят лет. А потом он вновь

внезапно появился, чтобы сбросить
тиранов

Эквестора JJ.

- Все это очень странно, - пробормотал
Эмос.

Квиксос. Квиксос Великий. Квиксос
Пресветлый.

Один из самых почётных инквизиторов,
когда-либо скитавшихся по Империи. Его
ранние тексты входили в наши списки для
обязательного прочтения. Он был
легендой.

В возрасте всего лишь двадцати одного

тогда
ему удалось выкурить демонов из Артура.
Потом он вычистил Эндорианский
субсектор
от поклонников козлоподобных богов.
Расшифровал «Книгу Эйбона». Уничтожил
мерзкий подкульт Нургла, заразивший
одни
из Домов самой Терры. Разыскал и убил
Костогесантника Хаоса Бэйнглоса. Он
заставил
утолкунуть Шептун
Домактонию.
Распял Волхвоцаря Сарнета на зубце
стены
над его сожжённым ульем.
Но Квиксосу всегда преследовали слухи.
Поговаривали, что он сам слишком близок
к
тому злу, которое уничтожал. Конечно
же, он был радикалом. Кое-кто считал его

отступником. А некоторые тихо, с глазами
на

глаз рассказывали друг другу, что он куда
хуже.

На мой взгляд, он был великим человеком,
который, возможно, зашёл слишком далеко.

Я просто читал его память и его подвиги.

Потому что полагал его давно почившим.

- Может ли он все ещё оставаться
живым?

- спросила Нев.

- Может, ни в коем случае... - начал Катч.

- Не знаю, зачем вы его держите, -

произнёс я, жестом обрывая кагуанского
учёного. - Его советы бесполезны.

- Но ведь это правда! - обиделся Катч.

- Заткнись и выйди, - приказала ему Нев.

Она забрала из моих рук пустой бокал.

- Продолжайте. Хочу услышать ваше

мнение.

- Хотите? От такого авантюриста, как я?

Вы уверены, леди инквизитор?

Она с такой силой впихнула мне в руку наполненный доверху бокал, что немного глайвы даже выплеснулось мне на пальцы.

- Просто изложите мне свои проклятые идеи!

Я пригубил напиток. Эмос, устроившийся в кресле возле двери, нервно посмотрел на меня.

- Квиксос вполне может оказаться живым. Сейчас ему... Сколько бы ему исполнилось, Эмос?

- Триста сорок два года, сэр.

- Точно. Что ж, это ведь ещё не возраст, верно? Ничего такого, с чем бы не справились аугметика, отолаживающие

препараты... или колдовство.

- Проклятье! - произнесла Нев.

- Судя по карьере, он невероятно

огарённый индивидуум. А судя по его

репутации, хоть и не подтверждённой

фактами, он вполне мог зайти в своём

радикализме слишком далеко. Квиксос

соприкасался с варпом. Это можно сказать

определённо. И то, что мы просто ничего

не

слышали о нём за последнюю сотню или

даже больше лет, ещё не означает, что он

отошёл от дел.

- И какие же дела он ведёт? - Нев дважды

стукнула тростью по мозаичному полу. -

Какие? Какие? Создаёт демонхостов?

Совращает инквизиторов? Охотится за

запретными текстами, вроде этого

вашего

Некротека? Устраивает жуткую бойню на

Трациане?

- А что? Почему бы и нет?

- Потому что это превращает его в монстра! Точная антитеза всего, ради чего

существует наш Оргос!

- Ну да, так и могло произойти. Подобное случилось и раньше. В истории человечества

уже были могущественные люди, которые так приблизились к злу, что сами оказались

втянутыми в него. Например, инквизитор Руберу.

- Да, да! Руберу... Я понимаю...

- Великий Магистр Деркон.

- Точно. Я помню...

- Кардинал Палфро из Милиги. Святой

Бонифаций, также известный как
Мёртвая

Голова из Тысячи Слез, - погнул Эмос.

- Уменем Императора!

- Лорд Вандайр, - добавил я.

- Ладно, ладно...

- Хорус... - остелился прошептать Эмос.

Наступило долгое молчание.

- Великий Квиксос, - пробормотала Нев,
медленно поворачиваясь ко мне лицом. -

Будет ли он причислен к этому
нечестивому

списку? Окажется ли осуждён один из
самых

великих?

- Если это будет необходимо, - ответил я.

- Что же нам делать? - спросила она.

- Найдти его. Необходимо выяснить, на
самом ли деле прошедшие века
превратили

его в то создание, которого мы
страшимся. И

если да, то, простит меня Император, мы
объявим его еретиком и пособником

дьявола, а потом уничтожим за
совершенные
преступления.

Нев тяжело опустилась в кресло. В двери
святилица постучали. Открыл Эмос.
Вошёл
Фишиг.

- Сэр... мадам... - произнёс он, заметив
Нев.

- Да, Фишиг?

- В дополнение к вашим сегодняшним
открытиям мы проанализировали

передвижения на орбите. Два часа назад в Каср Геш приземлилось судно. Оно проникло

в воздушное пространство Кагуи, используя

авторизационный код леди инквизитора.

Именно в Каср Геш в последний раз была отмечена активность культа. Я взялся за свой

плащ.

- С вашего позволения, леди инквизитор?

С трачным выражением на лице Нев тоже поднялась с кресла.

- С вашего позволения, инквизитор

Эйзенхорн. Мне хотелось бы отправиться с

вами.

Каср Геш лежал в трех часах полёта от Каср Дерм. Суровые зимние ветры дули с

нагорных пустошей, и боевой катер содрогался под ударами ледяного шторма. Вся моя команда была на борту. Люди заряжали оружие. К нам присоединилась леги инквизитор Нев с отрядом из шести солдат элитных Ударных Войск Кагии. Невозмутимые бойцы, одетые в зилнюю камуфлированную броню, готовили к бою матово-белые лазерные винтовки и стабберы.

- Трон Божий, это чертовски крепкозадые парни, - пробормотал Нейл, когда я прошёл мимо него, покидая отсек.

- Впечатлен?

- Скорее напуган. С меня хватит и обычных кагианских солдат. А это элита.

Лучшие из лучших. Касркины.

- Что?

Это явно не было обычным выказыванием почтения одним опытным воином по отношению к другим людям войны.

- Касркины. Лучшие бойцы Кагии, и ты сам можешь догадаться, что это означает.

Терра Святая, они идеальные убийцы!

- Откуда ты знаешь?

- О, прошу тебя, ты только взгляни на их шею. Кагүкадская татуировка в виде морского орла. Давай же, посмотри на их шею. Деревья и то потоньше бывают.

- Хорошо, что они на нашей стороне, - сказал я.

- Чертовски на это надеюсь, - ответил

Нейл. Палуба снова покачнулась. Держась за

петли креплений, я спустился обратно в
кают-компанию и подошёл к Нев.

Леди инквизитор поправляла капюшон
зимнего плаща. На ней была нагета
кагуанская кольчужная броня, а серебряную
трость леди инквизитор сменила на
лёгкую
палку со встроенным цилиндром
компактного гранатомёта.

В своём меховом плаще и обтягивающем
бронекостюме я чувствовал себя
обнажённым.

- Ваше обычное облачение? - спросил я.

- Необходимое. Надо вам как-нибудь

отправиться вместе со мной на острова,
на

ночную охоту за культистами.

- Мои сотрудники... беспокоятся. Эти

люди - касркины?

- Да.

- Их слава бежит впереди них.

- Так же, как и ваша.

- В точку. Но тем не менее...

Нев оглянулась на кагуанских бойцов.

- Капитан Эчбар! - Она едва перекричала
рёв турбин и гюз.

- Здесь, леги инквизитор! - откликнулся
воин, сидящий в конце салона.

- Инквизитор Эйзенхорн хочет убедиться,
что вы лучшие из лучших и не понагёте в
спину кому-нибудь из его команды.

Ко мне повернулось шесть лиц, скрытых
под снежными визорами.

- Сэр, мы занесли биоследы и вас, и ваших
спутников в ауспексы своих
целеискателей, -

заявил Эчбар. - Мы не сможем
выстрелить по

вам, даже если захотим.

- Очень на это надеюсь. Я со своими
людьми пойду впереди. Огневая поддержка
может и не понадобится. Но если вдруг
она

будет необходима, я дам команду «Шин
Розы» либо посредством вокса, либо
псионическим сигналом. Канал вокса
затта-девять-восемь. Вы готовы к
псионическому вызову?

- Мы готовы ко всему, - ответил Эчбар.

Корпус боевого катера перестал грозить.

- Мы вышли из шторма, - сообщила мне по
воксу Медея. - Видю огни аэродрома.
Посадка

в Каср Геш через два, - мгновение спустя
снова протрещала Бетанкор.

Пилон возвышался в трех километрах от укреплённых валов Каср Геш. Ночное небо было чистым, ясным и полным звёзд. Око Ужаса мрачно пульсировало в высоте. Оно казалось мне ещё более угрожающим и ярким, чем прежде.

Я знал: где-то там, наверху, орбитальные отделения Кадуанской Внутренней Гвардии

охотились за скрывающимся межзвёздным кораблём, с которого к Каср Гешу спустились

визитёры. Нев доложила о нем командованию Гвардии ещё перед нашим отпращиванием, строго приказав не начинать

действовать, пока мы не вступим в контакт

на земле.

Мы не хотели, чтобы наших гостей
спугнули раньше времени.

Моя команда продиралась через кусты,
покрытые ледяной коркой. Отсюда пилон
казался всего лишь чёрным, вытянутым
пятном, закрывающим звезды. Было
слышно, как в нём завывает ветер.

Я расчехлил свой штурмовой болтер,
окрашенный в зелёный цвет в память о
подаренном мне пистолете, который
потерял

где-то на Уичане, да простит меня

библиарий Бритном. Это штурмовое
оружие

было несколько крупнее и мощнее, но не

шло ни в какое сравнение с удачной

конструкцией болт-пистолета, которым
я

дорожил.

Мой любимый энергетический меч
затенил кагуанский палаш - короткая
сабля

с обоюдоострым клинком. Это был
обычный

заточенный кусок стали, но я упрощил
иерархов Министрову Каэр Дерта
произвести кое-какие усовершенствования.

Однако, если говорить честно, я
чувствовал себя крайне уязвимым.

Держа на изготовку мощный пулемёт,
слева от меня двигался Нейл. Густаан со
своей заслуженной глинной лазерной
винтовкой - справа. Ещё правее шёл
Уншабель, вооружённый старинными
лазерными пистолетами, ранее
принадлежавшими инквизитору Робану.

Фишиг, сильно отклонившийся влево,
держал в руках старый испытанный

карабин, из тех, что используют Agents
Арбитрес для

подавления беспорядков.

Рядом со мной на склон поднималась

Биквин. В обтянутой перчаткой руке

Елизавета сжимала глинооствольный

автоматический пистолет.

Нев со своими каскинами ждала нашего
сигнала позади.

Эмос и Медея остались на борту боевого

катера, зависшего над зоной высадки с

выключенными огнями. Именно они, а
вовсе

не Нев с её элитными бойцами были
нашей

подстраховкой.

- Что видите? - передал я по воксу.

- Ничего, - одновременно ответили

Густаан и Нейл.

- С моей позиции просматривается
подножие пилона, - произнёс Уншабель. -

Вижу огни.

- Подтверждаю, - откуда-то слева
протрещал фишиг. - Там люди.
Насчитываю

восемь... нет, десять. Двенадцать.

Переносные прожектора. У них есть
аппаратура.

- Аппаратура?

- Портативная. Ауспексы.

- Снова изморяют, - прошептала по связи
Нев.

- Наверняка, - ответил я, а потом добавил
на глоссии: - Шип зрит плоть,
восторженные

звери пред главью. Эгига к оружию,
суровое

испытание. Все точки укрыты. Острый

как

бритва торуса нуть, изображение цвета
чёрного древа.

Я взвёл свой штурмовой болтер с грозным
щелчком.

Одетые в просторные балахоны люди,
работавшие в свете прожекторов вокруг
пилона, остановились и медленно
развернулись в мою сторону.

Новодя стволот из стороны в сторону, я
спустился с холма через протёрзший
орляк.

Биквин, готовая в любой момент
открыть

огонь, следовала за мной всего в
нескольких
шагах.

Я знал, что нас прикрывали Густаан,
Уншабель, Нейл и Фишиг.

- Кто здесь главный? - спросил я, поудобнее перехватив оружие.

- Я, - ответила одна из фигур в балахоне.

- Выйти вперёд и представиться, - приказал я.

- Кому?

Я выставил на обозрение инсигнию.

- Имперская Инквизиция.

Часть закутанных людей тревожно застонала. Но не их лидер. Он шагнул вперёд.

Внезапно я почувствовал знакомый холодный, металлический запах.

Предупреждение, пришедшее слишком поздно.

Предводительница сектантов медленно стянула капюшон. Её угловатый, неправильной формы череп был лишён

волос, и сквозь кожу пробивалось холодное
синеватое свечение. Заострённые,
окованные сталью рожки торчали над
бровями, а вместо глаз светились белые
прорези. Демонхост!

- Черубаэль? - как-то по-гурьцки произнёс
я.

- На этот раз твоего глупого приятеля

здесь нет, Эйзенхорн, - ответило
существо, обнажая зубы и начиная
светиться сильнее. -

Моё имя - Профанити.

Глава пятнадцатая

Шип Розы

Для чего рождены

Кадуанцы

Последнее, чего я ожидал

Существовало два варианта развития

событий. Во-первых, я мог продолжать
диалог и позволить демонхосту между
делом

убить меня и бросить ещё тёплый труп
на

грудь тел моих товарищей. Во-вторых, я
мог

произнести «Шин Розы» и положиться на
боевой дух моих спутников и неусыпный
пристотр святого Бога-Императора.

Я сказал «Шин Розы».

Профанити шагнула ко мне. Я выстрелил
из штурмового болтера и в изумлении
наблюдал, как тварь на лету голыми
руками

хватает раскалённые гобела заряды.
Бүгмо

ловит теннисный мяч в невесомости.

В её пальцах заряды остывали до

антарно-красного, и тогда она просто отбрасывала их в сторону. Но все внимание

демонхост сосредоточила на мне.

Это было ошибкой.

Первый меткий выстрел Густаана с треском ударил её в голову. Тварь покачнулась. Огонь лазерных пистолетов Уншабеля в клочья изограл балахон Профанити. Следом взревел карабин Фишига. Демонхоста отбросило в заросли орляка. Бывший арбитр любил проводить свободное время за отливкой гроби для своего оружия. Каждый шарик был сделан из

серебра и украшен священной печатью, рисунок которой я недавно показал Годвину.

Пропанити забила в агонии, когда благословлённая гробь запылала в её теле.

Тварь стала подниматься, гневная и
взбешённая, но слева от меня уже раздался
визг, напоминающий звук разгоняющейся
циркулярной пилы.

Барабан пулемёта Нейла раскрутился, и
шквальный огонь накрыл демонхоста и
пространство вокруг него. Ураган пуль
закрутил существо, оторвал одну его ногу

в
колене и срезал пальцы левой руки.

Сверхъестественная морозно-белая
энергия забила фонтаном из ран и, словно
лава, опалила землю.

К этому моменту в перестрелку
включились и другие культисты. Они
выхватили оружие и принялись наугад
стрелять в темноту. Площадку осветили
вспышки выстрелов.

За нашими спинами, где-то совсем
близко, открыли лазерный огонь. Лучи
проносились мимо наших плеч. Двое
культистов рухнули, один из них
повалился
на прожектор.

Я увидел, как в бой понеслись Эчбар и его
касркины.

По-правде говоря, они пугали меня даже
больше, чем демонхост. Все-таки
Профанити

- сверхъестественное создание, и страх
перед

ней был делом нормальным.

А касркины - всего лишь люди. И поэтому
их действия приводили меня в изумление.

Шесть размытых белых пятен,

обрушившихся на культистов,
расстреливали

их из лазерного оружия с близкого расстояния. Они не потратили ни заряда впустую. Один выстрел - один труп. Мимо меня пробежал культист, и касркин развернулся, чтобы достать его. Оружие отказалось выстрелить, поскольку его успех наведения обнаружил мой биослед в зоне поражения. Секунду спустя я уже не заслонял цель, и винтовка выплюнула разряд.

Убегающий культист споткнулся и головой
вперёд полетел в кусты.

Уз-за пилона показалось ещё несколько культистов, и я услышал грохот яростной перестрелки. В перерывах между очередями

армейский пулемёт Нейла издавал

характерный металлический визг.

Лазерные

пистолеты Уншабеля словно перебивали
друг друга.

- Фишиг! - закричал я. - Зайди с той
стороны пилона. Постарайся что-нибудь
найти. Или хотя бы захвати пленника,
пока

их всех не перебили касркины!

Отдав приказ, я двинулся обратно, чтобы
разобраться с изувеченным демонхостом.

Мы причинили ему серьёзный урон, но я не
испытывал никаких иллюзий насчёт его
стойкости. Или, точнее, я только думал,
что

не испытывал их.

Профанити уже исчезла, а там, где она
раньше лежала, все ещё гытилась и
твердела

земля.

- Проклятье! Проклятье! Прихрамывая, ко
мне спустилась Нев:

- Эйзенхорн?

- Демонхост! Вы его видели?

Она покачала головой. За пилоном
раздался громкий взрыв.

- Но вы же убили его?

- Даже не покалечил, - ответил я.

- Грегор! - завопила Биквин.

Окружённая раскалённой энергетической
аурой, Профанити парила в воздухе позади
меня. Тварь была обнажена и, словно
медали, выставляла напоказ причинённые
нами увечья. Из обрубка правой ноги
струился сияющий белый ихор. На груди
курились и пузырились ожоги и раны.
Голова

безвольно повисла на шее, сломанной
метким выстрелом Густаана. Демонхост
распростёрла руки. Изувеченный обрубок
ладони испускал в траву потоки молний.
- Отличная... попытка... - пробұлькала
свисающая голова.

Как я мог видеть теперь, когда исчез её
балахон, тело демонхоста сковывали цепи,
замки и кандалы. Светящуюся плоть
пронзали иглы и глинные шила. С цепей и
колючей проволоки, обвиавшей её шею,
свисали всевозможные атүлеты.

- Бегите, - приказал я Нев и Биквин. -
Бегите!

Нев вскинула свою палку и выстрелила.

Граната ударила Профанити в живот и,
окүтав вспышкой фүзелина, откинула её
тело

на несколько метров назад.

Несмотря на это, тварь снова
устретила

к нам, стеною и ругаясь на искажённом
варном языке.

Биквин вцепилась в меня и в Неб. Её
способности неприкасаемой теперь
оставались нашей единственной защитой,
и

она это понимала.

Профанити резко остановилась всего в
метре перед нами, паря в воздухе и
сверкая

подобно звезде. Я ощущал исходящую от
неё

вселенскую жажду убийства.

С хрустом ломающихся веток тварь
медленно повернула сломанную шею и
подняла болтающуюся голову, чтобы
посмотреть на нас. Её глаза и пасть

сверкали

огнём мёртвых светил.

Пальцы Биквин судорожно сжали мою

руку. Мы втроём смотрели на
гемонхоста.

Порождаемые Профанити ветра варна
колыхали наши волосы.

- Упорный, - произнесла она. -

Неудивительно, что ты полюбился

Черубаэлю. Он рассказывал, что ты

используешь неприкасаемых. Мудрый шаг.

Ваши пушки не причинят мне вреда, но и
я

не могу обрушить на вас своё сознание,
пока

она рядом. К счастью, мне этого и не
надо, -

поразмыслив, добавила гемонхост.

Внезапно она взмахнула искалеченной

рукой. Нев завопила, когда её отшвырнуло
в

сторону. Козоть большого пальца
Профанити

окрасился кровью.

Аура Елизаветы останавливала
ментальную ярость существа, но не могла
сдержать его физически.

Тварь снова взмахнула рукой, и я
отпрыгнул назад, утаскивая за собой и

Биквин. Профанити загоготала.

- Елизавета! - завопил я. - Держись рядом!

Я выхватил свой палаш. Короткий
изогнутый клинок отразил сияние,
исходящее от Профанити, и на нём
заблестели руны, нанесённые

Министорумом.

Я ударил резко, бездумно и отчаянно,
вгоняя клинок между рёбер демонхоста.

Она

взвыла и отлетела обратно. Из раны
вырвался дым.

Развернувшись, чтобы не упустить
противника из виду, я крепче сжал правой
рукой палаш, а левой - запястье Биквин.

- А ты справился с домашним заданием.

Эти рунные пентаграммы на твоём
оружии.

Неплохо. Мне было больно!

Тварь снова бросилась на меня:

- Но это ничто по сравнению с той болью,
которую испытаеть ты!

Елизавета закричала и упала, а я из всех
сил старался не отпустить её руку. Если
бы

наш контакт разорвался, я бы
почувствовал

на себе всю мощь демонхоста.

Я защитился острым лезвием, срезая
плоть с левой груди и обнажая ребра
Профанити.

Когти твари разорвали мне левое плечо и
стали спускаться ниже, раздирая в клочья
защитный костюм.

По моей одежде ручьём текла кровь.

Я снова взмахнул, пытаясь исполнить уйн
ульсар. Но демонхост перехватила мой
клинок здоровой рукой. От её лагони стал
подниматься дым, и Профанити стиснула
зубы от боли.

- Раны... больно... но они не... сильнее...

самого оружия... В следующий раз... ты
должен научиться... делать своё оружие
могущественнее... Вот только...
следующего

раза... не будет... - добавила она.

Палаш стал настолько горячим, что я с криком выронил его. Профанити отбросила

смятый, оплавленный кусок стали в сторону.

Её рука была серьёзно обожжена, но она словно не замечала этого.

- Пришло время утирать, - прохрипела демонхост, вцепившись в меня.

Следующие несколько секунд навечно выжжены в моей памяти. Уверен, что никогда мне больше не стать свидетелем такого героизма. На Профанити набросились

капитан Эчбар и два его солдата-каскина.

Их лазерное оружие не могло стрелять, потому что мы с Биквин находились в зоне

поражения.

Эчбар всем телом врезался в демонхоста, пытаясь оторвать её от нас. Профанити отшвырнула его в сторону. Второй касркин

прыгнул на неё, но она испепелила его прямо

в воздухе. Третий успел по рукоять вознать

кадуанский штык в грудь Профанити. Пламя, вырвавшееся из раны, пробежало по рукам

солдата и охватило его тело.

Касркин с криком повалился на землю, но тут снова появился Эчбар, с рваной раной на

щеке и шее.

Ножом, сжатым в обеих руках, он рассёк спину Профанити вдоль хребта.

Вырвавшиеся на свободу варп-энергии разодрали Эчбара на части.

Крича и корчась от боли, Профанити
поднялась в воздух.

Я знал, что она не погибла. Я знал, что
она

не могла утратить на самом деле.

Но кагуанская элита, пожертвовав своими
жизнями, дала мне передышку. Они пали
на

службе Богу-Императору, ради чего и
были

рождены.

- Эгига! Во имя алого ага! Шун

возвращается! - закричал я в воск,
вцепляясь

в руку Биквин.

Профанити тчалась к нам.

Мы увидели, что боевой катер, сверкая
прожекторами, делает боевой заход.

Порождённый им ураганный ветер с

корнем

вырывал промёрзший орляк и сбивал нас с ног. Медея шла низко, слишком низко...

Орудийные сервиторы навели на демонхоста турели крыльев и носа. Огневая

мощь оказалась столь сокрушительной, что

Профанити просто испарилась.

Свет потерк.

Подтянув к себе Биквин, я заслонил её от дожда из превратившегося в жидкость тела демонхоста.

А потом услышал, как Фишиг выкрикивает моё имя.

- Помоги ей, - вставая, приказал я

Тодвину, и он подхватил Биквин.

Я огляделся. Площадку устилали мёртвые тела, большая часть из которых принадлежала культистам. В двадцати метрах вверх по склону Уншабель нашёл Нев, израненную, но живую, и теперь звал медика.

В холодном ночном небе мигнули раскалённые добела дюзы боевого катера - Медея развернулась, заходя на посадку. Нейл, получивший сквозное ранение в предплечье, прислонился к пилону и остановил наконец визжащий барабан своего пулемёта.

- Нам... нам надо перегруппироваться, - сказал я.

- Согласен, - кивнул Фишиг.

- Вы что, не имеете никакого

представления о том, с чем столкнулись?

спросил Густаан.

Мы обернулись. Старый охотник за шкурами с Вингховера спускался к нам с холма. Длинное лазерное ружьё покоилось на его согнутой руке. Тучи быстро сгущались, посыпался тяжёлый град.

- Так что? - снова прошипел он.

Я почувствовал, как напряглась Биквин.

Это был не Густаан.

Бывший охотник посмотрел на меня. Его глаза сияли белым светом. Он говорил голосом Профанити.

- Ни единого признака прозрения, - сказал

он. - Вы можете уничтожить мой физический

носитель, но вам не разрушить мою связь с

хозяином.

- Гүстаан! - закричал Уншабель.

- Его больше нет. Его сознание оказалось наиболее открытым, поэтому я забрала его.

Он послужит мне некоторое время.

Я шагнул вперёд. Гүстаан поднял руку.

- Не волнуйся, Эйзенхорн, - сказала

Профанити. - Я могла бы убить вас всех прямо здесь и сейчас, но то, что должно случиться, куда интересней.

Гүстаан раскинул руки, запрокинул голову и внезапно взмыл в воздух, роняя своё драгоценное глинное лазерное ружьё. Он спокойно уплывал по небу, пока не скрылся за вересковыми пустошами, утонув в предрассветном сиянии.

- О чем это он? - спросила Биквин.

- Я не...

По холму заметались лучи света, и мы неожиданно услышали лязг гусениц.

Двадцать кагуанских
бронетранспортёров

перевалили через вершину холма, освещая нас прожекторами. Солдаты Кагуанских ударных войск бежали по склону, наводя на нас оружие.

- Это ещё что за чертовщина? - закричал Нейл. Я был ошеломлён. Этого можно было

ожидать в последнюю очередь.

- Инквизитор Эйзенхорн, - прогрохотал усиленный динамиком голос из переднего бронетранспортёра. - За преступления против Империи, за злодеяния на Трациане, за сотрудничество с демонхостами

вы арестованы и приговариваетесь к смерти.

Я узнал голос. Это был Оста.

Глава шестнадцатая

МОЛОТ ВЕДЬМ

ТРИ МЕСЯЦА В

КАРНИФУЦИНЕ

БЕГСТВО С КАДУИ

В сопровождении шести укутанных в

балахоны дознавателей, зачитывающих

вслух тексты из Книг Боли и Глав

Наказания, по вересковому склону ко мне спускался

инквизитор Леонид Оста. Розовый рассвет

протянул первые лучи по суровой пустоши, тожжевельники и орляк колыхались под

ранним утренним ветерком. Вдалеке

тетерева и птарцерны приветствовали

своими криками восход златного солнца. Оста, хорошо сложенный, широкоплечий мужчина, разменявший пятнадцатый десяток, был облачён в бронзовый силовой доспех, пылавший оранжевыми бликами в красноватом рассвете. Орнамент в виде гербов Маллеуса украшал бесажью[17] и наколенники его брони, а шесть печатей чистоты оплетали его бевор[18] подобно цветочному венку. Длинный плащ из белого

меха развевался за спиной инквизитора, стахивая снег с кустов вереска и можжевельника.

Лицо Осты выглядело туповатым и злобным. Под бахромой тяжёлых, седых бровей, под опухшими веками сверкали таленькие точки глаз. Коротко

подстриженные волосы имели такой же цвет, как и сталь его меча. Несколько лет назад

Леонид утратил нижнюю челюсть во время

сражения с хорнитским берсерком.

Аугментический протез представлял собой

выступающий вперёд хромированный

подбородок, подключённый к черепу

проводами и микросервотормами.

На его спине между лопаток был

закреплён штандарт, эмблема
Унквизиции

возвышалась над головой Осты. В руке

унквизитор держал энергетический
молот -

знак своего ордена. В другой руке он сжал

запечатанный футляр из эбенового дерева,
предназначенный для переноски свитков. Я

сразу понял, что там. Карта экстремис.

- Это безумие! - прорычал Фишиг.

Кадианцы вокруг нас напряглись и защёлкали затворами.

- Довольно, Фишиг! - проговорил я и обернулся к помощникам. Они выглядели потерянными и напуганными. - Мы не станем сражаться со своими. Сдайте оружие.

Мы скоро разберёмся в этой стихотворной ошибке.

Биквин и Уншабель передали своё оружие кадианским гвардейцам. Фишиг неохотно расстался с карабином арбитра. Нейл открыл

затвор пулемёта, извлёк магазин и отдал его

ожидаящим солдатам. Сам пулемёт так и

остался висеть на его плечах,

поддерживаемый на уровне груди ретнями.

Я удовлетворённо кивнул.

- Шип приглашает Эгиду, во имя
прохладной воды, спокойно, - прошептал я в
вокс и обернулся к Осте.

Он приподнял свой энергетический молот,
при этом бормочущие дознаватели
утолки
и закрыли свои книги.

- Грегор Эйзенхорн, - произнёс Оста на
великолепном формальном высоком
готике,

- по обязательству перед господом
Богом-Императором, нашим предвечным
владыкой, и во исполнение воли Золотого
Трона, от имени Ордо Маллеус и
Инквизиции объявляю вас
гьяволопоклонником и в свидетельство
своих обвинений представляю эту карту.

Да

восторжествует правосудие Империи.

Храни нас Император.

Я извлёк обойму из своего штурмового
болтера и вручил оружие Леониду, как и
полагалось, рукоятью вперёд.

- Ваши слова и обвинения были
услышаны. Я повинюсь, - ответил я по
древней форме. - Да восторжествует
правосудие Империи. Храни нас
Император.

- Вы принимаете эту карту из моих рук?
- Я принимаю её в свои руки, но лишь с
тем, чтобы доказать, что она трижды
лжива.

- Настаиваете ли вы на своей полной
невиновности?

- Настаиваю на том, что я неповинен и

чист. Да будет это записано.

Дроны, парившие за плечами

дознавателей, все записывали, но, несмотря

на это, самый молодой из спутников Оста
отмечал происходящее с помощью
галопера

на планшете, установленном перед ним на
гравипластине. Эту деталь я отметил с
некоторым удовлетворением.

Несмотря на абсурдность обвинений,
Леонид соблюдал формальный протокол со
всей полнотой и точностью.

- Прошу вас сдать знак полномочий, -
произнёс Оста.

- Я отказываю вам в этой просьбе. По
протоколу о предварительном осуждении,
я

заявляю о праве сохранять своё звание до

исхода слушаний.

Он кивнул.

- Этого я и ожидал. - Он перешёл с
высокого формального на низкий готик. -

Спасибо, что помогли избежать
неприятных
моментов.

- Не думаю, что мне удалось избежать
каких-либо неприятностей, Оста. Все,
чего я

избежал, - кровопролития. Происходящее
просто абсурдно.

- Все так говорят, - ехидно пробормотал
он, отворачиваясь.

- Нет, - размеренно заговорил я, заставляя
его застыть на месте. - Виновные и
сображённые сопротивляются. Они
отрицают. Они вступают в сражение. За
свою

жизнь я уничтожил девятиерых
дьяволопоклонников. Ни один из них не
ушёл спокойно. Отметьте этот факт в
вашем

отчёте, - обратился я к пишущему
дознавателю. - Если бы я был виноват, то
не

стал бы вести себя так вежливо.

- Отметь это! - приказал Оста

заколебавшемуся писцу, а потом снова

повернулся ко мне: - Прочтите карту,
Эйзенхорн. Вы виновны как сам грех. И

именно такого понимания и
сотрудничества

я ожидал от столь осторожного и умного
создания, как вы.

- Это комплимент, Оста?

Он сплюнул в орляк.

- Вы были одним из лучших, Эйзенхорн.

Лорд Роркен очень просил за вас. Я признаю

ваши прошлые заслуги. Но вы свернули с
пути праведного. Вы - Маллеус.
Мерзость. И

за это придётся заплатить.

Спустившись наконец с холма, к нам
подошла Нев. Изогранный доспех на ней
проток от крови.

- Это безумие... - пробормотала она.

- Не ваше дело, леги инквизитор, -
оборвал её Оста.

Нев сердито взглянула на Леонида:

- Вы находитесь на моей территории,
инквизитор. Эйзенхорн доказал мне свою
чистоту. А этот цирк препятствует
исполнению задач Инквизиции.

- Ознакомьтесь с картой, леги, - ответил

Оста. - И заткнитесь. Эйзенхорн умен и

утеет убеждать. Он одурочил вас. У
будьте

благодарны, что вас не привлекают к
этому

делу.

Моих спутников, под ответственность
Нев, увезли в Каср Дерм. Мне на такую
роскошь

рассчитывать не приходилось. Меня
погрузили на борт кадуанского военного
лихтера, понёсшегося в рассветных лучах
на

юг, к самому далёкому из островов
кадукадской группы, к печально известной
кадуанской тюрьме - Карнифицине.

Скованный по рукам и ногам, я сидел на
металлической скамье, выступающей из
переборки бронированного трюма, в

окружении кадуанских гвардейцев и
читал

картү. Неровный свет едва пробивался
через

прореzi иллюминаторов.

Я не мог поверить тому, что читал.

- Ну? - проворчал фишиг со своего места в
углү. Мне разрешили взять с собой одного
помощника, и я выбрал Гогвина, учитывая
его арбитрское прошлое.

- Прочитай, - сказал я, протягивая ему
картү. Один из кагуанцев с безразличным
видом взял у меня документ и передал
нахмурившемуся фишигү. Тот углубился
было в чтение, но уже через несколько
секунд разразился неслыханным
богохульством.

- Я тоже так подүмал, - откликнулся я.
Карнифицина высилась над беспокойным
торем, словно коренной зуб какого-то

огромного травоядного животного. Её не столько построили, сколько вырубili в скале. На этом тюремном острове не было ни

одной стены тоньше пяти метров.

О гранитное основание разбивались яростные белопенные волны, а западное побережье подвергалось злейшим океаническим штормам. В открытых водах

между тюремным островом и окружающими

его бесплодными атоллами сталкивались и

крошились айсберги, отколовшиеся от ледников Покоя Кагу и далёкого Кагукадского перешейка.

Берега у самой воды заросли скользкими водорослями и чахлыми акселями.

Лухтер покачнулся, проходя мимо
восточного бастиона, и опустился на
вырезанную в камне площадку. Конвой
вывел меня в холодное солнечное утро, а
затем погнал по сырým, вырубленным в
скалаx коридорам. Стены, покрытые
белыми
отложениями, сочились влагой и пахли
морской водой. С потолка к люкам грязных
темниц спускались ржавые цепи.
Я слышал крики и стоны заключённых.
Здесь доживали свой век обезумевшие и
заражённые варпом кагуанцы, по большей
части бывшие военнослужащие, сошедшие
с
ума во время сражений у Ока.
Кагуанские солдаты передали меня
отряду одетых в красную униформу

тюрельных охранников. От тюремщиков,
вооружённых нейрокнутами и

электрошокерами, невыносимо воняло
давно

не мытым телом.

Отодвинув задвижку, они открыли люк
толщиной в полметра и впихнули меня в
камеру.

Моё новое пристанище представляло
собой помещение четыре на четыре шага,
вырубленное в камне и лишённое окон.

Внутри воняло мочой. Предыдущий
обитатель умер прямо здесь... и не был
вынесен.

Я сдвинул его сухие кости в сторону и сел
на деревянную койку. Меня мучила
неизвестность. Я понятия не имел,
захватила

ли Кагуанская Внутренняя Гвардия

вражеский костический корабль и удалось
ли кому-нибудь проследить за тварью,
захватившей тело бедного Густаана.

Пока мы играли в эти игры, тропинка,
ведущая к Квиксосу, исчезала с каждой
секундой. И я ничего не мог с этим
поделать.

- Когда вы впервые стали сотрудничать с
демонами? - спросил дознаватель Ризгре.

- Я никогда не делал этого и не собирался.

- Но демонхост Черубаэль знает вас по
имени, - сказал дознаватель Палфир.

- Это вопрос?

- Это... - Палфир запнулся.

- В каких отношениях вы состоите с
демонхостом Черубаэлем? - резко встрял
Мояг.

- Я не состою в отношениях ни с одним из
демонхостов, - ответил я.

Меня приковали к деревянному столу в огромном зале Карнифицины. Свет из него

солнца струился вниз из высоких окон. Три дознавателя Осты бродили вокруг меня, словно звери в клетке, их балахоны колыхал

сквозняк.

- Он знает ваше имя, - раздражённо заявил Мояг.

- А мне известно ваше, Мояг. Дает ли мне это власть над вами?

- Как вы организовали беспорядки на Трациане в Улье Примарис? - спросил Палфир.

- Я этого не делал. Следующий вопрос.

- Вы знаете, кто это сделал? - спросил Ризгре.

- Не уверен. Но полагаю, что это было

существо, которое вы уже упомянули.

Черубаэль.

- Вы уже встречались с ним прежде.

- Я мешал ему прежде. Сто лет назад, на
56-Цзар. У вас должны быть отчёты.

Ризгре оглянулся на своих коллег, перед
тем как ответить.

- Они у нас есть. Но вы продолжали его
искать. Зачем?

- По долгу службы. Черубаэль - мерзкое
отродье. И вы ещё спрашиваете, зачем я
его
искал?

- Не все ваши контакты с ним
зарегистрированы.

- Что?

- Мы знаем, что часть ваших встреч
сохранялась в секрете, - перифразировал

Мояг.

- Откуда?

- Поведано под присягой Аланом фон

Бейгом. Он заявляет, что год назад вы
отправили на поиски Черубаэля агента
под

кодовым именем Гончая и что вы не сочли
нужным доложить об этом руководству
своего Оргоса.

- Я не хотел зря беспокоить лорда
Роркена.

- Итак, вы не отрицаете этого?

- Что я должен отрицать? То, что
охочусь

на Хаос? Нет, не отрицаю.

- Но вы ведь делали это скрытно?

- Какой инквизитор не работает скрытно?

- Кто на самом деле Гончая? - спросил

Палфир.

У меня не было ни малейшего желания за просто так осложнять жизнь Фишига.

- Мне не известно его подлинное имя. Он действует инкогнито.

Я ждал, что они попытаются надавить на

меня, но вместо этого Моряк спросил:

- Как вам удалось выжить в трацианском кошмаре?

- Повезло.

Палфир обошёл вокруг меня, поскрипывая до блеска начищенными сапогами.

- Позвольте мне прояснить. Это только начало. Из уважения к вашему чину и

деяниям мы применяем воздействие первого

уровня. Что означает...

- Я много лет был инквизитором, Палфир,

- резко оборвал я его, - и прекрасно знаю, что

означает «воздействие первого уровня».

Устный вопрос без принуждения.

- Тогда вы должны знать о третьем и пятом уровнях? - устехнулся Ризгре.

- Применение лёгких физических пыток и ментальный вопрос. И между прочим, вы только что использовали воздействие второго уровня - устная угроза или описание

тех уровней, которые могут последовать.

- Вас когда-либо пытали, Эйзенхорн? - спросил Мояг.

- Да, и куда менее щепетильные люди.

Кроме того, меня не раз допрашивали.

Воздействия второго уровня на меня абсолютно не действуют.

- Инквизитор Оста уполномочил нас использовать любые методы до девятого уровня включительно, - произнёс, словно плюнул ядом, Палфир.

- Очередная угроза. Второй уровень. На меня не действует. Я уже говорил вам. Я стараюсь сотрудничать.

- Кто Гончая? - спросил Ризгре.

Ага, а вот и продолжение, в расчёте на то, что смогут сбить меня с толку, задавая вопрос, выбивающийся из контекста. На какой-то

миз я даже восхитился их навывками ведения

вопроса.

- Мне не известно его подлинное имя. Он действует инкогнито.

- А это не Годвин Фишиз? Мужчина, которого вы выбрали в качестве

сопровождающего. Он дожидается у входа в зал.

Бывают времена, когда полезными оказываются даже повреждения, причинённые мне Горгоном Локом на Гудрун. Моё лицо просто не способно было проявить реакцию, на которую они рассчитывали. Но внутри я вздрогнул. Они были весьма не глупы и достаточно сообразительны, чтобы хотя бы частично взломать глоссию. В источнике их сведений я был уверен. Они уже упомянули этого хорька

- фон Бейга. Я начал его подозревать ещё несколько месяцев назад, прямо перед трагедией на Трациане. Но тогда мне казалось, что он просто приставлен

поргом

Роркеном для слежки за мной. Теперь же стало ясно, что он с радостью делился информацией с кем угодно. Я распознал слабость фон Бейга и застопорил его карьеру.

Он явно решил найти способ продвинуться с помощью других инквизиторов, прогав меня.

- Если вы узнали, что Фишиг - агент, известный как Гончая, это сюрприз для меня,

- размеренно ответил я, с чрезвычайной осторожностью подбирая слова.

- В своё время мы поговорим и с ним, - сказал Палфир.

- Но не сейчас, пока он является моим представителем. Это нарушило бы Кодекс

Предосуждени. Если желаете допросить
его, я должен получить нового помощника.
Но

своему выбору.

- Мы отнесёмся к этому с пониманием, -
пообещал Ризгре.

- Как вам удалось выжить в трацианском
кошмаре? - спросил Мояг.

- Повезло.

- Поясните, что значит «повезло»?

- Я остановился, чтобы почтить могилу

адмирала. Врата Спатиана защитили
меня от

ударов с воздуха.

После всей лжи, рассказанной мне

Черубаэлет на Уичане, я испугался, что
этот

вопрос может всплыть снова при

ментальном вопросе. Ложь или, по крайней

мере, моя попытка её скрыть была бы выявлена.

- Все это злодеяние служило только прикрытием, чтобы позволить вам освободить и вывезти с Трациана псайкера-еретика Эзархагдона.

- Отнесусь к этому предположению с презрением. Если бы все было задумано

только для того, чтобы «отмыть» псайкера, то это было бы чересчур расточительно. Тем

не менее мне кажется, что кое в чём вы правы. Для этого все и затевалось. Но не мной.

Мояг нетерпеливо провёл языком по своим жёлтым зубам:

- Вы утверждаете, что на самом деле во

всем виноват инквизитор Лико?

- В сотрудничестве с демонхостом.

- Но Лико уже не сможет ответить на эти

обвинения, не так ли? Вы ведь убили его на

Уичане.

- Я казнил Лико на Уичане как предателя

Улпериута.

- А я утверждаю, что вы убили его, потому

что он вышел на ваш след. Убили его, чтобы

заставить затолчать.

- Скажите, а моё присутствие здесь необходимо? Вы сами прекрасно придумываете ответы.

- Где Эзархаддон?

- Там, куда его унёс Черубаэль.

- И куда же именно? - спросил Палфир. Я пожал плечами:

- К своему хозяину. Квиксосу. Все трое застелялись.

- Квиксос мёртв. Он давно скончался! - захихикал Мояг.

- Тогда почему ты с леги инквизитором обнаружили, что он манипулировал её кодом, чтобы получить доступ в кадуанское воздушное пространство?

- Потому что вы заставили её увидеть это.

Вы сказали ей, что Квиксос воспользовался своим влиянием, чтобы выкрасть её авторизационный код. Если так, то это преступление мог совершить кто угодно из

прославленных инквизиторов,

пользующихся нестандартными
методами.

Вы могли совершить его. А при
использовании кода покойника некому
бюджет
протестовать.

- Квиксос жив. - Я прочистил горло. -

Квиксос еретик и пособник дьявола. Он
совратил на службу себе таких
инквизиторов, как Лико и Молитор. Он
использует
демонхостов. Он готов устроить
массовую
резню, чтобы скрыть похищение псайкера
класса альфа-плюс.

Трое дознавателей на миз затихли.

- Мы тратим время впустую, - произнёс я.

- Вы взяли не того человека.

Но бесполезное растрачивание времени

продолжалось. Прошла одна неделя, а за ней

вторая.

Каждый день меня выводили в огромный зал и допрашивали обо всём, о чём только можно, применяя воздействие первого уровня. Вопросы повторялись такое множество раз, что меня стало тошнить от

них. Никто из дознавателей, казалось, и не

слушал моих объяснений. Насколько я мог знать, ничего из сказанного мной не проверяли.

Они откровенно побаивались переходить к физическим или ментальным средствам

извлечения сведений. Поскольку я был псайкером, то, как минимум, мог

достаточно

затруднить ил работу. В итоге они бы
так и

не узнали, какая часть полученной от
меня

информации окажется правдивой. Оста
явно

решил довести меня бесконечной чередой
перекрёстных вопросов.

Каждый вечер, когда над океаном тускнел
свет, мне позволяли пятнадцать минут
поговорить с Фишигом. Эти беседы были
бесмысленны. Камеру наверняка
напичкали

прослушивающими устройствами, а,
насколько мы знали, глоссия была
скомпрометирована.

Фишиг не мог рассказать многого, но я
хотя бы узнал, что Медея, Эмос и боевой

катор, равно как и «Уссин», не попали в
руки

Осты.

Так же не находилось никаких следов

Профанити-Густаана. Фишиг был уверен,
что загадочное звёздное судно,
доставившее

демонхоста на Кагию, так и не
перехватили в

ту злополучную ночь.

Через Гогвина я послал ходатайства
Осте, Роркену и Нев, протестуя против
своего

задержания и убеждая их взяться за

дальнейшее расследование по делу
Квиксоса.

Ответов не последовало.

Сретение давно миновало. Прошло ещё

три недели. Я понял, что стенился год. За

пределами толстых, холодных стен

Карнифицины уже шёл 340.М41.

На исходе третьего месяца заключения меня отвели на ежедневный допрос в огромный зал, где вместо привычных дознавателей меня ожидал Оста.

- Садитесь, - сказал он, махнув в сторону стула, одиноко стоящего посреди пустого помещения.

Было темно и холодно. На исходе зимы с востока налетали яростные штормы, и, несмотря на гневное время, в высокие окна не проникал свет. Они были забиты снегом.

От моего дыхания в воздух поднимался пар.

Я дрожал. По периметру помещения Оста установил шесть ламп.

Я засунул руки в карманы плаща и сел.

Мне не хотелось, чтобы Оста видел, в

наком

я состоянии. Ему было тепло и комфортно в

своей сверкающей силовой броне. Он просматривал информационный планшет, а

я видел собственное отражение в полированных пластинах на спине его доспеха. Моя одежда изнасилась и

испачкалась. Кожа стала бледной. Я сбросил

добрых семь килограммов и теперь носил густую бороду, столь же непослушную, как и

волосы. Единственной вещью, составлявшей

мое имущество, являлась инквизиторская insignia, лежащая в кармане плаща. Она помогла мне успокоиться.

Оста повернулся ко мне лицом:

- За три месяца ваши показания не изменились.

- Это должно о чём-то говорить, не так ли?

- Мне это говорит только о том, что у вас

много упорства и осторожный ум.

- Или о том, что я не лгу.

Он положил планшет на один из столиков с лампами.

- Позвольте мне объяснить вам, что произойдёт дальше. Лорд Роркен убедил Великого Магистра Орсини переправить вас

на Трациан Примарис. Там вы предстанете

перед судом по обвинениям, изложенным в карте экстремис, перед Трибуналом

Магистериума Ордо Маллеус и Службой
Внутренних Расследований. Роркен вовсе
не

рад этому, но большего Орсини позволить
не

мог. Как я слышал, Роркен полагает, что
ваша непорочность - или вина - может
быть

установлена раз и навсегда на
формальном
суде.

- И исход этого суда может поставить вас
и

вашего Магистра, лорда Безье, в
неудобное
положение.

Оста расстелялся:

- По правде говоря, я был бы рад оказаться
в неудобном положении, если бы это
привело к реабилитации столь ценного

инквизитора, как вы, Эйзенхорн. Но не
думаю, что это произойдёт. На Трациане
вас

сожгут за преступления с той же
уверенностью, что и здесь.

- Я рискну, Оста.

- Я тоже, - кивнул он. - Чёрные Корабли
прибудут сюда через три дня, чтобы
увезти

вас на Трациан Примарис. Это даёт мне
время, чтобы сломить вас прежде, чем
дело

вырвут из моих рук.

- Будьте осторожны, Оста.

- Я всегда осторожен. Завтра мои
помощники перейдут к девятому уровню
воздействия. И отдыха не будет до тех
пор, пока либо не прибудут Чёрные
Корабли, либо

вы не скажете мне то, что я хочу услышать.

- Два дня по девятым уровнем практически гарантируют, что к моменту их прибытия я буду мёртв.

- Возможно. Это будет досадно, к тому же ещё и вопросы станут задавать. Но это далёкая тюрьма, и команду здесь я. Именно

поэтому сегодня я просто беседую с вами.

Только вы и я. Последний шанс. Расскажите

мне всю правду сейчас, Эйзенхорн, как мужчина мужчине. Упростите все для нас обоих. Сознайтесь в своих преступлениях, пока вам не начали причинять боль, избавьте

нас от суда на Трациане, а я сделаю все возможное, чтобы ваша казнь не была

лучительной.

- Я с радостью скажу вам правду.

Его глаза загорелись.

- Она изложена там, на том планшете, который вы читали. Я не раз повторял её в

течение трех последних месяцев.

Когда под гул океанических бурь

охранники провели меня по каменным

коридорам и втолкнули обратно в холодную

камеру, меня уже дожидался Фишиг. Наши ежедневные пятнадцать минут.

Он принёс лампу и поднос с ужином: жидкий, чуть тёплый рыбный бульон, корка

чёрствого хлеба и стакан разбавленного рома.

Я сел на грубо сколоченную койку.

- Меня требуют выдать для суда, - сказал я

Тодвину.

- Но, - кивнул он, - как я понимаю, завтра начнутся пытки. Я подал протест, хотя уверен, его случайно уронят в мусорную корзину.

- Убеждён, так и произойдёт.

- Ты должен поесть, - сказал Фишиг.

- Не хочу.

- Просто поешь. Тебе понадобятся силы, а судя по внешнему виду, с этим у тебя проблемы.

Я покачал головой.

- Грегор, - сказал он, понизив голос. - Хочу задать один вопрос. Он тебе не очень понравится, но это важно.

- Важно?

- Для меня. И твоих друзей.

- Спрашивай.

- Скажи, ты помнишь, - Боже-Император, как же это было давно! - как в прошлом году

мы снова встретились на том

кладбищенском поле возле Каср Тирок?

- Конечно.

- В толельной башенке ты сказал мне, что

не можешь и подумать о том, чтобы

совершить что-то, что поразует демона или

поможет ему. Ты сказал тогда: «Я не могу

даже вообразить себя творящим такое безумие».

- Я хорошо помню это. Ты ещё мне

ответил, что если бы решил, будто я

собираюсь так поступить, то сам пристрелил

бы меня.

Он кивнул и грустно устехнулся.

Последовало мгновение тишины, нарушаемой только треском латны и грохотом моря за пределами тюремных бастионов.

- Ты хочешь убедиться, не так ли, Говвин?

- спросил я.

Он укоризненно посмотрел на меня, но промолчал.

- Мне это понятно. Я требую абсолютной верности и от тебя, и от всех своих людей. Вы

имеете право быть уверенными в том же самом относительно меня.

- Тогда ты знаешь мой вопрос. Я

посмотрел ему прямо в глаза:

- Ты хочешь спросить, не лгу ли я? Есть ли

хоть крупница истины в обвинениях? Ты хочешь быть уверен, что не работаешь на человека, который являлся с демонами?

- Понимаю, глупый вопрос. Если бы все это было правдой, то тебе ничего не стоило

бы солгать и сейчас.

- Я слишком устал, чтобы говорить что-то

кроме правды, Годвин. Клянусь Золотым

Троном, я не делал ничего такого, в чём меня

подозревает Оста. Я преданный слуга

Императора и Инквизиции. Найди мне Орла, я поклянусь и на нём. Не знаю, что ещё могу

сделать, чтобы убедить тебя.

Он поднялся на ноги:

- Мне хватит и этого. Просто хотел убедиться. Мне всегда было достаточно твоего слова, и после всех этих лет я убеждён, что ты сказал бы мне все... даже если бы...

- Уж будь уверен, старый друг. Сказал бы. Даже если бы я и был таким отрогьем, каким

меня считает Оста, и сумел бы обмануть его... Тебе бы я соврать не смог. Только не тебе, исполнитель фишиг. Охранник постучал в дверь катеры.

- Ещё минутку! - прокричал Годвин и снова обернулся ко мне. - Съешь свой ужин. - Тебя Оста за этим прислал? - спросил я. - Проклятье, нет! - оскорблённо прорычал он.

- Все в порядке. Я и не думал об этом.

Охранник постучал снова.

- Хорошо, будь ты неладен! - фыркнул

фишиг.

- Увидится завтра, - сказан я.

- Да, - ответил он. - Но сделай кое-что для
меня.

- Только скажи.

- Поужинай.

Предположительно около полуночи

начались судороги. Они пробудили меня от

глубокого сна. Боль пронзала все тело, а

сознание словно оцепенело. Я не
чувствовал

себя так плохо с тех пор, как почти за два

года назад на Лете Огиднагцать во время

Тёмной Ночи меня отравил Най.

Я попытался подняться и рухнул с койки.

Живот скрутило спазмом, и я вскрикнул.

Меня рвало остатками жуткого ужина.

Меня

терзал то лихорадочный жар, то
смертный

озноб.

Не знаю, сколько времени у меня ушло на

то, чтобы доползти до двери, и как долго
я

молотил в неё кулаками. Несколько
минут

или много часов.

Сознание отступало перед спазмами и

усиливающейся агонией.

- Святой Император! - воскликнул

охранник, когда открыл дверь и увидел
меня

в свете фонаря.

Он закричал, потом раздался топот ног,
бегущих по коридору.

- Он болен, - услышал я слова охранника.

- Оставьте его до утра, - сказал другой.

- Он умрёт, - нервно ответил первый.

- Пожалуйста... - прохрипел я, протягивая руку. Пальцы парализовало и скрутило в уродливую клешню. Прибыли остальные. Я услышал голос фишига:

- Ему нужен врач. Профессиональная помощь.

- Не позволено, - возразил охранник.

- Мужик, ты глянь на него! Он же умирает!

У него какой-то приступ.

- Пропустите, - произнёс чей-то голос.

Подоспел тюремный санитар. Его сопровождал Ризгре. Дознаватель выглядел так, словно его вынули из постели.

- Он симулирует, оставьте его! -

высокомерно заявил Ризгре.

- Заткнись! - прорычал Фишиг. - Посмотри на него! Это не симуляция!

- Он мастер обмана, - ответил Ризгре. -

Возможно, он слизал свинцовую краску с двери, чтобы лучше сыграть спектакль, но

тем хуже для него. Это обман. Оставьте его.

- Он утирает, - настаивал Фишиг.

- Похоже, он серьёзно болен, - озабоченно произнёс охранник.

Неожиданно меня скрутили новые мучительные судороги. Нагой и голодный склонился

санитар, и я услышал писк медицинского успеха, который он вытаскил из своей фармакопеи.

- Это не симуляция, - пробормотал санитар. - У него припадок. Невозможно специально настолько неестественно напрячь мускулатуру. Уровень кислорода в крови упал до тридцати процентов, а его сердце дефибриллирует. Он умрёт менее чем через час.

- Сделайте ему укол. Приведите его в чувство! - завопил Риггре.

- Не могу, сэр. Не здесь. Здесь для этого нет средств. Ох! Император, вы только посмотрите! У него открылось кровоотечение из глаз и носа.

- Сделай же что-нибудь! - закричал Риггре.

- Надо доставить его в больницу.

Ближайшая в Каср Дерм. Нам надо срочно

перевезти его туда, иначе он умрёт!

- Это смешно! - сказал Ризгре. - Вы должны сами что-то сделать...

- Не здесь.

- Организуйте вылет, Ризгре, - твёрдо произнёс Фишиг.

- Это пленник Инквизиции первого уровня! Мы не можем просто так вывезти его

отсюда!

- Тогда позовите Осту...

- Он на ночь уехал на материк.

- Хотите оказаться первым, кто положит

Осте, что его драгоценный пленник похож на

получай эту катеру? - Фишиг перешёл на шёпот.

- Нет...

- Тогда об этом ему скажу я. Объясню

Осте, что его человек, Риггре, лишил его
права завершить самое серьёзное
расследование в жизни просто потому,
что

не озаботился вызвать транспорт и
позволил

Эйзенхорну умереть от токсического
шока в

тюремном отсеке!

- Вызывайте транспорт! - закричал
Риггре

на охранников. - Сейчас же!

Они вынесли меня на носилках к
посадочной площадке во вьюжную мглу.

Спорящие перекрикивали вой резкого
порывистого ветра. Санитар поставил
мне

капельницу и пытался подавить
симптомы, введя несколько препаратов из

своего

скудного запаса.

На площадке затерцали посадочные огни, холодные и белые. В их свете кружащиеся снежинки казались чёрными точками.

Сотрясая камень своими гюзами и разбрасывая во все стороны снег, прибыл кагуанский лихтер.

Меня внесли в освещённый зеленоватым светом салон. Холод и отвратительная погода остались за закрытым люком. Я почувствовал, как сильно накренилось судно, когда мы взлетели и развернулись к материке. Фишиг подтягивал ремни, удерживающие меня на койке. Я слышал, как, перекрикивая рёв моторов, Ризгре орёт на пилота.

Фишиг незаметно извлёк из своего плаща

пүзырёк с какой-то жидкостью и вставил
его

в капельницу. Почти тут же я
почувствовал

себя лучше.

- Лежи спокойно, дыши медленно, -
зашептал Фишиг. - И крепись. Скоро
начнутся... ухабы.

- Контакт! Три километра, посадка будет
тяжёлой! - выпалил второй пилот.

- Это ещё что за чушь? - требовательно
спросил Риггре.

Раздалось тревожное попискивание
приборов.

- Угнем Золотого Трона! Они же целятся
в нас! - воскликнул пилот.

- Внимание, челнок, - затрещал по
открытому вокс-каналу голос. -

Приземляйтесь на острове к западу
отсюда.

Пять два на три шесть. Немедленно, или
мне

придётся вас сбить!

Постепенно ко мне стало возвращаться

зрение. Я оглядел залитую зелёным
светом

кабину и увидел, как Риггре вытаскивает
лазерный пистолет.

- Это что, измена? - спросил он, глядя на
Фишига.

- Мне кажется, вам лучше поступить
так, как приказано, и немедленно
приземлиться,

- спокойно ответил Годвин.

Риггре попытался выстрелить, но резкий
свет вспыхнул секундой раньше. Фишиг
сжёг

дознавателя потоком огня из

цифроорудия, встроенного в кольцо
джокаэро, надетое на

его указательный палец. Как я понял, это
было одно из украшений Максиллы.

Фишиг выстрелил ещё раз, превратив в
пар вокс-систему.

- Садись! - приказал он пилоту, наводя на
него кольцо.

Челнок совершил аварийную посадку, выпав
из бурана над скалистым берегом
необитаемого островка.

- Руки на головы! - приказал Фишиг
экипажу, вытаскивая меня через люк.
Вокруг

бушевала снежная буря.

Я с трудом мог идти, и Годвину
приходилось помогать мне.

- Вы отравили меня, - прохрипел я.

- Все должно было выглядеть убедительно.

Этос рассчитал дозу состава, который
реактивировал бинарный яд в твоём теле.

Отрава Ная.

- Ублюдки!

- Ха! Если человек способен ругаться,
значит, жить будет. Пойдём!

Он практически тащил меня по гальке
сквозь вихрь океанической бури, жалящей
наши лица острой ледяной пылью. Вверх
мелькнули огни, и той боевой катер
совершил идеальную бетанкоровскую
посадку на лёдзлую гальку.

Поднявшись по трапу, Фишиг передал
меня в руки Биквин и Уншабеля.

- Боже правый, и вы тоже в этом
участвовали? - захрипел я.

- Конечно! - бросила Елизавета. - Натан!

Быстро сделай укол антидота!

Я утирал второй раз менее чем за два года. Вначале от бинарного яда из рук прихвостня Сагуи Колдуньи на Леме, а потом

в челноке, падающем сквозь зимнюю бурю на промёрзшей Кагуи.

Боевой катер взмыл в воздух, пронёсся над береговой линией и вернулся к челноку.

Да простит Император мне и моим помощникам гибель Риггре и двух пилотов.

Только их смерть могла гарантировать мою

безопасность.

Я услышал, как Нейл скотандовал Мегее:
- Огонь.

На кагуанский челнок обрушилась вся мощь артиллерии боевого катера. Обломки

на отдалённом острове обнаружат уже на
рассвете. Единственной версией
случившегося будет трагическая авария,
произошедшая во время адской бури.

Сквозь плотную завесу шторма мы
прорывались к орбите. Никто не говорил
этого вслух, но я знал, что наш рейс
должен

быть прикрыт чьим-то авторизационным
кодом.

Как я догадывался, он принадлежал Нев. И
скорее всего был выдан по её разрешению.

«Уссин» ждал нас.

- И что дальше? - хрипло спросил я
Фишига.

- Черт возьми, я рисковал всем, чтобы

вытащить тебя, - ответил он. - Мы
надеялись, это ты скажешь нам, что
делать дальше.

- Синшара, - сказал я. - Скажи Максилле, чтобы он доставил нас на Синшару.

Бывают тайны, которые лучше держать при себе.

- А что там, на Синшаре? - спросила Биквин.

- Старый груг, - сказал я.

- Если быть точным, не совсем груг, - добавил Эмос.

- Эмос прав. Старый знакомец.

- Вернее, два старых знаконца, - поправил меня учёный.

- Вы и ваши старые секреты. Почему вы никогда не отвечаете прямо? - нахмурилась

Биквин.

- Потому что чем меньше вам известно, тем меньший вред вам причинит

Инквизиция, если нас поймает, - объяснил

я.

- Как ты постройнел, - слащаво улыбнулся

Максилла, когда я поднялся на мостик

«Уссина».

Я принял душ, сбрил бороду, зачесал

кости назад и переоделся в чёрный льняной

костюм, но все ещё чувствовал ужасную

слабость в ногах и не был настроен
шутить с

Максиллой.

- Курс к Синшаре проложен, - натянуто

продолжал Тобиус, очевидно поняв моё

состояние. Его позолоченные сервиторы

согласно загудели. Только скрытый

капюшоном Навигатор, сосредоточенный
на

своих заботах, не сказал ничего.

- У меня есть вопрос. - Уншабель сидел на

месте второго Навигатора и разглядывал карты звёздного неба. - Почему именно Синшара? Шахтёрский мирок на границе Сегментума, почти у самых Мутных Звёзд.

Мне казалось, мы должны искать Квиксосу.

- Это бессмысленно.

- Что? - почти в один голос спросили Максилла и Уншабель.

Я опустился в кожаное кресло.

- Зачем нам искать Квиксосу, если при столкновении он гарантированно уничтожит нас? Мы едва пережили стычки с его демонхостами. Мы не обладаем достаточными силами, чтобы сражаться с ним.

- И? - спросил Уншабель.

- Первое, что мы должны сделать, - это найти такие силы. Подготовиться.

Вооружиться, чтобы уничтожить одного из

самых могущественных врагов Империи.

- И для этого мы должны отправиться на Синшару? - прошептал Натан.

- Уж поверь мне, - сказал я. - Синшара - это только начало.

Глава семнадцатая

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

ДОКТОР САВИН, ХОРА И

МИСТЕР ХОРН

ВО ФЛИГЕЛЕ

Даже не покидая варна, у «Уссина» ушло бы тридцать недель, чтобы достичь

Синшары. В действительности мы
избрали

окольный маршрут, избегая всех
возможных

столкновений с силами Империи. Меня
это бесило. Впервые меня злила
необходимость прибегать к уловкам.

Через несколько недель через косвенные
источники нам удалось узнать, что мой
побег

с Кагии раскрыт. Инквизиция - как и
другие

институты - охотилась на меня. Я был
формально объявлен еретиком и
пособником

дьявола. Лорд Форкен наконец подписал
карту Осты.

Я стал тем, кем никогда не был прежде.

Перебежчик. Отступник. И, помогая мне,
все члены моей команды становилась

предателями.

Мы заработали несколько шрамов. Во
время дозаявки на Маллиге нас
обнаружил

и преследовал неопознанный военный
корабль, от которого мы оторвались
только в

Эмпиреях. На Авиньоре нас пытался
заставить совершить посадку эскадрон
боевых шлюпов Экклезиархии,
выстроившихся пикетом вдоль границы
своей епархии. Нам удалось спастись
только

благодаря сочетанию мастерства
Максиллы в

управлении судном с боевым чутьём
Медеи.

На Трексии Бета Нейл и Фишиг
пытались

нанять астронаута и были вынуждены

вступитъ въ перестрелку съ охотниками
арбитровъ. Они такъ никогда и не
рассказали, сколько имъ пришлось убить,
но

произошедшее еще долго занозой сидело въ
ихъ душахъ.

На Энима Гүльфвард Биквин удалось
нанять астронаута, болезненную женщину
по

имени Тереза Унгуш. Когда та наконецъ
узнала, съ кемъ имеетъ дело, то попросила
вернуть ее въ родной захолустный миръ.

Потребовалась масса времени, чтобы
убедить ее въ томъ, что съ моей стороны ей
ничто не угрожаетъ. Въ конце концов, я
вынужденъ былъ открыть ей свое сознаніе.

На звезде Оета во время остановки для
пополнения припасовъ насъ обнаружилъ
инквизиторъ Фронтейл. Какъ и въ случаѣ съ

Ризгре и кадианскими пилотами, меня
вечно

будут преследовать мысли об этих

безвинных жертвах. Я пытался
поговорить с

Фронтейлом. Очень старался убедить
его. Но

молодой человек верил в то, что моя
смерть

станет ключом к его блестящей карьере.
Он

продолжал называть меня «Эйзенхорн

еретик». Именно эти слова стали для
него

последними, когда я задохнулся в

геотермальный теплообменник.

Ещё с Трекси Бета нас преследовали

постоянные слухи, что за нами охотится

ликвидационная команда Серых Рыцарей

Ордо Маллеус. А с ними и Караул Смерти

от

Ордо Ксенос.

Я молился Богу-Императору, чтобы он позволил мне закончить свою миссию прежде, чем меня настигнут силы правосудия. Молился, чтобы моим друзьям удалось спастись.

Между этими стычками были только долгие недели полёта в глубоком варне. Я проводил это время за учёбой и боевой практикой с Нейлом, Фишигом или Мегеей.

Боролся за то, чтобы восстановить здоровье.

Карнифицина опустошила меня и физически, и духовно. Вернуть утраченные

килограммы оказалось не так-то просто, несмотря на обильные пиршества с

Максиллой.

Я чувствовал, что стал медлительным. Медлительным во владении клинком, в движениях, неловким в обращении с пистолетом.

Сам мой разум стал менее расторопным.

Временами даже накатывал страх, что Осте

всё-таки удалось сломить меня.

Тереза Унгуш была наполовину парализованной женщиной, за пятьдесят.

Тяжкие варп-ритуалы искалечили её и почти

выжгли изнутри, оставив доживать в

должности младшего астронаута в бараках на

Энила Гүльфвард. Её мощное тело

поддерживал аугментический экзоскелет.

Мне

кажется, когда-то она была прекрасной, но со временем её лицо стало казаться мёртвым, а волосы поредели, освобождая место для имплантированных разъёмов кабелей.

- Опять явился, еретик? - спросила она, когда я вошёл в её каюту. Шла двадцатая неделя путешествия.

- Мне бы не хотелось, чтобы ты так ко мне обращалась, - сказал я.

- Вполне подходящее обращение, - протурлыкала Тереза. - Эта твоя Биквин вытащила меня из безопасной жизни на Энила Гүльфвард и втянула в личный крестовый поход еретика.

- Безопасная жизнь, Унгиш? Тебя ждал печальный конец. Учитывая плотность

потоков, которые тебе приходилось
перерабатывать, ты бы умерла в
ближайшие
шесть месяцев.

Она чертыхнулась, и её аугметическая
коляска загудела, когда Тереза
повернулась, чтобы налить нам по бокалу
атасека. В свой

напиток она добавила фитобарьерные
агенты. В помещении стоял сильный
запах

листьев лхо. Я знал, что тяжкие
жизненные

испытания оставили в наследство Унгиш
постоянные боли, которые она старалась
заглушить любым доступным способом.

- Умереть и быть похороненной на Энила
Гүльфвард через полгода... или скончаться
в
түчениях, прислуживая тебе.

- Все совсем не так. - Кивнув, я взял предложенный бокал.

- Да неужели?

- Нет. Я позволил тебе заглянуть в моё сознание. Ты знаешь, что мои помыслы чисты.

- Возможно, - нахмурилась она. Ей было трудно управиться со своим бокалом.

Мехагендриты, затенявшие ей правую руку, были старыми и медлительными. Но она

только отмахнулась, когда я попытался ей

помочь.

- Возможно? - переспросил я.

Унгиш сделала большой глоток атасека и воткнула папиросу с лхо тежду потрескавшимся губами.

- Я смотрела в твоё сознание, еретик. Ты

не столь чист, как тебе хочется думать.

- Разве? - Я опустился на кушетку.

- Да ладно, не обращай внимания. - Тереза

прикурила папиросу и глубоко затянулась

наркотическим дымком. - Я только

старый, потасканный псайкер, который
слишком

много болтает.

- Но мне интересно. Что же ты увидела?

Её экзоскелет тихо заскулил, когда она

направилась к другой кушетке, а затем

зашипела гидравлика, потогая ей сесть.

Тереза сделала ещё одну глубокую

затяжку.

- Прости, - сказала астронавт. - Может,

ты

тоже хочешь штучку?

Я покачал головой.

- Я служила Астронавтику всю свою

жизнь - и пребывая на службе в гильдии, и сейчас, в качестве внештатного сотрудника.

Когда твоя баба заявила ко мне с реальными деньгами и предложением работы, я согласилась. Но, ох...

- Предполагается, что астронавты сохраняют нейтралитет, - возразил я.

- Вообще-то, считается, что астронавты служат Императору, еретик, - произнесла Тереза.

- Что ты видела в моем сознании? - снова спросил я.

- Слишком много, слишком много. -

Унзиш выпустила внутреннее кольцо дыма.

- Расскажи мне.

Она покачала головой или по крайней

мере мне показалось, что сопровождаемое
шипением движение держателя её головы
должно было передавать этот жест.

- Думаю, мне стоит быть благодарной.
Вы

спасли меня от смерти и взяли с собой в
это... приключение.

- Мне не нужна твоя благодарность. - Я
начал терять терпение.

- Умереть и быть похороненной на Энила
Гүльфвард через полгода... или скончаться
в

тучениях, прислуживая тебе, - повторила
она.

- Все будет совсем не так.

- О, так и будет. Я видела это. Все это
ясно

как день. - Тереза выпустила ещё одно
кольцо дыма.

- Ты видела?

- Много раз. Из-за тебя, еретик, я и погибну.

Унгиш оказалась упрямой и пессимистичной. Я знал, что она видела вещи, о которых не станет рассказывать.

В конечном счёте я даже перестал её спрашивать. Мы встречались раз в несколько дней, и она делала психометрические снимки из моего сознания. Кадианские пилоны. Черубаэль. Профанити и её вериги.

К тому времени, как мы достигли Синшары, у меня уже имелась пачка психометрических изображений и благодаря искалеченной астропатке трючные

предчувствия.

Синшара. Богатый рудой кусок камня на орбите блуждающей звезды.

Устерзанная гравитационными бурями солнечная система Синшары обречена вечно

скитаться по краю Мутных Звезд на границе

пространства Империи. Десять тысяч лет

назад она была соседкой 3458-Дорнал, имела

девять спутников и астероидный пояс. Когда

мы наконец обнаружили её, она проплывала

через систему Найтбайл и перенесла два серьёзных костических столкновения.

Теперь у неё оставалось шесть спутников и

несколько широко расходящихся
астероидных поясов. Блуждающая звезда
сошлась в пьяном танце с Найтбайл
Минор -

кокетливое столкновение
гравитационных
полей, на разрешение которого уйдёт ещё
миллион лет.

Сам же Синшара или, правильнее,
четвёртая планета блуждающей системы
Синшара X181B представляла собой глыбу
из

синего камня, описывающую восьмёрку
вокруг двух грозящих столкнуться звёзд,
следуя капризам их пересекающихся
гравитационных полей.

С самого обнаружения эта планета,
богатая крайне редкими минералами,
включая анцилит и форидий, стала
шахтёрским раем.

- Никаких дзорных сүгов. Практически
нет путеводных бүев, - произнёс
Максилла, направляя «Уссин» к системе. -
Вижу
действующую обитаемую точку. Готов
поспорить, что это колония шахтёров.
- Выходи на орбиту, - сказал я ему. -
Медея, готовь катер к посадке. Эмос, ты
отправляешься со мной.
- Ого! - прошептала Медея, покрепче
сжатая биодатчики штурвала
инкрустированными «серебром» руками.
Сүдно согрознулось от очередного
мощного удара.
- Тут повсюду гравитационные потоки. Я
постоянно натываюсь на вихри.
- Неудивительно, - пробормотал Эмос,
устраиваясь в лётном кресле и застёгивая
ремни безопасности. - Эта блуждающая

звезда и её планетное стадо превратили
всю

систему в зону бедствия.

- Хм... - откликнулась Медвея, не проявляя
никакого беспокойства и бросая катер в
сторону, чтобы увернуться от чёрного
астероида, оказавшегося на нашем пути.

Поблизости от Синшары начиналось поле,
в котором постоянно сталкивались
каменные

обломки и пласты шлака, дрейфующие по
сложным и экзотичным орбитам. Части
этого

поля образовывали тонкие кольца вокруг
Синшары, но далее они имели странные
очертания, искривлённые гравитационной
дисгармонией. Там, где облака пыли и
тёмного мусора отражали лучи звезды,
космос светился яркой золотой дымкой.

Силовые щиты катера могли выдержать
удары довольно крупных камней, но
некоторые были чересчур огромными. При

встрече с ними требовались
дополнительные
обходные манёвры.

Вскоре мы стали лучше видеть Синшару
в

золотом тумане: синий объект
неправильной

формы, быстро вращающийся вокруг своей
оси. Половина планеты скрывалась в тени,
и

пики её минеральных гор загорались
предрассветными вспышками, когда
улавливали первые лучи света.

- Конечно, чем ближе мы приближаемся к
планете, тем сильнее становятся
гравитационные возмущения, - вслух
размышлял Эмос.

Медея не нуждалась в советчиках. Даже я
понимал, что пространство вокруг

небесного

тела неправильной формы - а особенно, если

оно составлено из элементов разной

плотности, - бюджет переполнен различными

гравитационными аномалиями. Мне

кажется, Эмос просто болтал, чтобы отвлечься.

Медея обогнула огненные хвосты трех

болидов и угодила в поток высокой

гравитации. Нам навстречу резко рванулась

и заполнила вес экран вращающаяся

поверхность Синшары - холодные, словно

изрытые оспой просторы. Загудели датчики, оповещающие о слишком резкой потере

высоты и быстром приближении

поверхности, но Медея разгряжнно
вырубилa их одним ударом руки. Катер
немного выровнялся.

- Только что включились маяки
шахтёрской колонии. - Медея прочистила
горло. - Состоялся предварительный обмен
телеметрией. Они запрашивают наши
идентификационные коды.

- Передай их.

Медея активизировала передатчик и
послала импульс, содержащий
информацию

о нашем корабле. Это был один из
маскировочных шаблонов, хранившихся в
нашем кодифере для тайных вылетов,
великолепная подделка, сработанная
Медеей

и Максиллой. Согласно данной подписи,
мы

были исследовательской командой из
Ройал

Школум Геологикүс с Мендалины.

- Нам выдали разрешение на посадку, -
сообщила Медея, обходя очередную зону
гравитационной турбулентности. - Они
включили луч наведения.

- Есть связь?

Она пототала головой:

- Все это может быть автоматикой.

- Сажай нас.

Верхний уровень Синшары представлял
собой скопление старых индустриальных
построек, облепивших склоны воронки,
образованной падением астероида.

Посадочные огни горели в конце борозды на
краю кратера. На первый взгляд строения
казались примитивными, грубо

вытесанными из синего камня, но я быстро понял, что это стандартные имперские модульные здания, покрытые коркой голубой пыли и гипсата.

Судя по записям, рудники Синшары функционировали уже девять сотен лет.

Мы приземлились на расчищенной площадке, окружённой последовательно потизивающими латнами. Тормозные реактивные струи поднимали облака элювия, повисающие в лишённом воздуха небе.

Вскоре из тени ангара выкатились два мощных гусеничных сервитора. Они подсоединили захваты к носу катера и бесшумно потащили нас в док, угрюмое грязное металлическое сооружение, оборудованное подвѣсниками. В стыковочных подвесах покоились две

потрёпанные разведывательные зондолы, а
в

дальнем конце стоял выдвинувший выдвиг
грузовой челнок.

Двери дока за нами закрылись, и, когда
внутри помещения стал нагнетаться
воздух, мерцающие предупредительные
лампы из

янтарных начали становиться зелёными.

Если не считать сервиторов, вокруг не
было

видно никаких признаков жизни.

- Бортовые системы дают зелёный свет
по

внешним условиям, - сказала Медея,
поднятаясь из своего кресла.

- Мы готовы? - спросил я.

- А то, - ответила Бетанкор.

Она стенила свой извечный костюм

главианского пилота с его броской

вишнёвой

безрукавкой на куда более
непритязательный неряшливый лётный
комбинезон. Тяжёлый, грязный и
мешковатый, он на самом деле был ничем
иным, как стёганой подстёжкой
бронированного скафандра. Поверхность
его

покрывали шнурки, разъёмы и дюбели,
предназначенные для крепления сегментов
брони, а на груди имелись выходы для
шлангов. Медя отсоединила кольцо для
пристёгивания шлема и оставила
тяжёлый

воротник распахнутым. Кроме того, она
натянула рабочие перчатки и армейские
сапоги с окованными мысами, а волосы
собрала под кепкой с козырьком,
украшенной имперским орлом.

Этот отрегулировал гидравлику своего
аугментического экзоскелета так, чтобы
тот

держал его максимально строго и
вертикально. В глинной тунике из
чёрного

панбархата, белой, плотно облегающей
шапочке и с резной инфоростью он

выглядел как типичный акадетик
школы.

Я постарался избавиться от всех
элементов своей привычной
инквизиторской

экипировки, надев кожаные брюки и

высокие, туго зашнурованные сапоги, а

кроме того, старый бронежилет и
полностью

закрывающую лицо маску-фильтр с

подкрашенными глазницами, которая по

всё очень напоминала оскалившийся череп.

Нейл одолжил мне датчик перемещений, который я привязал к своему правому плечу, и тяжёлый, курносый лазерный пистолет, лежавший теперь в подмышечной кобуре

под безрукавкой. На перевязи между моих лопаток покоился дробовик, а на поясе - подсумок с патронами. Я и выглядел, и чувствовал себя словно обычный наёмный головорез, что в точности соответствовало моей легенде.

Медя откинула люк, и мы спустились в ангар.

Было холодно. Рециркулированный воздух стал сухим из-за бесчисленного количества

циклов автоматической очистки. В

отдалении то и дело возникали загадочные

механические шумы. Невысокие приземистые сервиторы занимались ремонтом изношенных внутренностей старого челнока.

Мы спустились по лязгающей решётчатой

лестнице к внутреннему люку. Он был помечен барельефным изображением

символа *Агентус Механикус*, а надпись, выведенная под ним глазурью, гласила, что технодуховенство представляет на рудниках

Синшары верховную власть.

Тяжёлый люк с гудением отошёл в стену, и

за ним предстал мрачный туннель. Вдоль стен с крючьев свисали скафандры, слегка

покачивающиеся от сквозняка. За
туннелем

выднелась сырая комнатуха уборщика,
тёмный офис с замком на двери, и пустой
геодезический блок с отключённым
штурманским столом.

- Где все? - спросила Медея.

Мы отправились в путешествие по
гулким
коридорам комплекса.

Повсюду валялись элементы шахтёрской
экипировки. Грязные комбинезоны, каски с
фонарями, перчатки и широкие ремни
были
свалены в кучи по углам.

Из небольшой комнаты, где должен был
располагаться пункт оказания первой
медицинской помощи, кто-то вынес все
оборудование и разместил на его месте

корзины с вяленой рыбой. Боковое
помещение оказалось и вовсе пустым, если
не считать сотен разбитых винных
бутылок.

Через дверь вышедшей из строя
морозильной комнаты проникала вонь
гниющего мяса. С тёмных, высоких
потолков

некоторых помещений капала вода,
свешивались с блоков цепи. По коридорам
разгуливали холодные, сухие сквозняки.

Мы вздрогнули, когда на стенах вдруг
загрохотали динамики.

- Объединённые Имперские

Катеноломни! Стена вахт через
пятнадцать

минут! - прозвучал записанный голос.

Никаких ответных перемещений не
последовало.

- Это очень странно, - пробормотал Эмос. -

Согласно имперским архивам, рудники

Синшары являются действующим

предприятием.

Объединённые

Каменоломни

держат здесь штат из тысячи девятисот

рабочих, занятых в глубинных шахтах, и
ещё

семьсот человек трудятся на гипнатовых

карьерах Ортог Прометиума. Это если не

считать вольных старателей,

обслуживающий персонал, сотрудников

безопасности и Агентус Механикус. Здесь

должны проживать примерно три тысячи

человек.

Мы достигли главного туннеля - широкой

улицы, освещённой потолочными

лампами, большая часть которых была

разбита. Но обе

стороны тянулись заброшенные магазины
и
трактиры.

- Предлагаю осмотреться, - сказал я.

Мы разделились. Я направился к
северному концу заваленной мусором
улицы
и обнаружил ступени, ведущие к широкой
площади. Здесь на многочисленных дворах
пустых лавок и офисов тоже висели
замки.

Услышав доносящееся откуда-то снизу и
слева гудение электрического двигателя,
я
пошёл на шум, а свернув за угол
заколоченной досками столовой, увидел
неопрятный вход патентного бюро, возле
которого стоял небольшой автомобильчик
на

широких колёсах и с открытым верхом. Я зашёл внутрь здания. На полу валялись желтеющие бумажки и разбитые информационные планшеты. Гора использованных и разлагающихся картонных пакетов из-под пиццы загораживала дверь в комнату регистрации.

Датчик перемещений, выданный мне Нейлом, защёлкал и затрещал. Прибор передавал информацию на дисплей в правой

внутренней линзе моей маски. Движение внутри офиса в восьми метрах от меня.

Я положил руку на рукоять лазерного пистолета, прислонился к дверному косяку и

осторожно заглянул внутрь.

Присев на корточки, в напольном ящике

ковырлся глиннорүкий түжчина в грязном
рабочем комбине зоне.

- Можно? - произнёс я.

Человек подпрыгнул чуть ли не до
потолка, пытаясь одним судорожным
движением и развернуться, и подняться. В
результате он врезался спиной в ряд
металлических шкафчиков. Его
вытянутое

глуповатое лицо побледнело от страха.
Он

вскинул руки.

- Вот черт! Святой Боже-Император!

Прошу... прошу...

- Успокойся, - сказал я.

- Кто вы? Проклятье, не стреляйте в
меня!

- Я и не собираюсь. Зовут меня Хорн. А ты
кто?

- Банделби... фин Банделби...

суперинтендант второго класса, Ортог
Прометиум... Черт, не убивайте меня!

- Я не собираюсь этого делать, - твёрдо
повторил я.

По крайней мере, потёртая бирка на его
комбинезоне подтверждала его слова.
БАНДЕЛБИ, Ф.СУПЕР 2-й. О.П.

- Опустить руки, - сказал я. - С чего ты взял,
что я собираюсь тебя убить?

Он опустил руки и пожал плечами:

- Я не... ну, просто... не знаю...

К нему понемногу возвращалось
самообладание.

- Откуда вы взялись? - Мужчина искоса
взглянул на меня.

Прежде чем ответить, я внимательно
разглядел его. Некрасивое, почти
уродливое

глинное лицо, впалые щеки, неопрятные
сальные волосы и многодневная щетина.
На

его горле розовела влажная родинка.
Короче, неприятный тип.

- Прилетел с другой планеты. Мы только
что высадились. Интересно, почему тут
никого нет.

- Все уехали.

- Уехали?

- Ага. Отчалили. Свалили. Все из-за
гравитации.

- Гравитации?

Не знаю, натеревался ли Фин ответить.

Мой датчик перемещений внезапно
высветил предупреждение, и я быстро
развернулся. У входа в бюро стоял крупный
темнокожий мужчина с белой щетиной
волос

и белой же бородой. Он целился мне прямо в

лицо из автоматического пистолета.

- Спокойно и медленно, - сказал он, -

опусти оружие. И сними маску.

- Что тут происходит? Кто здесь главный?

- потребовал голос снаружи.

Это был Эмос.

Человек с оружием выглянул наружу и жестом позвал меня. С надменным и гордым видом Эмос стоял посреди улицы

рядом с припаркованным
автомобильчиком.

- Я доктор Савин из Ройал Школум

Геологикус с Мендалины. Значит, так

рудники Синшары встречают своих
гостей?

Я был впечатлен. Оскорблённое

брюзжание выдавало в нём человека, обладающего весом в обществе. У Эмоса обнаружились актёрские задатки, о которых я и не подозревал.

- Документы есть? - спросил темнокожий мужчина, продолжая держать меня на прицеле. Банделби тоже выглянул из офиса и наблюдал за происходящим.

- Конечно! - рявкнул Эмос. - У я готов продемонстрировать их тому, у кого есть на это полномочия.

Засунув свободную руку под воротник артированной проволокой куртки, мужчина достал цепочку с отполированным серебряным значком.

- Патрульный Калейл, служба

безопасности рудников Синшары. Я тут
единственный, у кого есть подобные
полномочия.

Эмос что-то проворчал и постучал

кончиком своей инфотрости по
покритовому

покрытию дороги. Набалдашник со
щелчком

провернулся и произвёл в воздухе над собой

небольшую голограмму с основными

приметами, знаком Ройал Школум

Геологикус и медленно вращающимся

трехмерным снимком головы Эмоса.

- Ладно, доктор, - кивнул Калейл и ткнул в

тою сторону оружием: - А это что за
жлоб?

- Вы думаете, что я отправился бы в

путешествие к этому чёртову обломку

без

телохранителя? Этого жлоба зовут
мистер

Хорн.

- Этот жлоб пытался допросить моего
приятеля Бангелби.

Эмос сурово уставился на меня:

- Хорн, я ведь уже предупреждал тебя!

Черт возьми! Это не Моргия, и здесь ты
не на

бангитской разборке!

Отчитав меня, Эмос снова обернулся к

Калейлу:

- Он несколько увлекается. Слишком

много тестостеронсодержащих

стимуляторов. Но я нуждался в мышцах, а
не

в мозгах, и он оказался дешевле, чем

кибер-тастифф.

«Тебе повезло, старый друз, что моё лицо скрыто маской», - подумал я.

- Ладно. Только держите его на привязи, - сказал Калейл, убирая оружие. - Предлагаю отправиться в Управление службы безопасности, где вы наконец объясните, какого рожна здесь делаете.

- А вы наконец расскажете, куда все, черт побери, подевались, - ответил Эмос.

Калейл кивнул и жестом предложил нам отправиться вдоль по улице.

- Значит, мне никому не надо вышибать мозги, доктор Савин? - произнёс женский голос.

Калейл и Бангелби затерли. Медея выскользнула из укрытия на

противоположной стороне улицы. При этом

главианский изломет, не дрогнув,
продолжал

смотреть на Калейла.

- Вот дерьмо! - выдохнул Банделби.

- Это мой пилот, - невозмутимо произнёс

Эмос и тахнул Медея. - Не наго, Кора. Мы
уже подружились.

Медея устехнулась и, убирая своё оружие,
погмигнула патрульному:

- Похоже, я вас погловила.

Калейл чуть не испепелил её взглядом и
повёл нас к Управлению службы
безопасности.

Управление службы безопасности

размещалось на втором этаже круглого
здания, расположенного на пустынной

площади. Вдоль стен примерно в метре
от

пола был проложен страховочный

поручень.

Из широких окон открывался вид на площадь. Калейл щёлкнул настенным тумблером, уменьшая степень затемнённости окон. В комнате стало светлее.

В центре стоял круглый рабочий стол, заваленный пустыми пакетами из-под еды и

пивными бутылками. Над ним светился галогосплей. По краям консолей были прилеплены исписанные от руки

разноцветные листики памяток и заметок.

Вдоль стен располагались кушетки с протёртой обивкой и лежали груды мусора.

Задняя дверь вела к оружейной комнате и помещению дежурного. Во влажном

воздухе

чувствовался запах пота и давно не
стиранной одежды.

Калейл скинул армированную куртку и
остался в грязной майке, которая
подчёркивала его телосложение и
выставляла напоказ татуировки
Имперской

Гвардии на его плечах.

Значок службы безопасности возлежал на
его мощной груди, словно медаль атлета.

- Дай им чем освежиться, - приказал он
Бангелби.

Шахтёр начал расшвыривать пивные
бутылки на столе, пытаясь найти те, в
которых ещё что-нибудь осталось.

- Свежие тащи, - выругался Калейл. - У я
уверен, что наш доктор предпочёл бы

что-нибудь потягче...ну, или покрепче.

- Атасек, если можно, - сказал Эмос.

- Мне сойдёт и пиво. - Улыбаясь, Медея

плюхнулась на кушетку и подобрала под себя

ноги.

- Ничего, - покачал я головой.

Банделби исчез. Калейл оседлал один из
стульев у стола и сложил руки на спинке.

- Ладно, доктор. Какой будет ваша
история?

- Я являюсь главой металлургического
департамента в Ройал Школум. Вы
знакомы с

Менгалиной?

- Никогда не бывал, - покачал головой
Калейл.

- Прекрасный мир, известный благодаря

своей академии. - Эмос осторожно
опустился

рядом с Медеей.

Я стоял возле окон. Уверен, что Калейл
одним глазом приставлял за мной.

- Мы заняты в двадцатилетней
программе, одобренной самим эрцгерцогом
Фредериком

и направленной на исследование
внутренних

переходных свойств редчайших металлов,
чтобы... короче говоря, суть основной
части

проводимых работ не подлежит

разглашению. Но полученные результаты

могут повысить индустриальный уровень

котловых цехов Мендалины. Эрцгерцог

большой поклонник металлургии.

Достаточно сказать, что он
патронирует

Ройал Школүт.

- Ты только подумай... - пробормотал
Калейл.

- Фори́днүт один из металлов, входящих в
поле внимания нашей программы. А этот
астероид - ближайший его поставщик.

Администратүт обязал меня посетить
Синшарү и собрать образцы. Кроме того, у
меня есть письма от главного директора
Объединённых Каменоломен, разрешающие
мне понаблюдать за разработками
фориднүта. Не желаете ли посмотреть?
Калейл только отмахнулся.

- Также я надеялся на встречу с
техножрецами, обитающими здесь, чтобы
узнать их мнение об этом драгоценном
металле.

- Короче, вы собираете факты?

- Научная экспедиция, - ответил Эмос.

Банделби вернулся с тремя бутылками пива и эмалированной кружкой. Он нёс их на

помятой гверце от металлического шкафчика, которую использовал в качестве подноса.

- Не слишком хорош, - сказал он, вручая Эмосу кружку. - Но что ещё ожидать от пайка?

Эмос пригубил напиток без малейшего содрогания.

- Грубоват, но бодрит, - оценил он.

Калейл взял свою бутылку и сделал жадный глоток. При этом его кадык заходил ходуном.

- Боюсь, вы совершили эту поездку

впустую. - Он вытер губы тыльной
стороной

ладони, - Император его знает, во что

Объединённые Каменоломни играли,

выдавая вам эти бутаги. Они же знают,
что

их люди отсюда убрались.

- Поясни, - сказал я.

Калейл одарил меня равнодушным
взглядом.

- Эту глыбу весьма упорно перекапывали в
течение девяти веков. Работёнка опасная,
но

приносит огромные прибыли. Как вы и

сказали, Синшара богата множеством

различных металлов, которые, правда,
весьма трудно найти.

Он сделал ещё один долгий глоток.

- В последние двадцать лет власти

стали

беспокоиться из-за местных условий.

Гравитационные аномалии. Синшара все

ближе подходит к полю притяжения

Наймбайл. По расчётам это местечко

окажется вообще непригодным для жизни

через каких-то восемьдесят или девяносто

лет.

Имперские

Объединённые

Каменоломни

и Ортог увеличили добычу, стараясь

выкачать из Синшары всё, что только

можно, пока она ещё не вошла в

гравитационный

карман, после чего она выпадет из зоны

досязаемости на следующие несколько

тысяч

лет.

Больные старатели тоже... Они

сюда

просто оргаты наплывали. В последние

годы

старая добрая рудная лихорадка просто не прекращалась.

- Так что случилось? - спросила Медея.

- Гравь, - произнёс Банделби, расчищавший для себя место на одной из заваленных бумагой кушеток.

Он обернулся и увидел, как Медея вопросительно приподняла бровь.

- Гравитационная болезнь. - Фин нервно почесал родинку, жадно разглядывая Бетанкор. Вероятно, она была первой женщиной, которую он увидел за долгое время. Калейл вёл себя более спокойно.

- Гравитационная болезнь, - продолжал Банделби, - проблемы с весом, башка гудит, гравь... ну, вы понимаете.

- Хроническая гравитистезия, также известная как синдром Мазбұра.

- Так и есть. Но гравитация, эта

Невидимая

сила, является фундаментальной составляющей существования всех элементов. Следовательно, мне приходится проявлять интерес и к ней.

- Ага, понятно... Если верить предсказаниям, Синшара станет непригодной для жизни через девяносто лет.

Но человеческое тело мягче, чем глыба минеральной руды. Гравь впервые проявилась примерно года два назад.

Рабочие стали заболевать. Несколько случаев

насилия и безумия. Вот тогда-то мы и поняли, что происходит. Имперские

Объединённые Каменоломни вывели своих людей девять месяцев назад. Ортог - семь.

- Какая ирония, - произнёс Эмос. -

Синшара богата минералами только
благодаря экзотичности своих
гравитационных полей, воздействию
которых подвергалась в течение
миллиарда

лет своей жизни. Элементы
преобразовывались и перегруппировывались
здесь такими путями, которые вообще
могут

быть уникальны. Синшара - настоящий
философский камень, дурья мои, мечта
алхимика! А теперь человечество не
может

извлечь выгоду из его даров по той же
самой

причине, по которой они вообще
существуют!

- Да, доктор, ирония - правильное слово, -

сказал Бангелби, залпом опрокидывая в себя

пиво.

- Но это не объясняет, почему вы все ещё здесь, - сказал я.

- Базовая команда, - резко ответил Калейл, давая понять, что это не моё дело. - Агентус

Механикус тоже убрались отсюда около трех

месяцев назад. Но один из них остался.

Какое-то жизненно важное исследование, которое ему надо было завершить. Вот нам и

приказали остаться и приглядывать за работниками Синшары, пока он не закончит.

Я посмотрел в окно. Если не считать мусора, площадь была абсолютно пуста.

- И сколько этих «ты», патрульный?

- Двадцать сотрудников из

обслуживающего персонала. Я
ответственный. Все вербовались
добровольно.

- Техножрецы пообещали нам тройную
плату! - сказал Банделби, явно пытаясь
произвести впечатление на Медею.

- Круто, блин, - улыбнулась она.

- А где остальные? Ещё восемнадцать? -
поинтересовался я.

Калейл встал со стула и бросил пустую
бутылку в переполненную мусорную
корзину

в углу. Она отскочила и разбилась об пол.

- Шляются где-то. Здесь места хватает.
То, что вы видите, - только верхушка. Как
у... как

же называются те глыбы замороженной
воды, которые на некоторых планетах в
морях плавают?

- Айсберги? - предположила Медея.

- Ага, вроде такой штуковины. Десяносто процентов рудников Синшары расположено под землёй. Этот кусок шлака слишком велик, чтобы патрулировать его, начинать и заставлять тикать дальше.

- Вы поддерживаете связь с остальными членами базовой команды?

- Мы иногда встречается. Некоторых я не видел уже несколько недель.

- А тот техножрец, который остался? - спросил Эмос. - Где он?

- Ушёл вглубь астероида, - пожал плечами Калейл. - В карсты и шахты. Его я не видел уже несколько месяцев.

- И когда вы ожидаете его возвращения? -

непринуждённо спросил Эмос.

- Никогда, - снова пожал плечами Калейл.

- А как его звали? - спросил я,

поворачиваясь, чтобы заглянуть прямо в
тёмные глаза патрульного.

- Бур, - сказал он. - А что?

- Что же, все это очень странно! -

проворчал Эмос, поднимаясь со своего
места. - Эрцгерцог будет очень расстроен.

Предприятие это стоило нам времени и
денег. Мистер Калейл... раз уж мы
забрались

так далеко, мне бы хотелось сделать
хотя бы

жалость.

- И что же это будет, доктор?

- Можно нам собрать некоторые образцы,
осмотреть выработки фюргнума и

полистать журналы минералогического

учёта?

- Не знаю... Рудники Синшары на текущий момент считаются закрытыми. Официально.

- Ну, неужели ты просит слишком многого? Я уверен, что главный директор Улперских Объединённых Каменоломен будет рад, если вы окажете мне содействие.

И его благодарность наверняка проявится в

виде премияльных, когда я доложу ему об этом.

Калейл нахмурился:

- Эхе-хе. Так чего вы хотите?

- Нам нужны сутки, чтобы безло
простотреть журналы учёта и
минералогическую базу данных, и,
возможно, ещё день на составление

комплекта образцов из карьеров. У... кхм,
а

сколько потребуется времени на то,
чтобы

посетить форснутые выработки?

Самые

последние?

- Если я задействую свой штат, то
поездка

в целом займёт около двух дней.

- Что же, превосходно! Всего четыре дня, и
мы исчезнем.

- Даже не знаю... - сказал Банделби.

- Разве тебе не хотелось бы, чтобы я
подвисла тут на несколько деньков? -

спросила Медея, читая язык тела
Банделби с

лёгкостью опытного инквизитора и

демонстрируя не меньшие актёрские

навыки, чем Эмос.

- Я не могу этого позволить, - сказал

Калейл. - На текущий момент это место закрыто для доступа. Распоряжение компании. Не стоит вам оставаться здесь.

- Но вы-то здесь остаётесь, - парировал я.

- Мне за риск платят.

- И могут заплатить ещё больше, -

произнёс Эмос. - Обещаю вам, что доложу о

вашем содействии главному директору

Объединённых Каменоломен и своим

главным грузьям из Агентус Механикус. Они

достойно вознаградят любого, кто хорошо послужит эрцгерцогу.

- Притащи мне ещё пива, - обратился

Калейл к Бангелби и посмотрел на нас.

выставив вперёд подбородок. - Мне надо
обсудить это со своими людьми и узнать,
что
они об этом думают.

- Ладно, ладно, - замахал руками Эмос. - Я
действительно надеюсь, что нам удастся
достигнуть согласия. А тем временем
нам
надо где-нибудь разместиться. Здесь есть
запасные койки?

- Синшара полна пустых коек с тех пор,
как отсюда убрались рабочие, - с
противной
улыбкой сообщил Меге Банделби.

- Найди им подходящую нору, - приказал
шахтёру Калейл. - А я пока собираю
команду.

- Что-то тут не так. - Я снял маску и
швырнул её на пол.

- Эти кровати довольно удобны, -

откликнулся Эмос, регулируя напряжение в

своём экзоскелете и укладываясь на матрац.

Нас разместили в душной жилой комнате, расположенной на верхнем этаже здания

Комитета по социальному обеспечению шахтёров. Косые лучи света от

искусственных ламп проникали с площади через обвисшие шторы. Бангелби обеспечил

нас тремя металлическими кроватями, промятыми матрацами и спальными

мешками, вонявшими так, словно через них

фильтровали дизельное топливо и квашеную

капусту.

- Вечно ты беспокоишься, - сказала Медея,

скидывая с себя лётный комбинезон и ногой отбрасывая его в угол. На ней остались только майка, трусики и кобюра подмышкой.

Этос тактично отвернулся.

- Моя работа состоит в том, чтобы беспокоиться. Отставить раздеваться. Мы ещё не закончили.

Медея посмотрела на меня и, трачно нахмурившись, снова застегнула пряжку кобюры.

- Ладно, мой господин и повелитель... Что не так?

- Пальцем ткнуть, конечно, не смогу... - начал я.

- Ох! - воскликнула Медея и плюхнулась на свою кровать.

- Да все ты можешь, Грезор, - сказал Эмос.

- Может быть.

- Попробайся.

- Все эти рассказы о гравии. Даже если корпорации и обманулись, то Агентус Механикус не свойственно ошибаться.

Любой костонолог заранее способен определить, когда Синшара войдет в поле гравитационного возмущения, представляющее опасность для людей.

Император свидетель, звёздные системы двинутся куда медленнее, чем мысли людей!

- Хороший довод, - сказал Эмос.

- И уверен, что ты о нем тоже уже подумал, - сказал я.

- Да, - подтвердил он. - Калейл явно привирает.

- И тебе ничего не кажется неправильным?

- Конечно, кажется, - пробормотал Эмос. -

Но я устал.

- Поднись, - резко приказал я. Он сел.

- По крайней мере, мы знаем, что Бур все ещё здесь, - сказал я.

- Это тот парень, которого мы здесь разыскиваем? Маг техножрецов? -

поинтересовалась Медея.

Я кивнул:

- Магос Бур.

- Итак, откуда вы его знаете?

- Это старая история, дорогуша, - сказал Эмос.

- У меня времени хватает.

- Он был верным союзником моего

наставника, инквизитора Хапшанта,

бывшего босса Эмоса, - торопливо сообщил
я, пока Эмос собирался с мыслями.

Медея устехнулась:

- Значит, старый дружок?

- Что-то вроде того.

- Итак, мы проделали гли-и-иющий путь
просто ради того, чтобы повидать
старого

приятеля, - добавила она.

- Прекрати, Медея! - сказал я. - Пока что
тебе не стоит знать некоторые
подробности.

В твоих же интересах.

Она издала в мою сторону неприличный
звук и стала натягивать лётный
комбинезон.

- Ты не пыталась связаться с «Уссином»? -
спросил я.

- У моего вокса не хватает мощности, -

пробурчала она в ответ, возясь с застёжкой-толнией. - Слишком много гравитационных возмущений. Но мы это предусмотрели. Могу сходить к катеру и воспользоваться главным передатчиком.

- Ты мне нужна здесь. Нам необходимо как можно быстрее получить кое-какие ответы. Я хочу, чтобы вы с Эмосом проникли

в архив Администратума и проверили, можно ли извлечь что-либо из банка данных, если он ещё функционирует.

- А ты тем временем...

- Отправляюсь к отделению Agentys

Механикус. Встретится здесь через три часа.

Нам необходима дополнительная

информация, но в особенности нас должны

интересовать

сведения

о

местонахождении

Бүра.

Этос кивнул.

- Что если нас обнаружат?

- Тебе не спалось, вы вышли прогуляться и заблудились.

- А если они мне не поверят?

- Именно поэтому Медея и отправляется с тобой, - отрезал я.

Отделение техножрецов располагалось в западном секторе рудников Синшары, в глубине запутанного лабиринта жмущихся

друг к другу жилых строений и цехов, приблизительно в двух километрах от площади. Поначалу я даже не понимал, куда

иду, но туннели и транспортные артерии были помечены номерными табличками и

символическими указателями, и к тому же

мне удалось обнаружить большую карту на

ржавеющем металлическом листе, прикрученном к столбу у покрывшихся пылью общественных питьевого фонтанов.

Я повернул краник одного из фонтанов, но тот издал только сухой хрип.

На подходе к флигелю стены туннеля, покрытые соляными разводами, были разукрашены темно-красными полосами и бесчисленными предупреждающими знаками, гласящими, что приближение к объекту без необходимых бумаг и удостоверений запрещено под страхом смерти.

Тем не менее и здесь было безлюдно и пусто. Только толстый слой пыли и горы

мусора.

В конце расписанного красными полосами
туннеля виднелись открытые
адамантиновые

ворота шлюза. Стояла зловещая тишина.

Здание отделения представляло собой
колоссальную башню из обтёсанного камня,
обитого листами красной стали,
занимавшую

отдельный кратер, сообщающийся с тем, в
котором располагались рудники Синшары.

Герметичный стеклянный купол накрывал
мощёную площадь, лежащую между
шлюзом

и флигелем. Само же здание поднималось
выше, пронзая купол и вырастая над краем
кратера. Высоко-высоко над головой я
видел

синие камни и звёздную бездну за ними. В

небе проносились метеоры.

В башню вёл гигантский портал,
поднимающийся на высоту в три
человеческих роста и обрамлённый
широкими дорическими колоннами из
чёрного лүкуллита. Сверху на меня
косился

высеченный из камня образ Бога-Машины.

Глаза божества должны были злобеще
сверкать пламенем горящего газа,
который

поднимался по трубам от шахт. Но
теперь

они были холодны и мертвы.

И полированные металлические двери
портала стояли распахнутыми.

Я вошёл внутрь. Пол огромного
протирона[\[19\]](#) был усыпан мелким песком.

Пылинки кружились в лучах света,

пробивающегося через глухие окна, расположенные под высоким сводом. Стены покрывали плотные ряды бездействующих кодиферов и матрикуляторов. На каждом

переключателем и дисплеем скопились полутисячи пыли.

Плохой знак. Техножрецы дорожили своими машинами более всего на свете. Если

бы они эвакуировались, как рассказывал Калейл, они ни в коем случае не оставили бы

здесь подобного технического изобилия.

Несомненно, каждый из блоков был разработан так, чтобы его можно было извлечь из своего алькова в чёрной трапезной стене.

За протироном открывался огромный зал,

настоящая капелла, собор, посвящённый

Богу-Машине, үбертитану, владыке
Марса.

Пол покрывали плиты травертина
сливочного цвета, подогнанные друг к
другу

так плотно, что между ними нельзя было
просунуть и бумажного листа. Стены
трехансидного храма были облицованы
гладким холодным лүкүллитом. Тут
остались

брошенными ещё более ценные экземпляры
машин. Устройства возвышались над
рабочими столами, установленными
шестью

концентрическими кругами и
окружающими

центральный постамент. Все они тоже
были

обесточены.

Я пересёк зал и подошёл к постаменту,
внутренне согрожаясь от грохота
собственных шагов, эхом
раскатывающихся в
пустоте. Холодный свет звёзд струился
через
опеон [\[20\]](#), расположенный прямо над
массивным грандиоритовым блоком.
Огромная, омываемая звёздным сиянием
голова «Полководца», древнего Титана,
висела над постаментом. Её ничто не
поддерживало - ни кабели, ни платформы,
ни подпорки. Голова просто висела в
воздухе.
Я стоял возле грандиоритового блока, как
вдруг почувствовал, что мои волосы
стали
потрескивать. Атмосфера вокруг была
насыщена статикой или чем-то
подобным.

Здесь действовала какая-то невидимая
электризирующая сила, - возможно,
гравитационная или магнитная, но, в
любом

случае, находящаяся за пределами моего
понимания. Именно она, по-видимому, и
удерживала многотонный череп машины.

Тихое гуло, характерное для
техножрецов.

Даже несмотря на отключение энергии,
их

чудесные изобретения продолжали
функционировать.

На консоли одного из терминалов -
мелком корпусе, наполненном мешаниной
из стальных деталей, посеребрённых
проводов и стеклянных ламп, - я увидел
оплётённый тканью нейрокабель. Один его
конец был включён в дисплей, а второй

оборван и расстрѣпан. Дело было явно не в срочном переезде.

Мне редко доводилось вести дела с

Агентус Механикус. Отдельная каста со своими законами, так же как и Астартес, и

только дурак станет совать нос в их дела.

Только через Бүра - магоса Гуарда Бүра - я

имел связь с ними. Без духовенства Марса технологии Имперіума зачахли и распались

бы, а благодаря их неустанным опытам к мощи Человечества прибавляются все новые чудеса.

И тем не менее я беспрятственно

проник в самое сердце одного из внутренних

святилиц.

- Эгига запрашивает Шун. - В воксе
послышался голос Медеи, сильно
искажённый гравитационными
возмущениями. - Во имя полураспада ил...
Связь оборвалась.

- Шун принимает Эгигу, - сказал я.
Ничего.

- Шун принимает Эгигу, пустота
бездыханна.

Но-прежнему ничего. То, что успела
сказать Медея, обеспокоило меня.

«Полураспад» был словом глосси, которое
использовалось, чтобы указать на важное
открытие или же смертельную
опасность. Но

гораздо больше меня волновал тот факт,
что

она отключилась. Мой ответ, если, конечно, она слышала его, означал, что её сообщение

было неполным или искажённым.

Я подождал минуту.

Мой вокс без предупреждения быстро пискнул три раза. Медвея процелкала по своему передатчику невербальный код, сообщая, что не может говорить и мне надо

подождать.

Я стахнул тонкий налёт пыли с одного из терминалов и, задумавшись над тем, какие

тайны мог бы открыть с его помощью, уставился на изношенную, покрытую рунатами

клавиатуру и небольшие экранчики дисплеев

из толстого, выпуклого стекла.

Нетного, решил я. Жадный до знаний
Эмос, может, и имел бы какой-то шанс.
Много лет назад он работал вместе с
Бүром
и, как я предполагал, накопил больше
опыта
в путях познания загадочных
техножрецов, чем хотел признать.
Датчик перемещений внезапно защёлкал,
и я напрягся, выхватывая свой
короткоствольный лазерный пистолет.
Устройство вывело на правую линзу моей
маски сигнал о движении в семнадцати
шагах слева от меня, но, когда я
развернулся, точек на линзе стало ещё
больше.
Многочисленные сигналы возникли
настолько стремительно, что
накладывались
друг на друга, образуя сплошные пятна.

Затем в течение целой секунды, пока устройство из всех сил старалось просчитать векторы движения целей, на линзе отражалась только стандартная строчка «00: 00: 00», а потом наконец перед

моим глазом побежала плотная колонка координат.

Но к тому времени я уже понял, что обнаружил датчик.

Святилище оживало.

Терминалы быстро и последовательно приходили в действие, щёлкая

шестерёнками, зажигая лампы, включая экраны, шипя поршнями. Вздохнули газовые

пневмонасосы, и по сети изящных

стеклянных и бронзовых почтовых труб, бегущих между стенами и консолями,

понеслись цилиндры с сообщениями. На
нескольких столах над гололитическими
проекторами засветились
голографические
образы: трехмерные карты геологических
пластов, графики спектроскопии,
показания
сонаров и бегущие волны осциллограмм.
Мощная подсветка зажглась на вершине
постамента под парящей головой Титана,
придавая ей зловещий вид.
Я присел, спрятавшись за корпус ожившей
станции. Внезапное, необъяснимое
включение всех устройств обескураживало
и
пугало. Где-то поблизости одна из машин
трещала очередями, словно древний
пулемёт.
И вдруг все прекратилось. Лампы

терминалов гасли. Всплеск энергии
затихал.

Подсветка Титана потускнела и
отключилась.

Одна за другой пропадали голограммы. И в
темноте затирал скрежет шестерёнок и
сервомоторов.

Дольше всего продолжался пулемётный
треск. Он звучал ещё несколько секунд,
после того как все вокруг затерло, а потом
тоже резко оборвался.

В храме снова воцарились тьма и
безмолвие.

Я поднялся на ноги. В этом помещении не
было никаких источников энергии. Что же
пробудило все эти механизмы? Причиной
мог стать только какой-то внешний
сигнал.

Следуя здравому смыслу и интуиции, я

обошёл вокруг ближайших терминалов, отыскивая тот, что грохотал словно пулемёт.

Наиболее вероятным кандидатом оказался

массивный прибор, судя по всему,

оборудованный прибором котлинки. Но

кнопки его панели оставались безучастными

к моим касаниям.

Подчиняясь внезапному порыву, я

опустился на колени, заглянул под стол и

оглядел пустые крепления на месте корзины

для распечаток. Сама корзина исчезла.

Бумажная лента валялась прямо в пыли под

столом.

Я вытащил её. Она оказалась порядка

девяти метров в длину. Челюсти

принтера

пробили в ней перфорацию, разделяя на более короткие отрезки. Было очевидно, что

этот терминал уже не в первый раз выдавал

распечатки, которые никто не подбирал.

Конец ленты уже начинал желтеть.

Я просмотрел напечатанное. Собранные в таблицы столбики машинного кода, расположенные плотными ровными полосами. Аккуратно расстелив бумагу на травертиновом полу, я начал скатывать её в

түгөй свиток.

Я уже почти закончил, когда запищал вокс.

- Эгига вызывает Шун. Во имя

полураспада

иллюзий,

с

Администратумом в

сердце. Монеты падают с глаз.

Многогранность и хватка подкидывшей.

Советую изображение напёрстка.

- Изображение напёрстка принято. Шип
прорастает в сердце.

Слова Медеи объяснили мне всё, что надо
было знать. Им с Эмосом удалось

обнаружить что-то в Администратуме, и
теперь они просили меня срочно
вернуться.

Нам угрожала опасность со стороны
Хаоса.

Никому нельзя было доверять.

Я убрал лазерный пистолет в кобур и
сунул свиток под пояс.

Выбежав из здания, я потчался по
разрисованному красными полосами

туннелю, на ходу скидывая с плеча
армейский гробовик и передёргивая
затвор.

Глава восемнадцатая

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАПЁРСТКА

СПУСК В ГОРУ

ТРАНСЛУЦОНЕД ГВАРДА БУРА

Глоссия не столь уж и трудна для
понимания. В ней применяются
подсознательные образы и «начальные»
слова. Не стоит пытаться искать тайну,
которой там нет. Именно поэтому она и
действует столь успешно в качестве
частного

кода. В ней совершенно нет кодирования -
по крайней мере, в математическом
смысле

этого слова, - и по этой причине её
невозможно взломать. Глоссия построена

на

идиоматических выражениях и
интуитивном

восприятии. Устный импрессионизм. Её
функции обеспечиваются использованием
безразмерных, ничем не

регламентированных механизмов поэзии и
интимностью. За прошедшие... кхм...
лучше

будет сказать, увеличивающиеся годы
моей

работы мои друзья и помощники
неоднократно посылали мне сообщения на
глосси, где использовались слова и

выражения, никогда не применявшиеся
ранее. И тем не менее я понимал их. Это
уловка. Просто знание о том, как
применять

и видоизменять общий жаргон. Конечно,

существуют основные правила построения
фраз и использования метафор, но сила
гlossии заключена в её туманной
неопределённости. В идиомах. В
звучности.

Она родственна интуитивному сленгу
эргенов, заменивших язык оттенками
цвета кожи.

Вот, например, «изображение наёрстка».

«Изображение» служит указателем на
курс

действий или поведения. «Наёрсток»

является уточнением, раскрывающим
суть и

метод предлагаемых действий.
Наёрсток -

это такой маленький металлический
колпачок, который используют во время
шитья, чтобы защитить палец от

стремительных, резких уколов иглой.

Он

не защитил бы, скажем, от атомной

бомбардировки или оргы генокрадов. Но, в

соответствии с идиоматическим
спектром

глоссии, он мог бы спасти от внезапного,
стремительного нападения с небольшого

расстояния. Кроме того, он тих и
неприметен.

И так же бесшумно и незаметно

заскользил я по туннелям рудников

Синшары, направляясь к офисам

Администрации. Я двигался тихо, а
датчик

перемещений и датчиков служили мне
«напёрстком».

«Изображение напёрстка». Эту фразу

как-то обронил Гидеон Рейвенор, тем

салым

добавив её в словарь глоссии.

Я вспомнил о Рейвеноре, лежащем в одиночестве на застеленной пластиком койке в госпитале на Трациане. И на меня снова нахлынул гнев, притупившийся за последние несколько месяцев.

Благодаря предупреждению датчика я успел спрятаться в укрытие в одном из туннелей примерно в полукилометре от площади. Скрываясь позади пустых протектирных баков, я проследил за прогудевшими мимо электрокарами, которые направлялись к главному вестибюлю. Передним управлял Банделби. Вместе с ним ехали двое шахтёров, и ещё трое сидели во второй машине. Рабочие выглядели грязными и опустившимися.

Несколько машин стояло на площади
перед Управлением службы безопасности.
У

дверей околачивались чернорабочие и
курили сигареты с лхю.

Я проскользнул в здание Комитета по
соцобеспечению через чёрный ход. Медея и
Эмос уже ждали меня в выделенной нам
убогой комнатёшке.

- Ну?

- Мы обыскали Администратум, - сказал
Эмос - Там даже заперто не было.

- А потом туда стали сползаться люди
Калейла, и нам пришлось уленётывать, -
добавила Медея. Они оба выглядели
напряжёнными и задумчивыми.

- Вас заметили? Она покачала головой:

- Но их оказалось куда больше, чем

двадцать, мать их растак. Я насчитала
как

минуту тридцать или даже тридцать
пять

человек.

- Что удалось найти?

- Свежих записей нет. Либо их не вели в
последнее время, либо потеряли, - развёл
руками Эмос. - Ничего за последние два с
половиной месяца. Нет даже учётного
журнала, который должен был вести
Калейл.

- Он может заполнять его в офисе службы
безопасности.

- Если бы он следовал официальному
протоколу, то все было бы
автоматически

скопировано в центральный архив. Ты же
знаешь, как Администратура щепетилен в

вопросе хранения отчётов.

- Что ещё?

- Понимаешь, мы провели только поверхностную экспертизу. Времени было не слишком много.

Но Калейл говорил нам, что Имперские Объединённые Каменоломни были эвакуированы девять месяцев назад, а Ортог

Прометиум - два месяца спустя. Согласно архиву обе корпорации продолжали оставаться здесь, работая в полном составе, и

три месяца назад. Нет никаких записей о случаях заболевания «гравью», равно как и зарегистрированных сообщений или докладов о самой возможности такой проблемы.

- Значит, Калейл солгал нам?

- От слова до слова.

- Тогда где же все?

Эмос пожал плечами.

- Может, стоит убраться отсюда? -

Медея

явно занервничала.

- Мне нужно найти Бүра, - ответил я, - и

к

тому же мне необходимо выяснить, что

же на

самом деле где...

- Грегор, - пробормотал Эмос. - Мне очень

неприятно тебе об этом напоминать, но

теперь это не твоя работа. Хотя, зная

тебя, я

понимаю, что ты столь же верен

Золотому

Трону, как и раньше, во всех основных

смыслах, но ты больше не инквизитор.
Твои

полномочия больше не признаются

Императором. Ты преступник
преступник, у

которого и так полно проблем.

Думаю, он ожидал, что я разозлюсь. Но
этого не произошло.

- Ты прав, но я не могу вот так запросто
перестать служить Императору, и не
важно, кем там меня считает все
остальное

человечество. Если есть возможность
оказаться полезным, я сделаю это. Мне не
нужны ни признание, ни официальный
статус.

- А я говорила тебе, что он так и
ответит, -

устехнулась Эмосу Медея.

- Да, ты говорила. Правда, говорила. -

Учёный снова взглянул на меня.

- Извиняюсь за свою предсказуемость.

- Постоянство убеждений не повод для извинений, - сказал Эмос.

Я достал свиток, найденный в святилище, и показал его своему престарелому научному консультанту.

- Что ты можешь об этом сказать? - У меня поведал ему обо всём, что произошло в святилище Бога-Машины.

Эмос изучал бумажную ленту в течение нескольких минут, заглядывая то в начало, то в конец документа, а затем произнёс:

- Некоторые фрагменты данного машинного кода мне не разобрать. Шифр Agentus Механикус. Но... короче говоря,

смотри на разрывы в тексте. Все это
записи

регулярных передач, идущих от объекта,
находящегося за пределами поселения.

Каждые шесть часов, с точностью до
секунды.

- И дремлющие системы святилища
пробуждаются именно к тому моменту,
когда

должна поступить передача?

- Да, чтобы записать её. Как долго
работали машины?

Я покачал головой:

- Две, возможно, две с половиной минуты.

- А не две минуты сорок восемь секунд? -
спросил он.

- Может быть.

Этос пробежал пальцем по линии
заголовка над последней таблицей кода.

- Ровно столько и продолжалась последняя передача.

- Значит, там кто-то есть? Где-то за пределами поселения рудокопов Синшары кто-то регулярно посылает сообщения

Агентус Механикус?

- И не просто кто-то - это Бур. Вот когда

Агентус Механикус, соответствующий его

имени. - Эмос промотал лист обратно и стал

рассматривать самый старый, пожелтевший

участок. - Он вещает уже одиннадцать недель.

- И что он говорит?

- Понятия не имею. Основной текст

закодирован. Механилингва-А или С, а

может, и какая-то современная

переработка

одного из гексадецимальных сервиторных скриптов. Вероятно, импульс-аналог девятой

версии. Я не могу...

- Ты не можешь прочесть. У этого мне достаточно.

- Хорошо. Зато я знаю, где он.

Я помогил:

- Знаешь?

Этот улыбнулся и подрегулировал тяжёлые аугметические очки.

- Ну, не совсем. По-настоящему - не знаю.

Но могу его найти.

- Как?

Он указал на вертикальные полосы

разноцветных прямоугольников, бегущих от

каждой из передач.

- Общепринято, что любую трансляцию должен сопровождать спектрографический отчёт с места расположения передатчика.

Эти цвета передают сжатую информацию о тоне, структуре и плотности окружающих его

пород. Что-то вроде отпечатков пальцев.

Будь у меня хорошая карта стратов Синшары

и геологический ауспекс, я смог бы разыскать его.

- Как знал, что ты нам понадобишься, - улыбнулся я.

- Так что, ты отправляется за ним? - спросила Медея.

- Ученно так. Нам потребуется транспорт.

Возможно, гондола геодезистов. Сможешь управиться с ней?

- Легче лёгкого. Вот только где её взять?

- Их полно в экспедиционном ангаре

Объединённых Каменоломен, - сказал Эмос.

- Я видел прикрученный к стене

схематический путеводитель по рудникам.

Я тоже видел план, но не мог вспомнить

его в таких подробностях. Это очередной раз

напомнило мне о невероятной

фотографической памяти Эмоса.

- А что насчёт карты и ауспекса, о которых

ты говорил? - спросила Медея.

- Любая машина старателей оборудована

минералогическими или геологическими сканерами, - ответил учёный. - У нас это вполне устроит. А вот насчёт подробной карты уверенным быть нельзя. Стоит запастись ею, прежде чем отправляться в путь.

Он сел на кровать и начал настраивать что-то в информационном планшете, прикреплённом к его запястью.

- Что ты делаешь? - спросил я, присаживаясь рядом.

- Скачиваю карту с когиторуа офиса службы безопасности.

- А ты можешь? - удивилась Медея.

- Это достаточно просто. Несмотря на гравитационные аномалии, транслятор в моем планшете вполне может добраться до

кодифера в их офисе. Я могу создать
текстовый мост и запросить
картографические файлы.

- Да, да... но можешь ли ты сделать это,
не

имея кода доступа? - не унималась
Бетанкор.

- Нет, - сказал Эмос. - Но, к счастью, я его
знаю.

- Откуда?

- Он был записан на бумажке,
приклеенной к краю стола. Разве вы её не
заметили?

Мы с Медеей покачали головами и
улыбнулись. Даже просто болтая с
Калейлом

и потягивая пятисортный атасек, Эмос
отмечал и впитывал каждую деталь
обстановки.

- Один вопрос. - Медея прищурилась. - Мы не знаем, что здесь происходит, но могу побиться об заклад, что твой друг не в ладах

с Калейлом и его приятелями. Если мы нашли способ отыскать его, то почему этого

до сих пор не сделал Калейл?

- Сомневаюсь, что даже опытный шахтёр увидит много смысла в подобных спектроскопических отметках. Это же ког

Агентус Механикус, - гордо ответил Эмос.

- Все ещё проще, - сказал я. - Они не нашли распечатки. В башне все было покрыто нетронутым слоем пыли. Не гугаю, что Калейл или кто-либо из его людей бывал

там. Страх перед Агентус Механикус

достаточно силен. Они не знают того, что знаем мы.

Ночью они пришли убить нас.

Как только Эмос скачал карту и ещё несколько файлов с важными данными, мы решили ухватить несколько часов сна, перед

тем как сделать следующий шаг.

Я проснул всего около часа и проснулся оттого, что пальцы Мегги в темноте поглаживают мою щеку. Как только я пошевелился, она плотно прижала ладонь к моим губам.

- Призраки, агрессивные, завиток виноградной лозы, - прошептала она.

Мои глаза привыкли к полутраку. Эмос храпел как ни в чём не бывало.

Я поднялся с кровати и услышал то же, что

и Медея: поскрипывание ступенек лестницы, ведущей к нашей комнате. Ветанкор

принялась натягивать лёгкий костюм, утвдываясь при этом держать дверь в прицеле

изломета. Я вытащил из кобуры лазерный пистолет, затем наклонился к Эмосу и зажал

ему рот.

Его глаза резко распахнулись.

- Продолжай хранить, но готовься двигаться, - прошептал я ему на ухо.

Эмос с трудом поднялся, продолжая изображать храп, одновременно подбирая свою одежду и трость.

Я был в майке. Моя куртка и датчик перемещений лежали на полу возле

кровати.

Времени одеваться не оставалось.

Кто-то вышиб дверь. По комнате

заметались яркие синие лучи
целеискателей, и короткая очередь из
стаббера

распотрошила матрац на моей пустой
кровати.

Мы с Медеей открыли ответный огонь.

Выпустив по двери прицельно дюжину

выстрелов, мы увидели, что два темных

силэта повалились назад. Кто-то
закричал

от боли.

Шквальная пальба из ружей разнесла окна

в щепки, и нас окатил фонтан осколков

стеклоцита. Огнү ратү вышибло из
проёма.

На пол полетели куски източаленных

досок.

- Назад! - закричал я, дважды выстрелив в
силэт, возникший в двери. Мимо моей
головы протчалось три лазерный луча.

Рухнула задняя дверь, комнату залил
поток света. Гибкая и подвижная Медея
стремительно развернулась и нанесла
первому из вбежавших удар ногой по лицу.
Головорез вскрикнул и покатился по полу.
Через оба изуродованных проёма в
комнату влывались вооружённые люди.
Я

успел пристрелить двоих, но потом ещё
двое

набросились на меня со спины, отчаянно
пытаясь вырвать лазерный пистолет из
моей

ладоны. Я двинул одного из них коленом в
пах и, когда противник отшатнулся,

добил

его выстрелом в шею.

Второй сжал руки на моем горле.

Я вонзил своё сознание прямо в его мозг,
вызывая сильное кровоизлияние, от
которого его глазные яблоки лопнули, а
сам

он безвольно обмяк.

Нас мучило от одуряющей смеси запахов
крови, кордута и давно немытых тел
шахтёров.

Узаячно, словно в танце, Медвея метнулась
обратно к задней двери, точно
рассчитанным

движением воткнула локоть в лицо
очередному убийце. Приём оглушил его и
перешиб дыхание.

Затем Бетанкор изогнулась и ударом с
разворота выкинула следующего

противника

из окна.

Ещё один головорез набросился на неё сзади. Я увидел, как во тьме блеснуло лезвие ножа.

Это медленно, но уверенно развернулось вокруг своей оси и одним ударом сломало шею человека, угрожавшего Меге ножом.

Истинную мощь аугментического экзоскелета

моего старого учёного слишком легко недооценить.

Снова раздалась короткая винтовочная очередь. Стреляли не прицельно. На этот раз

на выстрелы ответило шипение главианского

пистолета Мегеи.

Я снова вскочил на ноги, и как раз

вовремя, чтобы пристрелить тужчину с
ружьём, входившего в дверь.

Тишина. Дрейфующие облака дыма.

На площади закричали.

- Хватайте вещи! - приказал я. - Уходим!

Полуголые, мы пробрались вниз по
ступенькам чёрного хода, сжимая в руках
нехитрый скарб. На ступенях первого
лестничного пролёта лежало тело
шахтёра, застреленного Медеей. Рабочий
комбинезон

сотрудника Ортог Прометиум был
пропитан

кровью. На неестественно изогнутой шее
выднелась бледная родинка.

- Знакомо? - спросил Эмос.

В моей голове уже начала складываться
кое-какая картинка.

- Вроде у этого червяка Банделби тоже

была родинка, - напотнила Медя.

Я кивнул:

- Скорее всего.

С трудом, но мы всё-таки пробились
сквозь ряд беспорядочно загромождённых
складских помещений и вышли наружу в
переулке позади магазинов, прилегающих
к

зданию Комитета по социальному
обеспечению. Когда мы появились,
рыжеволосый шахтёр, выставленный
охранять чёрный ход, удивлённо
развернулся, нащупывая ружьё, висящее на
его плече.

- Брось его и иди сюда! - приказал я,
применяя Волю.

Он бросил оружие и подбежал к нам с
остекленевшими и ступёнными глазами.

- Покажи мне свою шею! - Я снова

воздействовал на него Волей.

Он отвёл свои косты в сторону и
растегнул засаленный ворот рабочего
комбинезона. Мокрая родинка розовела в
районе загривка.

- У нас нет на это времени! - торопил
Эмос.

Топот бегущих ног уже приближался, в
коридоре здания Комитета слышались
громкие выкрики и ругань.

- Откуда у тебя эта отметина? - нагавил
я Волей на рыжеволосого.

- Калейл дал её мне, - слабым голосом
ответил тот.

- Что она означает?

Моя ментальная сила лишила его

возможности сопротивляться.

Он

попытался

произнести что-то, но его душа и разум
внезапно воспротивились моему призыву.

Губы прошептали что-то вроде «плита»,
но

точно разобрать было невозможно,
поскольку напряжение убilo его.

- Черт возьми, Грегор! Нам надо уходить! -
проревел Эмос.

Словно в подтверждение его слов, из
дверей вылетели два шахтёра с
автоматическими винтовками наперевес.

Стремительно развернувшись, мы с
Медеей

уложили их двумя точными выстрелами.

Безупречная память Эмоса вела нас по
запутанным переулкам рудников Синшары
к

огромному, уродливому зданию Имперских

Объединённых Каменоломен. Нас
преследовали возгласы и крики,
перемежающиеся гулом электрокаров.
Мы пробежали по широкому развальному
металлическому мосту завода, потом
по
покрытой сторожки, украшенной
колючей
проволокой, и встретились к
экспедиционному блоку.

Совсем близко за нашими спинами
раздавался громкий топот десятков ног.
Экспедиционный блок был установлен над
зевом основных выработок и представлял
собой ангар с полукруглой крышей из
рифлёной стали. В железных, покрытых
масляной колыбелях под сводами ангара
покоились шесть гонимых старателей.

Машины имели сплюснутые нос и корму и
были выкрашены в серебряный и хаки -
цвета Имперских Объединённых

Катеноломен. Над крышей каждой из них
высились ряды подвижных прожекторов, а
в

носовой части размещались стальные
манипуляторы и тарелки локаторов.

- Сюда! - закричала Медея, направляясь к
третьей от нас гонголе.

Она все ещё пыталась должным образом
застегнуть свой лётный комбинезон, а я
тащил в руках куртку и датчик
перемещений.

У нас не было времени останавливаться и
одеваться.

- Почему именно она? - закричал я, следуя
за Бетанкор.

- Шланги дозарядки все ещё подключены к ней, и сигнальные лампы горят зелёным светом! Отсоединяй кабели!

Я швырнул свои вещи Эмосу, поспешившему подняться на борт следом за

Медеей через маленький боковой люк, а сам

побежал туда, где три толстых энергетических кабеля все ещё торчали из

гнезда дозарядки судна. Как и сказала Медея, все индикаторы над ними горели зелёным.

Я открыл клапаны и освободил кабели один за другим. Последний разъём оказался

слишком тугим, и мне пришлось навалиться

на кабель всем своим весом. Серебристый

корпус лизнули лазерные лучи. Слишком близко, почти задев моё плечо.

Я выдернул кабель и, развернувшись, стал стрелять вглубь ангара. В это время Медея

завела машину. Дюзы гондолы зачихали, а потом ровно загудели.

Вокруг меня шипели лазерные всполохи и свистели заряды. Я бросился со всех ног к люку и забрался внутрь.

- Поехали! - проорал я Медею, с грохотом захлопывая люк.

- Ну же! Ну! - кричала Бетанкор, возясь с панелью управления гондолой.

Перегруженные двигатели мучительно взвыли.

- Стыковка с люлькой! - отчаянно заверещал Эмос.

Осознав свою ошибку, Медея профессионально выругалась, несколько снизила нагрузку на двигатель и опустила грязно-жёлтый рычаг, торчащий из переборки по правую руку от неё. Когда открылся заток, приковывавший гондолу к её колыбели, раздался неприятный лязг.

- Извините, - осклабилась Медея.

Освобождённая гондола вылетела из своего крепления и, преследуемая ружейным огнём, вильнула вправо. Постепенно разгоняясь, судно поплыло в сторону входа в шахтёрские туннели.

Верхние уровни шахт Объединённых Каменоломен представляли собой обширные выработки, поддерживаемые рокрытовыми

колоннами и наполненные брошенными
машинами горняков. Медя легко ударила
снизу вверх по тумблерам и включила ряд
прожекторов. Наш путь осветился лучами
чистого белого света. Впереди, возле
одной

из колонн, лампы высветили крутой
широкий спуск. Внизу виднелись грязные
электрические вагонетки для перевозки
руды и фуникулёр, предназначенный для
доставки рабочих бригад в более глубокие
забои.

Этот сидел позади нас в маленьком
салоне гондолы и разглядывал схемы,
полученные им из офиса службы
безопасности.

- Продолжайте спуск, - только и сказал
учёный, когда я обернулся к нему.

Спуск глиною примерно в полтора километра местами расширялся. От выработок ответвлялись боковые туннели.

Впереди за лобовым экраном все казалось черно-белым: жёсткий белый свет, проникающий в темноту, выхватывал только

бледно-серые катки и пыль, среди которых изредка протелькивала груза[21].

Когда мы миновали ещё одно огромное скопление покорёженной техники, Медея заметила ход сугна. По указке Эмоса Бетанкор свернула в жерло практически вертикальной шахты. Эта горловина - падение пласта, если пользоваться терминологией шахтёров, - представляла собой естественное образование, возможно, древнюю лавовую трубу. Медленно

вращаясь

вокруг своей оси, мы спускались вниз.

Пористый кварц покрывал стены
сливочного

цвета гранировкой, на отвалах
вырастали

колючие кустики вулканического стекла.

Места едва хватало даже для

позаимствованной нами компактной

гондолы. Иногда Мегея задевала или
срезала

стеклянные иголки, и сверкающие осколки
бесшумно падали вниз.

Примерно через два километра труба

поворачивала, переходя в запутанное

переплетение изгибающихся труб,

чередовавшихся слепыми пещерами и

отстойниками. Мы словно продвигались
по

пищеводу к сложной системе кишечного
тракта. Кварц стал проявлять больше
цвета: стальная голубизна с молочными
вкраплениями кальцита, красная
красчатость с блёстками оолитов.
Кремнистая чёрная груза и прочий
геологический мусор покрывали гладкие
изгибы древнего подземелья.
Медя обратила моё внимание на
маленькую коробку сканера,
вмонтированную под главным
петрографическим анализатором. На
небольшой экран выводились практически
недоступные моему пониманию размытые
схемы геологических слоёв и отражения
удельной плотности окружающих пород. В
одном из верхних квадрантов возникли
три

ярких жёлтых курсора.

- Они преследуют нас, - объяснила
Бетанкор.

- Кажется, они с достаточной
достоверностью могут определить, где
мы.

Как им удаётся отслеживать наше
передвижение?

- Тем же самым образом, каким мы
получаем информацию об их
перемещении.

- Неужели локаторы этой посудыны
настолько мощные?

Медя покачала головой:

- Они достаточно хорошо работают в
непосредственной близости от объекта, но
им не проникнуть сквозь скалу.

- Тогда что?

- Думаю, что все эти старательские гондолы оборудованы мощными маяками, вероятно встроенными в «чёрные ящики».

Это необходимо как для обычных поисков, так и при спасательных операциях.

- Пойду взгляну.

Я поднялся со своего места и стал пробираться к корме гондолы, пригибаясь и

держаясь за поручни над головой. Эмос продолжал напряжённо работать. Он

включил минералогический ауспекс машины

и проводил комплексный, полномасштабный

поиск спектрографических следов,

отпечатанных на листках Agentus

Механикус. Ему больше не приходилось

разворачивать свиток: сложные вариации

цветных полос давно отпечатались в его памяти.

Раз в несколько минут он сверялся с картой и вносил поправки в курс, прокладываемый Медеей.

В задней части гондолы, между стойками, удерживающими старые дыхательные маски

с прогнившей резиновой изоляцией, я обнаружил тесный проход к моторному отсеку. В него можно было забраться только ползком.

Просунув внутрь голову и плечи, я включил небольшой фонарик, который предусмотрительно снял с одной из кислородных масок. Осветив внутренности моторного отсека, я смог обнаружить

широкий металлический барабан,
загвинутый под антигравитационные
агрегаты и кинетические гироскопы.
Кожух

барабана защищали печати чистоты
Agentus

Механикус.

Я вернулся в кабину, выбрал из подсумка с
инструментами средних размеров
плазменный резак и забрался обратно.

Горячий синий язык резака снял кожух
барабана и расплавил его пульсирующие
внутренности.

Вернувшись к Меге, я увидел, что мы
спускаемся в просторную пещеру,
заполненную маслянистыми натёчными
образованиями и сверкавшую лунным
толоком и волосами ангела.

- Похоже, они уже потеряли нас из вида, -
заметила Медея, кивая на корпус сканера.
Она была права. Жёлтые курсоры больше
не двигались столь же уверенно, как
раньше.

Они метались по дисплею, стараясь вновь
обнаружить наш сигнал.

В течение двух последующих часов мы
прокладывали себе путь через небольшие
суглинистые пещеры, мерцающие
пещерным

желчугом, мимо обширных морей сланца
и

лапилля, между огромными
сталактитами, пронзавшими туннели
подобно клыкам

доисторических чудовищ. Котлованы и
отстойники, в которых блестела
отрагательная щелочная жижа, и

злеившиеся фумаролы свидетельствовали
о

том, что теперь нас окружала
рудиментарная

атмосфера: метан, сера, радон и облака
угарного газа. Клубящиеся выделения ещё
живого сердца Синшары и газы - продукты
химических и гравихимических реакций -
образовывались и накапливались здесь,
глубоко под землёй, лишь в
незначительном

количестве просачиваясь к лишённой
воздуха поверхности. Корпус гондолы
начал

нагреваться. Мы спустились
приблизительно

на пятнадцать километров и начинали
ощущать на себе воздействие
астеносферы.

- Эй! - внезапно воскликнула Медея.

Она затедела ход сүгна и развернула его, израя прожекторами. Мы находились в гипнатовой пещере, где из покрытого крелнистым известняком пола выступало несколько фигур, выточенных водой много тысячелетий тому назад. Несколько боковых

ответвлений уходили либо в узкие штольни, либо, как следовало из карты, углублялись в

породу более чем на двадцать метров.

- Что ты увидела? - спросил я.

- Смотри туда!

Прожекторы высветили тёмные очертания

чего-то, что на первый взгляд показалось мне только неровной грудой валунов и выступами сталагмитов. Но Бетанкор решительно повела туда сүгно.

Находкой Медеи оказалась старательская
гондола, похожая на нашу, только с гербом
Орток Прометеум на борту. Она была
разбита

и слята, словно старая консервная банка.
Опорные стойки её кабины вытирали через
металлический корпус подобно рёбрам.

- Ужас... - пробормотала Медея.

- У шахтёров опасная работа, - сказал я.

- Она здесь недавно, - произнёс Эмос,
вставая за нашими плечами.

Посмотрите на
тефру.

- На что? - спросила Медея.

- Это обобщающий термин для осадочных
пород. Взгляните на пыль и сланец там,
где

лежат обломки. Наведи туда прожектор.
Вон

там желтовато-белая гипнатовая тефра покрывает все вокруг, но она обожжена и оплавлена прямо под местом аварии. Дым футаролей, мимо которых мы пролетали, оседает здесь и покрывает все налётом окислов. Держу пари, что не пройдёт и месяца, как осадки заметут окарины и покроют обломки.

- Открой люк, - приказал я.

Подземная атмосфера казалась обжигающе-горячей, и я взмок от пота в тот же миг, как выпрыгнул из люка. Я не слышал ничего, кроме собственного дыхания под душной маской. Обойдя нашу гондолу спереди и встав в лучах её прожекторов, я увидел Эмоса и Медею в освещённой кабине.

Их лица тоже были скрыты кислородными масками.

Я махнул им и двинулся дальше по пыльному карнизу. Я не слышал, но чувствовал, как под ногами хлустят обломки

каменной. Иногда тысы моих сапог задевали щебень, которые, разлетаясь в стороны, сверкали на свету.

Форма и расположение дыр на повреждённом корпусе не оставляли никаких сомнений в том, что гондола подверглась продолжительному обстрелу из

нескольких лазерных орудий. Вдоль борта зияла широкая брешь. Я осветил фонарём сквозь прореху и увидел черноту обгоревшей кабины.

Три члена экипажа все ещё оставались на
своих местах. Под воздействием
кислотного

воздуха их тела превратились в
устыхающиеся тучи. Сотни блестящих
белых червей корчились на останках и
стремились зарыться поглубже в плоть,
когда

их настигал луч моего фонаря. Это
означало, что жаркие, влажные и
загазованные

внутренности Синшары вовсе не были
необитаемы.

Другие пещерные твари копошились и
извивались у моих ног. Длиннолапые жуки
с

панцирями металлического окраса и
раздутые, желеобразные моллюски,
стремящиеся к нежданному и богатому

источнику питательных веществ.

Что-то дёрнулось рядом и ударило меня в левый бок. Я неловко упал рядом с разбитым

корпусом гондолы, ругая себя за то, что не захватил датчик перемещений. На меня снова набросились. На этот раз боль возникла уже в левом бедре. Я пнул нападавшего с приглушённым маской ругательством.

Существо было размером с крупную собаку, но только более приземистым и вытянутым. Передвигалось оно на тонких задних лапах. Шкура его отливала серебром, а тупая морда служила лишь креплением для

челюстей, усеянных полупрозрачными клыками. Вокруг пасти грозили и колыхались глинные чувствительные

щетинок и усики.

Существо снова бросилось на меня, в

качестве противовеса высоко задрал
тонкий, жёсткий хвост. Вероятно, эта
тварь венчала

пищевую цепочку в лишённых света
пещерах

Синшары. Будучи слишком крупной, чтобы
пробраться внутрь обломков и дотянуться
до

трунов, она бродила снаружи, пожирая
могильных червей и моллюсков,
собиравшихся на месте крушения.

Мотнув головой, существо крепко
вцепилось в мою левую лодыжку. Я

почувствовал, как острые кончики его
зубов

пробили кожу моего ботинка.

Я сумел извлечь гробовик из чехла за

спиной и практически в упор выстрелил
твари в грудь. Во все стороны полетели
ошметки полупрозрачной плоти, и зверь
повалился на камни. К тому времени, как
мне с помощью ножа удалось разжать его
челюсти, соткнувшись на моем сапоге,
трупоеды уже начали покрывать его тело,
приступая к трапезе.

Мы отправились дальше. Проследовав
много выступов с известковыми
отложениями, гонгола вплыла в
следующую
пещеру. У нас захватило дух от
представшей
перед нами красоты: стены покрывали
триады стеклянных прядей, повсюду
сверкали миллиарды пещерных желчужин.
- Там была перестрелка. - Мне пришлось
перекрикивать шум рециркуляторов

воздуха, откачивающих последние
остатки суровой

газовой стесни подземелий Синшары.

- И кто в кого стрелял?

Я пожал плечами и сел поудобнее, чтобы
извлечь из своего сапога один из
сломанных
клыков хищника.

- Ладно, - сказал Эмос. - Думаю, тебе
интересно будет узнать, что координаты
пещеры с обломками гондолы точно
соответствовали спектроскопическому
следу

в одной из трансляций Механикус.

- Когда была произведена трансляция?

- Приблизительно две недели назад.

- Значит, стрелять вполне мог и Бур.

- Бур или кто-то другой, посылавший
сообщения в святилище.

- Но зачем ему было сбивать

старательскую гондолу? - громко спросил
я.

- Смотри что пассажиры гондолы
пытались сделать с ним, - трачно
устехнулась Медея.

- Очень странно, - приподнял свои
лохматые брови Эмос.

Ещё три часа, ещё два километра вниз.

Становилось чертовски жарко. Воздух
снаружи насыщали облака испарений и
газов. Чёрный дыт футаролей пронизывал
пласты породы, словно соты. В нескольких
пещерах и котлованах кипели кислотные
геотермальные озера, сияющие
люминесцентным свечением. Ущелья и
редкие штольни полыхали красноватыми
реками лавы и астеносферными котлами

с
расплавленными породами. Больше нам не приходилось полагаться на прожектора.

Переплетения нещер освещались потоками

пылающей лавы, огненными озёрами протечи́та, заполнившего штольни, а

кроме того, плотными, липкими занавесями

и коврами биолюминесцентных грибов, процветающих в жарких туннелях

подземелий. Воздушные фильтры гондолы уже не справлялись с серной вонью, а

система охлаждения грозила выйти из строя.

Мы вспомели. Капли конденсата стекали по

голове металлу стен каюты.

- Прошу затереть на одном месте, -

проговорил Эмос.

Медея отключила дюзы и опустила нас у побережья кипящего лавового озера. Из-под разломов в почерневшей корке пробивался яркий, почти неоновый свет.

Эмос сверил схему с показаниями спектроскопа, переданными минералогическим анализатором на небольшой дисплей в кабине.

- Это здесь. Отсюда велась последняя передача.

- Ты уверен? - спросил я.

Учёный огадил меня испепеляющим взглядом:

- Конечно.

- Давай немедленно облетим вокруг, - обратился я к Мееде.

Мы вытянули шеи, встатриваясь в

любое

стекло гондолы, шаря множеством

прожекторов вверх и вниз, чтобы
разглядеть, что скрывается в
непроницаемой тени
пещерных стен.

- Что там? Туннели?

- Судя по показаниям ауспекса, их

протяжённость может составлять
несколько

сотен метров. Боже-Император, похоже,
они

невероятно древние! - Надея вытерла
струйку пота, заливавшего глаза.

- А что прожектора высветили вон там?

Этос поглядел туда, куда я указывал.

- Миндалины, - ответил он. - Впадины,
заполненные кварцем или другими
вторичными полезными ископаемыми.

- Ясно, - кивнула Медея, отвинчивая крышку на фляге с водой. - Раз уж ты все знаешь, то что вот это такое?

Она показала на совершенно круглое отверстие, вырезанное в камне гальней стены. По моим прикидкам, глина его диаметра приближалась к тридцати метрам.

- Ну, я... очень странно, - забормотал обескураженный Эмос.

- Подойди ближе, - приказал я. - Это искусственное образование. Форма слишком правильная.

- Что, чёрт возьми, могло проделать такую

дыру? - недоумевала Медея, направляя

внутрь туннеля.

- Промышленный бур мог бы...

- Так глубоко? Настолько далеко от шахт? -

Я прервал Эмоса на полуслове. Посмотрите

на это. На такой глубине могут функционировать только герметично закрытые машины, вроде нашей гондолы.

- И то с трудом, - злобещим тоном прокомментировала мои выводы Медея.

Она не сводила глаз с показателей герметичности корпуса. Янтарные рунки то

вспыхивали, то выключались.

- Глубоко, - сказал я, глядя на дисплей с показаниями передних сканеров. - Уходит настолько, насколько мы можем

просканировать и дальше, при этом сохраняя

форму и размеры.

- Но он же прорезан в вулканической породе, сорок километров батолита! Это же

цельный антрацит! - В слабом старческом

голосе Эмоса зазвучали нотки ступения.

- Я улавливаю толчки, - внезапно произнесла Медея.

Цзлы на вращающемся сейсмографе дёргались уже больше часа, поскольку на этой глубине подземная поверхность не была

стабильной. Но сейчас они просто обезумели

и летали из стороны в сторону.

- В них есть ритм, - сказал Эмос. - Это не тектонические толчки. Слишком регулярные... почти механические.

Я задумался на мгновение, прикидывая варианты.

- Отправляется вглубь шахты, - решил я.

Медея посмотрела на меня так, словно надеялась, что ослышалась.

- Полетели.

Прорезанная в вулканической породе шахта оказалась настолько идеально круглой, что становилось страшно.

Стремительно спускаясь по этой трубе, мы

увидели, что внутренняя её поверхность была оплавлена и казалась покрытой каменными потёками с прорубленными в них расходящимися бороздами.

- Это сделано плазменным буром, - сказал Эмос. - И, что бы ни пробивалось здесь, его конечности оставили следы на стенах до

того, как те остыли и затвердели.

Труба иногда изгибалась змеей, но сохраняла цилиндрическую форму.

Повороты были глинными и плавными.

Несмотря на это, Медея всё равно осторожничала, входя в них. Сейсмограф продолжало трясти как в лихорадке.

Я извлёк галоперо и приписал одну фразу под схемой распечатки.

- Ты не мог бы преобразовать это в простой машинный код? - попросил я Эмоса.

- Кхм... - Он посмотрел на запись. - *Vade elquim alatoratha semptus...* У тебя хорошая память.

- Так ты можешь это сделать?

- Конечно.

- Что там такое? - поинтересовалась

Медея. - Какое-то колдовство?

- Нет. - Я улыбнулся, а Эмос приступил к работе. - Нечто вроде глоссии. Приватный язык, который не использовался уже довольно давно.

- Готово, - произнёс Эмос.

- Загни это в вокс-транслятор и поставь на непрерывный повтор, - сказал я.

- Надеюсь, что сработает, - вздохнул Убер.

- И надеюсь, что ты прав.

- Просто сделай это.

На панели управления запищали датчики сканеров.

- Мы приближается к выходу из туннеля! - воскликнула Медея. - Ещё километр, и мы влетим в огромную пещеру!

- Подавай сигнал! - приказал я своему престарелому помощнику.

Мы не были готовы к тому, что
предстало

перед нашими глазами. Массивная
металлическая машина в виде трубы
тридцати метров в диаметре и
семидесяти

метров в длину, с огромным плазменным
буром в носовой части и рядами

серповидных лап, кружившихся по её
бокам, словно зубы включённого цепного
меча. Она

выбралась из прорезанного ею туннеля и с
рычанием двигалась по кластическим
породам, покрывающим далёкое дно,
выбрасывая плотные облака пара и
перемолотого в пыль камня.

- Император храни! Она... огромна! -

воскликнул Эмос.

- Во имя Золотого Трона, что это такое?

прохрипела Медея.

- Сбрасывай скорость! Сбрасывай! -

закричал я, но она уже и так затормозила, пристраиваясь позади левиафана.

- Проклятье! - выругалась Бетанкор.

В корпусе гигантской установки повернулись и открылись оружейные люки.

На нас установились батареи многоствольных лазерных орудий.

Я схватил микрофон передатчика.

- Vade elquum alatoratha semptus! -

завонил я. - Vade elquum alatoratha semptus!

Орудия, которые могли испепелить нас единственным залпом, не выстрелили. Тем

не менее они продолжали держать нас на

прицеле. Затем в кортовой части
огромной

машины медленно открылись тяжёлые
створки люка, открывая проход в
небольшой, хорошо освещённый ангар.

- Другого приглашения не будет! - сказал я
Megee.

Обеспокоенно пожав плечами, она
направила гондолу вниз.

Мы выбрались из гондолы под своды
посадочного дока. Створки люка закрылись
за нами, и тут же запытели насосы,
откачивая едкий серный туман,
круживший у
наших ног.

Посадочный док сверкал начищенными до
блеска бронзовыми и стальными
панелями.

В стыковочной люльке рядом с той,
которую

предоставили нашей старательской
гондоле, была подвешена такая же, но
абсолютно

новая, выкрашенная в насыщенный красный
цвет. Ещё три люльки, новёхонькие и
вытазанные чёрной стазкой, оставались
свободными. Герметичные стеклянные
колпаки, наполненные фосфоресцирующим
газом, испускали неверное мерцающее
сияние, освещавшее пространство дока.

Металлическая винтовая лестница с
обитыми кожей поручнями поднималась к
погрузочной платформе.

- Хороший знак, - сказал я. Над дверью,
ведущей с платформы внутрь сооружения,
выднелся круглый барельеф Agentus

Механикус.

Мы вздрогнули, когда из ниш в стенах с
гудением высунулись шесть механических

манипуляторов. Две держали ауспексы, чтобы обнюхать гостей, и четыре нацелили

на нас встроенное оружие.

- Предлагаю не шевелиться, - прошептал я.

Послышалось лязганье замка. Внутренняя

дверь отворилась, и на платформу
выплыла

фигура в глиняных оранжевых одеяниях.

Вцепившись в поручень обеими руками,
незнакомец посмотрел вниз и прорычал:

- Vade smeritus valsara esm.

- Vade elquum alatoratha semptus,
ответил

я. - Valsarum esoque quonda tasabae.

Незнакомец откинул капюшон, обнажая

механический, покрытый смазкой

хромированный череп. Круглые глаза

полыхали ярким зелёным светом. Под его

челюстью запульсировали толстые
чёрные

кабели, и вокс-передатчик, встроенный в

горло, произнёс:

- Грегор... Убер... Давно не виделись.

Глава девятнадцатая

ПУТЕШЕСТВИЕ СКВОЗЬ

КАМЕНЬ

ПЛУТА

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

Это Медея Бетанкор, - сказал я, как только

освободил руку из могучей механической хватки Гуарда Бүра.

- Мисс Бетанкор... - Бүр слегка

поклонился. - Агентус Механикус Марса, святые слугители Бога-Машины, просят вас

найти приют в этом достойном аппарате.

Я собирался было пошипеть Медее, что её формально поприветствовали, но, как обычно, ей не потребовалось подсказок. Она проворно изобразила приветствие механического кулака Механикус и

поклонилась в ответ:

- Да служат ваши машины и помыслы

Богу-Императору, пока время бежит в своём

русле, магос.

Бур захихикал - жуткий звук, когда его

издаёт коробка протеза голосовых связок, -

и повернул ко мне зеленые огни своих немигающих глаз.

- Ты хорошо обучил её, Эйзенхорн.

- Я...

- Да, магос, - быстро произнесла Медея. -

Но этот ответ я узнала из «Божественных

Основ».

- Вы читали «Основы»? - удивился Бур.

- Они входят в базовый курс обучения в лётной школе на моей родной планете, -

ответила Бетанкор.

- Медея обладает немалыми

способностями во всем, что касается машин,

- отрекомендовал коллегу Эмос. - Она наш пилот.

- В самом деле... - Бур обошёл вокруг

Медеи и без стеснения погладил её тело своими металлическими пальцами.

Главная явно заинтересовала его.

- Она знакома с путём машин, и при этом у неё нет аутистики? - снова удивился Бур.

Медея стащила перчатки и показала ему переплетения кибернетических схем, инкрустировавших её руки.

- Не могу с вами согласиться, маэст.

Он сжал её руки в своих лапках и

принялся заинтересованно их

разглядывать.

Похожие на слюни ниточки чистого машинного масла засочились между его хромированных зубов.

- Главианка! Ваши усовершенствования... столь... прекрасны...

- Благодарю вас, сэр.

- Вы никогда не думали нас тем, чтобы имплантировать себе гругую аугметикү? Конечности? Внутренние органы? Это... освобождает.

- Пока я справляюсь и так, - улыбнулась Медея.

- Уверен, что так оно и есть, - сказал Бур и

внезапно развернулся ко мне лицом: - Добро пожаловать на борт моего транслимонета, Эйзенхорн. И ты тоже, Эмос, мой старый

сгроз. Могу только догадываться о
причине

вашего столь неожиданного визита. Итак,
что же привело вас сюда? Уж не Плита ли
тому причиной? Не Инквизиция ли
послала

вас уничтожить Плиту?

Вести о моей опале, очевидно, ещё не
дошли до него, и я был искренне рад
этому.

- Нет, магос, - сказал я. - Нас привело куда
более странное стечение обстоятельств.

- Вот как? Когда я засёк ваш сигнал - на
милом моему сердцу старом коде
Ханшанта,

- то просто не мог поверить своим
глазам. Я

чуть не подстрелил вас.

- Мне пришлось рискнуть, - сказал я.

- Что ж, риск привёл вас ко мне, чему я

очень рад. Следуйте за мной.

Его скелетообразные серебряные руки показали нам на двери.

Нижних конечностей у Бүра не было. Он плыл на антигравитационных подвесках, и

полы его оранжевых одеяний колыхались в нескольких сантиметрах над обшитой металлическими листами палубой. Мы держались в шаге позади него, двигаясь по глинному овальному коридору, освещающему все теми же газовыми лампами, вдоль стен которого сверкали бронзовые панели.

- Эта буровая машина просто чудесна, - восхищался Эмос.

- Все машины чудесны, - ответил Бүр. - А эта для меня - предмет первой

необходимости, основной инструмент
моей

работы здесь, на Синшаре. Прежде чем я
говёл конструкцию до ума, конечно,
существовало несколько прототипов.
Этот

транслитонег сконструирован по моим
проектам фабрикой Агентус Механикус
на

Райсе и доставлен сюда для моих нужд
три

года назад. С его помощью я могу
путешествовать куда пожелаю в пределах
этой скалы и открывать тайные пути
металлов Синшары.

Магос Бур занимался металлургией в
течение двухсот лет и являлся
непревзойдённым специалистом в этой
области. Его братья из техножрецов чуть
ли

не преклонялись перед его познаниями и открытиями. А до этого он работал архитектором производственных зданий в кузнях титанов на Триплекс Фалл. Из авторитетных источников я знал, что ему

было практически семьсот лет. Но Ханшанг

иногда намекал, что Бур намного старше.

В теле магоса не сохранилось ни единого клочка живой плоти. Остаточные

органические части Гуарда Бұра как человека

- его мозг и нервная система - были

запечатаны в сверкающем механическом

корпусе. Мне так и не удалось узнать, произошло ли это вследствие необходимости

или по личному желанию. Возможно, как это

часто бывает, столь экстремальная
аугментизация стала результатом
заболевания

или невосполненной травмы. А может
быть, он, подобно Тобиусу Максилле,

преднамеренно отверг слабую плоть,
заменив её совершенством машины. Зная

технофильские взгляды духовенства
Agentus

Механикус, последнее казалось мне более
вероятным.

Мой последний наставник, инквизитор

Ханшант, встретился с магосом Буром
ещё на

заре своей карьеры, во время выполнения

легендарной миссии по защите
Лекториума

Центра Подготовки Руководящего
Состава от

аширатов Улидора Технокузнеца. Как я уже

отмечал, Инквизиция - как и большая часть

священных институтов Империи - в

лучшем случае испытывает затруднения в

поисках общего языка с Agentus Механикус.

Их могущество настолько же легендарно, насколько печально известна их

замкнутость. Agentus Механикус

представляет собой закрытый Орган, ревниво оберегающий тайны своих

технологий. Но Бур и Ханшант развивали

взаимовыгодные деловые отношения, основанные на обоюдном уважении.

Профессиональная мудрость Бюра

неоднократно помогала моему наставнику в

раскрытии важных дел, и неоднократно он платил тем же.

Ученно поэтому сто лет тому назад я
доверил профессиональному пристотру
тагоса предмет исключительной
важности.

Зал управления гудящим транслитонедом
был построен в виде многоарусной часовни,
где командный мостик, возносившийся
словно гигантская бронзовая кафедра
проповедника, нависал над гвүтя
полукруглыми рядами управляющих
станций, нагруженных работой.

Проклепанные железные стены были
выкрашены в латово-красный цвет и
украшены многочисленными образами и
рунами Бога-Машины. Передняя стена
была

задрапирована красным бархатом.

Шесть сервиторов, покрытых пятнами
смазки, работали за гребезжащими

контрольными терминалами, их руки и
лица

подключались к системе напрямую, с

помощью толстых, армированных
металлом

кабелей и полосатых шнуров, отмеченных
печатами чистоты и пергаментными
ярлыками. Светодиоды и циферблаты
мерцали и пылали, а от запахов смазки и
священных мазей начинала кружиться
голова.

За действиями сервиторов приглядывали
двое облачённых в оранжевые одежды
техножрецов, сохранивших более-менее
человеческий облик. Один из них был
подключён с помощью трех нейроразъемов
прямо к психоимпульсному модулю
машины

и бормотал вслух псалмы и цитаты из

священного писания Agentys Mexanikys.

Второй обернулся и поклонился, когда мы поднялись на мостик.

На месте его рта располагался опутанный проводами динамик. Он заговорил импульсами бинарного машинного кода.

Бур ответил ему подобным же образом, и в

течение нескольких мгновений они

обменивались плотными потоками сжатых

данных. Затем Бур подплыл к медной

кафедре, встроенной в ограждение мостика, и распахнул одеяния. Из его хромированного

торса выдвинулись и подключились к

полированным гнездам в панели управления

два подвижных нейрокабеля,

напоминающих хищных кровососущих червей.

Теперь Бур тоже был соединён с

психоимпульсным
транслимоном.

модулем

- Мы движемся с хорошей скоростью, -
сказал он нам.

Магос дёрнулся, и бархатные шторы в

дальнем конце зала автоматически

разошлись в стороны, открывая огромный

голографический экран. Вторичные
образы

накладывались на основной, демонстрируя

трехмерные схемы и графики

энергии/скорости.

На

главном

изображении

не было видно ничего, кроме размытого,

стремительно несущегося на нас пятна,

пронизанного искрами голубоватой

энергии.

Уменно так выглядело то, что оказывалось

непосредственно перед нами: скала, расступавшаяся перед устрашающей

разрушительной мощью плазменного бура.

Мы путешествовали прямо сквозь цельный

камень.

- Думаю, пришло время объяснить, куда мы направляемся, - обратился я к Бүрү.

- Мы охотимся, - печальным голосом ответил Гуарг.

- Вы охотитесь уже довольно продолжительное время, магос, - сказал

Эмос. - К этому моменту прошло уже одиннадцать недель. Так за чем или за кем

же вы охотитесь?

- И почему заброшены рудники Синшары?

- добавил я.

Бур задумался, выбирая нужный блок электрографической памяти. Он практически полностью отдался эйфории психоимпульсного единения.

- Десяносто два дня назад, если не ошибаюсь, независимый старатель по имени

Фарлюк, работавший по контракту на Ортог

Прометиум, вернулся из долгосрочного глубинного турне по сбору проб пород и преподнёс своим нанимателям уникальную находку. Они пытались удержать это в тайне

какое-то время, надеясь, как я понимаю, использовать её для собственных нужд. Это

ошибочное решение обошлось им дорого. К

тому времени, как они осознали свою ошибку и поделились информацией с Агентус Механикус, было уже слишком поздно.

- А что именно нашёл Фарлюк? - спросил Эмос.

- Её называют Плита. Я не видел её, но изучил фрагменты, извлечённые из тел заражённых людей.

- Извлечённые? - взволнованно выдохнула Медея.

- Постертно. Плита представляет собой гиперплотный жеог массой приблизительно

в семьсот тонн. Как я понимаю, это должен

быть идеальный десятигранник. Её минеральный состав экзотичен и

необъясним. И она живая.

- Что? Магос! Как - живая?

- По крайней мере, разумна. Она

пронизана мерзкой грязью Хаоса. Не знаю, как долго она лежала необнаруженной в

недрах этого мира. Может быть, она всегда

пребывала здесь или была спрятана

неизвестными ещё в предымперские

времена, чтобы сохранить её... или

избавиться от неё. Вполне возможно, что

именно по этой причине Синшара могла

вырваться из своего упорядоченного

костического танца и начать гик и слепо

блуждать среди звёзд. Поначалу я сам

собирался найти Плиту. Огин только её

состав обещал обогащать нас
потрясающими

знаниями. Но теперь я охочусь за ней
только

для того, чтобы уничтожить.

- Это она развратила этот мир? - спросил
я.

- Полностью. Вступив в контакт с
людьми, она тут же начала искажать их
мысли своей

пагубной властью. Поработила их.
Первыми

стали рабочие бригады, отправленной на
ее

изучение Ортог Прометиум. Тут же
целиком

и полностью неожиданно оформился новый

культ. Каждому вступающему в него во

время примитивного мерзкого ритуала
пог

кожу вживляли кусочек камня, отколотого
от

Плиты.

- Мы видели эти отметины.

- С ростом культа на Синшаре все разладилось. Плиты они передвинуть не смогли, но её осколки поднимали на поверхность и использовали, чтобы заражать

все большее количество рабочих.

Заражённые люди стали исчезать, отправляясь в паломничество в глубь шахт, чтобы поклониться Плите. Многим это не

удалось. Большая часть людей просто пропала. Я пытался идти по их следам, иногда встречая сопротивление враждебных

культистов, стремившихся защитить своё

божество. Но первоначальные данные

Фарлюка оказались неточными. Мне не

удаётся найти Плиту. Боюсь, это только
вопрос времени, и уверен, что культ
стожит

расширить своё влияние за пределы

Синшары. Или...

- Или?

- Или под руководством Плиты они
завершат какое-нибудь колдовство и
пробудят её силы в полной мере... или
помогут ей объединиться с собственным
видом.

Несколько мгновений мы раздумывали
над этой мрачной идеей. Эмос же спокойно
ввёл пароль доступа на экране своего
информационного планшета, отстегнул
устройство от своего запястья и протянул
его

Бурю.

- Это тебе поможет? - спросил Убер.

Бур уставился на планшет. Зеленые лучи его глаз превратились в яркие изумрудные точки.

- Как, именем Кузниц Варна, тебе удалось?..

- Что это? - спросил я, шагнув вперёд.

- Расположение Плиты, - горделиво ответил Эмос.

- Как тебе удалось это заполучить? - закричал Бур, перекрыв своим голосом машинную трескотню.

- Культистам необходимо знать, где она. Сноска была сделана на картах, которые я скачал из офиса службы безопасности. До сего момента я не понимал её значения.

- Ты просто скачал её? - спросил Бур.

- Полагаю, они не думали, что есть хоть

какая-то причина скрывать её.
Информация

даже не была зашифрована.

Бур запрокинул назад свою

хромированную голову и зашёлся в

визгливой пародии на смех.

- Одинадцать недель! Одинадцать

недель я рыскал, искал и пробивал свой
путь

сквозь потроха этой глыбы, выискивая

следы, а ответ все это время был там,
наверху! Лежал на самом виду!

Магос повернулся к Эмосу и опустил

стальную руку на сутулое плечо учёного:

- Я всегда восхищался твоей мудростью,
Убер, и понимал, почему тебя так ценил

Ханшант, но теперь я понимаю, сколь

великая мудрость таится в простоте.

- Просто повезло, и ничего больше.

- Это была стелая бесхитростность, учёный! Миз прямой, чистой мысли, затмевающей все мои труды здесь.

- Ты слишком добр... - пробормотал Эмос.

- Добр? Нет, я не таков. - Огоньки глаз

Бүра снова расширились и засверкали. - Я проложу путь к сердцу Плиты, и тогда её отродья увидят, сколь беспощадной может быть моя душа.

Два часа спустя сервиторы Бүра отвели нас

в скромно обставленную каюту и обеспечили

безвкусным, но питательным бульоном, не имевшим запаха, и чёрствыми,

волокнистыми лепёшками. После трапезы нас снова вызвали в зал управления.

Снаружи шла небольшая война.

Но тому, как утихла пульсация корпуса

машины, я уже понял, что мы снизили
скорость прокладки туннеля, и теперь
увидел

почему. Мы пробурились сквозь камень и
вышли в пещеру с высоким сводом. Повсюду
пылали струи газа, а озера лавы
выбрасывали фонтаны пламени. На
голографическом экране зала управления я
увидел размытое, содрогающееся
изображение пещеры. По нашей машине
бесшумно били лазерные лучи.

Бур был подключён к панели мостика.
- Мы обнаружили их гнездо, - сказал он. -
Но они сопротивляются.

Я увидел, как к нам несутся две
старательские гондолы, из открытых
люков
которых и вёлся огонь.

Бүр кивнул одному из своих техножрецов,
и по внутренностям транслитонед
прокатился визг многочисленных
лазерных

орудий. Одна из гонгол взорвалась в
сверкающей сфере, а вторая
заклубыркалась, горя и разваливаясь на
куски.

Я понял, что на дне пещеры тоже были
люди: шахтёры в артированных рабочих
комбинезонах неслись вперёд, стреляя по
транслитонеду.

Бүр увеличил изображение, и мы увидели,
что некоторые из них тащили паллеты со
взрывчаткой, рассчитывая подобраться
достаточно близко, чтобы повредить наш
корпус.

- Ловчие, - сказал Бүр.

Судя по всему, это был приказ. Раздался

звон и гудкий стук, когда где-то под нами раскрылись люки, и новые фигуры стремительно влетели в поле обзора экрана.

Это были боевые сервиторы.

Тяжеловесные, сверкающие серебром, они шагали на мощных, выгнутых назад ногах, выбрасывая чёрный дым из выхлопных труб.

Оружия в их верхних лапах дёргались от пневматической отдачи. Они выслеживали и отстреливали культистов.

- Ловчий четыреста пятьдесят три, налево

и прицелиться, - пробормотал Бур.

Все они подчинялись его прямому управлению.

Один из Ловчих развернул своё оружие и

снял ещё четверых культистов.
Взрывчатка, которую они тащили,
взорвалась, и яркая

вспышка на секунду ослепила дисплей.
Когда

голографическое изображение
возвратилось, Ловчий уже преследовал
новые цели.

- Ловчий сто тридцать и Ловчий двести
пятьдесят два, развернуться направо.

Противник скрывается за скоплением
сталактитов.

- О Великий Император, - в ужасе
произнёс Эмос. - Некоторые из них даже не
защищены.

Так и было. Очень многие нападающие на
нас люди не носили ни брони, ни какой-
либо

защиты от губительного воздействия

окружающей среды. Их одежда обуглилась

чёрных лохмотьев, а плоть была обварена
и

покрыта волдырями. Какая-то сила
поддерживала их активность и

функциональность в этой адской бездне.
Ни

давление, ни чрезвычайная жара, ни даже
ядовитая, разъедающая атмосфера не
останавливали их. Инфекция Плиты
сделала

из них полноправных обитателей этого
подземного мира.

Волна Ловчих неумолто шагала вперёд,
и

за ними по камню пещеры на своих
адамантитовых ножках медленно полз
транслионер. Лазерные орудия снова
выстрелили, уничтожая очередное

транспортное средство - большой грузовик
для перевозки руды, пытавшийся взять на
таран нашу машину.

Могучий плазменный бур снова
согрознулся и разнёс на части каменный
выступ, преграждавший нам путь.
Несколько

секунд потоки пыли застилали экран, а
когда

он очистился, мы увидели настоящий
кошмар и узнали, как складывалась
нечестивая судьба населения рудников
Синшары.

Кошмарственное порождение представляло
собой огромную корчащуюся гряду
опалённой, обваренной плоти и
выпирающих костей. Один за другим
заражённые рабочие Синшары, даже

поддавшиеся соблазну братья Бүра из
Agentus Механикус, приходили сюда,
чтобы
радостно пожертвовать свою органику
этой
массе.

Когда транслитонег вошёл в поле её
зрения, она поднялась, образуя огромного,
вставшего на дыбы пятидесятиметрового
червя из красной слизи и почерневшего
мяса. Жуткая масса, достаточно
большая, чтобы проглотить
старательскую гондолу, зиявшая в его
раздутую голову, выплюнула в
нашу сторону шар пылающего газа.

Транслитонег закачался, взвыли
аварийные сирены, и изображение пропало.
Один из управляющих терминалов под
нажимом
взорвался, отбрасывая сервитора на

палубу.

Зал заполнили клубы дыма.

- Какая мощь! - восхитился Бур.

Машина вновь покачнулась, на этот раз сильнее, и мы понагали с ног. Не спасли даже внутренние гравитационные системы и инерционные амортизаторы.

Изображение на экране на краткий миг восстановилось, дёрнулось, давая нам достаточно времени, чтобы увидеть, как эта

мерзость свивается вокруг транслитонета кольцами. Корпус протестующе заскрипел.

На нижних палубах раздалась взрывы.

Металлические листы начали расходиться по

ивал, и несколько заклёнок вылетело из стен и палубы, словно пули.

- Бур!

- Я уничтожу его! Я изгоню его!

- Бур! Во имя Императора!

Он ничего не слышал. Все его усилия были сосредоточены на психоимпульсной связи, управляющей транслитонедом, на

дирижировании Ловчим, сплотившимися в

контрнаступлении на чудище. Его вера в

превосходство Машины мешала ему увидеть, что грозный культ Агентус Механикус

встретил достойного соперника.

Я обернулся к Медее и Эмосу.

- Пошли! - закричал я.

Мы бежали по главному коридору транслитонедом, направляясь к корте

огромного аппарата, когда его закачалось от

ещё более мощного удара. Инерционные амортизаторы неожиданно вышли из строя, и мы снова повалились на палубу, когда

землеройная машина перевернулась набок. Стекланные кожухи газовых светильников разбились, и слабое пламя заструилось и заплясало на стенах. Затем последовала ещё

одна серия сокрушительных ударов.

Мы поднялись на ноги, вынужденные теперь в качестве пола использовать изогнутую поверхность стены.

Пulsирующий визг лазерных орудий к этому времени превратился в постоянный монотонный гул.

В сводчатом стыковочном отсеке горели

красные аварийные лампы. При последнем ударе наша гондола вылетела из своей люльки и лежала на смятом боку, прислонившись к арке свода. Но кроваво-красный челнок все ещё покоился на своём месте.

Мы с Медеей прыгнули с внутреннего люка на потолок дока, но Эмос закричал нам

вслед:

- Я не смогу прыгнуть!

Я понял, что он прав.

- Тогда закрой люк и возвращайся помогать Бүрү!

- Храни вас Император! - прокричал он, закрывая люк.

Энергетические кабели, когда-то лежавшие на палубе, теперь свисали подобно

канатом. Ухватившись за них, мы стали карабкаться к люльке с гондолой. Мы уже проделали полпути, когда мир вокруг снова

загрожал, и транслитонег яростно дёрнулся, выправляя своё положение. Мы с Медеей

растянулись на полу, а мимо нас понеслись обломки. Я едва успел перекатиться и оттащить Бетанкор в сторону, когда наша

разбитая гондола скатилась со стены, ударившись боком об пол.

Очередной рывок, и палуба с невыносимым скрежетом накренилась в другую сторону примерно на двадцать градусов. Ничем не удерживаемый челнок покатился на нас.

- Залезай! - завонила Медея. - Залезай!

Она сумела открыть боковой люк красной гондолы и наполовину втощила меня внутрь.

В этот момент транслиционер накренился на

тридцать градусов в другую сторону.

Незакреплённая гондола немедленно

покатилась по палубе и врезалась в

переборку. Я повис на руках в открытом люке.

- Проклятье! Залезай! Залезай, мать твою!

- вопила Медея, изо всех сил стараясь удержать меня.

Я крикнул от натуги и задрал ноги так, чтобы мысы моих сапог оказались за

порогом. Следующим рывком мне удалось

втянуть себя внутрь лодки, и Медея

захлопнула люк.

Вокруг все продолжало трястись и раскачиваться. Мы пробрались по низкой кабине к креслам пилотов и пристегнулись ремнями безопасности. Медея уже включала зажигание, когда транспортное средство снова перевернулось, и мы закачались в своих креслах на ремнях. Шлюпка теперь висела в своей люльке вверх дном.

- Это будет забавно, - зло рассмеялась Медея.

Она послала команду на открытие створок

внешнего люка ангара. Затем Бетанкор переключила двигатели гондолы на полную мощность и отсоединила стыковочные

крепления.

В течение головокружительной секунды мы, висая вверх тормашками, падали катнем

вниз. Затем Медея ударом по кнопкам включила гюзы и сделала петлю в воздухе. Мы разминулись с крышей стыковочного отсека, проскользнув на расстоянии, едва ли

превышающем ширину лагоны, и вылетели в

открывшийся люк. В это время транслитонег

вновь перевернулся.

Омерзительная тварь все туже сжимала кольца вокруг огромной подземной машины

Бүра. Она раскачивала транслитонег, и я отчётливо видел, как бронированная обшивка начинает прогибаться и

ломаться.

На месте нескольких выданных из
корпуса с

потрохами лазерных батарей дымились

пустые гнезда. Ловчие облепили

сражающихся гигантов, обрушивая на
червя

Хаоса неистовый огонь. Несколько

сервиторов уже лежали разбитыми, после

того как по ним прокатился
транслиционер.

Медея сделала круг над ними, пытаясь
как

можно быстрее привыкнуть к
особенностям

управления гондолой.

- Что будем делать? Надеюсь, у тебя есть
план?

- Я работаю над этим, - покачал я головой.

На гонголе Бүра не было установлено
никакого вооружения - я проверил это,
когда

мы только взлетели, - и вообще ничего,
что

можно было использовать в качестве
эффективного наступательного оружия,
кроме расположенного под носом рубки
шахтёрского лазера, сохраняющего свою
убойную мощь на расстоянии примерно
пяти

метров.

- Держи курс в глубь пещеры, - приказал я,
сверяясь с показаниями геологического
ауспекса.

- Бежать из боя?

- Мы не можем сражаться с этой тварью,
а

посему мы найдём Плиту. И вот этот
сигнал

должен исходить от неё.

На экране уверенно пульсировал большой курсор. Сомнений быть не могло, он указывал на нашу цель.

Культисты открыли по нам огонь, когда мы проносились над нити и углубились в глинную вулканическую пещеру. Из лавовых озёр, словно в гневе, взлетали пирокластические фонтаны, угрожая сбить нас.

И тогда мы увидели Плуту.

Она была захоронена в обсидиановом блоке, выступающем из стены пещеры, но кто-то уже проделал серьёзную работу по её

высвобождению. На покрытых неплот склонах под ней стояли тяжёлые

шахтёрские

гондолы и буровые платформы на
антигравитационной подушке, а землю
вокруг покрывали осколки обсидиана.

Как и говорил Бур, она представляла
собой

идеальный и гладкий, словно лёд,
темно-зелёный десятигранник четырех
метров в поперечнике, пылавший
таинственным внутренним светом. Даже
на

таком расстоянии чувствовалась
исходящая

от него злоба. На самом краю своего
ментального сознания я почувствовал
раздражающее покалывание. Медя и мела
больной вуг.

- Я не хочу подходить ближе, - внезапно
произнесла она.

- Нам придётся!

- И что ты будем делать?

Я задумывался над тем, способен ли шахтёрский лазер разрезать Плуту. Но если

даже и стожет, не было гарантии, что от этого будет какой-то прок. Я сомневался, что

нам удастся причинить ей серьёзный урон, даже если мы на полном ходу врежемся в неё.

И тем не менее культисты как-то откалывали от неё осколки, чтобы распространять своё зло. Она была уязвима, если, конечно, каким-либо образом не

позволяла снимать с неё эти осколки.

Передвинуть её куда-либо мы явно не могли.

Теперь я чувствовал шёпот Плиты в своей
голове. Слов не было, - только бормотание,
от которого по моему хребту пробежал
холод. Коварный, неторопливый, словно
геологические эры, словно ледник или
тектонические сдвиги. Она говорила
мягко, не спеша, аккуратно донося до меня
своё

соблазнительное послание. Ей некуда было
спешить. В её распоряжении было все
время
галактики...

Резко вильнув в сторону, гондола сбилась
с курса. Я вздрогнул и огляделся. С
больным

видом Медея перегнулась через
подлокотник

кресла. Её кожа побледнела, она
задышалась
и потела.

- Я... не могу... - прохрипела она. - Не заставляй меня подлетать ближе...
Бетанкор достигла своего предела. Я наклонился и положил руку ей на голову.
- Спи, - мягко произнёс я, применив Волю.
Бетанкор погрузилась в милосердное забытьё. Я взял управление судном на себя.
Я возился с рычагами и чуть не уронил гондолу прямо в озеро бурлящей магмы.
Мои
лётные навыки не шли ни в какое сравнение
с профессионализмом Медеи Бетанкор.
Но погибший отец Медеи все же достаточно хорошо обучил меня. Я протчался на небольшой высоте над расплавленной породой, поднимая за собой серный вихрь, и облетел огромную

антрагатовую колонну, подпирющую
неровный свод. Между мной и засыпанным
неплот берегом, где стояла Плита,
оставалось последнее широкое огненное
озеро.

Плита зашептала снова, но я отрёшился
от

её призывов. Я старательно обучал свой
разум противостоять Хаосу и его
ментальным уловкам. Я понимал: так она
и

стущала слабые сознания. Так она и
оскверняла, и заражала население
рудников

Синшары. Шёпотом, бесформенные,
лишённые

смысла слова власти, втягивавшие людей
в

объятия варна...

Неожиданно меня кольнула догадка. Мне

нравится думать, что эта идея родилась
из

той же чистой простоты, которую Бур
восхвалял в Эмосе. Великолепная,
бесхитростная попытка.

Я изгнал из своего сознания беспокойство
за жизни Эмоса и магоса.
Отвратительное

порождение уже могло разорвать на части
транслитонег, оставшийся позади. Если
надежды на их спасение не осталось, то я
больше ничего не мог для них сделать.

Рискнув снять одну руку со штурвала, я
включил вокс-транслятор, поставив его на
запись. Затем, вновь

сконцентрировавшись и
успокоившись, я начал говорить,
отчётливо и

громко, извлекая слова из своей памяти.

Давным-давно на своей родной планете, в мире ДеКере, будучи ещё ребёнком, я стоял в

глинном зале основного школьного вместе с другими учениками, дружно декламировавшими...

Загудел сигнал, предупреждающий об опасности столкновения, я успел вовремя свернуть влево и, прежде чем пронестись мимо, бросил взгляд на старательскую гондолу, всплывшую в окне кабины. Два ярких жёлтых курсора появились на дисплее

успеха. Маяки шлюпок, вроде тех, что преследовали нас в шахтах.

Тот, который чуть не столкнулся со мной, разворачивался над лавовым озером. Второй

шёл на перехват. Я тоже развернул

гондолу, а

потом в последнюю секунду нырнул в

сторону. Он пролетел достаточно близко, чтобы я смог разглядеть герб Ортог

Прометиум на корпусе. Достаточно близко, чтобы увидеть лицо патрульного Калейла

через иллюминаторы рубки. Первая из шлюпок, с символом Объединённых

Каменоломен на борту, едва заметным на шелушащейся от жары краске, приблизилась, перекрыв мне путь к берегу и Плите. Пилот

поспешно выбил окно и теперь стрелял из лазерного карабина. Несмотря на наши суммарные скорости, я почувствовал, что несколько выстрелов нашли свою цель, угодив в фюзеляж моей гондолы. Я отвернул

в сторону, отчаянно стараясь не

прерывать

своей декламации, сконцентрировавшись на

воздушном поединке.

Я начал распевать слова, словно мантру.

И, увернувшись от гондолы Имперских

Объединённых Каменоломен, оказался

прямо нос к носу с Калейлом. Я резко увёл

машину вбок, чтобы разминуться с ним,

но

тем не менее мы столкнулись и гондола

затряслась. На панели управления

загорелись аварийные огни. У моего судна

были повреждены дюзы и снизилась

манёвренность. Внизу лавовое озеро

вспыхнуло, стремясь поглотить меня, но я

судел спастись, отлетев от засыпанного

неплот берега.

Все это время я не прекращал читать слова.

Гондола Имперских Каменоломен села мне на хвост, окрашивая воздух лазерными всполохами. Мы стремительно облетели антрацитовую колонну, но мне никак не удавалось избавиться от преследователя. Я

попытался представить, что бы на моем месте сделала Медея Бетанкор. Или Мугас. Я

затялся, чуть не сбившись с речитатива, когда обдумывал и производил отчаянный манёвр.

Вражеская гондола летела прямо позади меня. Я резко сбросил скорость и сумел с помощью стабилизационных ракетных двигателей развернуть антигравитационную

машину на месте, опуская её нос перед противником, точно в реверансе. А потом включил шахтёрский лазер.

Гондола Объединённых Каменоломен оказалась слишком близко от моей кормы, чтобы успеть увернуться или затормозить.

Думаю, пилот решил идти на таран, но я оказался слишком высоко. Он пролетел ного

мной на полном ходу так близко, что сорвал

с днища моей машины прожектора и антенны ауспекса.

Но кроме того, он пролетел прямо через сверкающее копье моего промышленного лазера, разрезавшего гондолу Имперских Объединённых Каменоломен от носа до хвоста. Распавшись на две половины, она

закружилась и упала в раскалённую добелазу.

После двух столкновений моя машина
вышла на ладан. Я продолжил свою
декламацию, надеясь, что краткая
заминка
не будет иметь значения.

Лишившись своих антенн, ауспекс ослеп, но
я всё равно видел Калейла. Он мчался над
озером, направляясь прямо ко мне.

Моя гондола зависла на месте. Пришло
время действовать, и, поскольку я уже
сделал

свою ставку, пришло время для слов. Я
отключил транслятор и активировал
открытый вокс-канал.

- Калейл?

- Хорн!

- Не Хорн, а инквизитор Эйзенхорн.

Тишина. Он был уже в гвухстах метрах и
мчался на скорости, которая
гарантировала
нашу одновременную смерть. Я поднёс вокс
поближе к губам и вложил всю без
остатка

Волю в одно слово.

- Нет, - сказал я.

Гондола Ортог Прометиум изменила курс
и спикировала прямо в лавовое озеро. Над
тем местом, где она упала, поднялось
огненное облако.

Я направил свою изувеченную гондолу к
берегу и приземлился примерно в
двадцати

метрах от Плиты. Медея застонала.
Мне было

страшно даже представить, какие сны
наводняли её дремлющее сознание.

- Прочь из моей головы! - громко

прорычал я в ответ на непрерывный шёпот

Плиты.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы перемотать запись в вокс-трансляторе

на начало и установить её на непрерывный

повтор. Затем я направил его сигнал в

эхолот, который при анализе порога и

установлении местоположения сигнала обычно

использовался в качестве дополнения к

ауспексу. Я вертел ручки настройки до тех

пор, пока мощный сонар не оказался

нацелен прямо на зловещный десятигранник.

Плиту пронзили потоки ультразвуковых

импульсов. Императорский Молебен Об
Изгнании Варна, зубрившийся наизусть
всяким примерным школьником
Императора. Невинная молитва,
ограждающая от тьмы, изгоняющая Хаос.
Сомневаюсь, что когда-либо её
использовали
столь действенно. Вряд ли мои
наставники
из школы когда-либо задумывались о
таком применении этого простого,
монотонного речитатива.
- Слова, - пробормотал я. - Твой
мерзостный шёпот против моих слов
могущества. Как тебе это нравится?
Я включил сонар на полную мощность.
Одного только потока звуковых волн
хватило
бы, чтобы оглушить человека и

переломить

ему кости.

В течение минуты я напряжённо
взглядывался в массив Плиты, боясь, что
ничего не выйдет. Но потом шептание
прекратилось. Его сменило гневное и
мучительное инфразвуковое стенание, и
наконец наступила агония.

Поверхность Плиты стала бесцветной,
словно в одно мгновение покрылась
плесенью. Она грозила, круша обсириан
вокруг себя.

Потом её внутреннее свечение мигнуло и
угасло. Десятигранник стал неотличим
от
окружавшего его чёрного вулканического
стекла.

Когда Плита умерла, то же самое

произошло и с её слугами, и с
отвратительным червеобразным
порождением. Удостоверившись, что
Медея

теперь просто спокойно похоранивает во
сне, я медленно повёл повреждённую
гондолу

обратно, как раз вовремя, чтобы увидеть,
как

последние липкие останки мерзкого червя
воспламеняются и соскальзывают с
измятого

корпуса транслитонедга. В воздух столбом
поднимались чёрная зола и дым горящего
жира.

Пылающие трупы культистов усеяли дно
пещеры. Неподвижные Ловчие стояли
среди

них, ожидая следующего распоряжения.

Огромная буровая машина была измята и

покорёжена, но не вышла из строя. Когда я
посадил гондолу в ангар, появились
техножрецы Бұра, чтобы лично
позаботиться
о бессознательном теле Медеи.

Главный коридор машины был изогнут
под странным углом. Инженеры Бұра все
ещё
пытались восстановить работу
инерционных
амортизаторов.

В воздухе витал едкий дым, к которому
примешивались неприятные запахи
горящей
плоти. Эмос встретил меня в дверях зала
управления и кратко обнял. Подобное
проявление чувств было для него
редкостью.

Бұр потерял свои оранжевые одеяния. Он

наблюдал за нашим столь человеческим
объятием с края мостика, и его нагой,
зловещий, чуждый силуэт вырисовывался
на

фоне пожара, бующего среди
терминалов.

- Теперь все будет хорошо, старый друг, -
сказал я Эмосу.

Он с виноватым видом отстранился:

- Тебе удалось, Грегор. Удивительно! Я... я
не хотел проявить непочтительность...

Чногда мне хочется уметь улыбаться. Я
слишком устал от безразличной маски,
дарованной мне Горгоном Локом.

Подкрепляя слова мягким воздействием
Воли, я произнёс:

- Я не увидел в этом непочтительности.

Эмос застенчиво улыбнулся и в смущении
отвернулся.

Защипав антигравитационными
подвесками, ко мне плавно подъехал Бур и,
к
моему удивлению, тоже обнял меня. У него
это получилось неловко и неуклюже, и его
механические руки не могли передать
душевной теплоты. Мне стало тогда
ужасно
горько за него. Его человеческое нутро
было
тронуто произошедшими событиями. Он
увидел и скопировал невольный порыв
Эмоса. Я думаю, что в то мгновение ему
отчаянно захотелось снова стать
человеком.
Но только на мгновение. И протезы его
рук
передавали не больше эмоций, чем тогда,
когда он впервые поприветствовал меня.
Бур отпрянул в сторону, опустив руки.

Зеленые огни его глаз заходили в
глазницах

взад-вперёд, приставляя за
ремонтными

бригадами, исправлявшими повреждения.

- Я никогда этого не говорил, - начал он.

Несмотря на все старания, механический
голос звучал невыразительно и холодно. -

Ханшант. Он был высокого мнения о тебе,
Эйзенхорн. Как-то раз он сказал, что
верит -

у тебя впереди блестящая карьера и ты
превзойдёшь его. И, мне кажется, он был
прав.

- Благодарю, магос.

Он снова посмотрел на меня. В его глазах
заплясали крошечные искорки изумрудного
огня.

- Ты так и не сказал, что же тебя привело

сюда.

- Недавние трудности, магос, отвлекли нас.

- Да. Но тем не менее ты так и не сказал...

- Вначале я должен рассказать об обстоятельствах, изменивших мою жизнь, магос. Я не стану ничего утаивать в надежде, что ты сможешь понять и не изменишь

своего мнения обо мне. Но сначала... Сто лет

назад я кое-что оставил на твоё попечение и

изучение. Мне хотелось бы снова увидеть это.

Было даже забавно - словно сработал какой-то картический закон. Конечно же, я не верю в такие вещи. Бур зарывался под землю и прокладывал туннели в самом

сердце Синшары в течение одиннадцати
недель только для того, чтобы Эмос
тилоходом показал ему местоположение
Плиты. А мы спустились в глубокие
шахты и

искали Бүра только для того, чтобы
узнать: то, за чем я прибыл на Синшару,
все это

время было благополучно закрыто в
глубине

святилища Agentus Механикус.

Искалеченному транслитонеду

потребовалось тридцать часов, чтобы

пробраться к поверхности. Как только мы

пробили синюю корку гипната в
выработках

Имперских Каменоломен, я отправил
Эмоса

и Медею к катеру, дав им поручение

связаться с Биквин и остальными

членами

моей команды, все ещё дожигавшимися на борту «Уссина», вставшего на высокий якорь.

Я очень надеялся, что за время моего отсутствия они не наделали глупостей.

Бур проводил меня в святилище. Его лёгкое касание передало системе код, оживило помещение и осветило глинные коридоры по обе стороны от часовни

Механикус. Когда он повёл меня по одному из них, осветительные пластины все ещё разогревались после столь длительного простоя.

Магос вставил нейрокабели, растущие из его груди, в отверстие на стене и ототкнул

заток. Тяжёлая бронированная дверь скользнула в сторону. За ней последовала

вторая, а потом и третья - прочная диафрагма, ушедшая в стену со звуком вкладываемых в ножны мечей.

- Вот то, что ты хотел увидеть, произнёс

Бур. - Он оказался весьма информативен.

- Я просмотрю твои записи позднее, магос, - сказал я. - А пока оставь меня с ним наедине.

Бур ретировался.

Ощущая на себе тошнотворное покалывание антиментальных полей, я перешагнул через порог диафрагмы и спустился по трём решётчатым ступенькам в

камеру. Стены, потолок и пол сплошь покрывали кристаллики льда. Слышалось потрескивание синаптической энергии.

- Привет, Эйзенхорн, - произнёс

затогильный голос из вокс-динамика.

Он доносился из ларца, установленного в базальтовом блоке посреди комнаты. У устройства, и камень под ним также покрывала корка льда. Но открытой крышке ларца, тертая, носились крошечные огоньки.

Я собрался с силами и произнёс:

- Понтиус Гло. Вот мы и встретились снова.

Глава двадцатая

ИНТЕРВЬЮ С ПРОКЛЯТЫМ

БУР, ВОЕННЫЙ КУЗНЕЦ

ОРБУЛ ИНФАНТА

Позволь мне убедиться, что я правильно тебя понял, Эйзенхорн, - медленно и высокомерно произнёс бестелесный голос

Понтиуса Гло. - Ты полагаешь, что я стану

помогать вам?

Я прочистил горло:

- Да.

Понтиус растаял. Синантические цепочки, подключённые к золоту схем, впаиваемых в его энграмосферу, поочерёдно вспыхнули.

- Я и не думал, что столь скучный и рассудительный человек, как ты, сможет удивить меня. Признаю свою ошибку.

- Ты поможешь мне, - спокойно, но решительно произнёс я.

Я стахнул изморозь с решётки ступенек и присел, глядя на его ларец. Коробка, стоявшая на когтистых лапах, была прямоугольной, компактной и полной сложных устройств, разработанных ради

одной цели: поддержания

функционирования энграмосферы, грубо
ограниченного камня размером со сжатый
кулак, где обитал разум - и, возможно,
душа -

одного из самых печально известных
еретиков Империи.

Понтиус Гло, чье тело было мертво к
тому

моменту уже почти три сотни лет, при
жизни

являлся одним из самых отвратительных
отпрысков могущественной династии Гло.
В

свое время этот род, входивший в список
наиболее почитаемых
аристократических

семейств Гудрун, вскормил множество
еретиков, последние из которых стали

пешкати в деле о Некрометеке. Стараниями
сил Имперского Военно-космического
флота

мне удалось практически полностью
прервать распространение их ядовитой
крови и захватить энграмосферу
Понтиуса

Гло. Для того чтобы вернуть ему тело,
его

семья и их приближённые пытались
принести в жертву тысячи невинных душ.
Но

и это было пресечено.

Когда дело завершилось, мне пришлось
решать, что делать с ларцом, полным
еретической злобы. Даже с точки зрения
применённых технологий он являл собой
чудо, а уж какие секреты мог скрывать
Понтиус, и говорить не стоило. Поэтому,

вместо того чтобы уничтожить, я
передал

ларец на попечение магоса Гуарда Бұра,
который, как я знал, обладал и навыками,
и

временем, чтобы раскрыть хотя бы
технические тайны. Уему можно было
доверять.

Но время от времени в минувшую сотню
лет я задумывался над правильностью
этого

решения. Если быть честным, то я обязан
был отдать Понтиуса на изучение и
хранение

Ордо Еретикус. Иногда я не
прислушиваюсь к

голосу своей совести, прибегая к обману и
совершая недобросовестные поступки.
После

прошлогодных событий мне приходилось

постоянно отгонять от себя мысль, что обвинения в той адрес могли быть справедливыми. Разве сокрытие столь опасного создания не было поступком нечестивого человека?

Эмос подбодрил меня, напоминая, что в лапце использованы психоимпульсные технологии, несомненно украденные у Агентус Механикус. Не подлежит обсуждению и то, сказал он, что подобное устройство должно находиться под надзором

священнослужителей Агентус Механикус.

- Что же, продолжай, - произнёс Понтиус. -

Говори, что надо. Только вот зачем мне тебе

помогать?

- Мне требуется специалист в области, в

которой ты, конечно же, осведомлён.

Нужна

некоторая информация.

- Ты же инквизитор, Эйзенхорн. В твоём распоряжении все ресурсы Империи.

Насколько я понимаю, твой уровень доступа

по какой-то причине понизился?

Будь я проклят, если собирался

рассказывать этому монстру, в сколь

затруднительном положении оказался. К

тому же хоть он и был в чём-то прав, однако

ни один из известных мне имперских

архивов не мог дать ответа на мои вопросы.

- А что если то, в чём я нуждаюсь, может быть отнесено к... запретным знаниям?

- А-а-а...

- Что? Что значит это «а»?

Даже не обладая телом, по движениям которого можно было бы прочитать его настроение, Понтиус казался чрезвычайно довольным собой.

- Значит, ты наконец дошёл. Как чудесно.

- До чего дошёл? - Я почувствовал себя неловко.

Я планировал интервью в течение многих месяцев, а теперь инициатива в нашей беседе полностью переходила к Гло.

- До того места, где ты пересечёшь черту.

- Я не...

- В конечном счёте все инквизиторы пересекают её.

- Говорю те...

- Все без исключения. Профессиональный

риск.

- Слушай меня, ты, бесполезный...

- Сдаётся мне, что инквизитор Эйзенхорн протестует чрезмерно открыто. Линия, Грегор. Грань! Черта между порядком и хаосом, между верным и неправильным, между милосердием и бесчеловечностью.

Мне это известно, ведь я пересёк её. По доброй воле, конечно. С удовольствием.

Подпрыгивая, пританцовывая и

наслаждаясь. Для таких, как ты, это куда более болезненный процесс.

- Не думаю, Гло, что этот разговор имеет смысл. - Я поднялся. - Мне пора.

- Так скоро?

- Может быть, вернусь ещё через пару сотен лет.

- Это произошло на Квентусе VJJJ, весной

- Что произошло? - Я остановился на выходе из камеры.

- Тогда я пересёк черту. Может, желаешь послушать?

Я был возмущён, но опустил обратно на своё место на ступеньках. Его поведение было мне понятно. Заточенный в своём ларце, лишённый тактильных ощущений, запахов, вкуса, любых чувственных наслаждений, Понтиус Гло жаждал компании

и общения. Я понял это ещё сто лет назад, во

время рейса к отдалённой системе КСХ-1288, по долгу службы допрашивая его на борту

«Уссина». Сейчас он просто подкидывал прищипку, чтобы заставить меня остаться и

поговорить с ним.

Однако за сотню лет своего плена он никогда не раскрывал столь интимные детали своей личной истории.

- 019.M41. Напряжённый был год.

Пограничные миры на восточной границе сопротивлялись Священному Вааргху зеленокожих, и двое Высших Лордов Терры были убиты разочаровавшись в них Имперскими Домати. Ходили слухи о начинающейся гражданской войне. Торговые биржи субсектора потерпели крах. Доходы упали. Что за год был! Святого Дрэйча запытали на Коринфе. Миллиарды утирали во время голода на Безносе.

- Понтиус, к историческим текстам у меня

доступ есть, - сухо сказал я.

- Я находился тогда на Квентусе VJJJ, занимаясь покупкой бойцов для своей арены. Квентийцы хорошо подходят для этого. Мощные мышцы, воинственный характер. Мне тогда было лет двадцать пять.

Точно не помню. Я пребывал в расцвете сил и был прекрасен.

Пока он любовался созданным образом, наступила продолжительная пауза. По проводам пробежали вспышки света.

- Один из надзирателей при амфитеатре, который я посетил, посоветовал мне пристотреться к борцу, купленному у самой

границы Сегментума Ультима. Крепкий, загорелый дикарь из жестокого мира, известного как Борея. Звали его Ааа, что на

его языке означало

«меч-мясо-режет-женщин-ради». Разве не прекрасно? Если бы мне когда-нибудь удалось нажать сына, то, наверное, я назвал

бы его Ааа. Ааа Гло. Звучит?

- Я по-прежнему подумываю над тем, чтобы уйти, Гло.

- Этот Ааа оказался крепким орешком, - застелся голос из ларца. - Его зубы были остро заточены, а ногти, с детства

слазываемые особыми традиционными

мазями, превратились в когти. Когти, Эйзенхорн! Закалённые, каменные крюки, пороговевшие и беспощадные. Однажды я

увидел, как он разорвал или кольчугу. В

любом случае, он стал настоящей находкой.

Они постоянно держали его скованным.

Надзиратель арены поведал мне, что при перевозке он оторвал руку одному из собратьев по заключению, а потом снял скальп с неосторожного охранника стадиона.

Зубати.

- Очаровательно.

- Конечно же, я купил его. Думаю, он полюбил меня. Он не умел даже толком говорить, а уж его застольные манеры! Он спал в собственном навозе и был похотлив, словно собака.

- Неудивительно, что он полюбил тебя.

Вокруг ларца захрустела изморозь.

- Ну что за жестокий мальчишка. Я

культурный человек. Ха. Я был культурным

человеком. Теперь же я всего лишь

эрудированная и очень опасная коробка. Но,

Эйзенхорн, не забывай о моем образовании
и воспитании. Ты будешь просто поражен,
насколько легко благовоспитанному и
образованному сыну Императора
перешагнуть уже упомянутую грань.

- Продолжай. Я уверен, тебе есть что
рассказать.

- Ааа хорошо послужил мне. Можно
считать, что на его боях я заработал
несколько состояний. Не буду
притворяться, что мы стали грузьями...
Никто ведь не

становится грузом любимому карнодону.
И

уже тем более грузом не называют товар.
Но

за эти годы между нами воцарилось
взаимопонимание. Я, без охраны, навещал
его в камере, и он никогда не трогал меня.

Он пересказывал мне древние мифы своего
родного мира, Бореи. Жестокие повести о
варварстве и убийствах. Но я опять
забываю

про себя. Это случилось... случилось там,
на

Квентусе, в амфитеатре, под весенним
солнцем. Надзиратель за гладиаторами
показал мне Ааа и побил меня на покупку.

Ааа посмотрел на меня и, мне кажется,
увидел родственную душу - вероятно,
поэтому, как только я приобрёл его, между

нами и возникла некая связь. Из его грубой,
исковерканной речи мне стало ясно, что он

просит меня купить его, в красках
объясняя, какую выгоду я смогу из этого
извлечь. И в

закрепление сделки он предложил мне своё
ожерелье.

- Своё ожерелье?

- Именно так. Рабам разрешалось иметь кое-какие вещи, если они не представляли собой потенциального оружия. Ааа носил на

шее золотое ожерелье. Это был знак его племени и самая ценная из вещей, которыми

он обладал. Честно говоря, оно было его единственным имуществом. Но тем не менее

он предложил его мне в обмен на то, чтобы я

стал его хозяином. Я взял ожерелье и, как уже было сказано, купил Ааа.

- Это и была грань? - Я сидел спокойно, не слишком увлечённый его рассказом.

- Подожди, подожди... Позже, но в тот же день, я исследовал ожерелье. В нём оказалась

заклучена удивительнейшая технология.

Борея, может, и стала диким миром к
тому

времени, но тысячелетия назад она,
бесспорно, была технически развитым

бастионом Человечества. Она погрузилась
в

бездну тёмных веков только потому, что
её

затронул Хаос. И ожерелье было
реликвией

эпохи падения. Запертые в нём забытые

технологии наводняли тьмой сознание

носящего его. Неудивительно, что Борею,
где

всякий взрослый мужчина носил такую

штукатурку, населяли огни дикари. Я был

заинтригован. И надел ожерелье.

- Ты надел его?

- Я был молод и опрометчив, что ещё

можно сказать? Да, нагел. В течение
нескольких часов ручейки варна вливались
в

той восприимчивый мозг. И ты знаешь...

- Что?

- Это было восхитительно! Чувство
свободы! Наконец я почувствовал
настоящий

мир! Я пересёк черту и был счастлив.

Внезапно я увидел мир таким, каким он
был

на самом деле, а не таким, каким
хотелось

бы Министоруту и гнилоту сердцу

Императора. Бездна вечности! Хрупкость
человеческой расы! Красота варна!

Недолговечное сокровище плоти!

Несравнимая сладость смерти! Все это!

- И так ты перестал быть Понтиусом

Гло, седьмым сыном влиятельного
Ципперского

Дома, и превратился в другого Понтиуса
Гло

- садиста, и долопоклонника и
святотатца?

- Мальчик, да у тебя просто страсть
какая-то...

- Спасибо, что рассказал мне это,
Понтиус.

Это многое говорит о тебе.

- Но я только начал...

- До свидания.

- Эйзенхорн! Эйзенхорн, подожди! Прощу!

Я...

Люки катеры с лязгом закрылись за моей
спиной.

Я выждал два дня, прежде чем вернуться.

На сей раз он был угрюм и капризен.

Я вошёл в катеру и опустил на ступеньки большой погнос.

- Даже не думай, что я стану говорить с тобой, - проворчал Гло.

- Почему?

- В тот день я обнажил перед тобой свою душу, а ты... просто ушёл.

- Теперь я вернулся.

- Да. вернулся. Ты подошёл к черте?

- Ты мне скажи. - Я наклонился к погносу, медленно взял графин и налил себе большой

бокал атасека.

Погоняв напиток в бокале по кругу, я сделал изрядный глоток.

- Атасек?

- Да.

- Сорт?

- Пятидесятилетний гаталаторский,
вызревавший в бочках из дровесины
дурнишника.

- Он... хорош?

- Нет.

- Нет?

- Он совершенен.

Из ларца послышался вздох.

- Так что ты там говорил о той линии? -
спросил я.

- Я говорил, что очень зол на тебя, -
упрямо ответил Понтиус.

- Ох. - Я небрежно взял папиросу с лху из
картонной пачки, позаимствованной из
комнаты Терезы Унгиш. Прикурив, я
глубоко

затянулся и выдохнул дым в сторону
агского

ларца. Всего лишь полчаса назад Нейл

ввёл

мне мощные антитоксиканты и антиопиаты, но я специально откинулся назад, делая вид, что наслаждаюсь дымком.

- Это папироса с лхо?

- Да, Понтиус.

- Кхм...

- Так что ты говорил?

- Она хороша?

- Что ты собирался сказать?

- Я... рассказал тебе о том, как соскользнул. Как пересёк черту. Чего ещё тебе от меня надо?

- Остальное. Ты ведь полагаешь, что и я перешагнул эту грань?

- Да. Это заметно по твоему поведению.

Ты похож на человека, узревшего глубину величия варна.

- С чего бы это?

- Я уже говорил тебе, что такое рано или поздно случается со всеми инквизиторами.

Мне не сложно представить тебя толодым

человеком жёстких пуританских взглядов, учащегося школуа. Должно быть, тогда все

казалось простым и ясным. Есть свет, и есть

тьма.

- Теперь все не столь очевидно.

- Конечно нет. Ведь варп есть во всем.

Даже в самых упорядоченных вещах, с

которыми тебе приходится сталкиваться.

Жизнь стала бы скучной и бесцветной без него.

- Такой же, как твоё нынешнее

существование? - подсказал я и сделал ещё
один глоток.

- Будь ты проклят!

- Если верить твоим словам, то я уже
проклят.

- Все прокляты. Человечество проклято.

Все человеческие расы. Хаос и смерть -
единственные реальные истины бытия.
Вера

в обратное - невежество. А Инквизиция,
столь горделивая, преданная своему долгу
и

упивающаяся собственной важностью,
убеждённая, что сражается с Хаосом,
более

слепая, чем все остальные. Ваша

каждодневная деятельность все сильнее и
сильнее приближает вас к варварству,
увеличивая

вашу осведомлённость в силах

неупорядоченности. Постепенно, сам того не

замечая, инквизитор даже предельно
пуританских и жёстких взглядов
оказывается
свёрнут.

- Не могу с тобой согласиться.

Настроение Понтиуса, казалось,
улучшилось, когда ты снова вступили в
дисбаты.

- Первый шаг заключается в знаниях.

Инквизитор должен понять основные
проявления Хаоса, чтобы бороться с ним.

Через несколько лет он уже знает о варне
больше, чем многие прирождённые
культисты. Тогда наступает черёд
второго

шага: мгновение, когда инквизитор
нарушает правила и позволяет

какому-нибудь порождению Хаоса выжить или сохраниться в таком виде, когда его ещё

можно изучать и извлекать из него знания.

Думаю, не стоит даже пытаться отрицать, Эйзенхорн, что это уже произошло. Я ведь

здесь, верно?

- Да. Но понимание необходимо. Даже пуританин сказал бы тебе это! Без знаний борьба Инквизиции бессмысленна.

- Не стоит так набрасываться на меня, - устехнулся он и после паузы продолжил: -

Опиши вкус атасека. Качество, аромат.

- Зачем?

- Прошло три сотни лет с тех пор, как я испытывал какие-либо ощущения.

Чувствовал запахи. Касался предметов.

Я боялся, что мой гамбит с атасеком и
опиатами окажется слишком явным, но
тоне

Все же удалось подцепить Понтиуса на
крючок.

- Атасек перекачивается на моем языке,
точно масло. Он мягкий и тёплый, словно
тело. Пряный аромат земли и перца
предшествует вкусу, который опалает
горло

и зажигает пожар в моем сердце.

Ларец издал протяжный, жалобный стон
мучительной скорби.

- Третий шаг? - позвал я.

- Третий шаг... третий шаг - это сама

грань. В этот миг инквизитор
становится

радикалом. Тогда он пытается
использовать

Хаос против Хаоса. Заручается
поддержкой

сил варна. Обращается за помощью к
еретикам.

- Понимаю.

- Уверен, что понимаешь. Итак, ты
собирался попросить меня о помощи?

- Да. Так ты мне поможешь?

- Это зависит от того, - пробормотал
ларец, - что с этого получу я.

Я погасил папиросу с лху.

- Учитывая твой рассказ, мне кажется,
наградой для тебя станет удовлетворение
от

того, что ты увидишь, как я перешагну
черту

и подвергну себя проклятию.

- Ха-ха! Очень утно! Этим я уже и так
наслаждаюсь. Что ещё?

Я повернул бокал в своей руке, и янтарная жидкость побежала по кругу.

- Магос Бур талантливый человек.

Машинный гений. Хотя я никогда не смогу

выпустить тебя из заточения, но могу попросить его об одолжении.

- Одолжению? - эхом откликнулся

Понтиус. Его голос грожал от нетерпения.

- Тело для тебя. Сервиторные конечности.

Возможность ходить, поднимать, держать, видеть. Может быть даже, в качестве

дополнительных удовольствий органы

чувств: рудиментарное осязание, обоняние и

вкус. Для него это детская задача.

- Боги варна! - прошептал Понтиус.

- Так что?

- Спрашивай. Спрашивай меня.

Спрашивай меня, Эйзенхорн.

- Давай побеседуем немного на предмет
демонхостов.

- Ты хоть понимаешь, что делаешь? -
спросил Фишиг.

- Конечно, - ответил я.

Мы устроили нашу базу в офисе службы
безопасности рудников Синшары. Биквин и
Эмос привели это место в порядок и
наладили его работу, а Медея, Уншабель,
Нейл и Фишиг совершали регулярные
обходы

территории. Бур выставил
сервиторов-ловчих в качестве
дополнительной охраны. Кроме того, была
установлена постоянная связь с «Уссином»,
чтобы он мог своевременно предупредить
нас о любом приближающемся

костическом

судне.

Уже хтиновал полдень очередного дня третьей недели нашего пребывания на планете шахтёров, и я только что возвратился после ежедневного посещения Гло в его камере в святилище Agentys Механикус. Мы с Фишигом стояли возле окон офиса и разглядывали площадь.

- Ты уверен? - нагавил он.

- Я, кажется, припоминаю, как он спрашивал нас о том же самом, когда мы вытаскивали его из Карнифицины, - сказала

Биквин, присоединяясь к нам. - Благодаря Осте и его смелой охоте на ведьм нас загнали в угол. Если нам удастся закончить

это дело, ты искупил грехи.

- Вот только не нравится мне все это, -
фыркнул Фишиг. - Не хочу иметь ничего
общего с этим мясником. Тем более,
обещать

ему что-либо. У меня такое ощущение,
что

мы перешагнули некую черту и...

- Что? - резко обернулся я.

О моих беседах с Понтиусом они знали
лишь в самых общих чертах.

- Я только сказал, что у меня такое
чувство, будто мы пересекли некую грань.
А

в чём дело?

- Ни в чём, - покачал я головой. - Как
проходят остальные приготовления?

Я чувствовал, что Фишиг хотел выйти
из

дела, но было действительно уже слишком поздно. Поэтому я отвлек его внимание, сменив тему.

- Ваш приятель магос работает. Нейл вчера

отнёс ему клинок и показал твои записи и диаграммы, - ответил он.

- Все послания написаны, зашифрованы, запечатаны и готовы к отправке, - сказала

Биквин. - Скажи только слово, и Унгуш передаст их. А здесь у меня заявление. - Она

протянула информационный планшет.

Это была карта экстремис, формально объявлявшая Квиксосу еретиком и пособником дьявола и подписанная моим именем. В ней перечислялись все его преступления. Датирована она была двадцатым днём десятого месяца

Место написания указано не было, но Эмос сделал все, чтобы остальные детали в точности соответствовали Высшему Закону

Империи и уставам Инквизиции.

- Хорошо. Отправим это через несколько дней. Я знал, что, как только карта будет

обнародована, мои намерения станут известны всем. Разрабатываемые мной планы могли потребовать на свою реализацию годы, и все это время на меня бы

велась охота. И мне действительно не хотелось торопить события.

- Как долго мы здесь ещё пробудем? - спросила Биквин.

- Не знаю. Неделью. Месяц. Может быть,

дольше. Все зависит от того, насколько откровенен оказался Гло.

- Но ты уже все узнал у него? - спросил Фишиг.

- Да.

У я очень надеялся, что не узнал слишком много.

Я прогуливался по пустынным вечерним улицам поселения горняков, чтобы освежить

голову. Мне было более чем понятно, что я

избрал опасный путь.

Необходимо было сохранять

сосредоточенность, в противном случае я рисковал утратить контроль над собой.

Во время первых бесед с Гло мне

приходилось играть, чтобы заключить с ним

сделку. Его рассказы о грани, о трех шагах
сворачивания, ожидавших опрометчивого
инквизитора, - все это было не ново для
меня. Я потворствовал ему, чтобы он мог
насладиться своим превосходством и
самодовольством. Всякий инквизитор,
достойный своей инсигнии, знал об
опасностях и искушениях, окружающих его.
Но это не мешало его словам резать меня
по живому. Любой пуританин вроде
Коммодуса Вока был потенциальным
Квиксосом. Когда Гло сказал, что грани
часто
пересекают неосознанно, он был прав. Я
встречал достаточно радикалов, чтобы
понимать это.

Я всегда, всегда гордился своими
пуританскими, утеренными взглядами,
относя себя к аталатианам. И скорбел о

том, что существует радикальная ересь.
Именно

поэтому мне и хотелось добраться до
Квиксосу.

Но меня многое беспокоило. В том, что
предстояло сделать, конечно, многое
решил

случай. Но важна была и подготовка.
Чтобы

уничтожить Квиксосу, я должен был
линовать его демонхостов, а это
потребует

много сил, знаний и сноровки. У
обратиться

за помощью к Святой Инквизиции уже
было

невозможно. Но пересёк ли я черту? Погряз
ли в грехах, столь легко перерастающих в
терзость радикализма? Неужели мне
настолько хотелось покончить с

Квиксосом, что я был готов отбросить
даже собственные
принципы?

Мне казалось, что ещё нет. Я знал, что
делаю, и предпринимал все возможные
меры, чтобы сдерживать самые опасные
искушения, с которыми приходилось
сталкиваться в работе. Я был чист и
верен
даже теперь.

А если и нет, то откуда мне было это
узнать?

Я взобрался под стеклянный пузырь
обзорной вышки и принялся любоваться
синими пейзажами Синшары и плывущими
мимо звёздами. Стаи метеоров
оставляли в
небе яркие следы.

На лестнице позади меня раздался шум. Я

обернулся. Нейл убирал своё оружие.

- А, это ты, - сказал он, поднимаясь ко мне. - Я производил обход и увидел, что дверь на вышку открыта. Все в порядке? Я кивнул.

- Гарлон, скажи, ты ведь иногда применяешь в драке грязные приёмы? Он вопросительно посмотрел на меня и поскрёб свой выбритый затылок.

- Не уверен, что понимаю тебя, босс.

- Все эти годы, охотясь за головами... да, и

я видел, как ты сражаешься. Ты ведь иногда

нарушаешь правила ради победы?

- Думаю, да. Когда все уже сказано и

сделано, в ход идёт всё, что может сработать.

Я не испытываю гордости за кое-какие

особо

яркие проявления жестокости. Но это было

необходимостью. Я всегда полагал, что людям свойственно переоценивать

значимость честной игры. Подонки, собирающийся ошкурить тебя, уж точно не станут действовать по правилам. Так что

остаётся делать то, что приходится делать.

- Значит, цель оправдывает средства? Он выгнул брови и растеялся:

- Ну уж нет. Подобные мысли ведут только

к неприятностям. Есть кое-какие средства, которые никакая цель оправдать не сможет.

Но обычно в нечестной борьбе нет ничего плохого. Какие бы правила при этом ни

нарушались. Если, конечно, потратить одну вещь.

- Какую?

- Чтобы нарушить правила, в них вначале необходимо разобраться.

Кроме ежедневных визитов к Гло, я проводил время и с Буром. При участии сервиторов и техножрецов он трудился в мастерских, полностью отдавшись решению

поставленной задачи. Хотя он и не говорил

об этом, но, мне кажется, он рассматривал

свою помощь как выплату процентов за мои

действия в битве с Плитой.

Кроме того, он без возмущения выслушал нас с Этосом, когда мы поведали ему о

событиях недавнего прошлого. Чем-то это походило на исповедь. Я рассказал ему о предъявленной мне карте и своём незаконном статусе. Он без лишних вопросов принял мои уверения в собственной невиновности. Как он выразился: «Ханшант не мог воспитать радикала. А значит, не права вся остальная

Галактика».

Это было весьма любезно с его стороны. Я был тронут.

Как-то раз, на шестой неделе нашего пребывания на планете, он пригласил меня в свою мастерскую.

Цех Агентус Механикус располагался двумя этажами ниже главной капеллы. Это

была кузница, полная инженерных машин и аппаратов, назначение которых оставалось

для меня загадкой. Паровые прессы грохотали, завывали гайковёрты. У Магоса и

без моих проектов хватало работы по восстановлению святилища и транслитонета.

Я прошёл мимо вырывающихся клубов пара

и нашёл Бура. Магос наблюдал за двумя сервиторами, трудившимися над нанесением

символов на двухметровый посох из композитной стали.

- Эйзенхорн, - кивнул он, поднимая на меня ярко-зеленые огни своих глаз.

- Как продвигается работа?

- Такое ощущение, что я вновь стал военным кузнецом, вернувшись в те времена, когда ещё состоял из плоти и трудился на заводах миров-кузниц.

Характеристик, о которых ты просил, достигнуть трудно, но не невозможно. Этот

вызов доставляет мне наслаждение.

Я извлёк из кармана плаща несколько бутажных листов и протянул ему.

- Вот ещё записи, сделанные во время последнего разговора с Гло. Я подчеркнул ключевые примечания. Вот здесь он

предлагает электрум в качестве материала

для набалдашника.

- Я собирался использовать железо или сплав железа. Электрум. Имеет смысл.

Он взял у меня записи и положил их на

разметочный стол, уже заваленный
свитками, галонерьями, измерительными
инструментами и информационными
планшетами. Стопка листов,
принесённых

мной ранее, грохотнулась рядом с
извлечёнными из моего сознания
психометрическими образами кагуанских
пилонов, Черубаэля, Профанити и её
украшений.

- Я продолжаю размышлять о том, какую
магнитную породу вставить в навершие.
Я

подумывал о том, чтобы воспользоваться
пиралином или ещё каким-нибудь
телеэмпатическим кристаллом вроде
эпидотрихита, но сомневаюсь, что они
подойдут для твоих нужд. Наверняка

протянут не более одного или двух
применений. Есть ещё вариант
применить
слоистый зантроклас.

- А это что такое?

- Силикат, используемый нами в
психоимпульсных устройствах. Но я не
уверен. Есть ещё несколько вариантов.

Бур проявил ко мне столько доверия, что
разглашал даже такие тайны Агентус
Механикус. Я почувствовал себя
польщённым.

- Вот древко, - сказал он, указывая на
гравировочный верстак, где два сервитора
наносили узор на глиняный шест.

- Сталь?

- Снаружи. Титановое ядро, окружённое
адамантиумным слоем под стальным

корпусом. В титане высверлены каналы,
по

которым проходят проводящие нити
лапидоронта.

- Кажется совершенным, - сказал я.

- Он и в самом деле совершенен.

Абсолютно совершенен. Соответствует
твоим измерениям с точностью до
нанометра. А теперь позволь мне
продемонстрировать твой меч.

Я проследовал за ним к верстаку в
гальнел

конце кузницы, где под плотной тканью
отдыхало оружие.

- Что скажешь? - спросил он, стягивая
покрывало.

Ожесточающая была столь же прекрасна,
как и раньше. Меня приводили в
восхищение

свежие пентаграммы, по десять на каждой стороне, выгравированные на клинке.

- Это потрясающе. Мне даже не хотелось вносить запрошенные тобой модификации.

Только на одну эту сторону мне пришлось потратить восемь адамантиумных свёрл.

Закалённое стальное покрытие клинка, защищавшее твёрдое ядро, было сложено и

проковано девятьсот раз. Нынче нам такое

не произвести.

Я в долгу перед кланом Эсв Свейгер за это оружие, так же как и за Арианрог.

Ожесточающую необходимо было вернуть на

родину, поскольку она являлась частью

кланового наследия и үзүрил - «живой

историей». Я обязан был хранить, а не

забирать его и үж тем более не

перedefывать

подобным образом. Но, столкнувшись
лицом

к лицу с Профанити в Каср Теш, я осознал
две

вещи. Если быть честным, то их открыла
для

меня эта жуткая тварь. Сами по себе

пентаграмматические печати могли

оказывать воздействие на демонхостов, но

не могли быть сильнее, чем украшенное
ими

оружие.

По достоверным данным, во всей

Вселенной трудно найти более могучий

клинок. Со временем я принесу свои

извинения и расплачусь с кланом Эсв

Свейдер, если будет на то воля судьбы.

Я попытался коснуться сабли, но меня

остановил Бур.

- Она ещё отдыхает. Мы обязаны уважать её душу. Забрать можно будет через несколько дней. Усердно тренируйся. Ты должен познать её как можно глубже, прежде чем применять в бою.

Он проводил меня до двери кузницы.

- До того, как использовать и то и другое оружие, их необходимо благословить и освятить. Мне это недоступно, хотя я могу провести церемонию посвящения их изготовлению Богу-Машине.

- Я уже спланировал их освящение, -

сказал я. - Но с радостью обращусь и к твоей

помощи. Мне трудно представить себе более

могущественного бога-заступника,
которого

бы мне хотелось иметь на своей стороне в
битве с Квиксосом.

- Мы отправляется через несколько дней,
- сказал я Гло.

Он помолчал некоторое время, а потом
ответил:

- Я буду скучать по нашим беседам,
Эйзенхорн.

- Как бы то ни было, но я должен уйти.

- Думаешь, что уже готов?

- Полагаю, что эта часть подготовки
полностью завершена. Или ты можешь
сказать мне что-то ещё?

- Я размышлял над этим. И не смог
придумать ничего. Кроме...

- Кроме чего?

Лампы, окружавшие энграмосферу,
затерцали.

- Кроме одного. За вычетом всего, что уже
выудил из меня, ты должен знать, что
твой
враг... опасен.

Я невольно растаял:

- Ну, это-то, Понтиус, я и без тебя знаю!

- Нет, ты не понимаешь всего смысла
моих

слов. Я знаю, ты решителен и амбициозен.

Кроме того, можно предположить, что
ты

овладел знаниями, и надеяться, что

приобрёл оружие, но, не приведя в

готовность свой разум, ты погибнешь.

Мгновенно. И ни печати, ни посох, ни

клинок или руны не спасут тебя.

- Ты говоришь так, словно... боишься

потерять меня.

- Неужели? Тогда подумай и над этим, Грегор Эйзенхорн. Можешь и дальше считать

меня достойным всяческого презрения

чужовищем, но если я действительно

беспокоюсь, то что это говорит обо мне?

Ули

о тебе?

- До свидания, Понтиус Гло, - сказал я, и

люки его катеры в последний раз закрылись

за моей спиной.

Напишу эти размышления здесь, потому

как чувствую, что должен это сделать.

Кем

бы ни был Понтиус Гло и что бы ни

произошло позже, я, несмотря на все свои

старания, не мог избавиться от чувства,

что

как-то связан с ним. Тогда, в катере на
Синшаре, и столетием ранее, в тёмном
трюме «Уссина», мы проговорили с ним
несколько сотен часов. У меня не
возникало
сомнений в том, что он был
непростительно
злым порождением Хаоса и убил бы меня в
ту же секунду, если бы ему представился
шанс. Но он был существом, обладающим
экстраординарным интеллектом,
несравненным остроумием и
глубочайшими
познаниями. Выдающийся человек в столь
многих и странных отношениях. И если бы
не ожерелье Ааа, надетое Понтиусом тем
весенним днём на Квентусе, его жизнь
могла
бы пойти совсем иным путём.

Не случись этого и встретиться он мне раньше, мы могли бы стать наилучшими друзьями.

Наше пребывание на Синшаре затянулось на три месяца. На мой взгляд, слишком долго, но ускорить подготовительные работы не было никакой возможности.

Мы отпраздновали Сретение в небольшой часовне Министорума, зажигая огни свечи, чтобы приветствовать наступление нового имперского года, и другие - чтобы отметить

усопших этого городка. Эмос и Биквин

читали за упокой всех еkkлезиархов, оказавшихся среди погибших. Бур со своими

техножрецами пришёл помолиться вместе с

нами. Магос воспарил к хорам,
устроенным

под огромной статуей Бога-Императора,
чтобы вести нас в молебне.

Я был обеспокоен и чувствовал

постоянное напряжение. Отчасти потому,
что мне уже не терпелось приступить к

реализации своих планов, но также и из-за

тайн, открытых мне Гло. Многие, очень

многие принадлежали тьме. Я понимал,
что

стал другим человеком и что эта
перемена

необратима.

Но мне приходилось учитывать и то, что

ещё год назад - всего лишь год, хотя мне и

казалось, что прошло куда больше
времени, -

я был беспомощным узником суровой

Карнифицины, и Сретение протчалось

тогда

тило прежде, чем я осознал это.

Тем человеком я тоже уже никогда не

буду, и эту перемену вызвали вовсе не

нашёптанные секреты Понтиуса. Какая бы

тьма ни плескалась в моей голове, лучше

было находиться здесь, в компании грузей

и

союзников, быть сильным, готовым и

укрепившимся духовно.

У нас не было хортейстера, чтобы

сыграть

на органе, поэтому Медея принесла

главианскую лиру своего отца и сыграла

Святой Триумф Золотого Трона, чтобы

мы

могли спеть.

Той же ночью мы устроили застолье в

трапезной

Агентус

Механикус

и

отметили

наступление 341.М41. Максилла,

остававшийся на своём посту на борту

«Уссина», прислал нам челнок с
угощениями, а также сервиторов, чтобы
прислуживать

нам. Один из них сообщил, что с

наступлением полуночи обширный

метеоритный шторм наполнил небо,
осветив

своими огнями ночную сторону Синшары.

Нейл прорычал, что это дурное

предзнаменование, а Уншабель настаивал,
что - хорошее.

Думаю, это главным образом зависит от

того, из какой части Империи вы
родом.

Мои сотрудники провели следующие два

дня, упаковывая вещи и готовясь к
отбытию, но мы с Эмосом ещё должны

были посетить

церемонию посвящения в храме Агентус
Механикус.

Сервиторы распевали псалмы на
модулируемом бинарном коде и били в
литавры. Магос Бур облачился в
оранжевые
одежды и накинул на плечи белую
епитрахиль.

Он благословлял оружие, поочередно
принимая одно, а потом второе из рук
прислуживавших техножрецов.

Ожесточающая, ставшая теперь ничем
иным, как украшенным пентаграмматом
силовым мечом, была поднята к свету,
струившемуся из глаз статуи Бога-
Машины.

За ней пришёл черёд рунного посоха -
шедевра Бура.

Навершие украшенного рунатами стального посоха он сделал из электрума, выполнив его

в виде солнечной короны. В центре её был помещён человеческий череп, отмеченный тринадцатым знаком изгнания. Череп был собственноручно вырезан Буром из магнетического камня в соответствии со сканированным изображением моей головы.

Он опробовал и отверг более двадцати различных телеэмпатических кристаллов, прежде чем найти тот, который, по его

мнению, должен был соответствовать задаче.

- Красиво, - сказал я, принимая из его рук посох. - И на каком же кристалле ты в итоге остановился?

- На каком же ещё! - сказал он. - Я вырезал копию твоего черепа из самой Плиты. Он пришёл в посадочный отсек, чтобы проводить нас. Мы и не думали, что наш боевой катер так надолго задержится здесь.

Нейл и Фишиг уже заносили последние вещи на борт. Предыдущей ночью мы наконец нарушили астронавтическое молчание, чтобы

доложить Имперским Объединённым

Каменоломням, Ортог Прометиум, Agentus

Механикус и имперским властям о судьбе, которая постигла рудники Синшары. К тому

времени, когда для восстановительных работ

мог прибыть хоть кто-нибудь из них, мы

уже

должны были исчезнуть.

Бур попрощался с Эмосом, и старик шаркающей походкой направился к катеру.

- Не могу подобрать подходящих слов, - сказал я магосу.

- Как, впрочем, и я, Эйзенхорн. А что с тобой... жильцом?

- Мне хотелось бы, чтобы ты сделал то, о чём я просил. Подари ему хотя бы возможность перемещаться. Но не больше. Теперь и навеки он должен оставаться нашим пленником.

- Очень хорошо. Надеюсь услышать вести о вашей победе, Эйзенхорн. Буду ждать.

- Гвард, пусть сохраняют твои системы Святый Бог-Машина и сам Император.

- Спасибо, - сказал он и добавил то, что

весьма озадачило меня, учитывая его абсолютную веру в технологию: - Удачи. Я отправился к катеру. Он ещё мгновение смотрел мне вслеп, а потом скрылся, затворив за собой двери внутреннего люка. Больше я никогда его не встречал. От Синшары «Уссин» стремительно и нетерпеливо побежал к просторам Сегменту Обскур. Рейс, прерываемый только дважды, продлился три месяца. На Умшалу мы остановились, чтобы передать все двадцать подготовленных посланий. Там же мы расстались с Умшабелем и Фишигом. Умшабель отправился к Эльвара Кардинал, чтобы приступить там к личному заданию, а Фишиг - пуститься в дальний обратный путь к

Кагии. Могли пройти, месяцы, если не
годы, прежде чем мы должны были
увидеться

снова. Расставание получилось
печальным.

На Палобаре, пограничном перекрёстке,
полном торговых судов и караванов
обскұры, охраняемых наёмными боевыми
судами, мы

остановились, чтобы передать
подготовленную карту экстремис. Пути
назад теперь не было. Там я расстался с
Биквин, Нейлом и Эмосом, которые по
разным причинам должны были вернуться
в

Геликанский субсектор. Целью Биквин
стала

Мессина, а Эмос под пристотром Нейла
отправился к Гудрун. Ещё одно тяжёлое
расставание.

«Уссин» продолжал свой путь к Орбүл
Унфанта. Время проходило в ожидании и
одиночестве. Каждый вечер собирались в
столовой Максиллы и ужинали вместе
остатки моей свиты: я, Бетанкор,
Максилла и
Унгуш. Последняя вообще была плохим
собеседником, но даже Медея и Тобиус
утратили свой загор. Они тосковали по
остальным и, как мне кажется, понимали,
насколько мрачные и тяжёлые времена нас
ожидают.

Я проводил дни за чтением в
библиотечной каюте катера или играя в
резициг с Медеей. И занимался с
Ожесточающей в трюме, медленно
отрабатывая приёмы, привыкая к её
тяжести
и балансу. Мне никогда не сравниться с

мастером, рождённым на Кармае, но я
всегда

был достаточно хорош во владении
мечом.

Ожесточающая оказалась особенным
оружием. Я познавал её, а она познавала
меня. Через неделю она стала
откликаться на

мою Волю, проводя её с такой силой, что
рунные знаки пылали от проявлений
ментальной энергии. Сабля обладала
собственными желаниями, и, как только я
извлекал её и приступал к тренировке,
становилось трудно помешать оружию

колоть и кромсать так, как хотелось бы
Ожесточающей. Она жаждала крови, а
если и

не крови, то, по крайней мере, радости
сражения. Медведя дважды за это время

прерывала мои занятия, входя в трюм, чтобы

узнать, не устал ли я и не желаю ли сыграть

партию в режигу, и тогда мне приходилось

удерживать рвущуюся к ней сталь.

Основной проблемой стала невероятная

глина оружия: мне никогда раньше не

доводилось работать с таким глинным

мечом. Я побаивался, что сам поотрубая себе

руки и ноги. Но практика принесла мне

пользу: размашистые, плавные движения, стремительные выпады... Через две недели я

научился ловко проворачивать её в своей

руке так, что моя открытая ладонь и эфес

прокручивались друг мимо друга, точно

диски гироскопа. Я гордился этим движением. Мне кажется, ему научила меня

сама Ожесточающая.

Тренировался я и с рунным посохом, привыкая к его тяжести и балансу. Несмотря

на то что моя меткость была ужасна, особенно на расстоянии более чем в три или

четыре метра, я научился направлять Волю

по своим рукам, через его древко и испускать

её из каменного черепка в виде молний, оставляющих выбоины в покрытии палубы.

Проверить его на пригодность к

использованию по основному назначению, конечно же, не было никакой возможности.

Мы достигли Орбун Инфанта, мира

храмов, в конце двенадцатой недели.

Перего

льной стояло три задачи, первой из которых

являлось освящение меча и посоха.

Вместе с Унгуш и Медеей я спустился на поверхность планеты, но не на боевом катере, а в одной из неприметных небольших шлюпок «Уссина». Мы направлялись к Эзрополису, одному из десяти тысяч храмовых городов Орбүл Инфанта, в жарком сердце западного континента.

Управляемая Экклезиархией, эта благочестивая планета известна своими бесчисленными святынями, каждая из которых посвящена отдельному имперскому

святоту. Располагаются они по одной в

центре каждого города. Екклезиархия
выбрала Орбул Инфанта для размещения
этих святынь по той причине, что она
лежит

на прямой линии между Террой и
Авиньором. Самые популярные и
процветающие храмовые города
расположены на побережье восточного
континента, и миллиарды верующих
стекаются в них каждый год. Эзрополис
стоит в стороне от этой суматохи.

Святой Эзра, принявший мученическую
смерть в 670.М40, покровительствовал
путешественникам и принёсшим обеты.

Посвящённый ему храм, на мой взгляд,
вполне соответствовал моим целям. Его
город представлял собой сверкающую
опухоль из стали, стекла и камня,
вздвигающуюся на прожаренных солнцем

равнинах в центре западного континента. Согласно путеводителям, записанным на планшетах, воду для города приходилось доставлять от западного побережья по огромным трубам в две тысячи километров длиной.

Мы приземлились на Поле Эзры, в

основном посадочном комплексе, и
присоединились к очередям паломников,
поднимающихся по кольцевой лестнице,
ведущей в цитадель. Большинство
паломников были одеты в жёлтое - цвет
святого - или носили украшения из полос
жёлтой ткани. Все несли зажжённые
свечи
или масляные лампы, несмотря на
немилосердно яркий солнечный свет. Эзра
обещал зажигать огонь во тьме, чтобы
направлять тех, кто в пути. Именно
поэтому
его сакральным цветом и стал жёлтый.
Мы подготовились к визиту. Я облачился
в
чёрный льняной костюм с поясом из
жёлтого
шелка и нес горящую толельную свечу.
Унгиш завернулась в бледно-жёлтый

балахон, цветом напотивающий
рассветное
солнце, и сжимала гипсовую статуэтку
святого. Надежда надела темно-красную
облегающую куртку, а поверх - накидку, на
которой был вышит жёлтый символ
аквилы.

Она толкала перед собой небольшую
гравитележку, на которой, обёрнутые в
жёлтый бархат, лежали Ожесточающая и
посох. Паломники частенько приносили
свои

вещи к святыне Эзры для того, чтобы
освятить их, прежде чем браться за дела
или

отправляться в путешествие. Мы легко
стесались с рядами потеющих,
озабоченных
верующих.

Поднявшись по лестнице, мы влились в
благословенную прохладу затенённых
улиц.

Был уже почти полдень, и с платформ на
вершине высоких, стройных башен неслось
пение хоров Экклезиархии. Звонили
колокола, и на трех городских площадях
тысячами выпускались из клеток жёлтые
птички сочанки. Галдящие облака птиц
цвета

охры кружили над нашими головами. Их
привозили с геноферт, расположенных на
побережье, где птиц разводили в
промышленных масштабах. Каждый день в
город доставлялось по миллиону штук.
Этот

регион Орбүл Инфанта не был для
пернатых

родным, и они погибали в течение

нескольких часов после того, как их
выпускали в выжженную пустыню.
Сообщалось, что на равнинах вокруг
Эзрополиса можно было по лодыжку
провалиться в слой из белых костей и
ярких
перьев.

Но тем не менее они являлись символом
свершений и путешествий, и по этой
причине каждый полдень по миллиону
крылатых созданий отпускалось на верную
смерть. «Какая ужасающая ирония,
подумал

я. - Впрочем, такое бывает часто, когда
дело

касается сферы влияния Экклезиархии».

Мы направились к собору Святого Эзры
Столящего, выразительному храму на
западной стороне города. На каждом

карнизе

и на каждой стене, мимо которых мы проходили, сидели сочанки и, как мне казалось, негодующе щебетали.

Сам собор, по общему признанию, был роскошен. Храм в раннеготическом стиле возводили последние тридцать лет на пожертвования отцов города и духовенства.

Каждый посетитель, проходивший по городским стенам, обязан был внести гв

крупные монеты в ящики-копилки, расположенные по обеим сторонам

лестницы. Возле них стоял облачённый в жёлтую мантию священник, следивший за тем, чтобы монеты опустил каждый входящий. Средства из копилки слева шли на

обслуживание и строительство городских храмов, а той, что справа, - в фонд сочанок.

Мы вошли в прохладу собора Святого Эзры Смотрящего. В трапезном нефе верующие

склонялись в молитвах. Помещение заливал

яркий, играющий цветными узорами солнечный свет, проникающий через огромные витражи. Прохладный воздух был

подслащён дымом лавра и наполнен сладкоголосым пением хора.

Я оставил Медею и Унгуш под аркой прохода возле могилы, на надгробии которой лежала резная скульптура

Костицкого Десантника Ордена Гвардии Ворона. Руки статуи были сложены так,

чтобы указывать, в каком именно крестовом

походе он погиб.

Я нашёл настоятеля собора и изложил ему

свою просьбу. Он тупо посмотрел на меня, перебрав жёлтые одеяния, но я скоро заставил

его понять, в чём дело, опустив шесть

крупных монет в ящичек для милостыни и

ещё две в его лагерь.

Он повёл меня к помещению, где

располагалась купель, и я позвал своих

коллег. Как только все мы оказались внутри, он задвинул занавесь и открыл свой требник.

Когда священник начал обряд, Медя

развернула оружие и положила на край

купели.

Настоятель

продолжал

борлотать и, не сводя глаз с открытой
книги, чтобы не

потерять того места, где читал, поднял
и

развинтил флягу с елеем, которым
помазал и

посох, и меч.

- За благословением и освящением этих
предметов обращаюсь я в мольбе к

Императору, Богу моему, и вопрошаю

принёсших их: не имеете ли вы тёмных

страстей в сердце? Клянётесь ли вы в
чистоте

помыслов своих?

Я понял, что он смотрит на меня, и
поднял

голову. Страсти. Желание запретного.
Могу

ли поклясться, зная то, что знаю?

- Так что?

- На мне нет пятен, пречистый, - ответил

я. Он кивнул и продолжил освящение.

Первое из запланированного было
сделано. Мы вышли во внутренний двор
собора.

- Унеси их обратно к шлюпке и
пристатривай за ними получше, - сказал я
Медее, указывая на спелёнатое оружие на
тележке.

- А что насчёт страстей? - спросила она.

- Об этом не беспокойся.

- Неужели ты просто солгал, Грегор?

- Заткнись и не задавай глупых вопросов.

Медее покатила тележку мимо толпы
паломников.

- А она сообразительная девочка, еретик, -
прошептала Унзиш.

- Честно говоря, ты тоже могла бы

помолчать, - сказал я.

- Нет, черт тебя дери, - бросила она. - Это уже начинается.

- Что? Что «это»?

- В своих снах я видела, как ты
лжесвидетельствуешь перед имперским
алтарём. Я видела, как это произошло, а
за

этим последовала моя смерть.

Я смотрел, как сочанки кружат наг
двором.

- Дежа вю.

- Я видела это дежа вю в снах, - кисло
ответила Унгиш. - Я чувствую это дежа
вю

своим загом.

- Бог-Император наблюдает за нами, -
заверил я.

- Да знаю я, - сказала астронавт. - Вот только не думаю, что ему нравится увиденное.

Мы прождали во дворе до вечера.

Пришлось пообедать горячими булками, кубиками салата и приторным чёрным кофе, купленными у уличных торговцев. Унзиш

практически ничего не ела. Длинные вечерние тени протянулись по двору. Я вызвал Надею по воксу. Она благополучно вернулась на борт шлюпки и дожидалась нас.

Я готовился к тому, чтобы завершить вторую из своих задач. Назначенный час стремительно приближался. Нам предстояло

проверить, какое действие возымели отправленные мной двадцать сообщений.

Одно из них предназначалось инквизитору

Гласасу, человеку, которым я восхищался
и с

которым эффективно сотрудничал
тридцатью годами ранее, разбираясь с
заговором Ну'Тлэо. Орбүл Инфанта

находилась в пределах зоны его влияния. Я
написал ему, рассказав о своих проблемах
и

прося о поддержке. Встретиться
предложил в

этом месте, в этот час.

Как и в случае с остальными посланиями,
все зависело исключительно от его
доверия.

Я писал только тем мужчинам и
женщинам, которых ни в чём не мог
заподозрить и

которые, вне зависимости от отношения
ко

тне, могли бы оказать любезность и
согласиться на встречу, чтобы обсудить
вопрос Квиксоза. Если бы они отказались
от

меня или от участия в моем деле,
проблем

бы не возникло. Я не думал, что кто-
нибудь

из них предаст или попытается
арестовать

меня.

Мы ждали. Моё нетерпение возрастало с
каждой минутой, я начинал нервничать.

Меня раздражали тёмные мистерии,
посеянные Понтиусом Гло в моей голове.

Мне не удавалось выспаться уже четыре
месяца. Я становился вспыльчив.

Я полагал, что Глазас придёт сам или,
но

крайней мере, отправит какое-нибудь послание. Он мог задержаться, опоздать или

быть слишком занят собственными благородными делами. Но я не думал, что он

станет игнорировать меня, и поэтому искал в

вечерних толпах его длинноволосую голову, его бороду, серые одеяния или посох

с шипастым навершием.

- Он не придёт, - сказала Унгиш.

- Да прекрати ты каркать.

- Пожалуйста, инквизитор, я хочу уйти.

Мой сон...

- Почему ты не доверяешь мне, Унгиш? Я защищу тебя, - сказал я и отодвинул полу чёрного льняного плаща, чтобы она смогла

увидеть лазерный пистолет, лежащий в кобуре.

- Почему? - раздражённо ответила она. -

Потому что ты играешь с огнём. Ты пересёк

черту.

- Зачем ты так говоришь? - дёрнулся я, услышав, как слова Понтиуса разносятся эхом в моей голове.

- Потому что так и есть, будь ты проклят!

Еретик! Проклятый еретик!

- Прекрати!

Она неловко вскочила со скамейки.

Паломники стали оглядываться, услышав её

гневные выкрики.

- Еретик!

- Прекрати, Тереза! Сядь! Никто не

причинит тебе вреда!

- Кто бы говорил, еретик! Ты проклял нас всех своими делами! И платить за это придётся мне! Я видела это в своих снах... это место, этот час... твоя ложь перед алтарём, кружащие в небе птицы...

- Я не лгал, - сказал я, усаживая её обратно на скамью.

- Он идёт, - прошептала Тереза.

- Кто? Глагас?

- Не Глагас. - Она потрясла головой. - Он никогда не придёт. Никто из них не придёт.

Все они прочитали твои прелестные, жалостливые письма и тотчас стёрли их. Ты

еретик, и они не станут связываться с тобой.

- Я знаю людей, которым писал, Унгиш.

Ни один из них не отречётся от меня.

Когда она обернулась и заглянула мне в лицо, каркас, удерживающий её голову, натужно зашипел. Глаза Терезы были полны слез.

- Я так боюсь, Эйзенхорн. Он уйдёт.

- Кто?

- Охотник. Больше ничего мой сон не показал. Охотник, бесформенный и незримый.

- Ты слишком сильно волнуешься. Пойдём со мной.

Мы возвратились в собор Святого Эзры Смотрящего и заняли места перед толельными кабинками. Свет вечернего солнца бил косыми лучами сквозь окна.

Статуя святого, возвышавшаяся за алтарной

перегородкой, выглядела величественно.

- Теперь лучше? - спросил я.

- Да, - прохныкала она.

Я продолжал оглядываться, надеясь, что появится Гладас. Многочисленные паломники прибывали на вечернее богослужение.

Вероятно, он решил не приходить.

Возможно, Унгуш была права. Я мог оказаться куда большей парией, чем представлял, даже для старых друзей и коллег.

Возможно, Гладас прочитал моё скромное коммюнике и с проклятием отверг его. Он мог переправить его арбитрам... или Экклезиархии... или Службе Внутренних Расследований Инквизиции.

- Ещё две минуты, и мы уйдём.

Время, в которое я предлагал Гладасу
встретиться, давно прошло.

Я снова остотрелся по сторонам.

Паломники наводняли собор через главный
вход. В плотном потоке я заметил
пустое

место, достаточное для одного человека,
но, несмотря на толкотню, молящиеся
почему-то не занимали его. Я удивлённо
распахнул глаза. В толпе проскочила
энергетическая вспышка, напоминающая
статический разряд на зеркальном щите.

- Унгиш, - прошипел я, протягивая руку к
оружию.

Из пустоты вырвались и с визгом
понеслись вдоль неффа болтерные заряды.
Паломники заорали и бросились
врассыпную.

- Охотник! - завопила Унгуш. -

Бесформенный и незримый!

Так оно и было. С активизированным зеркальным щитом, он казался просто грозью горячего воздуха, выделяющейся только благодаря ярким вспышкам оружия.

Паника охватила собор. Верующие толкали друг друга, стремясь к дверям. В стенках толельных кабин образовались неровные дыры, пробитые болтерными зарядами.

Я открыл ответный огонь очередями из лазерного пистолета.

- Шип вызывает Эгиду, малодушные псы в испогне!

Это всё, что я успел сказать, прежде чем болтерный заряд вскользь задел мою шею,

отбросив меня назад и уничтожив вокс.

Устекая кровью, я покатился по
трапаторному полу.

- Эйзенхорн! Эйзенхорн! - Вопль Унгиш
оборвался криком агонии.

Я увидел, как она отлетает назад и
падает, ломая деревянные скамьи.
Болтерный заряд
поразил её в живот. Тереза скорчилась на
полу, среди деревянных обломков, стена и
крича от боли.

Я попытался погнотзти к ней, но безутная
болтерная пальба разнесла остатки
первого

ряда скамей. Я поднял взгляд. Охотник на
ведьм Арнаут Танталид отключил
зеркальный щит и пристально смотрел
на
меня сверху вниз.

- Эйзенхорн, ты обвиняешься в ереси, и
теперь этот факт не вызывает никаких
сомнений, учитывая карту экстремис-
заполненную на тебя. От имени

Министрства Человечества я лишаю
тебя

жизни.

Глава двадцать первая

СМЕРТЬ В СОВОРЕ СВЯТОГО

ЭЗРЫ

ДОЛГАЯ ОХОТА

ОТРЯД ПЯТЕРЫХ

Для меня остаётся загадкой, как
Санталиг

нашёл меня. Но, как я полагаю, он уже
давно

сидел у меня на хвосте, причём ещё до

Синшары. Тот факт, что он прибыл к
совору

Святого Эзры Смотрящего именно в этот день и час, убеждает меня в том, что ему удалось перехватить моё послание к Гладасу.

И он вполне мог одержать победу надо мной

прямо не сходя с места, если бы

воспользовался преимуществом и закончил дело с помощью болтера.

Вместо этого Танталус убрал

болт-пистолет и обнажил древний цепной меч Теофант, намереваясь привести приговор в действие с помощью священного оружия.

Я выстрелил из лазерного пистолета, всаживая в Арнаута выстрел за выстрелом.

Инкрустированная золотом боевая броня, придававшая его иссохшему телу пропорции

Костического Десантника, поглощала и отклоняла лучи, но ярость моей атаки заставила охотника на ведьм отступить на несколько шагов.

Я поднялся на ноги, продолжая стрелять, и

стал пробираться вдоль апостольской стороны собора по направлению к раке.

Паломники и служители разбежались и прятались, кто куда мог. Скрежеща

железными зубами, ко мне приближался

Теофант. Танталус стих за стихом лаял

Обвинение в Ереси.

- Утолкни! - завопил я, подкрепляя слова Волей.

Мой выпад заставил его затихнуть, но

оказалось, что его защищали ментальные

блокираторы, поэтому он полностью проигнорировал следующий подкреплённый Волей приказ: «Прекрати!»

Ценной меч завизжал ещё громче, и я бросился в сторону, а он расколол скатью нагвое. Обратным движением Теофант почти поддел меня, но я спрятался за пилестром, принявшим удар. В воздухе брызнули искры и каменные осколки.

Унгиш продолжала кричать от боли. Её вопли помогли мне собраться и привели меня в бешенство. Я вновь выстрелил из лазерного пистолета, но последний залп лишь слабо прошипел в воздухе. Батарея была истощена. Я перекувырнулся, обманным броском проскочив мимо неповоротливой фигуры охотника, и набросился на Танталида сзади.

Признаться, это было жестом отчаяния.

Поскольку я был

без брони, у меня практически не оставалось

шансов пересилить его или причинить

какой-нибудь вред. Он сунул за спину

окованную сталью руку, схватил меня за

плащ и отограл от своего тела.

Плащ затрещал по швам, я сильно

ударился о столб и растянулся на полу,

пробив изящную резную перегородку

исповедальни. Едва мне удалось выбраться

из-под горы деревянных обломков, как

цепной меч обрушился снова, оставив

глубокую полосу в полу собора.

Я снова побежал к раке. Двое мужчин из

соборной охраны наверняка надеялись на

повышение. Бойцы решили прийти на

помощь внушающему ужас охотнику на

ведьм из Министорута и перекрыли мне
путь к спасению. Оба были облачены в
жёлтые одежды, и каждый сжимал в одной
руке короткую булаву, а в другой -
церковный светильник.

Думаю, оба они быстро пожалели о своём
энтузиазме.

Я даже не стал утруждать себя
использованием Воли. Моя ярость была
столь велика, что мне вряд ли удалось бы
сдержать свои ментальные силы. Я
уклонился от удара первой булавы,
перехватив и сломав запястье сжимающей
её
руки, и опрокинул противника. Оружие
закрутилось в воздухе, вылетев из ладони
растянувшегося недоумка, а я перехватил
булаву и развернул её как раз вовремя,
чтобы

успеть заблокировать вертикальный удар
глубины второго слугаки. Когда он
отшатнулся назад, я ударил его по колену.
Он

повалился с пронзительным воплем боли,
выронив оружие, и попытался ударить
меня

светильником. Но я лишил его такой
возможности, ударив ногой в живот. Он
сознулся пополам, перевернулся на бок,
постанывая и пытаясь вспомнить, как
дышать.

К тому времени первый пришёл в чувство
и бросился на меня. Я разбил о его голову
светильник. Свет померк и в латне, и в
глазах тужчины.

Мощёный пол загрохотал под ногами, когда
на меня снова накиннулся Танталуг. Я
выставил вперёд булаву, сжимая её обеими

руками, чтобы отразить первые удары.

Твёрдое дерево рукояти было оковано железом, но всё равно не устояло бы против

ценного меча. Примерно после третьей атаки

булава стала похожей на растрёпанный веник. Я отбросил её в сторону и сорвал штандарт со стены возле двери

усыпальницы. Теофант незамедлительно превратил старое вышитое полотнище в лохмотья и срубил деревянную табличку с титулом, но оставил мне трехметровую прочную металлическую жердь.

Я перехватил её, словно боевой посох, и крепко приложил Танталида боковым ударом по голове одним концом древка, а затем в область бедра - другим. Затем я с

силой вонзил шест в его кирасу, оставив
вмятину на доспехе.

В гневе пуская изо рта пену, Арнаут
взмахнул Теофантом и сократил мой
посох

примерно до половины метра. Я
прокрутил

остаток шеста в пальцах и ударил
Санталида

по другой стороне головы. Из его ушей
потекла кровь. Он взвыл и провёл атаку,
которая чуть не лишила меня руки.

Третья попытка проломить его
несчастную голову провалилась. В этот
раз

он оказался умнее и закрылся цепным
мечом. Визжащие зубы вонзились в
обломок

и выдернули его из моих рук, подбросив
более чем на десять метров в воздух.

Древко

упало позади какой-то скамьи с громким лязгом, который тут же отразило эхо.

Я подался назад, пытаясь увернуться от следующего взмаха, но смертоносная пила достала до моего правого плеча, оставив на

нём глубокий порез. Зажав рану, я кувыркнулся снова, и Теофант развалил на части статую продавца индульгенций Святого Эзры.

Что бы я ни предпринимал, преимущество оставалось на стороне Танталида. Он имел

оружие и доспех. А я истекал кровью и постепенно начинал слабеть. Моя неминутая смерть была теперь лишь вопросом времени.

Новый шум возле главных дверей
огромного храма насторожил меня и
заставил на миг обернуться. Паломники и
иерархи попрятались за массивными
створками и оттуда с ужасом наблюдали
за

поединком. Я увидел, что им пришлось
посторониться, чтобы пропустить кого-
то, кто яростно пробивался сквозь толпу.

Медея.

Она побежала по главному проходу,
выкрикивая моё имя и стреляя в охотника
на

ведьм из изольного пистолета.

Смертоносные залпы со звоном отскочили
от

его брони, и он раздражённо обернулся.

Танталус вытащил болт-пистолет и
выстрелил во вновь прибывшего

противника. Медя бросила какой-то предмет, а затем скрылась из вида, перекатом уходя от сокрушительных болтерных зарядов. Я толпился, чтобы это был преднамеренный кувырок. Если он поразил её...

Брошенный ею предмет ударился о скамью возле меня и упал на пол. Из жёлтой

ткани вывалилась Ожесточающая.

Рискую быть расчленённым цепным мечом, я метнулся к китайской сабле. Мои

пальцы наконец нащупали её глиняную

рукоять. Мне снова пришлось кувырнуться, чтобы избежать очередного падения

Теофанта.

Ожесточающая заурчала, когда я вскочил

на ноги. Руны засверкали мстительным светом. Казалось, Танталиг осознал, что характер сражения внезапно переменился. Я

убил это в его глазах.

Первый же взмах саблей отсек ему запястье, легко перерубив наручень энергетического доспеха. Его кисть упала на

пол с зажатым дытящимся болтером.

Второй удар уничтожил Теофанта, разметаив в воздухе зубьями и обломками деталей.

Третий поразил самого охотника на ведьм

Танталига, развалив его тело вдвое от левого плеча до паха. Обе половины беззвучно рухнули на плиты собора.

Ожесточающая все ещё кипела мощью и

дёрнулась вперёд, когда из-за логи хора
появилась невредимая Медея. Мне
пришлось
применить силу, чтобы удержать
голодный
клинок.

- Уходим! - сказала Бетанкор.

Унзиш была мертва. Я ничем уже не мог
помочь ей. И столь многое должен был
сделать для неё. Она оказалась права.
Право

во многом. Право в том, что касалось её
судьбы. Я боялся даже подумать о том,
что

ещё из сказанного ею могло оказаться
правдой.

Медея рассказала мне, что, услышав мой
отчаянный вызов на глоссии, она подняла
шлюпку с Поля Эзры и, несмотря на все

официальные требования остановиться, прилетела и приземлилась во внутреннем дворе собора Святого Эзры Смотрящего.

Когда мы выбежали на вечернюю улицу и потчались мимо толпы ошеломлённых паломников, в страхе отпрыгивающих с нашего пути, городских арбитров и фратерис

Милицию уже поднимали по тревоге. Не было никакого смысла дожидаться встречи с ними.

Шлюпка взлетнула в небеса и взяла курс

на «Уссин», покидая Орбул Инфанта с предельно возможной скоростью.

Все было ужасно, и я впал в уныние.

Уверенность и оптимизм, с которыми мы все

улетали с Синшары, таяли на глазах.
Орбүл

Инфанта должна была стать только
первой

частью долгой страгемы, но из-за

Танталида все пошло наперекосяк. Я

оказался не в состоянии войти в контакт
с

Гласом и обнаружил, что при всей моей

осторожности отправка посланий не была

безопасной. Мне не удалось даже
приступить

к третьей задаче, которую я планировал

осуществить на Орбүл Инфанта - поиск

Илперского архива, содержащего

информацию о Квиксоте.

Но крайней мере, оружие мы освятили. И

Ожесточающая более чем отлично
показала

себя в бою.

На перехват «Уссина» вылетели фрегаты
фратерис Милиции вместе с
несколькими

судами Имперских Космических сил, но
навигатор Максиллы вывел нас из
системы в

Империи прежде, чем они смогли
хотя

бы приблизиться. Некоторые корабли
преследовали нас в Варне ещё восемь дней,
после чего нам наконец удалось избавиться
от своих преследователей с помощью
серии

выходов в материальное пространство и
резкой перемены курса.

Мы залегли на дно. Месяц в ангаре в
убогом, всеми забытом

сельскохозяйственном мире, потом ещё
два

на автоматизированной станции на
Квайле.

Я вздрагивал от каждого шороха, ожидая
за

любой дверью появления врагов и
преследователей. Но все было тихо, нас
оставили в покое. Максилла сделал свою
карьеру на том, чтобы проходить
незамеченным и отводить от себя
внимание.

Теперь он поставил своё искусство нам на
службу, вернув мне уверенность в
завершении дела.

Спустя три месяца после побега с Орбул
Инфанта мы рискнули совершить переход
до

Глорисента, отдалённого, но
преуспевающего торгового мира в
субсекторе Антимар, Сектора Скарус,

всего в

двух субсекторах от Теликана. Хотя
тиры

вроде Гүдрүн и Трациан Примарис лежали
на

расстоянии в добрых четыре месяца
полёта, мы чувствовали себя практически
дома.

Затаскировавшись, мы с Медеей посетили
отмываемые морем каменные холмы одного
из главных торговых ульев, где приобрели
пару астронатов, купив их услуги у
местной

коммерческой гильдии по открытому
арендному договору.

Звали их Агзүр и Аүли. Оба были

молодыми мужчинами, весьма
одарёнными, но глупыми и лишёнными
эмоций. Их

молодые головы были чисто выбриты, а

разъёмы сверкали новизной. И
разговаривали они чрезмерно чопорно,
что, к сожалению, являлось результатом
бездумного зазубривания правил этикета.
Но

зрачки их окружала тьма, а плоть теряла
свой

юный блеск. Суровая жизнь астронавта уже
взимала свою дань.

С их помощью я отправил новые
послания, отменяющие первоначальные и
пересматривающие некоторые аспекты
схемы моих действий. Ни в одном из
сообщений теперь не предлагалось личных
встреч, как в случае с Глагасом. Больше я
не
собирался так подставляться.

Спустя неделю, так и не дождавшись
ответа, мы покинули Глорисент и,

миновав

Милонон, отправились к Саруту,
столичному миру субсектора Антимар.
Мне

удалось с пользой провести время в его
библиотеках, но скоро пришлось покинуть
планету, когда неприятный, низкорослый
исповедник начал повсюду ходить следом,
словно узнал меня.

Ещё встав на якорь у Сарута, я получил
первые ответы, каждый из которых был
зашифрован: от Биквин с Мессины и от
Эмоса с Гудрун. Оба докладывали, что
реализация их задач прошла куда более
гладко, чем у меня. Два дня спустя от
Уншабеля с Эльвара Кардинал поступило
плохо читаемое послание. Из полученных
частей следовало, что и ему удалось
добиться

некоторых успехов. Мне не терпелось
узнать

больше.

За неделю до того, как мы оставили
Сарум, я получил ещё два послания, оба
были

анонимными, одно с Трациана Примарис, а
второе пришло из скопления рабских
тиров, подчинявшихся Селис Провинс в

Офигуанском субсекторе. По тщательной
кодировке и языку обоих сообщений я
распознал их отправителей.

Моё настроение приподнялось.

После этого продвижения все снова,
казалось, остановилось и впало в
стагнацию.

Не было ни прогресса, ни новых сообщений.

Нам пришлось покинуть Лорвен, на
которой мы сделали нашу следующую
остановку, с почти непристойной

успешностью - на орбиту вышла
флотилия

боевых кораблей Военного флота Ривера.
Теперь-то мне известно, что их
маневрирование возле Лорвен - а заодно и
около Сарута и Фемис Мейор - стало
частью

предупреждающего развёртывания войск
по

причине неожиданно объявившихся в этом
субсекторе двух блуждающих островов
кораблей. Но тогда их приближение
заставило нас прятаться в течение
тринадцати беспокойных недель между
коричневыми и чёрными звёздными
карликами угасающей звёздной колыбели.
Пока мы были в Эмпиреях, направляясь к
Древлианскому Скоплению, миновало
следующее Сретение. Мы с Медеей и

Максиллой отметили его вместе,
втроём.

Двое астронавтов и навигатор не
получили

приглашения присоединиться к нам. Я
поднял бокал за то, чтобы наша миссия и
далее продолжалась успешно. Вряд ли бы
я

стал так веселиться, если бы знал, что
пройдёт ещё целый год, прежде чем наш
план вступит в заключительную стадию.

Первые четыре месяца триста сорок
второго я провёл в бесплодных поисках
знаменитого преподобного отшельника
Лукаса Кассиана среди вонючих болот

Древлии JJ только для того, чтобы
узнать о

его убийстве членами культа

монодоминантов, произошедшем

четырьмя

годами ранее. По ходу поисков я пресёк деятельность наводнявшей эти болота секты, поклонявшейся демону чумы. Это оказалось

весьма нелёгким делом, но мой полный отчёт по нему хранится в архиве

Инквизиции отдельно, поскольку не имеет прямой связи с этими записями. Кроме того, я продолжаю относиться к нему как к

прискорбной задержке и пустой трате времени. Также не стану я излагать здесь полную историю рискованных действий

Натана Уншабеля на Эльвара Кардинали или о

невероятных и экстраординарных похождениях Гарлона Нейла на Билус Тертиус, хотя обе повести и относятся к

этому повествованию. Уншабель написал
собственный, освежающе остроумный
отчёт
о своих деяниях, к которому может
обратиться любой, обладающий
соответствующим допуском и который я
рекомендую к прочтению ради
просвещения
и пользы. Нейл же попросил меня не
включать его историю в этот доклад и
никогда не пытался записать её сам.
Узнать
её может лишь тот, кому хватит
безрассудства спросить у него самого и
денег
на долгую ночь серьёзной попойки.
Все это время в Империи я считался
преступником, разыскиваемым
Инквизицией за свою ересь. Что

интересно, в

течение этого срока никто не стал
формально опровергать или отменять
опубликованную мной карту Квиксоса.

В середине 343.М41 «Уссин» доставил
меня на Тессалон, феодальный мир
неподалёку от Гесперуса в Геликанском
субсекторе. Это место было выбрано
Нейлом

в качестве точки для нашего секретного
сбора. Чтобы проверить территорию и
убедиться, что нас не раскрыли, он прибыл
на неделю раньше вместе с двадцатью
полевыми агентами, набранными из моего
штата на Гудрун. Приготовился он
всесторонне и изобретательно. Никто не
мог

приблизиться к точке встречи без его

ведома. При малейшей угрозе нарушения внешнего периметра или официального вторжения у нас оставался достаточный запас времени, чтобы ретироваться.

В качестве дополнительной предосторожности я должен был появиться последним.

Тессалон - это суровый, небольшой мир, чьё население живёт в тёмных веках и ничего не знает об Империи и галактике за пределами своего неба.

Для места встречи была выбрана разрушенная крепость на севере второго континента, в двух тысячах километров от ближайшего поселения аборигенов.

Несколько одиноких пастухов и усталых

крестьян, несомненно, увидели огни наших кораблей в небесах, но они казались им просто божественными предзнаменованиями или сверканием глаз мифических зверей.

Медея высадила меня в сумерках на краю хвойного леса и снова подняла боевой катер

в воздух, чтобы при необходимости обеспечить прикрытие и вернуться при первом приказе. Впервые более чем за два стандартных года я оделся, как полагает инквизитору, в непротокаемый плащ из чёрной кожи и гордо выставил напоказ инсигнию. Кроме того, я надел священную униформу с рельефной надписью Puritus[22].

И будь проклят тот, кто сочтёт меня

недостойным этого.

Нейл, в боевой броне, с лазерным карабином на плече, появился из-за деревьев

и поприветствовал меня. Мы обменялись рукопожатием. Приятно было увидеть его снова. Люди Гарлона, которые, я уверен, держались поблизости, оставались невидимыми в сгущающейся темноте.

Нейл повёл меня через чёрный лес к поляне, где вершины сосен обрамляли совершенный овал сияющего звёздного неба. Крепость, бесформенная гряда серых камней, стояла посреди поляны, и приглушённый свет пробивался сквозь прорези нижних окон.

Нейл повёл меня мимо датчиков сигнализации, растяжек и лучевых детекторов

движения, паутиной раскинувшихся вокруг строения. Дроны из моего личного арсенала

парили в тени, внимательные и вооружённые.

Биквин и Эмос встретили меня под обрушившейся аркой входа. Убер был бледным и взволнованным, но его лицо осветилось тёплой улыбкой, когда он увидел

нас. Елизавета обняла меня.

- Сколько? - спросил я.

- Четверо, - ответила она.

Неплохо. Не слишком здорово, но

неплохо. Все зависело от того, кем были эти

четверо.

- А все остальное?

- Приготовления завершены. Можем

начинать в любой момент, - сказал Эмос.

- Нам известно, где цель?

- Известно. Узнаешь, когда все соберутся.

- Хорошо. - Я помедлил. - Есть ещё

что-нибудь, что мне стоит знать?

Все трое покачали головой.

- Тогда давайте приступать.

Несмотря на все предосторожности, я нёс
и свою жизнь на блюдечке. Добровольно
отдавал себя в руки четырех сотрудников
Инквизиции. Я верил, что наша прошлая
дружба и сотрудничество будут значить
больше, чем обвинения Осты, прибитые к
моей двери. Эти четверо оказались
единственными, кто ответил на первое
же

послание. Нейл, конечно, проверил каждого,
но любой из них с большой долей

вероятности мог прибыть только для
того, чтобы казнить обвинённого в ереси
Грегора

Эйзенхорна.

И скоро мне предстояло это узнать.

Когда я вошёл в главный, освещённый
свечами зал, светская беседа прервалась,
стенившись мёртвым молчанием.
Шестеро

мужчин обернулись. Фишиг, внушительно
выглядевший в своей чёрной броне,
ухмыльнулся и кивнул мне. Дознаватель

Уншабель, в облегающем доспехе и лёгком
плаще, поклонился и нервно улыбнулся.

Остальные четверо спокойно смотрели на
меня.

Я торжественно прошествовал к ним и
встал посредине.

Первый откинул капюшон

красно-коричневой накидки. Это был
Тумус

Эндор.

- Привет, Грегор, - сказал он.

- Раг видетъ тебя, старый груз.

Эндор одним из первых откликнулся на
той призыв, отправив анонимное послание
с

рабских миров Селис. Второй, писавший с
Трациана Примарис, стоял рядом с ним.

- Колмогус Вок. Вы почтили меня своим
присутствием.

Иссохшее лицо старого негодяя исказила
устешка.

- Эйзенхорн, я здесь ради всего того, что
связывало нас, а также из-за Лико, будь

прокляты его глаза. Есть ещё ряд причин,
хотя Император знает, с каким
подозрением

я отношусь к этому делу. Я выслушаю
тебя и, если мне не понравится то, что
ты

собираешься сказать, уйду, не нарушая
тайну

этой встречи! - И добавил с серьёзным
видом

и поднятым вверх пальцем: - Я не стану
предавать участников этого конгресса, но
оставляю за собой право уйти, если сочту
его

бесполезным.

- Это ваше право, Колмогус.

Слева от него стоял высокий,
самоуверенный мужчина, которого я не
узнавал. На нем была коричневая

артированная кожаная куртка под
длинным

синим плащом из кавалерийского твила, а
серебряную инсигнию он прикрепил слева

на

груди. Круглая голова этого человека
была

выбрита, но фиолетовые всполохи его глаз
говорили мне, что он являлся уроженцем
Кагуи.

- Инквизитор Раут Грутман, - сказал
Фишиг, делая шаг вперёд.

Грутман с кратким поклоном принял мою
протянутую руку.

- Если инквизитор Нев принимает ваше
послание и просит, чтобы я выразил её
глубокую скорбь по причине того, что она
не

может присоединиться к нам. Она лично
просила меня занять её место и служить
вам

так же, как служил ей.

- Я благодарю вас, Грутман. Но мне

хотелось бы сразу убедиться в том, что
вам

известна цель нашего собрания.
Прилететь

сюда только потому, что вас попросила
начальница, - этого недостаточно.

Кагуанец улыбнулся:

- Можете не беспокоиться. Стею вас
заверить, я тщательно разобрался в
проблеме вместе с самой Нев и вашим
человеком, Фишигом. Я не питаю
никаких

иллюзий касательно опасности того, ради
чего мы собрались, и того, чтобы
находиться

рядом с вами. Учитывая полученные
доказательства, я в любом случае должен
присутствовать здесь.

- Отлично. Прекрасно. Рад вашему

участию, Грутман.

Личность четвёртого и последнего гостя ставила меня в тупик. Его скрывала полированная сталь боевой брони, которая явно была изготовлена на заказ и непомерно

дорого стоила. Закованными в латные перчатки руками он снял со своей головы шлем в виде оскалившейся собачьей морды.

Инквизитор Массимо Риччи из Ордо Ксенос

Геликана. Едва ли его можно было назвать старым другом, хотя я и знал его достаточно хорошо.

- Риччи?

На его красивом, нагнетанном лице появилась широкая улыбка.

- Как и Грутман, я здесь для того, чтобы

принести извинения. Но многочисленными причинами, которые, я уверен, тебе будут вполне понятны, лорд Роркен не смог лично

откликнуться на призыв. Участие в этом деле

овернулось бы для него политическим самоубийством. Но мой господин продолжает верить в тебя, Эйзенхорн. Он отправил меня в качестве своего представителя.

Риччи был одним из самых лучших и уважаемых инквизиторов лорда Роркена и заслуживал восхищения. Многие пророчили

его в качестве наследника Магистра Ордо Ксенос. Его присутствие здесь было невероятным знаком доверия как со стороны

лорда Роркена, пославшего одного из
самых

прославленных людей, так и со стороны
самого Риччи, подвергавшего риску свою
великую карьеру уже тем, что пришёл на
встречу. Очевидно, оба они отнеслись к
тому плану и проблемам предельно
серьёзно.

- Господа, я весьма польщён и счастлив
видеть всех вас, - сказал я. - Давайте
обсудим

нашу проблему свободно и открыто, чтобы
прояснить ситуацию, в которой мы
оказались.

Во время разговора с инквизиторами
ветер то и дело жалобно и протяжно
завывал

в руках затка. Уншабель и Нейл принесли
стулья и установили тяжёлый стол.

Биквин и

Эмос обеспечили нас информационными
планшетами, диаграммами,
документами и
прочими материальными уликами.

Я говорил приблизительно в течение двух
часов, в полном объёме раскрывая
присутствующим всё, что мне известно о
Квиксоте. Большая часть того, что я
рассказал, была изложена ещё в первых
посланиях, но я дополнял эту информацию
деталями и отвечал на возникающие
вопросы. Эндор казался удовлетворённым и
практически не говорил. Я чувствовал
поддержку истинного друга, который
просто
доверял моим словам и намерениям.

Грумман также в основном молчал. Вок и

Риччи задавали множество вопросов и требовали пояснений даже в том, что касалось малейших деталей.

За тем столом собрались представители всех трех Оргосов: Вок принадлежал к Орго

Маллеус - хотя, к счастью, и не входил в узкий круг приближённых Безье; мы с Риччи

относились к Орго Ксенос, а Грутман и Эндор - к Орго Еретикус. За исключением Грутмана, мы все входили в Оргена Инквизитории Геликана. И только Титус Эндор, известный своей скромностью, не стал выставлять инсигнию напоказ.

На мой взгляд, говорил я красноречиво и доходчиво.

Спустя два часа мы прервались, чтобы

размять ноги, поразмышлять и немного выпить. Я вышел наружу подышать холодным ночным воздухом и послушать, как ветер колышет ветви хвойных деревьев.

Ко мне присоединился Фишиг, он принёс бокал вина.

- У Нев дела плохи, - сказал он, сразу приступая к делу.

От Синшары он отправился на Кагию, чтобы собрать как можно больше информации и, главное, договориться с леди инквизитором.

- Из-за меня?

Он кивнул:

- Из-за всего. Оста устроил ей крупные неприятности после того, как мы пытались

тебя из Карнифицины. В конце концов, за
его

спиной ведь стоит объединённое влияние и
Безье, и Орсини. Он заставил даже
начальника Нев - Великого Магистра
Ордена

Кагии Нантута - сидеть и внимать. Они
взялись за неё, расследуя её причастность
к

этому делу. Но не смогли ничего
доказать.

Оказалось, Нев очень хорошо умеет
молчать.

Уж поверь мне, она билась за тебя, словно
медведица.

- Она в безопасности?

- Да. Благодаря массивному вторжению
Врага восемь месяцев назад. Кагианские
Врата приведены в полную боевую

готовность, и там царит жуткая
суматоха. У

последнее, что там сейчас кого волнует,
так

это вопрос, какую роль могла играть Нев
в

заговоре Эйзенхорна.

- Значит, вот как они называют это?

- Именно так и называют.

Я пригубил вино, ожидая, что оно будет
местным, терпким и грубоватым, как
этот

мир. Но оно, к удивлению, оказалось
красным саматанским. Как можно было
предположить, из моих собственных
погвалов.

Биквин не могла не позаботиться о таких
мелочах и выбрала самое лучшее, чтобы
удоблажить наших гостей.

- А что ты можешь сказать о Грүлтмане?

- Я потратил на него үймү времени, Грегор, - сказал Фишиг. - Он үмен и знает своё дело. Учитывая, под каким

подозрением находится, Нев поняла, что не

сможет вырваться сама, поэтому отправила

Грүлтмана, и не думаю, что она остановила

бы свой выбор на нём, если бы он того не стоил. Эту парочку связывает долгий совместный путь. К тому же мы по дороге сюда проводили время в разговорах, и я думаю, теперь он здесь по доброй воле.

- Хорошо. А остальные?

- Вок полон сюрпризов, - фыркнул Годвин.

- Когда ты сказал, что внес его в список своих

контактов, я думал - ты спятил. Это было, конечно, не столь безумно, как отправлять

письмо самому лорду Роркену, но тем не менее... Никогда бы не подумал, что старый

ублюдок покажется или хотя бы соизволит

ответить тебе. Он же несгибаем, словно ему в

зад засунули стальной прут тройного кручения. Признаюсь, это пари я проиграл.

Похоже, он любит тебя куда больше, чем пытается показать.

- У нас с ним не любовь, а

взаимопонимание, - сказал я.

Когда-то на борту флагманского судна

«Святой Скифус» я спас Вокю жизнь, а он

отплатил мне тем же на авеню Виктора

Беллума. Возможно, это и стало причиной.

- Его ещё придётся убеждать, - сказал Фишиг, - но думаю, что он уже готов к броску.

- Уверен?

- А ты что, видишь где-нибудь поблизости этого жуткого Хелгана?

Я понял, о чём говорил Фишиг. Хелган без вопросов выступил бы против этой миссии и

с радостью захватил бы меня живым или мёртвым. Вок явно прибыл к нам так, чтобы

об этом не узнал его ученик. Фишиг был прав. И это было хорошим знаком.

- Эндор... В общем, с ним все в порядке, да? - сказал Фишиг. - Учитывая ваше прошлое, он появился бы здесь при любом

раскладе.

- Хорошо, что он с нами. А что с Риччи?

Фишиг внезапно понизил голос до шёпота:

- Его вспомнишь...

Тодвин ретировался. Сжатая кубок с

вином, Риччи вышел из-под арки и

присоединился ко мне, пристально глядя на

ослепительно яркие звезды.

- Надеюсь, ты понимаешь, насколько тебе везёт, - произнёс Риччи.

- Ежеминутно.

- Ты рисковал, связываясь с лордом

Роркеном. Он всегда любил тебя, но, учитывая обстановку, любить тебя - опасная

привычка. Из-за этого ему пришлось

столкнуться лбами с Безье и Орсини.

- И тем не менее он отправил тебя?

- Позволь говорить напрямую, Грегор.

Думаю, так будет лучше. Лорд Роркен, да преумножит Бог-Император его успехи, послал меня, оказать тебе помощь в разоблачении и ликвидации еретика Квиксоса. Но если попутно я обнаружу подтверждение всеобщей убеждённости в твоей собственной ереси...

- То что?

- Думаю, ты сам все понимаешь.

- Ты - присланный им палач. Ты

поможешь мне, но если я, по твоему мнению, пересёк черту, то у тебя есть санкция

Роркена казнить меня.

Он поднял свой кубок:

- Думаю, мы друг друга поняли.

Теперь стало ясно, зачем Роркен прислал

столь опытного агента мне на помощь.

Я ничего не ответил. Риччи улыбнулся и вернулся в заток.

Мы вновь расселись вокруг стола и продолжили дебаты. Я понял, что большая часть вопросов - особенно поступающих от Вока и Риччи - преднамеренно неглубока. Наконец спустя ещё час Грүтман озвучил важную проблему:

- Предположим, мы согласимся.

Согласимся с тем, что Эйзенхорн обвинён ложно и что Квиксос заслуживает самого строгого осуждения. Как мы сделаем это? Мы

знаем, где Квиксос?

- Да, - ответил я, хотя и сам ещё не знал ответа. Мои люди занимались этим делом

без малого два года. Многочисленные
агенты

просеивали данные, поступавшие из сотен
миров.

Биквин подошла к нам и без приглашения
села за стол.

- Приблизительно три месяца назад нам
удалось разгадать узор практически
мифической жизни Квиксоса. И центр его
пришёлся на Магинор.

- Столица субсектора Наяд, Сектора
Вайсрой, Сегментум Ультима, - объявил
Вок.

- Ваши астрономические познания
потрясают, сэр, - мягко произнесла
Биквин, раздвая информационные
планшеты. - Как

можете видеть из файла, отмеченного
«альфа», Квиксос, без сомнений, посетил

Магинор почти двести лет тому назад,
где

оказался вовлечён в деятельность
картеля

торговцев и благородных семейств,
известного как Мистический Путь. Он
представлял собой сеть, использовавшую
запретные, тёмные знания и технологии.

Квиксос должен был пресечь их
деятельность. Очевидно, что этого он не
сделал. Напротив, он кормил и содержал
их.

Помогал им до тех пор, пока они не
образовали фундамент для его незримой
империи тёмной веры. Не картель уже, но
культ. Культ Квиксоса.

- Откуда нам знать, что он все ещё там?

спросил Риччи.

- Мы полагаем, что он создал тайную тайную

цифровку, сэр, - сказала Биквин. -
Влияние

Мистического Пути уже
распространилось не

только по всему Сегменту, но и за его
пределами. Магнор - сердце культа. В

239.М41 инквизитор Люгенбро и войско из
шестьдесят воинов без вести пропали на
Магноре. Их следов так и не нашли,
хотя

дознавателю Уншабелю удалось... кхм...

добыть неполную устную расшифровку

видеозаписи, сделанной, но всей
видимости, во время нападения Люгенбро.

Я быстро прочитал расшифровку. Это
было ужасно.

- Уншабель, ты нашёл это на Эльвара

Кардинал? - спросил я.

Уншабель стоял в дальнем конце комнаты.

Он покраснел и шагнул вперед.

- Не совсем, сэр. На самом деле оно поступило из библиотеки на фубо Секундус.

Каким именно образом мне это удалось - чертовски интересная история, но вряд ли стоит прямо сейчас тратить на неё время.

Уншабель был прав. Это оказалось невероятно занимательной историей, и я получил настоящее наслаждение, когда он поведал мне её позже. Уверяю вас, её стоит прочесть.

- Мы полагаем, что Люгенбро охотился за Квиксосом, хотя и сам мог не знать

этого. -

продолжала Биквин. - И он, и все его люди
были уничтожены войсками Квиксоса.

- Люгенбро, - пробормотал Вок, опустив
свой планшет и уставившись в
пространство.

- Я никогда не встречался с ним, но он был
верным учеником моего товарища,
инквизитора Павла Уета, ныне покойного.

Когда Люгенбро пропал без вести, Ует
тяжело переживал его потерю. Она
сократила

его жизнь. Вок поднял на меня взгляд
слезящихся глаз:

- Если я и не мог решиться прежде,
Эйзенхорн, то теперь все ясно. Квиксос
должен заплатить.

- Согласен, - сказал Эндор, с трачным
видом швыряя планшет на стол. -

Инквизиция обязана как минимум
отомстить.

- Значит, на Магинор? - спросил Грютман.

- Этот мир все ещё остаётся базой для
его

операций, сэр, в этом мы уверены, -
сказала

Биквин. - У ещё неделю назад мы
готовились

к тому, чтобы нанести удар на Магиноре.
Но

потом получили вот это. - Она подняла
расшифровку астронавического послания.

- Я
прочту вам, если позволите.

Елизавета аккуратно нацепила очки со
стёклами в форме полумесяцев. Они шли
ей, но я знал, что в своём тщеславии она
ненавидела их. То, что она решилась
надеть

их перед этими тужчинами, многое говорило о ситуации.

- Начинается оно так: «Грегор, друг мой.

Меня держат в курсе последних данных о намеченной вами жертве. Это помогает мне

коротать зимние вечера. Я согласен, что

Магинор является источником зла и, конечно, требует внимания Инквизиции. Но, если ты простишь меня, я советовал бы

оставить зачистку этого мира Оргосу Наяд. С

помощью тех указаний, что предоставил

Эмос, мне кое-что удалось установить.

Подробный отчёт о моих находках

прилагается в файлах, приложенных к этому

тексту, но если говорить коротко, то мне

кажется, что вам надо искать на Фарнессе

Бета. Видишь ли, увлечение Квиксосо пилонами Кагии навело меня на эту мысль.

Как можно увидеть ниже, мне удалось проследить за обширным заказом на каменные разработки в пограничном мире Серебос, расположенном на галактическом юге по отношению к Терре. Масонские гильдии Серебос известны скрытностью в том, что касается их контрактов. Они поставляют инертный и напоминающий обсидиан чёрный стеклообразный камень, именуемый серебритом. Этот красивый материал высоко ценится по всему Империи. Насколько можно установить, серебрит напоминает камень, из которого созданы пилоны на Кагии. Как я уже говорил, масонские гильдии держат в тайне

свои контракты, но практически невозможно

скрыть переправку на вместилищной барже

гильдии огромной копии одного из пилонов.

Три четверти километра в длину и одна четверть квадратного километра в основании! Квиксос заказал изготовление совершенных копий кадуанских пилонов и переправляет их к Фарнесс Бета».

Биквин остановилась и обвела взглядом собравшихся.

- «Если ты когда-либо доверял моим советам, прислушайся к ним и сейчас, - продолжала она. - Квиксос на Фарнесс. И если вы собираетесь остановить его, то там и

сможете его найти. За сим, верный друг и ученик Тидеон».

Гидеон. Гидеон Рейвенор. Даже в таком
немощем состоянии он смог выяснить
то, что полностью меняло весь план
нашего

нападения. Я стоял молча, чувствуя, как
подкатывают слезы.

- Есть и постскриптум, - сказала Биквин.

Вот что он пишет: «Наибольшей
проблемой

станут демонхосты. Знаю, что вы уже
подготовились, но посылаю вам это. По
одному на каждого из двадцати, которыми
ты

написал».

Биквин сняла очки и поднялась. Нейл внес
корзину и опустил её на стол. Внутри
лежали

двадцать свитков защиты от демонов,
каждый из которых был запечатан в

благословлённый футляр из зеленого
тратора, а рядом с ними - двадцать
освящённых золотых амулетов

Бога-Императора в качестве
дополнительной

реликвии. Это было столь типично для
Рейвенора - обращать внимание на
подобные мелочи. Нейл раздал каждому из
нас по тяжёлой трубке со свитком и по
амулету.

- Я убеждён, - сказал Риччи, поднимаясь
из-за стола и водружая амулет на шею
так, чтобы он свисал между губами
и печатями

чистоты его успеха.

- Я рад. Грютман?

- Я с вами, - ответил кадуанец.

- Тогда тошнота, - сказал я, поднимая бокал. -

За наш отряд пятерых. И за всех тех, кто

помог нам узнать все это.

Биквин, Эмос, Нейл, Фишиг и Уншабель
также отсалютовали своими бокалами.

- К Фарнесс Бета. И к концу Квиксоса.

Пятеро инквизиторов в прогудаемом
всеми ветрами затоне звякнули бокалами.

- Фарнесс Бета, - произнёс Риччи. -

Наполните мне. Где это?

- В горле Кагуанских Врат, - сказал

Грутман. - Прямо на краю Ока Ужаса.

Глава двадцать вторая

ФАРНЕСС БЕТА

ЧЕРУБАЭЛЬ И ПРОФАНИТИ

КВИКСОС

К тому времени, как мы добрались до

Фарнесс Бета, уже начинался 343.М41.

Кагуанский субсектор был разделён войной

на две части, и армии абсолютного

коштара

извергались из Ока Ужаса, огненным

воговором пылавшего в небесах

большинства сторожевых миров. Опухший
и

гневный, он сверкал яростнее, чем в любое

другое время на памяти живущих. Каждая

вспышка и импульс в его вихре открывали

новый варп-разрыв, из которого вылетала

очередная флотилия смерти. Та весна

получила название Неколебимое

Удержание

Кагуанских Врат и вошла в известные

каждому специалисту исторические
труды.

В первые месяцы 343.М41 кагуанцы

увидели величайшее за три сотни лет

вторжение Хаоса. Казалось, извечный

Враг

что-то знает.

«Уссин» доставил меня, нетерпеливого и жаждущего взяться за дело, к Фарнесс. В Улматериуме нас сопровождало ещё два судна: величественная башня крейсера Риччи и древний, похожий на динобразавренный военный корабль Вока. Эндор и Грүмман со своими свитами путешествовали вместе со мной на борту «Уссины», который давным-давно уже не перевозил такое количество людей.

Нас дожидалась оперативная группа Имперского флота, представленная эскадрой из десяти кораблей Военно-космического флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

флота Скаруса, отозванных для специальных манёвров под контролем дисциплинарного

отдела.

Эта специальная группа вышла к точке сбора на две недели раньше нас, и проведённые ею зондирование и разведывательные операции всесторонне подготовили для нас высадку.

- Мы получили подтверждение касательно дислокации Парии, - по вокс-каналу доложил

мне со своего судна Верховный Прокуратор Ольт Магортин.

«Пария» стала оперативным псевдонимом, установленным для Квиксоса.

- Или, по крайней мере, ты знаешь область его деятельности. Высылаю данные. Вам необходим участок «А».

Я обернулся, сидя в своём кресле на изящном мостике «Уссина», и Максилла

живнул одному из прекрасных сервиторов.

На вспомогательном экране моей консоли вспыхнула карта.

- Получено, - сказал я, снова

поворачиваясь к слегка размытому

изображению Магортина на главном экране

мостика.

- Это горное плато, расположенное у

северных пределов провинции Хенгев и

называемое Ферелл Сигор, что буквально

переводится как «Алтарь Солнца».

Местное

правительство объявило весь регион

священной территорией, потому что там

[повсюду натыканы толосы](#)^[23] Второй

Династии. Доступ туда предоставляется

исключительно Экклезиархии, членам

королевских семей Фарнесс и
санкционированным археологическим
экспедициям. Мы полагаем, что Пария
получил лицензию на проведение земляных
работ на ферелл Сигор приблизительно
шесть лет назад, по в виду
археологической
миссии Университета Авеллорна.
Местные
власти, как предполагается, должны
контролировать подобную деятельность,
но
они совершенно не знают, чем он там
занимается. Если вы посмотрите
подробную
карту...

- Да, получил её.

- ... то сможете увидеть протяжённость
этих работ. Пария выстроил рядом с этой

этой небольшой город.

- Котлован не маленький...

- Мы думаем, что именно там он

захоронил или установил подземный пylon.

Трудно получить чёткую картинку. Нам не

хотелось подходить слишком близко, чтобы

не всполошить его.

Я поднялся из своего кресла и взгляделся в огромное изображение лица Верховного Прокуратора.

- Вы готовы?

- Абсолютно. У вас есть копия моего

стратегического плана атаки. Можете

вносить любые поправки, какие пожелаете.

В этом не было никакой необходимости.

План Мадортина оказался экономичен и эффективен. Официально это было операцией дисциплинарного отдела, завершающей расследование по цепочке следов, ведущих от трацианского коштара.

Верховный Прокуратор Мадортин ради претворения этого плана в жизнь даже заключил договор с Колмогусом Воком. Но

на самом деле это был договор со мной.

Ольм стал единственным неинквизитором, которому я написал.

Мы договорились о кодовых позывных, согласовали командную вертикаль на время

операции и назначили час «ноль», пожелав друг другу удачи.

- Храни тебя Император, Грегор, - сказал он.

- Очень на это надеюсь, - ответил я.

На следующий день, за два часа до восхода солнца, пятьсот имперских гвардейцев из Пятидесят первого трацианского полка выдвинулись к Ферелл Сигор - участку «А».

от замаскированных в окружающих холмах

сборных пунктов, где их высадили с десантных кораблей днём ранее. Они

бесшумно продвигались тремя колоннами, первая из которых проверяла единственную дорогу, по которой к плато могла добраться

наземная техника. Когда все три колонны вышли на позицию, мы разбудили Ферелл Сигор.

Фрегаты «Жиков» и «Ярость Спатиана» в течение шести минут утюжили гору

бомбами, подняв такое огненное зарево,
что

казалось, будто солнце взошло слишком
рано. В его свете над участком «А»
прошло

тридцать бомбардировщиков класса
«Мародёр», сбросивших ещё тридцать
тысяч

килограммов взрывчатых веществ.

И снова ложный рассвет.

Несмотря на эту разрушительную
увертюру, когда восемь минут спустя
после

падения последней бомбы на плато вошли
наземные войска, им было оказано
яростное

сопротивление. Мадортин выразил
опасение, что большая часть сил Квиксоса
обитала под

землёй, прорыв туннели в горе, и поэтому

могла выдержать и более суровые
воздушные
налёты.

В пылающих руинах городка копателей
трацианские солдаты схлестнулись с
фанатичными и хорошо обученными
культистами. Большинство из них
носили

знаки отличия и цвета Мистического
Пути.

Многие были лутантами. По первой
оценке, нам противостояло не менее
восьми сотен

воинов противника. Магортин выслал
резервные войска оперативной группы - ещё
семьсот трацианских штурмовиков.

К тому времени мы уже развёртывали
вторую волну. Медея высадила меня,
Уншабеля, Эндора и двух боевых
сервиторов

в стороне от зоны боевых действий.

Неподалёку, поднимая пыль, приземлился бронированный челнок Риччи, доставивший

кроме него ещё и Коммодуса Вока с прикрытием из двадцати солдат

Инквизиции. Последним приземлился десантный корабль, предоставленный

Магортином для Грютмана, чью свиту составляли десять человек, каждый из которых некогда являлся касркином.

Когда мы встретились вперёд сквозь поднимающийся дым, а наши посадочные корабли скрылись в предзакатном небе, мы почувствовали толчки и осязаемое возмущение ментальных сил. Пугающе мощная ментальная волна прокатилась от

эпицентра участка «А», уничтожив, более

тридцати идущих впереди солдат, а
затем

внезапно стихла.

Мы все были готовы к тому, что Квиксос
может широко применять ментальную
защиту - в конце концов, он ведь собирал
псайкеров вроде Эзархагдона, - и казалось
вполне вероятным, что активные
ментальные нападения не только станут
ключевым элементом его сопротивления,
но

и даже более существенным, чем
демонхосты. Я не стал рисковать.

Разделившись на две группы,
неприкасаемые Дамочки, в целом порядка
пятидесяти женщин, двигались за первой
волной солдат. Одну группу вела Биквин,
охраняемая Нейлом и двенадцатью
воинами

из моего штата, а Тула Сурскова, под
защитой Фишига и группой дюжиной
солдат, -
вторую.

Даточек никогда прежде не задействовали
в таких операциях, но они действительно
оказались именно таким оружием, каким
я

всегда хотел его видеть. Создаваемая ими
ментальная пустота сдерживала и
сводила на

нет разрушительный шторм, надёжно
закупоривая его внутри участка «А» и
защищая наши наступающие войска.

Вместе с Уншабелем я спустился под
землю по высеченным в камне ступеням,
ведущим во внутренний сектор участка
«А».

Почти час мы метр за метром пробивали

себе путь через законченные наземные
постройки. Теперь, с восходом солнца, мы
обнаружили первую точку доступа к
подземным уровням: лестничный проем,
обнажившийся в результате
артподготовки.

Все вокруг было усыпано дымящимися
обломками, на полу лежало несколько
неопознаваемых тел. Кое-где с
покровов
свода свисали искрящиеся энергетические
кабели. Мы оба надели датчики
передвижения и теперь, поворачиваясь то
влево, то вправо, отстреливали
появляющихся культистов. В моем
болтере
уже заканчивались заряды, а Уншабель
вогнал в оружие предпоследнюю
энергетическую ячейку. Сила

сопротивления

еретиков была невероятной.

На пересечении, по-видимому, случайным образом перепутанных туннелей мы столкнулись с Эндором. С ним было несколько трацианских солдат и гвардеец Инквизиции, но он потерял обоих медлительных боевых сервиторов. То, о чём

он думал, легко читалось по его глазам. Мы

высадились большими силами, уверенные в себе, но, возможно, даже этого окажется недостаточно. Я думал, что предусмотрел

самые худшие варианты развития событий.

Но, судя по всему, я всё-таки недооценил Квиксосу.

Звук свирепой перестрелки привлекли наше внимание в более крупном зале слева от нас. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы

увидеть, как в нашу сторону бегут четверо

израненных, перепуганных трацианских солдат.

- Назад! Уходите! - кричали они.

Я протолкнулся вперёд.

Огромный зал наполовину скрывался в клубах дыма. Зелёный, неестественный огонь лизал стены. А в дальнем конце и без

того, гигантская пещера, казалось, открывалась во что-то куда более просторное.

Но не это привлекло моё внимание.

В окружении более чем пятидесяти

мёртвых тел, но большей части тел
имперских гвардейцев, Коммодус Вок
сошёлся с Профанити.

Старый инквизитор дрожал, его одежды
покрывались псионическим льдом.

Призрачный огонь сиял в его рту и глазах.

Демонхост, в чьих свирепых чертах едва
угадывалось искажённое лицо бедного,
потерянного нати Густаана, парил перед

Вокот, сражаясь с незримым барьером
ментального гнева.

Мы бросились вперёд, вызывая на себя

огонь культистов, неожиданно
выскочивших

из зала справа. Рядом со мной дёрнулся и
согнулся трацианский солдат, в которого
пришлось два попадания. Ругнулся раненый
Уншабель.

Эндор призывал оставшихся бойцов
присоединиться и вступил в бой с
культистами, стреляя из лазерного
пистолета
и размахивая ценным мечом.

Вок был близок к тому, чтобы сломаться.
Я

видел, что он уже грозил под
невероятным
давлением.

Я убрал болт-пистолет и стал
пробиваться

мимо тел и обломков на помощь
Котмогусу, молясь, чтобы мой рунный
посох годился для

того дела, для которого был предназначен.

И тут взрыв ослепительного белого света
и

огуряющего жара отбросил меня назад.

Я попытался встать, с трудом понимая,

что

меня выкинуло из пещеры сквозь фанерную перегородку в какой-то сырой погреб.

Невидимая сила подняла меня на ноги. Я купался в свете.

Передо мной парил Черубаэль.

- Грегор, - сказал он. - Итак, ты пришёл. Я знал, что ты сможешь.

Я поднял перед собой рунный посох.

Присланный Рейвенором свиток защиты от

демонов, заключённый в зеленую

лататорную трубку, после открытого

нападения Черубаэля превратился в пыль.

- Я слишком долго ждал этого мгновения, -

произнёс демонхост. - Помнишь, на Уичане

я говорил, что ты должен будешь кое-что

сделать для меня? Так вот, это время

пришло. Сейчас. Это и есть тот самый
момент, ради которого все затевалось.
Тот
самый, чей приход я предвидел с того
самого

дня, как наши пути пересеклись впервые.
Судьбы... наши судьбы переплетены,
помнишь?

- Как я мог забыть? - выплюнул я. - Ты
утверждаешь, что использовал меня все
это

время! Руководил мной! Даже защищал
меня! Я видел, как ты убил Лико на
Цичане!

Так, значит, я должен был оставаться в
живых ради этого мгновения? Почему?

Черубаэль улыбнулся:

- Будь ты пронизан варпом, как я, ты бы
видел время со всех углов. Ты узрел бы то,

что только будет и что уже грядёт, то,
что

кто-то, находящийся здесь и сейчас,
совершит через столетие или два или
что он

вершил тысячу лет тому назад. Ты
увидел бы

вероятности.

- Загадки! Ты никогда не говоришь прямо!

- Больше никаких загадок, Эйзенхорн. С

того момента, когда мы впервые

познакомились, я понимал, что ты

единственный - единственный, кто

достаточно упорен, умен и удачлив,
чтобы

подарить мне то, что я хочу. О чём
мечтаю

больше всего в жизни. Я знал, что, если

помогу тебе уцелеть, ты придёшь и дашь
мне

самую драгоценную вещь прямо здесь, на этой планете, в этот час.

- Я никогда не стану помогать демону!

Демонхост с пустыми глазами устехнулся и с совершенно серьезным видом добавил:

- Тогда уничтожь меня, если сможешь.

Он вздохнул. Я поднял рунный посох и направил свою Волю по псипроводящему жезлу к телеэмпатическому катню. Резной

фрагмент Плиты засверкал голубым светом.

Понтиус Гло знал кое-что о демонхостах.

Наибольшей слабостью тварей являлась сила

той Воли, что связывала их рабскими

цепями. Рунный посох, столь тщательно

подготовленный и сконструированный, так

кропотливо украшенный древними
символами контроля, служил рычагом,
чтобы разрушить эти цепи, увеличивая
мою

собственную мощь до нужного уровня.

На какое-то мгновение я почувствовал,
что такое быть альфа-плюс псайкером.

Сверкающее копье энергии, сорвавшейся с
магнетического камня, ударило Черубаэля
в

грудь.

Демонхост на секунду улыбнулся, а затем
его плотская оболочка разорвалась,
выплёскивая во все стороны бурное пламя

Хаоса. Я разрушил его оковы и загнал
обратно в варп.

И в тот миг, когда моё усиленное
сознание

покорило Черубаэля, я узнал про годы
рабства, проведённые им в руках Квиксоса,

почувствовал, какие муки он испытывал
от

этих пунт, и увидел великий, запретный
текст

Малус Кодициунт, чье колдовство Квиксос
использовал для создания демонхостов.

И я понял, что, в конце концов, дал
Черубаэлю именно то, о чем он мечтал.
Свободу.

Я выбрался обратно в главное помещение.

К тому времени Вок, удивительно долго
сопротивлявшийся Профанити, был уже
мёртв.

Я вспомнил слова, сказанные Вокун после
злodeяния на Трациане: «Я бы постарался
все

исправить. Не расслаблялся бы, пока все
негодяи не будут уничтожены, а порядок
восстановлен. А затем приложил бы все

усилия, чтобы выяснить, кто и что за
всем

этим стоит».

Теперь он мог упокоиться. Эта работа
была завершена.

Демонхост отбросила в сторону
опустевшую оболочку тела отважного
старика и скользнула к Эндору и
Уншабелю, которые, стоя на коленях, уже
извивались в

мучениях. Голубое платье срывалось с
кончиков пальцев Профанити, заключая
моих друзей в тугие, обжигающие
ментальные кандалы. Оба были для неё
всего

лишь лёгкой закуской.

Когда появился я, Профанити затерла,
инстинктивно учуяв, что от меня
исходит

более серьёзная угроза. Осколок Плиты

ещё

продолжал светиться голубым сиянием.

Демонхост устремилась ко мне по воздуху, обнажив зубы и раскинув руки, сверкающие

огнём, с завыванием выкрикивая моё имя.

Чем-то это напоминало столкновение со

сверхзвуковым истребителем, открывающим

огонь из всех орудий. Уж я-то знаю. Ведь, к несчастью, мне довелось испытать и такое.

Профанити ликующе закричала.

- В Каср Геш ты посоветовала мне в

следующий раз сделать своё оружие более

крепким, тварь! - провыл я, насаживая её на

стальное древко рунного посоха. - Это подойдёт?

Профанити закричала и взорвалась, сбивая меня с ног. Не думаю, что я изгнал её.

Похоже, что мне удалось навсегда стереть её сущность.

Рунный посох, чудесным образом оказался невредим и лежал среди пепла. Но уничтожение Профанити нагрело его до белого каления от основания до набалдашника, и мне было не поднять его. Я побегал к Тимусу Эндору и Уншабелю, бессильно распластавшись на полу.

Дознаватель был оглушён, но невредим. У Эндора на шее и на груди остались глубокие

раны от когтей демона. Тимус посмотрел на

меня мутными глазами.

- Ты справился с обоими, Грегор...

- Надеюсь, что других здесь нет,
ответил

я, пытаясь остановить его кровь.

При этом из кармана его плаща

выскользнула инсигния, и я наклонился,
чтобы подобрать её.

Символ Инквизиции украшал

декоративный герб Ордо Маллеус.

- Маллеус? - прошипел я.

- О нет...

- Когда ты перевёлся, Эндор? Бүдь ты
проклят, когда ты сменил Ордо?

- Они вынудили меня... - прохрипел он. -

Оста вынудил меня! Когда он задержал
меня

на Мессине... Проще говоря, что-то было
нечисто в деле, проведённом несколько
лет

назад. Он каким-то образом это узнал...

Оста сказал, что сожжёт меня, если я не помогу ему добраться до тебя.

- А что именно ты натворил?

- Ничего! Клянусь, Грегор, ничего! Но он заручился поддержкой Безье! Он может все

что угодно заставить выглядеть ересью! Я

перевёл свои документы в другой Оргос, чтобы избавиться от его преследований. Он

сказал, что меня вознаградят, повысят.

Сказал, что в Орго Маллеус у меня больше

перспектив.

- Но за это ты должен следить за мной?

- Я ничего ему не рассказывал! Никогда не продавал тебя. Я делал ровно столько, сколько было необходимо, чтобы успокоить Осту.

- Например, прибыл сюда. Неудивительно, что ты скрывал свою инсигнию. Он ведь хотел, чтобы ты уничтожил меня, верно?

Эндор молчал. Уншабель растерянно взирал на все это.

- Я... согласился на эту операцию в надежде, что все пройдет успешно. Орсини не питает никаких иллюзий касательно того, какую угрозу представляет Квиксос, и того, что именно это могло бы помочь уничтожить

его. Если ты все ещё будешь... жив, после всего этого, мне поручено арестовать тебя по

обвинениям, изложенным в карте. Или, если

ты окажешь сопротивление...

- Вытаскивай его на поверхность, -

спокойно приказал я Уншабелю. - Найдите ему санитаров. И не спускай с него глаз.

- Слушаюсь, сэр!

- Грегори! - прохрипел Эндор, когда

Уиншатель поднял его. - Богом-
Императором

клянусь, я не собирался...

- Вытащи его отсюда! - прорычал я.

Штурм плато длился уже три часа,
когда

Грегори, Риччи и я вышли к котловану.
В

окружающих его узких туннелях и залах

Ферелл Сигор силы Магормина
продолжали

вести тяжёлое сражение с воинами
отступника.

Риччи ослаб от полученного ножевого
ранения, а все его телохранители были

мертвы. У Грегори оставалось только
свое

касринов, вооружённых лазерными
винтовками.

Обширный котлован представлял собой
яму почти километровой глубины,
вырытую

под открытым небом. Серебитная копия
кагуанского пилона покоилась на его дне,
окружённая строительными лесами из
агатантия. С перекладин лесов на цепях
свисали сотни пыточных клеток. В
каждой из

них лежало заточенное и беспомощное
человеческое тело.

Это и был тщательно подобранный

Квиксосом арсенал преступных псайкеров,
тайно приобретённых по всему Умперу.

Должно быть, у него ушли десятилетия
на то, чтобы собрать такую коллекцию.
Можно

было не сомневаться, что среди них был

Эзархадгон.

- Что он делает? - спросил Риччи, и в его голосе прозвучал лёгкий страх.

- То, что мы должны остановить, - с прямой простотой, которую я оценил, ответил Грүлман.

В другом ответе никто из нас и не нуждался.

Мы не давали себе расслабиться с самого начала штурма и были разгорячены боем.

Но, несмотря на это, произошедшее застало

нас врасплох.

Ещё мгновение назад вокруг не было никого. А в следующий миг скрытое под мантией и броней нечто уже оказалось среди

нас, двигаясь настолько стремительно, что

выглядело просто размытым пятном.

Столь быстро. Агски быстро.

Тело Риччи тут же оказалось взрезано

вдоль всего хребта. Пока он все ещё

продолжал падать лицом вниз,
захлёбываясь

собственной кровью, один из касркинов был

разрублен в районе пояса, развалившись на

две половины, и судорожно стрелял из

винтовки. Второй касркин выгнулся, когда
из

его живота неожиданно вылез глинный
тёмный клинок.

Грутман оттолкнул меня в сторону и

трижды выстрелил из лазерного
пистолета

во вновь развернувшееся размытое пятно.

Вращаясь быстрее, чем мог уследить мой

взгляд, тёмный клинок отразил каждый

из

вылетевших выстрелов.

Голова Грутмана покинула его плечи.

Квиксос, архиеретик, отступник и

чужовищный радикал, развернулся ко мне

раньше, чем расчленённое тело Грутмана

начало оседать на землю.

Я мельком увидел глиняный демонический

меч, Кхарнагар. Он был широким, кривым,

покрытым отвратительными рунами и

беспорядочно расположенными

когтеобразными наростами.

Это всё, что я успел увидеть, когда

клинок

устрелился к моему лицу.

Глава двадцать третья

ЕРЕТИК

ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

В нескольких сантиметрах от моей головы

кроваво-красный клинок остановился, намертво заблокированный пылающей сталью Ожесточающей.

Время словно остановилось на один удар сердца. Мы стояли друг к другу лицом, наши

мечи сцепились. Пока клинки не столкнулись, благодаря своей скорости

Квиксос был только размытым фантомом.

Теперь он замер, взирая на меня наг скрестившимся оружием.

Броня отступника была изогранной, грязной и украшенной символикой варна.

Цинквизиторская инсигния на его правом наплечнике казалась неуместной. Внутри меня все возмало, когда я увидел её среди

всей этой скверны.

Его древнее лицо превратилось в кошмарное, знойное месиво. Из бровей выступали рудиментарные рога. Кожа стала

тёмной, как гранит. Хрипящие акустические кабели и имплантанты выпирали на его горле и под грязной повязкой на его голове. Сверкали налитые кровью глазные яблоки.

Но правде говоря, он оказался совсем нестрашным по сравнению с чудовищным образом, созданным моим сознанием. Но это

не касалось его сверхчеловеческой силы и скорости.

- Эйзенхорн, - услышал я.

Ментальное воздействие. Его

искривлённый рот оставался плотно сжатым.

Ожесточающая почувствовала, как он двигается, раньше, чем это успел понять я.

Она покачнулась в моих руках. За время, которое требуется на единственный вздох, мы обменялись серией из двадцати или даже

больше ударов. Когтистый клинок

Кхарнагара с глухим звоном отскакивал от

картайской стали. Пентаграммы

Ожесточающей полыхали высвобождаемой энергией. Кхарнагар тихо застонал.

- Еретик! Раб Хаоса! - Его грубый, словно надорванный ментальный голос эхом раскатывался в моей голове.

- Кто бы говорил! - ответил я.

Наши мечи продолжали лязгать друг о

друга, пытаюсь нащупать брешь, которой
не

находил ни один из них.

- Зачем тебе пытаться разрушить мою
работу здесь, если ты не порождение
варна?

- Твою работу? Это твоя работа?

Мы разбежались и затем сошлись снова,
наноса удары с такой стремительностью,
что

лязг клинков сливался в единый долгий
звон.

Я едва успел провести ульсар, чтобы
остановить один из его молниеносных
ударов сверху. Он заблокировал мой
ответный мах вайла и уру арав,
последовавший за ним.

- Это только тест, опытный образец. Как
только испытания завершатся, моя
работа

подойдет к финальному этапу!

- Вы вырыли яму в горе... для прототина?

Прототина чего?

- Пилон Каги и устиряют Варн! - выпалил

он. - Если увеличить их силу с помощью

псайкеров высокого класса, из них можно

сделать оружие. Оружие, которое будет

способно уничтожить Варн! Оружие,
которое

заставит закрыться Око Ужаса!

Безумец бредил. И я понятия не имел,
какие клочки правды или разумных

построений могут содержаться в его
словах.

Не было никакой возможности отличить
их

от сумасшедших фантазий. Единственное,
что я знал, так это то, что пилон,
заряженный мощной ментальной энергией,
может сотворить очень многое, но

побочные

эффекты окажутся катастрофическими.

Мог

погибнуть целый континент, если не планета.

И, полагаю, настоящим кошмаром было то, что Квиксос знал об этом. Я думаю, он

относился к этому как к приемлемой цене.

Так, например, он счёл бойню на Трациане необходимой платой за приобретение псайкера столь безупречного качества, как Эзархадгон. И сколько ещё мерзостей он совершил, чтобы заполучить остальных?

Как и сказал прямо перед своей смертью

Грутман, его необходимо было остановить.

Я посмотрел в лицо Квиксосу.

Вот к чему вёл радикализм. Я смотрел в
истинное лицо того, кто избрал этот
путь и

перешагнул черту. Вот она, ненужная
реальность того, что стояло за словами
Понтиуса Гло, богро прославлявшего Хаос.

Мы обрушивали друг на друга град ударов,
высекая снопы искр. От клинков

поднимались тонкие струйки пара. Я
попытался провести нижний удар, но

Квиксос подпрыгнул и ответил каскадом
режущих выпадов, заставляя меня
пятиться

по пыльной земле. Я боялся споткнуться.
Он

же становился вихрем.

Я увидел свой шанс. Ожесточающая тоже
поняла его. Лёгкий удар под его

возвращающийся клинок на микросекунду

открыл промежуток для сар ахт үхт -
режущего удара в область сердца.
Я встретился вперёд, вкладывая всю свою
Волю в саблю. Каким-то удивительным
образом Квиксос все же успел повернуть
Кхарназар и заблокировать вынаг.

Ожесточающая столкнулась с
демоническим мечом и сломалась
пополам.

Но то, что закончилось трагедией для
картайской сабли, даровало мне триумф.
Останься она цела, и блок остановил бы
удар, а схватка продолжилась бы.

Пройдя мимо меча Квиксосу, оставшаяся в
моей руке половина продолжала свой
полет

со всей вложенной в него силой до тех пор,
пока обломанный конец не пронзил его

плащ, доспех и аугментические

имплантанты, проникая в тело.

Эул цаер.

Практически такое же приложение силы потребовалось, чтобы преодолеть
втягивающую силу плоти и вырвать из
неё
клинок.

Квиксос ошеломлённо отступил назад. Его
заражённая кровь струёй била из раны, а
аугметика выходила из строя и
взрывалась.

Тогда он повалился в пыль котлована и
стал рассыпаться прахом. Наконец на
земле
не осталось ничего, кроме гнилых
аугметических устройств, пύстого
госнеха и
глинного плаща.

- Еретик! - визгливо прокричало его

сознание перед смертью.

Из его уст это прозвучало комплиментом.

Участок «А» был демонтирован и сожжён оперативной группой, а подземный пилон уничтожили продолжительным орбитальным огнём. Псайкеров Квиксосу и выживших прислужников взяли под арест и

переправили на Чёрные Корабли

Инквизиции, шесть из которых подошли уже

через несколько дней после того, как мы опубликовали новости о нашем достижении.

Большую часть пленников сочли слишком опасными для содержания даже под самой строгой охраной и по этой причине казнили.

Среди уничтоженных оказался и

Эзархаддон.

Из участка «А» вывезли сотни ценных текстов и редкостей, многие из которых были чудовищными и омерзительными.

Квиксос собрал там значительную коллекцию эзотерических материалов, и ещё

больше ожидалось обнаружить в его укреплениях на Магиноре. Будущая зачистка

покажет, так ли это.

Как отражено в рапорте, не было найдено ни единого следа Малус Кодициута, отворотительного гримтара, на котором базировалось могущество еретика.

К тому времени, как я возвратился вместе

со своими спутниками и помощниками на Гудрун, выпущенная против меня карта

была

отменена. Ни одно из построений Осты не
смогло устоять перед доказательствами,
полученными на Фарнесс, и

многочисленными показаниями,
собранными Инквизицией. Показаниями,
которые предоставили Верховный

Прокуратор Магортин, леди инквизитор
Нев, дознаватель Уншабель и, да хранит
его

Бог-Император, Титус Эндор.

Мне так и не принесли официальных
извинений ни Великий Магистр Орсини,
ни

Безье, ни, уж конечно, Оста. Карьера
последнего ни капельки не пострадала.

Двадцать лет спустя его избрали
Магистром

Ордо Маллеус Геликана, после того как
Безье

постигла внезапная, неожиданная смерть.

Останки Грүмтана, как и тела его касркинов, похоронили на одном из одиноких кладбищенских полей Кагуи, где они и будут лежать, пока позволяет Закон о

Возможности Прочтения. Уменем Риччи назвали библиотеку на его родной планете Тесперусе. Вока похоронили со всеми подобающими почестями в базилике, примыкающей к Великому Собору

Министорүта на Трациане Примарис. Упо

сей день на её стене можно увидеть небольшую медную мемориальную доску, прославляющую деяния, свершённые им за долгую и самоотверженную жизнь.

Мы так и не стали друзьями, но должен признать, что даже спустя годы после

того, как Котмогус покинул нас, я иногда
скучаю

по его язвительным выпадам.

Эпилог

БУМА, 345.M41

Его голос словно исходил от вечного

ледника - медленный, старый, холодный,
тяжёлый. Он спросил только одно:

- Почему?

- Потому что могу.

Какое-то время стояла тишина. Тысячи

свечей мерцали и слегка колебались,
бросая

грожащие отблески на каменные стены,
тщательно покрытые письменами.

- Зачем? Зачем... ты поступаешь... со мной
так отвратительно?

- Затем, что облагаю теперь нас тобой

такой же властью, какую ты имел надо

льной.

Ты использовал меня. Организовывал мою жизнь. Двигал меня туда, куда хотел, словно

я был фигуркой в резициде. Теперь все переменилось с точностью до наоборот. Он загрохотал кандалами, но был ещё слишком слаб.

- Будь ты проклят... - прошептал он, безвольно оседая на цепях.

- Пойми меня. Я ведь говорил, что никогда не стану помогать такому созданию, но ты

обманом заставил меня сделать это и практически успел безнаказанно убежать.

Вот поэтому я и поступаю так. Именно поэтому я потратил массу времени и усилий

на то, чтобы привлечь тебя, заманить в

ловушку и заточить. Это станет тебе уроком.

Я никогда не позволю, чтобы мои поступки

или моя жизнь приносили выгоду заклятому

Врагу. Ты говорил, что с самого начала знал, что именно я - тот, кто освободит тебя от

служения Квиксосу. Как жаль, что ты не смог

увидеть, что с тобой потом смогу сделать я.

- Будь ты проклят! - Голос прозвучал громче.

- Придёт время, демонхост Черубаэль, и ты ещё всей душой возжелаешь снова стать

игрушкой Квиксоса.

Черубаэль бросился на меня, пробежав

столько, сколько позволили натянувшиеся
цепи. Вопль, полный гнева и злобы, сотряс
камеру и загул все свечи.

Я запечатал герметичный люк, включил
варн-подавители и пустотный щит, а
потом
закрыл один за другим тринадцать
замков.

Где-то в глубине гота Джарат звонила к
обеду. Я до мозга костей устал от своих
упражнений, но еда, вино и хорошая
компания должны были привести меня в
чувство.

Я поднялся по винтовой лестнице из
глубокой подземной темницы, запер дверь
на кодовый замок и отправился в кабинет.
За

окном моего поместья на Гудрун падал
ранний снег. Лёгкие хлопья кружили в

сүтерках наг лесом и загонати,
опускались
на лужайки.

В кабинете я расставил принесённые
вещи

по местам. Поставил на полку бутылки с
елеем и убрал в шкатулку ритуальный
нож, зеркальце и латены. Имперский
атүлет

вернулся на свою бархатную подушечку в
ящике. Я снова загвинул футляры со
свитками обратно на стойку каталога.

Затем я повесил рунный посох на крючки
в освещённом алькове над стеклянным
контейнером, содержащим обломки
удовлетворённой Ожесточающей.

Наконец я открыл вакуумный сейф в полу
под письменным столом и аккуратно
положил туда Малус Кодициум.

Джарат снова позвонила в колокольчик.

Я запер сейф и отправился обедать.

Примечания

Umbra (лат.) - тъма.

Новена (лат.) - девятидневье.

Akroterion (зреч.) - постамент для статуи.

Magnus (лат.) - великий.

Анотропический (зреч.) - отвращающий
бегу.

Апофегмы (греч.) - краткие утверждения.

Імя камандыра Лукласа созвучно с
англійскім словам «неудачник» (luckless).

Twist (англ.) - искривлённый, искажённый.

Horreum (лат.) - житница.

Aleatorium (лат.) - узорный дом.

Senaculum (лат.) - место, где сенаторы принимают посетителей и доклады трибунов.

Костати - род известных итальянских художников мозаичных полов XIII века.

Балмакан - плащ свободного покроя.

Сабатоны - разновидность обуви,
защищающей ногу от ударов оружием.

Poivrade (фр.) - винно-перечный соус.

Погонин - туман, возникающий при влажности, близкой к 100%, и резком падении температуры ниже нуля, что приводит к образованию в воздухе кристаллов льда.

Бесажыю - круглые щитки на доспехах, закрывающие подмышечную область.

Бевор - фрагмент доспеха, закрывающий подбородок и часть шеи.

Протирон (от греч.) - преддверие.

Онеон - круглое отверстие в куполе, предназначенное для освещения.

Друза (от нем. druse - «щёлка») -
кристаллические наросты.

Puritus (nam. Puritas) - чучмoma.

Толосы - гробницы с круглыми куполами.

ФОН ЗА

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ

КРОНУ

К всеобщему ужасу и, я уверен, к своему

тоже, лорд Фрогре умер. Стояло сухое
летнее

утро 355.М41, и мы вместе с Елизаветой

Биквин завтракали на террасе

Спаэтон-Хауса, когда мне сообщили эту

новость. Небо являло собой синее пятно,
цвета саметерского фарфора, а вода
залива

вдали была светло-сиреневой, пронизанной
сверкающими серебряными прожилками.

Песчаные голуби выводили трели в

дремотной тени живых изгородей

поместья.

Джубал Кишер, мой несгибаемый и верный начальник службы безопасности, вышел в дневную жару из садового навильона и, учтиво извинившись за прерванный завтрак, вручил мне квадратик сложенной бутаги с сообщением.

- Проблемы? - спросила Биквин, отодвигая в сторону тарелку с крепсами из плойнов.
- Фрогре умер, - сказал я, изучая послание.
- Что еще за Фрогре?
- Лорд Фрогре из Дома Фрогре.
- Вы были знакомы?
- У очень хорошо. Я даже мог бы назвать его другом. Какая жалость. Всего восемьдесят два года. Это ведь еще не возраст.
- Он болел? - спросила Биквин.

- Нет. Эн фрозге был, если так можно
сказать, безумно крепок и здоров. Ни
единого кусочка аугметики. Ты
понимаешь, о чем я.

Последнее замечание я преднамеренно
подчеркнул. Мой образ жизни не слишком
хорошо сказался на моем теле. Меня
чинили, перестраивали, напичкивали
аугметикой и

сшивали по кускам большее количество
раз, чем я мог заполнить. Я стал ходячей

рекламой реконструктивной хирургии
имперской медицины. С другой стороны,
Елизавета по-прежнему выглядела

женщиной в самом расцвете сил и, надо
заметить, красивой женщиной. Ее
сохранял в

этом состоянии самый минимал
отлаживающей аугметики.

- Если верить изложенному здесь, он

скончался прошлой ночью у себя дома в результате сердечного приступа. Его семья

организовала соответствующее случаю расследование, но... - Я побарабанил пальцами по столу.

- Думаешь, его убили?

- Он был влиятельным человеком.

- У таких людей всегда есть враги.

- И друзья, - сказал я, протягивая ей послание. - Поэтому его вдова и попросила меня о помощи.

Ради нашей дружбы с Эном мне пришлось отложить все дела. Елизавета только-только

вернулась на Гудрун после полутора лет отсутствия и должна была снова улететь через неделю, поэтому я собирался провести

с ней как можно больше времени. Заботы о функционировании Дамочек занимали у нее

больше времени, чем мне того хотелось бы.

Но дело оказалось чересчур важным, а просьба леги Фрогре слишком отчаянной, чтобы отказываться.

- Я поеду с тобой, - предложила Биквин. -

Давно хотела совершить небольшую увеселительную прогулку.

Она приказала подготовить служебную машину, припаркованную в конюшнях, и мы отправились в путь менее чем через час.

Роль водителя выпала Фелиппу Габону, одному из сотрудников службы безопасности

Киршера. Загудев мотором, машина покинула Спаэтон-Хаус и направилась к

Менизеррү. Вскоре мы уже тчались наг
лесными трактами и зеленеющим
культивированным поясом, окружающим
Дорсай, оставляя позади Гостеприимный
Мыс.

В комфортабельной, с управляемым
климатом задней кабине служебной
машины

я рассказал Елизавете о Фрогре:

- Род Фрогре обитает на Гүдрүн со
времени первых колонистов. Их Дом - один
из так называемых Двадцати Шести
Достопочтенных Домов, изначальных
феодальных поместий, и как таковой
имеет

кресло в Высшей Легислатүре
планетарного

правительства. В наши дни другие, более
молодые Дома обладают большими

властью

и территориями, но им нечем быть авторитет

Достопочтенных Домов вроде Фрогре, Санграла, Мейссиана... И Гло.

Елизавета ехидно устехнулась, когда я присовокупил это последнее родовое имя.

- Итак... власть, земли, авторитет...

затанчивая приманка для конкурентов и врагов. Таковые у твоего друга имелись?

Я пожал плечами. При мне было несколько информационных планшетов, которые Псаллус нашел для нас в библиотеке. Они содержали геральдические книги, фамильные хроники, биографии и воспоминания. Но практически ничего, что

могло бы иметь отношение к делу.

- На заре колонизации Гудрун Дом Фрогре

соперничал с Домом Афинсэ и Брагиш,
но

теперь это, без преувеличений, древняя
история. Кроме того, Брагиш прекратил
свое

существование восемь столетий назад в
результате войны с Домом Нарити. В
сто

девяностых прагед Эна сценился с лордом
Сангралом и вдобавок с

лордом-губернатором Дюгре во время
основания нового полка, но это была
только

политика, хотя Дюгре его так и не
простил и

позднее нанес ему ощутимый удар,
назначив

на пост канцлера Риштейна. В последнее
время Дом Фрогре был очень спокойным,
последовательным и традиционным

членом

Легислатуры. Мне не известно про
какие-либо междоусобицы. На деле уже
семь

поколений не видели войны между Домати
на Гудрун.

- Значит, в наше время все они
замечательно ладят друг с другом? -
спросила Биквин.

- По большей части. Что мне нравится на
Гудрун, так то, что это чертовски
цивилизованное местечко.

- Это чертовски цивилизованное
местечко, - предостерегла она, - внушив
чувство глубокого и безмятежного покоя.
Однажды заставит забыть об
осторожности

настолько, что неприятности застанут
тебя

со спущенными штанами.

- В это трудно поверить. Если, конечно, ты

лично не собираешься наступить мне на
глотку... Гүдрүн - а в особенности

Спаэтон-Хаус - действительно безопасное
место. Убежище, предоставленное мне для
ведения работы.

- У, тем не менее, твой груз мертв, -
напомнила она.

Я откинулся в кресле.

- Он любил жить красиво. Дорогая еда,
роскошные вина. В плане выпивки он мог
даже Нейла заставить оказаться под
столом.

- Не может быть!

- Я не шучу. Пять лет тому назад Эн

выдавал свою дочь замуж. Меня
пригласили, и я взял с собой Гарлона в

качестве... не

полню уже, в качестве кого. Нейл тут же
принялся улаживать слух его светлости
своими байками из жизни охотников за
головами. В последний раз я видел их
вместе

в пять утра, когда они приканчивали
четвертую бутылку анисовой. Эн уже в
девять утра был на ногах, чтобы
проводить

свою дочь. А вот Нейл продолжал спать и
в

девять утра следующего дня.

Она усмехнулась:

- Стало быть, просто могли неожиданно
сказаться его неумные аппетиты?

- Возможно. Впрочем, как мне кажется,
это отразилось бы в отчете медика
мортис.

- Значит, ты все-таки подозреваешь
убийство?

- От этой гипотезы отказываться нельзя.

На несколько минут я погрузился в
молчание, пока Елизавета пролистывала
содержание нескольких планшето́в.

- Дом Фрогре живет по большей части за
счет финансовых операций. У них
двадцать

процентов акций в «Брейг и Ци» и
пятнадцать процентов прибыли

«Геликанских внутренних перевозок». Что
насчет торговых конкурентов?

- Тогда придется искать за пределами
планеты. Думаю, что заказное убийство
могло иметь место, хотя это и странный
способ разрешения подобных конфликтов.

Мне необходимо изучить их архивы. Если

всплывут какие-нибудь признаки тайной
торговой войны, тогда, может быть, это
окажется заказным убийством.

- Еще твой друг выступал против
Офигианской кампании.

- Так же, как и его отец. Ему не казалось
разумным бросать людей и все возможные
средства на отвоевание соседнего
субсектора, когда столь многое еще
необходимо сделать на родном фронте.

- Просто я беспокоюсь...

- Можешь, конечно, беспокоиться, но это
предположение мне кажется тупиковым.

Офигианская война давно закончена и
забыта, так что не думаю, что кого-то
все

еще волнует, что он там о ней думал.

- Хорошо, а у тебя есть свои гипотезы?

- Только самые явные. И ни одна из них не имеет достаточных обоснований. Эн мог стать жертвой междоусобной вражды внутри

семьи. Убийство могли вызвать тайные веления сердца. Какой-нибудь более темный

заговор, оставшийся до сих пор незамеченным. Или...

- Или?

- Или это действительно любовь к красивой жизни. В этом случае мы покажемся

дома еще до ночи.

Фрогре Холл, фатильный заток

благородного Дома Фрогре, являл собой

прекрасное и величественное строение из ослита, увитое плющом и покрытое медной

черепицей, возвышающееся над долиной
фьезз в десяти километрах от
Менизерра.

Заливные луга расходились от реки,
превращаясь в покрытые дикими цветами
поля, пробежавшие мимо рощ лиственниц
и

финтлей к краю великоленно

распланированных парков Дома; мы
видели

геометрические очертания живых
изгородей, подстриженные лужайки,
цветущие клумбы

и симметричные искусственные водоемы.
За

песчаной аллеей сзади к величественному
заткнута почти вплотную подступал густой
лес, если, конечно, не считать того места,
где

было заложено великоленное поле для

судеб. Мы с Эном провели на нем

немало

веселых дней. В километре к северу из
леса

выпирал искривленный каменный палец
искусственных руин.

- Где вас высадить, сэр? - спросил по
внутренней связи Габон.

- На аллее перед портиком, если это вас
не

затруднит.

- Что здесь произошло? - спросила

Елизавета, указывая пальцем, когда мы
стали

заходить на посадку.

Лужайки рядом с затком оказались

усыпаны мусором - обрывками бумажки и

блестящими кусочками фольги.

Отдельные

участки газона были прижатыми и

пожелтевшими, словно трава долгое
время

была чем-то придавлена и лишена света.

При посадке по корпусу машины

застучали крошечные камешки, поднятые
реактивным потоком.

- О, милый мой Грегор! - Леги Фрогре
просто рухнула в мои объятия.

Я прижал Фрейл к себе на несколько
мгновений, утешая, и она заплакала у
меня

на груди.

- Прости! - неожиданно сказала она,
отстраняясь и утирая глаза черным
кружевным платком. - Все это так
ужасно.

Так ужасно...

- Приношу свои глубочайшие

соболезнования, - произнес я, почувствовав

себя неловко.

В главный зал, где дожидалась леди Фрогре, нас проводил слуга, на рукаве которого была повязана черная лента. В помещении были опущены шторы и зажжены траурные свечи, наполнявшие воздух слабым светом и тяжелым ароматом.

Сама Фрейл Фрогре была ошеломительной

женщиной почти семидесяти лет от роду. Ее

пышные рыжие волосы, казавшиеся почти огненными, были зачесаны назад и убраны под вуаль из загато-черного скатискура.

Траурное платье леди Фрогре было скроено

из аспидно-черного эпиншира, с глинными

рукавами, заканчивавшимися изящно
вшитыми в них перчатками, чтобы ни
единого кусочка кожи не оказалось
обнаженным.

Я представил ей Елизавету, которая
пробормотала свои соболезнования, и леги
Фрогре кивнула. А затем Фрейл внезапно
засуетилась:

- Ой, да что же это я. Совсем забыла про
хорошие манеры. Сейчас распоряжусь,
чтобы

слуги принесли вам что-нибудь, чтобы
восстановить силы, и...

- Не беспокойтесь, леги, - сказал я, беря ее
под руку и проходя по глинному коридору к
мягкому полуотраку возле окна. - У вас и
так

забот хватает. Просто расскажите мне
все, что знаете, а я сделаю все остальное.

- Вы хороший человек, сэр. Я знала, что могу на вас рассчитывать. - Она помедлила, пытаясь справиться со своим горем. - Эн

умер прошлой ночью около полуночи.

Приступ. Врач сказал, что это была быстрая смерть.

- Что еще он сказал, леди?

Она вынула из рукава гата-стержень и протянула его мне:

- Все записано здесь.

Достав свой планшет, я воткнул в него это

устройство. На включившемся дисплее высветились файлы, хранящиеся на гата-стержне.

Смерть наступила в результате судорожных спазмов сердца и сознания.

Дисфункция духа. Согласно отчету медика, Эн Фрогре скончался от спазмов души.

- Это же... - я помедлил, - бессмыслица.

Кто ваш врач?

- Генорус Нотил из Менизерра. Он наш фамильный врач, начиная с дедушки Эна.

- Его отчет несколько... нестандартен, леди. Могу я осмотреть тело с целью более

подробной проверки?

- Я уже сама сделала это, - мягко сказала она. - Хирург из главного госпиталя

Менизерра сказал то же самое. Мой муж умер от страха.

- Страх?

- Да, инквизитор. Вы все еще хотите сказать, что inferнальные силы здесь ни

при чем?

Фрейл поведала мне, что в тот день
состоялся праздник. Великое торжество.
Ринтон, старший сын Эна, вернулся готовый
две недели назад, демобилизовавшись из
Имперской Гвардии. Ринтон Фрогре
шесть
лет отслужил в звании капитана в
Пятнадцатом Гудрунском полку, который
был отправлен в Офигуанский субсектор.
Его
отец настолько обрадовался возвращению
сына, что организовал торжество.
Пиршество
и карнавал. Со всей окрестности были собраны
бродячие музыканты, оркестры, акробаты,
армия лоточников, актеров и сотни
жителей
города. Этим и объяснялось появление

лүсора и вытоптаных участков на лүжайках.

На этих местах устанавливались палатки.

- У него были враги? - спросил я, теряя шагами затененный зал.

- Нет, насколько мне известно.

- Мне хотелось бы проверить его переписку. И дневники, если он их вел.

- Понимаю. Не гүтаю, что у него был дневник, но у нашего рүбрикатора вы сможете найти список корреспонденции.

На крышке клавиесина стоял портрет в рамке, гололитическое изображение улыбающегося лорда Фрогре. Я взял его и стал рассматривать.

- Это последний портрет, - сказала Фрейл.

- Сделали во время праздника. Последняя

ниточка, связывающая меня с ним.

- Где он умер?

- В руинах, - произнесла леди Фрогре. - Он умер в искусственных руинах.

В лесу было сыро и темно. Под послеполюденным ветром поскрипывали ветки, и во мраке разносились птичьи трели.

Руины представляли собой каменный барабан, увенчанный сланцевой излойд. Внутри он был пустым и ужасающе заплесневевшим. Под крышей порхали песчаные голуби. Пустые окна были затянуты паутиной.

- Здесь я его и нашел, - произнес голос у меня за спиной.

Я обернулся. Пригнувшись, Ринтон Фрогре

заглядывал в двери. Это был хорошо
сложенный талый двадцати пяти лет от
роду, с такими же, как у матери,
густыми

рыжими волосами. В его глазах таилось
загадочное, неясное выражение.

- Вы Ринтон.

- Да, сэр. - Он слегка поклонился.

- Он был уже мертв, когда вы его нашли?

- Нет, инквизитор. Он смеялся и болтал.

Ему нравилось приходить сюда. Он любил
руины. Я пришел поблагодарить его за
праздник, устроенный в мою честь. Мы
разговаривали, когда у него неожиданно
начались конвульсии. Всего через
несколько

минут он был уже мертв, а я даже не
успел

позвать на помощь.

Ринтон Фрогре был мне почти незнаком, но его послушной список внушал уважение, и

я знал, что отец им очень гордился. Эн никогда не упоминал о какой-либо

напряженности в своих отношениях с сыном, хотя, когда имеешь дело с благородным

Домом, всегда приходится предполагать конфликт на почве наследования. Ринтон был наедине со своим отцом в момент гибели лорда. При этом молодой человек являлся бывалым солдатом, без сомнения обученным убивать.

Я держал свое сознание открытым... в прямом смысле. Даже без активного ментального пробирования той

псионический уровень позволяет
управлять

поверхностные мысли. Сознание Ринтона
не

источало привкуса лжи, но я чувствовал
старательно сдерживаемое чувство
утраты и

звонящее чувство тревоги. «И
неудивительно, - подумалось мне. - Мало
кто

из граждан Империи не проявляет
беспокойства, когда его допрашивает
инквизитор священного ордоса».

Пока не было смысла давить на него.

Рассказ Ринтона легко можно было
проверить при помощи аутосеанса, во
время

которого психометрические техники

запросто покажут мне последние
мгновения

жизни его отца.

Ринтон проводил меня обратно к замку, где и оставил наедине с моими размышлениями в кабинете Эна. Как мне сказали, внутри все осталось так же, как было при жизни лорда.

Помещение было обшито панелями на треть высоты от пола, стены по большей части закрывали лакированные полки, уставленные дорого переплетенными книгами и информационными планшетами.

Разумно размещенные светосферы парили по углам комнаты на высоте человеческого

роста, переключенные на слабый свет. Набор

диванчиков с закругленными спинками и очень мягких кресел выстроился перед керамическим камином, где горели

поленья.

Под выходящими на запад окнами с ромбовидным остеклением располагался стол, выполненный в виде широкого полутесеца из полированного дюрсплава и парящий в метре над ковром на гондолах пассивных суспензоров. Стол был чистым и пустым.

Я сел за него, чуть ослабив гидравлику письменного стула - ростом я был на полголовы выше Эна Фрогре, - и стал взглядываться в зеркальную, кое-где поцарапанную поверхность. Не было никаких признаков контрольной панели, но плавный взмах моей руки над столом пробудил теплочувствительные пластины, встроенные в столешницу из дюрсплава. Я

коснулся нескольких из них, но они
отзывались только на прикосновения Эна -
возможно, чтобы они заработали,
требовалась правильная комбинация
рисунка лагони и генетического ключа.
Либо это, либо программное обеспечение
инквизиционного уровня. Я отстегнул
инсигнию, которую носил на груди своего
черного кожаного плаща, и сдвинул в
сторону крышку на сигнальном порту.
Нужно
опустив устройство к поверхности стола,
я
принудительно ввел в панель несколько
программ пурпурного уровня,
отключающих
системы безопасности. Сопротивление
было
сломлено практически моментально, у

меня

даже не запросили паролей.

В этот стильный стол - за подобную мебель Энэ наверняка пришлось выложить целую уйму денег - был встроен довольно мощный коммутатор, вокс-пункт связи, почтовый архив, два банка данных и центральный пульт управления простыми электронными системами замка.

Отдельные

страницы файлов и писем могли выводиться

в виде факсимиле на поверхности писчей доски, а одним прикосновением пальца их можно было перелистывать или убирать.

Эн

отказался от любых бумажных архивов.

Я немного поиграл с устройством, но самой интересной обнаруженной мной

вещью оказался список счетов, поступивших

за услуги, оказанные во время праздника, и список приглашенных. И то и другое я скопировал к себе на планшет.

За этим занятием меня и застали Елизавета с Габоном. До того Биквин опрашивала прислугу, а Фелипп отсутствовал, изучая окрестности.

- Здесь было более девяти сотен гостей, сэр, - сказал он, - и, может быть, еще сотен пять музыкантов, актеров и прочего карнавального люда.

- Откуда они прибыли?

- По большей части из Менизерра, - ответил он. - Местные актеры, несколько трубадуров и уличных акробатов с еженедельной текстильной ярмарки.

Крупнейшими группами были труппа

Каликина - это известные бродячие актеры -

и выездная ярмарка Сансабля - эти устраивают изгища, аттракционы и помогают организовать госуэг.

Я кивнул. Габон, как обычно, оказался обстоятелен. Это был низкорослый, худощавый мужчина в возрасте ста пятидесяти лет, с коротко подстриженными

черными волосами и кустистыми усами, отслуживший около семидесяти лет

арбитром в Дорсае, а затем уволившийся и

перешедший на службу ко мне. Фелипп

носил простой, лишенный всяких излишеств

темно-синий костюм, мастерски сшитый так, чтобы скрывать кобурү под мышкой.

- А что у тебя? - поинтересовался я у

Елизаветы. Она присела на один из
диванчиков.

- Ничего примечательного. Вся прислуга
пребывает в неподдельном шоке и печали
в

связи с этой смертью. И все с гневом
отбрасывают мысль о том, что у твоего
друга

могли быть какие бы то ни было враги.

- Мне же довольно очевидно, что таковые
имелись, - произнес я.

Елизавета сунула руку в складки своего
платья и выудила оттуда небольшой
твердый

предмет. Она бросила его на столешницу,
и

тот приземлился со щелчком. Затем из
него

выдвинулись четыре многосуставные лапки, на которых он и устретился к моей лапони.

Я перевернул вверх ногами подбежавший ко мне ядоискатель и нажал на рычажок, спрятанный в его брюшке. Над проектором, встроенным в головку устройства, возник шарик гололитической энергии, и я стал вчитываться в высветившиеся слова, осторожно поворачивая механизм вокруг оси.

- Следы лхо, обскүры и ряда других наркотиков второго и третьего классов в парковой зоне и комнатах прислуги. В конюшенном блоке обнаружались признаки семян пеншля. Снова лхо, а вместе с ним небольшие количества листерий и кишечных палочек на кухне... кхтл...

Елизавета пожала плечами.

- Типичная стесь увеселяющих

препаратов, которую и следовало ожидать.

Ничего из этого не обнаружено в больших количествах, да и кухня так же чиста, как

любая другая. Ты получишь точно такие же

показания и в Спаэтон-Хаус.

- Возможно. Но вот семена пенишля довольно необычны.

- Очень мягкий стимулятор, - сказал

Габон. - Не знал, что кто-то его еще употребляет. Были времена, когда они были

излюбленным зельем квартала художников в

Дорсае. Тогда я еще был арбитром. Семена

сушатся, а затем закатываются в

напирасы и

курятся. Несколько богемное, старомодное
куриво.

- Большая часть следов, найденных на
улице, приведет нас к приглашенным
артистам, - задумался я, - и к прислуге,
наслаждавшейся выпавшим свободным
временем, и не слишком благочестивым
гостям. Но что насчет конюшенного
блока?

Неужели кто-то из конюхов Фрогре курит
пеншель?

Елизавета покачала головой.

- Они освободили много помещений в
конюшенном блоке, чтобы у ярмарочных
торговцев хватало места.

Я опустил устройство обратно на стол, и
агдоискатель закачался, восстанавливая

равновесие.

- Значит, по факту не найдено ничего предосудительного. И конечно же, никаких серьезных ядов.

- Вообще никаких, - произнесла Елизавета.

Проклятье. Учитывая описание смерти

Эна, я был почти уверен, что причиной тому

стал яд. Какой-нибудь изощренный токсин, использующийся профессиональными

убийцами и оставшийся незамеченным при

первичном медицинском обследовании. Но

исследователь Биквин был надежным и

высококласным устройством.

- Что будем делать? - спросила она.

Я протянул ей свой информационный планшет.

- Отправь его содержимое Эмосу по

прямоту вокс-включению. Посмотрим, к
каким выводам сможет прийти Убер.
Убер Эмос был моим старинным и верным
научным помощником. Если кто и мог
разглядеть причины и провести связи,
так
это он.

Начало стеркаться. В одиночестве я
вышел наружу, чувствуя раздражение и
беспомощность. Настроение было
отвратительным. Я прибыл сюда, чтобы
сделать одолжение вдове своего друга и
предложить ей свои услуги, но дело
оказалось мне явно не по зубам. Я был
имперским инквизитором, а с этой
задачей

вполне должны были справиться местные
арбитры. Предполагалось, что я разрешу
все

вопросы в течение всего нескольких часов, уладив проблемы за счет быстрого и неофициального расследования, и удалюсь, вознагражденный благодарностью семьи, избавленной от продолжительного и изматывающего дознания.

Но концы с концами не сходились. Мотива преступления не было, как не было и явного

врага, агрессора, хотя по-прежнему казалось

наиболее вероятным, что Эн Фрогре был убит. Я снова заглянул в медицинский отчет, надеясь найти там что-нибудь, что могло бы

указывать на естественные причины смерти.

Но нет. Кто-то или что-то забрало жизнь моего друга, а я не мог сказать - что, кто или почему.

Вечернее небо было мрачным,
темно-лиловым и покрытым мазками
бегущих молочно-белых облаков. В высоте
сверкала молодая луна, примерно раз в
минуту скрываясь за этими тчащимися
пятнами. Поднимался ветер, и деревья
рядом с лужайкой начинали
раскачиваться и
поскрипывать. Их листья издавали
неприветливое шуршание, напоминающее
шелест дождя.

Я догулял до своего флаера, открыл
багажное отделение и вынул оттуда
Ожесточающую, мягко освободив ее от
шелковой обмотки и вынув глинное,
терцающее лезвие из резных ножен.

Когда-то Ожесточающая была
фатильным, обладающим ментальной
настройкой

оружием, вышедшим из кузниц далекого
Картая и подчинявшимся многочисленным
поколениям владевших им
женщин-воительниц. Усилив эту глинную
саблю пентаграмматическими знаками, я
воспользовался ею в сражении с еретиком
Квиксосом, во время которого у нее
откололся кончик. Опытные кузнецы
восстановили саблю из оставшейся
основной
части, создав более короткий и прямой
клинок за счет того, что скруглили и
заточили место скола, и укоротили
рукоять.
Сделавшись значительно короче, она
стала
казаться скорее эспадроном, нежели
полторной саблей, но оставалась
могущественным оружием.

Обнаженная и лежащая в моей руке,
Ожесточающая загудела, когда мое
сознание

наполнило ее и заставило резонировать.

Знаки, высеченные на клинке, засветились
и

выпустили слабые усики дыма. Я пошел по
траве под шутащими деревьями,
удерживая

клинок перед собой подобно тому, как

держат ивовую лозу, когда ищут воду, и
стал

обходить места событий, позволяя
кончику

оружия скользить вдоль невидимых углов

пространства. Дважды за время моего

блуждания по лужайкам сабля дергалась,
точно схваченная невидимыми руками,
хотя

ничего, что заставило бы ее сделать это,
я

вокруг не видел.

Но там кое-что было. Первое указание на источник опасности. Первое указание на то, что это не простое убийство, и на то, что

леди Фрогре, возможно, была права.

След остался очень незначительный, но здесь явно поработали инфернальные силы.

Елизавета пришла ко мне в комнату на следующий день в восемь утра. Она разбудила меня, сев на край кровати, и протянула кружку горячего черного кофеина.

Биквин была уже одета и готова к работе.

День выдался ясным. Я мог слышать, как оживает дом: на кухне загрохотали кастрюли, а в соседнем коридоре старший дворянский покрикивал на своих

помощников.

- Ночью была сильная гроза, - сказала
Елизавета. - Несколько деревьев повалило.
- Неужели? - проворчал я, садясь в постели
и потягивая сладкий темный кофеин.
А потом посмотрел на нее. Биквин не
свойственно было выглядеть настолько
жизнерадостной в такую рань.
- Выкладывай, - сказал я.

Она протянула мне информационный
планшет.

- Эмос расстарался. Должно быть,
работал
всю ночь.

- Несмотря на грозу?

- До него она не дошла. Гроза была
локальной.

Этот ее ответ я практически не

расслышал, настолько меня увлекло
содержимое
планшета.

Не добившись ничего перекрестным
сравнением всех отправленных мной
подробностей, Эмос явно заскучал. Список
гостей не привел ни к чему: не обнаружил
никаких взаимосвязей, никаких
соприкосновений с подпольной
деятельностью или культовой
активностью, никаких преступлений или
презрешений, за
исключением самых обыденных безобидных
и незначительных правонарушений. Один
из
бродячих актеров был замечен в
нарушении
общественного спокойствия несколько лет
назад, а другой был осужден за нанесение

тяжких телесных повреждений, но не более того.

Единственное, что могло навести на какие

бы то ни было мысли, так это само описание

смерти Эна Фрогре. К этой неясной зацепке и

обратился Эмос, когда ему пришлось отбросить все остальные.

За последние двадцать месяцев на Гүдрүн в регионе Дрүннера, куда входила прибрежная территория, охватывающая Менизерр, Дорсай и Гостеприимный Мыс вплоть до храмового города Магүи, от такого

же загадочного недуга скончалось уже одиннадцать человек. Только столь

тщательный, целенаправленный поиск, какой провел Эмос, мог выявить это, учитывая обширность охваченного

пространства и численность населения. Но

когда все случаи были перечислены в одном ряду...

С этого момента Эмос перехватил инициативу. Другой клерк отправил бытне

свои находки и стал ждать указаний, однако

Убер, жаждущий самостоятельно найти ответы, пошел дальше, пытаясь найти систему в происходящем. Задача оказалась

непростой. Жертвы ничто не связывало ни на географическом, ни на демографическом

уровнях. Домохозяйка там, мельник здесь, землевладелец из одной небольшой деревушки, общинный врач из другой, расположенной в семидесяти километрах от первой.

Во всех случаях общим была только жестокая и необъяснимая природа их внезапной гибели: припадок, быстротечность, летальный исход.

Я отставил кружку и стал листать дальше, понимая, что Елизавета устывает, поглядывая на меня.

- Переходи сразу к заключению, - посоветовала она. - Это снова наносит удар.

В самом конце Убер обнаружил еще одну взаимосвязь. За день или два до каждой смерти в местность, где проживала жертва, приезжала выездная ярмарка

Сансабля.

Леди Фрогре была очень встревожена, увидев, что мы собираемся уезжать.

- Но ведь вопросы до сих пор... - начала она.

- И я отправляюсь искать на них ответы, - сказал я. - Доверьтесь мне. Кажется, моему

научному сотруднику удалось на что-то выйти.

Она кивнула с несчастным видом. Ринтон шагнул вперед и обнял мать одной рукой за плечи.

- Доверьтесь мне, - повторил я и пошел по аллее к ожидающему меня флаеру.

По пути я услышал рев цепных клинков и свернул в сторону, направившись в обход затка. Одно из деревьев, повалившихся во

Время подозрительной ночной грозы,
обрушило часть конюшенного блока, и
теперь слуги пытались распилить
огромный

ствол и очистить его от ветвей.

- Это здесь ты обнаружила следы селян
пеншля? - спросил я у Елизаветы, которая
подошла узнать, что привлекло мое
внимание.

- Да, - ответила она.

- Принеси мой меч.

Я приказал слугам приостановить работу
и

зашел в развалины конюшен, перебираясь

через груды грубых опилок.

Распростертые

ветви увитого плющом дерева все еще

выгнулись в разломах крыши.

Елизавета принесла мне Ожесточающую,

и

я поспешно выхватил ее из ножен. Как раз
к

этому времени леги Фрогре и Ринтон
Фрогре

подошли узнать, чем мы заняты.

Ожесточающая загудела в моей руке

громче и нагрывнее, чем прошлой ночью. А

как только я вошел в тот блок, на
который

павалилось дерево, меч задержался в моих

руках. Здесь побывал Хаос.

- Как использовалось это помещение? -

спросил я. - Для чего его использовали во
время торжества?

- Хранилище, - сказала леги Фрогре. -

Люди с выездной ярмарки пожелали
держать

свое оборудование и личные вещи в

стороне

от посторонних глаз. Думаю, что и еду тоже.

У одного из них было несколько подносов с фигами, которые ему не хотелось держать на свету.

- А еще среди них был гололитограф, - произнес Ринтон. - Он использовал одно из стойл в качестве камеры-обскуры.

Итак, как найти бродячую ярмарку на таком обширном пространстве, как регион

Друннера? Если у вас есть копия самого последнего выписанного ими счета, все просто. Директор ярмарки, рассчитывая получить оплату за услуги, оказанные в Фрогре Холл, оставил в качестве адреса координаты постоянного двора в

восьмидесяти километрах, в Суабраге. В
счете указывалось, что Эна просили
выслать

деньги в течение пяти дней. Ярмарки
постоянно перемещаются с места на
место, и

бродячий люд не слишком верит в
кредитные счета.

В Суабраге мы установили
местоположение ярмарки Сансабля.

Они разбили лагерь на лугу за пределами
деревни Брагмартен, крошечной сельской
общины пастухов и ткачей, к которой с
востока подступали холмы, поросшие
густым

лиственным лесом, а с запада —
болотистые, истоптанные стадами поля,
спускающиеся к
разлившейся реке.

Жаркий, угрюмый день заканчивался, и в атмосфере повисло тяжелое предгрозовое напряжение. Небо над нашими головами затягивали тучи, но злаки на деревенских полях золотились каким-то своим внутренним светом, а слабый ветерок колыхал их тяжелые гривы. Укрывшись в траве, кричали коростели, а по границам полей летались маленькие певчие птицы ярко-синего окраса.

Габон посадил наш лимузин на дорожке позади деревенской кирки - невзрачного храма, выполненного в низком готическом стиле и требующего капитального ремонта.

Посреди непомерно разросшегося кладбища возвышалась величественная статуя

Императора Пречистого, которую
облюбовали лесные голуби. Я пристегнул
печ

и прикрыл его глинным кожаным плащом.

Габон запер машину.

- Держись рядом со мной, - сказал я

Елизавете, а затем обернулся к Фелиппу.

Прикрывай нас.

- Да, сэр.

Зашагав по дорожке, мы направились в
сторону ярмарки.

Даже на расстоянии был слышен ее шум и
ощущалось воодушевление людей.

Прибытие

ярмарки привело в движение всех

обитателей Брагмартена и окрестных
поселков. Музыка, хлопки и треск

фейерверков, смех людей и громыхание

аттракционов, звон конкурсных
колокольчиков и детские крики, пьяные
скандалы и шипение пневматических
поршней. Из шатра таверны доносился
запах
подогретого эля.

Ворота, ведущие из деревни на луг,
превратились во вход на ярмарку,
украшенный пестрой, от руки
нарисованной
вывеской, объявляющей, что Чудесная
Ярмарка Всех Ярмарок Сансабля
открыта.

Белоглазый твист в воротах взял с нас
плату
за вход.

Уже внутри, на лугу, нас приветствовало
еще большее количество ярких и
вульгарных
вывесок. Здесь был ринг, озаряемый

газовыми лампами. Узра в подковы.

Узаящая прямоугольная палатка
ясновидца.

Вращающийся диск карусели, с которого
неслись пронзительные детские визги.

Крики зазывалы, приглашающего на шоу
уродов. Запах горелого сахара, исходящий
от

лотков сладкой ваты. Лязг аппаратов,
предлагающих испытать свою силу.

За пенни здесь можно было прокатиться
на плечах «боевого титана», роль
которого

исполнял аграрный сервитор, на который
надели броню из кусков стального
силового

контейнера. Еще за пенни можно было
пострелять в зеленокожих в лазерной
галерее, или потрогать Настоящую И Без

Сомнения Подлинную берцовую кость
Махариуса, или понырать за плойнати. За
два пенса можно было заглянуть в Око
Ужаса, а вашу отвагу в это время оценил
бы
заикающийся мужчина, скрывающийся под
балахоном и утверждающий, что когда-то
был костическим десантником. В роли
Ока
Ужаса выступала выкопанная в земле яма,
которую наполнили химическими
латнати и
фильтрати из цветного стекла.
Неподалеку за небольшую плату можно
было поглазеть, как натертый маслом
человек будет высвобождаться из цепей,
или
горящего мешка, или бочки, наполненной
битым стеклом, или из колодок.

- Одун пенс, сэр, всего одун пенс! -

провыл бредущий мимо нас на костылях
мужчина с раскрашенным лицом. - Только
для юной леги!

Я предпочел не спрашивать, что же у него
можно было приобрести за одун пенс.

- Хочу сходить на шоу урогов, - сказала
мне Елизавета.

- Побереги свои геньги... они тут повсюду,
- прорычал я.

Мы принялись проталкиваться дальше.

Над полем, в направлении
приближающегося

грозового фронта, проплывали

разноцветные шары. В траве истошно

стрекотали сверчки. Нас окружали

пьяные, раскрашенные гримом лица, то

демонстрирующие нехватку зубов, то

сверкающие аугметическими глазами.

- Сюда, - прошептал я Елизавете.

Позади жаровни, за которой женщина

продавала конические свертки с

засахаренными орешками, и большой

тележки с клетками, полными певчих

птиц, виднелся киоск, обтянутый тяжелой

красной

тканью и притыкающий к ярко

раскрашенному трейлеру. Рядом с ним, на

оплетенных полосами цветной ткани

жердях

была прикреплена деревянная табличка,

гласившая: «Гололиты! Точно живые!

Максимальное сходство!» А чуть ниже

меньшее по размерам объявление: «Лучший

подарок или сувенир на память - снимок,

созданный волшебным мастерством

профессионального гололитозафа». Перед

киоском на раскладном стуле сидел
хрупкий

старик с клочковатыми белыми волосами
и

небольшими очками. Он ел пирожок с
мясом, такой горячий, что ему постоянно
приходилось на него дуть.

- Может быть, тебе стоит привлечь его
внимание? - предложил я.

Елизавета покинула меня, протолкалась
через шумную толпу и подошла к киоску.

Перед лотком был вертикально
установлен

фанерный лист, на котором хозяин
вывесил

многочисленные образцы гололитических
снимков: миниатюры, пейзажи, семейные

портреты. Елизавета стала
рассматривать их, притворяясь
заинтересованной. Старик

немедленно соскочил со стула, спрятал
недоеденный пирожок за стену и отряхнул
крошки со своего балахона. Я начал
обходить

вокруг, стараясь оставаться в толпе и
наблюдать. Потом я приостановился,
делая

вид, что разглядываю птиц в клетках,
хотя на

самом деле смотрел мимо них на киоск.

Старик вежливо приблизился к Биквин.

- Добрый день, мадам! Как погляжу, ваше
внимание привлекли образцы моих работ.

Скажите, разве композиции снимков и
оформление рамок не великолепны?

- Они потрясающи, - произнесла она.

- У вас хороший глаз, мадам, - сказал он, -
как правило, работы гололитографов,
работающих на ярмарках, не отвечают

необходимым стандартом. Композиция
обычно невыразительная, да и качество
пластины со временем ухудшается. Но все
не

так, когда за дело берется ваш покорный
слуга. Я занимаюсь изготовлением и
продажей портретов уже тридцать лет
и, полагаю, накопил кое-какой опыт. Вот,
взгляните этот снимок? Побережье озера в
Энтриве.

- Приятная работа.

- Вы очень добры, мадам. Раскрашен он
вручную, как и большинство моих
гололитов.

Тем не менее, снимок этот сделан
летом...

триста двадцать девятого года, если мне
не

изменяет память. Как можете обратить
внимание, нет потускнения, нет потери

четкости или цвета.

- Он хорошо сохранился.

- Так и есть,- радостно согласился старик.-

Мной запатентованы собственные технологии, и к тому же я вручную смешиваю химические составы для снимков

в своей секретной, прилегающей к киоску студии. - Он показал на трейлер. - Так я и добиваюсь необходимого качества и великолепной точности гололитов, а еще копирую их так, что невозможно найти разницу между оригиналом и дубликатом.

На этом и держится моя репутация. Уля Бакунин повсеместно ассоциируется с качественными портретами.

- Очень впечатляет, мастер Бакунин, -

ұлыбнуласы Елизавета. - У сколько стоят
ваши ұслұгы?

- Ага! - ұстехнулы он. - Так и знал, что
смогу вас заинтересовать. У могу сказать,
что было бы преступлением не
запечатлеть

подобную красоту! Мои расценки вполне
ұтеренны.

Я снова двинулся в обход киоска, и вскоре
гололитограф и Елизавета оказались
скрыты

от меня навесом. Но по-прежнему было
слышно, как он продолжает ее
забалтывать.

Еще больше самоуверенных лозунгов и
объявлений красовалось на боку трейлера.
Огромный плакат гласил: «Портреты - 2
кроны. Групповые сцены - 3 кроны.

Позолоченные миниатюры - всего

полкроны.

Также за дополнительную крону вы можете

приобрести превосходные, прославленные фоновые слои».

Я обошел трейлер с другой стороны. Он был припаркован на самом краю

артистического круга, рядом с рощей финтлей

и тиса, отгораживавшей луг от пастбищ, начинающихся за рвом. Здесь было влажно и

сыро, а в кустарнике шуршали мелкие

животные. Я попытался заглянуть в одно из

небольших окон, но оно оказалось

занавешенным. Прикоснувшись к борту

трейлера, я почувствовал, как Ожесточающая

дернулась у меня на бедре. В дальнем

конце

машины выднелась дверь, но она была
заперта.

- Что вы здесь делаете? - прорычал чей-то
голос.

Трое крепко сложенных охранников
ярмарки приближались от киоска вдоль
рощи. Они вышли на перерыв, чтобы
покурить лху за трейлером.

- Вас это не касается, - заверил их я.

- Лучше бы вам оставить в покое трейлер
мастера Бакунина, - сказал один из них.

У всех троих было борцовское

телосложение, а обнаженные руки

покрывали грубые татуировки. Времени
на

разговоры у меня не было.

- Уходите немедленно, - сказал я, наполняя

свой голос Волей.

Они заторгали, не слишком понимая, что происходит с ними, а затем просто развернулись и ушли, словно меня и не было.

Вновь направив все свое внимание на дверь, я быстро взломал ее замок при помощи туптиключа. К моему удивлению, тонкая деревянная дверь все равно

отказалась открываться. Вначале мне даже

показалось, что ее изнутри удерживает задвижка, но когда я навалился посильнее, дверь немого поддалась - в самый раз, чтобы понять, что ничто физическое ее не

удерживает. А затем она снова закрылась, словно на нее давила некая огро́тная сила.

Мой пульс участился. В воздухе

ощущалось гнетущее присутствие чарварна, и Ожесточающая завибрировала в своих

ножнах. Пришло время задействовать мой план.

Я вернулся к киоску, но там уже не было ни Елизаветы, ни старика. Пригнувшись, я скользнул за входной полог. Еще один, внутренний занавес из черной ткани препятствовал проникновению внешнего света.

Я отпихнул его в сторону.

- Сейчас займусь и вами, сэр, - прокричал

Бакунин. - Всего одну минутку.

- Я не клиент, - оглядываясь вокруг, произнес я.

Помещение было небольшим и залито зеленоватым свечением газонакалильных сеток, получавших энергию, насколько

можно было предположить, от
источников

питания трейлера. Елизавета сидела в
противоположном конце комнаты на
стуле с

гощатой спинкой, а позади нее висела
занавесь кретового цвета. Перед Биквин

стоял Бакунин, аккуратно
подстраивающий

гололитическую камеру - машину,
облицованную латунью и тиком,

установленную на деревянном
треножнике.

Старик с удивлением оглянулся на меня, в
то

время как его руки продолжали
протираť

вставленные в латунь линзы. Елизавета
поднялась со своего стула.

- Грегор? - спросила она.

- Сэр, эта благочестивая леди собирается только сделать свой портрет. Все очень цивилизованно. - Бакунин посмотрел на меня, не понимая, что со мной делать. Затем

он улыбнулся и протянул руку. - Меня зовут

Бакунин. Я художник и гомограф.

- А я - Эйзенхорн, имперский инквизитор.

- Ой, - сказал он и сделал шаг назад. - Я...

я...

- Вам интересно, чем вы обязаны визиту слуги ордов, - закончил за него я.

Сознание Бакунина было словно открытая книга. Мне сразу же стало понятно, что он не

испытывает чувства вины ни за что, кроме

банального ярмарочного надувательства.

Но, чем бы он там ни занимался, Бакунин
не был

еретиком.

- Это вы на днях делали портрет лорда
Фрогре во время праздника, проходившего
на его землях? - произнес я, вспомнив об
изображении, стоявшем на клавесине в
затке.

- Да, я, - ответил он. - Его светлость были
довольны. Я ничего не взял за работу. Это
был подарок в благодарность за радушие
его

светлости. Впрочем, я еще подумал
тогда, что, если его благородные друзья
увидят мою

работу, они могут пожелать сделать
портрет

и для себя, а я...

«Он не знает, - подумал я. - Он понятия не

имеет, что происходит. Он пытается
сейчас

понять, чем для него обернется это
расследование».

- Лорд Фрогре умер, - сказал я.

- Нет, это... это... - Он поблел.

- Мастер Бакунин... известны ли вам
другие случаи того, чтобы ваши клиенты
погибали? Вскоре после того, как вы
выполнили работу?

- Нет, сэр. Я уверен. Что вы
подразумеваете, сэр?

- У меня есть список имен, - произнес я,
отстегивая планшет. - Храните ли вы
записи

о проделанной работе?

- Я все сохраняю, все проявленные
пластины, на случай, если понадобятся
копии или восстановление. У меня

остались

полные каталоги всех сделанных снимков.

- Узнаете ли вы эти имена? - Я

продемонстрировал ему планшет.

Руки у него затряслись, когда он

проговорил:

- Я должен проверить их по каталогу.

Но мне было ясно, что некоторые из них

он узнал сразу же.

- Предлагаю заняться этим вместе, -

сказал я.

Елизавета проследовала за нами в

трейлер. Внутреннее пространство было

темным и заткнутым, и Бакунин

постоянно

перед нами извинялся. Каждый клочок

свободной поверхности, даже на

неопрятной

койке хозяина, покрывали запасные детали
и

частично разобранные камеры. Здесь
стояла

затхлая, хитическая вонь, смешанная с
запахом семян пениля. Курительная
трубка

Бакунина лежала в небольшой чашке.

Гололитогграф залез в коробку, стоящую
под

койкой, и извлек оттуда несколько
учетных

книг, у которых были загнуты уголки
страниц.

- Давайте посмотрим, - сказал он.

В конце его маленькой комнаты я увидел
дверь.

- Куда она ведет?

- К камере-обскуре и стойкам

проявленных пластин.

- Там есть дверь, выходящая наружу?

- Да, - ответил он.

- Она заперта?

- Нет...

- Может быть, у вас есть ассистент, которому вы приказали держать дверь закрытой?

- У меня нет ассистента... - озадаченно произнес он.

- Откройте эту дверь, - приказал ему я.

Бакунин отложил книги и подошел к двери. По его движениям сразу можно было сказать: он ожидал, что та откроется легко.

- Не понимаю, - произнес он. - Ее никогда раньше не заклинивало.

- Отойдите в сторону, - сказал я, извлекая

Ожесточающую.

Обнаженный клинок наполнил небольшой трейлер запахом озона, и Бакунин вскрикнул.

Я вспорол дверь одним взмахом, заставляя ее распахнуться. Раздался громкий хлопок атмосферной декомпрессии, и нас накрыло зловонием. Мимо поплыла темная дымка.

- Император Человечества, что это было?!

- Варп-колдовство, - сказал я. - Говорите, что смешиваете собственные оксиды и растворы?

- Да.

- Откуда вы получаете компоненты?

- Откуда получится. Покупаю то там, то здесь. Иногда у аптекариев, у рыночных торговцев, у...

Отовсюду. Бакунин экспериментировал со
всевозможными составами в течение
многих
лет, чтобы создать наилучшие, самые
эффективные пластины для своей катеры.
Его никогда особенно не заботило, откуда
берутся реактивы. Но что-то в его
лаборатории, что-то на стойке со
склянками
и бутылками было затронуто варпом.
Я шагнул к катере-обскуре. В полумраке
очертания предметов казались
грожащими, размытыми и
непостоянными. Нагубные
силы, поселившиеся в лаборатории
Бакунина, почувствовали исходящую от
меня
угрозу и попытались защититься,
заблокировав двери.

Перешагнув через порог, я вошел внутрь.
Предупредительный возглас Елизаветы
потонул в визге неожиданно
закружившегося
вокруг меня воздуха. Стеклянные бутылки
и
колбы, наполненные химическими
составами, бешено затряслись на
рабочем
столе Бакунина. Горшочки с жидкими
химикатами и стазочными маслами
взорвались, разбрасывая вокруг свое
содержимое. Вспыхнула и зажглась
небольшая газовая горелка, а ее
прорезиненная трубка начала извиваться
змеей. Стеклянные пластинки размерами
с
информационный планшет, каждая из
которых была убрана в коричневатую

желтую

картонную пачку, закачались и стали
сваливаться с деревянных стоек в дальнем
конце затемненного помещения. Их здесь
были тысячи, и на каждой хранился
оригинал какого-нибудь из гололитов,
сделанных Бакуниным. Первая из них
слетела с полки, словно ее стащила
оттуда

какая-то сила, и я уже ожидал, что
пластинка

разобьется, ударившись об пол, но та
повисла в воздухе. За ней вскоре
последовали остальные. Вокруг заиграл
свет

из невидимых источников, создающий рябь
и цветные отблески на всем вокруг. Сам
воздух стал темно-коричневым, словно
прокуренным донельзя.

Я вскинул меч. Пластишка с негативом полетела мне в голову, и я рассек ее ударом.

Осколки стекла полетели в разные стороны.

Вперед устретилась еще огна, и ее я тоже

разбил. Словно веер игральных карт, с полок

слетело еще больше пластин, засвистевших

вокруг меня. Я провел серию үве саров и үльсаров, разнося целящие в меня

стеклянные прямоүгольники. Мимо одного из них я промахнулся, и он, словно

метательный нож, полоснул меня по щеке, прежде чем разбиться о стену.

- Уводи его отсюда! - прокричал я

Елизавете.

Трейлер затрясся. Снаружи раздался

раскат грома, и по низкой крыше
забарабанил дождь. Пластины проносились
со свистом, заставляя меня отступать.
Ожесточающая, стараясь перехватить их
все, превратилась в размытое пятно.
Затем появились призраки. Серьезные
мужчины в строгих балахонах. Знатные
даты
в глиняных платьях. Печальные дети с
бледными лицами. Стеющий
трактирщик
с одутловатыми щеками. Двое фермеров,
обнимающих друг друга за плечи. В
мутном
воздухе появлялось все больше и больше
фигур, сотканных из дыма, с белой кожей,
ярко-коричневой одеждой, с тем
неподвижным выражением на лицах, какое
было в тот момент, когда их
запечатлела

камера. Они хватали и тянули меня
ледяными пальцами, молотили
психокинетическими кулаками.

Некоторые

духи проходили сквозь меня, протаранивая
до костей. Злобные силы, поселившиеся в
этом маленьком трейлере, призывали
образы тех, кого Бакунин увековечил за
свою

карьеру, выдергивая их из негативов и
надеяя фотой.

Когда в моем плаще стали появляться
порезы, я начал отступать назад.

Прикосновения призраков были такими же
острыми, как и края стеклянных пластин.

Затогильный вой оглушил меня. Затем,
тошнотворно закачавшись, весь мир стал
искажаться и изменяться. Трейлер исчез.
На

мгновение я вдруг оказался на
красно-коричневом побережье, а затем -
незванным гостем на деревенской свадьбе.
Прорубая себе дорогу полыхающим мечом,
я
вывалился в сцену крещения. Затем
последовало раскрашенное изображение
Атенатовых гор, а за ними пиршество в
какой-то ратуше. Призраки бросились на
меня, вцепляясь холодными руками.
Трактирщик с одутловатыми щеками
сжал
свои ледяные кулаки на моем горле, но
лицо
его продолжало смеяться. Я рубанул
фантома
Ожесточающей, и он растворился словно
дым. Домохозяйка с печальным лицом
повисла на моей руке, а рыбак затахнулся

базроп.

Я начал читать Литанию Избавления, выкрикивая ее слова в окружающие меня

злые лица. Несколько призраков стояло

и оплавилось подобно целлюлозе в огне.

Раздались выстрелы. Справа от меня

возник Габон. Он стоял на предрассветном

пирсе в Дорсае, среди играющих в кноукболл

и на празднике урожая, и все это в одно и то

же время. Противоречащие друг другу сцены

размывались и сливались вокруг него. На

него набрасывались невеста с женихом, которых сопровождала компания пятерых

плакальщиков из похоронной процессии и

выходящий на пенсию констебль Agentus

Арбитрес, увешанный орденами.

- Отходим! - прокричал я.

Ожесточающая раскалилась добела. Снова прокатился гром, от которого затряслась земля. Габон пронзительно закричал, когда

его лицо распороли пальцы невесты, а затем

проносящиеся со свистом стеклянные пластины начали топоратами рубить спину зашатавшегося Фелиппа.

Его кровь хлынула дождем. Она втекала в призраков, окрашивая в пурпур их ярко-коричневые одеяния и белая бледные лица розовыми. Я чувствовал, как пальцы ножами полосуют плоть на моих руках и спине. Фантомов было слишком много.

Я не мог поверить своим глазам. Казалось, будто я стою на берегу реки и в то же самое

время на ступенях возле парадного входа в здание Администрации. Эти места накладывались друг на друга совершенно невозможным образом и были одинаково иллюзорны.

Прыгнув вперед, я взмахнул мечом. Он что-то задел, пропорол, и я покатился по протоку от дождя торфя, вывалившись из трейлера.

Темное небо, хлещущее проливным дождем, рассекла молния. Гроза и подозрительные события, происходящие возле киоска Бакунина, прогнали отдыхающих с луга. Трейлер продолжал вибрировать и раскачиваться, а из дыры, которую я прорубил, выбираясь наружу, валил жирный коричневый дым. Внутри потрескивали и сверкали огни и

продолжали

завывать фантомы. Порождение варна
неистовствовало.

Появился Бакунин, на лице которого
читалось отчаяние. Поблизости от него
стояла Елизавета. Он в шоке прикрыл рот
руками, увидев меня в изогранном и
окровавленном виде.

- Где? - прорычал я.

- Третья полка снизу, над рабочим
столом,

- заикаясь, пробормотал он. - Зеленая
бутылка. Много лет тому назад мне
потребовался препарат ртути, а старуха

одной из деревень дала ее мне и сказала,
что

это должно подойти. Я все время

использовал этот состав. Эмульсии с ним

получались превосходными. Благодаря ему

мои работы всегда были превосходными.

С потрясенным и напуганным видом он

опустил глаза и уставился в землю.

- Я должен был догадаться, - пробормотал

он. - Должен был догадаться. Ведь сколько

бы я ни пользовался ею, бутылка не
пустела.

- Третья полка снизу? - спросил я.

- Я покажу вам, - сказал он и устремился к

трейлеру, забравшись внутрь через
пробитую

мной дыру.

- Бакунин! Нет!

Я проследовал за ним, снова ввалившись в

беспорядочное нагромождение пейзажей и

мельтешение кричащих призраков. На

краткое мгновение среди них я увидел и

Эна

Фрогре.

Затем я провалился в очередную свадьбу, в
сцену охоты, собрание животноводов,
сельскую кузницу, замок Элемнит при
свете

луны, ярмарку скота...

Раздался крик Бакунина.

Я отразил еще три смертоносные
гололитические пластины и прорубился
сквозь чащу забывающих призраков. Тогда
я

увидел призрачные очертания рабочего
стола и полок над ним, которых там
словно

бы и не было. Зеленая бутылка пылала
внутренним нефритовым огнем.

Я вскинул Ожесточающую и ударил по
бутылке трепещущим клинком.

Взрыв разорвал внутреннюю перегородку

и опрокинул трейлер набок.
Ошеломленный, лежал я на изогнутой
стене,

распластавшись среди обломков дерева и
стекла.

Завывания оборвались.

Кто-то вызвал местных арбитров. Они
прошли сквозь толпу зевак, когда уже
нагали

последние капли дождя и небо начало
светлеть.

Я продемонстрировал им свою инсигнию
и приказал не подпускать толпу, пока не
закончу здесь работу. Трейлер полыхал, и
ты

с Елизаветой принялись забрасывать
последние гололиты в пламя.

Изображения уже тускнели. На каждом из
них, на портретах, миниатюрах,

отпечатался

призрачный образ. Огун и тот же силуэт.

Бакунин, зашегившийся в предсмертном
вопле.

ЕРЕТУКУС

Пролог

ПО ПРИКАЗУ ЕГО
НА СВЯТЕЙШЕСТВА

БОГА И ИМПЕРАТОРА ТЕРРЫ

ЗАКРЫТЫЕ ДОСЬЕ И КВИЦЫ

ДОСТУПНЫ ТОЛЬКО

ДЛЯ АВТОРИЗОВАННЫХ

ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

ДЕЛО: 442:41F:JL3:Kbu

»Пожалуйста, введите авторизационный
код

»...

»Идентификация...

»Благодарю вас, инквизитор. Можете
продолжать.

Адресат коммюнике: Грегор Эйзенхорн

Доставлено Гильдией Астронавтика

(Скарус) по телеволне 45-а.639 трипл
интра

Подробная информация:

Отправлено с Трациана Примарис,
Геликанский субсектор 81281. Дата

отправления: 142.386M41 (ретранслятор
распределитель M-12/OstallVJJ) Получено
на Дюрере, Официанский

субсектор 52981. Дата приема: 144.386.M41

Передача осуществлена и
зарегистрирована

согласно заголовку (резервная копия
получила

архивный №4362, ключ 11)

Автор: Верховный Инквизитор Филебас

Алессандро Поркен, Магистр Ордо Ксенос

Геликона, представительство Высшего
Совета Инквизиции, сектор Скарус
Мой дорогой Грегор,
от имени Бога-Императора и Священной
Инквизиции приветствую тебя.
Надеюсь, старейшины Дюрера приняли
тебя
так, как приличествует твоему статусу.
Мой
помощник поручил иерарху Оннопелю
проследить за тем, чтобы тебя
обеспечили
всем необходимым для предстоящей
долгой
работы. Хотелось бы воспользоваться
возможностью и выразить благодарность
за
то, что ты согласился провести
экспертную
проверку моей территории. Состояние

моего

здоровья, как почему-то всем кроме меня
кажется, еще вызывает опасения. Врач
хочет на долгие день и ночь. Мне уже
несколько раз переливали кровь и теперь
поговаривают еще об одной операции,
хотя все

это бессмысленно. Я здоров, крепок и уже
давно бы поправился, если бы не их опека.
Мало

того, я уже давно направился бы на Дюрер.

Но, похоже, этот шарлатан из Официо

Медикалис обладает властью даже над

такими, как я. Работу, которую я провел,
чтобы привлечь еретиков Дюрера к суду,
придется заканчивать без меня, и для

выполнения этой задачи мне трудно

представить кого-то более надежного,
чем

ты.

Кроме желания высказать тебе свою
благодарность, пишу по двум причинам:
во-первых, несмотря на все мои старания,
Сакаров, лорд Ордо Еретикус, настоял на
присоединении к членам экспертной
комиссии

двух своих людей, Кота и Мендерефа. С
обойми

ты знаком. Сожалею, Грегор, но тебе
придется принять их в расчет. Хотя я
и

был бы рад избавить тебя от этого
бремени.

Во-вторых, мне придется посадить на
твою шею инквизитора Бастиана
Вервеука.

Он был дознавателем при лорде Осте и
присоединился к моему штату ради
завершения своей подготовки. Учитывая

выдающиеся способности к проведению
расследований, я обещаю, что он будет
участвовать в экспертной проверке.
Прошу

тебя, найди ему работу в Совете, ради
меня.

Он хороший человек, молодой и
неопытный, зато способный, хотя и
излишне

приверженный пуританству. Но разве все
мы

не были такими в его возрасте? Он
прибудет к

151-му числу. Окажи ему максимально
любезный прием. Знаю, ты не любишь
пускать

в свой лагерь незнакомцев, но я прошу об
этом

как о личном одолжении. Оста может

доставить мне нетало проблем, если
продвижение его ученика будет прервано
на
последнем этапе.

Желаю тебе скорости, мудрости и удачи
в
проведении этой инспекции.

Скреплено печатью и нотариально
засвидетельствовано клерком
Астронатика в

142-й день 386.7741.

Император храни!

Роркен

[конец сообщения]

Адресат компьютер: Грегор Эйзенхорн

Доставлено Гильдией Астронатика

(Скарус) по защищенной телемагистрали

"45"3.5611

Подробная информация:

Отправлено с Трациана Примарис,
Геликанский субсектор 81281. Дата
отправления: 142.386M41 (ретранслятор
магистраль навигатус 351/эхомаяк
Гернал).

Получено на Дюрере, Офигианский
субсектор 52981. Дата приема: 144.386M41

Передача осуществлена и
зарегистрирована

согласно заголовку (резервная копия
получила

архивный M 7002, ключ 34)

Автор: инквизитор Бастиан Вервеук,
Орго

Ксенос, представительство Высшего
Совета

Инквизиции, сектор Скарус

Приветствую, сэр!

От имени Бога-Императора, да славится

Его вечно неусыпное бдение, и Высших

Лоргов

Терры, поручаю себя Вам, Ваше

Преосвященство, и надеюсь, что письмо
это

застанет Ваше Преосвященство в добром
здравии.

Я пришел в великое волнение, когда лорд

Роркен сообщил, что мне предстоит
вместе с

ним принять участие в формальной

экспертной проверке по делу мерзких и

ненавистных еретиков Дюрера. Я тут же

погрузился в составление каталога

предварительных расследований и
помогал в

копированию архива улик, содержащего
особо

важные сведения для экспертной проверки.

Можете представить, сколь ужасно было

тое разочарование, когда внезапная и
прискорбная болезнь милорда поставила
под

сомнение возможность завершения этой
работы. Теперь же, в этот самый час,
милорд

сообщил мне, что Вы уполномочены и
для

надзора за этим делом и согласны найти
для

меня место в своем штате.

Я не могу сдержать своих восторгов!
Шанс

работать в тесном сотрудничестве с

инквизитором Вашего уровня! С первых
дней

обучения в подготовительных школах я
с

благоговейным трепетом изучал сведения
о

Вашей священной деятельности. Вы

являете

наглядный пример религиозного рвения и

пуританской самоотдачи - пример для

нас. Я с нетерпением ожидаю

обсудить с Вами способы борьбы с ересью,
и, может быть, мне удастся получить
несколько

уроков Вашей ослепительной

проницательности. Самой великой моей

мечтой является пост инквизитора в
Орго

Еретикус, и я уверен, что буду лучше

подготовлен к предстоящей
деятельности, если удостоюсь
возможности услышать из

первых уст о столь печально известном
создании, как внушающий ужас Квиксос.

Вы найдете во мне самоотверженного и
трудолюбивого коллегу. Я считаю дни,
оставшиеся до того момента, когда мы
вместе приступим к этой священной
работе.

Славься Золотой Трон! Ваш слуга,
Бастуан Вервеук

[конец сообщения]

Адресат коммюнике: лорд Поркен

Доставлено Гильдией Астронавтика

(Офидия) по повелению 3Q1-с.122 габл
интр

Подробная информация:

Отправлено с Дюрера, Офидианский

субсектор 52981. Дата отправления:
144.386M41 (ретранслятор: распределитель

В-3/магистральный маяк Гернал)

Получено на Трациане Примарис,

Геликанский субсектор 81281. Дата приема:

149.386.M41

Передача осуществлена и
зарегистрирована
согласно заголовку (резервная копия
удалена из
буфера)

Автор: инквизитор Грегор Эйзенхорн

Re: Бастиан Вервеук

Милорд, в каком вонючем углу
Империи

плодятся такие работорговцы?

Теперь вы и в самом деле у меня в долгу.

Г.Э.

[конец сообщения]

Глава 1

ДЕЛО УДВИНА ПРИДА

СВЕТСКАЯ БЕСЕДА С

ВЕРВЕУКОМ

НЕЧТО ВРОДЕ МЕСТУ

Когда пришло время и Фэйг Туринг

оказался столь невероятно близко, я не
мог

остановиться.

Мне стыдно, что я позволял ему
скрываться слишком долго. Почти
восемьдесят лет он избегал моего
внимания

и за это время невероятно поднялся на
уровнем жалкого варн-гулетанта,
которому

я когда-то позволил улизнуть.

Это было моей ошибкой. Но заплатить за
нее пришлось мне.

В 160-й день 386.М41 на слушаниях
экспертной проверки, проводимых в

Ципперском Кафедральном соборе Эриала,
судебной столице Увеги на юго-западе

наибольшего из материков Дюрера,
появился

дворянин, разменявший уже шестой десяток.

Это был рано овдовевший землевладелец, добившийся благополучия после Зачистки сектора благодаря успешной спекуляции сельскохозяйственными территориями и богатству, унаследованному от усопшей жены. В 376-м, будучи уже зрелым, успешным и очень видным новичком среди дворянства Увеги, преуспевающей области плодородных фермерских угодий, он заключил второй брак, способствовавший его продвижению в обществе. Новой супругой стала Бетриса, старшая дочь почтенного Дома Самаргу, которая была моложе своего мужа на тридцать лет. Древнее богатство семьи Самаргу в то время утекало сквозь пальцы, поскольку

эффективная политика использования
земли

лендлордами, спонсируемыми

Административом, постепенно позволяла
тем захватить контроль над выгонами
Увеги.

Звали этого дворянина Угвин Придд.

Церарх Епархии Эриала призвал его для
ответа на обвинения в варп-колдовстве, и
прежде всего в ереси.

На траторе полов Кафедрального собора
ему противостояла благочестивая
комиссия

Инквизиции в практически легендарном
составе. Инквизитор Эскейи Кот,
аталатианин, родившийся и выросший на
Трациане Примарис и ставший
впоследствии

известен как Голубь Авиньора.

Инквизитор

Ласло Мендереф, уроженец низменностей
Санкура, более известный как Мендереф
Печальный, истребитель, равнодушный к
варн-преступлениям и не следящий за
личной гигиеной. Инквизитор Поль Расси,
сын Кильвальди Стеннеса, уверенный в
себе, опытный и беспристрастный
служитель
порядка. Начинаящий инквизитор
Бастуан
Вервеук.
И я сам. Грегор Эйзенхорн. Инквизитор и
председательствующий инспектор.
Придг был первым из двухсот
шестьдесяти лиц, выявленных как
возможные еретики в ходе расследования
лорда Роркена. С ним необходимо было
разобраться на показательном суде

экспертной проверки. Представший перед нами Угвин выглядел взбѣдѣражено, но соблюдал достоинство, хоть и теребил завязку своего воротника. Подсудимый нанял заступника, известного как Фэн из Клинси, чтобы тот защищал его в суде.

Шел третий день слѣшаний. Пока

защитник гудел, расписывая заслуги Пригга

в таких красках, что и святой бы покраснел, мечтая стать столь же достойным, я без

энтузиазма просматривал перечень

предстоящих дел и вздыхал, представляя

объем работы. Перечень - у каждого из нас

была личная копия - был толще, чем мое

запястье. Несмотря на то, что пошли уже

третьи сутки, мы не смогли продвинуться

дальше прелюдии к первому случаю.

Церемония открытия отняла целый день,
а

получение официального подтверждения

полномочий Оргосов Теликана и прочие

мелкие юридические вопросы - еще один. Я

уже стал задумываться о том - да
простит

меня Бог-Император, - истинной ли была

болезнь лорда Роркена или он просто
нашел

удобный повод избежать этой тоски.

Снаружи благоухал ароматами летний

день. Богатые граждане Эриала плавали в

лодках по декоративным озерам, обедали в

трапториях на холмах Увеги и
заклучали

сделки в кофейнях коммерческого
квартала.

А под гүлким, холодным сводом собора
все завывал и завывал Фэн из Клинси.

Ряды полупустых скамей наблюдателей
купались в золоте солнечного света,
струящегося сквозь витражные окна.

Несколько сановников, клерки,
представители местной элиты и
архивариусы Планетарных Хроник. Они
казались мне сонными, и я подозревал, что
их отчет о происходящем будет
расходиться

с официальным протоколом, записанным
пикт-сервиторати. Сам иерарх Оннопель
уже дремал. Жирный идиот. Если бы он
обращал больше внимания на духовные
потребности своей паствы, в этих
слушаниях, возможно, не возникло бы
необходимости.

Мой престарелый ученый Убер Эмос

старательно изображал внимательного слушателя, хотя мне было ясно, что его мысли витают совсем в другом месте. Елизавета Биквин, мой дорогой друг и коллега, читала копию судебного плана. В длинном темном платье и вуалетке она выглядела величественной и серьезной. Когда она сделала вид, что переворачивает страницу, я бросил взгляд на ее информационный планшет, спрятанный под обложкой. Без сомнения, очередной томик поэзии. У меня вырвался громкий смешок, и я постыжился заглушить звук стоящего передо мной микрофона.

- Милорд? Возникли проблемы? - спросил

защитник, прерываясь на полуслове.

- Нет, нет, -махнул я рукой, - Пожалуйста, продолжайте, сэр. У, если можно, постарайтесь побыстрее довести свой доклад к итогу.

Собор в Эриале был построен всего лишь несколько десятилетий назад. Его возвели в

высоком готическом стиле, используя обломки военной техники и разрушенных зданий. Еще только полвека назад весь этот

субсектор - Офидия - находился во власти извечного врага. Мне даже выпала честь стать свидетелем фортирования великой имперской армии, освободившей субсектор.

Это случилось на Гудрун, бывшей столичной

планете Геликана, примерно сто

пятьдесят

лет назад. Иногда я чувствовал себя очень старым.

К тому времени я уже прожил сто восемьдесят восемь лет и по стандартам привилегированного населения Империи только вступал в средний возраст.

Умеренное использование аугментики и омолаживающих препаратов задерживало естественное старение моего тела и сознания, а более существенные

вмешательства исцеляли раны и травмы, полученные в многочисленных рейдах и операциях. Я обладал ясным умом, был здоров и полон сил, но иногда чрезмерное обилие воспоминаний заставляло меня

осознавать, как долго я уже живу. Хотя, конечно, по сравнению с Эмосом я был

просто юнцом.

Сидя там, на позолоченном парящем троне, облаченный в официальные одежды и

увешанный регалиями главного инспектора, я подумал, что слишком строго отношусь к

этому ничтожеству, Оннопелю. Любая отвоеванная территория, возвращенная после инфицирования ее варпом, всегда оказывается наводненной ересями до тех пор, пока не восстановятся законы

Империи. К тому же Оргосы самого Офигианского субсектора еще только предстояло основать, и до той поры вся ответственность лежала на соседнем Официо

Геликан. Подобная экспертная проверка была вполне своевременна. Со времени

Зачистки миновало пятьдесят лет, и Инквизиции пора было заняться делом и проверить состояние нового общества. Я напотнил себе, что эта рутинная была вынужденной и что Роркен был прав, призывая к завершению этой работы.

Стремительно возрождающийся

Офигианский субсектор нуждался в том, чтобы Инквизиция проверила его душевное

здоровье так же, как этот восстановленный

собор нуждался в катеничках, проверяющих

целостность его стен.

- Милорд инквизитор? - прошептал мне Вервеук.

Я поднял взгляд и понял, что защитник Фэн наконец закончил.

- Ваша речь запротоколирована,

защитник. Вы свободны, - сказал я, расписываясь на планшете.

Он поклонился.

- Надеюсь, обвиняемый заранее

расплатился с вами, - насмешливо произнес

инквизитор Кот. - Его активы могут быть

заторожены, и надолго.

- Мне заплатили за мою работу, сэр, - подтвердил Фэн.

- У, если судить по вашей речи, - сказал я, - весьма щедро.

Мои коллеги инквизиторы устехнулись, а

Вервеук разразился столь громким стехом, словно я только что отпустил лучшую шутку, какую можно услышать по эту сторону

Золотого Трона. Во имя Императора, что за

льстивый хорек! Он мог оглушить любого, даже с удавкой на шее!

По крайней мере, его стех разбудил

Оннопеля. Церарх открыл глаза, дернулся и, зарывав: "Не отвлекается, внимание!", притворно дернул многочисленными

подбородками, будто все это время

внимательно прислушивался к

происходящему. Потом он густо покраснел и

сделал вид, что ищет что-то под скамейкой.

- Если у Министорула больше нет

комментариев, - сухо сказал я, - мы можем

продолжать. Инквизитор Мендереф?

- Благодарю вас, лорд главный инспектор,

- вежливо откликнулся Мендереф,

поднимаясь со скамьи.

Защитник поспешил удалиться, бросив

Придда в одиночестве среди просторного
пустого зала. Угвин был закован в цепи, но
его прекрасная одежда, украшенная
шнуровкой, судя по всему, причиняла ему
больший дискомфорт, чем кандалы.

Мендереф обошел вокруг высокого стола,
приближаясь к подсудимому и медленно
перелистывая страницы информационного
планшета с делом.

Инквизитор приступал к перекрестному
вопросу.

Ласло Мендереф был сухощавым
человеком, разменявшим первую сотню
лет.

Тщательно прилизанные тонкие
каштановые

волосы образовывали на его лбу острый
треугольный выступ, а худое лицо имело
землистый оттенок. Он носил простой

глинный балахон из коричневого бархата с синими вставками. Инсигния и эмблема Ордо Еретикус были закреплены у него на груди. Как бы я ни относился к его радикальной философии, но не мог не восхищаться его умением пугать подозреваемых. Когда-то он был самым умелым дознавателем в команде Сакарова.

Его ловкие глинные пальцы отыскивали нужное место на информационном планшете и затерли.

- Угвин Придг? - спросил Ласло.

Подсудимый кивнул.

- В сорок второй день триста восьмидесятого года сорок первого тысячелетия вы вызвали на дом

нелицензированного апотекария из Ключа
и

приобрели у нее два фиала пуповинной
крови, пучок волос, срезанных с головы
казненного убийцы, и куклу, вырезанную из
кости человеческого пальца, якобы
приносящую удачу.

- Я этого не делал, сэр.

- Вот как?... - гружливо произнес

Мендереф. - Значит, я ошибаюсь.

Он обернулся и кивнул мне.

- Похоже, мы покончили с этим, лорд
главный инспектор, - сказал он.

Ласло подождал, пока Придг вздохнет с
облегчением, и снова резко развернулся к
нему. Его мастерство и в самом деле было
совершенным.

- Вы лжец, - бросил он.

Придг отпрянул, снова встревожившись.

- С-сэр...

- Апотекарий была казнена арбитрами

Эриала зимой триста восемьдесят
второго.

Она вела подробные отчеты обо всех
заключенных ею сделках. Как я полагаю,
она

наивно рассчитывала, что сможет
поторговаться, если ее схватят. Там
стоит

ваше имя. Там же указан перечень ваших
покупок. Желаете посмотреть?

- Это фальшивка, сэр.

- Фальшивка... үгү...

Мендереф медленно обошел ответчика.

Придг пытался следить за ним взглядом,
но

не постел повернуться. Когда Ласло

оказался

у него за спиной, Угвина начало трясти.

- Вы никогда не бывали в Ключе?

- Я иногда езжу туда, сэр.

- Иногда?

- Один или два раза в год.

- С какой целью?

- В Ключе есть продавец комбикорма, который...

- Да, есть. Аарн Байзз. Мы говорили с ним.

Хотя он и признал, что знаком с вами и вел с

вами дела, но говорит, что не видел вас не

только в триста восьмидесятом, но и на

следующий год тоже. В его бухгалтерской

книжке нет записей о том, что вы что-либо

покупали у него в это время.

- Он заблуждается, сэр.

- Он? Или вы?

- Сэр...

- Придг ваш защитник үже отнял ү нас
слишком много времени, расхваливая - и
преувеличивая - ваши многочисленные
достоинства. Давайте не будем
продолжать

тратить время впустую. Нам известно,
что вы

посетили апотекария. Мы знаем, что вы
приобрели. Вы поможете себе, только
если

станете сотрудничать с нами.

Придг угрожал.

- Я действительно делал эти покупки, сэр.

Да, - произнес он тихим голосом.

- Повторите громче для суда, пожалуйста.

Я видел, что на вокс-рекордерах мерцали
янтарные огоньки. Они не разбирают

ваших

слов. Понимаете, огоньки должны быть зелеными. Вот как сейчас, когда говорю я. Зеленый цвет означает, что они вас услышали.

- Сэр, я действительно совершал эти покупки!

Мендереф кивнул и снова заглянул в информационный планшет.

- Два фиала пуповинной крови, пучок волос с головы казненного убийцы и куклу, вырезанную из кости человеческого пальца, якобы приносящую удачу. Вы говорите про эти покупки?

- Да, сэр...

- Зеленые огни, Пригг, зеленые огни!

- Да, сэр!

Мендереф опустил планшет и снова встал

перед Приггом.

- Не хотели бы вы объяснить зачем?

Пригг посмотрел на него и с трудом сглотнул.

- Для стага.

- Стага?

- Моего племенного рогатого скота, сэр.

- Ваш рогатый скот попросил вас совершить эти покупки?

Кот и Вервеук застесались.

- Нет-нет, сэр... За два года до этого я приобрел пятьдесят голов племенного скота

с фермы на юге Увеги. Корсиканские краснобоки. Вам знакома эта порода, сэр? Мендереф оглянулся на нас и воздел взгляд к потолку. Вервеук снова застесался.

- Я не разбираюсь в рогатом скоте, Пригг.

- Это отличная порода, лучшая.

Сертифицированная
Агрокультура

Официо

Администрация. Я надеялся получить
от

них потомство и создать прибыльное
стадо

для своих нужд.

- Понятно. И что дальше?

- Они проболели всю зиму. Они не могли
выносить потомство. Телята рождались

мертвыми... жуткие уроцы... Мне

приходилось сжигать их. Я просил в

Министрстве освятить стадо, но мне

отказали. Мне говорили, что вся
проблема в

плохом уходе за скотиной. Я был в
отчаянии.

В это стадо, сэр, я вложил немало
средств. И

когда эта аптекаря сказала мне...

- Что сказала?

- Что это было влиянием варна. Она

сказала, что варн поразил корта и землю,
каждое пастбище. Сказала, что я могу

справиться с этой бедой, следуя ее
советам.

- Она предложила вам воспользоваться

народными методами, варн-колдовством,
чтобы исцелить ваш больной скот?

- Так и было.

- И вы решили, что это хорошая идея?

- Как я уже говорил, сэр, я был в отчаянии.

- Это мне понятно. Но не из-за рогатого

скота, верно? Ведь ваша жена попросила
совершить эти покупки?

- Нет, сэр!

- Да, сэр! Ваша жена происходит из рода

Сатаргү, отчаянно желающего вернуть

себе

могущество и восстановить свое
богатство!

- Да...

- Зеленый свет, Пригг!

- Да!

Из материалов, прочитанных во время
подготовки к проверке, я уже знал, что
разоблачение Дома Самаргу и было той
большой игрой, ради которой мы прибыли
на Дюрер. Справедливости ради надо
сказать, что именно Вервеук предложил
начать с Пригга, незначительного игрока,
сообщника, и, воспользовавшись им в
качестве рычага, вскрыть тайные
замыслы

благородного сестейства. На основании
полученных доказательств будет легче
вывести древний Дом на чистую воду.

Мендереф допрашивал Угвина более часа,
и, сказать по правде, это был
увлекательный

спектакль. Когда колокол собора пробил
полдень, Ласло бросил на меня едва

заметный взгляд, намекая на то, что пока
с

Придга хватит. Перерыв, дающий
ответчику

возможность подумать и понервничать,
поможет нам во время второго заседания.

- В заседании объявляется перерыв, -

произнес я. - Судебные приставы, отведите
обвиняемого в камеру. Мы соберемся снова
спустя час, со звоном колоколов.

Я хотел есть, мое тело одеревенело. Обед
помог бы мне отдохнуть, даже несмотря
на

то, что мне придется терпеть
присутствие

Вервеука.

Бастуану Вервеуку исполнилось
тридцать

два стандартных года, а инквизиторский
чин

он получил лишь семь месяцев назад.

Молодой человек среднего роста, с
расчесанной на пробор копной тяжелых
белокурых волос и слегка прищуренными
серьезными глазами. Казалось, что его
постоянно терзает какая-то страсть.
Страсть

и духовное томление, доходящее до
экстаза.

Он обладал блестящим умом и,
несомненно, хорошо послужил Леониду
Осте в качестве дознавателя. Но теперь
настал его час, и наглый амбициозный
мальчишка пробивался наверх. Его

перевели

в штат Роркена для "дополнительного обучения": вероятно, Оста просто потерял терпение. Весьма похоже на Леонида, который так и остался тем же инквизитором, что посаждал мне пятьдесят лет назад.

Только теперь он должен был унаследовать

место Великого Магистра Инквизиции Теликанского субсектора, занимаемое

Орсини. Великий Магистр Орсини утирал, и

Оста был избран его преемником.

Назначение было всего лишь вопросом времени.

Судя по слухам, Роркен также был при смерти. Вскоре у меня не останется грузей в

высших эшелонах Оргосов Теликана.

Болезнь Роркена привела ко мне
Вервеука.

Он был просто бременем, которое мне
приходилось нести. Его манеры, его
толчение, его яркая пылкость, его
проклятые
вопросы...

Я стоял в теплой ризнице собора,
потягивая вино и закусывая пышным
зерновым хлебом, копченой рыбой и
твердым жирным сыром, которые были
произведены там же, на Увеге. Я болтал с
Расси, бледным и тихим опытным
инквизитором из Орго Маллеус, в
последние
годы ставшим мне верным другом,
несмотря
на его связи с назойливым Остой.

- Как ты думаешь, Грегор, месяца

хватит?

- На это, Поль? Два, может быть, три.

Он вздохнул,ковыряя вилкой в своей тарелке. Чтобы освободить руки, трость с

серебряным набалдашником он повесил на запястье за матерчатую петлю.

- А может, и шесть, если каждый из них приведет с собой чертова защитника. Что скажешь?

Мы растеялись. Мимо нас прошел Кот. Инквизитор снова наполнил свой бокал и кивнул нам.

- Не оглядывайтесь, - пробормотал Расси, - ваш фан-клуб уже здесь.

- Вот черт. Не бросайте меня с ним! - прошипел я, но Расси уже удалился.

Вервеук скользнул ко мне, балансируя
блюдом с чем-то мясным, всякими
разносолами и вяленым живцом. Все это
он

явно не собирался есть.

- Думаю, дела идут хорошо! - начал
Бастуан.

- О, очень хорошо.

- Конечно, у вас наверняка неталый опыт
в проведении подобных заседаний, так что
вы знаете больше, чем я. Но разве вам не
кажется, что это было хорошее начало?

- Да, хорошее начало.

- Придг - ключ, он откроет замок Дома
Сатаргу.

- В этом я уверен.

- А как действовал Мендереф! Это ведь
что-то! Перекрестный вопрос! Столь

ловко, так продуманно. Как он сломал
Пригга!

- Я... кхм-м... меньшего и не ожидал.

- Но ведь это и в самом деле было нечто.

Я почувствовал, что должен что-то
сказать.

- Ты выбрал Пригга. В качестве первого
обвиняемого. Хорошо продумано, хорошо...
хорошо. В любом случае это было
отличное
решение.

Вервеук посмотрел на меня так, словно я
был его единственной настоящей любовью
и
только что пообещал ему сделать что-то
очень значительное.

- Сэр, я крайне польщен. Я сделал только
то, что посчитал наилучшим. В самом
деле, сэр, когда я услышал это из ваших

уст, мое

сердце...

- Может, тушеной рыбки? - спросил я, предлагая ему тарелку.

- Нет, спасибо, сэр.

- Очень хорошо, - сказал я, разламывая хлеб. Хотя, как и в случае со многими прекрасными вещами в жизни, от этого быстро устаешь.

Намека он не понял. Наверное, чтобы он понял намека, ил надо было зарядить крупнокалиберный болтер и выстрелить.

- Мне кажется, сэр, - продолжал он, отставляя нетронутую тарелку, - я могу многому у вас научиться. Люди моего ранга

редко получают такую возможность.

- И почему бы это... - протянул я.

Он улыбнулся.

- Иногда мне думается, что я должен

благодарить опухоль, подточившую
здоровье

лорда Роркена, за то, что мне выпал
этот

шанс.

- А я чувствую, что должен ему как-нибудь
отплатить, - пробормотал я.

- Такое случается крайне редко... То есть
чтобы, если позволите, старый
инквизитор

вроде вас... я имею в виду - опытный

инквизитор, полевой агент, а не офисный

работник... участвует в подобном процессе
и

сотрудничает с младшими служащими

вроде меня. Лорд Роркен всегда ценил вас

очень высоко... Мне хочется спросить вас о

многом, очень многом. Я прочел обо всех

ваших делах. Например, о заговоре Ни.
Гло. Я

изучил его досконально. И другие дела...

"Вот сейчас начнется", - подумал я. И оно
началось.

- Демонхосты. И Квиксос. В этом... ох...

столь многое вызывает интерес особенно у

новичков, таких как я. Вы не могли бы

рассказать о вашем личном понимании
этого

дела? Возможно, не сейчас... позднее... мы

могли бы пообедать вместе и
поговорить...

- Ну, может быть.

- Отчеты очень неполны... или, скорее,
ограничены. Мне очень хочется узнать,
как

вам удалось справиться с Профанити. И
Черубаэлет.

Я ждал, что услышу это имя. Но все равно
вздригнул.

Черубаэль. Это то, о чем все они
спрашивали. Каждый без исключения
новоиспеченный инквизитор, с которыми
мне

доводилось встретиться. Это то, о чем
все

они хотели знать. Будь проклято их
любопытство. С этим давно было
покончено.

Черубаэль.

В течение ста пятидесяти лет демон
досаждал мне в снах, превращая их в
кошмар. В течение полутора столетий
он

пребывал в моей голове - тень на
горизонте

рассудка, тихо копошащееся нечто в
темных

провалах моего сознания.

Я расправился с Черубаэлем. Победил его.

Но, тем не менее, неофиты продолжали спрашивать, заставляя меня снова пробуждать воспоминания.

Я никогда бы не сказал им правды. Да и мог ли?

- Сэр?

- Извини, Вервеук, я потерял нить разговора. Что ты говорил?

- Я спросил, это один из ваших людей?

Облаченный в глиняный черный плащ, Годвин Фишиг, несмотря на годы, все еще выглядел внушительно. Он вошел в заднюю дверь ризницы и искал меня взглядом.

Вручив свою тарелку и бокал ошарашенному Вервеуку, я направился к Годвину.

- Не ожидал увидеть тебя здесь, -

прошептал я, отводя его в сторонку.

- Мне здесь и в самом деле не место, но ты

еще скажешь мне "спасибо" за то, что я сюда

ворвался.

- Что случилось?

- У нас отличная находка, Грегор. Тебе и за

сотню веков не угадать, кого мы обнаружили.

- Фишиг, учитывая, что у нас нет миллиона лет, скажи мне сам.

- Түринг, - сказал он. - Мы нашли Түринга.

Месть, по моему мнению, не может

служить инквизитору адекватным мотивом

для действий. Конечно, я поклялся отплатить

Түрингү за смерть старого груга Мугаса
Бетанкора, но все восемьдесят лет,
минувших со дня убийства Мугаса, мне
приходилось заниматься более тяжелыми
и
неотложными делами. У меня просто не
было возможности тратить месяцы, а то
и
годы на отслеживание Түринга. Однако он
стоил этих усилий.

Но крайней мере, именно так лорд Роркен
всегда говорил мне, когда я пытался
поднять
этот вопрос. Фэйг Түринг. Мелкая сошка
в
темном мире ереси, таящется в пределах
имперского общества. Ничтожество,
которое
и самостоятельно достаточно быстро
придет

к своему концу. Не заслуживающее моего
внимания. Не стоящее усилий.

И в самом деле, в течение долгого
времени

я считал его мертвым. Мои агенты и
осведомители держали меня в курсе всех
его

дел. И в самом начале 352.М41 я узнал,
что

он присоединился к всемирному братству

Хаоса, именуемому "Единство Сердец",
или

иногда "Звон Мировых Часов". Занимались
они "стилизованным" поклонением

Кровавому Богу, в образе местного,
племенного свиноподобного божества

Элокит, или Ылквет, или Уулцет (в
разных

источниках указывались разные имена), и
в

течение нескольких месяцев терзали
агрокультурную планету Хасарну.

Священнослужитель их культа носил
церемониальные украшения
изображением

забойщика свиней или мясника, который в
давние времена путешествовал между

общинами Хасарны в конце каждой осени,
забивая домашний скот, набравший к зиме

достаточный вес. Это старая традиция,
совмещающая ритуальное кровопускание со

смертью календарного года, она

распространена по всему Империяму. В

доимперские времена на Терре тоже

отмечался подобный праздник,
называемый

Хеллоуин, или канун Дня всех святых.

Лидером культа был Амель Санкс,

Осквернитель Ликса, который скрывался

от

Инквизиции в течение столетия и
появился

вновь, чтобы распространять
еретическую

заразу. Санкс был известным еретиком, и
как

только была получена информация о его
участии в этом культе, усилия
Инквизиции

по пресечению деятельности "Единства
Сердец" возросли стократно.

Ликвидационная бригада Agentys
Сороритас, ведомая инквизитором

Эделорном, уничтожила преступников во
время рейда на северную столицу
Хасарны.

Впоследствии было обнаружено, что
Санкс

уже принес в жертву большую часть своих

младших последователей во время ритуала, прерванного набегом Эделорна.
Туринг

оказался во втором эшелоне верных помощников Амеля. Его тело было внесено в

перечень ритуальных жертв.

Убийца Мугаса был мертв. Точнее говоря, так я думал до этого разговора в ризнице собора Эриала.

- Ты в этом уверен?

Фишиг пожал плечами и с укором посмотрел на меня. Ему было неприятно, что

я усомнился в его словах.

- Где он?

- А вот это тебе особенно понравится. Он здесь.

Все члены заседания уже заняли свои

места к главному залу собора. Я вошел
последним. Дом Сатаргу нанял
агрессивного

защитника, и тот уже из всех сил
старался

доказать слабость обвинений, выдвинутых
на основании показаний Угвина Придга. Я
ударил кулаком по столу и прервал его:

- Довольно! Слушания приостановлены!

Собратья инквизиторы оглянулись на
меня.

- Что вы сказали? - спросил Мендереф.

- До последующего уведомления! -

добавил я.

- Но... - начал было Кот.

- Грегор?... - удивился Расси. - Что ты
делаешь?

- Это очень необычно... - произнес

Вервек.

- Знаю! - рявкнул я ему прямо в лицо.

Он вздрогнул.

- Лорд главный инспектор, - явно

нервничая, адвокат Сатаргу приблизился
к

нашему столу, - могу ли я спросить, когда

будут возобновлены слушания?

- Когда я буду готов, - прорычал я. - И

когда я буду в настроении.

Глава 2

БЕТАНКОР В БЕШЕНСТВЕ

ИНСТРУКТАЖ ФИШИГА

ВООРУЖАЯСЬ К БИТВЕ

Это вызвало настоящую шумиху. Хотя

зачем я об этом говорю? Конечно же, это
не

могло не вызвать настоящую шумиху. Под

яркими лучами солнца перед собором
быстро собиралась толпа. Архивариусы и
памфлетисты, доколе дремавшие в
зрительских рядах, разбежались во все
стороны, разнося новости. Даже духовники
и
проповедники, блуждавшие по улице и
кидавшиеся на простых граждан с
тошнотворными проповедями против
ереси, следовали за толпой к соборной
площади.

- Вы не можете просто так отложить
экспертный суд! - неистовствовал
Мендереф.

Я отпихнул его в сторону и пошел по
глинному проходу к главным дверям
собора.

Биквин и Фишиг следовали за мной. Эмос
тоже поторопился догнать нас.

- Что ты подразумеваешь, говоря «здесь»?

- спросил я Фишига, стаскивая с себя отороченный мехом плащ и цепь с инсегнией и швыряя их на скатью.

- Миквол,- сказал он.- Остров у северного полярного круга. Лететь туда порядка двух часов.

- Эйзенхорн! Эйзенхорн! - вопил за моей спиной Мендереф, перекрикивая взволнованный щебет голосов.

- Вы уверены, что это он?

- Я остотрела находки Годвина, - бросила Биквин. - Это действительно Түринг. Готова биться об заклад.

Мы встретились к входной арке и дневному свету. Кто-то ухватил меня за

рукав. Я обернулся. Это был Расси.

- Что ты делаешь, Грегор? Ты бросаешь святую работу.

- Ничего я не бросаю, Поль. Разве ты не слышал меня? Я откладываю ее. Эта экспертная проверка рассматривает дела ничтожно малых рецидивистов с их безбожными привычками. Мы же отправляемся за настоящим еретиком.

- В самом деле?

- Если не веришь, можешь поехать вместе со мной.

- Отлично.

Я вышел через огромные двери, а Расси преградил дорогу протестующим Коту и Мендерефу.

- Я отправляюсь с ним, - донеслись до меня его слова. - Я доверяю суждению

Эйзенхорна. Если он был неправ, прерывая заседание, это будет засвидетельствовано после нашего возвращения.

Мы вышли на дневной свет. Граждане, собравшиеся на площади перед собором, пристально глядели на нас, некоторые прикрывали глаза руками от яркого солнца.

- Где Медея? - спросил я Фишига.

- Уже вызвали. Мне показалось, что так будет лучше.

- Она уже знает?

Фишиг оглянулся на Биквин и Эмоса.

- Да. Я не мог скрывать этого от нее.

Медея будто услышала наш разговор. В моем воксе раздался ее голос.

- Эгиди нисходит, Божья Броня, в два, -

твердо и зло проговорила она на глоссии.

- Проклятие! - сказал я. - Очистить

площади!

Фишиг и Биквин бросились к толпе.

- Расходитесь! - завила Елизавета.

- Давайте же, пошевеливайтесь!

Немедленно! - ревел Фишиг.

Сначала никто и не думал повиноваться.

Тогда Годвин выхватил пистолет и

выстрелил в воздух. Толпа с визгом
подалась

назад, людские потоки устремились к
прилегающим улочкам.

И вовремя.

Боевой катер промчался над крышей

Муниципальной библиотеки Эриала и,
рева

гюзати, грузно опустил на каменные
плиты

соборной площади все четыреста
пятьдесят

тонн своего веса. Поднятый двигателями
ураган срывал с деревьев цветы, и
лепестки

кружились в воздухе, словно конфетти.

Я почувствовал, как затряслась земля,
когда приземлился корабль. Каменные

плиты треснули под стальными
подковами

посадочных опор. Из окон готов,

расположенных вокруг площади,
повылетали

стекла. Кроны деревьев неистово
колыхались

под ударами реактивных струй. Носовой
люк

распахнулся.

Вместе с Эмосом и Биквин мы побежали
к

аппарели. Я обернулся, чтобы поторопить

Расси. Вынужденный опираться на

прость, он

не мог двигаться так же быстро, как ты. Фишиг с суровым видом собирал членов моей свиты, рассредоточившихся по площади. Кара Свод следила за толпой из кофейни напротив библиотеки. Дуклан Хаар

устроился на крыше амбара для хранения десятины и наблюдал через прицел снайперского длинноствольного лазерного ружья за движением у главного входа в собор. Бекс Бегунди изображал бездомного мутанта, просящего подаяния у портика часовни Святого Беквала. Пистолеты он прятал под миской для милостыни.

Убедившись, что все взошли на борт, Фишиг дернул рычаг и захлопнул люк.

Почти в тот же миг боевой катер взмыл в

небо, разметав по каменным плитам
площади облако лепестков.

Задержавшись во входном отсеке, я
быстро пересчитал людей.

- Вервеук! Ты что здесь делаешь?

- Как и приказывал лорд Роркен,
ответил

он, - отправляюсь туда же, куда и вы, сэр.

Мы набрали высоту, поднялись в
стратосферу и направились к северу. Мои
люди знали свои места и задачи, но я
ответил

Кару Свол в сторону и приказал ей
успокоиться, что Расси и Вервеук
достаточно комфортно.

- Инквизитор Расси заслуживает
предельной любезности, но не давай
Вервеук даже миллиметра свободы. Не

позволяй ему путаться под ногами.

Кара Свол, акробатка и танцовщица с

Бонавентуры, три года назад помогла мне
в

одном расследовании и получила такое
удовольствие от этого приключения, что
попросилась в мою свиту.

Она была маленькой и гибкой, с коротко
подстриженными рыжими волосами. Из-за
хорошо развитой мускулатуры ее фигуру
можно было бы назвать коренастой, но
Свол

была более ловкой и проворной, чем любой
человек, какого я когда-либо встречал. К
тому же она обладала настоящим
талантом

во всем, что касалось слежки. Кара стала
ценным приобретением для моей команды
и

не раз говорила мне, что та жизнь,
которую я

предложил ей, была бесконечно лучше ее
предшествующей работы на цирковой
арене
родного мира.

Кара поглядела в сторону Вербейка.

- Мне кажется, что он нинкер, -
пробормотала она.

Нинкер - ее излюбленное оскорбление,
сленговый термин, илевиший хождение
среди

циркачей. Мне никак не удавалось
собраться

с мыслями и поинтересоваться, что оно
означает.

- Думаю, ты права, - прошептал я в ответ.

Пристатривай за ним... и удостоверься,
что

Расси всем доволен. Когда ты доберется
до

цели, мне хотелось бы, чтобы вы с
Хааром

охраняли их обоих.

- Ясно.

Я собрал для инструктажа Фишига,

Биквин, Эмоса, Хаара и Безунди за

штурманским столом и заодно вызвал

Дахаулта, своего астронаута.

- Итак, как вам удалось его найти?

Фишиг улыбнулся. Он явно был доволен
собой.

- Следы Туринга обнаружались во время
ревизионной проверки. Точнее говоря, она

вскрыла несколько интересных фактов,
заставивших меня поискать
повнимательнее

и приведших к нему. Он успел поработать

в

трех северных морских портах и также в столице. Вначале я и сам не мог поверить в

то, что нашел его. Ведь мы же думали, что он

мертв. Но это действительно оказался он.

Проведение ревизионных проверок составляло обязательную часть моей обычной практики. Я отдал приказ о ее начале сразу же, как только получил письмо

от лорда Роркена с просьбой провести экспертную проверку четырьмя месяцами ранее. Под руководством Фишига большая часть моего основного штата - тридцать

с лишним специалистов - отправилась к

Дюреру, чтобы начать осмотр. У ревизии

было две цели. Для начала требовалось рассмотреть и перепроверить дела, которые

будут представлены на суде экспертизы, чтобы удостовериться в том, что мы не тратим время впустую и обладаем всеми необходимыми данными. Не то чтобы я не доверял Роркену, просто мне хотелось до конца разобраться в том, что я делаю.

Во-вторых, необходимо было проверить возможность существования ересей, упущенных из виду при организации экспертной проверки. Зачистка Дюрера отнимет у меня много времени и сил. И я должен был быть уверен, что выявлены все случаи ереси, которые следовало незамедлительно искоренить.

Фишиг и ревизионная команда искали сведения о преступниках в планетарных

отчетах, перепроверяя по разным
источникам даже самые незначительные
расхождения с моей базой данных. В
результате удалось выявить очень
немного.

Такое положение вещей
свидетельствовало о
том, что лорд Роркен провел
тщательное и
многоплановое расследование.

Если не считать истории с Фэйдом
Турингом. Вначале Фишиг обнаружил
сведения о некоторых транспланетарных
финансовых операциях. Они привлекли его
внимание, потому что были связаны с
банковскими счетами на Трациане
Приларис, к которым двадцатью годами
ранее имел доступ Туринг. Фишиг
кропотливо изучил транспортные

регистры и

списки пассажиров, и ему повезло набрести
на некую видеозапись, сделанную

устройством слежения одной
коммерческой

компании. Человек, чей образ был пойман

гроном-регистратором, и тел
поразительное

сходство с Фэйдом Түрингом.

- Насколько нам удалось выяснить, -

произнес Фишиг, - Түринг находится на

Дюрере уже примерно год. Прибыл на

корабле свободного торговца прошлым

летом и арендовал жилье в Хайнстауне
на

восемнадцать месяцев по торговой визе.

Живет под именем Уллиам Бауэс и

утверждает, что является гилером

аэронавигационной техники. Не

испытывает

затруднений с наличием или связями.
Его

бизнес вполне легален. Он скопил
множество

деталей, агрегатов и инструментов,
нажав в

большом количестве местных
техножрецов.

Внешне все выглядит так, словно он
занимается починкой и обслуживанием
оборудования. Но что он делает на самом
деле, еще не ясно.

- Он приобрел или арендовал
какие-нибудь производственные площади? -
спросил Безунди.

- Нет. Это и настораживает. - Фишиг
оглянулся на меня. - Он постоянно
переезжает. Его перемещения трудно

отследить. Но четыре дня назад мне
удалось

получить наводку, указывающую, что он
находился в северном морском порту -

Финъярге. Я отправил туда Нейла.

Гарлон Нейл, бывший охотник за
головами, являлся одним из старейших и
лучших моих сотрудников.

- Что ему удалось найти?

- Он не успел перехватить Туринга. Тот
уже исчез, но Нейл попал в его
гостиничный

номер до того, как там успели
прибраться.

Гарлон собрал достаточное количество
волос

и чешуек кожи, чтобы провести
генетическое

сравнение с теми образцами, что имелись
у

на. Полное соответствие. Уллиам Баубс
- это

Фэйг Туринг.

- Говоришь, он сейчас находится на
полярном острове?

Фишиг кивнул:

- Нейл пошел по следам Туринга и узнал,
что тот переправился к местечку
Миквол.

Несколько лет назад на острове
располагалась станция слежения Сил
Планетарной Обороны, но сейчас она
заброшена. Нам неизвестно, чем он
занимается и вообще там ли он до сих
пор.

Нейл уже должен был добраться до
острова.

На связь Гарлон не выходил, но

магнитосфера у полюса просто сходит с
ума, поэтому любые коммуникации

выходят из

строю. По крайней мере, дальняя связь.

- Превосходная работа, старина, -

похвалил я Фишига, и тот благодарно улыбнулся.

Годвин Фишиг, бывший исполнитель

Agentus Арбитрес со Спеси, обладал

несравненными талантами во всем, что

касалось служения закону, и на тот момент

был одним из ветеранов моей команды. Он, как и Елизавета Биквин, работал на меня уже

пятнадцать десятилетий. Только Эмос

служил мне дольше. Эти трое были моей

опорой, фундаментом, краеугольным

камнем всех моих операций. И моими

грузьями. Ученый советник Эмос являлся

невероятным кладом знаний. Биквин

была

неприкасаемой и руководила Дамочками, подразделением, включавшим

индивидуумов, обладавших аурой

ментальной пустоты, самым мощным

оружием, способным заблокировать

воздействие даже наиболее могущественных

псайкеров. Кроме всего прочего, именно к

Биквин я обращался за поддержкой, когда у

меня возникали проблемы. И доверял ей

самые сокровенные мысли.

Фишига же можно было назвать

воплощением моей совести. Он был

и широкоплечим. Некогда красивые светлые

волосы с возрастом совсем поседели, лицо

его сделалось еще более хмурым, появился
второй подбородок, а шрам под
затянутым
поволокой глазом со временем стал
розовым
и блестящим. Фишиг был грозным воином
и
прошел вместе со мной через самые
жуткие
переделки. Но я никогда не встречал более
бесхитростного и чистого человека...
даже
среди пуритан. Добро и зло, порядок и
Хаос, человечество и варн - разница между
этими
понятиями для него была столь же
очевидной, как между черным и белым. Я
и
восхищался. Время и жизненный опыт
заставили меня признать, что
существует и

нечто среднее, «серое». Фишиг был
необходим мне как моральный компас.

И он с радостью исполнял эту роль.

Думаю, именно поэтому он прослужил со
мной так долго, хотя, оставаясь
арбитром, возможно, уже стал бы
тировым судьей, дивизионным префектом
или даже

губернатором планеты. Но его
удовлетворяла

роль «совести» одного из виднейших
инквизиторов сектора.

Чногда я задумывался, не огорчает ли
Фишига тот факт, что я никогда не
пытался

занять более высокое положение в

Инквизиции. Ведь учитывая мой
послужной

список и репутацию, я мог бы стать
лордом

Ордоса или, по крайней мере, значительно
дальше продвинуться по карьерной
лестнице. Лорд Роркен, ставший моим
наставником, часто пенял на то, что я не
воспользовался предоставленными
возможностями. Он потратил много
времени, чтобы сделать из меня своего
преемника, будущего властителя Ордо
Ксенос Геликанского субсектора. Однако я
никогда не мечтал о бумажной рутине.
Полевая работа доставляла мне куда
больше
удовольствие.
Если бы я все-таки принял предложение
Роркена, именно Фишиг выиграл бы
больше
всего. Мне нетрудно было представить
его в
роли главнокомандующего Гвардии

Инквизиции Теликана. Но он никогда не давал ни малейшего повода думать, что стрелится к этому. Ему, как и мне, нравилась

полевая работа.

Долгое время мы составляли отличную команду. Я никогда его не забуду и вечно буду благодарен Богу-Императору за то, что

удостоился чести работать с Годвином.

- Эмос, - сказал я, - может, тебе стоит посмотреть отчеты фишига? Меня

заинтересовал этот остров.
Проанализируй

всю имеющуюся информацию, карты, архив.

Расскажешь мне, что удалось найти.

- Конечно, Грегор, - ответил Эмос.

С годами его голос становился тоньше и

пронзительнее, ученый все сильнее
сутулился и, казалось, усыхал. Но его
по-прежнему обурежала жажда знаний. От
новой информации он получал такое же
удовольствие, как некоторые от пищи,
богатства или даже любви.

- Фишиг поможет тебе, - сказал я. - У
возможно, инквизитор Расса. Попрошу
предоставить полноценный отчет через...
- я

сверился с хронометром, - шестьдесят
минут. Я хочу получить четкий, простой
план

действий до того, как мы доберемся до
места. Елизавета?

- Да, Грегор?

- Свяжись со всеми нашими агентами на
Дюрере и вызови их на помощь. Прежде
всего Дамочек. Мне безразлично, сколько

времени это займет и во что обойдется.

Я

должен быть уверен, что за нами следует
основательное подкрепление.

Биквин любезно кивнула. Елизавета
потрясающе управляла людьми. Она была
все такой же, притворно застенчивой и
оставалась столь же прекрасной, как и в
том

день, полтора столетия назад, когда я
впервые встретил ее, - захватывающая
демонстрация того, как наука Империи
может противостоять старению
человеческого организма. Только едва
заметные морщинки в уголках глаз и губ
выдавали тот факт, что перед вами не
просто

ошелотляюще красивая женщина, только
разменявшая третий десяток.

Ее походка стала по-королевски
величественной. Теперь Елизавета
опиралась
на глинный посох из черного дерева,
оправдываясь тем, что ее кости
состарились.

Но, полагаю, она просто пыталась
подчеркнуть свой статус.

Только по взгляду ее прекрасных глаз
можно было угадать, сколько всего ей
пришлось пережить. Ее жизнь была
тяжела, она стала свидетелем многих
ужасных

событий. В глубине ее взора таились
тоска, душевная боль и глубокая печаль. Я
знал, что

она любила меня, и сам любил ее более
чем

кого-либо. Но когда-то давно по взаимному
молчаливому согласию мы отказались от

этого чувства. Я был псайкером, а она -
неприкасаемой. Как бы мы ни тосковали
по

отвергнутой любви, вместе бы мы
испытывали куда более сильные муки.

- Дахаулт...

- Сэр? - энергично откликнулся астронавт.

Он работал со мной уже в течение
двадцати

лет, больше, чем любой другой астронавт,
какого я нанимал. По опыту мне известно,
что их тело и сознание быстро

изнашиваются. Дахаулт был крепким,
крупным мужчиной с потрясающими

навощенными усами. Я сам предложил ему

отрастить усы в качестве некоторой

компенсации за то, что ему, как всякому

астронавту, приходилось наголо брить
голову.

Без сомнения, он был мощным и способным

специалистом и хорошо приспособился к
моему режиму работы. Только в последние
несколько лет у него стали проявляться

признаки психического истощения -
дряблая, обвисшая кожа, затравленный
взгляд, афазия. Я очень надеялся, что
смогу

отправить его на пенсию прежде, чем эта
работа спалит ему рассудок.

- Проверь, что можно услышать, - сказал я
ему. - Фишиг говорит, что магнитосфера
блокирует вокс-передачи, но Түринг
может

использовать астронатов.

Он кивнул и зашаркал к своей компактной
экранированной каюте под мостиком,
чтобы

включить в свой череп штенселя сети
астрокоммуникаций.

Наконец я повернулся к Бексу Безунди и
Дуклану Хаару. Раньше Хаар был
снайпером

в 50-м Гудрунском стрелковом полку
Улперской Гвардии - полку, с которым у
меня давние связи. Среднего
телосложения, он носил татовую,
антибликовую

облегающую броню, а именной жетон,
оставшийся со времен армейской службы,
свисал с шеи на шнурке. Дуклан потерял
ногу

в сражении на Вичарде и был списан в
запас

по инвалидности. Но при этом он
продолжал

управляться с длинноствольным
снайперским лазерным ружьем так же
хорошо, как когда-то Дуж Густаан,
который

уже давно покинул наши ряды... Я до сих

пор

не могу простить себе его гибель...

Хаар был чисто выбрит, а каштановые

волосы подстригал так же аккуратно, как
и в

те дни, когда еще таршировал по плацу.
Он

носил оптический прибор, оборудованный
коленчатой лапкой прицела, которая
опускалась на правый глаз. Прибор
крепился

на его голове изгибающейся над ухом
дужкой. Дуклан предпочитал это
устройство

стандартным прицелам, и, полня
количество

произведенных им точных выстрелов, я не
считал нужным с ним спорить.

Бекс Безунди был бандитом в самом

прямот смысле этого слова. Сорвиголова,
как назвал бы его Котмогус Вок.

Преступник, мошенник, аферист и
мерзавец, рожденный в трущобах
Саметера, мира, к

которому я не испытывал теплых чувств,
поскольку однажды оставил там руку.
Бекс

был рекрутом Гарлона Нейла - возможно,
одной из его тишеней, которой

предоставили выбор между жизнью и
смертью, - и присоединился к моей
команде

шесть лет назад. Бегунги отличали
невыразимая дерзость в речах и
невероятно

утелое обращение с пистолетами.

Высокий и не слишком красивый
тридцатилетний парень весь прямо-таки
светился потрясающей
харизматичностью.

Темноволосый, с идеально ухоженной,
черной как уголь эспаньолкой,
обратляющей

нахально улыбающийся рот. Резко

выступающие скулы, обтянутые

мертвенно-бледной кожей,
контрастировали

с черной краской для век под опасно

сверкающими глазами - такая раскраска

была обычной для бандитов из трущоб. Он

носил тяжелую кожаную куртку,
украшенную

богатой вышивкой шелком и нелепыми

скоплениями блесток. А вот в паре

автоматических пистолетов марки
«Гекатер», покоящихся в выполненных на
заказ

особенных кобурах, позволяющих быстро

выхватить оружие, ничего смешного не

было.

- Будьте готовы. Не исключено, что сразу после высадки нам придется вступить в перестрелку, - сказал я.

- Потрясные новости, - откликнулся Бегунди с голодной улыбкой.

- Только скажите, куда стрелять, сэр, - отозвался Хаар.

Я удовлетворенно кивнул.

- Никакой показухи, слышите меня?

Рисоваться будете потом.

Казалось, мои слова загели Бегунди за живое.

- Можно подумать, бывает иначе! - возмущился он.

- На самом деле я думал о тебе, Хаар, - ответил я.

Хаар покраснел. Он оказался чрезвычайно... увлекающимся. Инстинкт

убийцы.

- Можете доверять мне, сэр, - сказал он.

- Это важно. Я знаю, что это всегда важно, но на сей раз, это... личное. Так что без фокусов.

- Мы ловим парня, который коннул напочку Ду? - спросил Безунди.

Ду. Так они называли Медею Бетанкор, моего пилота.

- Да. И ради ее блага, будьте настороже.

Я поднялся в кабину. Мимо нас проплывали нагромождения облаков. Медея управляла машиной с видом взбесившегося демона.

Ей было немногим более семидесяти пяти лет - еще практически девчонка.

Ошелотительная, изменчивая, утная,

сексуальная, она унаследовала талант
пилота

от своего погибшего отца так же, как и
его

темную главианскую кожу и внешнюю
красоту.

Она носила светло-вишневую летнюю
безрукавку Мигаса.

- Медея, ты не должна терять
самооблагания, - сказал я.

- Хорошо, - ответила она, не сводя взгляда
с панели управления.

- Ты знаешь, что я имею в виду. Это
только
работа.

- Я знаю. Все хорошо.

- Если захочешь отказаться, я пойду тебе
навстречу.

- Отказаться?! - прорычала она и резко

обернулася ко мне. Ее огромные карие
глаза

наполняли сердитые слезы. - Мы
преследуем

убийцу моего отца! Я всю свою жизнь
ждала

этого момента! И это не метафора! Я не
собираюсь отказываться, босс!

Она никогда не знала своего отца. Фэйг

Туринг убил Мугаса Бетанкора за месяц
до

ее рождения.

- Прекрасно. Ты будешь мне нужна. Я бы

хотел, чтобы ты была со мной. Но не
давай

волю эмоциям, хорошо?

- Этого не будет.

- Рад слышать.

Последовала долгая пауза. Я развернулся,
собираясь уйти.

- Грегор? - мягко произнесла она.

- Да, Медея?

- Убей этого выродка. Пожалуйста.

Вернувшись в свою каюту, я приступил к приготовлениям. Вместо костюма главного

ревизора я надел бронированный доспех, армированные сталью высокие сапоги, кожаную куртку и тяжелый, непротокаемый

плащ с бронированными щитками на плечах.

Знак властных полномочий я закрепил на груди, а инсигнию инквизитора повязал под горлом.

Затем я извлек из сейфа свое излюбленное оружие - крупнокалиберный болтерный пистолет, рунный посох, сделанный для меня магосом Агентус Механикус Буром,

и

наконец изогнутый, испещренный

пентаграммами силовой меч, который
был

выкован из сломавшейся на две половины
картайской сабли - Ожесточающей.

Я поочередно благословил их.

И вспомнил о Мугасе Бетанкоре, который
погиб уже более полувека назад.

Ожесточающая нетерпеливо заурчала в
моих

руках.

Глава 3

МИКВОЛ

ДЮРЕР, СТАНЦИЯ СЛЕЖЕНИЯ

СПО 272

ПОВОРОТ ДЕЛА

Миквол представлял собой обширную

вулканическую плиту, шестнадцать
километров длиной и девяти шириной,
выступающую из черных вод полярного
океана. С воздуха остров казался холодным
и

безжизненным. Отвесные пики высотой в
сотню метров обрамляли его по краям, а
между ними простиралась пустыня,
усыпанная валунами и каменными
обломками.

- Есть признаки жизни? - спросил я.

Медя пожала плечами. Нам ничего не
удавалось обнаружить. Огоньки и
диаграммы

на дисплеях приборов мигали и скакали
как

сумасшедшие - магнитные бури выводили
оборудование из строя.

- Мне приземлиться? - спросила она.

- Может быть, - сказал я. - Но вначале
сделай еще один заход к югу.

Мы заложили вираж. Облачный покров
был низким, и клубы холодного тумана
окутывали мрачные очертания острова.

В кабину вошел фишиг.

- Говоришь, здесь были какие-то здания? -
спросил я.

- Станция слежения, - кивнул он, -
которую Силы Планетарной Обороны
использовали в первые годы после
освобождения. Ее оставили еще несколько
десятилетий тому назад. Располагалась
в

глубине острова. У меня есть только
приблизительные координаты.

- Что это? - Надея указала на южные
утесы.

Внизу ты сможешь различить несколько заброшенных пристаней, посадочные доки и

блочные ангары, сгруппированные у подножия скалы. Железнодорожные рельсы, опирающиеся на ряд ржавеющих столбов, спускались от одного из самых больших ангаров.

- Это постройки аэродрома, - сказал Фишиг. - Он использовался для снабжения острова, когда здесь еще размещались сотрудники СНО.

- Там какое-то торское судно. Довольно большое, - сказал я и посмотрел на Мегею.

Сядь вон там. Утес рядом с ангарами. Катер спрячет среди скал.

Было невероятно холодно, в воздухе висел сырой соленый туман. Эмосу, Дахаулту и

Медее я приказал оставаться на борту, а остальные приготовились к высадке. Уже на

тране я спохватился и обвернулся к Вerveуку:

- Ты тоже остаешься на борту, Бастиан.

Он обеспокоенно посмотрел на меня.

Опять этот проклятый тоскливый взгляд.

- Мне бы хотелось, чтобы кто-то, на кого я

могу рассчитывать, приставивал за катером, - не моргнув глазом, солгал я.

Выражение его лица немедленно переменилось: гордость, чувство собственной важности.

- Конечно, сэр!

Мы прошли по утесу, тянущемуся вдоль высоких скал, и направились к блочным

строениям. Такие здания можно было встретить во всех концах Империи. Их собирали из стандартных модулей. Времени

непогода заметно потрепала постройки. Окна были забиты досками, а прогнившие стены из прессованного искусственного волокна покрывали многочисленные заплатки. Дождь и соленые брызги смыли краску с наружных панелей, но кое-где еще можно было различить потускневшие гербы

Сил Планетарной Обороны Дюрера.

Хаар и Фишиг шли впереди. Дуклан вскинул винтовку к плечу и опустил на глаза

прицел. Годвин спокойно нес оружие в опущенной руке. Датчик перемещений потрескивал и пощелкивал на его левом

плече. Мы с Расси держались позади них,
а

Елизавета, Кара и Безунди замыкали
шествие.

Фишиг указал на рельсы, которые мы
видели с воздуха.

- Похоже на канатный подъемник или
фуникüler. Доходит до вершины утеса.

- функционирует? - спросил Расси.

- Сомневаюсь, сэр, - ответил Фишиг. - Он
старый и давно не ремонтировался. Мне
не

нравится, как выглядят те кабели.

Основные канаты подъемника

представляли собой толстые стальные
тросы, но сейчас они слабо покачивались на
ветру

между опорами и казались весьма
ненадежными.

- Впрочем, есть лестница, - добавил

Фишиг. - Прямо в скале рядом с
подъемником.

Мы подошли к заброшенным причалам.

Если не считать завываний ветра,
тишину

нарушало только тихое позвякивание

ржавых цепей. У причала был
пришвартован

корабль - современный океанический

двадцатиметровый экраноплан цвета

полированной стали. Трафаретные

изображения на его борту подсказали нам,
что это чартерное судно из Финляндии -

предположительно то самое, которое
Туринг

нанял, чтобы добраться до острова.

Матросов или кого-нибудь из команды

видно не было, да и все люки оказались

заграенными. Наши приборы не определяли
и работы какой бы то ни было
автоматики.

- Хотите, чтобы я забралась внутрь? -
спросила Кара.

- Возможно...

Крик Хаара не дал мне договорить.

Он стоял в дверях ближайшего модульного
строения - посадочного ангара,
установленного над водой на сваях, - и
указывал в темноту здания. Я поспешил к
нему. В полутраке я смог увидеть четыре
тела, лежащие на дощатом настиле у
пересохшего колодца. Фишиг опустился на
колени возле одного из них.

- Местные моряки. Документы так и
лежат

в их карманах. Рабочие из Финъярга.

- Как давно их убили?

Фишиг пожал плечами:

- Возможно, они пролежали здесь сутки. В каждом случае по одному выстрелу в затылок.

- Экипаж судна.

Гогвин поднялся.

- Дело начинает проясняться.

- Почему же они не сбросили тела в море?

- поинтересовался Хаар.

- Потому что экраноплан весьма сложен в управлении и экипаж им был необходим живым, чтобы добраться сюда, - предположил я.

- Но если они убили их, как только оказались здесь... - заговорил Хаар.

Я прошелся по ангару.

- Это значит, что они не собираются

покидать остров. Но крайней мере, не на этом судне.

Я приказал Каре Свол взломать дверь рубки экраноплана. Внутри не оказалось ничего интересного, только кое-какое оборудование и разный хлам, принадлежавший экипажу. Все остальное пассажиры забрали с собой.

Единственное, что нам удалось узнать, учитывая грузоподъемность экраноплана и количество спасательных жилетов, так это

то, что с Турингом на Миквол могло прибыть

порядка двадцати человек.

- Они отправились вглубь острова, - решил я. - И туда же двинется ты.

- Передать Ди, чтобы готовила катер? - спросил Бегунди.

- Нет. Мы пойдем пешком. Мне бы хотелось поговорить с Турингу как можно

ближе, прежде чем он обнаружит нас. Катер

мы сможем вызвать, когда он нам потребуется.

- Медее это не понравится, Грегор, - предупредила Биквин.

Я и сам это прекрасно понимал.

Я полагал, что Медея заслужила право отомстить за отца. Месть не могла быть

достойным мотивом для действий инквизитора. Но не для своевольного, вспыльчивого боевого пилота.

Однако ее невоздержанность могла стать нам помехой. Я хотел взять Туринга чисто, и

меня вовсе не радовала мысль, что, обуреваемая слепой яростью, Медее сорвется

и натворит дел.

Биквин была права. Медее это и в самом деле не понравилось.

- Я иду!

- Нет.

- Я иду с вами!

- Нет! - Я схватил Бетанкор за руку и заглянул ей в лицо. - Ты не пойдешь. Не сейчас.

- Грегори! - завопила она.

- Послушай! Подумай об этом спокойно...

- Спокойно?! Этот ублюдок убил моего отца...

- Послушай! Я не хочу, чтобы нас

обнаружили раньше времени. Это означает, что катер останется здесь. У

мне

необходимо, чтобы судно было готово
взлететь по первому сигналу, то есть ты
должна остаться на борту! Надея, ты
единственная, кто может им управлять!
Она освободилась от моей руки,
отвернулась и уставилась на волны.

- Надея?

- Ладно. Но я хочу быть там, когда...

- Ты там будешь. Я обещаю.

- Клянешься?

- Клянусь.

Она медленно развернулась и посмотрела
на меня. В ее глазах все еще горела
ярость.

- Поклянись на своей тайне, - сказала она.

- Что?

- Сделай это по-главиански. Поклянись на

своей тайне.

Теперь я вспомнил. Главианская

традиция. Они считали, что клятвы
более

надежны, если подтверждаются
обещанием

разгласить самые личные, самые глубокие

тайны. Полагаю, в давние времена это

означало, что главианский пилот
обязуется

обмениваться ценными техническими или

навигационными секретами с кем-то еще,
что являлось испытанием на верность и

честность. Однажды, много лет назад,
этого

от меня потребовал и Мугас. Он
заставил

меня пообещать ему трехмесячный
отпуск, когда я вынуждал его работать
чрезмерно

много. Но такой возможности не представилось, потому что на нас наваливалось то одно, то другое дело, и в итоге мне пришлось рассказать ему, что я

люблю Елизавету и каждой клеточкой своего

тела мечтаю быть вместе с ней.

Тогда это было самой глубокой, самой темной моей тайной. Как все-таки меняются

со временем некоторые вещи.

- Я клянусь на своей тайне, - сказал я.

- На самой серьезной тайне.

- На своей самой серьезной тайне.

Она сплюнула под ноги, а затем быстро облизала свою ладонь и протянула ее мне. Я

повторил эти жесты и пожал ее руку.

Мы оставили Бетанкор, Эмоса,
Дахаулта и

Вервеука в боевом катере и направились к
каменной лестнице.

К тому времени, как мы достигли
вершины, пошел дождь и последние
ступени

стали предательски скользкими. Соленый
ветер налетал с моря, пробираясь под
наши
одежды.

Я беспокоился о Поле Расси. Он был
старше меня более чем на век и хотя
старался не подавать виду, но после
подъема

выглядел усталым, задыхался и даже
поблел.

- Я в порядке, - сказал он, тяжело
навалившись на трость. - Не суетитесь.

- Ты уверен, Поль?

Он улыбнулся.

- Грегор, я слишком много лет провел в залах судов и архивах. Происходящее кажется мне почти приключением. Я уже и

забыл, как мне это нравилось. - Расси поднял

трость и взмахнул ей, словно саблей. -

Поїдем?

Мы продвигались вглубь острова. Фишиг прихватил с собой ауспекс, настроенный на сигнал базы СНО. С нее мы и решили начать.

Небо светилось мутной белизной. Полосы тумана липли к земле, словно дымовая завеса. Дождь не прекращался ни на миг.

Пейзаж не радовал глаз - сплошь острые

скальные выступы и крутые, темные
лощины, усыпанные щебнем. Из земли
кое-где торчали антрацитово-темные,
местами покрытые потоками
вулканического

стекла катки - некоторые размером с
человеческую голову, а некоторые - с
боевой

танк. Зловещее, унылое место.
Одноцветный

мир.

Спустя два часа мы добрались до одной из
периферийных вышек станции слежения.

Изъеденную ржавчиной конструкцию

венчали металлические лепестки,
некогда

бывшие приемными антеннами.

- Мы уже близко, - сказал Фишиг, сверяясь
с ауспексом. - База СНО за следующим

мысом.

Станция слежения СНО 272 была основана вновь организованными Силами Планетарной Обороны вскоре после освобождения Дюрера. Она стала частью глобальной системы наблюдения, в которую входило еще примерно три сотни аналогичных баз. СНО Дюрера были способны круглосуточно отслеживать орбитальный трафик, местную транспортную сеть и даже основные космические и варп-перемещения, собирая жизненно важные тактические сведения в данном регионе субсектора. В течение двадцати лет после аннексии территории систему наблюдения постепенно сокращали.

В итоге оставили только цепочку сканирующих маяков на высокой орбите и подчиненную подсеть сенсорных буйев, разбросанных по всей системе Дюрера.

В конце концов, приблизительно три десятилетия тому назад СНО покинули и эту

устаревшую станцию и были, несомненно, рады тому, что им никогда больше не придется совершать обходы среди этих суровых скал.

Станция располагалась на берегу глинистого полярного озера, с северной стороны обращенного острыми скалами. Его гладкая, мерцающая, столбистая поверхность

время от времени покрывалась рябью, ледяные ветра разгоняли клубившийся над водой туман.

Восемнадцать глиняных готов были

выстроены вокруг круглого здания
генераторной станции. Ангар,
достаточно
большой, чтобы разместить в нем
несколько
десантных кораблей или орбитальных
перехватчиков, складские помещения,
многочисленные машинные цеха,
маленькая
часовня Екклезиархии, центральный
командный пост с прилегающими
конструкциями, радиально расходящимися
от него во все стороны, скопление вышек с
антеннами.

Все это было отдано на милость стихии.
Типовые сборные здания состарились и
обветшали, окна были забиты досками.
Улицу между зданиями загромождал
ржавеющий хлам: старые топливные

баки, остовы грузовиков, покрытые
коррозией

металлические ставни.

От главной антенны остался только

каркас, развернутая на запад полусфера,
образованная стальными перекладинами и

ржавыми балками. Отражаясь в черном

зеркале озера, это сооружение больше

походило на останки какого-то гиганта,

точнее - на обнажившиеся ребра огромной

грудной клетки.

Стараясь оставаться незамеченными, мы

вышли на холодное побережье и

направились к ближайшему глинному

строению. Все, кроме Бегунди, взяли
оружие

на изготовку. Ауспенс Фишига, как и его

датчик перемещений, указывал на
наличие

живого существа где-то неподалеку.
Однако

из-за проклятых магнитных возмущений
приборы не могли определить расстояние
до
обнаруженного объекта.

Я сделал спутникам знак сохранять
молчание и жестом приказал Хаару
продвигаться по левой стороне улицы, а
Фишигу - по правой. Неплохо было бы
послать вперед и Кару, но, как я и просил,
она держалась рядом с Расси, крепко
сжатая

штурмовую винтовку в обтянутых
перчатками руках. Поль извлек из складок
темных, отороченных мехом одеяний
многоствольную «перечницу»[\[1\]](#).

Выглядевшую весьма экзотично.

Биквин держалась позади, чтобы ее аура

ментальной пустоты не вступала в
конфликт

с своим сознанием. Перед высадкой на
Миквол она сменяла свой официальный
наряд на стеганный, облегающий
комбинезон

и прочные сапоги и завернулась в
темно-зеленый бархатный, украшенный
вышивкой плащ с капюшоном. Посох она
оставила на борту катера. В руках
Елизаветы

поблескивал изящный глинооствольный
микроразерный пистолет, подаренный
мной

на ее сто пятидесятый день рождения.

Щечки его рукоятки были
инкрустированы

желчугом. Вообще это оружие являло
собой

настоящий шедевр, изготовленный еще в

древности магосом Нүелом с Туенны.

Цзяцный, элегантный и невероятно
мощный

пистолет очень подходил Биквин.

Фишиг подал сигнал Хаарү. Хаар

опустился на одно колено, чтобы
обеспечить

своему рослому помощнику прикрытие,
пока

тот направлялся к черному ходу
следующего

длинного строения. Я отправил Безүнди
ил

на помощь. Так до сих пор и не вытащив
пистолетов из кобуры, он побежал вперед
легкой, размашистой походкой.

Дождавшись его, Фишиг скользнул внутрь
здания, а через несколько секунд за ним
последовал и Безүнди.

Мы подождали с минуту, а затем Бекс появился в дверях и знаками позвал нас подойти.

Укрыться от сырости и ветра, конечно, было хорошо, однако в темных, пропахших тленом внутренних старомодного

барака оказалось не намного лучше. Мы вошли внутрь. Хаар с Карой встали на страже

у дверей, а Безунди прошел вперед.

Фишиг что-то нашел.

Вернее, Фишиг кого-то нашел.

Грязный, иссохший и завшивленный

старик сжался в углу, скуля каждый раз, когда по нему пробежал луч фонаря Годвина.

Если бы я увидел такого человека на улицах

Эриала, то принял бы его за нищего. Но

здесь

все было иначе.

- Дай мне фонарь, - сказал я.

Старик с затравленным видом подался назад, когда я направил на него луч яркого белого света. Все его тело было покрыто коркой грязи, он был изможден, явно голоден и очень напуган.

Но, несмотря на это, я смог опознать его одеяния.

- Отче?

Он застонал.

- Отче, мы друзья. - Я отстегнул свою инсигнию и протянул ее старику, чтобы он

смог ее рассмотреть. - Я инквизитор Грегор

Эйзенхорн, Ордо Ксенос Геликана. Мы

прибыли сюда по официальному запросу.
Не

бойтесь.

Священник посмотрел на меня, нервно
заторгал и медленно протянул
заскорую

руку к инсигнии. Я позволил ему взять ее.

Несколько долгих минут он внимательно
рассматривал знак Инквизиции. А затем
руки его задрожали и он заплакал.

Жестом приказав фишигу и остальным
отойти назад, я опустился возле старика
на
колени.

- Как вас зовут?

- Д-дроник.

- Дроник?

- Отец Эришаль Дроник, глава прихода

Миквол, благословен будь Бог-Император

Человечества!

- Храни нас всех Бог-Император, -
ответил

я. - Вы можете рассказать мне, как здесь
оказались, отче?

- Я всегда был здесь, - ответил он. -

Солдаты, может быть, и ушли, но пока
здесь

стоит часовня, есть и приход, а значит,
есть и

священник.

Во имя Золотого Трона, этот старик
жил

здесь в одиночестве в течение тридцати
лет!

- Эту территорию так и не
десакрализировали?

- Нет, сэр. И я благодарен за это.

Выполнение священного долга перед этим

приходом дало мне время на раздумья!

- Скорее уж на то, чтобы сойти с ума, - пробормотал Хаар.

- Довольно! - бросил я через плечо.

- Позвольте мне убедиться, что я

правильно вас понял, - обратился я
Дронику.

- Вы служили здесь священником, и, когда

СНО покинули базу, вы остались и

заботились о часовне?

- Да, сэр, именно так.

- Как же вы выжили? - поинтересовался

Фишиг. Прирожденный детектив, он
хотел

узнать все подробности этой истории.

- Рыба, - ответил священник, и, судя по

ужасающе зловонному дыханию, я был

склонен ему поверить. - Рыба... Раз в
неделю

я спускался к посадочной площадке и ловил
рыбу, а улов коптил и хранил в ангаре.
Кроме

того, солдаты оставили много консервов.
А

что? Вы голодны?

- Нет, - быстро проговорил Фишиг, явно не
готовый к великодушью и
гостеприимству
старика.

- Почему же вы прячетесь здесь? - таяко
спросила Биквин.

Дроник посмотрел на меня так, словно
просил разрешения ответить.

- Продолжайте, - кивнул я.

- Они выгнали меня, - сказал он. - Из
моего ангара. Подлецы. Они попытались
убить меня, но, знаете, я умею бегать!
- Не сомневаюсь.

- Почему они выгнали вас? - вновь вступил в разговор фишиг.
- Им был нужен ангар. Думаю, они хотели заполучить мою рыбу.
- Уверен, что это так. Конченная рыба здесь в цене. Но ведь им было нужно что-то еще?
- Они нуждались в пространстве, - с унылым видом кивнул старик.
- Зачем?
- Для работы.
- Какой работы?
- Они ремонтируют своего бога.
- Я бросил косой взгляд на фишига.
- Своего бога? И что же это за бог?
- Уж не мой, это точно! - воскликнул Дроник, а затем внезапно затер, словно

задумавшись. - Но, тем не менее, это бог.

- Почему вы так говорите? - спросил я.

- Он большой. Все боги большие. Верно ведь?

- Как правило.

- Вы сказали «они». - Расси присел рядом со мной. - Кого вы имеете в виду? Сколько их

здесь? - Тон Расси был мягким и успокаивающим.

Я ощутил тонкий след психического воздействия, осторожно пущенного им в ход.

Неудивительно, что он приобрел репутацию

великого инквизитора. Каким же я был глупцом, что сам до сих пор не задавал этих

простых вопросов!

- Божьи кузнецы,- ответил старый
священник. - Не знаю их имен. Их девять.
Ц

еще девять. Потом четырнадцать других.
Ц

пятиро.

- Тридцать семь? - выдохнул Фишиг.

Дроник поторщился.

- О, их куда больше. Девять, еще девять,
четырнадцать, пять, десять, три и
шестнадцать...

- Слабоумие, - взглянув на меня,
прошептал Расси. - Старик способен
запоминать их количество только по
группам, которые видел. Он не способен к
идентификации целого.

- Я не дурак, - неожиданно встрял Дроник.

- Этого я и не говорил, отче, - ответил
Расси.

- И не безумец.

- Конечно.

Старик глупо улыбнулся и кивнул:

- У вас не найдется рыбы?

- Босс! - внезапно прошипел Хаар.

- Что случилось? - Я быстро вскочил на ноги.

- Движение... в тридцати метрах... - Его дальномер попискивал, считывая показания.

Хаар стоял на коленях в дверях, держа оружие на изготовку.

- Что ты видишь?

- Неприятности. Восемь вооруженных мужчин. Идут стандартным армейским пехотным строем. И идут они сюда.

- Должно быть, мы где-то задели сигнализацию, - предположил Бегунди.

- Я не хочу ввязываться в драку. Пока не хочу. - Я посмотрел на остальных. -

Предлагаю уйти через другой выход и перегруппироваться.

- Мы должны взять его с собой. - Расси указал на старого священника.

- Согласен. Пойдем.

Бегунди открыл гальнюю дверь барака и пошел вперед. Биквин двинулась следом, а за

ней - Фишиг. Поль нагнулся, чтобы помочь священнику подняться.

- Пойдем, отче, - сказал он.

Увидев протянутую руку, Дроник вскрикнул.

- Вот дерьмо! Нас обнаружили! -

воскликнул Хаар. - Они идут!

Лазерные лучи, яркие и яростные,

внезапно влетели в дверной проем и пробили дыры в прогнившем прессованном волокне.

Кара нырнула в укрытие. Хаар не шелохнулся, и я услышал, как потрещала его лазерная глиноостволка.

- Минус один, - удовлетворенно произнес снайпер.

Мы с Расси подняли старого священника на ноги и потащили к загнету выходу.

Позади нас снова раздался треск лазгана, к которому присоединился стрекот штурмовой

винтовки Кары Свол. Ответный огонь забарабанил по стене барака и пробил в ней
отверстия.

- Вытаскивай его, - прокричал я Полю и

побежал к двери.

Встав рядом с Карой, я несколько раз
выстрелил из болтерного пистолета
через

выбитое окно. Ответные лазерные лучи
пролетали над улицей и расплескивались
по

стене здания. Несколько человек в серых
громоzdких доспехах бежали в нашу
сторону, изредка останавливаясь для того,
чтобы

разрядить очередную обойму.

Внезапная догадка, четкая и ясная,
вонзилась в мое сознание. Я бросился к
Каре

и Дуклану.

- Уходим! - провыл я.

Мы едва успели добежать до выхода, когда
внутри барака разорвалась первая
граната.

Дверной проем, у которого недавно сидел Хаар, охватило пламя. Во все стороны полетели куски прессованного волокна.

Взрывной волной нас выбросило на улицу.

Фишиг помог мне подняться.

- Шевелись! Шевелись!

Из раны на виске Кары текла кровь, а Хаар

был контужен, но мы все равно побежали по

грязной дороге наверх к главной антенне.

Внезапно нам преградили путь трое

мужчин. Все они были вооружены

лазерными винтовками и одеты в

утепленную боевую броню.

«Гекатеры» оказались в руках Бегунди

быстрее, чем любой из нас успел поднять

оружие. Я заметил только, как на дорогу

полетели гильзы. Все трое напавших
растянулись на земле.

Бегунди ринулся вперед и уложил еще
двоих, невесть откуда выскочивших
противников. А потом Бекс молниеносно
развернулся, упал на спину и срезал с
крыши
очередного стрелка.

Еще пятеро мужчин, выломав дверь
барака, открыли по нам огонь. Фишигу и
Каре удалось убить троих. Биквин огнем
метким выстрелом в голову уложила
четвертого. Попадание из моего болтера
откинуло тело пятого на несколько
метров
назад.

- Шун? Эгиду жаждешь? Рисунок клятвы?
-
неожиданно проквалкал мой вокс.

Медея следила за происходящим по
вокс-линку.

- Ответ отрицательный! Шип желает
Эгиде

отдохнуть под крылом! - ответил я на
гlossии.

- Эгиде кипит. Кровавый цветок.

- Эгиде, отдохни, во имя трижды
сожженного. Как статуя, до исхода
времен.

- Грегор! Пусты меня!

- Нет, Медея! Нет!

Мы попали в серьезную переделку. Вокруг
метались лазерные лучи и взрывались
болтерные заряды. Фишиг и Хаар сумели
занять выгодные позиции и прикрывали
остальных плотным заградительным
огнем.

Кара и Биквин методично выбирали цели

и

клали неприятеля одного за другим.
Бегунги

неистово палил из своих

пистолетов-близнецов. Я стрелял
осторожно, аккуратно прицеливаясь,
прикрывая собой

старого священника. «Перечница» Расса

грохотала и сверкала, накрывая врагов

свинцовым шквалом. Каждые несколько

секунд он вскидывал свою трость и
посылал

вперед рябь психотермического пламени,
срывавшегося с серебряного наконечника.

- Соберитесь с Волей! - прокричал я. -

Ноль, тебя это касается в первую очередь.

Он кивнул.

- Выйти из укрытия! - приказал я,
используя Волю в полную силу.

Подобное грубое воздействие могло

положить на землю всех, кто находился
около

меня в радиусе нескольких метров. Однако
Хаар, Безунди и Кара специально
тренировались для того, чтобы избежать
воздействия моих псинопотоков. Биквин
была

неприкасаемой, а Фишига защищал обруч,
надетый на голову. Заранее
предупрежденный мной Расси поднял
ментальный щит. И только старый
священник, вскрикнув, застыл на месте и
обточился.

Нападавшие вышли из укрытий, все еще
сжатая дымящееся оружие и тупо торгая
округлившимися от удивления глазами.

Безунди, Фишиг и я открыли огонь и
перебили их за несколько секунд.

Победа.

Олившаяся какое-то мгновение.

Внезапно Дроник сорвался с места и
проворно засеменил по улице. Поля

скрутили конвульсии. Я тоже
почувствовал

нечто. Неожиданный всплеск фонового
псионического резонанса. Нечто вроде
болезненно яркой вспышки света.

Меня отбросило назад и ударило о стену
ближайшей постройки. Из носа хлынула
кровь. Безунди и Кара упали на колени.
Хаар

всхлипнул и тяжело осел на землю. Даже
защищенный обручем фишиг
почувствовал

ментальную волну и покачнулся. Только
Елизавету она не затронула.

- Что? Что случилось? - оглядев нас,
закричала Биквин.

Я знал, где расположен источник
псионического воздействия. Ангар. Мне с
трудом удалось распрямиться, как раз
вовремя, чтобы увидеть, как крыша здания
загрожала и выгнулась, словно что-то
толкало ее изнутри. Нечто огромное
поднималось из чрева ангара, вышибая
целые сегменты кровельного покрытия.

Должно быть, оно покоилось там, а
теперь

его активировали. То, что мы
почувствовали, было только отголоском
включившихся

ментальных контактов.

С ужасающей отчетливостью я понял,
что

теперь Фэйда Түринга практически
невозможно остановить.

Я допустил непростительную ошибку. Я

недооценил Фэйда и его возможности. Он больше не был тем жалким гилетантом, прислужником Варна, которому ты когда-то

позволили ускользнуть.

В его распоряжении был титан, прокляни его Император.

У него был боевой титан.

Глава 4

"КРУОР ВУЛЬТ"

БЕГСТВО ОТ ГИГАНТА

НЕВЕРОЯТНО РИСКОВАННАЯ

ЗАТЕЯ

Гигант в две с половиной тысячи тонн

весом назывался «Круор Вульт»[2]. Он

возвышался на шестьдесят метров над

землей, как все титаны класса «Полководец», держался на двух опорах и обладал

человеческими пропорциями. Его массивные
стальные ноги, завершающиеся
трехпалыми
стопами, поддерживали колоссальный
бедерный блок и огромное туловище, в
котором размещались пульсирующие
ядерные реакторы, а в широких плечах
располагались турболазерные батареи.
Плечи титана защищали бронированные
пластины. Руки были оборудованы
стандартом для этого класса
вооружением: бластером Гатлинга на
месте правого кулака
и плазменным оружием на месте левого.
Голова казалась сравнительно небольшой,
хотя я знал, что в ней достаточно места,
чтобы разместить капитанский мостик.
Голова была низко посажена между
плечами

и придавала сущелому монстру
жутковатый

вид. Я видел титанов и прежде. Они
всегда

производят ужасающее впечатление.
Даже

имперские боевые титаны заставляют
меня

чувствовать себя неуютно.

Агентус Механикус, производящие эти

военные машины на благо человечества и

обслуживающие их, почитают титанов
как

богов. Возможно, это лучшие из

механических существ, какие удалось

создать человеческой расе. Мы
строили

звездные корабли, способные

путешествовать через вакуум,
преодолевать

варн и дотла выжигать артиллерийским
огнем целые континенты, мы
разработали и

более сложные технологии, например
последние поколения жидко-ядерных
автономных когитаторов. Но нам не
удалось

произвести ничего столь же возвышенного,
как титаны.

Они созданы для войны, и только ради
войны. Их единственное предназначение -
уничтожать. Они оснащены самым
мощным

вооружением, какое только можно
использовать в наземных сражениях.
Только

корабли военного флота обладают
большей

огневой мощностью. Сам облик титанов, их
огромные размеры внушают ужас и

оригиналы, кощунственно искаженными
копиями марсианских боготашин. Другие -
древние имперские титаны, оскверненные
во времена Великой Ереси предавшими
человечество Легионами и скрывавшиеся в
Оке Ужаса в течение десяти тысяч лет
вопреки воле Императора.

К которым из них относился этот
экземпляр, меня волновало меньше всего.
Его корпус кое-где был помят, покрыт
ржавыми потеками, опутан обрывками
колючей проволоки и усеян клинками,
торчащими из стальных пластин, словно
шины. Я разглядел свисающие с его плеч
цепочки из желтоватых шаров и принял
было их за нелепые украшения, но вскоре
понял, что на самом деле это не что иное,
как

приближался к инфразвуковому спектру, и вызвал в нас первобытный ужас и панику. Земля вновь загрожала, но теперь уже от звуковой волны.

Он шел к нам. Когда «Крүор Вүльт» перешагнул через руины ангара, я смог разглядеть его глинный, мечущийся из стороны в сторону хвост.

- Уходим! - Я направил Волю на коллег в надежде добиться хоть сколько-нибудь адекватной реакции.

Каждые несколько секунд, когда монстр делал очередной шаг, земля под нашими ногами начинала ходить ходуном.

Мы побежали по улицам заброшенной базы, петляя между зданиями и стараясь не попадать в зону видимости монстра.

Послышался металлический скрежет
плохо

смазанных суставов. Титан повернул
голову, посмотрел в нашу сторону, тяжело
развернул

весь корпус и пошел прямо сквозь глинный
ангар, ломая его, словно картонный домик.

- Он знает, где мы! - отчаянно закричал
Расси.

- Откуда? - проскулил Хаар.

Армейские сенсоры. Высокоточный
успех. Мощные устройства, способные
преодолеть магнитные помехи. Эту
зверюгу

создали для сражений в любых, даже самых
неблагоприятных условиях. Ей были

ничужды воздействия токсинов, радиации,
вакуума, она могла выдержать

массированную бомбардировку. Титан

должен был суметь увидеть, услышать и
уловить цель даже посреди ада. Местные
магнитные возмущения, выводившие из
строя наши приборы, для него казались
пустяковой помехой.

- Он такой... огромный... - заикаясь,
произнесла Биквин.

Снова послышался грохот. Еще один ангар
превратился в руины. А затем раздался
протестующий скрежет металла - остов
грузовика обратился в прах под ногами
титана.

Мы бросились в противоположную
сторону, к югу от часовни и командного
пункта. И вновь монстр проскрипел
суставами и развернулся, чтобы
продолжить
преследование.

Мои мышцы светло сугорогой. Ментальный
импульс. Я ощутил, как нарастает
напряжение в психоимпульсном модуле
машины.

- Ложись! - завопил я.

Титан пустил в ход бластер Гатлинга.

Звук стрельбы сливались в единый
размытый шум. Широкий сверкающий
конус

раскаленных газов окутал дуло бластера.

Вокруг нас загорел разрушительный
шторм. Сотни фугасных снарядов
пропахали

землю и превратили постройки в груды

горящих обломков. Огненная буря с

шипением пронеслась по улице, уничтожая

все на своем пути. Фузеллиновая вонь

сделалась непереносимой.

Я поднялся. Сквозь столбы копоти и вихрь
догорающих искр мне удалось разглядеть
моих спутников. Слава Императору, они
оказались живы, хотя все мы чуть не
оглохли
от взрывов.

Либо системы наведения машины были
разбалансированы, либо его команда еще
только училась ею управлять. Сенсоры
титана могли отследить наши
перемещения, но ему было необходимо
увидеть нас.

Возможно, он определял только
приблизительные
координаты цели.

- Мы не можем с ним сражаться! - сказал
Фишиг.

Годвин был прав. Нам просто нечего было
противопоставить титану. Игра в огни

ворота. Такую predeterminedную схватку
даже

не назовешь трагической. Но и убежать
мы

не могли. На открытом месте за
пределами

базы мы стали бы еще более легкой
мишенью.

- Что насчет катера? - выпалила Биквин.

- Нет... нет, - отмахнулся я. - Его боевой
мощи хватит только на то, чтобы
сделать на

корпусе титана вмятину. Но даже такой
возможности ему не представится. Эта
машина собьет катер раньше, чем тот
приблизится на расстояние выстрела.

- Но...

- Нет! Этот вариант не годится!

- И что нам остается? - не унималась

Елизавета. - Умереть? Этот вариант
лучше?

Я не ответил. Мы вновь побежали,
торопясь покинуть пылающую зону
разрушений. С оглушительным воем вновь
заговорил бластер. Ангар и часть
командного

пункта справа от нас разлетелись в
щепки в

огненном вихре вулканической силы.

Повсюду бұшевало пламя, расцвечивая
яркими всполохами унылый серый сұтрак.

Бегунди шел впереди. Фишиг и Кара
практически несли на руках выбившегося
из

сил Расси. Я сделал своим людям знак, и
мы

привалились к стене ближайшего здания.
Из

этого не слишком надежного укрытия мы

не

могли видеть титана. Тихо
потрескивали

объятые пламенем панели из
прессованного

волокна, врезавшимися со стоном
обваливались

потолочные балки догорающих ангаров.

Но я мог чувствовать титана.
Чувствовать, как его нечеловеческое
сознание кипит

злобой в глубочайших гармониках

псидапозона. Он находился к северу от
нас, с противоположной стороны часовни и
складских помещений, выжидая и
прислушиваясь.

Вибрирующий удар сотряс землю. Титан
снова пришел в движение. Ритм шагов все
возрастал, пока машина не набрала такую
скорость, что почва не успевала

успокоиться

между ударами. Камни подпрыгивали на месте, из окон близлежащих домов со звоном выпадали стекла.

- Пошли! - прорычал Фишиг и бросился через главную улицу на восток.

Остальные последовали за ним.

- Фишиг! Не туда! - Я догнал его уже посреди дороги.

Раздался мучительный стон металла, и в

конце улицы появился титан. Смертоносная

машина со скрежетом разворачивала свое могучее туловище.

Фишиг застыл от ужаса. Я схватил его и потащил за проржавевший остов старого транспорта СНО.

Улицу накрыло огнем из бластера.

Разрывы снарядов оставляли в земле глубокие воронки, воздух наполнился маслянистым пламенем, дымом и пылью.

По корпусу транспорта барабанили шрапнель и катни. Во все стороны полетели

куски ветхой брони. Наконец взрывная волна

подняла остов машины в воздух и

развернула его на сто восемьдесят градусов.

Спасаясь от ржавой машины, мы с Фишигом

отскочили к стене одного из бараков. К

счастью, транспорт отбросило к зданию на

противоположной стороне улицы, которое тотчас же загорелось.

Тяжелые шаги вновь сотрясли землю.

Титан продвигался по улице. Я взглянул на

ошеломленного побледневшего Фишига.

Зазубренный кусок шрапнели торчал из

левого плеча. Осколок мог бы полностью
оторвать Годвину руку, однако датчик
перемещений принял на себя основной удар.

По искореженному дымящемуся прибору
струилась кровь.

- Трон Святый,- пробормотал Годвин.

Я помог ему подняться и огляделся.

Бегунги и Свол удалось оттащить всех
остальных в новое укрытие. Сквозь дым
было видно, как они жмутся к стене в

очередного здания.

Свободной рукой я принялся делать ил

знаки отступить и перегруппироваться.

Кроме того, нам необходимо было
разделиться. О том, чтобы вновь пересечь
улицу на глазах у титана, не могло быть
и
речи. Я надеялся, они поняли, что я хотел
им
сказать.

Мы с Фишигом побрели к дренажной
канаве, прорытой позади бараков, туда,
где
она впадала в озеро.

Перебравшись по небольшому
металлическому мостику на другую
сторону, мы затаились у дальней стены
машинного
цеха.

- Где он? - прохрипел Фишиг, морщась от
боли. Я взглянул вверх и увидел, что
«Круор

Вульг» возвышается над крышами зданий
в

двухстах метрах позади нас. Столбы
черного

дыма от пожаров и недавних взрывов

окутывали его фигуру. По всей видимости,
титан обследовал место последней атаки,
и

теперь казалось, будто гигантская боевая
машина принохивается.

Затем титан вновь развернулся, наполняя
воздух визгом механизмов и скрежетом
суставов, и направился к нам прямо сквозь
оказавшийся на его пути ангар.

- Он идет сюда, - сказал я Фишигу.

Мы снова побежали. Нам пришлось
пересечь открытую бетонированную

площадку перед машинным цехом, а
затем

мы бросились по плавно изгибающейся
улице к командному пункту.

Фишиг едва плелся. Титан догонял нас.

Отдаленный, стремительно
нарастающий

рев эхом прокатился над озером. На

западном краю базы в воздух взметнулся
столб пламени.

- Что, черт возьми, это было? - прорычал
Фишиг.

Титана это тоже явно заинтересовало.
Он

развернулся и направился к месту

необъяснимого взрыва, не обращая

внимания на рушащиеся под его ногами
постройки.

- Это, - произнес голос за нашими

спинами, - лучшая диверсия, какую я мог

устроить в подобных обстоятельствах.

Мы обернулись и увидели Гарлона Нейла.

Нейл был моим хорошим другом и

уважаемым членом моей команды. Я не

видел старого охотника за головами с тех

пор, как он отправился на Дюпер вместе с

Фишигом, чтобы провести ревизионную

проверку. Это был крупный мужчина, по

обыкновению с ног до головы облаченный в

черную армейскую броню, с гладко

выбритым, чуть ли не отполированным

черепом и хмурым выражением лица. Он

выглядел бы обыкновенным злобным

грозилкой, если бы не горделивая осанка и

благородное изящество, сквозившее во всех

его движениях. Он напоминал мне о

Ваунусе, бродячем герое из эпической
стихотворной

аллегории Катүлдинаса пог названнем

«Улей, что был чист когда-то».

В руке Гарлон держал дистанционный
пульт управления взрывателем.

Нейл провел нас в убежище,

оборудованное в ближайшем амбаре, и
сразу

же принялся обрабатывать раны Фишига.

Боевой титан продолжал блуждать по
западной части базы, исследуя место
таинственного взрыва.

- Я пытался вызвать вас по воксу, но
что-то глушит сигналы, - сказал Нейл.

- Магнитные возмущения, - объяснил я. -

Как давно ты здесь?

- Прибыл с первыми лучами солнца. Чтобы
проследить за Түрингом, я арендовал
спидер.

Он спрятан среди холмов, на
противоположной стороне озера.

- Что удалось выяснить?

Фишиг вздрогнул, когда Нейл принялся
распылять на его рану антисептик.

- Кроме очевидного?

- Да, - поторопил я Гарлона.

- Түринг заручился чьей-то поддержкой.

Ему оказывают серьезную финансовую
помощь. Возможно, это какой-то мощный
местный культ, о котором мы не знаем,
или, что более вероятно, инопланетный.
Түринг

располагает людьми, деньгами,
оборудованием. Прибыв сюда, я побродил
вокруг, и мне удалось заглянуть в главный
ангар... Должен сказать, от увиденного у
меня перехватило дыхание. Тогда я

«позаимствовал» одного из людей Түринга
и

задал кое-какие вопросы.

- Удалось получить ответы?

- Как сказать. Его... учили
сопротивляться.

Я знал, что методикой проведения
допроса Нейл владел лишь на базовом
уровне.

- Как долго он продержался?

- Приблизительно десять минут.

- И он сказал тебе...

- Түринг уже довольно давно узнал, что

здесь находится титан. Вероятно,
получил

эту информацию от своих покровителей.

Похоже, никто и представить не мог, что
во

время оккупации Миквол использовался

нашим извечным врагом в качестве базы
титанов. Чертовы СНО стояли здесь
много

лет, но так и не смогли понять, что же
скрыто

в земле прямо под ними.

Я выглянул за дверь амбара. Титан
возвращался. Я ощущал всю ярость его
псионического гнева и дрожь земли под
ногами.

- Гарлон!

Нейл вскочил на ноги и подошел ко мне.

- Проклятие! - прошипел он, разглядывая
титана.

А затем снова извлек пульт, тронул
несколько кнопок и щелкнул по спусковому
механизму. Последовала вспышка, вновь
прокатился грохот взрыва, и на западном

берегү озера расцвел еще один огромный
огненный цветок. Титан немедленно
развернулся и поплыл на запад.

- Вряд ли ты сможешь долго морочить ему
голову, - произнес Нейл.

- Так, значит, титан... эта чертова
штукovina лежал брошенным в горах?

- Примерно так. Его оставили во время
всеобщего отступления. А имперские
войска

так его и не обнаружили. Механизм
хранился

законсервированным в хорошо укрепленной
и замаскированной пещере... Он и еще пара
таких же.

- Три титана? - Физик со стоном
закатил
глаза.

- Пока им удалось заставить работать

только этого, - продолжал Нейл. - Туринг находится в командной рубке и лично им управляет. Он восхищен своей новой игрушкой, хотя ей еще далеко до оптимального состояния. Как вы могли видеть, пока он пользуется только магазинным оружием. Не думаю, что его реакторы вырабатывают достаточное количество энергии, чтобы задействовать энергетические пушки.

- Нам везет, - пожал я плечами.

- Но вот с какой целью Туринг

восстанавливает своего монстра, я пока что

не могу сказать.

«Причин может быть много, - подумал я.

Вполне вероятно, что он делает это по воле

богатых спонсоров. Или намеревается
продать его тому, кто предложит самую
высокую цену. В Офигианском субсекторе
существовали культы, которые не
отказались

бы от подобного приобретения. Кроме
того, Түринг мог работать и на более
могущественных покровителей. Например,
его могли завербовать агенты Хаоса».

А возможно, он восстанавливает титана
для самого себя. От этой мысли по моей
коже

пробежали мурашки. Становилось
очевидно, что Түринг является куда более
серьезным

угрозом, чем я предполагал. Вероятно, он
разрабатывает собственные планы. А при
условии участия в этих планах боевого
титана они могли быть весьма
жестокими.

Он смог бы собирать дань с городов, как
здесь, на Дюрере, так и на любой другой
планете. Как только турбины «Круор
Вульта»

начнут работать на полную мощность,
Туринг получит возможность
уничтожать

миллионы людей, стирая с лица земли
целые

населенные пункты.

Как бы то ни было, судя по тому, какая
плачевная судьба постигла экипаж
экраноплана, он не собирался покидать
остров тем же способом, каким добрался
сюда. Здесь вполне могло приземлиться
грузовое судно. И тогда Туринг вместе со
своим титаном окажется в другой части
субсектора раньше, чем на его
перемещение

отреагируют немногочисленные службы слежения Дюрера.

В том, что Түринг планировал убраться отсюда вместе с титаном, я не сомневался.

Куда он отправился бы потом, не имело значения. В результате неминуче прольется

имперская кровь. Мы обязаны были остановить его.

Это вновь заставило меня задуматься над первоначальной проблемой. Как, черт побери, мы должны сражаться с ним?

Пока титан возвращался от места второго

взрыва, я лихорадочно соображал, что мы можем ему противопоставить.

Сконцентрироваться было трудно, поскольку

гневная грожь психопульсного модуля
титана проникала в мое сознание. Думаю,
именно это и навело меня на мысль. Это
была отчаянная затея.

Я потянулся, чтобы включить вокс, но
тут

же остановился. Гигант запросто
перехватит

передачу. Я решил освободить свое
сознание

и попытался мысленно связаться с Расси.

- Нейл? - обратился я к Гарлону. - Какое из
местных строений самое прочное?

- Часовня, - ответил он. - Железобетон.

Я полностью открыл свое сознание.

- Шип обнимает родню в закрытых
пределах почтения.

Если Расси и услышал меня, то все равно
не понял послания на глоссии. Но, как я

полагал, ему хватит здравого смысла
посоветоваться с остальными.

Ответ пришел после долгой паузы.

- Прыжками рогня собирается у Шина, в
закрытых пределах почтения.

- Поспешим! - обратился я к Нейлу и
Фишигу.

Мы добрались до часовни первыми. Титан
начал было преследовать нас, но Гарлон
отвлек его последним, третьим взрывом.

Наконец мы ввалились в древнюю
церковь. Пол покрывала скользкая черная
грязь. Из часовни вынесли всю церковную
утварь. Только несколько покореженных
от

сырости деревянных скамей стояло вдоль
стен. Статуя имперского орла была
сброшена

с алтаря. Я заметил, что чеканные крылья

отполированы до блеска. Вероятно, пока люди Түринга не осквернили святыню. Дроник самозабвенно ухаживал за ней. От увиденного у меня сжалось сердце.

Я поклонился алтарю и сложил руки на груди в знак орла.

В этот момент и остальные члены моей команды торопливо вбежали внутрь и с грохотом захлопнули за собой дверь. Биквин, Хаар, Безүнди, Свол и Расси.

Расси задыхался. Биквин была бледна, а Хаар и Свод ранены.

- Есть план? - тяжело переводя дух, вывалил Расси.

- Затея невероятно рискованная, - кивнул я, - но больше мне ничего не приходит в голову.

- Так расскажи, что ты придумал, -
потребовал Фишиг.

Как я уже говорил, мои познания об
устройстве титанов весьма невелики.

Впрочем, как и у большинства людей,
если те

не являются жрецами Марса или, подобно
Турингу, не получили эти сведения
незаконным путем. Кое-что могло быть
известно Эмосу. Я был абсолютно уверен в
том, что он своими глазами видел
психоимпульсные модули Агентус
Механикус. Он сам говорил мне об этом
давным-давно, в зале криогенератора
Молитвенника Два Двенадцать на Спеси.
Но его не было со мной в той холодной,
разграбленной часовне. И связаться с ним
мы не могли.

Тем не менее, я знал достаточно, чтобы
понять: функционирование титана
основано

на связи между человеком и машиной,
между человеческим мозгом и
психоимпульсным модулем механизма.

Если говорить попросту, то мы должны
были попытаться оборвать или, что еще
лучше, уничтожить ментальную связь...

- Этот рунный посох был сделан для меня
магосом Агентус Механикус Гвардом
Бюром,

- сказал я Расси.

Поль покачал посох на ладони, определяя
его вес.

Навершие украшенного рунами стального
посоха было сделано из электрума и
выполнено в виде солнечной короны. В
центре ее был помещен человеческий

Череп, отмеченный тринадцатым знаком изгнания.

Череп Бур собственноручно вырезал из магнетического камня в соответствии со сканированным изображением моей головы.

Магос опробовал и отверг более двадцати различных телеэмпатических кристаллов, прежде чем найти тот, который, по его мнению, должен был соответствовать задаче.

В итоге получился псионический усилитель неизмеримо разрушительной мощи.

- Мы воспользуемся им, чтобы объединить и усилить наши ментальные силы. А потом

пробьем себе путь к сознанию машины.

- Понятно. А дальше?

Я оглянүлся на Елизаветү:

- Дальше мадам Биквин возьмет рүнный посох и направит свою аүрү в самое сердце титана.

- А это сработает? - робко
поинтересовалась Кара Свол.

Последовала долгая пауза.

Биквин взглянула на меня, затем на
Расси.

- Не знаю. Ты үверен?

- Я тоже не знаю, - сказал я. - Но гүтаю,
это лучшее из того, что мы можем
попытаться сделать.

Расси тяжело вздохнул:

- Пусть будет так. Другого выхода я не
вижү. Давай попробүем.

Мы с Расси сжали рүки на глинном
древке.

Поль закрыл глаза.

Я попытался расслабиться, но барьеры
инстинктивной самозащиты,
существующие

в любом сознании, не позволяли мне
открыться. Мне не хотелось входить
внутрь

этой штуки. Даже на таком расстоянии
чувствовался отвратительный запах
телных

сил. От него пахло варном.

- Давай же, Грегор, - прошептал Ресси.

Я сконцентрировался и закрыл глаза,
стараясь отпустить свое сознание. Титан
постепенно подбирался ближе - под
нашими

ногами все сильнее содрогался пол часовни.

Я чувствовал себя так, будто стою над
пропастью, на дне которой плещется море
кислоты, и должен решиться прыгнуть
вниз.

Впереди меня ждал костический ужас,
бурлящая грязь и яд, который растворит
мое

сознание, мой рассудок, мою душу.

Хаос танил меня к себе, а я пытался
найти

силы, чтобы броситься в его объятия.

Пот струился по моему лицу, в нос ударял
гнилостный запах заброшенной часовни.

Пальцы сжимали холодную сталь дровка.

Я прыгнул.

Все оказалось хуже, чем я мог
предположить.

Я тонул. Черная слизь добралась до лица.

Липкая зловонная масса просочилась в

ноздри и уши, пыталась проникнуть в рот,
задушить меня. Не стало ни верха, ни
низа.

Мир исчез.

Только вязкая чернота и незабываемый
запах варна.

Чья-то рука ухватила меня сзади за
куртку

и, вздернув, поставила на ноги. Воздух. Я
откашлялся, выплевывая густую мокроту,
пропитанную черной слизью.

- Грегор! Грегор!

Это был Ресси. Он стоял возле меня по
колени в грязи варна. Боже-Император,
каким же сильным оказалось его сознание!

Без него я был бы уже мертв.

Он выглядел истощенным и ослабевшим.

Порожденные варном гнойники усеяли его

лицо и шею. Вокруг нас с непрерывным

гулом летало множество толстых
черных

мух.

- Нам... все-таки удалось... проникнуть

сюга. - Полю то и дело приходилось
выплевывать тух, кружащих у его сухих
зуб.

- Поїдем.

Я остотрелся вокрүг. Море черной слизи
үхотило в бесконечность. Небо было
непроницаемо темным, но я понял, что
наг
нашими головами, затлевая свет, кружат
түчи тех же тух.

В гнилостной жиже отражалось неровное
пламя далекого костра.

Мы оказались на внешних подступах к
ментальному каналу титана Хаоса.

Покрытые пленкой эктоплазматического
ила, мы стали пробиваться вперед,
опираясь

грюг на грюга. Расси тихо постанывал.
Емү

было тяжело идти, ведь он не мог взять с собой свою трость.

Огонь слабо освещал горизонт, а вокруг колыхалось море отвратительной густой грязи. Я не видел столь отвратительного ментального пейзажа уже много лет, со времен появления первых снов о Черубаэле. Черубаэль.

Одна мысль о нем, и вокруг меня громче зажужжали мухи, а слизь сама собой забурлила и захлюпала у моих коленей. Я остро почувствовал чье-то требовательное прикосновение и напряжение в сгустившемся мерзостном воздухе.

Черубаэль. Черубаэль.

- Прекрати это! - завопил Ресси.

- Что прекратить?

- О чем бы ты ни думал, прекрати это.
Весь

мир отзывается на твои мысли.

- Прости... - Я постарался изгнать из
своего сознания мысли о Черубаэле,
сосредоточив каждую унцию своей воли.

Ментальные сотрясения затихли.

- Во имя Трона, Грегор. Не знаю, что
таится в твоей голове, да и не хочу
знать... -

задыхаясь произнес Расси. - Но... я
сочувствую тебе.

Мы потащились вперед, то и дело
поскальзываясь, увлекая друг друга вниз.
Глубокая слизь, словно живая, жадно
облизывала наши тела.

Далеко впереди пульсировал источник
силы. Я едва смог различить размытый
силуэт человека. Но это был не человек.

Это

был «Крүор Вүльт». «Жаждүщий Крови»,
так

можно было бы перевести его имя на
низкий

готик. Перед нами стоял титан, хозяин
этой

ментальной реальности.

Демонические образы парили вокруг нас.

Призрачные, искаженные криком безумные
лица. Прозрачные, словно дымка, похожие
на изгнү теней. Они рычали и скалились.

Еще несколько сотен метров, и в моем
сознании стали простүпать более четкие
образы. Мы врывались в пределы
атмосферы титана.

И тогда я үвидел.

Да сохранит меня Бог-Император, но я
үвидел это.

Я стоял на краю обрыва и смотрел в
пропасть воспоминаний титана. И видел
там

города, утирающие в огне. Вidel
испепеленные легионы Имперской Гвардии.

Вidel, как сотнями гибнут космические
десантники. Доблестные воины
копошились

у моих ног, точно муравьи.

Вidel объятые пламенем и сгорающие
горла планеты. Вidel имперских
титанов, гордых «Полководцев»,
разорванных на

части и погибающих под ударами моих
рук.

Сквозь огненную бурю видел я и ворота
императорского дворца на Терре. Я
взирал в

глубину многих тысяч лет.

И видел там ужасного, кричащего в гнев

Хоруса.

Перед моими глазами разыгрывались
события древней Ересы.

Я узрел великие битвы и стал
свидетелем

начала Темного Века Технологии,
предшествовавшего им.

Я падал, мчался сквозь историю, через
хранилище памяти «Круора Вульта».

И увидел слишком много. Я закричал. А
потом почувствовал боль.

- Грегор! Давай же, мы почти на месте! -

Расси с силой хлестал меня по щекам.

Мы оказались в самом сердце
богаташины, став слабыми, словно шепот.

Мы стояли на капитанском мостике
титана и

смотрели на многочисленные
сливающиеся

призраки людей, когда-либо управлявших
им, - все они восседали на главном троне,
все

они были мертвы.

Демоны кидались мне на спину,
заламывали мне руки, кусали за уши и
щеки.

Я увидел ужас. Абсолютный кошмар.

- Думаю, пора... - Расси протянул руку и
коснулся психоимпульсного модуля,
встроенного в пол мостика.

- Елизавета! - завопил я.

В грязной часовне Биквин подалась вперед и выхватила рунный посох из рук двух инквизиторов, дрожавших от ужаса и напряжения, закативших глаза так, что были

видны только белки.

Елизавета схватила рунный посох, сосредоточилась на своей ауре ментальной пустоты и...

Глава 5

той план провалился
чертов вервеек
немыслимое

...Умерла.

Не сразу, конечно. Ответный удар неимоверной мощи сокрушил ауру ментальной пустоты и разрушил ее сознание.

Электрический разряд, пробежавший по древку рунного посоха, отбросил меня и Ресси в разные стороны. А Елизавета, прежде

чем упасть, пролетела через всю часовню. На

неподвластной времени стали посоха до сих

пор видны оплавленные следы - четкие отпечатки пальцев Поля Ресси, Грегора Эйзенхорна и Елизаветы Биквин.

Впоследствии Нейл рассказал мне, что основную силу этого ужасающего удара приняла на себя именно Биквин. Он видел, как она ударилась о противоположную стену, и отчетливо слышал хруст ломающихся костей.

Гарлон с криком бросился к ней. Фишиг тоже поспешил на помощь, в то время как

мы с Расси лежали на полу и не могли
пошевелиться. От рунного посоха,
лежащего

между нами, поднимался пар.

Мой план провалился. Целиком и
полностью.

Я поднялся и заметил на полу кровавые
капли. Мне потребовалось несколько
секунд

для того, чтобы понять, где я нахожусь и
что

эта кровь течет из моего носа. Образы из
прошлого титана все еще наводняли мое
сознание.

- Расси, - с трудом проговорил я.

- Живой! - Безунди присел рядом с

растянувшимся на грязном полу

инквизитором. - Но слишком слаб...

- Елизавета? - еле слышно прошептал я,

глядя в противоположный конец часовни.

Фишиг и Нейл склонились над ней. Гарлон оглянулся и покачал головой.

- Нет...

Кара попыталась мне помочь, но я оттолкнул ее в сторону и, шатаясь, подошел к

неподвижно лежащей Биквин. Она выглядела такой беспомощной.

Только не Елизавета. Только не она, после всего...

- Она тяжело ранена, босс, - успокоил меня Нейл. - Я постараюсь устроить ее поудобнее, но...

Снаружи раздался грохот шагов «Крүор Вүльта».

- О Император милостивый, прошу, нет...

- Инквизитор... - произнес Хаар. - Похоже,

мы все уже мертвы, верно?

Тут до меня наконец дошло, что титан
стоит прямо у входа в часовню.

- Что ты творишь? - завопил мне вслеп

Бегунди. Я и сам не знал. И сейчас помню
случно. Зажав Ожесточающую в руке, я
бежал к двери. Думаю, я собирался выйти
и

атаковать титана. Вуимо,
произошедшее

довело меня до отчаяния. Слабый человек,
вооруженный одной лишь саблей,

намеревался повергнуть боевого титана.

Прежде чем я успел добежать до двери,
меня оглушили рев посадочных турбин и

треск оружейного огня. Мне не надо было

выглядывать наружу, чтобы понять: это
той

боевой катер. Чертова Медея.

- Шип Эгиде, ярость правосудия! Стой!

Стой!

- Шип нуждается в Эгиде, тень Вечности,
ярость пути Дельф! Рисунок цвета
слоновой

кости!

- Шип отвергает! Укрытие
неподвижности!

Стой!

- Эгиде отвечает Вербейку. Все решено.

- Нет! - проревел я. - НЕ-Е-ЕТ!

Ответ Медеи означал, что теперь она
подчиняется Бастиану Вербейку. А он

приказал ей поднять боевой катер.
Приказал

ей атаковать титана.

Я верю, что он искренне полагал, будто

помогает мне. Полагал, что сможет
принести

пользу.

Проклятый Вербейк. Чтоб его демоны
взяли.

Выбежав на улицу, я сразу увидел в небе
величественные очертания своего боевого
катера. Машина, словно хищная птица,
неслась над базой СНО на низкой высоте,
стреляя по медленно разворачивающемуся
титану сразу из всех орудий. Но
крупнокалиберные снаряды не причиняли
ему никакого вреда.

«Круор Вульт» со скрежетом поднял
правый кулак и выстрелил. Вокруг гула
бластера Гатлинга распустилось
коническое
огненное облако из раскаленных гобела
газов.

Катер дернулся и попытался уклониться
от

шквального огня, но плотность стрельбы была слишком велика.

Снаряды вспороли днище моего любимого боевого катера, взрывом оторвало хвостовой

закрылок. Судно развернулось и полетело прочь, оставляя за собой шлейф из огня и

дыма, осыпаясь каскадом обломков. Я понял, что Медведя пытается снова набрать высоту, но

основные двигатели вышли из строя.

Катер резко накренился на левый борт, врезался крылом в остов ржавой

параболической антенны и рухнул в

прибрежной полосе. В воздух взметнулись потоки грязи вперемешку с галькой.

Я бросился было вперед, стараясь

рассмотреть, что стало с моей боевой машиной, но смог увидеть лишь столб

пламени, поднимающийся над побережьем.

«Круор Вульт» неторопливо зашагал в сторону поверженного судна. Сейчас он был похож на охотника, стремящегося одним точным ударом добить раненую жертву.

Завернув за угол ближайшего ангара, я увидел, как титан движется к холодной глади

озера, оставляя на разбитых камнях идеально четкие следы. Покореженные, обезображенные останки моего катера покоились в тридцатиметровой воронке. Уз

пробоин валил черный дым, от воды поднимался пар.

Послышался глухой удар. Боковой люк отлетел в сторону. Окровавленный человек с

болтером в руке выбрался наружу и,

прихрамывая, побрел вдоль берега.

Я с трудом узнал в нем Вербейка.

От катера титану отделяло не более

пятидесяти метров. "Круор Вульт"
теперь

шагал по мелководью, поднимая ногами
потoki сверкающих брызг.

Ко мне подошел Хаар. Снайпер вскинул

винтовку и прицелился в титана. В

движениях Дуклана было столько
отчаянной

отваги, что его попытка застрелить
гиганта

из лазгана даже не выглядела глупо. В
дверях

часовни показались Кара Свол и Ресси.

Инквизитор опирался на посох. Поль

все-таки нашел в себе силы подняться,
хотя и

был крайне изможден. Его потускневшие глаза запали, а нервно сжатые губы были совершенно бескровны.

Проклятие, как же тогда выглядел я сам?

Бегунди вышел вслеп за нити. Понимая всю бесполезность своего оружия, он вновь убрал в кобурę пистолеты.

Фишиг и Нейл остались вместе с

Елизаветой в часовне.

- Возвращайтесь, - сказал я. - Просто

возвращайтесь... Мы уже ничем не

сможем

и помочь.
- Мы будем сражаться... - задыхаясь, прохрипел Ресси. - Мы будем сражаться... с

заклятым врагом... во имя

Бога-Императора... пока все не погибнет...

Он поднял мой рунный посох, способный

усилить его утомленное сознание, и потоки

психотермической энергии потчались в сторону врага.

Даже не знаю, на самом ли деле Поль рассчитывал победить в этой схватке, был ли

это жест отчаяния или он просто пытался

отвлечь титана от катера. Пылающая дуга

энергии, вырвавшаяся из навершия посоха, казалась невероятно разрушительной и такой яркой, что у меня заболели глаза.

Однако, расплескавшись по

бронированной панели «Круор Вульт», она

не причинила ему никакого вреда. Но Росси

не выпускал посох из рук. Спустя несколько

секунд пламя сделалось ярко-зеленым, а затем стало сине-белым. Не выдержав напряжения, Хаар нажал на спусковой крючок. Кара тоже открыла огонь.

Как сказал бы мой старый наставник Ханшант, это было «то же самое, что пытаться поцеловать ураган».

"Крүор Вүльт" вновь обстрелял обломки катера из бластера. Ускореженный металл

вздувался и корчился, судно стонало в предсмертной агонии. Горящие куски обшивки дождем сыпались на берег, шипели

в воде. Угрозованный корпус содрогался под ураганом снарядов, медленно сползая в озеро.

А потом он взорвался. Яркая вспышка, оглушительный грохот. По глади озера от

берега до берега прокатилась огромная волна, и все стихло.

Там, где только что был катер - где были Медея, Эмос и Дахаулт, - осталась только

воронка, заполненная грожащим пламенем.

С неба все еще падали осколки камней и металлические обломки. Вихрь из взметнувшихся воды, пара, каменной пыли и

копоти практически скрыл фигуру титана.

Когда я рискнул поднять голову, Вербейка нигде не было видно.

Завершив атаку, боевой титан обернулся к нам.

Внезапно какая-то сила отшвырнула меня

назад. Я так сильно ударился головой о
стену, что на секунду в глазах потемнело.
Прыгая в себя, я сообразил, что это
Бегунги
толкнул меня в отчаянной попытке
спасти от
огненного шквала.
«Круор Вульт» явно повысил точность
стрельбы.
Расси и Хаар погибли мгновенно. Их тела
просто испарились в вихре пламени. На
земле, превратившейся в алхимическом
тигле бластерного огня в бугристое
стекло, лежал почерневший, но
невредимый рунный
посох. А рядом - крохотный обломок
приклада лазерной винтовки Хаара. Вот
и
все, что осталось от моих грузей.

Взрывная волна отбросила Кару Свол на двадцать метров назад. Я видел, что все ее тело залито кровью, и был уверен, что она мертва.

И еще я был уверен, что мы тоже уже покойники. Туринг победил. Он убил моих друзей и союзников прямо у меня на глазах. Да, он победил.

У меня не осталось ни сил, ни средств, чтобы сопротивляться. Ничего, что я мог бы противопоставить мощи боевого титана.

Впрочем, я понимал это с самого начала. А теперь... Я...

Мысль, коварная и кратольная, шевельнулась в моей голове. Нет.

Отвратительно. Невозможно. Ее породила
бездна отчаяния, безысходность. Но мысль
была единственно... верной?

Оказывается, у меня имелся шанс.

Если бы только я постел ил
воспользоваться. Если бы только мне
хватило смелости выпустить на волю...

Немыслимо. Немыслимо!

Окутанный клубами пара, «Крүор Вүльт»
с

грохотом надвигался прямо на меня. Я
мог

слышать визг зарядных механизмов,
подключающих к его орудиям полные
обоймы снарядов.

- Бекс...

- Да, сэр?

- Хватай Карү, если она еще жива, и беги.

Отправляйтесь в часовню.

- Но, сэр, я...

- Немедленно! - Я применил Волю.

Бегунди тотчас вскочил и побежал к часовне.

Я погполз к рунному посоху. Рукоть была горячей и липкой от крови.

Дуклан Хаар и Поль Расси должны послужить в качестве жертвоприношения, прагматично решил я. И испытал

отвращение к самому себе. Несмотря на это, другого выхода у меня не было. В другой

ситуации мне потребовались бы инструменты, приборы, химические реагенты, атүлеты и печати...

Стоп. До этой минуты мне и в голову не приходило совершить нечто подобное. Вне зависимости от того, были, у меня необходимые вещи или нет.

Встав на колени, я поднял скользкий от крови посох над головой и начал творить заклинания.

Это оказалось весьма непросто.

Подходящие к случаю псалмы из Малус

Кодициум, над которыми я время от времени

втайне копал в минувшие годы,

вспоминались с большим трудом. Когда-то

мне страстно хотелось изучить и понять эти

тексты, но всякий раз, как я открывал их, моя

душа наполнялась безотчетным страхом.

Спустя всего лишь несколько месяцев после

уничтожения предыдущего владельца

фолианта - Квиксосу - я впервые решился

приняться за Кодициум. Однако мне пришлось оставить это занятие, и, чтобы прийти в себя, я даже обратился за помощью

к аббатом монастыря Божьего Сердца на Альсоре. Теперь я изо всех сил пытаюсь повторить письма, которые когда-то старался вымарать из своего сознания. Если бы я произнес неправильно хоть одно слово, в этот мир пришло бы куда большее зло, чем «Крүор Вүльт».

Глава 6

ХАОС ПРОТИВ ХАОСА

ЦЕНА

ПОСЛЕДСТВИЯ

Мгновение. Классная комната. Мы с Титусом Эндором дрожим от сырости и холода, сидя за столами из черного дерева,

покрытыми пометками и рисунками,
оставленными до нас тысячами учеников.
Шел

только восемнадцатый день нашего
начального обучения в качестве младших
дознавателей. Инквизитор Хатаант
влетел в

комнату словно ураган, хлопнул дверью,
бросил стопку грифов на кафедру -
отчего

мы оба подскочили - и провозгласил:

«Служитель Инквизиции, делающий Хаос
своим инструментом в борьбе с Хаосом, -
большой враг человечества, чем сам Хаос!
Ведь

последний знает границы собственного зла
и

принимает их. А служитель Инквизиции,
применяющий Хаос, обманывает себя,
отрицает правду и в своем заблуждении
насылает проклятие на всех нас!»

Там, на берегу озера, я не обманывал себя.
Я понимал, в какую отчаянно рискованную
игру вступаю.

Ныне покойный Коммодус Вок как-то
сказал

мне... я перефразирую его изречение,
поскольку

не записал дословно: «Удея "познай своего
врага

" - самая великая ложь, какая только
возможна. Никогда не поддавайся ей.

Радикальный путь имеет свои соблазны,
и, признаю, я сам не раз подвергался
искушению.

Но путь этот переполнен ложью. Как
только

ты обращаешься к варну за ответами, за
знаниями, которые сможешь использовать
против извечного врага, ты начинаешь
пользоваться Хаосом. Начинаешь

исповедовать его. И ты ведь знаешь,
Эйзенхорн, что случается с
исповедующими

Хаос? За нити приходит Циквизиция».

Тогда, на Микволе, я почувствовал
уверенность, что могу отделить правду
от

лжи. Бок просто неверно определил
границу.

Однажды, во время ночной попойки, за
игрой

в регизис по главианским правилам
Mugac

Бетанкор сказал: «Почему они делают
это? Я

итею в виду радикалов. Неужели они не
понимают, что даже приближение к варпу
равносильно самоубийству?»

С рунным посохом в руках, на
протершем острове Дюрера, я осознал,

что

это не самоубийство. Все иначе.

В кладбищенской часовне на Кагии Гогвин
Фишиг как-то предупредил меня, чтобы я
держался подальше от радикалов. «Поверь
мне, Эйзенхорн, если бы я решил, что ты
собираешься так поступить, то сам
пристрелил бы тебя».

Все не так просто. Прокляни меня

Император, но все не так просто! Я
подумал

о Квиксоне, блестящем человеке,

авторитетном слугителе Империи,
который затарал себя предательством,
потому что пытался понять всю эту грязь,

с

которой боролся. Я объявил его еретиком
и

собственноручно казнил. Я понимал всю

степень опасности.

«Круор Вульт» с грохотом шагал ко мне.
Я

произнес последние слова заклинания и
отправил свое сознание в варп. Не в
клокочущее небытие памяти титана, а в
истинный варп. Направляемый рунным
посохом и защищенный ритуальными
молитвами, я вошел в бездонную темную
бездну. Пройдя сквозь материю космоса, я
достиг далекой Гудрун, миновав целый
субсектор, и встретился к поместью на
Гостеприимном Мысе.

Я пробрался к потайной, подземной
темнице, защищенной варп-
блокираторами
и пустотными щитами, запертой на
тринадцать замков. Только мне были

известны коды доступа, поскольку я сам установил их.

Он лежал скорчившись на полу,
опутанный цепями.

Я разбудил его. И освободил.

Очнувшись, я почувствовал, как рунный посох задержался в моих руках, когда по нему

потекла энергия освобожденного демона.

Я из всех сил старался удержать над ним

контроль и вложить в него свою Волю.

Наконец поработоченный демон явился из наверху посоха. Казалось, взошло

крошечное солнце, осветившее мрачный берег. Позади титана простерлась глиняная

тень.

- Черубаэль? - прошептал я.

- Да-а-а-а-а?...

- Убей его.

Послышался резкий треск. Молния
разорвала свинцовые тучи. Неистовый
шторм, неожиданно разразившийся над
озером, закружил небеса и обрушил на
землю сильнейший ливень,
сопровожаемый
ураганным ветром и чудовищными
электрическими разрядами.

Наводящая ужас белая тварь двигалась
так

быстро, что человеческий глаз мог
зафиксировать только размытое пятно.
Оно

отделилось от посоха и понеслось прямо к
черному корпусу «Крүор Вүльта».

Титан застыл, подняв одну ногу, и
загрожал всем телом. Он успел вскинуть

огромные руки, но в то же мгновение
хромированный череп, пошел трещинами
и
разлетелся, взорвавшись изнутри
болезненно-зеленым светом.

«Круор Вульт» закачался. Ливень хлестал
по скрежещущему корпусу. Нестерпимо
яркая вспышка озарила берег озера и
старую

базу СНО. Туман, древний враг
человечества, взорвался, превратившись в
сферу

яростно-белого пламени. Огонь поглотил
его

голову, тело и руки.

Ноги, одна из которых все еще была
поднята над землей, согнулись и
завалились набок, погребая под собой
остатки главной антенны базы.

«Круор Вульт» был мертв. Фэйг Туринг был мертв.

Меня отбросило взрывной волной, и я потерял сознание. А это означало, что Черубаэль свободен.

Тогда он мог ускользнуть достаточно глубоко в тизамы варна, чтобы навсегда уйти от меня. Даже если бы я потратил остаток своей жизни, чтобы призвать его обратно. Теперь он все знал обо мне и о моих трюках.

Его побег дорого обошелся бы Империи. Но он не сделал этого. Демона переполняла злоба.

Он вернулся, чтобы убить меня.

Очнувшись, я немедленно осознал, что Черубаэль освободился. Я лежал на берегу

озера. В небе все еще хлестнулись грозные тучи, а всполохи молний образовывали вокруг горных пиков потрескивающие золотые короны.

Дождь барабанил по обломкам «Круор Вульты». От остывающего металла поднимался пар. Я почувствовал легкое покалывание на коже. Демон все еще находился где-то поблизости.

Я совершил нелепое и теперь должен исправить это. Черубаэля необходимо было

снова связать. Нельзя позволить ему оставаться на свободе.

Я подобрал рунный посох. Дождь смыл застывшую кровь с его прочной, отполированной рукояти. Крепко сжав древко, я обнажил Ожесточающую. Клинок

загрожал, почуяв в воздухе присутствие демона.

- Милосердный Император, свято будь правление твое, ярок будь свет твой предвечный, снизойди до раба твоего в час нужды...

- Тебе это не поможет, - произнес голос.

Я огляделся вокруг, но не нашел никаких признаков присутствия демонхоста.

- Ярок будь свет твой предвечный, снизойди до раба твоего в час нужды, дабы мог я и дальше служить тебе, владыка великий, и очищать владения твои...

- Не сработает, Грегор. Благословение Терры? Это только слова. Только слова.

- ...и дальше служить тебе, владыка великий, и очищать владения твои, выгворяя

прочь демонов и оборотней варна...

- Но у меня для тебя найдется кое-что
лучше слов. Я любил тебя, Грегор. Я
восхищался силой твоего духа. Я многое
сделал для тебя, я не раз спасал тебя...
подумай об этом. И все ради того, чтобы
ты

уважал наш союз и отпустил меня. А что
ты

сделал? Ты обманул меня. Заманил в
ловушку. Использовал меня.

Волны слов эхом раскатывались вокруг
меня, но, как я ни старался, мне не
удавалось

увидеть демона. Голос звучал в моей
голове.

Я из всех сил старался не прервать

Благословения Терры, не потерять
смысла

молитвы. Мне хотелось ответить на
возмутительные заявления демонхоста.
Это
он обманул меня! Между нами не было
никакого союза! Это он использовал меня,
чтобы добиться освобождения от
порабощающих чар, которыми его опутал
Квиксос.

Но я не рискнул прерваться. И
сосредоточился на молитве.
Ожесточающая
грожала от рукояти до кончика клинка,
резонируя с ментальным напряжением,
бурлившим вокруг.

- ...снизойди до раба твоего в час нужды,
дабы мог я и дальше служить тебе,
владыка
великий...

Над озером вспыхнула звезда. Туманное
белое кольцо вокруг мерцающей

бриллиантовым блеском точки. Дрожа, словно лист на ветру, она закружилась, спускаясь ко мне, и приземлилась на расстоянии нескольких метров.

Галька под ней превращалась в стекло.

Свет оказался таким ярким, что на него едва

можно было смотреть. Черубаэль парил в центре ореола ослепительного сияния.

Теперь он пребывал в самой своей смертоносной, нематериальной форме -

демонический дух, чистый и нагой, освобожденный от плотского вместилища. За

светом мне не удавалось разобрать никаких

деталей. Да, по правде говоря, у меня и не было ни малейшего желания разглядывать истинную форму демона. Он даже не имел человеческих очертаний. Мне всегда

казалось, что белый цвет должен
символизировать чистоту и, кроме того,
целостность, благородство и добро. Но
эта белизна была невыразимо злой и
пугающей. Чистоту сменила грязь.

- ...свято будь правление твое, ярок будь
свет твой предвечный...

- Затолчи, Грегор. Затолчи. Я хочу
услышать твои предсмертный стон.

Я понимал, что мое оружие - посох и меч -
бесполезно против демонхоста. Черубаэль
не

обладал физическим телом, которое
можно

было уничтожить. Но эти предметы

оказывали сильную ментальную
поддержку.

Как-то раз мне удалось изгнать Черубаэля
с

помощью посоха и, как я могу
предположить, уничтожить его
демонического сородича - Профанити. Но
тогда мое сознание пребывало в лучшей
форме, а ведь псионическое оружие
действительно ровно настолько, насколько
сильна направляющая его Воля. Черубаэль
знал, что я утомлен и измотан. К тому
же он

старался воздействовать на меня,
усиливая

мою скорбь по погибшим... Биквин, Медея,
Эмос, Расси, Хаар... Он хотел, чтобы я
думал

о потере близких друзей и слабел от горя.

Но он и сам обессилел, израсходовав
неимоверное количество энергии на то,
чтобы повергнуть Титана.

Пятно света рванулось вперед. Демонхост

сделал пробный выпад. Я взмахнул
Ожесточающей, чтобы отбить его, и
почувствовал, как электрический разряд
пробежал по моей руке. Свет нахлынул
снова, но я заставил его отступить, с
разворота ударив посохом.

Он кружил передо мной, а я раз за разом
жалил его посохом. Черубаэль знал,
сражение со мной может оказаться
опасным.

Если, конечно, он собирался сражаться...

Я ринулся в атаку, выставив перед собой

Ожесточающую. Черубаэль блокировал
удар

сверкающей полосой энергии, а затем

импульс бледного сияния оторвал меня от
земли и подбросил в воздух.

Меня сильно потрянуло и швырнуло на
катни. Однако я быстро вскочил на ноги,

лихорадочно вспоминая все, чему на протяжении всех этих лет меня обучали Гарлон Нейл, Кара Свол, Мугас, Медея... Арианрог Эсв Свейгер.

Ослепительно яркий демон неся прямо на меня. Со стороны могло показаться, что я

сражаюсь со звездой. Мне удалось поразить

его наверху посоха и отпрыгнуть.

Я пробежал под дытящейся аркой ног

поверженного «Круор Вульт», направляясь

обратно к станции по крутому прибрежному

склону. Со свистом разрезая воздух, Черубаэль встретился за мной.

Петляя то вправо, то влево, я попытался обмануть преследователя, но демон не

отставал и вскоре настиг меня.

Ожесточающая сошлась со световым клинком Черубаэля. Затем светящаяся дуга

летнула вниз. Мне пришлось схватиться за

посох и подпрыгнуть, пропуская ее под собой.

Черубаэль растеялся. Его мерзкий смех сопровождал меня и тогда, когда я полмчался

между гвүтя бараками. Демоническая звезда

зналась за мной, и ментальная сила расшвыривала камни и металлические обломки, попадавшие на ее пути.

Ужасающий скрип и грохот чуть не оглушили меня. И тут я увидел, что стены

зданий сближаются прямо передо мной.

Оторвав гота от фундаментов, Черубаэль собирался ударить их друг о друга, зажав меня посередине.

Вскинув Ожесточающую, я пропорол стену одного из зданий и прыгнул внутрь, прежде чем блочные строения столкнулись. В свою

очередь Черубаэль прожег стену из прессованного волокна. Он был уверен, что вот-вот доберется до меня, но не ожидал стремительной контратаки.

Серия ударов клинком и посохом заставила его отступить, но и только. Мои

ментальные силы были на исходе.

Оставался только один выход - снова подчинить его. Но как?

Тогда я даже не понял, откуда появился
Дроник. Полагаю (или, по крайней мере,
пытаюсь цепляться за эту мысль ради
сохранения рассудка), что в час нужды
Император приходит на помощь своим
верным слугам, пусть даже таким
странным
способом. Дроник, старый, безумный
Дроник
следил за ужасными событиями этого дня
из
какого-то укрытия и теперь выбрался,
вероятно, потому, что пришел к
чудовищно
ошибочному заключению. Он видел, как
демон в ореоле белого свечения уничтожил
титана. Поэтому священник счел белый
свет
другом, который победил врага.
Мощное чисто-белое сияние было для него

воплощением самого Императора,

вернувшегося, чтобы спасти его.

Старик с криками выбежал из тени, восхваляя Императора, вознося ему жалобы

и благодарности. Изможденный, одетый в грязное тряпье Дроник не представлял для демона никакой опасности.

За исключением разве что одной вещи.

Для восхваления Императора он прихватил

из часовни аквиллу, которую и нес теперь перед собой.

Черубаэль взвыл и подался назад.

Огненная вспышка закувыркалась по грязному проходу между готами, словно перекасти-поле.

Озадаченный Дроник побежал следом, распевая в честь Императора молебны, которые, должно быть, загоняли священные

звозди в гнилую душу Черубаэля.

Внезапное появление безутного старика подарило мне желанную передышку.

Я огляделся. Решение нужно было принимать быстро.

Вервек был еще жив. Его окровавленное тело представляло собой бесформенную груду обугленной плоти, в которой едва теплилась душа. Одежда и волосы сгорели практически полностью еще при взрыве катера. Я ненавижу Бастиана за все, что он

натворил, но теперь почувствовал жалость.

Его грустные глаза, казалось, засветились, когда он заметил мое приближение.

Юноша протянул изуродованную руку.

Молодой инквизитор думал, что я пришел помочь ему.

Сразу признаюсь, мне ненавистно то, что я сделал. И мое презрение к Вервекку не извиняет меня. Он был одиозным мерзавцем, обошедшимся мне баснословно дорого, но он оставался служителем Инквизиции. И - проклятие! - он доверял мне.

У меня не было другого выхода. Я сделал правильный выбор. Мне пришлось освободить Черубаэля, потому что «Круор Вульт» необходимо было остановить ради

блага всего человечества. Теперь необходимо

было остановить Черубаэля. Я был вынужден

принять столь жестокое решение. Я знаю, что заплачу за это. В свое время. В следующей жизни, когда предстану перед

Золотым Троном.

Я опустился возле него на колени.

Бастуан

следил за мной грустным взглядом. О,
этот

проклятый, тоскливый щенячий взгляд!

- Господин...

- Бастуан, скажи, ты и в самом деле
верный слуга Императора?

- Я... да...

- И готов служить ему до самого конца?

- Готов, наставник.

- И ты в самом деле чист?

Глупый вопрос! Проклятая чистота

Вервеека и привела ко всем его ошибкам.

А

пуританское благочестие в первую
очередь

сделало его обзудой.

Но он был чист. Настолько, насколько
может быть чист человек.

Я положил руку ему на грудь и, сточив
пальцы в крови, нанес кое-какие руны на
его

лоб, лицо, шею и на область сердца, едва
слышно бормоча проклятия из Малус
Кодициум.

- Ч-что вы делаете? - вздрогнул он.

Чертвы вопросы, даже теперь!

- То, что должно быть сделано. Ты
послужишь Императору, Бастиан.

Раздался крик, и я увидел перепуганного

Дроника, бегущего к озеру. Его руки были

охвачены огнем, с них капал
расплавленный

металл.

Черубазель, наконец, нашел в себе силы

уничтожить аквиллу.

Бедный старик бросился в ледяное озеро, вода зашипела и пошла паром вокруг его изувеченных рук.

Смертоносная звезда Черубаэля неслась ко мне вдоль берега.

- Прости меня, Вербейк, - сказал я.

- Конечно, наставник, - пробормотал он,

- И-но за что? - внезапно добавил

обреченный юноша.

Проревев литанию подчинения и заклятие заточения, я повернулся к Черубаэлю, поднимая сверкающий мощью рунный посох.

- In servitute abduco [\[3\]](#), навеки заключаю тебя в носители сем!

- Что, черт возьми, здесь произошло? -

Фишиг спешил ко мне с оружием наперевес.

- Все. И ничего. Все закончилось, Гогвин.

- Но... что это? - спросил он.

Рядом со мной в нескольких сантиметрах от земли парил демонхост. Из своего пояса я

сделал поводок, который накинул на обожженное, раздутое горло Вербейка.

- Я затанил в ловушку демона, Гогвин. Он связан и теперь не может причинить нам вреда.

- Но... Вербейк?

- Погиб. Мы должны почтить его память. Он отдал свою жизнь за Императора.

Фишиг настороженно посмотрел на меня.

- Откуда ты знаешь, как связать демона, Эйзенхорн?

- Научился. Инквизитору положено знать подобные вещи.

Фишиг отступил назад.

- Но Вербейк... - произнес Годвин. - Он ведь был уже мертв, когда ты воспользовался его телом?

Я не ответил. Над озером заходили на посадку три челнока. Наконец прибыло подкрепление, вызванное Елизаветой.

Глава 7

ТЫ ПОКИДАЕШЬ МИКВОЛ
УБЕЖИЩЕ НА ГУДРУН
ЕЕ СЕРДЕЧНАЯ ПРОСЬБА

Я мечтал только о том, чтобы поскорее убраться отсюда. Произошедшее здесь окончательно вымотало меня и слишком дорого мне обошлось.

Мои люди высадились из челноков и сразу взяли остров под контроль. Вскоре они

арестовали и привели на базу
деморализованных пособников Түринга.
Мне сообщили, что Мендереф и Кот уже
в
пути и с ними должны прибыть
подразделения местных арбитров и
Гвардии
Инквизиции.
Но я не собирался дожидаться их
появления.
Мне не хотелось, чтобы некоторые вещи
увидели лишние люди.
Я отдал распоряжения, которые грозили
изрядно облегчить мой карман. Но траты
меня не беспокоили.
Вместе с Нейлом и Безүнди мы
постарались как можно быстрее
перенести
Биквин на борт челнока.

Я поручил Нейлу доставить Елизавету в ближайший госпиталь, а затем, когда ее состояние стабилизируется, подготовить переправку в штаб-квартиру Дамочек на Мессине. Они взяли с собой и Кару Свол. К моей радости, она оказалась жива, но была серьезно ранена.

Фишиг получил строгий приказ остаться на острове и проследить за выполнением моих распоряжений. Но похоже, у него не лежало сердце к этому заданию. Я понимал, что демонхост тревожит Годвина куда

сильнее, чем он оспеливается признать.

Полученные им инструкции были просты: охранять остров до тех пор, пока не прибьдут

основные силы Инквизиции, проследить за составлением полного отчета и

уничтожением тайника дремлющих
титанов

Хаоса, а затем формально остановить
экспертную проверку до особого
распоряжения.

Все выглядело вполне логично. Старший
инквизитор рисковал всем и потерял
очень

много, сражаясь с боевым титаном. И
теперь, чтобы восстановить силы,
временно

выходит из состава комиссии, проводящей
экспертную проверку.

Я собирался связаться с Фишигом позже и
забрать его с Дюрера.

Мы уже готовились взлететь, когда
пришли первые за этот день хорошие
новости.

Медея и Эмос выжили.

Бетанкор удалось оттащить Эмоса от
разбившегося катера и спрятаться
прежде, чем из люка показался Вербейк.
Лежа в

укрытии, затаив дыхание они наблюдали
за

разыгравшейся трагедией.

Они видели все.

Я обнял их.

- Вы оба отправляетесь со мной, - сказал я.

- Грегор... что же ты наделал? - покачала
головой Медея.

- Просто залезай в челнок.

- О чем это она? - спросил Фишиг.

И вновь я не ответил. Я был слишком

утомлен. А еще боялся, что мои
невнятные

объяснения его не удовлетворят.

- Проследи за тем, чтобы здесь все было

сделано должным образом. В течение
месяца

я свяжусь с тобой и дам новые инструкции.

Дабы авторитет Фишига не подверглся

сомнению, я вручил ему свой знак
властных

полномочий.

Это было жестом предельного доверия, но,
казалось, только встревожило его. Тогда
я

протянул ему свою руку, и он
нерешительно

пожал ее.

- Я сделаю свою работу, - сказал он. - Разве
я когда-нибудь подводил тебя?

Такого не бывало. В этом-то все и дело.

Фишиг никогда не подводил меня, а я...

Два дня спустя мы уже отдыхали в

теплых каютах костического

дальнобойщика «Милашка»,
направлявшегося к Гудрун в Геликанском
субсекторе. Стараниями Императора нам
предстоял трехнедельный переход.

Во время этого рейса я потногу спал,
погружаясь в глубокий и, к счастью,
лишенный сновидений сон. Но моя
усталость

не проходила. Произшедшее на Микволе
вымотало меня и физически, и
эмоционально. Пробуждаясь, я наслаждался
чувством драгоценного покоя всего
несколько минут, пока не вспоминал о
том, что натворил, а затем в мое сердце
вновь

возвращалась тревога.

Каждый день я совершал два визита.

Первый - в корабельную часовню, где

проводил ритуалы куда более
ответственно и

вдугчиво, чем когда бы то ни было за
прошлую сотню лет. Я ощущал себя
грязным, испорченным, хотя и понимал,
что сам

осквернил себя. И очень нуждался в
исповеднике. Раньше я обратился бы к
Елизавете, но теперь это было
невозможно.

Вместо этого я молился за ее жизнь.
Молился о восстановлении здоровья Свол.

Делал подношения и ставил свечи за
успокой

души Поля Расси, Дуклана Хаара и
бедного

Дахаулта, погибшего при крушении
катера.

Я молился за успокоение души Бастиана
Вервеука и просил его о прощении.
Молился, чтобы Фишиг все понял.

Я всегда считал себя ответственным и

преданным слугой Бога-Императора, но
странно, как легко приедаются
ежедневные

ритуалы. Какая ирония! Именно во время
этого рейса, подступив к ереси ближе, чем
когда-либо, я почувствовал, как окрепла
моя

вера. Возможно, надо заглянуть за край
бездны, чтобы по-настоящему оценить
чистоту небес над головой. Наконец я
понял, что очистился, словно пережил
Божий суд и

возродился лучшим человеком.

В моменты неуверенности, сомнений и
тревоги я спрашивал себя: не было ли это
ощущение духовного воскрешения лишь
подсознательной попыткой защититься?
Не

прозвучали ли события на Микволе

запоздалым тревожным звонком, резко
возвратившим меня на путь праведности,
или я сам вводил себя в заблуждение?

Обманывал себя так же, как Квиксос и все
остальные, сорвавшиеся в пропасть, даже
не

осознав этого.

Второй ежедневный визит я наносил в
бронированный грузовой отсек, где
содержался демонхост.

Капитан «Милашки», строгий ингеранец
по имени Гельб Стартис, сначала наотрез
отказывался брать на борт порождение
варна. Конечно, капитану не было
известно, что это именно демонхост.
Лишь очень

немногие в Империи знали, как
распознать подобное существо. Соблюдая
меры предосторожности, я облачил

безмолвную фигуру в глухой балахон. Но
вокруг монстра витала аура зла и тлена.
Я был не в настроении торговаться со
Стартисом и просто предъявил ему
удостоверение и перстень с печаткой,
заверив, что за «гостем» будут следить
должным образом. Кроме того,
транспортировка обошлась мне
втридорога, что сделало предстоящее
предприятие в
глазах капитана более привлекательным.
Я поместил демонхоста в бронированный
грузовой отсек и потратил десять часов
на
то, чтобы покрыть стены
соответствующими
знаками заточения. Черубаэль все еще не
пришел в себя и был глух, словно находился
в трансе.

До поры до времени он оставался послушным.

При каждом посещении я троекратно проверял знаки и обновлял их там, где это было необходимо. С помощью пера и чернил

временные руны, нанесенные кровью на тело, вместившее демонхоста, были заменены на постоянные.

От этой работы меня бросало в дрожь.

Тело Вербейка исцелилось и теперь выглядело неповрежденным. Его глаза были

закрыты, а лицо все еще оставалось лицом

молодого инквизитора, хотя на лбу пальчика, там, где из кости проросли рудиментарные рожки, уже набухали шишки.

На девятый день глаза Вервеука
открылись. В них сиял яростный гнев
Черубаэля. Он наконец-то отошел от
мучений, пережитых при обряде
заточения.

Демон вытерпел ужасные страдания из-за
того, что мне пришлось применить
примитивные, если не сказать топорные,
методы проведения ритуала.

- Он хочет, чтобы ты сдох. - Такими были
первые произнесенные им слова.

- Я говорю с Бастианом или с
Черубаэлем?

- С обоими, - сказал он.

- Хорошая попытка, Черубаэль, - кивнул

я. Мне известно, что Вервеук покинул
это
тело.

- Но он все равно ненавидит тебя. Я

заглянул в его душу, когда он уходил. Он знает, что ты сделал, и забрал это ужасное

знание с собой в загробную жизнь.

- Император храни его.

- Император задум под себя при одном упоминании моего имени, - ответил демонхост.

Я с силой ударил его по лицу.

- Ты пленен, князь демонов, и должен быть почителен.

Воспарив над грязным полом грузового отсека, натянув удерживающие его цепи, Черубаэль начал обкладывать меня руганью.

Я ушел.

При каждом моем возвращении он пробовал новый подход.

На десятый день он утешал меня голосом,

полным раскаяния.

На одиннадцатый - был угрюм и грозил
жуткими мукатами.

На тринадцатый - оказался тих и
необщителен.

На шестнадцатый - пытался хитрить.

- По правде говоря, Грегор, - сказал он, - я
тосковал по тебе. Наши встречи в
минувшие

времена всегда были весьма

увлекательными. Квиксос был жестоким
хозяином, а ты понимаешь меня. Тогда, на
острове, ты ведь обратился ко мне за
помощью. Конечно, между нами есть
различия. И ты весьма коварный сукин
сын.

Но именно это мне в тебе и нравится.
Меня

тогла бы постичь куда более горькая

судьба, чем быть твоим работ. Итак,
скажи мне...

что ты задумал? За какую потрясающую
работу мы возьмемся вместе? Ты найдешь
во

мне исполнительного и проворного
помощника. Со временем ты начнешь
доверять мне. Словно грузу. Я всегда
хотел

этого. Ты и я, Грегор, мы станем
грузьями и

будем работать вместе. Как тебе, а?

- Это невозможно.

- О Грегор... - заворчал он.

- Затолчи! - оборвал я демона, будучи не в
силах терпеть его льстивое дружелюбие. -
Я

имперский инквизитор, служащий свету
Золотого Трона Терры, а ты - порождение

гряди и тьмы, служащее только самому себе.

Ты - воплощение всего того, с чем я борюсь.

Он облизал губы. Клыки Вербейка за эти дни заметно вытянулись и стали белыми словно снег.

- Тогда зачем же ты связал меня, Эйзенхорн?

- Я и сам постоянно задаю себе этот вопрос, - сказал я.

- Тогда освободи меня, - вкрадчиво прошептал Черубаэль. - Сними с меня эти пентаграммные нуты и отпусти. Это же выгодно нам обоим. Я уйду, и ты никогда не

станет снова беспокоить друг друга.

Клянусь. Позволь мне уйти, и покончим с этим.

- Неужели ты считаешь меня таким
тупицей?

Он взлетел чуть выше, слегка наклонил
голову набок и улыбнулся.

- Попробовать стоило.

Я был уже у двери, когда он снова
окликнул меня по имени.

- Знаешь, я рад. Рад, что привязан к тебе.

- В самом деле? - без особого интереса
спросил я. Он весело кивнул:

- У меня есть неплохой шанс окончательно
свернуть тебя.

На девятнадцатый день ему почти
удалось

провести меня. Когда я вошел в
хранилище, он рыдал, лежа на полу. Я
попытался

проигнорировать его истерику и
приступил к

проверке печатей.

- Наставник! - Черубаэль поднял заплаканные глаза.

- Вервеүк?

- Да! Прошу вас, наставник! Он отвлекся на мгновение, и мне удалось снова вернуть себе контроль над телом. Пожалуйста, освободите меня! Угоните его!

- Бастиан, я...

- Я прощаю вас, наставник! Я понимаю, вы сделали все, что было необходимо. И я благодарен за то, что для выполнения этой

трудной задачи вы выбрали именно меня!

Но, пожалуйста, прошу вас! Пока я контролирую его! Угоните его и избавьте меня от этой пытки!

Я приблизился к Вервеүку, сжимая рунный

посох.

- Не могу, Бастиан.

- Вы можете, наставник! Сейчас, пока
есть

время! Ох, эти муки! Быть заточенным
здесь

вместе с этим чудовищем! Делить с ним
общую плоть! Он взрывается в мою душу и
показывает мне такое! Это сводит меня с
ума! Сжальтесь, наставник!

Я протянул руку и указал на сложную
руну, начертанную на его груди:

- Видишь это?

- Да, и что?

- Это руна опустошения. Без нее

невозможно осуществить заточение. Она

освобождает тело-носитель от
обитавшей в

нем души, чтобы поместить в него

демона.

Проще говоря, она убивает первоначального

хозяина. Ты не можешь быть Бастианом

Вервеуком, потому что он мертв и был

изгнан из этой плоти. Я убил его. Ты хорошо

подражаешь его голосу, чего вполне можно

было ожидать, учитывая, что у тебя его

гортань и нёбо. Но при этом ты - Черубаэль.

Он со вздохом кивнул и снова взлетел, натянув цепи.

- Ты не можешь винить меня за эту попытку.

Я снова с силой ударил его по лицу.

- Нет, но могу наказать тебя.

Он никак не отреагировал на боль.

- Пойми это, демон. Твоя помощь

слишком дорого стоила. И я ненавижу себя
за

то, что сделал. Но у меня не было выбора.

Теперь, когда ты снова поработен, я не
собираюсь рисковать. Отныне главной
целью

моей жизни станет удержание тебя в
неволе.

Никто и никогда не скажет, что я устал
или

ослаб. Отныне ты в моей власти, и я не

допущу повторения этой истории. Ты мой,
моим и останешься.

- Ясно.

- Ты понимаешь меня?

- Я понимаю, что ты человек высокого

благочестия и непревзойденной
решительности.

- Хорошо.

- Только один вопрос: каково чувствовать

себя убийцей?

Ранее я уже отмечал, что очень немногие граждане Империи могут распознать демонхоста или понять, что же он из себя представляет. Это правда. Но также верно и

то, что в ряды осведомленных избранных входило несколько моих последователей.

Тех, кто был со мной на 56-Узар, Уичане, Кагии, Фарнесс Бета.

Эмос и Медея, конечно, разбирались в таких вопросах. Я сам инструктировал их. И

чувствовал, что Медея, как и Фишиг, хоть и

случно, понимает, кого мы привезли на борт

«Милашки». Это порождало в ней тень сомнения.

А Эмос знал. Знал чертовски хорошо.

Насколько я мог судить, ему было известно

ровно столько, чтобы не сойти с ума. То есть

практически все. Но он работал со мной
дольше остальных, мы были друзьями и
компаньонами дольше, чем я стал

рассчитывать. Он доверял мне и не ставил

под сомнение мои методы.

Вскоре я понял, что он не собирается даже
касаться этой темы.

Меня такое положение вещей не

устраивало. Поэтому я сам решил
поговорить

об этом открыто.

Удобный случай выдался на пятые сутки
нашего путешествия. Поздней ночью мы

сидели за двойным резицидом. Партия
разыгрывалась на двух параллельных
досках.

На первой, перевернутой, были
расставлены

солдаты в качестве королевых фигур, а
на

другой игра шла по сложным, запутанным
правилам с участием блуждающих
часовых и

со свободой создания регентов на белых
квадратах после третьего хода...

Единственный вариант старинной
стратегической игры, над которой даже
түдүрүтү Эмосү приходилось напрягать
извилины.

Мы потягивали лучший атасек, каким
тог

обеспечить нас Стартис.

- Наш пассажир,- начал я, беря фигурку сквайра, но потом опустил ее обратно, обдумывая следующий ход, - что ты о нем думаешь? Ты ничего мне не говорил.

- Я не думал, что вправе говорить об этом,- сказал он.

Я переместил сквайра к группе из трех солдат и тут же пожалел об этом.

- Убер, как давно мы дружим?

Вообще-то можно было заранее предположить, что он на самом деле станет считать.

- Мне кажется, что в первый раз мы встретились в седьмом месяце...

- Приблизительно, я имею в виду.

- Ну, друзьями мы стали несколько лет спустя, после нашей первой встречи, которая...

- Думаю, можно сойтись на том, что по
грубым прикидкам ты дружил... очень
давно?

Он задумался.

- Можно, - наконец неуверенно кивнул
Эмос.

- И ведь ты до сих пор грузья, верно?

- О, конечно! Ну, по крайней мере, я на это
надеюсь. - Он быстро взял моего правого
василиска и закрепился на второй линии. -

Разве нет?

- Да, мы грузья. И я советуюсь с тобой.

Убер кивнул.

- Иногда мне кажется, тебя даже не надо
просить о совете.

- Кхм... - Собираясь походить йалем[4], он
поднял вырезанную из кости фигурку и
стал

разглядывать ее. - Меня всегда занимал
йаль,

- сказал он. - Геральдическое животное,
история возникновения которого, судя по
всему, уходит во времена,
предшествующие

Великой Ереси. Но что он собой
представляет? Остальные фигурки
имеют

четкие аналогии, связанные с
историческими традициями и
структурой

Империи. Но йаль... Из всех фигур в
резице он единственный остается для
меня загадкой...

- Ты снова делаешь это.

- Делаю - что?

- Тянешь время. Уходишь от разговора.

- Я?

- Ты.

- Прошу прощения.

Он поставил фигурку, взяв одного из моих
«хищников» ходом, которого я никак не
мог

предсказать. Теперь мои солдаты
оказались

зажатыми в тиски.

- Ну?

- Что - ну?

- Что ты думаешь?

Он нахмурился.

- Ыаль. Очень странно.

Я резко подался вперед и взял его йалья.

Это был глупый поступок, но он привлек
внимание Эмоса.

- Я о другом. Пассажир.

- Это демонхост.

- Да, верно, - выдохнул я чуть ли не с облегчением.

- Ты заточил его в теле Вербейка на Микволе.

- Именно так. Мне кажется, вы видели, как

я сделал это.

- Я был контужен и измотан. Но... да. Я видел.

- И что ты об этом думаешь?

Он превратил гвардейца в регента и тем самым проник в левую зону на моей стороне

доски. До конца игры оставалось не более полдюжины ходов.

- Я стараюсь не думать о том, чего тебе это

стоило. И о том, что человек, за которым я

следовал все эти годы, которому доверял, внезапно обрел способность выпустить, использовать и снова заточить демонхоста. Я

стараюсь не думать о том, что, возможно, Бастуан Вервеук был жив, когда совершался

ритуал пленения. Стараюсь убедить себя, что

той драгоценный инквизитор не пересек

черту, за которой нет пути обратно.

- Шах и мат, - добавил он после некоторой паузы.

Я признал поражение на обеих досках и откинулся на спинку кресла.

- Извини, - сказал я.

- За что?

- За то, что впутываю тебя в это.

- Твои вопросы...

- Нет. Я не об этом. В ходе охоты за

Квиксосом мне довелось прикоснуться к некоторым темным знаниям. Главным в них

было умение управлять демоном. И мне не хотелось его применять. Но титан - это уж

слишком. Нельзя было позволить ему уцелеть. А противопоставить ему я мог только темные знания.

- Я понимаю, Грегор. Честно. В этой беседе

не было необходимости. Ты сделал то, что

должен был сделать. Мы выжили... по крайней мере, большинство из нас. Хаос остановлен. Это наша работа, верно? Никто и

не говорил, что будет легко. Иногда

необходимо чем-то жертвовать, иначе
воля

Бога-Императора не будет выполнена.

Он наклонился вперед, и его

аугметические глаза заблестели в свете
камина.

- Начистоту, Грегор... Если бы я думал,
что

ты стал каким-то слабоумным
радикалом, сидел бы я здесь, играя с тобой
в режисс?

- Спасибо, Убер.

Этот заставил меня понервничать

сильнее, чем я ожидал. С другой стороны,

Медия, к разговору с которой я долго

готовился, тоже преподнесла сюрприз.

- Демонхост... что? Мне все равно.

- Тебя это не беспокоит?

- Ни капельки. Меня волновал только

Түринг, и ты бросил против него все силы, какие только мог.

- Да, это так.

- Ну вот и хорошо.

Мы сидели в роскошных, заваленных подушками креслах на обзорной палубе «Милашки».

- О, я поняла. Ты боишься, что мы все решим, что ты стал психозиозоеретиком? -

нахмурившись, спросила она.

Под «всеми» она подразумевала мою команду.

- А вы так решили?

- Проклятие, нет! Расслабься, босс! Умей я сделать то же, что и ты, я поступила бы точно

так же! Уничтожила бы Түринга любым доступным способом!

- Я сделал этого не ради твоего отца,
Медея, - вздохнул я.

- Что?

- И да и нет. Конечно же, мне хотелось
отомстить за Мидаса, но демонхоста я
выпустил только потому, что Түринг и
его

треклятый титан угрожали
уничтожить не
только нас.

- Ты имеешь в виду эту планету?

- И эту планету... и другие.

- Верно. - Она спокойно пригласила

волосы, убрала с лица прядь и потянулась
к

выпивке.

- В чем дело?

- Ты хочешь сказать, что, если бы
планета

была вне опасности, ты не стал бы
вызывать

демонхоста?

- Нет. Я хочу, чтобы ты поняла. Мне

хотелось уничтожить Түринга.
Хотелось, чтобы он заплатил за смерть
твоего отца. Но

я не стал бы призывать Черүбаэля только
из

чувства мести. Это было бы слишком
мелочным и недальновидным поступком.
И

потом, я бы не смог оправдаться даже
перед

самим собой. Демона я выпустил потому,
что

Фэйг Түринг уже не был просто моим
личным врагом. Он стал врагом
Умнериума.

Я обязан был остановить его и не видел

другого способа. На мое решение не повлияли эмоции, оно не было принято в минуту слабости. Мое решение было трезвым и обдуманным.

- Да какая разница! Түринг уничтожен, верно? Он сгорел? И все остальное меня не волнует. Хотя тебе не кажется, что ты мне

кое-что задолжал?

- Я?

- Ты поклялся. На своих тайнах. Что я буду там, когда...

- Ты была там!

- Нет! Я не принимала в этом участия и не

заставила Түринга страдать. Так что ты

задолжал мне. И я хочу узнать твою тайну.

Сейчас.

- Какую тайну?

- На твой выбор. Но она должна быть
самой темной из тех, какие у тебя есть.
Раз

уж ты сам поднял вопрос... о Черубаэле...

Вот так я и рассказал ей о демонхосте.
Все.

Я сделал это, чтобы соблюсти свою
клятву. А

еще, как мне теперь кажется, потому,
что

хотел излить кому-то душу, а Биквин
рядом

не оказалось. Тогда я даже не задумался
наг

тем, к чему это может привести.

Да простит меня Бог-Император.

Я всегда любил Гудрун, бывший
столичный мир Геликанского субсектора.

В

течение долгого времени моя главная резиденция располагалась на перенаселенном Трациане Примарис. Но только ради удобства. В конце концов, это

нынешний столичный мир и именно здесь находится Дворец Инквизиции. Я стараюсь

как можно реже бывать на Трациане, потому

что эта планета угнетает меня.

После жутких событий, произошедших во время Священной Новены пятью

десятилетиями ранее, я переместил свою основную резиденцию на более спокойную

Гүдрүн. Возвращаясь туда, я, так или иначе, чувствовал себя в безопасности.

Мы распрощались со Стартисом и

сгрузили свой багаж на частный челнок.

Для

Черубаэля я подготовил грузовой модуль, полностью покрыв его письменами и

защитными знаками. На это ушло много часов. Затем я провел соответствующие

обряды и заковал демонхоста внутри модуля, добавив заклятие, которое должно было

принудить его к покорности. Безмолвные сервиторы погрузили демонхоста в челнок.

Мы начали спускаться к Гудрун.

Я разглядывал поверхность планеты в иллюминаторы пассажирского отсека.

Необъятные зеленые просторы диких земель

и лесов, синева морей, выстроенные в

четком порядке древние города. Много лет

здесь располагалась столица субсектора, пока раздутый гигант Трациан Примарис не

присвоил себе эту роль. По опыту я знал, что

зла и коррупции здесь гнездилось ничуть не

меньше, чем в любом другом имперском

мире. Но, при всех недостатках и пороках, Гудрун была воплощением жизни

Империи, исключительным примером той

культуры, охране которой я посвятил свою жизнь.

Спускаясь, ты сделали небольшой крюк. Я

решил, что разумнее будет спрятать

Черубаэля где-нибудь подальше от своей

резиденции, хотя раньше держал его в

тайной темнице, устроенной в глубоких

подземельях. Если за событиями на

Дюрере

последуют официальные
разбирательства, мое поместье может
стать объектом

всевозможных нежелательных проверок.

В свое время я тайно приобрел на Түдгүн
несколько построек. Они не были
зарегистрированы на мое имя, поэтому их
можно было использовать в качестве
укрытий или для личного уединения.
Одним

из таких зданий стала полуразрушенная
наблюдательная вышка в трехстах
километрах к югу от моего поместья. В
прошедшие годы я не раз убеждался в том,
что это место весьма способствует
размышлениям.

С помощью сервиторов челнока я
разместил покрытый защитными

знаками

грузовой модуль в подвале. А затем провел необходимые ритуалы удержания и активизировал простой, но эффективный сигнальный периметр, который установил в

башне сразу, как только купил ее.

На какое-то время предпринятых мер должно было хватить. Позднее я очень порадовался, что сделал тогда все именно так.

Домом мне служило величественное поместье на Гостеприимном Мысе, в двадцати минутах полета от священного

веками города Дорсай. Поместье называлось

Спаэтон-хаус, в честь построившего его дворянского рода. Вилла была возведена в

форме буквы «Н» из серого азулита и
покрыта позеленевшей медной черепицей.
К

главному зданию примыкали гаражи и
конюшни, авиационный ангар, хранилище
дронов, прославленный ландшафтный сад с
лабиринтом (чья математика была
рассчитана самим Крауссом), гавань в
личном фьорде и великолепный луг. С
севера

и востока поместье окружали
первозданные
леса, фруктовые сады и зеленые выгоны, а
с

террасы открывался отличный вид на
залив

Бишин.

Мы прибыли поздно вечером. В доме было
тепло, чисто и все подготовлено к нашему

возвращению. Нас встретила Джарат,
моя

домоправительница, пожилая
располневшая

женщина, в своем любимом сером платье
и

шапочке с белой вуалью. Рядом с ней
стояли

Джабал Киршер, начальник службы
безопасности, и Ольдетар Нсалус, мой
архивариус и библиотекарь. Возле них -

Элина Коу из Даточек и астронавт Ёкүда

Вэнс. Остальные тридцать человек
домашней

челяди - горничные, конюхи, садовники,
повара, виночерпши, скотники и прачки -

были в свежестуженной белой
униформе.

Они и еще пятеро облаченных в черную
броню офицеров службы безопасности

выстроились чуть поодаль вдоль стены холла.

Я поприветствовал каждого лично. С тех пор как я в последний раз бывал дома, Джарат и Киршер наняли нескольких новичков. Я посчитал необходимым поговорить с ними и узнать их имена: Литү, веселая молодая горничная; Кронски, сотрудник службы безопасности; Альтвальд, возглавивший штат садовников после ушедшего на пенсию отца.

Меня мучил вопрос, когда от нас уйдет

Джарат. Или Киршер, если уж говорить об

этом. Джарат, наверное, никогда, решил я.

Первым делом я направился в подполье, отключил щиты и дезактивировал замки, а

затем потратил үйтү времени на то,

чтобы

стереть все следы пребывания
демонхоста. С

помощью огнемета я очистил стены,
выжигая рунические надписи. Тем же
способом крепировал и жуткие останки
предыдущего тела - носителя Черубаэля.

Теперь это была просто пустая оболочка,
лежащая среди провисших цепей. Когда-то
ее искусственно вырастили по моему
тайному заказу, чтобы впервые призвать
демонхоста. В то время мне было трудно
решился даже на использование этого
синтетического тела.

Вспомнив о Вербейке, я вздрогнул. А
потом все сжег.

И отправился в ванну.

Я пролежал в горячей воде несколько
часов кряду.

Первые две недели, проведенные в

Спаэтоне, ушли только на то, чтобы
оправиться от пережитого на Дюрере. Я
пытался расслабиться или, по крайней
мере, прийти в себя еще во время
путешествия к

дому, но в дороге чувствовал себя
напряженно из-за постоянных забот об
удержании дementхоста.

Теперь, наконец, можно было позволить
себе отдохнуть.

Я гулял по тропинкам Гостеприимного
Мыса, подолгу смотрел на волны,
разбивающиеся о камни гавани. Теплыми
вечерами читал в саду или потогал
тладшим

садовникам собирать ранние паганцы в
плетеные корзины.

Я блуждал повсюду и, казалось, нигде. В

библиотеке, на конюшнях или в своем кабинете - везде меня преследовали мысли о

Елизавете.

Секретарскую работу, которую раньше выполняла Биквин, взял на себя Эмос.

Каждое утро перед завтраком он докладывал

мне о полученных сообщениях, а я говорил ему, как с ними поступить. Он отвечал на письма, оставляя частную корреспонденцию

для моего дальнейшего рассмотрения, составлял реестр официальных посланий.

Он знал, есть только несколько

сообщений, которыми я готов озаботиться: информация о Биквин, прямые послания от

Оргосов или что-либо от Фишига.

Шла третья неделя моего пребывания в

поместье. Однажды ранним утром, когда
лучи восходящего солнца еще только
начали

рассеивать туман над Мысом, я
фехтовал с

[Джабалом Киршером в пугназеуме\[5\]](#). Я

потерял форму, а потому избрал режим
легких боевых тренировок. Мы проводили
так уже третье утро.

Одетые в облегающие комбинезоны с
утыканными шипами налокотниками и
вооруженные шкорати - картайским
тренировочным оружием с чашевидным
эфесом, - мы кружили по площадке
пугназеума.

Джабал мастерски владел холодным
оружием, но был уже не молод, и, пребывая
я

в идеальной форме, мне не составило бы

труса победить его. В чем он действительно

превосходил меня, так это в знании боевых

техник и в стратегии, ведь именно этому он

учился всю жизнь.

В то утро Джабал, пользуясь моей

вялостью и медлительностью, с терпеливым

мастерством раз за разом одерживал наго

льной верх. Три четверти часа, пять схваток, пять уколов. Его стареющее лицо блеснело от

пота, но на его счету было в пять раз больше

побед.

- Может быть, хватит на сегодня, сэр? - спросил он.

- Ты слишком милосерден ко мне, Джабал.

- Проткнѹть вас пятѹю прямыми

выпадами - это милосердно?

Я повесил шкуру на пояс и подтянул
ремени защитного рукава.

- Бѹдь я одним из новичков в слѹжбе
безопасности, получил бы от тебя по
приличномѹ синякѹ за каждый из пяти
проигрышей.

Кишер ѹлыбнулся и кивнул:

- Верно. Однако синяки не помешали бы
бывшемѹ солдафонѹ Гвардии или
головорезѹ

из трѹщоб. Они напоминали бы емѹ о том,
что его новая работа - не просто хорошо
оплачиваемая отставка. Мне кажется,
вам

такой ѹрок не нѹжен.

- Никто не может быть слишком мудрым,
чтобы ѹчиться, - слышался знакомый

голос.

В дверях пугназеута стояла Медея.

Девушка медленно обошла зал по краю, то скрываясь в тени, то оказываясь в ярко-желтых прямоугольниках света, льющегося сквозь окна крыши.

- Просто повторяю один из твоих многочисленных афоризмов. - Она посмотрела на меня в упор, и я понял, что с ней творится неладное.

Похоже, Киршер тоже что-то почувствовал. Краем глаза я заметил, как он поежился.

- Позволь мне поспарринговать с ним, - произнесла Бетанкор.

Я кивнул Джабалү. Он поднял шкуру в картайском приветствии и покинул

крүзлый

зал.

Медея сняла свою светло-вишневую безрукавку и повесила ее на оконную ручку.

- И какое же оружие ты выберем? - Я налил в кубок воды из графина, стоявшего на

стойке, и сделал глоток.

Тем временем она подошла к оружейному терминулу, включила монитор и стала быстро прокручивать графические шаблоны.

Я заметил, что на Медее плотный полубронированный комбинезон, а на ногах - тренировочные туфли. «Значит, она заранее подготовилась», - подумал я.

- Мечи и энергетические щиты, - объявила

Бетанкор, останавливая меню и щелкая

по
тумблеру выбора.

Последовали отдаленный скрежет и треск
- автоматизированные системы арсенала,
расположенного под полом пугназеута,
извлекли выбранное оружие из стоек и
подняли его к нише в стене рядом с
терминалом. Два защитных модуля. Два
коротких, слегка изогнутых меча с
кастетными ратками на рукояти. Медя
бросила один из них мне. Я аккуратно
подхватил клинок, убрал свою шкуру
обратно в нишу и взял щит.

Энергетический

щит застегивался на левом предплечье.

Из

него выдвигался круглый
механизированный

эмиттер, размером с карманные часы.

При

включении он проецировал
энергетический
диск, который защищал тыльную сторону
запястья и предплечья.

- Внимание, вам выбрано смертельное
оружие. Внимание, вам выбрано
смертельное оружие...- Терминал
повторял

предупреждение мягко, но настойчиво.

Я нажал клавишу и отключил его.

- Если ты боишься, ты можешь взять
модули побольше, те, которые защищают
все
тело,- предложила Медея.

- С чего это я должен бояться? Это ведь
только тренировка.

Мы активировали эмитеры и встали
чуть

боком друг к другу, щит к щиту.

- Подать сигнал! - приказал я.

- Три, - донеслось из динамика терминала,

- два, один... бой.

Медя атаковала первой.

Она ударила с разворота и одновременно

заблокировала мой выпад. Столкнувшись, поля энергетических модулей наших щитов

загудели и засверкали. Защищаясь, я ударил

ее снизу. На мгновение оба клинка оказались

запертыми в полях щитов. Раздалось

протестующее шипение сгустка

электрической энергии.

Нам пришлось разойтись. Мы закружились

в боевом танце.

Она снова наступала, выбрасывая меч

вперед, но он каждый раз встречался с
щитом.

Однако Медея была осторожна. Эти
приемы стары, как все туры вместе
взятые.

Есть только одно правило: если ты
хочешь

остаться в живых, больше работай
щитом. Но

если ты хочешь победить - атакуй.

Я держал энергетический модуль прямо
перед собой, а она часто оказывалась
открытой. Ее щит чуть запаздывал,
словно

забытый в небрежении, приглашая меня
оступиться или сделать опрометчивый
выпад.

Я сменил тактику. Удерживая клинок
так, чтобы он все время находился в поле

зрения

Медея, я решил использовать энергетический модуль, как учил меня Гарлон Нейл. Щит тоже являлся весьма эффективным оружием. Мало того что

можно было блокировать выпады противника, он мог также захватить или даже сломать меч. Кроме всего прочего, можно нанести врагу смертельный удар в кадык короткой энергетической щита.

Внезапно Медея прокрутилась вокруг своей оси, и поле моего энергетического модуля затрещало при столкновении с ее полетом. Удар был такой силы, что я чуть не

раскрылся. Медея и не думала ослаблять натиск и занесла меч. Я подставил свой клинок, и мы обменялись

стремительными

выпадами.

Через секунду ее оружие оказалось в нескольких сантиметрах от моей щеки. Мне

пришлось вскинуть щит и меч и скрестить

их. Воспользовавшись этим, она чуть присела, развернула свой энергетический модуль и ударила меня в живот. Я согнулся и

упал на маты.

- Достаточно? - спросила Медея.

- Давай еще раз, - поднимаясь, произнес я.

Она снова наступала, следуя за клинком.

Этого и следовало ожидать. Я увернулся и сделал ложный выпад, позволяя ее щиту отбить мой меч.

Шипящий энергетический диск выбил

оружие из моей руки, ужалив пальцы.

Так, как я и рассчитывал.

Медея на секунду отвлеклась, проследив взглядом за полетом клинка. Не теряя времени, я перехватил ее руку со щитом выше локтя, резко дернул вниз, и энергетический диск заблокировал ее собственный меч. Бетанкор растерялась, и

тогда я ударил ее щитом между лопаток. Она

упала.

Я мог ударить ее по спине ребром щита, а мог и по лицу. Но мы ведь только тренировались.

- Достаточно? - спросил я.

Она не ответила.

- Медея?

Бетанкор выключила и сняла свой щит.

- О чем ты думаешь?

Она подняла на меня глаза и тихо

произнесла:

- Я никогда не хотела мести.

- Раньше ты говорила иначе.

- Знаю. И думаю, что это тоже было верно.

Часть меня хотела поквитаться. Месть...

я не

чувствую...

- Удовлетворения?

- Вообще ничего. Только пустоту.

Оцененение и пустоту.

- Ну... кажется, я предупреждал тебя об этом.

Я помог ей подняться. Мы молча сложили оружие обратно в нишу, чтобы

автоматическая система вернула его в хранилище. А потом взяли по кубку с водой и

через боковые двери пугназеута вышли на залитую солнцем террасу.

День обещал быть жарким. На светло-голубом небосводе не было видно ни единого облачка. Темный лес танил прохладной тенью. Гавань вдаль подернулась легкой, почти прозрачной дымкой, а блики солнца сверкали на волнах, словно бриллианты.

- С той самой поры, как я достаточно повзрослела, чтобы понять, что сотворил Фэйг Туринг, - сказала Медея, - мне постоянно что-то не давало покоя. Я всегда

думала, что желаю отомстить ему.

- Месть - всего лишь прикрытие для

других, более значимых эмоциональных реакций, - ответил я.

Она скорчила кислую мину.

- Перестань пытаться быть моим отцом, Эйзенхорн.

С таким же успехом она могла бы отвесить

мне пощечину. Я никогда и не думал играть

роль ее отца.

- Я только хотел сказать...

- Ты мудрый человек, - прервала она меня.

- Умный. Знающий. На все вопросы у тебя есть исчерпывающие ответы.

- Почти на все.

- Но ты не чувствуешь.

- Не чувствую?

- Ты знаешь многое, но не чувствуешь того, о чем говоришь.

Мне показалось, что я не совсем
правильно ее понял. Поэтому я не спешил с
ответом и некоторое время молчал,
прислушиваясь к далекому щебетанию
лесных птиц. В саду тоже пели птицы. А
под

деревями два молодых садовника
утрапбовывали лужайки при помощи
тяжелого катка.

- Я чувствую...

- Нет. Очень часто ты не чувствуешь
смысла сказанного. Твои советы - это
только

премудрости, в которые ты не
вкладываешь
сердце.

- Мне жаль, что ты так думаешь.

- Я не имею права критиковать тебя,
Грегор. Но ты настолько занят тем,
чтобы

поступать... правильно, что вовсе не
интересуешься тем, почему же это
правильно. Я имею в виду... - Она затаилась,
подбирая слова.

- Что?

- Не знаю.

- Попробайся.

Медвея нервно глотнула воды из кубка.

- Ты сражаешься так, как учит тебя

Кириш, только потому, что он считает
это

наилучшим способом сражаться.

- Как правило, так и есть.

- Конечно. Он же эксперт. Именно

поэтому ты победил меня. Но почему это

лучший способ? Например, с этим

конкретным оружием?

- Потому что...

- Потому что он так сказал? Он прав. Но почему он прав? Ты никогда не задаешься такими вопросами. Никогда не задумываешься над тем, какие ошибки были сделаны, чтобы прийти к этому правильному выводу.

- Я все еще не уверен, что следую за твоей мыслью...

Она улыбнулась и покачала головой.

- Конечно нет. Вот моя точка зрения. Всю

свою жизнь ты только и делал, что изучал

оптимальные способы действий во всем.

Искал наилучший способ сражаться, наилучший способ ведения расследований.

Даже наилучший способ обучения. Но

спрашивал ли ты себя когда-нибудь,
почему

поступать именно так - лучше всего?

Я поставил кубок на низкую ограду
террасы.

- Жизнь слишком коротка.

- Это жизнь моего отца оказалась
слишком
коротка.

Я промолчал.

- Мой отец погиб, и я все время
чувствовала потребность что-то
сделать.

Теперь ты говоришь мне, что я не желала
мести. И ты, черт возьми, прав. Месть -
это

хлам. Ничего не стоящий мусор. Но
почему?

В чем тогда я нуждалась на самом деле?

- Я всего лишь пытался спасти тебя от
пустого расходования душевных сил. - Я
покачал головой. - Месть - это бесполезная
трата времени и...

- Нет. - Надея прямо взглянула мне в
глаза. - Вот видишь, опять. Ты снова
предлагаешь мне способ... отвлечься.
Потому

что я не могу совершить того, о чем на
самом
деле мечтаю.

Я почувствовал, что начинаю терять
терпение.

- И что бы это могло быть, Надея? Тебе
это
известно? - спросил я.

- Теперь - да, - сказала она. - Мне
действительно кое-что было нужно от
Туринга, но только не плата по счету.

Мне

нужно было то, что он у меня отнял. Мой отец. Будь у меня возможность общаться с

отцом, Туринг вряд ли стал бы заниматься той

мысли.

Она была права. Все стало настолько очевидно, что меня бросило в холод. Я задумался, сколько еще подобных ошибок успел наделать в жизни благодаря своей переполненной знаниями голове и протерзшему сердцу.

Я оглянулся на пугназеут и увидел, что светло-вишневая безрукавка Мугаса все еще

висит там, где ее оставила Медея, прижав к

одному из окон, словно угодившая в

ловушку

бабочка.

- Я могу дать тебе то, чего ты хочешь, -
сказал я, - по крайней мере, отчасти. Если
ты

действительно желаешь этого.

Я вызвал астроната Вэнса и приказал
ему

приступить к приготовлениям. Он

предложил провести сеанс вечером, когда
в

доме все утихнет. Я согласился и
попросил

Джарат подать легкий ужин пораньше и
оставить холодную закуску на случай,
если

мы захотим подкрепиться после того, как
закончим с делами.

В семь часов мы с Медеей отправились в

читальный зал, расположенный прямо над
главной библиотекой. Я дал Кишеру
четкие

инструкции, строго-настрого запретив
нас

беспокоить. Большая часть домашней
прислуги должна была пораньше
отправиться либо по своим делам, либо на
отдых.

Архивариус Нсалус сидел в библиотеке и
ремонтировал переплеты нескольких
потрепанных книг.

- Оставь нас на некоторое время, - сказал я
ему.

- И что мне делать?

Он выглядел расстроенным. Огряхлев от
прогрессирующей и изнуряющей болезни,
Нсалус практически переехал жить в
библиотеку. Она стала его маленьким

тиркол, и, выгоняя Ольгетара, я
чувствовал

себя полной сволочью.

- Уди, посиди в кабинете, понаблюдай за
тем, как появляются звезды. Возьми
хорошую книгу.

Он огляделся вокруг и застылся.

Моя библиотека находилась в самом
центре Н-образного здания Спаэтон-хауса
и
занимала два этажа. Нижний ее уровень
был

разделен многочисленными стеллажами,
а

наверху располагалась галерея, вдоль стен
которой также стояло множество
книжных
шкафов.

Газовые светильники, свисающие с

потолка на изящных цепях, освещали
теплым золотистым сиянием ряды
читальных аналогов, установленных на
первом этаже. Кроме этого, места для
чтения

были оборудованы настольными лампами,
дающими более яркий голубоватый свет.

В библиотеке постоянно поддерживалась
одинаковая комфортная температура, а
специальные системы следили за уровнем
влажности воздуха, дабы излишняя
сырость

не повредила книгам. Здесь всегда чуть-
чуть

пахло полиролью для мебели и
химическими

консервантами, а от стазис-контейнеров,
в

которых хранились наиболее старые и
хрупкие экземпляры, веяло озоном.

Когда Нсалус удалился, захватив с собой копию «Жизнеописаний» Бойденстайра, я повел Медею по металлической лестнице на

верхнюю галерею, а оттуда к тяжелой двери

личного читального зала, находящегося в дальнем конце помещения.

У двери Бетанкор остановилась.

- Я взяла с собой вот это. - Она достала из кармана главианский излом. - Он принадлежал моему отцу. Один из пары, сделанной специально для него.

Кто, как не я, знал об этом. Медея до сих пор пользовалась обоими пистолетами.

- Оставь его снаружи, - сказал я. - Не слишком хорошая идея пытаться

устанавливать связь через оружие. Даже через такую семейную реликвию, как эта.

Яг

смерти пропитал его сущность. Нам
хватит и

безрукавки.

Она кивнула и положила оружие на
книжную полку. Мы вошли в читальный
зал.

Вэнс уже ждал нас. В маленькой
комнатке

горели свечи. Вокруг застеленного
плотной

тканью стола стояло три стула.
Последние

лучи закатного солнца переливались в
витражном оконце, расположенном под
самым потолком читальни.

Мы заняли свои места. Цекуга Вэнс,
высокий, сутулый мужчина, с
доброжелательным взглядом утомленных
глаз, аккуратно расстелил на столе

светло-вишневою безрукавку Мидаса.

Астронавт уже погрузился в медитацию и вот-вот должен был впасть в транс. Мне оставалось с помощью Воли привести Мегею

в состояние восприимчивого спокойствия.

Аутосеанс начался. Это достаточно простая псионическая процедура, которой мне неоднократно гово-
дилось пользоваться

в процессе расследований и различных изысканий. Вэнс служил каналом,

проводящим энергии варпа. Я сфокусировал

силы собственного сознания, чтобы

подготовить нас к предстоящему общению.

Наконец, в комнату проник холодный, морозный свет. Очертания окружающих

предметов стали размытыми и полупрозрачными. Казалось, само измерение в небольшом читальном зале вытягивалось и нетерпеливо колебалось. Безрукавка Мидаса превратилась в клубы бирюзового дыма. Над ней появилась некая аура, наполненная отзвуками чьих-то голосов, теплом касавшихся ее рук, импульсами людских сознаний, всем, что она накопила за время своего существования.

- Возьми ее, - сказал я Бетанкор. -

Дотронься.

Медя осторожно протянула руку и провела пальцами по краю ауры.

- Ой, - воскликнула девушка, когда неясное свечение вдруг стало наливаться цветом и бугриться при ее

прикосновениях.

Мы исследовали психические

воспоминания, «прилипшие» к этой одежде, пока не нашли отца Мегеи. Мугас Бетанкор, пилот, воин, мой друг. Мы вытанили его

фантом из небытия.

Это был не призрак, а только образ, оставленный главианцем после себя.

Отображение его сознания, его внешности, голоса, эмоций. Переплетение из ощущений.

Отдаленный отзвук его жизнерадостного смеха. Слабый запах его излюбленного

одеколона вперемежку с ароматом тапирос с

листом лхо, которые он имел обыкновение курить. Мы увидели его совсем юным, почти

мальчишкой. Мы увидели его взрослым, таким, каким он был всего за несколько

лет

до преждевременной смерти. Вот он
сидит за

штюрвалом боевого катера, который и
сам

теперь стал лишь призраком, а
главианское

«серебро» соединяет его руки с панелью
управления машиной. Вот он ведёт

глинноносую яхту. Вот любитесь
восходом

солнца над Стоячими Холмами на
Главиу.

Мы испытали его печаль по поводу гибели

Лорес Виббен, но я сделал так, чтобы
Вэнс

быстро миновал это место и оградил нас
от

этнатиической боли. Мы наблюдали за

Мудасом в ходе волнующих схваток,

разделили радость от виртуозных
маневров

и мастерских выпадов, почувствовали
торжество его побед. Мы увидели, как он
снова и снова спасает жизнь и мне, и моим
компаньонам.

Мы присоединились к нему за обеденным
столом, в то время как все покатывались
со

смаху после очередной рассказанной им
сальной истории. Мы, все трое, громко
расстелялись. Мы смотрели, как он сидит
молча, изучая доску режиссура, и
старается

понять, как Биквин удалось снова побить
его.

Потом сквозь бурю из цветных лент он
повел

свою невесту к алтарю в Главном Храме

Главия Глевис. Я увидел себя самого, сидящего рядом с Фишигом, Елизаветой и Эмосом на передней скамье, громко кричащего и звенящего в церемониальные колокольчики вместе с остальной публикой.

- Это моя мать! - прошептала Медея.

Укутанная фатой женщина держала Мугаса

за руку. Она была ошеломительно прекрасной и неповторимо изящной.

Джарана Шэйна Бетанкор. Мугас всегда обладал хорошим вкусом. Оставаясь верной

вдовой, Джарана до сих пор жила на далекой

Главии и управляла судоремонтной фирмой.

- Она такая молодая, - добавила Медея.

В ее голосе слышался оттенок грусти.

Она

уже много лет не бывала на Главии и не
увидела свою мать.

А потом мы почувствовали неловкость,
словно вторгшиеся без приглашения гости.

Мы увидели Мигаса и Джарану.
Влюбленные

обнимались на берегу озера Тайвуй. Мигас
был вне себя от счастья и волнения.

- Правда? Правда? - продолжал
спрашивать он.

- Да, Мигас. Правда. Я беременна.

Я посмотрел на Медею и увидел слезы в
ее
глазах.

- Думаю, нам стоит остановиться,-
предложил я.

- Нет, я хочу увидеть больше,- ответила
девушка.

- Мы должны, - настаивал я, чувствуя, что

Вэнс уже начал уставать. К тому же мы
все

ближе подбирались к воспоминаниям о
Фэйде Түринге и последних часах жизни
самого Мугаса. - Мы должны
остановиться.

Мы...

Меня прервал неожиданно загудевший
котлинок. Я громко выругался. Киришеры
же

сказали: не беспокоить!

Посторонний звук моментально разрушил
связь с прошлым. Сеанс прервался. Синий
свет мигнул и погас. Резкий порыв
ледяного

ветра затушил свечи. Предметы в
комнате

приобрели привычные очертания. Я
увидел, что стены читальни покрыты

капельками

конденсата. Болезненным толчком нас выбросило из варна.

Тяжело дыша и пытаясь пересилить тошноту, Вэнс согнулся пополам на своем стуле. Мою голову пронзила внезапная всепроникающая боль. Медея зарыдала, вцепилась в безрукавку и зарылась в ее шелковые складки лицом.

Проклятый Кишер. Автомобилисты нельзя прерывать так резко. Любой из нас мог серьезно пострадать. Все мы сейчас были оглушены, по крайней мере эмоционально. Я поднялся.

- Оставайтесь здесь! - приказал я обоим. - Постарайтесь прийти в себя.

Вэнс вяло кивнул. Медея даже не услышала меня. Девушка потерялась в

урагане собственных чувств.

Я вышел на галерею, перевел дух и

затворил за собой дверь. Вынув из кармана

вокс, я нажал на руну «ответ».

- Надеюсь, у тебя есть веская причина побеспокоить нас, Джабал, - прохрипел я.

В ответ раздавался только треск статических разрядов.

- Джабал? Джабал? Это Эйзенхорн.

Ничего. Затем быстрый поток торопливых

слов, которых я не сумел разобрать. У меня

статика.

- Джабал?

Откуда-то издалека, из другого крыла дома, я услышал приглушенный трехкратный треск.

Стрельба из лазерного оружия.

Я схватил угольный пистолет Мугаса и побежал к дверям библиотеки.

Глава 8

ПАДЕНИЕ СПАЭТОН-ХАУСА

ЗА НАШИ ЖИЗНИ

ШАСТР, ВЕРНЫЙ ШАСТР

В доме было спокойно и тихо. Горел

приглушенный свет. Но в воздухе

чувствовался отчетливый запах гари. Я

поспешил вперед по покрытому коврами

коридору, на ходу заряжая угольный

пистолет. Тридцать патронов, полная

обойма. Перезаряжать мне будет уже нечем.

На встроенных в стены мониторах

системы безопасности мигали крошечные

красные огоньки. Подойдя к ближайшему

терминалу, я откинул его кожух и уже собирался вставить свой перстень с печатью

в считывающее устройство, когда почувствовал чье-то присутствие.

Я вскинул оружие.

Две горничные и уборщик выбежали в коридор и, увидев меня, громко завизжали.

- Спокойно, спокойно! - выкрикнул я, опуская пистолет. - Давайте сюда, шевелитесь!

Перепуганная троица подбежала ко мне и спряталась за цветочными кадками с декоративными растениями.

- Что происходит?

Они были так напуганы, что даже не сразу смогли ответить. Среди них я узнал новенькую горничную, молоденькую девушку по имени Литу. Она смотрела на

меня красными от слез глазами.

- Литу? Что происходит?

- Налетчики, - сказала она, задыхаясь от страха. - Налетчики, сэр. Всего несколько минут назад наверху раздался грохот, а затем началась стрельба. Повсюду бегают

вооруженные люди. Я видела мертвого человека. Кажется, это был Урбен. Кажется.

Роцеф Урбен. Один из моих охранников.

- У него все лицо было в крови, - заикаясь, произнесла Литу.

- Налетчики... В каком направлении их искать?

- В западном крыле, сэр, - произнес уборщик, Колион. - Думаю, они явились со стороны главных ворот. Я слышал, как господин Киршер говорил, что видел их и

ү

конюшен тоже.

- Вы видели Киршера?

- Он был в бешенстве, сэр. Я услышал его слова, когда он пробежал мимо.

Я остотрелся по сторонам. Запах гари становился все сильнее, а звуки выстрелов громче.

- Колион, - сказал я, - у тебя с собой ключи от дверей?

- Я никогда не расстаюсь с ними, сэр, - кивнул он.

- Умница. Уводи женщин этим коридором к восточному крыльцу. Спрячьтесь в саду. Ты

понял меня? Доберитесь до сада. Спрячьтесь.

Приказ ясен?

- Да, сэр.

- Если не получите от меня известий в течение следующих двадцати минут, постарайтесь выбраться отсюда самостоятельно. Позаботься о них, Колион.

- Слушаюсь, сэр.

Они убежали. Я вставил свое кольцо в разъем считывающего устройства и подтвердил пароль доступа. Небольшой пульт в стене осветил пространство диагностической голограммой. Невероятно, но она показывала, что все системы

безопасности, все датчики, все защитные периметры и силовые щиты были отключены. Их вывели из строя с помощью

ключа, с использованием правильного

авторизационного командного кода.

Уменем варна, как?

- Джабал? - Я снова попытался

воспользоваться воксом. - Кто-нибудь? Это

Эйзенхорн. Ответьте.

На этот раз передатчик ответил.

Человеческим голосом, твердым, словно
камень.

- Эйзенхорн? Ты покойник, Эйзенхорн.

Я спустился в служебные помещения.

Похоже, все разбежались. Двери были

распахнуты, несколько стульев
опрокинуто.

Пар еще поднимался от кружек с
негониным

кофеином. Незаконченная партия в
регистр

на столе в комнате дворцового. Цифровой

модуль, продолжающий передавать

прямую

трансляцию с арены в Дорсае. Упавшая
напираса со лхо, прожигаящая дырку в
ковре.

Я затоптал тлеющий окурок.

За дверью, ведущей к западной лестнице, я
нашел Урбена. Он действительно был
мертв. Роцеф лежал на полу,
распластавшись

прямо в дверном проеме. Лазерный луч
проделал в нем приличную дыру.

Я склонился над его телом, как вдруг
услышал шаги.

Несколько человек показались на
противоположной стороне лестничной
площадки. Сначала я увидел только двоих.
Они шли быстро, движения их были
плавными и уверенными. Так себя ведут

хорошо натренированные убийцы.

Оба были одеты в броню из

металлической сетки с резиновой
оплеткой.

Лица нападавших скрывали гротескные

маски из папье-маше, какие можно купить

во время карнавала в Дорсае. Вооружены налетчики были короткоствольными лазерными винтовками.

Заметив меня, они сразу открыли стрельбу. Шквал огня накрыл гверной проем.

Я едва успел нырнуть в укрытие. До меня доносились попискивание и треск их воксов.

Один из нападавших, в позолоченной маске карнодона, пригнулся и побежал ко мне, пока другой, в маске русалки, обеспечивал ему прикрытие.

Высунувшись из-за угла, я дважды нажал на спусковой крючок изольного пистолета и

проделал два крошечных отверстия в ухтыляющейся торге карнодона. Его колени

подогнулись, налетчик согнулся пополам и
рухнул на пол.

«Русалка» снова дал очередь, и мне

пришлось перекатиться
противоположной
стене.

- Прекрати! - приказал я, используя Волю.

Никакой реакции. Они были защищены от
псионических воздействий.

Кто-то хорошо подготовился.

Я присел на корточки и выстрелил в

люстру. Разгадав мои намерения,
"русалка"

отскочил в сторону, но я настиг его
прямыми

попаданиями трех изл, каждой из
которых

хватило бы, чтобы сразить человека
наповал.

«Рүсалка» тяжело шагнул назад и, падая, перевернул деревянную тумбу.

Я вошел в дверь, еще не зная, что за ней меня ждет третий противник. Его очередь

пропорала мне плечо и сбила с ног.

А затем раздался очень громкий выстрел.

- Грегор?

Я посмотрел вверх. Над мной стоял Эмос.

- Грегор, похоже, твою проклятую пушку заклинило, - растерянно пробормотал он.

Я поднялся на ноги. Привалившись к косяку ближайшей двери, старый ученый возился с своим болтерным пистолетом. Прежде чем умереть, третий налетчик проделал дырку в штукатурке прямо над головой.

- Дай мне. - Я вырвал у Убера болтер,

освободил затвор и добавил более мягким тоном: - Спасибо, Эмос.

Он только пожал плечами.

- Это очень странно,- проговорил ученый.-

Мы с оружием, похоже, не лагим, и все время...

- Тише, Эмос! Что здесь, во имя варна, творится?

- На нас напали, - сказал он.

- Мне хотелось бы узнать подробности, мой старый друг.

- Сказать по правде, я знаю не многим больше тебя, Грегор. Бабах - и на нас напали.

Никакого предупреждения, вообще ничего.

Какие-то люди повсюду. Носятся толпами и

стреляют. Мы решили, что ты погиб.

- Я?!

- Первым делом они взорвали твой кабинет. Гранатой или чем-то еще.
- Проклятие! Угем со мной. Держись поближе.

Мы поднялись по лестнице. В одной руке я держал изольный пистолет, в другой - болтер. В воздухе витали клочья дыма. Наверху мы обнаружили еще два трупа. Люди из моей прислуги. Их расстреляли, приставив к стене.

- Ох, это ужасно... - пробормотал Эмос.

Я кивнул. Кто-то должен заплатить за это безумие.

Из открытой двери моего кабинета валил дым.

- Отойди назад, - прошептал я Эмосу и ринулся внутрь.

Помещение было разгромлено. Ракета или

рэм-граната, пущенная с лужайки, выбила окно и разнесла письменный стол и стулья в

щепки. Прохладный вечерний воздух вливался через разбитую оконную раму. Ковер на полу медленно тлел, книжные полки горели.

Трое налетчиков обыскивали кабинет.

Человек в маске клоуна сгребал в мешок драгоценные рукописи, информационные планшеты и свитки с полок, снабженных устройством климат-контроля. Другой, в маске змеи, пытался разбить стекло витрины, в которой лежала Ожесточающая.

Третий, прячущий лицо за устехажущимся солнцем, лотом вскрывал бронированный

сейф, где хранились дела и остальные служебные документы.

Бандиты обернулись и схватились за оружие.

О Трон, какими быстрыми они оказались!

У меня имелось преимущество внезапности, но они двигались просто молниеносно.

«Змея» даже успел выпустить очередь.
Мне

пришлось пригнуться, прежде чем я опрокинул его выстрелом из болтера. Его труп ударился о бронированную витрину и, оставив кровавую полосу, съехал вниз.

«Клоун» был не таким проворным.
Цольные

заряды прошли его раньше, чем он выпустил из пальцев свой мешок. Он просто

повалился набок и, стукаясь головой о

книжные полки, тоже сполз на пол.

Я перекатился к другой стене и прицелился в третьего. Но солнцеликий отбросил лом в сторону и скрылся за обломками стола.

Поток его лазерного огня встретился с толпи болтами и иглами. Готов поклясться, что, по крайней мере, два болтерных заряда

взорвались прямо в воздухе, сбитые лазерными импульсами. Но иглы прошли и сквозь деревянные обломки, и сквозь налетчика. Он откинулся назад... мертвый.

Я поднялся и подошел к тому, что осталось от моего письменного стола.

Там я и нашел Псалуса. Я сам отправил его

сюда всего несколько часов назад. Горящие страницы «Жизнеописаний» Бойгенстайра были разбросаны по всему кабинету. По всей

всиглотности, архивариус сидел за столом, когда в окно влетела ракета.

- Император милостивый... Ольгемар... - прошептал Эмос.

Если мой старый ученый был шокирован ужасным зрелищем, то я к тому времени был

уже просто разъярен. Я бросил в карман изогнутый пистолет и стал сгребать с полки у

окна обойты для болтера.

- Нам пора убираться отсюда, Эмос. - Я поднял мешок, брошенный «клоуном», и вручил его Уберу.

Все еще ошеломленный, он медленно

кивнул.

- Собери все ценное, - добавил я. - Ты знаешь, что делать.

Он поспешно повиновался.

Я ввел коды безопасности в витрину, где хранились Ожесточающая и рунный посох.

Панели из бронированного стекла с гудением

разошлись в стороны.

Снаружи раздался пронзительный гул, по лужайкам в саду стали шарить лучи прожекторов. Оказывается, у нападавших имелось и воздушное прикрытие.

Один заключительный штрих. Открыв кодовый замок пустотного сейфа, я извлек древнюю, ветхую копию Малус Кодициум и

тут же убрал ее под плащ. Но Эмос все выгел.

- Пошевеливайся! - поторопил я ученого.

- Один момент. - Эмос сгреб несколько последних свитков в мешок и водрузил его на спину. - Все, я готов.

Я вышел в коридор, сжимая в одной руке болтер, а в другой - Ожесточающую. Носом пришлось закинуть за спину. Снизу доносились звуки яростной перестрелки. Мой верный друг Джабал Киршер не собирался сдаваться без боя.

- Следуй за мной! - приказал я Эмосу.

Прошло только несколько минут с того момента, как тревожный вызов прервал аутосеанс. Но встреча с тенью Мидаса Бетанкора уже казалась давней историей. Дом был объят огнем. Холодное ночное небо над восточным крылом освещали языки

пламени, в воздухе кружили хлопья пепла
и

сажи.

Выйдя на улицу, мы спрятались в тени у
стены кухни. Отсюда было прекрасно
видно

все, что происходит на лужайке заднего
двора. Там стояло три тяжелых спидера.
С

выдвинутыми посадочными опорами они
очень походили на глянцево-черных жуков.

Боковые люки были открыты, а кабины
пусты. Четвертый и пятый, проходя на
малой

высоте, обшаривали поисковыми
прожекторами заднюю часть дома и
расстреливали флигель оружейным огнем.

Утого пять кораблей. Каждый из них был
способен перевезти до дюжины

вооруженных людей. Это означало, что
Спаэтон-хаус осаждают небольшая армия.
Кто-то очень хотел уничтожить и меня,
и
весь мой штат. Кто-то хотел добраться
до
моих тайн и моих ценностей. И у него
явно
хватало денег и влияния, чтобы добиться
своего.
Но правде говоря, защитная система гота
была рассчитана на то, чтобы
сдерживать
нападения даже таких масштабов.
Инквизиторы легко находят себе врагов.
Укрепленная резиденция -
профессиональная необходимость.
Однако систему Спаэтон-хауса каким-то
образом удалось взломать.

Энергетические

щиты, пустотные экраны, затки,
датчики

движения, сторожевые сервиторы,
орудийные блоки - все это оказалось
нейтрализованным, когда появились
налетчики.

Одно я знал наверняка - это были
налетники. Хорошо обученные,
целеустремленные, абсолютно
безжалостные. Но кто оплатил их услуги
и
почему?

Очередная серия взрывов прокатилась по
поместью. Вспышки озарили ночное небо.
«Искать ответы будем потом», - решил я.
Взорвались конюшни, которые
использовались в качестве ангара и
гаража.

- Как насчет одного из их кораблей? -

прошептал Эмос, показывая на машины, стоящие на лужайке.

Это было слишком опасно. Нам пришлось бы выйти на открытое место, а спидеры, скорее всего, охранялись. Я покачал головой.

- Тогда к водным докам? - предложил он.

Может быть, у них нет лодок?

- Нет, они наверняка перекрыли все пути для отхода. Им известна планировка, они знали, что необходимо уничтожить конюшни. Их проинформировали обо всем, что располагается и внутри, и вокруг поместья.

Мы повернули обратно, прошли через кухню, пересекли внутренний садик с небольшим огородом и отправились к посудомоечному помещению позади

обеденного зала. Клубы дыма висели в воздухе, словно шелковый занавес. У меня оставалось одно последнее средство к спасению, о котором они не знали - не могли знать.

Ожесточающаяся дернулась в лагони, давая мне знак, что кто-то приближается. Я шагнул

вперед, прикрывая собой Эмоса.

В дверном проеме показались две фигуры.

Элина Кои - неприкасаемая, приписанная к этому дому, - поддерживала Ксела Шастра, одного из людей Кириера. Он был ранен в

предплечье и плечо.

- Элина! - прошипел я.

- Господин! Хвала Императору! Мы думали, что вы погибли! - Узкое лицо

женщины напряглось от страха, кровь

Шастра залила все ее эпиншировое
платье.

Я быстро оглядел раны Ксела.

Повреждения оказались весьма серьезными,
но у него был шанс выжить при условии,
если

мы вовремя доставим его в больницу.

- Вы встречали кого-нибудь еще?

Киршера? Что с ним?

- Я видел, как он погиб, - с трудом

проговорил Шастр. - Налетчики
заставили

нас отступить. Киршер остался в
главном

зале. Один против двадцати вырождков.

- Ты уверен, что он...

- Они разнесли его на куски. Но прежде он
успел прикончить не меньше шести

ублюдков. Киршер сказал мне, что их
впустил Кронски.

- Что?

- Кронски. Новенький. Его наняли в
прошлом месяце. Он предал нас.
Отключил
защитную систему.

Измена, совершенная изнутри. Чего я и
боялся. Нанимая этого Кронски, Киршер,
без

сомнения, тщательно изучил его прошлое
и

подверг ментальному допросу. И я сам
поприветствовал предателя в своем доме.

Неизвестный враг обладал огромными
ресурсами, демонстрировал хорошие
навыки

и тщательно подготовился к вторжению.
Все

это лишь усиливало мое уважение к
противнику.

Рев летящего спидера раздался где-то
поблизости. Стекла в рамах затряслись
от
грохота стрельбы.

- Вы продержитесь еще немного? -
спросил я Шастра и Элину.

Они кивнули.

- Куда мы идем? - спросила
неприкасаемая.

- Выходим из обеденного зала на улицу,
пробираемся через розарий позади
лабиринта, затем сворачиваем на юг к
внешней изгороди и уходим по главной
дороге в лес.

Я понимал, что описываемый маршрут
составит не менее двух километров.
Однако

все присутствующие кивнули - оставаться
на

месте было равносильно самоубийству.

Мне захотелось вызвать Медею по воксу,
но я знал, что это бесполезно. Наверняка
налетчики прослушивали все каналы.

Вместо

этого я потянулся к ней своим сознанием.

- Медея... Медея...

К моему удивлению, ответ пришел
практически мгновенно.

- Мы около пугназеума. Медея собирается
пойти и захватить один из спидеров.
Это

был Вэнс.

- Нет! Останови ее, Ёкюда. Они слишком
хорошо охраняются. Скажи Медее
«Грозовой

Дуб». Она поймет. Если ты доберется до

места первыми, то будем ждать вас столько, сколько сможет...

На отполированном деревянном полу погруженного в темноту обеденного зала поблескивали осколки. Мы подошли к окну. Стекла были выбиты, вечерний бриз шелестел гардинами.

Розарий снаружи казался тихим и мрачным. Свет пожаров бросал глинные тени на безукоризненно ухоженную лужайку.

Над крышей вновь проревели двигатели. Нам снова пришлось спрятаться. Спидер завис над розарием, и выхлопы дюз выжгли траву на газоне. Машина полетела так близко, что я смог расслышать потрескивание и бортование вокса, доносящиеся из кабины. Поисковый прожектор метнулся в нашу сторону.

Неожиданно ослепительный луч
морозно-белого света ворвался в обеденный
зал. Осколки стекла вспыхнули, словно
созвездия в зимнем небе.

Когда спидер вновь снялся с места и
направился к задней части дома, я
прошептал:

- Теперь пошли!

Мы выбрались на лужайку. Эмос двигался
на удивление проворно, а вот Элинэ
задерживал Шастр. Мне пришлось
вернуться

и поточь ей. Ксел продолжал извиняться,
упрашивая оставить его и уходить.

Он был хорошим человеком.

Мы добежали до сада и, скрываясь в тени
деревьев, направились к лабиринту. В
воздухе витал сильный терпкий запах

бирючины и кисло-сладкий аромат
созревающих плодов. Ночные насекомые
порхали в полутраке.

Пройдя примерно сотню метров, мы
остановились, чтобы перевести дыхание.
Со

стороны резиденции продолжали
доноситься

крики и стрельба. Здание было охвачено
огнем пожара. Стараясь не смотреть в ту
сторону, я огляделся. Глаза постепенно
привыкали к темноте.

Цзяцные яблони, тутины и плойны были
посажены правильными рядами. Белая
кора

тутинов сияла в полутраке, точно снег, а
некоторые из раннеспелых плойнов были
тщательно укрыты мешковиной от
вороватых птиц. Всего лишь несколько

дней

назад я собирал здесь первый урожай
түтина

вместе с толодыми саговниками. Мы то
и

дело перешучивались. С нами был и

Альтвальд. Он накрывал темные
раздутые

плойны. Тем вечером Джарат подала на
десерт потрясающий пирог с түтином.

Джарат. Я задумался: что стало с моей
бесстенной домоправительницей?

Мне так и не удалось это узнать.

Уловив движение в темноте, Шастр

напрягся и вскинул свой лазерный
пистолет.

Но это оказался обычный саговый
сервитор.

Он обходил плодовые деревья и распылял

пестициды. Не обращая внимания на происходящее, он спокойно выполнял свою ночную программу.

Мы снова пошли вперед, но когда через несколько шагов я обернулся, то увидел, как

несколько человек выпрыгнули из окон обеденного зала и направились в розарий.

Приказав спутникам двигаться дальше, я пригнулся и почти пополз назад, стараясь быть как можно незаметнее на случай, если у

преследователей окажутся приборы ночного

видения или датчики движения.

Я догнал медлительного сервитора, открыл панель на его спине и, пока он тащился по траве, на ходу ввел в его программу новые параметры. Увеличив

скорость, он изменил привычный маршрут
и

направился к розарию, аккуратно обходя
плодовые деревья.

Я уже почти догнал Эмоса и остальных,
когда услышал первые выстрелы
налетчиков

удивило внезапное появлением сервитора.

Он мог отвлечь их внимание и задержать
на

какое-то время. Нам бы очень повезло,
если

бы они решили, что их датчики засекли
именно его.

Продвигаясь почти вслепую, мы, наконец,
покинули фруктовый сад и пересекли

заросший высокой травой выгон. За
нашими

спинами полыхал Спаэтон-хаус.

Мы повернули на юг... ну или примерно на

юг. Вокруг на несколько километров
простирались мои владения. На нашем
пути
стали попадаться дикие деревья и
колючий
кустарник. Здесь уже можно было
расслышать шум торских волн,
плещущихся
за мысом.

Я пытался прикинуть, как далеко мы
успеем уйти, прежде чем налетчики
закончат
четвертовать дом и поймут, что нам
удалось
ускользнуть.

Еще примерно двадцать минут ушло на
то, чтобы прогнаться сквозь заросли
крапивы, а
затем через рощу сухого бука и тонкого
финтля. Следующим препятствием

оказалась

ирригационная
заполненная

канава,

доверху

водой. С трудом перетащив через нее

раненого Шастра, мы увидели, наконец,
изгородь и дорогу за ней. Там, дальше

начинались дикие нехоженные леса, какие
до

сих пор покрывают две трети
поверхности

Тудрун. Надежду освоить эти
непроходимые

заросли оставила еще первая партия
колонистов.

- Мы почти на месте, - прошептал я. -

Давайте же.

Испытываешь судьбу, как всегда,

Эйзенхорн. Испытываешь судьбу.

Лазерные всполохи прорезали воздух

прямо над нашими головами. Затем огонь стал кучнее. По нам стреляли по крайней мере из четырех стволов. Нападавшие пристрелялись, и теперь оранжевые импульсы крошались крапиву за нашими спинами, раскидывая в стороны измочаленные листья. Следующим залпом рассекло стволы сразу двух молодых лиственниц, росших у изгороди. Сухой утёсник и финтль загрожали и окутались пламенем.

В небе взорвалась осветительная ракета. Пространство вспыхнуло резким безжалостным светом.

- К изгороди! Пошли! - прорычал я.

Обернувшись, я увидел, как темные фигуры продираются через крапиву и выходят из-за деревьев. Каждые несколько

мгновений они останавливались,
выкидывали оружие, и в нашу сторону
летел

очередной смертоносный импульс.

Мое внимание привлекли две белые
светящиеся точки, отделившиеся от
зарева

над Спаэтон-хаусом. Преследователи
подняли в воздух спидеры, которые теперь
шарили своими прожекторами по
кустарнику и лесу.

Направив свою ярость в Ожесточающую, я
прорезал дыру в изгороди.

- Пролезайте! - завопил я.

Эмос полез первым. Шаштр споткнулся и
упал. Я протолкнул вперед Элину и
вернулся

за раненым.

Ксел сидел, прислонившись спиной к

заборѹ. Онъ поднялъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ темнотѹ.

- Уходите, сэр! - сказалъ онъ, увидѣвъ меня.

Насколько я могъ разобратъ, онъ успѣлъ застрѣлить двѣхъ преследователей, выскочившихъ изъ зарослей кустарника.

Остальные все еще скрывались въ густомъ подлескѣ.

- Я тебя не брошѹ!

- Проклятие, убирайтесь! Вамъ не уйти далеко, если кто-нибудь ихъ не задержит!

Шквалъ ответной лазерной стрельбы накрылъ изгородь. Въ воздухѣ полетѣли комья топорной земли. Мнѣ даже пришлось развернуться и подставить клинокъ

Ожесточающей, чтобы отклонить часть выстрѣловъ. Оружiе загудѣло и грозило въ

моей ладони, поглощая энергию.

- Уходите! - повторил Шастр.

Я понял, что его ранило еще раз, но он пытается скрыть это.

- Я не могу бросить тебя просто так...

- Конечно, нет! - прохрипел Ксел, откашливаясь кровью. - Дайте мне ваше чертово оружие! Эта проклятая лазерная батарея почти села.

Я протянул ему болтер и запасные обоймы.

- Император не забудет тебя, даже если я не выживу, - сказал я ему на прощание.

- Черт, уж лучше бы вам постараться выжить, сэр, иначе я потрачу свои силы впустую.

У меня не оставалось времени даже на то, чтобы пожать ему руку. Перебираясь через

дыр в изгороди, я услышал рев первых
болтерных выстрелов.

Элина и Эмос ждали меня на дальней
стороне дороги, на самом краю леса. Я
нагнал их, и мы побежали в темноту
черной

полночи. Мы спотыкались о корни,
карабкались по глинистым склонам.

Болтерная стрельба была слышна еще
какое-то время. А затем затихла.

Да дарует Бог-Император мир и покой
Кселу Шастрю.

Глава 9

Грозовой дуб

ВОЗВРАЩЕНИЕ

МИДАС МОГ БЫ ГОРДИТЬСЯ

В течение часа, словно ослепшие, мы
блуждали в абсолютной темноте. Совсем

скоро плотные заросли заслонили
единственный источник света - огонь
пожара, охватившего поместье. Спаэтон-
хаус

остался галеко позади.

- Мы заблудились? - грожащим голосом
спросила Элина.

- Нет, - уверил ее я.

Вместе с Киршером и Медеей мы не раз
охотились в окрестных лесах, и я знал
эти

места достаточно хорошо. Вот только
темнота немого мешала
ориентироваться.

Знакомая местность приобретала некую
загадочность, временами казалась почти
чужой.

Требовалось несколько минут на то,
чтобы

отыскать знакомые приметы - большой камень или старое дерево - и продолжить путь в нужном направлении. В кромешной тьме я находил эти ориентиры не сразу, иногда приходилось шарить перед собой руками, а иногда я просто спотыкался о них.

Дважды над лесом проносились спидеры, освещавшие плотную листву над нашими головами. Если бы в их распоряжении имелись температурные сенсоры, мы были бы уже мертвы. Но у них были только прожекторы. «Наконец,- порадовался я про себя,- враг допустил ошибку».

Мы добрались до дуба.

Медя называла его Грозовым Дубом.

Наверное, ему уже исполнилось несколько сотен лет, когда молния убила его. Теперь это был лишенный листвы гигант с

расколотым стволом, напоминающим
разрушенную башню древнего замка. Кора
отслаивалась от его мертвой древесины,
и

вокруг копошились личинки и
жуки-короеды. Дуб рос в овраге и от
широко

раскинувшихся корней до разрушенной
кроны имел около пятидесяти метров в
высоту. Обхват же его мощного ствола
составлял не меньше пятнадцати
метров.

Я спустился в овраг. Давным-давно, когда
толния расколола ствол лесного гиганта,
у

его основания образовалась обширная
пещера - настоящая природная часовня со
сводом из переплетенных могучих корней.

Мне рассказывали, что предыдущие

владельцы Спаэтон-хауса как раз и
использовали это место в качестве
святилища для проведения своих
церемоний.

Мы с Медеей обустроили в нем ангар.

Никто, кроме нас с Бетанкор и Киришера,
не знал об этом. Мы сошлись во мнении,
что

в этом потайном месте неплохо
спрятать

легкое воздушное судно. Устроить
запасное

логово. Вряд ли мы на самом деле когда-то
либо

предполагали, что на Спаэтон-хаусе
может

обрушиться такая беда, как этой ночью,
но

посчитали излишним припрятать один из
кораблей от посторонних глаз.

Это сүдно представляло собой
турбовентиляторный монокок, вручную
собранный на Ургеше. Легкий, быстрый,
сверхманевренный. Медея приобрела его из
прихоти десятью годами раньше и
держала в
главном ангаре Спаэтон-хауса до одной
памятной ночи. Нас тогда не было в
поместье, а несколько младших членов
моей
команды решили на нем покататься - ведь
он
был куда быстрее, чем домашние шаттлы
и
громогудные спидеры.

К тому времени, как мы вернулись домой,
неполадки и внешние повреждения уже
были

устранены, но Медею не проведешь. Она
заметила, что с машиной не все в порядке.

Последовали выговоры.

Несколько недель спустя во время охоты мы нашли Гротовой Дуб и решили, что нам

нужен запасной корабль на крайний случай.

Медея перевела судно сюда. Мы и не глумили, что нам придется использовать его для

собственного спасения. Тогда это было лишь

поводом спрятать катер подалее от завидующих глаз молодняка.

Я стащил с корабля брезент и открыл люк.

В кабине пахло кожей и нежного лесной сыростью.

Шестиметровый корпус корабля был выкрашен в синевато-серый цвет. Сужаясь, клиновидной формы кабина переходила в короткий V-образный хвост. Судно было

оборудовано

третья

турбоventиляторными

модулями, один из которых крепился
позади

пассажирского отсека под хвостом и
служил

основным двигателем, а два других,
подвижных, были установлены на коротких
крыльях, выступавших из крыши кабины.

Эти двигатели предназначались для

управления взлетом-посадкой и для

контроля высоты. В кабине располагались

удобные сиденья: в носу судна - кресло

пилота, позади него два пассажирских
кресла

с высокими спинками и более

функциональный многоместный диван у

задней переборки.

Я занял место пилота, пристегнулся и

приступил к предполетной подготовке.

Элина и Эмос устраивались в креслах за
моей

спиной. Первым делом предстояло
прогреть

двигатели. Приборная панель засветилась
зеленым. С тихим гулом начали
вращаться

турбины. Из-под посадочных опор

взметнулся вихрь опавших листьев. Элина
закрыла люк.

Мы не слышали вестей от Вэнса и Мегеи
с

тех пор, как вошли в дикий лес. Я
потянулся

своим сознанием, призывая их

поторопиться. Ответа не последовало.

Энергетические батареи судна были

заряжены примерно на семьдесят пять

процентов. На диагностической панели не
горело ни предупреждающих, ни аварийных
рун. Я провел заключительную проверку.
Из

вооружения судно имело только легкую
лазерную пушку, неподвижно закрепленную
под носом. Мы никогда ею не пользовались,
и приборы показывали, что она отключена.
Я

ввел код активации, но на экране снова
высветилось сообщение, что пушка
отсоединена от системы из соображений
безопасности и не функционирует.

Оставив турбины прогреваться на
холостом ходу, я выбрался из кабины и
полез

под днище. Ствол пушки, с виду
казавшейся

просто изящной трубкой, закрывал

прорезиненный чехол, препятствовавший
загрязнению эмиттера. Я снял его,
освободил

скрученные провода, и из дуга наружу
выскочила небольшая иголка. Теперь
пушка

была активирована.

Поднявшись обратно в кабину, я устроился
в кресле пилота и снова проверил приборы.

На дисплее появилось новое сообщение:
оружие подсоединено к общей системе и
нуждается в подзарядке батарей. Поиграв
мгментблерами, я включил подзарядку, как
вдруг ощутил это.

- Сэр, что случилось? - вскрикнула Элина,
увидев, что я тяжело задыхался и качнулся
вперед.

- Грегор? - встревоженно произнес Эмос.

- Я в порядке... это был Вэнс...

Короткий жуткий ментальный вопль,
донесшийся со стороны поместья. Псайкер
страдал от боли.

Я попытался снова вызвать его, но не смог
почувствовать ничего, кроме туманной
стены страданий. Затем на секунду
удалось
уловить, как его сознание убеждает
Медою

бежать... бежать без оглядки.

В ментальном гуаназоне снова вспыхнул
красный поток агонии. Меня вновь
скрутил
приступ удушья.

- Бог-Император его прокляни! -

выругался я, увеличивая мощность
двигателей.

Турбины взревели. Нас тут же окружил
водоворот листьев, сухие ветки

застучали по

фюзеляжу и иллюминаторам. Направив
сопла двух боковых двигателей
вертикально

вниз, я поднял судно всего лишь на
несколько сантиметров над землей и на
самом малом ходу начал выводить его из
пещеры.

Локационный сканер замигал красным,
обозначая на дисплее силуэты
переплетенных корней. Как только прибор
сообщил, что хвост миновал арку входа, я
ввел приказ набирать высоту.

Мы парили над землей и медленно
разворачивались, пока топографический
аппарат сканировал пространство... один
раз, второй. Затем я выровнял машину.

- Хм... Грегор? - Эмос наклонился вперед и
указал на светящуюся сферу прибора над

моей левой рукой. - Мы направляется на север?

- Да.

- У... хм... думаю, тебе не надо напоминать, что именно с севера ты и пришли...

- Да. Прости. Мы возвращается.

Я слегка опустил нос корабля, гюзы на крыльях развернулись, и сугно устретилось во тьму.

Бортовые огни я решил не включать и вел корабль через лес на скорости примерно в двадцать узлов. Видимость была практически нулевой, поэтому выбирать курс приходилось, используя одновременно и ауспекс, и локационный сканер, которые выводили на дисплеи зеленые и янтарные

фантомы древесных стволов и ветвей. Я маневрировал между препятствиями, и время от времени, когда подходил к ним слишком близко, по экранам проскальзывали ярко-красные сигналы, предупреждающие об угрозе столкновения. Один раз я что-то задел. Эмос и Элина вскрикнули. К счастью, маленькая ветка отлетела в сторону, не причинив нам вреда.

- Выдохните, - успокоил я спутников.

Конечно, быстрее и безопаснее было бы лететь над лесом, но я собирался как можно

дольше оставаться незамеченным.

Тем временем все попытки дотянуться до сознания Вэнса оказались тщетными.

Едва избежав столкновения с массивной низко растущей веткой, мы нырнули к

земле, пролетели над глинным склоном
пог

самыми деревьями, и ауспекс подсказал
мне, что край леса уже близко. Прямо
перед нами

показалась светлая полоса дороги.

В небе пульсировал резкий белый свет.

Еще одна сигнальная ракета. Я заглушил

основной двигатель, и корабль медленно

пополз вперед на дополнительных
турбинах.

Я мог видеть и изгородь за дорогой, и

выгоны, и подлесок к югу от Спаэтон-хауса

весь путь, по которому несколько часов

назад мы пробивались к спасению. Пейзаж

купался в холодном, сером свечении,
неровном мерцании угасающей

осветительной ракеты. Вереница черных

теней прочесывала высокую траву и

поглесок.

- Медея, - потянулся я Вoley.

Она не могла ответить. Бетанкор была «затупленной». Но я молился, чтобы она смогла услышать.

- Медея, я рядом.

На северо-востоке возле роуи финтлей неожиданно вспыхнул залп лазерных выстрелов. В небо взмыли еще две осветительные ракеты. Все вокруг снова разделилось на черное и белое. Налетчики двигались к роуе.

Они сумели кого-то загнать в угол. И нутром я понимал, что это Медея.

Не включая огней, я бросил корабль вперед и потчался на малой высоте над дорогой, изгородью и выгонати. Струи, вырывавшиеся из дюз, прорезали след в

праве. Когда мы пролетали над наемниками, они задирали головы и смотрели на нас

сквозь прорези в карнавальных масках.

Я не удержался, резко бросил машину вниз и раскидал в стороны несколько налетчиков, а затем устремился к роще. Теперь огонь из

всех стволов предназначался мне.

Откинув большим пальцем защитный колпачок, я нажал на кнопку лазерной пушки. Единственное оружие не имело системы наведения. Оно стреляло строго туда, куда был нацелен нос судна.

Пушка испускала непрерывный луч, пока кнопка гашетки оставалась нажатой. Полоса

ярко-желтого света, толщиной с карандаш, вырвалась из-под носа судна и прорезала

борозду в кустарнике возле роуи, взметая
ошметки грязи и терзая растения.

Катер накренился, готовый упасть, но я
вовремя выправил его и выстрелил снова.

Мне удалось срезать лучом двоих
налетчиков, а затем судно вильнуло
влево, круша стволы молодых и даже
зрелых

финтлей. В движении целиться оказалось
крайне сложно.

Не долетев до первых деревьев примерно
двадцать метров, я завис на небольшой
высоте. Налетники усилили стрельбу.
Корпус

катера грожал от многочисленных
попаданий.

Я снова нажал на газетку и стал
медленно

поворачивать судно справа налево.

Налетчики бросились на землю. Тех, кто не

успел залечь в траву, рассекло на части.

Тонкий луч аккуратно и чисто разрезал

броню, плоть и кости. Должно быть, я задел

какой-то силовой модуль или гранату, потому

что тело одного из нападавших разметало

взрывом.

По фюзеляжу застучало еще больше

выстрелов. Я снова устремился вперед, решив облететь рощу с запада.

Наконец на экране успеха появился

силуэт Медеи. Мне потребовалась секунда, чтобы отыскать ее глазами. Просто точка

среди высокой травы. Яркая точка. На ней была светло-вишневая безрукавка ее отца.

Медее пришлось выйти на открытое место, чтобы я мог спуститься и подобрать ее.

Но ней продолжали стрелять из лазерного оружия. Бетанкор развернулась и на бегу выстрелила в ответ.

- Вижу тебя! Ложись!

Девушка обернулась и посмотрела в мою сторону. А затем чей-то меткий выстрел повалил ее в траву.

- Медее!

Я рванул штурвал на себя. От резкого ускорения нас прижало к спинкам кресел.

- Эмос! Подготовь боковой люк!

Я постарался подлететь как можно ближе.

Настолько, чтобы реактивные струи корабля

не задели Медее. Действовать надо было

толпиеносно, и я просто загляшил
турбины.

При посадке нас довольно сильно потрянуло.

Этос уже открывал люк, но старик был
медлителен и слишком напуган.

Я пробрался к выходу, оттолкнул Этоса и
выпрыгнул во влажную колючую
фексотраву.

В мои легкие ворвался поток холодного
ночного воздуха. В небе расцвела
очередная

осветительная ракета. Отовсюду
слышался

треск вражеского оружия.

Я побежал вперед.

- Медея! Медея!

Теперь, когда я оказался среди высокой
травы, стало практически невозможно
определить, где именно она упала.

- Медея!

Лазерный луч протрещал в опасной близости от моего плеча. Выпустивший его

налетчик находился всего в дюжине метров

слева. Только теперь я осознал, что безоружен. Болтер я отдал Шастру, а Ожесточающая и посох остались в кабине корабля.

К счастью, главианский угольный пистолет Медеи все еще лежал в кармане моего плаща. Я схватил оружие обеими руками, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Первый выстрел свалил ближайшего налетчика в траву. Второй - продырявил еще

одного, и тот исчез в колючем

кустарнике.

Я поглядел на индикатор магазина.

Осталось только два заряда. Отчаяние

нарастало в моей груди. Выстрелы
звучали

все ближе.

- Мегея! - позвал я, обшаривая заросли.

Она лежала в густом кустарнике лицом

вниз. На спине ее шелковой безрукавки

выднелось кровавое, обожженное по краям

отверстие. Я вскинул обмякшее тело

Мегеи

на плечо. Из ослабевшей руки девушки

выскользнул автоматический пистолет.

Подняв и остотрев его, я понял, что в
обоих

еще есть заряды.

Противник уже почти подобрался к

колючим зарослям, в которых я обнаружил

Бетанкор. Отстреливаясь, я наслаждался
мощным ревом и отдачей увесистого
оружия. Игольные пистолеты - изящные и
смертоносные игрушки, но, пуская их в
дело, чувствуешь себя так, словно у тебя в
руках

водяной пистолетик. А эта штука, с
хромированным квадратным стволом,
ляглась, словно юрф, эжектор со звоном
выбрасывал латунные гильзы.

Я развернулся и побежал к кораблю,
ожидая в любой момент получить
выстрел в

спину. Рядом зашипели яркие импульсы.
Но

на этот раз они предназначались не мне.

Элина Кои лежала в открытом люке-
судна и

прикрывала нас стрельбой из лазерного
пистолета. Я и не знал, что она

вооружена.

Эмос спрятался в глубине кабины, чтобы
дать неприкасаемой достаточно места,
но, когда я подбежал к катеру, помог мне
втащить внутрь Медею. Я молился,
чтобы
она была жива.

Пока Убер и Элина устраивали ее на
сиденьях в конце салона, я вскочил в
кабину.

На возню с ретнями времени не было.
Элина

выстрелила в последний раз и отступила
назад. Я крикнул ей, чтобы закрыла люк.
Но

корпусу застучали многочисленные
выстрелы. Разбилось стекло
иллюминатора.

В обшивке появились пробоины.

Я поднял корабль и развернул его в

сторону наступающих налетчиков.

Мне кажется, хотя теперь я не совсем уверен в этом, что, нажимая на газетку, я

произнес нечто крайне непоучительное.

Что-то вроде: «Жрите это, ублюдки».

Не думаю, что мне удалось задеть кого-нибудь из них, но, клянусь Золотым Троном, это заставило их попятаться.

- Сэр! - Элина пыталась перекрычать рев турбин.

С противоположной стороны роуи к нам приближался шар света. Я не мог видеть сам

спидер, только его прожектор, сияющий, точно «белый карлик» в ночном небе.

Пора было убираться.

Все еще держась на малой высоте, я направил машину на юг. Над дорогой мы

пронесли уже со скоростью в сорок пять узлов. Впереди маячил лес.

Передо мной стоял выбор: лететь над деревьями, но при этом стать отличной мишенью для преследователей, сбавить скорость и пробираться через лес с выключенными огнями или попробовать пролететь сквозь него на максимальной скорости, освещая путь фарами.

Я избрал третий вариант.

Носовые огни вычертили впереди конус света. Несмотря на наличие навигационных

приборов и локационных систем, несмотря на включенные огни, этот полет граничил с

самоубийством. Уже через несколько секунд, едва избежав лобового столкновения с

рослой елью, мне пришлось сбавить
скорость

до тридцати узлов.

- Вы... вы всех нас погубите! - завопила
Элина.

- Помолчи!

Черные силуэты деревьев скользили мимо
иллюминаторов. Мне постоянно
приходилось бросать машину то влево, то
вправо, опасно наклоняя корпус, почти
становясь на крыло, а затем снова
разворачивать судно, подныривать под
сплетения массивных ветвей, словно под
мосты, и загибать нос корабля,
перепрыгивая через поваленные стволы
древних гигантов. Несколько раз я был
вынужден прорываться прямо сквозь кроны
деревьев. Турбины с протестующим воем

перемалывали гущившие их листья,
аварийная сигнализация заходила в
жалобном протестующем вое. Экран
сканера

почти полностью горел красным.

Элина начала читать молитву
Императору.

- Помолись за нас всех! - проорал я. -

Эмос! Как состояние Медеи?

- Хвала звездам, она жива. Дыхание
затруднено. Насколько я могу судить, у
нее

задето легкое. Плюс обширный внутренний
ожог. Ей нужен врач, Грегор!

- И она его получит. Сделай все, что
сможешь, устрой ее поудобнее. В
шкафчике

позади тебя есть аптечка. Перевяжи ей
рану.

Полет на такой скорости через плотную, почти непроходимую чащу сам по себе был чистым безумием и требовал предельной концентрации. Сосредоточиваясь на препятствиях и угрозе столкновения, я часто

менял курс. Вынужденные маневры уводили

нас в сторону от намеченного направления.

Мы летели зигзагами, а это не самый короткий путь к спасению.

На нас охотились, по крайней мере, четыре спидера из пяти, виденных мной на лужайке перед домом. Два следовали за нами

прямо через заросли, держась примерно в пятистах метрах позади. Еще два набрали

высоту и пытались уйти вперед, чтобы

встретить нас в лоб.

Еще там, в поместье, мне не составило труда определить, что мы имеем дело с устаревшими военными моделями:

громоздки энергоустановки, не только более крупные, чем легкие турбины с

Ургеша, но и лучше бронированные; установленные на турелях орудия, из

которых можно было вести стрельбу в любом

направлении и пилотам не нужно было заходить прямоиком на цель.

Затрезвонил ауспекс. С неба упали полосы яркого света. Казалось, будто это солнечные

лучи пробиваются через облака. Один из спидеров летел прямо над нами.

Мне пришлось резко свернуть, и не столько для того, чтобы оторваться от

преследователя, сколько для того, чтобы
не

разбиться об очередную массивный ствол.
В

это время стрелок, засевший в дверях
спидера, открыл огонь.

Я заложил крутой вираж, опустив одно из
крыльев, обогнул колоссальное храмовое
дерево и метнулся в сторону. Огни наверху
на мгновение пропали, но затем появились
вновь, быстро двигаясь параллельно нам по
левому борту. Дерево, промелькнувшее
справа от меня, взорвалось фонтаном из
щепок под ураганом пуль.

Проклятие! Я был более чем уверен, что у
них не было ни тепловизоров, ни датчиков
движения. Они следовали за светом моих
фар, подсвечивающих полосу леса.

Я вырубил огни, но, к сожалению, не сбросил скорость. Пропищало предупреждение о возможном столкновении. На этот раз не напрасно. Несмотря на резкий поворот штурвала, мы задели ствол края крыла. Нас сильно затрясло. Загудела аварийная сигнализация двигателей. Турбина правого борта остановилась. Я перешел в режим форсажа и нажал на кнопку перезапуска правого модуля, надеясь, что он просто заглох от удара. Если кожух или сама турбина повреждены, перезапуск мог закончиться для нас весьма плачевно. Лопастей заглохшей турбины провернулись, двигатель закашлялся. Я

попытался снова. Еще один протяжный хрип.

В двадцати метрах позади нас лес вскипел

потоками древесных щепок, коры и раскрошенной листвой, когда спидер попытался достать нас неприцельной очередью.

С третьей попытки турбина правого борта

все-таки ожила. Зависнув на месте, я поизграл

штурвалом туда-сюда, в стороны, дергая и наклоняя корабль, опуская его нос, затем хвост, накрывая короткие крылья, просто чтобы удостовериться, что контроль над судном не утрачен. Все, казалось, было в порядке.

Я оглянулся через плечо и увидел, что

мертвенно-бледная Элина пристально
смотрит на меня, а Эмос баюкает Медею.
- У нас все в порядке, Грегор? - шепотом
спросил он.

- Ага. Прости, что так вышло.

Поляну слева от нас внезапно озарили
вертикальные струи света, а затем
землю
перепыхала очередь, пущенная из бортовых
орудий вражеского спидера.

Они все еще пытались найти нас вслепую.
Мне вспомнился один костический
поединок со значительно превосходящими
силами противника. Мигас вел катер,
ориентируясь только на показания места,
скрытого его элегантными штанами.
Полню, как он тогда посмотрел на меня и
произнес: «Мышь станет котом».

Мышь станет котом.

Я медленно задрал нос сүгна, поворачивая его к источнику света, зависшему над деревьями.

Всего секунду я жал защелку.

Тонкий луч прожег подсвеченную сверху листву. Последовала краткая вспышка. Ломая

ветви, девять тонн пылающего металла рухнули на поляну, разваливаясь на части и

разбрасывая во все стороны куски горячей обшивки.

- Причесали одного, - самодовольно произнес я. Что ж, именно так и сказал бы Мугас.

Однако к нам уже приближались огни других преследователей. Я отыскал подходящее укрытие недалеко от пылающих

обломков - перекрученный ствол

копылокора от старости завалился набок.
С

его сухих ветвей свисали завесы из мха.

Я следил за приближением огней и
медленно разворачивал судно так, чтобы
нацелить его пушку на ближайший спидер.

Враги сбавили скорость, они явно нас
потеряли. Прожектора одного из них
горели

соблазнительно близко, но его заслонял
плотный строй толстых дубов.

Второй метнулся к горящей поляне -
месту

недавней аварии.

Я поднял нос корабля и, когда

пролетающий над нами спидер вошел в
зону

видимости, шаря прожекторами по лесной

подстилке, нажал на кнопку пуска.

Выстрел оказался довольно неплох. Луч срезал хвостовой лонжерон спидера. Тот потерял управление и закувыркался в воздухе. Но его корпусу забежали синие электрические дуги. Тяжелая машина врезалась в гигантское храмовое дерево, а оно в свою очередь рухнуло на него.

Второй спидер вынырнул из-за дубов и открыл по нам стрельбу. Очередью содрало завесу тха с гниющих веток.

У кого-то все же хватило ума взять с собой

прибор ночного видения. Они могли видеть нас.

Я выстрелил, промахнулся и, врubaя прожектора и набирая максимальную

скорость, бросился наутек. Дисплей
локационного сканера залило сплошное
размытое красное пятно. Нас сильно
трясло

и швыряло из стороны в сторону.

Приходилось закладывать крутые виражи.

Пилот преследующего нас спидера был
хорош. Омерзительно хорош. Как и
остальные наемники, он явно был лучшим
из

тех, чьи услуги можно купить за деньги.

Он прилип к моему хвосту, словно пиявка.

Увеличив скорость до тридцати восьми
узлов, я прорывался сквозь плотный строй
деревьев, вилая и меняя высоту. А

преследователь гнался за мной по пятам,
используя в качестве ориентира мой
реактивный след.

Погоня уже походила на какой-то

безумный танец.

Мы петляли между деревьями, синхронно
наклонялись и кружили вокруг стволов.
Если

я, облетая развесистую крону, становился
на

одно крыло, то он в точности повторял
той

маневр, обходя ветви с другой стороны.

Взревев турбинами, я заложил крутой
вираж

и развернулся на север, а затем
прокрутился

и метнулся на юг. Он проскочил чуть
дальше, но уже через мгновение вернулся,
быстро

набрал скорость и снова сел мне на хвост.

Мимо промчались трассирующие заряды.

Два резких толчка сотрясли корпус.

Приборы подтвердили мои опасения. В нас

дважды попали. На панели появилось сообщение о том, что в системах уменьшается запас энергии. Либо одна из батарей повреждена, либо вовсе вышла из строя.

Мимо кабины снова промчались трассеры.

Передо мной вспыхнули аварийные руны.

Если сейчас не предпринять решительных действий, от нас останется память только в

виде новой полосы на кабине спидера.

Можно было бы заглушить турбины и нырнуть вниз. Тогда он проскочил бы мимо.

Но, падая на такой скорости, мы просто разобьется и сгорит заживо.

- Держитесь! - проорал я.

- Вот дерьмо! - выругалась Элина Коу.

Я врубил основную турбину на полную мощность и взмыл вертикально вверх.

Ломая ветви, мы прорвались через лесной полог к небу. Спидер промчался под нами.

Он затешкался и пытался развернуться, чтобы продолжить погоню, но мой маневр сбил его с толку. Всего лишь на мгновение, но этого было достаточно.

Совершая разворот, спидер не сбросил скорость. Ударившись о дерево, он обограл стабилизатор одного из крыльев. Больше мы

его не видели, если не считать нескольких ярких взрывов.

Меня трясло, руки онемели. Стало почти невозможно сосредоточиться.

Но Мидас, уверен, мог бы мной гордиться. Он постоянно пытался преподать мне свои навыки, но неоднократно заявлял, что

боевого пилота из меня не выйдет.

По его мнению, я обладал необходимой скоростью реакции, но у меня не получалось

видеть всю картину в целом. И я всегда пропускал одну последнюю деталь, которая

могла привести к гибели.

И эта последняя, пропущенная деталь уже приближалась к нам с севера, мчась над кронами деревьев и сверкая залпами автоматического оружия.

Глава 10

ПАДЕНИЕ

ДОКТОР ВЕШИЛЬД ИЗ

РАВЕЛЛО

ХАНДЖАР ОСТРЫЙ

Это был четвертый спидер, охотившийся

за нами. Я даже не успел вырваться, как
огонь его орудий развалил нам хвостовую
часть и покорежил заднюю турбину,
разограв ее кожух и вывернув все еще
вращающиеся лопасти.

Нас закрутило и бросило вниз. Кабина
тряслась, точно в лихорадке. Элина
кричала.

Я боролся со взбесившимся штурвалом.

Наконец, мне удалось снова перевернуть
турбины на крыльях в вертикальное
положение и подать на них максимальное
напряжение, чтобы замедлить падение.

Рухнув прямо в крону храмового, дерева,
корабль накренился носом вниз, и мне

пришлось буквально повиснуть на
штурвале, чтобы вытянуть его на себя.
Пристегнуться!

- проорал я. Больше я ничего не успел

сказать. Мы ударились о массивный ствол.

При столкновении сорвало левую турбину и

го голого металла ободрало краску.

Корабль

подскочил на торфяном холмике, покрытом

преющей листвой и мхом, словно на

трамплине. Затем корпус накренился влево -

оставшаяся турбина продолжала работать на

пределе мощности и все еще пыталась

поднять нас в воздух. Наконец аварийная

сигнализация возвестила о том, что

перегруженный двигатель заглох. А потом

мы врезались в ствол дуба, завалились набок

и проехали по глинистой земле добрых

пятьдесят метров, прежде чем ткнулись
носом в небольшой валун и остановились.

Наступила непривычная тишина. Я не
потерял сознания, но мне потребовалось
несколько минут, чтобы осознать, что я
лежу

на боку напротив люка. Застонала Элина,
начал кашлять Эмос. Время от времени в
кабину с тихим звоном падали осколки
разбитого лобового стекла.

Я с трудом протиснулся к пассажирским
местам.

- Элина? Ты ранена?

- Нет, сэр... Не думаю...

- Нам надо выбираться. Помоги мне.

Вытащив наружу заходящегося кашлем

Эмоса, мы вернулись за Медеей, которая, к
счастью, пока не приходила в себя.

Огни спидера шарили по прорехе,
оставленной нашим кораблем при
падении.

И в любой момент...

Мы поспешили оттащить Убера и Медею
в

образ, подальше от поверженного судна.

- Оставайтесь здесь,- прошептал я,- Элина,
дай мне свое оружие.

Она молча протянула короткоствольный
лазерный пистолет.

- Оставайтесь здесь,- повторил я и
побежал к нашему судну, чтобы подобрать
посох и меч. Рунный посох я отбросил в
кусты и вооружился Ожесточающей.

Спидер спускался вниз, обходя верхние
ветви и стараясь не сводить с нашего
корабля
своих фонарей.

Я заткнул саблю и пистолет за пояс и, подпрыгнув, ухватился за нижние ветви огромного сучковатого бұка, росшего рядом с местом аварии.

Отдываясь и кряхтя от натуги, я подтянулся и скрылся в густой листве.

Спидер медленно подползал к дымящемуся обломкам, поводя из стороны в сторону прожекторами. В открытой двери я

заметил стрелка, спрятавшего лицо за маской. Одну руку он держал на стволе оружия, а другой поворачивал фонарь.

Я поднимался все выше, пока вражеский спидер не оказался прямо под ногой. Пилот

что-то произнес. Я отчетливо слышал потрескивание вокса внутренней связи.

Стрелок ответил и, отпустив фонарь, взялся

за рукоятки орудия.

Поляна озарилась вспышками разрывов.

Корпус доблестного крошечного сугеньщика с Ургеша стинался, словно фольга.

Прекратив пальбу, стрелок обернулся к пилоту. Сейчас или никогда.

Я отпустил ветку и прыгнул прямо на крышу спидера. Она слегка закачалась ного

тной, но, восстановив равновесие, я присел, ухватился за верхнюю рамку входного люка

и влетел в проем.

Стрелок не мог меня видеть. Он как раз нагнулся к ящику с боеприпасами,

закрепленному в стенной стойке. Я ударили

его в спину и приложил головой о
перегородку кабины. Мужчина попытался
встать. Я не дал ему такой возможности
и
выбросил из люка. Он упал на спину с
высоты десять метров и вряд ли быстро
очухается.

Увидев меня, пилот издал приглушенное
рычание. Секунду спустя дуло моего
лазерного пистолета ткнулось в его
челюсть.

- Сажай машину. Немедля! - приказал я.

Оставалось молиться, чтобы он оказался
наемником, а не культистом. Когда цена
вопроса становится слишком высока,
наймит

идет на сделку, чтобы прожить еще денек
и

получить новый чек. А вот культист,

невзирая на приставленный к голове пистолет, уже вознал бы нас в ближайшее дерево.

Двигаясь очень медленно, чтобы я мог быть уверен в значении жестов, пилот остановил основной двигатель и посадил спидер на лесную лужайку.

- Заглуши машину! - приказал я.

Он повиновался, турбины с гудением остановились. Огни на приборной панели погасли, за исключением нескольких оранжевых рун режима ожидания.

- Отстегивайся. На выход.

Пилот растегнул ремни безопасности и медленно выбрался из кресла. Я продолжал держать его на прицеле. Налетчик оказался

низкорослым, но крепко сложенным

тужчиной. Он был в абляционной броне и сером летном шлеме с дыхательной маской и визором.

Наемник выпрыгнул из люка и остановился, подняв руки.

Я спустился следом.

- Сними шлем и брось его обратно в спидер.

Пилот подчинился. Кожа на его лице оказалась бледной и веснушчатой, жидкие волосы были коротко подстрижены. Он огадил меня спокойным взглядом пронзительно-голубых глаз.

- Растегни комбинезон.

Он нахмурился.

- До талии.

Держа одну руку поднятой, он потянул

застежку вниз. Под абляционным
комбинезоном я разглядел майку и, что
интереснее всего, старые, словно
размытые

матюровки на плечах. На пластиковом
шнурке болтался маленький диск
психопата.

Я сдернул устройство и забросил его в
кусты.

А затем применил Волю.

- Твое имя?

- Грх-х... - зарычал пилот, корча гримасы.

- Имя!

- Эйно Горан.

Не знаю, как описать это поточнее, но,
когда я пробивался к его сознанию, у меня

возникало ощущение, будто я трогаю
что-то, обмотанное целлофаном.

- Верно, но мы оба знаем, что это

имплантированная личность. Довольно
грубая

работа. Как тебя зовут на самом деле?

Он покачал головой и стиснул зубы.

Имплантируемые идентификаторы
можно

было приобрести на черном рынке
достаточно дешево, особенно столь
низкопробные, как этот. Поддельные

личности обычно продавались в
комплекте с

необходимыми бумагами. Имплантаты
прилипали к человеку на ментальном
уровне

подобно пыли, оседающей на мебели.
Ничего

необычного. Если у вас есть деньги, вы

можете приобрести даже
соответствующие

отпечатки пальцев и идентифицируемую

сетчатку глаза. А если много генез, то и новое лицо.

Защита пилота напоминала просто установленную второпях фальшивую стену, способную отразить лишь случайные

касания чужих сознаний. Она не обладала даже минимальной реалистичностью, не имела ни малейшего намека на

биографические энграммы. Ментальная маска, столь же дешёвая и гротескная, как

карнавальные личины, которые носили его товарищи.

Но, несмотря на дрянное качество, она была установлена кем-то, обладающим большой силой. Я постарался угалить ее, но

защита даже не сдвинулась с места. Это

раздражало. Маска была очевидна, но я не мог избавиться от нее.

Впрочем, на долгую возню времени не оставалось.

- Спать! - Я применил Волю, и пилот упал, потеряв сознание. - Элина! Эмос! Выходите!

- прокричал я и принялся затаскивать безвольное тело налетчика обратно в спидер.

Обыскав пилота на предмет оружия и ничего не обнаружив, я связал его руки за спиной куском провода, найденным здесь же, в кабине. Бережно держа Надею, Элина и

Эмос спешили к спидеру. Тем временем я заткнул налетнику рот, завязал глаза и приотал его к одной из поперечных стоек.

Мы погрузили на борт все свои вещи и устроили Медею на откидной койке в кормовой части командного отсека. Я занял

место пилота и принялся разбираться в особенностях управления машиной.

Через несколько минут мы уже летели с выключенными огнями над самыми кронами

деревьев. Взошла луна. Небо было ясным, если не считать столба коричневого дыма, заслонявшего звезды далеко на севере. В

моем поместье все еще бушевал пожар. В воздухе, кроме нас, никого не было. Стараясь

держаться как можно ниже, я взял курс на юг.

Немного успокоившись, я осмотрел кабину. Стандартный военный спидер,

приобретенный, скорее всего, специально
для этой операции. Штампованные
опознавательные надписи были грубо
сточены напильником, а служебные
номера
столты кислотой. Рядом с основной
панелью
управления в кабине располагались
каркасные стойки, в которых обычно
закреплялись дополнительные приборные
модули. Однако из всего возможного
оборудования спидер оснастили только
воксом. Из пустых отверстий для
ауспекса, топографического сканера и
прибора
ночного видения торчали лишь обрезанные
провода. Рядом имелись разъемы для
подключения навигационного кодифера и
даже системы удаленного управления

огнем, позволявшей пилоту совмещать обязанности стрелка.

Кто бы ни снабжал наемников техникой, он обеспечил только самую минимальную, базовую комплектацию. Вооруженный транспорт для перевозки живой силы, оборудованный устаревшей моделью вокс-коммуникатора. Никаких автоматических систем. И ни одной напека, позволяющего определить сборщика или поставщика.

Но, несмотря на это, спидер все же обладал определенными преимуществами — приличной мощностью и дальностью полета.

Такая машина могла пролететь без подзарядки тысячу километров. Этого

вполне хватало, чтобы прибыть в
Спаэтон-хаус, уничтожить его и снова
бесследно исчезнуть.

Вокс время от времени начинал
бормотать, но я понятия не имел о том,
какие коды или жаргон используют
наемники, и вообще не собирался сообщать
им, что этот спидер все еще
функционирует.

Вскоре вокс отключился. Я отсоединил
его, извлек из крепления и приказал Элине
выбросить прибор за борт.

- Зачем? - спросила она.

- Не хочу рисковать, вдруг в нем есть
маячок или локатор.

Она кивнула.

Я постарался определить, где мы
находимся. Эта задача оказалась не из
легких, учитывая, что под рукой имелся

весьма скудный арсенал навигационной аппаратуры. Пришлось в голове по памяти восстанавливать карту местности и строить

догадки. Можно было направиться в Дорсай, ближайший крупный город, который, скорее

всего, находился в часе полета к западу от нас. Но, приняв во внимание масштаб организованной против меня операции, я понял, что с тем же успехом мы могли бы стремиться в логово карнодонов.

Вдоль восточного побережья

Гостеприимного Мыса располагались небольшие рыбацкие поселки. До

ближайшего из них мы могли бы добраться

за пару часов. В пределах досягаемости находилась и Магүя, храмовое поселение

на

юго-востоке материка, и Энтрив,
торговый

город на краю девственного леса. Были
еще и

Атенатовы горы.

Вначале я подумывал вызвать арбитров,
но потом отказался от этой идеи.
Нападение

на Спаэтон-хаус, без сомнения, должны
были

заметить часовые в Дорсае, в особенности
когда начался серьезный пожар, но
подкрепление так и не прибыло. Неужели
арбитрам заплатили, чтобы те вовремя
закрыли глаза? Или они сами были каким-
то

образом причастны к этому налету?

Пока я не выяснил, кем и чем являлись
мои враги, нельзя было доверять никому,

включая правительство и даже саму
Инквизицию.

Не в первый раз за свою жизнь я
оказывался в абсолютной изоляции.

Я взял курс на горы. К Равелло.

Равелло раскинулся на холмах,
окружающих западные Апеннины, у самого
подножия перевала Унсы, на берегу
пресного

озера, где берет свое начало великий

Друннер. Городок был известен небольшим,
но прославленным университетом,
специализирующимся на медицине и

филологии, и прекрасной часовней Святого

Кадывана, украшенной одним из лучших,
на

той взгляд, религиозными фресками в
субсекторе. Кроме того, местный

пивоваренный завод поставлял эль,

сваренный на воде из местного озера, во все
уголки Гүдгүн.

Высокие старые здания образовывали
узкие улочки и так близко прижимались
друг

к другу, что крыши из позеленевшей меди
наползали одна на другую, словно
пластины

брони. С воздуха город казался заплатой
темного меха, облепившего голубые склоны
Утервалля.

Когда мы полетели к городку, солнце уже
показалось из-за дальних хребтов. Небо
было

чистым и ослепительно синим. Я
направил

судно вдоль гряды Малых Аменат.
Утервалль

был достаточно высок, вокруг его ника

взружили облака, но сразу за озером
вздыгались настоящие горные гиганты:
Эселбо, остроконечный, словно сломанный
зуб; темно-лиловый взрывающийся в небо
треугольник Монс Фүлько; увенчанный
снежной короной Корвачио - место отдыха
и
гибели сотен альпинистов.

У нас почти иссякли батареи, и спидер
начал терять скорость. Я спустился к
дороге
и влетел в западные ворота городка. В
столь
ранний час на улицах не было видно ни
пешеходов, ни машин.

Мостовые, выложенные иссиня-серым
аузитом, тем же самым, из которого
были
построены здания, ярко блестели на
солнце и

казались влажными в тени узких
переулков.

Мы пролетели мимо сквера, в котором
студент отсыпался после ночной попойки,
лежа на краю небольшого фонтана.
Свернули

на более широкую авеню, где «елочкой»
были

припаркованы гражданские наземные
автомобили и флаеры, а затем поднялись
по

узкой улочке. Я опустил стекла сидера и
вдохнул свежий утренний воздух.

Приглушенный звук двигателей
отражался от

высоких стен. Окна домов по обеим
сторонам крутого мощеного переулка
были

закрыты ставнями. Сколько времени
прошло, а я еще помнил дорогу.

Мы припарковались недалеко от переулка
в тесном внутреннем дворе. У стены
росла

горная шурра. Это растение, или, по
крайней мере, его небольшие желтые
весенние цветы, являлось эмблемой
Святого

Кальвана. Молельные бутылочки и
монетки

усеивали маленький каменный бассейн, в
котором росло дерево.

Ставни на первом этаже грозили от
звезда

наших двигателей, и я порадовался, что
попросил Эмоса убрать оружие из дверей
спидера. По крайней мере, теперь судно
походило на частный транспорт.

- Оставайтесь здесь, - сказал я Элине и
Эмосу. - Ждите.

Я вернулся в тихий переулок. На мне все еще была та одежда, которую я надел перед

автосеансом, - сапоги, бриджи, рубашка и кожаный плащ, а Эмос одолжил мне свою серо-зеленую накидку. Я удостоверился, что

на мне нет ни инсигнии, ни значка властных

полномочий, а перстень с печаткой не должен привлекать внимание. Из оружия -

только автоматический пистолет Мегеи, заткнутый за пояс сзади. Слава Императору, в спидере нашлась коробка с патронами, и я

пополнил обойму.

Бездомная собака, появившаяся из подворотни, остановилась, чтобы обнюхать

полу моего плаща, а затем, не проявив

интереса, побежала по своим делам.

Насколько я помнил, нужный мне дом располагался в середине переулка.

Четырехэтажный особняк с балконом под карнизом из медных пластин. Окна закрыты

ставнями, тяжелые филенчатые глянцево-красные двери заперты на замок.

Звонка на дверях не было, поэтому я просто постучал.

Ждать пришлось довольно долго.

Наконец я услышал шаги, открылось крохотное оконце.

- Что привело вас сюда в столь ранний час, сэр? - спросил старческий голос.

- Я хочу видеть доктора Бершильг.

- А кто ее спрашивает?

- Пожалуйста, впустите меня. Я

представляюсь доктору лично.

- Сейчас слишком рано! - возразил голос.

Я поднял руку и выставил вперед перстень с печаткой так, чтобы старик смог его разглядеть.

- Пожалуйста, - повторил я.

Оконце захлопнулось, послышался звон ключей, одна из дверей отворилась. Тени внутри дома казались непроницаемыми. Я шагнул в восхитительную прохладу прихожей, и, пока мои глаза привыкали к сумраку, сумелый, одетый в черное старик закрыл за мной дверь.

- Подождите здесь, сэр, - сказал он и зашаркал прочь.

Я огляделся. Полированная трапезная мозаика на полу искрилась от талейшего лучика света, пробивавшегося извне.

Стены

украшали восхитительные росписи. В
простых позолоченных рамках красовались
старинные анатомические зарисовки.
Нахло

теплым камнем, остывшим ужином и,
немного, дытом из камина.

- Кто вы? - раздался знакомый голос.

Я поднялся по лестнице и остановился на
площадке, озаренной утренним светом,
струящимся через открытое окно.

- Прости за вторжение.

- Грегор? Грегор Эйзенхорн? - Доктор

Бершильд из Равелло в сонном удивлении
шагнула ко мне. Она все еще сохраняла
свою

прекрасную фигуру.

Мне показалось, что она собирается

обнять меня или поцеловать в щеку, но

вдруз

остановилась. Ее лицо помрачнело.

- Это ведь не просто дружеский визит, не так ли? - спросила она.

Я спрятал спидер от посторонних глаз в частном, окруженном стеной дворе позади резиденции доктора. Тем временем старый

слуга Фейбс открыл ставни и подготовил для

Медеи каталку. Пилота, который еще не очнулся после моего ментального приказа спать, мы оставили связанным в кабине.

Креция Бершильд уже надела хирургический передник и встретила нас в

холле первого этажа. Она практически ничего не говорила, пока осматривала

Медею и считывала ее показатели.

- Заноси ее! - приказала она слуге, а затем посмотрела на меня: - Еще кто-нибудь ранен?

- Нет, - ответил я. - Как Медея?

- При смерти. - В ее голосе не было и тени шутки. Креция сердилаась, и я не мог ее за это

винить. - Сделаю, что смогу.

- Благодарю вас, доктор. Мне жаль беспокоить вас по столь неприятному поводу, однако...

- Однако ее нужно было доставить в городскую больницу! - бросила Креция.

- Мы можем обойтись без этого?

- Ты хочешь спросить, можем ли мы сделать все неофициально? Будь ты проклят, Эйзенхорн! Мне это не нужно!

- Я знаю.

- Сделаю, что смогу.- Она поджала губы.-

Проходите в гостиную. Я распоряжусь, чтобы

Фейбс принес вам чего-нибудь выпить.

Креция резко развернулась на каблуках и скрылась в глубине дома.

- Итак, - спокойно произнес Эмос, - кто она все-таки такая?

Доктор Креция Бершильд была одним из лучших анатомов на планете. Ее трактаты и

монографии широко распространились по

всему Геликанскому субсектору. После

долгих лет практики в Дорсае и некоторого

периода, проведенного на другой планете,

Мессине, она заняла пост профессора

анатомии здесь, в университете Равелло.

И давным-давно я чуть не женился на ней.

Ста сорока пятью годами ранее, а если
быть точным - в 241-м я потерял левую
руку

в перестрелке на Саметере. Детали того
дела

не важны и, кроме того, описаны в другом
отчете. Меня тогда снабдили протезом,
но я

ненавидел его и никогда им не
пользовался.

Спустя два года, оказавшись на Мессине, я
устроил все так, чтобы мне пересадили
полностью функционирующий
трансплантат.

Операцию делала Креция. Заигрывать с
женщиной, которая только что пришла
вам

к запястью выращенную в чане

клонированную кисть, не лучший способ
искать жену, я понимаю.

Но она была стышленой, образованной,
активной и не стала отталкивать меня.

В

течение многих лет мы поддерживали
отношения, сначала на Мессине, затем
общались на расстоянии. А потом, как
только

она вернулась на Гудрун, в Равелло, чтобы
получить докторскую степень, я
обосновался

в Спаэтон-хаусе.

Она очень нравилась мне тогда. И

нравится до сих пор. Трудно сказать,
можно

ли было говорить о чем-то большем, чем

нравилась. Мы никогда не признавались
друг

другу в любви, хотя мне несколько раз

хотелось это сделать.

Я не видел ее уже почти двадцать пять лет.

В этом и состояла моя вина.

С тех пор как Креция отправилась заниматься Медеей, прошел час. Мы сидели

в гостиной. Окна были открыты. Солнечные

лучи пронизывали легкий тюль, вычерчивая

на полу сияющие прямоугольники. Я наслаждался чистым свежим горным воздухом.

Гостиная была обставлена старинной мебелью. На полках стояли редкие книги и

сувениры с разных концов Галактики. Вдоль

стен протянулись витрины, в которых

хранились тщательно восстановленные
древние медицинские аппараты. Не
переставая что-то бормотать себе под
нос, Эмос с головой ушел в изучение
выставленных предметов. Элина
устроилась

на пуфике и пыталась успокоиться. Я был
абсолютно уверен, что она повторяет про
себя утиротворяющие упражнения из
арсенала Дамочек. Каждые несколько
минут

она рассеянно убирала пряди каштановых
волос со своего изящного лица.

Фейбс вкатил в гостиную серебряную
тележку, на которой оказались дрожжевой
хлеб, фрукты, масло и только что снятый
с
плиты черный кофеин.

- Не желаете ли чего-нибудь покрепче? -

спросил слуга.

- Нет, спасибо.

Он показал на шелковый шнурок возле двери:

- Звоните, если вам что-нибудь потребуется.

Я разлил по чашкам кофеин, Эмос отрезал

себе ломоть хлеба и взял зрелый плойн.

Элина воспользовалась щипцами и опустила

в маленькую чашечку с полдюжины кубиков

янтарного сахара.

- Кто мог это сделать? - немного помолчав, спросила она.

- Что, Элина?

- Кто... кто напал на нас, сэр?

- Сказать честно? Понятия не имею. Я все

еще пытаюсь обдумать возможные варианты. Но пока мы не разберемся в этом

деле, нам надо где-нибудь спрятаться.

- А здесь безопасно?

- Да, на какое-то время.

- Они были наемниками, - произнес Эмос, страхивая крошки со своих торщинистых губ. - Вне всяких сомнений.

- Об этом я уже и сам догадался, Убер.

- Вспомни пилота, которого ты взял в плен. Ты же видел татуировки на его теле.

- Да, видел. Но не смог их рассмотреть внимательно.

- Базовый фүтү - язык vessorинских янычар, - продолжил Эмос, отпив горячего кофеина.

- Точно? Ты уверен?

- Вполне, - ответил он. - У этого человека на коже была записана клятва возвращения.

Выслушав Эмоса, я задумался. Вессор - это

дикий мир, расположенный на окраине Антимарского субсектора, населенный немногочисленными племенами и известный своими выносливыми и яростными воителями. Представители

Империи даже пытались сформировать из

вессоринцев гвардейский полк, но оказалось, что ими трудно управлять. С дисциплиной у

них проблем не было, но вот верность Терре

оказалась для них слишком условным понятием. Они объединялись в кланы и ценили только такие простые вещи, как

земля, собственность, родной дом и оружие.

Поэтому как наемники они превосходили всех прочих. Они были готовы слепой яростно и до последней капли крови сражаться во имя Императора, но только при

условии, что ценность его имени будет подкреплена серьезным денежным чеком.

Неудивительно, что нападение на Спаэтон-хаус было организовано настолько безыскусно и оказалось таким неэффективным.

То, что кто-то из нас вообще остался в живых, казалось теперь почти чудом. Я даже

порадовался, что до сего момента не знал, кем они были. Если бы мне сказали, что передо мной вессоринские янычары, я мог бы растеряться... вместо того чтобы

бросаться на них сломя голову и
вытаскивать

Медею.

Мне стало жарко то ли от новостей, то
ли

от солнца, прогревшего гостиную. Стащив
накидку Эмоса вместе с кожаным плащом,
я

закатал рукава рубашки. Не успел я

вытащить из-за пояса пистолет, как в

комнату вошла хмурая Креция. Увидев

оружие, она скорчила совсем уж кислую

тину и, сняв хирургические перчатки,
ткнула

в мою сторону пальцем:

- Выйдем.

Я сунул пистолет под свернутый на столе

плащ и проследовал за ней во вторую

гостиную. Ставни в комнате все еще

оставались закрытыми, на стенах висели
многочисленные картины и
идеологические

оттиски. Креция включила верхний свет.

- Закрой дверь! - приказала она. Я
повиновался.

- Креция...

- Не начинай, Эйзенхорн, - она

предупреждающе подняла палец, - не
стоит.

Я серьезно подумываю над тем, чтобы
вышвырнуть вас отсюда! Как ты постел...

- Медя, - решительно проговорил я. - Как
она?

- Состояние стабилизировалось. Но не
более того. Ей выстрелили в спину из
лазерного оружия и рану не обрабатывали
в

течение нескольких часов. Как, по твоему

лнению, она может себя чувствовать?

- Она выживет?

- Если не будет осложнений. Я подключила ее к системе жизнеобеспечения. Сейчас она в

палате в подвальном помещении.

- Благодарю, Креция. Я перед тобой в долгу.

- Да, будь ты проклят, так и есть. Это просто неслыханно, Эйзенхорн. Двадцать пять лет. Двадцать пять лет! Я не вижу тебя, не получаю от тебя ни слова, и вдруг ты

объявляешься нежданно-негаданно,

вооруженный, от кого-то скрываешься, и

один из твоих людей оказывается ранен. И

ты думаешь, что я должна просто стириться

с этим?

- Не совсем, ведь я прекрасно понимаю, насколько ужасное впечатление произвело наше появление. Но Креция Бершильд, которую я когда-то знал, была готова в любое время

от времени сталкиваться с неожиданными. И всегда находила время

для друзей, оказавшихся в беде.

- Друзей?

- Да. Креция, ты единственная, к кому я могу сейчас обратиться.

Она презрительно фыркнула и развязала ляжки передника.

- Грегор, все эти годы я только и мечтала о

том, чтобы ты ко мне обратился. Но ты никогда этого не делал. Ты всегда держал меня на расстоянии. Никогда не хотел

вовлекать меня в свои дела. А теперь... -

Печально пожав плечами, женщина затолчала.

- Прости.

- Ты притащил оружие в мой дом... -
прошипела она.

- Похоже, про связанного наемного
убийцу, лежащего в моем спидере,
рассказывать не стоит, - осторожно
проговорил я.

Креция резко обернулась и с трачной
улыбкой покачала головой.

- Невероятно. Проходит двадцать пять
лет, и вот ты прикатываешь на рассвете
только

для того, чтобы принести с собой
неприятности.

- Нет. Никто не знает, что мы здесь. У
это

одна из причин, по которой я пришел
именно к тебе.

- Ты уверен?

Я кивнул.

- Кто-то устроил налет на мою
резиденцию прошлым вечером. Дом
сожгли, прислугу перебили...

- Ничего не хочу об этом слышать!

- Нам едва удалось унести ноги. Мне
требовалась медицинская помощь. А нам

всем - укрытие, надежное место, в

безопасности которого я мог бы быть
уверен.

- Не желаю ничего больше слышать! -

прорычала она. - Не впутывай меня в свои
разборки! Я не хочу, чтобы меня втянули
во

все это! Я наслаждалась здесь жизнью и...

- Ты должна меня выслушать. Тебе

необходимо знать, что происходит.

- Зачем? Я не собираюсь в этом участвовать! Какого черта ты не отправился

к арбитрам?

- Я никому не могу доверять. Даже властям.

- Будь ты проклят, Эйзенхорн! Почему я? Почему здесь?

- Потому что я доверяю тебе. Потому что мои враги способны вычислить всякого, с кем я вступаю в контакт на этой планете, способны контролировать каждый участок

арбитров, каждый офис Министров и Административа. И лишь наши с тобой отношения держались в тайне. Даже мои ближайшие друзья не знают, что между нами

существует близость.

- Близость? Близость?! Ты знаешь, как
польстить, свинья!

- Прошу тебя, Креция. Я должен сделать
еще кое-что. Привести кое-какие дела в
порядок. Мне придется попросить тебя о
небольшой помощи. Потом мы уйдем и
никогда больше не станем тебя
беспокоить.

Она присела на кушетку и нервно потерла
ладони.

- Хорошо. Что вам нужно?

- Для начала твое терпение. Затем...

доступ к частному каналу вокс-связи.
Потом

мне необходимо вызвать астроната, если
это

вообще возможно. Кроме всего прочего, я
хочу, чтобы твой человек приобрел для

нас

одежду и кое-какие вещи.

- Все лавки сегодня будут закрыты.

- Я подожду.

- Одежду можно найти и у меня.

- Отлично.

- Вокс-коммуникатор в моем кабинете.

Заглянув к Меге, я нашел ее мирно

спящей и отправился в комнату,

приготовленную для меня Фейбсом. Элина
и

Эмос отдыхали в комнатах по соседству.

Я привел себя в порядок, вымылся и

побрелся, делая все это на автопилоте,
поскольку голова моя была занята

осмыслением произошедших событий.

Осмотрев себя в зеркале, я обнаружил на

теле несколько ссадин и лазерные ожоги
на

бедре, которых не замечал все это время.

Моя одежда была грязной, изодранной и прожженной в нескольких местах, а к бриджам пристало множество липких семян.

Заботливый фрейбс положил на кровать кое-какие вещи на стену. Оказалось, что это

моя собственная одежда, которую я оставлял

здесь в былые времена, чтобы переодеваться

по приезду. Креция сохранила ее. Я не знал, восхищаться мне или беспокоиться. Кроме

того, вещи были свежими и выглаженными, словно их регулярно приводили в порядок и

проветривали. Я понял, что все эти годы

Креция Бершильд надеялась на мое

возвращение.

Скорее всего, ее расстроило то, как именно это случилось. Я пришел просить о

помощи, а она хотела, чтобы я вернулся ради

нее. Крецию нельзя было винить в этом. Не

знаю, как бы я реагировал на ее месте.

Особенно учитывая неприятности, в которых

я оказался, и тот факт, что я сам разорвал все

дружеские связи с ней два с половиной десятилетия тому назад.

В городе звенели колокола часовни, созывая верующих на молебны. Уже

открывались прибрежные гостиницы, и

ветер доносил запахи жарящегося мяса и специй.

Я выбрал темнo-синюю хлопковую рубашку с узким воротником, черные твиловые брюки и короткую жилетку из черной замши. Сапоги мои выглядели вполне прилично. Оставалось только их почистить. Я хотел было спрятать пистолет

под жилетку, но вспомнил о том, как Креция

относится к оружию, и засунул его вместе с

ручным посохом и Ожесточающей под матрац.

У меня осталось совсем немного личных вещей: перстень с печаткой, портативный вокс малого диапазона, несколько монет и подтверждение моих полномочий -

металлическая печать в кожаном футляре.

Впервые после отлета с Дюрера я
заскучал по

своей инсигнии. Она все еще находилась у
Фишига, где бы он сейчас ни был.

Мешок со свитками и книгами,
спасенными из Спаэтон-хауса, лежал в
комнате Эмоса.

Вешая плащ в платяной шкаф, я
почувствовал некоторую тяжесть и
вспомнил, что у меня ителось еще кое-
что.

Малус Кодициум.

Эта треклятая адская книга. Насколько я
знал - последний и единственный
экземпляр. Сведений о существовании
других копий ко мне не поступало.

Одна половина Инквизиции была бы
готова удавить меня, чтобы заполучить
ее, а

Вторая - обвинить в ереси и сжечь вместе с книгой.

На этом труде основывалось могущество Квиксосу, собравшего Хаосом заслуженного инквизитора, которого я заставил заплатить по счетам на Фарнесс

Бема. Я должен был уничтожить книгу или

отдать ее Оргосу. Но не сделал ни того ни другого. Изучая и тайно используя ее, я расширял свои знания и возможности.

Благодаря ей я пленил и подчинил себе Черубазля. Благодаря пониманию, которое она дала мне, я разоблачил несколько культов.

Книга была небольшой, но толстой, в мягкой обложке из простой черной кожи, с

неровными, врубленную обрезанными
страницами. Безвредная сама по себе.
Я сел на кровать и взвесил книгу в руках.
Свет позднего утра заливал комнату,
небо
было синим, вдалеке, скрытые легкой
дымкой, виднелись лиловые склоны
Интервалля. А меня бил озноб. Казалось, я
погрузился во тьму.
Я никогда всерьез не задумывался над
тем, почему не уничтожил этот
отвратительный трюг. Думаю, я
сохранил его
ради содержащихся в нем знаний. Из
любопытства. За свою жизнь мне
неоднократно приходилось сталкиваться с
запретными артефактами, самым
отвратительным из которых был
проклятый

Некротек. Эта чудовищная книга жила собственной жизнью. Она словно жалила, когда кто-либо пытался к ней прикоснуться.

Она соблазняла открыть ее. Даже просто находиться рядом с ней означало отравлять свое сознание.

Но Кодициум был тих. Всегда. Он никогда не казался мне живым, как другие, пропитанные ядом ереси тома, с которыми я

сталкивался. Он всегда оставался просто книгой. Его содержание беспокоило меня, но не он сам...

Лишь теперь я задумался над тем, что с того самого момента, как она оказалась в моих руках, все вокруг начало меняться. Черубаэль, потом жуткие события на

Дюрере...

Возможно, эта книга отравляла меня,
извращала мой разум. Возможно, я, сам
того

не понимая, слишком далеко шагнул за
черту

именно благодаря ее пагубному влиянию.

Она действовала постепенно. Незаметно.

Коварно. Как только вы касались
Некротека, становилась ясно, что это
отвратительная

вещь, вы понимали, что ее соблазном

необходимо противостоять. Вы знали,
что

сражаетесь с ними.

Но Малус Кодициут был другим...

Бесконечно злобный и в то же время

изысканно утонченный, он медленно

просачивался в душу человека, прежде чем

тот успевал заметить это.

Не потому ли Квиксос превратился в
чужовище? Я всегда задавался вопросом:
почему он сам не осознавал своего
перерождения? Почему он так и не увидел
собственного падения?

Я убрал книгу в ящик прикроватной
тумбочки. Во всем этом необходимо
разобраться. Но не раньше, чем мы
покинем

Равелло.

Спустившись в кабинет Креции, я нашел
вокс-коммуникатор. Там же стоял и
цифровой модуль.

Я включил его. Утренние передачи, сводки
погоды и планетарные новости. Ни одного
упоминания об инциденте в окрестностях
Дорсая. Этого и следовало ожидать, но
продолжало нервировать.

Включив вокс, я стал перебирать
имперские каналы, прослушивать
частоты
арбитров, трансляции СНО, переговоры
Министров. Ничего. Или никто не знал
о
произошедшем прошлой ночью в
Спаэтон-хаусе, или они просто сохраняли
зловещее молчание.
Мне был необходим астронавт. У меня не
осталось выбора. На Гудрун я уже никому
не
мог доверять.
Фейбс оказался столь добр, что
подключил
к спидеру силовой кабель. Батареи
постепенно заряжались. Во дворе было
жарко. Насекомые гудели в густых
зарослях

буканта, покрывавшего стену дома.

Наемник уже проснулся. Заслышав мои шаги, он закрутил головой из стороны в сторону. Я сорвал липкую ленту с его рта и

поднес к губам кружку с водой.

- Это просто вода. Поней.

Он стиснул губы и отвернулся.

- Ты сдохнешь на такой жаре. Ней.

Он вновь отказался.

- Послушай, если ты не будешь пить, то станешь слабым и куда более уязвимым. А ведь тебе предстоит допрос и психопробы.

Он подумал и сглотнул слюну, но, когда я поднес кружку, снова отвернулся.

- Пусть будет так, - сказал я и поставил кружку на пол.

Вессоринцы славятся своей

выносливостью. Поговаривают, будто они
могут обходиться без воды и пищи в
течение

многих дней, если того требует
поставленная

боевая задача. Впрочем, если он собирался
просто выдываться, меня это тоже
вовсе

устраивало.

Я тщательно обшарил внутренности
спидера. Позаимствованный из кабинета
Креции переносной сканер был настроен на
отслеживание коротко- и длинноволновых
сигналов... передатчики, маяки, декодеры.

Ничего. Я удостоверился, что все в
порядке, и

заодно проверил самого вессоринца. Чисто.

Шансы налетчиков найти нас с помощью
маяков были равны нулю.

На остотр сүгна ү меня үшло пол часа.

Затем я вновь присел рядом с пилотом.

Солнце поднялось уже достаточно высоко.

Горячие лучи пробрались сквозь боковой люк

и раскалили металлический пол. Спасаясь от

жары, бессоринец подобрал ноги, стараясь укрыться в остатках тени.

Я снова предложил ему воду. Ответа не последовало.

- Как тебя зовут? - спросил я.

Он сжал челюсти.

- Как тебя зовут? - На этот раз я применил

Волю.

Он угрожал.

- Эйно Горан. - Его голос был сухим и хриплым.

- А до того, как ты стал Эйно Гораном, как

тебя звали?

- Рэх-х...

Его решимости можно было позавидовать.

Вессоринцы относились к «затупленной»

расе, среди них часто рождались

неприкасаемые. В программу их военной

подготовки входило изучение методов

сопротивления вопросам, и поначалу мне

казалось, что он знает какой-то трюк,

позволяющий блокировать ментальные

удары.

Но, продолжая вопрос, я начал

подозревать, что в большей степени его

сопротивление было связано с

имплантированной личностью.

Я

попытался

угадать ее, но, как и прежде, она не

сдвинулась с места. Маска казалась
грубой и

примитивной, но установлена была
надежно, и часть ее действовала как щит.

Он не просто

не хотел отвечать. Он не мог этого
сделать.

- Грегор?

Я выглянул из люка и увидел, что во двор
вышла Креция.

- Грегор, что, черт возьми, ты делаешь?

Я вылез из спидера и отвел ее к стене
сада.

Вессоринец наверняка слышал, как она
назвала меня по имени.

- Этот человек связан, словно проклятый
цигнуг! - возмущилась Креция.

- Этот человек убил бы меня, представься
ему такая возможность. Он связан ради

нашей общей безопасности. Я должен
допросить его.

Креция впилась в меня сердитым
взглядом. Она переоделась в глинное
платье

из синего атласа с эпиншировой вышивкой.

Ее соломенного цвета волосы были собраны
на затылке в тугой узел и закреплены
гвоздями

золотыми булавами. Она была красивой и
нагленной, точно такой же, какой я

запомнил ее. Мне всегда нравились ее

высокие скулы, красивый рот и бледно-
карие

глаза, в которых отражался интеллект и

горела страсть. Правда, с момента
нашего

появления в них пылала только ярость.

- Словно цигниг, - повторила она. - Я не
позволю ничего подобного в моем доме...

- Тогда что ты предлагаешь? У тебя

найдется надежное и безопасное
помещение, в котором его можно
содержать?

- Предоставить тебе камеру для него? Ха!

- Либо так, либо он останется в спидере.

Она задумалась, а затем произнесла:

- Я прикажу Фейбсу разобрать одну из
кладовок наверху.

- И чтобы никаких окон.

- Во всех есть чертовы окна! Но в той

кладовке только небольшое
вентиляционное

оконце, недостаточно широкое, чтобы в

него

мог кто-нибудь пролезть.

- Спасибо.

- Я хочу осмотреть его.

Возражать было бесполезно. Она

тщательно осмотрела пилота.

- Не беспокойтесь. Я доктор Кр...

- Не думаю, что ему стоит знать твое имя.

Как и мое. Осторожнее с ним.

Она сделала глубокий вдох и постаралась

говорить как можно спокойнее:

- Я врач. И просто собираюсь осмотреть

вас. У вас есть имя?

Пилот покачал головой.

- Он использует имя Эйно Горан.

- Понятно. Эйно, ситуация неприятная, но

если вы будете сотрудничать со мной и с

Гр...

и моим другом, это сможет изменить
ваше

положение в лучшую сторону. И в самое
ближайшее время.

Друг. Я почувствовал злобную издевку,
которую она вложила в это слово.

Креция неодобрительно посмотрела на
меня.

- Ему необходимо пить и есть. Особенно
пить, учитывая эту жару.

- Скажи это ему.

- Вы должны пить, Эйно. Если вы не
станете пить, я буду вынуждена
положить

вас под капельницу.

Только после ее увещеваний пилот выпил
немного воды.

- Очень хорошо, - сказала она и

обернулася ко мне: - Его пути слишком
түгье.

- И ослаблять их я не стану.

- Тогда подними его и дай немного

пройтись по двору. Свяжи руки чуть
иначе.

- Возможно, позднее. Если бы ты знала,
кто он такой и что сделал, то не была бы
настолько гуманна.

- Я офицер Официо Медикалис. Не имеет
значения, что он натворил.

Мы возвратились в гостиную.

- Его личность имплантирована. Я
должен
проникнуть сквозь нее.

- Чтобы узнать, кто он на самом деле?

- Чтобы узнать, на кого он работает.

- Ясно.

Она села и принялась грызть ногти.

Креция всегда так поступала, когда нервничала.

- У тебя есть медицинские препараты.

Может быть, зендокаин? Вульгата
оксибарбитал?

- Шутишь?

Я покачал головой и сел напротив нее.

- Я говорю серьезно. Мне необходим
психотропный препарат, или, по крайней
мере, опиат, или барбитурат, чтобы
ослабить
его силу воли.

- Нет. Это абсолютно недопустимо.

- Креция...

- Я не стану участвовать в пытках!

- Это не пытки. Я не собираюсь причинять
ему боль. Мне просто необходимо
открыть

его сознание.

- Нет.

- Креция, я в любом случае сделаю это. У меня есть мандат Священной Инквизиции на

проведение допроса, а обстоятельства позволяют мне применить куда более жесткие меры. Разве тебе не кажется, что

будет лучше, если это произойдет по твоим

профессиональным пристотром?

Вечером мы перетащили вессоринца в дом

и поместили его в освобожденном фрейбсоте

чулане. В комнате не осталось ничего, кроме

кровати с матрацем. Я снял с пилота повязку, а затем, держа его на прицеле,

попросил

Эмоса развязать пленника.

Креция молча наблюдала за

происходящим, подчеркнуто не замечая
оружия.

- Растегни комбинезон! - приказал я.

Креция хотела было что-то сказать, но я
прервал ее:

- Ты ведь должна осмотреть его руку,
доктор?

Я заставил его раздеться еще и для того,
чтобы Эмос тщательно изучил
татуировки на

теле наемника. Пока ученый осматривал
его

и заносил свои примечания на

информационный планшет, vessorинец

стоял перед нами с угрюмым видом,
опустив

взгляда в пол.

Он был строен жилист, словно канат.

Старые шрамы покрывали все тело. На

первый взгляд он показался мне довольно
молодым человеком, но либо он на самом
деле был старше, чем выглядел, либо его
короткая жизнь была чрезмерно жестокой.

Это закончил осмотр.

- Пойду оформлю все должным образом.

Но уже сейчас могу сказать, что мои
подозрения подтвердились.

Он развернулся, чтобы уйти, но я
остановил Убера и вручил ему пистолет:

- Пожалуйста, поддержи его под прицелом.

Я заново связал руки наемника спереди,
затем связал вместе его лодыжки, а конец
шнура приотал к кровати.

- Садись! - приказал я вессоринцу.

Он сел. Забрав оружие у Эмоса, я заткнул пистолет за пояс и отпустил ученого.

- Готовы приступать, доктор?

Она удивленно посмотрела на меня.

- Вот так сразу? Разве ты не собираешься дать ему шанс самому сознаться?

В этом не было никакого смысла, но мне хотелось, чтобы Креция оставалась на моей стороне.

- Как тебя зовут? - произнес я.

- Эйно Горан.

- Скажи, как тебя зовут на самом деле?

- Эйно Горан.

Бросив предупреждающий взгляд на

Крецию, я применил Волю. Я сосредоточил

ее в направлении бессоринца. Доктор не

должна была ничего почувствовать, но
краем

глаза я заметил, что ее все же немного
затрясло.

Пилот пробұлькал нечленораздельный
ответ.

- Теперь пора, пожалуйста, доктор.

Креция быстро ввела десять кубиков
зендокаина в предплечье тұжчины и
отошла

в сторону. Зендокаин - это психотропный
препарат, способный усиливать
синаптическую деятельность и
поддерживать активность коры головного
мозга, находящейся под воздействием
опиата. Наемник закашлялся, и через
несколько мгновений его взгляд приобрел
стеклянный блеск.

Креция проверила его кровяное давление.

- Все в порядке, - кивнула она.

Я положил ладонь на затылок бессоринца и проник своим сознанием в его разум. Он был расслаблен и не сопротивлялся, но его мозг сохранял активность. Идеальный баланс. Я собирался взломать его имплантированную личность.

Я задал несколько пробных вопросов, подавая их сразу и в вербальной, и в ментальной форме. Пилот отвечал вяло и невнятно.

- Как тебя зовут?

- Эйно Горан.

- Сколько тебе лет?

- Сорок с-стандартных.

- Твой рост?

- Два анна три квена.

Я понятия не имел, что такое «квен», но был готов поспорить, что это одна из мер Вессора. То, что он мог оперировать цифрами, было хорошим знаком.

- Где мы находимся? - продолжал я.

- В комнате.

- И где она?

- В каком-то доме. Черт его знает.

- На какой планете?

- Гудрун.

- Какого цвета небо?

- Хм, это небо?

- Да. Какого цвета это небо?

- Синего.

- А какое еще небо я мог подразумевать?

- Не знаю.

- Как меня зовут?

- Грегор.

- Откуда тебе это известно? - спокойно спросил я.

- Она назвала вас так.

Креция нервно посмотрела на меня.

- А дальше?

- Не знаю.

- Но кем бы я мог быть? Как ты предполагаешь?

- Эйзенхорн.

- Откуда ты это знаешь?

- Работа.

- Что за работа?

- Наемная работа. Работа за деньги.

- Расскажи мне об этом подробнее.

- Ничего больше не знаю.

- Как тебя зовут? - снова спросил я.

- Сказано же. Эйно Горан.

- Откуда ты?

- С Гесперуса.

- Какого цвета небо?

- Синего. Определенно.

- Как тебя зовут?

- Эйно Горан. Эйногоранэйногоранэй... -

Слова потекли из него потоком,
бесконечные

и бессмысленные.

- Откуда ты родом? - продолжал я.

- Гесперус... гм. Не знаю.

- Что означают татуировки на твоём теле?

- Обязательства.

- На каком языке?

- Не знаю.

- Это случайно не клятва возвращения?

- Ух... кхм...

- Это традиция среди наемников, верно?
- Кхм...
- Она означает, что если взять тебя в плен, то можно получить неплохой выкуп, вернув тебя на родную планету. Все верно?
- Да.
- Значит, ты действительно наемник?
- Да-а-а-а.
- Какого цвета небо?
- Синего. Нет, да... синего.
- Как тебя зовут?
- Мм...
- Я спрашиваю, как тебя зовут?
- Подождите... Я знаю это. Трудно думать... - Его глаза были готовы выпрыгнуть из орбит.
- Как тебя зовут?

- Не знаю.

- Ты наемник?

- Да...

- Я был вашей целью вчера вечером?

- Да.

- Кто был вашей целью вчера вечером?

- Эйзенхорн.

- Эйзенхорн - это я?

- Да.

Он посмотрел на меня, но его глаза оставались остекленевшими, а взгляд расфокусированным.

- Каким был приказ?

- Грохнуть всех. Все спалить.

- От кого поступали приказы?

- Клансэр Этрик.

- Клансэр - это титул?

- Да.

- Клансэр Этрик - вессоринский янычар?

- Да.

- Значит, на самом деле ты и сам

вессоринский янычар?

- Да.

- Как тебя зовут, янычар?

- Сэр! Вамтеко Тарл, сэр!

Он затолчал и затизгал, не уверенный в

том, что только что сказал. Креция
гневно

установилась на меня.

- Все хорошо, Тарл, - сказал я.

- Мм... кхм.

Имплантированная личность сползала с

его сознания, подобно размокшей бумаге.

Теперь, когда его разум открылся, я

обрушился на него всей своей убийственной

ментальной мощью.

- Когда тебя наняли?

- Двадцать недель назад. Ргх-х-х.
Двадцать
недель.

- Где это произошло?

- Хеверон.

- Что ты там делал?

- Искал работу.

- А до этого что ты делал?

- Гн-нх... был нанят для пограничной
войны. Нас нанимал местный губернатор.
Но

война кончилась.

- И ты нашел нового клиента?

- Клансэр сделал это. Хорошие деньги,
долгосрочный наем. Оплаченный
межпланетный транзит...

- И что вы должны были сделать?

- Нам этого не говорили. Просто

отправили куда было надо.

- Куда?

- На Гудрун.

- И это действительно была Гудрун?

- Да... - Теперь его была дроздь.

- Каков был план операции?

- Оборудование и транспорт поставлялись клиентом. Нам приказали нанести удар по

этому месту на мысе. Грохнуть всех.

- Кому принадлежало это место?

- Кому-то по имени Эйзенхорн.

- Сколько человек было нанято?

- Все мы. Весь клан.

- И сколько человек в вашем клане?

- Восемьсот.

Я помогил.

- Восемьсот? И все были наняты для этой

работы на Гүдгүн?

- Нет. Сюда отправили только семьдесят.

Остальные работали по другим целям.

- И что это были за цели?

- Мне не сказали. Грх... Голова
раскалывается.

Креция тронула меня за рукав.

- Ты должен остановиться, - прошептала
она. - У него начинается гипоксия.

- Еще только пару вопросов, - прошипел я
в ответ.

Я посмотрел на Тарла. Он вспомел и
раскачивался из стороны в сторону, его
дыхание стало прерывистым и
учащенным.

- Где вы останавливались перед налетом?

- Н-нх... Питерро.

Маленький остров в заливе Бишин.

Интересно.

- Как называлось судно, доставившее вас на Гүдрүн?

- «Белтранг».

- Как звали вашего нанимателя?

- Не знаю.

- Ты с ним встречался?

- Нет.

- Ты когда-нибудь встречался с кем-либо из его агентов?

- Да... үх-хн-н! Больно!

- Грегор! - воскликнула Креция.

- Рано! Тарл, кто был его агентом?

- Женщина. Псайкер. Она прибыла, чтобы установить нам имплантированные личности перед рейдом.

- Она лично имплантировала их?

- Да.

- Как ее звали?

- Она называла себя Марла. Марла Таррай.

- Представь ее, Тарл! - приказал я.

Мне удалось получить краткий, но отчетливый образ женщины с острыми чертами лица и длинными прямыми черными волосами. Лучшее всего мне запомнились ее глаза. Подведенные темной

краской, огромные и зеленые, словно нефрит. Казалось, она выглядывает прямо в

мою душу. Я даже отшатнулся назад.

- С тобой все в порядке? - обеспокоенно спросила Креция.

- Да, все хорошо.

- Мы прекращаем немедленно, - твердо сказала она. - Прямо сейчас.

- Прямо сейчас?

- Именно.

Янычар повалился на кровать. Кожа на его лице вздулась и покрылась капельками пота.

Он закрыл глаза и застонал.

- Действие препарата заканчивается.

Теперь он чувствует, как ты вторгаешься в его разум.

Тело пилота сотрясало в конвульсиях.

Похоже, Креции тоже неного досталось.

- Один последний вопрос.

- Я сказала, ты прекращает немедленно, ты меня слышишь? Мне необходимо стабилизировать его состояние. - Доктор шагнула вперед.

Я предостерегающе поднял руку.

- Еще один. Пока он открыт. Если мы

вернется к этому позже или завтра, его сознание закроется. Ты ведь не хочешь проходить через все это снова?

- Нет, - стягчилась она.

- Тарл? Тарл?

- Отвали.

- Как звали вашего клиента? Как звали босса Марлы Таррей?

Вессоринец что-то пробормотал.

- Что он сказал? - прошептала Креция. - Я не расслышала.

А я расслышал. Не слова, но сообщение на ментальном уровне. Нечто, что он не был способен сказать, даже если бы захотел.

Когда он обмяк от психического истощения, последние лоскуты имплантированного

прикрытия сползли с его сознания и наружу

вышло последнее имя.

- Он сказал - Хангжар, - произнес я. -

Хангжар Острый.

Глава 11

АДЕНТ КУЕЛО

УВЕДОМЛЕНИЯ О СМЕРТИ

ОПАСНОСТЬ ДОБРОТЫ

Проснулся я под утро. В комнате стояли

преграссветные сумерки. Прохладный

ветерок покачивал занавески. Я оделся и

спустился вниз. А по пути зашел
проверить

Тарла. Он беспробудно спал, свернувшись

калачиком на кровати. Накануне вечером,

удостоверившись, что с пленником все в

порядке, Креция ввела ему небольшую дозу

обезболивающего и накрыла одеялом. Он

пребывал в отключке уже без малого

четырнадцать часов. Креция чуть с ума
не

сошла от страха, когда узнала, что
человек в

ее чүлане - вессоринский янычар.

Я откинул одеяло и проверил веревки на
руках и ногах Тарла. Он тихо застонал.

Эмос тоже уже проснулся. Сидя в кабинете

Креции, он пил собственноручно

приготовленный кофеин и прослушивал
первые утренние вокс-передачи.

- Не спится? - спросил я.

- Отнюдь. Я отлично выспался, Грегор.

Просто я никогда не сплю голго.

Я достал еще одну кружку и налил
кофеина из его кофейника.

- О нас ни слова, - сказал Эмос, указывая
на вокс.

- Ничего?

- Это все очень странно. Ни слова, даже на частоте арбитров.

- Кто сумел нанять восемьсот

вессоринских убийц, Убер, тот наверняка облагает достаточным влиянием. Либо новостные агентства сознательно умалчивают о произошедшем, либо были подвергнуты цензуре.

- Остальные должны догадаться.

- О ком ты?

- О фишиге, Нейле. Не получив ответа из Снаэтон-хауса, они поймут, что что-то произошло.

- Надеюсь. Что тебе удалось узнать из матуировок нашего друга?

- Как и предполагалось, базовый футу. Я перепроверил это по разным источникам,

с помощью кодифера доктора. - Он вынул планшет и подрегулировал свои очки. - Это

клеймо свидетельствует о том, что Вамлеко

Тарл, янычар, принадлежит клану Этрика, и

за его репатриацию будет заплачено десять

тысяч зкелл. Из плоти он сделан, и плоть говорит за него.

Эмос посмотрел на меня над стеклами очков.

- Странная практика.

- И полностью соответствует

ментальности вессоринцев. Янычары - всего

лишь вещи. Материальные ценности.

Имущество. С таким же успехом вы могли бы

захватить в качестве трофея пушку или танк.

У них нет ни политических убеждений, ни привязанностей в тех конфликтах, в которые

они оказываются вовлечены. Они

бесполезны в качестве заложников. Эта

запись просто и доходчиво объясняет это

всем. Она предлагает в качестве решения

проблемы некоторую сумму, достаточную, чтобы пленника не убивали.

- И сколько же это будет - десять тысяч зкелл?

- Думаю, достаточно.

- И что нам с ним делать, когда мы уедем?

Это был сложный вопрос.

Я отправился на кухню, чтобы сварить себе еще кофеина и разжиться хлебом. Там я нашел Крецию. Она выжимала сок из плойнов и горных ягод тар в хромированном прессе. Ее пшеничные волосы рассыпались по плечам, а короткий домашний халатик из кретового шелка едва доходил до середины бедра.

- Ой! - ступилась она, когда я вошел.

- Прости. - Я уже собрался ретироваться, но она остановила меня:

- О, не стоит беспокоиться, Грегор. Ты видел меня и... более раздетой.

- Да, точно.

- Конечно. Хочешь фруктового сока?

- На самом деле я искал кофеин.

- Как я могла забыть? Завтраки на террасе... я со своими фруктами и зерновым хлебом, и ты с кофеином, яичницей и беконом.

Я наполнил кастрюлю водой из-под крана и включил плиту. Затем ополоснул кофейник.

- Думаю, теперь ты можешь снова сказать мне: «Я ведь тебе уже говорила», - произнесла я.

- О чем это ты?

- Ты всегда говорила, что фрукты и зерновой хлеб - путь к здоровой жизни, помнишь? Потом обычно начинала рассуждать о пользе глютена, клетчатке и всем

таком прочем. Говорила, что употребление

кофеина, алкоголя и красного мяса убьет
меня.

- Беру свои слова обратно.

- В самом деле?

- Тебя убьет не твоя диета, Грегор. - Она
сунула палец в рот и начала грызть
ноготь.

- И, тем не менее, ты была права. Ты
только посмотри на себя.

- Лучше не буду, - сказала она, с силой
раздавливая очередной плойн.

- Ты столь же прекрасна, как и в тот
день, когда я впервые увидел тебя.

- В тот день, когда мы встретились в
первый раз, Грегор Эйзенхорн, ты был в
полукomatозном состоянии после
анестезии, а на мне была хирургическая
маска.

- Ах! И как я мог забыть?

В ответ она одарила меня испепеляющим взглядом.

- Однако, - продолжал я, - это не ложь. И я действительно ужасно обошелся с тобой тогда. Впрочем, как и сейчас. Ты не заслуживаешь такого обращения.

Она попробовала свой сок.

- Не стану спорить. Но... отрадно слышать, что ты осознаешь это.

- Осознаю. Как и тот факт, что ты по-прежнему прекрасна.

Креция вздохнула.

- Омолаживающие программы стали довольно доступны. Я выгляжу так благодаря

имперской науке, а не фруктовому соку.

- Я все еще верю во фруктовый сок.

- Да и ты выглядишь не так уж плохо, -

устехнулась она, - так что красное мясо и кофеин тоже вполне годятся.

Вода в кастрюле начинала закипать.

- Рядом с тобой я ощущаю себя

тысячелетним стариком. Со мной жизнь обошлась не столь любезно.

- Даже не знаю. В твоих шрамах есть некое

благородство. Нечто мужественное в том, как

ты выглядишь в этом возрасте.

Я начал заглядывать в буфеты в поисках кофеина.

- Вон та банка, - показала она. - Смесь с цикорием. Как ты любишь. Я никогда не забывала об этом.

Я взял оловянную банку и бросил несколько ложек ее содержимого в

кофейник.

- Креция, - я помедлил, собираясь с мыслями, - тебе давным-давно стоило забыть меня. Я не принес тебе ничего хорошего. Но правде сказать, я никому не принес добра.

- Понимаю. - Она пожала плечами. - Но не могу. Такие вот дела.

Мы помолчали. Я влил кипящую воду в кофейник и оставил напиток настаиваться.

- Как поживает Елизавета? - вдруг спросила Креция.

Честно говоря, я ждал этого вопроса. В конце концов, я ведь разорвал наши отношения с доктором Бершильд именно из-за Биквин. Хотя мы и договорились с Елизаветой оставаться только друзьями,

но у

меня не получалось отказаться от своей любви. Она всегда стояла бы у нас на пути, и

это было бы нечестно по отношению к Креции.

Об этом я и сказал ей двадцать пять лет назад, в этом самом доме. И ушел.

- Она утирает, - произнес я.

Креция поставила свой бокал на стол.

- Утирает?

- Или уже мертва.

Я рассказал обо всем, что случилось на Дюрере.

- О Боже-Император! - воскликнула

Креция. - Ты должен отправиться к ней.

- Но что я могу сделать?

- Быть там, - твердо ответила она. -

Быть

там и сказать ей все, пока еще не слишком

поздно.

- Откуда ты знаешь, что я еще не сказал ей?

- Потому что я знаю тебя, Грегор.

Слишком хорошо знаю.

- Я... ладно...

- Вы двое никогда?... Ну, я имею в виду?...

- Нет. Она неприкасаемая. Я псайкер. Это невозможно.

- И ты никогда не признавался ей?

- Она знает.

- Конечно, она знает! Но ты никогда не говорил ей?

- Нет.

Она обняла меня. Я прильнул к ней, думая

обо всех тех вещах, которые так и не сделал.

Не то что не завершил, а даже не начинал. А

затем вспомнил о том, чего уже не мог исправить.

- Я - последнее, что тебе нужно, Креция, - прошептал я, зарывшись лицом в ее волосы.

- Это уж мне решать.

Двери кухни распахнулись, и на пороге появился Эмос. Я выпустил Крецию из объятий. Хотя мог этого и не делать. Убер

выглядел крайне озабоченно и ни на что не обращал внимания.

- Ты должен пойти и послушать это, Грегор, - сказал он.

Он прослушал по воксу новости со всего

Геликанского субсектора. Некоторым из них

уже исполнилось несколько дней и даже недель. К тому времени, как мы подошли к

старому приемнику, диктор перешел к биржевым сводкам и навигационным прогнозам.

- Ну? - спросил я.

- Сообщение с Мессины, Грегор. Верхние уровни одиннадцатого шпиля Мессины

Прима были уничтожены взрывом двадцать

четыре часа назад. Предположительно это

дело рук местной преступной группировки.

Меня бросило в холод. Шпиль

одиннадцатый, Мессина Прима. Именно там

располагалась резиденция Дамочек. Нейл
и

Безунди увезли туда Елизавету и Кару.
Уз

соображений безопасности.

- В сообщении говорилось, что число
жертв составило более десяти тысяч
человек,

- бормотал Эмос. - Арбитры Мессины
ищут

подозреваемых, но теракт приписывается

радикальной группировке
освободительного

движения, действующего на планете.

Я сел, меня била дрожь. Креция присела

рядом и обняла меня. Дамочек... больше
нет?

Биквин... Нейл... Кара Свол... Безунди?

Это было слишком.

Я понял, почему Ханджар Острый нанял

так много бессоринских янычар. Серия
атак

во многих мирах. Где еще ударил
Ханджар?

Какую еще боль он уже причинил мне?

Кого еще он убил?

В дверях появилась Элина.

- Что здесь происходит? - спросила она,
протирая заспанные глаза.

С пистолетом в руке я терил шагами

внутренний двор. Два или три раза я

поднимался по лестнице к чулану. К
черту

обязательства! Мне хотелось
покушаться!

Но каждый раз возвращался. Я советовал

Медее забыть о мести. Пришло время
самому

последовать собственному совету. Мне

вспомнились ее слова: «Ты снова

предлагаешь мне способ... отвлечься.
Потому

что я не могу совершить того, о чем на
самом

деле мечтаю».

Так что же мне нужно? Я должен
вернуться

в игру. Должен собрать своих союзников.

Должен выяснить, кем на самом деле
является Хангжар Острый.

А затем - к черту советы, которые я
давал

Медее. Его необходимо уничтожить.

Ровно в девять часов, как и было

назначено, прибыл агент Киело в

сопровождении клерка. Лица обоих из

соображений секретности были скрыты

капюшонами. Я встретил их в гостиной.

Чуть

позже к нам присоединилась Креция. Она переоделась в бежевый брючный костюм из тюррея.

Агент Куело был пожилым, опытным астронаutom, одним из лучших, кого могла предложить Гильдия Астронаутика Равелло.

- Как я понимаю, сэр, это вопрос частного характера.

- Так и есть.

- Вы собираетесь оплачивать мои услуги наличными?

- Нет, агент, прямым переводом средств.

Мне необходимо организовать конфиденциальную передачу сообщений. У

ожидаю предельной секретности.

- У вас есть гарантии Гильдии, сэр, -

произнес Киело.

Его клерк открыл информационный планшет и протянул мне сканер отпечатков пальцев.

Я приложил к нему свой большой палец и ввел код.

- Ага, - сказал Киело, когда планшет загудел, демонстрируя результат проверки. -

Все улажено. С вашего счета сняты деньги.

Все в порядке, мистер Эйзинг. Можете продолжать.

Конечно, я не собирался пользоваться счетами, которые каким-либо образом могли

привести к человеку по имени Грегор Эйзенхорн. У меня имелось серьезное

основание подозревать, что мои финансы находились под наблюдением, если уже не были заморожены. Любая подобная операция позволила бы врагу узнать, что кто-то, обладающий правом доступа к счетам Грегора Эйзенхорна, все еще жив, а проследить, откуда совершено обращение, довольно простая задача.

Так же, как и в случае с недвижимым имуществом, я обладал и прочими ресурсами, зарегистрированными на другие имена. Гортон Эйзинг держал несколько вкладов в имперском казначействе на Трациане. Их размеры вполне могли удовлетворить мои текущие потребности.

Много лет назад я создал целую систему передачи сообщений, для того чтобы

илетъ

возможность посылать и получать письма, не

используя свои реальные документы. По существу, это был автоматический почтовый

ящик, к которому при помощи астроната можно было получить доступ из любого конца Галактики. Я мог посылать любые сообщения и читать корреспонденцию, отправленную на него. Сервис был зарегистрирован под именем «Эгиды».

Киело обратился к учетной записи «Эгиды» и не обнаружил никаких непрочитанных сообщений.

Составив послания на глоссии, я передал через астроната предупреждения Фишигу на

Дюрер, потом на Мессину, а также мойл

агентом на Трациан Примарис, Тесперус,
Сарум и Кармол. Я использовал подпись
«Шин Розы». Кроме того, я заказал
закодированную анонимную передачу
моему
другу, находящемуся за пределами
Геликанского субсектора. Она состояла
всего
из одного слова: «Санктум».
Нужно было дожидаться ответов, прежде
чем выходить на связь с лордом Роркеном.
Не в первый раз за свою карьеру мне
хотелось держаться подальше от чужих
глаз, делая исключение только для друзей.
Конечно, отправление сообщений, даже
подписанных другим именем,
представляло
опасность. За многими, а может, и за
всеми, с кем я пытался связаться, могли
следить, если они уже не были мертвы. Но

гlossия -

надежный частный код. Даже если мои сообщения перехватят, их невозможно расшифровать.

Первые вести поступили к полудню следующего дня. Их доставил клерк Киело.

В одном из них Фишиг сообщал на глоссии, что

уже вылетел с Дюрера и прибьет на Гудрун

приблизительно через двадцать дней. Я отправил ответ, в котором призывал его к

осторожности и приказывал связаться со мной, когда он будет на подлете.

На сообщение, содержащее слово

«Санктум», мне ответили: «Санктум

поднимается, в пятнадцать».

Отправленное

из глубокого костюса послание не было
подписано.

Затем клерк протянул мне
информационный планшет.

- Письма на Мессину, Трациан Примарис,
Гесперус и Картол были возвращены как не
подлежащие доставке. Это странно. К
сообщению с Гесперуса приложено послание
местных арбитров, рекомендующее вам
лично связаться с ними. С Сарута ничего
не
поступало.

Когда клерк ушел, я обсудил новости с
Эмосом. Все это встревожило его не
меньше, чем меня.

- Не подлежащие доставке? Очень
странно. И заинтересованность арбитров
меня беспокоит.

- Есть прогресс в работе с именами? -

спросил я. Он все утро просидел за
кодифером Креции.

- Ничего. Никаких упоминаний о Марле
Таррай и никакой информации о
Ханджаре

Острол. Кроме того, конечно, что
ханджар -

это клинковое оружие. Изогнутый кинжал,
который использовался еще на древней

Терре. Это слово сохранилось в нескольких
культурах Империи.

- Стожешь еще что-нибудь накопать?

- Не при помощи этой машины. Но твоя
подруга, доктор, собирается отвести меня
сегодня днем в университариат и
предоставить мне доступ к их основной
информационной базе.

Эмос отправился продолжать изыскания.

Креция занималась в университете
своими преподавательскими делами.
Старый
слуга Фейбс оставался почти
незаметным.

Я навестил пленника. Перед уходом
Креция оставила ему понос с едой, но он
ни
к чему не притронулся и на мои вопросы
не
реагировал, словно впал в ступор после
вопроса.

Медя все еще спала. Судя по показаниям
приборов системы жизнеобеспечения, с ней
все было в порядке. Не наблюдалось и
каких-либо признаков постоперационных
осложнений. Я осторожно поцеловал
Бетанкор в лоб и вернулся на кухню.
Элина сидела за обеденным столом с

опустошенной на треть бутылкой
отличного

гесперианского кларета. Увидев меня, она
достала еще один бокал и налила выпить.

Я уселся с ней рядом. Сквозь открытые
двери кухни струился прохладный
вечерний

бриз. Закатное солнце окрасило вершину
Интервалля охрой. Постепенно она меняла
цвет, становясь вначале
красновато-коричневой, а потом почти
алой.

- Вы ели? - спросила Элина.

- Нет. А ты?

- Я не голодна. - Она покачала головой и
сделала большой глоток вина.

- Мне очень жаль, Элина.

- Жаль, сэр? Но почему?

- Жаль, что ты оказалась впутанной в

это

дело. Вся эта история очень неприятна и
слишком дорого нам обошлась.

Она улыбнулась:

- Вы вытащили меня живой из

Спаэтон-хауса, сэр. И за это я вам очень
благодарна.

- Хотел бы я вытащить оттуда живыми
всех.

Элина снова наполнила бокалы. Я

понимал, что она тяжело переживала
случившееся. Особенно сильное
впечатление

на нее произвело отважное

самопожертвование Шастра. Элине Коу
было

всего-то около двадцати пяти лет -
просто

девочка, новичок среди Дамочек. Она еще

не

принимала участия в расследованиях. Ее
направили в Спаэтон-хаус в качестве
прикрепленной к этой резиденции
неприкасаемой, чтобы она смогла
осознать
свое призвание. Это считалось среди
Дамочек легкой работой. Такое вот
получилось осознание.

- Если ты захочешь уйти, думаю, я смогу
все организовать, подготовить
необходимые
бумаги, дать тебе немного денег. Ты
можешь
улететь с этой планеты. Тогда ты
окажешься
в безопасности.

Элина казалась оскорбленной.

- Я заключила контракт и поступила на

должность оплачиваемой неприкасаемой,
сэр. Возможно, я последняя из Дамочек. И
слава Императору, я осталась в живых.
Еще

до устройства на эту работу мне было
известно, что служение инквизитору
чревато

опасностями. Я не тешу себя иллюзиями.

- Даже в этом случае...

- Нет, сэр. Я прекрасно отдаю себе отчет
в

том, что данное предприятие может

оказаться весьма и весьма опасным. И у
меня

хватит сил и мужества встретиться с
ними.

Для этого меня и наняли. Кроме того...

- Что - кроме того?

- В общем, мы ведь знаем, что у нашего
врага есть, по крайней мере, один

могущественный псайкер. Это означает, что

вам необходим неприкасаемый.

- Верно.

- У... думаю, я буду чувствовать себя в большей безопасности, находясь рядом с вами, сэр. Если я уйду, то мне придется оглядываться всю оставшуюся жизнь.

- Спасибо, Элина. Впрочем, теперь ты могла бы не называть меня «сэр». Все пережитое за последние дни кажется мне достаточным поводом отбросить формальности.

- Верно, - улыбнулась она.

Мне было непривычно видеть улыбку на ее лице. Элина была высокой и, на мой

взгляд, слишком худой. Она всегда казалась

напряженной и немного нервной. Улыбка ей
шла.

Мы помолчали, а потом она вздохнула и,
немного смутившись, спросила:

- Так как же мне теперь тебя называть?

Мне осталось лишь пожать плечами.

Мы проболтали до позднего вечера.

Вершина Интервалля стала уже совсем
черной

на фоне беззвездного неба, окрасившегося
гербовой синевой Империиума.

- У нас есть план? - поинтересовалась

Элина.

- Теоретически мы должны узнать, кто
так

сильно нас ненавидит, а затем выследить
его. На практике это означает, что нам
придется прятаться здесь какое-то время,
а

потом покинуть эту планету.

- И сколько же нам здесь торчать?

- Надо все подготовить. Кроме того, я ожидаю прибытия некоторой помощи. Она подоспеет в течение, пятнадцати дней. И тогда мы уберемся отсюда.

Элина снова наполнила бокалы.

- Мне нравится, когда ты говоришь так, словно держишь все под контролем.

- Так и есть, - усмехнулся я.

- Хм... мы уберемся отсюда, и что тогда?

Если рассуждать практически?

- Это зависит от многих обстоятельств.

Например, от того, что нам удастся выяснить

за следующие две недели. И от того, удастся ли я связаться с Оргосами.

- Ты же не думаешь, что Инквизиция

затешана во все это?

- Нисколько, - ответил я.

Мне вовсе не хотелось нервировать Элину.

Произошедшее не было похоже на конфликт

между родственными организациями, однако жизнь заставляла меня

рассматривать любые варианты развития

событий.

- Просто мне кажется, - продолжал я, - что

наш враг очень хорошо подготовлен и имеет

возможность следить за всеми нашими

действиями. Выход на связь с

представителями Инквизиции может нас

выдать.

Я поднял бокал и сделал большой глоток

отличного красного вина.

- Итак, если нам не удастся ничего

выяснить, что мы будем делать, когда
уедет

отсюда... Вопрос остается открытым.
Нам

есть где укрыться до поры и есть друзья,
которых мы можем позвать на помощь.

Логичнее всего исчезнуть на некоторое
время, затаиться и попытаться
продумать

план дальнейших действий. Однако мне
очень хотелось бы отправиться на
Мессину.

Вдруг кому-нибудь удалось спастись...

Не считая нескольких полевых агентов,
выполняющих поручения по всей
Галактике, штаб Даточек на Мессине
являлся

единственным моим резервом. Если он
был

уничтожен так же, как и Спаэтон-хаус, я

оставался без пристанища.

- Среди Дамочек у меня было много
подруг. Надеюсь, с ними все в порядке. -

Элина опустила глаза и поиграла своим
бокалом. - Думаю, тебя более всего
беспокоит госпожа Биквин.

- Ну... - начал было я.

- Вы ведь давно... работаете вместе. Ей
так

досталось на Дюрере. Все знают... - Она
потупилась.

- Знают что, Элина?

- Ну, что ты ее любишь.

- Неужели все знают?

- Подобные вещи трудно скрыть. Я видела
вас вместе. Вы без ума друг от друга.

- Но...

- Ты - псайкер, а она - одна из нас.

Понимаю. Но это ведь совсем не значит,
что

ты не можешь любить ее. - Элина подняла
на

меня глаза и покраснела. - Это все вино!

Наверное, я наговорила лишнего?

- Нет.

Увлечись разговором, ты и не заметишь,
как в кухню вошла Креция.

- Может быть, тебе удастся вложить в
его

голову немного здравого смысла! Он
должен

вернуться и побудать ее. Так будет
правильно.

На Креции была форменная учительская
мантия. Взяв бокал со стойки, она уселась
за

стол, но, обнаружив, что бутылка
опустела, поднялась откупорить

следующую.

- Как прошел день? - Я попытался
переменишь тему.

- Потратила четыре часа, читая
второкурсникам лекцию о принципах
торакальной [\[6\] пальпации. Никогда не](#)

видела такой толпы неподготовленных
болванов. Когда я вызвала одного из этих
парней, он начал прощупывать бедро
добровольца. Как тебе кажется, что я
думаю

об этом дне? - Она села за стол. - По пути
я

заглянула к нашему гостю. Он не
приоткрылся ни к еде, ни к питью и едва
отзывается на голос. Мне кажется, ты
мож

навредить ему своим ментальным
воздействием.

- Может быть, - сказал я, - или это всего лишь негативная реакция на введенные препараты.

- Возможно. Если к утру его состояние не улучшится, мне придется провести операцию. Как бы то ни было, ему плохо. На

его руках и ногах начинается цианоз. Ты связал его слишком туго.

- Ровно настолько, насколько нужно. Креция. Он - вессоринский янычар, которому

заплатили за мою голову, не забывай об этом.

- Заткнись и налей мне выпить.

Эмос вернулся около девяти часов вечера.

Как только он вошел, я сразу понял, что с ним что-то не так. Ученый бросил на стол

книгу информационных планшетов и
немало

удивил меня, когда решительным жестом
налил себе вина.

- Что случилось, старый друг? - спросил я,
наблюдая, как он грожащей рукой подносит
бокал к губам.

- Я потратил несколько часов, пытаюсь
найти информацию, связанную с
интересующими нас именами, Грегор. У
все

равно ничего не обнаружил по Хангжару,
хотя и составил список планет, на
которых

используется это слово. - Он пододвинул ко
мне планшет. - Марла Таррай... тут чуть
больше успеха. Пять лет назад за участие
в

культистской деятельности арбитрати

Халлоукана была арестована некая

Марла

Тари. До сүда дело не дошло - она сүтела
сбежать из тюрьмы. Затем она
объявлялась

еще дважды: на Фелтоне, где действовала
как

сообщница главы местного культа

Беррикина Насуольда, а затем на
Сансиите

она разыскивалась в связи с убийством

иерарха Сансута и пяти сотрудников

Министорута. Кроме того, Инквизиция

выдала ордер на ее арест. Она считается

незарегистрированным псайкером.

- Значит, активный участник
культистской

деятельности? - Я просмотрел записи на

планшете. Негусто. Из архивов

Инквизиции

можно было бы получить более подробный отчет. Несмотря на риск, я почувствовал необходимость связаться с Роркеном.

- Если, конечно, все это об одной и той же женщине, - ответил Эмос.

Какого-либо изображения Эмосу найти не удалось, однако описание внешности и особых примет этой женщины, сделанное при аресте арбитрами, соответствовало полученному мной ментальному отпечатку.

- А ее прошлое?

- Ничего, - покачал головой Эмос, - за исключением протокола допроса с

Халлоукана, где она утверждает, что родилась на Түдүрүн тридцать семь лет назад.

- Интересно... - кивнул я. - Надо будет

проверить это по планетарной переписи населения и...

- Мне казалось, ты не зря платишь мне, Грегор, - резко прервал меня Убер. - Я уже проверил. Нет о ней никаких записей. На самом деле на этой планете вообще нет никого с фамилией Таррай или Тари. Такая

фамилия встречается только в других мирах.

И их слишком много, чтобы суметь разобраться и...

- Итак, ученый, - вздернула брови Креция, - что же вас на самом деле беспокоит?

Отпив еще глоток вина, Эмос подтолкнул планшет на середину стола.

- Исчерпав информацию об именах, я решил заняться другим делом. Я просмотрел

новостные регистры по субсектору,
отсеивая

сообщения по ключевым словам. Вам это
не

понравится.

Я изучал содержимое планшета, и мое
сердце превращалось в холодный камень.

Эмос собрал новостные бюллетени, в
которых говорилось об инцидентах на
нескольких планетах субсектора.

Короткие

сообщения, большинство из которых не
составило бы даже колонки в
региональных

информационных сводках. Естественно,
ведь

события эти не годились даже в качестве
планетарных новостей, не то что
галактических. Эмос обнаружил их
только

потому, что целенаправленно просеивал базу

новостной сети Империи.

Первый отчет рассказывал о взрыве на

Мессине. Мессина Прима, главный улей, шпиль одиннадцать. Взрыв произошел в

десять пятьдесят по местному времени. Но

моей оценке, набег на Спаэтон-хаус начался

точно в это же самое время, учитывая

сигерический пересчет. Взрыв спалил десять

верхних уровней шпиля. Список убитых составил одиннадцать тысяч шестьсот человек. Лорд губернатор объявил чрезвычайное положение.

К отчету прилагался глиняный перечень

уничтоженных зданий и учреждений. В нем, посередине второй страницы, я нашел

Институт Торна - название, под которым
официально функционировали Дамочки.

Никто не выжил. Хотелось надеяться,
что

это только совпадение, но не получалось.
А

это означало, что мой противник,
Ханджар

Острый, был готов без колебаний

пожертвовать жизнями тысяч
гражданских

жителей только для того, чтобы
уничтожить

Дамочек.

В сообщении говорилось, что

ответственность за взрыв взяла на себя

запрещенная организация, называющая
себя

«Потомки Мессины». Эта группа, как

упоминалось, выступала за независимость

Мессины от Императора.

Что было откровенным бредом. На

Мессине царя настолько имперская
культура, насколько только возможно на
какой-либо планете.

Второй отчет, внесенный в список на
планшете, поступил с Картола. В
провинции

Кона были обнаружены тела двох
мужчин и

трех женщины. Предположительно все они

члены одной семьи, проводящей отпуск в
путешествии. Личности погибших

устанавливаются. По оценкам
специалистов

Картола, смерть наступила между
десятью

часами вечера и полночью два дня назад.

Пять месяцев назад я отправил на
Кармол

своих агентов Лерес Финтон, Бирона
Фэкеда, Лойса Нарана и двух
неприкасаемых, чтобы

они собрали информацию о культуре
смерти в

провинции Кона. Они регулярно
отчитывались... Милостивый
Боже-Император...

Я прокрутил список до следующего
пункта. Трациан Примарис. Частная
резиденция в улье шестьдесят два была
взорвана незадолго до полуночи. Восемь
неопознанных погибших. В графе «адрес»
стояло: шестьдесят два, верхний улей,
уровень 114, 871.

Там располагался мой офис в столичном
мире Геликанского субсектора. В штате

состояли семь человек. Управляющим был Барнес Феррикел, служивший у меня в течение тридцати лет.

Следующее. Гесперус. Двое мужчин убиты в перестрелке с бандой торговцев детьми.

Как раз незадолго до полуночи нежелюназад.

Как сказал представитель арбитров, они выбрали не тот район для прогулок.

Лютор Витт и Ган Блаек, двое моих самых

способных тайных агентов, действовали на

Гесперусе уже в течение года, стремясь

раскрыть тзинчианский культ, охотившийся

за малолетними обитателями нижних ульев.

Затем Сарут, столичный мир

Антимарского субсектора. Один из самых многообещающих моих учеников, дознаватель Девра Шиборра отправилась туда по моему приказу восемь месяцев назад, чтобы проникнуть в хаософильский кружок центрального университета и вывести его членов на чистую воду. Она работала под легендой доктора Зейзы Баджжа, историка с Пүнцеля.

Новости сообщали о предположительном самоубийстве многообещающего академика

Баджжа. Ее тело было обнаружено в собственной ванной утром во время первого

полезна. Смерть наступила приблизительно

восемь часов назад.

А затем последнее и наиболее

шокирующее объявление, полученное из
Глобальной Новостной Сети Саметера.
Дом
инквизитора Натана Уншабеля подвергся
нападению неизвестных лиц и был
уничтожен. Сам Уншабель внесен в список
погибших.

Я сел. Взгляды всех присутствующих
были
устреплены на меня. Эмос положил
подбородок на руки, а женщины смотрели
тревожно и внимательно.

- Они все... жертвы, - медленно
проговорил я, все еще не в силах осознать
случившегося. - Все. Каждый член моей
команды. Мой дом здесь, штаб-квартиры
Дамочек и все агенты, выполнявшие мои
поручения. Все и вся. Все нападения

происходили в один и тот же час одного и того же дня недели.

Я не мог продолжать, слишком глубоко было потрясение. Креция влила в меня бокал

атасека и налила порцию себе.

Все погибло. Комбинации, которые я выстраивал десятилетиями, друзья и союзники, которых я собирал, - все оказалось

разрушено за одну ночь. Все мои ресурсы были обнаружены и уничтожены. Уцелел только Фишиг. Он пробивался сейчас нам навстречу. А больше никого не осталось.

Я чувствовал себя оторванным от всего мира. Семь осведомителей и сотрудников, создаваемая мной с самого начала карьера, была разрушена.

Я остался один.

Мне больше ничего не хотелось, кроме как встретиться с этим Хангжаром Острым лицом к лицу и похвататься.

Я так и не притронулся к новой порции атасека. Улегшись в постель, я тут же погрузился в череду лихорадочных сновидений. А где-то около полуночи пробудился в холодном поту. Я лежал в темноте, а передо мной проплывали подробности жуткого сна. Мне грезился побег из Спаэтон-хауса. Медея и Ёкүга Вэнс

взывают о помощи, умоляют спасти их. Я хватаю за руку Медею и вцепляюсь в Вэнса, который не может сам дотянуться до меня.

Янычары стреляют в него из лазерных винтовок, его тело разваливается на части.

Его предсмертный ментальный крик
пронизывает мое сознание, словно
раскаленная проволока. От него я и
проснулся.

Но от него ли?

Второй раз я проснулся в четыре часа
утра.

Ночную тишину нарушал только треск
горных сверчков.

Но что-то было не так. Я поднялся, вынул
из-под матраца автоматический
пистолет и

вышел в коридор.

Я слышал, как храпит Эмос в своей
комнате и глубоко дышит во сне Креция.

Дверь Элины была открыта.

Заглянув внутрь, я обнаружил, что ее

кровать пуста, а стеганое одеяло
сброшено

на пол.

Я прошел по коридору, прижимаясь к стене спиной и чуть ли не в молитвенном жесте сжимая в обеих руках оружие. Из-под

следующей двери выбивался луч света.

Ванная.

Послышалось журчание воды, а потом внезапно дверь открылась.

Я выбросил вперед пистолет.

- О боже! Во имя Золотого Трона, сэр! Что, черт возьми, ты...

Зажав рот испуганной Элины ладонью, я оттащил ее в тень.

- Ты напугал меня до чертиков, -

прошептала она, как только моя хватка ослабла.

- Прости.

- Я просто хотела помыться.

- Прости. Что-то здесь не так.

- Грегор? Что за шум? - донесся из коридора голос Креции.

- Возвращайся в свою комнату! - прошипел я.

Как обычно, Креция сделала все наоборот.

Решительным шагом она направилась к нам, на ходу натягивая шелковый халат.

- Ну и что у нас, черт побери, хорошего?

- Хотя бы в этот раз помолчи, Креция, - бросил я.

- Ладно, прошу прощения, мать вашу.

Я оттолкнул обеих женщин за спину и стал

медленно продвигаться к чулану.

- Славный огузок, - захихикала Креция, разглядывая меня.

Из одежды на мне было только покрывало.

- Ты можешь быть серьезной хотя бы минуту? - прорычал я в ответ.

- Прошу вас, доктор, - укоризненно проговорила Элина. - Это серьезно.

Дверь чулана была закрыта, свет внутри не горел.

- Вугите? - сказала Креция. - Никаких проблем.

Я взялся за дверную ручку и понял, что она выкручена. Креция подскочила на месте, когда я выбил дверь ударом ноги и нацелил

пистолет на кровать.

Пустую кровать.

Элина включила свет. Перетертые веревки

Тарла все еще свисали со спинок кровати.

- Золотой Трон, он сбежал!

- О нет... - пробормотала Креция. - Я ведь лишь слегка ослабила нуты.

- Что ты сделала?!

- Я же говорила тебе! Говорила, что беспокоюсь о его состоянии. Цианоз на его руках и...

- Но ты не сказала, что ослабила веревки! - бешевал я.

- Мне казалось, ты понял, о чем я говорила!

Я сбежал вниз. Холл освещал бледный
лунный свет, проникавший в
полоткрытую
дверь.

- Он не мог уйти далеко! Да и какая
разница-то? - кричала мне вслеп Креция.

Я вышел на улицу. Никаких следов.

Ничего. По каменным плитам

растекались

холодные ночные тени.

Тарл сбежал уже давно.

Я возвратился в дом. Креция включила
освещение в холле. И закричала.

Фейбс сгорбился в углу. Казалось, он
просто уснул сидя. На полу блестела лужа
густой темной крови. Ему перерезали
горло.

- Теперь видишь, Креция? Видишь? -
закричал я.

Тарл был свободен. Он знал, кто я и где
прячусь. Пора было уходить.

Быстро.

Глава 12

В НОЧЬ И В ГОРЫ

ТРАНСАТЕНАТСКИЙ

ЭКСПРЕСС

СООБЩЕНИЕ ОТ МЕРТВЕЦА

- Нет, - сказала Креция. - Нет. Ни за что.
Нет.

- Это не обсуждается, Креция. Я не
предлагаю, а приказываю.

- Как ты смеешь приказывать мне, словно
одному из своих штатных лакеев,
Эйзенхорн? Я нигде не поеду!

Я открыл было рот, но затем снова
закрыл

его. Зверское убийство Фейбса повергло ее
в

глубокий шок. Переубедить ее было
трудно.

Я обернулся к Эмосу и Элине:

- Одевайтесь. Соберите вещи и уложите
их

в спидер. Мы должны убраться отсюда в
течение полчаса.

Оба поспешно удалились.

Трудно было сказать, как давно сбежал
янычар. Когда Эмос накрывал тело
фейбса

простыней, оно еще было теплым, так
что, по моей оценке, Тарл получил фору
примерно в час, в худшем случае
девяносто

минут. Учитывая его бессоринский
прагматизм, я полагал, что он
отправился

прятиком к ближайшей вокс-станции,
чтобы

доложить о нашем местоположении своим
собратьям. То же самое на его месте
сделал

бы и я. Конечно, Тарл и сам мог
попытаться

убить меня, но к тому времени он уже
понял, что не стоит недооценивать мои

способности. Он знал, что я могу убрать
его

раньше и тогда никто не узнает, где я
скрываюсь.

Поэтому он просто ушел, чтобы найти
возможность связаться со своими.

Неизвестно, насколько близко находились
его соратники, и наши шансы на спасение
таяли с каждой минутой. К тому же
можно

было предположить, что, успешно
отправив

свое донесение, он вернется, чтобы
попытаться собственноручно разобраться
со
мной.

Я взял Крецию за руку и отвел наверх. Ее
глаза опухли от слез и покраснели, она все
еще не отошла от шока. Она сидела на

краю

моей кровати, пока я одевался.

- Если бы я мог просто уйти, Креция, я бы ушел,- тягко произнес я, доставая свежую рубашку. - Если бы проблема заключалась только в том, чтобы уйти и избавить тебя от

всего того дерьма, которое я принес в твою

жизнь, я бы так и поступил. Но теперь это

невозможно. Сюда придут наёмники. Они

появятся здесь очень скоро, скорее всего еще

до рассвета. Они допросят и убьют любого, кого обнаружат здесь. Конечно, ты не

сможешь им сказать, куда мы отправились, потому что сама не будешь этого знать.

Тогда они просто... В общем, это
вессоринские янычары, которым хорошо
заплатили. Я не могу оставить тебя
здесь.

- Я не хочу уезжать. Это мой дом, Грегор.
Мой чертов дом, и посмотри, что ты
натворил.

- Мне жаль.

- Посмотри, будь все проклято, что ты
сделал с моей жизнью!

- Я сожалею. И постараюсь все исправить.
Креция вскочила.

- Как? - кричала она. Гнев затмил ее горе.

Как, во имя всего ада, ты собираешься
исправить это? Как, черт тебя дернул,
собираешься унять всю ту боль, которую
причинил мне?

- Понятия не имею. Но постараюсь. И для

этого ты должна остаться в живых.
Креция, на моей совести уже висит твоя
разрушенная

спокойная жизнь. Я не хотел бы вешать
туда

еще и твою смерть.

- Прекрасные слова. Но я не еду. Я
возвращаюсь в постель.

Я схватил ее за руку. Необходимо было
найти другой подход. Как медик она была
профессионально самоотверженна. А вот
обращаться к ее чувству самосохранения
было бесполезно.

- Мне необходимо, чтобы ты поехала с
нами. И это правда. Мы обязаны взять с
собой Медею. Я не смогу оставить ее здесь
и

не гугаю, что она переживет
путешествие.

- Конечно, не переживет!

- Значит, она умрет?

- Если ты повезешь ее сейчас? В таком состоянии?

- А тебе не кажется, что будет лучше, если

она поедет вместе с врачом?

Креция освободилась от моей руки.

- Я не позволю подвергать опасности здоровье своего пациента, Эйзенхорн, - предупредила она.

- Тогда сделай прогноз, доктор. Если она остается здесь, то будет мертва уже к утру.

Они убьют ее, как только обнаружат. Если

она уедет со мной без тебя, то тоже

наверняка умрет. Мне, честно говоря, казалось, что ты давала медицинскую

клятву.

Мне было крайне неприятно так манипулировать... ну, во всяком случае, не чувствовать Креции. Она одарила меня ядовитым взглядом, понимая, что я загнал ее в угол.

- Ублюдок. Умненький-разумненький ублюдок. Даже не знаю, почему я когда-то тебя любила.

- Я тоже не знаю. Зато знаю, почему сам полюбил тебя. Тебе не все равно. И ты всегда поступала правильно.

Она развернулась и решительно вышла из моей комнаты.

Я оделся, упаковал одежду и

Ожесточающую в кожаный саквояж,

обнаруженный наверху платяного шкафа, затем взял рунный посох и...

...остановился в дверном проеме.

Малус Кодициум все еще лежал в ящике тумбочки. Я завернул его в наволочку и тоже

засунул в саквояж. Как я мог забыть про него?

И ответ, пришедший мне на ум, был странным и пугающим. Возможно, он хотел, чтобы его забыли.

Фонари из кабины спидера бросали заплату света на небольшой внутренний двор. Эмос и Элина уже все упаковали - одежду, манускрипты и книги, которые мы

спасли из Спаэтон-хауса. Я поднял на борт свои вещи и приступил к предполетной подготовке. Батареи спидера были

заряжены

до оптимального уровня.

- Помогите мне, будьте вы все прокляты! -
крикнула Креция.

Она переоделась в темно-зеленый
рабочий комбинезон и стеганое пальто и
тащила два дорожных баула. Медея
лежала

на гравиносилках. К ним же был привязан
модуль ресусцитрекса[7], а наполненный
говерху нартециум[8] фиксировали снизу
магниты.

Креция приставила к пациенту два
медицинских грона-сервитора, паривших
сейчас позади носилок.

Мы помогли поднять Медею на борт.

Креция устроилась возле Бетанкор и
молчала. Она даже не оглянулась на дом,

Когда мы взлетели.

Мы направлялись на юг, к главному
хребту

Атенат, гигантскому горному массиву
длиной три с половиной тысячи
километров.

Интервалль и его соседи казались просто
холмами по сравнению со столь
величественным геологическим
образованием.

Я не хотел слишком долго оставаться в
воздухе. Тарл знал, что мы завладели
спидером, и наверняка сообщил об этом
своим погельникам. Поэтому мы
совершали

лишь небольшой перелет перед побегом. Я
изучил карту, записанную на
информационный планшет, и принялся
составлять маршрут.

К рассвету мы пролетели уже девятьсот
километров к юго-западу и достигли
долин, раскинувшихся у подножия
зазубренных

пиков Эсембо. В первых лучах солнца гора
выглядела черным исполином, покрытым
сверкающей ледяной шапкой.

Мы совершили посадку в городке под
названием Тироьере. Небольшое местечко
процветало за счет лесозаготовок и
являлось

перевалочной станцией для
путешественников, направлявшихся к
курортам на перевале Эсембо. Я спрятал
спидер в тени могучих елей недалеко от
городка. Все мои спутники угрюмо
толчали.

Воздух здесь оказался весьма холодным, и
я

включил обогреватель на полную мощность, чтобы Медее было уютнее.

- Нам надо поесть, - наконец произнесла Элина. - Я могла бы сходить и принести чего-нибудь, но...

Ни у кого из нас не было денег.

Креция сняла перчатки, извлекла бумажник из кармана пальто и недовольно фыркнула:

- Интересно, я здесь единственный человек, способный мыслить практически?

Элина взяла кредитную карточку Креции и

направилась напрямик в город. Она вернулась пятнадцать минут спустя, неся коробочку из полистирола, в которой стояли

четыре большие порции сладкого кофеина

удобных стаканах, лежали горячая
выпечка в

провощенной бумажной обертке, хлеб и
темного колбасного фарша в вакуумной
упаковке.

Кроме этого она приобрела миниатюрный
информационный планшет с
туристическим
путеводителем.

- Мне показалось, что это может
пригодиться, - сказала она.

- Великолепно, - произнесла Креция. -

Теперь мы сможем выбирать, где
покататься
на лыжах.

Пока Элина ходила в город, я потратил
массу усилий, освобождая крепления
бокового люка: для удобства стрелка он
был

зафиксирован на армейский манер в
открытом положении. Еще на полете к
Равелло мы убрали оружие, и на борту у
нас

была раненая Медея, а за бортом
минусовая

температура. Однако крепления долго не
поддавались. Не думаю, что люк
закрывали

хоть раз за все время его службы.

Мы молча поели. Медицинские сервиторы
подавали Медее питательный раствор
через
капельницу.

Я наблюдал за небом и глинной дугой
дорога, ведущей в город. Движение было не
слишком оживленным. Несколько
служебных
машин и колесных группов, да время от

время проскакивал проворный спидер. В основном это были туристы, направляющиеся в горы.

За едой я просматривал путеводитель, приобретенный Элиной.

Мы покинули Тироире в девять тридцать.

До самого вечера мы летели на запад, огибая

плечи Эсембо, проходя над зеркалами

высокогорных озер и устремляясь к

северному курорту в Грүже. Некоторое время

мне казалось, что за нами по пятам следует

небольшой желтый спидер. Меня это

настолько насторожило, что я свернул к

востоку и пролетел над полосой горного пастбища и лесистым склоном.

Я потерял желтую машину из виду, но приблизительно через полчаса обнаружил, что за нами, на расстоянии пяти километров, тенью следует черная. Мои тревоги

возвратились с новой силой.

Вечером, когда мы подлетали к Грүже, черный спидер свернул к югу, по маршруту, который должен был привести его к

спакурорту Фириол на южном склоне Монс

Фүлько.

Я понял, что охотился за призраками.

В Грүже я посадил спидер в сосновом бору к юго-западу от старой крепостной стены. А

потом взял кредитную карточку Креции и в

одиночку отправился в город.

Грүже, как и Равелло, был старым

городишком с извилистыми, но на много
менее живописными улочками. Вдоль
центрального проспекта выстроились
ряды

баров и танцплощадок, возле которых
толпились молодые отдыхающие
гудруниты.

Я разыскал местную контору Гильдии
Астронавтика - высокое, с затененными
окнами строение на углу главной площади
и вошел внутрь.

Женщина по имени Ницинт с
озабоченным видом проверила мою
кредитную карту и предоставила мне
доступ

к «Эгиде». Я хотел узнать, не поступало
ли на

той адрес каких-либо сообщений.

Меня ожидал сюрприз - послание от

Гарлона Нейла

Он выжил.

Его сообщение на глоссии оказалось

весьма пространным. Суть заключалась в

том, что он покинул Мессину двукратно

неделями ранее, предчувствуя нечто

ужасное. Это меня не удивило. У Нейла

был

нюх на неприятности. Он единственный из

всех моих несчастных потерянных

агентов

смог предугадать опасность, и в это было

легко поверить. На момент отправки

письма

он находился всего в трех днях пути от

Гудрун.

Через астроната я послал ответ на

глоссии, сообщая Нейлу, что он должен

добраться до

южной столицы, Новой Гевеи, и, прибыв на место, организовать наш отлет с Гүдгүн. Я

попросил его подтвердить получение письма

и сказал, что спущусь с ним снова, когда буду

недалеко от места встречи. По моей оценке, дорога должна была занять четыре дня.

Четыре дня, и мы воссоединится с Нейлом в

Новой Гевее и покинет планету.

Снегоход, по существу, оказался

роскошной машиной для отдыха с хорошо

утепленной кабиной и прилегающей к ней

каютой. Обтекаемой формы серый корпус

крепился на гусеничном блоке с широкими

направляющими колесами впереди.

Агент в отделе аренды разошелся не на шутку, распевая похвалы машине, но я оборвал его:

- Я беру ее.

- Отличный выбор, сэр.

- Арендую на две недели. Я отправляюсь в Онтаре и оставляю ее там.

- Прекрасно, сэр. Доставьте ее в наш офис в Онтаре. Вы должны заполнить кое-какие документы. У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

На карточке Креции не было

необходимого количества денег. К тому же я

собирался оформить эту сделку анонимно.

Я решил разбудить очередную из своих дремлющих поддельных личностей и положил лапоть на считающее

устройство. Торин Грегори, бизнесмен с
Трациана, обладающий вполне
достаточными средствами, проводит
отпуск
на Гудрун. Клерка это вполне
удовлетворило.

С виду снегоход выглядел грозоздким, но,
к моему удивлению, оказался весьма
быстроходным. Пора было возвращаться, и
я

остановился по пути лишь для того,
чтобы

купить продукты в бакалейной лавке.

Увидев приближающийся снегоход,

друзья, дожидавшиеся в спидере, не на

шутку встревожились. Позднее Элина

рассказала мне, что уже держала
лазерный

пистолет наготове, когда я высунулся из
кабины и помахал им.

- Перебирайтесь сюда. Мы меняем
средство передвижения.

Мы замаскировали спидер лапником, и,
как только Медею благополучно

переместили в роскошную, обитую кожей
каюту, я повел снегоход к перевалу.

Я не стал рассказывать о письме Нейла.

Мне не хотелось обнадеживать их до поры
до

времени.

С наступлением ночи мы уже карабкались
по заснеженному шоссе, ведущему к Онтре.

Грузе остался позади. Выезжая из города,
мне показалось, что я видел небольшой

желтый спидер, но он был слишком далеко,
чтобы можно было говорить с
уверенностью.

Мы ехали сквозь темноту, поочередно
стенаясь у руля. Ночь стояла ясная, но я

настроил вокс на прием метеосводок,
чтобы

не пропустить предупреждение о лавине
или

снегопада. И не зря.

Вскоре погода ухудшилась. Взбираясь по
северной кромке Монс Фүлько, мы то и
дело

прорывались через снежные бураны и были
вынуждены сбросить скорость и включить
фары. В такие моменты за руль садилась
Креция. Она достаточно долго прожила в
горах и знала, что делать.

Я дремал в каюте на глинном
многоместном сиденье напротив спящей
Медеи. Меня опять терзали сны о ее
спасении. Ёкүда Вэнс вновь и вновь

отчаянно умолял о помощи. Он кричал,
пронзая меня копьем ментальной боли. Я

проснулся и взглянул на Мегею. Она все так

же лежала на своих гравиносилках. Элина спала на соседнем сиденье.

Каюта покачивалась и вибрировала, за окнами трепетали снежные призраки.

- Ты в порядке, Грегор? - встревожился Эмос. Он сидел в кресле в дальнем конце каюты, обложенный информационными планшетами.

- Просто сон, Убер. Огин и тот же уже вторую ночь.

Я сел. Прошлой ночью я решил, что проснулся от шума, производимого Тарлом.

Но теперь все повторилось. Сновидение разбудило меня. Жуткий, полный боли и ярости предсмертный, крик Ёекүды Вэнса, возвещающий о крушении надежд.

Грохоча гусеницатами, мы вкатились в
Онтре в полдень следующего дня. Из-за
сильного снегопада пришлось ехать очень
медленно. Ледяная корка покрывала
медные
крыши домов известного курорта. Но
такая
погода привлекала в город толпы
любителей
зимних видов спорта. Повсюду кипела
жизнь, на улицах оживленно гудело
множество машин, а небеса пестрели
прибывающими спидерами.
Я припарковал снегоход на стоянке
трансконтинентальной станции Онтре и
вместе с Эмосом отправился на вокзал,
где
Торин Грегори приобрел билеты в четыре
смежных спальных купе. Как нам сказали,

экспресс должен был прибыть через час.

Могучий хребет Атенатовых гор
перечеркивает крупнейший континент

Гүдгүн, а Трансатенатская железная
дорога

протянулась по нему, подобно артерии.

Пейзажи вдоль трассы славятся своей
романтичностью.

Большинство
пассажиров

пользуются услугами экспресса ради самой
поездки. Это отдыхающие, которым
хочется

путешествовать, а не прибывать.
Молодежь

стекается на горнолыжные курорты,
наподобие Грүже и Онтре, тогда как
богачи

выбирают Трансатенатский экспресс, где
могут отдохнуть в заботливой роскоши и
полюбоваться самыми потрясающими

нейзажати Гүдрүн.

Огромный, хромированный,
заправленный протетиумом локомотив
вполз в Онтре в пять часов и втащил за
собой

вереницу из десяти двухэтажных вагонов.
Проводники помогли нам занести в купе
Мегею.

Наши просторные апартаменты первого
класса со стенами, отделанными
панелями

из полированного клена, располагались на
верхней палубе третьего спального вагона.
В

одном из них мы разместили Мегею.
Элине

досталось соседнее купе с одной стороны, а
Креции - с другой. Мы с Убером разделили
четвертое. Помещения сообщались

сверяти.

Покидая Онтре, локомотив дал гудок и запыхтел, взбираясь по склону к перевалу фонетт. Огромный серебристый механический зверь мог разогнаться на ровном участке до ста семидесяти километров в час.

Я сверился с расписанием. К ночи мы должны были прибыть в фонетт, затем короткий перегон до Локастра, за которым

последует скоростной безостановочный пробег мимо Больших Атенат, через Южное

плато к побережью.

До Новой Гевеи оставалось менее трех дней пути.

Мы едва ощущали движение поезда. На

легкую, равномерную вибрацию все скоро
просто перестали обращать внимание.

Вагоны были просторными,
обогреваемыми

и хорошо защищали нас от холода
Аменат.

Толстые стены почти полностью
заглушали

грохот мощного двигателя, от которого
мы

чуть не оглохли на платформе в Онтаре.
И

лишь когда локомотив проходил по
спускам

или в тоннелях, едва различимый гул
делался немого громче.

В комфортабельном купе первого класса я
чувствовал себя как дома, особенно когда
шторка на окне была опущена. Впрочем, я
предпочитал держать ее поднятой, чтобы

иметь возможность любоваться горными пейзажами и наслаждаться панорамными видами. Особенно прекрасными мне показались грозные перевалы и просторные заснеженные равнины, залитые мягким розовым свечением закатного солнца. На необъятных просторах синели четкие тени, отбрасываемые ледяными глыбами, да

кое-где розовый снег обнажал черные скалы.

Вырывавшийся из локомотива бежевый пар

время от времени струился мимо окон и заслонял обзор.

На поворотах состав снижал скорость, и, прижавшись к оконному стеклу, можно было

увидеть соседние вагоны, вытянувшиеся огромной хромированной змеей с

сине-белой эмблемой на боку, и глиняную
грожащую тень на снегу.

С наступлением ночи за окном стало
совсем черно, и я опустил штору. Эмос
загретал. Мне ничего не оставалось, как
прогуляться по поезду.

Открылась дверь, ведущая в смежное купе,
и вошла Креция. Она нарядилась в

желчужно-серое атласное платье с
высоким

воротником, плиссированным лифом и
широкой юбкой. Увидев ее, я вскочил с
места.

- Ну? - спросила она, поигрывая меховой
шалью.

- Выглядишь ошеломительно...

- Говоря «ну», я хотела предложить тебе
сопроводить меня на ужин, - устехнулась

доктор и поправила красиво уложенные волосы.

- Ужин?

- Вечерний прием пищи. Тот, что обычно приходится на время между обедом и ночным колпаком.

- Я знаком с этим понятием.

- Отлично. Так мы идем?

- Мы пытаемся спастись бегством. Ты думаешь, сейчас подходящий момент?

- Лучший момент и представить трудно.

Грегори, мы ведь спасаемся бегством на

самом роскошном средстве передвижения, какое может предложить Гудрун. Думаю, стоит продолжать спасаться, выдерживая стиль.

Я зашел в ванную и переоделся в самую

презентабельную одежду, какую имел при

себе. Затем мы с Крецией пошли по
проходу, направляясь к ресторану,
расположенному в

трех вагонах от нас.

- Ты взяла с собой вечернее платье? -

спокойно поинтересовался я, пока мы брели
по мягко освещенному, застеленному
коврами коридору.

Нам то и дело встречались другие
пассажиры, идущие к вагону-рестoranу и
возвращающиеся обратно.

- Конечно.

- Мы убежали в спешке, а ты упаковывала
платья?

- Я подумала, что необходимо быть
готовой ко всему.

Обеденный салон находился на верхней
палубе шестого вагона под куполом из

бронированного стекла, сквозь который
сейчас можно было увидеть только
черноту

звездного неба. Роскошные люстры
освещали столики, установленные на
изогнутой террасе, похожей на смотровую
площадку какого-нибудь высокогорного
курорта. Внизу справа расположился
струнный квартет. Звучала нежная
музыка, слышались звон столового серебра
и тихие

голоса пассажиров. Одетый в униформу
метрдотель проводил нас в левую часть
террасы к столику возле окна.

Изучая меню, я понял, насколько
проголодался.

- Сколько раз, как ты думаешь? - спросила
Креция.

- Сколько раз - что?

- Все те годы, когда мы были вместе, ты всегда навещал меня в Равелло тайком.
- Сколько раз я предлагала прокатиться в этом экспрессе?
- Да, ты не раз говорила об этом.
- Но мы так этого и не сделали.
- Не сделали, - эхом откликнулся я. - И мне очень жаль.
- Мне тоже. Печально, что теперь мы совершаем этот вояж по необходимости.
- Впрочем, можно было догадаться, что в подобное романтическое путешествие тебя угастся затаскать только силком.
- Как бы то ни было, сейчас мы здесь.
- Еще несколько лет назад надо было приставить пистолет к твоей голове.

Мы заказали сүн, филе рунки с низин, рүлеты с салатом из трав и лесных грибов африолей, а также Шато Ксандье с Саметера, которое, как я помнил, было ее излюбленным сортом.

Сүн оказался чертовски великолепен. Он подавался с аппетитным молодым побегом

винограда и завитком сметаны в широких белых тарелках, украшенных изящным рельефом с эмблемой трансконтинентальной

компании. Рунка, тушеная в атасеке, была

безупречно сочной, а бархатистый вкус терпкого Ксандье навевал теплые воспоминания и заставлял Крецию улыбаться.

Мы не виделись так давно, что нам

предстояло повеждать груст грусту о целых десятилетиях своей жизни.

Она рассказала мне о своей работе, о возникшем интересе к ксеноанатомии, о монографиях, которые написала, о разработанном новом методе трансплантации мышечной ткани.

Оказывается, Креция приобрела спинет[9]
и

уже овладела всеми, кроме двух,
«Штудиями»

Газеллы. Кроме того, она написала трактат, посвященный сравнительному анализу

скелетного гоморфизма в ранних человеческих биотипах.

- Я даже хотела послать тебе копию, но побоялась, что это может быть превратно

истолковано.

- У меня есть первое издание, - признался я.

- Неужели! А ты хоть открывал его?

- Перечитал дважды. Ты мастерски

развенчиваешь тезисы всех работ Теркссона

по раскопкам Димтамар-А. Твои аргументы

убедительны, если не убийственны. Я мог бы

поспорить по поводу Талларнофитицена, но

мы с тобой никогда не сходились во мнениях

относительно гипотезы «происхождения с Терры».

- Ах да. Ты всегда был еретиком в этом

отношении. А чем ты занимался двадцать

пять лет?

Я чувствовал, что не могу отплатить ей такой же откровенностью. За прошедшие годы в моей жизни случилось слишком много такого, о чем мне нельзя было или не стоило распространяться. Вместо этого я рассказал ей о Нейле.

- Этот человек заслуживает доверия?

- Целиком и полностью.

- И ты уверен, что это именно он писал тебе?

- Да. Он использует глоссию. Красота этого

когда заключается в том, что он

индивидуально идиотичен. Его не могут

взломать, использовать и понять

посторонние. Чтобы перенять его основы,
необходимо проработать на меня
достаточно

долго.

- А тот телохранитель. Который
оказался

предателем.

- Кронски?

- Да. Он же работал на тебя.

- Всего лишь месяц. За это время он не
успел овладеть глоссией настолько, чтобы
водить меня за нос.

- Значит, у нас есть шанс спастись?

- Я уверен, что скоро мы сможем покинуть
эту планету.

- Что ж, Грегор, думаю, хорошие вести
необходимо сдобрить десертом. Побалует
себя?

Стюарт принес нам «ribaude narpe»[\[10\]](#).

липкий и сладкий, густой черный
гесперинский кофеин, ликер, а в
заключение

ужина - губовый атасек для меня и рюмку
наши для Креции.

За десертом мы уже дружно стаялись.
Прекрасный ужин, великолепная ночь в
восхитительной компании.

На рассвете я проснулся от тихого свиста
тортозов. Затем снаружи раздался
приглушенный гудок, а в коридоре
послышались голоса.

Креция все еще спала. Когда я осторожно
выскользнул из кровати, она перевернулась
и, сонно борточа, растянулась на еще
теплой, но уже опустевшей простыне.

Шторка на окне была опущена. Наша
одежда

Вперетешку валялась на полу, и мне пришлось на ощупь искать свои брюки и рубашку.

Подцепив одним пальцем край шторы, я выглянул наружу. Морозное утро оказалось бесцветным. Поезд стоял на станции, на заснеженной платформе толпились люди. Мы добрались до Фонетта.

Одеваясь, я дрожал от холода. На остановках вентиляторы подавали в купе стуженый горный воздух.

Открыв дверь, я бросил взгляд на Крецию. Она свернулась калачиком на кровати, уютно

закутавшись в кокон из простыней, отгородившись ими от холода и всего мира.

Погода стояла морозная, было очень светло. Но широкой платформе сновали

пассажиры. Огни покидали экспрессы,
другие

спешили занять свои места. Сервиторы
толкали впереди себя тележки с
пиратидати
из четоганов.

Нагал легкий снег. Перетинаясь с ноги на
ногу, я похлопал себя по плечам. Из поезда,
чтобы размять конечности, вышли еще
несколько путешественников.

Железнодорожная станция Фонетт
располагалась на естественной террасе,
нависшей над городком. С севера над ним
возвышалась Монс Фүлько, а с юга Малые
и

Большие Утты, за которыми
поднималась

опоясанная грозowymi тучами грозага
Центральных Атенат.

- Как долго мы будем здесь стоять? -

спросил я у проходившего мимо проводника.

- Двадцать минут, сэр, - ответил он. - Мы должны поменять локомотив и набрать воды.

Этого времени было недостаточно, чтобы успеть сбежать в город. На платформе я оставался до первого гудка, а затем постоял в

тамбуре, наблюдая, как здание вокзала медленно уплывает назад, открывая ту часть

города, которую было не видно с платформы.

Крутые, покрытые снегом крыши, часовня Министров, укрепленный блокпост арбитров. Посадочная площадка, прямо по

вокзальной грядой, заполненная

припаркованными и заправляющимися
спидератами. Один из них был маленьким и
желтым.

Я вернулся в купе, снял плащ, ботинки,
осторожно улегся на край кровати и
смотрел

на Крецию до тех пор, пока она не
проснулась.

- Что делаешь? - сонным голосом спросила
она и поцеловала меня в губы.

- Сверяюсь с расписанием.

- Не думаю, что на этой линии возможны
какие-либо изменения.

- Никаких изменений, - согласился я. - Мы
прибудем в Локастр приблизительно
через

четыре часа. Там будет
продолжительная

остановка. Сорок пять минут. Затем

глинный перегон до Новой Гевеи.

Креция села, протирая глаза. Заспанная и беззащитная, она казалась еще прекраснее, чем когда-либо.

- Ну и что? - спросила она.

- Там я проверю свою почту у астронавтов.

Времени должно хватить.

Раздался стук в дверь. Вошел стюард с нагруженной тележкой. Последнее, что мы сделали прошлой ночью, - заказали себе полноценный горячий завтрак.

Ну хорошо, не совсем последнее.

Креция натянула платье и отправилась проверить Медею, состояние которой все еще оставалось неизменным. Элина и Эмос

уже проснулись и, по всей видимости, отправились завтракать в вагон-ресторан.

- Медея в порядке, - вернувшись,

сообщила Креция. - Завтра или
послезавтра

она придет в себя.

Мы вместе поели в ее кюпе, продолжая
нашу ночную беседу. Между нами не было
никакой неловкости или напряжения,
словно

мы оба вернулись на двадцать пять лет
назад. Только теперь я понял, как
соскучился

по ней, как мне не хватало ее веселости и
энергии.

- В чем дело? - спросила Креция. - Ты
выглядишь озабоченным.

- Ничего, - ответил я, думая о желтом
спидере.

На пути к Локастру, во время долгого,
медленного подъема по Унтат я
обложился

информационными планшетами и
принялся

изучать собранные Эмосом материалы.

Особое внимание он уделял любым

упоминаниям имени Хангжар Острый.
Убер

составил список планетарных культур, в
которых использовалось слово «хангжар».

Всего девять тысяч пятьсот миров. Я

методично изучал этот перечень, хотя
знал, что Эмос, всегда внимательный к
мелочам, уже проштудировал его.

Хангжаром назывался церемониальный

клятвенный кинжал на Бенефаксе, Лувес и

Крайтоне. На местном сленге Механику
так

именовали главарей банд. В одном только
секторе Скарус на пяти планетах это
слово

обозначало нож для подрезки древесных

крон. В качестве прилагательного его использовали на Моримунге, имея в виду тошеничество. В трех тысячах миров так

называли простой нож.

Нож, который нанес мне глубокую рану.

Кто же такой Хангжар Острый? Почему он

столь усердно пытался уничтожить меня и

расстроить все проводимые мной операции?

Я снова вернулся к перечню нанесенных мне ран. Можно было не сомневаться, что все убийства совершались по его приказу.

При мысли об этом меня бросало в дрожь.

Размах его смертоносной деятельности поражал меня. Так много целей, так много

миров... и все были атакованы в один и тот

же исторический момент.

Я понял, что постоянно возвращаюсь к уведомлению о смерти Уншабеля. Оно никак

не вписывалось в общую картину потерь.

Во всех остальных случаях нападения совершались на объекты либо

принадлежавшие мне лично, либо взятые мной в аренду. Все погибшие являлись моими сотрудниками или агентами.

Но не Натан. Он был самостоятельным инквизитором. Пятьдесят лет назад, еще в

чине дознавателя, Уншабель участвовал вместе со мной в кампании против Квиксоса.

Он присоединился к моей команде после

смерти своего наставника, инквизитора
Робана, во время трагедии на Трациане
Приларис и продолжал верно служить мне
вплоть до окончания Зачистки цитадели
Квиксоса на Фарнесс Бема. Затем при
моей
поддержке он получил чин инквизитора и
стал вести собственные расследования.
С тех пор мы контактировали всего
несколько раз и не вели общих дел. Нас
связывала только старая дружба.
Почему он тоже оказался в поле зрения
моих врагов? Совпадение? Вряд ли.
Кто или что еще связывало нас?
Очевидным ответом был Квиксос, но эта
ниточка нигде не вела. Я лично
уничтожил
еретика.

Я еще раз пробежал взглядом список, пытаясь обнаружить хоть какую-то зацепку.

В перечне планет значился Квентус VJJJ.

У меня возникло такое чувство, словно в той мозг вонзился острый коготь. Да, Квентус VJJJ. Пограничный мир. Я никогда не

бывал там. Но как-то раз мне о нем рассказывали.

Повинуясь инстинкту, я проверил, не значится ли Квентус VJJJ среди миров, на

которых встречались фамилии Таррай или

Тари. Эмос уже выделил крестиком те планеты, на которых обнаружили эти фамилии и употреблялось слово «ханджар».

Получился перечень из семисот миров.

Квентус VJJJ был в этом списке.

На Квентус VJJJ словом «ханджар»

означался боевой нож, а один из кланов планеты носил имя Таррай.

Я знал, что почти триста пятьдесят лет

назад именно в этом мире начал свою

карьеру один из самых мерзких социопатов

Империи. Заявления Марлы Таррай о том, что она родилась на Гудрун, были

опровергнуты Эмосом, который сверился с

переписью населения и не нашел ни единого

упоминания ее имени.

Убер не стал возвращаться на три с

половиной сотни лет назад. А я сделал это и

обнаружил, что в те времена на Гудрун
жила

некая крестьянская семья с фамилией
Тарри, однако их род вскоре прервался.

Теперь я знал, кем был мой враг.

ЛОКАСТР

ПОЛНАЯ ОСТАНОВКА

КОНЕЦ ПОЛОСЫ

Мы добрались до Локастра, выбившись из графика более чем на час. Не по сезону злые

снежные бури налетали на Умты с востока, и

экспресс был вынужден сбавить скорость до

минимальной. Возникла опасность, что на

крутых подъемах состав может скатиться

назад, и мы чувствовали частые толчки, когда колеса вагонов пробуксовывали на

обледеневших рельсах. На прямом участке к

западу от Больших Умт поезд простоял

десять минут, пока инженерные бригады устанавливали снегоочиститель на нос локомотива. Кругом бушевал снежный шквал, и за стеклами был виден только белый вихрь. Я прошел по коридору в тамбур

и выглянул в окно. В белой мгле бродили черные силуэты, некоторые из них подсвечивались шипящими зелеными и красными сигнальными шашками.

Последовало несколько толчков, металлический лязг, и погольной грозы грохот угрожал пол.

По внутренней связи сообщили, что мы скоро продолжим свой путь, что даже в такую погоду путешествие совершенно безопасно, а в качестве подарка и извинения

за задержку в вагоне-ресторане всем

желающим подают горячий пунш.

Из купе стали выглядывать другие

пассажиры. Они без нужды кутались в
тепла и

дорогие костюмы для горнолыжного
спорта, ворчали и рассуждали на тему: «А
что если?».

Я вернулся к Эмосу, запер дверь и
изложил старому другу свою теорию.

- Понтиус Гло... - прошептал Убер. -

Понтиус Гло...

- Все сходится, верно?

- Судя по тому, что ты мне рассказал,
Грегор, да. Хотя, конечно, я знаю слишком
мало из того, что произошло между тобой
и

этим чудовищем на Синшаре.

Впервые мы столкнулись со злодеяниями

Понтиуса и его ядовитого отродья здесь,
на

Гудрун, в 240-м. С тех пор, казалось,
миновала целая эпоха. Сам Гло, известный
еретик, в 240-м был мертв уже два
столетия, после того как его непереносимые
деяния

пресек инквизитор Анжевин.

Но интеллект Гло и энграмму его
личности, заключенную в кристалле,
сохранили его потомки. Мы помешали
представителям Дома Гло вернуть его к
жизни, а впоследствии я передал
кристалл на

сохранение старому союзнику, магосу
Гуаргу

Бүрү из Агентүс Механикүс.

Столетие спустя, в 340-м, занимаясь
делом

Квиксосу, я повторно посетил отдаленную

твердыню Бұра на горнодобывающем мире Синшара, чтобы получить от пленника информацию о демонхостах. Без темных знаний Понтиуса Гло мне никогда бы не удалось победить ни Квиксосу, ни поработанных им демонов - Профанити и Черубаэля.

Но мне пришлось сотрудничать с Гло.

Пришлось предложить ему сделку. Я поймал

его на удочку, пообещав, что в обмен на его

услуги смогу убедить Бұра изготовить для

Понтиуса тело.

И, поскольку был честным человеком, сдержал слово, полагая, что, если Гло и

получит возможность передвигаться, ему никогда не удастся провести Гуарда Бұра.

Похоже, я заблуждался.

Во время тех частных бесед на Синшаре Гло рассказал мне о случае, который подтолкнул его, преуспевающего потомка одного из наиболее уважаемых аристократических Домов Гүдгүн, к ереси варна.

Это произошло на Квентүсе VJJJ еще в 19 году. Гло посещал квентийские амфитеатры, приобретая гладиаторов для своей арены.

Еще до своего падения он был жестоким человеком. Тогда он приобрел одного могучего воина с отдаленного дикого мира.

Бореи, если я правильно помню. Стремясь угодить новому хозяину, боец подарил Понтиүсү свое ожерелье. Это была наследственная реликвия, и ни воин, ни

Гло

не понимали, что она заражена Хаосом.

Понтиус надел ожерелье и в тот же миг подал

под его власть. Столь простой поступок

подвел черту под судьбой еретика, сделав его

идолопоклонником и таньяком, терзавшим

Гедиканский субсектор в течение двух десятилетий.

Я рассказал обо всем этом Эмосу.

- Кажется, все сходится. Ты, как я

понимаю, полагаешь, что Понтиус Гло бежал

из своего заточения на Синшаре, собрался с

силами и решил тебе отомстить?

- Месть? Нет... То есть он, конечно же, хотел бы отомстить мне, но, учитывая

размах его замысла, -вычислить и
уничтожить всех, кто участвовал в моих
операциях, и Уншабеля вместе с ними.

- Уншабель был с нами на Синшаре, -
пожал плечами Эмос.

- Это только подтверждает мою мысль.

Понтиус стремится заткнуть рот всем,
кому

известно о его существовании.
Большинство

обитателей Империи верят, что он
давно

мертв. Мы представляем для него угрозу
только потому, что знаем о нем.

Эмос нахмурился и задумчиво пошевелил
губами.

- Что, Эмос?

- Ничего, Грегор.

- Старина?

Он молча покачал головой.

- Скажи мне, о чем ты думаешь. Ведь существование Понтиуса Гло остается тайной

только потому, что я так и не доложил о нем

Оргосам. Потому, что не отправил его энграммосферу в хранилище Оргоса. Еретикус, как должен был поступить. Условно свободен он

теперь только благодаря подаренному мной

телу.

- Нет. - Убер поднялся и выглянул в окно, пытаясь различить хоть что-нибудь в снежном вихре. - Мы с тобой уже вели подобную беседу. О Черубаэле.

Этос обернулся, и вдруг я заметил, как он постарел.

- Ты инквизитор Прославленного

Императора Человечества. Ты посвятил
свою

жизнь уничтожению зла в любой из трех
его

иностае: Ксенос, Маллеус, Еретикус.

Выполняя самую трудную работу, какая
только может лечь на плечи слугителя

Императора, приходится сталкиваться с
невообразимыми опасностями. Для того

чтобы сохранить нашу цивилизацию,
необходимо использовать любое оружие,
имеющееся в твоем распоряжении. Пусть

даже из арсенала врага. И ты прекрасно
знаешь, что иногда за это приходится

платить. Мы можем теперь сожалеть о
твоем

сотрудничестве с Понтиусом Гло, но ведь
без

него ты бы не уничтожил Квиксосу. Мы

можем играть в «если бы» хоть целый

день.

Но существует простая истина: за победу надо платить, вот мы и расплачиваемся сейчас. И на самом деле твоя оценка нынешней ситуации зависит только от того, что ты собираешься делать дальше.

- Исправлять свои ошибки. Уничтожить Понтиуса Гло.

- В этом я и не сомневался.

- Спасибо, Эмос.

Он снова сел на кровать.

- А эта женщина, Таррай. Как она вписывается в твою схему?

Я показал ему информационный планшет с переписью населения Гүдрүн.

- Семейство Таррай принадлежало к самым низшим слоям общества. Они жили на Гүдрүн еще в те времена, когда

Понтиус

Гло вел свое органическое существование.

Затем их рог резко прерывается, но потом их

следы обнаруживаются вновь, уже на

Квентусе Восьмом. Думаю, что Таррай, или, по крайней мере, один из них, находились в

свите Гло, и он взял их с собой на Квентус

Восьмой. Мне потребуются твоя помощь, чтобы выяснить это в Локастре.

- В Локастре? Но ты же остановится там только на сорок пять минут.

Я кивнул в сторону окна:

- Скорее всего дольше, учитывая погоду.

Но тебе все равно придется действовать

быстро. Я же собираюсь использовать это

время, чтобы проверить состояние «Эгиды».

Ручка запертой соседней двери

задергалась из стороны в сторону.

- Грегор? - позвала Креция. - Ты почему заперся?

- Просто надо было кое-что обсудить с Эмосом.

- Они раздают горячий пунш в ресторане.

Думаю, мы могли бы присоединиться.

- Дай мне еще минутку, - прокричал я в ответ. Поезд дернулся и снова тронулся в путь.

Я вновь посмотрел на Эмоса.

- То, о чем мы говорили, не должно пойти дальше этого купе. По крайней мере, не сейчас. Учти, ни Креции, ни Элине об этом

знать ни к чему.

- Мой рот на замке, - заверил меня Убер.

В полдень, вырвавшись из бурана, мы стали спускаться к Локастру. Непогода серой

стеной двигалась за нами, скрывая из виду Утты, но прогнозы обещали, что снежный фронт уйдет в долину.

В Локастре проводники объявили полуторачасовую остановку. Я приказал Элине сделать все, чтобы экспресс не ушел до нашего с Эмосом благополучного возвращения.

Локастр расположился в рассеченной ледниками лощине. Стены старых зданий, построенных из гранита, в отличие от традиционного для Гудрун азулита, были темно-серыми. Из-за разреженного горного воздуха и превратностей погоды здешние дороги представляли собой не что иное, как

обогреваемые тоннели из армогласа. Я
нанял

сервитора-носильщика и приказал ему
нести

меня по теплым, сырým улицам, над
прозрачными крышами которых бұшевали
грозные снежные бұри.

Остановив сервитора возле офиса
Гильдии

Астронатика, я велел ему подождать и в
подтверждение своих намерений вставил
в

его считающее устройство кредитную
карточку. После этого внутри механизма,
как

мне показалось, что-то одобрительно
щелкнуло, и он припал на свои

наукообразные конечности, выпуская пар из
гидравлики.

В почтовом ящике «Эгиды» для меня лежало письмо от Нейла. Он сообщал на глоссии, что быстро добрался и уже дожигался меня в Новой Гевее. Вылет с Түдгүн уже был подготовлен, эту услугу нам

согласилось оказать грузовое судно по названию «Каукүс»[11]. Гарлону не терпелось встретиться со мной.

Я отправил ответ на глоссии. Если позволит погода, мы доберется до Новой Гевеи через два дня. По прибытии я собирался немедленно встретиться с ним.

- Это все, сэр? - спросил обслуживавший меня астронавт.

Мне вспомнилось, как Креция за ужином поинтересовалась, можно ли доверять Нейлу.

Подумав, я добавил к посланию еще одну строчку, в которой указывал, что ситуация

напоминает мне те трудные времена, которые нам довелось пережить много лет

назад на Уичан, когда мы столкнулись с Сагией Колдуньей.

- Отправьте это, пожалуйста, - сказал я.

На станции экспресс уже подал первый гудок.

Преследуемый фронтом непогоды, состав грохотал по перевалам Центральных Апеннин.

Несмотря на то, что теперь мы преодолевали

один из самых крутых и глиняных подъёмов маршрута, локомотив бежал на полной скорости, стараясь опередить снегопад.

Главный хребет Аменат, который мы
теперь пересекали, состоял из самых
крупных вершин Гудрун: Скарно,
Дорпалины, Телегге, Веспера, Амены.
Любая

из них была выше виденных нами ранее
пиков вроде Монс Фүлько. Эти темные
исполины казались циклопическими,
словно

вставшие на дыбы континенты.

Кроме того, они были прекрасны.

Необъятные просторы голубовато-белого
льда, безупречно чистый снег, свет солнца,
напоминающий жесткое свечение звезд в
вакүүте.

Но еще до наступления ночи все это
великолепие исчезло за стеной холодного
тумана. Казалось, перед окнами
опустился

гигантский занавес, скрывающий солнце.

Видимость сократилась до нескольких десятков метров, пошел снег, локомотив снова сбросил скорость. Непогода настигала нас.

Я как раз наблюдал за приближающимся бураном, когда услышал, как Креция позвала из-за смежной двери:

- Грегор, иди сюда. Медея очнулась.

Дроны отплыли назад, освобождая мне место. Я присел на краешек кровати.

Бетанкор выглядела усталой и измученной.

Чуть приоткрыв глаза, она поприветствовала

меня еле заметной улыбкой.

- Все в порядке. Ты в безопасности.

В ответ она лишь беззвучно пошевелила губами.

- Не пытайтесь говорить, - прошептала Креция.

Я увидел любопытство в глазах Медеи, когда она перевела взгляд на Крецию.

- Это доктор Бершильд. Старый друг. Она спасла тебе жизнь.

- ...долго...

- Что?

- Как долго... я спала?

- Почти неделю. Тебя ранили в спину.

- Ребра болят.

- Это пройдет, - успокоила ее Креция.

- Они... они схватили нас?

- Нет, они нас не схватили, - сказал я. - И уверяю тебя, им это не удастся.

Терзаемый жесточайшими снежными

бұрыли, локомотив елe выжимал из
двигателя шестьдесят километров в час.
Теперь мы путешествовали под самым
куполом мира. Я несколько раз
наведывался
в вагон-ресторан и другие увеселительные
заведения. Сотрудники экспресса
устраивали
для пассажиров самые разнообразные
развлечения: от фуршетов, музыкальных
салонов и обучения игре в карты до
турниров
по рэгбиду и показов популярных
голитических феерий. Облаченный в
униформу персонал выбивался из сил,
чтобы
осчастливить клиентов, всем своим
видом
старательно показывая, как им повезло,
ведь

снежный шторм на Атенатах - это самая
увлекательная часть романтического
путешествия.

А вовсе не опасное осложнение.

Я прекрасно отдавал себе отчет в том,
что, если локомотив сойдет с рельсов или
его

энергоустановка выйдет из строя, поезд
застрянет посреди снежной бури, которая
может продолжаться несколько дней, а то
и

недель, и мы все замерзнем. Чтобы
откопать

нас, придется ждать до весны.

Конечно, за девятьсот девяносто лет
существования Трансатенатского
экспресса

подобного ни разу не случалось. Поезд
всегда

прибывал в пункт назначения. Это был в

высшей степени безопасный вид транспорта.

Особенно если учитывать маршрут, по которому ему приходилось следовать.

Однако все когда-нибудь происходит в первый раз, как справедливо считают некоторые, и это простительно. Опыт, накопленный за многие годы, приучил персонал экспресса к тому, что, как только

налетает непогода, пассажиров необходимо

постоянно успокаивать и отвлекать, иначе

может возникнуть паника. Праздные богачи

беспокоятся по любому поводу.

В течение следующего вечера и ночи мы останавливались четыре раза. В первый раз

приблизительно в десять часов. Но
внутренней связи нас оповестили о том,
что

нет никаких причин для волнения, просто,
прежде чем пересекать мост над ущельем

Скарно, необходимо дождаться, пока
стихнет

ветер. Менее чем через пять минут мы
вновь

продолжили путь.

Я все еще бодрствовал, когда мы мягко
затормозили и снова остановились.
Взглянув

на часы, я встревожился. По истечении
пятнадцати минут я сунул пистолет за
ремень, повесил Ожесточающую на пояс,
закрыв их глинной зеленой накидкой Эмоса
и вышел из купе.

В темном коридоре горел тусклый
янтарный свет дежурных ламп. В конце

вагона на служебном мониторе,
вмонтированном в деревянные панели,
мерцали зеленые огоньки.

Я услышал, как кто-то поднимается по
спиральной лестнице, и обернулся.

- Все в порядке, сэр? - вежливо
поинтересовался стюард.

- Я вас собирался об этом спросить. Мне
стало интересно, почему мы
остановились.

- Обычное дело, сэр. Мы только что
поднялись на вершину склона Скарно, и
машинист приказал проверить
тормоза на предмет обледенения.

- Понятно. Просто рутина.

- Все в полном порядке, сэр, - произнес
стюард с отлично отрепетированной
уверенностью.

В подтверждение его слов дежурное
освещение торгнуло, и состав двинулся
снова.

- Вот видите, сэр, - улыбнулся он.

Я вернулся в свое кюпе и лег спать. Еще
две

ночные остановки я едва заметил. Но
оружие

держал под рукой.

Следующий день прошел без

происшествий. Погода то и дело

преподносила сюрпризы. Яростные
снежные

атаки внезапно сменялись периодами

ослепительно солнечного затишья.

До ужина экспресс останавливался еще

пять раз. Обычные рутинные
мероприятия.

Репродуктор нашептывал, что, хотя мы

и

выбились из графика, скорее всего нагоним
время, когда во второй половине
следующего

дня окажется на Южном плато.

Я начал беспокоиться. Заметив, как я
теряю шагами куте, Креция отвела меня в
ресторан пообедать, где мы пробыли
достаточно долго, чтобы успеть сыграть
пару
партий в режигу.

К Меге постепенно возвращались силы. К
полудню она уже смогла сесть и

самостоятельно принимать пищу. Дроны
отсоединили систему жизнеобеспечения,
оставив включенным лишь один монитор,
на

который выводились основные параметры
функционирования ее организма.

Мы поочередно сидели с ней. Я разрешил Элине рассказать подробности всего, что произошло с момента нападения на Спаэтон-хаус. Медея выслушала ее внимательно, хотя и заметно волновалась.

Настала моя очередь развлекать Бетанкор.

- Ты вернулся за мной? - спросила она, когда я вошел в купе.

- Да.

- Тебя могли убить.

- Не вернись я тогда, тебя бы точно убили.

- Они прикончили Ёекүдү, - насупившись

проговорила Медея. - Они подстрелили его, когда мы бежали по выгону.

- Знаю. Я почувствовал это.

- Я ничем не могла ему помочь.

- Знаю.

- Это было ужасно. Ведь это именно он показал мне отца. А я не смогла спасти его.

- Думаю, все произошло слишком быстро.

Бессоринцы - беспощадные убийцы.

- Мне показалось, что, упав, он звал на помощь. Я пыталась вернуться, но они были

повсюду.

- Все в порядке.

Она взяла с тумбочки стакан и выпила воды.

- Элина говорит, что они убили всех.

- Боюсь, это правда.

- Не только в Спаэтон-хаусе. Еще Дамочки.

Нейл. Уншабель.

- Кто-то очень постарался той ночью, -

кивнул я. - Но думаю, что могу тебя

Нелного

пораговать: Нейл жив, как и Фишиг.
Скоро

мы встретимся с ними.

Это сообщение заставило ее улыбнуться.

- Как Нейлу удалось ускользнуть?

- Не знаю. Он не вдавался в подробности.

Похоже, ему удалось что-то учуять и
покинуть Мессину до нападения. Мне не
терпится узнать, что же ему удалось
выяснить.

- Ты имеешь в виду, выяснить, кто стоит
за всем этим?

- А вот это, Медея, мне уже известно, -
подмигнул я.

Она широко распахнула глаза.

- И кто же?

- Скажу, как только мои подозрения

подтвердятся. Мне бы не хотелось
заставлять

тебя волноваться раньше времени.

- Это просто погло, - выругалась
Бетанкор.

- Я же теперь больше ни о чем другом не
смогу думать!

- Что ж, заодно увидим, к каким ты
придешь выводам.

Медея была посвящена в подробности

большей части моих операций, и я
подумал, что будет интересно
посмотреть, сможет ли

она самостоятельно прийти к каким-либо
выводам.

Резкий толчок сотряс вагоны один за

другим. Я ударился головой о стену и

проснулся. П слышались еще два громких

удара, а затем поезд остановился. Часы

показывали три, за окном стояла
непроглядная тьма. По стеклам
барабанило
ледяное крошево.

Раньше состав останавливался плавно и
тихо. Не так, как в этот раз. Я включил
ночную лампу и взял Ожесточающую.

- Что случилось? - сонным голосом
спросил Эмос.

- Надеюсь, ничего.

В дверях показалась заспанная Элина.

- Вы это почувствовали? -

поинтересовалась неприкасаемая.

- Найди свой пистолет, - приказал я.

Я разбудил Крецию и велел всем
собраться

в купе Медеи. Бершильд казалась

взволнованной. Элина к тому времени

пришла в себя и проверяла обойму
пистолета. Я набросил на плечи накидку
Эмоса, чтобы скрыть свое вооружение.
- Оставайтесь здесь и будьте настороже, -
сказал я и вышел в коридор.

В соседних купе зашевелились пассажиры,
послышались приглушенные голоса. Время
от времени звенели кнопки вызова
проводника.

На служебном мониторе среди зеленых
огней загорелось несколько красных.

Откинув стеклянную крышку дисплея, я
приложил перстень к оптическому
сканеру.

Могущественные коды Инквизиции с
легкостью преодолели системы
безопасности

компании Трансконтинентальных

Перевозок, и я получил доступ к

центральной базе экспресса.

Небольшой экран ожил. Я запросил
расшифровку значения красных аварийных
огней.

Аварийный код 88, ключ 508 -

преднамеренная активация тормозных
механизмов в вагонах с седьмого по
десятый, форсировавшая включение
основной
тормозной системы.

Аварийный код 521, ключ 6911 -

несанкционированное вскрытие замка,
сдвиг

34, вагон восемь, нижний уровень.

Я поспешил по коридору к винтовой

лестнице. Из купе выглядывали
любопытные
лица.

- Нет причин для беспокойства! -

выкрикивал я, стараясь подражать
уверенному тону персонала и усиливая
свои
слова Волей.

Двери за моей спиной захлопывались одна
за другой.

В шестом вагоне-ресторане мне пришлось
спуститься на нижний уровень. Проходя
через седьмой, я увидел троих
сотрудников
поезда, спешащих по коридору к восьмому
вагону.

Там, на нижнем уровне, стоял
обжигающий холод, дул сильный ветер. Я
увидел, как шесть или семь механиков
ремонтной бригады, одетых в грязные
комбинезоны, зажгли сигнальные шашки и
выпрыгнули из открытой двери в ночь.
Еще

несколько человек сгрудились вокруг монитора.

- Пожалуйста, вернитесь в свое купе, сэр.

Все в порядке, - проговорил стюард, заметив

мое приближение.

- Похоже, возникла какая-то проблема?

- Просто вернитесь обратно, сэр. Номер вашего купе? Я распоряжусь, чтобы вам принесли выпить.

- Только что в последних вагонах сработали тормоза и кто-то взломал тридцать четвертую дверь, - сказал я.

- Откуда вы?... - удивленно заторгал стюард.

- Что происходит?

- Сэр, ради вашего спокойствия и комфорта, просто вернитесь...

Времени на споры не оставалось.

- Что происходит, Цнекс? - Я прочитал
его

и на латунной табличке и приправил
свои

слова легким касанием Воли.
Произнесение

имени всегда помогает усилить
ментальное

воздействие.

Он снова удивленно заморгал.

- В четырех последних вагонах

включились тормозные системы, что

привело к остановке состава, - быстро и

покорно ответил стюард.

- Кто-то дернул стоп-кран?

- Нет, сэр. У нас нет такой информации.
К

тому же все тормозные системы поезда

сработали бы одновременно. Мы полагаем, что причина в обледенении механизмов.

- Это могло привести к избирательному включению тормозов?

- Да, сэр.

- А что насчет двери?

- Она открылась сразу после того, как мы остановились. Старший стюард полагает, что

это сделал один из инженеров, чтобы проверить исправность тормозов. Вероятно, он забыл уведомить систему и...

- Значит, взлома не было?

- Дверь открыли изнутри. С помощью ключа. Влияние моего психического воздействия убывало, и к стюарду возвращался его шутливый тон. - Сэр, прямо

сейчас на линии работает ремонтная

бригада. Вам не о чем беспокоиться.

- Включая того инженера, который
открыл

дверь?

- Я уверен в этом, сэр.

- Узнайте! - приказал я, снова

воздействовав на него Волей.

Стюард оттолкнул озадаченных коллег и
занялся монитором.

- У кого есть доступ к ключам?

- Кто вы, черт побери, такой? - спросил
кто-то.

- Заинтересованный гражданин. - Мне

ничего не оставалось, как применить
Волю

ко всем присутствующим. - Итак, у кого
есть

ключи?

- У инженеров начиная со второго класса и

выше, а еще у стюардов первого класса и у сотрудников охраны, - запинаясь от острого

желания выложить мне все, произнес один из них.

- Сколько всего человек?

- Двадцать три.

- Их пересчитывали?

- Не знаю, - пожал плечами Унекс.

- Отойди! - приказал я и приложил перстень к сканеру монитора.

Численность персонала составляла восемьдесят четыре человека. Каждому из них был имплантирован подкожный датчик, чтобы бригадир поезда в любой момент мог

узнать, где находятся его люди. На дисплее

возник план состава, но экран был

настолько

крошечным, что мне пришлось

прокручивать изображение. Локомотивная

бригада отображалась красными
огоньками, инженеры - янтарными,
стюарды -

зелеными, а сотрудники охраны - синими.

Обслуживающий персонал - повара,

официанты и уборщики - розовым.

Красные и янтарные точки

сосредоточились в районе локомотива, а

синие и зеленые рассеялись по вагонам.

Верхний уровень девятого вагона, где

располагались комнаты персонала, был

полон розовых огней. Я увидел скопление

зеленых и синих курсоров на нижнем
уровне

восьмого вагона, около двери № 34. Это
были

люди, стоявшие сейчас возле меня.

В дополнительной графе светились
янтарные и синие огоньки, обозначающие
тех, кто покинул поезд; чтобы проверить
тормозную систему.

В девятом вагоне, среди розовых курсоров,
затесался один зеленый. Я запросил более
подробную информацию. Зеленый огонек
указывал на стюарда первого класса
Реберта

Оуинса. Он находился в своей комнате.

Экспресс совершил аварийную остановку, и
весь штат, кроме obsługi, рассеялся по
составу, чтобы контролировать порядок в
поезде. Кроме Оуинса.

- Оуинс - стюард первого класса. У него
должны быть ключи.

- Да, сэр, - кивнул Унекс.

- Почему же он не отправился по вагонам?

Охранники переглянулись.

- Когда вы в последний раз его видели?

- Он был сегодня на утренней вахте, -
сказал один из них.

- Я видел его в комнате отдыха,
обедающим после смены, - добавил другой.

- А с тех пор?

Оба покачали головами.

- Он должен был выйти еще в девять, -
сказал Унекс. - Я пойду проверю его.

Мне хотелось сказать «не надо». Ведь он
уже был мертв. Однако я подумал, что не
стоит пугать людей раньше времени.

- Сделайте это, Унекс.

Я снял вокс с ближайшего охранника. Он
даже не заметил этого.

- Идите в комнату Оуинса, а потом
расскажите мне, что нашли. Вокс-канал, -

я

подкрутил ручку ответчика, - шесть.

- Да, сэр.

Когда Унекс развернулся, чтобы уйти, я
дотронулся до его лба. Стюард угрожал.

Мой ментальный "лег" будет сохраняться
на

нем еще с полчаса, даже когда он
окажется

вне пределов моей досягаемости.

Унекс убежал.

Я посмотрел на дверь вагона. Она была
прикрыта, но огонек «не заперто» все еще
горел. На металлической подножке таяли
комья грязного снега.

- Сколько людей покинули состав? -
спросил я.

Один из стюардов сверился с монитором.

- Двадцать человек, сэр.

- А сколько вернулись с тех пор, как вы
здесь собрались?

- Ни одного, - разом ответили
собравшиеся.

Вессоринцы искали меня. Нас. Они узнали,
что мы находимся в поезде, и подсадили
своего человека в фонетте или Локастре.

Кого-то, кто втерся в доверие к Реберту

Оинсу, убил его и забрал ключи. Кого-то

разбирающегося в технике, сумевшего

остановить поезд, открыть дверь и
впустить

сообщников.

И они наверняка признали, какие купе мы
занимаем.

Вывхватив Ожесточающую, я побежал
обратно к третьему вагону по переходам

нижнего уровня. Должно быть, я выглядел нелепо, несясь по коридору поезда с саблей наперевес. Но купе были полны невинных имперских граждан, и я не остеливался воспользоваться пистолетом.

И пользоваться внутренней связью было рискованно. Поэтому я потянулся к своим попутчикам сознанием. Элина была неприкасаемой, я обращался к Эмосу, Креции и Меге.

- Готовьтесь. На подходе неприятности.

Сотрудники экспресса в ужасе отскакивали в стороны, вытаращив глаза на мой клинок.

- Забудьте! - используя Волю, приказывал я им, и, вмиг успокоившись, они отправлялись по своим делам.

Я добежал до четвертого вагона и уже собрался подниматься на верхний уровень, когда увидел стюарда, лежащего на лестнице

лицом вниз. Кто-то свернул ему шею.

Почти в тот же миг в моих наушниках раздался безумный крик Унекса:

- Он мертв! О Боже-Император! Он мертв!

Реберт мертв! Поднимайте тревогу!

Взвывала сигнализация, оранжевым затигали световые панели в стенах. Я увидел, что на мониторе в конце вагона зажегся третий красный огонек.

Прижав перстень к сканеру, я запросил информацию.

Аварийный код 946, ключ 2452 -

несанкционированное вскрытие замка, окно

146, третий вагон, верхний уровень.

Я перешагнул через труп стюарда и стал подниматься по лестнице.

В верхнем коридоре третьего вагона было еще холоднее, чем в восьмом. Морозный воздух и снег врывались внутрь через брешь

на месте последнего по левой стороне окна.

Вероятнее всего, его вырезали из рамы энергетическим мечом или газовой горелкой.

Пространство освещал тусклый свет дежурных ламп. Беспокойно тигающие аварийные огни лишь ухудшали видимость.

Продолжала реветь тревога.

Впереди прямо передо мной двигались едва различимые угловатые фигуры. Трое.

Из-за завывания бури и пронзительного воя аварийной сигнализации они не услышали, как я подошел.

Я прижался к облицованной деревянными панелями стене. Изголодавшаяся

Ожесточающая пульсировала в моей ладони.

Стало ясно, что эти трое защищены от ментального воздействия. Все они были облачены в боевую броню.

Один, по всей видимости главарь, тахнул остальным двигаться вперед. В его руках мелькнула угрожающая тень штурмовой винтовки.

Он приказал им идти к дверям наших купе.

Я шагнул вперед.

Главарь действовал профессионально. Он

оглянувшись, чтобы проверить тыл. У
свидетель

меня.

И тут весь ад вырвался на свободу.

Глава 14

ОЖЕСТОЧАЮЩАЯ ПРОТИВ
ЯНЫЧАРОВ

ЭТРИК, КЛИНОК К КЛИНКУ

ПОСЛЕОБЕДЕННАЯ ВЫПУСКА

В НОВОЙ ГЕВЕЕ

Двое наемников развернулись и открыли

огонь из примитивных крупнокалиберных

автоматов. И не только потому, что у
меня в

руках был клинок. Они прикончили бы

любого, пусть даже случайного свидетеля.

Они были профессиональными убийцами,
эти бессоринские янычары. Раз уж
обязались

закончить работу, завершить контракт,
то

любой, кто вставал на их пути,
превращался

в мишень.

Тот факт, что они использовали
автоматическое оружие, подтверждал их
принадлежность к племени вессоринцев.

Абсолютные прагматики военного
ремесла, они преследовали поезд на
продуваемом

всеми ветрами спидере и высаживались во
время снежной бури. В таких условиях
стандартное лазерное вооружение грозило
выйти из строя, его энергетические
батареи

могли не выдержать такого холода. Но
хорошо смазанные автоматы продолжали
исправно работать и при более низких

температурах.

Вессоринские янычары. В прошлый раз я сражался с ними, не зная, кто они такие.

Теперь их грозная репутация чуть не заставила меня застыть на месте.

Вессоринцы, сразу трое. Защищенные боевой

броней и стреляющие из тяжелых автоматов.

Честно говоря, я предпочел бы схлестнуться с

разъяренным касркином.

Но в моей лагони, ожившая и

внимательная, лежала Ожесточающая. В

течение некоторого времени я открыто пользовался своей Волей, благодаря чему

сабля набрала силу. Я провел хан фасл, движение, описывающее перевернутую

восьтерку, и первые три пули выскли

искры

из моего клинка. Затем стремительной серией последовали үве сар, үльсар и ұра вайла бей. Расплющенный свинец вновь отлетел в стену.

Следующая очередь затолотила по ковру и дверям куне. Послышались истошные вопли пассажиров.

Я перекатился и вскочил на ноги. Один из бессоринцев спрятался за углом. Полдюжины

пустых гильз разлетелось в тумане синего

дыма. Дуло его оружия светилось в сумраке, словно паяльная лампа. Наемников отличала

поразительная слаженность действий.

Если не считать того, что я уже находился

у него за спиной.

Автоматная очередь измочалила
деревянную панель вагона. С громким
звоном разлетелось оконное стекло. А
Ожесточающая сняла стрелку голову.
Второй бессоринец бросился вперед и
увидел, как тело его товарища
разваливается
на куски. Гротескная маска приглушила
яростный рев янычара.
Я ответил несколькими
последовательными ура гех, чтобы
отразить
размытые белые очертания летящих
пуль, и
провел уйн таги вайла, расколов ствол его
оружия. Таги перерубил противнику
предплечья, а затем последовал
смертельный вынаг эул цаер.

Две горячие красные струи били из
обрубков рук бессоринца и дытились в
морозном воздухе. Ожесточающая прошла
сквозь керамитовую броню, закрывавшую
грудь обреченного янычара, и рассекла
сердечную мышцу. Кровь почти мгновенно
затерзала на изрешеченных стенах вагона.
И вдруг, раньше чем я услышал грохот
очередного выстрела, пуля ударила меня в
челюсть и опрокинула на спину. Слава
Императору, она прошла по касательной и
лишь разорвала кожу на подбородке.
Третий

бессоринец уже навис надо мной,
передергивая затвор.

Все было как во сне. Холодный воздух
донес до меня запах гари, а в уши ударил
крик. Бессоринец махал руками, словно

атаковал рой жалящих насекомых. Дроны Креции порхали вокруг, беспрестанно терзая

его тело хирургическими скальпелями.

Затем дважды протрещало лазерное оружие. Наемник затолчал и в буквальном смысле мертвым грузом рухнул у моих ног.

С трудом подняв голову, я увидел в дверях кюне Элину Кои, грожащими руками сжимающую пистолет.

- Элина! - завопил я. - Выводи всех из кюне! Вытаскивай их в коридор и веди сюда!

- Но Медея... - начала было неприкасаемая.

- Выполнять!

Я подбежал к выбитому окну и бросился в

ледяную стужу. Ожесточающую мне
пришлось засунуть в ножны, и это ей не
понравилось. Мороз пробирал до самых
костей, а по всему телу молотили
твердые, словно камень, градины. Снаружи
вагон

почти полностью обледел. До сих пор не
понимаю, как мне удалось удержаться. Я
вцепился в ледяную корку. Пальцы тут же
онемели от холода.

Подтянувшись, я с невероятным трудом
вылез на крышу третьего вагона. Меня
обступила снежная чернота ночных
Аменат.

Из-за плотной метели вокруг ничего не
было

видно. Я едва сумел подняться на ноги.

Плоская крыша была гладкой, как каток.

Сделав всего лишь один шаг, я тут же

поскользнулся и повалился лицом вперед.

Глаза залепили хлопья снега, рот наполнился

кровью: я прикусил себе язык.

Боль подстегнула мою ярость.

Отплевываясь, я потащился дальше.

Впереди, едва различимые в черно-белом вихре, двигались люди - трое одетых в боевую броню вессоринцев на краю крыши.

Они устанавливали взрывное устройство направленного действия над купе, которое я

делил с Эмосом. На моих глазах окно разлетелось ураганом стекла и пламени.

Первый янычар стал спускаться вниз. Его товарищи, оставшиеся на крыше, удерживали веревку.

Я ринулся вперед. Вырвавшись из ножен, ожесточающая затрещала во влажном

воздухе. Картайский боевой клинок рассек канат и глубоко вонзился в крышу вагона. Убийца завонил и скрылся в снежном вихре.

Остальные действовали молниеносно.

Первый уже стаскивал с плеча автомат, когда

второй бросился на меня с голыми руками.

Таги вайла встретил его в воздухе, развалив

голову нападавшего на две половины, словно

зрелый плод гуттиса. Труп скатился с крыши.

Я поднял подрагивающую Ожесточающую.

Третий бессоринец попытался, целясь в меня

из автомата. Мы едва могли сохранить равновесие под ударами ураганного ветра.

Наемник выстрелил. Ульсар отбросил
пули

в темноту. Противник выстрелил снова и
поскользнулся. Меня спас только уйн
ульсар.

- Я - Грегор Эйзенхорн. Тот, за чью смерть
вам заплатили. А кто ты?

Он помедлил.

- Именоваться Этриком, носить знак
клансэра. Клан Сзобер.

- Клансэр Этрик. Я слышал о тебе. - Мне
приходилось перекрикивать шторм. -

Вамтеко Тарл упоминал твое имя.

- Тарл? Он был...

- Это он помог вам проникнуть в поезд?

Так я и думал. Я давно понял, что он идет
по

моему следу.

- Будь это так, твоя просто сдох бы.

- Да ну? Круто. Сдавайся.

- Ну за что.

- О-хо-хо. Может, тогда скажешь, не

Понтиус ли заплатил вашему клану за
эту

работу?

- Кто есть Понтиус?

- Значит, Хангжар. Хангжар Острый.

- Хватит.

Он выстрелил и бросился на меня,

затахиваясь энергетическим течом.

Ожесточающая снова спасла меня от пуль
и

ушла в убе сар, блокируя выпад
сверкающего

клинка. Два столба энергии сошлись и

протяжно загудели.

Этрик вновь попытался воспользоваться

автоматом.

Схватив

рукоять

Ожесточающей

обеими руками, я провел косой взмах и кончиком лезвия вспорол ствол оружия.

Клансэр отбросил искореженный автомат и

метнулся вперед. Короткий, но широкий фальшон[12] старинного образца вонзился в мягкие ткани моего правого плеча. Я взвыл

от боли.

Янычар не претинул воспользоваться полученным преимуществом и пошел в атаку. Мне пришлось отбить его выпад, проведя лехт сүф, а затем үльсарати отразить два более стремительных режущих удара.

Этрик был крупным сильным мужчиной.

Кроме того, у него было еще одно

преимущество - глиняные руки. Воины
Вессора почитали фехтование одним из
трех

основных боевых искусств, уделяя ему
столько же времени, сколько стрелковой
подготовке и рукопашному бою. Уже то,
что

Этрик умело орудовал старинным
энергетическим оружием,
характеризовало
его как профессионала.

Я же использовал неортодоксальную смесь
методик, которым обучался в течение
долгих

лет, но в основе ее лежала Эул Вайла
Скрай, или «гений остроты», древнее
боевое

искусство Картая.

Вступив в схватку на крыше

Трансатенатского экспресса, мы оба были

вынуждены импровизировать. Наши ноги
скользили по обледеневшему металлу, а
ураганный ветер грозил сбросить нас вниз.

Этрик продолжил атаковать, пытаясь
дотянуться до моего горла, и мне
пришлось

ответить вариацией на тему таги фех-
сар -

парировать его выпады, держа

Ожесточающую вертикально. Время от
времени мне удавалось провести фен улье
и

фен уйн. Моей целью были сердце, живот
и

правая рука противника.

Янычар защищался мастерски. Особенно
хорошо ему удавался скользящий взмах с
оттягом назад. Он отбивал каждый фен
бей, которым я старался отвести его
клинок вниз

и в сторону, чтобы пробить гарду.

Изобретательно аритмичные атаки

практически невозможно было
предугадать.

Я искренне восхищался его

профессионализмом.

Не потому ли Понтиус Гло нанял этих

вессоринцев? Ему, знатоку боевых техник
и

воинских доблестей, нужны были не просто

убийцы, но настоящие мастера своего
дела.

Вне всяких сомнений, приобретение услуг

Клансэра Этрика стало достойным

вложением денег.

Наемник наступал с невиданным

упорством. Мощными прямыми выпадами

он оттеснил меня к самому краю крыши.

Отступить мне было некуда. Один шаг

назад, и я мог рухнуть между вагонами. Я
не сводил

взгляда с вражеского меча, и у меня не
было

возможности обернуться, чтобы
перескочить

на соседнюю крышу. Стало ясно, что
Этрик

готовится к последней, решающей атаке.

Картайский путь меча учит, что перед
лицом смертельной опасности у воина

остается два выхода: либо постараться

заблокировать выпад, либо
спровоцировать

противника на преждевременную атаку.

Эту технику называют гез кул асф, что

означает «обузданный конь». Применяя ее,
следует вести себя так, будто вы имеете
дело

с неоседланной лошадью, которая

собирается броситься на вас вне зависимости

от того, что вы намереваетесь делать, и будто

ваш клинок - глинные вожжи, позволяющие использовать этот бросок в свою пользу.

Этрик приготовился атаковать, а я должен

был помешать ему.

Я провел эгн кұльсар, поднимая меч в обеих руках и орудуя им так, чтобы лишить

противника возможности ударить меня в верхнюю часть тела или сбоку. Ему не оставалось ничего другого, как пригнуться и

парировать выпад. Я вынуждал его сражаться

в непривычной для него манере. В такой неудобной позе он легко мог потерять

равновесие.

Этрик опустил одно плечо и взмахнул мечом от бедра. Мои "вожжи" определяли высоту и направление его удара. Противник

ринулся вперед. Вместо того чтобы поставить блок, я отступил в сторону, словно

танкариальский тореадор перед ауроксом.

Вложив в вынаг всю свою силу, наемник уже не мог остановиться.

Поскользнувшись, Этрик выплюнул проклятие и сделал

единственное, что оставалось, превратил

свое падение в прыжок.

Едва долетев до следующего вагона, он врезался в его стену грудью, но успел вцепиться в козырек руками и повис.

Неимоверным усилием выбросив вверх
фальшон, он вонзил снабженную коротким
шипом головку эфеса в металл крыши.
Тем

временем его ноги нащупали уступ на
шатком покрытии межвагонного
соединения.

Я поспешил воспользоваться
преимуществом. Однако не успел я
ступнуть и

шагу, как потерял равновесие, шлепнулся
на

спину и начал сползать вниз.

Перевернувшись на живот, я судорожно
искал, за что зацепиться. Этот маневр
стоил

мне Ожесточающей. Драгоценный клинок
полетел в темноту.

Шип на рукояти меча Этрика завизжал

по

металлу, когда тот подтянулся и влез на крышу четвертого вагона. Обернувшись, бессоринец злобеще растеялся. Он видел, что я нахожусь в ужасном положении.

Продолжая ухмыляться, он осторожно полез

по межвагонному соединению, чтобы прикончить меня. Еще два шага, и он окажется на расстоянии удара.

Я отпустил одну руку и стал судорожно шарить у себя за спиной. Этрик перебрался

на крышу третьего вагона и поднял меч.

Торжествующее выражение на его лице сменилось недоумением, когда янычар

установился на дуло моего автоматического пистолета.

Начинать бой на мечах, а заканчивать
его

огнестрельным оружием - это

противоречило всем благородным
правилам

Эул Байла Скрай. Картайским мастерам
было

бы за меня стыдно. Но к тому времени
мне

уже было наплевать на благородство.

Я выстрелил только один раз. Пуля

пробила грудь бессоринца, и он скатился с
крыши.

Только вернувшись в относительно
тепло

вагона, я почувствовал, насколько устал и

как сильно затерз. В коридоре верхнего

уровня толпились люди. Стюарды
проводжали

до смерти перепуганных пассажиров в

күне.

Инженеры озадаченно осматривали

изрешеченные выстрелами стены и
бросали

тревожные взгляды на трупы трех

вессоринцев. Элина яростно спорила с

кем-то из членов локомотивной бригады.

Мое внезапное появление через окно было

встречено криками. Представляю, как это

выглядело со стороны: покрытый ином и с

застывшей кровью на лице и плече.

Креция и Эмос растолкали зевак и

подбежали ко мне.

- Я в порядке.

- Дай мне посмотреть... Золотой Трон!
на

Вдохе произнесла Креция, поворачивая мою

голову, чтобы рассмотреть глубокую рану

на

погбородке.

- Не суетись.

- Тебе необходи...

- Не время. С Медеей все в порядке?

- Да, - вывалил Эмос.

- Никто не пострадал?

- На всех хватит и твоих ран, -

нахмурилась Креция.

- Бывало и хуже.

- Это точно, - согласился Эмос. - С ним
бывало и похуже.

Элина продолжала орать на бригадира
поезда, который в ответ кричал на нее.
Это

был высокий, стройный мужчина,
облаченный в униформу

Трансконтинентальных
сшитую

Перевозок,

из дородой парчи. На его голове

красовалась

здоровенная фуражка. Его преклонный

возраст выдавали заменяющие глаза, нос и

уши аугметические имплантаты -
довольно

примитивные устройства, заключенные в

корпус из черного металла. Скорее всего,
они

были изготовлены руками преданных

инженеров локомотива. Даже зубы у

бригадира были металлическими, а
строгое

лицо украшала эффектная белоснежная

борода. Звали его Аливандр Сако, и, как я

позднее выяснил, он управлял

Трансатенатским экспрессом уже в
течение

трехсот сорока семи годами

Аливандр и

сам походил на бородатый локомотив.

Я оттащил Элину в сторону.

- Я требую объяснений, - зарычал Сако.

Его голос вибрировал в механической
гортани. - Произвол! Ничего подобного на

борту Трансатенатского экспресса
никогда

не случалось. Это неслыханно,
недопустимо...

- Недопустимо? - эхом отозвался я.

- Вы несете ответственность за
случившееся? - спросил бригадир.

- Как ни печально признать, но это
именно так...

- Арестуйте его немедленно! - завопил
Сако. Вперед шагнули двое городских
охранников, вооруженных лазерными
пистолетами.

- Три трюпа здесь и три снаружи, -
спокойно произнес я, прямо глядя бригадиру
поезда в искусственные глаза и
демонстративно игнорируя охрану. - Все
они
защищены броней, все профессиональные
войки. Неужели вы захотите связываться с
таким человеком, как я? Думаете, это
хорошая мысль?

В коридоре воцарилась гнетущая тишина,
еще более холодная и пронзительная, чем
бывавший снаружи ледяной шторм. Все
взгляды были прикованы к нам. К ваяцелу
неудовольствию Сако, на нас глазели и
несколько не успевших убраться
пассажиров.

- Может быть, мы продолжим разговор
без
посторонних? - предложил я.

Мы вошли в одно из пустующих купе. Я откинул деревянную крышку встроенного в стену кодифера, переключил его в гололитический режим и прижал перстень к

сканеру. На небольшом столе возникли голограмма печати Инквизиции, удостоверяющие мою личность сведения и медленно вращающееся трехмерное изображение моей головы.

- Я инквизитор Грегор Эйзенхорн, Оргос Геликана.

Сако и его охранники молчали.

- Вы удовлетворены, или, может быть, мне

покрутить головой, чтобы вы мне поверили?

Бригадир поезда посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

- Простите, сэр. - Он был настолько ошарашен, что едва подбирал слова. - Чем Трансконтинентальные Перевозки могут быть полезны могущественному Оргосу?

- Что ж, сэр, для начала вы могли бы отдать приказ следовать дальше.

- Но...

Все это начинало мне надоедать.

- Я путешествовал инкогнито, сэр. Но теперь, когда мне пришлось представиться, я и вести себя буду, черт побери, соответственно! Этот поезд переходит под мое командование.

После того как инженеры привели в порядок тормозную систему, стюарды кое-как залатали дыры в корпусе, а

сотрудники службы безопасности поглотил

личным контролем обыскали весь состав вагона

предмет других "безбилетников", экспресс был готов продолжить путь.

Перед отправлением я закутался в теплую

форменную одежду и выбрался из вагона, чтобы подобрать Ожесточающую. Клинок капризно вибрировал в моих руках, словно возмущаясь тем, что я постелю оставить его

посреди снежной бури. А затем напоследок жалобно взвизгнул, когда я вкладывал его в ножны.

Мысленно попросив у него прощения, я направился к закоченевшим в снегу телам трех янычаров.

Поезд тронулся в пять часов и шел без остановок. Мы вырвались из ночи в уютный

заснеженный рассвет. Буря стихла. Сигнал

локомотив на пределе возможностей, пытаясь наверстать упущенное время.

Экспресс промчался по южной оконечности

Атлантического хребта и спустился по

холмистым предгорьям и скалистым

ледниковым полям. За окнами мелькали

унылые горные пастбища и каменистые

долины, потом вдали стал виден

непроходимый первозданный лес, и

наконец, показались первые крошечные

деревушки. Мы выехали на просторы

залитого утренним солнцем Южного плато.

У меня не было сил любоваться этими

прекрасными пейзажами. Войдя в купе, я тотчас же повалился на кровать. Креция присела возле меня. Сквозь полугрелу я успел почувствовать, как мне перевязали раны, а затем провалился в глубокий сон. Ожесточающая беспокойно грелась рядом. Я проспал несколько часов, а проснувшись, обнаружил, что экспресс все так же летит, не сбавляя скорости. Поэтому подсчетам, мы должны были прибыть в Новую Гевею к полуночи. Сако получил строгое указание никому не докладывать о наших приключениях. Вероятно, Понтиус снова попытается напасть на нас в Новой Гевее. Я сверился с картой маршрута и подумал о том, чтобы

приказать Сако совершить
незапланированную остановку на
дополнительной станции, в одном из
городков к северу от Новой Гевеи. Мы
могли

бы высадиться и нанять воздушный
транспорт, а поезд отправился бы дальше.

Но мой непритворный и внимательный
враг, скорее всего, ожидал подобного хода.
Я

решил, что будет куда безопаснее не
скрываясь прибыть к вокзалу одного из
главных городов планеты.

Я размышлял обо всем этом, лежа на
кровати, и слушал, как в соседнем купе
охлает

Медя. Через некоторое время она
появилась

в дверях, слабо улыбнулась и, прихватывая,

направи́лась ко мне. Я обрадовался тому, что

Бетанкор уже может ходить, но нахмурился, увидев, что она использует в качестве трости

ру́нный посох. Только ей могло прийти в голову проявить подобную непочтительность.

Кряхтя, Медея присела на край моей кровати.

- Скучать не приходится, верно?

- Ни секунды.

Она посмотрела на Крецию, мирно сонящую на соседней кушетке, и покачала головой.

- Доктор весь день не отходила от тебя, Грегор.

- Знаю.

- Она ведь больше, чем просто старый

gruz?

- Да, Медея.

- Опять эти твои тайны.

- Да.

- Ты никогда не рассказывал мне о ней.

- Я никому не рассказывал. Креция

Бершильд заслужила покой.

Медея посмотрела на меня в упор.

- А тебе не кажется, что и Грегор

Эйзенхорн заслужил покой? Ты можешь
быть

сколь угодно великим и ужасным

инквизитором и все такое прочее, но,
потому этого, ты - человек. У тебя же
есть

жизнь и кроме этой чертовой работы.

Я подумал над ее словами. И, к

сожалению, не смог с ними согласиться.

- Но теперь вы снова вместе. Ты и наш

добрый доктор.

- Я возродил дружбу, которую не имел права обрывать.

- Да, точно. Возродил. - Она сделала удивительно непристойный, но красноречивый жест.

Если бы я мог, то непременно бы улыбнулся.

- У тебя есть ко мне еще что-нибудь, или ты пришла только для того, чтобы развлекать меня своими вульгарными выходками?

- Да, есть еще кое-что. Что мы будем делать, когда доберется до места?

Новая Гевея представляла собой скопление пиратид-ульев, нависших над дельтой реки Санас, огни которых показались вдаль еще за час до прибытия

поезда.

Трансатенатский экспресс с грохотом и свистом вкатился в главный терминал вокзала за две минуты до полуночи. Я поспешил выйти одним из первых, прошел по просторному залу под аркой стеклянного

свода и направился к офису Гильдии Астронавтика, расположенному возле товарной станции.

Получив доступ к «Эгиде», я прочитал ответ Нейла. Он соглашался, что все это напоминает неприятности на Уичан, и проклинал имя Сагии. Еще он сообщал, что

будет ждать меня в полдень в «Салоне Энтилауля», баре, расположенном в четвертом ялье на шестидесятом уровне, и

что «Каукүс» уже готов к отлету.

Я устало простотрел сообщение и перевел взгляд на астронаута:

- Ответ из трех слов. «Шин Розы поднимается». Отправляйте.

На следующий день, за несколько минут до полудня, я зашел в «Салон Энтинауля». Стены прямоугольного помещения пересекали многочисленные переплетения алюминиевых труб. В размалеванные краской из баллончиков фанерные перекрытия были искусно вмонтированы цепочки ламп, мигающих в такт грохочущему

пунгу. Андеграунд. Заведение должно было казаться крутым и опасным, но все это оказалось подделкой. Клерки среднего уровня приходили сюда пообедать или

выпить после работы, а студенты
Администрация назначали любовные
свидания девушкам из
логостикаторов.

Здесь отмечались продвижения по службе
и

отставки, а также устраивались шумные
попойки по случаю дней рождения. Я бывал
в настоящих барах для твистов и слушал
подлинный пунг. Ничего общего.

Я закутался в накидку Эмоса, ниже
натянул капюшон и надел дыхательную
маску, позаимствованную в экспрессе. Мне
хотелось выглядеть как какой-нибудь
техноагент, пришедший пообедать, или
механик, ускользнувший с работы, чтобы
повидаться со своей девушкой.

В этот час народу в заведении почти не

было. Скучающий бармен полировал
бокалы

за узкой стойкой, а у двери в кухню
болтали

одетые в униформу официантки. Обе
держали свои стеклянные подносы словно
щиты арбитров.

С полдюжины посетителей сидели в
отдельных кабинках. Мое внимание
привлекла фигура, закутанная в глиняный
плащ. Человек в одиночестве склонился
над

стаканом, повернувшись спиной к двери.

Я присел за один из центральных
столиков. Подошла официантка. От нее
несло обскурой, а брови были подведены
так

высоко, что глаза казались неестественно
огромными.

- Что будете пить?

- Двойной зерновой танжерей во льду.

- Без проблем, - развернувшись, бросила девушка. Музыка не стихала ни на секунду.

Официантка вернулась довольно быстро, неся на подносе единственный стакан, сделанный из замороженного под высоким давлением льда. Девуца взяла стакан щипцами и поставила его передо мной.

- Сдачи не надо, - пробормотал я и подбросил монетку.

- Была бы то сдача. - Усмехнувшись, она ловко поймала монетку и засетила прочь, вихляя той частью своего тела, которой ей

вихлять определенно не стоило.

Я не притрагивался к напитку. Лед постепенно таял, и по столу начала растекаться маслянистая жидкость.

Человек, закутанный в плащ, поднялся и подошел ко мне.

- Шип Розы?

Я поднял глаза.

- Он самый.

Незнакомец сбросил плащ. Резкие черты лица, глинные прямые черные волосы, погвиденные глаза мерцали нефритом.

Ничего общего с Гарлоном Нейлом. Это была Марла Таррай.

Она села напротив, залпом опрокинула мою выпивку и слизнула капли со своих глинных пальцев.

- Мы знали, что рано или поздно доберется до вас.

- Догадываюсь. А кто это «мы»?

Остальные посетители бара поднялись и пересели за ближайшие к нам столики.

Марла Таррай щелкнула пальцами, и все
они

откинули полы одежды, демонстрируя
пистолеты. Она щелкнула снова, и оружие
исчезло.

- Значит, это западня?

- Конечно.

- И сообщения были не от Нейла?

- Очевидно.

- Вы взломали глоссию?

- Правда, ты умные?

Я откинулся на спинку стула.

- И как вам это удалось?

- Мистер Эйзенхорн, неужели вас это
интересует прямо сейчас?

- Почему бы и нет, - пожал я плечами. -

Особенно учитывая, что вы взяли меня
тепленьким. Вокруг эти проклятые

бессоринцы. Я утру, не успев подняться со стула. Так что и вреда причинить не смогу.

- Думаю, вы уже сами обо всем догадались,- сказала она, улыбаясь.

Я почувствовал, как ее мощное сознание пытается проникнуть в мой мозг.

- Ёкүда Вэнс.

- Верно, мистер Эйзенхорн. Ваш астронавт

оказался нам весьма полезен. У него правильные взгляды на жизнь. А янычары превосходят всех прочих в умении убеждать.

Вэнс отправлял вам сообщения, притворяясь

Нейлом. Он знал глоссию.

Она снова попыталась проникнуть в мое сознание.

- Вы используете защитные методики, - произнесла она, мрачненько.

- Конечно. Да и вы на моем месте поступили бы так же. Впрочем, должен признаться, я разочарован. Я надеялся, что

Понтиус сам придет сюда. В конце концов, это ведь западня. Последнее состояние

Эйзенхорна. Он мог бы проявить учтивость и

появиться здесь, чтобы посмотреть, как я умру.

- Понтиус занят другим делом, - бросила она и только потом поняла, что прокололась.

- Благодарю за подтверждение моих догадок, - спокойно кивнул я.

- Ублюдок! - зарычала Таррай. - Какая тебе

с этого польза? Ты уже покойник!

- Так и есть. Я уже покойник!

Она затерла в нерешительности, а янычары уже вскочили и повыхватывали оружие, не обращая внимания на визжащих официанток. Бармен нырнул под стойку.

Марла Таррай медленно протянула руку и содрала с моего лица дыхательную маску.

- Этрик? - Ее нефритовые глаза широко распахнулись.

- Да, - ответил я.

Нас разделяло около трех километров. Я сидел в снятой накануне комнате и обливался потом, концентрируя свою Волю и направляя ее через рунный посох в тело клансэра Этрика.

Таррай отпрыгнула, роняя стул.

- Проклятие! - завопила она.- Он раскүсил нас! Раскүсил! Но откүда он үзнал?

- Ёкүда мог прикидываться Нейлом, отправляя сообщения на глосси, но Вэнс не

знал того, что было известно Гарлону. Мы

сражались с Сагией на Лете Одиннадцатъ, а

не на Уичане, - произнес я, шевеля губами Этрика.

Марла Таррай выхватила плазменный пистолет и выстрелила Этрику в грудь.

Бессоринцы открыли огонь из автоматического оружия и лазерных карабинов.

Пока мою марионетку разрывало на части, я высвободил вихрь варпа, который уже

давно вызвал и үдерживал в своем

сознании.

Он вылился из растерзанного тела
Этрика

и загулял ураганом, уничтожая янычаров,
«Салон Энтипауля» и все вокруг в пределах
пятидесяти метров.

Тело Марлы Таррай распалось на атомы.
В

последние миллисекунды жизни ее
ментальные барьеры рухнули, и я получил
четкий отпечаток сознания
могущественного

псайкера. Не всего, конечно, но и этого
оказалось достаточно.

Достаточно, чтобы понять: я только что
уничтожил дочь Понтиуса Гло.

Глава 15

СВЯТИЛИЩЕ, КАТАРСИС И
ФИШИГ

ТЕХТ УИН САХ

ПРОМОДИ

Пятнадцать дней спустя мы были уже

далеко от Новой Гевеи, да и от самой

Гүдгүн

тоже. На какое-то время я избежал
козтей

Ханджара Острога.

Утром, перед встречей моей марионетки

с

Марлой Таррай, мы с Эмосом

зафрахтовали

легкий лихтер под названием «Дух

Уайстена» и к вечеру уже оставили

планету.

Через пять с половиной дней в

окрестностях

Кито мы встретились с «Уссином».

Мой старый груз, Тобиус Максилла,

эксцентричный владелец быстроходного

торгового сүгна «Иссин», без промедления откликнулся на кодовое слово глоссии «Санктүм». Ему пришлось прервать путешествие по Геликану, развернуться и взять курс на Гүдрүн. Тобиус никогда официально не привлекался к моим расследованиям, однако являлся давним и надежным союзником и неоднократно предоставлял свой корабль к моим услугам.

Он утверждал, что помогает мне из соображений финансовой выгоды и, кроме того, ради сохранения хороших отношений с имперской Инквизицией.

К слову сказать, я каждый раз лично проверял, чтобы Оргосы щедро вознаграждали его.

Однако я давно понял, что истинной
причиной, по которой он никогда не
отказывал мне, была страсть к
авантюрам, не
дававшая Максилле покоя. Участие в
таких
предприятиях давало ему возможность
пощекотать нервы и заняться более
опасным
делом, чем нелегальная торговля
предметами искусства и монотонные
путешествия по исхоженным маршрутам
Геликана.

Ни одному капитану я не доверял так, как
Тобиусу Максилле, и ни на одном судне я
не
чувствовал себя в большей безопасности.

Именно поэтому, когда у меня отняли все
и

приперли к стенке, я, не раздумывая, обратился к нему за помощью и спасением.

Кроме того, Максилла обладал поистине чудесными способностями поднимать настроение и боевой дух. Как раз с этим в моей команде были большие проблемы. Особенно после событий в Новой Гевее. И виноват в этом был я.

Поняв, что "Нейл" - не что иное, как очередная уловка Гло, я тотчас же начал обдумывать ответный ход.

Часть разделов Малус Кодициум касалась [создания «треллов»](#)^[13] - людей, которыми можно управлять ментально, точно тарионетками. Никогда раньше мне и в голову не приходило использовать это знание, настолько омерзительным оно мне казалось. Тем более, что в Кодициуме

говорилось, что для достижения
наилучшего

результата необходимо проводить
ритуалы

над свежим трупом. С другой стороны, к
этому можно было относиться как к
расширению моих псионических
способностей, вполне оправданному в
данной ситуации.

Я не собирался вдаваться в подробности
предстоящего мероприятия, но Медея,
Элина, Креция и Эмос поняли, что я
намереваюсь сотворить нечто из ряда вон
выходящее. Их опасения подтвердились,
когда я втащил тело Этрика в
апартаменты, которые мы арендовали в
четвертом улье.

Креция пробормотала что-то о
похищении

тел, а Медея молча ушла в свою комнату.

Когда на борту «Милашки» я сказал ей, что

мogu зайти слишком далеко, она восприняла

эти слова как шутку. Да и к моим делам с

Черубаэлет отнеслась весьма равнодушно.

Теперь она поняла, что знает недостаточно о

тайных уловках псайкеров.

Эмос старательно делал вид, что ничего не

замечает. Он ни разу не заговорил с Малус

Кодициум с тех пор, как увидел его в моем

кабинете. И не раз заверял, что доверяет мне.

Атмосфера в моей команде была напряженной.

Во время подготовки к проведению ритуала я запретил кому-либо входить в мою

комнату. Это тоже могло быть ошибкой.

Кроме Элины, невосприимчивой к ментальным воздействиям, все мои соратники ощущали тревогу и психологический дискомфорт.

Кроме всего прочего, мне предстояло освоить навыки управления варп-вихрем, который я никогда прежде не использовал.

Новоиспеченного трелла необходимо было снабдить оружием, способным повергнуть моих хитроумных врагов. Оглядываясь назад, я задумываюсь: уж не сам ли Малус Кодициум заронил эту идею в мою душу. Мое оружие сработало. Преследователи были уничтожены. Но я сомневаюсь, что

остелюсь воспользоваться варп-вихрем
снова. Слишком тяжелыми оказались
последствия. Когда все закончилось, я
потерял сознание и моим грузьям
пришлось

взломать дверь, чтобы вытащить меня
из

комнаты и оказать мне помощь.

Представляю, насколько их поразило

увиденное. Выгоревший круг на полу,
жуткие

символы на стенах, медленно оседающие

психоплазменные хлопья. Думаю, тогда
они

впервые почувствовали: я пытаюсь

воспользоваться тем, что не могу
полностью

контролировать.

Возможно, они были правы.

Никто из них не захотел говорить об этом.

Эмос подобрал Малус Кодициум и незаметно

сунул его в карман. Позднее, на борту «Духа

Уайстена», он тайком возвратил его мне.

- Не хотелось бы касаться этого снова, -

сказал он. - И надеюсь, что больше никогда не увижу эту книгу.

Такая реакция меня просто обескуражила.

Всю свою жизнь Убер посвятил

приобретению знаний. В его случае это было

почти клинической потребностью. А теперь

он сам отвергал источник тайных знаний, аналогичных которому не было в этой

Галактике. Я полагал, что он единственный

смог бы оценить книгу по достоинству.

- Это ведь Малус Кодициум, верно?

- Да.

- Они не смогли найти его. Оргосы искали его на Фарнесс Бета, когда пал Квиксос, но

ничего не нашли.

- Верно.

- И произошло это потому, что ты забрал его и не сказал им.

- Да. Именно таким было мое решение.

- Ясно. Благодаря ему ты и научился контролировать демонхостов?

- Да.

- Ты разочаровал меня, Грегор.

Максилла, как всегда, играл роль радужного хозяина, и настроение моих сотрудников постепенно улучшалось. Он

встретил нас в главном швартовочном отсеке

"Иссина". Тобиус был великолен в своем
пестром сегриловом халате, синем
шелковом шейном платке, скрепленном
золотой фибулой в виде звезды, и

фиолетовой затшевой шапочке с
серебряной

кисточкой. На его добродушном,
набеленном

лице сияла улыбка, подведенные снизу
черным глаза смеялись, а платиновая
цепочка, протянутая от алмазной серьги
в

левом ухе к сапфировому гвоздику в носу,
тут же подрагивала.

Позади него застыли позолоченные
сервиторы, доставившие прямо в отсек
подносы с освежающими напитками. Он

поприветствовал нас, пофлиртовал с Медеей, а затем переключил все свое внимание на

незнакомых ему женщин - Крецию и Элину.

- Куда? - услышал я за спиной и обернулся.

Неудивительно, что это был первый вопрос, который он мне задал.

- Позволь мне воспользоваться услугами

твоего астронаута и начинай рассчитывать

курс к тому месту, где мы впервые

встретились.

Я отправил Фишигу сообщение на глосси, приказывая изменить маршрут, обойти

Гудрун и встретить меня в другой точке.

«Шип жаждет Гончюю, колыбель Гончей, в шесть». Бледный, словно мертвец,

безымянный навигатор Максиллы исполнил

свои замысловатые ритуалы, и «Уссин» с ревом ворвался в варн с такой скоростью, на

какую только был способен мощный двигатель этого судна.

Как обычно, я не мог расслабиться во время путешествия по адскому небытию Варна, поэтому уединился с Максиллой в его

каюте. Он был сам не свой до слепоты и, когда мы снова встречались, смаковал их по

нескольку часов, пытаясь наверстать упущенное время. Учитывая, что

окружавший его экипаж состоял в основном

из сервиторов, он испытывал недостаток общения.

Я с нетерпением ждал этого разговора.

Мне никогда не приходилось изливать эту
душу, но теперь я почувствовал, что
Максилла - единственный человек в
Умперуэте, который сможет выслушать
и
полностью понять меня. Или, по крайней
мере, не станет меня осуждать.
Максилла
был канером. И не пытался этого
скрывать.
Всю свою жизнь он занимался тем, что
искал
и находил лазейки в законах, правилах и
инструкциях. Думаю, мне действительно
хотелось знать, как он ко мне относится.
Его каюта располагалась рядом с
капитанским мостиком. Просторное
помещение с полуэтажом, где стоял
огромный обеденный стол и

полированного

дюросплава, за которым мы так часто
трапезничали все вместе. Потолок в этой
части каюты представлял собой купол,
закрытый защитными щитами. Они
раздвигались с помощью дистанционного
пультa, открывая взору панораму
звездного

неба. На полэтаж - широкий зал с
империальным полом - вела изогнутая
балюстрада из древесины тифы. Как
уверял

Максилла, этот трофей был захвачен на
двадцатимачтовом солнечном паруснике
на

Наутилии. Между кристеле-
фантинowymi

колоннами стояли скульптуры и бюсты,
стены украшали живописные и

голомитические картины. Вокруг

Некоторых

особо ценных экспонатов мягко терцали
стазис-поля, другие поддерживали в
воздухе

невидимые лучи репульсоров.

На полу лежал изящный, узорный

олитарийский ковер, вокруг которого была
расставлена элегантная антикварная
мебель

- несколько кушеток и кресел с

подлокотниками в форме свитков,

обтянутых светотканью с Сампанеса.
Один

только этот ковер стоил целое
состояние.

Под куполом потолка сияли шесть

потрясающе красивых люстр, созданных

стекольщиками Витри. Каждый
светильник

поддерживался отдельным

антигравитационным устройством в
форме

блюда.

Я сел на кушетку и принял протянутый
Максиллой пухлый бокал с амасеком.

- Ты похож на человека, которому
необходимо снять груз со своей души, -
произнес Тобиус, устраиваясь напротив.

- А что, это так заметно?

- Нет, боюсь, все гораздо сложнее.

Последние несколько месяцев меня
одолевает ужасная скука. Я уже начал
мечтать о приключениях. Когда ты,
единственный, кто угрожается постоянно
влипать в самые рискованные и опасные
предприятия, наконец-то прислал мне
сообщение, я воспринял духом.

Он вставил папиросу со лху в глиняный серебряный тунгштук, прикурил, слегка щелкнув своим смертоносным перстнем, и откинулся на спинку кресла. Выдыхая ароматный дым, он принялся неспешно раскручивать атасек в бокале.

- Ну... - Я действительно не знал, с чего начать. Максилла со вздохом поставил бокал

на столик и, словно факир, взмахнул палочкой дистанционного управления.

Воздух в каюте сгустился, звуки стали казаться несколько приглушенными.

- Можешь говорить свободно, - сказал он. -

Я активировал защитное поле.

- На самом деле я просто не знаю, с чего начать.

- Грегор, мне постоянно приходится

прокладывать курсы и просчитывать маршруты. Исходя из своего опыта, могу сказать: начинать нужно всегда...

- С начала? Знаю.

Я решил изложить ему свою историю в общих чертах. Но вскоре понял, что мне не

обойтись без подробностей. Дюрер. Туринг.

Баталии с «Крүор Вүльтот» и Черүбаэлем.

Покрытое белилами лицо Тобиүса сделалось

по-клоунски трагичным, когда я рассказал ему о Елизавете. Он всегда питал к ней слабость.

Мне приходилось возвращаться в далекое прошлое, объяснять появление Черүбаэля, описывать события на Фарнесс Бета и сражение с Квиксосом, что в свою очередь

потребовало упоминания о миссии на
Синшаре. Я рассказал о нападении на
Спаэтон-хаус и нашем отчаянном бегстве
через всю Гүдрүн. Я перечислил список
убийств, произошедших в субсекторе.
Тобиус

был знаком с Гарлоном Нейлом и Натаном
Уншабелем, не говоря уже об остальных
членах моей команды. Моя повесть о
месте

Понтиуса Гло стала унылым перечнем
плохих новостей.

Начав, я уже не мог остановиться и не
скрывал ничего. Наконец признаться во
всем

и скинуть с себя этот груз было
облегчением.

Я рассказал о Малус Кодициум и о том, в
какой опасности оказался, храня его.

Поведал о том, что создавал демонхостов.

И

треллов. И вихри варна. Откровенно

признался в сделке, которую заключил с

Гло

на Синшаре.

- Тобиус, все мои союзники - моя семья,

если хочешь - все, кроме тебя, Фишига и

той

горстки, которая вошла вместе со мной

на

борт, погибли из-за того, что я натворил

на

Синшаре. Утерли... конечно, я не делал

точных подсчетов... две сотни верных слуг

Илпериута. Двести человек, посвятивших

себя моему делу, в твердой уверенности,

что

я хорошо выполняю свою работу... Уже и не

говорю о людях, подобных Полу Расси,

Дуклану Хаару и бедному недоумку
Вервеку, которые пали во время
прелюдии к этой

кровавой бане. Или о магосе Буре, должно
быть, убитом Гло во время побега.

- Грегор, разрешишь кое-что уточнить? -
спросил Максилла.

- Всенепременно.

- Ты сказал, что это твое дело. Что они
посвятили себя твоему делу. Не кажется
ли

тебе, что это несколько самонадеянно?

- О чем ты?

- Ты ведь искренне веришь, что служишь
Императору?

- Ну конечно же.

- Значит, они пали, служа Императору.

Они погибли во имя его дела. И ни один

гражданин Империи не смеет просить о

большем.

- Не думаю, что ты меня внимательно слушал, Максилла...

Он поднялся с кресла.

- Нет, инквизитор, мне кажется, это ты не

слушал. Причем ты не слышишь даже самого

себя. Обращаю на это твое внимание. Грегор, ты отказываешься замечать очевидные

вещи.

Он пересек зал и остановился, подняв

взгляд на гололитический портрет, изображающий имперского воина. Картина была очень древней. Мне не хотелось даже думать о том, где Тобиус достал ее.

- Знаешь, кто это?

- Нет.

- Магистр Войны Терфеук. Командовал имперскими войсками в сражениях при Пацификусе почти пятьдесят столетий назад.

Теперь это уже сегодняя история. Большинство

из нас даже не смогут сказать, в чем были причины той проклятой войны. Во время битвы за Короссу Терфеук бросил в бой четыре миллиона имперских гвардейцев.

Четыре миллиона, Грегор. Хвала Трону, подобные сражения уже в прошлом. Конечно

же, это была эпоха Высшего Империализма, эра легендарных Магистров Войны, кюльта

личности. Так или иначе, Терфеук добился

победы. Даже его советники не верили в возможность взятия Короссы, но ему это удалось. Из тех четырех миллионов

вернулись живыми только девяносто тысяч. -

Максилла обернулся и посмотрел на меня.

И ты знаешь, что он сказал? Терфеук?

Знаешь, что он сказал об ужасной цене своей

победы?

Я покачал головой.

- Он сказал, что для него было величайшей честью столь хорошо послужить Императору.

- Даг за него.

- Грегор, ты не понимаешь. Терфеук не был мясником. Он не жаждал славы. Но всем

теркам, он был гутанен и любим своими людьми за честность и щедрость. Но когда

пришло время, он ни на мгновение не

пожалел о цене службы Императору и
защиты Империи от извечных врагов.

Максилла снова сел на место.

- Мне кажется, это все, в чем ты
виноват.

Тебе приходилось принимать трудные
решения, чтобы как можно лучше
служить

Императору там, где остальные могли бы
оказаться недостаточно сильны и
потерпели

бы поражение. Ты вынужден исполнять
свой

долг и принимать последствия. Я уверен,
что

наш дорогой Терфеук мучился от

бессонницы еще много лет после Короссы.

Но он справлялся с этой болью. И не
сожалел

ни о чем.

- Вести людей в битву - это не то же самое, что и...

- Различия несущественны. Имперский социум - вот твое поле битвы. Люди, которых

ты потерял, были твоими солдатами. А солдаты - это только военные ресурсы. Они

существуют, чтобы их использовали. У

использовал эти ресурсы, чтобы побеждать в

своих сражениях. Кстати о книге, про которую ты говорил. Этот демонхост. Мне он

показался обворожительным. Хотелось бы встретиться с этим парнем.

- Уверяю, тебе бы это не понравилось. К тому же это «тварь», а не «парень».

Максилла пожал плечами.

- Думаю, ты хотел поговорить со мной об этом потому, что надеялся найти во мне сочувствующего слушателя. Ведь я старый

разбойник и все такое прочее... - Он глубоко

затянулся и выдержал паузу. Клянусь, в моменты я начинал думать, что Тобиус читает мои мысли. - Позволь мне кое-что сказать, Грегор. Я люблю тебя как брата, но

мы совершенно разные. Я - канер. Изрок.

Лжец. Подонок. Мои недостатки слишком очевидны и многочисленны, чтобы их перечислять. Я не ищу лазейки в правилах; я

просто нарушаю их. Ломаю. Разрушаю.

Любым доступным способом в любое удобное время. В этом ты отчасти

родственные души. Ты ведь обходишь
правила Императора и Инквизиции. Без
сомнений, ты тот, кого они называют
радикалом. Но этим наше сходство
ограничивается. Я нарушаю правила ради
собственной выгоды. Чтобы заполучить
желаемое, преумножить свои богатства и
поднять свой статус. Чтобы сделать
жизнь

лучше для себя. Себя. И только для себя. А
вот ты поступаешь так не ради
собственного

блага. Ты делаешь это ради системы, в
которую веришь, и Бога-Императора,
которому поклоняешься. И, проклятие, это
означает, что твоя совесть может быть
чиста.

Меня поразила страстность его речи.

Кроме того, меня ошеломило его указание

которого никто ранее не осмеливался
сделать, - на то, что я стал радикалом.
Когда

же это произошло? Мои поступки,
возможно, были радикальными, но
становился ли я

таковым по сути?

В той роскошно обставленной каюте я
понял, что Максилла попал в самую
точку, озвучив отвергаемую мной истину.
Я

изменился, сам не признавая в себе этих
изменений. Моя благодарность Тобиусу
Максилле за это болезненное осознание
будет вечной. Я даже почувствовал себя
лучше.

- Полагаю, ты не можешь обратиться за
помощью к своему начальству?

- Нет, - ответил я, все еще пытаясь
прийти

в себя от сказанного Максиллой.

- В противном случае тебе придется
рассказать им то, о чем им, по твоему
мнению, знать не следует?

- Конечно. Чтобы получить какую-либо
официальную помощь, мне пришлось бы
составить подробный отчет. А он
развалится

при самой поверхностной проверке, если в
нем не будет упоминания о Кодицилле и
Черубазле. Во имя Трона, это еще не
полный

список! Я ведь скрыл от них
существование

Понтиуса Гло. Что я мог бы им сказать?

«Понтиус Гло истребляет моих людей.
Откуда

он взялся, мой повелитель, мой Великий
Магистр? Ну, если честно, я знал о его
существовании в течение столетий, но
скрывал это от вас. А теперь он восстал и
беспокоит нас только потому, что я
подарил
ему тело».

Тобиус устехнулся:

- Твоя позиция ясна. Но что ты скажешь
фишигу? Наш любезный Годвин куда более
прямолинеен и непритирит.

- С фишигом я разберусь.

- Итак, каков будет твой следующий
шаг?

Ты, кажется, упоминал о некоем псайкере,
дочери Понтиуса. Ты ведь что-то увидел в
момент ее смерти?

Действительно, перед тем как Марлу
Таррай уничтожил варн-вихрь, ее

ментальный щит исчез. Полученная мной картина была далека от совершенства, но изобиловала информацией.

- Марла Таррай оказалась намного старше, чем выглядела или утверждала. Она была

незаконнорожденной дочерью Понтиуса и гувернантки с Гудрун, которую Гло взял с собой на Квентус Восьмой. Марла была рождена в двадцатом и от зачатия развращена воздействием носимого Понтиусом ожерелья. Более того, за прошедшие три сотни лет несколько известных еретиков избежали кары Инквизиции. Оказывается, все они были не кем иным, как Марлой Таррай в разных обликах. Теперь, когда она мертва, можно будет закрыть много дел.

- Понтиусу это не очень-то понравится.

- Догадываюсь. Теперь Гло еще сильнее, чем прежде, захочет убить меня мертвым.

Но, понимаешь ли, на самом деле они охотились за Малус Кодициум. Я убил это в

ее незащищенном сознании. Гло знал, что книга у Квиксоса, и догадывался, что, когда

тот погиб, она перешла ко мне. И Понтиус очень хочет ее заполучить.

- И ты знаешь почему?

- Я поймал образ бесплодного мира прямо перед тем, как Марла Таррай умерла.

Иссушенная скорлупа, где допотопные города лежат погребенными под слоем золы.

Гло что-то ищет там, и для этого ему

необходимо Малус Кодициум.

- Зачем?

- Понятия не имею.

- Где этот мир?

- Не знаю. В ее сознании было одно слово, название. Гюль. Но что оно означает или на

что указывает? Она погибла прежде, чем я

смог что-либо выяснить.

- Я сверюсь со своими картами и спрошу

навигатора. Кто знает? - Он погался вперед и

посмотрел на меня. - И еще о книге. Этот

Малус Кодициум. Могу я посмотреть на него?

- Зачем?

- Потому что я ценитель уникальных и дорогих предметов искусства.

Я вынул книгу из кармана и протянул ему.

Тобиус изучал ее с почтением, его лицо озарила улыбка.

- Смотреть особо не на что, но красива по своей сути. Благодарю за предоставленную

возможность подержать ее. - Он возвратил

мне книгу. - Поверить не могу, что собираюсь сказать это, - добавил он, - не кто-нибудь еще, а я! Но... на твоем месте я бы ее уничтожил.

- Думаю, ты прав. Скорее всего, я так и поступлю.

Я поставил на столик пустой бокал и направился к дверям. Максилла отключил защитное поле.

- Спасибо, что уделил мне время и за

гостеприимство, Тобиус. А теперь я, пожалуй, удалюсь к себе.

- Спокойных снов.

- Один последний вопрос. - Я был в

дверях. - Ты сказал, что нарушаешь правила, чтобы получить желаемое. Что не служишь

никому, кроме себя, и все твои поступки направлены только на получение собственной выгоды.

- Так я и сказал.

- Зачем же тогда ты помогаешь мне?

Он улыбнулся:

- Доброй ночи, Грегор.

Через четыре дня «Иссин» достиг Спеси, отдаленной планеты в Геликанском субсекторе, на которой в 240-м я впервые встретился с Фишигом, Биквин и Максиллой.

Отчасти можно сказать, что там же мы
впервые схлестнулись с Понтиусом Гло.
Круг

затыкался самым странным образом.

Я решил встретиться с Фишигом именно
на Снеси потому, что это место
показалось

мне самым удобным. Когда мы
познакомились, Годвин служил
исполнителем в местном подразделении
арбитров. Снесь была его родной планетой.

В течение одиннадцати из двадцати
девяти месяцев своего солярного года путь
Снеси пролегает слишком далеко от своей
звезды, и население вынуждено зимовать в
огромных криогенных гробницах, чтобы
пережить темноту и холод. Эту
нескончаемую зимнюю ночь называют

Бездействием. Я испытал всю «прелесть» этого сезона на себе во время первого визита.

Но на этот раз мы прибыли в начале Оттепели, промежуточного сезона между бездействием и Живительностью.

Гробницы опустели, и величественные города пробуждались под лучами бледного солнца. Население было увлечено неистовым

празднованием, сопровождавшимся обжорством, танцами и всевозможными излишествами. Торжества продолжались три

недели. Считалось, что они посвящены возрождению общества, но мне думалось, что смысл этого мероприятия коренится в

необходимости восстановления организма

после продолжительного криосна -

усиленная физическая активность и
обильное высококалорийное питание.

Для встречи с Фишигом я предложил
спуститься на поверхность отчасти по
той

причине, что Креция, Элина и Медея
смогли

бы немного развеяться на фестивале, да и

Максилла был всегда охоч до вечеринок.
Но

Фишиг ответил, что скоро сам прибывает
на

«Уссин». И через несколько часов появился
на личном шаттле.

Я почувствовал его напряжение сразу, как
он ступил на борт. Годвин был вежлив и,
казалось, обрадовался, увидев Медею,
Эмоса

и Максиллу. Но со мной едва перетолвился

парой слов. Я же сказал ему, что счастлив
видеть его живым и здоровым и рад, что
ему

удалось избежать атаки со стороны Гло.

- Гло, да? - протянул он.

Фишиг уже слышал об уничтожении
резиденции Дамочек и других наших баз.

- А я-то думал, кто это устроил...

- Нам надо поговорить, - сказал я.

- Да, - кивнул Гогвин. - Но не здесь.

Максилла предоставил нам свою каюту, и
я включил защитное поле.

- Гогвин, нет ничего такого, что стоило
бы

скрывать от остальных, - произнес я.

- Нет? Гло убил всех, кроме нас. И все
потому...

- Почему?

- Ты обязан был уничтожить это чудовище

еще много лет тому назад, Эйзенхорн. Или

хотя бы передать его Оргосам. О чем, черт

возьми, ты думал?

- О том же, о чем и теперь. Я считал это наилучшим выходом.

- Нейл? Уншабель? Бур? Сускова? Все проклятые Дамочки? Наилучший выход?!

- прошипел Гогвин ядовитым тоном.

- Да, Фишиг. И что-то я никогда не слышал, чтобы ты возражал.

- Возражать тебе? Да ты бы меня и не слушал!

- Конечно. Нечего было слушать. Ты хоть раз предлагал передать Гло Оргосам?

- Нет, - потупился Фишиг, - и все потому,
что твои рассуждения всегда казались мне

весьма логичными. Ты был так уверен в своей правоте!

- Это телко, Годвин,- пожал я плечами. -

Твои слова - словно кислый виноград. Я сам

знаю, что все пошло не так, как того хотелось

бы. И что я вижу? Мой старый друг тут же

решил, что во всем виноват я один! Да, я принимал трудные решения, которые казались мне правильными. Если бы ты когда-нибудь, хоть раз, возразил мне, я прислушался бы к твоему мнению.

- Ты слишком все упрощаешь, черт

побери, слишком. Я всегда был только твоим

преданнымansom. Исполнителем был, исполнителем и остался. Если бы я даже и

настаивал на уничтожении Гло, ты бы согласился, но сделал все по-своему.

- Неужели ты считаешь меня настолько глупичным? Из всех, кто может давать мне

советы, тебя я ценю больше прочих!

- Да ну? - Он бросил перчатки на кушетку и налил себе клублага. - А кто приказал

Бурю тайком стасерить тело для Гло? Кто

неожиданно для всех оказался экспертом по

призыванию демонов? Ты всегда

прикрываешься потрясающе

благочестивыми речами! Слушая тебя, все

мы благодарим звезды и самого Императора

за то, что нам посчастливилось работать под

твоим началом. Но ты лжец! Лицемер! А
может быть, и хуже!

- А ты слишком сильно погряз в
пуританском идеализме, что явно не идет
тебе на пользу... И мне тоже, - прошипел я.

Мне очень нужна твоя помощь, Говвин. Ты
один из тех немногих, кому я
действительно

доверяю, и один из редких людей, которые
обладают достаточно сильным духом,
чтобы

удержать меня от ошибок. И ты нужен
мне

сейчас, чтобы помочь уничтожить Гло.
Не

могу поверить, что ты вот так запросто
отвернешься от меня.

Он уставился на содержимое своего

бокала.

- Я не раз предупреждал тебя, что так и произойдет, если ты перешагнешь черту.
- Я не пересекал никакой черты. Но если тебе действительно так кажется - уходи.
- Покинь это судно и дай мне работать. Ты всегда сможешь рассчитывать на мою благодарность за свою службу. Только не думай, что я стану особенно горевать.
- Значит, вот как ты это видишь?
- Да.

Он колебался.

- Грегор, я отдал тебе свою жизнь.

Восхищался тобой. Мне всегда казалось, что ты был... прав.

- Ничего не изменилось. Я служу

Императору. Точно так же, как и ты.

Откинъ

свою злость, и мы стоим снова работать вместе.

- Дай мне подумать.

- Два дня, а потом мы покинем орбиту.

- Значит, два дня.

Очевидно, Гогвину не потребовалось так много времени.

Я как раз получил через астронавтический банк «Иссина» довольно очаровательное сообщение и отправился разыскивать Фишига. В просторном зале на средней палубе Максилла играл с Крецией Врезициг.

Было заметно, что старый ловелас проявляет

серьезную симпатию к доктору Бершильг.

Увидев меня, Креция тотчас же вскочила и

восторженно продемонстрировала
ошелотляющее платье из фунзи-шелка.

- Тобиус заставил своих сервиторов сшить
его для меня! Разве не великолепно?

- Великолепно, - согласился я.

- Грегор, бедняжке совершенно нечего
было надеть. Из вещей - только несколько
походных мешков. Это наименьшее из
того, что я могу сделать. Подожди, еще
увидишь

эпиншировое платье, которое они сейчас
вышивают для нее.

- Вы видели фишига? - спросил я.

Креция резко обернулась на Максиллу, и
наш хозяин внезапно погрузился в изучение
игровой доски.

- Что такое? - спросил я.

Креция взяла меня за руку и отвела к

обзорному экрану.

- Он ушел, Грегор.

- Ушел?

- Рано утром. Улетел на своем шаттле.

Ужасный человек.

- Он мой друг, Креция.

- Думаю, уже нет.

- Он что-нибудь сказал перед отъездом?

- Нет. Но крайней мере, не мне. С

Тобиусом он тоже быстро попрощался.

Фишиг не ложился допоздна, разговаривал с

Медеей и Эмосом.

- О чем?

- Не знаю. Меня не пригласили. Тобиус

провел для нас с Элиной экскурсию по

своему художественному собранию. У него

есть несколько экстраординарных ра...

- Они поговорили, а утром он просто улетел?

- Мне очень нравится Медея, но она, похоже, несколько беспечна. На ее месте я бы не стала рассказывать людям вроде Фишига о том, что ты делал в Новой Гевее.

- А она рассказала?

- Это всего лишь мои предположения. Но, думаю, она вполне могла это сделать.

Я отправил сервиторов за Эмосом и

Медеей. Те явились в мою каюту

практически одновременно. Оба, казалось, чувствовали себя неловко.

- Ну?

- Что «ну»? - резко бросила Медея.

- Что, черт возьми, вы ему сказали?

Она отвела взгляд. Эмос начал теревить полу своей накидки.

- Грегор, я просто старалась помочь ему понять. То, что ты делаешь... и что уже сделал. Если бы он во всем разобрался, то смог бы посмотреть на произошедшее другими глазами.

- В самом деле? А тебе не приходило в голову, что он - пуританский сукин сын, готовый взорваться в любой момент? Каким

и был все это время?

- Я подумал, что единственным выходом было рассказать ему все откровенно, -

стесненно пробормотал Эмос.

Искренность

- наилучшая политика, Грегор.

Ветанкор что-то пробурчала себе под нос.

- Ох, могла бы уж сказать так, чтобы все слышали! - прорычал я.

- Искренность - наилучшая политика, -

произнесла Медея. - Мне это показалось
весьма забавным.

- О чем ты?

- Обо всем, о чем ты никогда не говорил
нам. Искренность, в которой ты нам
отказывал.

- Примечательно, что именно ты
говоришь об этом, Медея Бетанкор. Если
честно, то мне казалось, что я все тебе
рассказал. Всем делился. Клялся своими
тайнами.

- Да ладно... - Она отвела взгляд.

- О Трон, ты же все рассказала ему, да? О
Черубаэле, Кодициуме, Гло и обо всем
остальном!

В ее измученных глазах стояли слезы.

- Я думала, что он сможет понять, если
все

рассказать напрямую...

- Неудивительно, что он уехал, - сказал я, присаживаясь.

- Медея и я, - выступил вперед Эмос, - мы защищали тебя, пытались заставить его понять и увидеть все под другим углом. Нам казалось...

- Что?

- Нам казалось, он смог бы снова доверять тебе, узнав все.

- А мне казалось, что вы вдвое более благоразумны, - сказал я, покидая каюту.

В ангаре «Иссина» были припаркованы две грузовые гондолы, пузатый пинас, три стандартных шаттла и несколько небольших спидеров.

Я был занят раздачей приказов

сервиторам, которые уже готовили к вылету

двухместный спидер, когда появилась заплаканная Медея.

- Я сяду за штурвал, - сказала она, застегивая молнию летного комбинезона.

- Не стоит беспокоиться. Ты уже сделала достаточно.

- Но это моя работа, Грегор! Я - твой пилот!

- Забудь.

Я забрался в тесную кабину ярко-красного спидера, закрыл купол и включил единственную турбину.

Распахнулся пусковой люк, и я на полном ходу встретился к Снеси.

Я проследил его полет до Катарсиса, столицы Снеси. Осветительные ракеты и фейерверки фестиваля взлетали над

крытыми крышами мегаполиса.

Празднование было в полном разгаре.

Припарковав свой маленький спидер на
посадочном поле в костюпорте Катарсиса,
я

тут же влился в плотную реку скачущих,
поющих и кричащих горожан,
заполонивших

улицы. Все лица после недавнего криосна
имели землистый оттенок, все гуляки
были
пьяны.

В мои руки совали бутылки, а женщины и
мужчины бросались на меня с пьяными
объятиями и поцелуями. Меня толкали,
пихали, закидывали лепестками цветов и
конфетти. Запах криогенных хитикалий,
выходящих из тел вместе с потом,
заполнил
весь город.

На поиски Фишига ушел целый день.

Наконец, я нашел его на последнем этаже обветшавшего, но все еще проявляющего волю к жизни отеля, в номере с видом на Молитвенник.

- Убирайся, - сказал он, когда я открыл дверь.

- Говвин...

- Убирайся ко всем чертям! - завопил он и швырнул стопку в противоположную стену.

Фишиг был пьян, и это было на него непохоже, хотя к тому времени весь город находился в том же состоянии.

Фейерверк кашлял и свистел на площади под окнами.

Несколько долгих минут Фишиг буровил меня взглядом, а затем скрылся в ванной.

Он

вернулся, неся две стопки и поднос со льдом.

Я стоял в дверях и смотрел, как он медленно и осторожно готовит две порции

анисовой настойки со льдом.

Одну он поставил перед собой, а вторую напротив. Весьма дипломатичный жест.

Я сел и поднял стопку.

- За все, что мы прошли вместе.

Мы выпили. Я подогвинул ему стопку, и он налил еще. Передавая следующую

порцию, он впервые посмотрел мне в глаза.

Я рассматривал его старый шрам под

изуродованным глазом. Он уже был у него, когда мы познакомились. А потом взглянул

на светло-розовые отметины там, где его

лицо было восстановлено после нашего

столкновения с сарүти. Это случилось на пораженном варном мире недалеко от КСХ-1288.

- Я не собирался үдирать, - сказал он.

- А я так и не дүтаю. Когда это Гогвин фишиг үдирал без боя?

Он горько рассмеялся. Мы выпили по второму кругу, и он снова наполнил стопки.

- Что бы там ни говорила Медея, что бы ни

рассказал тебе Эмос, это правда. Но все не так, как тебе кажется.

- Да что ты?!

- Я не еретик, Гогвин.

- Разве?

- Возможно, я стал тем, кого ты назовешь радикалом. Но я не еретик.

- А разве не то же самое сказал бы еретик?

- Да. Думаю, что так. Если бы ты позволил

нашим сознаниям соприкоснуться, то увидел

бы...

- Благодарю покорно! - Он вздрогнул и со скрежетом отъехал на стуле назад.

- Ладно. - Я пригубил настойки. - Без тебя все будет по-другому.

- Знаю. Ты и я. Что нам все выродки Вселенной! Само Око Ужаса боялось нас!

- Да, точно.

- Мы могли бы все вернуть, - сказал он.

- Могли бы?

- Снова работать бок о бок, как в старые времена, и уничтожать темноту.

- Да, мы могли бы. Мне бы этого

хотелось.

- Именно, поэтому я и сожалею, что убежал вот так. Я должен был остаться.

- Да, - кивнул я.

- Я многим тебе обязан. Необходимо было проявить настойчивость. Ты еще не потерян.

Не до конца. Ты еще только начал соскальзывать.

- Соскальзывать?

- В яму. Яму радикализма. Яму, из которой

не возвращаются. Но я могу вытащить тебя.

- Вытащить меня?

- Да. Еще не слишком поздно.

- Не слишком поздно для чего, Годвин?

- Для спасения, - сказал он.

Снаружи бесновалась толпа. В вечернее

небо взмывали фейерверки, рассыпающиеся
огнями, похожими на новые звезды или на
светлячков.

- И что означает твое «спасение»? -
спросил я.

- Сдается мне, это и есть моя миссия.
Сам

Император свел нас. Я должен помочь
тебе, удержат от неправомерных
поступков. Это
судьба.

- Да? И что говорит тебе судьба?

- Отрекись от всего. От всего, Грегор.

Отдай мне Малус Кодициум, демонхоста,
рунный посох. Позволь мне отвезти тебя
на

Трациан во Дворец Инквизиции. Ты

примешь там епитимию. Я буду просить
за

тебя, умолять о снисхождении. Они не

бүдүт

слишком суровы к тебе. Вскоре ты снова вернешься в дело.

- Ты действительно думаешь, что после того, как сдашь меня Инквизиции, расскажешь им обо всех моих деяниях, они позволят мне продолжать работать?

- Они поймут!

- Фишиг, даже ты меня не понял!

Он разочарованно посмотрел на меня.

- Значит, ты не согласен?

- Думаю, что на этом месте мне придется

попрощаться. Я восхищаюсь твоей самоотверженностью, но меня невозможно спасти, Годвин.

- Можно!

- Нет, - покачал головой я. - И знаешь

почему? Я не нуждаюсь в спасении.

- Значит, и мне пора прощаться, - сказал он, наливая настойку.

- Помни о том, что ты делали вместе, - сказал я.

- Да.

Я затворил дверь и угадился.

Целых три часа я пробивался к посадочной площадке через плотные толпы гуляк. Я завел быстроходный красный спидер и отправился обратно к «Уссину».

Максилла, Креция, Элина, Эмос и Медея встречали меня в стыковочном ангаре.

Я вытащил из картана снятую копию астропатического сообщения, полученного накануне, и бросил листок Максилле.

- Мы покидает орбиту. Новое место назначения - Промоди.

- А что насчет фишига? - спросила Элина.

- Он не придет.

В картайской технике есть движение, называемое техт үйн сах. Если переводить

дословно, то оно описывает положение ног, но философия его куда более глубока. Оно

означает то мгновение в поединке, когда вы

получаете преимущество и начинаете

побеждать. Это поворотный момент, ось, где

разыгрываются жизнь и смерть. В этот миг

удача переходит на вашу сторону, и вы

понимаете, что победите, если

действительно постараетесь.

Я почувствовал, что незашифрованное

астронавтическое послание с Промоду было

эквивалентом техт үйн сах. Его

отправил мне

верный друг, которого я не видел уже очень давно.

В сообщении говорилось только
«Ханджар
должен быть остановлен».

Путь до Промодги занял десять недель.

Наконец, «Уссин» добрался до этого мира
джунглей, расположившегося на
вытянутом

погоде сектора Скарус, а если быть
точным, то субсектора Антимар.

На тот случай, если все это окажется
западней, я решил спуститься на
поверхность в одиночку на небольшом
красном спидере.

Они ожидали меня на склоне холма, на
опушке рощи пунцев - деревьев с
лясистыми, похожими на лопасти,

розовато-оранжевыми листьями. Во
влажном теплом вечернем воздухе
впитали
тропические ароматы и кружили
насекомые.

Я выбрался из окутанного клубами пара
спидера.

Мой старый ученик Гидеон Рейвенор
пролетел над лиственным холмом и
направился
прямо ко мне. Его поддерживало
гравикресло.

Слева от него шла Кара Свол. А справа -
Гарлон Нейл.

Глава 16

СПАСЕНИЕ С МЕССИНЫ
ПРОРОЧЕСТВО ГИДЕОНА
НИЧТО НЕ ВЕЧНО

Гарлон заключил меня в медвежьи

объятия, а Кара робко поцеловала в щеку, привстав на цыпочки. Я смотрел на них и не

верил своим глазам.

- У тебя хобби воскресать из мертвых? -

сказал я Гарлону. - И я просто счастлив, что в

этот раз все по-настоящему.

- О чем это ты? - нахмурился он.

- Потом объясню. Я отказываюсь говорить о чем-либо, пока вы не расскажете мне, как

такое возможно.

- Почему бы нам не отправиться в твой лагерь? - предложил Рейвенор.

Он повел нас по дорожке мимо пунцев, чьи тласистые оранжевые листья стыкались над нами, придавали свету золотистый оттенок. Блестящие крылатые ящерицы

порхали с ветки на ветку, а
полупрозрачные

насекомые, размерами с ладонь человека,
висели во влажном воздухе, словно
«парашютики» каких-то растений.

Травикресло Рейвенора с шипением
парило в нескольких сантиметрах над
землей. Его поддерживали сферические
поля, производимые медленно
вращающимся антигравитационным
обручем.

Мы спустились с холма и оказались на
берегу озера, заполненного желтой жижей.
Громадные папоротники, тростник и
волокуистые корни тропических деревьев
образовывали островки хэттоков [\[14\]](#).

перетежавшиеся скоплениями
огнеловатых
сиреневых или оранжевых зумай с

гигантскими листьями.

Над вязкой на вуд водой повисли

антигравитационные дорожки,
опиравшиеся

на несколько хэлмоков.

Лагерь Рейвенора был разбит на

гюросплавном плоту площадью в
двадцать

квадратных метров. Он поддерживался

зафиксированными на одной высоте,
вращающимися репульсорными

подъемниками. Сначала я подумал, что на

плоту установлена огромная палатка, но
по

характерному мерцанию понял, что
состоит

она из перекрывающих друг друга

непроницаемых силовых полей.

Отодвинув мембрану поля, образующую

дверь, мы вошли внутрь. В оснащенной
климат-контролем палатке было
прохладно.

Помещение освещалось шестью
напольными

светящимися шарами. Рядом с ними
стояли

походная разборная мебель и
металлические

контейнеры с каким-то оборудованием.

Экраны, ведущие в соседние помещения,
были затенены. Седой мужчина в
льняном

балахоне трудился за маленьким столом,
изучая что-то на переносном кодифере.

Пока Кара распаковывала еще три
раскладных стула, Гарлон принес бутылки
с

охлажденной фруктовой водой и несколько
герметичных пакетов с закуской. В это
время

из соседней комнаты появилась молодая женщина и стала тихо совещаться о чем-то с

мужчиной за коффером.

- А вы здесь заняты, как я погляжу? - произнес я.

- Да,- сказал Рейвенор.- Представляю, как это выглядит.

Я не понял, о чем он говорит, но переспрашивать не стал. Меня занимали совсем иные вещи.

Гарлон продавил большим пальцем крышку, протянул мне бутылку и уселся на складной стул.

- И все-таки, несмотря ни на что, мы еще живы. - Он звякнул бутылкой о мою, а Кара отсалютовала своей.

- Утак? - произнес я.

- Группа крепкозрых вырождков

погнавила Дамочек. А с ними и целый

шпиль. Многих поубивали,- начал Гарлон.

Он

пытался излагать только факты, но в его

голосе звучала еле сдерживаемая ярость.

- А вы?

- Нас спасла магат Биквин, - ответила

Кара.

- Что?!

- Когда мы доставили ее на Мессину, с ней

все было в порядке, состояние

стабилизировалось, - продолжала Кара. -

Оказавшись на месте, мы с комфортом

устроили ее в медицинском отсеке

резиденции Дамочек. Меня там

поставили на

ноги притерно за неделю. А потом
состояние мадам Биквин неожиданно
ухудшилось.

- У нее начались припадки, - прорычал

Гарлон. - Нечто действительно поганое,
пог

названием...

- Церебрально-васкулярная ишемия, - тихо
произнес Рейвенор.

- Наши медики оказались бессильны.

Поэтому мы постыжили переправить ее в

Главный Муниципальный Госпиталь
Сандус

Седар. Ей предстояла серьезная операция, -

произнесла Кара. - Мы знали, что тебе не
понравится, если мы оставим ее в

одиночестве, так что мы решили по
очереди

дежурить у ее кровати. Я стенила Нейла

и

той же ночью узнала, что на штаб-квартиру

Дамочек было совершено нападение.

- А я как раз взял воздушное такси и уже был на пути к шпилью одиннадцать, - закончил Гарлон.

- Значит, в ту злополучную ночь вас там не оказалось?

- Нет.

- То есть вы двое... и Елизавета... единственные, кто выжил?

- Повезло нам, верно? - трачно устехнулся Гарлон.

- Где она? - спросил я. - И как себя чувствует?

- В сознание она так и не приходила.

Подключена к системе жизнеобеспечения в лазарете на моем судне, - ответил Рейвенор.

- За ней ухаживает мой личный врач.

Я был знаком с доктором Антрибасом, медиком Гидеона. Биквин не могла оказаться

в более надежных и опытных руках.

Я снова посмотрел на Гарлона и Кару.

Можно было с уверенностью сказать, что бывший охотник за головами с Локи наслаждается, слушая подробности.

Вероятно, он репетировал свою речь в течение многих недель.

- Хорошо, продолжай.

- Мы залегли на дно. Я и Кара. Магат Би перевозить куда-либо было нельзя, так что

мы зарегистрировали ее по поддельным

документам, чтобы ее невозможно было
связать с тобой. А затем мы с Карой
отправились на охоту и выследили банду
налетчиков. Наймиты отдыхали посреди
нелегального поселения в предместье
возле
орбитального порта. Их было тридцать
человек. Вессоринские янычары, без
сомнения. Никогда прежде я не
сталкивался
с этой братией, хотя, конечно, был
наслышан
о них. Теперь могу сказать, эти ублюдки
умеют драться.

- Мне тоже довелось видеть их вблизи.
- Тогда ты понимаешь, что двое против
тридцати, даже с преимуществом, какое
дает
внезапность, - это не самый хороший

расклад. Крепкий орешек. Я погнался
трех...

- Двоих, - поправила его Кара. - Их было
двое.

- Ладно, двоих точно, еще одного -

предположительно. Кара, да благословит
ее

Император, сняла еще шестерых.

Бам-бам-бам!

- Нейл, ты сможешь рассказать все в

красках после того, как все закончится и
ты

отметим победу бутылочкой атасена.

Придерживайся сути.

- Это девиз моего рода, шеф, - устехнулся

Гарлон. - В общем, так получилось, что
ты с

Карой откусили больше, чем смогли

прожевать, и в итоге все кончилось тем,

что

нас загнали в угол на погрузочном поле
рядом с портом. Прижали к стенке.

Отступать было некуда. Самый момент,
чтобы поменять штанишки. И вот тут,
просто

как по мановению, - он щелкнул пальцами, -
пришло спасение.

Он перевел взгляд на инквизитора
Рейвенора.

- Я просто счастлив, что смог оказаться
полезным, - застенялся тот.

- Полезным? Да он со своей
ликвидационной бригадой награл ит
задницу! Насколько мне известно, из
наймитов живыми ушли не более восьми.
Запрыгнули в свое корыто и стылись с
планеты.

Я поставил пустую бутылку на
гюротплавленный пол и оперся локтями на
колени.

- Итак, Гидеон, - сказал я, - каким
образом, во имя Терры, ты сумел
оказаться
на Мессине в нужное время?

- Не сумел, - ответил он. - И появился
слишком поздно. Успей я добраться до
Мессины днем ранее, трагедию можно
было

бы предотвратить. Но мой корабль
задержал

варп-шторм, который, кроме всего
прочего, заглушал связь.

- Ты снова говоришь загадками, -

произнес я. - Неужто позволительно так
себя

вести со старым наставником?

В конце 330-х мой ученик Гидеон

Рейвенор состоял при мне дознавателем.
Он

оказался самым многообещающим

кандидатом в инквизиторы, какого я

когда-либо встречал. Латентный псайкер

уровня дельта с Р. Q.171, кроме всего

прочего, обладал атлетическим

телосложением и гениальным
интеллектом, отточенным прекрасным
образованием. Во

время трагических событий Священной

Новены на Трациане Примарис он серьезно

пострадал и с тех пор жил внутри
силового

кокона своего кресла. Блестящий
интеллект, заточенный в беспомощной
оболочке

парализованного тела.

Но это не помешало ему стать одним из

лучших агентов Инквизиции. Я лично способствовал его продвижению по службе вплоть до получения полного инквизиторского чина в 346-м.

С тех пор он успешно провел и раскрыл сотни дел, самыми известными из которых

были Осквернение Гомека и, конечно же, дело Кервана-Голмана на Саруме. Кроме того, он написал несколько важных научных

работ: знаменитые эссе «К Имперской утопии», «Упрек государству-улю» и

«Возвращение Терры: История ранней

Инквизиции», книгу по колдовству варна, ставшую первоисточником по данной теме, и труд под названием «Дымное Зерцало», где

описал взаимодействие человека с властью

варна со столь совершенным пониманием
и

поэтичностью, что, как мне кажется,
этот

шедевр будет существовать как
произведение искусства в той же мере,
что и
научная работа.

Рейвенор был почти неразличим за
тусклой сферой поля, окружающей его
кресло, - просто бесформенная тень,
повисшая в гудящем сумраке. Его тело
было

абсолютно беспомощным, и все, что он
делал, выполнялось одной только
ментальной силой. В болезни его сознание
окрепло, компенсируя все, что он потерял.
Я

уверен, что Гидеон к тому моменту
значительно превысил псайкерский

уровень

дельта.

- Моя деятельность в последние несколько лет потребовала от меня развития способностей к предсказанию и

пророчествам, - медленно произнес Гидеон.

- Мне кое-что... открылось. Нечто весьма важное.

Было ясно, что он с невероятной осторожностью подбирает слова. Словно и

хотел бы сказать больше, но не смеет. Я

решил, что надо уважать его осторожность и

позволить ему рассказать только то, что он

сам сочтет нужным.

- Одно из таких откровений - или

видений, если хочешь, - предсказало

трагическую судьбу Дамочек на Мессине.

Причем с точностью до часа. Но я не смог
добратся до места вовремя и
превратить
трагедию.

- Уничтожение Дамочек было
предсказано? - удивился я.

- С пугающей точностью, - ответил он.

Внезапно я понял, что слышу его голос,
причем именно тот самый голос, которым

Рейвенор говорил до получения своих
ужасающих увечий, голос, производимый
человеком, рот и гортань которого еще не
были расплавлены пылающим
прометеем.

Я уже привык к монотонности
синтезированной речи, издаваемой
псионически управляемым
вокс-транслятором в его кресле.

- Кроме того, я развил и улучшил свои психические способности, - сказал он, демонстрируя, что с легкостью может читать

мои поверхностные мысли. - Я перестал пользоваться вокс-транслятором примерно

год назад, научившись контролировать ментальные волны таким образом, чтобы передавать свою речь напрямую.

- Твой голос звучит в моей голове?

- Да, Грегор. Ты слышишь тот голос, к которому привык. Конечно, это не работает с

неприкасаемыми или людьми,

защищенными от ментальных воздействий...

поэтому я все еще держу старый

ВОКС-ТРАНСЛЯТОР НА ГОТОВЕ. -

Последние

слова он произнес механическим голосом, вырвавшимся из динамика, встроенного в его кресло. Скрежещущее, неестественное звучание заставило нас растеряться от неожиданности. - Хотя я и появился слишком поздно, чтобы спасти Дамочек, но

сумел вывезти Кару, Гарлона и Елизавету в безопасное место.

- Прими мою благодарность. Но почему ты

решил встретиться так далеко?

- Промодги хранит тайны, которые мы ищем,- сказал он.

- И что это за тайны?

- Мне позволили увидеть будущее, Грегор, - произнес Рейвенор. - И оно не слишком

привлекательно.

- Имперская цивилизация никогда не уделяла особого внимания пророчествам, - сказал Гидеон. - И я пришел к выводу, что это серьезная ошибка.

Мы прогуливались по антигравитационным дорожкам недалеко от

лагеря. На болота опустилась ночь. Во влажном воздухе танцевали биолуминесцентные насекомые.

- Ошибка? А не большая ли ошибка - относиться к ним слишком серьезно? Если мы станем верить разглагольствованиям всякой ничтожной базарной гадалки, каждого сумасшедшего пророка

Экклезиархии, утверждающего, что его посетило божественное откровение...

- Мы были бы безумцами, согласен.

Большая часть предсказаний - хлам, ложь, вредительство, заблуждения нездорового ума. Иногда откровения оказывались действительно пророческими, но обычных

озвучивали псайкеры, делавшие это случайно или в результате собственного безумия. К тому же видения оказывались либо невнятные, либо слишком запутанными, чтобы их можно было использовать практически. Человечество еще не

слишком сильно в этом, но такое вовсе не невозможно.

- Насколько я понимаю, другие расы преуспели в этом больше, - сказал я.

- Конечно, и у меня есть определенный опыт, - ответил он. - Служба в Орго

Ксенос

оказалась весьма полезной. Чем больше я изучал слабости иных рас, тем больше узнавал их сильные стороны.

- Мы ведь говорим об эльдарах, верно? -
рискнул спросить я.

Он ответил не сразу. Его последние слова были близки к ереси. Сфера силового поля вокруг его кресла начала беспокойно мерцать.

- Это странные существа. Они способны
читать незримую географию
пространства и
времени, распутывать переплетения
многих

вероятных событий с поразительной
точностью. И эльдары весьма активно
используют свои умения. Иногда они даже

могут изменить ход событий. А иногда -
спокойно смотрят, как сбываются
предсказания. Думаю, ни один живущий на
свете человек не сможет объяснить,
почему

эльдары совершают тот или иной выбор.
Мы

просто видим все совсем не так, как они.

- Они живут дольше и, соответственно,
видят дальше...

- Отчасти. Впрочем, ортодоксальная
доктрина гласит, что их дальновидность
является их проклятием. Министорум
верит, что эльдары чрезмерно покорны
судьбе. Что

они ленивы, почти бессердечны и слишком
жестоки в своих попытках
манипулировать
другими.

- А ты так не думаешь?

- Признаюсь только в личном восхищении
ими, Грегор, Они взаимодействуют с
фундаментальными структурами
Вселенной.

Как ты мог понять, любой талант к
жизни и

способности восприятия без помощи
физического тела привлекателен для
меня.

Моя работа... - Он затолчал.

- Гидеон?

- Мне захотелось хотя бы приблизиться к
пониманию того, как эльдары
воспринимают

действительность. Их ясновидцы,
например, обладают кинестетической
чувствительностью, работающей вне
зависимости от ограничений времени и
пространства...

Мы остановились на краю дорожки и
стали разглядывать затянутое туманом
болото. Светлячки и сияющие споры
растений парили в воздухе. Но временами
их

скопления разрывали внезапные налеты
крылатых ночных хищников.

Змееподобные

твари скользили по блестящей,
маслянистой

поверхности воды под висящими
дорожками.

- Я сказал слишком много,- пробормотал

Гидеон.

- Тебе не стоит осторожничать со мной.

Я

не стану осуждать тебя за то, что ты
искал

знания. Я уже не тот пуританин,
которого ты

когда-то знал.

- Понимаю. Я рассказал бы тебе больше, если бы мог. Но, для того чтобы изучить некоторые вещи, мне пришлось дать обещания.

- Эльдарат?

- Промолчу. Я не горжусь этими клятвами, но буду соблюдать их.

- Тогда что ты можешь поведать мне? Ты упомянул, что тебе было открыто будущее.

- Один из них предсказал великую тьму, угрожающую всем нам. Ее приближение оказалось настолько быстрым и жутким, что

исказило читаемое эльдаром переплетение

вероятностей. Она открылась ему последовательностью связанных видений.

Одним из них было уничтожение Дамочек.

Когда это случилось, я был потрясен.

Произошедшее доказывает, что провидцы не

ошибаются.

- Что еще он видел? - спросил я.

- Живой клинок, человек-машина,

восседающий на давно погибшем мире и

готовящийся нанести удар, который прольет

кровь и людей, и эльдаров, - сказал он. - А после... ничего.

Я обернулся.

- Ничего?

- Ничего. Эльдар не может видеть дальше.

Но времени только на шесть месяцев вперед.

Он сказал мне, что ему не удастся разглядеть

что-либо за пределами этого срока.

- Почему?

- Потому что там не осталось будущего,
на

которое можно было бы посмотреть.

Глава 17

ПСИХОАРХЕОЛОГИЯ

ГЮЛЬ

БАРК ДЕМОНА

Из рассказа Гидеона стало понятно, что
он

уже знаком с именем Ханджара Острога.
Но

не представляет, что за этим стоит.

- Стараясь выяснить, кто их нанял, мы с

Нейлом проследили за янычарами после

того, как они бежали с Мессины.
Отличная

конспирация. Вессоринцы предпринимают

все возможные меры, чтобы не выдать

личность своих хозяев. Ложные следы, платежи с поддельных счетов и через холдинговые компании. Но в конечном счете

нам удалось кое-что найти. Ханджар Острый.

- И что это имя значит для тебя?

- Ничего за исключением того, что оно принадлежит тому, кто заказал полномасштабное истребление всех твоих людей, и что оно постоянно появляется в видениях упомянутого мной ясновидца. Мы

полагаем, что Ханджар и человек-машина из

культинационного пророчества - одно и то же лицо.

- Ханджар Острый - это Понтиус Гло, - сказал я.

Тигеон был удивлен и пришел в
возбуждение. Пророчества ничего не
говорили о Понтиусе. Хангжару удалось
спрятать свою истинную сущность даже
от
эльдаров.

- Зачем ему преследовать тебя? - спросил
он.

- Безопасность. Я один из немногих, кто
знает, что он все еще существует. С
прискорбием должен признаться, что он
существует благодаря мне. Кроме того,
он
ищет кое-что, чем, на его взгляд, я
обладаю.

- И чем же?

У меня не оставалось другого выбора,
кроме как рассказать ему все. О своих
делах с

Гло, Марлой Таррай, о Малүс Кодициүт...

- Выходит, ты не шутил, когда говорил, что перестал быть тем пүританином, которого я когда-то знал, - сказал он.

- Шокирован?

- Нет, Грегор, совсем нет. Я дүмаю, что

радикализм неизбежен. Все мы становимся

радикалами, когда понимаем, что

необходимо как можно лучше изучить своего

врага, чтобы одолеть его. Настоящая угроза

исходит от ультрапүритан. Пүританство

пнится невежеством, а невежество - самая

большая опасность из всех. Не стоит дүмать, что пүть радикала бүдет легким.

В конечном

счете даже самый осторожный и

ответственный радикал будет поглощен
варпом. Но истинным мерилом станет
то, как много добра сможет принести
Императору этот человек прежде, чем его
затянет слишком глубоко.

- Есть еще кое-что. В сознании дочери
Понтияса я видел образ бесплодного мира,
очень похожий на тот, который, как ты
говоришь, возник в видениях эльдара. Мир
называется Гюль.

- Позволь мне разобраться в этом, - сказал
он и, развернув свое силовое кресло,
покатил
обратно к лагерю.

Рейвенор пригласил меня в этот
отдаленный мир джунглей, потому что
Промоди возникла в видении эльдара.

Ханджар Острый недавно побывал здесь,
возможно, всего за шесть недель до его

прибытия. И Гидеон натеревался узнать зачет.

Команда Рейвенора насчитывала примерно десяток человек - несколько техников, шесть астронавтов и археолог по

имени Кензер - сегой мужчина, которого я видел в палатке.

- Но на Промоди нет никаких руин, - заметил я Кензеру после того, как нас представили друг другу.

- Уже нет, сэр, - согласился археолог. - Но существует убедительная теория, что Промоди некогда был одним из нескольких миров, населенных древней культурой.

- Насколько древней?

Он нервно взглянул на меня.

- Дорассветной.

Цивилизация, существовавшая до
возвышения человечества. Это было
поразительно.

- Значит, эта убедительная теория, -
надавил я, - пришла от эльдаров?

Ему не хотелось отвечать на вопрос, но
той статус не оставлял ему выбора.

- Да, сэр. Но эта культура предшествует
даже им. И была мертва еще до того, как
они

вышли к звездам.

Техники Рейвенора с момента его
прибытия на Промоди проводили обзор
мира, используя помощь астронавов. Они
изучили поверхность и атмосферу
планеты в

поисках признаков визита Ханджара,
пытаясь отыскать следы приземления,
остаточные загрязнения от выхлопов

техники, отзвуки человеческих сознаний.

Теперь они были уверены, что лагерь, разбитый на болоте, расположен неподалеку

от того места, где Хангжар высаживался на

планету. Астронавты уже готовились к грандиозному аутосеансу, намного более масштабному, чем мне когда-либо доводилось осуществлять.

Гидеон позвал меня в свою палатку.

- Гюль - это название планеты, - сказал он.

- Мертвый мир из видений?

- Весьма вероятно.

- И где это?

- Мы не знаем.

- Кто это «мы»? Откуда эта информация?

Рейвенор вздохнул.

- Лорд провидец? - позвал он.

Один из внутренних экранов отошел в сторону, и из соседней комнаты появилась очень высокая фигура в глинном балахоне. Одевание было сшито из мерцающего синего

материала, сверкавшего, словно переливчатый шелк, но казалось более тяжелым и текучим. В воздухе повис странный, приторно сладкий аромат, напоминающий запах пережженного сахара.

Стало ясно, что мне никогда не увижу лицо, скрытое под капюшоном.

- Эйзенхорн, - произнесла фигура.

Это не было вопросом. Мелодичные звуки окрашивались странной интонацией, к повторению которой ни один человек не мог даже приблизиться.

- С кем илею честь? - осведомился я.

- Книга находится в его плаще. - Фигура обращалась к Рейвенору, демонстративно проигнорировав меня. - Прискорбно, что он так оскорбительно небрежно обращается с ней.

- Грегор?

Я извлек Малус Кодициум из кармана.

Фигура сделала охранительный жест рукой, затакнутой в перчатку.

- Боюсь, что с этим оскорблением твоему приятелю придется стириться, - сказал я. - Я

никогда не выпущу книгу из рук.

- Она осквернила его. Она тлеет в его крови. Она подчиняет его демонам.

- И, без сомнения, делает еще много всего прочего, - парировал я. - Но бросьте один

взгляв в мое сознание и попробуйте после
этого сказать, что я не стремлюсь
спасти всех
нас.

Я вызывающе убрал ментальную защиту,
и

хотя желание эльгара заглянуть в мое
сознание было очевидным, он к нему даже
не притронулся.

- Рейвенор поручился за вас, - через
несколько мгновений произнесла
закутанная

фигура. - Мне этого достаточно. Но
ближе не
подходите.

- Итак, как мне вас называть?

- У вас нет в этом необходимости, -
упрямо ответил эльгар.

- Прошу вас, - встрял Гидеон, явно

чувствуя себя неловко. - Грегор, ты можешь

обращаться к моему гостю «лорд провидец».

Господин, возможно, вы могли бы рассказать

Грегору о Гюль?

- В Первые Дни раса явилась из вихря и поселилась в этом пространстве. Семь миров

они сотворили, и наибольшим был Гюль.

Затем они ниспровержены были и не оставили следа.

- Из вихря? Значит, из варна? Вы говорите

о расе демонов?

Лорд провидец ничего не ответил.

- Вы говорите, что демоны однажды колонизировали семь миров в нашей

реальности?

- От войны бежали они. Король их был мертв, и шли они хоронить его. На могиле

его возвели первый город, а затем сотворили

вокруг еще шесть, дабы навеки почтить его

память.

- Гюль - могила короля демонов?

Ответа не последовало.

- В чем дело? Вы собираетесь отвечать только через раз? Гюль - это мизантропическая гробница?

Туда отправляется Гло? К могиле демона?

- Я не видел ответа, - сказал эльдар.

- Тогда попытайтесь предположить!

- Король демонов мертв. Ханджар не

имеет надежды возродить его.

- До тех пор, пока у него нет Малус Кодициум,- сказал я.

- Даже тогда не сможет.

- Тогда зачем? - рявкнул я.

- Традиционно, - вставил Гидеон, - по

крайней мере, в человеческой культуре, короля хоронят вместе с великими сокровищами и артефактами.

- Значит, что-то находится в этой гробнице. Нечто очень ценное. И Малус

Кодициум является единственным ключом.

Где находится Гюль?

- Мы не знаем, - сказал Рейвенор.

- А Гло знает?

- Думаю, именно за этим он и прилетал сюда.

Эльгар ретировался, и я вздохнул с облегчением.

Мне было непонятно, как Гидеон может выносить его присутствие.

Вокруг лагеря проводились

заключительные приготовления к

аутосеансу. Все люди Рейвенора, за

исключением Кензера и шести астронавтов, были отправлены на его корабль. Нейл и

Кара готовились к отлету на «Уссин».

- Сообщение от Максиллы, - доложил мне

Нейл. - Тебе пришло послание от Фишига.

- От Фишига? В самом деле?

- Кажется, он передумал. Говорит, что

сожалеет о том, что сцепился с тобой, и хочет

вернуться.

- Думаю, уже слишком поздно, Гарлон.

Нейл пожал плечами.

- Вот что я скажу, босс, прояви немного понимания. Ты же знаешь, насколько он бескомпромиссен. У него было время, чтобы

обо всем подумать. Дай ему шанс, позволь вернуться. Если то, что говорит Гидеон, окажется правдой, он может нам пригодиться.

- Нет. Позже, может быть. Не сейчас. Не думаю, что могу доверять ему.

- Вероятно, он думает то же самое о тебе, -

устехнулся Нейл. - Просто шучу! - добавил он, успокаивающе поднимая руки. - Удачи, - закончил он и отправился к шаттлу, где его

ожидала Кара Свол.

Ещё только начинало светать. Перед

отбытием техники раздвинули
антигравитационные пути, образовав
круглую дорожку, зависшую над болотом
диаметром в пятьдесят метров.

Астронавты

рассеялись по воздушным мосткам, в тени
густой растительности. Я стоял вместе
с

Тидеонот и Кензерот на одной из
центральных секций. Астронавты начали
бормотать, погружаясь в транс, и воздух
наполнился псионической энергией.

Вместо того чтобы сосредоточиться на
единственном объекте, как делали мы с
Цекудой, когда работали над безрукавкой
Мидаса, астронавты исследовали довольно
обширную область, взывая к ее
ментальным

следам. Холодное синее свечение начало

распространяться вокруг нас, борясь с
лучами восходящего солнца. Предметы
казались окутанными туманом, их
очертания

стали размытыми.

- Я что-то вижу...- прошептал Кензер.

Над поверхностью воды в центре круга
клубилось нечто напоминающее, облака.

Ничего отчетливого. Я почувствовал, как

Рейвенор, задействовав силу своего
сознания, пытается сделать изображение

более четким. Даже просто находясь
рядом, я

осознал, насколько возросла его
ментальная

мощь. Мой бывший ученик стал пугающе
силен.

Внезапно видение приобрело очертания.

Три фигуры пробирались по болоту по

колени в воде. Массивный огрин[15].

вооруженный бластером, сопровождал
крепкого мужчину, облаченного в бежевую
боевую броню, его лицо скрывала
дыхательная маска. Мужчина сканировал
местность с помощью переносного
ауспекса.

Движения третьего человека были
резкими и

казались угловатыми. С первого взгляда
можно было подумать, что на нем
накидка из

перьев. Но это были не перья. Лезвия.
Языки

полированного, отточенного металла. Из
них

и состояло бронированное одеяние. Под
ним

виднелось тело из сверкающего хрома,
дюрсплава и стали - механическая

гүтаноидная оболочка потрясающего
качества.

Не оставалось никаких сомнений в том,
что передо мной работа самого магоса

Гуарда Бүра. Последняя работа Гуарда
Бүра.

Это был Хангжар Острый. Человек-
машина,

«живой клинок» из видений эльгара.

Понтиус Гло.

Я разглядел его лицо. Лицо красивого

молодого человека с гривой курчавых
волос, но волосы эти не двигались, как не
менялась

и кривая ухмылка. Это была маска,
сработанная из золота, голова прекрасной
статуи. Я видел это лицо и прежде, в
старых

отчетах, описывавших Понтиуса Гло в его
лучшие годы.

Не прозвучало ни единого звука, но Гло явно что-то сказал человеку с ауспексом. Затем он обернулся и, казалось, обратился к кому-то или чему-то, чего мы не могли видеть.

Последовала долгая пауза, а потом огри шагнул назад, будто чем-то встревоженный.

Мужчина в бежевой броне перевел фокусировку ауспекса на короткий диапазон.

Гло застыл, словно на мгновение охваченный

страхом, а затем в восхищении сложил руки на груди.

- Я не могу видеть, что они делают... - сказал Кензер.

- Там не на что смотреть,
разочарованно

обронил Гидеон.

Он был прав. Какой-то размытый,
искаженный псионический образ. И не
более.

- Нет! - резко произнес я. - Мне кажется,
здесь что-то есть. Заставь своих
астронавтов

расширить область сеанса.

- Зачем? - спросил Гидеон.

- Просто сделай это.

Рейвенор отдал ментальный приказ, и
астронавты расширили поле аутосеанса. И
почти сразу же мы смогли различить
телные

фигуры, скрывавшиеся у края ментального
тиража.

- Псайкеры! - воскликнул Гидеон.

- Именно, - удовлетворенно отозвался я. -

Мы не можем видеть то, что они делают, ибо

они делают то же самое!

- Аутосеанс.

- Верно.

- Как ты догадался, Грегор?

- Мистер Кензер говорил, что на Протоги не осталось никаких древних руин. Гло должен был искать прошлое другими средствами.

- Но мы не можем увидеть то же, что и он...

- Возвратитесь, - произнес голос за нашими спинами.

Эльдар-провидец бесшумно присоединился к нам,

- Возвратитесь, - повторил он.

У астронавтов ушло несколько минут на то, чтобы успокоиться и заново воспроизвести

изображение. Но теперь я мог чувствовать, как их поддерживает ментальная мощь

эльдара.

Мы наблюдали, как сцена разыгрывается снова. Три фигуры приближались к нам так

же, как и прежде. Гло поговорил со своим исследователем, а затем обратился к псайкерат.

Мир изменился.

Джунгли исчезли. Вода испарилась.

Огромные скальные утесы затмили небо.

Теперь над нами возвышались гигантские каменные колонны. Мы видели то, что псайкеры позволили увидеть Гло.

Поверхность Промоги, какой она была во
времена, предшествовавшие эпохе
человека.

Давным-давно сгинувший циклопический
город, построенный из гладкого черного
камня, от которого остался только
псионический фантом.

- Боже-Император! - только и успел
прохрипеть Кензер, прежде чем упасть в
обморок.

Невероятных масштабов город
завораживал. Мы ощущали себя
пылинками

на улицах имперского улья. Я зачарованно
оглядывался вокруг. Теперь, когда огрин в
страхе отошел назад, а Гло застыл в
благоговении, я мог понять причину их
поведения. Гло в восхищении сложил руки,
а

человек рядом с ним начал изучать обширную часть призрачной стены с помощью ауспекса.

- Там есть какая-то надпись! - закричал Рейвенор.

Я прыгнул с дорожки и начал пробираться через маслянистую воду к изображениям Гло и его людей.

- Мы должны заполучить ее, пока все не исчезло! - проорал я.

Рейвенор в своем кресле рванул ко мне.

Записывающие устройства загудели, сохраняя образы. Надписи были начертаны на языке, которого я никогда прежде не встречал. Мне стало худо только от одного их

вида. Они не были линейны. Перекручиваясь

и выгибаясь, они образовывали спирали и

петли на поверхности массивной стены.

Я почувствовал головокружение. Гло

скакал и плясал словно сумасшедший в
своем

пошатывающемся, неуклюжем

механическом теле.

Свет вокруг нас начал мигать.

- Мы теряем его, - произнес Рейвенор.

- Скорее всего, время вышло... - сказал я, с
трудом прокладывая себе путь обратно к
дорожке.

Колоссальный город таял на глазах. А за
ним исчез Гло со своими компаньонами, и
синее свечение погасло.

Астронавты Рейвенора валялись с ног от
усталости. А эльгар стоял, склонив
голову.

- Что-то вроде карты?

- Это и была карта, - произнес эльдар. -

План семи миров. И на нем было обозначено

местоположение Гюль.

Понтиус Гло знал, куда направляется. Знал

уже несколько недель. И возможно, уже прибыл на место.

Рейвенор и лорд провидец размышляли над увиденным почти целый день. Учитывая

сидерический пересчет и приняв во внимание время, прошедшее с визита Гло, с

максимальной точностью можно было предположить, что мир, известный до эпохи

человека как Гюль, располагался в

неизученной системе 5213X, в трех тысячах

пути от границ Империи и в двадцати неделях пути от нашего нынешнего местонахождения.

Мы приготовились сняться с орбиты на следующую ночь. Рейвенор сказал мне, что

эльдар просил по пути доставить его к тайному месту, где он мог бы получить доступ к чему-то под названием «варп-тоннель». Гидеон почему-то был благодарен ему за это.

Мы договорились снова встретиться у Цегангы, в трех неделях пути от 5213Х, заключительной точки нашего маршрута.

- Сообщит Оргосам? - спросил Рейвенор.

- Нет. Ты помощь, которую они смогут нам

предоставить, сведут на нет препятствия, учиненные ими же. Я

подготавливаю полный

документированный отчет по всему, что
нам

известно, чтобы успеть передать его в
случае, если...

- Если - что?

- Если потерпим неудачу, - закончил я.

До отбытия с Промоды я собрался с

тужеством и нанес визит на судно
Рейвенора

«Потаенный свет», взяв с собой Крецию и

Гарлона Нейла. Доктор Антрибас
проводил

нас в палату корабельного лазарета, где в

тяжко мерцающем стазис-поле лежала

Елизавета.

Креция и Гарлон остановились возле

двери, ведущей в палату. Казалось,
Елизавета

просто спит. Ее кожа была бледна, как снег

высоких Атенат.

- Она жива? - спросил я у Антрибаса.

- Да, сэр.

- Я хочу сказать, без всех этих систем жизнеобеспечения, без стазис-поля?...

- Если мы их отключим, ее состояние может оставаться стабильным, но может и

ухудшиться. Тогда она медленно угаснет.

Прогноз сомнительный. У нее слишком серьезные травмы.

- Она поправится? - с надеждой спросил я.

- Нет, - ответил Антрибас, нервно взглянув

на меня. - Ее спасет только чудо. Она никогда не придет в сознание.

- Значит, все? Но она хоть что-то

чувствует?

- Кто может сказать, сэр? Она не испытывает боли. Полагаю, госпожа Биквин

видит бесконечный спокойный сон. Если вы считаете, что это плохо, мы можем отсоединить ее от этих машин и позволить природе взять свое.

Он отошел от кровати. Креция положила руку на мое плечо.

- Что будешь делать, Грегор? - спросила она.

- Я не стану выключать машины. Не сейчас. Сейчас все мои мысли занимает этот

ублюдок Гло. Решение я приму после. -

«Если, конечно, будет это "после"», -

подумалось мне. - Я хотел бы, чтобы ты и

Нейл оставались с ней. Позаботились о
Елизавете. Вы сделаете это?

- Конечно, - кивнула Креция.

Впервые она решила обратить внимание
на Елизавету Биквин.

- Вероятно, я прошу тебя слишком о
многом.

- Я врач и твой друг, Грегор. Так что ты
просишь не о многом.

Я направился к двери.

- Есть вероятность, что она слышит
тебя, -

тихо произнесла Креция.

- Ты так думаешь?

Доктор Бершильд пожала плечами и
улыбнулась.

- Не знаю. На это есть все шансы. А если
нет, какое это имеет значение?

- Значение?

- Скажи ей, Грегор. Сейчас, пока ты не ушел. Скажи ей, ради всего святого. Поступи

правильно, по крайней мере, с одной из нас.

Креция оставила меня наедине с

Елизаветой, и я присел возле ее кровати.

До сих пор для меня остается тайной, смогла ли она услышать и понять меня, но тогда я поведал ей обо всем, что должен был

рассказать еще много лет назад.

Я раскланялся с Рейвенором, пообещав

ждать его у Цеганды, на прощание поцеловал

Крецию и отправился к ангару «Потаенного

света», чтобы переправиться обратно на

«Уссин». Нейл пришел проводить меня. Мы

обменялись рукопожатиями.

- Пристатривай за Гидеоном, - сказал я.

Гарлон нахмурился.

- Ты не доверяешь ему? - спросил он.

- Доверяю всей душой. Но не его грузьям.

Когда «Иссин» отчалил с орбиты Промогиды, набрал скорость и направился к точке перехода в илматериум, рассчитанной навигатором Максиллы, я пошел искать Эмоса.

Он сидел в своей каюте, зарывшись в книги, позаимствованные из библиотеки Тобиуса.

- Вот кое-что, что может тебя заинтересовать, - произнес я, вручая ему груды планшетов и инфоблоков. Прежде чем

мы расстались, Рейвенор скопировал для

меня все, что ему было позволено, включая
пикт-файл, записанный камерами его
гравикресла.

- Гидеон пометил несколько ключевых
эпизодов, чтобы облегчить тебе задачу,
но

что действительно меня интересует,
так это

карта. Как мне сказал... компаньон...

Гидеона, на ней отмечено, кхм... по
крайней

мере, должно быть отмечено,

местоположение Гюль. Мне хотелось бы

узнать немного больше о буквальном

значении этого текста.

- Ты хочешь, чтобы я расшифровал язык
расы, которая была жертва задогго до
появления человека?

- Задача не из легких. Есть ещё

несколько

образцов аналогичного кода, полученных
Рейвенором на других участках планеты.

Даже не знаю... Сделай, что сможешь. Что
бы

ни удалось из этого извлечь, это может
нам

пригодиться.

Путешествие к Уезанге было не самым
длинным из тех, что мне когда-либо
приходилось предпринимать, но казалось
бесконечным. Меня одолевала тревога, я
не

находил себе места и с нетерпением ждал
прибытия. В моей голове постоянно
крутились мысли о том, что же все-таки
в

первую очередь ищет Гло и насколько
приблизилось предсказанное ясновидцем

«небытие».

Пытаясь отвлечься от тревожных мыслей, я медитировал или шугировал книги, обследуя библиотеку Максиллы в поисках

всего, что имело отношение к эльдарам и их

легендам. Кара все время проводила с

Медеей, пытаясь помочь ей восстановить

форму. К концу второй недели путешествия

мы все вместе тренировались в трюме

«Уссина». Иногда к нам присоединялась

Элина. Я был рад тому, что нас сопровождает

неприкасаемая. Кто знает, что ждет нас

впереди. Да и способности Гло не следовало

сбрасывать со счетов.

Если не считать Елизавету, а ее

действительно можно было не считать, Элина оставалась единственной выжившей сотрудницей Дамочек. А вот удастся ли мне

вновь создать такое подразделение, было большим вопросом.

Спустя три недели Эмос позвал меня в свою каюту, чтобы обсудить результаты изысканий. Меня обеспокоил уже тот факт, что Убер не стал распространяться о них за ужином.

Эмос сообщил мне, что добился некоторых успехов. Древняя культура, породившая Тюль, косвенно упоминалась в нескольких старинных источниках. Похоже, что первые

имперские исследователи изучили мифы о мертвой, предшествовавшей нам расе, контактируя с некоторыми

разновидностями

ксеносов. Впрочем, Убер предполагал, что часть ссылок может относиться к другим мертвым цивилизациям или к тем расам, которые давно мигрировали из нашей Вселенной.

Но кое-что нашлось. Раса Гюль обозначалась как «чужаки» или «пришлецы», потому что происходила не из нашей галактики. Само название «Гюль» нигде не упоминалось.

- В одной крохотной цивилизации, коей с Мутаса, есть легенда о так называемых ксол-ксонксой - демонах, которые правили однажды и еще вернутся. Слово переводится буквально как «те, что пришли из варна».

- Вполне подходит под итеющуюся
описание. Эльдар, похоже, был убежден,
что

этот народ представлял собой колонию
демонов из варна. Это была даже не раса в
чистом виде, а скорее некая совокупность,
армия, нация. Возможно, изгнанный король
демонов со своими последователями.

- Больше мне практически ничего не
удалось найти, только разрозненные
сведения. Я нигде не встречал упоминаний
об этой нации. Материал, записанный
Гидеоном во время аутоанализа, очень
странный. Мне бы хотелось
позаимствовать
твою книгу.

- Что?!

- Твою проклятую книгу. И
прилагательное я использую намеренно.

- Но ты же говорил, что не хочешь видеть ее снова, - напомнил я.

- Так и есть, Грегор. Меня бросает в дрожь

от одной мысли, что она находится на борту

этого судна. Но еще больше меня трясет от

мысли о том, куда мы направляется. Ты попросил меня выполнить эту работу. А

книга - единственный доступный

инструмент, который я еще не использовал.

Я достал из кармана Малус Кодициум и протянул Эмосу. Надо признаться, мне было

трудно расстаться с ним.

- Будь осторожен, - прошипел я.

- Мне известны инструкции по

безопасности, - сварливо произнес Убер. -

Ты уже давал мне изучать запретные тексты.

- Не такие.

С этого дня я стал присматривать за

Эмосом, регулярно навещать его и следить за

тем, чтобы он выходил к общему столу. Убер

все больше уставал и становился

раздражительным. Я хотел забрать книгу, но

он сказал, что почти закончил.

Мы были в неделе пути от Цеганды, когда

Эмос завершил свою работу.

- Результаты нельзя назвать полными, -

предупредил он, - но основное удалось разобрать.

Он казался еще более утомленным, чем

прежде, и немого принадал на левую ногу.

Его каюта была завалена книгами, бумагами, планшетами и листами с корявыми

записями, раскиданными по полу. Если ему не хватало бумаги, он продолжал писать на

поверхности стола и даже на стенах.

Убер Эмос справился с самой грандиозной работой, какую я когда-либо ему поручал. И

это дорого ему обошлось. Он повредил свое здоровье и, как я опасался, тронулся рассудком.

- Король демонов, - начал он, раскатывая глиняный свиток прямо поверх

захлапленного стола, - представленный здесь

вот этим иероглифом... - он указал своим

скрыченным пальцем, - и вот этим
тройным

символом здесь, звался Ё-й-й...

- Эмос?

- Ёссарил! - с невероятным трудом
выпалил Убер.

Позолоченные часы, стоявшие на столике
возле неубранной кровати, дважды
прозвонили без видимой причины.

- Да что с ними такое? - раздраженно
прорычал Эмос.

Его палец постукивал по бумаге, привлекая
мое внимание, а затем заскользил по
зтеящейся нагниси. Записи Убера, как я
понял, повторяли очертания
оригинального
текста.

- Вот, гляди. Была война. Король демонов

Ц-й...

- Давай будем называть его просто «король демонов».

- Король демонов вел грандиозную по своим масштабам войну с неким

противником. У меня последнего не получается, но, исходя из этого фрагмента, можно

предположить, что им был некто из тех, кого

мы предположительно называем четвертя

первичными силами Хаоса. Впрочем, тогда

их, кажется, было только трое. Интересно, почему?

На это мне нечего было ответить. Я задавался вопросом: как объяснил бы это ясновидец?

- Противника называют подлым

колдунот, - продолжал Эмос. - Я не пытаюсь

претендовать на то, что понимаю иерархию

варна, да и не хочу в ней разбираться, но если говорить простр, то Ё-й-проклятие!

Ўиссарил! Короче, он был военачальником, принцем... В общем, как его ни называй, он хотел занять место той самой первичной силы Хаоса.

Эмос развернул еще один потятый лист и стахнул с него карандашные опилки.

- Война продолжалась... миллиард лет. По крайней мере, как мы это понимаем. Король

демонов был побежден. Убит в прямом смысле этого слова. Его воинство в ужасе бежало и нашло убежище в материальной Вселенной. Нашей Вселенной. Здесь они

основали столицу и еще шесть дочерних колоний. На столичной планете Гюль был размещен мавзольею короля демонов, выстроенный вокруг его барка.

- Его барка?

- Предполагаю, что так они обозначают его судно. Слово по значению близкое к «колеснице» или «галере» в буквальном переводе. Думаю, это может быть ключевой

точкой. Барк был его военной машиной, кораблем, на котором он отправлялся в сражения. Судно описано - здесь, а также здесь - как нечто обладающее таким могуществом и такой силой, что даже сами

«пришедшие из Варна», писавшие это, благоговели перед ним. Барк короля демонов, - внимательно посмотрел на меня

Этос, - оружие невообразимой мощи, хранящееся в мавзолее на Гюль. Именно его, как мне было сказано, ищет Гло.

- Сказано?

Он вздрогнул и потряс головой.

- Устал. Я хотел сказать, узнал. Из этого.

Прогеланной работы.

- Ты говорил «было сказано».

- Не говорил.

- Этос...

- Да, хорошо, я сказал. Просто использовал не то слово. Изучено. То, что мной было изучено.

Я положил руку ему на плечо, но он вздрогнул.

- Этос, ты проделал такую работу! Я взвалил на тебя слишком много.

- Да, есть такое.

- Слишком много.

- Я служу тебе. Слишком много не бывает.

- Пойду попрошу Максиллу приготовить
для тебя другую каюту. Ты не можешь
здесь
оставаться.

- Я привык к беспорядку, - сказал он.

- А я не о беспорядке.

Убер в ступени отошел в сторону, что-
то

бормоча себе под нос.

- Мне надо забрать книгу, - напотнил я.

- Она где-то здесь, - небрежно отмахнулся

Эмос. - Занесу попозже.

- Нет, я заберу ее немедленно.

Он впился в меня взглядом.

- Немедленно, прошу тебя, - повторил я.

Он извлек Малус Кодициум из-под груды

бұтаз, тұт же спланировавших на ковер, и
протянул его мне. Я схватил книгу, но он
не

выпускал ее из рук.

- Эмос...

Когда я все-таки сумел выдернуть книгу,
часы снова зазвонили.

- Думаю, тебе необходимо взвесить свои
возможности, Грегор, - сказал он.

- О чем это ты?

- Противник, с которым нам предстоит
столкнуться, очень силен. Возможно, он
окажется даже слишком силен. А мы, как
ни

прискорбно, очень слабы. Думаю, нам
необходимо кое-что предпринять.

- И что ты предлагаешь?

- Призови дэмонхоста.

- Что?

Эмос снял тяжелые аугметические очки и принялся полировать линзы уголком своего балахона. Его руки сильно дрожали.

- Я не одобрял это раньше, на Дюрере. Но думаю, что теперь стал смотреть на все немного иначе. Я понял, почему ты сделал именно такой выбор и решил обойти правила. Ты стремился к нашему общему благу, и я должен извиниться за то, что сомневался в тебе. Заручившись поддержкой демонхоста, мы могли бы получить шанс. Призови его.

- Как?

- Так же, как ты сделал это на Микволе! - возбужденно затараторил Эмос.

- Тогда ситуация была критической, - возразил я.

- Сейчас ты тоже находишься в

критической ситуации!

- И у нас нет тела-носителя, в которое его
можно было бы призвать...

- Его и тогда не было!

- И он чуть не уничтожил нас всех своей
безудержной мощью, прежде чем мне
удалось пленить его.

- Тогда используй в качестве
тела-носителя одного из астронавтов
Максиллы!

- Я не стану убивать человека только
ради

того, чтобы получить тело-носитель, -
твердо

произнес я.

- Ты сделал это на Микволе, - тихо
прошипел Убер.

- Что ты сказал?

- Ты сделал это на Микволе. Вербейк не был мертв. Ты пожертвовал им ради общего

блага. Почему же ты боишься сделать это снова?

- Как я могу?! Я поклялся никогда больше не делать этого!

- Грегор, ставки слишком высоки. Всего лишь одна жизнь. Чего она стоит по сравнению с миллионатами, которые могут погибнуть, если Гло осуществит задуманное?

Призови на помощь демонхоста. Вызови Черубаэля.

Я медленно пошел к двери.

- Отдохни. - Я попытался говорить спокойно. - Ты почувствуешь себя лучше. И

передумаешь.

- Вряд ли, - вздохнул Убер и отвернулся.

В этот момент он не был готов к воздействию моей Воли.

- Что он сказал тебе? - резко спросил я.

Этот вскрикнул и рухнул на пол как подкошенный, едва не опрокинув стол.

Бумаги лавиной хлынули на ковер.

- Это он рассказал тебе? Он рассказал тебе!

Убер, чертов ты дурак, что же ты натворил?

- Я не мог взломать код! - завопил он. -

Язык был слишком сложен! Но в той книге было так много всего интересного! О, эта прекрасная книга! Я понял, что могу добиться большего!

- Ты разговаривал с демонхостом?

- НЕ-Е-ЕТ!

- Тогда откуда ты узнал его имя? Я готов варном поклясться, что никогда не произносил его при тебе!

Он вскрикнул и с трудом поднялся на ноги. На его лице застыла гримаса боли, стыда и страха.

- Он был на тех страницах! - закричал Эмос. - Как шепот в моих ушах! Такой вкрадчивый! Он сказал, что может помочь!

Сказал, что объяснит мне все, если я помогу ему освободиться!

- О Боже-Император! Все, что ты рассказал

мне сегодня, ты узнал от этой ублюдочной твари - Черубаэля!

- Но это правда! - орал он. - Истина!

Циссарил! Циссарррриллл!

Часы разразились неистовым звоном.

Раскололись стеклянный кувшин и три
бокала, стоявшие на бюро. По одной из
линз

очков Эмоса пробежала трещина.

Убер рухнул на пол.

Я вызвал сервиторов и перенес его в
корабельный лазарет. Мы заперли его в
изоляторе. Ради его и нашей
безопасности.

Проклятые часы все еще звонили, когда я
вернулся в его каюту, чтобы сжечь все
бумаги.

Глава 18

ВСТРЕЧА У ЦЕГАНДЫ
НЕУМЕСТНАЯ ВЕРНОСТЬ
ДО КОНЦА, ДО СМЕРТИ

Этос. В течение всей последней недели
нашего путешествия я дежурил возле него
в

лазарете. Убер проснулся спустя несколько
часов после нашей беседы и не стал со-
тной

разговаривать. Поначалу он даже
отказывался от еды. День и ночь он сидел
на

койке, уставившись на закрытую дверь
изоляционного отсека.

Мне очень не хотелось его запереть.

Спустя сутки он все-таки поел, но
общаться отказывался. Все мы старались
добиться от него хоть какой-нибудь
реакции.

И Медея, и Максилла пытались
разговорить

его. Но их старания не принесли никакого

результата.

Мы прибыли к Цеганге на день раньше
запланированного. Настроение у всех
членов

моей команды было на нуле.

Никогда прежде я не понимал, насколько
Эмос был важен для всех нас. Мы скучали
без

него и переживали по поводу случившегося.

Я казнил себя, и только себя. Да, Эмос
проявил беспечность, но вина все равно
лежала на мне.

Я ненавижу себя.

И ненавижу Черубаэля, трачная тень
которого слишком долго отравляла мне
жизнь. Смогу ли я когда-нибудь - хотя бы
когда-нибудь - освободиться от него?

Я решил, что если выживу, если одержу

победу над Гло, то уничтожу Малус
Кодициум, а затем вернусь на Гудрун и
уничтожу Черубаэля. Я мог взять свой
рунный посох и уничтожить его так же,
как
уничтожил его сородича, Профанити, на
Фарнесс Бета.

В системе Цеганды господствовал
окруженный кольцатами газовый гигант. На
его орбите висела полуавтоматическая
транзитная станция. Ее установили и
обслуживали консорциум торговых
гильдий
и Дома навигаторов, используя в качестве
базы для отдыха и сервисного центра.
Одиноким «Уссин» подошел к ней,
Максилла связался с начальником базы, и
робот-буксир завел нас на одну из широких

стыковочных платформ, выступавших из
круглого, похожего на тарелку сооружения.

Когда мы с Максиллой и Медеей
миновали

воздушный шлюз, нас уже встречал хозяин

костатый, вялый мужчина по имени Окин.

Он и еще четверо сотрудников заправляли
здесь всем. Он объяснил, что они
заключили

двадцатитисячный контракт, а по его
истечении уступят место новой команде.

Посетители здесь бывают редко, сказал
нам

Окин. И еще добавил, что они с радостью
выполнят все технические требования
«Уссина» по доступной цене.

Он вообще много говорил. Изоляция
играет ужасные шутки с рассудком людей.

Мы просто не могли заставить его затолчать. Закончилось все тем, что мне пришлось оставить его с Максиллой. Тот тоже был любителем поболтать.

А мы с Медеей отправились к центральному отсеку станции, чтобы проверить, не получал ли местный астронавт

каких-либо сообщений для нас от Тидеона.

База казалась царством тлена и состояла из

грязных коридоров и мрачных ангаров.

В воздухе висел устойчивый запах гнилого мяса, хотя Медея утверждала, что пахнет

давным прокисшим молоком.

Оказалось, что, несмотря на

безостановочную болтовню Окина, кое-чем

Он так нам и не сказал.

Кто-то дожидался нас в зале отдыха.

- Грегор. - Фишиг поднялся с ободранного дивана.

Он кутался в черную короткую походную накидку, наброшенную поверх темно-красного армированного комбинезона с серебряным гербом Инквизиции под подбородком.

Я в недоумении уставился на него:

- Что ты здесь делаешь, Годвин?

- Ждущ тебя, Грегор. Ждущ возможности все исправить.

- И как ты собираешься это сделать?

Он пожал плечами и развел руки в

стороны. Это был открытый, спокойный, почти приглушенный жест.

- Я сказал то, чего не должен был

говорить. Слишком скоро судил тебя. Я
всегда был упертым идиотом. Но годы
службы с тобой изменили меня.

- Кто бы мог подумать, - язвительно
заметила Медея.

Я предупреждающе поднял руку, призывая
ее к молчанию.

- Фишиг, ты предельно конкретно
продемонстрировал свои чувства на Спеси.

Не гутаю, что мы снова сможем
работать

вместе. Мы оба испытывает недостаток
взаимного доверия.

- И с этим мне бы хотелось покончить, -
сказал он.

Никогда не слышал, чтобы он говорил так
спокойно и так искренне.

- Годвин, ты подверг сомнению чистоту

моих потмыслов, заклеил меня как

еретика, а затем предложил мне
покаяться, -

напомнил я.

- Я был изрядно пьян, - сказал он, слегка
улыбнувшись.

- Да, был. А что сейчас?

- Сейчас я здесь. Желаю поточь. Верный
тебе.

- Ладно, - сказал я. - Давай для начала
разберется с этим вот «здесь». Как ты,
черт

побери, узнал, куда я направляюсь?

Он не торопился с ответом. Я медленно
обернулся к Меге, сосредоточенно
изучающей палубу у себя под ногами.

- Это ты сказала ему?

- Кхм...

- Отвечай!

Она резко подняла взгляд, такой же непокорный и надменный, как и у ее проклятого отца.

- Ладно, я сделала это! И что? Нам нужен фишиг...

- Возможно, нет, девочка.

- Не стей называть меня девочкой, ублюдок! Он один из нас. Один из банды. Он продолжал отправлять сообщения. Раз за разом. Ты не хотел слушать его, поэтому ответила я.

- Нейл сказал мне, что получил только одно письмо.

- Да,- ехидно ответила она.- А потом Нейл сказал мне, что ты отправил в ответ.

Большое «отвали». Сказать такое человеку, который посвятил тебе всю свою жизнь.

Который просто несколько разозлился на тебя, а потом подумал и пожалел об этом.

Фишиг хочет все исправить. Он хочет снова

быть с нами. Разве ты никогда и ни о чем не

жалел?

- Чаще, чем ты способна представить, Медее. Но тебе стоило предупредить меня.

- Я попросил ее не говорить, - вступился

Фишиг, - представив, как ты можешь

отреагировать. Я благодарен Медее за то, что

она такого высокого мнения обо мне.

Неужели ты не способен снова поверить мне? Поверить так же, как она.

- Везде возможно. Когда буду готов. На все свое время. А сейчас у нас и без того

слишком много дел.

- Да ладно тебе, - простонала Медея.

- Как ты сюда добрался? - спросил я

Фишига.

- Совершил прыжок через варп на

суденышке одного бродячего торговца. Он

высадил меня здесь неделю назад.

Я задал этот вопрос, чтобы проверить

его

искренность. Как только он ответил, я

тяжко

прощупал его своим сознанием и

обнаружил

то, чего ожидал меньше всего.

- Почему на тебе ментальная защита? -

спросил я.

- Простая предосторожность.

- Ради чего?

- Ради этого момента, - сказал Фишиг.

В его глазах отражалось истинное
мучение. Он выхватил компактный
пистолет

из кобуры под накидкой.

- Фишиг! - в ужасе взвыла Медея.

Ожесточающая уже гудела в моих руках.

- Не будь дураком, - сказал я.

- Он был бы дураком, если бы пришел сюда
один.

Слова не звучали вслух. Раскаленной
колючей проволокой псионического яда они
обвивали чужовищную ментальную
поверхность, обрушившуюся сзади на мой череп.

Наполовину ослепнув, я неуклюже шагнул
вперед. Медея тяжело упала на пол и
потеряла сознание.

Я увидел, как из всех дверей появляются
люди. Пять, шесть, еще и еще. Все они
были

одежды в бурзундскую броню членов
инквизиторской свиты, прикрытую
накидками с капюшонами. Нагрудники
госпехов украшали золотые пластинки в
форме герба Инквизиции. Двое из
вошедших
схватили меня и вырвали картайскую
саблю
из ослабевших пальцев. Еще двое взяли
меня
на тушку.

- Не причиняйте ему вреда! Не
причиняйте! - закричал Фишиг.

Меня развернули к дверям буфета,
прилегающего к залу отдыха. Оттуда
появился высокий мужчина, одетый во все
черное. Его жуткое лицо подверглось
серьезному хирургическому
вмешательству, целью которого было

изменение внешности, способное вселять
страх и отвращение в

окружающих. Огромная челюсть, полная
тупых, будто сточенных зубов, торчащих
во

все стороны, глинное подобие носа, больше
напоминающего хобот, темные круги
глаз.

Из задней части его по лошадиному
вытянутого черепа выходили связки
блестящих проводов и трубок для подвода
жидкостей.

Когда-то давно он был учеником и
дознавателем при моем старом, давно
усопшем союзнике Колмогусе Воке. Теперь
он сам стал инквизитором.

- Эйзенхорн. Как отвратительно снова

видеть тебя, - произнес Голеш
Константин

Фенно Хелган.

Твардейцы связали и повели нас с Медеей
обратно на «Уссин». Я все еще не мог
опомниться. До меня доносился голос
Фишига. Гогвин утешал Хелгана, чтобы
тот

приказал своим людям быть с нами
повежливее.

Ох, какую Фишиг совершил ошибку!

Когда нас потащили мимо стыковочных
платформ станции, я увидел гладкие
очертания черного крейсера Инквизиции,
пристыковавшегося возле «Уссина». Судно
Хелгана. Скорее всего, он скрывался под
покровом атмосферы газового гиганта,
пока

не захлопнулась ловушка.

Нас привели на главную палубу. Люди
Хелгана рассеялись по кораблю.

- Сколько всего людей путешествоует с вами? - оскалил на меня зубы Хелдан.

Я не ответил.

- Сколько? - повторил он, подкрепляя свои слова ударом острой псионической боли, заставившей меня вскрикнуть.

Мне надо было сконцентрироваться.

Восстановить свою ментальную защиту.

Сделав вид, что мне плохо, в моем положении это было не сложно, я украдкой огляделся вокруг, оценивая ситуацию.

Разгневанный Максилла стоял поблизости, окруженный гвардейцами. Побледневшая

Элина сидела, напряженно выпрямившись, на кушетке. Медея распласталась на полу.

Она еще только начинала приходить в себя.

Эмоса и Кары на главной палубе не было.

- Трое! - сказал Максилла. - Эти трое.

Остальные - экипаж, сервиторы,
приписанные к моему судну.

Он играл роль невинного капитана,
оскорбленного вторжением на его корабль
и

дистанцировавшегося от неприятных
пассажиров. Но я видел, что он был
напуган.

- Вы лжете. Это ясно, - сказал Хелдан,
обходя вокруг Максиллы. - Признаю,
капитан, ваша защита хороша. Но не
лжете

мне!

- Я не... - начал Максилла и закричал от
боли.

- Не лжете мне!

- Оставьте его в покое! - неожиданно

встрял Фишиг. - Он просто капитан.
Хозяин

этого сүгна, как и сказал вам. Он в это не
затешан.

Хелдан бросил на Фишига испепеляющий
взгляд.

- Исполнитель, вы ведь сами этого
хотели.

Вы обратились к Оргосу, утоляя нас
спасати

вашего гражайшего господина еретика от
проклятия. Что ж, именно это я и делаю.
Так

что закройте свой рот и дайте мне
продолжить. Или, быть может, вы
предпочтете, чтобы я исследовал
сознания

этих восхитительных молодых леди?

- Нет.

- Отлично. Поскольку капитан этого
корабля куда интересней. Он ведь не

совсем

человек, верно? Я прав, Тобиус Максилла?

Ваша защита замечательна, но лишь по той

причине, что ваш мозг состоит не из одной

только органики. Вы машина, сэр, и едва ли

заслуживаете право именоваться человеком, так ведь?

- Посмотри-ка, кто разговорился, -

отважно произнес Максилла.

Я почувствовал псионическую волну, прокатившуюся по комнате, которая

заставила меня похолодеть. Хелдан испустил

гневный, звериный рев. Максилла

согрознулся, закричал и упал на колени.

Перегоревшие сервоприводы в его шее, плече и запястье правой руки исторгли

снопы искр.

- Теперь ты станешь отвечать,

металлическая тварь, - Хелган бросил
косой

взгляд на Максиллу, - или я должен сжечь
еще какую-нибудь часть твоего
богохульного
тела?

- Нас четверо, - громко произнес я. -

Четверо.

- Ага, еретик решил раскаяться.

Хелган переключил все внимание на меня,
забыв о Максилле.

- Еще один - мой научный помощник, Эмос.
Уверен, вы его помните. Он находится
в лазарете.

- Как это любезно с вашей стороны, Грегори,
- произнес Хелган.

Я молился, чтобы мне удалось обмануть

его. Он наверняка мог увидеть в наших
сознаниях, что кого-то не хватает. Выдав
ему

Этоса, я надеялся, что он удовлетворится
и

упустит Кару из виду.

- Я бы посоветовал оставить его там.

- Почему?

- Он... Произошел несчастный случай, -

сказал я. - Он не совсем здоров.

- Заражен варпом?

- Нет. Он поправится.

- Но он в лазарете из-за соприкосновения

с варпом?

- Нет!

Хелдан обернулся к своим людям:

- Отправляйтесь в лазарет. Найдите
этого

человека. Убейте его и сожгите то, что

останется.

- Боже-Император, нет! - закричал я.

Я пытался встать, пытался

воспользоваться Волей, чтобы вырвать

Ожесточающую из рук Хелдана. Но я был

слишком слаб, а он - слишком силен.

Очередной ментальный удар вновь бросил

меня на пол.

- Все в порядке? - спросил новый голос. -

Тут только что громко кричали.

- Все отлично, сэр. Добро пожаловать на

борт, - услышал я ответ Хелдана.

Я перевернулся на спину и увидел, как

вновь прибывший входит на палубу

«Уссина». На нем сверкала темная

энергетическая броня, и он все так же

решиительно выставлял вперед свою

аугментическую челюсть. Как и во время

нашей последней встречи.

- Оста... - прошептал я.

- Великий Магистр Оргосов Геликана

Оста, если не возражаете, - трачно
произнес

он.

Его подняли по службе. Орсини был мертв,
и Леонид Оста, наконец, дорос до чина, к

которому стремился в течение всей своей
жизни. Столь многое переменилось в

Геликанском субсекторе с тех пор, как я в
последний раз был озабочен чем-то, кроме
игры в «беги и выживай». Оста, моя

Немезида, человек, который когда-то

пытался объявить меня пособником
демона

и бросивший в тюрьму, который истязал и
преследовал меня, стал теперь
Магистром

Оргосов Геликана и наивысшим
начальством

для меня.

Гвардейцы втоптали меня на полэтаж
личной каюты Максиллы и усадили на
одну

из стульев за глиняным банкетным
столом.

Оста держал в руках Ожесточающую и
изучал запутанную филигрань на ее
клинке.

Его собственный огромный
энергетический
молот якорем висел на поясе.

Хелдан сел напротив меня.

- Между нами никогда не было особой
любви, Эйзенхорн. Я оскорбил бы вас,
пытаясь притворяться. Давайте все
упрости. Покайтесь.

- В чем покаяться?

- В своей ереси, - сказал Оста.

- Я не еретик. И не вижу трибунала равных

мне. Меня нельзя судить таким образом.

Я чертовски хорошо знал, что это

возможно. Великий он Магистр или нет, но

Оста имел право делать со мной все, что угодно.

- Покайся. - Леонид занял место рядом с

Хелганом под скрежет сервоприводов брони.

Он действительно был очарован

Ожесточающей и вертел ее в своих закованных в латные рукавицы руках.

- В чем я должен покаяться?

- У нас есть список обвинений, - сказал

Хелган, извлекая информационный планшет

из своего плаща. - Ваш человек, Фишиг,
был

очень конкретен в своих показаниях. Вы
сотрудничали с демонами и как минимум
единожды призывали кого-то из них, создав
демонхоста. Вы скрывали запретные
тексты

от Инквизиции. Вы спрятали от нас
известного еретика, позволив ему
разгуливать на свободе.

Я встретил на Хелдана твердый взгляд.

- Вы подразумеваете Понтиуса Гло?

Признаваться ни в чем не буду, но кое-что
скажу. Если вы продолжите удерживать
меня

здесь, то заплатите куда большую цену,
чем

можете себе представить. Я поклялся

остановить Понтиуса Гло, а вы мешаете

лне

исполнять священные обязанности.

- Дни, когда вы исполняли эти священные обязанности, давно прошли, - произнес Оста.

- Где Малүс Кодициүт? - спросил Хелган.

Я укрепил свой ментальный щит, в слабой надежде, что на поверхность не выплывет простая и понятная истина. В моем кармане.

В моем треклятом кармане. Гвардейцы обыскали меня на предмет оружия, но не обеспокоились потертой старой книгой в моем плаще.

Хелган не смог прочесть этого.

- Он по-прежнему удивительно стоек, - сказал Хелган Осте.

Они думали, что Кодициүт лежит в

безопасном месте. Пустотный сейф или
хотя

бы шкатулка с крепким замком под моим
матрацем! Они и представить не могли,
что

он окажется прямо перед ними,
прикрытый

только моим кожаным плащом. Я должен
был скрыть от них этот простой факт.

- Значит, погибнут миллионы. А может
быть, и десятки миллионов. И все потому,
что вы не позволяете мне закончить мою
работу.

- Все так говорят. - Оста поднялся и
склонил надолго свое тупое, обрюзгшее
лицо. - Вы будете гореть, Эйзенхорн.
Гореть

и страдать. Я стал Великим
Магистром

только потому, что никогда не верил

еретикам. Глупее вас я никого не встречал.

- Расскажите нам о демонхосте, - сказал

Хелдан.- Где вы его держите? Как мы можем

его найти? Каким словам он подчиняется?

- Вам нужны слова? - удивился я. - А это

вам еще зачем? Вы что, собираетесь сами

воспользоваться услугами демонхоста?

Хелдан откинулся назад и посмотрел на Остү.

- Конечно нет! - Фишиг появился на

ступенях, ведущих к полүэтажү. - Они же не

еретики вроде тебя... Они не стали бы...

Он оглянулся на Остү и Хелдана:

- Госнода, вы же не хотите заполнить
этого демонхоста для себя?

- Его необходимо правильно содержать и
знать, как с ним обращаться, - произнес

Оста. - Пожалуйста, оставьте это дело
тем, кто в этом что-то понимает. Вы
чересчур

много на себя берете.

- Но демонхост? Вы говорите так, словно
хотите использовать его.

Леонид вновь перевел взгляд на коллегу.

- Хелдан, прикажи этому человеку уйти.

Он уже выполнил свою задачу.

- фиииз, уходите! - рявкнул Хелдан.

Тодвин спустился по лестнице и уселся на
огню из кшеток. Напротив Элина и
Медея

пытались поудобнее уложить Максиллу.

- Демонхост! - ревел Хелдан. - Отдайте его

нам!

- И вы еще называете меня еретиком...

Ментальный удар Хелдана заставил меня закачаться на стуле.

К Осте подошли гвардейцы.

- Лорд, мы обыскали лазарет. Там никого нет. «Хвала Императору, - подумал я. - Кара освободила Эмоса».

- Кара? - внезапно спросил Хелдан. - Кто такая Кара?

- Никто, - ответил я, используя Волю.

- На борту находится пятый человек, - сказал Осте Хелдан. - Скорее всего, сейчас он вместе с ученым.

- Найдите их! - закричал Оста, и половина его людей поспешила к выходу. - Вызовите подкрепление, если понадобится.

Вдруг suddenly загрохотало, раздался ужасный скрежет металла о металл.

- Что это было? - требовательно спросил

Хелган и, не дождавшись ответа, поспешил

на главный мостик.

«Уссин» снова затрясся.

Оста указал на меня кончиком

Ожесточающей.

- Пошли! - приказал он и повернулся к

капитану гвардии: - Приглядывайте за остальными.

Мы отправились за Хелганом на мостик.

Следом шел Фишиг. Гвардейцы выволокли из

каюты и почти бесчувственного Максиллу.

Корабль сильно накренился. На обзорном экране виднелся корпус транзитной

станции.

«Уссин» отбросил швартовочные тросы и медленно выползал из дока. Стыковочная платформа скрежетала и прогибалась под весом судна.

- Что вы сделали? - спросил Оста.

- К этому я не причастен, - ответил я.

Через взрывов прокатилась вдоль терминала управления по правой стороне огромного мостика. На трамортный пол полетели снопы искр и обломки приборов. От очередного взрыва содрогнулась часовня у правого борта, в которой располагались каюты астронавтов. Дверь сорвало с петель. Рулевой сервитор загорелся и упал, вдребезги разбив свой прекрасный золотой корпус.

- Саботаж! - крикнул Оста.

Хелган повернулся к Максилле:

- Это твоих рук дело!

- Моих? - округлил подведенные глаза

Максилла. - Какого черта я стал бы
рисковать

и портить свое драгоценное судно только
ради того, чтобы помочь этим
преступникам? Плевал я на них!

- Лжешь, металлический урог! - пролаял

Хелган и, схватив Максиллу за горло,
приподнял его над полом. - Скажи, что ты
сделал?! Заставь свой экипаж вернуть
судно!

- Я ничего не делал... - хрипел Максилла.

Хелган швырнул его через весь зал.

Инквизитор был силен по любым меркам,
но

он присовокупил к своей физической силе

еще и ментальную. Максилла с ужасным грохотом проломил стену, но Хелган и не думал останавливаться. Несколько жутких

мгновений он удерживал капитана в воздухе, пытаясь размазать Тобиуса по дюросплавной

стене. Отчетливо захрустели кости и металл.

Лишь тогда Хелган отпустил его.

Обмякшее, искалеченное тело Тобиуса

Максиллы рухнуло на трапезную палубу.

- Зачем вы сделали это? - закричал Фишиг.

- Заткнись, мать твою, болван, - ответил

Хелган. - Мы должны снова пришвартовать

этот корабль.

Фишиг позвал одного из гвардейцев и подошел к пульту управления. Годвин

хорошо знал «Уссин». Скорее всего, он рассчитывал включить двигатели и выровнять судно прежде, чем стыковочные платформы дока серьезно повредят его корпус.

Но не успел. Внезапно вспыхнувший белый огонь вмиг поглотил два рулевых терминала. Взрывная волна сбила с ног и Фишига и гвардейца. Из горящей каюты астронавтов выплыла сверкающая фигура. Она кричала и корчилась. Нагое тело омывали языки зеленого пламени.

Но нет, она не кричала. Она стеллась. Это был Черубаэль.

Он сиял так ярко, что на него было больно смотреть, но я разглядел достаточно, чтобы

понять: он помещен в тело одного из

астронатов «Иссина». Его пылающую
плоть

покрывали разъемы, из некоторых еще
тянулись провода. Вся одежда сгорела, цо
многочисленные аугметические
имплантаты

остались нетронутыми. Вместо ног внизу
свисали охапки кабелей и механические
соединения, с помощью которых астронавт,
как и большая часть экипажа Максиллы,
напрямую и навечно подключался к
кораблю.

Выкрикивая псалмы против варна,
Хелган

и два гвардейца бросились наперерез.

Солдаты открыли огонь, а инквизитор

выхватил из ножен силовой меч. Я

почувствовал, как Хелган обрушивается
на

демонхоста всей мощью своих

сионических

сил.

Оста в изумлении уставился на
демонхоста. Несмотря на свой чин и
опыт, он, скорее всего, никогда не
встречался с
отверзительными созданиями вроде
Черубаэля.

- Вы спрашивали про демонхоста,
Большой

Магистр, - сказал я. - Похоже, вы его
получили.

Мои слова вывели его из оцепенения. Он
оглянулся, но Ожесточающая уже
прошипела

в воздухе и оказалась в моих руках.

- Еретик! - закричал Оста.
Энергетический

молот затрещал разрядами в стальных

лагонях, когда Оста обрушил его на меня.

У

моего противника имелось существенное
преимущество. С ментальным щитом и в
полной броне, он выступал против
абсолютно незащищенного человека. К
тому

же я был контужен ударом псионической
палицы Хелдана.

Мы сошлись в схватке. Стало ясно, что
долго мне не выстоять.

- У нас на это нет времени, идиот! -

завопил я. - Не я выпустил демонхоста, но
только у меня есть способ остановить его!

Черубаэль за нашими спинами разразился
истеричным стехом и превратил
стрелявших

по нему гвардейцев в живые факелы.
Потом

демонхост спустился на палубу и занялся
неистовствующим Хелганом.

Оста не послушал меня. Он не собирался
отступать. Очередной выпад
ожесточающей

он отбил с такой силой, что я
отшатнулся

назад и открылся для атаки. Великий
Магистр не заметил воспользоваться
преимуществом, метя мне в лицо.
Пытаясь

увернуться, я вновь шагнул назад. Он
промахнулся. На волосок. Энергия молота
опалила мою щеку.

Но я потерял равновесие.

И рухнул на трапезный пол.

Опустившийся рядом молот расколол
трапезные плиты. Я перекатился в
сторону.

Оружие Осты, украшенное символом Маллеус, поднялось снова, чтобы нанести последний, смертельный удар.

Воздух с ревом прорезал ослепительный бирюзовый энергетический луч. Он ударил точно в лицо Осты, испепелив его голову. Во

вспышке света разлетелись осколки черепа и

осметки плоти. Тело Великого Магистра с

металлическим лязгом повалилось на пол.

Оплавленные остатки его тяжелой энергетической челюсти покатались по полу.

Я поднялся.

Лежа у проломленной стены, Максилла медленно опускал руку. На его пальце, разорвав элегантную перчатку сверкало

цифровое оружие, встроенное в кольцо.

Я снова осмотрел поле боя. На мостик
вбежали Медея, Элина и несколько
оставшихся в живых гвардейцев.

Женщины остолбенели от ужаса, а
некоторые из людей Осты решили угнать.

Хелган отступал по мосту от
свистящего, хохочущего демона.
Инквизитор

отбивался от Черубаэля всем, чем только
мог, но демон лишь смеялся, скаля зубы.
Подсвеченные светом варна, струящимся из
его утробы.

Одежды Хелгана начинали тлеть.

- Элина! - закричал я.

Неприкасаемая подбежала ко мне. Ни

один из охваченных ужасом гвардейцев
даже

не попытался остановить ее.

- У нас мало времени, чтобы сделать все как надо. Мне нужно, чтобы ты держалась рядом. Заблокируй часть его силы.

Перепуганная до смерти Элина кивнула и обеими руками вцепилась в мой плащ. Но она не колебалась.

Я выхватил Малус Кодициут и стал быстро

листать его. Мне никак не удавалось найти

нужные страницы. Будь все проклято, я не мог найти их!

Мраморные плиты мостика захрустели и начали ломаться прямо под ногами Хелдана, словно случилось землетрясение. Одна из

ног инквизитора скользнула в трещину. Он

покачнулся. Черубаэль ликующе взревел и

хлопнул в ладоши. Пол заскрежетал, и обломки снова сошлись, точно тиски.

Хелдан испустил жуткий животный вой обреченного на адские муки существа. А потом повалился на палубу. Черубаэль подлетел к нему.

Хелдан в ужасе взмахнул мечом. Клинок расплавился. Одежда инквизитора загорелась. С головы до пят охваченный зеленым огнем, он закричал снова. Если бы он стоял, то был бы похож на сжигаемого за грехи еретика.

Черубаэлю утирающая жертва уже наскучила. Демонхост подплыл ко мне. При

его приближении Элина захныкала.

- Не шевелись! - приказал я ей.

- Привет, Грегор, - произнес Черубаэль хриплым слабым голосом. Астронат, в которого вселился демонхост, не разговаривал много лет, и его голосовые связки частично атрофировались. - Разве нам не весело вместе, Грегор? - продолжил он, и его пустые глаза уставились на меня. Он улыбался, но в провалах его глаз не было тепла. В них вообще ничего не отражалось, кроме злобы.

- Я всегда получаю огромное удовольствие от наших совместных игр. Но эта игра, должно быть, стала для тебя небольшим сюрпризом? Не ожидал увидеть меня? Ведь

на сей раз не ты позвал меня.

Я почувствовал, что от него исходит не жар, а обжигающий холод. Я все еще

продолжал лихорадочно перелистывать
страницы книги.

- У меня есть для тебя еще один сюрприз, -
добавил он, переходя на шепот. - Мы
израем

в последний раз. С меня хватит твоих
причуд. Видишь, что я сделал с тем
идиотом

с лошадиной мордой? С тобой, старина, я
поступлю иначе. Для тебя я постараюсь
подобрать что-нибудь по-настоящему
болезненное.

Он дернулся было вперед, но тотчас
отпрянул, будто ужаленный. Он

соприкоснулся с аурой ментальной
пустоты, распространяемой Элиной.
Впервые за все

это время Черубаэль обратил на нее
внимание.

- Привет. Ну разве не прелестная
малютка? Какое симпатичное личико!
Какая

жалость, что придется его испортить.

- Мм... - хныкала Элина.

- А ты утлый старикан, Грегор. Тебе

всегда достаёт осторожности держать
при

себе неприкасаемую. Особенно при
встречах

со мной. Но эта не та, что обычно, верно?
А

что случилось с той?

Я раскрыл книгу.

- Эта девчонка тебе не поможет, утлик, -
произнес Черубаэль.

Я увидел, как из его пальцев вырастают
толстые, уродливые когти.

Я поднял книгу так, чтобы нужные

страницы оказалась прямо перед его мертвыми глазами, и крепко сжал переплет

обеими руками. Четыре основные руны изгнания не могли прогнать Черубаэля, поскольку не были правильно активированы, но я был более чем уверен, что один только

их вид причинит демонхосту ощутимую боль.

Черубаэль завизжал и подался назад. Я шагнул вперед, продолжая держать перед собой раскрытую книгу.

Корчась в агонии, демонхост пролетел через весь мостик и врезался в обзорный экран. Гололитические пластины брызнули

ливнем осколков и искр. Черубаэль бился о купол потолка, словно разгряженный

шершень, сражающийся с оконным
стеклом.

Ореол окружающего демонхоста пламени
сделался желтым, а затем потемнел до
оранжевого.

Черубаэль грянулся о пол и прожег его
насквозь, оставив круглое дымящееся
отверстие.

- Ох, Император милостивый... -
прохрипела Элина.

- Уходим! - сказал я. - Пройдет не так
много времени, и он попытается напасть
снова. Шевелись!

Медея побежала вперед. Гвардейцы
плащаты сбивали огонь с Хелдана. Он все
еще кричал.

- Уводи ее! - приказал я Медее,
подталкивая к ней Элину. - К ангарам!

Двизайтесь!

Они поспешили к выходу. От гулких раскатистых взрывов, происходивших где-то

в недрах «Уссина», раскачивалась палуба.

Были тревожные сирены. С искореженного потолка над капитанским мостиком каскадом сыпались искры.

Я склонился над Максиллой. Его веки дрогнули, он посмотрел на меня.

- Я так не думаю... - слабым голосом проговорил капитан.

- Как?

- Я сказал этой скотине, что не собирался вам помогать, что мне плевать на вас... Это

не так...

- Знаю.

- Спасибо, - сказал он.

И умер.

Я бежал по коридорам «Уссина». Из-под
палубы сочился обильный едкий дым.

Повсюду валялись плащи и оружие,
брошенные убегающими в панике
зваргейцами Осты.

Я успел пробежать всего лишь несколько
метров, когда громкий голос приказал мне
остановиться.

За мной шел Фишиг. Годвин твердо
держал болтерный пистолет в вытянутой
руке. На его покрытом кровоподтеками и
ссадинами лице застыла решимость. Я
видел

этот взгляд и прежде. Но мне никогда не
приходилось оказываться по другую
сторону

баррикад.

- Стой где стоишь! - приказал Фишиг.

- Прекрати! Нам надо убираться. Корабль гибнет.

- Стой где стоишь, - повторил он.

- Пойдем со мной. Я все объясню, и ты поймешь, почему для нас так важно...

- Заткнись! - сказал он. - Все это ложь.

Всегда только ложь. Знаешь, ты чуть не огурачил меня тогда. Я почти поверил, что

совершил ужасную ошибку, отправившись к

Осте. Но затем ты показал свое истинное лицо. Ты опять призвал демона. Теперь я знаю, что не ошибался, подозревая тебя в ереси.

- Сейчас не время и не место выяснять отношения, Говвин. Я ухожу. Если хочешь,

пойдем со мной.

Я спокойно повернулся к нему спиной и отправился дальше.

- Грегор, прошу...

Я продолжал идти, уверенный, что он не станет стрелять. Нас связывало слишком многое. Вспомнив об этом, он не смог бы остановить меня.

Проревел болтер. Выстрел разорвал мне левое колено. Я вскрикнул и упал, чуть не выронив Ожесточающую. Пол заливала кровь. До сих пор не могу поверить, что Фишиг сделал это.

Застонав от боли, я поднялся, опираясь на меч. Годвин выстрелил снова, и правая нога

вылетела из-под меня, неестественно вывернувшись в колене.

Теперь я лежал на спине, чувствуя
предсмертную агонию «Уссина», грохот
взрывов и грохот палубы.

Надоевшей стоял Фишиг.

- Остановись... - прохрипел я. - Помоги
мне добраться до ангаров.

Он передернул затвор болтерного
пистолета. Фишига трясло. Его душу
разрывали печаль и обманутые надежды,
он

метался между долгом и верой.

- Пожалуйста, - с трудом выговорил

Годвин. - Отрекись от всего. Покайся в
своих

грехах и прими Императора ради
спасения

своей души. Пока еще не слишком поздно.

- Ты все еще пытаешься спасти меня, -

судел выдавить я сквозь стиснутые зубы. -

Император милостивый, Фишиг... Ты
что, действительно выстрелил в меня,
чтобы

спасти мою душу?

- От-трекись от в-варна! - заикаясь,
произнес он.- Пожалуйста! Я могу спасти

тебя! Ты мой друг, и я еще могу спасти
тебя

от самого себя!

- Я не нуждаюсь в спасении, - сказал я.

Он прицелился мне в голову. Его палец
напрягся на спусковом крючке.

- Храни тебя Император, Грегор

Эйзенхорн, - произнес он.

Годвин дернулся. Один раз. Второй.

Закачался. Болтерный пистолет
загрожал в

его ослабшей руке и выстрелил. Заряд
ушел в

сторону. Фишиг упал на колени, а затем

повалился лицом вперед.

Я с трудом подтянулся и привалился спиной к стене. Мои искалеченные, окровавленные ноги теперь были бесполезны.

Возле меня присела Медея. Слезы струились по ее щекам. Изольный пистолет

выпал из ее руки и с грохотом ударился о пол.

Затем я увидел, как к нам бежит Кара с лазерным карабином наперевес. Следом за ней подошли Элина и Эмос. Они в ужасе смотрели то на меня, то на Фишига.

Эмос был смертельно бледен.

Ссутулившись, он опирался на мой рунный посох, словно кающийся паломник.

- Помогите мне встать, - процедил я.

Кара и Медея подхватили меня с обеих сторон. Я взглянул на Эмоса.

- Ты вызвал Черубаэля? Это ведь ты, верно? Ты призвал его в тело одного из тех

проклятых беглаз - астронастов «Уссина»?

- Они сожгли бы нас как еретиков, - тихо произнес Эмос, - и тогда нам ни за что не удалось бы остановить Гло.

- Но как же ты смог провести ритуал, Убер? У тебя ведь не было книги.

- Эта книга, - вздохнул он. - Эта проклятая книга. Она теперь здесь. - Он ткнул костлявым пальцем в свой торщинистый лоб.

Он запомнил ее. За несколько недель

исследований он запомнил Малус Кодициум.

Благодаря тнеловирусу он стал
информационным наркоманом. Именно
это
и делало его таким прекрасным ученым. У
теперь это пристрастие дорого обошлось
ему.

- Ты запомнил ее целиком?

- До... - Он сглотнул и закончил: -

Дословно.

Последовал еще один раскатистый взрыв,
и по коридору заструился поток
нестерпимо
горячего воздуха.

- Мы что, собирается стоять здесь, точно
нинкеры, весь день или, может, все-таки
уберется с этого корабля? - спросила Кара,
покрепче обнимая меня.

- Думаю, это будет самым мудрым
решением, - согласился я.

Но не тут-то было. Черубаэль вернулся за
мной.

Его злобная, неистовая ярость калечила
«Уссин». Демонхост все еще кипел от
причиненной боли. Теперь он даже не
пытался разговаривать со мной.

Он встретился вперед по коридору. Я с
трудом сохранял равновесие и уже не мог
достать из кармана Малус Кодициум.
Элина

закричала от страха. Я беспомощно и
бесмысленно выругался.

Эмос прохромал вперед и встал между
нами и разъяренным порождением варна.

Он поставил рунный посох на пол перед
собой и нацелил его наверху на
Черубаэля.

Убер знал, что делать. Стилүйся над ним

Бог-Император, он знал это куда лучше,
чем

я.

Он высвободил свою энергию. Вспыхнул
нестерпимо яркий свет. Тело-носитель

демона разлетелось, обрушивая на нас
лохмотья обгорелой плоти, осколки

обугленных костей и почерневшие
остатки

аугметики.

Этос вцепился в грожащий рунный посох.

Вокруг вспыхивали потрескивающие
снопы

призрачного свечения. Наконец последние

электрические дуги с шипением ушли в
пол.

Этос замер на месте, все так же сжатая
посох. От его головного убора поднимался
тонкий плюмаж дыма.

- Эмос? Эмос!

- Я... прогнал его... на некоторое время... -

не оборачиваясь, с невероятным трудом
тихо

произнес Убер. - Пока он слаб... и
растерян...

но все еще... не кончено... нам нужно...

подходящее тело... чтобы поместить его...
в

нет...

Эмос повернулся. Взрыв тела астронавта
опалил одежду ученого, а его очки
разбились.

- Что ты сделал с ним? - спросил я.

Он не ответил. Напряжение все еще было
слишком большим. Эмос толком не мог
сказать мне даже два слова.

- Эмос, что ты сделал с ним? - повторил я.

Он открыл глаза. Они были пусты.

Абсолютно пусты.

Нам потребовалось десять минут на то, чтобы правильно подготовить демонхоста, -

десять минут, которых у нас на самолете

не было. Я не мог передвигаться без

посторонней помощи. Элине приходилось

держатъ передо мной Малус Кодициум, пока

я выполнял свою работу, нанося знаки, руны

и охранительные символы кровью из

собственных ран. Я вспоминал, как столько же

успешно выполнял те же ритуалы на берегу

озера на Микволе.

- Давай же! - торопила Кара.

- Есть! Готово! Эмос, ты меня слышишь?

Все готово!

Его торщинуистые рѹки затряслись. Он опустил посох. Я видел, как его губы пытаются что-то произнести, но не могут

справиться со словами.

Но я знал эту часть книги. Заклинание, литания, молитва против зла. Финальные, запечатывающие слова.

- *Inservitute mabduco*, навеки заключаю тебя

в носителе этом!

Медея чуть не спалила один из реактивных двигателей грузового пинаса Максиллы, выводя его из ангара. Все тряслось. Наш кораблик не шел ни в какое сравнение со старым боевым катером, но Бетанкор выжимала из него все до последнего.

Мы успели отойти от «Уссина»

приблизительно на шестнадцать километров, когда межзвездный корабль согрознулся от первого настоящего спазма.

Величественное, быстроходное торговое судно класса «Узольда», гордость своего владельца, теперь выглядело просто черным

остовом, озаряемым изнутри бьющим атомным пожаром. За кормой тянулся шлейф из обломков.

Последовала небольшая яркая вспышка, а следом, практически одновременно, еще две, словно кто-то подавал световые сигналы.

Затем на месте «Уссина» возникло белое пятно, которое начало расти, растягиваться в линию, становясь все более и более ярким.

Пятно продолжало удлиняться и приближаться, пока мы не увидели, что это пылающий край широкого диска атомного взрыва.

Когда огненный вал проходил мимо, пинас отчаянно загрожал, словно погретуха в руках капризного ребенка. Затем снова наступила тишина.

«Уссина» больше не существовало.

Этос скорчился в одном из антиперезгрузочных кресел с высокими спинками в пассажирском отсеке. Его глаза

были закрыты, а дыхание - слабым и неровным.

Кара помогла мне сесть рядом с ним. Она что-то быстро говорила о необходимости по

новой наложить жгуты и поменять
намотанные впопыхах бинты, но я почти
не
слушал ее.

- Убер?

Он открыл глаза с таким видом, будто я
прервал его мирный сон. Глаза снова стали
его глазами. Покрасневшими, старыми,
слезящимися, растерянными без своих
любимых очков.

Этос дышал все тяжелее.

- Продержись еще немного, - сказал я. - В
грузовом отсеке есть портативный
медицинский модуль, и Элина уже
пытается
заставить его работать.

Он что-то пробормотал и сглотнул.

- Что? - спросил я.

Внезапно он схватил и сильно сжал мою

измазанную кровью руку. А затем
медленно

повернул голову и бросил косой взгляд на
созданного нами демонхоста. Тот сидел,
склонив голову, привязанный к креслу с
другой стороны прохода.

- Очень... - прошептал Убер. - Очень
странно...

Я собирался ответить, но его пальцы
ослабли, а дыхание остановилось.

Старейший из моих друзей скончался.

Я откинулся на спинку кресла и уставился
в потолок. Те чувства, которые я столько
времени сдерживал, наконец нахлынули и
затопили меня.

Мне казалось, что я стал таким слабым
и

хрупким, словно был сделан из бумаги.
Кровопотеря, очевидно, была огромной.

Ноги горели огнем, но эта боль не шла ни
в

какое сравнение с болью в сердце.

Я слышал, как Кара зовет меня. Потом
еще

раз. Слышал, как Элина просит ответить
хоть

что-нибудь.

Но на меня обрушилась стена пустоты, и
все они оказались слишком далеко, чтобы
я

мог их слышать.

Глава 19

В ЧЕРТОГАХ ЮССАРИЛА

ЛИСТЬЯ ТЕМНОТЫ

ВО ИМЯ СВЯТЕЙШЕГО

БОГА-ИМПЕРАТОРА

Где-то поблизости стреляла одна из этих
проклятых шурикен-катапульт. Можно

было

слышать «джүт! джүт! джүт!» их
пусковых

установок и тонкие, звонкие звуки
попадания.

Во рту чувствовался привкус крови. Но об
этом я беспокоюсь позже. Правда,
Креция

наверняка поднимет шум. «Ты не должен
этого делать», - отчаянно убеждала она
меня

в лазарете «Потаенного света».

Что ж, вот в этом-то она и ошибалась.
Это

было работой на Императора. Это было
моей

работой.

- Двигается, - по внутренней связи
передал Нейл. - Двадцать шагов.

- Принято, - ответил я.

Я двинулся вперед. Это все еще требовало значительных усилий, и пока было непривычно ощущать свое тело столь отвратительно медлительным. Грубые аугметические оковы на моих ногах и туловище тянули меня к земле и делали мою поступь тяжелой, как у огра из древних легенд.

«Ули как у боевого титана», - с прискорбием подумал я. Один шаг за другим.

Я приближался к своей судьбе.

Доктора Бершильд и Антрибас сделали все

возможное. Конечно, исходя из имеющихся ресурсов и ограниченного времени. Креция неистовствовала в своем желании

подключить меня к системе
жизнеобеспечения и переправить в
высококласное имперское медучреждение.

Но я настоял на своем.

- Даже если ты вместе займется твоей
починкой, - сказала она, - это все равно
будет иметь плачевный результат в
будущем.

Если позволить тебе сейчас
передвигаться

самостоятельно, то впоследствии
никакое, даже самое наилучшее лечение не
сможет

исправить твои повреждения.

- Просто сделайте то, о чем вас просят,-
сказал я. Ради возможности добраться до
Понтиуса Гло я с радостью готов был
пожертвовать здоровьем и даже
согласился

на сложное, масштабное протезирование в
дальнейшем. Единственное, чего я
страстно

желал сейчас, - продолжать передвигаться
самостоятельно.

Ожесточающая грозила в моей руке,
ощутив чье-то присутствие. Но это
оказалась

только Кара Свол.

Она быстро бежала ко мне по расщелине.

На ней были плотный облегающий зеленый

бронекombine-он и толстый стеганый

пуленепробиваемый плащ. Лицо ее

закрывала маска противопыльного визора,
а

через плечо был перекинут ремень
тяжелого

ручного пулемета.

- Все в порядке, босс? - спросила она.

- Все отлично.

- Ты кажешься...

- Каким?

- Такое ощущение, что ты задыхаешься от злости.

- Спасибо, Кара. Я просто раздражен тем, что вы с Нейлом все веселье забрали себе.

- В общем, как бы то ни было, Нейл считает, что нам необходимо собраться.

Я сообщил об этом по воксу остальным членам нашего отряда. Менее чем через две

минуты к нам присоединились Элина и Медея. Вместе с ними появились Льеф

Гюстин и Корл Крайн - оба из людей Тигеона, предоставленные нам в качестве подкрепления, - а также нанятый

Рейвенором археолог Кензер.

- Двигается! - приказал я.

- Вы себя хорошо чувствуете, сэр? -

спросила Элина.

- Со мной все в порядке. В порядке. Я

только хочу, чтобы вы... - Я затолчал,

стараясь справиться с раздражением. - Все

хорошо, спасибо, Элина.

Они все по-прежнему беспокоились обо

мне. Со времени событий у Цегангы
прошло

только три с половиной недели. Я начал

ходить лишь пять дней назад. Все они
молча

соглашались с Крецией, что мне стоило

лежать в лазарете и оставить всю
работу

Рейвенору.

Что ж, именно в этом и заключается
право

начальника. Я принимал решения. Однако
на

них не стоило сдерживаться. Они переживали искренне. Если бы не те отчаянные меры, которые Элина и Кара предприняли на борту

пинаса, я был бы уже мертв. Мое сердце дважды останавливалось. Элина, единственная, чья группа крови соответствовала моей, была готова отдать ее

всю, до последней капли.

Утомленная и поредевшая, моя команда сплотилась еще крепче, чем прежде.

- Давайте прибавим шаг, - сказал я. - Мы же не хотим, чтобы Нейл и Рейвенор прибрали себе всю славу.

- Только после тебя, железноногий, - сказала Медея.

Кара захихикала, но постаралась сделать так, чтобы всем казалось, будто у нее

просто

начались проблемы с дыхательной маской.

- А тебе не кажется, что за это прозвище придется расплачиваться? - ответил я.

Снова совсем близко прогудела

шүрикен-катапульты. Звук катился к нам по

лабиринту ущелья.

- Кое-кто уже веселится, - сказал Гюстин.

Гюстин был бывшим гвардейцем, бывшим гладиатором, бывшим охотником за

головами, а после всего этого обернулся

солдатом Инквизиции. Он носил бороду, скорее всего для того, чтобы скрыть шрамы, похоже покрывающие все его лицо.

Льеф

рассказывал, что прибыл с Раас Бисора, расположенного в сегменте Темнестус, но я

не знал, где это. Ну если не считать того,

что

это где-то в сегменте Темнестус.
Гюстин

носил тяжелую серую броню и был
вооружен

старой, много раз чиненной стандартной
лазерной винтовкой Имперской Гвардии.

Он служил Рейвенору в течение очень
многих лет, так что я мог доверять ему.

Снова прокатилось эхо свистящих звуков,
перетежавшихся шипением лазерных
выстрелов.

- Друзья Рейвенора, - сказала Медея.

Все мы весьма неуютно себя чувствовали,
вспоминая об эльдарах. Еще шестеро этих
созданий прибыли на корабле Гидеона в
качестве телохранителей ясновидца.

Высокие, даже слишком высокие,
невероятно

стройные и тихие, они никогда не покидали

отведенной им части корабля. Воины аспекта, как называл их Гидеон, что было это

ни значило. Гребни плютажа, украшавшие их прекрасные изогнутые шлемы, делали эльдаров еще выше, когда те надевали броню.

Они высадились на поверхность вместе с Рейвенором, лордом провидцем и еще тремя людьми Гидеона.

Третья ударная группа под командованием старшего лейтенанта Рава

Скиннера, также сотрудника Рейвенора, находилась сейчас примерно в километре к западу от нас.

Гюль, или 5213X, как она именовалась в
Карто-Империи, вообще не
соответствовала

образу, сложившемуся в моей голове. Она
ничем не напоминала бесплодный мир,
увиденный в сознании Марлы Таррай,-
мертвая скорлупа, где под слоем пенла
лежали древние города. Скорее всего, тот
мир существовал только в ее
воображении.

Она никогда не видела этой планеты.
Проживла недостаточно долго, чтобы ей
представился такой шанс.

Я раздумывал над тем, совпадал ли образ
Гюль с пророчеством ясновидца. Скорее
всего совпадал. Эльдары казались мне
чрезвычайно точными предсказателями.
Мы подошли к Гюль по широкой орбите.
«Потаенный свет» был оборудован

маскировочными полями, принци
действия

которых Рейвенор отказывался мне
объяснять, но я чувствовал, что они
поддерживаются его ужасающе могучей
Волей. Высокочастотные сенсоры
обнаружили корабль, повисший на низкой
орбите, - каперское судно довольно
внушительных размеров, судя по всему еще
не обнаружившее, что мы уже рядом.
Сам Гюль была невидима. Или
практически невидима. Я никогда не
встречал тира, настолько стремящегося
казаться несуществующим. Всего лишь
тень
на звездном небе, едва угадываемое
скопление материи. Даже на фоне солнца
планета казалась лишенной хоть

сколько-нибудь четкого силуэта. Она словно

впитывала свет, но не отражала его.

Когда Циния Приист, хозяйка корабля

Рейвенора, принесла для изучения первые

сканированные изображения поверхности, нам показалось, что это просто увеличенные

фотографии детской головоломки.

- Это же лабиринт, - удивленно произнес тогда я.

- Головоломка... вроде «плетенок», - решил Рейвенор.

- Нет, резная фруктовая косточка, - уверенно кивнула Медея.

Мы все посмотрели на нее.

- Божий труд на каменном сердце. - Она уставилась на нас: - Вы чего?

- Может, объяснишь? - предложил я.

И она объяснила. Потребовалось некоторое время, чтобы мы смогли ухватить ее мысль. Отшельники Главии, судя по всему, не могли придумать лучшего способа

выразить свою религиозную любовь к Императору, кроме как записать весь Имперский Молитвослов на косточках секерри. Эти самые секерри, как мы узнали, представляли собой мягкие сладкие летние

плоды, напоминающие на вкус смесь айвы и нуги. Что-то вроде ширнапля, как нас достоверно проинформировала Медея. Косточки секерри были размером с желчужину.

К счастью, никто не стал допускать ошибку и спрашивать, что же такое

ширнаплъ.

- Я ж и не знаю, как они это делают, -

продолжала Медея. - Они вырезают
надписи

на глазок, с помощью иглы. Сомневаюсь,
что

отшельники сами могут что-то
разглядеть, но они демонстрировали нам
голоуиические

изображения с увеличенными снимками

вырезанных косточек в школе. Там
можно

прочитать каждое слово! Все слова до

последнего! Божий труд на каменном
сердце.

Они оплетали надписями косточку вокруг,
плотно, компактно, используя все свободное

пространство. Нас учили, что молельные

косточки являются одним из
Девятнадцати

Чудес Главиц, которыми мы должны гордиться.

- Девятнадцать Чудес? - переспросила Циния.

- Во имя Золотого Трона, женщина, не заставляй ее начинать! - вскрикнул я.

Впрочем, в сравнении, предложенном Медеей, что-то было. Поверхность Гюль и в

самом деле казалась гравированной.

Идеальная черная сфера, в которой были прорезаны глубокие пересекающиеся линии.

В действительности каждая из этих линий

была ущельем с гладкими стенами и извести

метров шириной и девятьсот метров глубиной.

Описание Медеи заставило меня

задуматься. Я вспомнил диаграмму,
которую

мы засняли во время аутосеанса на
Протоги, и то, как записи Эмоса
принимали те же

самые извилистые очертания, когда он
изо

всех сил старался расшифровать ее.

Тюль вполне могла оказаться покрытой

«гравировкой», решил я. Вся культура
«тех, что пришли из Варна», - а в
особенности их

язык, - строилась на использовании

выразительности пространства. Я
допускал, что покрытая письменами
стена, которую

мы видели во время аутосеанса на
Протоги, могла быть просто копией
такого же

лабиринта, созданного в те времена, когда

Протоги выглядела так же, как Гюль, их столичный мир.

Сенсоры Цинии Приист обнаружили на поверхности следы тепла и перемещений.

Мы разбились на команды и приготовились к

высадке на планету. Хозяйке «Потаенного света» приказали навести орудия на вражеское судно и в случае необходимости уничтожить его.

Три наших корабля - мой пинас и два шаттла из «конюшен» Рейвенора - погрузились в разреженную атмосферу и понеслись над идеальным геометрическим узором планеты. Наши тени мелькали над черными плато и глубокими разломами.

Мы приземлились в степных ущельях.

Первый сюрприз оказался приятным -

атмосфера планеты была пригодна для дыхания. Мы же надели герметичные костюмы с кислородными масками.

- Как такое может быть? - спросила Элина.

- Не знаю.

- Но это настолько невероятно... Точнее говоря, невозможно, - произнесла она.

- Да.

Вторым сюрпризом стало открытие, что Медея была права.

Кензер с ауспексом в руках подошел к стене каменного коридора и принялся изучать переход между стеной и полом.

Но мне не нужен был прибор, чтобы понять: они идеальны. Гладки. Точны.

Вырезаны. Выгравированы.

- Угол между полом и стеной составляет

девяносто градусов с точностью до... В
общем, если говорить проще, то точность
такая, что мой ауспекс зашкаливает.
Кто...

Кто мог сделать подобное? - Кензера
перехватило дыхание.

- Главуанские отшельники? - протрещала
Медея.

- Да, если бы в их распоряжении имелись
термоядерные резак, звездные корабли,
лишняя планета и неограниченные запасы
энергии, - сказал я. - А еще скажи мне: кто
бы мог отполировать планету, прежде
чем

они приступили к работе?

Мы продвигались по ущелью. Оно плавно
сворачивало на запад, словно старая река,
прорезавшая глубокое русло. Когда-то на
КСХ-1288, столкнувшись с сарүти, я был

стущен отсутствием правильных
геометрических форм. Теперь же меня
сбивало с толку обратное. Все было
чрезмерно точным, упорядоченным,
безукоризненным и не тронутым
воздействием времени. Только тонкий
слой
темного налета на дне позволял
предположить, что коридор проложен не
вчера.

Мы догнали Нейла.

- Они знают, что мы здесь, - сказал он,
махнув рукой в сторону идущего
параллельно ущелья, откуда доносились
звуки боя.

- Есть какие-нибудь предположения
относительно их численности? - спросил
я.

- Ни малейших, но шайка Скиннера тоже

наткнулась на неприятности. По его
оценке, это бессоринцы, закованные в броню
и

пребывающие в весьма высоком боевом
настрое.

- Тогда нам лучше соблюдать
осторожность.

Я попытался вызвать Рейвенора,
используя свое сознание вместо вокса:

- Состояние?

- АСПЕКТЫ УЖЕ...

- Стоп, стоп, стоп... потише, Гидеон.

- Прости. Иногда я забываю, что ты...

- Я - что?

- Что ты плохо себя чувствуешь, хотел я
сказать. Воины аспекта уже вступили в
бой.

Мы тут весьма сильно заняты.

Я мог чувствовать фоновые вспышки

энергии, когда он направлял мощь своего сознания в псионические орудия силового кресла.

- Противник? - спросил я.

- Бессоринские янычары и другие необычные наемники. Мы...

Он прервался. В течение нескольких мгновений я воспринимал только скрип каких-то помех.

- Прости, - откликнулся Рейвенор. - У них какая-то разновидность термоядерного оружия. Нас здесь определенно не желают видеть.

- А «здесь» - это где?

Он передал мне последовательность координат. Взяв планшет с картой из рук Нейла, я ввел их в навигатор.

- Строение, - сообщил Рейвенор. - Прямо перед нами, к юго-западу от вас. Оно выходит

в одно из ответвлений ущелья. Правда, я не

могу понять как. Здесь нет никаких дверей. Но

вессоринцы откуда-то вылезают. Должен быть потайной вход. - Опять помехи, прежде

чем его голос всплыл снова. - Вессоринцы бьются точно одержимые. Мой лорд-провидец

говорит, что они уже заслужили уважение аспектов.

- Твой лорд-провидец?

- Повтори. Я не разобрал.

- Ничего, Гидеон. Мы собираемся

попытаться подойти к вам с фланга, по

северо-восточному пересечению.

- Принято.

- Выступает! - приказал я.

Все, кроме Элины, подскочили, и я

осознал, что продолжаю говорить,
используя

псионическое воздействие. Какая

небрежность! Я устал, меня терзала боль.
Но

это все равно не могло служить мне
оправданием.

- Мои извинения, - сказал я, снова

переходя на нормальную речь. -

Выдвигается. Этот коридор сворачивает
на

юго-запад и пересекается с галлереями.

Наша цель, по расчетам Гидеона,
находится

на их пересечении.

Мы поспешили вперед, стараясь держаться в плотной тени ущелья.

- Ну и ну! - внезапно воскликнул Кензер, задрав голову.

Звездное небо, отраженное стенами коридора, озаряли яркие всполохи. Они возникали то здесь, то там, похожие на капельки толока, упавшие в чернила.

Предупрежденный о появлении незваных гостей, костический корабль Гло вступил в

бой, а «Потаенный свет» отвечал ему лихорадочной стрельбой. Обширные россыпи огней освещали небо, словно стробоскоп.

- Не хотел бы я там оказаться, - сказал Корл Крайн.

Крайн был жителем улья, никогда до того

не служившим в каких-либо войсках. В первую очередь он был предан Рейвенору, а во вторую (и последнюю) - клану с нижних уровней Танхайва Девять на Танситче. Корл

был невысоким, бледным мужчиной в золотанной бронекуртке с оторванными рукавами. Его кожа была выкрашена в цвета

клана, а глаза затеняла дешевая аугметика.

Он носил ожерелье из человеческих зубов, что выглядело почти кошачьим, учитывая, что его собственные зубы были сделаны из

кератина.

Крайн вскинул на плечо автоматическую винтовку «Тронзвассе», снабженную прибором ночного видения, и пошел вперед. Всю свою жизнь, до той поры, пока

его не завербовал Рейвенор, он прожил в
темных городских трущобах. Мрак вполне
устраивал его.

Звук стреляющих катapult становился
громче. Можно было разобрать, что
несколько подобных устройств гудят в
унисон с мощным лазерным оружием. Я
услышал глухой взрыв гранаты.

Кензер, наш археолог, отстал. Он не был
официальным членом команды Рейвенора

просто эксперт, которому заплатили за
то, чтобы он провел исследование на
Протоги.

Он мне не очень нравился: в нем не было ни
решительности, ни самоотверженности.

Мне не надо было читать его мысли,
чтобы

понять: он здесь только ради

потенциального успеха, который могли
ему

принести несколько эксклюзивных
академических докладов по открытиям на
Тюль.

- Пошевеливайся! - заорал я ему.

Лопило спину, во рту снова появился
привкус крови.

Кензер склонился возле одной из стен
разлома и возился с портативным
сканером.

Я приказал всем остановиться и помотал
обратно, поднимая черный налет своими
тяжелыми сапогами, усиленными
металлическим каркасом. И в самом
геле, железноногий!

Думаю, сильнее всего меня раздражал не
каркас, не его тяжесть или вынужденная
люмпенская походочка, и даже не

непонятно

откуда берущийся привкус крови. Нет,
хуже

всего был мой холодный скальп.

К этому я действительно не мог
привыкнуть. Креции пришлось обрить
мою

голову, чтобы внедрить в нее пучок
нейронных и синаптических кабелей,
приводивших в действие аугментические
модули на моих ногах. Она молчала в
течение всей процедуры имплантации.
Даже

по элементарным имперским
стандартам

выходило уродство. Но, учитывая, что мы
находились посреди «нигде», лучшего они с
Атрибасом сделать не могли.

Как говорится, нужда обязывает.

На моем лысом затылке зияла свежая
рана, облепленная многочисленными
гнездами подключенных к моему
позвоночнику внедрений, которые
пришлось
встроить моему преданному медику,
чтобы
заставить работать аугментическую
систему
на ногах. Кабели в стальной оплетке
выходили из моего черепа и сбегали вдоль
хребта к сервоприводу, закрепленному на
пояснице. Связка кабелей была прижита
к спине, образуя аккуратный
аугментический
«конский хвостик».

Со временем я мог бы к этому
привыкнуть. Если бы у нас было это время.
А

если не было, то тем более какая, и
черту, разница?

Я остановился возле Кензера. На монитор
прибора ученого упала резкая тень.

- Что вы делаете?

- Делаю запись, сэр, - пробормотал он. -

Здесь есть отметина. Все остальные
стены

были чистыми.

Я поглядел вниз. Согнуться мне было
тяжело.

- Где?

Он извлек из своей сумки

щетку-пультверизатор и сгнул налет.

- Вот!

Небольшая спираль. Вырезанная на
гладкой поверхности камня.

Она напоминала крошечную версию

диаграммы, которую ты видел на Протоги, или уже просто невероятно крошечную

копию лабиринта поверхности планеты.

- Записывайте быстрее и пойдём дальше, - сказал я и отвернулся. - Пойдёмте же, - прокричал я через плечо.

И вдруг Кензер заорал, перекрикивая даже шквал лазерного огня.

Я посмотрел назад. Распластаный на земле Кензер был настолько изувечен свирепой стрельбой, что его едва можно было опознать. Огромная лужа крови стремительно растекалась вокруг него.

Но кто на него напал?

- Это ещё что за черт?

Ожесточающая заурчала в моих руках, но как-то непривычно уныло.

Нейл присел возле меня, обводя окрестности дулом своего матово-черного хеллгана.

- Как, именем Терры, это произошло? - спросил он. - Льеф? Корл? Что наверху?

Я оглянулся. Гюстин и Крайн медленно возвращались к нам, взглядываясь в верхний край ущелья.

- Чисто. Над нами стрелков нет,- доложил Гюстин.

Я похлопал ладонью по холодному камню рядом с обнаруженной Кензером гравировкой. Стена была неподвижна.

Мы вновь двинулись вперед, следуя изгибу ущелья. Крайн прикрывал наш тыл.

Примерно через пятьдесят метров он внезапно вскрикнул.

Мы вскинули оружие. Крайн лицом к лицу

сошелся в перестрелке с двумя

вессоринскими янычарами, с головы до пят
закованными в броню. Его тело
содрогалось

от входящих в него разрядов, но, прежде
чем

рухнуть в пыль, он успел всадить очередь
в

лицевой щиток одного из вессоринцев.

Нейл и Медея накрыли второго наемника
шквалом огня. Он упорно отстреливался.
А

затем его разнес на мелкие кусочки залп
Кары.

- Позаботься о них! - приказал я Медее,
кивнув на Нейла и Элину.

С левой руки Гарлона ободрало кожу, а у
Элины были зажены мягкие ткани голени.
Оба продолжали отмахиваться, наперебой

заявляя, что чувствуют себя прекрасно.

Медея открыла свой вещмешок в поисках перевязочных материалов.

Я осматривал трупы Крайна и
вессоринцев.

- Откуда, мать их, они лезут? - спросил
подошедший Гюстин.

Я не стал отвечать, а вместо этого
извлек

из заплочного чехла рунный посох и крепко
сжал его, сфокусировав свои силы на стене
ущелья. Пыль и прах эпох разлетелись в
стороны, и на гладком камне проявилась
еще

одна спиральная отметина вроде той,
что

нашел Кензер.

- Диаграммы, - сказал я.

- Что, сэр? - не понял Льеф.

Я наклонился, плюнул на пальцы и провел рукой по спиральной тетке, стараясь не обращать внимания на следы крови в слюне.

- Неудивительно, что Рейвенор не смог найти дверь. Мы ищем не в том измерении.

- Простите, но что за хрень вы ищете в виду? - спросил Льеф.

Он мне нравился. Своей вечной простотой.

- «Пришедшие из Варна» понимали пространство и время так, как мы даже не

можем себе вообразить. В конце концов, они

ведь были подвержены Варну. Мы видим все

вокруг как геометрическое переплетение

математически точно рассчитанных коридоров, лабиринт. Но все не так. Это место выстроено в четырех измерениях...

- Четыре-ех? - неуверенно протянул

Тюстин.

- Ох, в четырех, шести, восьми... кто знает? Представь себе... вязаную ткань.

- Вязаную ткань, сэр?

- Да, все эти толстые переплетающиеся нити, такой сложный узор.

- Хорошо...

- А теперь представь вязальные спицы, создавшие его. Только спицы. Большие, негнущиеся и... простые.

- Ладно... - Перевязывая Нейла, Медея прислушивалась к разговору.

- Вся эта планета - только вязальные спицы. Негнущиеся, прочные, простые. А

реальность Гюль - предмет одежды, который

связан или, что-то, чего мы не можем увидеть, нечто комплексное и мягкое, переплетенное вокруг спиц.

- Мне очень жаль, сэр, но я не попеваю за вами, - произнес Льеф Гюстин.

- Не попеваешь, - сказал я. - Чертовски верно. Вот метки на стене. Это что-то вроде

миниатюрных карт, объясняющих, где находятся входы и выходы в глобальную реальность.

Гюстин кивнул, делая вид, что все понял.

- Ясно... Но, возвращаясь к теме, откуда вылезли янычары? - спросил он.

Я похлопал по твердой стене.

- Вот. Прямо отсюда.

- Но это же цельный камень!

- Только для нас, - сказал я.

Отправившись дальше, мы выстроились кругом, словно фаланга конейщиков во времена древних войн. С той стороны, где находился Рейвенор, доносились неистовые звуки сражения. Нейл угрюмо доложил, что

больше не может связаться с кем-либо из отряда Скиннера.

Мы обыскивали стены в поисках очередных узоров.

- Здесь, сэр! Здесь! - воскликнула Кара.

Я подбежал к вырезанной в камне спирали и приказал:

- Ждите здесь!

Словно по мановению волшебной палочки, гладкий камень растворился.

Секунду назад он был, а теперь его не

стало.

Мне навстречу выскочил бессоринский
янычар, но Нейл снял его одним точным
выстрелом.

Теперь Медея начала стрелять. Еще два
наемника возникли из гальной стены
ущелья.

Прятаться было негде. Не было вообще
никакого укрытия.

Через мгновение по нам открыли огонь с
третьей стороны.

Я отвечал из здорового
автоматического «Гекатера»,
позаимствованного в арсенале
"Потаенного
света". Старый лазерный карабин
Гюстина
трещал рядом со мной, а чуть поодаль
Элина

увлеченно опустошала обойму своего
пистолета.

Противники окружали нас. Мы попали в
засаду. Я насчитал, по крайней мере,
пятнадцать янычаров и одного

тяжеловооруженного озрина. Нейла ранило
в

бедро, но, даже упав, он продолжил
стрелять.

В оковы на моей левой ноге ударил лазер.

Самое время вводить резервы.

- Черубаэль! - скотандовал я.

Он дрейфовал высоко над ущельем, следуя
за нами, точно воздушный змей, но теперь
спускался, набирая скорость, усиливая
сияние ореола.

Создавая этого демонхоста, я проявил
значительно больше осторожности. В
дополнение к базовым, поспешным

ритуалом, с помощью которых мы с
Элрсом

творили его в последние минуты нашего
пребывания на «Уссине», я добавил на его
плоть охранительные знаки и руну,
чтобы

укрепить его покорность. В отличие от
своих

предшественников, этот демонхост уже
не

мог проявить сатоволие или
взбунтоваться.

Он уже не был клейменым теленком,
требовавшим постоянного пристотра. Его
оплетали и сковывали тройные печати,
превращавшие его в раба. Мне было
приятно

думать, что хотя бы иногда меня чему-то
учат собственные ошибки.

Однако кое-чем пришлось и

пожертвовать. Этот Черубаэль обладал
куда

меньшими способностями, что было
напрямую связано с усилением оков. Но и
оставшихся возможностей вполне
хватало.

Даже более чем.

Он проплыл над ущельем, оставляя за
собой хвост из пламени варна, и несколько
нападавших растворились в
разразившемся

огненном шторме. К их чести, бессоринцы
не

закричали. Но грогнули и стали
отступать.

Огрин нацелил свое мощное оружие на
приближающегося демона. Снаряды
отлетали от Черубаэля, словно лепестки
цветов. Порождение варна вонзило свои

когти в грудь визжащего
человекоподобного

и подняло гиганта над землей.

А затем бросило. Огрин взлетел. Просто
взлетел и исчез в небе.

Черубаэль заскользил поперек ущелья к

отступающим наемникам. Своим
ответным

огнем мы уже значительно сократили их
численность и теперь бросились в погоню.

Элина осталась рядом с растянувшимся на
земле сквернословящим Нейлом.

Я ответил кое-какие перетены,

проявившиеся в новом Черубаэле. Он
больше

не стесался. Вообще. На его лице застыло
хмурое выражение. Демонхост не проявлял
никаких признаков наслаждения бойней.

Я был рад этому. Его смех действительно

серьезно действовал мне на нервы.

Впрочем, теперь на них действовало новое

лицо Черубаэля. Оказавшись в новом теле, демон стал производить обычные изменения

- обзавелся рудиментарными рожками, когтями, гладкой глянцевой кожей, пустыми глазами.

Но это не стерло черты Годвина Фишига.

Он убил всех, кто устроил на нас засаду, всех, за исключением одного, который успел

добежать до стены и пытался задействовать

пространственный механизм, с помощью которого пришел сюда.

- Задержи! - приказал я.- Не дай проходу закрыться!

Черубаэль повиновался. Он разметал последнего наемника на атомы, как только

тот открыл ход, а затем широко расставил

руки, препятствуя его закрытию. Даже гля

Черубаэля это оказалось непростой задачей.

- Быстрее,- раздраженно произнес он.

Времени ждать всех членов моей команды

не было. Гюстин прыгнул головой вперед, а

за ним, успев только крикнуть, чтобы

остальные отступили и держались вместе.

Последним, что я услышал, был громкий

хлюпающий звук - должно быть, огрин, наконец, подчинился закону гравитации.

Проход захлопнулся.

Меня тошнило, выворачивало наизнанку,

скручивало и тянуло все мышцы... А затем я

приземлился прямо на лежащего Гюстина.

Мы оказались в тускло освещенном
квадратном помещении. Пахло плесенью.

- Ой! - возмущился Льеф.

Я поднялся на ноги. Уже сама по себе эта
задача оказалась ужасно трудной. Мне
пришлось изрядно попотеть, прежде чем
удалось принять вертикальное положение.

- Вы в порядке? - спросил Гюстин.

- Да, - отрезал я.

Но на самом деле я вовсе не был в
порядке. В висках пульсировала кровь, а
боль

в ногах усилилась до такой степени, что
перестали помогать даже анестетики,
которые поступали из автоматического
дозатора, вживленного Крецией в мое

бедро.

- Даже и не думай, что я потащу тебя, -
прошептал за моей спиной Черубаэль.

- Не беспокойся. Твоему достоинству
ничто не угрожает.

Я извлек из ножен Ожесточающую, сжал
рунный посох и шагнул вперед. Темнота.

Стена. Я обернулся. Еще одна стена.

- Гюстин?

Он включил фонарь, но тот высвечивал из
темноты только черные стены. Потолка
не
было.

- Как далеко ты можешь заглянуть? -
спросил я Черубаэля.

- В вечность, - ответил он, паря рядом со
мной.

- Замечательно. А если в

пространственных терминах, то как далеко?

- Здесь - не далеко. Вижу, что эта стена заканчивается вон там. За ней есть разрыв.

- Очень хорошо.

Я потащился вперед.

Моя спина теперь сильно болела в месте входа имплантатов, а из носа текла кровь.

Гюстин прикрепил фонарь к штыковому затку своего лазерного ружья.

Он решил вызвать Нейла по воксу.

Устройство оставалось мертвым.

Я предпринял попытку дотянуться до

Рейвенора своим сознанием. Ничего.

Тяжело ступая, я брел в темноте вместе со

своими странными компаньонами. Рунный

посох загрожал, учуяв средоточие какой-то

энергии.

- Ты чувствуешь это? - спросил я демона.

Он кивнул.

Мы двинулись следом за ним.

- Вы заметили, что мы здесь спокойно
дышим? - проговорил Гюстин несколько
минут спустя.

- Черт возьми, я не стал бы этому
преждевременно радоваться.

Он нахмурился, поглядел на меня и
добавил:

- Я имею в виду, что воздух пригоден для
дыхания и снаружи, и внутри.

- Это для того, чтобы наш враг мог
дышать, - сказал Черубаэль.

- И что ты хочешь этим сказать?

- Они добрались сюда первыми. Проникли
внутрь. А Гюль сделала атмосферу
пригодной
именно для них, как только почувствовал
их
присутствие.

- Ты говоришь так, словно Гюль живая.
- Гюль никогда не знала жизни, - сказал
демонхост. - Впрочем, и мертвой ее тоже
не
назовешь, - добавил он несколько мгновений
спустя.

Я уже собирался попросить его
поподробнее рассказать об этом
тревожном
факте, но Черубаэль внезапно встретился
в
черноту. Я увидел вспышку его свечения и
лазерный всполох. Демонхост возвратился.
С

его когтей капала кровь.

- Они охотятся за нами, - произнес он.

Я видел всякие чудеса в своей жизни. И
ужасы тоже. Я становился свидетелем
таких

событий, которые стучали мой разум и
даже

воображение.

Но ничто из этого не шло в сравнение с
тавзолеем в недрах Гюль. Для того чтобы
хотя бы описать его размеры, придется
использовать такие не вполне подходящие
определения, как «обширный»,
«огромный»... Сравнить было не с чем.

Мы вышли из мрака тоннелей во мрак
бездны, простиравшейся вокруг, насколько
хватало глаз. Многочисленные крошечные
точечки света, рассеянные кругом,
освещали

небольшие участки поверхности какой-то
невообразимой структуры, столь же
темной

и циклопической, как та вечная стена,
которая, как верили древние философы,
ограждала сотворенный мир.

Край Вселенной. Стена корзины, в
которую Бог уложил созданную им
реальность.

Вот только мне не хотелось даже
думать о

том, что же это был за Бог.

Было тепло и спокойно. Ни малейшего

ветерка. Приглядевшись, я понял, что

капельки света располагаются вдоль
линий

огромного узора, выгравированного на

поверхности мавзолея. Контуры спиралей,
линии и завихрения рун.

Это было то самое место, где

«пришедшие

из Варна» погребли своего мертвого
короля.

Это была могила Ыссарила, над которой
в

одну из странных эпох, предшествовавших
возникновению человечества, была
возведена Гюль.

Зрелище лишило гора речи даже

Черубаэля. Хотелось надеяться, что его
толчание было вызвано простым

восхищением. Но возникало отерзительное
чувство, что он испытывает
благословение.

Ули страх.

Гюстин на некоторое время утратил
самооблагание. Его рассудок отказывался
принимать то, что видели его глаза. Он
безудержно зарыдал и упал на колени.

Какое

это печальное зрелище, когда крепкий, бесстрашный мужчина оказывается настолько беспомощен.

Я не мешал ему, пока это было возможно, но его плач уносился во тьму и казался

слишком громким. Часть крошечных огней

задвигалась, словно они начали спускаться.

Положив руки на плечи рыдающего бойца, я попытался применить Волю и успокоить его.

Не сработало. Никакое убеждение не могло заставить его уносимый течением рассудок бросить якоря.

Пришлось применить более грубое воздействие. Я поразил его сознание глубоким психическим щупом, блокируя

чувство страха и вытораживая его мысли, оставляя место только для базовых инстинктов и биологических функций.

Мы приблизились к мавзолею, шагая по полю, выложенному из матового камня. Чем

дальше мы шли, тем четче вырисовывались

контуры сооружения. Оно явно было куда больше, чем мне вначале показалось.

Я приказал Гюстину выключить фонарь.

Мы ориентировались на светящиеся точки.

Черубаэль предупредит нас о любой опасности. О пропасти, например.

Единственное наше преимущество

заключалось в том, что на таких просторах

врагу придется постараться, чтобы найти

нас.

По моим ощущениям, прошел примерно час, но мы все еще находились слишком далеко от гробницы. Я сверился с

хронометром, пытаясь точно определить, как долго мы уже блуждаем по

внутренностям Гюль, но тот остановился.

Хотя «остановился» - это не совсем точное

определение. Устройство все еще работало и

отбивало секунды, но время не показывало.

Мне вспомнились часы в каюте Эмоса, трезвонившие без всякого смысла.

Постепенно я стал, наконец, понимать, что представляли собой огоньки. Раньше они

казались крошечными пятнышками,

отбрасывавшими небольшие световые

поля.

На самом деле это были массивные, мощные лампы, какими обычно освещают посадочные площадки или военные лагеря.

Установленные на суспензорных платформах, они плавали, в нескольких местах перед поверхностью мавзолея, позволяя разглядеть подробности и отбрасывая заплаты яркого света, размерами

с амфитеатр. Всего было сорок три платформы, и на каждой по одной лампе. Я

специально пересчитал их.

На платформах двигались фигуры. Люди. Гло, в этом можно было не сомневаться.

Часть из них - наемная охрана, но в основном это были агенты тайных наук, присоединившиеся к еретику.

Пока ты оглядывали представшее перед
нашими глазами пространство,
некоторые
платформы медленно переплывали с
места
на место или меняли направление лучей
своих ламп.

Они читали знаки, начертанные на стене.
Не представляю, как ему такое удалось, но
Гло узнал об этом месте, нашел его и
проник

внутрь, натереваясь выкрасть лежащие
здесь
отвратительные сокровища. Но самые
глубинные тайны Гюль все еще не
давались
ему.

Вот почему Понтиус так страстно
мечтал
заполучить Малус Кодициум.

Он был нужен ему, чтобы оттолкнуть последний заток.

Одна из платформ начала подниматься, и свет ее лампы побежал по проплывающей титано облицовке гробницы. Подъемник завис

над тем, что казалось верхним краем стены.

Яркий луч высветил прямоугольный провал.

Возможно, это был вход, хотя кому могло бы

прийти в голову сделать вход на вершине стены?

Я отругал себя за этот вопрос.

«Пришедшие из варна».

- Гло там, наверху, - произнес Черубаэль.

Все верно. Я мог чувствовать сознание этого монстра.

Мы пробежали последние несколько десятков метров и наконец оказались у подножия мавзолея. Повсюду стояли штабелю из металлических ящиков, полных оборудования и запчастей для осветительных платформ. Рядом затерли несколько грузовых флаеров и два громоотводных спидера. Главный лагерь. Мы спрятались за ящиками. Надо было продумать план действий, взвесить все имеющиеся варианты.

Почти одновременно две платформы потушили свет своих огромных ламп и спустились вниз. На каждой платформе было приблизительно по шесть человек.

Одна остановилась, и с нее прыгнули

двое. Они поспешили к грузовому флаеру.
Я

мог слышать, как они обмениваются
репликами с теми, кто оставался на
платформе. Несколько мгновений спустя
рядом опустилась вторая платформа.
Люди были одеты кто в легкое
обмундирование, кто в рабочую одежду.
Некоторые держали в руках
информационные планшеты.

Рабочие, спешившие к флаеру, вернулись,
неся ящик с оборудованием. Они погрузили
его на платформу, и та немедленно
начала

подниматься вверх по стене, а ее лампа
снова заработала на полную мощность.

- Пойдем, - тихо произнес я.

Несколько человек уже загружали ящики
на вторую платформу. Их было всего

шестеро

- четверо в балахонах и двое одетых в броню

наемников, приставивавших за блоком управления подъемником.

Ожесточающая сразила сразу троих грузчиков двумя быстрыми взмахами.

Гюстин дернул за балахон четвертого, перетащил его через поручень и сломал ему

шею. Черубаэль обнял двоих наемников

сзади, те мгновенно обратились в золу и рассыпались. Мы поднялись на платформу.

- Подготовь латну! - приказал я Гюстину.

Я быстро изучил блок управления, и мы

начали подниматься. Высота регулировалась

примитивным медным рычагом.

Мило со свистом скользил холодный
камень стены гробницы. Когда мы
поравнялись с самой нижней из платформ,
Гюстин включил лампу и направил ее
свет на
стену.

Я не мог вспомнить, на какой высоте
находился подъемник до того, как он
спустился за запчастями. Сколько
времени у
нас есть в запасе, прежде чем нас
обнаружат
остальные?

Я надеялся, что они слишком поглощены
своей работой.

Мы миновали две трети пути, когда в
нашу
сторону развернулась лампа с грузой
платформы и раздался выстрел.
Спустился

секунду лучи остальных светильников

скрестились на нашем подъезднике.

Вокруг

нас засверкали лазерные всполохи. Гюстин

присел за поручень и открыл ответный

огонь. Я продолжал подъем.

- Может, хочешь, чтобы я влещался?... -

спросил Черубаэль.

- Нет, оставайся на месте.

Очередной залп Гюстина погасил лампу на

догонявшей нас платформе. Ливень искр

полетел к земле, отражаясь в

полированной

поверхности стены.

Я почувствовал, что в гнище несколько

раз попали. К счастью, мы были почти на

месте.

Мы поднялись к прямоугольному входу.

Он был огромным, возможно, сорок метров
в

поперечнике. Чуть выше парила другая
платформа, и, не справившись с

управлением, я врезался в нее. Люди на ее
борту начали стрелять. Еще несколько
человек стояли в темном зеве входа.
Гюстин

тоже ответил стрельбой. Я увидел, как
один

из противников валится на палубу своей
платформы, а второй вылетает за борт
и

каплет падает вниз.

Лазерный огонь обрушился на наш
подъемник, отрывая полосы металла,
кроша

в щепки палубу, корежа поручни.

Выключилась простреленная лампа.

Я дернул рычаг управления и с силой ударил нашей платформой о соседнюю. Ее край пропорол облицовку стены. Я повторил

свой не слишком элегантный маневр.

Противники закричали, но продолжали стрелять.

- Давайте поторопливаться! - заорал Гюстин.

Он кинул гранату в проход.

Последовали глухой взрыв и вспышка, а затем тито нас пролетело два изуродованных тела.

Гюстин бросил вторую гранату на соседнюю платформу и, перепрыгнув через поручень, стал стрелять прямо в клубящийся

дым из своей лазерной винтовки.

Я последовал за ним. Черубаэль парил в воздухе за моей спиной. С невероятным трудом я утүдрился таки шагнуть достаточно широко, чтобы перепрыгнуть с платформы на каменные плиты входа. Вторая граната Гюстина пробилa палүбү платформы. Она просела, а потом потчалась вниз, точно скоростной лифт, оставляя за собой огненный след. По пүти она стела еще два подъездника. На землю посыпались тела и горящие обломки. Взрывная волна настигла нас. Пол погольную накренился как раз в тот момент, когда я завис над пропастью, пытаюсь заставить двигаться свои непослушные, тяжелые конечности.

Я непременно упал бы. Каркас, сковавший мое тело увесистым якорем, тянул меня вниз.

Черубаэль подхватил меня под руки и аккуратно перенес к входу в гробницу.

Я был благодарен, но не мог найти в себе сил, чтобы сказать ему «спасибо». Говорить

«спасибо» Черубаэлю? Сама мысль об этом была мне отвратительна. То, что Черубаэль

добровольно спас мою жизнь, казалось настолько невероятным...

Гюстин пробивал себе путь по коридору, который, как мы теперь видели, представлял

собой глинный тоннель. У самого входа стояли нагромождения ящиков с оборудованием, а вдоль стен, с равными

интервалами, парили светящиеся сферы.

Казалось, они ведут довольно далеко.

Четверо или пятеро наемников и слуг
нашего неприятеля лежали мертвыми на
полу тоннеля, а еще с полдюжины,
отстреливаясь, отступали.

Черубаэль уничтожил их. Мы последовали
за ним. Я отчаянно желал снова
научиться
бегать.

С противоположной стороны тоннеля
перед нами открылся вид на гробницу. К
тому времени я думал, что способен
осознать

нечеловеческие масштабы этого
сооружения.

Я ошибся. Я впал в оцепенение.

Склеп представлял собой купольное
помещение, где с удобством можно было

бы

расположить мегаполис. Внутренние стены и

высокая, поддерживаемая колоннами крыша

были обильно украшены переплетениями надписей и эмблем, которых, готов поклясться, еще никогда не видели глаза человека. В этой гробнице покоился Циссарил, а изображения на стенах восхваляли его деяния и призывали к поклонению.

Мало что можно было разобратить в мрачной бездне под нами, но там что-то было. Нечто размерами с огромный имперский город-улей. Я различал черные геометрические очертания, вылепленные не

из камня или металла и даже не из

ности, а, казалось, изо всего этого разом.
Зрелище

было омерзительным. Мертвое, но живое.

Хоть и спящее, но переполненное

дремлющим могуществом миллиона
звезд.

Барк короля демонов. Колесница, которая
несла Ёссарила в его демонических
сражениях, его оружие апокалипсиса,
которым он уничтожал крепости варна и
города собственной реальности в войнах,
слишком ужасных, чтобы их можно было
вообразить.

То, за чем пришел Гло.

Из освещаемого сферати тоннеля мы
вышли на массивную плиту из темного
оникса, нависшую над бездной. Массивная
сорокаметровая колонна из полированного
темно-зеленого минерала, украшенного

гравировкой, уходила далеко вниз.

Вокруг парили светящиеся шары, а у
подножия лежали приборы и
инструменты.

Эту находку изучал сам Понтиус Гло.
Шум

пальбы и грохот взрывов предупредили его
о

нашем вторжении. Гло уже ждал нас.

Он появился из-за колонны, спокойный,
почти безразличный. Сверкающее

механическое тело было в точности
таким, каким я видел его во время
аутосеанса.

Накидка из клинков тихонько
позванивала, когда он двигался. Так же
ухмылялась вечно

улыбающаяся золотая маска.

- Грегор Эйзенхорн, - тихо произнес Гло. -

Самый назойливый ублюдок во всей

Галактике. Только ты мог прорыть,
прорубить, проскрести себе путь ко мне.
Что

ж, я восхищаюсь тобой.

Я тяжело шагнул вперед.

- Осторожнее! - прошипел Гюстин, но я

уже давно пересек черту, когда
осторожность

имеет значение.

Мы сошлись с Гло лицом к лицу. Он был
шире меня в плечах и значительно выше
ростом. Его накидка зазвенела, когда

Понтиус погладил великоленно

выполненной дюрсплавной рукой

поверхность зеленого камня. Потом он
выставил руку вперед.

- Не правда ли, магос Бур прогелал

потрясающую работу? Замечательный

мастер. Я никогда не смог достойно

отблагодарить тебя за то, что ты
предоставил

мне его услуги. Именно этой рукой я и
убил

его.

- На твоих руках не только кровь Бұра,
Гло.

Кстати, ты еще откликаешься на это
имя или

предпочитаешь именоваться Ханджар?

- Сойдет и то и другое.

- Твоя дочь так и не приняла ни одного из
них.

Он помолчал. Если бы мне удалось
разозлить его, Понтиус мог бы допустить
ошибку.

- Марла, - сказал он, - была такой
целеустремленной. Это еще одна причина
убить тебя. Кроме очевидных.

Он собирался еще что-то сказать, но мне уже надоело его слушать. Я встретил свою

Волю в рунный посох и метнулся вперед, замахиваясь мечом.

Псионический взрыв откинул Гло назад, но он успел увернуться, а его плащ, закружившись, отвел Ожесточающую в сторону. Ханджар сделал полный оборот вокруг оси, и мне пришлось отскочить, чтобы избежать смертоносного края его клинковой накидки.

Гюстин двинулся вперед. Но все до единого выстрелы отлетели от сверкающего

тела Гло, не причинив ему никакого вреда.

С другой стороны налетел Черубаэль. Его огненный удар опалил металл Гло, и я услышал, как еретик выругался. Понтиус хлестнул демонхоста открытой ладонью,

выбизгая крючковатые клинки из прорезей
в
кончиках пальцев.

Крючья впились в плоть Черубаэля, но
тот

не издал ни малейшего звука. Он сцепился
с

Понтиусом Гло, и психическая энергия
заполнила пространство между ними,
вспыхивая судорожно дергающимися
усиками света. Воздух затрещал, запахло
озоном. Танец металлических ног Гло
крошил оникс. Я пытался подобраться к
сражающимся и поддержать демонхоста
своими ударами. После первой попытки я
понял: это все равно что приближаться к
раскаленной печи.

Открыв рот, Гюстин в оцепенении
наблюдал за схваткой. Здесь ему делать

было

нечего.

Гло нанес Черубаэлю сокрушительный удар и откинул его в сторону. А затем попытался добить его копьем ментальной ярости. Демонхост перевернулся в воздухе и

упал. Но уже через мгновение медленно поднялся, словно сброшенный конем наездник, и снова взлетел.

Воспользовавшись этой короткой заминкой, я ринулся вперед, разя противника попеременно то посохом, то мечом, попутно стараясь установить между

нами максимально мощную ментальную стену.

Гло вмиг разбил эту стену на невидимые

кусочки и вырвал из моих рук посох. Его
клинки разорвали мой плащ и вспороли
предплечье.

Я собрал остатки мужества, крепче сжал
Ожесточающую и принялся рубить
Понтиуса

чередующимися ульсарами и тяжелыми
саэ

гехтами. Меч со звоном отскакивал от
его

переливающейся бронированной накидки.

Рунный посох теперь валялся далеко в
стороне.

Пригнувшись, чтобы избежать высокого

взмаха его острой словно бритва полы, я
не

рассчитал силы. Из черепа один за другим
стали выскакивать инструменты, а

сервоприводы начали раздирать мою

спину.

Боль ножом взрезала позвоночник. Я едва успел избежать следующего удара. Мой меч

стал описывать отчаянные тагн фех сар, парирүя выпады крючьев и клинков

противника, пока я пытался отступить на

безопасное расстояние.

Демонхост снова устретился к Гло, но

что-то преградило его полет. Краем глаза я

увидел, как Черүбаэль в воздухе сошелся со
некоей сверкающей фигурой.

Закүвыркавшись, они улетели в сторону и
скатились с края плиты в бездну
гробницы.

- Ты же не думал, что только у тебя есть
питомец? - устехнулся Гло. - Но мой

демонхост не настолько ограничен в своих
возможностях, как твой парень. Бедняга
Черубаэль. Как ты ужасно с ним
обращаешься.

- Это тварь, а не парень! - прорычал я и,
высоко взмахнув клинком, практически
рассек его золотую маску.

- Ублюдок! - завизжал Гло, проводя
плащом по гардой моей сабли.

Толстый металл оков на моем теле
принял

на себя основную силу удара, но я
почувствовал, как кровь заструилась из
порезов на ребрах.

Я отшатнулся. Мучительная боль в спине
доводила до иступления, подвижность
всех

суставов сократилась почти до нуля.
Левая

нога стала казаться ватной и не желала двигаться.

Железнодорожный. Железнодорожный.

Понтиус взмахнул ногтями и чуть не распорол мне лицо. В последнюю секунду мне удалось заблокировать его руку, ударив

Ожесточающей теждо его растопыренных пальцев, и остановить удар.

Гло снова отбросил меня назад. Мои медлительные, тяжелые механические ноги

отказывались держать меня, я не мог больше

сохранять равновесие.

По груди и лицу Понтиуса заплесали лазерные всполохи. Гюстин совершил

безумную попытку прийти мне на выручку.

Гло исполнил невероятно ловкий для
такого гиганта пирүэт, его плащ
затрещал, разворачиваемый центробежной
силой, и

сотни отточенных клинков со свистом
прошли сквозь тело Гюстина. Все
произошло

так стремительно, что бедняга даже не
успел

понять, что с ним случилось.

В воздухе повисла кровавая дымка.

Гюстин распался на части. В прямом
смысле.

Гло снова развернулся ко мне. Черүбаэля

не было видно. Я остался один. Только

теперь я решился признаться самому себе,
что противник превосходит меня.

Гло был почти непобедим. Смертоносно
быстрый, умелый, идеально защищенный.

Даже в лучшие дни мне было бы трудно

одержать верх в таком поединке.

А этот день явно не входил в список лучших.

Еще немного, и Понтиус прикончит меня. Точнее - добьет.

И он сам прекрасно понимал это. Шагнув ко мне, Гло растеялся.

Его смех задел меня глубже, чем любое из его лезвий. Я вспомнил о Фишиге, Эмосе и Биквин. Вспомнил обо всех союзниках и друзьях, погибших из-за него. Вспомнил о том, что сделала со мной его злоба, и о том, как далеко я зашел.

Я вспомнил о Черубаэле. Смех напомнил мне о нем.

И тогда, несмотря на боль и немоту, я пошел вперед. Мой натиск был таким жестоким и неистовым, что на клинке

Ожесточающей даже появились сколы и
зазубрины. Я наносил такие удары, что от
звонящей накидки Гло начали отлетать
клинки. Я бил его до тех пор, пока он не
перестал смеяться.

Он ответил ментальным взрывом,
отбросив меня назад на десять шагов.
Кровь

струей хлынула из моего носа и заполнила
рот. Я не упал - такого удовольствия
доставлять врагу я не собирался, но

Ожесточающая с визгом вылетела из
моей
ослабевшей руки.

Я согнулся пополам, оперся о бедра и
задышал часто, как собака. Голова
кружилась. До меня донесся хруст шагов
Понтиуса, идущего по раскрошенному

ониксу.

- Ты бы уже победил, будь у тебя книга, -
сказал я, сплюнув слюну впередешку с
кровью.

- Что?

- Книга. Проклятая книга. Малус

Кодициут. То, ради чего ты на самом
деле

направил на меня своих наемных убийц.

Именно по этой причине ты расстроил все

мои дела и уничтожил всех, до кого сумел

добратся. Тебе была нужна книга.

- Конечно, - прорычал он.

Я поднял голову.

- Она бы уже привела тебя к твоей цели.

Покончила бы с этим бесконечным,

бесплодным исследованием. Ты бы просто

открыл гробницу и забрал колесницу

гемона.

Задолго до того, как мы смогли бы сюда
добраться.

- Насладись этим маленьким триумфом,
Грегор, - сказал он. - Своей небольшой
пирровой победой. Спрятав от меня книгу,
ты прибавил месяцы, а может, и годы к
моей

работе. Оружие Циссарила будет моим. А
ты

просто несколько усложнил мне задачу.

- Отлично, - сказал я.

- Ты смелый человек, Грегор Эйзенхорн, -

застеялся Понтиус. - Давай же, я закончу
все

быстро.

Его клинки зазвенели.

- Думаю, - хрипел я, - ты сочтешь меня

безутцем, если я скажу, что принес книгу
с

собой.

Он затер.

Дрожащей, окровавленной рукой я полез

внутрь своего плаща и извлек Малус

Кодициум. У Гло перехватило дыхание. Я

демонстративно стал перелистывать

страницы.

- Глупый, глупый человечек, - пропел

Понтиус.

- Мне тоже так кажется, - согласился я.

Одним мощным движением я отограл

страницы от обложки.

- Нет! - закричал Гло.

Я не слушал. Сфокусировав свое сознание

на пачке выданных листов, я подверг их

самому свирепому ментальному взрыву, на

какой был способен. Страницы загорелись.

Я подбросил их в воздух.

Гло закричал в отчаянии и гневe. Вокруг нас метался вихрь горящих бумаг. Понтиус

пытался схватить их. Он метался как уталишенный, как ребенок, стараясь поймать, погасить, спасти хоть что-нибудь.

Но страницы горели. Объятые пламенем лоскуты тьмы, парящие над поверхностью древней плиты.

Гло принялся затаптывать обожженные листы. И совсем не обращал внимания на меня.

Ожесточающая с такой яростью обрушилась на него, что почти полностью отрубилa голову. В разорванном металле затрещали электрические разряды. Тело Гло

заскрежетало и грозило. Картауский

клинок зашел в мои руки, когда я одним
махом вспорол противнику грудь и
отрезал
кусок накидки.

Понтиус повалился назад, на край плиты,
и крючья на его пальцах завизжали, когда
он
попытался зацепиться ими за гладкий
оникс.

Снова взмахнув мечом, я сорвал золотую
маску, и та улетела в бездну. Обнажились
внутренности его механического черепа.

Схемы, оплавившиеся кабели, а еще -
кристалл, хранящий его сознание и
установленный в переплетении проводов.

- Во имя Святейшего Бога-Императора
Терры, - спокойно произнес я, - объявляю
тебя diabolus и на месте привожу
приговор в

исполнение.

Моя кровь стекала по рукояти

Ожесточающей, которую я сжимал
обеими

руками. Я поднял саблю. И провел эл
цаер.

Клинок рассек голову еретика и вдребезги
разнес кристалл.

Металлическое тело Понтиуса Гло
забилось в конвульсиях, дернулось и
сползло

с края плиты вниз, в бездну, в черноту
могилы короля демонов, позвякивая
лезвиями накидки.

Я сидел, привалившись спиной к стене
гробницы, в луже медленно растекающейся
крови, когда в темноте склепа загорелся
огонек.

Он приближался.

Наконец Черубаэль завис надо мной. Его
лицо, конечности и тело покрывали
ужасные

рубцы, ожоги и глубокие раны.

Я поднял на него взгляд. Двигаться было
очень тяжело. Кровь заливала глаза,
наполняла мой рот.

- Где демонхост Гло?

- Его больше нет.

- Понтиус утверждал, что он был сильнее
тебя.

- Ты и не представляешь, каким подлым я
порой бываю, - хмыкнул Черубаэль.

Страницы дьявольской книги уже
превратились в кучки сегого непла,
раскиданные по всей плите.

- Мы здесь закончили? - спросил
демонхост.

- Да.

Он нахмурился.

- Итак, все-таки мне придется тебя
тащить, - вздохнул Черубаэль.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОСЬЕ

ПРИМЕЧАНИЯ КАСАТЕЛЬНО
КЛЮЧЕВЫХ

ПЕРСОНАЖЕЙ В ЭТОМ ОТЧЕТЕ

Инквизитор Гидеон Рейвенор руководил

уничтожением планеты 5213X, также по
ряду

отчетов известной как Гюль. Несмотря
на

долгие дебаты среди Оргосов сектора,
никто и

никогда не получил разрешения
попытаться

добыть артефакты или другие
материалы с

5213X. Согласно приказу штаба

Военно-космического флота Скаруса лорд

адмирал Ольт Магортин уничтожил
данную

планету в 392М41. Рейвенор продолжал

служить Инквизиции в течение
нескольких

столетий, проведя множество известных
дел, включая уничтожение еретика
Тониуса

Слайта. Но посмертную славу этот
инквизитор приобрел благодаря своим
научным и литературным трудам, в

особенности несравненной « Сфере
Страсти».

Инквизитор Голеш Хелган пережил
гибель

«Уссина» у Цеганды. Его телохранителям
пришлось отрубить ему ногу, чтобы
освободить инквизитора и переправить на
свой корабль. Хелган потратил много
лет на

то, чтобы оправиться от тяжелых ранений, что потребовало серьезного ауѓметического реконструирования. Он вернулся к активной службе, но карьера его

уже была загублена сложившейся репутацией.

Умер от ран, полученных на Меназоуде Эпсилон в 765.М41.

Гарлон Нейл продолжал оставаться на службе Инквизиции еще много лет, перейдя

вместе с Карой Свол и Элиной Коу в штат

инквизитора Рейвенора. Их индивидуальные

судьбы не отражены в архивах Империи, хотя, как предполагается, Нейл умер приблизительно в 450.М41.

Креция Бершильд вернулась на Гудрун, где

занимала должность ведущего медика
(анатома) при Университариате Новой
Гевеи

вплоть до отставки ввиду ухудшения
здоровья

в 602.M41. Несколько ее трактатов по
аугментической хирургии стали
основными

авторитетными источниками по теме.

Медея Бетанкор вернулась на Главию, где
встала во главе семейного судоремонтного
бизнеса и возглавляла компанию в
течение

семидесяти лет. Она исчезла по пути к
Саруту

в 479.M41, хотя в ряде более поздних
отчетов

предполагается, что ей удалось пережить
эту

дату.

Верховный Инквизитор Филебас
Алессандро

Роркен оправился от своей болезни и, после

того как исчез Леонид Оста, стал Великим

Магистром Оргосов Теликана. Он занимал эту

должность в течение трехсот пятнадцати лет.

Инквизитор Грегор Эйзенхорн, как полагают, и после событий на 5213X продолжал служить Инквизиции, хотя сведения о его жизни и работе после этой даты в лучшем случае отрывочны. Завершения

его судьбы в архивах не зарегистрировано.

Также в архивах не осталось никакого упоминания о создании, известном как

Черубаэль.

Примечания

«Перечница» - разновидность пяти- или
шестизарядного револьвера, популярного в
Европе в конце VJJJ века.

Crucior Vult (лат.) - Жажгүщий Крови.

In servitute abduco (лат.) - и в рабство
уволя.

Ўаль - использующийся в европейской геральдике мифический зверь, с копытами и огромными закрученными рогами.

Пүгназеүт (дат.) - зал сражений.

Торакальный (от гат.) - грудной.

Ресусцитрекс (лат.) - жизнеобеспечение.

Нартециут (лат.) - цилиндрическая
коробочка для хирургических и
косметических инструментов.

Спинет - вид клавикордов,
распространенный в XVIII веке.

«Ribaude nappe» (фр) - «покров
бл҃г҃ницы».

Καῦκῦς (ζρεч.) - чаша.

Фальшон - кривая короткая сабля.

Трелл - раб в древней Скандинавии.

Хэллок - участок субтропического леса в болотистой местности.

Озрин - тифический великан-людоед.

...